

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07855874 3

INDEXED

ВѢСТНИКЪ

Е В Р О П Ы

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ XL. — ТОМЪ OXXXII. — 1/18 МАРТА, 1876.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ
ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ

ПЯТЬДЕСЯТЬ-ВОСЬМОЙ ТОМЪ

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

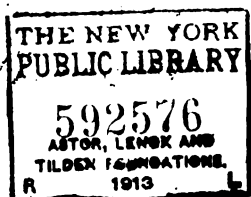
Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 2-я линія,
№ 7.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академ. переулочъ,
№ 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

54
141

A-E
5/81

ХВОРАЯ

ПОВѢСТЬ

XI *).

Старшина Григорій Ивановичъ, глубоко обиженный униженіемъ, которому подвергъ его посредникъ, обязавши ѣхать вмѣстѣ съ какою-то убогой бабой, одѣтой въ рубище, чувствовалъ это униженіе тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ мѣсту своего владычества — къ своей волости. Сначала онъ ѣхалъ мрачно и молчаливо, отворотясь въ сторону отъ Палаген, и стараясь забыть объ ея присутствіи; изрѣдка онъ невольно, съ озлобленіемъ, взглядывалъ на нее, но тотчасъ же отворачивался, какъ глаза ихъ встрѣчались и, выбрасывая ругательное слово, съ досадою плевалъ на дорогу. Безпрестанно ворочаясь въ телегѣ, онъ до того стѣснилъ бѣдную Палагею, что та едва держалась на своемъ мѣстѣ. Она инстинктивно чувствовала, какъ старшина недоволенъ ея со-бѣдствомъ, и сидѣла съѣжившись, опустила внизъ голову и испоса, робко, взглядывала на него. Ямщикъ тоже отъ времени до времени оборачивался на своихъ сѣдочковъ и втихомолку лукаво ухмылялся, трясъ головой и помахивая влудомъ.

Старшина призывалъ, минуя село и не заѣзжая въ правленіе, ѣхать прямо въ деревню Палаген.

— Вотъ вы тутъ ссоритесь да бранитесь, черти, — проговорилъ онъ наконецъ, полуобращаясь къ Палагѣй, — а начальство изъ-за васъ должно безповиниться. Чай, сама виновата, что прогнали изъ дома, а тоже жаловаться лѣзеть.

*) См. выше: февр., 441 стр.

— Вся моя вина, что больной человекъ, не цѣлomoжнoй, — отвѣчала Палагея: — больше никакой вины за собою не знаю.

— Ладно, вотъ ужo все разберу. Чай, свекровь-то слово, а ты — десять. Либо гнѣн непроворотная... Небось, за одну хворь не выгонять... Вотъ постои ужo, я все допрошу. Еще господина посредника вздумала беспокоить со своими пустяками... Вишь ты, сейчасъ и жаловаться побѣжала...

— Ужъ очень горько мнѣ, господинъ старшина: никто-то въ моей бѣдѣ не помощникъ, никто не заступникъ. Человекъ я темный: куда научать, туда и иду.

— Всѣхъ васъ будешь примать да слушать — съ ума сойдешь... Нѣтъ, вѣдь, васъ много, какъ всѣ поднимитесь: у васъ дѣлъ-то не оберешься... У васъ изъ-за каждаго горшка дѣло... Нѣтъ хуже бабы на свѣтѣ...

Они вѣзжали въ Сгорьево.

— Ну, которая изба-то твоя? показывай...

— Вотъ, за переулкомъ будетъ третья.

У Палагеи замерло сердце, захватило дыханіе. «Что-то будетъ? Что-то скажетъ свекровь? Что-то дѣти подблываютъ? Обрадуются ли мнѣ, али нѣтъ?» думала она.

Наступалъ уже вечеръ. Крестьяне возвращались съ поля домой, и деревня не была безлюдна, какъ бываетъ обыкновенно среди дня въ лѣтнее время. Колокольчикъ старшины, крѣпко подвизанный у дома посредника и отпущенный, какъ только лошади отъѣхали отъ этого дома на извѣстное разстояніе, звономъ своимъ привлекеъ вниманіе крестьянъ. Изъ оконъ, изъ воротъ, высывались любопытныя лица, и въ ту минуту, какъ телѣга старшины остановилась у избы Палагеи, на улицѣ уже толпился народъ, пока еще въ разсыпную, маленькими тучками по два, по три человека: всѣ смотрѣли съ недоумѣніемъ на грознаго старшину, самолично привезшаго прогнанную изъ дома Палашку. Палагея страдала и отъ страха предъ встрѣчей съ грозной свекровью, и отъ стыда передъ этою толпою любопытныхъ сосѣдей.

«Господи помилуй, до чего я дошла! — мелькало у нея въ головѣ. — Ока ужасъ, эта сраматушка, не приберешь Ты меня, Господи!»

Вотъ лошади остановились передъ ея избыю, вотъ изъ окна выткнуло плоское лицо Агафьи и тотчасъ же опять мгновенно скрылось; оконце захлопнулось; Палагея не успѣла даже разсмотрѣть выраженіе лица свекрови; но сердце ея облилось кровью и забилося еще скорѣе прежняго: она чувствовала и страхъ, и

люсть какую-то,—желаніе бѣжать куда глаза глядятъ, безъ оглядки, и готовность защищаться, даже напасть на врага.

— Эй ты, старуха... Кто въ окно-то выглядывалъ?—спросилъ старшина, слѣзая съ телеги.

— Свекровь,—проговорила Палагея дрожащимъ голосомъ.

— Эй, выдь сюда,—продолжалъ старшина, подходя къ окну.

Отвѣта изъ избы не было.

— Али не слышишь, чортова вочерга, выдь, говорятъ, сюда,—шопотомъ старшина и постучалъ въ окно; но никто не откликнулся.

Палагея, какъ одурѣлая, сидѣла неподвижно въ телегѣ.

— Ну, что сидишь, вылезай. Пойдемъ въ избу... Вышь ты, черт, не откликаются, ровно всѣ передохли въ избѣ-то... Постой, я вась расшевелю. Какъ мужа-то звать?..

— Пѣтра...

— Что, Петрушки-то дома нѣтъ, что-ли?—спросилъ онъ, обращаясь къ толпѣ, подошедшей уже къ телегѣ, но стоявшей еще краемъ.

— На полѣ онъ, господинъ старшина, — отозвался одинъ изъ мужиковъ.

— Позвать...

— Бѣги, ребята!—говорили мужчины, оборачиваясь одинъ къ другому.

Двое изъ толпы отдѣлились и стремглавъ побѣжали, стараясь опередить одинъ другого.

— А старосты отчего нѣтъ?

— Онъ тоже, знать, въ полѣ,—отвѣчалъ одинъ голосъ.

— За нимъ хозяйка побѣгла,—замѣтилъ другой.

— Кликнуть скорѣй,—командовалъ старшина.

— Бѣги, ребята! бѣги скорѣй! — вновь повторяли мужчины одинъ другому, и снова двое отдѣлились изъ толпы и побѣжали въ перегонку.

— Духота, чай, въ избѣ-то, мерзость... Постели мнѣ здѣсь что-нибудь, сяду...—приказывалъ старшина, не обращая ни къ кому исключительно и указывая пальцемъ на завалину.

Мгновенно два кафтана были сброшены съ плечъ и разостланы на завалинѣ.

— Палашку привезли, Григорій Ивановичъ, сами беспокоились...—заговорилъ заискивающимъ голосомъ одинъ изъ скинутыхъ кафтanz, блѣбрысый мужикъ съ туповатымъ лицомъ, который былъ извѣстенъ тѣмъ, что ежедневно билъ свою жену и менадь.

— Да вотъ они, черти, тутъ канителиятся, а начальство изъ-за

нихъ безпокойся... Поди-ка, кликни ко мнѣ старуху-то ея... Что она прачется? Вѣдь, все равно, вытребую... Скажи, что старшина, молъ, требуетъ: сейчасъ бы шла.

Бѣлобрысый мужикъ съ большой готовностью поспѣшилъ исполнить приказаніе старшины; но скоро воротился съ изумленнымъ и испуганнымъ лицомъ.

— Нейдетъ, Григорій Ивановичъ...

— Какъ нейдетъ... ко мнѣ-то нейдетъ, къ старшинѣ?.. Что она у васъ—съ придурью, что-ли?

— Нѣтъ, она у насъ степенная старуха, работающая... Ду-рости мы въ ней никакой не видали,—отозвались изъ толпы.

— Тамъ какъ же она къ начальству нейдетъ, къ старшинѣ своему?..

— И я тоже, Григорій Ивановичъ,—подтвердилъ бѣлобрысый мужикъ, — я говорю: баушка Агафья, что ты, въ умѣ ли? Вѣдь, самъ старшина тебя требуетъ, а она: что, говорить, мнѣ ванъ старшина, онъ про васъ, про мужиковъ, а не про бабъ... Нечего мнѣ съ нимъ разговаривать: вонъ онъ Палашку привезъ съ собой, пускай и назадъ съ собой увезетъ: мнѣ ни ее, ни его не надо... Вотъ только и сказала, и дверьми хлопнула мнѣ... Я такъ и обмеръ: батюшки мои, вотъ тебѣ разъ, вотъ старуха, ужъ старшину не уважаетъ... Куда ее теперь послѣдуютъ?.. батюшки мои!..

— Потому дура... Вотъ я ей сейчасъ покажу, какъ къ старшинѣ нейти... Охотой не пошла, силой приволокуть... Гдѣ староста-то?..

— Вотъ я здѣсь, Григорій Ивановичъ, — говоритъ запыхавшись, протискиваясь чрезъ толпу, черный, дюжій мужикъ, съ огромными руками и ногами, съ маленькими смѣющимися глазами, приземистый и широкоплечій, чрезвычайно похожій сзади на медвѣдя.

— Что у тебя тутъ, бабы бунтуютъ?..

— Какъ бабы, Григорій Ивановичъ: никакъ нѣтъ, — ухмыльнулся староста. — У насъ бабы тихія...

— Да какъ же: зову вотъ ея свекровь, а она нейдетъ, ослушается... Поди, притащи ее сюда. Не мнѣ же къ ней идти...

— Это какъ можно ослушаться, Григорій Ивановичъ... Сейчасъ приволоку.

Староста вошелъ въ избу Агафьи и чрезъ минуту въ ней слышались сначала брань, стукъ какой-то, потомъ истерическій визгъ; вслѣдъ затѣмъ изъ воротъ показался староста, тащившій за собою Агафью, которая упиралась, хваталась за стѣны

днем, бросалась на землю и страшно визжала. Староста тащилъ ее упорно и хладнокровно, какъ бы тащилъ упрямую корову за рога. Приволокши ее такимъ образомъ до старшины, староста ее оставилъ, а Агафья повалилась на землю и каталась у ногъ старшины съ визгомъ и ревомъ.

— Молчи, старая чертовка... Молчать!..—кричалъ старшина; но Агафья не унималась и визжала еще громче.

— Вотъ и разбирай съ ними дѣла... Ахъ вы, дьяволы-мучители... Да что она—порченная, что-ли?

— Никогда съ ней этого не бывало: работающая старуха, жила...—отозвались изъ толпы.

— Никולי не бывало; видно, теперь что подѣлалось,—говорили въ свою очередь бабы, протискиваясь впередъ и окружая Агафью.

— И-и-и... И-и-и...—визжала Агафья на всю деревню.

— Баушенька, баушенька, нишени... Чтой-то ты, чтой-то... Сотвори крестъ... Да прикройте ее, дѣвки... Спрысните ее... А-а баюшки... Хрестная сила... Изуди... Да воскреснетъ и расточится... Яво воскъ... На небеси и на земли... Аминь, аминь!..—раздавалось изъ толпы бабъ, окружившихъ Агафью и суевившихся вокругъ нея.

— Да чортъ съ ней... Богъ съ ней... оттащите вы ее, что-ли,—приказалъ озадаченный старшина.—Что подѣлаешь? Вотъ бы Филаретъ Ивановичъ посмотрѣлъ... Вотъ и суди... Ахъ ты, Боже мой милостивый... Вотъ напасть-то... Гдѣ Петрушка-то, ее мужъ?.. Пришелъ?..

— Я здѣсь,—отвѣтилъ Петръ, давно уже безучастно стоявшій въ толпѣ.

— Что-жъ ты неидешь?..

— Я пришелъ тотчасъ...

— Зачѣмъ ты жену прогналъ отъ себя?..

— Не я прогналъ, матушка...

— Зачѣмъ?

— Ея воля, родительская. Я не могу знать.

— Да развѣ ты не мужъ ей, уродъ... Развѣ не тебѣ съ ней жить-то? Дѣти, чай, у васъ есть?

— Какъ не быть: дѣти есть...

— Такъ какъ же вы мать-то отъ дѣтей прогнали... Вѣдь, она, чай, законная жена тебѣ: ты ее долженъ содержать... За что же вы прогнали-то ее?

— Это родительская воля: я при родительницѣ живу. Она, матушка, не захотѣла. По мнѣ пущай бы жила, ничего... А ма-

матушка говорить: не надо. Ну, и не надо. Мнѣ все единственно.

— Да за что прогнала-то? Грубила она, что-ли, ей, али не слушалась, не работала?..

— Стало быть, не потрафила... Какая отъ нея работа: она человѣкъ хворый; одна матушка убивается... Она только лежить...

— Такъ какъ же ты, братецъ, законную жену изъ дома, отъ дѣтей гонишь, да еще и брюкатуешь?..

— Матушка прогнала... Мнѣ противъ родительской заповѣди идти нельзя...

— Да ты матери повинуйся, а жену, особливо больную, ты долженъ кормить и содержать...

— Намъ и самимъ-то ѣсть нечего... кабы не матушка, и податей-то бы не справить, не то что ее кормить да содержать... Мы и то ее сколько лѣтъ даромъ кормили, а она на боку только лежала...

— Ну, такъ вотъ тебѣ сказъ: я, вотъ, тебѣ ее привезъ, изволь взять, и кормить, и соблюдать ее, какъ жену; а тиранить не смѣйте...

Старшина указалъ на Палагею, которая въ это время обнимала и цѣловала одного изъ своихъ дѣтей, воспользовавшагося отсутствіемъ бабушки и выползшаго вслѣдъ за нею за ворота. Она что-то шептала и приговаривала; слезы градомъ текли изъ ея глазъ.

— Видишь ты: вотъ она какъ убивается...

— Да, что говорить: какова ни есть, а все мать,—отговаривалъ кто-то изъ толпы со вздохомъ.

— Ну, такъ получай же, — продолжалъ старшина. — Возьми ее... Да чтобы дуростей я больше никакихъ не слыхалъ... Вотъ, все тебѣ сказано отъ меня... Помни же...

Старшина поднялся на ноги, считая свое дѣло оконченнымъ и намѣреваясь уѣхать. Видъ плачущей надъ своимъ дѣтищемъ Палагеи тронулъ его: ему вообразилось, что онъ совершилъ большой подвигъ примиренія цѣлой семьи, возвратилъ дѣтямъ мать и мужу жену.

— Ты что же стоишь, несообразный ты человѣкъ, — обратился онъ къ Петру, который стоялъ передъ нимъ неподвижно съ нерѣшительнымъ видомъ, посматривая въ ту сторону, гдѣ была его мать:—тебѣ бы, вѣдь, слѣдовало хоть поблжниться начальству-то, да поблагодарить, что вотъ безповолился самъ, привезъ къ тебѣ жену, да соглашалъ васъ, мирилъ, уговаривалъ... Вѣдь, еслибы я тебя прямо на волостной судъ, такъ тамъ бы, пожалуй, за такое дѣло ведромъ не отдѣлался бы... Эхъ вы, мечтательные...

— Да ужъ, Григорій Ивановичъ, нынѣе начальство объ насъ... ужъ нечего сказать, дай Богъ здоровья... отцы объ дѣтяхъ какъ не стараются, какъ вы объ насъ...—подольстился одинъ мужикъ.

— Клянися, дуракъ, что-ли, благодарн... — поталкивалъ Петра староста.

— Да мнѣ его поклоновъ не нужно, мнѣ они все равно что наплевать... А вотъ, приметъ онъ жену въ домъ какъ слѣдуетъ, будетъ съ ней жить въ мирѣ да въ согласіи, вотъ тогда и насъ добромъ помянетъ, что какъ о немъ, дуракѣ, начальство заботилось...

— А я, Григорій Ивановичъ, самоварчикъ припасъ... Помалуйте, съ дорожки-то...—говорилъ староста.

— Ничего, можно, пожалуй...—Ну, веди же жену въ избу, чтобы я самъ видѣлъ,—обратился старшина къ Петру.

— Ну, ужъ нѣтъ, ужъ не приму, не пущу...—вдругъ, выскоча изъ толпы, закричала Агафья, которая давно уже перестала вникать и молча прислушивалась къ разговору старшины съ сыномъ.—Либо я, либо она... А не послушаетъ сынъ, прыгну и изъ дома уйду: пущай съ голоду пропадаетъ и съ ребятишками, и съ лежебокой своей...

— Да, что ты, бѣшеная, что-ли, и самъ-дѣлѣ, старшій чертъ? Что ты, не понимаешь, что ли, кто тебѣ приказываетъ?.. Вѣдь я приказываю, старшина, начальство твоё... не кто другой?..

— Да мнѣ кто хочетъ приказывать... а въ своемъ дому я сама большая... Не кто меня поить-кормить, не начальство,—сама, своимъ горбомъ добываю... Нечего мнѣ приказывать... Ты кони расказни меня, а я про нее работать не стану. Нѣтъ, ужъ сита, довольна... Пущай она по чужимъ домамъ, на боку-то лежа, проныкиваетъ, а намъ ее кормить нечѣмъ...

— Молчать!..—заревѣлъ старшина.—Какъ ты смѣешь со мною разговаривать?.. ты знаешь ли, кто велѣлъ ее сюда привести и съ мужемъ соединить?.. Самъ баринъ, Филаретъ Ивановичъ, приказалъ, дура ты этакая...

— Не знаю я никакого твоего барина, нечего меня баринить-то страдать... Всякъ въ своемъ дому господинъ... А коли твой баринъ больно жалосливъ къ ней, такъ и пущай возьметъ къ себѣ, и ублажаетъ, намъ не жалко...

— Старая вѣдьма,—да, вѣдь, я тебя подъ арестъ возьму за такіе слова... вѣдь, я тебя въ острогъ сгною...

— Сажай... Умирать-то все равно, когда-нибудь да надо же... А что они безъ меня-то дѣлать будутъ? съ голоду вѣдь по-

ирутъ... Възъ меня-то ея же ребятишки пропадутъ... Она, что-ли, ихъ провормить?.. Ахъ ты, старій человѣкъ, что ты въ чужое дѣло путаешься... Ну, неужто бы мы стали гнать бабу, кабы она намъ надобна была, кабы она въ своемъ дому работница, дѣтми мамъ. Вѣдь, горе гонить, вѣдь ѣсть нечего, работниковъ-то въ дому только я да сынъ, а то все мелюзга, она же наносила, да и еще принесетъ, да и сама лишній ротъ... А помочи-то отъ нея нѣтъ, ее же корми... Ты вотъ что подумай. Вотъ, коли вы начальство, жалѣете ее, такъ, взяли бы, положили ей что на проворміе: ну, такъ, пожалуй, живи у насъ, лежи на печи, не жалко мѣста-то, не пролежить... А то она прокуратитъ, нарочно хворъ на себя наидываетъ, чтобы лежать, не работать... Нѣтъ, вотъ захотѣла, такъ вонъ куда сбѣгала, тебя нашла, и барина отыскала, и жалобу принесла... А вы вотъ такъ ее и послушали: взяли да и привезли на чужіе-то хлѣба... Эка невидаль... Еще говорить парню: благодари, говорить, меня за эку добродѣтель... А мнѣ вотъ не надо ее, и не надо...

— Ну, слушай, довольно я терпѣлъ... Самъ Филаретъ Ивановичъ приказалъ: я вотъ ее привезъ и оставляю... И если ты только...

— И не оставляй, не доводи до грѣха... Ужъ если я ее прежде того выгонила, такъ теперь, когда она мнѣ срамоту такую сдѣлала, что меня при всемъ мірѣ изъ моей избы силой на улицу выволокли, ровно глумную какую... такъ ужъ либо мнѣ, либо ей... Вотъ тебѣ, сынонь, мое заклѣтье: будь ты анаеема проклять, коли ты ее за порогъ пустишь... Вотъ, при всемъ мірѣ сказала... Вотъ, что теперь хотите, то и дѣлайте...

Съ этими словами Агафья направилась къ себѣ въ избу.

— А ты брось ребенка, аспидъ, брось...—закричала она изъ Палагею,—а то и его съ тобой выгоню: оба съ голоду издохнете.. Палагея вздрогнула, но еще крѣпче обняла двухлѣтняго черномазаго сынишку, который прижимался къ ней.

— Постой же ты, пострѣлъ: я те дамъ... Вылѣзъ, какъ вылѣзъ...

Агафья ушла въ свою избу.

— Тыфу ты, окаянная...—проговорилъ озадаченный старшина.—Вотъ бабы-то: толкуй съ ними... Ну, что, общество, какъ вы разсудите?..—обратился онъ къ окружающимъ мужикамъ.

Мужики замаялись и попятились.

— Какъ тутъ разсудить, Григорій Ивановичъ... Дѣло ваше..—отозвался одинъ.

— Да нѣтъ, какъ по-вашему?

— Да какъ по-манену?.. Дѣло нхнее... съ бабами что подѣлаешь.

— Съ бабами ничего не подѣлаешь: такой народъ... — подтвердилъ другой.—Ты ей овой резонъ говоришь, а она свой...

— Взять да втолкнуть въ избу, — рѣшилъ староста, — вотъ и все...

— Ну, что ты ее втолкнешь?.. Ты ее втокнулъ, а ушелъ — она ее опять выгонить...

— Да, до бѣды, братцы, тутъ: какъ можно...

— Силой тутъ нельзя, ничего не подѣлаешь...

— Что же, Петрушка, ты такъ и ослушаешься приказаніи начальства: не возьмешь жены?..

— Да, вѣдь, какъ мнѣ ее взять-то? Сами слышали... Опять же, она моя родительница, я при ней, в домъ ея, и все обзаведеніе ея... Она и меня, и ребятишекъ, обшиваетъ и обуваетъ... Мнѣ безъ матушки никакъ невозможно...

— Какъ же, дуракъ, вѣдь и она жена тебѣ...

— Вѣстимо, что жена... Что же мнѣ? Я не противникъ, да ничего не подѣлаешь...

— Что же, Петръ Ивановичъ, ты хошь бы ужъ убилъ меня, что-ли, однимъ разомъ, — откликнулась наконецъ Палагея, безмолвно ожидавшая рѣшенія своей участи. — По-крайности, самъ бы себя ослобонилъ, на другой бы женился... А то, что я теперь: ни жена, ни вдова... Куда я дѣнусь?..

— Что мнѣ тебя убивать: я не желаю этого... я не убивать какой...

— Ну, нечего мнѣ съ вами дѣлать... — заговорилъ старшина. На волостной судъ васъ всѣхъ... Пускай разсудятъ... Староста, — въ это воскресенье веди всѣхъ въ правленіе, судъ будетъ: и старуху приведи, и Петрушку, и ее... Чортъ васъ дери, измучили вы меня совсѣмъ... Ничего не сообразилъ съ вами...

— Григорій Ивановичъ, чайку... — предложилъ староста.

— Пойдемъ... Пропaday они всѣ, измучили...

— Какъ не измучить... Знамо, съ ними измучишься... Вотъ сюда, Григорій Ивановичъ...

— Куда же мнѣ-то дѣться? — остановила старшину Палагея.

— Ахъ ты, Создатель милостивый... Вотъ напасть... Дай хоть дуть-то перевести, хоть глотку-то промочить...

— Ужъ и ты, Палагея... Эхъ... Что больно ужъ такъ очень... — укоризненно замѣтилъ староста. — Ну, погоди маненько.. Попробуй куда-нибудь, переночуй, а тамъ видно будетъ... Ужъ

такъ, знику не дашь, хоть бы и Григорію Ивановичу... А ты поманеньку, не больно... Пожалуйте, Григорій Ивановичъ...

— Какъ есть сыныи бѣсовѣстныя!—замѣтилъ съ своей стороны старшина, и скрылся въ избѣ старосты.

ХІІ.

Вслѣдъ за старшиной, народъ сталъ расходиться съ улицы по домамъ; Петръ Ивановъ, не взглянувши даже на Палагею, взявъ ребенка, который былъ возлѣ нея, и увелъ съ собою въ избу. Палагея осталась на улицѣ одна.

«Что же теперь будетъ? Куда дѣться, гдѣ голову приклонить? Буду здѣсь сидѣть да дожидать: чтѣ хочетъ старшина, то и дѣлаеть со мной».

Палагея опустилась на землю возлѣ старостиной избы. Она чувствовала страшную усталость, все тѣло у нея ныло; она вспомнила, что съ ранняго утра, какъ вышла отъ сестры, ничего не ѣла, но и теперь она не хотѣла ѣсть, а только чувствовала тоску и слабость; голова вкружилась и мысли въ головѣ путались. Ей сначала чудился то голосъ свекрови, то плачь ребенка, то звонъ колокольчика, потомъ холодный потъ выступилъ по всему тѣлу—и Палагея больше ничего не помнила: съ нею сдѣлался обморокъ.

Къ старостиной избѣ, въ которой угощался старшина, подѣхалъ его ямщикъ. Уже почти совсѣмъ стемнѣло, но онъ разсматривалъ лежащую возлѣ избы женщину и узналъ въ ней свою пассажирку.

— Али соснула?.. Съ нами, что-ли, поѣдешь опять?—спросилъ онъ, соскакивая съ козелъ и намѣреваясь идти въ избу старосты. Отвѣта не было.

— Слѣшь ты, баба, спишь, что ли?—повторилъ онъ вопросъ, трогая Палагею концомъ кнута. Та не пошевелилась.

Ямщикъ заглянулъ ей въ лицо и отскочилъ съ испугомъ: Палагея лежала блѣдная какъ полотно, безъ малѣйшаго движенія; казалось, даже не дышала. Иванъ вбѣжалъ въ избу старосты въ ту минуту, какъ старшина только что приложилъ губы къ стакану вина, который староста поднесъ ему передъ третьей чашкой чаю.

— Григорій Ивановичъ, у насъ нездорово, — закричалъ онъ неожиданно й такимъ испуганнымъ голосомъ, что старшина вздрогнулъ, поперхнулся и расплескалъ водку изъ стакана.

- Что ты, бѣшеный, нанутаешь?.. Чѣмъ подѣлалось?..
- Да баба-то, кажись... не померла ли ужь... лежить...
- Какая баба?..
- А та, давешняя-то... кою везли...

Старшина вскочилъ.

- Гдѣ она?..

— А вотъ, здѣсь подъ окнами лежить... бѣлая, ровно смерть...
страсть!..

Старшина со старостой высочили на улицу. Палагея лежала недвижно. Староста робко подошелъ и наклонился надъ нею.

- Что?—спросилъ старшина, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Кажись, того... — отвѣчалъ староста... — Не хорошо, ровно...

— Ахъ ты, Создатель милостивый... Вотъ бѣды-то... Кричи, зови народъ-то скорѣй...

— И у избы-то, у моей, ее угораздило... В-вотъ... — говоря расстраивавшійся староста, хлопая руками по бедрамъ.

— Сбѣгай, говорятъ, народъ... Ванюшка, бѣги по избамъ, стучи по окнамъ, зови народу... Вотъ, теперь хлопочи, отвѣчай... При самѣхъ... Самъ старшина былъ... Ахъ ты, Боже ты мой...

Не прошло и минуты, какъ изъ всѣхъ сосѣднихъ избъ высыпалъ народъ и окружилъ безчувственную Палагею. Всѣ толпились въ некоторомъ разстояніи отъ нея, ахали, охали, разводили руками, но никто не подходилъ близко. Растерявшіеся старшина и староста еуетились, кричали безъ толка, что-то приказывали, никто ихъ не слушалъ. Одна старуха только рѣшилась подойти и дотронуться до Палагеи. Эта была Арина.

— Постоите-ка, нишкните, экъ разгалдѣлись: она, кажись, еще жива; вона, и сердце бьется,—сказала она. — Вотъ лучше бы свѣтку дали.

Нѣсколько человѣкъ бросились за огнемъ, остальные придвинулись поближе.

— Да воды бы принесли: я бы ее спрыснула: можетъ это такъ только... обмерла.

Принесли огня и ковшъ воды. Арина вспрыснула Палагею: та ведрогнула.

— Ну, вотъ, такъ и есть... жива... Надо ее въ избу.

— Въ избу, въ избу,—подтвердилъ старшина.—Возьмите-ка ее, поднимите.

— Куда нести-то, къ кому?

— Знамо, къ старостѣ: у его избы... Къ кому больше... — откликнулся кто-то изъ толпы.

— Почто ко мнѣ? Вишь ты, проворенъ больно,—огрызнулся староста.—Еще, того смотри,—помреть...

— Такъ кому нужно... Ты староста, у твоей избы случилось...

— Такъ что, что у моей... У нея своя изба есть, мужъ у ней есть... Къ нему и понесемъ... Пушай онъ вотъ теперь... какъ знаетъ...

— Знамо въ свою... Пушай Агафья-то... Живую-то умѣла выгонять, вотъ теперь пушай...

— Въ свою, въ свою, — подтвердилъ и старшина. — Поднимай, неси... Гдѣ она, Агафья-то... Гдѣ Петрушка-то?.. Вишь ты, слышали, чай, и нейдутъ...

— Они и не пустятъ, пожалуй...

— Какъ не пустятъ!.. Посмотрю я, — сказалъ старшина.

— Какъ теперь можно не пустить, — подтвердилъ староста. — Буда же ее?.. Теперь жива, а можетъ и умереть... Кому нужно... Теперь не съ живой распоряжаться-то... Принесемъ да положимъ, а тамъ какъ хотятъ: ихъ отвѣтъ...

— Ну, поднимай же да неси, — приказывалъ старшина.

Петръ, вызываемый вмѣстѣ съ другими мужиками, выскочилъ на улицу, но услыша, что выкликали народъ по случаю скоропостижной смерти Палагеи, не подошелъ близко, а только посмотрѣлъ и послушалъ издали, притаившись за угломъ избы; потомъ побѣжалъ къ матери.

— Матушка, Палашка наша побывшилась, — съ невольнымъ трепетомъ сообщилъ онъ матери. Онъ не чувствовалъ ни горни жалости, но страшно перетрусилъ чего-то.

Агафья тоже вздрогнула, несмотря на весь свой стоицизмъ, нѣсколько мгновеній не могла произнести ни слова и стояла какъ ошеломленная.

— Да правда ли? — проговорила она, наконецъ.

— Истинно правда: самъ видѣлъ, лежитъ...

— Да съ чего это? Когда?

— Въ одночасье, вдругъ...

Агафья перекрестилась и что-то прошептала. Смотря на нѣ перекрестился и Петръ. Оба они стояли другъ передъ другомъ очевидно, не зная что дѣлать, стараясь сообразить, что изъ всего выйдетъ.

— Вотъ, скажутъ, отъ насъ извелась, — сказалъ Петръ.

— Пожалуй, говори... Пять лѣтъ сохла, всё знаютъ... Старшина-то тутъ, али уѣхалъ?

— Тутъ... Кричитъ...

— Что же они хотятъ дѣлать-то?

— Не знаю; я побѣгъ къ тебѣ, сказать... Я ничто боюсь: не было бы чего...

— Чему быть-то, — нетвердымъ голосомъ проговорила Агафья. — Мы ни въ чемъ не причинны, Божья на то власть...

— Погодь, я вотъ платъ бѣлый на голову надѣну, — сказала она, подумавъ: — да пойдёмъ туда, тоже не чужая была... И пойдёмъ-то надъ ней некому...

Агафья и Петръ, выйдя изъ избы, увидѣли идущую къ нимъ на встрѣчу процессію: впереди шель староста съ фонаремъ въ рукахъ, за нимъ нѣскольکو мужиковъ и бабъ несли Палагею; сзади шель старшина.

— Къ намъ, видно, несутъ, — проговорила Агафья. — Пётра, отворяй скорѣй ворота: мы не супостаты какіе, чтобы и покойнику-то въ домъ не пустить; пускай этого люди не думаютъ...

И Агафья ускорила шаги на встрѣчу процессіи.

— Матушка ты наша, голубушка, горемычная твоя головушка, — начала причитать Агафья, подходя къ толпѣ. — Ушла ты изъ своего дома на своихъ ногахъ, ворочаешься на чужихъ рукахъ... Покинула ты своихъ малыхъ дѣтушекъ, своего друга милаго, меня, старуху, обездолила, безъ помощи оставила... Ужъ и гдѣ мнѣ, старухѣ, поправиться, безъ тебя въ дому управиться, со дѣтками со малыми, со дружкоймъ твоимъ удаленьемъ... Ровно ты красно солнышко закатилось за тучку, за черную, середь дня было, неожиданно-негаданно... И что тебѣ это сдумалось, на юго ты насъ покинула... Никому ты не приказывала, никому не наказывала, какъ намъ жить безъ тебя, какъ дѣтокъ учить, какъ домъ управлять...

Всѣ сопровождавшіе Палагею понимали, что причитанья Агафьи неискренни, что она если не радуется, то и не огорчается смертью Палагеи; большинство знало, что Палагея еще не совсѣмъ умерла, а только въ обморокѣ, но никто не прерывалъ этихъ причитаній, уважая обычай и прислушиваясь къ нимъ какъ къ музыкѣ; покушался-было оборвать ихъ старшина, сказавши, что рано старуха завыва: можетъ, больная еще и оживетъ, но остановился, подумавъ: «повой, повой теперь, старая, за то ужъ я же тебя послѣ, погоди... до полуночи изъ-за вась, чертей, здѣсь ломаюсь, путемъ и не поѣлъ сегодня, и чаю не для напиться: даже животь перехватило».

Вдругъ, около самой уже избы Агафьи, причитанья ея прервались на полусловѣ: идя около самой Палагеи, она услышала, какъ та простонала. Вмѣстѣ съ этимъ стономъ Палагея

пришла въ себя и не понимая, что съ ней дѣлается, испуганно вздрогнула всѣмъ тѣломъ и дико вскрикнула. Толпа остановилась, а несшіе Палагею почти бросили ее на землю, и отскочили въ сторону: поддерживала ее и осталась возлѣ нея одна Арина. Палагея приподнялась съ ея помощью и сѣла, но подняться на ноги была не въ силахъ: она дико смотрѣла вокругъ себя, почти никого не узнавая. Агафья стояла въ сторонѣ, вѣпившись въ рукавъ Петра, и подъ вліяніемъ неожиданности вся дрожала и ничего не могла сообразить...

— Ай... Охъ... Что вы... Куда меня?..—едва слышно шептала Палагея, озираясь.

— Дайте-ка воды, дайте: она изопьетъ...—говорила Арина.— Это мы, Палагеюшка, это мы. Это вотъ я, Арина, не бойся, ничего, мы ничего тебѣ... Головушка у тебя закружилась, такъ мы вотъ тебя несли... На-ка, испей, испей-ка воды... Вотъ...

Палагея выпила нѣсколько глотковъ.

— Въ тепло ее нужно... Уложить да укутать... — распоряжалась Арина.— Привстанешь ли, Палаша, въ избу-то дойти... Дай-ка я приподыму тебя... Ну-ка,хвати меня за шею-то... Вотъ такъ... Ну-ка, понудься, поднимись.

Палагея, какъ малый ребенокъ, ухватила за Арину и покорно исполняла всѣ ея приказанія. Съ трудомъ она поднялась на ноги и, еле-передвигая ихъ, пошла, держась за Арину. Нашлось немало усердныхъ женскихъ рукъ, которыя попридержали ее съ другой стороны и сзади. Такимъ образомъ, Палагея была почти внесена на свой дворъ и въ свою избу. Никто не обратилъ вниманія на Агафью и Петра, которые остались одни, за воротами своего дома. Вся толпа, сопровождавшая Палагею, вломилась вслѣдъ за нею въ избу, любопытствуя посмотреть, что тамъ дальше будетъ.

Въ избѣ Палагею стали укладывать на лавку. Топотъ множества ногъ и говоръ разбудилъ ребятшекъ, спавшихъ на своемъ обычномъ мѣстѣ — въ углу, возлѣ теленка; они испугались и заревѣли. Васька, выскочившій на улицу вслѣдъ за бабушкой и отцомъ, присоединился къ толпѣ любопытныхъ и вмѣстѣ съ нею вошелъ въ избу, не подходя къ матери, но забѣгая впередъ и слѣдя за всѣмъ, что съ нею дѣлалъ; крикъ испуганныхъ братьевъ испугалъ и его: онъ оглядѣлся кругомъ, и, не видя своихъ защитниковъ, отца и бабушки, струсилъ окончательно и, спрятавшись въ уголъ, тоже захныкалъ. Палагею плачь дѣтей привелъ въ полное сознаніе: она узнала свою избу, поняла, что ее воротили домой, что за ней ухаживаютъ, желаютъ ее

успокоить. Она стала искать глазами свекровь и мужа и удивлялась, что их нѣтъ тутъ.

«Неужто они ушли совсѣмъ, не захотѣли быть съ ней въ избѣ, куда ее ввели насильно и бросили ее одну съ дѣтьми?» — такіе вопросы задавала она себѣ, не рѣшаясь еще спросить вслухъ.

— Не хощь ли чего? Ты бы поѣла, хощь черезъ силу... — говорила ей Арина, укутывая ее. — Ты ѣла ли сегодня что?..

— Бажись, нѣтъ... — отвѣчала Палагея... — Да я не хочу...

— А не ѣла, такъ поѣшь, хощь и не хочешь... Оттого и это... Ты слабъ человѣкъ, да и отошала...

— Значить, совсѣмъ ожила? — спросилъ старшина.

— А вотъ поѣсть бы ей чего, такъ Богъ милостивъ... Нѣтъ ли чего?.. Да гдѣ Дмитревна-то?..

— Да гдѣ же ховяева-то? — спросилъ и старшина. — Я вотъ съ ними теперь поговорю, да мнѣ и ѣхать... Гдѣ-жъ старуха-то? и Петрушки нѣтъ?..

Всѣ присутствующіе переглянулись между собою съ изумленіемъ.

— А еще была, старая вочерга... Вишь ты, ехидная... По-годи-жъ ты... Разыщите ихъ, позовите сюда... — приказалъ старшина.

Бросились вонъ изъ избы и встрѣтили Агафью и Петра на дворѣ, идущими въ избу.

Оставшись одни на улицѣ, Агафья и Петръ стояли какъ одурѣлые. Первая пришла въ себя старуха.

— А ну, какъ она нарочно прикинулась? — проговорила Агафья, и сердце у нея замерло отъ злобы.

— Полно, матушка, — возразилъ Петръ, но не съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Право, прикинулась, чтобы, вотъ не пускаютъ, такъ люди насильно внесли, словно мертвую... Право, отъ самой не станется: Семлетейка научить...

— Чего добраго... Можетъ, и самъ-дѣлѣ...

— Больно ужъ скоро нечто ожила-то... И что это вдругъ такъ: то все стояла, ждала — не напугаетъ ли меня старшина, ребенка на рукахъ держала, а тутъ вдругъ взяла да и на-вотъ: хвоннулася... умерла, молъ... Съ чего такъ вдругъ?.. Нѣтъ, вѣрно, прикинулась...

— Пожалуй, что и такъ... Съ чего и есть такъ, вдругъ: то умерла, то опять ожила...

— Ну, да ужъ и меня этимъ не возьмешь... Погоди, баба...

Не на таковскую напала... Вотъ и вся-то хворь ея этакая... Постой, зелье... Не все начальники за твоимъ хвостомъ ходить будутъ... Что стоять-то, пойдемъ... Подумають еще, что мы своей избы рѣшаемся изъ-за-нея...

Послѣ этого разговора, ихъ встрѣтили посланные за ними старшиною.

— А мы васъ ищемъ, ищемъ... Старшина, Григорій Ивановичъ, васъ требуетъ...

— Чего насъ искать-то: мы дома, на своемъ дворѣ, не на чужомъ... — огрызлась Агафья... — Не всѣмъ прокуратить, кому-нибудь надо и скотину присмотрѣть.

Войдя въ избу, Агафья тотчасъ же замѣтила Палагею, которая, сидя на лавкѣ, жевала хлѣбъ, отысканный на полицѣ. Она метнула свирѣпый взглядъ на большую и, не говоря ни слова, не обращая ни на кого вниманія, прошла черезъ всю избу и сѣла въ темный уголъ, на лавку. Петръ сталъ около печки.

— Гдѣ была, куда пряталась?.. Дай-ка, я поговорю съ тобою теперь... — угрожающимъ тономъ заговорилъ старшина, обращаясь къ Агафѣ.

— Чего мнѣ прятаться? Я, кажись, въ своемъ дому, не въ чужомъ... — злобно отвѣтила она.

— Ты у меня не огрызайся, погоди... Что вотъ ты съ бабой-то сдѣлала?... Я теперь вижу. Ты, вѣдь, ее уморила, совсѣмъ, жизнь ея прекратить хотѣла... Вѣдь, за это тебѣ каторги мало... Не будь ты старый хрѣнь, вѣдь, я бы тебя выпоротъ; а Петрушку выпорю, да еще въ темную посажу, чтобы зналъ, какъ живую жену изъ дома гнать, да еще на сносѣ... Изъ-за васъ, чертей, я сегодня цѣлый день не пимши, не ѣмши, а у меня дѣла стоять... Я вамъ дамъ начальство безпокоить... Хотѣлъ-было на волостной судъ, да не надо, нечего и канителиться... Самъ могу разыскать... Безпремѣнно выстегаю... А тебѣ, старой, сидѣть въ темной...

— Помилуйте, Григорій Ивановичъ, я ни въ чемъ непричиненъ... — выступилъ Петръ и сталъ передъ старшиною на колѣни...

— Не надо мнѣ этого, Григорій Ивановичъ, не трожьте ихъ, — съ усиленіемъ выговорила Палагея. — За что же? Вѣдь, меня же приняли...

— Такъ ты что думаешь, — вскочила вдругъ Агафья, бросаясь къ Палагѣ: — ты думаешь, что ты добрыхъ людей надула, прикинулась, такъ и я тебѣ повѣрила, я держалъ тебя стану, да опять на тебя служить да работать?.. Нѣтъ еще, врешь, не стану. Пуцай онъ Петрушку выпоротъ, коли больно ты имъ мила, пу-

щай меня въ темную сажаетъ, а ужъ тебѣ же у насъ не жить... Вѣдь, когда-нибудь выпустить же, не вѣкъ будетъ въ темной держать... Развѣ ужъ издохну тамъ, ну, твое счастье, живи, умори съ голоду ребятнишекъ своихъ, пусти мужа-то съ кошелемъ... А жива буду, опять выгоню: вотъ, при всемъ честномъ міру го-ворю, и при ихней милости...

— Молчать... — закричалъ старшина.

— Не стану молчать... Ужъ коли изъ-за нея мужа за поч-теніе къ матери стегать стануть, коли меня, старуху, изъ-за нея сажать будутъ, такъ можно ли намъ жить вмѣстѣ: посудите, добрые люди... И вамъ, господа начальство, потавать ей стыдно: ни изъ кожи лѣземъ, работаемъ, ея же дѣтей сподобляемъ, а она лѣжкой лежитъ, пальцемъ о палецъ не ударить, а то бѣгаетъ куда-то, можетъ, по любовникамъ; больна, больна, а ре-бятъ родить; а вы изъ-за нея насъ тиранить хотите, такъ это не законъ... Я на какой хонь судъ пойду, на своемъ стоять стану... Меня не испугаешь... Ты что же волостнымъ-то судомъ пугаешь, а теперь на попятный, своимъ судомъ хочешь судить... А я не хочу, я хочу на волостной... Пущай меня не то что нашъ міръ, а кто хочетъ судить... Я все одно скажу: не буду съ ней жить, и не буду... Мой домъ, а я въ немъ — вотъ!.. чтó хонь, то и дѣлай.

— Тѣфу вамъ, окаянныя, — вскричалъ вышедшій изъ себя старшина. — Ну васъ къ чорту, и самъ-дѣлѣ... Вы меня съ пахвей сбили... Слушай: Палашку я тебѣ отдалъ, чтобы тутъ она и жила... Вотъ, староста, слынишь... А выгонишь опять, старуха... Смотри, худо будетъ: отвѣтишь... У-ухъ...

— Пускай насъ міръ разсудить... Десятки не разсудятъ, пус-сай сотни судятъ, а я на своемъ стоять буду...

— Отстань, не говори... Не безпокой меня... Староста, vedi ихъ въ воскресенье всѣхъ на волость... Я судъ соберу... Иamu-чили вы меня, проклятые... Клики мнѣ лошадей посворѣ... Ухъ ты, Боже мой милостивый!.. Вотъ наша должность!.. Не гово-рите мнѣ больше ничего... Топнѣхонько...

Старшина быстро вышелъ изъ избы, сѣлъ на свою тележку и уѣхалъ, выругавши на прощанье и Палагею, и Агафью, и всю деревню.

XIII.

Съ отъѣздомъ старшины народъ не расходился изъ избы Агафьи: толпа стояла молча и какъ-бы ожидала продолженія зрѣлища, которое очень ее интересовало. Агафья мрачно сидѣла въ углу избы, Петръ не оставлялъ своего мѣста у печки; возлѣ Палагеи была одна только Арина.

Послѣ только-что минувшей шумной сцены всѣ молчали, тѣнистая въ избѣ стояла мертвая, точно и актеры, и зрители утомились и отдыхали. Палагея лежала не то въ бреду, не то во снѣ: глаза были закрыты, губы шевелились, но безъ звука, по лицу пробѣгала судорога, на щекѣ остановилась и медленно спатилась слеза. Арина, взглядывая на нее, только вздыхала и молча покачивала головой.

Проводя старшину, въ избу взошелъ староста.

— Ну, Митревна, значить, ты теперь не замай Палашку, а въ воскресенье въ волость: волость пуцай васъ и разсудить... сказалъ онъ.

— А насъ-то что, вонъ, что-ли, изъ избы-то выгоните: ее одну бариться оставите?.. Намъ, видно, и мѣста въ своей избѣ не будетъ?

— Кто тебя гонить: ты въ своемъ дому живешь, только чтобы вотъ на счетъ Палашки, чтобы до суда ее не замать, потому такъ и Григорій Ивановичъ навѣрно наказывалъ...

— Доживетъ ли еще она до суда-то, — отозвалась Арина.

— А что, или плоха?..

— Посмотри самъ.

Арина указала на Палагею, которая лежала навзничъ безъ движенія, безъ всякихъ признаковъ жизни, кромѣ едва замѣтнаго дыханія. Худое, мертвенно-блѣдное лицо ея, со впалыми щеками, съ ввалившимися закрытыми глазами, съ посинѣвшими губами — было страшно...

— Ее бы не то, что въ судъ, а за попомъ нужно послать... — сказала Арина.

— Что, али по давшнему опять прикинулась? — злобно замѣтила Агафья.

— Это не переказъ, Митревна, подойди, да посмотри... Есть ли въ тебѣ Богъ-отъ?... Въ чемъ душа, безъ движенія... Ты бы, староста, хошь бы отъ міра подводу нарядить да послать за батюшкой: того смотри, умреть человекъ безъ покаянія...

— Да, да, за попомъ, безпрѣмѣнно за попомъ послать... согласился староста.

— Больно ужъ ты, Сергѣевна, мутить нечто стала—возвращаю Агафью: — мы сами тоже не душегубцы, ни убийцы, тоже крестъ носимъ; давно бы сказала путемъ, такъ и Пѣтра самъ съѣздить за батюшкой, хоть и пахали сегодня... а не то, что на такое дѣло подводу отъ міра посылать... Пѣтра, гдѣ у те юнадь-то?

— На дворѣ...

— Такъ покорми ее, да прибирайся: за батюшкой съѣзди...

— Чего на ночь глядя ѣхать?... Онъ не поѣдетъ въ ночь...

— Ну, подъ утро съѣздишь...

— Знамо, ужъ подъ утро, коли...

— А теперь бы вы, мѣръ честной, хоть уснуть-то намъ дали: тоже, вѣдь, работали день-то, пристали... У меня, не какъ у людей, работниковъ-то всего одинъ, а ртовъ-то шестеро...

Арина поняла, что намѣкъ былъ брошенъ на-счетъ ея и ея многочисленнаго семейства, быстро встала и, не взглянувши даже на Агафью, вышла изъ ея избы. За нею стали выходить и всѣ прочіе зрители. Изба Агафьи опустѣла; въ ней остались одни только хозяева. Петръ тотчасъ же полѣзъ на полати и легъ на нихъ, не взглянувши даже на жену: сонъ давно уже клонилъ его, и черезъ минуту онъ храпѣлъ. Агафья прибиралась въ избѣ, вслѣдствіе посматривая на Палагею. Та лежала неподвижно, блѣдная какъ полотно.

«Прикинулась, али вправду умираетъ?» — задавала себѣ Агафья вопросъ. «Даве-то, даве-то я жить начала, ровно по мертвой: вотъ, чай, языки-то точатъ теперь про меня... Наказаніе мнѣ Господь послалъ эту Палашку... Ну, да коли къ смерти дѣло... Богъ съ ней... я не душегубка, и самъ-дѣлѣ... Ужъ потерплю: Богъ терпѣлъ и намъ велѣлъ... А коли она все это напускаетъ только, чтобы люди ее жалѣли да меня осуждали?... Али опять дѣлше годы станетъ валяться, а мы ее корми... да еще ребенка принесетъ... новый ротъ... По рубашкѣ—пять рубашекъ... хлѣба двумя пудами на недѣлю не отдѣлаешься: маленькія-то жрутъ больше больныя... А гдѣ онъ, хлѣбъ-отъ?... своего-то до Рождества не станетъ... Опять же: самому лапти, мнѣ лапти, и кафтанъ, и полушубокъ нужно... Корма не станетъ—прикупи... А недани-то, а полушно?... и дровишекъ-то нонѣ купи... На все денешки, а гдѣ ихъ взять. Добышники-то одинъ, мнѣ-то около дома дѣла по горло... Кабы баба-то у меня была путешавая—и потѣла бы, и попряла, и на полѣ подсобила, и Пѣтра бы зи-

мой чѣмъ промыслилъ, а мы бы вдвоемъ-то около дома управ-
лялись... Нѣтъ, не душегубка я, а ужъ видѣть Бога, не по-
жалѣла бы, кабы Господь ее прибралъ... Что живетъ? Кому на
радость? Ни себѣ, ни людямъ...»

Съ такими мыслями Агафья помолилась Богу, съ ними и
заснула, прикурнувши на полу около дѣтей, такъ какъ лавка
была занята Палагеей, а на печи было жарко.

На разсвѣтъ Петръ проснулся и тотчасъ же, какъ всталъ,
началъ запрягать лошадей, чтобы ѣхать за священникомъ. Агафья
тоже проснулась, подошла къ Палагее, наклонилась къ ней и
прислушалась: та, очевидно, спала сповойно, дышала тихо и
равно. Сонъ ея былъ крѣпокъ: шаги Петра и Агафьи не раз-
будили ея.

— «А, право, прикидывалась, право-ну, людей морочила...»
подумала старуха и вышла на дворъ къ сыну.

— Петра, — ошенила она его: — наша-то спать, вѣдь,
пресповойнѣйшимъ манеромъ, не престоветъ, ничего и похожего
нѣтъ, что помирать хочеть: все прикидывалась...

— Такъ что же, не ѣздить, что-ли за, попомъ-то?... Я коли
соху возьму да допахивать поѣду...

— Нѣтъ, пушай, съѣзди ужъ, да только ты молви ба-
тюшкѣ-то, отцу Федору, что не знаемъ, молъ, что за хворь такая:
за двадцать верстъ, молъ, пѣшкомъ ходила, а онося того уми-
рала; ужъ матушка и выла, молъ, по ней, а тутъ ожила, и
поѣла, и поговорила, а теперь спать таково крѣпко, молъ, ровно
и ничего... Будеть браниться: на что же, скажетъ, за мной прі-
ѣхалъ, коли ничего; скажи: миръ, молъ, весь напугался, думали,
помретъ безъ покаянія... Чтобы, молъ, на насъ отвѣта не было,
вотъ и пріѣхалъ... Пожалуйте, молъ, батюшка, безпремѣнно,
потому ничего неизвѣстно, на все власть воля Божія... Да и
разскажи ему про все, дорогой-то: какъ мы бьемся, изъ жилъ
тянемся, а она лежитъ барыней, рукъ не приложить...

— Такъ что же это будетъ теперь: придется, вѣдь, заплатить
ему за требу-то... Изъ-за чего же?

— Ну, а ужъ ты слушай меня... Заплатить, ужъ я какъ-
нибудь заплачу: вонъ хопъ курицу отдамъ, есть не несучка,
либо новъ пріѣдетъ собирать — прибавимъ ковшъ-другой жита...
А ты ничего, съѣзди...

— Теперь день-то чего стѣбитъ: сюда его привези, да назадъ
отвези — вотъ день-то и прошелъ... Я допахать сегодня думалъ...

— Ничего, говорить, съѣзди... Ужъ что дѣлать: съѣзди оди-
ново-то... Умреть, такъ, по крайней мѣрѣ, въ отвѣтъ не будемъ,

а прикинулась, такъ пушай вотъ батюшку на волости-то и спросить: какова она есть баба, какъ намъ жить-то съ ней... Съѣзди, ничего... Уже не мало терпѣли отъ нея, потерпимъ еще...

Петръ болѣе не возражалъ, отворилъ ворота, сѣлъ въ телегу и уѣхалъ. Агафья воротилась въ избу, натаскала дровъ, затопила печь; начали просыпаться ребятишки; а Палагея все еще спала. Съ восходомъ солнца, въ окно къ Агафѣ постучалась сосѣдка. Агафья открыла окно.

— Что, Митревна, у васъ болящая-то? отходить, что-ли? — спросила она тихимъ, печальнымъ голосомъ.

— Что ты, матка, Богъ съ тобой: спать себѣ да похрапывать на доброе здоровье... Это, вѣдь, Сергѣевна только съ большого-то ума бѣду-то навликала.

— Да полно ты, ну... и вправду... А ночь-то какъ?

— И ночь ничего: спала себѣ какъ всѣ люди... Мы уже давно встали: я вонъ печь затопила, Пѣтра за попомъ уѣхалъ, а она спитъ... Что ей не спать-то: шубу подъ нее постелили, шубой покрыли, ну, и спитъ...

— Аи-и... А, вѣдь, мы думали, побывшилась: Петръ-отъ поѣхалъ за попомъ... На что же поѣхалъ-то?

— Какъ на что? Сергѣевна приказала: безъ покаянія, чу, уморить хотять... Ну, мы, чтобы поклѣпа не было на насъ какого, и поѣхали за попомъ.

— И теперь спать?...

— Спать, спать... Да зайди, погляди сама...

Сосѣдка поспѣшила воспользоваться приглашеніемъ, вошла, посмотрѣла: дѣйствительно, спитъ Палагея, и спитъ крѣпко, покойно, отъ внутренней теплоты показался даже блѣдный румянецъ на щекахъ.

— Чудеса, пра, чудеса... — проговорила сосѣдка и покачала головой. — А, вѣдь, вчера умерла-было совсѣмъ.

— Да вотъ, вчера было-умирала, а теперь спитъ...

— Видно, не къ смерти...

— Да ужъ, стало быть...

— Не станешь будить-то?...

— На что будить-то?... Работа-то отъ нея завсегда одна: вотъ выспится, проснется, проснется да поѣстъ, поѣстъ да полежитъ, полежитъ да уснетъ... Не сегодня, вѣдь, это случилось: завсегда такъ...

— Ну, Митревна, этакъ-то правда, что до кого ни доведется — возьметъ горе...

— Да еще какъ возьметъ-то, особливо вотъ какъ эстолько ртовъ-то, а работникъ-то одинъ...

На смѣну первой сосѣдки подъ окномъ постукались другая и третья, съ которыми шель разговоръ въ томъ же духѣ. Арина, которая шла-было провѣдать Палагею, на дорогѣ услышала рассказы, что Пелагея здоровѣхонька, веселѣхонька и чуть не смѣется надъ тѣми, кто вчера повѣрилъ ей болѣзни и мнимой смерти. Арина воротилась домой, боясь при такомъ положеніи дѣла встрѣтиться съ Агафьей въ ея домѣ. Слухъ о совершенномъ выздоровленіи Палагеи и рассказы о томъ, какъ она ловко обманула весь міръ и даже не только со старостой, но и со старшиной вмѣстѣ, мигомъ облетѣлъ всѣ деревню. Староста былъ особенно озабоченъ тѣмъ, что батюшка разсердится на него за напрасное безпокойство, а батюшка ему нуженъ былъ въ виду предстоящей женитьбы сына на дѣвкѣ, которой недоставало нѣсколькихъ дней до узаконеннаго возраста. Онъ рѣшилъ встрѣтить отца Федора на дорогѣ, объясниться и попросить у него извиненія въ безпокойствѣ, благо полоса его была какъ разъ возлѣ дороги, по которой отецъ Федоръ долженъ былъ ѣхать.

Между тѣмъ Палагея проснулась. Солнышко было уже высоко, когда она раскрыла глаза. Сонъ укрѣпилъ ее. Хотя съ трудомъ, съ болью въ головѣ и во всѣхъ членахъ, но она въ состояніи была подняться съ постели. Въ избѣ было тихо: ребятишки, въ ихъ великому удовольствію, всѣ были выпровождены Агафьею на улицу. Два врага оставались въ избѣ однѣ. Агафья зорко наблюдала за Палагеею. Больная подошла къ умывальнику, окатила себѣ лицо, отерла его, за немнѣніемъ ничего другого, тѣмъ же сарафаномъ, который былъ на ней, помолилась на образа, робко взглянула на свекровь, и не смѣя съ ней заговорить, не зная что дѣлать, вспоминая и соображая все, что случилось съ нею, опять присѣла на лавку.

— Не хощь ли поѣсть? Люди завтракаютъ... — спросила вдругъ Агафья, несмотря на Палагею.

Та даже вздрогнула отъ этого неожиданнаго вопроса, отъ этого непривычнаго вниманія.

— Коли твоя милость, матушка, будетъ: пожалуй... — торопливо отвѣчала она, не смѣя отказать. Она была въ полузабытѣ, когда рѣшено было послать за священникомъ, и не знала объ этомъ.

Агафья съ злораднымъ удовольствіемъ и очень проворно положила на столъ хлѣбъ, не пожалѣла поставить даже молока.

— Молока-то у васъ немного, матушка, куда ужъ мнѣ; я вотъ хоть хлѣбца поѣмъ, — сказала Палагея.

— Какъ хошь, твое дѣло... Поставлено, такъ ѣшь... Тебѣ по болѣзни получше нужно; мы здоровы, намъ и безъ молока можно... Покроши хлѣба-то, да и хлебай...

Палагея ушамъ своимъ не вѣрила; но машинально, изъ боязни разсердить свекровь противорѣчіемъ, дѣлала то, что она приказывала: покрошила въ молоко хлѣба и начала ѣсть. Она ѣла съ большимъ аппетитомъ и удовольствіемъ. Агафья отворачивалась, чтобы скрыть отъ Палагеи свою злобную радость.

Ни та, ни другая не понимали, что онѣ дѣлали; онѣ обѣ не знали, что вся болѣзнь Палагеи происходила отъ истощенія силъ, что единственное лекарство для нея—физическое и нравственное спокойствіе, хорошая пища и крѣпкій сонъ. Заклятый врагъ Палагеи, Агафья, желая уличить ее въ обманъ и притворствѣ, дѣлала теперь все то, чѣмъ могла бы давно возстановить ея силы, вылечить ея болѣзнь и воротить себѣ послушную, усердную работницу; она берегла ея сонъ, она старалась быть съ нею ласкова, она давала ей питательную пищу — и думала, что этимъ окончательно отъ нея отдѣлается. Палагея, которая давно уже не пробовала молока, ѣла его почти съ жадностью и удивлялась какъ ласкъ свекрови, такъ и своему аппетиту. Она думала, что свекровь наконецъ раскаялась въ своей несправедливости, хочетъ съ нею примириться, внутренно не только прощала, но и благословляла ее.

— Матушка, кабы мнѣ только выздоровѣть-то,—заговорила Палагея,—кажись, я бы всѣ свои силушки положила, и день бы, и ночь стала работать про тебя...

— Гдѣ ужъ тебѣ работать, больному человѣку... — какъ-то неопредѣленно и злобно отвѣтила Агафья.

— Неужто ужъ Господь такъ надо мной и не смилуетъ: не дастъ мнѣ по-людски пожить да поработать...—проговорила Палагея.

Агафья ничего не отвѣчала, но думала про-себя: «вотъ жѣна-то, вотъ ехидная-то!.. Вишь ты, какъ оплетаетъ, и дрыхла-то какъ, а вчера умирала, и работать силы нѣтъ... Ну, ужъ погоди, я тебя выведу на свѣжую воду... Я не Сергѣевна, меня, не какъ ее, не надуешь; да и та сегодня не больно зенки-то показывается, тоже, видно, совѣсть-то зазрела... Погоди, баба».

Въ это время въ ворота проѣхала телѣга, въ которой сидѣлъ отецъ Федоръ; около телѣги шелъ староста. У Агафьи, ко-

торая видѣла ихъ въ окно, лицо искривилось въ злоую улыбку. Палагея сидѣла задомъ къ окну и ничего не замѣтила.

Отецъ Ѳеодоръ вошелъ въ избу въ то время, какъ Палагея только-что съѣла молока съ ложки, и пережевывала хлѣбъ; ложка была еще въ ея рукѣ.

Агафья поспѣшила подъ благословеніе.

— Гдѣ же больная?—спросилъ отецъ Ѳеодоръ.

— А вонъ, батюшка, завтракаетъ,—отвѣчала невинно Агафья.

Палагея бросила ложку, отерла рукой губы и также подошла къ священнику.

— Какъ завтракаетъ?.. Какъ завтракаетъ? Мнѣ сказали— больная умираетъ, требуетъ напутствія, я поспѣшилъ, бросилъ всѣ дѣла, а она... она завтракаетъ... передъ св. дарами-то?..

— Такъ, батюшка, поздоровѣла вдругъ, поѣсть захотѣла: не откажешь больному человѣку...

— Да что же вы... какъ же вы на отца-то своего духовнаго смотрите?.. Что же это, шутки, что-ли, со святыми-то дарами? а?

— Это все, батюшка, изъ-за нея,—вступился староста, указывая на Палагею, которая стояла, какъ осужденная, на половину не понимая, чтѣ происходитъ вокругъ нея.—Все она весь міръ сомутила вчера: примѣръ показала, умерла будто... Ну, стало быть, какъ же безъ вашей милости въ такомъ разѣ... Опять же, лежитъ безо всякаго вида, пластомъ... Ну, стало быть, при смерти... Опять же, тутъ старуха эта, Сергѣевна, Арина, значить... не доживетъ, говоритъ, до завтрашняго дня... Ну, какъ же, чтобы безъ вашего благословенія: тоже надо напутствовать... Такъ и послали... Ужъ не обезсудьте.

— Это все прекрасно: къ кому же и обращаться въ скорби и въ болѣзни, какъ не къ духовному отцу, который завсегда предъ престоломъ возноситъ молитвы за васъ, духовныхъ чадъ своихъ... Но какъ же это-то, какъ же во ожиданіи его и напутствія въ жизнь лучшую, безпечальную, во ожиданіи укрѣпленія плоти и очищенія души—завтракать, вкушать пищу?.. Развѣ это не богохуленіе, не оскорбленіе святыхъ, не небреженіе къ духовному сану... Что же попъ-то по вашему означаетъ?.. Какъ баба задурила, заголосила, прикинулась, такъ и попа за бова... И въ какое время? Чуть не ночью... Сегодня, вѣдь, я весь день потерялъ, а сегодня день-то, сами знаете: сѣвъ, сѣмяна ввѣряемъ землѣ, годовую жатву приготавливаемъ, а вы меня отвлекаете... И что вижу? Прихожу съ напутствіемъ, а она ужъ нажралась... Ищу болящую, а меня срѣтаетъ упитанная, съ отягченнымъ брюхомъ, здравая и невредимая... Ты что же это

прокудинъ?—обратился, наконецъ, отецъ Ѳеодоръ къ Палагеѣ, придавая лицу грозное выраженіе.

— Я, батюшка, ничего не знала, мнѣ ничего не сказали...

— О, теперь я тебя вижу и понимаю... Ты приходила ко мнѣ съ жалобою на свекровь и на мужа, что они тебя притѣсняютъ, изгоняютъ изъ дома, лишаютъ прікта и продовольствія; заговалась на свои болѣзни, на оскудѣніе силъ, а я вижу теперь, что въ тебѣ гнѣздится... въ тебѣ гнѣздится мать всѣхъ пороковъ—лѣнь, и отецъ діавола—ложь и обманъ... Ахъ ты, нечестная...

— Батюшка, отецъ Ѳеодоръ,—заговорила Агафья,—вотъ, она приходила къ тебѣ, жаловалась на меня, что я ее изъ дома выгнала, а разсуди ты наше дѣло, какъ отецъ: какъ мнѣ было ее не выгнать... Вотъ, я тебѣ расскажу...

— Стой... И опять же я не судить васъ пріѣхалъ, и не ваши кляузы разбирать... Вотъ, она не могла дожидаться духовнаго отца и навастркала, а я, отецъ вашъ духовный, до сихъ норъ не ѣвши, не пивши... И пріуготовленія никакого не вижу... Что же я, баба, что ли, какая... Языкомъ съ вами колотить пріѣхалъ... Остолопы вы, дураки, неучи... Коли ты ко мнѣ обращаешься, какъ къ врачу и судіѣ, такъ развѣ такъ врача и судію встрѣчаютъ?..

— Батюшка, пожалуйста ко мнѣ: у меня все приготовлено... И водочка, и чайку...—сказалъ староста.

— Къ тебѣ?.. Изволь... Это правильно: староста и долженъ отъ лица всего міра... Какъ пастырь отъ паствы питается, такъ и ты—отъ всего общества, что-ли, предлагаешь гостепріимство?..

— Нѣтъ, отецъ Ѳеодоръ, гдѣ отъ нашего общества... Сообразишь ли?.. Отъ себя самого... Здѣсь домъ-то не такъ-то справный,—ужъ не обезсудь, Дмитревна. Такъ я ужъ, ваше благословеніе, по добродѣтели своей, отъ себя...

— Хвалю и одобряю: твоя благостыня, изду приметь стоищею... Не оскудѣетъ рука дающаго... Пойдемъ...

— Отецъ Ѳеодоръ, батюшка, а отъ меня, не обезсудь, за безпокойство твое прими курочку... и за новью пріѣдешь, вось,—не оставляю... А денегъ у меня нѣтъ... Видишь самъ: семья большая, а работникъ одинъ... Не обезсудь, кормилецъ, прими...

— Всякое даваніе благо... И лепта вдовицы почтена наипаче богатыхъ приношенія... Больно у тебя въ избѣ-то душно... У старосты просторнѣе... Коли хочешь посоветоваться, приходи...

— Да какой мой совѣтъ? мой совѣтъ—два слова: вотъ, насъ въ волость зовутъ съ невістунькой судиться; она, вишь, у меня

дѣлать ничего не хочетъ, вотъ каковъ синь порошокъ, какъ есть ничего; говоритъ: хвора я, больная, а сама дѣтей каждый годъ носить и бѣгать—хоть за двадцать верстъ убѣжить... Гдѣ же ея хворь?.. Дѣтей нанесла цѣлую охапку, а корми всѣхъ я одна, она бы только лежала, а я ужъ нѣтъ, стара. Ну, не хочешь работать въ дому, ступай въ люди, промысли хоть про себя-то, хоть себя-то прокорми, дѣтей ужъ я прокормлю... Я закона не развожу, а не хочешь дома работать, ступай въ люди... Ну-ка, скажи, батюшка, грѣшу я, али нѣтъ?..

— Всякому человѣку сказано: трудивыйся да ясть... Не хочешь въ дому работать—ступай въ люди—это вѣрно. Больна, а на ногахъ тверда—ходи по міру; не можешь работать—питайся подаянiемъ: земля русская христіюлюбива и милосерда, о Христовомъ имени питаются многіе... Лѣни и праздности не по-блажай, старуха... Если брака не расторгашь, а требуешь только труда—нѣтъ въ томъ грѣха, старуха. А тебѣ, бабочка, стыдно, стыдно... Осуждаю...—прибавилъ отецъ Ѳедоръ, обращаясь къ Палагѣй:—лѣнь и плотоугодіе въ тебѣ—вотъ что... Ну, оставайтесь съ миромъ... Курицу-то отдай сыну, пущай свезетъ во мнѣ, да вели лошадь подавать: мнѣ прожлаться некогда... Ну, пойдемъ, староста...

— Вотъ, батюшка, вотъ, отецъ, вотъ истинныя твои святія слова: видно, что ты нашу бѣдность понимаешь и чувствуешь... Спасибо тебѣ, кормилецъ, развязалъ ты мою душу... Благослови, батюшка...—говорила Агафья и подошла къ отцу Ѳедору, держа руки ковшичкомъ.

— Господь тебя благословить... Ужъ бѣдность ваша и обида твоя велика—вижу... потому только и прощаю... А можно ли это: позвали, пріѣхалъ, а больная завтракаетъ... Это, вѣдь, насмѣшка надъ саномъ... Это не курицей пахнетъ...

— Ужъ прости, отецъ Ѳедоръ... Напередки послужимъ...

— То-то, прости да послужимъ... Не больно вы служите... Не нажить вамъ другого отца Ѳедора. Попадью бы вотъ вамъ мою попомъ-то поставить—стали бы помнить...

Отецъ Ѳедоръ ушелъ къ старостѣ. Палагѣя стояла совсѣмъ ошеломленная.

— Матушка,—сказала она,—неужто ты и вѣзправду думаешь, что я нарокомъ прикинулась вчера... Да, выйди душа, я не помню что и было-то вчера опосля того, какъ старшина ушелъ,—какъ я и въ избу-то попала... Кабы я знала, что за батюшкой послали, неужто бы я ѣсть стала... Что я, некрещеная, что-ли?..

Агафья ни слова не отвѣтила, даже не взглянула на Палагею, точно ея и въ избѣ не было.

Палагея, не получая отвѣта на свои слова, еще больше смущалась: свекровь, видимо, что-то замышляла противъ нея; но что же именно? Гнать она ее—не гонить, но и не смотреть, и не отвѣчать, даже не ругается, не пилить по обыкновенію. На Палагею напалъ страхъ; неподвижно сидѣла она на одномъ мѣстѣ, не смѣя пошевелиться, боясь даже взглянуть на свекровь; сердце ея безъзвучно ныло и замирало; только-было затихшая боль въ головѣ и рукахъ началась опять съ новою силою.

«Что же мнѣ дѣлать?—мысленно спрашивала себя Палагея, и не находила иного отвѣта, кромѣ просьбы:—Господи, хощь бы прибавилъ Ты меня поскорѣе».

Между тѣмъ на нее сыпались со стороны Агафьи мелкія оскорбленія: вытирая столъ, около котораго Палагея сидѣла, Агафья сняла ей на колѣни всю воду, которая была ею выжата на столъ въ мокрой мочалки. Палагея пересѣла подальше отъ стола, поближе къ двери, почти въ самый уголъ — Агафья примела соръ съ полу къ самымъ ея ногамъ и тутъ же бросила грязный вѣнникъ. Палагея подняла этотъ вѣнникъ и хотѣла-было вымести соръ вотъ изъ избы, какъ вдругъ Агафья, ни слова не говоря, вырвала у нея изъ рукъ вѣнникъ, опять примела соръ въ тотъ же уголъ и бросила туда же вѣнникъ; Палагея хотѣла положить на шубу, на которой спала, и только-что приподнялась-было для этого на лавку, какъ шуба со злобой, но опять молча, была выхвачена у нея изъ рукъ и кинута на печь. При этомъ Палагея чуть-чуть не свалилась съ лавки. Крикнула Агафья ребятишекъ съ улицы, чтобы дать имъ по куску хлѣба. Средній, войдя первымъ въ избу и увидя мать, бросился-было къ ней съ радостнымъ крикомъ, но тотчасъ же получилъ отъ бабушки затрепину, и сильною рукою ея былъ кинутъ въ противоположный уголъ. Съ самымъ маленькимъ повторилась та же исторія. Дѣти сидѣли, тихо всхлипывая и жуя хлѣбъ, который имъ дала та же бабушка. Палагея горько заплакала, смотря на дѣтей и понявши, что имъ не позволяютъ даже приласкаться къ матери. Она не выдержала и пошла-было къ дѣтямъ, но Агафья, какъ-бы отгадавши ея намереніе, выгнала дѣтей на улицу. Вбѣжалъ Васья и, не обращая вниманія на мать, смѣло бросился къ бабушкѣ.

— Баушка, понесь...

— На, вотъ...

Агафья подала ему кусокъ хлѣба.

— Дай молочка, баушка, — приказывалъ онъ, какъ балованное дитя.

— Нѣту, молочка-то, matka, вонъ, все прѣбла, — отвѣчала Агафья, поглаживая Васину голову. — Другія-то матки про дѣтей берегутъ, а наша сама съѣла.

— Эка, мамка, дура... — огрызнулся Васька, оборотаясь къ матери и высовывая ей языкъ. — Баушка, выгони ее опять. На что ее намъ?.. Не надо... Дай я ее палкой...

— Убей, сыновъ, убей... Туда мнѣ и дорога... Больше-то я и не стою... — проговорила Палагея и свалилась на лавку, истерически рыдая.

«Приставляй, приставляй. Нѣтъ, ужъ будетъ, теперь не по-вѣрю»... злобно подумала про себя Агафья.

— Поди, батюшка, Васенька, гуляй, подь... — сказала она внуку, который было-задумался, пересталъ ѣсть и, прислушиваясь къ рыданіямъ матери, вопросительно посматривалъ на бабушку.

— Ровно ты, баушка, ономнясь... — проговорилъ мальчикъ и со смѣхомъ выбѣжалъ изъ избы.

Рыданія Палагеи были такъ продолжительны и такъ мучительны для нея, что если не тронули и не возбудили состраданія Агафьи, то, по-крайней-мѣрѣ, какъ будто устыдили ее, и она оставила Палагею въ покоѣ.

Когда Петръ воротился домой, отвезя отца Федора, семья пообедала, не приглашая Палагею, которая пролежала остатокъ дня, не поднимая головы. Агафья точно по забывчивости оставила на столѣ на весь день хлѣбъ, соль и чашку остывшаго варева, но Палагею не притрогивалась къ нимъ.

XIV.

Въ квартирѣ писаря, въ волостномъ правленіи, сидитъ старшина и пьетъ чай. Сторьевскій староста дѣлаетъ ему докладъ о всемъ происходившемъ послѣ его отъѣзда въ домъ Агафьи. Въ присутственной комнатѣ толпятся старосты, судьи, добросовѣстные. Къ крыльцу, на которомъ съ внушительнымъ видомъ стоитъ Мартынычъ, собирается народъ. Среди его находятся Агафья съ Петромъ и въ сторонѣ отъ нихъ, прислонившись спиною къ самому фундаменту волостного дома, сидитъ на землѣ Палагея, блѣдная, горбленная, съ уныло опущенными глазами.

Къ Мартынычу тяжущіеся и подсудимые обращаются съ во-

просами, прося совета, руководства и ожидая от него предпрѣ-
ненія своихъ дѣлъ.

— Мое дѣло такое, Мартынычъ, — говорить мужичонка, у
котораго подъ глазомъ синякъ и нѣтъ цѣлой половины бороды: —
онъ меня въ самое буркало, а я его по носу... Ну, у его руда
и полила... Такъ нѣтъ, мало ему: за бороду, братецъ мой, вишь
ты: какъ полыхнетъ, смерть моя... Посмотрю: полны грабли во-
лосевъ выхватилъ. Я — караулъ!.. Полштофъ попался подъ руку —
по рожѣ: въ разъ пришлось — всю рожу ему раскровянилъ. Больше
ничего!.. Опосля же того онъ на меня прошеніе... Такъ и такъ,
поорить, убить. Ладно... А почему такъ?.. Можетъ, я больше?..
Бю мнѣ за бороду заплатить?.. Рожа — она ничего, она зажи-
ветъ, на то она рожа. Разбей ее въ дрызгъ — она опять собе-
рется, а борода — особъ статья — ее не приставишь... А гдѣ мнѣ
бороду взять... Поважи законъ, что больше: въ рожу ли теперь
дать, али въ бородѣ челоуѣка обидѣть?.. Вотъ что, братъ... да!..
Вотъ смотри, Мартынычъ: вотъ буркало затекло — это мнѣ не
обидно, а бородой онъ меня больше обидѣлъ... Такъ ли, Марты-
нычъ... Что ему будетъ за это?

— Выпорютъ обоихъ... Больше ничего не будетъ...

— Ну, нѣтъ, это мнѣ не въ удовольствіе... Порка поркой,
а за бороду онъ мнѣ заплати... Вотъ что... И н судьямъ скажу:
господа судьи, какъ угодно, вы сами божьи люди: можно ли ликъ
безъ бороды сдѣлать...

— Ты поговори, такъ еще старшина прибавить отъ себя,
либо въ темную посадить на ведѣлю... — возразилъ Мартынычъ,
и повернулся къ бабѣ, которая уже давно лѣзла къ нему въ
глаза, желая заговорить.

— Ну, ужъ пуцай же меня старшина сажаетъ, а я чет-
верти не пожалѣю, четверть поставлю, рубль куда ни шель, а
мнѣ за бороду взынци...

— Что тебѣ? — спросилъ Мартынычъ бабу.

— А я на счетъ мужа-то, Мартынычъ...

— Что-жъ, на счетъ мужа?..

— А просила постегать... Костюху-то мово...

— А-а, помню... Такъ, вѣдь, его міръ оправилъ.

— Міръ оправилъ!.. Такъ, вѣдь, съ него міръ-то полвехра
снимъ, какъ тутъ не оправить... Полушубокъ заложилъ, подмий,
на водку-то міру... Пришли мы съ суда-то, а онъ и былъ та-
ковъ... Жду-пожду, нѣтъ... Вотъ, думаю: не постегали, опять къ
своей подлой ушелъ... Пошла къ ней, думаю: поймаю, всѣ зенки
выцарапаю, потому весь домъ къ ней перетаскалъ... Смотрю, а

они за старостиннымъ огородомъ, здравствуйте, всей честной компаніей, и старъ и младъ, всѣ пьяны, и мой съ ними... Пришла домой: хватъ, анъ и полушубка нѣтъ... Добрые люди ужъ послѣ сказали: заложилъ, чу, за полведра, міру выполнъ... Я опять, Мартынычъ, пушай постегаютъ, силъ моихъ нѣтъ...

— Проси, можетъ, постегаютъ... Пути-то не будетъ.

— Не будетъ, не будетъ, родной, отбился... А однако же, пушай его... Полушубка-то больно жалко...

— Мартынычъ, а Мартынычъ,—добивался высокій, рябоватый парень.

— Чего?

— Приведутъ его?

— Кого?

— А Тиханова...

— Зачѣмъ его?

— А какъ же? Я прошеніе приписывалъ супротивъ него... Я у него жилъ, братецъ, въ батракахъ, ну, а онъ тепереча мнѣ денегъ не отдастъ... Почему, чу, до срова не дожиль... А я жить не хочу, потому никакъ невозможно... Ну, я и ушелъ... Я говорю: подай деньги, а онъ говоритъ: не дамъ... Я говорю: пойдемъ въ волость, онъ говоритъ: пойдемъ... А самъ нейдетъ... Я къ писарю: припиши прошеніе, вотъ тебѣ двугривенна... Онъ, братецъ, сейчасъ, какъ почалъ, какъ почалъ: готово... А вотъ теперь и нѣтъ его: я-то пришелъ, а его нѣтъ... Значить, привести надо...

— Да тебѣ сегодня ли судъ-то?... Сказалъ ли тебѣ писарь-то?

— Онъ мнѣ ничего про это... Да съ нашей, братецъ, деревни судья-то сегодня... Я и прибѣжалъ, а вотъ Тиханова-то нѣтъ...

— Такъ ты бы спросилъ лучше, дуралей, когда вамъ судъ-то будетъ, чѣмъ зря-то...

— Знамо бы лучше...

— Ну, такъ то-то и есть...

Мартынычъ отвернулся отъ него: онъ дураковъ очень не любилъ.

— Будетъ вамъ орать-то тамъ... Что еще, — обратился онъ къ мужику и бабѣ, которые кричали въ одно время и во все горло, стоя одинъ передъ другимъ, въ угрожающихъ позахъ. — Въ чемъ у васъ тутъ?

— Да вотъ десятокъ ужъ рассудилъ наше дѣло, — отвѣчалъ мужикъ, — а она на волость лѣзетъ...

— Плевать мнѣ на твой десятокъ... Я вотъ съ чужой сто-

роны пришла, такъ десятокъ-то твой, извѣстно, все за тебя... Пуцай волосъ насъ разсудить...

— Да въ чемъ судить-то?—переспросилъ Мартынычъ.

— Ну, вотъ вишь ты... Вдова она у меня, изъ села вьята, дѣтвая... За вихорь, слышь, подралъ щенка ея...

— Врешь: щенята-то отъ тебя разѣ пойдутъ... За первымъ-то я жила, ничего не знала; а ты всю извелъ меня, искалѣчилъ... Ноженъки, рученьки всѣ мои поизломалъ... и малаго-то извести хочешь...

— Пострѣлъ мальчишка такой, бѣда!—перебилъ мужикъ.— Слова не дастъ сказать, все ругательно, все ругательно... Вотъ и его и за вихорь—поучить...

— Нѣтъ, кабы не я, ты бы его убилъ, а отняла, такъ меня увѣчить...

— Не увѣчить, а не суйся: какое дѣло, коли онъ боится меня не будетъ... Какъ мальчишку не пощипать... А она отнять, въ драку... Ну, я и ее поучилъ... А она убѣжала изъ дома да недѣлю пропадала... Отыскалъ да домой привелъ: на міру стала жалиться...

— Что вашъ міръ? Какой вашъ міръ? Обидчивы только... Ты и убьешь, такъ міръ-отъ покроетъ: я съ чужой стороны вьята... Вотъ, пуцай волосъ судить...

— Что же міръ-отъ?—спросилъ Мартынычъ.

— Да что міръ? Вотъ есть здѣсь наши-то, спросите, какъ я ее билъ...

— Ну, что, пустое дѣло, больно нѣжна, — отозвался одинъ изъ стоящихъ вблизи мужиковъ. — Прутикомъ маненько постегалъ, она ужъ и изъ дома бѣжать... больно ужъ...

— Нѣтъ, не прутикомъ, а и въ голову, и въ спину досталось... возражала баба.

— Ну, зуботычина-другая попала — эка невидаль... Такъ и бѣжать отъ мужа-то?—вмѣшался другой мужикъ. — Васъ, бабъ, не бить, такъ съ вами не сообразишься...

— Это какая битва, — продолжалъ первый: — вотъ бьетъ: Ксевофонтъ свою Анфею, ну, тотъ бьетъ... Не то, что кулакомъ али плетью, а возьметъ рясину, да вонить-вонить, такъ баба-то только съ боку на бокъ поворачивается, чтобы не все по одному попадало... такъ и то отъ мужа не бѣгаетъ... А ужъ тотъ истинно сказать, что бьетъ, учить настоящимъ манеромъ... не то, что тебя...

— А я не дамся, я хошь и вдова, и съ чужой стороны, да я сельскан, не изъ деревни, я судъ найду...

— Ну, ищи, опять ко мнѣ придешь, — сказалъ мужъ.

— А суда не дадутъ—убѣгу...

— А убѣживъ, поймаетъ да свяжемъ, опять же въ моиѣхъ рукахъ будешь... Ужъ сокрушу... И щенку не дамъ ругать... особливо скверно... Ты хошь и сельская, а все мой верхъ будешь...

— Вотъ не будетъ...

— А будетъ... Вотъ какъ придешь домой, такъ и выстегую...

— А я убѣгу...

— А я пымаю, да опять выстегую...

— А я удавлюсь...

— Не удавишься: вынемъ...

— Да зачѣмъ же вы, черти, олухи царя небеснаго, на судъ-то пришли, коли этакія слова говорите? — прикрикнулъ на нихъ Мартынычъ. — Вы бы и грызлись дома...

— Да это не я, это она, Мартынычъ, — отвѣчалъ мужъ. — Я пошелъ слѣдомъ за ней, думалъ, опять сбѣжать хочетъ, а она, вишь ты, сюда приперла и домой нейдетъ...

— Да и не пойду, пуцай насъ судъ разсудить... Велятъ тебѣ меня экъ тиранить, али нѣтъ...

— Судъ-то объ тебя и мараться-то не станетъ, я такъ полагаю, — сказалъ мужъ. — Велить тебя связать да домой отвести — вотъ и все...

— Ну, еще велить, либо нѣтъ...

— Отстаньте вы, провалъ васъ возьми, — прикрикнулъ Мартынычъ. — Ну, на судъ пришли, такъ стой да молчи, жди своего...

Въ это время къ волостному правленію подъѣхалъ цѣловальникъ, въ синемъ кафтанѣ, въ бархатномъ картузѣ. Мартынычъ поспѣшно подбѣжалъ и принялъ лошадь, которою тотъ самъ привилъ изъ бѣговой телѣжки.

— Поставь-ка куда ни на есть, въ тѣнѣхъ, Мартынычъ, да привяжи ее: блазна очень, молодая, — сказалъ онъ, вылѣзая изъ телѣжки. — А что, Григорій Ивановичъ, въ приказѣ, при дѣлахъ?

— Въ управленіи, Савва Митричъ, у насъ сходъ сегодня и судъ. Пожалуйте въ писарскую: тамъ они, по дѣламъ...

— Ладно.

Цѣловальникъ оглядѣлся, приподнял слегка картузъ передъ толпою и самоуверенно пошелъ чрезъ крыльцо въ волостное правленіе.

— Богатымъ-то, паре, нигдѣ не заказано, вездѣ ходъ, — за-

мѣтилъ оборванный лахматый мужикъ съ мрачнымъ взглядомъ и насмѣшливой улыбкой на губахъ. — А мы, вотъ, сиди да жди...

Въ отвѣтъ послышалось нѣсколько безмолвныхъ вздоховъ. Когда Мартынычъ, привязавъ лошадей, воротился на крыльцо, тотъ же мужикъ спросилъ его:

— А почему такъ, Мартынычъ, кабатчику можно: куда хочешь иди, а нашему брату нельзя?

— А потому такъ, — отвѣчалъ Мартынычъ: — что вотъ спроси ты эти слова у Григорія Иваныча, онъ тебѣ лучше скажетъ: велитъ оштрафовать.

— Да за что же это штрафовать-то? Управление-то, чай, наше, и онъ-то, Григорій Иванычъ, самъ отъ насъ посаженъ.

— Ну, посаженъ, такъ и сидитъ, а тебя, небось, не посадятъ... Какой у тебя разговоръ-то можетъ быть съ Григоріемъ Иванычемъ? А тутъ свое знакомство и совѣтъ... Развѣ всѣ люди равны, глупый человѣкъ: возьми ты чинъ полковой? Сколько ихъ, а все разные, и одинъ другого выше, и одинъ другого почитаетъ, вышній нижнему приказъ отдаетъ, а нижній вышняго слушаетъ... Опять же одно дѣло: начальство, другое дѣло — орда... Вы кто? Вы — орда; а Савва Дмитричъ завсегда съ начальствомъ, потому человѣкъ при капиталѣ, отъ него не то ты, а и начальство одолажаться можетъ... Оттого, ему и ходъ, а тебѣ нѣтъ... И во всякомъ мѣстѣ такъ, куда ни пойдешь... Вотъ что!..

Рѣчь Мартыныча видимо убѣдила толпу; мужики одобрительно кивали головой, бабы вздыхали; не убѣдился одинъ только лахматый мужикъ: онъ собирался что-то возразить, но въ это время изъ сѣней на крыльцо выглянулъ Самсонъ Львовичъ.

— Мартынычъ, пушай народъ, — сказалъ онъ, и опять скрылся.

Толпа всколыхнулась и повалила на крыльцо, въ сѣни и въ присутственную комнату.

Въ этой комнатѣ, у стола, стоявшаго у передней стѣны и покрытаго краснымъ сукномъ (результатъ попеченія и заботливости Филарета Иваныча) возсѣдалъ старшина; въ сторонѣ, у другого стола, сидѣлъ писарь. Впереди, ближе къ старшинѣ, толпились мѣстные чины: староста, добросовѣстные, судьи, сборщики податей, сотские.

— Кто очередные-то судьи у насъ? — спросилъ Григорій Иванычъ.

— Изъ Кстова — Терентій Исаевъ, изъ Колосова — Карпій Федоровъ, изъ Каракина — Доримедонъ Прохоровъ, — провозгла-

силъ писарь.—Судьи, выходите; что забились въ уголъ-то? Всѣ ли на лицо?

Вышелъ Терентій Исаевъ, привезиный, коренастый, мрачный, весь обросшій волосами; вышелъ Карпѣй Ѳедоровъ, маленький, черненькій, съ преехиднымъ и въ то же время подленькимъ, заискивающимъ выраженіемъ; за ними выступилъ прямой, высокій, худой Доримедонъ Прохоровъ; не въ мѣру длинное лицо, вострая голова, полуоткрытый ротъ, круглые глаза, смотрѣвшіе прямо и неподвижно, не общали въ немъ судейскихъ способностей.

— Ну, вотъ что, судьи,—началь свою рѣчь старшина: —сегодня у насъ волостной сходъ насчетъ недомокъ и другихъ прочихъ дѣловъ; судъ-то бы не время править, да и недавно былъ, только я нарочно велѣлъ васъ позвать, потому дѣло есть нужное, по приказу Филарета Иваныча, такъ ужъ вы промежъ того разсудите, только поскорѣе, потому некогда, дѣловъ много другихъ... Она, паскудная—эта... сгорьевская баба... Какъ ее?.. Палагея, кажись?..

— Палагея Тиханова,—подсказалъ писарь.

— Эта самая Палагея дорогу нашла къ Филарету Иванычу и произнесла она жалобу на свекровь и на мужа... Какъ ихъ?..

— Агафья Дмитрева и Петръ Ивановъ,—прочиталъ писарь.

— Вотъ... Что будто бы они ее изъ дома гонять и тиранить всячески... А она при болѣзни находится... Филаретъ Иванычъ и приказалъ отвезти ее въ домъ, а если чтó будетъ, какое несогласіе,—судъ созвать... Я и отвезъ самъ собственно... прямо въ дому... А она при мнѣ взявши да привинулась мертвой... даже понесли мы ее на рукахъ... И меня-то напугала до смерти... Старуха ужъ и выла надъ ней, а она, хватъ, живехонька!.. Вотъ мы со старостой... Тутъ и староста ихній былъ...

— Истинно это,—подтвердилъ староста:—и даже на другой день передъ причастьемъ молока съ хлѣбомъ налопалась... Такъ батюшка и уѣхалъ безо всего... Истинно это...

— И выходить, значить, все одинъ обманъ былъ. И старуха, и мужъ ея говорятъ, что никакъ съ ней жить невозможно, потому валяется, а дѣлать ничего не дѣлаетъ, и на поле не ходить, а въ дому бѣдность, пить-ѣсть нечего, трое дѣтей, четвертымъ на сносѣ... Вотъ и разсудите: старуха говоритъ: кормить мнѣ ее нечѣмъ, а она работать не хочетъ... Ну, и пушай, говорить, идетъ куда хочетъ, сама про себя промышляетъ, а я, говорить, дѣтей одна подыму...

— Да и подыму, господа судьи,—вмѣшалась вдругъ Агафья: —лучше не въ примѣръ одна подыму, потому одна я и...

— А ты постой,—остановилъ ее старшина.—Тебя не спрашиваютъ... Вишь, я говорю...

— Ты постой, что и самъ-дѣлѣ... Вишь, Григорій Ивановичъ говоритъ,—замѣтилъ съ своей стороны сторьевскій староста.—Тебѣ опосля спросъ будетъ...

Агафья попятилась назадъ.

— Такъ вотъ вы, судьи, и разсудите: мужъ мнѣ говорить не могу, говорить, я ее смѣнять на родительницу, потому самому родительница мнѣ мать... она меня вспоила, вскормила... я при ней живу, и она одна объ домъ промышляетъ, а жена, говорить ничего не дѣластъ... приставляетъ только изъ себя, а работы отъ нея нѣтъ... Бился, бился я съ ними, уговаривалъ, ничего не подѣлаешь, даже до полуночи съ ними ванителился... Ну, да и самъ вижу: баба паскудная, и работать, говорить, не могу, и на сторону идти не желаю, а пусти, говорить, меня въ свой домъ, на печи лежать дарма... И, вѣдь, такая: къ посреднику даже, къ Филарету Иванычу ходила, туда дорогу нашла: значить, дошла!.. А прaxтику эту приставляетъ: больна да и небава... Ну, извѣстно, Филаретъ Ивановичъ, хоть бы, этого дѣла не видалъ, да и не вьмается: коли, говорить, согласъ возьметъ—ладно, а нѣтъ, говорить, судъ собери: какъ судъ положить, такъ тому и быть... Ну, я тепереча повыйду, а вы и разсудите.

Старшина поднялся и ушелъ въ комнату писаря. Судьи нѣсколько времени стояли молча.

— Ну что, какъ, господа? — спросилъ, наконецъ, Карпѣй своихъ товарищей.

Терентій скривилъ на сторону голову и смотрѣлъ то на полъ, то на потолокъ; Дормидонтъ стоялъ по прежнему неподвижно и смотрѣлъ прямо, не мигая, на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ старшина. Оба молчали.

— А по-моему такъ,—заговорилъ опять Карпѣй,—что коли ежли старуха...

— Да что же вы, хоть бы опросъ сдѣлали тяжущимся, хоть бы спросили ихъ всѣхъ что-нибудь...—замѣтилъ писарь.

— Да вѣдь, Самсонъ Львовичъ, если теперь ихъ всѣхъ спрашивать, — отозвался Карпѣй, — такъ и конца не будетъ, а Григорій Ивановичъ просилъ поскорѣе; опять же намъ все извѣстно отъ Григорія Иваныча. Видимое дѣло, что...

— Да это ваше дѣло: какъ знаете, такъ и рѣшайте; только для порядку—все надо спросить: можетъ, старуха-то передумала и приметъ ее опять въ домъ...

— Я-то?—выскочила вдругъ Агафья,—да я вотъ какъ: разѣ

духъ изъ меня вонъ, такъ власть будетъ не моя, а пока жива — не пущу въ свой домъ: мнѣ ее, дармоѣдку, кормить нечѣмъ. Пущай сама промышляетъ... А дѣтокъ я подниму, дѣтки сыты будутъ... Она легка на ногу-то, вонъ куда, къ посреднику бѣгала, а коли мочи работать нѣтъ, пущай по міру собираетъ: такъ и батюшка сказалъ, отецъ Ѳедоръ...

— Такъ, значитъ, принять къ себѣ не желаешь? — спросилъ Карпѣй.

— Нѣтъ, нѣтъ, господа судьи, ослобоните: не то не желаю, зрить ея не хочу...

— Ну, такъ вотъ какъ, господа? — обратился опять Карпѣй къ товарищамъ.

— Такъ мужа надо спросить, — подсказалъ опять писарь, — можетъ, онъ желаетъ, чтобы жена съ нимъ жила.

— Петра-то мой? — сказала Агафья. — Ну, ужъ нѣтъ, онъ супротивъ матери не пойдетъ.

— Петръ Ивановъ, — выкликнулъ писарь.

Тотъ подошелъ.

— Спрашивайте его... — указалъ судьямъ Самсонъ Львовичъ.

— Что же, братецъ, — спросилъ Карпѣй, — какъ на счетъ жены?

— Ничего я этого не могу знать, потому какъ матушка, а я супротивъ родительницы не могу...

— Какъ же ты безъ жены-то будешь?

— Что-жъ... Какъ-нибудь... Отъ нея корысти-то немного, все одна матушка — и на полѣ, и въ дому...

— Такъ не желаешь?

— Не желаю.

— Палагея Тиханова, — выкликнулъ писарь.

Палагея, обвѣзанная наглухо платкомъ, изъ-подъ котораго видны были одни только глаза, какъ повязываются бабы больныя, или считающія себя несчастными, стояла въ уголку, прижавшись къ стѣнѣ. Она едва держалась на ногахъ отъ слабости, отъ огорченія. Она слышала какъ на нее клеветали, предчувствовала свое осужденіе, сознавала, что всѣ противъ нея, и не смѣла открыть рта въ свое оправданіе. Она вся дрожала, каждый нервъ трепеталъ въ ней. Она слышала свое имя, и не могла сдвинуться съ мѣста.

Весь народъ оборотился и смотрѣлъ на нее — это еще больше увеличивало ея смущеніе и страданія.

— Что-жъ ты нейдешь? Судиться, что-ли, не хочешь? — спросилъ писарь.

— Я... я... батюшки, родные... дѣтушки мои...— вскрикнула Палагея; горло ея сдавили судороги, она зарыдала; дрожащія ноги не въ силахъ были держать ее, она свѣла на полъ тамъ же, гдѣ стояла.

— Вотъ такъ-то, всегда такъ-то...—твердила Агафья.—Вотъ такъ-то все и прокуратить...

— Не хочеть, значить, отвѣчать... Этихъ не возьметь... Ну, теперь думайте,—сказалъ писарь судьямъ, и началъ свертывать пшироску.

— Какъ же, господа?...—снова обратился къ своимъ товарищамъ Карпѣй.

Тѣ думали,

— Ну, что рѣшили?—спросилъ старшина, возвращаясь въ присутствіе.

— Да знамо, Григорій Ивановичъ,—отвѣчалъ Карпѣй:—какъ теперь старуха не желаетъ и мужъ не желаетъ, а она блажить... Что-жъ, пуцай иди... куда знаетъ...

— Я, ребята, какъ хотите: у меня этого нѣтъ, я въ ваше дѣло не вхожу, потому мнѣ и отъ Филарета Ивановича сказано, чтобы ни, Боже мой, на судѣ, ни подъ какимъ видомъ... Какъ сами знаете...

— Какъ же, господа,—продолжалъ Карпѣй,—по мнѣ такъ... вотъ и батюшка, отецъ Ѳеодоръ, тоже... Коли въ дому не работаетъ, не хочеть, блажить, а старуха не примаетъ... ну, пуцай иди христовымъ именемъ... Какъ ты, Терентій Исаичъ?

Терентій Исаевъ почесалъ плечомъ ухо и лѣвой рукой правую лопатку.

— Не грѣшно ли будетъ, Карпѣй Ѳеодорычъ?

— Насчетъ чего?

— Насчетъ закону...

— Такъ, вѣдь, какъ ты ихъ, братецъ, сведешь... Вѣдь, не связать ихъ вмѣстѣ, коли не хотятъ...

— Да знамо... Можетъ, обойдутся...

— Чего обойдутся... Старуха-то, слышалъ?

— Да, это точно...

— Ну, и мужъ не желаетъ... Чего тебѣ еще?

Терентій поѣхался плечами и опять запустилъ руку за спину, чтобы почесать лопатку.

— Съ брюхомъ, вѣдь, она... Попытать бы...

— Чего пытаться-то?

— А можетъ, и... одумаются... Тоже мать... дѣти...

— Да слышалъ ты, что старуха-то?... Дѣтокъ, говорить, по-

дыму... а ея не желаю... Сведи ихъ силой-то—поножовщина поидеть... Она-то вонъ прокуратничаетъ, а кто домъ-отъ упрavitъ, какъ старуха-то уйдетъ?.. Тоже подани платить нужно... Миръ же отвѣчай за нихъ... По мнѣ: пушай же она хощъ себя-то прокормить... Вѣдь, онѣ, эти бабы, какъ задурять—бѣда!..

— Ась?—вдругъ отозвался третій судья, Дормидонтъ Прохорычъ.

— Я говорю, бабы... Какъ ежели имъ что въ голову попадетъ—не выбьешь...

— И не вступайся...—подтвердилъ Дормидонтъ, и затрясъ головой...

— Такъ какъ же ты: по-моему, что-ли? —спросилъ его Карпѣй.—Пушай идетъ?

— Ась?

— Нѣтъ, я насчетъ бабъ-то? развести ихъ? пушай идетъ, куда хочеть...

— Знамо... Съ ними бѣда...

— Ну, а ты какъ же, Терентій Исаичъ?

— Да ужъ дѣлайте...—отвѣчалъ тотъ неопредѣленно.

— Ну, такъ пиши, Самсонъ Львовичъ.

— Да что же писать-то?

— А вотъ, молю, порѣшили, такъ и такъ, молю: что старуха ея не желаетъ и мужъ не желаетъ, а она не повинуется, работать въ домъ не хочеть, а домъ старухинъ... и сынъ у ея въ повиновеніи... потому, не желаетъ супротивъ матери... А что болѣзни, такъ на то воля Божія... и это ее разбереть: можетъ, прихеривается... потому, на ногахъ тверда... ходу даетъ... и ребать кажинный годъ носить, и даже теперь... Такъ судъ въ сумлѣніи насчетъ этого... Правильно ли... то-есть хворь ея... Можетъ и нѣтъ ничего... потому, дѣло закрытое... Божья воля... А пить-ѣсть... одѣжу тоже... нужно... Ну, а между прочимъ старуха дѣтей поднать... безъ нея, говорить, подыму... Такъ пушай же идетъ на сторону, промышляетъ про себя... Ну, вотъ... такъ и пиши...

— Складно...—усмѣхнулся Самсонъ Львовичъ, выслушавши съ улыбкою на устахъ это постановленіе и, лихо размахнувши рукой, началъ бойко записывать его въ книгу.

— Ну, вотъ, поворнѣйше благодаримъ, господа судьи, развазали вы меня съ нею... Намучилась я ужъ довольно.

— А ужъ что хлопотъ ты намъ надѣлала, безпокойства, тоже ходьбы изъ-за тебя... Ведро съ тебя,—сказалъ сгорьевскій староста.—Это безпрямѣнно, господа судьи, на томъ положите...

— Безъ чего нельзя, такъ ужъ...—подтвердилъ Карпѣй.—
Тожь и мы безповоились...

— Это какъ есть...—согласился Дормидонтъ, оживляясь, и
даже замигалъ глазами...

— Хопъ полведерки, господа судьи, староста, — говорила
Агафья, кланяясь:—по бѣдности, по моей... Не подъ силу мнѣ...
Положите полведерки...

— Мало!—возразилъ Дормидонтъ.

— Будеть...—сказалъ Терентій.

— Ну, ну...—согласился Карпѣй.

— На старосту только полштофа особѣ, потому хлопоты
въ-за васъ,—прибавилъ староста.

— Ну, слушай постановленіе, — прервалъ ихъ писарь. — По-
ходи сюда ближе: я буду читать... Ну, вотъ: «по всѣмъ симъ
основаніямъ и принимая въ соображеніе уклоненіе Тихановой
отъ всякой работы по дому, притворство оной въ расслабленіи
будто бы себя отъ болѣзни, даже съ омертвѣніемъ, а между
тѣмъ хожденіе за своей нуждой за двадцать верстъ, и ежегодное
рожденіе дѣтей, опасность отъ ожесточенія противъ нея свекрови
и мужа, при совмѣстной жизни, по случаю ея лѣности и при-
творства, а также и принятіе на себя свекровью обязанностей
матери по прокормленію и воспитанію дѣтей и содержанію дома,
и за непримиреніемъ сторонъ, судъ постановилъ: уволить Па-
лагей Тиханову для заработковъ на сторонѣ, впредь до желанія
свекрови принять ее обратно въ себѣ въ домъ». Ну, вотъ и все.
Ступайте теперь домой.

Агафья и Петръ кланялись. Палагея тихо рыдала.

— Батюшки, судъ православный, защитите вы меня отъ
мужа, разсудите насъ...—выступила-было та баба, которая у
крыльца шумѣла съ мужемъ.

— Стой, куда лѣзешь... Кто тебѣ звалъ?..—внушительно оста-
новили ее писарь.

— Вдова я, съ чужой стороны взята, сельская, онъ избилъ
меня, искалѣчилъ, рученьки, ноженьки повыломалъ, а десятокъ
книгъ...

— Сегодня больше суда не будетъ,—замѣтилъ старшина,—
приходи вдурогорядъ... Никакихъ дѣловъ больше по суду не бу-
детъ разбирать... Уходи прочь... А вотъ что, господа старости
и сборщики, насчетъ недоимковъ теперь разборъ будетъ, потому
исправникъ страсть кричалъ, становой описи сдѣлалъ, увѣщанъ,
матитъ, будетъ... Вотъ благодѣтель, Савва Митричъ, хочеть ис-
купить все, что становой описалъ, и денежки внесеть.

Савва Дмитритчъ одинъ только изъ всей публики сидѣлъ около писарскаго стола на стулѣ, и при этихъ словахъ старшины, крикнувъ, кашлянулъ въ кулакъ и расправилъ на жирномъ лбу масляные волосы.

— Ну-ка, писарь, какой на комъ разсчесть?.. Читай по обществамъ,—приказалъ старшина.

Писарь сталъ перелистывать тетрадь. Народъ пригрудился къ столу. Пришедшіе судиться, въ томъ числѣ и Агафья съ Петромъ, пошли вонъ изъ присутствія.

XV.

Около стола старшины кричали, шумѣли, спорили; кто-то ругался и угрожалъ, кто-то грубилъ и жаловался. Забытая всѣми Палагея сидѣла въ углу на полу; слезы ея высыхали, она, какъ одурѣлая, безсознательно смотрѣла на одну и ту же точку; въ головѣ ея бродили отрывочныя, несвязныя мысли, точно она забыла или не сознавала: гдѣ она, зачѣмъ и что съ нею случилось, точно она переживала какой-то страшный, для нея самой неясный кошмаръ; весь окружающій ее шумъ, гамъ, крикъ, тяжелые шаги входящихъ и уходящихъ людей производили только глухой гулъ и звонъ въ ея ушахъ.

Наконецъ, она почувствовала, что кто-то толкаетъ ее въ плечо, и говорить ей какія-то слова: она съ трудомъ подняла отяжелѣвшую голову и глаза. Передъ ней стоялъ тотъ самый оборванный, лохматый мужикъ, который одинъ возражалъ Мартынычу по поводу его ухаживаній за Саввой Дмитричемъ.

— Очумѣла, что-ли?—спрашивалъ онъ ее, и тотчасъ же самъ себя отвѣтилъ:—да какъ и не очумѣть, парень: очумѣешь...

Палагея смотрѣла на него, силясь собрать мысли и понять: о чемъ онъ ее спрашиваетъ.

— Что сидишь? Ничего не высидишь... Разъ это люди? Черти...

Палагея все еще не понимала его.

— Чего зенки-то вылупила? Нечего смотрѣть-то: небось, я не обижу... Вставай, да пойдемъ на волю: испить дамъ, коли хошь... Все лучше на волѣ-то: здѣсь очумѣешь... сдохнешь, пра, сдохнешь... Вставай, помогу...

Палагея, цѣпляясь за стѣну, поднялась на ноги и, пошатываясь, пошла за мужикомъ: она поняла, что ей велятъ встать и

иди, и повиновалась почти безсознательно, какъ малый напуганный ребенокъ.

Лохматый мужикъ вывелъ ее на крыльцо.

— Подь, воды испей, я вытану...—сказалъ онъ, не видя никого около себя.

Онъ подвелъ ее къ колодцу, вырытому около самаго волостного правленія, вытащилъ бадью и предложилъ Палагеѣ пить прямо изъ бадьи, такъ какъ не во что было налить.

Палагея напилась.

— Ну что, полегше, отошло маненько, аль нѣтъ?—спрашивалъ онъ, и самъ же отвѣчалъ:—знамо легше будетъ... Водка — а знамо лучше, а и вода пользуется ко-время, вотъ особливо югда въ жару пересмякнешь, али бо что... Ну, сядь, посиди тутъ... Куда пойдешь-то?..

— Не знаю, родимый...—проговорила Палагея.

— Да гдѣ знать... Слышала я весь твой судъ... Черти!.. Захотѣла ты у кого судиться... у мужиковъ... Разъ это судъ?.. Это собачій судъ... одно посрамленіе... Да и кто судить-то? Дормидонда-дуракъ, да Карпѣй-воръ... Вѣдь, онъ воръ... воръ, истинно!.. Какъ же, я самъ пымать его съ ульемъ... пымалъ!.. А онъ судить... Ахъ, чтобъ васъ... Господа не въ примѣръ лучше... Какъ можно... Баринъ судить: онъ чувствуетъ, и понятіе свое имѣть... А этотъ что?.. Спили полведра, али четверть—вотъ и весь ихъ судъ... Вотъ меня тоже таскають въ волостную... Ну что, пожалуй, таскай меня... все одно будетъ... Навалили тягло, а я одинокій... ровно персть... какое тягло безъ бабы?.. Промыслишь, говорятъ... Промыслию, это вѣрно, да не про васъ... Гери землю-то: вотъ она, мнѣ не нужно... Такъ нѣтъ, говорятъ, плати... Ну, такъ ужъ нѣтъ же... Взялъ да продалъ и лошадь, и корову, одна избенка, да и та валится... Ну, нѣ, возьми... Что возьмешь-то? Недоимщикъ, чу, ты, описывать тебя будемъ... Описывай: что возьмешь-то?.. У меня, братъ, теперь взять нечего... Одинокъ Валетка... Чисто... вотъ какъ... ни на печи, ни на полатяхъ... Ружье?.. Нѣтъ, шалишь: ружье-то давно въ закладѣ, а на охоту, попопалить, завсегда дадутъ, потому у пріятельевъ... Стегать, говорятъ, будемъ... Стегай... На то она... Много ли выстегаешь-то?.. Рублей, братъ, не посыплется: вотъ что... хошь все стегай... Да, пра... То и твое дѣло: привидывается, говорить, работать не хочется... Да посмотри въ рыло-то... чортъ, собака!.. видать, вѣдь:—въ чей душа... Эхъ, захотѣла ты отъ мужика суда... Пошла къ барину, къ мировому... вотъ тотъ бы разсудилъ...

— Была я, дядюшка...

— У кого, у мирового, у Ивана Петровича?

— Нѣтъ, у Филарета Ивановича?

— А-а, нѣтъ, это другой наставленъ, недавно... Этотъ ужъ самый настоящій... Онъ не то мужиковъ, а всякаго генерала судить можетъ: для него все единственно... И, всѣмъ одинъ судъ: что барину какому, что тебѣ... Вотъ это судъ... Пра, голова, ей-Богу, вотъ-те Христось... Вотъ ступай, онъ твое дѣло справить...

— Охъ ужъ... куда мнѣ...

— Ничего, пра, попытайся... У меня есть писарежъ такой знакомый... Онъ хошь изъ пьяненькихъ, да ничего... гораздъ... Онъ тебѣ прошеніе напишетъ, какое хошь, все выпишетъ... И вали... Что они, собаки, и самъ-дѣлѣ, что хвораго человѣка изъ дома высунули, еще съ брюхомъ... Бога въ нихъ нѣтъ...

— Батюшка, родимый, дядюшка... силушки-то у меня нѣтъ, не дойти...

— А ты не сейчасъ, отдохни... Гдѣ пристать-то думаешь?..

— Не знаю... Куда пойдешь?.. Кто меня пуститъ? Подъ окномъ надо гдѣ околѣвать...

— Пойди ко мнѣ, живи... Хлѣба-то кусокъ найду... Я тутъ не далеко, въ Степанихѣ, всего версты съ двѣ... Хошь полежишь день-другой, а тамъ видать будетъ... Я тебѣ этого писаря разыщу и приведу... Мы съ нимъ дружки... У насъ все недѣленное: зайца убью, али рыбы наловлю, некуда продать — къ нему тащу — съѣдимъ вмѣстѣ, за то и онъ: коли двугривенничекъ навернется, а бываетъ и рублишка, завсегда ужъ вмѣстѣ пропьемъ... Любить онъ меня страсть... Иди ко мнѣ, поживи, ничего: все одно изба-то пустая; у меня, голова, она и не заперта стоитъ: да чего за-пирать-то, нѣтъ ничего, одинъ Валетка... Тотъ не дастся никому...

— Спасибо тебѣ, родимый... Некуда мнѣ дѣться... Ну, а какъ умру я у тебя?.. Больно мнѣ, ничто, нехорошо...

— Ну, такъ что: все въ избѣ-то лучше, чѣмъ подъ ку-стомъ... А можеть и не умрешь, можеть, мы еще и судъ съ тобой найдемъ... Пойдемъ-ка...

— Пойдемъ, дядюшка... Дай Господи тебѣ... Какъ васъ звать-то?..

— Меня-то?... Арсюшкой, зовуть... зовуть и Арсентій Кап-итоничъ... какъ кто сдумаетъ... Я-то тебя знаю... Я всю околицу здѣсь знаю: и свекровь твою, аспида, знаю, и мужа твоего, дурака... Тебя-то выгнали, а я-то самъ отъ дома отказываюсь... Вотъ мы съ тобой ровно и пара: я бездомокъ и ты бездомокъ... И ладно... Да ты не торопись: иди по силѣ... Насъ не работа ждеть, поспѣемъ...

Кое-какъ, съ помощью Арсентія, съ продолжительными отдыхами, Палагея дотащилась до избенки Арсентія. Избенка эта была совсѣмъ на боку, дворъ при ней вовсе безъ крыши; въ воротахъ одно полотнище кое-какъ еще висѣло на веревѣ, а другое давно оторвалось и было привалено къ веревѣ поперекъ. За нѣсколько дворовъ до своей избы, Арсентій былъ встрѣченъ ржкимъ безхвостымъ Валеткой съ острой мордой и торчащими вверхъ ушами. Лая и визжа, Валетка терся около ногъ Арсентія, а тѣ очень серьезно рекомендовалъ ему новую знакомую и приказывалъ беречь и слушаться ее.

Въ избѣ Арсентія не оказалось ничего, кромѣ вязанки соломъ и подобія подушки изъ стараго дыряваго мѣшка, набитаго сѣномъ, на которомъ въ отсутствіе хозяина спалъ обыкновенно Валетка. Да еще на стѣнѣ висѣли обрывки невода, которымъ Арсентій ухищрялся ловить рыбу.

— Ну, вотъ и полежи...! — сказала Арсентій, указывая Палагею на свое ложе: — тутъ ничего, важно... Обогнуться вотъ только нечѣмъ... Да ты кафтаномъ-то своимъ обогнись... А я пойду картошки промыслю — сваримъ...

— Вотъ что, дядюшка Арсентій, есть у меня сестра двоюродная, Секлетей, въ Мѣшковѣ... Можетъ, знаешь, Мѣшково-то?

— Ну, какъ не знать...

— Нельзя ли бы какъ ей повѣсточку дать обо мнѣ... Больно мнѣ плохо, силушки моей нѣтъ, не помереть бы... Она бы пришла, провѣдала меня...

— Это долго ли... Мѣшково-то отъ насъ всего верстъ съ десять... Вотъ картошки сварю, да и пойду: ружьишко захвачу, можетъ, еще не убью ли что... Сегодня же вѣсть подамъ.

Арсентій былъ человѣкъ особенный. Ему было уже за 50 лѣтъ, но на лицо нѣкто не далъ бы ему и 40: въ его, никогда нечесанныхъ, всклокоченныхъ волосахъ на головѣ и въ бородѣ не было ни одного сѣдого волоска; онъ никогда не жаловался на свою собачью бѣдность; несмотря на свою лѣнь, онъ способенъ былъ дѣлать по 30 верстъ въ сутки на охотѣ, или желая кому услужить; никогда никому не завидовалъ, но богатыхъ мужиковъ безъ злобы видѣть не могъ и готовъ былъ сдѣлать имъ всякую радость; добрый отъ природы, онъ постоянно казался озлобленнымъ, недовольнымъ и находилъ удовольствіе сдѣлать людямъ зло и на-смѣхъ; честный по-своему, онъ не считалъ грѣхомъ и не стыдился взять потихоньку чужое, что было ему нужно, и потомъ самъ въ этомъ признавался, а въ то же время, при случаѣ, готовъ былъ отдать съ себя послѣднюю рубашку. Водку и

охоту онъ любилъ больше всего въ мірѣ, но пьяницей, въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ никогда не былъ. Попа была жива жена, онъ хотъ не усердно, но занимался еще хозяйствомъ и жилъ не хуже другихъ; послѣ же смерти жены, сдѣлавшись совершенно одинокимъ, такъ какъ дѣтей у него не было, онъ забросилъ и домъ, и хозяйство, шатался и жилъ извѣстнаго дня въ день, не платилъ никакихъ повинностей, несмотря на всѣ преслѣдованія своего міра и волостного начальства.

По натурѣ и образу мыслей своихъ онъ былъ крайній радикалъ и отрицалъ все, что его окружало. Въ послѣднее время общество махнуло уже на него рукой и оставило въ покое; но онъ продолжалъ считать себя притѣсняемымъ, ходилъ на сходы, оппонировалъ и бранился.

Гдѣ досталъ Арсентій картофеля—это осталось его тайной, но онъ исполнилъ обѣщаніе: собственноручно сварилъ его, наѣлся самъ и угощалъ Палагею; а затѣмъ уже отправился въ Мѣшково, оставивши около Палагеи Вазетку.

Онъ пришелъ въ Мѣшково уже поздно вечеромъ. Секлетей не хотѣла вѣрить рассказамъ Арсентія. Давно ли она съ такимъ торжествомъ побѣдила всѣ козни враговъ Палагеи, самъ Филаретъ Иванычъ принялъ въ ней участіе, самъ старшина долженъ былъ вести и устроить Палагею въ ея семьѣ; Секлетей даже собиралась на Ивановъ день побывать въ Сгорьево подъ предлогомъ свиданія съ сестрою, но съ тайною цѣлью — помолаться надъ Агафьей и подразнить ее своимъ вліяніемъ; и вдругъ, теперь новыя неожиданности вѣсти: Палагея прогнана изъ дому уже окончательно и на законномъ основаніи, и пристала у какого-то нищаго, чуть ли не умираетъ, и Христа ради зоветъ ее къ себѣ.

— Да полно ты, не шутишь ли ты надо мной шутишь? — переспрашивала Секлетей. — Ушамъ-то своимъ я не вѣрю... Ну, какъ это можетъ статься, коли самъ Филаретъ Иванычъ...

— Да чего тутъ толковать: пойдемъ, такъ сама тебѣ все расскажетъ...

— Ну, ужъ нѣтъ, я теперь, на ночь глядя, не пойду... Пойду ли, нѣтъ ли, завтра...

— Что такъ, али опѣсишься со мной?..

— Да, вѣдь, извини ты меня, любезный человѣкъ... Я тебя не знаю: всяко бываетъ...

— Вишь ты... И то, долго ли до грѣха: я-то молодецъ этакой, да и ты-то кралечка писаная: пожалуй, и согрѣшишь въ дорогѣ-то, да еще ночнымъ дѣломъ...

— Ну, голубчикъ, ты эти зубоскальства-то про кого другого

перереги, а не про меня... Можетъ, ты и хорошій, и добрый человѣкъ, я тебя не знаю, а коли что, такъ, вѣдь, я и закричу, сплосхъ подниму: деревня-то у насъ, слава Богу, не мала, у насъ тоже сусѣди есть... вступятся!..

— Да что ты, грабить, что-ли, я тебя пришелъ, али зачѣмъ?.. Мое дѣло сказать, а тамъ какъ хошь... На воть: я изъ добра, а она... Всѣ вы черти... Намлевать мнѣ... Я уйду, не бойся... Только что больно просила: не умереть бы, говорить...

— Да и я не къ обидѣ твоей... Коли ты добрый человѣкъ, дѣ Богъ тебѣ здоровья... А нечего и тебѣ такіа каверзные слова повторять: я, другъ, тоже не изъ какихъ, меня господа знаютъ и уважаютъ... Я придети приду завтра же, только по ночамъ я не ходилыщца...

— Да ну, ваше степенство, какъ изволите... Завтра такъ завтра... Для-че ночью идти: не къ любовнику и вразправду... Мотри же, придешь въ Степаниху, спрашивай, Арсентія Баптинича: меня всякой знаетъ, да и сама найдешь: домъ преуважаемый большой стоитъ, изо-всего порядеа, ворота дубовы, крыша тесовая, окна створчаты... Туда и иди... Ну, прощай, царевна, Василиана-королевна... Я пойду, а ты запирайся хорошенько: въ самъ-дѣлѣ, кто бы честь твою не нарушилъ, въ золотъ теремъ не ворвался... Мотри же, приходи завтра безпремѣнно.

Арсентій засмѣялся и вышелъ. Онъ пошелъ не прямо въ Степаниху, а въ сосѣднюю большую деревню, гдѣ жилъ его приятель писарь.

Квартировалъ этотъ деревенскій адвокатъ у одного мужаа, который держалъ бѣлую харчевню безъ права продажи нитей, но подавалъ посѣтителѣмъ въ чайнивахъ не чай, а водку. Здѣсь онъ принималъ своихъ кліентовъ, писалъ имъ прошенія, бралъ съ нихъ гонораръ за трудъ часто въ видѣ одного угощенія и, служа вмѣстѣ съ чайниками притягательной силой заведенія, пользовался даровой квартирой и столомъ. Если не было дѣловыхъ занятій, то Фирсычъ (такъ звали его) обязанъ былъ занимать гостей игрою на гитарѣ и пѣніемъ, а пѣлъ онъ обыкновенно всегда одну и ту же пѣсню:

Не слышно шума городского,
На невской башнѣ тишина,
И на штыкѣ у часового
Горитъ полночная луна...

Эта обязанность Фирсыча создавалась не по условію, а сама собою. Давно, во времена еще цвѣтущаго благосостоянія, когда Фирсычъ былъ писаремъ въ магистратѣ, онъ приобрѣлъ себѣ ги-

тару и выучился отъ товарища наигрывать на ней эту пѣсню. Много пережилъ съ того времени Фирсычъ, перенесъ разныя превратности судьбы, терялъ все благопріобрѣтенное, даже до шапки и сапоговъ включительно, но съ гитарой не разставался, и, поселяясь на послѣднее пристанище къ мужику, котораго онъ же надоумилъ открыть бѣлую харчевню, онъ, кромѣ халата, подпоясаннаго полотенцемъ и опорковъ на босыхъ ногахъ, принесъ съ собою одну гитару. Въ веселомъ или грустномъ настроеніи духа, смотря по степени опьянѣнія, онъ постоянно напѣвалъ и наигрывалъ свою пѣсню, и посѣтители бѣлой харчевни уже прямо требовали отъ Фирсыча музыки, въ которой онъ отказывалъ развѣ только занятый сочиненіемъ какого-нибудь прошенія. Къ этому-то Фирсычу стремился Арсентій.

Въ бѣлой харчевнѣ огонь еще не былъ погашенъ и крыльцо не заперто. Арсентій вошелъ. Въ большой избѣ стояло три простыхъ бѣлыхъ стола. На одномъ изъ нихъ горѣла тонкая желтая вонючая сальная свѣча и стоялъ чайникъ. У этого стола сидѣлъ Фирсычъ и противъ него мужикъ. Собесѣдникъ что-то рассказывалъ Фирсычу, сильно жестикулируя и размахивая руками, тотъ сосредоточенно слушалъ, постукивая по столу пальцами дрожащихъ рукъ. Фирсычъ былъ видимо въ дѣловомъ настроеніи: маленький морщинистый лобъ его морщился, нижняя губа выпячена впередъ, воспаленныхъ слезящихся глазъ почти не было видно подъ сдвинутыми бровями. Появленіе Арсентія мгновенно измѣнило его фیزیономію: Фирсычъ ожилъ и засіялъ пріятливой улыбкой.

— А, другъ сердечный, вотъ не ждалъ... Какими судьбами, ночью темнотой?—привѣтствовалъ онъ Арсентія.

— По тебѣ стосковался...—отвѣчалъ Арсентій, подсаживаясь къ столу и безъ церемоніи заглядывая въ чайникъ.—Есть ли что, али ужъ покончили?..

— Это вотъ проситель... насчетъ дѣла... поставилъ, — говорилъ Фирсычъ, указывая на мужика. — Да пей, пей... ничего... Еще добудемъ... Твое дѣло—можно, — обратился онъ къ просителю:—распишемъ такъ, что ай-люли, и его, можно сказать, подъ сюркупъ подведемъ...

— Главный предметъ, Фирсычъ, нажи хорошенько, чтобы онъ чувствовалъ...

— Да ужъ это, братъ, наше дѣло... не проси: у насъ почувствуетъ... А ты вотъ что, ко мнѣ дружокъ пришелъ, видишь: такъ я тебѣ еще чайничекъ промыслю...

И Фирсыть съ ошороненнымъ чайникомъ упелъ въ другую избу, гдѣ жилъ хозяинъ и хранилась вода.

— Это мнѣ ничего, Фирсыть, это мнѣ не жалко... — говорить ему вслѣдъ проситель: — только чтобы его прижать-то хорошенько, потому прежде кровь пили и теперь хотятъ...

— На управителя, что-ли? — спросилъ Арсентій.

— Да какъ же, загнать наше стадо, значить, для потравы... для штрафа... да загнать-то въ одинъ сарай и лошадей, и коровъ, и мелкую животину, все вмѣстѣ... У меня овцу и помани — пошла... Я прихожу къ нему... Ну, знамо жалко, говорю съ сердца: грабители, я говорю, вы... Заплати за овцу... А онъ минни, повернулъ да по шеѣ и разъ, и два, и три: вотъ, говоритъ, получи свое, и сдачи, говорить, не нужно... Нѣтъ, врешь, минни, такъ братъ нонѣ нельзя... Теперь онъ мнѣ и за овцу заплати, и за меня заплати, за безчестье... Только ужъ того жалко, что не окровянилъ, а окровяни онъ меня тогда, присидѣтельствовавъ бы: Фирсыть, говорить, не миновать бы ему острога... Вотъ бы чудесно...

— Мало ли бы чего: кабы окровянилъ-то, совсѣмъ бы по другой статьѣ... — выѣхался Фирсыть, воротившійся съ наполненнымъ чайникомъ.

— Вотъ то-то и горе-то мое, что дѣло-то безъ крови... Кровь ужъ въ этомъ случаѣ на что лучше... Мнѣ бы обернуться тогда, можетъ, по носу бы угодилъ, али-бѣ пасть на что, чтобы царину на режу хорошую — вотъ бы и разъ... А все ты, Фирсыть, его новажми, потому обида: теперь этого не приказано, ни, Боже мой... Новой мировой нарочно посаженъ...

— Да ужъ сказано тебѣ: не сумнѣвайся... только, чтобы свидетели были...

— Свидѣтелей найдемъ... сколь угодно... Весь міръ пойдетъ...

— Ну, и нажмемъ...

— А я тоже, вѣдь, съ дѣломъ къ тебѣ, Фирсыть... — сказалъ Арсентій...

— Полно... Для друга могу... Съ вами?

— Отгони загадку: вдова, а замужемъ, безъ мужа, а не вдова...

— Коли мужъ есть, такъ какая вдова, а коли вдова, такъ, стало, мужа нѣтъ...

— Истинно, — подтвердилъ мужень.

— Вотъ то-то и есть, а у насъ по другому: вотъ ты и раскуси... У насъ бабу, дѣтнуу, да еще съ брюхомъ, съ живымъ мужемъ развали... Можно это?..

— Консисторія можетъ... Если мужъ, али жена гуляе на

сторонѣ... и бывъ свидѣтелями настигнуты въ самомъ грѣхѣ... Консисторія можетъ...

— Какая тутъ... нѣтъ... И грѣха никакого не было, а свекровь гонять... баба хвора... У насъ волость и развела: прогнать, говорить, изъ дома, коли свекровь не желаетъ... Въ законѣ это?...

— Ни подъ какимъ видомъ...

— А баба-то чуть жива... Кормиться нечѣмъ... Сродниковъ нѣтъ... Я такъ полагаю: къ мировому нужно...

— Первымъ дѣломъ... Описать все въ самыхъ жалостныхъ словахъ, и къ мировому судѣ... потому онъ благодѣтель... онъ долженъ войти въ это...

— Такъ ты мнѣ это сдѣлай, Фирсичъ... дружески... потому баба голая, взять съ нея нечего, а есть у нея сестра двоюродная, изъ той можетъ что и выморщимъ: потому, своя избенка... Ну, а нѣтъ, такъ ужъ ты такъ, для меня...

— Да что тебѣ-то, сродни, что-ли?

— Какое сродни: что Валетка, что она — все одна мнѣ родня-то... А такъ, что какой это судъ... мужицкій... Досада беретъ... Опять же баба больная, на ладанъ дышетъ... Пускай же имъ, чертамъ, мировой носъ утретъ: законъ покажетъ... Для меня... Сдѣлай...

— Ладно, могу...

— Такъ ты утре приходи ко мнѣ... Уже удружен: опиши по-свойски... Баба-то у меня и лежитъ: я ей весь свой дворецъ отдалъ... Надо идти провѣдать... что она тамъ...

— Такъ выпей еще на дорогу-то...

— Пусонокъ давай... Эхъ, кабы не водка, такъ, кажись, и жить-то на свѣтѣ незачѣмъ.

— Истинно, братъ Арсюша: утѣшеніе во всѣхъ скорбяхъ и напастьяхъ...

Пріятели расстались, и Фирсичъ принялся за сочиненіе прошенія для мужика.

Арсентій воротился домой около полуночи. Онъ не хотѣлъ было входить въ избу, чтобы не разбудить Палагею, и намѣревался лечь спать въ сѣняхъ; но Валетка, запертый въ избу, услышалъ его и поднялъ радостный лай. Арсентій за это ткнулъ его ногой, входя въ избу, и окликнулъ Палагею.

— Что, жива ли? Это я, Арсентій...

— Жива, дядюшка Арсентій.

— Ну, видѣлъ твою сестрицу: завтра общалась придти, а сегодня не пошла: боюсь, какъ бы ты, говорить, ночью чего со

ной не сдѣлалъ. Ну, заходилъ и къ писарю: общалъ прошеніе написать... А теперь спи, и я, ничто, пристаю, спать хочу.

— На чемъ же ты ляжешь-то, дядюшка?

— А вотъ, на печѣ...

— Да нѣту, подостлаться-то тебѣ нечѣмъ: возьми хошь подушку-то у меня, али вотъ кафтанъ мой...

— Лежи-ка, лежи, не твое дѣло... На мнѣ нѣтъ, что-ли, кафтан-то, а Валетку подъ голову положу, вотъ-те и подушка: онъ мягкой... Картошку-то, чай, не всю съѣла?..

— Нѣту, дядюшка, не ѣтся ничто...

— Ну, вотъ я ее и съѣмъ; я-таки проголодался... Поѣмъ да и спать... Валетка, на картошки...

— Экой ты, дядюшка Арсентій, милостивый... Куда бы я дѣлась, кабы не ты: на улицѣ бы пришлось окопѣвать...

— Ну да, невидалъ большая: въ эки хоромы привелъ и правду... Сколь ты мѣста заняла, а намъ съ Валеткой еще осталось... Ты нишкни, спи лучше... Я этихъ разговоровъ-то не люблю...

— Совѣсть-то меня больно ѣстъ, что, ну-ка, чужой человекъ меня, хворую, приврѣлъ и хлопочетъ изъ-за меня, ровно сродникъ какой...

— Да что за хлопоты... Никакихъ хлопотъ нѣтъ... Лежать лежи, сколь хошь, не дорогого стѣить: мѣста не пролежишь; а вотъ только не помирай у меня, а то затаскають... Этого ты не дѣлай... Мы еще постоимъ: свекруху твою сократимъ вотъ какъ, не будетъ она хворую невестку изъ дома вонъ выгонять... Эхъ, чудесное это кушанье—картошка... Вотъ поѣлъ—теперь спать... Спи и ты... Валетка, гонъ сюда!.. Подвинься, уродъ... Вотъ такъ... У-у...

Арсентій зѣвнулъ и чрезъ минуту уже храпѣлъ на всю избу.

XVI.

Палагея провела всю ночь почти совсѣмъ безъ сна: упадокъ силъ у нея былъ страшный, она съ трудомъ ворочалась съ боку на бокъ, холодный потъ обливалъ все ея тѣло и при этомъ смертельная тоска, замираніе сердца, точно каждую минуту она ожидала чего-то ужаснаго. Поутру, около ея убогаго ложа собрались всѣ ея послѣдніе друзья: пришла Секлетей, воротился съ охоты, на которую уходилъ еще до свѣту, Арсентій и принесъ съ собою зайца, явился, наконецъ, и Фирсычъ, ради котораго

заботливый Арсентій достать гдѣ-то полштофъ водки. У хозяина оказалась въ сосѣдней деревнѣ пріятельница разбитная, хоть и не молодая уже, солдатеа, которая также явилась и принесла съ собою ржаныхъ лепешекъ. Начались разпросы Палагеи и Арсентія, потомъ приступили къ совѣщанію.

— Мой совѣтъ, — сказала Секлетей: — идти мнѣ сейчасъ къ Филарету Иванычу и разсказать ему все дѣло: онъ баринъ характерный да и ко мнѣ милостивый; по моему короткому знакомству, онъ вступится, что какъ смѣли не по его приказанію сдѣлать, и сейчасъ все передѣлаетъ... и Палагею успокоить...

— Да что твой Филаретъ Иванычъ? ходили ужъ вы къ нему — что пути-то вышло? — возразилъ Арсентій. — Тутъ къ судѣ нужно...

— Напрасно вы такъ говорите, — отвѣчала Секлетей: — супротивъ Филарета Иваныча другихъ такихъ господъ у насъ нѣтъ... И опять же, у насъ знакомство: я на нихъ завсегда рубашки шью и даже, можно сказать, секреты ихніе знаю, такъ ужъ никто больше его для меня не постарается... Это вы повѣрьте...

— А мировой судья завсегда больше его будетъ, потому онъ всякаго судить можетъ, а Филаретъ Иванычъ только насчетъ мужиковъ.

— Да, сказываютъ, и цѣпь на немъ другая: важнѣе, чу, не въ примѣръ, и больше! — подтвердила солдатеа. — И гордый, гордый, сказываютъ: никому путемъ не скажетъ, а все въ язву, все въ язву... Тутъ баринъ стоитъ, а тутъ — мужикъ, а онъ нарочно передъ бариномъ мужику-то: вы да вы... А самъ на барина посматриваетъ: вотъ, молъ, какъ, слышишь: для насъ все единственно, что ты, что мужикъ... Одно вамъ мое обращеніе.

— Да, — согласился Арсентій: — и много съ нимъ не разговаривай, а какъ заговорилъ: пожалуйста три цѣлевыхъ... значить, штрафъ... И шабашъ...

— Слышала я это сама, — возразила Секлетей насмѣшливо, — то же на господахъ, славу-Богу, живу; только мнѣ это довольно странно, какъ вы говорите: не разговаривай... какой же это судъ?.. Объ своей нуждѣ я завсегда могу говорить...

— Да именно такъ: ты объ нуждѣ своей говори, онъ ничего, а коли ты что другое заговорилъ, али виноватъ да разговаривать началъ, ну и шабашъ: три цѣлевыхъ... Ужъ коли виноватъ, молчи лучше, проси прощенья... Вотъ это судъ какой... Это не то, что вотъ вашъ Филаретъ Иванычъ ее на мужицкій судъ послалъ... Да что мы споримся-то? Вотъ Фирсычъ, кому ужъ

лучше знать; скажи, Фирсычъ, къ кому теперь идти по ея дѣлу: къ посреднику, или къ судѣ?..

— А я сию да слушаю: какіе законники собрались... Думаю ужъ, не уходить ли мнѣ во-свояси: сами все знаютъ...

— Это мы такъ только,—поспѣшила приласкаться Секлетей: —а гдѣ же намъ знать противъ васъ: вы служащій человекъ были... Не оставьте вашимъ совѣтомъ.

— А за труды какая же благодарность будетъ?..

— Отъ меня... вотъ! — сказалъ Арсентій, вынимая изъ-подъ пазухи полштофа.

— Это для вдохновенія и слезъ теченія,—сказалъ Фирсычъ, ослабляясь, и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ потянулся къ полштофу.—Изъ горлышка въ горлышко, знать?..

— А то какъ же, стаканы-бокалы тебѣ, что-ли?.. Нѣтъ у меня этого заведенія...

— Э-эхъ,—отряхнулся Фирсычъ, отпившій заразъ чуть не половину.—Вкушай, люблю дружество...

Онъ пододвинулъ водку Арсентію.

— А отъ тебя, по сестриному твоему сердоболію, какое будетъ благодареніе за совѣтъ мой и написаніе... Безъ письменнаго прошенія тутъ ничего не подѣлаешь? — обратился Фирсычъ къ Секлетей.

— Человекъ я небогатый, — отвѣчала Секлетей: — но для ради убогаго человека двугривенничекъ возьми съ меня.

— Бумага моя, чернила мои, перо тоже тупится,—у васъ вѣдь этого запаса нѣтъ,—но болѣе того изложеніе мыслей оцѣнивается... Два прошенія нужно выразить: одно, апелляціонное, къ посреднику, другое, исковое, къ мировому судѣ... Все нужно сообразить съ законами и выразить, попробуй-ка мозгами-то пошевелить и такъ все изложить, чтобы даже чувства въ содроганіе пришли,—вотъ вѣдь что... Ужъ мало-мало по полтиннику за прошеніе: рублевку за оба...

— Ну, а ты для дружбы уступи, — вступился Арсентій: — возьми два двугривенничка... И ты не жалѣй ужъ, дай для сестры...

— Затѣмъ два-то писать? Будетъ бы одного,—нерѣшительно замѣтила Секлетей.

— А потому нужно, что ужъ если моего совѣта просишь, то и слушай... Сказано: «толпите и отверзается вамъ»... Судъ утруждаютъ—и утруждай. Здѣсь попросила—не беретъ, утруждай въ другомъ мѣстѣ. Опять же внушительно тебѣ сказано: одно дѣло—апелляція, другое дѣло—искъ. Апелляція есть обжа-

лованіе, искъ суть взысканіе обиды. Кто ее обидѣлъ? Свекровь и мужъ: ищи у судьи мирового о взысканіи претерпѣнныхъ обидъ и убитковъ. Кто ее неправильно судилъ? Старшина и волостной судъ: обжалуй къ вышнему начальству — посреднику... Постыдно мнѣ все это излагать предъ вами, бабами непонимающими... Для дружества милосердіе оказать могу: два двугривенныхъ возьму, себя ограничу, но въ дальнѣйшихъ разговорахъ дарованія мои предъ вами расточать не буду... Или слушайтесь меня и надѣйтесь, или дѣйствуйте по неразумному усмотрѣнію своему... Въ пьяной компаніи я праздный пѣснотѣвецъ и шалунъ; а въ дѣлахъ — знаніемъ и мудростію надѣленъ отъ Бога сверхъ мѣры и въ зависть людямъ: оттого и скитаюсь...

— Да что ужъ про то и говорить, Фирсычъ... Дѣлай, какъ знаешь... — сказалъ Арсентій.

— Ужъ сдѣлайте ваше одолженіе: не оставьте... — повторила и Секлетей, очарованная краснорѣчіемъ Фирсыча и почувствовавшая къ нему полное довѣріе. — Ужъ не оставьте: какъ прикажете, такъ и будемъ дѣлать.

— Благодарность впередъ получаю всегда... — сказалъ Фирсычъ, протягивая руку.

— Въ этомъ не сомнѣвайтесь...

— Получить желаю... — наставлялъ Фирсычъ.

Секлетей засуетилась: вытащила платокъ, въ углу котораго завязано было нѣсколько серебряныхъ монетъ на всякій случай; теперь она вынуждена была положить эти деньги въ руку Фирсыча. Послѣдній, принявши ихъ, спокойно и съ какой-то внушительной строгостью, вытащилъ изъ бокового кармана листа два сѣрой бумаги, сложенныхъ вчетверо, съ помѣщеннымъ въ свѣтъ перомъ, а изъ задняго кармана пузырекъ съ чернилами. Разгладивши листъ бумаги и положивши его передъ собою, онъ раскупорилъ пузырекъ, посмотрѣлъ къ свѣту на конецъ пера и снялъ съ него что-то ногтями. Все это онъ дѣлалъ съ крайнею серьезностью и торжественною медленностію. Всѣ присутствующіе сохраняли глубочайшее молчаніе и смотрѣли на Фирсыча чуть не съ благоговѣніемъ.

— Ну, теперь... — Фирсычъ взялъ въ руку полштофъ.

— Для усугубленія мыслей... — сказалъ онъ, и отпилъ водки.

— Для размягченія чувства.... — глотнулъ еще.

— Для просвѣтленія разума... — Фирсычъ допилъ остатки и глубоко вздохнулъ. — А съ тобою, другъ, — обратился онъ къ Арсентію, — по написаніи, раздѣлимъ сіи крохи благодарности, врученныя... благожелательною сестрою сей болящей.

— Ладно, ладно, Фирсычъ... поспѣемъ послѣ, — отовался Арсентій.

— Ну, теперь отирой мнѣ, болящая, твое имя, отчество и прозваніе... — обратился Фирсычъ къ Палагѣй, беря въ руку шро.

Палагѣя такъ плохо себя чувствовала и такъ была утомлена всей происходившей передъ ней сценою, что давно уже не въ силахъ была слѣдить за разговоромъ и лежала закрывши глаза. Она ничего не отвѣтила и на вопросъ Фирсыча. За нее отвѣтила Секлетѣя.

— Равнобѣрно имя, отчество и прозвище свекрови и мужа... — продолжалъ Фирсычъ. Ему также сказали.

Сморщивши брови, закусивши нижнюю губу, склонивши на бокъ голову, Фирсычъ началъ писать. Въ нѣбѣ стояла полнѣйшая тишина и безмолвіе. Всѣ, забывши о Палагѣй, смотрѣли только на руку Фирсыча, то опускавшую перо въ пузырекъ съ чернилами, то скользящую по бумагѣ.

Вдохновенный Фирсычъ писалъ, не останавливаясь. Въ жалобѣ посреднику онъ обвинялъ старшину и волостной судъ въ притязательности, издомиствѣ, лихониствѣ и умышленномъ неправосудіи, и заканчивалъ такими словами: «сіе противоестественное судилище, какъ Ноевъ ковчегъ, собравши въ себя всякую скверну и гадь, не токмо предало осмѣянію и растлѣнію естество законнаго супружества моего, но и расторгло узы крови въ рожденныхъ дѣтахъ и въ утробѣ моей заключенномъ, какъ чувствую себя въ тяжести и на сносѣ, при сихъ прискорбныхъ моихъ обстоятельствахъ. А я желаю жить въ союзѣ супружества и при означенныхъ дѣтахъ моихъ и могу ли быть. Посему осмѣливаюсь утруждать, особу вашего высокоблагородія, кѣмъ честь покорнѣе просить, дабы дальнѣйшаго не было, учинить съ вашей стороны распоряженіе и тѣмъ удовлетворить мою просьбу».

— Вотъ одно и готово, — сказалъ Фирсычъ, и прочиталъ вслухъ свое сочиненіе.

Слушатели остались очень довольны. Секлетѣя даже прослезилась. Арсентій торжествовалъ.

— Спасибо, Фирсычъ, — говорилъ онъ: — ужь, братъ, постарался, вотъ постарался, проморгъ ты ихъ, нечего сказать, будутъ помнить, курицыны дѣти... Что, говорилъ я тебѣ, — обратился онъ къ Секлетѣй: — назовъ человекъ-отъ Фирсычъ...

Но вдохновенія и павоса у Фирсыча достало только на первое произнесеніе: вода начинала брать свое, отуманила и отяже-

лила мудрую голову и бойкую руку юриста; глаза его, какъ говорится, посоловѣли, и самъ онъ, видимо, осовѣлъ. Бойко написалъ онъ заголовокъ: «его высокоблагородію, такому-то судѣ, такого-то участка, такой-то женѣ покорнѣйшее прошеніе»; также бойко началъ онъ и самое прошеніе съ неизбѣжнаго дѣеучастія: «вступивъ въ законное супружество съ крестьяниномъ Петромъ Ивановымъ»...; но тутъ задумался и остановился...

— Какъ дѣтей зовутъ? — спросилъ онъ.

— Это ребятешекъ-то ея? — отозвалась Семлетя.

— Непремѣнно нужно знать...

Старшенькаго Васюткой, а второго Оедюшкой, третьяго... Вотъ не помню. Палагеюшка, какъ третьяго-то у тебя зовутъ?... А, Палагея...

— Охъ, что, матушка?... — отозвалась Палагея, какъ бы въ испугѣ.

— Какъ третьенькаго-то зовутъ у тебя?

— Кого, родима?...

— Ну, старшій-то, вѣдь, у тебя Васюта, второй—Оедюшка, а махонькаго-то какъ? Позабыла я, а они вонъ спрашиваютъ...

— Ванюшка... Иванушка...—едва выговорила Палагея и зарыдала. — Бѣдныя мои, горемычныя мои дѣточки, — твердила она.

— Ну, а ты нишкни, нишкни... Вотъ они все сейчасъ опипутъ.... воротятъ тебя къ твоимъ дѣтушкамъ, — утѣшала ее Семлетя.

Фирсычъ записалъ имена дѣтей.

— А сколько лѣтъ въ замужствѣ?—спросилъ онъ.

— Пять, батюшка, шестой,—отвѣчала Семлетя.

— Такъ...

Фирсычъ вновь перечиталъ начало прошенія. Голова его совсѣмъ не работала, хотъ брось дѣло, но дѣеучастія поддержали и спасли его репутацію передъ зрителями. Привычной рукой онъ началъ выводить: «вступивъ въ законное супружество, находясь въ ономъ невступно шесть лѣтъ, имѣя престарѣлую свекровь и троихъ дѣтей мужеска пола: Василія 5 лѣтъ, Оеодора 4 и Ивана 2 лѣтъ и будучи обременена, въ тягости, и не имѣя никакихъ средствъ и даже близкихъ родственниковъ, но бывъ выгнана изъ дома и терпя разныя притѣсненія и скандалъ, а сама находясь въ болѣзненномъ состояніи, въ расслабленіи рукъ и ногъ и даже спины и всѣхъ членовъ сустава моего, не видя сердечныхъ чувствъ отъ законнаго мужа моего, но, вмѣсто оныхъ, терпя притѣсненія, побои, толченіе и даже раны отъ свекрови моей, кото-

ры не только къ соединенію и союзу семейному, но къ единому расторженію нашего брака».

Фирсычъ, наконецъ, поставилъ точку и, долго не думая, перешелъ къ просительному пункту:

«А посему всепокорнѣйше прошу,—писалъ Фирсычъ:—меня отъ сего освободить, виновныхъ предать суду законовъ со взиманіемъ въ мою пользу убытковъ и меня возвратитъ въ лоно супружества».

— Вотъ и другое готово... У-ухъ, тяжелое это дѣло,—скажи Фирсычъ, помахивая правой рукой.—Теперь рукоприкладство сдѣлать — и шабашъ. Подавать прошеніе кто пойдетъ: ты, то-ли?—обратился онъ къ Секлетей.

— Да ужъ, стало-быть, я: нечего дѣлать, надо для своей грѣхи постараться... Ей самой не дойти: вонъ она какая... Только жъ, къ суду-то дороги не знаю: никогда не бывала...

— Я тебя провожу, — вызвался Арсентій. — Вотъ пойдемъ зайчика да и пойдемъ... Не столь, вѣдь, далеко... Засвѣтло еще вернемся...

— А однако, далече ли?..

— Да верстъ съ восемь усадьба-то его...

— Ну, ужъ не по моимъ бы это ногамъ, да во что Господь поставитъ: потружусь для больного человѣка...

Закусивши зайцемъ, свареннымъ солдаткою, компанія разошлась: Фирсычъ ушелъ домой, а Секлетей съ Арсентіемъ отправились съ прошеніями. Ушла и солдатка.

Палагея осталась опять одна въ убогой избѣнкѣ Арсентія подъ присмотромъ Валетки. Въ присутствіи своихъ друзей она ничего не говорила, не жаловалась на свои страданія: ихъ хлопоты, ихъ заботы о ней давали ей какъ-будто лучъ надежды на лучшее будущее; но, оставшись одна, она яснѣе понимала свою безпомощность, сильнѣе чувствовала свои страданія, сознавала, какъ мало оставалось у нея физическихъ силъ. Отъ времени до времени какой-то страхъ нападалъ на нее, точно ее живую зарыли въ могилу или замуравили въ стѣну; затѣмъ тоска мучительная, неототимая, грызла ее сердце: она рвалась домой, къ дѣтямъ, плакала, звала ихъ, каталась на постели; внутри ея все горѣло, а снаружи тѣло обливало холоднымъ потомъ, нервныя судороги сжимали горло, физическія страданія усиливались, а за ними наступала общая слабость, упадокъ силъ: она лежала тогда по цѣлымъ часамъ, блѣдная, неподвижная, точно жизнь совсѣмъ оставила ее.

Такъ прошелъ для нея весь этотъ день. Поздно вечеромъ воротился Арсентій: онъ былъ пьянъ и золъ.

— Что, батюшка, что Богъ далъ?—спросила его Палагея.

— Что, баба, видно ты безсудная родилась на свѣтъ... Никакого пути не вышло... Не принялъ судья: не мое, говорить, это дѣло: судилась, говорить, въ своемъ судѣ, въ волостномъ, при томъ, чу, пусть и останется... Я говорю: ваше же, ваше благо-родіе, мы желаемъ вашего суда, потому не желаемъ мы мужицкаго суда... и опять же, я говорю, мы съ прошеніемъ... И про-шеніе, говорить, ваше дурацкое... Мы-было съ Секлетеей опять... Подите, говорить, вонъ, а то општрафую... Вышли... Какъ по-чала твоя сестричка срамить меня, какъ почала ругать... Эхъ, чтобы васъ рѣзорвало... Ровно я не къ добру хотѣлъ... Да ужъ и то сказать: свяжись съ бабами... На что хуже... Самый па-скудный народъ... Зашелъ оттуда и къ Фирсычу, того-то изру-галъ, а за что—и самъ не знаю... Эхъ, только горе съ вами...

Палагея слушала молча. Сердце ея совсѣмъ упало. Она не смѣла даже и спрашивать болѣе Арсентія, но тотъ самъ продол-жалъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Да съ Фирсычемъ это ничего... Ну, поругались, а тутъ и опять поладили, онъ же угостилъ... А вотъ, паря, сестрица твоя... Аи злюща... Я ее и такъ, и сякъ: нѣтъ, не дается на ладь... Звонить ровно въ колоколъ... Я говорю: придешь ли къ сестрѣ-то?.. Я, говорить, этакъ не привыкла, я на господахъ вы-росла... Не мнѣ, говорить, на побѣгушкахъ-то бѣгать, къ тебѣ ходите, въ твою пьяную компанію... Къ барину, говорить, къ посреднику схожу, такъ ужъ, для Бога, а къ тебѣ не пойду... ни за что... Это ей двухъ-то двугривенныхъ больно жалко,—что-ли... Выдумалъ, говорить, къ судѣ... Какой это судья?.. Го-ворила, къ Филарету Иванычу надо, говорила... Вотъ, что ваялъ?.. Да ровно звонокъ, ровно звонокъ... Ахъ, провалъ ее возьми!.. Ужъ хотѣлъ ваяться да ругнуть хорошенько... Да ну, думаю, чортъ съ тобой... Два двугривенныхъ тебя точать... Баба, да ты спишь, что-ли?

— Нѣту, родимый...

— А ты спи... Ничего это... Не смотри на нее... Мнѣ избы-то не жалко... Я тебя не прогоню... Безчастная ты! Суда-то у насъ нѣтъ, ровно глумные ходимъ... Куда сунуться не знаешь... Э-эхъ... Наплевать на все... Не робѣй! Спи!.. Не про-живемъ, что-ли? Проживемъ... Небось, прокормлю... Рожать разѣ станешь... Ужъ не знаю какъ... А и то, рожай, въ приѣмши возьму... Пушай же знаютъ: вотъ Арсюшка бездомокъ, шатушій, анъ онъ вонъ что дѣлаетъ... И возьму... Снять Бога, возьму... А они... черти!.. Они люди, что-ли?.. Черта!.. За что бабу оби-

затъ?.. Баба лежитъ, ниненеть... Ну, и лежи... Такъ объѣла, ишь ты!.. Куска вамъ жалко... Право-ну, черти...

Арсентій, наконецъ, заснулъ, но не спала Палагея, какъ ножами рѣзали ее слова пьянаго добряка.

«Вотъ и одна, совсѣмъ одна... Всѣ бросили, всѣ покинули: была одна надежда—сестра, и та отказывается... Нѣтъ ни дома, ни семьи, ни родни... Нѣтъ ни помощи, ни защиты... Всѣмъ чужая, всѣмъ въ тягость... И дѣти вырастутъ, матерью не признавать... Господи, да привончи же ты меня поскорѣе... Будетъ ужъ, намаялась, на что еще на смѣху у людей жить... И все у меня было, и все есть — и нѣтъ ничего. И домъ есть, и мужъ, и дѣтки... А вонъ я гдѣ... Все отняли, все... Самой развѣ привончить, руки на себя наложить, да и на то силушки не станетъ... А и идти бы, смѣю ту извести, свекровь... Вотъ кто ворогъ-то мой... Вотъ кто сердце-то сосеть... Ой, больно, какъ больно... Точно, смерть моя... Вотъ, кабы сила была, пошла бы, побѣжала, схватила бы, задушила... Не рви меня, не тирань, не отымай отъ матери дѣтокъ... О-охъ...»

Въ полу-сознаньи, въ полу-бреду провела Палагея всю ночь.

XVII.

Проходили дни. Здоровье Палагеи не поправлялось, но она не жаловалась даже Арсентію, молчаливо и покорно переносила свои страданія. Арсентій совсѣмъ привыкъ къ ея присутствію и повелъ свою обычную бродячую жизнь. Часто онъ возвращался пьяный, часто не ночевалъ дома, но каждый день аккуратно приносилъ Палагеѣ что-нибудь съѣстное и ставилъ въ чашкѣ воду около ея постели. О Секлетеѣ не было ни слуху, ни духу. Ни Арсентій, ни Палагея не знали, что она была у Филарета Ивановича и подала ему прошеніе, но окончательное оскорбилась неожиданнымъ результатомъ. Либеральный посредникъ очень хоталъ, читая прошеніе, поднялъ на смѣхъ за него Секлетею, обѣщалъ даже напечатать это рѣдкое, по его словамъ, сочиненіе, но въ то же время внушилъ Секлетеѣ, что онъ никогда не позволитъ себѣ вмѣшиваться въ рѣшеніе волостного суда и вѣруеть въ него; что если волостной судъ найдетъ необходимымъ послать Палагею добывать хлѣбъ внѣ дома, то, конечно, онъ это сдѣлаетъ по убѣжденію и, вѣроятно, Палагея сама виновата въ томъ, что ни мужъ, ни свекровь не хотятъ держать ее дома.

— А какъ же старшина-то васъ не послушалъ, Филаретъ Иванычъ,—хотѣла-было подзадорить его Секлетей.

— Какъ не послушалъ,—возразилъ посредникъ:—развѣ это можетъ быть?.. Я велѣлъ отвезти бабу въ домъ—онъ это исполнилъ, приказалъ—въ случаѣ несогласія въ семьѣ—отдать дѣло на рѣшеніе волостного суда—онъ и это сдѣлалъ.

— Куда же намъ дѣваться, — продолжала Секлетей пробо-
вать съ другой стороны: — куда же намъ идти, коли и вы, Фи-
ларетъ Иванычъ, насъ оставляете? Къ мировому судѣ ходила—
тотъ отказалъ, не мое, говорить, дѣло; къ вамъ пришла—и вы
не изволите вступаться...

— Ахъ, такъ ужъ ты ко мнѣ пришла послѣ мирового судьи.
Вотъ какъ: обходя меня, къ нему стали обращаться... Что же,
онъ больше меня, что-ли, можетъ въ крестьянскомъ дѣлѣ?.. Ну,
такъ чего же лучше... Я не мѣшаю... Къ нему, къ нему и
поди... Вотъ и порядокъ: волостной судъ, или я, рѣшимъ что-ни-
будь, а вы идите жаловаться мировому судѣ... Ха, ха... Ну,
что же, ступай... Чего-жъ тебѣ было ходить ко мнѣ, чего же
ждать отъ меня?..

Филаретъ Иванычъ совершенно прогнѣвался и не хотѣлъ
далее и слушать Секлетей. Онъ приказалъ ей идти вонъ. Этого
Секлетей не могла перенести, и всю вину своего афронта возла-
гала на Арсентія и Палагею. Она не хотѣла больше ни хлопотать
за нее, ни заботиться о ней, тѣмъ болѣе, что не предви-
дѣла уже главнаго вознагражденія за свои добродѣтели: возмож-
ности помолаться надъ побѣжденной Агафьей.

Разъ Арсентій самъ спросилъ Палагею:

— А что, не зайти ли мнѣ къ сестрицѣ-то твоей? Можетъ,
она тамъ что и подѣлала, только идти сюда не хочетъ. Я вѣдь
схожу, мнѣ все одно.

— Коли не въ трудъ тебѣ, Капитонычъ, побывай... Не при-
детъ ли хоть провѣдать-то меня.

Секлетей встрѣтила Арсентія очень непривѣтливо и сразу за-
явила ему, что онъ все дѣло испортилъ; что, кабы онъ не впу-
тался, да не навязалъ экого же пьяницу, какъ самъ, писаришку,
чтобы стануть съ нею два двугривенныхъ, она все бы дѣло по-
правила, а теперь и поправить нельзя...

— Экого нашла благодѣтеля,—явила Секлетей:—куда при-
стала: и изба-то безъ крыши, и ворота повалились...

Арсентій слушалъ, слушалъ, наконецъ, взбѣсился и началъ
ругаться. Съ ругательствами они и разстались. Вѣсти, которыя
принесъ Арсентій отъ сестры, окончательно сразили Палагею. Съ

каждымъ днемъ она, видимо, таяла и исхудала такъ, что становилась похожа на скелетъ, обтянутый кожей. Она уже не плакала и не тосковала: или равнодушно, или злобно относилась ко всему, даже къ нимъ самымъ и даже къ добрымъ людямъ. Въ послѣднее время ея печальное положеніе возбуждало состраданіе кумушеть деревни, гдѣ жила Арсентій; онѣ начали навѣщать Палагею и носить ей помянія; онѣ охали и ахали около нея, приговаривая ласковыми словами страдальцу и нося ей мучителей; но Палагея молча слушала ихъ и не дотрогивалась почти до ихъ приношеній: самыя ничья становилась ей противна.

Наступила осень съ холодными ночами, съ дождемъ и слезою. Арсентій не ночевалъ дома. Палагея почувствовала приближеніе родовъ: она знала, что это идетъ за нею смерть; не при такихъ силахъ производить люди себѣ подобныхъ. Она вспомнила мимоходомъ брошенное Арсентьемъ слово: «жить — жить, а только не умирай у меня, а то затаскають»; она вспомнила своихъ дѣтей, какъ-будто видѣла ихъ, какъ они протягиваютъ къ ней руки, зовутъ ее; она видѣла деревянное лицо старухи Агафьи, которая грозитъ имъ кулакомъ за то, что они тнутъ къ матери; ей представилась вся ея изба, въ которой она провела нѣсколько лѣтъ, со всеми ея подробностями, съ мельчайшей обстановкой... Какая-то нервная сила вдругъ явилась въ Палагею и подняла ее на ноги... Не чувствуя страшныхъ мукъ, предшествующихъ рожденію ребенка, съ дикимъ взглядомъ, худая какъ тѣнь, болѣе похожая на видѣніе, чѣмъ на ребенка, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, что дѣлаетъ, Палагея, пошатываясь, вышла изъ избы въ сѣни, на дворъ и на улицу.

Лить дождь, дулъ холодный вѣтеръ, Валетка вилась около ея ногъ, она ничего не замѣчала, ничего не чувствовала. По какому-то инстинкту, несмотря на непроглядный мракъ, ее окружавшій, она пошла по направленію къ своей деревнѣ. Она шла по грязи, по лужамъ, съ открытой головой, съ разметавшимися волосами, еступалась, падала, поднималась опять, задыхалась, хваталась за грудь, стояла отъ боли, но шла все впередъ, къ своему дому.

Ей видѣлись дѣтскія лица, ее манили они за собою, они улыбались, кивали головой, плакали, звали ее, но удалялись; она гналась за ними, ловила ихъ, Агафья уносила ихъ прочь; нуль ли это или свекровь рѣзала ее ножами, бичевала, била,

ломали ей руки, ноги, она скрежетала зубами, стонала, коготала, плакала, но бѣжала, бѣжала впередъ.

«Вотъ здѣсь, здѣсь... Они здѣсь спрятались, искали... Это ея домъ, ея дворъ... Вотъ ворота, вотъ окно... Она разобьетъ его, она влѣзетъ за ними...» Раздался трескъ разбитаго окна, послышался лай собакъ, знакомые голоса, Палагея хотѣла вскрикнуть — не можетъ, все вдругъ потемнѣло...

На мокрой землѣ, подъ дождемъ, со страшно-измѣнившимся лицомъ, съ открытыми глазами, возлѣ самой избы Агафьи лежалъ трупъ Палагеи и возлѣ него мертвый, новорожденный ребенокъ.

Шумъ, крикъ, необыкновенное движеніе на улицѣ мирноспавшаго за минуту Сгорьева. Мелькаютъ огни, бѣгутъ, грузно шлепая по грязи, черныя тѣни, неистово заливаются собаки, все стремится по направленію въ Агафьиной избѣ. Тамъ, среди толпы народа, стоя на коѣнникахъ, въ грязи, возлѣ мертвой Палагеи, отчаянно вопить Агафья...

— Батюшки, отцы родные, матушка моя, прости меня грѣшницу... Не вѣрила, не вѣрила, думала притворяется... Куска хлѣба тебѣ жалѣла... Окаянная я, прости ты меня... Замоли мой грѣхъ...

Старуха рыдала и рвала на себѣ волосы.

Петръ стоялъ около нея какъ каменный.

Слышались изъ разбитаго окна избы надрывающіе душу вопли испуганныхъ дѣтей. Дождь льетъ какъ изъ ведра. Вѣтеръ свирѣпо радуваетъ всклооченные сѣдые волосы Агафьи.

Сквозь толпу продирается Арина. Лицо ея сурово и блѣдно. Она покрываетъ Палагею кафтаномъ, завертываетъ въ бѣлый передникъ новорожденнаго ребенка и беретъ его къ себѣ на руки.
«— Хошь мертвая, да воротилась домой! — говоритъ она, качая головою. — Чтѣ галдите: поднимайте ее, несите въ избу, обмыть нужно...

На Агафью она не обращаетъ никакого вниманія, точно ея и не было тутъ. Женщины поднимаютъ и уносятъ Палагею въ избу. Улица пустѣетъ. Огни гасятся одинъ за другимъ. Деревня опять спитъ; только въ избѣ Палагеи теплится огонекъ восковой свѣчи, поставленной въ головахъ покойницы. Дѣти всѣ разобраны по чужимъ домамъ. Агафья на коѣнникахъ, вся въ слезахъ, стоитъ и молится. Петръ сидитъ на лавкѣ, опусти голову.

На сельскомъ кладбищѣ зарываютъ могилу. Отецъ Федоръ, съ послѣднимъ возгласомъ, кладетъ надъ нею. Въ числѣ могильщиковъ Арсентій—мрачный, сосредоточенный. На могилу кладется Агафья, съ дикими воплями и судорожными всхлипываніями.

— Батюшка, батюшка, смерть моя, тоска меня съѣла, благослови меня, не душегубка я, а не вѣрила ей: я ее погубила, я... Батюшка, отецъ, благослови меня... Что мнѣ дѣлать? Чѣмъ тѣху унять?...

— Закажи сороку за упокоеніе души усопшей... — отвѣщаетъ отецъ Федоръ, снимая съ себя эпитрахиль...—Сокрушайся, колеси!...

— Поминки справлять будете, али нѣтъ?—обращается онъ полголоса къ Петру.

— Какъ же, батюшка, готовились по силѣ, по мочи... Не оставьте, пожалуйста... Ужъ не обезсудьте на нашихъ недостаткахъ... — отвѣчаетъ Петръ.

— Очень хорошо!...

Отецъ Федоръ глубоко вздыхаетъ и съ печальнымъ лицомъ, съ опущенной на бокъ головой, идетъ вонъ изъ кладбища. Петръ слѣдуетъ за нимъ безъ шапки.

— Да, — говоритъ отецъ Федоръ, оглядываясь на Петра:— вотъ наша жизнь: жила, жила, и... успокоилась!..

А. Л. ПОТЪХИНЪ.

ОЧЕРКЪ ВОПРОСА

0

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ

I

Теоретическіе взгляды прошлаго столѣтія. — Боннѣ, Линней, Бюффонъ, Палласъ, Ласепедъ.—Философы.

Исторія естественныхъ наукъ показываетъ намъ, что въ зоологіи періоды преобладанія теоретическаго направленія смѣнялись періодами, когда ученые, пресытившись доведенными до крайностей обобщеніями, устремлялись на изученіе непосредственныхъ фактовъ; при этомъ отъ одной крайности круто переходили къ другой, никогда не достигая желаемого гармоническаго сочетанія индуктивнаго и дедуктивнаго приемовъ. Въ настоящее время мы вступаемъ въ новый періодъ преобладанія теорій, и какъ наука ни обогатилась опытомъ, добытыми результатами и самой опытностью, тѣмъ не менѣе она все еще не можетъ считать себя дошедшей до высоты истиннаго научнаго метода.

Хотя наша главная задача будетъ заключаться въ томъ, чтобы ознакомиться съ содержаніемъ и характеромъ современнаго теоретическаго движенія въ наукѣ, тѣмъ не менѣе мы должны будемъ предпослать нѣсколько замѣчаній о предшествовавшихъ теоретическихъ направленіяхъ. Это необходимо какъ для уясненія исторіи развитія современныхъ идей, такъ и для сужденія о науч-

нелѣ периодѣ, отживающемъ свой вѣкъ, но еще не соединенномъ со сцени.

Семнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ начала самостоятельнаго существованія биологическихъ наукъ. Въ теченіи его были изобрѣтены и приложены къ дѣлу микроскопъ и открыто нѣсколько академій, и между прочимъ столь важныя, какъ Royal Society и парижская академія наукъ. Рядъ такихъ людей какъ *Гарвей*, *Левенгукъ*, *Сваммердамъ*, *Мальпиги*, *Уэллсъ* и *Джонъ Рай* сильнѣйшимъ образомъ содѣйствовали научной постройкѣ основъ биологіи. Физиологія, микроскопическая анатомія, анатомія безпозвоночныхъ животныхъ и сравнительная анатомія получили свое начало въ этомъ вѣкѣ, въ теченіи котораго обособились также и два направленія, имѣющія для насъ теперь наибольшее значеніе. Я имѣю въ виду систематико-зоологическое и натур-философское направленія.

Семнадцатый вѣкъ, какъ извѣстно, имѣетъ своего Линнея—англичанина *Джона Рая*. Онъ первый сталъ говорить о «видѣ» въ томъ смыслѣ, какъ это слово употребляется въ нынѣшней систематикѣ, и, кромѣ того, далъ описаніе большихъ группъ животнаго царства, предлагая для каждой изъ нихъ самостоятельную классификацію. При этомъ онъ бралъ за основаніе не только наружные признаки, но иногда прибѣгалъ и къ анатомическимъ; такъ, напр., онъ раздѣлялъ легочныхъ позвоночныхъ на имѣющихъ одинъ или два желудочка. При всемъ этомъ Рай остался чистымъ систематикомъ, подобно Линнею, хотя и не довелъ классификаторнаго духа до такой степени, какъ послѣдній, почему вѣрнѣе и произвелъ меньшее вліяніе въ своей наукѣ. Говоря о видѣ, Рай указываетъ на постоянство этого классификаціоннаго элемента и замѣчаетъ, что «одинъ видъ не можетъ произойти изъ сѣмени другого и наоборотъ». Въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія, о растеніяхъ, онъ, правда, говоритъ, что хотя видовые признаки и «довольно постоянны, но не во всѣхъ случаяхъ и не безусловно, такъ какъ опытами доказано, что нѣкоторыя сѣмена вырождаются, и хотя рѣдко, но производятъ растенія, отличающіяся отъ материнской формы, что, слѣдовательно, у растеній совершается превращеніе видовъ». Я привелъ это мѣсто не съ той цѣлью, чтобы указать на Рай какъ на предѣстника современнаго ученія о происхожденіи и превращеніи видовъ, но, напротивъ, чтобы показать, что понятія того времени о превращеніи видовъ не имѣли ничего общаго съ нынѣшними. Не только въ семнадцатомъ, но даже и въ слѣдующемъ за нимъ столѣтіи было распространено мнѣніе, будто искусственнымъ путемъ можно

превратить овесъ въ пшеницу или рожь и т. под. Въ подтвержденіе приводили опыты столь же основательные, какъ и производившіеся въ то же время опыты надъ произвольнымъ зарожденіемъ червей въ гниломъ мясѣ или лягушекъ въ болотномъ илѣ. Доказательствомъ того, что у Рая идетъ рѣчь не о философскомъ взглядѣ на органическую природу, по которому виды имѣютъ общее происхожденіе, но о грубомъ эмпирическомъ выводѣ о превращеніи однихъ видовъ въ другіе, служить то, что онъ считаетъ такое превращеніе исключительнымъ и говоритъ о немъ только по отношенію къ растеніямъ. По всей вѣроятности, онъ безъ научной критики включилъ въ свою книгу ходячую теорію и говорилъ о превращеніи видовъ, какъ о частномъ видѣнномъ фактѣ, не имѣющемъ значенія съ общей точки зрѣнія.

Вообще, Рай является систематикомъ и описателемъ, не обнаруживающимъ философскаго взгляда на вещи. Совершенный контрастъ представляетъ намъ современникъ его, Лейбницъ, раскинувшій свои философскія воззрѣнія на всю природу и коснувшійся потому и нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ объ организмахъ. Хотя Лейбницъ не только не былъ натуралистомъ, но, напротивъ, сталъ однимъ изъ основателей супра-натуралистической философіи, тѣмъ не менѣе идеи его должны быть здѣсь упомянуты въ виду вліянія ихъ на послѣдующія философскія направленія въ біологіи, не исключая и современнаго. Однимъ изъ основныхъ положеній высшей философіи Лейбницъ призналъ «законъ постоянства», или непрерывности, по которому природа не дѣлаетъ скачковъ, и все въ ней, какъ въ области физическнхъ, такъ и нравственныхъ явленій, связано постепенными переходами. «Всѣ существа,—говоритъ онъ,—образуютъ одну общую цѣпь, въ которой различные классы, подобно членамъ цѣпи, до такой степени связаны между собою, что ни разсудку, ни воображенію невозможно найти такого мѣста, гдѣ бы одинъ изъ нихъ начинался или кончался: всѣ пограничные виды должны имѣть признаки, равно приложимые и къ сосѣднимъ видамъ. Поэтому существованіе зоофитовъ, или животно-растеній не представляетъ ничего страннаго, но, напротивъ, является соответствующимъ общему порядку природы. Этому принципу непрерывности я придаю такое значеніе, что я бы нисколько не удивился, если бы услышалъ, что найдены существа, которыя по нѣкоторымъ признакамъ, напр., по способу питанія или размноженія, были бы признаны за растенія или, съ равнымъ правомъ, и за животныя. Мало того, я даже убѣжденъ, что подобныя существа должны находиться, и что естествознаніе ихъ когда-нибудь от-

кредеть». Этотъ широкій философскій взглядъ долженъ былъ произвести впечатлѣніе на мыслящихъ натуралистовъ, въ особенно-сти послѣ того, какъ, спустя нѣсколько лѣтъ по смерти Лейбница, было доказано, что полипы, считавшіеся прежде настоящими растениями, двигаются и принимаютъ пищу на подобіе животныхъ. И въ самомъ дѣлѣ, развитые въ философскомъ отношеніи, натуралисты прошлаго столѣтія или подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей Лейбница, или же помимо него стали подробно развивать законъ непрерывности по отношенію ко всему органическому міру.

Въ этомъ отношеніи изъ натуралистовъ прошлаго столѣтія особенно выдается *Боннэ*, заслужившій славу какъ ученый, отвергн- ній такъ-наз. дѣворазмноженіе (шартеногенезисъ) у тли. Его общій трактатъ о природѣ, выданный вѣрнѣ въ 1762 г., а въ первомъ полномъ изданіи — въ 1765 г., составляетъ цѣльное и вполне науч- ное развитіе принципа постепенности, заимствованнаго у Лейбница. «Между низшей и высшей степенью тѣлеснаго или духовнаго со- вершенства, — говоритъ Боннэ, — заключено безконечное множество среднихъ степеней. Изъ ряда этихъ степеней слагается *общая чина*. Она соединяетъ всѣ существа, связываетъ всѣ міры и об- нимаешь всѣ сферы». По отношенію къ міру организмовъ общій принципъ, принятый Боннэ, ведетъ къ слѣдующему постулату: «природа не терпитъ скачковъ; все въ ней совершается посте- пенно и равномѣрно путемъ отгѣнковъ. Если бы между двумя вещами былъ пустой промежутокъ, то какое основаніе имѣлъ бы переходъ отъ одной къ другой? Поэтому-то не существуетъ ни одного существа, надъ и подъ которымъ не было бы другихъ, одними признаками приближающихся къ нему, а другими — от- даленныхъ отъ него; между этими признаками, отличающими вещи, мы открываемъ болѣе или менѣе общіе. Отсюда происхо- дятъ наши раздѣленія на классы, роды и виды. Эти отгѣлы однакоже не разрываютъ связи. Такъ какъ во всѣхъ случаяхъ между двумя классами или между двумя сосѣдними родами суще- ствуютъ *среднія* образованія, не относящіяся, повидимому, ни къ одному, ни къ другому, но связывающія оба. Такъ, полинь свя- зываетъ растеніе съ животнымъ; летяга примыкаетъ птицѣ къ четвероногимъ, а обезьяна приближается къ четвероногимъ и человѣку». Изъ этого принципа слѣдуетъ очевидно, что всѣ наши раздѣленія не существуютъ въ природѣ, и имѣютъ значеніе только лишь пріемы къ ея изученію.

При изложеніи этой общей цѣпи, или «лѣстницы природы», Боннэ ставитъ вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ она должна

быть поставлена, и рѣшается его въ томъ же смыслѣ, какъ и всѣ современные такъ-наз. научныя зоологи. «Изъ простаго получается сложное». «Лѣстница природы получается въ томъ случаѣ, если идти отъ слагающаго къ сложному, отъ несовершеннаго къ совершенному». Такимъ образомъ, въ третьей части своей книги, онъ постепенно переходитъ отъ общихъ элементовъ къ неорганическимъ тѣламъ, затѣмъ къ органическимъ, изъ которыхъ онъ прежде всего рассматриваетъ низшіе, какъ, напр., слизистыя водоросли и трюфли, лишай, плѣсень и пр. Потомъ онъ говоритъ о растеніяхъ вообще, и переходитъ къ полипамъ, какъ къ представителямъ низшихъ животныхъ. Далѣе у него идетъ рѣчь о червяхъ, размножающихся отпрысками, о насѣкомыхъ, мягкотѣлыхъ, рыбахъ и т. д., все въ восходящемъ порядкѣ. Въ концѣ третьей части Боннѣ говоритъ «о переходѣ четвероногихъ къ человѣку». «Большой промежутокъ между человѣкомъ и четвероногими занимаютъ обезьяны и ближайшія къ нимъ животныя, виды которыхъ очень многочисленны и постепенны. Отъ такихъ, которыя всего ближе граничатъ съ настоящими четвероногими, можно постепенно перейти къ высшему и главному виду, столь близко подходящему къ человѣку, что его назвали поэтому орангъ-утанъ, т.-е. лѣснымъ человѣкомъ. Особенно здѣсь невозможно не признавать постепенной послѣдовательности существъ, и такимъ образомъ подтверждается извѣстный принципъ нѣмецкаго Платона, что природа не дѣлаетъ скачковъ. Какъ поразительно далеко отстоитъ человѣкъ отъ собаки, и тѣмъ не менѣе между нимъ и собакой тянется почти непрерывная цѣпь. Слѣдуя за нею, мы съ удивленіемъ доходимъ до существа, столь похожаго на человѣка, что отличительныя признаки его уже не составляютъ видовыхъ признаковъ, а являются поведенію простыми разновидностями». «При разсмотрѣніи внутренняго устройства этого страннаго существа оказывается, что въ этомъ отношеніи оно не менѣе приближается къ человѣку, какъ и наружными признаками. Обозрѣвая главные черты сходства и несходства, отрываемыя анатоміей, нужно удивляться тому, какъ число послѣднихъ мало и какъ они сами незначительны, тогда какъ сходства столь замѣтны и столь многочисленны».

Хотя авторъ новѣйшей и наилучшей исторіи зоологіи—Винторъ Карусъ—и утверждаетъ, что во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ Боннѣ исходитъ отъ догмата неизмѣняемости видовъ, «не упоминая о какой-либо возможности измѣненія», тѣмъ не менѣе чтеніе седьмой части сочиненія жевеэскаго натуралиста убѣждаетъ насъ въ противномъ. Въ этомъ отношеніи имѣютъ осо-

бонное значеніе слѣдующихъ мѣстъ: «Если можетъ быть какою-нибудь источникомъ вырожденія видовъ, то онъ, очевидно, лежитъ въ оплодотвореніи. При оплодотвореніи сѣмьенъ одного растенія пылью другого въ результатъ получаются среднія образованія, родъ муловъ, какъ мы уже видѣли»... «Если вы обратитесь въ другія мѣста поводамъ вырожденія, къ особенностямъ почвы, влажности или сухости и т. п., то легко будетъ доказать вамъ бессиліе такихъ причинъ. Но превратите ли вы съ ихъ помощью грушевое дерево въ яблоню? Развѣ строеніе пшеницы оттого, что она травянистое растеніе, а не дерево, не также существенно опредѣлено?»... «Но быть можетъ почва, ея обработка и другія особенныя условія имѣютъ такое большое вліяніе на размѣры и извѣстные признаки, что въ состояніи сдѣлать виды неузнаваемыми? Одинъ сдѣлается тутъ карликомъ, а другой—въ иномъ мѣстѣ—великаномъ! Но не заблуждайтесь на этомъ пути. Исследуйте обоихъ внимательно, и вы отыщете видъ среди этихъ обильныхъ измѣненій. Также могутъ измѣняться и образы, и еще болѣе затемнять видъ. Но удвойте ваше вниманіе, и вы откроете это затемненіе»... «Мулъ бесплоденъ; но это не доказываетъ, что таковое свойство всѣхъ муловъ. Между птицами встрѣчаются мулы, которые, какъ говорятъ, размножаются. Слѣдовательно, такіе же мулы могутъ находиться и у другихъ видовъ животныхъ, преимущественно же у растеній. Все, что мы у этихъ послѣднихъ означаемъ названіемъ вида, не представляется болѣе *первобытнымъ*. У нихъ существуютъ *производные* виды, которые все болѣе и болѣе удаляются отъ главнаго ствола, соединяются и получаютъ образъ, совершенно закрывающій истинное происхожденіе. Нужно удивляться тому, что естественныя испытатели не произвели въ этомъ направленіи опытовъ надъ насѣкомыми, которые, можно думать, привели бы къ хорошимъ результатамъ», и т. д.

Отсюда ясно, что Боннэ считаетъ возможнымъ измѣненіе видовъ какъ у растеній, такъ и у животныхъ, но только объясняетъ происхожденіе *производныхъ* видовъ путемъ скрещиванія, и считаетъ въ этомъ отношеніи бессильнымъ непосредственное вліяніе вѣшнихъ условий. Въ этомъ отношеніи Боннэ болѣе сходится со взглядомъ Линнея, чѣмъ съ теоріей «вырожденія видовъ» Биффона.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію теоретическихъ воззрѣній этихъ двухъ главныхъ представителей біологическаго естествознанія прошлаго столѣтія, я долженъ еще коснуться нѣкоторыхъ сторонъ ученія Боннэ. Устанавливая «дѣятельность природы» и смотря на міроизданіе, какъ на одну непрерывную цѣпь, Боннэ

однакоже самъ приходитъ къ убѣжденію, что эту цѣль нельзя себѣ представить въ видѣ безконечной нити, тянущейся въ одномъ направленіи; онъ самъ видитъ, что органическій міръ не можетъ быть размѣщенъ въ одинъ рядъ, такъ какъ отношенія между организмами болѣе сложны. Вотъ наиболѣе убѣдительное мѣсто: «Лѣстница природы можетъ быть не прямая; она можетъ имѣть съ одной и другой стороны главныя вѣтви, отъ которыхъ въ свою очередь отходятъ побочныя вѣтви». Такимъ образомъ уже Боннэ пришелъ къ той мысли, что органическій міръ, рассматриваемый съ точки зрѣнія родства его членовъ, можетъ быть схематически сравненъ съ древовидно развѣтвленнымъ стволомъ, слѣдовательно—къ мысли, которую такъ часто повторяютъ новѣйшіе дарвинисты.

Къ числу существенныхъ пунктовъ во взглядахъ Боннэ нужно еще отнести высказанную имъ мысль о «стилѣ» построения животныхъ, такъ какъ она можетъ быть съ полнымъ правомъ признана за основаніе теоріи Кювье о типахъ животнаго царства, имѣющей такое значеніе въ современной зоологіи. «Въ большихъ отдѣлахъ животнаго царства природа держится приблизительно одного и того же стила, который не измѣняется даже въ отрядахъ ихъ. Здѣсь является сила и величественность тосканскаго стила; тамъ—граціозность и тонкость коринфскаго. Но спускаясь къ насѣкомымъ, она, повидимому, совершенно измѣняетъ планъ и отъ первыхъ образцовъ оставляетъ елико возможно меньше остатковъ. Наконецъ, она, повидимому, вовсе покидаетъ его при образованіи гидры или колокольчатого полипа. Другимъ образцамъ она слѣдуетъ при образованіи растений». Хотя наши теперешнія воззрѣнія на «типъ» животнаго довольно существенно отличаются отъ понятія о «планѣ» построения, но во времена Кювье и его учениковъ оба понятія еще не были разграничены, и потому представленія Боннэ о «стилѣ» очень уже близко подходятъ къ «типу» Кювье и фонъ-Бера.

Отъ Боннэ, соединявшаго въ себѣ достоинства остроумнаго и точнаго наблюдателя съ достоинствами мыслителя, мы перейдемъ теперь къ воззрѣніямъ двухъ знаменитыхъ натуралистовъ восемнадцатаго вѣка, имѣвшихъ огромное вліяніе на развитие науки объ организмахъ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ *Линней*, считаемый многими основателемъ описательной зоологіи и ботаники. Не задаваясь широкими философскими вопросами, онъ поставилъ себѣ цѣлью облегчить изученіе организмовъ и употребилъ все стараніе на то, чтобы построить систему животнаго и раститель-

наго царства. Съ этою цѣлью онъ придумалъ употребляемую и нынѣ двойную номенклатуру и представилъ кратко, очень кратко и въ то же время ясное и толковое описаніе организмовъ. Хотя онъ не считаетъ идеаломъ систематики искусственную систему и стремится создать естественную, тѣмъ не менѣе у него и тутъ на каждомъ шагѣ проглядываетъ односторонность. Такъ, напр., весь классъ птицъ онъ дѣлитъ на отряды, основываясь единственно на формѣ клюва, а для классификаціи насѣкомыхъ беретъ за основаніе форму крыльевъ и т. п.

Хотя Линней и повторяетъ извѣстное выраженіе Лейбница: *natura non facit saltum*, но оно у него является не существеннымъ основнымъ принципомъ, какъ у Боннэ, а напротивъ, представляется принятиемъ и не связаннымъ съ остальными воззрѣніями. Линней нигдѣ не указываетъ на соединительныя звенья, которымъ Боннэ отводитъ столько мѣста, а наоборотъ, всюду ударяетъ на отличія, что всего болѣе удобно для систематика, стремящагося все подвести подъ опредѣленную категорію и вставить природу въ рѣзко-очерченныя рамки. Въ то время какъ Боннэ, въ силу того же принципа: *natura non facit saltum*, старается показать, что между тремя царствами природы не существуетъ рѣзкой границы, Линней удовлетворяется своимъ знаменитымъ изреченіемъ: *Mineralia crescunt, vegetabilia crescunt et vivunt, animalia crescunt, vivunt et moventur*. Но соответствуетъ ли такое опредѣленіе дѣйствительности, и какъ согласить его съ принципомъ постепенности въ природѣ—на этомъ Линней не находитъ нужнымъ останавливаться. Въ виду этого легко придти къ предположенію, что изреченіе объ отсутствіи скачковъ въ природѣ было принято Линнеемъ какъ распространенное въ то время убѣжденіе, а не было выработано и придумано имъ лично.

Относительно вида Линней также ограничивается краткими и рѣзкими выраженіями, не подкрѣпленными научными доводами: «существуетъ столько различныхъ видовъ,—говоритъ онъ,—сколько было создано въ началѣ различныхъ формъ». «Сходное всегда производитъ сходное», и оттого новые виды не могутъ производиться теперь, также какъ не производились и прежде: *Nullae species novae hodiernum produciuntur; nullae dantur novae species*.—Несмотря на то, что еще въ прошломъ столѣтіи опытные натуралисты видѣли односторонность Линнеевскаго направленія (Палласъ называетъ Линнея «увлеченнымъ системой чертатуръ схоластически-искусственной»), оно тѣмъ не менѣе было верхоу въ силу своей пригодности для специальныхъ занятій и школьнаго преподаванія. Самъ Линней былъ профессоромъ (въ Упсалѣ) бе-

лѣе двадцати-пяти лѣтъ, и затѣмъ передалъ кааедрѣ своему сыну. Въ числѣ его непосредственныхъ учениковъ были такіе нѣвѣстные натуралисты, какъ Шреберъ и Фабриціусъ, а послѣдователей и приверженцевъ онъ имѣлъ во всѣхъ странахъ Европы. Отсюда понятно вліяніе его на направленіе естествознанія во всей Европѣ, вліяніе, замѣтное и по настоящее время. Еще при жизни Линнея, его «Система Природы» выдержала двѣнадцать изданій, и сдѣлалась настольной книгой натуралистовъ.

Не слѣдуетъ однакоже думать, чтобы Линней въ теченіи своей продолжительной дѣятельности всегда оставался вѣренъ своимъ принципамъ. Въ послѣднихъ своихъ сочиненіяхъ онъ говоритъ о видѣ уже не въ прежнемъ тонѣ; онъ не считаетъ его такимъ неизмѣннымъ и прочнымъ. Въ формѣ предположенія и очень осторожно, онъ высказываетъ мысль, что, «быть можетъ, всѣ виды одного рода составляли въ началѣ одинъ только видъ» и размножились потомъ путемъ образованія плодовыхъ ублюдковъ. Такимъ образомъ, онъ становится въ разрѣзъ съ своимъ прежнимъ принципомъ: «nullae species novae», который и вычеркивается въ послѣднихъ изданіяхъ (начиная съ десятого) «Systema Naturae», и доходитъ даже до предположенія, что новые виды, открытые послѣ Турнефора (первая половина восемнадцатаго вѣка), только что образовались путемъ скрещиванія между прежними видами.

Такъ какъ новое воззрѣніе Линнея было высказано имъ въ формѣ гипотезы, и притомъ не вошло въ его главные сочиненія «Systema Naturae» и «Philosophia botanica», то оно не могло распространиться въ такой степени, какъ его первоначальные взгляды, чѣмъ и объясняется, что Линней и прежде, и теперь играетъ роль начальниа и главнаго представителя ученія о постоянствѣ видовъ, и служить въ этомъ отношеніи образцомъ для многихъ первоклассныхъ ученикъ. Мнѣ неизвѣстно, заимствовалъ ли Бонне свой взглядъ на «производные» виды у Линнея, но несомнѣнно, что высказанная обоими теорія образованія видовъ путемъ ублюдковъ не нашла большого сочувствія и, напротивъ, встрѣтила отпоръ со стороны такого авторитета, какъ Палласъ. «Какъ ни правдоподобной кажется эта гипотеза, — говоритъ этотъ ученый (въ 1780 г.), — которую авторъ (Линней) распространяетъ даже на животныхъ, правдоподобна же она особенно вслѣдствіе существованія родовъ, многочисленными количествами видовъ которыхъ природа населила нѣкоторыя части земли, однакоже большія затрудненія, встрѣчаемыя, при всемъ искусствѣ человека, въ дѣлѣ произведенія ублюдковъ между двумя различными видами, доказанная фактами невозможность размножить такіе ублюдки въ особые

виды или расы»..... «все это противопоставляетъ факты простой близости и заставляетъ считать всѣ виды, которые природа дѣлаетъ сходными, или которые связываютъ роды, первобытными, проектированными въ первомъ планѣ теоріи и названными для образованія той цѣли существъ, которой мы восхищаемся, не имѣя возможности объяснить ее», и т. д.

Теоретическія воззрѣнія *Бюффона* также подвергались значительнымъ колебаніямъ и измѣненіямъ въ умѣ ихъ автора; но въ то время, какъ *Линней* всѣмъ представляется прототипомъ сухого систематика, отгоняющаго философію и наставляющаго на постоянствѣ идолъ, *Бюффонъ* является, наоборотъ, врагомъ всякихъ рамокъ и классификацій и представителемъ ученаго съ живымъ и философскимъ умомъ, не останавливающимся ни передъ какими задачами и смѣло рѣшающаго вопросъ о преемственномъ происхожденіи видовъ.

Съ давнихъ поръ уже стали на *Бюффона* смотрѣть какъ на аптосу *Линнея*, и радоваться тому, что эти два великіе чело-вѣка жили въ одно время и тѣмъ облегчили отысканіе средняго, связывающаго обѣ крайности пути. Интересно въ самомъ дѣлѣ, что первый, подобно *Боннѣ*, никогда не былъ профессоромъ, тогда какъ *Линней* преподавалъ науку болѣе четверти столѣтія. Быть можетъ, въ связи съ этимъ находилось то, что *Бюффонъ* относился несравненно свободнѣе къ наукѣ, не связываясь никакими формами и требованіями школьнаго дѣла. *Бюффонъ* всегда излагалъ свои мысли съ большою подробностью и написалъ множество книгъ, тогда какъ *Линней* писалъ афоризмами, не связанными, какъ мы видѣли, доказательствами и комментаріями.

Бюффонъ былъ знакомъ съ философскими теоріями, и онъ нередко ссылается на классическихъ философовъ, Декарта и Лейбница. Подобно послѣднему, онъ учитъ также о постепенности въ органическомъ мірѣ, но у него нѣтъ той послѣдовательности и цѣльности, какую мы видѣли у *Боннѣ*. *Бюффонъ* посвящаетъ цѣлую главу на сравненіе животныхъ съ растеніями, и, подобно *Боннѣ*, приходитъ къ убѣжденію въ отсутствіи рѣзкихъ границъ между обоними царствами. «Можно убѣдиться въ томъ, — говоритъ онъ ¹⁾, — что животныя и растенія суть существа одного порядка и что природа, повидимому, переходитъ отъ однихъ къ другимъ, помощью незамѣтныхъ отгѣнновъ, такъ какъ оба царства имѣютъ между собою существенныя и общія сходства, но не представляютъ никакого отличія, которое бы могло считаться таинимъ».

¹⁾ Histoire Naturelle. T. XVII. An Dix. Стр. 16.

Но это убѣжденіе не становится для Бюффона поводомъ построения «лѣстницы природы» Боннэ, и вообще онъ не доходить до идеи о постепенномъ размѣщеніи организмовъ, отъ низшихъ къ высшимъ. Въ изложеніи Бюффона мы видимъ обратный порядокъ, принятый Линнеемъ и сдѣлавшійся обще-распространеннымъ. Идеи Бюффона о положеніи человѣка въ природѣ также не выжуются съ общимъ закономъ непрерывности и стоятъ неизмѣримо ниже изложенныхъ выше убѣжденій Боннэ. Хотя онъ и признаетъ физическое сходство человѣка съ животными, но видитъ пропасть между ними въ духовномъ отношеніи, и потому въ своемъ сочиненіи отводитъ человѣку совсѣмъ особое мѣсто.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, Бюффонъ касается вопроса о видѣ и происхожденіи животныхъ, но всего подробнѣе онъ рассматриваетъ его въ главѣ «о вырожденіи животныхъ» ¹⁾. Глава эта настолько замѣчательна, что на ней слѣдуетъ остановиться. Прежде всего Бюффонъ говоритъ о человѣкѣ и различныхъ расовыхъ видоизмѣненіяхъ, которыя онъ приписываетъ вліянію климата. Это вліяніе, также какъ и вліяніе другихъ внѣшнихъ дѣятелей, скорѣе и рѣзче дѣйствуетъ на животныхъ, такъ какъ они несравненно ближе къ природѣ, чѣмъ человѣкъ: пищу они потребляютъ не въ измѣненномъ видѣ, а въ первобытномъ, отъ холода не могутъ защищаться ни одеждой, ни отопленіемъ. Вотъ почему распространеніе животныхъ не столь обширно, какъ человѣка, а ограничено извѣстной географической областью. И если животнымъ приходится оставлять родину и переселяться въ страны съ другимъ климатомъ, «то природа ихъ претерпѣваетъ такія сильныя и глубокія видоизмѣненія, что съ перваго взгляда невозможно распознать». Измѣненія усиливаются еще болѣе въ томъ случаѣ, когда вмѣшивается въ дѣло человѣкъ съ своимъ стремленіемъ къ прирученію и порабощенію животныхъ. «Температура климата, количество пищи и невзгоды порабощенія—вотъ три причины измѣненія, уклоненія и вырожденія животныхъ». Далѣе онъ указываетъ на примѣры вліянія прирученія и климата на нѣкоторыхъ домашнихъ млекопитающихъ, и приходитъ къ выводу, что «вообще вліяніе пищи болѣе велико и производитъ болѣе чувствительные результаты у животныхъ, питающихся травой и фруктами; тѣ же, напротивъ, которые живутъ только добычей, измѣняются менѣе подъ вліяніемъ этой причины, нежели подъ вліяніемъ климата» (329). Затѣмъ Бюффонъ приводитъ еще нѣсколько примѣровъ измѣненій домаш-

¹⁾ Histoire Naturelle. XXII. An huit. Стр. 315—396.

ныхъ животныхъ (собаки, верблюды), а потомъ переходитъ къ животнымъ въ дикомъ состояніи. Хотя эти послѣдніе и не отличаются такой большою измѣнчивостію, какъ домашніе, тѣмъ не менѣе они варьируются, смотря по различію климата, но не вырождаются, подобно домашнимъ. Измѣненія дикихъ животныхъ могли бы быть еще меньше, еслибы они могли быть полными членами своей обстановки, «но такъ какъ они во всѣ времена были гонимы человекомъ или даже тѣми изъ нихъ, которые отличаются наибольшей силой и злостью, то большая часть должна была бѣжать, покинуть родину и привыкнуть къ менѣе благоприятнымъ условіямъ» (335).

Но вообще говоря, и климатъ, и пища не имѣютъ большого вліянія на дикихъ животныхъ, измѣнчивость которыхъ зависитъ главнымъ образомъ отъ другого фактора: «она пропорціональна числу индивидуумовъ, какъ тѣхъ, которые производятъ, такъ и тѣхъ, которые произведены». Самки, не мѣняющія самца въ теченіи цѣлой жизни, даютъ болѣе сходное между собою потомство, тогда какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самка мѣняетъ нѣсколькихъ самцовъ, новое поколѣніе представляется болѣе измѣнчивымъ. «А такъ какъ во всей природѣ нѣтъ ни одного индивидуума, который бы вполне походилъ на другого, то измѣнчивость животныхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе число дѣтенышей и тѣмъ чаще они рождаются» (336). Вотъ почему «низшіе виды, т.е. мелкія животныя, плодящіяся чаще и въ большемъ количествѣ, тѣмъ высшіе виды, подвержены и болѣе измѣнчивости» (336). «Крупные виды настолько же постоянны, насколько мелкіе измѣнчивы» (337). Далѣе идетъ длинный рядъ примѣровъ въ доказательство этого положенія.

«Но, послѣ взгляда, брошеннаго на эти измѣненія, указывающія на особенныя уклоненія каждаго вида, является соображеніе болѣе важное, кругозоръ котораго гораздо болѣе обширенъ; это именно мысль объ измѣненіи самыхъ видовъ,—дегенерациа болѣе древняя и для всѣхъ временъ незапамятная, которая, повидимому, совершилась во всякомъ семействѣ, или, пожалуй, во всякомъ родѣ, т.е. въ соединеніи сосѣднихъ и мало отличающихся другъ отъ друга видовъ» (345). «Съ этой точки зрѣнія лошадь, зебра и оселъ—всѣ трое будутъ членами одного семейства; и если принять лошадь за главный источникъ или стволъ, то зебра и оселъ будутъ боковыми вѣтвями его» (346). Зигмундъ Бюффонъ указываетъ на способность осла и лошади давать ублюдки, которые представляются въ большинствѣ случаевъ переходными, откуда однакоже не слѣдуетъ заключать, чтобы

неплодовитость была необходимымъ свойствомъ всѣхъ вообще убо-
людковъ.

Результатъ своихъ соображеній Бюффонъ формулируетъ слѣ-
дующимъ образомъ: «сравнивая такимъ образомъ всѣ животныя,
и сводя каждое къ своему роду, мы увидимъ, что дѣйстви-
тельно исторію которыхъ мы описываемъ, могутъ быть сведены къ до-
вольно незначительному числу семействъ, или главныхъ источни-
ковъ, изъ которыхъ, быть можетъ, произошли всѣ другіе» (375).
Подъ вліяніемъ этой мысли, Бюффонъ начинаетъ перебирать
млекопитающихъ, и дѣлитъ ихъ по мѣстонахожденію въ Старомъ
или Новомъ Свѣтѣ. Затѣмъ онъ начинаетъ сравнивать животныхъ
обоихъ материковъ, и приходитъ къ очень интереснымъ и замѣ-
чательнымъ выводамъ. Такъ, напр., говоря о кличныхъ звѣряхъ
Старого и Нового Свѣта, онъ указываетъ на существованіе боль-
шого сходства между ними, и ударяетъ на то, что нѣкоторые
изъ нихъ стоятъ ближе къ родичамъ другого континента, неже-
ли къ своимъ сосѣдямъ; такъ, африканская пантера менѣе отли-
чается отъ бразильскаго ягуара, чѣмъ этотъ послѣдній — отъ ку-
гуара, находящагося въ той же странѣ. «Можно бы думать съ
достаточнымъ основаніемъ, — заключаетъ Бюффонъ это сравненіе, —
что эти животныя имѣли общее происхожденіе и предположить,
что, перейдя нѣкогда съ одного материка на другой, ихъ нынѣш-
нія отличія произошли только вслѣдствіе долгаго вліянія ихъ но-
ваго положенія» (390). Бюффонъ продолжаетъ очень серьезный
анализъ родства между животными двухъ материковъ, но при
этомъ наталкивается на такіе примѣры, которые не могутъ быть
объяснены помощью предыдущихъ соображеній. Такихъ ориги-
нальныхъ животныхъ, каковы, напр., лѣндивцы и морскія свинки,
онъ не считаетъ себя вправѣ произвести отъ животныхъ Старого
Свѣта, именно въ виду только отдаленнаго сходства съ ними.
«Болѣе основательно думать, что нѣкогда оба материка были
связаны или непрерывны, и что виды, занявшіе нѣкоторыя стра-
ны Нового Свѣта, въ виду представившихся болѣе благоприят-
ныхъ условій земли и неба, въ нихъ замкнулись и отдѣлились
наступающими морями, когда они разобщили Африку отъ Аме-
рики» (395). «Итакъ, нужно, — заключаетъ Бюффонъ свою главу
о вырожденіяхъ, — для того, чтобы объяснить происхожденіе этихъ
животныхъ, взойти къ временамъ, когда оба материка еще не
были раздѣлены; нужно вспомнить первоначальныя измѣненія,
совершившіяся на поверхности земли, и въ то же время нужно
представить себѣ дѣйстви четвероногихъ животныхъ сведенными къ
тридцати-восьми семействамъ», и т. д. (395).

Можно не раздѣлять воззрѣній Бюффона и признавать непрочность многихъ его доводовъ, но нѣтъ никакого права смѣять на его теорію тѣми же глазами, какъ на хитросплетенія д-Малле относительно превращенія летучихъ рыбъ въ птицы, или это, напр., дѣлаетъ Зейдлицъ въ своемъ историческомъ очеркѣ теоріи преемственности организмовъ. Нельзя не видѣть остроумія и истинности многихъ взглядовъ Бюффона, одинъ изъ которыхъ, какъ будетъ показано впоследствии, совершенно тождественъ съ одной изъ мыслей Уэллеса. Представленія Бюффона о географическомъ распредѣленіи млекопитающихъ въ связи съ теоріей происхожденія ихъ могутъ быть признаны за первое основаніе научной географіи животныхъ.

Изидоръ Жофруа Сентъ-Илеръ полагаетъ, что Бюффонъ впоследствии измѣнилъ свои воззрѣнія и, послѣ столь крайняго ученія объ неизмѣнности видовъ, сталъ доказывать ограниченную измѣнимость ихъ, сходясь въ этомъ отношеніи съ его собственными взглядами. Но легко показать, что С.-Илеръ ошибается; для этого нужно только со вниманіемъ прочесть соответствующее мѣсто его книги ¹⁾. Онъ говоритъ, что Бюффонъ, послѣ крайнихъ воззрѣній на видъ, сталъ признавать «постоянство видовъ, сведенное однако же только въ существеннымъ чертамъ организаціи, и — измѣнимость, но заключенную въ тѣсныя границы». Въ подтвержденіе этого, С.-Илеръ цитируетъ одно мѣсто изъ сочиненій Бюффона, написанное въ 1765 году, т.-е. за годъ до трактата «о вырожденіи животныхъ», и потомъ приводитъ другое, написанное въ 1778 г., слѣдовательно, двѣнадцатью годами позже, исходя въ свѣтъ упомянутого трактата. Вотъ эта вторая цитата: «основная форма каждого животнаго сохранилась тою же и безъ измѣненія въ главныхъ своихъ частяхъ... Индивидуумы каждого рода служатъ нынѣ представителями формъ первыхъ видовъ, особенно высшихъ видовъ, потому что низшіе виды чувствительнымъ образомъ претерпѣли всѣ дѣйствія различныхъ причинъ вырожденія». Изъ послѣдней фразы явно слѣдуетъ, что Бюффонъ остается попрежнему приверженцемъ теоріи *измѣнимости видовыхъ признаковъ*. Нужно припомнить, что какъ низшіе, такъ и высшіе виды его относятся къ классу млекопитающихъ, и что и въ главѣ «о вырожденіи» онъ говоритъ: «крупные виды настолько же востановлены, насколько мелкіе измѣнчивы»; изъ чтенія же самой главы ясно слѣдуетъ, что Бюффонъ усматриваетъ связь между ростомъ и высотой организаціи, и крупные виды считаетъ болѣе

¹⁾ Histoire naturelle générale des règnes organiques. T. II. 1859, стр. 388—391.

высокими, а мелкіе — болѣе низкими. Если же онъ говорить о сохраненіи основной формы (*forme constitutive*) въ главныхъ частяхъ (*dans ses principales parties*), то тутъ должны подразумеваться не видовые признаки, а болѣе крупныя, какъ, напр., признаки класса или отряда. Слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что Палласъ, критикуя въ 1780 г. идеи Бюффона, упоминаетъ объ измѣненіяхъ, совершившихся въ убѣжденіяхъ французскаго натуралиста, но останавливается на главѣ «о вырожденіи животныхъ», какъ объ окончательной формѣ, въ которой выразились его идеи объ измѣняемости видовъ.

Такъ какъ сочиненіе Палласа, которое я имѣю теперь въ виду, т.-е. «мемуаръ объ измѣняемости животныхъ» ¹⁾, содержитъ въ себѣ не только критическій взглядъ на мнѣнія Линнея (см. выше) и Бюффона, но и собственные убѣжденія знаменитаго натуралиста-путешественника, то я считаю всего болѣе уместнымъ теперь же сдѣлать обзоръ этихъ мнѣній, имѣвшихъ большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ развитія зоологіи.

Дѣлая всевозможныя уступки, Палласъ не можетъ принять ни за вліяніемъ климата и другихъ внѣшнихъ условій, ни за вліяніемъ усиленной плодовитости и, слѣдовательно, многочисленности потомства, того могущественнаго дѣйствія на измѣненія организмовъ, на которомъ настаиваетъ Бюффонъ. «Нѣкоторые очень многочисленные виды распространяются, не производя разновидностей, тогда какъ другіе, менѣе многочисленные, измѣняются значительно». Такъ, напр., ласточки и мыши, несмотря на свою плодовитость и многочисленность, измѣняются очень мало, также точно какъ и байбакъ, оставшійся неизмѣненнымъ отъ Польши до Лены; сусликъ же, напротивъ, несмотря на свое сходство съ байбакомъ, представляетъ очень значительныя разновидности. Постоянство животныхъ и самого человѣка въ различныхъ климатахъ очень значительно, и даже нѣкоторые домашнія животныя, какъ, напр., лошадь и оселъ, подвергшіеся наиболѣе измѣняемымъ вліяніямъ, сохранились съ замѣчательнымъ упорствомъ во всѣхъ климатахъ. Если мы, съ другой стороны, видимъ такую большую измѣнчивость у собаки, козы и овцы, то причину ея нужно искать не въ измѣненіяхъ внѣшнихъ условій, а во «вліяніи воспроизводительныхъ силъ», т.-е. другими словами, въ искусственномъ скрещиваніи нѣсколькихъ основныхъ видовъ. Въ естественномъ же состояніи эти воспроизводительныя силы (*forces gé-*

¹⁾ Acta Academiae scientiarum Petropolitanae pro anno 1780. Pars posterior, стр. 69.

negatives) стремятся къ укрѣпленію постоянства формъ, а не разнообразія ихъ. «Единственно отъ этихъ силъ зависитъ фактическое сходство, замѣчаемое на лицахъ и въ очертаніи головы дѣлхъ націй. Я очень увѣренъ, что цвѣтъ и волосы негровъ болѣе зависятъ отъ этой причины, чѣмъ отъ климата» и т. д. Вообще, замѣчаетъ Палласъ, «вліяніе воспроизводительныхъ силъ пересиливаетъ и уравниваетъ всѣ другія причины, могущія вѣднть наружность животныхъ» (98).

Изъ предыдущаго явствуется уже отношеніе Палласа къ вопросу объ измѣняемости видовъ. Вотъ выдержки, формулирующія ея взгляды: ...«все (сказанное) противопоставляетъ факты простой вѣроятности и заставляетъ считать всѣ виды, которые природа дѣлаетъ сходными или которые связываютъ роды, — первобытными, проектированными въ первомъ планѣ творенія и назначенными для образованія той цѣпи существъ, которой мы воспользуемся, не имѣя возможности объяснить ее, также какъ и выборъ, согласіе и смѣсь цвѣтовъ и украшеній, которые тоже творческая сила употребила для украшенія своихъ произведеній» (75). И далѣе: «итакъ, если природа неприступными препятствіями истинна, безплодіа ублюдеовъ и слабыхъ или несовершенныхъ особей и, наконецъ, распредѣленіемъ видовъ въ различныя части земли сдѣлала то, что уклоненіе способностей, распространяющихся и сохраняющихъ чистоту видовъ, почти никогда не можетъ встрѣчаться у дикихъ животныхъ; если такіа животныя не сѣмались или, по крайней мѣрѣ, не были въ состояніи произвести постоянныя расы, какъ это ежедневно доказывается скрещиваніемъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ — то нужно отказаться отъ этого предполагаемаго измѣненія вида, произвести которое никакая другая сила не была бы въ состояніи, и признать для всѣхъ видовъ, отличіе и постоянство которыхъ намъ достаточно извѣстно, общее происхожденіе и эпоху» (101).

Итакъ, видъ есть единица постоянная и неизмѣнная. Но что же значать тогда всѣ варіаціи, наблюдаемыя въ дикой природѣ, а еще болѣе въ мірѣ прирученныхъ животныхъ и растений? Палласъ отвѣчаетъ на это слѣдующимъ образомъ: «уклоненія отъ типа видовъ, обнаруживающіяся въ теченіи поколѣній, во венарушающія единства вида, составляютъ собственно естественныя *разновидности*, гораздо менѣе обыкновенныя, особенно между дикими животными, нежели непостоянства прирученныхъ видовъ». «Всего чаще эти видоизмѣненія свойственны однимъ только *индивидуумамъ*; иногда же они *встрѣчаются у цѣлыхъ расъ* и преобладаютъ до тѣхъ поръ, пока сохраняется производшая ихъ

причина или пока не исчезло вліяніе, оказанное ею на размноженіе» (101).

Вліяніе приведенныхъ аргументовъ и мѣтній Палласа должно было быть оченьъ значительно. Ученый этотъ нивѣмъ не могъ быть уличенъ въ односторонности, подобно Линнею или даже Бюффону. Какъ путешественникъ, онъ собралъ много драгоценнѣйшихъ данныхъ объ образѣ жизни и географическомъ распространеніи организмовъ, и эти-то свѣдѣнія дали въ его руки богатый матеріалъ для серьезнаго обсужденія вопроса объ измѣняемости. Кромѣ того, онъ былъ и кабинетнымъ ученымъ, давшимъ очень многостороннія и до сихъ поръ образцовыя описанія животныхъ и растений. Сочиненія его по антропологии и этнографіи справедливо считаются классическими, и теперь никому не придетъ въ голову сравнивать ихъ съ трактатомъ Бюффона о человѣкѣ, составленномъ по разнымъ путешествіямъ, гдѣ безъ критики и доказательствъ накаплиются самыя нелѣпыя данныя. Репутація и авторитетъ Палласа были настолько велики, что нѣкоторые ставили его выше Линнея и Бюффона. Но вліяніе его въ дѣлѣ вопроса «о видѣ» было, вообще говоря, въ смыслѣ благоприятномъ такъ-называемому линнеевскому направленію. Больше самаго основателя его, Палласъ настаиваетъ на постоянствѣ вида и всѣ случаи измѣнчивости относитъ къ варіететамъ, или расамъ. Но это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ ему усматривать сходство между различными животными и устанавливать между ними идеальную связь, въ видѣ предположенія объ общемъ планѣ устройства. Палласъ ¹⁾ еще рѣзче, чѣмъ Боннэ (см. выше), высказываетъ мысль о томъ, что организмы не могутъ быть поставлены въ одинъ непрерывный рядъ, но должны быть группированы въ формѣ дерева, корень котораго занимаютъ самыя низшіе организмы, а два ствола — составляютъ животное и растительное царства. Каждый изъ этихъ стволовъ въ свою очередь развѣтвляется, причемъ Палласъ указываетъ даже на значеніе отдѣльныхъ вѣтвей. Итакъ, идея о связи членовъ органическаго міра сознава очень ясно, но только не въ формѣ кровнаго родства, какъ представляютъ нынѣ, а въ формѣ какаго-то общаго идеальнаго плана.

Изложенный очеркъ воззрѣній трехъ главныхъ представителей біологическаго естествознанія въ прошломъ столѣтіи убѣждаетъ насъ, что въ то время очень серьезно ставился и обсуждался вопросъ о видѣ и его измѣняемости. Мы видѣли остроумныя и

¹⁾ *Elenchus Zoophytorum*, 1766, стр. 28.

широкія обобщенія Бюффона и солидные критическіе взгляды и опроверженія Палласа. Мы знаемъ, какое обширное значеніе придавалъ первый непосредственному вліянію вѣшнихъ условій и насколько Палласъ старался умѣрить это значеніе. Всѣ эти вопросы не отжили свой вѣкъ, и теперь еще относящіеся къ нимъ трактаты прошлаго столѣтія сохраняютъ большое значеніе. Мы знаемъ также, что рядомъ съ понятіемъ о видѣ еще обособилось представленіе о разновидности или расѣ, какъ о воплощеніи индивидуальности, и, кромѣ того, еще видимъ, что независимо отъ вопроса о происхожденіи видовъ, въ восемнадцатомъ столѣтіи стали говорить о стилѣ и общемъ планѣ построенія животныхъ и о рѣзультативной формѣ схематическаго изображенія взаимнаго родства организаковъ.

Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть, какъ развились далѣе эти воззрѣнія, и насколько привились и распространились они въ науку и въ образованномъ мірѣ вообще.

Всего болѣе развитіе и распространеніе получило Линнеевое направленіе. Облегченное изученіе животныхъ формъ сдѣлалось предметомъ занятія многихъ ученыхъ, результатомъ чего явилась специальная разработка отдѣльныхъ группъ животнаго царства. Стали появляться руководства и учебники, число которыхъ особенно увеличилось въ Германіи, составленные въ духѣ Линнея. Особенно выдающимся было «Руководство къ естественной исторіи» Блуменбаха (1779), явившееся какъ-бы въ качествѣ нѣсколько подновленнаго продолженія Линнея. Блуменбахъ, получившій знаменитость главнымъ образомъ какъ антропологъ, встрѣтился на этомъ полѣ съ однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ измѣняемости, и потому въ свое опредѣленіе вида включилъ и моментъ варіаціи. Такимъ образомъ онъ полагаетъ, что видъ не есть собраніе особей «вполнѣ сходныхъ, но сходныхъ настолько, чтобы отличія могли быть приписаны вырожденію». Отсюда явлю, Блуменбахъ смотритъ на видъ какъ на нѣчто прочное и постоянное, тогда какъ измѣненія относитъ къ разновидностямъ, заключающимися внутри рамокъ вида, т.-е. въ общемъ сходится съ воззрѣніями, всего рѣзче сформулированными Палласомъ. Въ приложеніи къ антропологии, Блуменбахъ выводитъ изъ этого принципа, что человѣческій родъ составляетъ одинъ видъ, тогда какъ расы имѣютъ значеніе только разновидностей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство ученыхъ, преподававшихъ науку съ касседры и писавшихъ руководства, слѣдовательно такихъ, которые имѣли всего болѣе вліяніе на образованіе школы, придерживались гораздо болѣе Линнея и Пал-

ласа. чѣмъ Бонне и Бюффона, и вообще были несравненно богѣе склонны къ систематической формалистикѣ, нежели къ философскимъ обобщеніямъ. Но, съ другой стороны, несомнѣнно и то, что были въ тѣ времена и зоологи, старавшіеся не столько о накопленіи и распредѣленіи деталей, сколько о соединеніи ихъ общей идеей и о проникновеніи въ глубь органическаго міра, поражающаго всегда своей полнотой и гармоніей. Такимъ образомъ развивалась идея о планѣ построенія организмовъ и о механическомъ происхожденіи ихъ.

Изъ числа ученыхъ съ такимъ философскимъ направленіемъ мы можемъ привести здѣсь *Ласепада*, написавшаго отдѣлъ о рыбахъ въ «Естественной Исторіи» Бюффона. Въ первой главѣ этого отдѣла, озаглавленной: «о дѣйствиіи искусства человѣка на природу рыбъ» — высказано много мыслей объ пмѣняемости органическихъ формъ. Ласепедъ систематически разбираетъ различные приемы, употребляемые человѣкомъ съ цѣлью улучшить и измѣнить породы рыбъ, — и сводитъ ихъ къ слѣдующимъ четыремъ способамъ: улучшенію количества и качества пищи, защитѣ, различнаго вида принужденіямъ и выбору самцовъ и самокъ для размноженія вида. Онъ подробно разсматриваетъ вопросъ объ искусственномъ образованіи помѣсей и указываетъ на важное значеніе ихъ въ дѣлѣ усовершенствованія породъ. Вообще, Ласепедъ допускаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ вліяніе человѣка на природу рыбъ и думаетъ, что искусственнымъ путемъ можно, въ концѣ-концовъ, произвести «настоящіе постоянные и отличные виды». Измѣненія же, производимыя человекомъ, французскій ихтиологъ считаетъ мѣриломъ естественныхъ видоизмѣненій. «Искусственные виды будутъ служить мѣркой естественныхъ видовъ» — говоритъ онъ. — Виды, которые произведетъ человѣкъ, частью вліяніемъ на находящіеся въ его власти индивидуумы, частью же скрещиваніемъ между сосѣдними или отдаленными другъ отъ друга видами, будутъ служить важнымъ средствомъ сравненія и дадутъ понятіе о видахъ, которые произвела или произведетъ природа въ теченіи вѣковъ». Изъ этой послѣдней фразы, также какъ и изъ многихъ другихъ выраженій ясно вытекаетъ, что Ласепедъ стоитъ за измѣнчивость вида, совершающуюся притомъ нѣсколькими путями. Какъ ни сильно считаетъ онъ вліяніе человѣка, тѣмъ не менѣе онъ признаетъ его ничтожнымъ въ сравненіи съ измѣненіями, произведенными природой въ теченіи вѣковъ.

Въ концѣ разсматриваемой нами главы *Ласепедъ* высказываетъ слѣдующее соображеніе: «два великіе рода воззрѣнія на

описанный міръ достоинъ полнаго вниманія истиннаго натуралиста», говорить онъ. «Съ одной стороны, можно думать, что въ очень древнія времена существовало только нѣсколько первобытныхъ видовъ животныхъ, которые способами, сходными съ употребляемыми человекомъ, произвели, силою природы, вторичные виды; эти же послѣдніе — сами собою или скрещиваніемъ съ первобытными породами — третичные виды и т. д. Съ другой стороны можно предположить, что въ первыя времена природой были употреблены всѣ средства, что она тогда же осуществила всѣ формы, развила всѣ органы, пустила въ ходъ всѣ способности и произвела всѣ живыя существа, которыя только можетъ представить себѣ самое причудливое воображеніе; но что изъ этого безконечнаго числа видовъ тѣ, которые получили только несовершенныя средства къ пропитанію, сохраненію, размноженію, постепенно исчезали, и что изъ-всего остались, наконецъ, только тѣ высшіе виды, *существа лучше одаренныя*, которыя населяютъ теперь землю».

«Какое бы мнѣніе ни одержало верхъ относительно точнаго исхода созидательной природы, т.-е. принятіе ли прогрессивнаго увеличенія, или же постепеннаго уменьшенія, во всякомъ случаѣ, настоящее положеніе вещей допускаетъ только одно толкованіе живой природы и заставляетъ считать ее колеблющеюся между двумя великими предѣлами, положенными на одномъ концѣ малымъ числомъ первобытныхъ видовъ, а на другомъ — безконечностью всѣхъ видовъ, какіе только можно представить. Природа постоянно стремится то къ одному, то къ другому изъ этихъ двухъ предѣловъ, не имѣя возможности теперь приблизиться къ нимъ»... Другими словами, въ настоящей, живой природѣ мы замѣчаемъ обособленіе, или образованіе новыхъ видовъ, т.-е. стремленіе къ одному предположенному Ласепедомъ предѣлу, и въ то же время видимъ уменьшеніе видовъ, т.-е. исчезновеніе нѣско одаренныхъ и переживаніе *лучше одаренныхъ* изъ нихъ. Ученіе это, болѣе всего остального, произведеннаго въ восемнадцатомъ столѣтіи по отношенію къ вопросу объ измѣняемости видовъ, приближается къ сущности дарвинизма, т.-е. къ ученію объ естественномъ подборѣ или переживаніи наиболѣе приспособленными ¹⁾).

Къ числу ученыхъ прошлаго столѣтія, касавшихся вопроса

¹⁾ Гисъ (Archiv für Anthropologie. T. IV. 1870, стр. 355) утверждаетъ, будто Мювертъ, въ вышедшей въ 1846 году книгѣ *Vénus phisique*, устанавливаетъ уже мнѣнія о происхожденіи видовъ, наиболѣе подходящія къ Дарвиновскимъ. Но изъ приведенныхъ цитатъ этого никакимъ образомъ нельзя вывести.

объ общемъ происхожденіи видовъ, долженъ быть отнесенъ еще Эразмъ Дарвинъ (дядь Чарльза), издавшій въ 1794 г. «*Zoonomia*». Въ этомъ сочиненіи, содержащемъ въ себѣ общій фیزیологическій и патологическій очеркъ животнаго организма, Э. Дарвинъ старается распространить мнѣніе Линнея объ образованіи растительныхъ видовъ путемъ скрещиванія и на животное царство. «Возможно—говоритъ онъ¹⁾»,— что всѣ животныя произошли первоначально черезъ смѣшеніе немногихъ естественныхъ отрядовъ».

Представивъ краткій очеркъ главнѣйшихъ моментовъ научныхъ идей восемнадцатаго столѣтія по вопросу о видѣ, я перехожу теперь къ изложенію чисто-философскихъ взглядовъ на этотъ вопросъ. При этомъ мы на каждомъ шагѣ будемъ наталкиваться на вещи, не выдерживающія самой поверхностной научной критики; но не это намъ важно. Существеннымъ является выраженная въ этихъ философскихъ построеніяхъ потребность рациональнаго объясненія общихъ вопросовъ объ организованномъ мірѣ вообще и человѣкѣ въ частности. Въ то время, какъ ученые могли удовлетворяться собираніемъ фактовъ, группированіемъ ихъ въ общія категории и дѣланіемъ только неизбежно вытекающихъ выводовъ, философы, наоборотъ, могли остановить свое вниманіе только на самыхъ общихъ вопросахъ, важныхъ для построенія новаго міросозерцанія.

Въ ряду такихъ мыслителей одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ французъ *дю-Малье*. Хотя онъ занимался научно геологическими вопросами, но въ дѣлѣ теорій о происхожденіи и развитіи организмовъ онъ до такой степени теряетъ всякую научную почву, что никоимъ образомъ не можетъ быть поставленъ на-ряду съ Бюффономъ, Ласепедомъ и другими. Въ изданномъ впервые, въ 1748 г., сочиненіи: «Тальямедъ или бесѣды индійскаго философа съ французскимъ миссіонеромъ объ уменьшеніи моря», дю-Малье пространно развиваетъ свои натурфилософскія воззрѣнія. Объясненіе материковъ онъ приписываетъ всплывенію первобытнаго моря, заселеніе же ихъ онъ объясняетъ превращеніемъ морскихъ животныхъ въ прѣсноводныя. На превращеніе это онъ смотритъ какъ на вещь весьма простую, и даже рѣшается подробно излагать ходъ его. Такъ, напр., птица онъ считаетъ за измѣнившіяся летучія рыбы, которыя, будучи занесены вѣтромъ на материкъ, подверглись дѣйствію новыхъ условій. «Подъ вліяніемъ воздуха плавники ихъ разлѣзлись, причѣмъ поддержи-

¹⁾ *Zoonomia*. 1795. Второй отдѣлъ, глава XXXIX, 6.

зачинъ лучи превратились въ перья, а высохшія оболочки образовали бородку; въ то же время кожа покрылась пухомъ, брюшныя пластинки обратились въ ноги, тѣло получило новую форму, нозли и клювъ удлинились и, такимъ образомъ, рыба стала птицей».

Хотя Катрфажъ ¹⁾, ученый, напомнившій современному міру сочиненіе дю-Малье, и старается привести въ оправданіе низкій уровень науки прошлаго столѣтія, не заходитъ въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко. На предидущихъ страницахъ мы видимъ нѣрѣдко очень смѣлыя теоріи натуралистовъ восемнадцатаго вѣка, но никто изъ нихъ не вступалъ настолько въ область фантазій, какъ дю-Малье. Нѣтому, знакомому съ основами зоологіи, не могло придти въ голову серьезно говорить о превращеніи востинныхъ плазминныхъ лучей въ роговыя перья, и уже одно это свидѣтельствуетъ о крайне дилеттантскомъ отношеніи автора «Бесѣды индійскаго философа». Современники его очень хорошо понимали это, что видно изъ сдѣланнаго Палласомъ сравненія теорій дю-Малье съ Овидіевыми метаморфозами.

Другой авторъ, приводимый Катрфажемъ въ качествѣ предшественника Дарвина, Робинъ, еще болѣе чѣмъ дю-Малье уходитъ въ область фантазій. Исходя изъ принципа постепенности Лейбница, Робинъ раздуваетъ его до крайности, наглядно представляя намъ примѣръ вреда односторонняго метода. Такимъ образомъ, въ виду невозможности провести рѣзкую границу между мертвой и живой матеріей, онъ считаетъ все вещество вообще одареннымъ жизнью. Оно цѣликомъ состоитъ, по его мнѣнію, изъ зачатковъ, которые производятъ какъ неорганизованныя тѣла, такъ и самыя организмы. Виды для него не существуютъ вовсе: въ природѣ мы видимъ только недѣлимые, которыя связаны другъ съ другомъ переходами, и которыя всѣ мѣстѣ составляютъ одно общее неразрывное цѣлое. Всѣ формы, встрѣчаемыя нами въ природѣ, преходящи, и вообще въ природѣ все измѣнчиво и подвижно. Движеніе это совершается въ прогрессивномъ направленіи, выражающемся въ постепенномъ преобладаніи силы надъ матеріей. Отъ минераловъ оно переходитъ къ растеніямъ, затѣмъ къ животнымъ, а потомъ къ человѣку. Но и тутъ оно не останавливается, такъ какъ могутъ существовать формы болѣе тонкія и силы болѣе дѣйствительныя, чѣмъ тѣ, которыя входятъ въ составъ человѣка. Наконецъ, быть можетъ,

¹⁾ Les précurseurs français de Darwin, въ „Revue des deux Mondes“. 1868, стр. 835 — 845.

сила въ состояніи будетъ вовсе покинуть матерію и дать начало новому міру. Но, идя по пути къ совершенству, природа начинается съ попытокъ, и вотъ почему многіе намни такъ сходны съ органами человѣка: одни похожи на сердце, другіе на мозгъ, третьи на черепъ, ногу и т. п. Такимъ образомъ, уклоненія отъ нормы, встрѣчающіяся въ настоящее время, должны быть рассматриваемы какъ попытки къ произведенію болѣе совершеннаго существа, чѣмъ нынѣшній человѣкъ, и нерѣдкіе случаи гермафродитизма ясно указываютъ цѣль, къ которой стремится природа: наступитъ время, когда въ человѣкѣ соединятся свойства и прелести Аполлона и Венеры, и тогда только, быть можетъ, будетъ достигнута высочайшая степень человѣческой красоты...

Несравненно болѣе значеніе имѣетъ для насъ «*Système de la Nature*», приписываемая обыкновенно Гольбаху, такъ какъ она знакомитъ насъ съ воззрѣніями цѣлой философской школы прошлаго столѣтія. Книга эта, вышедшая въ 1770 г. и надѣлавшая въ свое время много шума, была составлена или цѣлымъ кружкомъ людей, или же подъ вліяніемъ этого кружка, собиравшагося у барона Гольбаха. Къ числу друзей послѣдняго принадлежали Дидро, д'Аламберъ, Тюрго, Кондильякъ, Ж. Ж. Руссо и, между прочимъ, Бюффонъ, вліяніе котораго, быть можетъ, отразилось въ той сторонѣ «Системы», которая насъ теперь занимаетъ. Въ шестой главѣ первой части, въ которой идетъ рѣчь о физической и нравственной природѣ человѣка, ставится, между прочимъ, вопросъ и о происхожденіи человѣка. «Существовалъ ли человѣкъ во всѣ времена?» «Были ли всегда люди, похожіе на насъ, и будутъ ли они всегда находиться потомъ?» «Виды безъ начала будутъ ли также и безконечны? Неразрушимы ли эти виды, или они преходящи, подобно недѣлимымъ? Человѣкъ былъ ли всегда тѣмъ, чѣмъ онъ есть теперь, или же, прежде чѣмъ достигнуть своего настоящаго состоянія, онъ долженъ былъ пройти черезъ безконечный рядъ постепенныхъ стадій» ¹⁾ и т. д. Въ отвѣтъ на эти вопросы являются соображенія, изъ которыхъ явствуетъ, что «*Système de la Nature*» безусловно принимаетъ теорію постепеннаго происхожденія организмовъ. Вотъ выдержка, доказывающая это: «Человѣкъ, подобно всему существующему на нашей и другихъ планетахъ, можетъ быть рассматриваемъ находящимся въ постоянномъ измѣненіи. Поэтому, послѣдній срокъ существованія человѣка намъ столь же неизвѣстенъ и безразличенъ, какъ и первый. Такимъ образомъ, нѣтъ никакого противорѣчія и

¹⁾ *Système de la Nature*, par le Baron d'Holbach. Изданіе 1821 г. Т. I, стр. 97

ниси, что виды безпрестанно измѣняются; и намъ столь же невозможно знать того, что съ ними станется, какъ и того, чѣмъ они были». «Тѣхъ, которые спросятъ, почему природа не производитъ новыхъ существъ, мы въ свою очередь спросимъ, на какомъ основаніи они полагаютъ этотъ фактъ. Кто дастъ имъ право предполагать такое безплодіе природы? Развѣ они знаютъ, что въ сочетаніяхъ, слагающихся ежеминутно, природа не занята произведеніемъ новыхъ существъ?» и т. д. (103).

Въ приложенномъ къ концу книги краткомъ обзорѣ (озаглавленномъ: *Le vrai sens du Système de la Nature*), вопросъ о происхожденіи человѣка резюмируется слѣдующимъ образомъ: «Иротно, что человѣкъ составляетъ произведеніе, свойственное только нашей планетѣ, на которой другія произведенія и самъ человѣкъ измѣняются въ силу различія климатовъ. Онъ, несомнѣнно, родился отъ обоихъ половъ и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока сохранится сочетаніе его съ земнымъ шаромъ. Если бы оно прекратилось, то человѣческій родъ долженъ будетъ уступить мѣсто новымъ существамъ, способнымъ сочетаться съ свойствами, которыя будетъ имѣть тогда наша планета» (II, 432).

Если мы отъ кодекса матеріализма прошлаго столѣтія перейдемъ къ главному представителю нѣмецкаго идеализма, то увидимъ, что, при всемъ различіи основныхъ философскихъ взглядовъ, обѣ школы сходятся довольно близко по отношенію къ занимающему насъ вопросу. Высказавъ мысль о произвольномъ зарожденіи живыхъ существъ и измѣненіи однихъ организмовъ въ другіе, Кантъ ¹⁾ прибавляетъ: «а priori, съ точки зрѣнія разума, противорѣчія тутъ нѣтъ. Но только наблюденіе не представляетъ намъ ни одного примѣра». Основаніемъ воззрѣнія о преемственности органическихъ формъ служитъ Канту «сходство столь многихъ родовъ животныхъ въ извѣстной общей схемѣ, лежащей въ основаніи не только скелета, но и въ распредѣленіи прочихъ частей»... «Эта аналогія формъ, по скольку онѣ, несмотря на всѣ отличія, кажутся произведенными по одному общему прототипу, усиливаетъ предположеніе настоящаго родства между ними, въ силу происхожденія отъ общей первобытной матеріи путемъ постепеннаго приближенія одного рода къ другому, начиная... отъ человѣка и до полипа» и т. д. Хотя Кантъ нигдѣ не выдаетъ этого воззрѣнія за установленную истину, но относится къ нему какъ къ смѣлomu предположенію ²⁾, тѣмъ не менѣе

¹⁾ Kritik der Urtheilskraft. Изданіе 2-е (первое вышло въ 1790 г.), стр. 368—370.

²⁾ Kritik der Urtheilskraft. Прим. къ стр. 370. Весьма важно замѣчаніе Канта, что въ это время найдется мало натуралистовъ, которыхъ не приходила бы въ голову такая же гипотеза о происхожденіи органическихъ формъ.

онъ остается послѣдовательнымъ и считаетъ возможнымъ признать его въ частномъ случаѣ и въ человѣку. Такимъ образомъ говоря въ своей «Антропологіи» объ одномъ измѣненіи, происшедшемъ въ человѣкѣ, онъ высказываетъ предположеніе о существованіи эпохи, когда человѣкъ произошелъ вслѣдствіе видоизмѣненія нѣкоторыхъ органовъ оранг-утана или шимпанзе¹. Лессажъ также придерживался мнѣнія о постепенномъ происхожденіи человѣка отъ какой-нибудь низшей формы и полагалъ, что у него сначала было меньше органовъ чувствъ²).

II.

Очеркъ теоретическихъ воззрѣній во Франціи нынѣшняго столѣтія.—Ламаркъ.—Этьенъ Жофруа С.-Илеръ.—Кювье.—Исидоръ Ж. С.-Илеръ.

Начало нынѣшняго столѣтія составляетъ весьма важную эпоху въ развитіи теоріи происхожденія видовъ. Въ 1801 году появилась «Система безпозвоночныхъ животныхъ» Ламарка, въ которой впервые были высказаны теоретическія воззрѣнія этого ученаго относительно общаго и послѣдовательнаго происхожденія организмовъ, воззрѣнія, развитыя затѣмъ съ болѣею полнотою въ появившейся, въ 1809 г., «Зоологической философіи» и во введеніи къ «Естественной исторіи безпозвоночныхъ животныхъ» (1815).

Ламаркъ былъ ученикомъ и другомъ дома Бюффона, такъ что вліяніе послѣдняго на научное развитіе Ламарка врядъ ли можетъ быть подвержено сомнѣнію. Слѣдуетъ однакоже замѣтить, что этотъ знаменитый ученый не съ разу сдѣлался поборникомъ ученія о преемственномъ происхожденіи видовъ. Подобно Бюффону, онъ сначала также мирился съ принципомъ постоянства видовъ и только потомъ, въ зрѣломъ возрастѣ, вслѣдствіе долгихъ штудій и размышленія, сдѣлался приверженцемъ главнымъ представителемъ теоріи измѣняемости и общаго происхожденія видовъ.

Въ основаніе своей теоріи Ламаркъ полагаетъ чисто механическое воззрѣніе на организованный міръ. Въ числѣ его основныхъ принциповъ мы встрѣчаемъ слѣдующіе: «3-й принципъ. Всякій фактъ или явленіе, наблюдаемое въ живомъ тѣлѣ, представляетъ въ то же время и фактъ или явленіе изъ міра физическаго».

¹) Anthropologie. 2-е изданіе, 1800. Прим. къ стр. 323.

²) Цитировано въ Zeitschrift für Völkerpsychologie. 1875. Т. VIII, стр. 276.

и продуктъ организаціи. 4-й *принципъ*. Въ природѣ не существуетъ никакого вещества, которому было бы присуще свойство *жизни*. Всякое тѣло, обнаруживающее жизнь, является, въ качествѣ продукта его организаціи и въ результатѣ ряда движеній, возбужденныхъ въ его частяхъ, физическій и органическій феноменъ, составляющій *жизнь*, выполняющійся и продолжающійся въ тѣлѣ ю тѣхъ поръ, пока сохраняются въ тѣлѣ существенныя условія для его произведенія» ¹⁾ и т. д.

Къ числу весьма важныхъ основныхъ положеній Ламарка нужно отнести еще то, въ которомъ онъ предвосхищаетъ Ляйелля, являясь основателемъ теоріи постепенности видоизмѣненій земной природы и медленности геологическихъ процессовъ. «Если принять во вниманіе, съ одной стороны, что во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ природа ничего не производитъ сразу, и что она всюду поступаетъ медленно и постепенно и, съ другой стороны, что частныя и мѣстные причины переворотовъ, перемѣненій и проч. могутъ объяснить все, что наблюдается на поверхности земли, и несмотря на то подвержены ей законамъ и ея общему ходу, то окажется, что нѣтъ никакой надобности въ предположеніи всемірной катастрофы, перевернувшей и разрушившей большую часть собственныхъ произведеній природы» ²⁾.

Результатомъ механическаго воззрѣнія на жизнь и убѣжденія въ постепенности геологическихъ измѣненій земного шара является мысль о преемственности и общемъ кровномъ родствѣ организмовъ. Путемъ тщательныхъ зоологическихъ изслѣдованій надъ низшими животными, Ламаркъ пришелъ къ заключенію, что виды вовсе не облечены въ столь тѣсныя рамки, какъ это было признано наукой. Онъ увидѣлъ невозможность считать разновидности или расы за нѣчто столь существенно отличное отъ видовъ, какъ это принималось школою, и пришелъ къ заключенію, что «въ разновидностяхъ происходятъ виды». Такимъ образомъ, и апріорные выводы изъ общихъ принциповъ, и индуктивныя наблюденія при помощи отдѣльныхъ фактовъ равно приводятъ къ мысли объ измѣняемости видовъ и общемъ происхожденіи организованныхъ существъ.

Мысль эту Ламаркъ возводитъ въ теорію, придавая ей цѣлостный видъ и обставляя ее многочисленными, но почти исключительно дедуктивными выводами. — Вотъ существеннѣйшіе пункты этой теоріи. Первые живыя существа на землѣ, т.-е. самыя низ-

¹⁾ Histoire naturelle des animaux sans vertèbres. I. Изд. 1835, стр. 19.

²⁾ Philosophie zoologique. 1809. I, 80.

шіе организмы, произошли путемъ произвольнаго зарожденія, каковымъ образомъ они появляются еще и нынѣ. «Пусть не говорятъ, что идея о *произвольномъ зарожденіи* есть только произвольная теорія, лишенная основанія, выдуманная древними и потому формально опровергнутая рѣшительными наблюденіями. Древніе, конечно, приписывали произвольному зарожденію слишкомъ большое распространеніе, имѣя о немъ только одніѣ догадки; они ошибочно прилагали его, что было легко обнаруживать, но нѣкоимъ образомъ не доказали, чтобы вовсе не происходило произвольнаго зарожденія и чтобы природа не пользовалась имъ для произведенія самыхъ низшихъ организмовъ». (Hist. Nat. I, 148). Я привелъ эту цитату съ цѣлью показать свойство научныхъ приемовъ Ламарка. Ограничиваясь съ своей стороны одними логическими доводами а priori, онъ требуетъ отъ противниковъ фактическихъ доказательствъ *несуществованія* принимаемаго имъ явленія.

Итакъ, по мнѣнію Ламарка, «простѣйшія животныя и простѣйшія растенія, стоящія на самой низшей ступени лѣстницы природы, произошли и происходят и нынѣ путемъ произвольнаго зарожденія». Изъ такихъ организмовъ получились болѣе высоко устроенныя существа, въ силу закона прогрессивнаго развитія. Седьмая зоологическая аксіома Ламарка гласитъ слѣдующее: «Природа, имѣвшая возможность, во всѣхъ своихъ приемахъ, дѣйствовать только постепенно, не могла произвести всѣхъ животныхъ разомъ: она образовала сначала только самыхъ низшихъ и затѣмъ, переходя отъ нихъ въ болѣе сложныя, постепенно установила въ нихъ различныя системы особыхъ органовъ» и т. д. (Н. N. I, 105). Такимъ образомъ, пересматривая всѣ животныя организмы, мы усматриваемъ въ нихъ постепенно усложняющіеся ряды, свидѣтельствующіе о прогрессивномъ ходѣ развитія животнаго міра. Въ основѣ этого явленія лежитъ «сила жизни (*le pouvoir de la vie*), результатомъ которой является усложненіе организаціи и, слѣдовательно, самая прогрессія» (I. с. 134) животнаго царства. Но этой одной силѣ недостаточно для объясненія всѣхъ сторонъ наблюдаемыхъ явленій. Несомнѣнно, «что общій планъ, т.-е. это прогрессивное усложненіе организаціи, былъ дѣйствительно выполненъ этой первой силой»... «Но причина, посторонняя ей, причина случайная и потому измѣнчивая, вѣззавалась тамъ и самъ въ исполненіе этого плана, не уничтоживъ его однакоже» (I. с. 113). «Эта-то вторая причина заключается въ очень различныхъ условіяхъ, среди которыхъ очутились различныя животныя при распространеніи

но различнымъ пунктамъ земной поверхности и въ нѣдрахъ ея. Условия эти побуждали животныхъ разнообразить ихъ дѣйствія и образъ жизни, измѣнить привычки, и повліяли на очень неправильныя измѣненія не только наружныхъ частей, но даже то того, то другого отдѣла внутренней организаціи» (I. с. 114). Итакъ, организмъ животного является результатомъ дѣйствія какъ главной причины, т.-е. силы прогрессивнаго развитія, такъ и второстепенной причины, или «*видоизмѣняющей причины*» (*cause modifiante*), производящей перерывы и разнообразныя неправильныя отклоненія въ результатахъ первой причины». (I, 134). Видоизмѣняющее дѣйствіе внѣшнихъ условий, т.-е. среды, нужно отнести къ числу посредствующихъ вліяній послѣдней. Климатъ, новая обстановка вызываютъ новыя потребности, такъ сказать, новыя стремленія, которыя въ свою очередь обуславливаютъ появленіе новыхъ органовъ. Въ этомъ заключается основная сторона теоріи преемственности Ламарка. Бюффонъ также говорилъ о вліяніи среды, какъ о причинѣ видоизмѣненности организмовъ при ихъ переселеніи въ новое мѣсто, но у Бюффона внѣшнія условия дѣйствуютъ непосредственно; они уменьшаютъ или увеличиваютъ размѣры, измѣняютъ цвѣтъ кожи и шерсти и т. п. У Ламарка же внѣшнимъ условіямъ самимъ по себѣ не приписывается никакого существеннаго вліянія: они дѣйствуютъ только на измѣненіе привычекъ и черезъ посредство ихъ вызываютъ образованіе новыхъ органовъ. При этомъ являются дѣйствующими слѣдующіе четыре закона: «1) Жизнь, своими собственными силами, постоянно стремится увеличить объемъ своего живого тѣла и распространить размѣры его частей до предѣла, полагаемаго ей самой. 2) Произведеніе новаго органа въ животномъ тѣлѣ является результатомъ появленія новой потребности, продолжающей давать себя чувствовать, а также — новаго движенія, порождаемаго и поддерживаемаго этой потребностью. 3) Развитіе органовъ и сила ихъ дѣйствія находятся постоянно въ прямомъ отношеніи къ употребленію этихъ органовъ. 4) Все, что было приобрѣтено, намѣчено или измѣнено въ организаціи особей, въ теченіи хода ихъ жизни, сохраняется при размноженіи и передается новымъ недѣлимымъ, происходящимъ отъ тѣхъ, которыя претерпѣли эти измѣненія». Сущность этой теоріи заключается въ подтверждаемомъ ежедневнымъ опытомъ явленіи, что органы увеличиваются вслѣдствіе усиленнаго употребленія ихъ (гимнастика) и уменьшаются отъ неупотребленія. И въ настоящее время не сомнѣваются въ могущественномъ вліяніи этого фактора на организмы, но только не придаютъ ему

того всеобъемлющаго значенія, какое отвелъ ему Ламаркъ «Этотъ (третій) законъ я считаю, — говоритъ онъ, — однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ, употребленныхъ природою для видоизмѣненія расъ» (I. с. 159). Эти положенія пояснены у автора и нѣкоторыми гипотетическими примѣрами. Предположимъ, что кака-нибудь улитка будетъ поставлена въ необходимость ощупывать окружающіе ее предметы; съ этой цѣлью она непремѣнно должна будетъ вытягивать наиболѣе чувствительную часть своей кожи, вслѣдствіе чего къ ней станутъ въ болѣебольшемъ количествѣ приливать питательные соки. Въ результатъ ростъ этой части будетъ совершаться энергичнѣе и на ней появятся бугорки, т.-е. особые органы осязанія—щупальцы. Если же животному не будетъ надобности дѣлать усилія для изощренія осязанія, то оно останется въ первоначальномъ видѣ, т.-е. не приобрететъ щупальцевъ. Всякій же новый признакъ по четвертому закону (закону наследственности) передается потомству и, такимъ образомъ фиксируется, можетъ сдѣлаться признакомъ вида. У растений, относительно которыхъ не можетъ быть рѣчи о привычкахъ, стремленіяхъ къ цѣли и т. п. сознательныхъ дѣйствіяхъ, новые органы и признаки появляются благодаря усиленію нѣкоторыхъ жизненныхъ движеній (*mouvements vitaux*) на счетъ другихъ, вслѣдствіе измѣненія окружающихъ условій.

Въ концѣ своей «Зоологической философіи» Ламаркъ прилагаетъ схематическую таблицу генеалогической связи главнѣйшихъ группъ животнаго царства, родъ генеалогическаго дерева, на подобіе тѣхъ, которыя столь часто употребляются теперь нѣмцами ультрадарвинистами. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣніе деталей этой схемы, но обратимъ вниманіе только на то, что у Ламарка, кромѣ расходящихся вѣтвей, есть и одна сходящаяся: его копытныя млекопитающія являются результатомъ схожденія двухъ вѣтвей: одной, идущей отъ рыбообразныхъ, и другой, идущей отъ лаконогихъ. Этотъ фактъ имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что указываетъ на признаніе Ламаркомъ принципа схожденія (конвергенціи), до котораго еще не дошли нѣмецкіе ультрадарвинисты.

Такова въ общихъ чертахъ теорія Ламарка, теорія въ высшей степени замѣчательная, но не имѣвшая въ свое время почти никакого вліянія. Съ одной стороны, ей очень много повредила чисто дедуктивная метода ея построения, съ другой же стороны, она потеряла отъ невозможности оживить ее, придать ей практическое значеніе въ наукѣ. Мы видѣли, что у Ламарка устанавливаются «законы», «зоологическіе принципы», «аксіомы»,

изъ нихъ дѣлаются выводы—но все это на чисто теоретическомъ основаніи. Фактическаго подтвержденія Ламаркъ не даетъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда его бы можно было представить, и гнушаются реальности въ такой степени, какая подобаетъ развѣ только математику или супранатуралисту. Примѣры, приводимые имъ, какъ, напримѣръ, вышеприведенный о щупальцахъ улитки, имѣи не изъ дѣйствительности, а придуманы имъ съ цѣлью нагляднаго поясненія теоретическихъ принциповъ. Съ другой стороны, мы видимъ, что чуть только Ламаркъ самъ переступаетъ на чисто научную почву и начинаетъ исследовать и распредѣлять факты, то онъ является такимъ же точно зоологомъ и систематикомъ, какъ и всѣ другіе: тутъ у него говорится о видѣ въ томъ же смыслѣ, какъ у другихъ зоологовъ; тутъ же встрѣчаются и роды, и семейство, и отряды въ общепринятой формѣ. Такимъ образомъ, введеніе въ «Естественную исторію безпозвоночныхъ» представляется намъ сводомъ апіорическихъ законовъ объ измѣняемости формъ, сама же «Естественная исторія» представляетъ собою такой исключительно систематическій сборникъ, что заслужила ея автору титулъ «французскаго Линнея». При распредѣленіи группъ онъ, правда, старается уловить нить естественной классификаціи; онъ задается вопросомъ о томъ, какъ бы поставить ихъ въ восходящемъ порядкѣ (не отличаясь въ этомъ принципѣ отъ нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ), но далѣе этого его теоретическіе взгляды не находятъ себѣ примѣненія. Возьмемъ какой-нибудь частный примѣръ, положимъ, отрядъ прямокрылыхъ, имѣющій столь важное значеніе при изученіи родства и отношеній класса насѣкомыхъ. Сначала Ламаркъ ¹⁾ даетъ опредѣленіе его, сходное со многими предыдущими и послѣдующими опредѣленіями, причемъ на первый планъ ставится присутствіе жевательныхъ ротовыхъ органовъ, затѣмъ свойство крыльевъ и характеръ превращенія. Потомъ онъ довольно подробно распространяется о сходствѣ прямокрылыхъ съ другими насѣкомыми, причемъ онъ отвергаетъ мнѣніе Линнея о близкомъ сродствѣ ихъ съ полукрылыми, и присоединяется къ мнѣнію о ближайшей связи ихъ съ сѣтчатокрылыми и жуками. Далѣе идетъ рѣчь о различныхъ наружныхъ органахъ прямокрылыхъ, и потомъ предлагается слѣдующая классификація: 1) крылья изогнуты, 2) крылья горизонтальны: а) абдоменъ простой, безъ придатковъ, б) абдоменъ съ двумя придатками на концѣ и т. д. При дальнѣйшемъ изложеніи нигдѣ не говорится о значеніи этихъ призна-

¹⁾ Histoire naturelle des animaux sans vertèbres. T. IV, стр. 482 и слѣд.

какъ съ общей точки зрѣнія, и употребляются они такъ же, какъ и въ другихъ описательныхъ сочиненіяхъ только ради удобнѣйшаго различенія животныхъ. Признаки родовъ также даны сначала въ аналитической таблицѣ, а потомъ перечислены при отдѣльномъ обзорѣ родовъ. Для видовъ даны только латинскіе диагнозы и означено мѣстонахожденіе. Такимъ образомъ, въ результатѣ получается рѣзкій разладъ между теоріей и практикой, между словомъ и дѣломъ. Весьма естественно, что при такомъ отношеніи самого автора къ его теоріи, наукѣ невозможно было принять ее въ качествѣ двигателя при рѣшеніи научныхъ вопросовъ. Только въ настоящее время можетъ быть дана безпристрастная и научная оцѣнка ея, когда теоретическія изысканія выступили на очень видное мѣсто, и когда обобщенія Ламарка получили несравненно большее значеніе, чѣмъ его систематическій трактатъ о безпозвоночныхъ. Высказанный имъ взглядъ на значеніе приспособленія животныхъ къ окружающимъ условіямъ и на роль наследственности въ передачѣ приобретённыхъ признаковъ, признается всецѣло и нынѣ. Что же касается двухъ факторовъ, обуславливающихъ измѣняемость видовъ, то одному изъ нихъ, именно усиленному употребленію органовъ, и теперь приписывается нѣкоторая роль, хотя и не сравненно меньшая, чѣмъ какую приписывалъ Ламаркъ, тогда какъ другому фактору — силѣ прогрессивнаго развитія (или что то же — *puissance de la vie*) одни ученые, какъ напримѣръ, Дарвинъ, не даютъ ни малѣйшаго значенія, другіе же, напротивъ отводятъ главнѣйшую роль. При дальнѣйшемъ изложеніи мы еще будемъ не разъ возвращаться къ теоріи Ламарка, теперь жѣ обратимся къ другому представителю теоріи измѣняемости видовъ во Франціи — Этьену Жофруа Сентъ-Илеру.

Хотя только-что названный ученый высказалъ свои взгляды значительно позже Ламарка (именно въ 1828—1837), но онъ не можетъ быть сочтенъ прямымъ послѣдователемъ послѣдняго такъ какъ и во взглядахъ, и въ приѣмахъ его замѣтна большая разница. *Этьенъ Сентъ-Илеръ* скорѣе можетъ быть названъ ученикомъ и послѣдователемъ Бюффона, потому что въ его ученіи играетъ существенную роль непосредственное вліяніе вѣнскихъ условій. Послѣднія дѣйствуютъ у него однакоже не на взрослые существа, а только на зародыши различныхъ степеней развитія такъ какъ они несравненно болѣе способны подвергаться измѣненіямъ, чѣмъ уже вполне готовые и законченные организмы. Измѣненія эти могутъ совершаться притомъ въ короткое время не посредствомъ медленнаго и постепеннаго накопленія мелкихъ

измѣненій, а сразу—путемъ быстрогоavorота въ сторону хода развитія. Такимъ образомъ объясняется отсутствіе переходныхъ состояній между видами и рѣзкости отличій ископаемыхъ видовъ отъ нѣкъ живущихъ. Въ подтвержденіе своихъ теоретическихъ взглядовъ, Э. С.-Илеръ собираетъ много фактическихъ данныхъ изъ различныхъ областей. Онъ изучаетъ измѣненія подѣ влияніемъ прирученія, изслѣдуетъ уродливости и полагаетъ основаніе наукѣ о нихъ; онъ включаетъ въ кругъ своихъ наблюденій факты изъ исторіи развитія зародыша и, наконецъ, принимается за разрытку ископаемыхъ костей, высказывая при этомъ мысль, что нѣкіе, касающіеся ихъ, вопросы могутъ быть разрѣшены при помощи фیزیологическихъ (собственно эмбриологическихъ) изслѣдованій. Но Э. С.-Илеръ оказывается не только болѣе научнымъ въ своихъ пріемахъ изслѣдователя, — онъ отличается еще отъ Ламарка несравненно болѣе осторожностью. Такимъ образомъ, онъ совершенно отказывается отъ рѣшенія вопроса о произвольномъ зарожденіи и вообще о первомъ появленіи организмовъ на землѣ, и не беретъ отвѣтить на вопросъ объ общемъ происхожденіи, т.-е. о прототипѣ всѣхъ животныхъ формъ. Онъ ограничивается признаніемъ измѣняемости видовъ и перехода ископаемыхъ видовъ въ нѣкіе живущіе; онъ старается показать также, какимъ образомъ могли животныя одного класса произвести первыхъ представителей другого, сосѣдняго класса, и не заходитъ далѣе вглубь. Мысли свои онъ высказываетъ не въ безусловной формѣ, но всегда говоритъ о нихъ, какъ о возможныхъ предположеніяхъ. Вообще, хотя главныя положенія его теоріи несравненно менѣе приближаются къ дарвинизму, чѣмъ теорія Ламарка, но пріемъ его и общее отношеніе къ дѣлу несравненно болѣе похожи на Дарвина, нежели на Ламарка. Къ тому же, С.-Илеръ придаетъ гораздо болѣе жизненнаго значенія своей теоріи, чѣмъ Ламаркъ, такъ какъ онъ всегда остается вѣренъ ей, не игнорируя ее при специальныхъ изслѣдованіяхъ, а напротивъ, налагая ее основой послѣднихъ. Поэтому-то никому не должно показаться страннымъ, что теорія С.-Илера обратила на себя гораздо болѣе вниманіе современниковъ, чѣмъ теорія Ламарка. Книже, прошедшій молчаніемъ послѣднюю, подвергаетъ взгляды С.-Илера строгой критикѣ и относится къ нимъ настолько серьезно, что рѣшается вступить съ противникомъ въ открытый диспутъ. Такъ какъ критическое отношеніе къ теоріи измѣняемости видовъ такого крупнаго авторитета, какъ Кювье, должно было имѣть и дѣйствительно имѣло огромное вліяніе на общественное мнѣніе

натуралистовъ, то мнѣ необходимо будетъ остановиться подробнѣе на его взглядахъ.

Исслѣдованія *Кювье* открыли наукѣ новыя пути по тремъ направленіямъ: съ одной стороны, своими наблюденіями надъ классомъ «червей» Линнея, онъ положилъ начало изученію низшихъ организмовъ, которое продолжали затѣмъ нѣкоторые изъ учениковъ его; съ другой стороны, онъ сдѣлался главнымъ основателемъ обновленной сравнительной анатоміи и ввелъ анатомическій элементъ въ зоологію и, наконецъ, онъ еще положилъ основаніе раціональному изученію ископаемыхъ организмовъ. Работая въ этихъ трехъ областяхъ, онъ обогатилъ науку громаднымъ фактическимъ матеріаломъ и, кромѣ того, представилъ нѣсколько чрезвычайно важныхъ обобщеній. Такимъ образомъ, онъ указалъ на существованіе нѣсколькихъ типическихъ основъ организаціи животныхъ и раздѣлил все животное царство на четыре большіе отдѣла, которые теперь называются типами. Исслѣдуя съ сравнительно-анатомической точки зрѣнія скелеты множества нынѣ живущихъ и ископаемыхъ организмовъ, онъ сдѣлалъ выводъ, что отдѣльные органы находятся между собою въ известномъ соотношеніи, вслѣдствіе чего, зная одинъ изъ нихъ, уже можно составить себѣ понятіе и объ остальномъ. Въ силу этого правила, *Кювье* дѣйствительно не разъ удавалось по одной кости опредѣлять цѣлый скелетъ ископаемаго животнаго. Палеонтологія вообще чрезвычайно многимъ обязана *Кювье*. Онъ первый привелъ въ ясность правила о геологической послѣдовательности и смѣнѣ организмовъ, и указалъ на то, что чѣмъ новѣе данная геологическая формація, тѣмъ больше заключающіеся въ ней организмы походятъ на нынѣшніе.

Изъ сказаннаго легко усмотрѣть, что всѣ обобщенія *Кювье* носятъ на себѣ рѣзкіе слѣды индуктивнаго метода. Школа *Кювье* называетъ себя школою фактической разработки. Выводы, которые она допускаетъ, прямо вытекаютъ изъ сравненія изслѣдуемаго матеріала и тотчасъ же идутъ въ дѣло для облегченія дальнѣйшаго изученія. Теорій, дедукцій—*Кювье* не терпитъ въ наукѣ. Цѣль послѣдней заключается, по его мнѣнію, въ томъ, чтобы найти естественную систему, т.-е. такую группировку организмовъ, которая бы наиболѣе сближала существа, дѣйствительно по природѣ стоящія всего ближе другъ къ другу. «Естественная система составила бы всю науку, — говоритъ онъ ¹⁾, — и всякій дальнѣйшій шагъ ея приближаетъ науку къ ея цѣли». Но, кромѣ

¹⁾ Le règne animal. I, стр. 13.

того, еще необходимо связать всякое существо или всякій органъ съ условіями существованія. «Такъ какъ ничто не можетъ существовать не соединяя условій, дѣлающихъ существованіе возможнымъ, то различныя части всякаго существа должны находиться въ такомъ сочетаніи, чтобы сдѣлать возможнымъ цѣлое существо, не только само по себѣ, но и въ отношеніяхъ его къ окружающимъ существамъ; и разборъ этихъ условій ведетъ часто къ общимъ законамъ, столь же доказаннымъ, какъ и законы, вытекающіе изъ вычисленія или опыта» (I. с. стр. 8). Съ этой цѣлю долженъ быть употребляемъ въ дѣло сравнительный методъ и притомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Въ искусствѣ изслѣдовать и распредѣлять матеріалъ Кювье является величайшимъ ученымъ. Въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, онъ стоитъ несравненно выше Линнея и можетъ быть еще кое-гдѣ скорѣе сравненъ съ Палласомъ. Но тѣ обобщенія его, которыя требуютъ теоретическаго, дедуктивнаго таланта, выходятъ у него неудачны. Такимъ образомъ, его теорія быстрыхъ геологическихъ переворотовъ и связанныхъ съ ними измѣненій фауны не выдержала критики, и представляетъ теперь почти исключительно историческій интересъ. Также точно и теорія его о происхожденіи современныхъ организмовъ настолько неудачна, что ее многіе изъ натуралистовъ вовсе не знаютъ.

Можно сказать вообще, что Кювье, какъ ученый характеръ, является полнѣйшимъ контрастомъ Ламарка и Э. Ж. С.-Илера. Въ то время, какъ послѣдніе являютъ силу дедуктивнаго мышленія, смѣло строятъ теоріи при помощи чисто-логическихъ приѣмовъ, и сразу берутся за труднѣйшія проблемы естествознанія, Кювье обходитъ послѣднія, но сосредоточиваетъ всѣ усилія на открытіи новыхъ путей, на возможности всесторонняго фактическаго изслѣдованія. При такомъ различіи въ складѣ характера неудивительно, что Кювье и С.-Илеръ не могутъ вполне понять другъ друга, и это непониманіе доходитъ у нихъ до открытой распри. Нѣсколько засѣданій парижской академіи наукъ въ 1830 г. было посвящено обоими разъясненію взглядовъ на научный методъ изслѣдованія и на тѣ цѣли, которыя должна преслѣдовать естественная исторія организмовъ. Споръ этотъ, какъ извѣстно, обратилъ на себя всеобщее вниманіе, но, по обыкновенію, не привелъ ни къ какому соглашенію. Каждый не только остался при своемъ мнѣніи, но еще болѣе укрѣпился въ немъ и сталъ упрямѣть его. Такимъ образомъ, Кювье дошелъ до отрицанія всякаго участія философствованія въ дѣлѣ разработки научныхъ вопросовъ и выставилъ «фактическое» направленіе, какъ един-

ственно возможное въ положительныхъ наукахъ. Большинство ученыхъ приняло сторону Кювье, какъ диспутанта, стоявшего на несравненно болѣе непосредственной и реальной почвѣ, и это еще болѣе усилило влияние его на науку, замѣчаемое и по настоящій день.

Послѣ всего сказаннаго легко предвидѣть мнѣніе Кювье о вопросѣ относительно происхожденія и значенія видовъ. Онъ нигдѣ не отводитъ на разсмотрѣніе его много мѣста, считая его, очевидно, несовърѣшнымъ для научнаго обсужденія, и только слегка касается его, относясь къ нему вообще такъ же, какъ Палласъ. Подобно послѣднему, онъ смотритъ на разновидности, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и непохожее на виды, и считаетъ мнѣніе о происхожденіи однихъ видовъ изъ другихъ гипотезой, опровергаемой фактами. Вотъ его собственныя слова: «нѣтъ никакого доказательства, чтобы всѣ различія, свойственныя нынѣ организованнымъ существамъ, могли быть произведены внѣшними обстоятельствами. Все, что было высказано объ этомъ—гипотетично; опытъ, напротивъ, какъ кажется, показываетъ, что при нынѣшнемъ состояніи земли, разновидности заключены въ довольно тѣсные предѣлы и, насколько мы только можемъ проникнуть въ древнія времена, мы видимъ, что эти предѣлы были тѣ же, что и нынѣ. Такимъ образомъ, мы вынуждены признать существованіе извѣстныхъ формъ, размножившихся отъ начала вещей безъ перехода этихъ предѣловъ; и всѣ существа, принадлежащія къ одной изъ такихъ формъ, составляютъ то, что называется *видомъ*. Разновидности суть только случайныя подраздѣленія вида» (I. с. стр. 20). Въ трактатѣ о переворотахъ на земной поверхности, Кювье посвящаетъ нѣсколько больше мѣста разсмотрѣнію теоріи измѣняемости видовъ, посвящая имъ параграфъ, озаглавленный: «вымершіе виды не суть разновидности нынѣ живущихъ видовъ»¹⁾. Тутъ онъ противъ гипотезы, поддерживаемой главнымъ образомъ Э. С.-Илеромъ, выставляетъ слѣдующія возраженія: 1) отсутствіе между ископаемыми животными переходныхъ формъ; 2) поверхностность замѣненій, причиняемыхъ внѣшними условіями; 3) отращеніе животныхъ, принадлежащихъ различнымъ видамъ, другъ къ другу и происходящее отсюда прѣпятствіе къ образованію помѣсей; 4) слабая степень замѣнчивости костей у различныхъ домашнихъ животныхъ и постоянство

¹⁾ Recherches sur les Ossements fossiles. 4-e édition. 1834. T. I, стр. 198—210, и тоже въ отдѣльно напечатанномъ: Discours sur les révolutions du globe. Изд. 1830, стр. 77—86.

скашей, сочлененій костей и воронныхъ зубовъ; 5) сходство животныхъ, изображенныхъ на египетскихъ обелискахъ, съ нынѣ живущими. Сопоставляя всѣ эти данныя положительной науки, Кювье приходитъ къ заключенію, что факты нынѣшнихъ образовъ не допускаютъ признать теоріи измѣняемости видовъ и предположеніе о происхожденіи нынѣ живущихъ организмовъ отъ тѣхъ, которые жили въ прежнюю геологическую эпоху. Доказывая это, говоритъ Кювье, «я не полагаю, чтобы нужно было новое твореніе для произведенія нынѣ живущихъ видовъ; я только говорю, что ихъ не было въ мѣстахъ, гдѣ они находятся теперь, и что они должны были придти извнѣ» (I. с. стр. 209). Мысль эту онъ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ. Положимъ, что, подъ вліяніемъ сильной катастрофы, материкъ Новой Голландіи будетъ засыпанъ пескомъ, причемъ всѣ оригинальные представители его фауны (двуутробки, птицевѣбры) погибнутъ совершенно. Положимъ далѣе, что та же катастрофа откроетъ путь животнымъ, населяющимъ азіатскій материкъ, на Новую Голландію, и такимъ образомъ послѣдняя наполнится слонами, носорогами, верблюдами и пр. Очевидно, что въ результатъ живая фауна, т.-е. животныя, перешедшія изъ другого мѣста, не будетъ представлять никакой непосредственной связи съ засыпанными во время катастрофы организмами, т.-е. получится то же самое, что мы видимъ теперь при сравненіи нынѣ живущихъ животныхъ Европы съ вымершей фауной этой части свѣта.

Теорія эта, какъ уже было сказано выше, не выдержала критики передъ напоромъ фактовъ, которые показали, что высшіе организмы появились на землѣ позже низшихъ, причемъ никакая гипотеза мѣстныхъ смѣнъ фауны, вслѣдствіе миграцій, не можетъ имѣть мѣста.

Не этой или подобной ей теоріей Кювье завоевалъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду основателей зоологій, а открытіемъ новыхъ путей изслѣдованія. Сдѣлавши такъ много въ этомъ направленіи, онъ сталъ авторитетомъ и въ дѣлѣ теорій, гдѣ, впрочемъ, онъ сдѣлался болѣе вліятельнымъ какъ критикъ, нежели какъ установитель собственныхъ воззрѣній. Своими возраженіями противъ теоріи измѣняемости видовъ (причемъ онъ почти цѣлкомъ повторилъ аргументы Палласа) и указаніемъ научныхъ путей, по которымъ должны были слѣдовать его ученики, и послѣдователи вообще, онъ отвлекъ вниманіе умовъ отъ построенія всеобъемлющихъ теорій относительно образованія и происхожденія видовъ и нанесъ огромный вредъ направленію, которое, начавшись съ Бюффона, было продолжено Ласепедомъ, Ламаркомъ, Бори де-

С.-Венсаномъ и Этьеномъ Ж. С.-Илеромъ. Догматъ постоянства видовъ, сдѣлавшійся уже однажды школьнымъ подѣ влияніемъ Линнея, становится имъ и во второй разъ, подѣ влияніемъ Кювье; но только теперь онъ является въ еще болѣе опредѣленномъ видѣ, такъ какъ устанавливается и догматическое понятіе о разновидности, какъ о суммѣ мелкихъ измѣненій, не стирающихъ видо-вые признаки, постоянные и неизмѣнные. Редакторы посмертнаго изданія «Естественной исторіи безнозвоночныхъ» Ламарка — Мильнъ-Эдварсъ и Дезэй, при всей уступчивости взглядамъ «французскаго Линнея», не согласны съ нимъ по отношенію къ основному вопросу. Второй изъ названныхъ ученыхъ высказываетъ свое мнѣніе слѣдующимъ образомъ: «видъ измѣнителенъ; этого нѣтъ не оспариваетъ; но онъ не измѣняется неопредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, слѣдя за видомъ при всѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли измѣнить его, мы наблюдаемъ глубокія видоизмѣненія; но несмотря на это, онъ сохраняетъ собственные признаки, не позволяющіе смѣшать его» ¹⁾. Далѣе, Дезэй указываетъ на множество произвольныхъ видовъ, которые должны быть вычеркнуты изъ списковъ, но все же онъ полагаетъ, что основательное изученіе разновидностей дастъ возможность установить настоящіе виды и показать дѣйствительные предѣлы измѣнчивости. Подобныя воззрѣнія сдѣлались, какъ я уже сказалъ, школьными и до послѣдняго времени повторялись на каждомъ шагѣ.

Но, несмотря на все свое влияніе, направленію Кювье не удалось окончательно заглушить идеи его противниковъ. Заслуживаетъ упоминовенія попытка сына Этьена Ж. С.-Илера — Исидора Ж. С.-Илера найти компромиссъ между взглядами школы и теоріей преемственнаго происхожденія видовъ. Съ этой цѣлью онъ придумалъ теорію, названную имъ теоріей *ограниченной измѣняемости вида*. Согласно съ ней, виды постоянны и неизмѣнны только подѣ условіемъ постоянства внѣшнихъ условій. Измѣненія послѣднихъ отражаются и на измѣненіи видовыхъ признаковъ. Въ послѣднемъ случаѣ новые признаки являются равнодѣйствующей двухъ силъ: одной — измѣняющей, т.-е. новыхъ условій существованія, а другой — консервативной, т.-е. наслѣдственной передачи однихъ и тѣхъ же свойствъ. Животныя должны подвергаться измѣнчивости, такъ какъ уже вслѣдствіе одного только размноженія онѣ должны распространяться и занимать новыя мѣстности. Исслѣдованіе домашнихъ животныхъ, съ своей стороны, подтверждаетъ способность организма измѣнять свою форму и при-

¹⁾ Histoire naturelle générale des règnes organiques. T. 2. 1859, стр. 430—438.

имѣть не только видовые, но даже и новые родовые признаки. Такимъ образомъ, теорія ограниченной измѣняемости видовъ есть не-таки теорія измѣняемости, и хотя въ ней ничего не говорится объ общемъ происхожденіи всѣхъ животныхъ отъ одного или нѣ-сколькихъ родоначальниковъ, и не говорится также о переходѣ животныхъ одного класса въ другой, напримѣръ, пресмыкаю-щихся въ птицъ, тѣмъ не менѣе она во всѣхъ главныхъ пунктахъ сходится съ теоріями Бюффона, Ламарка и Э. Ж. С.-Илера, и существенно расходится съ основными взглядами Линнея, Пал-ла и Кювье. Но при всемъ этомъ нельзя не замѣтить, что осторожность и неувѣренный тонъ Исидора Ж. С.-Илера дохо-дитъ до такихъ предѣловъ, что иногда читатель становится вту-пикъ, недоумѣвая, къ какой категоріи ученыхъ слѣдуетъ отне-сти этого автора. Такимъ образомъ, въ настоящее время одни, какъ, напримѣръ, Дарвинъ, считаютъ его настоящимъ трансформистомъ, т.-е. приверженцемъ теоріи измѣняемости видовъ, другіе же, какъ напримѣръ, Катрфажъ, товарищъ И. С.-Илера по парижской академіи, относятъ его къ числу противниковъ трансформизма. Катрфажъ думаетъ, что у И. С.-Илера «убѣжденіе ученаго находилось въ борьбѣ съ глубокимъ чувствомъ сыновней почти-тельности, которую мы всѣ въ немъ знавали». По всей вѣроят-ности, именно вслѣдствіе этой борьбы, у него не сложилось ни-какого прочнаго воззрѣнія по вопросу о видѣ, и онъ, несмотря на симпатіи идеямъ отца, подвергся въ значительной степени мнѣнію кювьеровскаго направленія.

Вообще, примѣръ И. Ж. С.-Илера имѣетъ значеніе не столько какъ доказательство того, что идеи французскихъ трансформистовъ нашли себѣ отголосокъ даже въ самый разгаръ кювьеровскаго направленія, сколько какъ ясное указаніе на силу этого направ-ленія во Франціи. Такимъ образомъ идея объ измѣняемости орга-ническихъ видовъ, зарожденная и вспоенная на французской почвѣ, окончательно заглушается на ея родинѣ, и даже до сихъ поръ встрѣчаетъ на ней наименьшее число приверженцевъ. Только между ботаниками, среди которыхъ Кювье не могъ пользоваться такимъ вліяніемъ какъ у зоологовъ, раздаются голоса въ пользу трансформизма. Такъ, напримѣръ, въ 1852 году, т.-е. еще за-долго до появленія перваго трактата Дарвина, Ноденъ вы-сказалъ мысль, что виды измѣнчивы и что дикорастущія расте-нія измѣняются подобнымъ же образомъ, какъ и одомашненные, которые главнымъ образомъ варьируются вслѣдствіе подбора че-ловѣкомъ. Въ этой мысли уже заключено воззрѣніе объ естествен-номъ подборѣ, какъ о двигателѣ, измѣняющемъ организмы на

земной поверхности; но въ рукахъ Нодэна изъ него не вышло и не могло выйти ничего подобнаго теоріи подбора Дарвина, такъ какъ у него основное воззрѣніе сплетено такой метафизической канвой, которая не могла не помѣшать естественному развитію теоріи. Такимъ образомъ, главной руководящей силой, по мнѣнію Нодэна, является «таинственная, неопредѣленная сила... непрерывное дѣйствіе которой на живыя существа опредѣляетъ во всѣ эпохи существованія міра форму, объемъ и продолжительность каждаго изъ нихъ» и т. д.

Другой французскій ботаникъ, Лекюкъ, высказалъ въ 1854 г. мнѣніе, что изученіе вопроса о видѣ приводитъ къ идеямъ объ неизмѣнности, сходнымъ со взглядами Этьена Ж. С.-Илера; но все дѣло ограничивается у него этимъ замѣчаніемъ, и основная мысль остается безъ дальнѣйшаго развитія и приложенія.

III.

Теоретическія воззрѣнія въ Германіи отъ начала столѣтія до конца пятидесятихъ годовъ.—Гёте.—Тревиранусъ.—Натурфилософія.—Бэръ и положительная школа.—Іоганнъ Мюллеръ и его школа.—Философы Шопенгауэръ и Бюхнеръ.

Мы уже видѣли выше, что въ концѣ прошлаго столѣтія въ Германіи Кантъ высказался вполне ясно въ пользу теоріи неизмѣнности видовъ, и въ то же время сообщилъ предположеніе, что идея эта приходила въ голову многимъ мыслящимъ натуралистамъ того времени. Можно прослѣдить исторически, откуда произошло такое направленіе. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, оконченномъ всего за нѣсколько дней передъ смертію, Гёте рассказываетъ исторію своихъ естественно-историческихъ штудій и указываетъ на сильное вліяніе въ Германіи французскихъ идей. «Съ раннихъ поръ,—говоритъ онъ¹⁾,—изученіе природы производило на меня впечатлѣніе смутное, но прочное. Графъ Бюффонъ издалъ въ 1749 г., годъ моего рожденія, первый томъ своей «Естественно-исторіи»; книга эта имѣла сильный отголосокъ въ Германіи, гдѣ въ то время были очень воспримчивы къ французскимъ вліяніямъ. Ежегодно Бюффонъ выпускалъ по одному тому, и я былъ свидѣтелемъ интереса, возбуждаемаго имъ среди избраннаго общества». Вообще, Гёте относится къ Бюффону съ чувствомъ глубочайшаго почтенія и прославляетъ его какъ натуралиста-мыслителя, слиявшагося развѣшить самыя великія проб-

¹⁾ См. *Oeuvres d'histoire naturelle de Goethe*. Переводъ *Ch. Martine*, стр. 160.

зани естественной исторіи. Цитируя его слова: «существуетъ пер-
лчннй и всеобщій типъ, различныя превращенія котораго мо-
гутъ быть прослѣжены очень далеко»,—Гёте прибавляетъ: «го-
вори такимъ образомъ, Бюффонъ высказалъ основное положеніе
сравнительной естественной исторіи» (I. с. 161). Въ самомъ
дѣлѣ, идея общаго типа, положеннаго въ основаніе устройства
различныхъ организмовъ, составляетъ главный фундаментъ, на
которомъ сложилось морфологическое направленіе, столь сильно
развившееся въ Германіи въ началѣ нынѣшняго и отчасти еще
въ концѣ прошлаго столѣтія, направленія, однимъ изъ главныхъ
представителей котораго по справедливости считаютъ самого Гёте.
Въ виду всеобщаго интереса къ этой универсальной личности, всѣмъ,
вѣроятно, извѣстны, по крайней мѣрѣ въ общихъ чертахъ, вѣдани
въ науку, которые были сдѣланы Гёте именно въ силу его фи-
лософскаго направленія. Отыскивая общій морфологическій типъ,
онъ пришелъ къ заключенію, что всѣ части цвѣтка составляютъ
только видоизмѣненіе листа, также точно какъ всѣ вости черепа
могутъ быть сведены на составныя части типическаго позвонка.
Руководясь той же основной мыслью, онъ не могъ допустить, чтобы
столь существенная у млекопитающихъ кость, какъ междучелю-
стная, могла совершенно отсутствовать у человѣка, и ему дѣй-
ствительно удалось доказать ея присутствіе на человѣческомъ че-
репѣ. Но намъ чрезвычайно важно знать, какъ именно понималъ
Гёте этотъ основной типъ организаціи, и не приближался ли
онъ въ этомъ дѣлѣ къ той точкѣ зрѣнія, которая установлена
современной наукой. Въ своемъ введеніи къ «Сравнительной
анатоміи», Гёте нѣсколько разъ говоритъ о необходимости оты-
сканія общаго типа, на который онъ смотритъ, какъ на логиче-
ское отвлеченіе отъ сумми дѣйствительныхъ фактовъ. Вотъ, на-
примѣръ, какъ онъ говоритъ о процессѣ нахожденія общаго типа:
«здравый смыслъ указываетъ намъ, какимъ образомъ мы можемъ
найти нѣтъ типъ; посредствомъ наблюденія мы научимся узна-
вать, какія части общи всѣмъ животнымъ и въ чемъ заклю-
чаются ихъ (частей) отличія; потомъ мы ихъ сочетаемъ вмѣстѣ,
и выведемъ отвлеченный и общій образъ». Сходно съ этимъ вы-
сказывается онъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, нигдѣ не указывая
на то, чтобы этотъ основной типъ составлялъ наслѣдіе отъ общаго
родоначальника, отъ котораго произошли различныя животныя.
Въ общемъ, эта идея объ основномъ типѣ у Гёте представляетъ
всего больше сходство съ понятіемъ Бонне о ствлѣ организаціи
и съ идеей объ общемъ планѣ устройства, о которомъ говорилъ
Палласъ и многіе другіе. Такимъ образомъ, сущность теоретиче-

сихъ воззрѣній Гёте нѣсколько не указываетъ на то, чтобы онъ необходимо былъ приверженцемъ идей трансформизма, т.-е. общаго происхожденія животныхъ и растительныхъ видовъ. Нѣкоторые новѣйшіе авторы, какъ, напримѣръ, Геккель и Зейдлицъ, хотятъ, во что бы то ни стало, доказать, что Гёте былъ первымъ основателемъ теоріи измѣняемости видовъ. Съ этой цѣлью они, противно всѣмъ правиламъ историческаго изложенія, относятъ трактатъ Гёте, составляющій введеніе къ «Сравнительной анатоміи», не къ позднѣйшему году его напечатанія, времени, съ котораго могли бы вліять заключающіяся въ немъ идеи на ходъ науки, а къ году его написанія, т.-е. къ 1796 году. Помимо этого, названные авторы выбираютъ изъ сочиненій Гёте только то, что благопріятствуетъ ихъ выводу, и игнорируютъ все, говорящее противъ него. Такимъ образомъ, они оставляютъ безъ всякаго вниманія признаваемое самимъ Гёте вліяніе Бюффона, и позволяютъ себѣ ничего не знать о теоретическихъ взглядахъ этого замѣчательнаго ученаго. Если же ввести поправку въ этомъ отношеніи, т.-е. принять въ соображеніе, что Гёте были извѣстны воззрѣнія Бюффона и между прочимъ его трактатъ «*Dégénération des animaux*», напечатанный впервые въ 1766 г. (см. выше), то остается только удивляться тому, до какой степени слабый отголосокъ нашло въ нѣмецкомъ поэтѣ столь замѣчательное ученіе Бюффона. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не признать, что у Гёте заключаются намеки относительно возможности измѣненія животныхъ видовъ, но намеки эти настолько неясны и нетверды, что новѣйшіе комментаторы никакъ не могутъ сойтись во мнѣніи. Въ то время, какъ Геккель и Зейдлицъ «съ полнѣйшимъ правомъ» позволяютъ себѣ «прославлять Гёте въ качествѣ перваго основателя теоріи преемственнаго происхожденія видовъ», Оскаръ Шмидтъ, тоже одинъ изъ нѣмецкихъ дарвинистовъ, говоритъ, что имъ «несомнѣнно доказано, что Гёте нѣкакимъ образомъ не можетъ быть признанъ истиннымъ предшественникомъ Дарвина». Главное доказательство, приводимое двумя первыми зоологами, составляетъ слѣдующее мѣсто изъ введенія въ «Сравнительную анатомію»: «мы можемъ такимъ образомъ смѣло настаивать на томъ, что самые совершенные организмы, именно: рыбы, пресмыкающіяся, птицы и млекопитающія, включая и человека, находящагося во главѣ ихъ, всѣ сформированы по одному первоначальному типу, части котораго, всегда представляясь одними и тѣми же, варьируются въ опредѣленныхъ границахъ и ежедневно развиваются или преобразуются посредствомъ размноженія» (I. с. стр. 66). Отсюда вышеназванные дарвинисты ясно усматриваютъ, будто Гёте го-

говорить о фактическомъ происхожденіи всѣхъ высшихъ животныхъ отъ «общаго типа», что однако же противорѣчитъ всему его воззрѣнію на типъ, какъ на идеальную схему, составляющую сущность «первоначальной цѣли», съ которою природа приступала къ образованію организмовъ. Но независимо уже отъ того, то мысли, заключенныя въ приведенной цитатѣ (на которую такъ часто ссылаются въ новѣйшее время), не могутъ быть понимаемы въ смыслѣ идей трансформизма, онѣ не должны быть приписываемы Гёте, какъ нѣчто принадлежащее ему по праву собственности. Это слѣдуетъ изъ словъ самого Гёте. Непосредственно идѣ за вышеприведенной фразой, онъ говоритъ: «проникнутый жгѣ идеей, Камперъ, съ кускомъ мѣла въ рукѣ, превращалъ, и доскѣ, собаку въ лошадь, лошадь въ человѣка, корову въ птицу. Онъ настаивалъ на той мысли, что въ мовгѣ рыбы нужно искать мовгъ человѣка» (I. с. 67). Отсюда явствуетъ, во-первыхъ, то мысль о типѣ и его видоизмѣненіяхъ, приводимая Гёте, есть мысль, высказанная раньше его Камперомъ, и, во-вторыхъ, то тутъ идетъ рѣчь объ «идеальномъ» типѣ и «идеальныхъ» видоизмѣненіяхъ, такъ какъ не можетъ же быть, чтобы Камперъ или Гёте могли думать о возможности реального превращенія коровы въ птицу или лошади въ человѣка и т. п. Не слѣдуетъ игнорировать также и тѣхъ строкъ, которыя стоятъ у Гёте непосредственно передъ первой цитатой: «превращенія людей въ птицъ и звѣрей, созданныя впервые воображеніемъ поэтовъ, были измѣнены логически талантливыми натуралистами изъ изслѣдованія животныхъ частей. Камперъ блистательно вывелъ аналогію формъ и прослѣдилъ ее до класса птицъ» (I. с. 66). Тутъ опять упоминается на Кампера, какъ на основателя воззрѣнія о сходствѣ животныхъ формъ, и опять говорится о превращеніяхъ людей въ птицъ и звѣрей; т.-е. о превращеніяхъ, мыслимыхъ только съ точки зрѣнія идеальнаго превращенія представителей одного и того же типа, а никакъ не въ смыслѣ реальномъ, въ родѣ того, какъ говорилъ, напримѣръ, Бюффонъ о превращеніи обыкновеннаго фазана въ серебрянаго или золотого фазана.

Итакъ, резюмируя все, сказанное о Гёте, можно утверждать, что роль, приписанная ему Геккелемъ и Зейдлицемъ, какъ основателя идей трансформизма, не можетъ быть поддерживаема за нимъ. Гёте является, безспорно, однимъ изъ выдающихся дѣятелей въ дѣлѣ проведенія идеи объ общемъ идеальномъ типѣ и о сравнительномъ методѣ изученія органическихъ формъ, но отъ этого до основанія ученія о преемственномъ происхожденіи видовъ — громадное разстояніе. Можно думать, напротивъ, что

Гёте мало заботился объ этомъ вопросѣ: будучи хорошо знакомъ съ сочиненіями Бюффона, онъ навѣрно бы воспользился (прямо или косредственно) его трактата «О вырожденіи», еслибы только его занимало рѣшеніе вопроса объ общемъ происхожденіи видовъ. Говоря объ этомъ предметѣ, онъ навѣрно бы выразился яснѣе и притомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, тѣмъ болѣе, что къ этому у него было много поводовъ.

Въ началѣ этой главы была приведена цитата изъ Гёте, указывающая на вліяніе французскихъ идей въ Германіи. Вліяніе это можетъ быть прослѣжено нами и далѣе въ дѣлѣ главнаго занимающаго насъ вопроса.

Въ то время, когда во Франціи Ламаркъ знакомилъ ученый міръ съ начальными основаніями своей теоріи (т.-е. еще до 1809 г., до выхода главнаго трактата), въ Германіи, бременскій ученый *Тревиранусъ* издалъ въ свѣтъ первые три тома своей «Біологіи», въ которыхъ онъ очень ясно и рѣшительно говоритъ объ общемъ происхожденіи видовъ животныхъ. Онъ полагаетъ, что низшія животныя произошли путемъ произвольнаго зарожденія, а высшія получились черезъ постепенное перерожденіе первыхъ. Вотъ, напр., одна цитата, изъ которой очень легко составить сужденіе объ основныхъ воззрѣніяхъ Тревирануса. «Существеннѣе другой родъ *дегенерации*, имѣющій свое основаніе въ вѣчныхъ измѣненіяхъ, которымъ подвержена природа. Потомкомъ этихъ измѣненій срывается все, какъ высшее, такъ и низшее въ ряду живыхъ существъ. Въ каждомъ такомъ тѣлѣ заключена способность къ безконечному разнообразію формъ; каждое изъ нихъ обладаетъ способностью приспособлять свою организацію къ измѣненіямъ внѣшней среды, и это-то свойство, приведенное къ дѣятельности смѣною міра (*Universum*), повело къ результату, что простыя животное-растенія прежнихъ энохъ возвысились до постепенно поднимающихся степеней организаціи, и что живая природа сдѣлалась безчисленно разнообразной» ¹⁾. Мнѣ, къ сожалѣнію, недоступно сочиненіе Тревирануса, вслѣдствіе чего я лишенъ возможности должнымъ образомъ судить о степени самостоятельности его воззрѣній; но уже изъ цитатъ, приведенныхъ Геккелемъ и Зейдлицемъ, можно видѣть, что его ученіе находится въ преемственной связи съ французскими идеями вообще, и въ частности со взглядами Бюффона. На это прямо указываетъ употребленіе слова «*Dégénération*» въ смыслѣ измѣненія, т.-е. превра-

¹⁾ Я заимствовалъ эту цитату изъ книги Зейдлица: *Die Darwin'sche Theorie*. Второе изданіе. 1875, стр. 88.

цѣни одного вида въ другой, слѣдовательно, въ томъ же смыслѣ, какъ оно было употреблено и у Бюффона (кромя, разумѣется, общаго употребленія въ смыслѣ: вырожденіе). Иначе какъ простой преимственностью нельзя объяснить себѣ такое совпаденіе, тѣмъ болѣе, что, помимо этого факта, вліяніе идей Бюффона въ Германіи не можетъ подлежать сомнѣнію.

Какъ Гёте, такъ и Тревиранусъ, принадлежать къ обширнѣй, такъ-наз. натурфилософской школѣ, которая особенно господствовала въ Германіи въ теченіи первой четверти настоящаго столѣтія. Не удовлетворяясь фактическими познаніями и выводами, извлекаемыми изъ фактовъ, ученые обратились къ дедукціи, но, въ обыкновеніи, безъ соблюденія надлежащей мѣры. Отыскивая абсолютную истину и универсальныя построенія, изъ которыхъ бы можно было вывести весь реальный міръ, натурфилософы придумывали самыя произвольныя принципы и проводили самыя случайныя аналогіи. Шеллингъ, главный основатель нѣмецкой натурфилософіи, начинаетъ съ того, что «философствовать о природѣ значитъ то же, что создавать природу», такъ какъ природа и духъ въ существѣ тождественны. «Что же такое матерія, какъ не поспѣвшій духъ»? Такимъ образомъ, «природа есть видимый организмъ нашего духа» и т. д. Отсюда уже ясно вытекаетъ дуалистическій принципъ, т.-е. верховное положеніе натурфилософіи, которое въ свою очередь ведетъ къ познанію абсолютнаго единства, какъ въ конечной цѣли всякаго соверщенія природы. Слѣдственно, если органическій міръ противопоставляется неорганическому какъ противоположный полюсъ, то оба вмѣстѣ они сливаются въ общецъ, которое составляетъ мировую душу (Weltseele), одушевляющую какъ органическія, такъ и неорганическія существа. Также точно явленія органическаго и неорганическаго міра, съ виду совершенно несходныя, въ сущности составляютъ одно и то же. «То самое, что въ общей природѣ составляетъ причину магнетизма, въ органической природѣ является причиной чувствительности, и послѣдняя представляетъ только высшую ступень первой». Такимъ образомъ, природа можетъ быть признана за организмъ и пр. и пр.

Самъ Шеллингъ, будучи мало знакомъ съ естествознаніемъ, ограничивался только такими общими замѣчаніями, но между послѣдователями его были и натуралисты, развивавшіе далѣе и распространявшіе до мелочей основныя философскіе принципы. Въ числѣ такихъ ученыхъ на первомъ планѣ слѣдуетъ отнести Ошана, который всѣми признанъ за главнаго представителя натурфилософскаго направленія. Нѣкоторые новѣйшіе писатели открыли

у него слѣды идей трансформизма, и потому онъ для насъ представляетъ тѣмъ болѣе интересъ. Признавая основной принципъ Шеллинга о тождествѣ природы и духа, Оккенъ придумываетъ особое представленіе объ абсолютѣ, которое есть «ничто», но это ничто не такое, изъ котораго ничего и не выходитъ; оно, напротивъ, имѣетъ свойство давать реальное или разнообразное, т. е. міръ. «Міроизданіе есть не что иное, какъ актъ самосознанія, самопроявленія Бога», т. е. Абсолюта, вѣчнаго «Ничто». Вѣчное превращеніе Бога въ міръ или идея цѣлаго, существующаго само по себѣ, составляетъ принципъ, съ помощью котораго можетъ быть познаваема организація. «Познаніе» это, выводимое дедуктивно изъ произвольныхъ основаній, есть не что иное, какъ искусственное построеніе при помощи столь же произвольныхъ сопоставленій. Такъ, напр., главные элементы природы, которыхъ Оккенъ насчитываетъ три, именно землю, воду и воздухъ, онъ сопоставляетъ съ основными процессами жизни: землю съ процессомъ питанія, воду—съ процессомъ пищеваренія, воздухъ—съ дыханіемъ. Организмъ у него сопоставляется съ планетой, и потому Оккенъ приходитъ къ заключенію, что основная форма организма есть шарообразная. Животное царство онъ сопоставляетъ съ разобраннѣмъ на части человѣческимъ тѣломъ, и вслѣдствіе этого дѣлитъ животныхъ на внутренностныхъ, кожныхъ и мясныхъ; послѣднихъ онъ въ свою очередь дѣлитъ на языковыхъ, носовыхъ, ушныхъ и глазныхъ животныхъ и т. под. Принявъ за принципъ, что верхняя половина животнаго можетъ быть противопоставлена задней, что обѣ онѣ составляютъ какъ-бы два слившихся въ цѣлое организма, онъ дѣлаетъ изъ этого рядъ выводовъ и начинаетъ сравнивать кости головы съ костями таза. Лобковую кость онъ сравниваетъ съ нижней челюстью, сѣдалищную кость—съ верхней челюстью и т. п. Такимъ образомъ все заключается въ сравненіяхъ, основанныхъ на самыхъ произвольныхъ основаніяхъ, и притомъ всегда стремящихся къ проведенію гармоническаго развитія, такъ сказать къ созданію научной симфоніи. Такого рода построенія считались натурфилософами истиннымъ познаніемъ, обладаніе которымъ давало имъ, по ихъ мнѣнію, право свисока смотрѣть на факты и на фактическое изученіе природы. Вотъ интересный образчикъ натурфилософской критики. Когда вышла въ свѣтъ знаменитая диссертация Пандера о развитіи цыпленка, положившая основаніе современной эмбриологіи, диссертация, написанная въ духѣ положительной, основывающейся на фактахъ школы, то противъ нея возстали натурфилософы, и главнымъ образомъ Оккенъ. Въ краткихъ, но рѣши-

тѣхъ выраженій опровергаетъ это ученіе Пандера. «Такъ не можетъ быть. Тѣло происходитъ изъ пузырей, а нѣкимъ образомъ не изъ пластовъ». Понятно, что положеніе: «тѣло происходитъ изъ пузырей», приводится не какъ результатъ положительнаго изслѣдованія, а какъ апріорный выводъ изъ основныхъ натурфилософскихъ принциповъ.

Очень естественно, что, при такомъ преобладаніи дедуктивнаго направленія, натурфилософы скорѣе должны были признавать гипотезу постепеннаго происхожденія организмовъ, чѣмъ противоположное воззрѣніе. Уже у Шеллинга встрѣчаются мысли относительно постепеннаго появленія живыхъ тѣлъ, но у Оккена онъ выраженъ съ болѣею ясностью. Самые низшія существа состоятъ по его мнѣнію, изъ слизистыхъ пузырьковъ, которые нѣкоторые новѣйшіе натуралисты считаютъ тождественными съ мѣлочками. «Слизистый первичный пузырекъ,—говоритъ Оккенъ,—имѣвается инфузоріей. Всѣ организмы состоятъ изъ инфузорій». «Смѣшеніе такихъ пузырьковъ слагается въ болѣе высшіе организмы». «Человѣкъ развился, не созданъ», и т. д.

Тѣ представители натурфилософіи, съ которыми мы познакомились, очень рѣзко носятъ на себѣ признаки этого односторонняго, враждебнаго истинному научному развитію направленія; но они во всякомъ случаѣ являютъ несомнѣнный талантъ, и потому могли имѣть вліяніе въ свое время. Германскіе университеты были въ началѣ нынѣшняго столѣтія наполнены натурфилософами, считавшими себя послѣдователями Шеллинга, но къ односторонности послѣдняго присоединявшіе еще поразительную бездарность. Примѣромъ подобныхъ профессоровъ-натурфилософовъ можетъ служить Вагнеръ, о которомъ говоритъ Бэръ въ своей автобіографіи ¹⁾. Вотъ подлинное мѣсто: «я былъ очень заинтересованъ,—говоритъ Бэръ,—прослушать послѣдовательный курсъ о шеллинговой философіи, такъ какъ всюду слышались толки о натурфилософіи и о ней упоминалось въ очень многихъ книгахъ, но, безъ знакомства съ сочиненіями Шеллинга въ ихъ изслѣдовательности, все мнѣ было непонятно. Такимъ образомъ я подписался на курсъ Вагнера, хотя Дёллингеръ и сказалъ мнѣ, что я немного тамъ найду путнаго. И въ самомъ дѣлѣ, я встрѣтилъ въ высшей степени удивительное схематизированіе всѣхъ вещей и всѣхъ отношеній, которое меня сначала, по причинѣ новизны, увлекало, но однако же вскорѣ представилось настолько

¹⁾ Nachrichten über Leben und Schriften des Herrn Geheimrathes K. G. v. Baer. S. Petersburg, 1865, стр. 282.

же пустымъ, сколько и натянутымъ, такъ что я не могъ дослушать курса до конца. Такъ какъ каждое существо обособляется въ противоположное и въ выравниваніи различій получается новое, то всѣ отношенія должны быть выражены посредствомъ четверной или, правильнѣе, четырехугольной формы. Это положеніе составляло простую основу ученія. Иногда четырехугольная форма получалась очень естественно, иногда же посредствомъ смѣнныхъ натяженъ. Такъ, напр., въ семействѣ мать и отецъ образуютъ естественное противоположеніе, дѣти же или дѣти являются естественнымъ слѣдствіемъ взаимодѣйствія ихъ. Недостаетъ однакоже четвертаго угла. Для пополненія приводится—прислуга! Такимъ образомъ, прислуга оказывается существенной составной частью семейства. Дѣло происходило въ 1815 году, в.-в. въ самый разгаръ натурфилософскаго направленія.

Представивъ краткій очеркъ основныхъ положеній натурфилософской школы, слѣдуетъ указать на тѣ теоретическія воззрѣнія и приемы ея, которые перешли и въ слѣдующее, т.-е. положительное направленіе, и отчасти дожили и до настоящаго времени.

На первомъ планѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на сравнительный методъ, который получилъ такое развитіе въ теченіи натурфилософскаго періода. Хотя ученые прилагали этому приему черезчуръ неразборчиво, дѣлая всевозможныя сравненія направо и налево, но все же, въ общемъ, методъ имѣлъ огромное значеніе и не могъ исчезнуть вмѣстѣ съ злоупотреблявшимъ имъ поколѣніемъ натурфилософовъ. Мы видѣли, что онъ быстро получилъ право гражданства и сильное распространеніе во Франціи, развиваясь подъ эгидою Бюве несравненно болѣе правильно и трезво, чѣмъ въ Германіи.

Изъ числа теоретическихъ воззрѣній, выработанныхъ въ теченіи натурфилософскаго періода въ Германіи и пережившихъ этотъ періодъ, нужно прежде всего указать на позвоночную теорію черепа, основы которой были положены Окенемъ и Гёте независимо другъ отъ друга. На идею о томъ, что кости черепа могутъ быть сведены къ существеннымъ частямъ нѣсколькихъ немногихъ позвонковъ, оба ученые были наведены размышленіями объ общемъ типѣ, лежащемъ въ основѣ разнообразныхъ явленій. Хотя въ настоящее время позвоночная теорія не принимается большинствомъ ученыхъ въ томъ видѣ, какъ она была построена Окенемъ и Гёте, тѣмъ не менѣе она все же послужила основаніемъ для всѣхъ изслѣдованій и соображеній о морфологій черепа, и уже этимъ однимъ принесла наукѣ огромную пользу.

Рядомъ съ позвоночной теоріей, которая имѣла столь большое значеніе въ теченіи всего положительнаго направленія въ Германіи, натурфилософскій періодъ оставилъ въ наслѣдство идею, которая получила несравненно большее развитіе и распространеніе въ позднѣйшее время, т. е. въ первое время дарвиновскаго періода. Я имѣю въ виду теорію развитія животныхъ, по которой стадіи индивидуальнаго развитія соответствуютъ отдѣльнымъ ступенямъ животнаго царства. Ученіе это, по мнѣнію Бера, должно быть рассматриваемо не какъ собственность одной какой-нибудь личности, но какъ цѣлая «ступень развитія естествознанія». Вотъ какъ образомъ формулируетъ Беръ ¹⁾ эту теорію: «высшія животныя формы, въ отдѣльныхъ ступеняхъ развитія индивидуума, начиная отъ перваго момента и вплоть до окончательнаго развитія, соответствуютъ готовымъ формамъ животнаго ряда; причѣмъ развитіе отдѣльныхъ животныхъ совпадаетъ по тѣмъ же законамъ, какъ и развитіе цѣлаго животнаго ряда, вслѣдствіе чего выше организованное животное, при своемъ индивидуальномъ развитіи, въ существенныхъ частяхъ проходитъ стадіи болѣе низшихъ, окончательныхъ ступеней, такъ что періодическія развитія недѣлимаго могутъ быть сведены къ различіямъ окончательныхъ животныхъ формъ». Вначалѣ подобную аналогію считали только абстракціей отъ существующихъ фактовъ, но потомъ на нее стали смотрѣть какъ на выраженіе дѣйствительно совершившагося историческаго процесса. «Основываясь на результатѣ, что въ болѣе древнихъ слояхъ земной коры не встрѣчается никакихъ остатковъ позвоночныхъ, видѣли доказательство, — говоритъ Беръ, — что подобное превращеніе различныхъ животныхъ формъ имѣетъ дѣйствительное историческое основаніе, и наконецъ стали очень серьезно и съ подробностями излагать процессъ, помощью котораго могли совершаться подобныя превращенія». Беръ, который долженъ быть признавать однимъ изъ главныхъ представителей положительной школы, вооружился противъ этой теоріи еще въ 1823 году, выставивъ однимъ изъ положеній своей диссертации объ ископаемыхъ остаткахъ млекопитающихъ слѣдующій тезисъ: *Legem a naturae scrutatoribus proclamata, «evolutionem, quam prima aetate quodque subit animal, evolutioni, quam in animalium serie observandam putant, respondere» a natura alienam esse contendo* (т. е.: Законъ, утверждаемый естествоиспытателями, а именно, что «превращеніе, какому подвергается

¹⁾ v. Baer. Ueber Entwicklungsgeschichte der Thiere. Часть I. 1828. Schober V, стр. 190—231.

каждое животное въ первый періодъ своего существованія, будто бы оно соответствуетъ тому превращенію, какое, по ихъ мнѣнію, должно быть наблюдаемо въ цѣломъ ряду животныхъ», — я считаю несоотвѣстственнымъ природѣ).

Я не стану перебирать и разбирать здѣсь критическіе доводы Бэра, подробно изложенные имъ въ его знаменитомъ сочиненіи объ исторіи развитія животныхъ, но остановлю вниманіе читателя только на его собственныхъ теоретическихъ выводахъ, собранныхъ имъ въ слѣдующія четыре положенія: «1) общее въ данной большой животной группѣ образуется въ зародышѣ раньше чѣмъ особенное; 2) изъ самыхъ общихъ свойствъ форменныхъ отношеній образуется менѣе общее и т. д. до тѣхъ поръ, пока не появится самое особенное; 3) каждый зародышъ опредѣленнаго животного, вмѣсто того, чтобы проходить стадіи, соответствующія другимъ опредѣленнымъ животнымъ, напротивъ, отдѣляется отъ нихъ; 4) такимъ образомъ, въ сущности зародышъ высшаго животного никогда не можетъ быть приравненъ другому животному, но только его зародышу». Главное отличіе этого ученія отъ того, противъ котораго возсталъ Бэръ, заключается, слѣдовательно, въ томъ, что въ первомъ случаѣ различныя животныя, будучи наиболѣе сходны между собою въ зародышевомъ состояніи, затѣмъ расходятся въ разныя стороны, подобно вѣтвямъ, расходящимся отъ одного общаго центра; тогда какъ по теоріи натурфилософской школы различныя животныя образуютъ одинъ выходящій рядъ, низшіе члены котораго соответствуютъ зародышамъ высшихъ. Легко видѣть, что между обоими ученіями находится основное сходство, вслѣдствіе чего теорія Бэра можетъ быть признана дальнѣйшей ступенью теоріи натурфилософовъ, ступенью болѣе положительной и опредѣленной. Это видно изъ слѣдующихъ словъ самого Бэра: «но, возражать намъ, если этотъ законъ развитія справедливъ, то какимъ образомъ было возможно въ пользу прежняго закона приводить столь много непреложныхъ основаній? Дѣло разъясняется довольно просто. Во-первыхъ, отличіе не столь велико, какъ кажется съ перваго взгляда» и т. д.

Въ то время какъ общій законъ развитія, въ формѣ, приданной ему натурфилософами, получили у нихъ значеніе совершенно реальное, общіе выводы Бэра были установлены имъ въ видѣ чистыхъ абстракцій, имѣющихъ такое же значеніе, какъ общій типъ по понятіямъ Гёте. Выражаясь, что «рыбы менѣе удалены отъ основнаго типа, чѣмъ млекопитающія и особенно большеголовый человѣкъ», Бэръ этимъ вовсе не хочетъ сказать,

чтобы рыбы и млекопитающія фактически произошли отъ какого-нибудь общаго животнаго, олицетворявшаго собою типъ позвоночнаго; онъ имѣеть въ виду только то, что рыбы представляютъ большее сходство съ зародышевымъ состояніемъ позвоночныхъ, нежели млекопитающія и человѣкъ. Выраженія: «типъ», «большее или меньшее удаленіе» и т. п. Бэръ употребляетъ въ смыслѣ схематическомъ, подобно тому какъ говорится о «кривой» какого-нибудь ряда явленій. Только въ настоящее время, вслѣдствіе обшлагой идей трансформизма, на родство животныхъ стали снова смотрѣть какъ на кровное родство, на типъ — какъ на олицетвореніе общаго родоначальника и пр., въ виду чего общій законъ жизни получилъ первенствующее значеніе.

Вообще, и Бэръ, и многіе изъ его современниковъ и предшественниковъ, и цѣлая положительная школа (какъ будетъ поминно ниже) ставили своей задачей изученіе родства между всѣми членами животнаго царства, взятыми какъ въ готовой формѣ, такъ и въ зародышевомъ состояніи; но только они смотрѣли на родство съ схематической точки зрѣнія, совершенно помимо вопроса объ общемъ происхожденіи и измѣненіи животныхъ видовъ. Для поясненія этого намъ нужно перейти къ обзору взглядовъ ученыхъ положительной школы на вопросъ о трансформизмѣ, причемъ всего лучше начать съ самаго Бера, какъ одного изъ основателей школы.

Въ январѣ 1834 (или 1833) года, въ бытность свою въ Кёнигсбергѣ, Бэръ сказалъ рѣчь «о самомъ общемъ законѣ природы», въ которой онъ, между прочимъ, коснулся вопроса о трансформизмѣ и высказалъ цѣлый рядъ мыслей, имѣющихъ большое значеніе въ дѣлѣ изучаемаго нами предмета. Пересматривая въ шестидесятихъ годахъ эту рѣчь для новаго изданія, Бэръ замѣтилъ въ ней нѣсколько идей, очень близко подходящихъ къ ученому Дарвина, вслѣдствіе чего онъ предпослалъ тексту рѣчи записку, въ которой для насъ особенно важно слѣдующее мѣсто ¹⁾: «Я однакоже очень далекъ отъ мысли высказывать какое-либо притязаніе на приоритетъ въ дѣлѣ такъ-называемой дарвиновской теоріи. Напротивъ, всякому натуралисту, который, подобно мнѣ, пережилъ длинный періодъ времени, извѣстно, что прежде вопросъ о постоянствѣ или измѣняемости видовъ былъ часто подвергнутъ обсужденію, причемъ нерѣдко строили самыя смѣлныя гипотезы въ этой сферѣ».

Изъ текста рѣчи видно, что Бэръ стоитъ за измѣняемость ви-

¹⁾ Rechen. Часть I. Петербургъ, 1864, стр. 85—74.

довъ, но измѣняемость ограниченную, приближаясь въ этомъ отношеніи (и притомъ предвосхищая) всего болѣе къ Исаидру Жофруа Сентъ-Илеру. — Разбирая различные доводы относительно вопроса о вліяніи условий на измѣненіе организациі, Бэръ заключаетъ: «такимъ образомъ, еще открытъ вопросъ о томъ, не произошли ли различныя формы, на которыя мы привыкли смотрѣть какъ на особые виды, вследствие постепеннаго преобразованія другъ изъ друга, и не *кажутся* ли онѣ намъ первоначально различными только потому, что наша опытность чрезвычайно кратковременна, чтобы можно было узнать всю степень измѣняемости». Далѣе Бэръ указываетъ на морскую синьку, которая, со времени ея вывоза изъ Америки (1537 г.), настолько измѣнилась, что европейскіе экземпляры нужно было отнести къ особому виду отъ американскаго родича, и затѣмъ, подобно Бюфону, переходить къ распредѣленію млекопитающихъ въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ. Факты этого распредѣленія укрѣпляютъ въ немъ предположеніе объ измѣняемости видовъ. Указывая на то, что всѣ обезьяны Новаго Свѣта отличаются постоянными признаками отъ обезьянъ Стараго Свѣта (напр. присутствіемъ липникозъ четырехъ зубовъ), онъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «есть ли возможность удержаться отъ предположенія, что фамиліальное сходство носа, моволыстныхъ утолщеній и зубовъ основывается на общемъ происхожденіи всѣхъ обезьянъ Новаго Свѣта съ одной и всѣхъ обезьянъ Стараго Свѣта, съ другой стороны?» «Не слѣдуетъ ли думать, что различные виды образовались одинъ отъ другого въ теченіи тысячелѣтій, когда мы видимъ, что всѣ виды броненосцевъ, муравьедовъ и лѣнивцевъ находятся въ южной Америкѣ, гдѣ не встрѣчается ни одного вида рогатаго скота, овцы, козы, антилопы, которые въ такомъ разнообразіи водятся въ Старомъ Свѣтѣ?» (55). Но, признавая, что многіе факты заставляютъ прибѣгнуть къ гипотезѣ измѣняемости видовъ, Бэръ въ то же время высказываетъ убѣжденіе, что невозможно объяснить происхожденіе всѣхъ видовъ путемъ трансформизма. «Если бы даже навалою возможнымъ допустить, что антилопа, овца и коза, находящіеся между собою въ такомъ близкомъ родствѣ, развились изъ одного общаго прототипа, то, съ другой стороны, я нахожу никакого вѣроятія въ предположеніи, чтобы *все животное* произошло черезъ преобразование одного въ другое» (56). Далѣе, резюмируя результаты геологическихъ открытій, онъ повторяетъ тоже мнѣніе. «Мы должны.... заключить, — говоритъ онъ (60), — что, насколько до сихъ поръ наблюденіе представило матеріала для выводовъ, превращеніе извѣстныхъ первоначальныхъ формъ животныхъ въ те-

ченіи ряда поколѣній во всей вѣрности совершалось, но только въ *ограниченнѣйшемъ размахѣ*»...

Вообще, Бэръ приходитъ къ заключенію, что въ прежнія геологическія эпохи продуктивная сила была несравненно сильнѣе, чѣмъ теперь, вслѣдствіе чего образованіе формъ какъ путемъ изобразованія, такъ и путемъ преобразованія однихъ животныхъ въ другія было явленіемъ гораздо болѣе частымъ. Если нашему уму кажется болѣе легкимъ послѣдній путь, то это служитъ только нѣмателествомъ слабости нашей способности представленія; въ дѣйствительности же совершенно новое образованіе какого-нибудь существа должно было быть ничуть не болѣе труднымъ, чѣмъ превращеніе одного вида въ другой.

Основные взгляды Бэра остались тѣми же, и еще въ 1864 году онъ повторяетъ, что и послѣ появленія сочиненій Дарвина онъ придерживается теоріи ограниченной измѣняемости видовъ. Въ томъ длинный тридцатилѣтній промежутокъ времени онъ нѣсколько разъ высказывался все въ томъ же духѣ. Такъ, напр., въ 1850 г., въ статьѣ: «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи», вошедшей въ первую часть «Русской фауны» Спасскаго, Бэръ повторяетъ всѣ аргументы, находящіеся въ рѣчи 1834 г., и приходитъ къ слѣдующему выводу, прилагаемому имъ къ человѣку. «Такъ какъ мы знаемъ, что у домашнихъ звѣрей измѣняются цвѣтъ, тѣлосложеніе, дѣйствія нѣкоторыхъ органовъ и даже наклонности отъ пищи, климата и образа жизни; дажѣ, какъ мы видимъ, что изъ дикихъ звѣрей нѣкогда одинъ и тотъ же видъ не водится въ странахъ, отдаленныхъ одна отъ другой, а притомъ же мы замѣчаемъ, что, напротивъ, весьма сродные виды водятся обыкновенно въ одной и той же странѣ, такъ что мы можемъ считать происшедшими одни отъ другихъ, и что нѣкогда одинъ видъ не живетъ по обѣ стороны океана; то, по всему этому, естественно-историческія основанія дѣлаютъ весьма невѣроятнымъ, чтобы человѣческій родъ представлялъ одинъ только видъ и былъ распространенъ въ совершенно различныхъ странахъ; такимъ образомъ, гораздо вѣроятнѣе, что различія между людьми образовались постепенно, отъ вліянія климата и образа жизни» (стр. 460). Въ 1859 г., Бэръ еще разъ повторилъ тѣ же мысли въ статьѣ о панусахъ и альфурахъ, гдѣ онъ снова встаетъ на ограниченную измѣняемость видовъ. «Такимъ образомъ, — говоритъ онъ, — мы можемъ удовлетвориться меньшимъ числомъ произвольныхъ зарожденій, такъ какъ мы для видовъ знаемъ, по крайней мѣрѣ для большинства, можемъ признать общее происхожденіе, — и происхожденіе монголовъ и негровъ и

т. д. могло бы быть сведено къ этой гипотезѣ». Минихомъ замѣтимъ, что теорія ограниченной видоизмѣняемости, установленная во Франціи и Германіи независимо, имѣла въ сильной степени на разъясненіе вопроса о происхожденіи человѣческихъ расъ отъ одного общаго родоначальника. Слѣдуетъ также принять во вниманіе, что во всѣхъ случаяхъ, когда Бэръ говоритъ объ измѣняемости видовъ, онъ сводитъ ее на внѣшнія условія, въ смыслѣ всего болѣе подходящемъ къ теоріи Бюффона.

Но, между тѣмъ какъ Бэръ, хотя и является противникомъ теоріи неограниченной измѣняемости видовъ и происхожденія всѣхъ животныхъ путемъ трансформизма, онъ все же признаетъ ограниченную измѣняемость; другіе главнѣйшіе представители положительной школы доводятъ скептицизмъ до крайнихъ размѣровъ и окончательно отказываются отъ допущенія трансформизма даже въ самыхъ скромныхъ предѣлахъ. Вліяніе Кювье съ одной стороны, реакція противъ дошедшей до смѣшныхъ абсурдовъ натурфилософіи—съ другой, были очевидно главнѣйшими мотивами при образованіи взглядовъ и стремленій положительной школы. При изученіи послѣдней, на первый планъ долженъ быть поставленъ *Йоханн Мюллеръ*, какъ ученый, сосредоточившій въ себѣ цѣлое направленіе, въ силу обширнаго вліянія на учащихся и разносторонности своихъ многочисленныхъ открытій. Будучи профессоромъ сначала въ Боннѣ, а потомъ въ теченіи цѣлой четверти столѣтія въ Берлинѣ, сдѣлавшемся однимъ изъ главныхъ центровъ научной дѣятельности, Мюллеръ сталъ основателемъ обширной школы, въ числѣ которой находились какъ фізіологи, такъ и анатомы, гистологи и зоологи. Еще многіе изъ нынѣшнихъ нѣмецкихъ профессоровъ, и въ числѣ ихъ нѣкоторые первоклассные ученые, принадлежатъ къ числу многочисленныхъ учениковъ І. Мюллера, между которыми находилось не мало и иностранцевъ, содѣйствовавшихъ распространенію направленія и мнѣній Мюллера по всей Европѣ.

Въ началѣ ревностный послѣдователь натурфилософскаго направленія, І. Мюллеръ сдѣлался потомъ еще болѣе рьянымъ противникомъ его. Вообще, склонный къ философствованію, онъ равно впадалъ въ крайность господствовавшей тогда школы, и еще въ время успѣлъ выйти изъ нея и сдѣлаться однимъ изъ основателей положительнаго направленія въ Германіи. Принявъ на себя редактированіе фізіолого-анатомическаго журнала, Мюллеръ излагаетъ въ началѣ свой взглядъ на методу положительнаго исследования. «Точная метода при эмпирическомъ анализѣ фактовъ составляетъ необходимую задачу натуралиста, — говоритъ онъ. — Хотя

и установление нѣкоторыхъ возможныхъ теоретическихъ взглядовъ входитъ также въ его область, но все же то, что именно назывался гипотезой, можетъ имѣть значеніе только какъ поводъ къ новымъ эмпирическимъ изслѣдованіямъ, и нужно всегда имѣть въ виду, что не простое установленіе теоріи, но разрѣшеніе ея справедливости составляетъ настоящую область эмпирическаго естествоиспытателя. Чѣмъ менѣе кто-либо представляется точнымъ въ эмпирическомъ анализированіи фактовъ, тѣмъ менѣе онъ имѣетъ право на построеніе теоретическихъ комбинацій. Если рассмотримъ споръ между двумя знаменитыми сочленами французской академіи о методѣ естественныхъ наукъ, независимо отъ его индивидуальнаго интереса, то окажется несомнѣннымъ, что именно метода Кювье есть такая, которая должна принести естествознанію прочныя и истинныя плоды. Эта метода отнюдь не исключительно эмпирична, и хотя она и опасается установленія общихъ законовъ, но при ней анализъ фактовъ всегда зависитъ отъ постоянной, точной, логической операціи ума. Напротивъ того, знаменитый Жоффруа въслѣдствіе стремленія къ аналогіямъ и законамъ, несмотря на весь талантъ, умъ и заслуги, все-таки часто и сильно ошибался. Не подлежитъ однако же сомнѣнію, что безсмертный Кювье въ упомянутомъ спорѣ не разъ былъ неправъ и заходилъ черезчуръ далеко. Метода, противъ которой онъ возстаетъ, часто приводила какъ въ Германіи, такъ и во Франціи къ безплоднымъ умозрѣніямъ. Но возвышенный образъ, который получила анатомія черезъ посредство исторіи развитія и сравнительной анатоміи въ философскомъ смыслѣ, особенно въ Германіи, соотвѣтствуетъ очень мало недостаткамъ принциповъ, которые оспариваетъ Кювье. Въ дѣйствительности невозможно отрицать того, что природа въ каждомъ большомъ отдѣлѣ животнаго царства не уклоняется отъ извѣстнаго плана творенія и сложенія изъ частей различныхъ, частью же аналогическихъ частей, что этотъ планъ лежитъ въ основѣ всѣхъ позвоночныхъ и что природа допускаетъ только въ видѣ исключенія сокращеніе и увеличеніе числа въ силу индивидуальныхъ свойствъ отдѣльныхъ существъ. Эта цитата чрезвычайно рельефно характеризуетъ какъ взглядъ Мюллера, такъ и возрѣніе цѣлаго положительнаго направленія, непосредственно предшествовавшаго дарвиновскому. Дедуктивному методу отводится самая скромная роль, и въ то же время на взаимное родство животныхъ смотрится, какъ на выраженіе общаго плана въ совершенно схематическомъ, идеальномъ смыслѣ слова, тогда какъ о возможности кровнаго родства между различными видами не упоминается вовсе, какъ о предметѣ, выходящемъ изъ

предѣловъ положительной методики. Само собою явствуетъ, что, являясь сторонникомъ Кювье въ спорѣ его съ Э. Ж. С.-Илеранъ, І. Мюллеръ наноситъ идеѣ трансформизма въ Германіи приблизительно такой же ущербъ, какой она потерпѣла во Франціи отъ Кювье. Понятно также, что эти два великіе человѣка, дѣйствовавшіе другъ за другомъ на нѣсколько помолѣній, должны были сильно задержать ходъ развитія теоретическихъ воззрѣній на организованный міръ. І. Мюллеръ относится къ теоріи трансформизма, если можно, еще болѣе отрицательно, чѣмъ Кювье, и вотъ почему объ ней ничего не говорилось на профессорскихъ лекціяхъ въ тѣ времена, когда былъ живъ Мюллеръ и когда въ числѣ слушателей его былъ Геккель и многіе другіе изъ живущихъ еще натуралистовъ.

Хотя во взглядахъ Мюллера на вопросъ о видѣхъ и разновидности не заключается ничего существеннаго, чего бы уже не было раньше его высказано Палласомъ или Кювье, тѣмъ не менѣе, въ виду большого значенія берлинскаго профессора въ дѣлѣ историческаго развитія науки, намъ необходимо нѣсколько остановиться на нихъ.

Въ концѣ своего знаменитаго «Руководства физиологін», Мюллеръ посвящаетъ главу вопросу о разновидностяхъ у животныхъ и человѣка. Тутъ онъ, во-первыхъ, наставляетъ на томъ, что нужно строго различать видъ отъ расы. «Расы животныхъ и растений измѣняются среди различныхъ условій, вліянію которыхъ они подвержены при распространеніи на поверхности земного шара; но претерпѣваемые ими измѣненія никогда не заходятъ за предѣлы, назначенные виду». Далѣе: «видъ совершенно неспособенъ приблизиться къ признакамъ другого вида, а тѣмъ менѣе — превратиться изъ одного въ другой. Если животныя формы переходятъ одна въ другую посредствомъ постепенныхъ градацій, то зоологи не могутъ смотрѣть на нихъ, какъ на различные виды. Совершенно иное должно сказать по отношенію къ разновидности. Сходные производительные индивидуумы разновидности, определенной расы, обладаютъ существенными свойствами вида, вслѣдствіе чего въ нихъ постоянно заключена отдаленная возможность произвести всѣ другія разновидности того же вида, предполагая, что внутреннія и внѣшнія условія останутся неизмѣнными въ продолженіи длиннаго ряда поколѣній. Но, по отношенію къ видамъ, нѣтъ ни малѣйшей возможности, чтобы одинъ изъ нихъ былъ произведенъ другимъ. Судя потому, что происходитъ нѣтъ въ животномъ царствѣ, мы имѣемъ право думать, что они были созданы каждый отдѣльно, независимо другъ

отъ друга». Догматическій и увѣренный тонъ этихъ афористическихъ положеній представляется, по истинѣ, замѣчательнымъ въ ряду съ принципами положительнаго метода, принятаго Мюллеромъ. Откуда, въ самомъ дѣлѣ, почерпнуто такое глубокое и многозабочное убѣжденіе въ существенномъ отличіи вида отъ разновидности и въ безусловной неизмѣнзимости перваго? Гдѣ тотъ эмпирический матеріалъ, который бы допускалъ такую теорію въ науку, и притомъ, въ качествѣ основного принципа? Мюллеръ обо всемъ этомъ не позаботился, несмотря на то, однакоже, съ упорно стоялъ за этотъ принципъ, какъ это всего лучше видно изъ слѣдующаго мѣста его биографіи: «Мюллеръ училъ постоянству видовъ и палеонтологическому догмату о періодическихъ твореніяхъ, — говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ его, Дю-Буа-Ремонъ ¹⁾. — Онъ оставался непоколебимъ, когда ему говорили, что изъ сходства даже самыхъ древнихъ животныхъ мумій изъ египетскихъ гробницъ съ нынѣ живущими представителями тѣхъ же видовъ также невозможно заключать о непостоянствѣ видовъ, какъ изъ дифференціала дуги кривой невозможно вывести природу ея. На него не дѣйствовало, когда ему замѣчали, что все то, что говорятъ намъ наши коллекціи о вымершихъ видахъ животныхъ, едвали даже такъ относятся въ нѣкогда жившему въ дѣйствительности міру, какъ сохранившиеся въ нашихъ музеяхъ остатки отъ сокровищъ искусства древности относятся въ тому, что нѣкогда въ дѣйствительности украсило улицы и галлерей Рима и Эллады». Съ такимъ же упорствомъ называлъ онъ и невозможность произвольнаго зарожденія въ природѣ, на томъ основаніи, что при произведенныхъ въ лабораторіяхъ опытахъ никогда не получалось произвольно зародившихся организмовъ.

Интересно замѣтить, что какъ Мюллеръ, такъ и его предшественники Палласъ и Кювье, отрицая, въ силу принциповъ положительнаго метода, возможность измѣненія и превращенія видовъ, находили въ то же время согласнымъ съ этими принципами признаніе гипотезы отдѣльныхъ твореній и идеальнаго плана творческой природы, т.-е., возставая противъ недоказанныхъ, а ригористически построенныхъ теорій, имѣвшихъ въ свою пользу только логическія основанія, они съ особенной легкостью возвращались къ еще менѣе доказаннымъ и лишеннымъ логической поддержки, но общераспространеннымъ укоренѣлымъ традиционнымъ воззрѣніямъ.

¹⁾ Gedächtnissrede auf Johannes Müller, — въ Abhandlungen der K. Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1860, стр. 129.

Явление это не есть вещь случайная, и проявление его мы на каждом шагу встречаемъ въ различныхъ сферахъ.

Но, отрицая всякую возможность признанія кровнаго родства между различными животными, I. Мюллеръ (и его школа) особенно ревностно предался мысли объ общемъ планѣ организаціи, и работы его въ этомъ направленіи всѣми признаны за образцовыя. Последнія десять лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ изученію процессовъ развитія иглокожихъ, относительно которыхъ онъ первый пролилъ ясный свѣтъ въ наукѣ. Собравъ значительный фактический матеріалъ, онъ привелъ его въ стройный порядокъ и сдѣлалъ рядъ выводовъ «объ общемъ планѣ въ развитіи иглокожихъ». При отысканіи этого плана онъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: «идеальная основная форма личинокъ иглокожихъ можетъ быть найдена при сведеніи къ общей средней самыхъ молодыхъ личинокъ офиуръ, морскихъ ежей и гелотурій изъ періода, когда у нихъ образуется мерцательный снурокъ» ¹⁾.

Полученный такимъ образомъ основной типъ, Мюллеръ поясняетъ нагляднѣе помощью схематическихъ рисунковъ, на которыхъ у него рядомъ изображены различныя формы личинокъ и постепенное ихъ происхожденіе отъ основной типической формы. Въ этомъ случаѣ Мюллеръ поступаетъ совершенно сходно съ новѣйшими дарвинистами, отличаясь только несравненно большою солидностью при разработкѣ предмета, и еще тѣмъ, что онъ говоритъ объ идеальномъ основномъ типѣ, тогда какъ дарвинисты принимаютъ, что основная форма, общая личинкамъ различныхъ иглокожихъ, есть именно живой остатокъ отъ того первобытнаго животнаго, который породилъ различныхъ представителей иглокожихъ ²⁾.

Вліяніемъ I. Мюллера и Кювье наука въ Германіи направилась на новыя, неизслѣдованныя до тѣхъ поръ области біологическаго естествознанія и совершенно отклонилась отъ общихъ

¹⁾ Ueber den allgemeinen Plan in der Entwicklung der Echinodermen, in „Abhandlungen der Berliner Akademie“, 1858, стр. 41.

²⁾ Въ этомъ отношеніи въ высшей степени поучительно сравненіе главы „объ общемъ планѣ личинокъ иглокожихъ“ I. Мюллера, съ соответствующей частью восемнадцатой главы „Естественной исторіи мірозданія“ Эрнста Геккеля. Но вдаваясь подробнѣе въ это сравненіе, которое было бы скорѣе у мѣста въ одной изъ послѣдующихъ главъ, скажу только, что Геккель заимствуетъ схематическіе рисунки у I. Мюллера, но выдаетъ ихъ за настоящія, и, кромѣ того, прибавляетъ еще рисунки нѣсколькихъ стадій развитія морскихъ лилій, которыя развиваются по иному типу и потому были исключены Мюллеромъ изъ общаго плана. Въ то же время Геккель выдаетъ, разумеется, это схематическое сопоставленіе за выраженіе дѣйствительной генеалогіи иглокожихъ.

вопросъ вообще, и отъ вопроса о трансформизмѣ въ частности. Съ этой поры всѣ силы устремляются на обогащеніе фактическихъ познаній и на непосредственные индуктивные выводы, причемъ Германія вступаетъ въ лучшую, наиболѣе плодотворную стадію своего научнаго развитія. Въ ней почти цѣликомъ создаются цѣлыя отрасли, какъ, напримѣръ, гистологія и эмбриологія, и она становится первенствующей страной въ дѣлѣ точнаго метода и точной науки. Всеобъемлющіе натурфилософскіе вопросы положительная школа устраняетъ вовсе, считая ихъ несоврѣшными для научнаго обсужденія, и потому обходитъ молчаніемъ немногочисленныя попытки объяснить происхожденіе видовъ путемъ постепеннаго измѣненія однихъ формъ въ другія. Вотъ, напр., какъ относится къ этому вопросу одинъ изъ весьма выдающихся нѣмецкихъ ученыхъ положительнаго періода — Бурмейстеръ. Упоминая о теоріи предполагаемаго происхожденія человѣка отъ обезьяны, онъ говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи: «теорія претращенія видовъ при переходѣ изъ одного геологическаго періода въ другой, принимаемая многими знаменитыми учеными, можетъ говорить и за это парадоксальное понятіе. Я, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще, не принадлежу къ ея приверженцамъ, ибо она не можетъ быть доказана». Такимъ краткимъ замѣчаніемъ въ настоящее время никто бы не удовлетворился, но во время господства направленія, основами котораго были Кювье и І. Мюллеръ, оно было совершенно достаточно, такъ какъ вполне гармонировало съ общимъ настроеніемъ. Также и въ учебникахъ и руководствахъ того времени или вовсе не говорилось о занимающемъ насъ вопросѣ, или же говорилось вскользь, въ совершенно отрицательномъ духѣ, причемъ обыкновенно указывалось на постоянство видовъ и неизмѣняемость разновидностей.

Нельзя игнорировать, однакоже, и обратную сторону медали. Въ теченіи всего положительнаго періода, даже въ наиболѣе скептическія его времена, раздавались отдѣльные голоса въ пользу теорій трансформизма. Правда, голоса эти были чрезвычайно слабы и тонъ рѣчи былъ до того нерѣшительный и неувѣренный, что на нихъ никто не обращалъ, да и нельзя было обратить особеннаго вниманія. Къ тому же, нерѣшительность эта нерѣдко шла за собою противорѣчія, примѣромъ чего можетъ служить Броннъ, ученый, обладавшій громаднѣйшими фактическими познаніями и, очевидно, сочувствовавшій идеямъ трансформизма, но не рѣшавшійся высказаться прямо въ этомъ смыслѣ до появленія знаменитаго сочиненія Дарвина.

Я не стану перечислять здѣсь именъ и приводить цитаты

изъ различныхъ сочиненій положительнаго періода, изъ которыхъ болѣе или менѣе ясно слѣдуетъ, что авторы ихъ не раздѣляли общепринятаго отрицательнаго отношенія къ вопросу объ измѣняемости видовъ. Трудъ этотъ отчасти уже выполненъ Зейдлицемъ (во второмъ изданіи его сочиненія: «Die Darwin'sche Theorie»), и изъ собранныхъ имъ фактовъ оказывается, что, высказываясь въ пользу теоріи трансформизма, ученые положительнаго періода или ограничивались однимъ этимъ, или же высказывались нѣсколько подробнѣе, но всегда повторяя аргументы прежнихъ авторовъ, болѣе свободно и обстоятельно трактовавшихъ вопросъ объ измѣняемости видовъ. Какъ образецъ, слѣдуетъ привести только выдержку изъ общаго морфологическаго трактата Виктора Каруса, нынѣ очень рѣзкаго послѣдователя трансформизма. «Я могу надѣяться не быть непонятымъ, — говоритъ онъ ¹⁾, — если, въ виду нынѣшней формы нашихъ классификаторныхъ стремленій и въ виду родства извѣстныхъ формъ организмовъ, напомню, что первоначально созданные организмы, дошедшіе до насъ изъ дѣствѣнно древнѣйшихъ геологическихъ слоевъ, обнаруживаютъ, кромѣ ихъ органическаго характера, только общія свойства группы, къ которой мы ихъ относимъ, и что въ виду этого мы можемъ, конечно не иначе, какъ въ смыслѣ ограниченномъ абсолютнымъ отсутствіемъ возможнаго доказательства, признать ихъ за прародителей, изъ которыхъ, путемъ продолжительнаго размноженія и приспособленія къ очень различнымъ условіямъ жизни, произошло богатство формъ нынѣшняго мірозданія». Этотъ отголосокъ мнѣній болѣе раннихъ періодовъ научнаго развитія, высказанный притомъ въ столь туманной и робкой формѣ, очевидно не могъ имѣть иного значенія, кромѣ того, чтобы показать, что идея общаго происхожденія организмовъ не совершенно задушена положительнымъ направленіемъ, но еще тѣлѣтъ подъ его давленіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, чуть только, съ появленіемъ трактата Дарвина, явилась возможность высказаться болѣе смѣло и рѣшительно, какъ вся Германія оказалась переполненной послѣдователями идеи трансформизма, въ старой *буффоновской*, или *ламарковской*, или же въ новой — *дарвиновской* формѣ. Никогда еще, кажется, не совершалось столь рѣзкаго переворота въ научномъ направленіи, какъ переходъ отъ положительной школы къ ново-философской или дарвиновской.

Но строгія оковы положительнаго направленія могли заглушать развитіе теоретической мысли только въ наукѣ; философія

¹⁾ System der thierischen Morphologie, 1853.

была отъ нихъ свободна, и потому она гораздо правѣе высказы-
валась по отношенію къ занимающему насъ вопросу. *Штен-
церъ*, занимающій одно изъ очень высшихъ мѣстъ въ ряду нѣ-
мецкихъ философовъ нынѣшняго вѣка, въ силу своего остроумія
и оригинальности, говоритъ очень ясно объ измѣненіи однихъ
видовъ въ другіе. Вотъ для примѣра одно очень замѣчательное
мѣсто ¹⁾: «легко понять, что, напр., черепъ человѣка сложится
изъ восьми костей затѣмъ, чтобы, при рожденіи, кости эти, сое-
диненныя родничками, могли сдвигаться; но почему цыпленокъ,
принимающій форму яйца, долженъ имѣть то же число чере-
пныхъ костей—этого понять нельзя. Поэтому, мы должны принять,
что этотъ анатомическій элементъ имѣетъ основаніемъ отчасти
единство и тождество воли къ жизни, отчасти же то обстоятель-
ство, что *первичныя формы (Urformen) животныхъ произошли
одна отъ другой, вслѣдствіе чего сохранился основной типъ
цѣлой группы, или ствола*». Особенно серьезное значеніе имѣетъ
последняя мысль, именно, что основные типическіе признаки жи-
вотныхъ могутъ не имѣть непосредственнаго значенія въ ихъ
жизни, но являются вслѣдствіе передачи ихъ при измѣненіи
однихъ формъ въ другія,—мысль, составляющая одно изъ суще-
ственныхъ основаній раціональной морфологіи.

Другой нѣмецкій философъ, еще болѣе разившій основы
идеи трансформизма, есть *Бюхнеръ*, сочиненіе котораго, «*Kraft
und Stoff*», можетъ быть признано за кодексъ философскаго ма-
теріализма девятнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ «*Système
de la Nature*» была признана кодексомъ матеріализма прошлаго
вѣка. Бюхнеръ, устанавливая механическій взглядъ на органи-
ческую природу, старается доказать, что первые организмы должны
были образоваться путемъ произвольнаго зарожденія, и затѣмъ
изъ-за вслѣдствія ряда измѣненій и превращеній, всѣ остальные,
болѣе высоко организованныя существа. Онъ указываетъ на су-
ществованіе переходныхъ формъ между большими животными
группами, на примѣръ, между ящерицами и птицами, птицами и
млекопитающими и пр. Что же касается переходовъ между от-
дѣльными видами, которыхъ обыкновенно не открываетъ намъ
насекомтологія, то ихъ и быть не должно. Бюхнеръ всего бо-
лѣе приближается къ воззрѣніямъ Этьена Жофруа Сентъ-Илера,
такъ какъ онъ думаетъ, что болѣе высшіе организмы произошли
не отъ готовыхъ низшихъ формъ, но отъ ихъ зачатковъ, причѣмъ

¹⁾ Ueber den Willen in der Natur. Третье посмертное изданіе (первое появи-
лось въ 1835.). Лейпцигъ, 1867, стр. 53.

обуславливающимъ моментомъ онъ также считаетъ вліяніе внешнихъ условій. Въ подтвержденіе этого воззрѣнія, Бюхнеръ ссылается на явленія превращенія и перемежающагося размноженія, причемъ одна форма, напримѣръ гусеница, превращается рѣзко, въ короткое время въ другую форму, напримѣръ бабочку, или же даетъ такую форму путемъ размноженія, какъ, напримѣръ, въ случаѣ образованія медузы изъ почки гидрополида. Бюхнеръ ссылается также на предполагавшееся образованіе улитокъ внутри голотурій, явленіе, которое съ тѣхъ поръ получило совершенно иное объясненіе, ничуть не указывающее на превращеніе видовъ. Вообще говоря, хотя Бюхнеръ и не представляетъ ничего существенно новаго по отношенію къ вопросу о трансформизмѣ, но онъ имѣетъ значеніе какъ одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ и въ то же время довольно трезвыхъ защитниковъ этой теоріи въ то время, когда во всѣхъ натурфилософскихъ теоріяхъ относились съ крайнимъ пренебреженіемъ.

IV.

Характерная особенность англійскихъ натуралистовъ. Патрикъ Матью—основатель теоріи естественнаго подбора.—Философы.—Обзоръ двухъ первыхъ эскизовъ Уоллеса.

Переходя теперь къ очерку теоретическихъ воззрѣній въ Англіи, я прежде всего долженъ замѣтить, что научное развитіе въ этой странѣ вообще шло инымъ путемъ, нежели на материкѣ Европы. Въ Англіи мы не видимъ такого господства школы и однородности направленія, которое столь рѣзко замѣчается во Франціи и еще рѣзче въ Германіи. Въ Англіи несравненно болѣе преобладаетъ развитіе индивидуальности и личной инициативы. Мы не станемъ входить здѣсь въ причины этого явленія, которое однакоже необходимо констатировать какъ фактъ. Такимъ образомъ общезвѣстно, что изъ Англіи нерѣдко исходили основы новыхъ и притомъ самыхъ широкихъ воззрѣній на природу, примѣромъ чего въ новѣйшее время могутъ служить Дарвинъ и Уоллесъ, а въ нѣсколько болѣе раннее—Лайелль. Весьма характерна для Англіи также меньшая степень спеціализаціи и раздѣленія научнаго труда, чѣмъ та, которая замѣчается на материкѣ Европы. Въ Англіи, правда, остались на заднемъ планѣ нѣкоторыя отрасли, которыя получили особенно широкое развитіе въ Германіи, какъ, напримѣръ, фیزیологія, эмбриологія и гистологія; но за то ни одна страна въ мірѣ не представляетъ намъ

такого обширнаго числа натуралистовъ, съ очень многостороннимъ образованіемъ и способностью къ широкимъ обобщеніямъ, какъ Англія. Обстоятельствомъ это, по всей вѣроятности, находится въ связи съ тѣмъ, что Англія, въ качествѣ первенствующей морской державы, значительно облегчаетъ путешествія въ самыя отдаленныя страны, а путешествіе составляетъ несравненно лучшую школу, чѣмъ продолжительное пребываніе въ аудиторіи и въ лабораторіи подъ руководствомъ профессора. Путешествіе гораздо болѣе содѣйствуетъ развитію самостоятельности, и притомъ заставляетъ отречься отъ узенькой специальности въ пользу болѣе многограннаго и широкаго изученія природы. Такимъ образомъ, можно признать общимъ правиломъ, что большинство англійскихъ натуралистовъ развилось и воспиталось во время дальнихъ странствованій. Эдуардъ Форбесъ, Гёксли, Гукеръ, а также Дарвинъ и Уоллесъ приобрѣли несравненно больше на кораблѣ, чѣмъ въ университетѣ, и не шло бы они обязаны тѣмъ, что могли принести столько пользы и геологін, и зоологін, и ботаникѣ, и вообще цѣлому естествознанію. Единственный примѣръ на материкѣ Европы, являющій хотя нѣкоторое подобіе англійской науки, представляетъ намъ Россія или, правильнѣе, иностранные члены петербургской академіи. Палласъ, Бэръ, Миддендорфъ могутъ быть поставлены на ряду съ англійскими натуралистами по разносторонности познаній и широтѣ научнаго взгляда. Это также натуралисты-путешественники; но только они стоятъ несравненно болѣе изолированно, чѣмъ въ Англіи, что, можетъ быть, зависитъ отчасти отъ національныхъ причинъ...

Въ историческомъ очеркѣ взглядовъ на вопросъ о происхожденіи видовъ, Дарвинъ приводитъ цѣлый рядъ англійскихъ писателей, высказывавшихся до него въ пользу теоріи трансформизма; но по болѣйшей части ученые эти ограничивались краткими замѣчаніями о томъ, что виды измѣнчивы и могутъ происходить изъ разновидностей. Всѣхъ болѣе выдающимся представляются *Патрикъ Маттью*, который еще въ 1831 году высказалъ основы теоріи естественнаго подбора, т.-е. указалъ на то, что виды измѣняются въ силу переживанія особей, отличающихся какими-нибудь признаками, выгодными для сохраненія ихъ самихъ или ихъ потомства. Мысль эта не обратила на себя ничего вниманія, и такъ какъ она была высказана, между прочимъ, безъ подробнаго развитія и доказательствъ, то прошла безслѣдно въ наукѣ и получила лишь историческое значеніе.

Въ болѣе подробномъ видѣ идея трансформизма получила и въ Англіи свое развитіе среди философовъ. Такъ она была вы-

сказана анонимнымъ авторомъ сочиненія «*Vestiges of Creation*», который, подобно Э. С.-Милеру и Бюхнеру, старался объяснить проблемы между ближайшими животными предположеніемъ, что организмъ измѣнялся быстро, скачками, вследствие приспособленія къ окружающимъ условіямъ среды. — Знаменитый современнѣйшій философъ, *Гербертъ Спенсеръ*, въ 1852 г. также самостоятельно пришелъ къ убѣжденію въ измѣняемости органическихъ видовъ, что онъ, подобно Бюффону и его послѣдователямъ, сводить главнымъ образомъ на измѣненіе внѣшнихъ обстоятельствъ. Хотя воззрѣніе его, въ сущности, не представляло ничего новаго, но оно могло имѣть значеніе вследствие подбора доказательствъ изъ области исторіи развитія, свѣтоводства и проч. Впрочемъ, эти философскіе трактаты не могли оказать большого вліянія на научное движеніе, уже потому одному, что въ нихъ на первомъ планѣ являлась философія съ ея цѣлями, исходной точкой и методомъ. Наука, какъ мы видѣли, не обратила вниманія и на отдѣльно высказанныя остроумныя мысли Матью и, можно думать, не остановилась бы долго и на блестящихъ ображеніяхъ Уоллеса. Ученый этотъ, совершившій въ молодости путешествіе въ южную Америку, отправился потомъ на острова Малайскаго архипелага, съ цѣлью заняться естественной исторіей этого замѣчательнаго куска земли, связывающаго азіатскій міръ съ Австраліей; особенно ревностно взялся онъ за разработку насѣкомыхъ и по преимуществу бабочекъ. Тамъ-то онъ выработалъ теорію трансформизма, которую изложилъ въ двухъ эскизахъ, изъ которыхъ первый былъ напечатанъ въ 1855 г., а второй, озаглавленный «О стремленіи разнообразностей неограниченно уклоняться отъ первоначальнаго типа», появился въ 1858 г., одновременно съ первымъ очеркомъ Дарвина, заключающимъ въ себѣ въ сущности тѣ же основныя идеи.

Въ первомъ эскизѣ, «О законѣ, регулировавшемъ появленіе новыхъ видовъ», Уоллесъ старается доказать необходимость признанія преемственнаго происхожденія видовъ для объясненія основныхъ вопросовъ зоологіи и зоологической географіи и палеонтологіи. Основная мысль автора заключается въ томъ, что географическая и геологическая близость между сосѣдними геологическими группами необходимо ведетъ къ принятію существованія ровнаго родства между этими группами. Мысль эту онъ выражаетъ въ формѣ слѣдующаго закона: «каждый видъ, какъ въ пространствѣ, такъ и во времени появился въ періодъ существованія ранѣе появившагося близкаго къ нему вида». Въ приложеніи къ классификаціи, законъ этотъ означаетъ, что ближайшіе

виды находятся между собою въ кровномъ родствѣ, причемъ они могутъ находиться въ отношеніи простой преемственности или же въ болѣе сложномъ родствѣ; такъ, напр., одинъ видъ можетъ непосредственно произойти отъ другого, или же нѣсколько соосѣднѣвшихъ видовъ могутъ имѣть одного общаго родоначальника. Тотъ же законъ приложимъ и къ объясненію многихъ фактовъ геологическаго распространенія животныхъ. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что океаническіе острова бывають населены исключительно нѣмѣлыми свойственными видами, но принадлежащими не къ особымъ группамъ, а къ тѣмъ же большимъ группамъ, которыя обитаютъ ближайшей материкъ. Примѣромъ могутъ служить Галлопагосскіе острова, имѣющіе большое количество самостоятельныхъ видовъ, принадлежащихъ къ южно-американскимъ родамъ. По теоріи трансформизма слѣдуетъ, что галлопагосскіе виды произошли путемъ измѣненія первичныхъ колонистовъ, перешедшихъ въ давнія времена изъ южно-американскаго материка. Никакая другая теорія (напр. теорія самостоятельнаго творенія) не объясняетъ этого явленія такъ ясно, какъ теорія преемственного происхожденія видовъ. То же объясненіе примѣнимо, по Уэллсу, и къ фактамъ геологическаго распредѣленія видовъ, которое вообще параллельно географическому распредѣленію. Ближайшіе въ системѣ виды находятся обыкновенно вмѣстѣ въ одинъ и томъ же слѣбѣ, какъ это и должно быть согласно съ принципами теоріи трансформизма. Теорія эта объясняетъ также смыслъ существованія многихъ органовъ, не выполняющихъ никакой физиологической роли въ организмѣ. По мнѣнію Уэллса, эти, такъ-называемые рудиментарные органы, суть зачаточныя образованія, такъ сказать, потенціальные органы, которые могли развиться только у другихъ, происшедшихъ путемъ филіаціи, существъ. Такъ, напримѣръ, зачаточныя конечности змѣй, не играющія въ ихъ жизни никакой роли, должны были развиться въ цѣльныя органы у существъ, происшедшихъ отъ змѣй, положимъ — у ящерицъ.

Въ разсмотрѣнномъ нами первомъ эскизѣ, Уэллсъ доказываетъ только необходимость ввести идею трансформизма въ кругъ научныхъ теорій и показываетъ, какъ много существенныхъ фактовъ можетъ быть объяснено съ ея помощью. О томъ, какимъ образомъ могло совершаться самое измѣненіе однихъ видовъ въ другіе, онъ не распространяется вовсе. Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служитъ второй эскизъ, въ которомъ авторъ старается показать, что теорія трансформизма, въ формѣ, предложенной Ламаркомъ, не объясняетъ такъ полно вопросъ о происхожденіи

видовъ, какъ другой видъ той же теоріи, сводящій процессъ измѣняемости органическихъ видовъ къ сохраненію, или переживанію признаковъ, наиболѣе выгодныхъ для приспособленія организма къ окружающимъ условіямъ.

Въ основѣ этого второго эскиза заключена мысль, что господствующее понятіе о разновидности не выдерживаетъ критики. Основываясь на наблюденіи, что искусственныя разновидности домашнихъ животныхъ, при возвращеніи ихъ къ первобытному образу жизни, болѣею частью стираются и переходятъ къ первоначальному виду, ученые стали смотрѣть на разновидность вообще какъ на нѣчто очень непрочное и весьма склонное переходить обратно въ первоначальную форму. По мнѣнію Уэллеса, такое представленіе объ основномъ характерѣ разновидности невѣрно, такъ какъ оно выведено изъ наблюденія надъ одомашненными животными, которыя отнюдь не могутъ служить мѣриломъ явленій, совершающихся въ свободной природѣ. Уэллесь приходитъ, напротивъ, къ заключенію, что разновидности могутъ безгранично уклоняться отъ первоначальной формы и переживать послѣднюю въ томъ случаѣ, если онѣ обладаютъ какими-нибудь признаками, выгодными съ точки зрѣнія приспособляемости животнаго къ окружающимъ условіямъ. Для того, чтобы пояснить все громадное значеніе такой выгоды, Уэллесь указываетъ на борьбу за существованіе въ природѣ и на законы населенія видовъ. Непосредственное наблюденіе убѣждаетъ, что въ короткій періодъ времени населеніе страны не измѣняется значительно: число особей каждаго вида остается приблизительно постояннымъ; между тѣмъ число народившихся особей бываетъ очень значительно даже въ короткій промежутокъ времени. Отсюда слѣдуетъ, что числу рожденій соответствуютъ такое же число смертныхъ случаевъ, а такъ какъ изъ наблюденія извѣстно, что ежегодно рождается большое количество животныхъ, то ясно, что смертность въ природѣ очень значительна. Ради самосохраненія, животное должно поэтому стараться избѣгнуть большихъ шансовъ смерти, т.-е. бороться за существованіе, заботясь о прокормленіи и защитѣ отъ враговъ. Если предположить, что среднимъ числомъ цифра нарождающагося поколѣнія только вдвое больше родительскаго поколѣнія, то и тогда выйдетъ, что ежегодно умираетъ вдвое болѣе животныхъ, чѣмъ сколько ихъ остается жить. Очевидно, что на первомъ планѣ умираютъ черезчуръ молодыя, старыя, больныя и слабыя особи, и что переживаютъ наиболѣе здоровыя и сильныя, т.-е. такія, которыя всего лучше могутъ обезпечить себѣ продолжительное и избѣжать многочисленныхъ враговъ.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что, въ виду жестокой и безпривной борьбы за существованіе, всякія полезныя уклоненія животныхъ должны послужить имъ въ этой борьбѣ и дать перейти надъ такими недѣлимыми, которыя лишены такихъ уклоненій, а еще болѣе надъ такими, которыя обладаютъ какимъ-нибудь безполезнымъ или вреднымъ уклоненіемъ. Такъ, напримѣръ, мушкетеры съ наиболѣе крѣпкими и длинными ногами будутъ несравненно легче избѣгать нападенія хищныхъ звѣрей, нежели изъ сородичей съ короткими и слабыми ногами.

Связанное по отношенію къ особямъ, приложимо и къ цѣлымъ расамъ. Если одна раса будетъ снабжена болѣе выгодными въ борьбѣ за существованіе признаками, чѣмъ другая, то очевидно, что первая будетъ въ состояніи пережить такія невзгоды, подѣ влияніемъ которыхъ вторая совершенно исчезнетъ съ лица земли. То же самое получится, если какая-нибудь раса будетъ отличаться выгодными признаками отъ основного вида. При наступленіи какого-нибудь неблагоприятнаго обстоятельства, напримѣръ, сильной засухи, или саранчи, поѣдающей огромныя количества пищи и т. п., борьба за существованіе должна сдѣлаться еще болѣе тяжелой; напряженіе животныхъ для преодоленія ея должно дойти до крайнихъ предѣловъ, и тутъ-то совершится перемѣна: особи расы, снабженной какими-нибудь преимуществами, останутся въ живыхъ, тогда какъ особи расы, лишенной этихъ преимуществъ, а также и основной видъ—вымрутъ окончательно. Въ результатъ раса окажется замѣнившей собою основной видъ, и возвращеніе къ нему будетъ уже дѣломъ немислимымъ, такъ какъ это возвращеніе должно быть неизбѣжно связано съ вымираніемъ въ борьбѣ за жизнь, т. е. несуществованіемъ. Если же внѣшнія условія, въ силу которыхъ данный признакъ расы сдѣлалъ ее побѣдительницей, снова измѣнятся, напримѣръ, возвратятся къ прежнему состоянію, то раса должна снова измѣниться, и въ этомъ случаѣ то измѣненіе окажется наиболѣе выгоднымъ, которое всего болѣе приблизитъ ее къ основному, уже вымершему виду. Подобный примѣръ представляютъ намъ, по мнѣнію Уэллеса, расы домашнихъ животныхъ, которыя, при переходѣ въ дикое состояніе, могутъ только въ томъ случаѣ справиться съ борьбой за существованіе, если онѣ наивозможно болѣе приблизятся къ дикой, т. е. первоначальной породѣ. Такимъ образомъ можетъ быть объяснено кажущимся возвращеніемъ къ прежнему типу измѣненіе одичалыхъ животныхъ, напримѣръ лошадей въ южно-американскихъ пампахъ. Такимъ образомъ, основное положеніе, что расы, одаренныя полезными признаками, способны

развиваться даѣе и переживать основной типъ, объясняютъ не только происхожденіе новыхъ видовъ на землѣ, но также и фактъ кажущагося возврата домашнихъ породъ въ первобытному состоянію, т.-е. аргументъ, который въ глазахъ господствующаго ученія всегда имѣлъ значеніе существеннѣйшаго возраженія противъ теоріи трансформизма.

Весь этотъ талантливый эскизъ Уэллеса представляетъ собою только дедуктивное построеніе: рядъ выводовъ изъ основного положенія. Что касается фантической, реальной подкладки, то она у Уэллеса отдѣлена въ особый очеркъ (о малайскихъ дневныхъ бабочкахъ), который появился въ свѣтъ только въ 1884, т.-е. черезъ шесть лѣтъ послѣ принциповъ теоріи естественнаго отбора, вслѣдствіе чего и мы откладываетъ разсмотрѣніе этого интереснаго эскиза до одной изъ послѣдующихъ главъ.

И. Мечниковъ.

АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ДЕГУРОВЪ

Биографическій очеркъ изъ исторіи харьковскаго и петербургскаго университетовъ: 1806—36 гг.

I.

Одинъ изъ бывшихъ студентовъ петербургскаго университета 30-хъ годовъ, г. Фортунатовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ ¹⁾ объ университетѣ за время своего пребыванія въ немъ (1830—1833 годы), передаетъ, между прочимъ, странное впечатлѣніе, какое произвелъ на него тогдашній ректоръ университета, къ которому онъ явился для подачи прошенія о поступленіи въ университетъ,—ректоръ славянскаго русскаго университета, не говорившій по-русски! «Первый вопросъ, съ которымъ обратился онъ ко мнѣ, — рассказываетъ г. Фортунатовъ, — былъ: *quel est votre nom?*» Это былъ Антонъ Антоновичъ Дегуровъ, бывшій въ то время уже около 25-ти лѣтъ на государственной службѣ въ Россіи — во министерству народнаго просвѣщенія, въ томъ числѣ 10 лѣтъ (1806—16 г.) состоявшій профессоромъ по кафедрѣ исторіи въ харьковскомъ университетѣ. О немъ ходили слухи, что онъ нѣкогда былъ секретаремъ Робеспьера и орудіемъ терроризма во Франціи, но бѣжалъ наканунѣ казни своего патрона, и едва избѣгъ смерти, найдя спасеніе на какомъ-то сѣновалѣ, гдѣ подъ вучей соломѣ

¹⁾ Напечатанъ въ „Рус. Арх.“ 1869 г., стр. 304 и слѣд.

спрятался отъ преслѣдованія жандармовъ. Н. А. Лавровскій сдѣлалъ уже опытъ къ разъясненію этой таинственной личности французскаго переселенца, и сообщилъ о немъ въ небольшой статьѣ ¹⁾ нѣсколько интересныхъ официальныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ дѣлъ харьковскаго университетскаго архива и касающихся, поэтому, только времени профессорства Дегурова въ харьковскомъ университетѣ.

Занимаясь вопросомъ о воспитательныхъ домахъ, я обратился къ сочиненію Дегурова по этому предмету (изданному въ Парижѣ въ 1839 году), первому сочиненію, въ которомъ излагается исторія воспитательныхъ домовъ въ Россіи ²⁾, и совершенно неожиданно нашелъ здѣсь въ предисловіи, написанномъ самимъ же Дегуровымъ, богатый матеріалъ для его біографіи, въ особенности для петербургскаго періода его дѣятельности, матеріалъ, какъ кажется, недосмотрѣнный лицами, которымъ приходилось печатно говорить о Дегуровѣ,—съ одной стороны вѣроятно потому, что это сочиненіе очень рѣдко, будучи напечатано въ свое время въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, а съ другой, можетъ быть, и потому еще, что, по самому предмету своему, какъ специально, оно не обѣщало дать тѣхъ свѣдѣній, о которыхъ идетъ дѣло. Это побудило меня собрать и всѣ другія сочиненія, написанныя Дегуровымъ въ Россіи, — болѣею частію актывы рѣчи, говоренныя имъ же въ харьковскомъ и с.-петербургскомъ университетахъ, — а также просмотрѣть протоколы совѣстныхъ засѣданій въ харьковскомъ университетѣ, за время пребыванія въ немъ Дегурова, и на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ составилъ у меня біографическій очеркъ, какъ кажется, достаточно характеризующій эту личность,—очеркъ, который, смѣю думать, будетъ имѣть не одинъ мѣстный интересъ, но и интересъ общій, представляя вообще страницу (хотя, къ сожалѣнію, и не особенно свѣтлую) изъ исторіи нашего просвѣщенія.

О жизни и дѣятельности Дегурова (первоначально фамиліное его имя было *Du Gour*; какъ и когда переименовался онъ въ *Дегурова*,—объ этомъ рѣчь впереди) до прибытія его въ Россію, мы имѣемъ очень мало точныхъ свѣдѣній. Знаемъ, что онъ родился въ Клермонѣ въ 1765 году, былъ профессоромъ изящной словесности въ королевскомъ коллегіумѣ Де-ла-флѣшъ и профес-

¹⁾ Тамъ же, стр. 1542 и слѣд.

²⁾ Заглавіе сочиненія: *Recherches sur les enfants trouvés et les enfants illégitimes en Russie, dans le reste de l'Europe, en Asie et en Amérique, précédée d'un essai sur l'histoire des enfants trouvés depuis les temps les plus anciens jusqu'à nos jours.*

сорокъ исторіи въ парижской центральной школѣ: это значится въ послужномъ его спискѣ. Затѣмъ, изъ одного письма профессора того же времени въ харьковскомъ университетѣ, Шада, мы узнаемъ, что Дегуровъ былъ книгопродавцемъ въ Парижѣ, причемъ Шада называетъ его бѣшенымъ (*fugiosus*) демагогомъ, прибавляя, что это явствуетъ изъ его сочиненій, изданныхъ въ Парижѣ. Изъ двухъ писемъ самого Дегурова къ тогдашнему попечителю харьковского университета, Потоцкому (хранящихся въ дѣлахъ харьковского университетскаго архива), писанныхъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Россію, изъ села Ивановскаго, курской губерніи, — мы узнаемъ, что около шести лѣтъ онъ провелъ въ Англіи, гдѣ занимался медициной, политической экономіей и сельскимъ хозяйствомъ, причемъ онъ ссылается (въ одномъ изъ писемъ) на князя Барятинскаго, которому хорошо извѣстны эти занятія; съ княземъ Барятинскимъ онъ и пріѣхалъ въ Россію—въ названное Ивановское, — имѣніе князя.

Своимъ появленіемъ въ Харьковѣ (какъ то можно заключить изъ этихъ же писемъ) Дегуровъ былъ обязанъ Потоцкому, который въ то время съ особеннымъ усердіемъ заботился о вызовѣ иностранныхъ ученыхъ для занятія профессорскихъ кафедръ въ харьковскомъ университетѣ и педагоговъ для устройства пансіоновъ, и которому Дегуровъ, какъ видно, писалъ еще изъ Берлина, выражая желаніе заняться въ Россіи воспитаніемъ дѣтей подъ его покровительствомъ. Первою мыслью Дегурова, по прібытіи въ Ивановское (въ половинѣ мая 1806 года), было—открыть пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ въ Курскѣ, на началахъ либеральнаго воспитанія (*éducation vraiment libérale*). Въ бумагахъ харьковскому университету, отъ 13-го сент. 1806 года, начала эти признанія Потоцкимъ «дѣйствительно дѣлающими честь Дегурову». Какъ всѣ иностранцы, Дегуровъ—будемъ говорить словами Н. А. Лавровскаго, — смотрѣлъ на себя, разумѣется, какъ на педагога-реформатора, какъ на начинателя въ варварской странѣ чуть ли не новой эры либеральнаго воспитанія. Но педагогическому предпріятію Дегурова не суждено было осуществиться, по крайней мѣрѣ въ Курскѣ. Не понравились Дегурову няни русскія, безъ которыхъ родители не соглашались отдавать въ пансіонъ своихъ дочерей, — женщины, по словамъ Дегурова, «погрязшія въ невѣжествѣ, униженные рабствомъ; ихъ языкъ и обращеніе обличаютъ духъ столь же подлый, во сколько развращено ихъ сердце». Въ нихъ Дегуровъ увидалъ неодолимое препятствіе для своихъ педагогическихъ замысловъ. Доказывали ему также невыполнимость его намѣренія воспитывать въ своемъ пансіонѣ дѣвицъ съ

дѣтства до выхода ихъ въ свѣтъ тѣмъ, что родители отдають своихъ дочерей въ пансіонъ много на годъ, а то на шесть мѣсяцевъ и даже меньше. Задумывалъ онъ купить или нанять подлѣ города дачу, обратить ее въ ферму, гдѣ бы дѣвицы могли проводить лѣтнее время и заниматься сельскимъ хозяйствомъ, ботаникой и т. д.; мечталъ онъ завести библіотеку для дѣвицъ, выходящихъ изъ его пансіона, изъ книгъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ, съ пожертвованіемъ на нее отъ себя невольны основнаго капитала и съ небольшою ежегодною платою со стороны пользующихся. Всѣ эти мечты о новомъ либеральномъ воспитаніи такъ и остались мечтами, и Дегуровъ, даже не попытавшись осуществить на практикѣ своихъ педагогическихъ убѣжденій, слишкомъ скоро напелъ себя вынужденнымъ обратиться къ старому, обычному и у насъ, способу устройства пансіоновъ съ ихъ обширными программами, идущими въ разладъ съ насущными потребностями дѣйствительной жизни и рассчитанными на барышъ. И этотъ рутинный, по его собственному признанію, пансіонъ онъ рѣшился открыть не въ Курскѣ, а въ Харьковѣ, гдѣ онъ успѣлъ побывать, познакомиться съ нѣкоторыми профессорами университета, между которыми было нѣсколько французовъ, и гдѣ уже нанялъ для себя и для будущаго пансіона помѣщеніе. Впрочемъ, побѣда въ Харьковѣ и знакомство съ профессорами университета, въ которомъ было такъ много незапятнанныхъ каведръ, открыли предприимчивому французу совершенно новые виды: въ немъ естественно родилось желаніе выступить въ Россію на знакомую ему профессорскую карьеру, и это желаніе могло также естественно встрѣтить сочувствіе въ тогдашней профессорской коллегіи, состоявшей въ большинствѣ изъ иностранцевъ. Это желаніе и эти виды онъ съ замѣтной робостью открываетъ Потоцкому въ заключеніи своего письма, уязвивъ при этомъ на свою прежнюю службу въ званіи преподавателя и на свои сочиненія по исторіи и сельскому хозяйству. Между историческими сочиненіями онъ особенно старается обратить вниманіе попечителя на *оправдательную записку* (*mémoire justificatif*), обнародованную имъ во время процесса, производившагося надъ Людовикомъ XVI, и переведенную, по его словамъ, почти на всѣ языки, прибавляя, что онъ былъ *первымъ французомъ, осмѣлившимся въ самомъ Парижѣ принять на себя защиту несчастнаго короля*. Въ случаѣ предоставленія ему каведры сельского хозяйства, онъ обѣщается завести близъ Харькова образцовую ферму. Письмо оканчивается увѣреніемъ, что профессорская дѣятельность не только не разстроитъ его плановъ объ устрой-

спѣхъ пансіона, но еще облегчить борьбу съ предрассудками родителей, и слѣдующимъ замысловатымъ обращеніемъ къ попечителю: «если вы, графъ, призовете на эти мѣста другія лица, то и направлю съ ними и общество, и университетъ, будучи убѣжденъ, что выборъ столь просвѣщеннаго начальника могъ пасть только на тѣхъ, кто превосходить меня и дарованіемъ и заслугами».

Въ другомъ письмѣ, отъ 6-го августа, Дегуровъ уже прямо предлагаетъ себя въ профессора всеобщей исторіи или сельскаго хозяйства, и основываетъ это предложеніе на прежней десятилетней преподавательской дѣятельности и на своихъ сочиненіяхъ. Здѣсь онъ называетъ себя членомъ свободнаго общества (*société libre*), бывшаго до революціи и посвятившаго себя образъ жизни конюнкта; здѣсь же онъ опять упоминаетъ объ *оправданномъ памуарѣ*, написанномъ въ то время, когда Людовикъ XVI представленъ былъ на судъ предъ конвентомъ; о пансіонѣ въ этомъ письмѣ уже вовсе не упоминается.

Слѣдствіемъ этого письма было упомянутое выше отношеніе министра въ университетъ (отъ 13-го сентября), въ которомъ онъ, отклоняя отъ себя рѣшеніе дѣла, предоставляетъ университетскому совѣту обсудить права Дегурова. Совѣтъ передалъ проф. Тимовскому его сочиненія на разсмотрѣніе и, по полученіи одобреннаго о нихъ отзыва, избралъ его въ профессора. Это было 7-го ноября 1806 г.

Вступивъ на государственную службу въ Россію, Дегуровъ принялъ русское подданство, и произошло въ 1807 году въ торжественномъ собраніи университета рѣчь: «О возрожденіи наукъ»¹⁾, имевъ это благоприятнымъ случаемъ въ слухъ заявить о своихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ въ слѣдующихъ внушительныхъ выраженіяхъ: «прими, преславный монархъ, признательность и благодареніе, приносимыя тебѣ нынѣ отъ 40 миллионовъ, благоденствующихъ подъ твоимъ кровомъ, и не отвергни обитовъ, посвящаемыхъ тебѣ торжественно въ семъ знаменитомъ собраніи другомъ наукъ, новымъ подданнымъ, который подвергъ себя заветамъ твоимъ, познавъ мудрость и правоту твою». Это речью не спасло его отъ непріятности по обвиненію его адъютантомъ Гамперие (доносы въ воллетіи профессорской въ то время были обычною вещью) въ подосерительныхъ сношеніяхъ

¹⁾ Всѣ актыны рѣчи Дегуровъ писалъ на французскомъ языкѣ, но одновременно же имѣлъ русскій переводъ ихъ, въ которомъ—показалось—онъ и были соображены публикѣ.

съ Франціей. Донось, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ (тогда только-что послѣдовало запрещеніе сношеній съ французами, о чемъ и въ совѣтѣ прочитано особое предписаніе), повлекъ за собою строжайшее слѣдствіе, производившееся весьма секретно и поспѣшно губернаторомъ. Дегуровъ былъ оправданъ, что и значится въ его формулярномъ спискѣ.

Чтобы предохранить себя на будущее время отъ такихъ непріятныхъ приключеній, а можетъ быть и по другимъ побужденіямъ, въ декабрѣ 1811 г., Дегуровъ вошелъ въ университетъ съ прошеніемъ на Высочайшее имя слѣдующаго содержанія: «по учиненіи на подданство россійской имперіи присяги, Россія слѣдалась мнѣ и всему моему семейству вторымъ отечествомъ; но какъ прозваніе, мною носимое, россійскому языку не свойственно, то по сей причинѣ и желая еще болѣе соединить себя и дѣтей своихъ съ государствомъ, въ службѣ коего нахожусь, имѣю намѣреніе дать своему прозванію россійское словоокончаніе и правописаніе и, слѣдовательно, именоваться Дюгуровымъ», — на что, разумѣется, и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе.

Посмотримъ теперь, какова была профессорская дѣятельность Дегурова въ харьковскомъ университетѣ. Мы не имѣемъ отъ него за все время пребыванія его въ Харьковѣ ни одного въ строгомъ смыслѣ учено-историческаго труда. Можно только составить понятіе объ его общемъ историческомъ міросозерцаніи и *приемахъ* преподаванія на основаніи его актовой рѣчи: «Критика исторіи и ея защищеніе», произнесенной имъ въ торжественномъ собраніи харьковскаго университета въ 1809 году. И это понятіе далеко не въ его пользу. Правда, въ этой рѣчи онъ высказываетъ очень здравую, и для того времени еще не совсѣмъ обиходную, мысль, что въ исторіи нужно обращать вниманіе не на одни политическія отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и главнымъ образомъ, на бытовую сторону жизни народовъ; но общая точка зрѣнія на ходъ событій у него рѣзко-провиденціальная. Исторія для него прежде всего — училище благочестія. Она должна показать добродѣтель торжествующею, а пороки нагазуемымъ, и такимъ образомъ насладать въ сердцахъ нашихъ сѣмена добродѣтели. «Успѣхи великихъ злодѣевъ, — ораторствуетъ Дегуровъ, — не должны увлекать насъ къ подражанію; нужно, по совѣту Солона, дожидаться конца ихъ жизни, а главное — заглянуть въ ихъ душу, чтобы видѣть, счастливы ли они». — Не забываю, что, оцѣнивая какого бы то ни было писателя, нужно имѣть въ виду его время; но именно съ этой точки зрѣнія и нельзя отнести индифферентно къ историческому міросозерцанію Дегурова, такъ какъ оно стоитъ у него ниже

того уровня, на который историческая наука уже поставлена трудами Гиббона, Мабли, Бентама, Робертсона, Монтескье и друг., тѣмъ болѣе, что первое время нашихъ университетовъ давало значительный просторъ свободѣ университетскаго преподаванія. Названные писатели, за исключеніемъ Гиббона, упоминаются впрочемъ—нужно сказать—притомъ съ выраженіемъ сочувствія и уваженія къ нимъ, и у Дегурова, но такое упоминаніе, являясь какимъ-то диссонансомъ, нисколько не измѣняетъ его основного міровоззрѣнія; руководителями его все-таки остаются эти писатели, а Боссюэтъ, начертавшій, по выраженію Дегурова, творческимъ духомъ свое краснорѣчивое изложеніе «о вѣдѣніяхъ царствъ» и въ особенности—воспитанникъ іезуитовъ Сенъ-Реаль (+1692), писавшій трактатъ о томъ, какъ украшать исторію, а средства къ этому—анекдотическій характеръ изложенія и нравоучительныя примѣненія.

Историческая точка зрѣнія у Дегурова—въ сущности точка зрѣнія еще древнихъ церковныхъ писателей, любившихъ писать на тему «о смерти гонителей», которую однакожъ къ тому времени, въ которое жилъ Дегуровъ, стали уже оставлять лучшіе и въ церковныхъ историческихъ писателей. Нельзя поэтому думать, чтобы, при такомъ направленіи, преподаваніе Дегурова было особенно вліятельно и плодотворно.—Такъ понимали профессорскую дѣятельность Дегурова и его сослуживцы. Профессоръ Роммель въ своихъ запискахъ о Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ, отличающихся вообще правдивостію и безпристрастіемъ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку о Дегуровѣ: «по званію, онъ былъ профессоръ исторіи, а въ сущности имѣлъ у насъ значеніе, какъ реверсоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновение университета съ герцогомъ Рипель»¹⁾. Впрочемъ, и о визитаторской дѣятельности Дегурова мы мало имѣемъ свѣдѣній, да едва-ли она также могла быть плодотворна, при незнаніи имъ русскаго языка: во время визитацій харьковскаго округа при немъ всегда состоялъ особый чиновникъ въ качествѣ переводчика.—Правда, намъ остался литературный памятникъ его визитаторскихъ путешествій по южной Россіи, но наблюденія и замѣтки, въ немъ заключающіяся, относятся не къ учебному дѣлу, а къ предметамъ другой сферы; это—сочиненіе «о цивилизаціи востайскихъ татаръ» (на франц. языкѣ, безъ перевода).

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи, рассказавъ кратко исторію

¹⁾ Записки Роммеля переведены на русскій языкъ бібліотекаремъ харьковскаго университета Я. О. Валинскимъ.

поселенія ногаевъ на югѣ Россіи и описавъ ихъ первоначальный кочевой бытъ, авторъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на усиліяхъ просвѣщеннаго правительства цивилизовать ихъ; съ полнымъ сочувствіемъ изображаетъ успѣхи ихъ въ социальномъ живни, благодаря разумнымъ и гуманнымъ мѣрамъ исполнительней правительственныхъ предначертаній, въ особенности графа Мезона (котораго Дегуровъ называетъ своимъ другомъ), любимаго ногаями настолько, что когда, — несмотря на сдѣланное имъ запрещеніе воеванія и отданное приказаніе стронуться, — напалъ одинъ упорствующій аулъ, желавшій остаться при прежнемъ образѣ жизни, то одной угрозы со стороны Мезона, что онъ совсѣмъ откажется начальствовать надъ ними, было достаточно, чтобы смирить непокорныхъ.

Сказавъ о привилегіяхъ, данныхъ русскимъ правительствомъ ногаямъ, выражающихъ такую гуманную заботливость русскаго правительства о покоренныхъ, «примѣра котораго нѣтъ въ западной Европѣ», авторъ выразительно замѣчаетъ: «впрочемъ, вѣдь это Западъ, который величаетъ себя цивилизованнымъ, а насъ считаетъ варварами!»

Выборъ такой благодарной темы для сочиненія несомнѣнно обнаруживаетъ въ авторѣ большой практический тактъ. Такое сочиненіе, представляя значительный литературный интересъ, безъ всякаго сомнѣнія должно было произвести благопріятное для автора впечатлѣніе и въ правительственной сферѣ, какъ сочиненіе, оповѣщающее на обще-европейскомъ языкѣ и, слѣдовательно, доводящее до свѣдѣнія просвѣщенной Европы о мудрыхъ и гуманныхъ дѣйствіяхъ администраціи.

Одновременно съ изданіемъ этого сочиненія, Дегуровъ принялъ дѣятельное участіе въ дѣлѣ, которое еще болѣе должно было обратить на него благосклонное вниманіе высшаго начальства; дѣло это уже рисуется предъ нами Дегурова въ весьма непривлекательномъ видѣ. Мы разумѣемъ изгнаніе изъ университета и изъ Россіи проф. Шада, замѣчательнаго по обширному образованію, хотя и небезупречнаго въ практической жизни. Главною причиною столь крутой мѣры въ официальныхъ бумагахъ министра въ совѣтъ указывается вредный образъ мыслей, обнаруженный имъ въ двухъ сочиненіяхъ («Institutiones juris naturae» и «De viris illustribus Romae») и доведенный до свѣдѣнія министра попечителемъ университета, Потоцкимъ. Но если образъ мыслей Шада могъ казаться вреднымъ министру Голицыну, извѣстному своей мистической враждою къ просвѣщенію, то едва ли онъ, самъ по себѣ, могъ смущать просвѣщеннаго Потоцкаго,

тѣмъ болѣе, что философское направленіе Шада (онъ былъ по-сидрателемъ Шеллинга) было извѣстно университету и до его пріѣзда въ Харьковъ, и во все время его преподаванія. Естественно поэтому искать другой причины катастрофы, постигшей Шада, кромя означенной въ официальныхъ бумагахъ; и вотъ Шада, спустя четыре года, самъ указываетъ на эту причину въ письмѣ изъ Іены къ веймарскому посланнику при нашемъ дворѣ. Въ этомъ письмѣ онъ изясняетъ, что Потоцкій невзлюбилъ его за то, что въ книгахъ, изданныхъ имъ съ одобренія и даже по порученію университета для употребленія въ гимназіяхъ, великій Императоръ, — этотъ мессія Польши въ то время, и великая французская нація описаны мрачными красками, — и поручилъ Дегурову обвинить его книги, что Дегуровъ и сдѣлалъ съ примѣрнымъ усердіемъ, выставивъ его, Шада, человѣкомъ опаснымъ и философію его — пагубною для обучающагося юношества.

Здѣсь, въ этомъ подвигѣ Дегурова, уже заранѣе намѣчается тотъ широкій путь, на которомъ мы увидимъ въ послѣдствіи Дегурова въ его служеніи видамъ готовившейся реакціи.

Къ краткому извѣстію Роммеля, указавшему на визитаторскія и инспекціонныя способности Дегурова, мы можемъ присоединить нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о посѣщеніи Дегуровымъ одесскихъ училищъ, сообщаемыхъ г. Скальковскимъ въ книгѣ: «Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ», на основаніи бумагъ, по смерти Дегурова ¹⁾. Въ первый разъ Дегуровъ былъ командированъ харьковскимъ университетомъ въ Одессу, въ 1812 году, для открытія тамъ коммерческой гимназіи, о которой состоялся еще 16-го апрѣля 1804 года. Въ томъ, 1804 году, въ Одессѣ не было другихъ воспитательныхъ заведеній, кромя приходскаго училища при католической церкви, заведеннаго эмигрантами іезуитами, и двухъ частныхъ пансіоновъ: мужскаго, основаннаго французскимъ эмигрантомъ Де-Вольсей, и женскаго, основаннаго, подъ руководствомъ Вольсея, какимъ-то итальянцемъ Поцци, котораго жена, образованная русская дама, успѣла снискать себѣ большую довѣренность въ городѣ. Эти два частныхъ заведенія Ришелье принялъ подъ свое особое покровительство и, давъ имъ болѣе правильное устройство, назвалъ дворянскимъ институтомъ, 1-го февраля 1805 года. Ришелье предпочиталъ этотъ институтъ публичному училищу, считая его болѣе пригоднымъ для образованія высшаго класса и болѣе благоприятнымъ для введенія дисциплины и лучшаго над-

¹⁾ Дѣл. Сборн. 1859, №№ 3 и 4.

вора за нравственностію дѣтей... Но образованіе въ такихъ заведеніяхъ стоило весьма дорого, слѣдовательно, было доступно только высшему сословію, а потому для низшихъ и бѣдныхъ сословій учреждены были, въ 1805 году, низшіе классы общанной коммерческой гимназій, или такъ-называемое уѣздное и приходское училище, которое посѣщали бесплатно дѣти всѣхъ сословій, отъ бѣднаго чиновника и купца до солдата и мѣщанина; открытіемъ же высшихъ классовъ гимназій герцогъ, по всему видно было, не торопился... Въ 1810 году, графъ Потоцкій, назначивъ Минута директоромъ, на мѣсто уволенного отъ этой должности Вольсея, вмѣнилъ ему въ непремѣнную обязанность образованіе въ Одессѣ гимназію, согласно съ высочайше утвержденнымъ уставомъ, и подчинить ее общему училищному началу харьковскаго округа; но и это не подѣйствовало. Получивъ, въ декабрѣ 1811 года, отъ директора Минута извѣстіе, что гимназія все-таки не открыта, совѣтъ харьковскаго университета рѣшилъ отправить въ Одессу особаго вивитатора. Эта обязанность и возложена была на профессора Дегурова. Дегуровъ пріѣхалъ въ Одессу въ іюнѣ 1812 г., и вотъ нѣсколько отрывковъ изъ отчета его университету.

«Прибывъ въ Одессу, я спрашивалъ у директора института, г. Минута, о причинахъ неуспѣха учрежденія гимназій въ Одессѣ, и съ немалымъ удивленіемъ узналъ, что главною тому причиною есть недостатокъ учениковъ. Одесса находится далеко отъ осклаго дворянства и помѣщиковъ, и тѣ охотнѣе посылали дѣтей своихъ въ Екатеринославль, чѣмъ въ Одессу. Здѣшніе же мѣщане и купцы довольствуются обученіемъ дѣтей въ уѣздномъ училищѣ, да и то старшій классъ посѣщается лишь дѣтьми военныхъ офицеровъ во время ихъ пребыванія въ Одессѣ. Посѣтивъ г. военного губернатора (дюка де-Ришельё), я получилъ отъ него точно такіе же объясненія изустно и на письмѣ. Вотъ сокращенный переводъ этого письменнаго отзыва:

«Г. Минутъ далъ мнѣ знать, что вы, милостивый государь, предполагаете немедленно открыть коммерческую гимназію. Какъ ни желательно имѣть мнѣ учебное заведеніе этой степени въ Одессѣ, но опытъ прежнихъ лѣтъ доказалъ мнѣ всю его бесполезность. Мнѣ вѣжестъ, что намъ должно довольствоваться существующимъ уже (уѣзднымъ) училищемъ. Почти всѣ бѣдные жители посылаютъ туда своихъ дѣтей, но лишь только они выучатся грамотѣ, то берутъ ихъ обратно для употребленія въ своей торговлѣ или же помѣщаютъ у другихъ купцовъ. Я полагаю, что главною причиною есть недостатокъ въ молодыхъ людяхъ,

которые бы могли заниматься торговлею или быть у нихъ помощниками. Вы въ этомъ вскорѣ и сами убѣдитесь, и я полагаю необходимымъ вовсе упразднить предложенную гимназію, а въ существующему училищу присовокупить классъ, въ которомъ бы преподавалась бухгалтерія и вообще счетная часть, въ торговлѣ относящаяся».

Пробывъ нѣсколько дней въ Одессѣ, Дегуровъ однакоже увидѣлъ ясно, что причина неуспѣха учрежденія гимназіи въ Одессѣ была вовсе не тамъ, гдѣ указывалъ ее герцогъ: этою причиною былъ, прежде всего, институтъ, содержавшійся, въ первое время, чужимъ лицомъ и въ его пользу, хотя и подъ особымъ покровительствомъ Ришелье. Слѣдовательно, интересы его были рѣшительно противны интересамъ уѣзднаго училища, которое можно было бы преобразовать въ гимназію. Чтобы унизить это несчастное училище, г. Вольсей даже не дѣлалъ экзамена учащимся, а первое публичное испытаніе своихъ дѣтей одесскіе жители увидѣли уже по желанію Дегурова, послѣ увольненія перваго директора. Въ 1811 году этотъ институтъ, по желанію самого Ришелье, преобразованъ въ казенное заведеніе, съ подчиненіемъ его харьковскому учебному начальству, по выбору котораго и былъ назначенъ директоромъ г. Минутъ. Но препятствіе къ открытію коммерческой гимназіи продолжало тѣмъ не менѣе существовать и теперь—въ отвращеніи герцога къ публичному преподаванію въ училищахъ, какъ противному, по его мнѣнію, сохраненію нравственности учениковъ, и онъ готовъ былъ скорѣе уничтожить свой любимый институтъ, нежели сдѣлать его заведеніемъ открытымъ. Дегуровъ крайне этого опасался, ибо находилъ это заведеніе очень хорошимъ.

Высказывая далѣе собственное мнѣніе объ открытіи гимназіи въ Одессѣ, Дегуровъ писалъ въ отчетѣ: «мнѣ кажется, что для города богатаго и цвѣтущей въ немъ торговли, въ которомъ столько уже иностранцевъ поселилось, образованіе дѣтей въ весьма посредственномъ уѣздномъ училищѣ весьма недостаточно. Я знаю очень хорошо, что торговые города мало способны сдѣлаться сдѣланнымъ музѣ. Но гимназія не есть еще столь высокое учебное заведеніе, чтобы не могло укрѣпиться въ Одессѣ. Иностранцы изучаютъ весьма плохое понятіе о просвѣщеніи Россіи, если увидятъ въ единственномъ городѣ, который они посѣщаютъ на Черномъ морѣ, небольшую только школу, въ которой учатъ кое-какъ грамматикѣ, арифметикѣ и первымъ началамъ географіи и исторіи.

«Нужда въ образованіи столь ясно обнаруживается въ Одессѣ, что здѣшніе греки сами образовали училище, въ 1811 году, въ

которомъ уже имѣется 78 учениковъ; оно имъ обходится въ 3000 руб., хотя имѣютъ всего два учителя. Нѣтъ сомнѣнія, что для дальнѣйшаго образованія греки пожелаютъ имѣть учителей и высшихъ наукъ, и для того, какъ они мнѣ обѣщаютъ, будутъ имѣть особыхъ учителей; но весьма желательно, чтобы таковы были изъ здѣшней гимназій, или же, чтобы дѣти ихъ посылаемы были въ это заведеніе для дальнѣйшаго образованія. Тамъ бы они были въ обществѣ русскихъ дѣтей, понемногу бы съ ними сближались и пріобрѣтали національныя убѣжденія. Въ противномъ случаѣ, отдѣленные отъ туземцевъ, съ первыхъ дней юности, въ своихъ отдѣльныхъ заведеніяхъ, съ своимъ языкомъ и костюмомъ, греки никогда не сольются съ русскими въ одно цѣлое, или же соединятся въ весьма отдаленной будущности. То, что я сказалъ о грекахъ, можно примѣнить и къ другимъ иностранцамъ, которые заводятъ въ Одессѣ частныя училища для своихъ единоземцевъ. Одесса—городъ пограничный, а такіе города должны въ особенности дѣлаться русскими. Да и можно ли допустить, чтобы единственное училище, основанное здѣсь правительствомъ, своимъ состояніемъ и средствами было ниже всѣхъ нами здѣсь поименованныхъ. А наше уѣздное училище можетъ ли когда-нибудь превзойти ихъ».

Несмотря однакоже на такіе доводы въ пользу учрежденія гимназій, Дегуровъ, очевидно, не желалъ стать въ противорѣчіе съ Ришелье, и въ концѣ-концовъ, все-таки, согласно съ его желаніемъ, предложилъ харьковскому университету оставить до времени институтъ въ настоящемъ его видѣ, а открытіе коммерческой гимназій отложить до времени, мотивируя это предложеніе тѣмъ, что «никто лучше герцога не знаетъ средствъ своего города, участію котораго такъ усердно онъ занимался».

Въ заключеніе Дегуровъ рапортуетъ, весьма, впрочемъ, общими, такъ сказать, казенно,—о результатахъ испытаній въ уѣздномъ училищѣ и институтѣ. «По моей просьбѣ,—пишетъ онъ,—герцогъ Ришелье присутствовалъ во все время испытанія и самъ спрашивалъ учениковъ. Съ удовольствіемъ замѣтивъ успѣхи дѣтей онъ благодарилъ учителей, Элькана, Жукова и Камбуроглу, за ихъ усердіе и точность въ исполненіи своего долга. Я назвалъ нѣсколько книгъ въ награду тѣмъ изъ учениковъ, которые по свидѣтельству учителей, наиболѣе отличались своимъ прилежаніемъ, и самъ генералъ-губернаторъ вручилъ имъ эти награды. Въ училищѣ не было учителя рисованія, и г. Жуковъ вызвался для улучшенія, преподавать дѣтямъ это искусство. Я считаю это намѣреніе весьма полезнымъ для города.

«Герцогъ удержалъ меня цѣлую лишнюю недѣлю въ Одессѣ, чтобы присутствовать при публичномъ испытаніи въ его институтѣ. Это дало мнѣ случай познакомиться въ подробности съ этимъ заведеніемъ; *религія, нравственность, образованіе по всемъ важнымъ наукамъ, — ничего изъ нихъ не забыто.* Экзамены продолжались два дня, утромъ и вечеромъ, и генералъ-губернаторъ постоянно при нихъ присутствовалъ, самъ дѣлая вопросы ученикамъ. Воспитанники, окончившіе курсъ наукъ и собиравшіеся въ поступленію въ военную службу, были испытываемы имъ съ особенною строгостью, преимущественно въ математикѣ. Трое изъ нихъ, казалось, наиболѣе воспользовались уроками, которые въ преподавали въ математикѣ, приложенной къ артиллерійскому и инженерному дѣлу. Дѣвичій пансіонъ, находящійся въ другой части города, принадлежитъ тоже къ институту; въ немъ образованіе и воспитаніе столь же хорошее, какъ и въ мужскихъ отдѣленіи; учителя въ обоихъ общіе».

Не прошло однакоже и двухъ лѣтъ, какъ Ришельё самъ долженъ былъ почувствовать всю недостаточность перваго своего учрежденія и необходимость публичнаго училища, чтобы сдѣлать образованіе болѣе доступнымъ для юношества, а потому онъ соимпался наконецъ на открытіе гимназій. Главнымъ совѣтникомъ и помощникомъ его въ этомъ дѣлѣ задуманнаго имъ теперь преобразованія учебной части въ Одессѣ былъ аббатъ Николль, французскій іезуитъ, прибывшій около этого времени въ Одессу съ Востока, давно уже извѣстный во Франціи своею дѣятельностію по части воспитанія юношества. Мысли свои по этому предмету Ришельё за-разъ излагаетъ и въ письмѣ къ Дегурову (на франц. языкѣ), и въ официальномъ отношеніи къ харьковскому университету. Дегурову онъ писалъ (отъ 14-го апрѣля 1814):

«М. г.! Съ этой же почтой посылаю въ университетъ бумагу, въ которой сообщаю свои предположенія относительно здѣшней гимназій. Бѣдствія, испытанныя нами, и разстройство, которое, вслѣдствіе этихъ бѣдствій, оказалось и въ институтѣ, заставили меня подумать о радикальномъ преобразованіи этого учрежденія. Пользуясь пребываніемъ здѣсь аббата Николль, котораго таланты, энергія и опытность хорошо мнѣ извѣстны, я просилъ его составить общій планъ воспитанія, и планъ, который я намѣренъ принять, принадлежитъ всецѣло ему. Разсмотрѣвъ и обсудивъ все, относящееся къ этому интересному предмету, мы пришли къ убѣжденію, что слѣдуетъ, насколько это будетъ возможно, общественную гимназію соединить съ институтомъ такъ, чтобы эти два учрежденія взаимно поддерживали одно другое, и бѣднее,

наравнѣ съ богатыми, могли бы пользоваться отличнѣйшими учителями, какихъ можно было бы привлекать насчетъ воспитанниковъ института. Эту идею я имѣлъ съ самаго начала, но пока институтъ былъ частнымъ пансіономъ, она была неудобно исполнима. Теперь же, когда институтъ сдѣлался училищемъ публичнымъ и казеннымъ, я полагаю — было бы благовременно приступить наконецъ къ этой, столь желательной, организаціи учебнаго дѣла. Чтобы достигнуть цѣли, я имѣю нужду въ содѣйствіи университета, и въ этихъ видахъ я пишу теперь ему, прося прислать профессора для соглашенія по сему предмету, причемъ опредѣленно указавъ на васъ, какъ на лицо, которое я считаю наиболѣе способнымъ помочь мнѣ въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Простите, что я такъ распорядился вами безъ вашего согласія, но, зная вашу ревность къ общественному благу, я надѣюсь, вы не будете гнѣваться на меня».

Официальное же отношеніе герцога харьковскому университету, на которое указывается въ этомъ письмѣ, гласило слѣдующее:

«Прежде нежели приступлю къ изъясненію мыслей моихъ сему почтеннѣйшему ученому сословію, я, какъ удостоенный чести быть членомъ императорскаго харьковскаго университета, поставляю пріятнымъ долгомъ покорнѣйше просить совѣтъ онаго принять отношеніе мое съ свойственнымъ ему расположеніемъ къ распространенію и утвержденію повсюду общественнаго блага.

«Извѣстно, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ населеніе народа примѣтнымъ образомъ увеличивается, должны быть распространены и выгоды общественного состоянія. Не говоря уже о равныхъ въѣздахъ промышленности и торговли, влекущихъ къ себѣ всякаго званія людей, самый лучший, сильнѣйшій и надежнѣйшій способъ заставить отцовъ семействъ полюбить новую страну и употребить всѣ свои дарованія для оживотворенія ея и умноженія средствъ, пользу государству приносящихъ, состоитъ безъ сомнѣнія въ доставленіи дѣтямъ населяющихъ ту землю людей достаточнаго отечественнаго воспитанія. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, по докладу государю императору, предположено было основать въ Одессѣ коммерческую гимназію, и сколько ни было употреблено стараній со стороны начальствовавшихъ въ ней къ поселенію въ родителяхъ желанія оставлять дѣтей до совершеннаго окончанія ученія, но въ полной мѣрѣ успѣть было невозможно, по той болѣе причинѣ, что родители небогатые люди и довольствуются познаніями дѣтей своихъ самыми поверхностными; для сего достаточны были только два низшія отдѣленія, между тѣмъ какъ

нужно было всѣмъ тремъ моему начальству ввѣренныхъ губерній имѣло нужду въ способахъ воспитать дѣтей своихъ сообразнѣе съ званіемъ его и гораздо обширнѣе. На сей конецъ получило основаніе такое воспитательно-учебное заведеніе, т.-е. благородный институтъ, которое существовать должно было только отъ суммъ, вносимой родителями. Заведеніе сіе существуетъ съ немалой пользою уже болѣе восьми лѣтъ. Это самое и желаніе доставить ему твердость и непоколебимость побудили меня сдѣлать въ немъ многія перемѣны, какъ въ отношеніи ученія, такъ и управленія; нельзя изобрѣсти лучшаго плана воспитанія, каковъ нынѣ составленъ. Онъ можетъ быть преимущественно названъ отечественнымъ, ибо основанъ на благочестіи вѣры и знаніи русскаго языка и русской исторіи; онъ классическій, ибо древніе языки не отдѣлены отъ отечественнаго, словомъ, въ институтѣ будутъ преподаваемы всѣ науки и искусства, полезныя и пріятныя, коихъ познанія украшаютъ людей во всякомъ званіи и состояніи.

Предполагая таковымъ способомъ облегчить попеченіе дворянъ о своихъ дѣтяхъ и уменьшитъ издержки, умотребляемыя некоторыми изъ нихъ на воспитаніе дѣтей въ столицахъ, а почтѣ священнѣйшимъ для себя долгомъ не забыть и о дѣтяхъ тѣхъ бѣдныхъ состояній, которыя могутъ получить воспитаніе только въ первыхъ двухъ низшихъ отдѣленіяхъ гимназій. Сближеніе института съ гимназіею кажется было бы не маловажную роль, и потому желательно, чтобы оба заведенія подчинены были одному начальству, а сіе тѣмъ болѣе принесло бы пользу, что учителя одни и тѣ же могли бы давать уроки въ двухъ мѣстахъ и за то имѣли бы двойныя выгоды. Совѣтъ императорскаго харьковскаго университета легко усмотрѣть можетъ изъ сего мое стремленіе, истинное желаніе доставить сему краю всѣ способы прочнаго воспитанія. Я осмѣливаюсь всепокорнѣе просить оный совѣтъ, для надлежащаго усмотрѣнія, удостовѣренія и совѣщанія о семъ предметѣ, нарядить въ Одессу опытнаго и знающаго профессора, который бы на самомъ дѣлѣ увидѣлъ истину всего мною объясненнаго и подавъ бы голосъ свой къ усовершенствованію коммерческой гимназій. Г. профессоръ Дегуровъ былъ уже въ Одессѣ; его знаютъ жители, а онъ знаетъ мѣстное положеніе дома, занимаемаго гимназіею, и всѣ обстоятельства, препятствующія возвышенію оной. Ему, конечно, пріятно было бы нарушить разсмотрѣніе дѣла; впрочемъ, совѣту извѣстнѣе ученыя люди, его составляющіе. — Г. А. Дюль де-Ришаль».

По ходатайству совѣта, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Разумовскій, согласился на отправленіе въ Одессу профессора Дегурова, поручивъ ему однакожь, чтобы при преобразованіи учебныхъ заведеній въ этомъ городѣ, институтъ съ гимназією находился впредь въ вѣдомствѣ университета, ибо хотя одесскій институтъ и находится въ хорошемъ положеніи, но таковымъ состояніемъ своимъ обязанъ онъ попечительному покровительству объ немъ дюка де-Ришелье (27 іюня 1814 года). Получивъ инструкцію университета 5-го августа 1814 г., Дегуровъ отправился въ Одессу, и немедленно по прибытіи занялся исполненіемъ возложеннаго на него дѣла. Онъ нашелъ, что благородному институту, мужскому и женскому, начертанъ уже былъ герцогомъ, по плану аббата де-Николль, уставъ, напечатанный въ Одессѣ подъ заглавіемъ: «Начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ одесскихъ благородныхъ институтахъ». (Одесса, 1814 г., стр. 27 и 11). Въ этомъ уставѣ ученіе распредѣлялось на 8 лѣтъ, по 2 въ каждомъ классѣ, для мальчиковъ, и 6 лѣтъ въ 3-хъ классахъ дѣвицъ. Въ мужскомъ институтѣ все вниманіе обращено было на приготовленіе воспитанниковъ къ гражданской, а еще болѣе къ военной службѣ. Оттого наиболѣе учили математику, даже механику и астрономію, военнымъ наукамъ: артиллерію, фортификацію; философію, русскую и французскую литературу, языкамъ древнимъ, а изъ новыхъ нѣмецкому и французскому въ весьма обширныхъ размѣрахъ, исторію древней и новой, «пріятнымъ искусствамъ» и проч. Дегуровъ находилъ нужнымъ сдѣлать въ этой программѣ такое измѣненіе, чтобы, вмѣсто древняго греческаго, или же вмѣстѣ съ нимъ, учить ново-греческому и итальянскому языкамъ, весьма нужнымъ въ южной Россіи, гдѣ вся торговля находится въ рукахъ итальянскихъ и греческихъ купцовъ, имѣющихъ тѣсныя связи съ южными городами Европы. Кромѣ того, полагалъ присовокупить уроки статистики, коммерческой бухгалтеріи и другихъ, для торговли нужныхъ, свѣдѣній, дабы въ институтѣ богатые молодые люди изъ купеческаго званія могли посвящать себя и коммерціи, если того пожелають. Въ коммерческой же гимназій все было назначено для торговли. Дегуровъ полагалъ, что и въ ней должны быть преподаваемы всѣ тѣ же предметы, что въ институтѣ, дабы и бѣдные дворяне и люди, не могущіе отдавать дѣтей въ институтъ, могли, подобно первымъ, приготовиться не только въ торговое званіе, но и для службы государственной, военной и гражданской, смотря по способностямъ и успѣхамъ въ наукахъ. Подробности же этому дѣлу объясненія его были представлены Ришелье, и онъ, въ письмѣ

своемъ отъ 5-го сентября, вполне ихъ одобрилъ и просилъ сообщить для подлежащаго исполненія совѣту харьковскаго университета. Изъ рапорта по этому случаю Дегурова мы узнаемъ, что въ благородномъ институтѣ плата за ученіе, бывшая въ 1812 году—650 рублей, въ 1814 году достигла уже до 750 р., и, кромѣ того, единовременно вносилось 200 руб. на книги и определенное число платы и бѣла въ годовую пропорцію. Въ низшіи же ученики не платили ничего. Преподаваніе въ двухъ первыхъ классахъ было частью по-русски, частью по-французски; въ двухъ послѣднихъ, за исключеніемъ французской литературы, по-русски. Но внутренняя организація института имѣла свои особенности, которыя не встрѣчались ни въ одномъ учебномъ заведеніи Россіи. Съ цѣлью соблюденія порядка, дисциплины и чистоты нравовъ, воспитанники были совершенно отдѣлены отъ сношеній съ лицами, къ институту не принадлежащими; даже раздѣленіе по классамъ, или, лучше сказать, по возрастамъ было столь тщательное, что не только ученіе производилось въ особыхъ залахъ, но и гулянье въ особыхъ частяхъ сада, безъ сообщенія классовъ между собою. Спальни были не общія, а для каждаго воспитанника особая. Даже и къ родителямъ отпускали не иначе, какъ однажды въ два мѣсяца, отъ полудня до 6 часовъ. Никакая женщина не могла входить въ институтъ. Директоръ, 4 надзирателя и 8 главныхъ учителей жили въ его зданіяхъ.—О женскомъ институтѣ Дегуровъ не распространяется.

Въ 1816 году, Дегуровъ по высочайшему повелѣнію вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ и остался на первый разъ профессоромъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ по кафедрѣ французской словесности. Вызовъ въ Петербургъ былъ сдѣланъ по поводу представленія Дегуровымъ «нѣкоторыхъ проектовъ по части государственныхъ финансовъ», какъ значится въ отношеніи Потопыгина въ университетъ, отъ 27-го іюня 1816 года, по этому предмету. На основаніи матеріаловъ, которыми я располагаю, мнѣ не удалось, къ сожалѣнію, разъяснить сущность этихъ проектовъ, но во всякомъ случаѣ видно, что, когда Дегуровъ отправился въ С.-Петербургъ, почва тамъ для него была уже подготовлена. Императрица Марія Федоровна тотчасъ же по прибытіи отъ представляетъ записку о памятникѣ—въ 4-хъ верстахъ отъ Херсона—извѣстному филантропу Іоанну Говарду. Предположеніе Дегурова возстановить этотъ памятникъ чрезъ министра просвѣщенія князя Голицына было представлено и самому императору, который по поводу этого предположенія приказалъ въ самомъ городѣ воздвигнуть памятникъ Говарду.

Въ то время, когда Дегуровъ представлялся императрицѣ, она предложила ему описать основанную ею больницу для бѣдныхъ, получившую послѣ ея смерти ея имя. Дегуровъ со всѣмъ усердіемъ взялся за это лестное предложеніе, и напечатать въ 1817 году о больницѣ небольшую статью¹⁾, которая, вѣроятно не безъ его старанія, была разобрана въ *Moniteur*'ѣ и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ и нѣмецкихъ журналахъ и газетахъ. Императрица удостоила его за этотъ трудъ въ высшей степени благосклоннымъ рескриптомъ и подаркомъ.

Въ то же время письмомъ статсъ-секретаря Вилламова Дегуровъ приглашался для личнаго представленія императрицѣ.

«Не безъ волненія отправился я въ урочный часъ во дворецъ,—такъ описываетъ Дегуровъ это представленіе,—но благосклонный тонъ императрицы и ея очаровывающая пріятельность меня успокоили скоро. Сдѣлавъ нѣсколько благосклонныхъ вопросовъ о моемъ семействѣ, она спросила меня,—не желать ли бы я вѣрить ей воспитаніе одной изъ моихъ дочерей, именно той, которой было 12 лѣтъ? И когда я почтительно наклонился, чтобы благодарить ее, она сказала: «не спѣшите; прежде чѣмъ рѣшиться, вамъ нужно познакомиться съ моими учрежденіями, чтобы знать, пригодно ли воспитаніе, которое получаютъ тамъ». Затѣмъ она предложила мнѣ сѣсть, говорила со мною въ теченіи $\frac{3}{4}$ часа объ екатерининскомъ институтѣ, воспитательныхъ домахъ, о фабрикахъ въ Александровскомъ и проч., и кончила порученіемъ мнѣ составить исторію и описаніе всѣхъ этихъ учреждений».

Дегуровъ началъ съ воспитательныхъ домовъ, какъ учрежденія, наиболѣе близкаго сердцу императрицы, видимо рассчитывая основать на этомъ трудѣ свою громкую славу не только какъ писателя, но и какъ реформатора по вопросу о приврѣннй подкидышей, притомъ не только въ Россіи, но и во всей Европѣ. Но онъ ошибся въ расчетахъ, и его работа, не встрѣтивъ высочайшаго благоволенія, затянулась болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, пока, наконецъ,—уже много спустя по смерти государыни,—явилась въ печати.

«Выбравъ предметомъ для начальной работы воспитательные дома, говоритъ объ этомъ трудѣ самъ Дегуровъ,—я надѣялся сдѣлать угодное императрицѣ, не прибѣгая къ лести, и выразить признательность за оказанное уже мнѣ вниманіе. Но этотъ выборъ былъ съ моей стороны ошибкой: я не зналъ тогда воспи-

¹⁾ Mémoire sur l'état actuel de l'hôpital impérial des pauvres malades à S.-Petersbourg. S.-Petersbourg. A. Pluchard, 1817.

тательныхъ домовъ... Я прочиталъ съ жадностію доставленные мнѣ матеріалы, и страшное сомнѣніе овладѣло моимъ духомъ. Какъ!—говорилъ я себѣ,—эти дома, открытые религіею и благочестіемъ для дѣтей, бѣдностію, развратомъ или индифферентизмомъ отторженныхъ отъ материнскаго лона, увеличивали число жертвъ, вмѣсто того, чтобы уменьшать ихъ! Возможно ли, чтобы въ теченіи 200 лѣтъ пастыри христіанской церкви, правительства, всѣ писатели политическіе, наконецъ филантропы XVIII вѣка закрывали глаза на факты столь прискорбные? Смущенный, нѣсколько разъ читалъ и перечитывалъ бывшіе у меня подъ руками документы, и чѣмъ болѣе читалъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ дѣйствительномъ существованіи тѣхъ золъ, которыя представлялись мнѣ при первомъ чтеніи. Такой результатъ повергъ мени въ отчаяніе, такъ что одно время я хотѣлъ-было уже оставить воспитательные дома и, вмѣсто того, заняться учебно-воспитательными заведеніями для благородныхъ дѣвицъ, военныхъ сиротъ и т. п. учрежденіями, успѣхи и благосостояніе которыхъ бесспорно обезсмертили имя императрицы. Но размысливъ, что такое отступленіе было бы съ моей стороны постыдною трусостью, что истина и существуетъ, главнымъ образомъ, для правителей, и съ моей стороны было бы преступленіемъ умолчать о ней, я рѣшился продолжать работу и писать по убѣжденію».

Для провѣрки своего мнѣнія свѣдѣніями изъ другихъ странъ на этотъ счетъ, такъ же ли и тамъ пагубно вліяніе воспитательныхъ домовъ на жизнь и судьбу подкидышей и общественные нравы, какъ въ Россіи, или оно представляетъ нѣкоторое утѣшеніе друзьямъ нравственности и человеколюбія, Дегуровъ послалъ рядъ вопросовъ въ Вѣну, Парижъ, Страсбургъ, Руанъ, Флоренцію и многіе другіе города,—и отвѣты, присланные ему, показали, говоритъ онъ, что въ другихъ странахъ было не лучше, чѣмъ въ Россіи.

Работа, предпринятая Дегуровымъ, между тѣмъ сильно затруднялась, по его изъясненію, скудостію матеріаловъ, которыхъ онъ, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ добыть въ желаемой полнотѣ. Секретарь Вилламовъ писалъ ему отъ 20-го іюня 1819 г.:

«Что касается распоряженій, которыхъ вы просите касательно доставленія вамъ недостающихъ свѣдѣній, я буду всѣми мѣрами содѣйствовать исполненію вашего желанія; но, къ сожалѣнію, болѣе всего директоровъ (воспитательныхъ домовъ) представлятъ новыя затрудненія для этого дѣла; кромѣ того, въ бумагахъ, присланной вами, есть вопросы, на которые чиновники оказались въ состояніи отвѣчать, не имѣя навыка къ такому рода

комбинаціямъ и будучи обременены мелочною работою, которая не оставляетъ имъ ни времени, ни охоты — дѣлать выводы и извлекать результаты».

«Два года такимъ образомъ прошло, — говоритъ Дегуровъ, — послѣ того, какъ я взялся за эту работу, — и я начиналъ уже опасаться, чтобы императрица не отнесла на счетъ небрежности моею медлительностью». Поэтому, не откладывая дѣла дальше, онъ препроводилъ къ Вилламову то, что могъ и успѣлъ приготовить (введеніе и дѣй-трети сочиненія), съ обозначеніемъ въ работѣ недостающихъ, за отсутствіемъ матеріаловъ, главъ, прося его при этомъ сказать свое мнѣніе, — можно ли такое сочиненіе, при исправленіи въ немъ необходимыхъ ошибокъ, представить императрицѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ повторилъ ему свою просьбу насчетъ распоряженія о сообщеніи ему недостающихъ матеріаловъ, а также просилъ указать, какія онъ находилъ бы нужнымъ сдѣлать въ сочиненіи измѣненія и поправки. «Что касается моихъ мнѣній, — писалъ онъ на этотъ счетъ, — то смѣю васъ увѣрить, что ни одного изъ нихъ я не буду держаться съ такимъ упорствомъ, чтобы закрыть себѣ доступъ къ истинѣ, если только будетъ мнѣ доказано, что я ошибаюсь. *Я хотя уже и поздно, однако довольно еще юнз, когда дѣло идетъ объ исканіи истины.* Поэтому я васъ прошу не скупиться на исправленія. Если, впрочемъ, вы найдете, что сочиненіе не достойно быть въ рукахъ матери-императрицы, не берите на себя этого труда и бросьте рукопись въ огонь. Все мое горе будетъ только въ томъ, что я не умѣлъ исполнить ожиданій ея величества».

Въ отвѣтъ на это письмо (отъ 18-го мая) Вилламовъ выразилъ свое крайнее сожалѣніе, что, будучи въ теченіи зимы обремененъ множествомъ дѣлъ, онъ не могъ озаботиться доставленіемъ ему нужныхъ свѣдѣній и, выразивъ надежду, что предстоящее лѣто дастъ болѣе досуга для этого дѣла, попросилъ представить болѣе подробную записку на счетъ того, какія именно свѣдѣнія желательно было бы имѣть ему.

Черезъ нѣсколько времени Вилламовъ дѣйствительно указалъ нѣкоторыя поправки, какія, по его мнѣнію, нужно было бы сдѣлать въ сочиненіи, которыми Дегуровъ и воспользовался; но дополнительные документы все-таки не являлись. Тогда Дегуровъ рѣшился представить самой государницѣ, 14-го марта 1821 г., рукопись при письмѣ, въ которомъ, изъяснивъ независимую отъ него неполноту работы, просилъ къ послѣдному труду благосклоннаго снисхожденія.

Въ то же время, въ письмѣ къ Вилламову, напомнимъ ему

еще разъ о недостаткѣ матеріаловъ для составленія исторіи собственно русскихъ воспитательныхъ домовъ, заводитъ рѣчь о томъ, что еще менѣе могъ собрать онъ свѣдѣній о воспитательныхъ домахъ Европы, что, по его плану, должно бы составить вступительную часть труда, а потому считалъ бы весьма полезнымъ, въ видахъ собранія этихъ свѣдѣній, быть отправленнымъ за-границу. «Друзья человѣчества путешествовали и путешествуютъ съ цѣлю посѣщенія тюремъ. Почему нѣтъ у насъ лицъ, которыя бы путешествовали по Европѣ съ цѣлю изученія всего, что касается подкидышей? Не благоразумно ли своевременно поблботиться о воспитаніи дѣтей, чѣмъ исправлять личности, ослѣдствія въ порокѣ?»

Не получивъ въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ ни на то, ни на другое письменнаго отвѣта, Дегуровъ пишетъ императрицѣ (отъ 18-го іюня) другое письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошло болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ я имѣлъ честь писать вашему величеству, прося въ то же время г. Вилламова представить вамъ мое сочиненіе о подкидышахъ. Тогда я говорилъ только о трудностяхъ въ собираніи матеріаловъ. Теперь беру смѣлость изложить вашему величеству нѣкоторыя другія особенности моей работы.

«Когда ваше величество удостоили меня порученіемъ описать воспитательные дома Москвы и С.-Петербурга, и затѣмъ другія учрежденія, состоящія подъ вашимъ августѣйшимъ покровительствомъ, меня одушевляло одно желаніе: содѣйствовать, по мѣрѣ моихъ силъ, тому добру, которому посвящена вся жизнь вашего величества, и именно для этого я считалъ *необходимымъ* *стать въ положеніе совершенно независимое*. Я забылъ, въ чьи руки должна пойти моя работа, и я писалъ съ совершенною свободою и искренностью. Каково бы ни было сужденіе вашего величества о моихъ мнѣніяхъ, въ случаѣ, если они будутъ различны съ вашими, я надѣюсь, что ваше величество отдадите справедливость моимъ намѣреніямъ. *Я могу ошибаться, но я не писалъ ничего противъ убѣжденій*.

«Чтобы мой трудъ представлялъ не одинъ только мѣстный интересъ и чтобы въ нему могли обращаться всѣ, кого будетъ занимать будущность разсматриваемаго мною вопроса, я предпослалъ описанію воспитательныхъ домовъ Россіи вообще исторію подкидышей и законодательства относительно ихъ судьбы отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Я не щадилъ никакихъ трудовъ для того, чтобы изслѣдованіе по этому предмету (котораго до сихъ поръ не доставало въ литературѣ) удовлетворяло

за-разъ—друзей религіи и челоуѣчества. Нужно ли говорить, что ваше величество представлялись тогда моей мысли?

«Еслибы я могъ посѣтить главные воспитательные дома сѣвера Европы, Франціи, Италіи и Испаніи, мое сочиненіе было бы обильнѣе фактами, интереснѣе, а потому имѣло бы и болѣе правъ на вниманіе вашего величества. Въ этихъ видахъ я уже отерпѣлъ переписку съ образованными лицами разныхъ странъ. Я обращался даже къ нѣкоторымъ изъ русскихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ. Но всѣ мои усилія доставили мнѣ лишь нѣсколько мемуаровъ, гдѣ нѣтъ ни наблюденій послѣдовательныхъ, ни вывода результатовъ изъ этихъ наблюденій...

«Итакъ, сочиненіе, представляемое вашему величеству, даже не имѣетъ желаемой полноты,—и я съ крайнимъ сожалѣніемъ представляю его. Я просилъ бы милости представить его вашему величеству лично, еслибы могъ рассчитывать, что оно можетъ, въ настоящемъ его видѣ, удостоиться одобренія со стороны вашего величества. Однакоже, каково бы оно ни было, даже въ настоящемъ его видѣ, оно, надѣюсь, можетъ способствовать къ рѣшенію вопроса о томъ добръ или злѣ, которыя приносятся этого рода учрежденіями и указать, въ то же время, наилучшій способъ призрѣнія и воспитанія этой массы дѣтей, которыхъ общество ни въ какомъ случаѣ не можетъ отринуть, но объ уменьшеніи которыхъ всячески должно заботиться. Можетъ быть, я и обманываюсь въ этой двойной надеждѣ, но во всякомъ случаѣ я желаю попытать значеніе и дѣйствіе моей работы. Итакъ, благоволите, государыня, уполномочить меня подать мое сочиненіе, и въ случаѣ, если удостоится оно одобренія вашего величества, благоволите соизволить на посвященіе его вашему имени. У меня просить его въ Германіи, Франціи и Англіи. Во Франціи петиціи, представляемыя въ палаты управителями разныхъ воспитательныхъ домовъ, даютъ предвидѣть, что эти несчастныя дѣти не замедлятъ быть предметомъ дебатовъ, и я могъ бы льстить себя надеждою, что, при благосмысленности вашего величества, *нѣкоторые лучи света съ береговъ Навы момъ бы служить къ разъясненію этого вопроса на берегахъ Сены.* Однимъ словомъ, я желаю, чтобы моя работа, если она достойна того, не погибла ни для моей репутаціи, ни для дѣтей, которыхъ останутся послѣ меня, ни для потомства».

Въ отвѣтъ на это письмо, Вилламовъ, по порученію императрицы, писалъ, отъ 13-го іюня: «са императорское величество, въ отвѣтъ на письмо, которое вы ей адресовали, поручила мнѣ извѣстить васъ, что она имѣетъ величій цѣнить то усердіе, съ ко-

тормъ вы занимались вашимъ сочиненіемъ о найденныхъ, и что если она еще не прочла его, то это потому, что время не позволило ей сдѣлать этого съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ она желаетъ отнестись къ чтенію сочиненія столь важнаго и такъ живо ее интересующаго. Ея императорское величество предполагаетъ посвятить этому чтенію первые досуги, какими она можетъ располагать, и, какъ скоро прочитаетъ, не замедлитъ сообщить вамъ свои замѣтки».

Не получая отъ императрицы этихъ замѣтовъ, Дегуровъ много отложилъ свое сочиненіе о воспитательныхъ домахъ, ссылаясь, впрочемъ, въ этомъ случаѣ (въ предисловіи къ сочиненію о воспитательныхъ домахъ) опять-таки на недостатокъ нужныхъ для него матеріаловъ, и, сверхъ того, на профессорскія занятія въ с.-петербургскомъ университетѣ, гдѣ онъ сначала преподавалъ тотъ же предметъ, что и въ главномъ педагогическомъ институтѣ, именно французскую словесность, а потомъ занялъ кафедру исторіи. Самъ Дегуровъ объ этомъ перемѣщеніи на кафедру исторіи выражается обще и не совсѣмъ ясно: «с.-петербургскій университетъ, говоритъ онъ, лишился многихъ изъ своихъ профессоровъ, въ томъ числѣ профессора исторіи, человека *почтеннаго* (замѣтилъ этотъ отзывъ самого Дегурова объ его предшественникѣ для сравненія съ его же дѣйствіями въ отношеніи къ этому лицу, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь впереди) и въ настоящее время извѣстнаго драматурга въ Германіи: мнѣ пришлось заступить его мѣсто и читать студентамъ лекціи на латинскомъ языкѣ». Но намъ необходимо разъяснить обстоятельства этого перемѣщенія, такъ какъ они въ высшей степени характеристичны, какъ для тогдашняго времени, такъ и для личности Дегурова.

Время, къ которому мы подошли теперь, — двадцатые годы текущаго столѣтія, извѣстные въ исторіи русскаго просвѣщенія какъ время мистической реакціи просвѣщенію, которая, начавшись еще со времени священнаго союза, къ этому времени достигла крайняго напряженія. Прежде всего, эта реакція коснулась казанскаго университета, преобразованіемъ котораго явился пользующійся столь печальною извѣстностью Магницкій. Инструкція, которая была дана имъ для казанскаго университета, предписываетъ философію преподавать на основаніи посланій апостола Павла къ Колоссянамъ и Тимофею. Начала политическіе науки преподаватели должны извлекать изъ Моисея, Давида, Соломона; отчасти изъ Платона и Аристотеля. При изложеніи всеобщей исторіи руководствоваться должно сочиненіе Босслета. Въ курсѣ древнихъ языковъ необходимо зна-

комить слушателей преимущественно съ произведеніями христіанскихъ писателей: св. Василия, Аѳанасія, Іоанна Златоуста. Профессоръ физики обязанъ во все продолженіе своего курса указывать на премудрость Божію и ограниченность нашихъ чувствъ и ума для познанія непрестанно окружающихъ насъ чудесъ. Профессоры медицинскаго факультета должны принять всевозможныя мѣры, чтобы отвратить то ослабленіе, которому подвергаются многіе изъ медиковъ, впадая въ гибельный матеріализмъ. Въ лекціяхъ словесности на первомъ планѣ должна быть библія, какъ величайшій образецъ литературнаго совершенства.

Эта оригинальная инструкция предписана въ 1821 году министромъ народнаго просвѣщенія, кн. Голицынымъ, въ руководство и с.-петербургскому университету; и не замедлила произвести здѣсь свое дѣйствіе. Исправлявшій должность попечителя петербургскаго округа, Руничъ, послушный исполнитель внушеній Магницкаго, представилъ главному правленію училищъ, что философскія и историческія науки преподаются въ университетахъ въ духъ противномъ христіанскому, и въ умахъ студентовъ въоружаются идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Обвиненіе это сдѣлано на основаніи тетрадей, отобранныхъ у студентовъ, составлявшихъ лекціи. Вслѣдствіе этого немедленно приостановлены лекціи профессоръ: Галича — по философіи, Раупаха — по исторіи, Германа и Арсеньева — по статистикѣ, — и затѣмъ, для изслѣдованія дѣла, въ университетѣ происходили, подъ предсѣдательствомъ Рунича, чрезвычайныя собранія 3, 4 и 7-го ноября 1821 года, продолжавшіяся непрерывно въ теченіи 9-ти и даже 11-ти часовъ. Всѣмъ дѣломъ заправлялъ Руничъ и директоръ университета, бывшіе въ одно и то же время и обвинителями и судьями. Частности этого дѣлопроизводства, тогда же дошедшія до общаго свѣдѣнія въ столицѣ, не могли не возбуждать изумленія: пренебрежены были не только принятая формы, но и забыто всякое приличіе въ отношеніи къ мѣсту и лицамъ. Такъ, Руничъ открыто въ собраніи, не стѣсняясь, называлъ профессоровъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности, бунтовщиками, возмутителями, зажигателями, государственными измѣнниками; тетради ихъ называлъ гадеными, мерзкими, чтобы взять ихъ въ руки и къ тому еще смердящими; онъ даже предлагалъ ихъ нюхать кому угодно, показывая, съ своей стороны, отвращеніе отъ какого-то дурного въ нихъ запаха.

Ко всему этому присоединялось какое-то мистическо-шутковское глумленіе, съ каемъ наука призывалась предъ трибуналъ

ири,—глумленіе, которое по истинѣ было бы смѣшно, если бы не имѣло такихъ печальныхъ послѣдствій. Такъ, обвиняя Галича, преподавателя философіи, въ невѣріи и безбожіи, Руничъ сказалъ: «вы явно предпочитаете язычество христіанству, распутную философію дѣйственной невѣстѣ Христовой церкви,—безбожнаго Банта—самому Христу, а Шеллинга—и Духу Святому». И когда Галичъ на предложенные ему вопросные пункты нашелъ болѣе благоразумнымъ, вмѣсто всякихъ оправданій, просить не поминать грѣховъ юности и невѣдѣнія, Руничъ бросился обнимать, цѣловать и поздравлять его, называя его заблудшею овцой, блуждающимъ, обращеннымъ, просвѣтившимся; онъ увѣрялъ все общество, что обращеніе это есть чудесное дѣйствіе благодати божіей; что въ сію самую минуту благодать воснула въ сердца Галича, что только слѣпотствующій умъ того не видитъ, что признаніе Галича относится къ славѣ Спасителя міра, что пастырь овецъ поднялъ его на рамена свои и несетъ уже въ домъ израильтянъ. И изъ-за чего же поднята была вся эта тревога? Обвинительные пункты противъ профессоровъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ,—такого рода, что (по замѣчанію одного тогдашняго профессора с.-петербургскаго же университета, участвовавшего въ производствѣ этого дѣла и оставившаго о немъ записку, откуда мы и заимствуемъ свѣдѣнія по этому предмету, именно проф. Плисова ¹⁾) могли бы скорѣе служить доказательствомъ той истины, что нѣтъ на свѣтѣ ничего столь невиннаго, чтобы не могло быть вменено въ вину или даже преступленіе. Такъ, проф. Раупахъ обвинялся между прочимъ за мысль: «не слѣдуетъ думать, чтобы реформація была только дѣломъ Лютера или Кальвина; она была результатомъ общественнаго мнѣнія, того мнѣнія, что разныя злоупотребленія вошли въ церковь со стороны властвующихъ государей, что надо постановить преграду папской власти»; въ этомъ усмотрѣно было неуваженіе Раупаха къ религіи. Точно также профессоръ Арсеньевъ былъ обвиненъ въ томъ, что дерзнулъ раскрывать высочайшую государственную тайну, а это открытіе государственной тайны состояло въ томъ, что въ напечатанной имъ книгѣ онъ говорилъ, между прочимъ, о суммѣ вынужденныхъ въ обращеніе ассигнацій, основывая статистически эти свѣдѣнія не только на публичныхъ актахъ, но и на всеміру извѣстныхъ манифестахъ, изданныхъ во всенародное извѣстіе. Подобнымъ же образомъ ставились Арсеньеву въ вину высказы-

¹⁾ Записка напечатана въ „Чтеніяхъ въ импер. общ. ист. и древн. рос.“, 1886 г., кн. 3.

ния имъ мысли о томъ, что свободный трудъ производительнѣе крѣпостного, и что лучшее поощреніе промышленности заключается въ гражданской свободѣ,—хотя мысли эти, по замѣчанію профессора Балугьянскаго, тоже находятся въ актахъ нашего правительства, въ актахъ европейской политики, у лучшихъ писателей по политической экономіи.

Ничего не хотѣли принять въ оправданіе Арсеньеву, даже и того обстоятельства, что теорію статистики, напримѣръ, онъ преподавалъ по печатной книгѣ профессора Германа, изданной въ 1807 году отъ главнаго правленія училищъ и одобренной правительствомъ. «Это не послужитъ вамъ въ оправданіе, что книга напечатана и одобрена отъ правительства: тогда было время, а теперь другое», — многозначительно замѣтилъ Руничъ.

Таково въ общихъ чертахъ это знаменитое дѣло, обратившее на себя вниманіе не только столицы, но и всей Россіи, а отчасти даже и Европы.

Интересно видѣть, какъ во всемъ этомъ дѣлѣ держалъ себя Дегуровъ, онъ, — который съ такимъ благородствомъ заявлялъ о свободѣ мысли и о своей смѣлости говорить правду предъ самими царями. Посмотримъ, какъ высказался онъ относительно обвиняемыхъ профессоровъ, и въ томъ числѣ, по его собственнымъ словамъ, почтеннаго Раупаха.

Имя профессора Дегурова два раза встрѣчается въ производствѣ этого дѣла, именно въ засѣданіи 3-го ноября, когда разсматривалось дѣло собственно двухъ профессоровъ, Германа и Раупаха, и каждый разъ какъ сторонника, или, точнѣе — прислужника Рунича. Отобравъ отъ профессоровъ Германа и Раупаха отвѣты по обвинительнымъ противъ нихъ пунктамъ, — отвѣты, состоявшіе въ томъ, что въ выпискахъ изъ студенческихъ тетрадей есть превратныя мысли, которыхъ они не могутъ признать за свои, и что они просятъ законныхъ средствъ въ оправданію, — Руничъ предложилъ собранію слѣдующіе вопросы:

«Принявъ въ соображеніе неудовлетворительность отвѣтовъ, данныхъ профессорами Германомъ и Раупахомъ съ одной стороны, а съ другой — важность, заключающуюся въ вопросахъ, на которые сдѣланы отвѣты, и личное поведеніе профессора Раупаха въ общемъ присутствіи, остается, для исполненія предписанія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, рѣшить: каковаго мнѣнія конференція о преподаваемыхъ ими ученіяхъ и о благонадежности ихъ, какъ наставниковъ юношества».

Тутъ явно оказалось, замѣчаетъ Плисовъ, что «многіе члены не только были предупреждены на счетъ этого вопроса, но вразумлены и на счетъ отвѣта на оный, ибо адъюнкты-профессоры Роговъ, Поповъ и Щегловъ, не дожидаясь, пока сей вопросъ будетъ написанъ, при самыхъ первыхъ, диктованныхъ Руничемъ словахъ, изъ вонхъ другіе еще ничего понять не могли, начали писать мнѣнія и отвѣты. Имъ послѣдовалъ и профессоръ *Дегуровъ* (вмѣстѣ съ двумя другими, Толмачевымъ и Зайковскимъ). Когда всѣ остальные профессора осмѣлились предсказать, что на этотъ вопросъ нельзя еще отвѣчать, что Руничъ сѣ повторялъ прежде неоднократно, что «мы здѣсь не для того, чтобы судить и дѣлать рѣшительныя опредѣленія, и что,—согласно съ желаніемъ и совершенно законнымъ требованіемъ обвиняемыхъ,—имъ надлежитъ предоставить всѣ законныя средства къ оправданію, тогда Руничъ, немного подумавши, видоизмѣнилъ форму вопроса такимъ образомъ: «какого же мнѣнія конференція о преступленіяхъ, въ которыхъ оныя профессора обвиняются (невіріе, безбожіе и проч.)?» — «Сіи преступления ужасны, но еще въ отношеніи къ обвиняемымъ не доказаны», былъ отвѣтъ. — «А выписки, присланныя изъ главнаго правленія училищъ?» говорилъ Руничъ; потомъ предложилъ вопросъ: «судя по выпискамъ, присланнымъ изъ главнаго правленія училищъ, какого мнѣнія конференція о подобномъ ученіи?»

Между тѣмъ, какъ приготовлялись писать мнѣнія на этотъ вопросъ,—адъюнкты-профессоры Роговъ, Поповъ и Щегловъ начали читать свои, готовые уже и притомъ безусловныя, мнѣнія на вопросъ такъ, какъ онъ предложенъ былъ Руничемъ прежде. Роговъ читалъ первый. Высказавшись относительно мягко о Германѣ, онъ осуждалъ Раупаха во всемъ и полагалъ, что «онъ не заслуживаетъ никакой довѣренности». — «Причина тому понятна, замѣчаетъ Плисовъ: каведра Раупаха ему обѣщана и, сверхъ того, другія лестныя награды и знаки отличія». — Потомъ читалъ свое мнѣніе Щегловъ, которому обѣщана каведра физики и тоже знаки отличія. И онъ также,—щадя до нѣкоторой степени Германа,—съ ожесточеніемъ упоминалъ о Раупахѣ, считая его *безнадежнымъ*, причемъ не оставилъ безъ вниманія даже того, что, посаженный изъ особой удаленной отъ присутствія залы собраний, Раупахъ, при входѣ въ присутствіе, сѣлъ на одно изъ стоявшихъ въ особомъ ряду позади стульевъ. — «Браво, прекрасно, неподобно—повторялъ Руничъ. Вотъ каковы должны быть мнѣнія. — Гг! Я напередъ объявляю, что я мнѣнія г. Щеглова.

Я очень радъ, г. Щегловъ, что вы имѣете такую твердость; я почти не сомнѣвался... и т. п.

Директоръ улыбался, нѣкоторые изъ членовъ ему въ томъ подражали; прочіе были поражены изумленіемъ и негодованіемъ по поводу такого работѣнно-наглаго отзыва молодыхъ людей, которыхъ еще весьма недавно видѣли за ученической скамьею. Это изумленіе и негодованіе возрасли еще болѣе, когда, вслѣдъ за тѣмъ, адъюнктъ Поповъ и потомъ проф. Дегуровъ и Толмачевъ (воимъ, замѣчаетъ Плисовъ, тоже обѣщаны награды и знаки отличія) начали читать свои мнѣнія такого же содержанія и въ такомъ же духѣ и тонѣ.

Въ отпоръ этимъ прислужникамъ Руничу, остальные профессора (Плисовъ, Ржевскій, Вишневскій, Шармуа, Деманшъ, Числовъ, Грефе, Балугьянскій и Лодій, также директоръ училищъ Тимковскій), не признавая по такому производству дѣла обвиняемыхъ профессоровъ ни виновными, ни невинными, — дали свое мнѣніе только условно — въ томъ смыслѣ, что, судя по выпискамъ, ученіе, въ нихъ содержимое, подлежитъ отверженію, и что тотъ, кто преподавалъ бы такое ученіе, не заслуживалъ бы никакого довѣрія. — А проф. Шармуа въ письменномъ своемъ мнѣніи сказалъ: «я не компетентенъ отвѣчать на этотъ вопросъ». — Это послѣднее обстоятельство дало новый поводъ отличиться Дегурову. Нужно замѣтить, что Руничъ не выражумѣлъ словъ Шармуа, принявъ ихъ за оспариваніе у него президентскаго права предлагать вопросы, и потому съ ужаснымъ ожесточеніемъ устремился на проф. Шармуа. Директоръ постарался вырвать это письменное мнѣніе изъ рукъ Шармуа, но Шармуа подалъ его самъ, изъясняя при этомъ, что гнѣвъ его превосходительства основывается на недоразумѣніи, что ему и на мысль не приходило оспаривать его и вообще чьи-либо права. — «Вы нарушили права цѣлаго собранія, которое въ лицѣ моемъ обижается и должно обижаться», — сказалъ Руничъ, и, на основаніи такого соображенія, поставилъ слѣдующій вопросъ: «позволительно ли профессору Шармуа оспаривать права президента, или смѣетъ ли онъ то дѣлать?» — Всѣ отвѣчали, что непозволительно, не смѣетъ въ томъ смыслѣ, что къ Шармуа это нисколько и не относится. — Вслѣдъ за этимъ Руничъ поставилъ другой вопросъ: «какимъ почитаетъ конференція поступокъ Шармуа, и чего онъ достоинъ?» Всѣ принялись писать мнѣнія.

«Тутъ проф. Дегуровъ, — пишетъ Плисовъ, — заботясь о чести г. Руничу болѣе нежели о своей собственной, и сѣдя подлѣ проф. Шармуа, началъ говорить ему нѣчто на ухо, а потомъ,

обратись къ Руничу, сказать, что проф. Шармуа согласится простить прощенья. Руничъ догадался. Шармуа молчалъ и неизвѣстно ни малѣйшаго желанія то сдѣлать. Директоръ началъ вынуждать его простить прощенья, угрожалъ ему въ противномъ случаѣ всѣми бѣдствіями суда по формѣ; но Шармуа продолжалъ молчать. Тогда Руничъ, съ своей стороны, началъ говорить гораздо снисходительнѣе, однакожь *показывать*, что простить Шармуа не можетъ. «Какъ Руничъ, какъ христіанинъ,—сказалъ онъ,—я бы васъ охотно простилъ, но какъ президентъ, въ лицѣ моего Шармуа обидѣлъ все собраніе, не могу простить».

Тутъ Шармуа безъ дальнѣйшаго затрудненія всталъ и, обратясь къ членамъ собранія, произнесъ слѣдующія слова: «если вы, гг., обижаетесь моимъ кажимъ-либо неумышленнымъ поступкомъ, то я поворѣйше прошу простить меня». Всѣ члены изъяснили чистосердечное согласіе. Съ примѣтною радостію схватили Руничъ всѣ бумаги: мнѣнія членовъ о томъ, смѣетъ ли Шармуа (или кто-либо другой) оспаривать права президента, и самое мнѣіе Шармуа на общій, предложенный Руничемъ, вопросъ о профессорахъ Германѣ и Раупахѣ, и изорвалъ тутъ же.—Такъ, находчивою услужливостію удалось Дегурову оправить нѣсколько вышедшихъ въ просакъ начальство.

Представляя министру народнаго просвѣщенія докладъ о происшедшѣмъ этого дѣла, Руничъ, обративъ вниманіе министра на усердную и полезную службу директора университета, прибавилъ тутъ же: «вслѣдъ за симъ не премину представить равно кѣмъ и о другихъ чиновникахъ университета, заслуживающихъ поощреніе какъ по своимъ способностямъ и знаніямъ, такъ и по нравственнымъ качествамъ и усердію къ общему благу, въ которыхъ, въ продолженіе шести-мѣсячнаго управленія моего университетомъ, я имѣлъ неоднократные случаи удостовѣриться».—Въ числѣ этихъ «заслуживающихъ поощренія», само собою понятно, и надо полагать—даже на первомъ планѣ, былъ и нашъ Дегуровъ и, какъ таковой, тотчасъ же по удаленіи Раупаха занялъ его касседу (1823 г.).

Рѣчь, сказанная имъ въ торжественномъ собраніи университета, вычитательно показала всѣмъ, что, поощряя его, не ошибались въ немъ. Въ этой рѣчи, написанной по мысли и указаніямъ вліятельныхъ лицъ министерства, ораторъ, объясняя направление, данное министерствомъ университетскому преподаванію, говорить: «Развитіе нечестія, грозившее цивилизаціи и обществу по порядку, остановлено священнымъ союзомъ, открытымъ истиннымъ свѣтъ, и правительства сознали священную обя-

занность поспѣшить удалить изъ преподаванія всѣ вредныя доктрины. Съ того времени, какъ въ известной части Европы общественное воспитаніе перестало управляться духомъ религіи, что выиграли отъ этой свободы науки философскія, политическія и моральныя? Нѣтъ ни одной, которая имѣла бы даже прочную, всѣми признанную основу, такъ что въ этомъ отношеніи почти столько же системъ, сколько профессоровъ. Итакъ, въ интересахъ какъ общественнаго порядка, такъ и самаго знанія, нужно возвратить религіи ея права. Недостаточно, чтобы она была предметомъ университетскаго преподаванія наравнѣ съ другими предметами, но нужно еще, чтобы она властительно вліяла на преподаваніе другихъ предметовъ. Она должна ввести въ границы науку естественнаго права, предполагающую какое-то, въ сущности никогда не существовавшее, естественное состояніе чловѣка и производящую изъ этого состоянія какое-то химерическое равенство, ведущее только къ неповиновенію и революціямъ. Должна обуздать дерзость естественныхъ наукъ, усиливающихъ подорвать факты міротворенія, всемірнаго потопа и другіе несомнѣнные факты, о которыхъ повѣствуется въ священныя книги. Должна наконецъ, руководить историческими изслѣдованіями... Какъ спеціалистъ, какъ профессоръ исторіи, ораторъ, понятно, съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на этомъ предметѣ. Взгляды его на этотъ счетъ, въ сущности впрочемъ тѣ же самыя, извѣстныя уже намъ взгляды, высказанные имъ въ Харьковѣ въ рѣчи: «Критика исторіи и ея защищеніе»; только здѣсь они являются менѣе колеблющимися и болѣе, такъ сказать, «утвержденными на камени вѣры». О Бентамѣ, Мабли, Робертсонѣ, Монтескье и т. п. писателяхъ, разумѣется, нѣтъ уже болѣе и помину. Одинъ великій и вдохновенный Боссюэтъ долженъ служить для историковъ путеводною звѣздой. — Слѣдуя возвышенному плану, начертанному имъ, исторія на каждомъ шагѣ должна представлять намъ подтвержденіе библейскихъ преданій, напр. о сотвореніи чловѣка, грѣхопаденіи и проч..., и всюду указывать намъ пути Промысла, управляющаго міромъ; она должна показать намъ, какъ Богъ раздаетъ скиптры и короны, какъ онъ возвышаетъ одного и уничижаетъ другого (Псал. 80, ст. 8), и держитъ въ своей рукѣ этотъ таинственный фіалъ гнѣва, который поочередно должны пить грѣшники земли (Псал. 75, ст. 9). — Отъ неблагонамѣреннаго преподаванія исторіи и политическихъ наукъ, отрѣшенныхъ отъ всякаго религіознаго вліянія, произошло чудовищное ученіе, которое произвело въ наше время столь ужасное бѣдствіе, — ученіе о верховенствѣ народа. Правильно препода-

данная исторія должна доказать, что никогда ни въ одной странѣ не было другой власти, кромѣ власти правительства, сосредоточивается ли оно въ лицѣ одного или въ лицѣ многихъ, и индивидуумы, составляющіе народъ, суть не что иное, какъ подданные закона или правительства—его живого выраженія. Точно также исторія должна доказать на всемъ протяженіи вѣковъ происхожденіе монархическаго образа правленія предъ всѣми другими; она должна изобразить постепенное разложеніе республики вслѣдствіе прогресса цивилизаціи, разрушающей республиканскія начала и уквѣпляющей монархію; она должна показать также, какъ избирательныя монархіи, волнуемыя междоусобіями, въ виду грозившей имъ гибели, находили свое спасеніе въ монархіи наследственной, составляющей такимъ образомъ самую высшую и цѣлесообразную форму правленія. Такъ смотрѣли на нее болѣею частью древнихъ философовъ, сравнивая правителя съ отцомъ семейства—образъ поистинѣ трогательный, когда мысль переносится на августѣйшаго монарха, въ рукахъ котораго судьбы нашего государства,—а главное, авторитетъ наследственной монархіи и преимущество ея предъ другими формами правленія утверждается св. писаніемъ, которое говоритъ, что самъ Богъ благословилъ дать власть дому Давида и Соломона».

Эта рѣчь, по словамъ самого Дегурова, доставила ему много враговъ и даже отдалила отъ него самыхъ умѣренныхъ людей, которыхъ онъ уважалъ и дружбу съ которыми весьма цѣнилъ. Это однакожъ нисколько не смутило его. На упреки за тенденціозность рѣчи, онъ отвѣчалъ, что въ философскихъ и политическихъ тѣсахъ, которые въ теченіи 2000 лѣтъ служатъ предметомъ нескончаемыхъ споровъ, правительство имѣетъ право дать программу положеній, которыя оно считаетъ необходимыми для поддержанія своей власти, отъ которыхъ зависитъ спокойствіе общественное и счастье подданныхъ, — что онъ считалъ и считаетъ себя обязаннымъ обвинять правительство настолько, насколько его распоряженія не оскорбляли бы его совѣсти, и что, еслибы это случилось, онъ тотчасъ бы попросилъ себѣ отставку; но что пока онъ будетъ оставаться на своемъ посту, правительство можетъ разсчитывать на его вѣрность.

Сущность своей профессорской дѣятельности въ петербургскомъ университетѣ прекрасно очерчиваетъ самъ Дегуровъ въ слѣдующихъ словахъ: «повидимому, преподавши тотъ же самый предметъ и на томъ же языкѣ въ Харьковѣ въ теченіи 10 лѣтъ, я не долженъ бы былъ затрудняться новыми занятиями; но такъ какъ я не имѣлъ времени думать, чтобы курсъ которинъ,

читанный мною на языкъ мертвомъ; былъ настолько цѣненъ, чтобы стоило его сохранять, то я долженъ былъ возобновить его редакцію, тѣмъ болѣе, что считалъ нужнымъ, сверхъ того, ввести въ него доктрины, усвоенныя правительствомъ о происхожденіи власти, о верховныхъ правахъ народа, о монархіи и республикѣ и проч., и проч., доктрины, общія идеи которыхъ находятся въ рѣчи, произнесенной мною въ торжественномъ собраніи университета, отъ 28-го февраля 1823 года».

Дѣятельность, какъ видимъ, не очень сложная; все дѣло было въ томъ, чтобы припомнить старое и дать ему соотвѣтственный требованіямъ времени колоритъ. Занятіямъ этого рода самъ Дегуровъ даетъ однакоже громадное значеніе, называя ихъ работами необычайными (*les travaux extraordinaires*); эти необычайныя работы отвлекли его отъ сочиненія о воспитательныхъ домахъ, они разстроили даже его здоровье и заставили проситься на годъ за границу. Въ сущности же онъ, конечно, просто хотѣлъ воспользоваться благоприятными теперь для него обстоятельствами, чтобы привести въ исполненіе свою идею о поѣздкѣ за границу, чему, какъ мы видѣли, мало сочувствовала императрица. Въ своихъ расчетахъ на этотъ разъ онъ не ошибся. Императоръ Александръ благосклонно далъ ему просимый отпускъ, благоволивъ не только оставить за нимъ содержаніе, но, вромѣ того, дать еще субсидію въ 450 рублей.

Предпринимая путешествіе за границу, Дегуровъ не преминулъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ случаемъ, чтобы вновь напомнить императрицѣ о себѣ и своемъ сочиненіи, и въ этихъ видахъ писалъ ей (отъ 10-го апрѣля 1824 года):

«Вотъ уже три года, какъ ваше величество удостоили сообщить мнѣ, что если вы еще не читали моей исторіи о найденныхъ, то потому, что не имѣли для этого досуга. Я не смѣю надѣяться, чтобы у вашего величества нашелся и когда-нибудь досугъ для этого дѣла. Всѣ годы вашего величества идутъ похоже одинъ на другой. Не всѣ ли они равно отданы обязанности и заботамъ, которыя ваше величество сами возложили на себя по любви къ человечеству, для благосостоянія учрежденій, состоящихъ подъ вашимъ августѣйшимъ покровительствомъ? И я былъ бы очень огорченъ, еслибы для такой работы, какъ моя, ваше величество отдали хотя одну минуту отъ занятій, столь благородныхъ. Съ другой стороны, я очень радъ, что мое сочиненіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ теперь, еще не читано вами. Я желалъ бы даже, чтобы рукопись сейчасъ была уничтожена. Въ новой редакціи оказалось бы меньше недостат-

ковъ послѣ тѣхъ изысканій, которыя я дѣлалъ въ теченіи трехъ лѣтъ и новыхъ, которыя предполагаю сдѣлать въ теченіи 12-ти-мѣсячнаго отпуска за границу, дарованнаго мнѣ государемъ императоромъ для поправленія моего здоровья. Я рассчитываю посѣтить наиболѣе значительные воспитательные дома, о которыхъ путемъ корреспонденціи я не могъ собрать свѣдѣній, и ближайшую зиму хотѣлъ бы издать всю мою работу въ Парижѣ, еслибы ваше величество соизволило на это. А мнѣ, въ моемъ преклонномъ возрастѣ, очень и очень пора подумать объ этомъ. Семь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я взялся за эту работу. Не желая печатать ничего безъ предварительнаго одобренія, я жима жалѣю, что лишенъ на мою работу замѣчаній вашего величества, на которыя подалъ мнѣ надежду г. Вилламовъ его письмомъ отъ 30-го іюня 1821 года. Это для меня потеря немыслимая. Еслибы кто-нибудь, имѣющій счастье пользоваться довѣріемъ вашего величества, взялъ на себя трудъ руководить меня въ выборѣ фактовъ и указать, что слѣдуетъ мнѣ измѣнить въ моей работѣ, я трудился бы съ болѣею увѣренностію и, наконецъ, можетъ быть, достигъ бы предполагаемой цѣли. Впрочемъ, я не думаю, чтобы въ моемъ сочиненіи было хотя одно слово, неблагопріятное воспитательнымъ домамъ московскому и петербургскому, равно какъ и зависящимъ отъ нихъ финансовымъ учрежденіямъ, съ тѣхъ поръ, какъ они находятся подѣ высокой администраціей вашего величества. Я убѣжденъ даже, что въ цѣлой Европѣ нѣтъ лучшихъ домовъ этого рода. Мои критическія замѣтки, вырванныя у меня силою истины, относятся къ недостаткамъ, свойственнымъ вообще учрежденіямъ этого рода,—недостаткамъ, которыхъ не въ состояніи исправить никакая человѣческая сила. Если я не ошибаюсь, долгое путешествіе, предпринимаемое мною, исправить мои идеи и я чистосердечно сознаюсь въ своихъ заблужденіяхъ».

Не получивъ на это письмо отвѣта, Дегуровъ отправился, 24-го мая 1824 года, за границу, сначала въ Пирмонтъ, гдѣ оставался около мѣсяца—собственно для леченія, затѣмъ объѣзжалъ важнѣйшіе города Европы, всюду собирая потребныя для него свѣдѣнія. Въ теченіи этого долгаго путешествія онъ не встрѣтилъ (такъ, по крайней мѣрѣ, самъ онъ говоритъ) ни одного факта, противорѣчившаго тому неблагопріятному мнѣнію, которое онъ нѣсколько составилъ о воспитательныхъ домахъ. «Возвратившись въ Петербургъ, я не смѣлъ,—говоритъ онъ,—сообщить императрицѣ своихъ результатовъ, боясь увеличить то непріятное впечатлѣніе, которое уже произведено на нее моимъ сочи-

неніемъ. Я уже потерялъ всякую надежду когда-нибудь напечатать свою работу, такъ какъ не имѣлъ на это полномочія, и еслибы мнѣ возвратили мою рукопись, то я могъ бы пересмотрѣть и поправить ее лишь для своего собственного удовольствія. Но я началъ редижировать матеріалы, собранные во время путешествія, присоединяя къ описанію воспитательныхъ домовъ Парижа и Ліона общія замѣчанія, сдѣланныя мною о поджидыпахъ С.-Петербургу и Москвѣ, какъ вдругъ неожиданное событіе оторвало меня отъ излюбленныхъ занятій». Это неожиданное событіе было—выборъ его въ ректоры университета (въ концѣ августа 1825 года). Это избраніе легко понять, если взять въ расчетъ тогдашній составъ профессорскаго персонала послѣ произведеннаго Руничемъ разгрома. Но интересно послушать, что самъ Дегуровъ говоритъ по поводу этого избранія. «Отказавшись разъ отъ этой должности въ Харьковѣ,—говоритъ онъ,—я и теперь не хотѣлъ принимать ея. Мое желаніе было сдѣлать новое путешествіе и совершенно отдаться изслѣдованіямъ, которыми я занимался съ такою любовію въ теченіи цѣлаго года. 15 дней предъ этимъ я даже повергъ уже въ стопамъ императора Александра выраженіе моей благодарности за его щедрость и въ то же время просьбу опредѣлить меня въ Англію или еще гдѣ-нибудь консуломъ. Я ожидалъ рѣшенія на такую просьбу, но, вмѣсто того, получилъ приказаніе немедленно вступить въ должность ректора университета. Я предвидѣлъ всѣ затрудненія и непріятности, которыя будутъ для меня отъ этого почета; но въ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, мнѣ нужно было или принять это иго, или просить отставки.

«Итакъ, убѣжденный моимъ семействомъ и нѣкоторыми друзьями, я вступилъ въ отпращиваніе новой должности,—но полагалъ, что, по причинѣ труднаго времени и моего плохого знанія русскаго языка, я едва ли и полгода продержусь на новомъ посту; вмѣсто полугода, я былъ однакожъ ректоромъ болѣе 10-ти лѣтъ сряду. Благодареніе Провидѣнію, хранившему меня въ тяжелые дни моего ректорства!»

Трудно сказать, насколько Дегуровъ не расположенъ былъ принять ректорство въ с.-петербургскомъ университетѣ, и насколько друзьямъ и семейству нужно было убѣждать его принять эту должность; но нельзя однако не замѣтить, что каждому должно представиться сомнительнымъ отреченіе его отъ должности ректора въ харьковскомъ университетѣ — по той причинѣ, что весьма сомнителенъ даже самый фактъ избранія его въ эту должность. Я просмотрѣлъ нѣзъ года въ годъ существующіе въ

университетскомъ архивѣ протоколы совѣтскихъ засѣданій за то время, когда Дегуровъ, какъ *ординарный* профессоръ (съ 1809 года) подлежалъ выборамъ на должность ректора, — и нашелъ следующее: въ 1809 году избирательныхъ онъ получилъ 4, неизбирательныхъ—6; въ 1810—3 и 5; въ 1811—3 и 7; въ 1812—2 и 4. Протоколовъ совѣтскихъ засѣданій за 1813 годъ въ архивѣ не оказалось, и всѣ усилія отыскать ихъ гдѣ-либо были тщетны, а равно не нашлось также и совѣтскаго представленія къ попечителю университета, изъ котораго можно было бы видѣть результаты выборовъ этого года,—и только изъ бумаги митра видно, что въ должности ректора въ этомъ году утвержденъ былъ профессоръ Осиповскій — на три года. Въ 1816 г.—3 и 10. Итакъ, весь вопросъ, значить, сводится къ *роковому* 1813 году: составлялъ ли этотъ годъ для Дегурова счастливое исключеніе, или шелъ заурядъ съ другими годами? Это обстоятельство, за отсутствіемъ относящихся сюда документовъ, нисколько не разъясняется собственнымъ заявленіемъ Дегурова о *дѣлахъ давно минувшихъ дней*, сдѣланнымъ притомъ въ сочиненіи, изданномъ за-границей, на иностранномъ языкѣ и напечатанномъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ (именно — въ названномъ мною сочиненіи о воспитательныхъ домахъ, изданномъ въ Парижѣ въ 1839 году).

20-го мая 1826 г. новый ректоръ произнесъ, въ собраніи императорскаго с.-петербургскаго университета, весьма характерную рѣчь «о дѣйстви просвѣщенія на состояніе народовъ», — направленную, какъ выражается онъ, противъ «мечтателей», воображавшихъ, что нѣтъ лучше X-го вѣка (*saeculum obscurum*), и что для удобнѣйшаго управленія людьми надлежитъ возвратиться къ тому времени. Отдавая справедливость побужденіямъ этихъ лицъ, которыя, «будучи утрачены минувшими бѣдствіями Европы, считаютъ благоразумнымъ остановить просвѣщеніе, да не разольется оно между народами повсемѣстно», — ораторъ тѣмъ не менѣе однакожъ находить, что ихъ опасенія держатся на одномъ недоразумѣніи, вслѣдствіе котораго наличному знанію приписывается то, что зависитъ скорѣе отъ недостатка истиннаго знанія. «Ужаснѣйшіе злодѣи, — аргументируетъ онъ, — бичи народовъ, всегда были грубѣйшіе невѣжды. Аттилы и Тамасъ-Кули-Ханы, разнесившіе смерть и опустошеніе по вселенной, не умѣли даже читать. Гнусные преступники, безпрестанно вооружающіе противъ себя правосудіе, не принадлежать ли вообще къ тому народу, ничему не обучающемуся?»

«Итакъ, нравственность, а еще болѣе благоденствіе и безопасность людей налагаютъ на нихъ обязанность образоваться. При

настоящемъ положеніи Европы, невозможно быть ни одному народу безъ просвѣщенія, ни тѣмъ болѣе оставить въ пренебреженіи то, которое уже снискано. Уклоняющійся отъ онаго, при быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ родовъ познаній и вѣтвей промышленности, наконецъ, по необходимости, утратилъ бы свою славу, свое богатство, даже политическое свое существованіе».

Изобразивъ потомъ просвѣдательную дѣятельность нашего правительства, открывающаго, подъ вліяніемъ этого убѣжденія въ благотворности знанія, — школы, снаряжающаго учения экспедиціи, проводящаго, для расширенія судоходства, каналы, учреждающаго мануфактуры и проч., — ораторъ заключаетъ: «въ другихъ державахъ свѣтъ наукъ, восходя отъ образованнѣйшей части народа, достигаетъ престола; въ Россіи же онъ отъ престола на народъ изливается».

Но, заявивъ о такомъ либеральномъ дѣйствованіи правительства, ораторъ тотчасъ же самъ почувствовалъ нужду усилить тѣхъ, кому такой широкій разливъ просвѣщенія въ народъ могъ бы внушить новыя опасенія за спокійство государства. Въ этомъ смыслѣ онъ находитъ умѣстнымъ поставить вопросъ: «просвѣщеніе, распространеніе требующее, надлежитъ ли удѣлять всѣмъ гражданамъ въ равной степени?» И даетъ на него такой отвѣтъ: «Одни безумцы, ничему мѣры не знающіе, отважуются развѣ утверждать подобную нелѣпость. Каждому званію свойственно особенное просвѣщеніе, потому что въ общественномъ состояніи обязанности и занятія необходимо раздѣлены бываютъ»... «Тогда должности исправляются лучше, тогда всѣ удобнѣе доставляютъ себѣ продовольствіе, тогда избытокъ онаявается во всѣхъ состояніяхъ, и образованность, какъ водвореніе лучшаго порядка вещей и законовъ, дастъ разуму человѣческому время и досугъ усовершеняться, а сего дара что можетъ быть благороднѣе? Когда же послѣдуетъ стремленіе къ усовершенію дарованій, тогда, и тогда единственно, дѣлается народъ истинно-могущественнымъ, ибо нравственная сила, какую получаетъ онъ отъ просвѣщенія, усугубляетъ физическую силу его правительства. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны послѣдуетъ размысленіе о покровительствѣ, какое доставляетъ оно лицамъ и собственности, съ другой — о безпорядкахъ, грабежахъ и нищетѣ, готовыхъ постигнуть отечество неизбежно, ежели бы могущество его минувалось. Но человѣкъ, будучи увѣренъ, что не лишится стяжанія своего, занимается пріятностями житейскими, которыя не только не исключаютъ, но еще влекутъ за собою и поощряютъ упражненіе ума, ибо словесность, искусства всякаго рода и промышленность придаютъ имъ новыя прелести».

Ораторъ умалчиваетъ о тѣхъ, кому въ этой жизни вовсе не до «приятностей житейскихъ»; но онъ чувствуетъ, что если онъ молчитъ, то они сами могутъ не молчать, или другіе за нихъ, болѣе ихъ развитые, могутъ самостоятельно мыслить и говорить: на стражѣ противъ такихъ недовольныхъ его философіею мыслителей онъ ставитъ неусыпную бдительность правительства. «Не спору, — говоритъ онъ, — что просвѣщеніе обвиняемо было въ нарушеніи покоя и благополучія общественнаго; но сіе обвиненіе падаетъ только на ложное просвѣщеніе, и гдѣ же такое безразсудное правительство, которое допустило бы распространеніе онаго? Чего опасаться, когда преподаваніе поручается людямъ благоразумнымъ, любящимъ своего государя, отечество и пригнѣпленнымъ къ своей вѣрѣ? Чего опасаться, когда на кафедрахъ наукъ философскихъ и политическихъ профессоръ отмечаетъ тѣ нелѣпыя системы, которыя всегда здравымъ разсудкомъ были порицаемы; когда онъ, слѣдуя непреложнымъ правиламъ частной и общей нравственности, умѣетъ неоспоримо доказать слушателямъ своимъ, какія обязанности ихъ къ обществу, къ главѣ — покровителю онаго, другъ къ другу; умѣетъ убѣдить, что общая и личная воля состоятъ въ исполненіи сихъ обязанностей?»

«Не станемъ же, — говоритъ онъ, — порицать науки. Онѣ причастны только полезнаго, добраго и невиннаго, и никогда не подадутъ совѣта къ возмущенію, ибо въ семъ положеніи онѣ ничего не выигрываютъ, а напротивъ, теряютъ...

«Перевероты происходятъ не отъ просвѣщенія, но вообще отъ мѣстныхъ причинъ, мудрою политикой предотвращаемыхъ, и часто еще отъ дерзости честолюбія, дѣйствующаго подъ предлогомъ общаго блага.

«Невѣжество гораздо болѣе благопріятствуетъ народнымъ волненіямъ, ибо не трудно обольстить людей, непрічастныхъ ни нѣблизкаго образованія и непредвидящихъ, какими бѣдствіями угрожаетъ имъ ниспроверженіе порядка. Сколько разъ заговорники дѣлали простолюдиновъ орудіями своихъ злоумышленій! Какъ часто чернь собиралась вокругъ невѣжественнаго мятежника и приводила въ трепетъ все государство!»

Истисняя мятежниковъ этого рода — дублинскаго хлѣбника, кейденскаго портного, неаполитанскаго рыбака, — ораторъ не позабылъ упомянуть и нашего Пугачева. «Наконецъ, лунинскій Пугачевъ, — говоритъ онъ, — тотъ извергъ съ звѣриною душою, который не различалъ ни пола, ни возраста, который не щадилъ даже солдатъ, хотя и самъ былъ такимъ... Развѣ они чему-нибудь учились?»

Рѣчь заключается широкѣйшею похвалою просвѣщенію,

которое сравнивается у него съ Ниломъ, «водами своими вездѣ, гдѣ ни протекаетъ, плодотворящимъ землю, и — съ другомъ, который, находясь съ нами неразлучно, улаживаетъ, даже оставливаетъ чувство нашихъ горестей и не даетъ намъ упасть духомъ въ бѣдствіяхъ».

«Сколь сладостныя минуты проводимъ мы съ хорошею книгою! Какая отрада проливается въ душу, растроганную мыслями и выраженіями, которыя внушены были чувствительностію и добродѣтелью! Изъ всѣхъ страстей только любовь къ наукамъ и дружба не отказываютъ старости въ наслажденіяхъ. Тѣло уже леденѣетъ отъ лѣтъ, а сердце еще бьется при чтеніи произведеній генія, какъ оно бьется, когда прижимается къ груди своей друга, супругу, любимое дитя. О, науки! о, дружба! Какимъ очарованіемъ приводите вы кровь нашу въ быстрѣйшее движеніе!»

Сдѣлавшись ректоромъ, Дегуровъ, сохраняя званіе ординарнаго профессора исторіи, предоставилъ преподаваніе ея экстраординарному профессору Рогову, который раздѣлилъ ее съ магистромъ Крыловымъ. Его же собственное вліяніе на кафедру исторіи ограничивалось тѣмъ, что онъ снабжалъ профессора Рогова книгами изъ своего довольно значительнаго собранія историческихъ сочиненій ¹⁾. Новая должность поглощала у него, по его словамъ, все время; на ея счетъ, какъ мы видѣли, онъ относитъ и вторичный перерывъ своихъ занятій вопросомъ о воспитательныхъ домахъ. Однаковъ, когда, 24-го октября 1828 года, скончалась императрица Марія Федоровна, онъ тотчасъ же просилъ Вилламова возвратить ему рукопись, и затѣмъ препроводилъ ее къ государю при письмѣ, въ которомъ, изъяснивъ въ общихъ чертахъ значеніе своего сочиненія, долженствующаго, по его словамъ, произвести въ умахъ нравственную революцію, — онъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе «государь, это сочиненіе есть плодъ 12-лѣтней работы; мое пламенное желаніе — видѣть его напечатаннымъ; я долженъ сгнѣшить: мой преклонный возрастъ и постепенный упадокъ силъ дадутъ мнѣ чувствовать, что моя жизнь близка къ концу. Я умеръ бы счастливымъ, государь, еслибы могъ оставить въ наслѣдство моимъ дѣтямъ то уваженіе, которое оказываютъ памяти лицъ, трудившихся не безъ пользы для ближнихъ; а еще былъ бы я счастливымъ, еслибы ваше величество благоволило соизволить, чтобы мое сочиненіе, предпринятое по волѣ вашей августѣйшей матери, явилось въ печати съ посвященіемъ онаго вашему августѣйшему

¹⁾ См. „Первое двадцатипятилѣтіе императорскаго с.-петербургскаго университета“, 1844 г.

имени. Эта милость была бы — верхъ моихъ желаній; она, сверхъ этого, почтила бы и университетъ петербургскій въ лицѣ его ректора. Смѣю ли еще, государь, просить, — такъ заключается письмо, — у вашего величества другой милости — дозволить мнѣ просить у моего начальства отпуска на 4 мѣсяца? Этотъ отдыхъ необходимъ для поправленія моего здоровья и, можетъ быть, восстановить упадающія мои силы. Этимъ отпускомъ я воспользуюсь, между прочимъ, чтобы сдѣлать во Франціи распоряженіе для печатанія моего сочиненія и взять мѣры, чтобы оно могло быть продолжаемо и въ моемъ отсутствіи».

Государь изъявилъ полное согласіе на напечатаніе сочиненія во Франціи и посвященіе онаго его имени; а что касается желаемого Дегуровымъ 4-хъ-мѣсячнаго отпуска, то приказалъ ему обратиться по этому предмету къ подлежащей власти, то-есть къ министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену. Дегуровъ исполнилъ официально сообщить это рѣшеніе попечителю университета, прося по формѣ 4-хъ-мѣсячнаго отпуска съ удержаніемъ содержанія за это время, мотивируя просьбу тѣмъ, что время отсутствія не было бы потеряно ни для университета, ни для наукъ, такъ какъ досужное время было бы употреблено на печатаніе сочиненія, посвященнаго имени государя съ его высочайшаго соизволенія. Министръ народнаго просвѣщенія отказалъ въ содержаніи, разрѣшивъ простой отпускъ. Комитетъ министровъ подтвердилъ это рѣшеніе, и уже самъ государь, когда журналъ былъ представленъ ему, написалъ на полѣ: «жалованье его сохранить, ибо цѣль поѣздки соединена съ пользою наукъ».

Прибывъ въ Парижъ, Дегуровъ тотчасъ же напечаталъ *Protestus* своихъ «Исслѣдованій о подкидышахъ», затѣмъ — «Опытъ объ исторіи подкидышей», составляющій собственно введеніе къ исслѣдованіямъ и заключающій въ себѣ общій историческій очеркъ судьбы подкидышей отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; изданіе же исторіи двухъ русскихъ воспитательныхъ домовъ, онъ, возвращаясь самъ въ Петербургъ, предоставилъ попеченіямъ своего, какъ называетъ онъ, ученаго друга, доктора Виллермэ. Нѣчто странное и совершенно неожиданное случилось съ этимъ изданіемъ. «Я какъ нельзя болѣе, — говоритъ Дегуровъ, — благодаренъ доктору Виллермэ: могъ ли я найти болѣе ученаго издателя?.. Но, не пересчитывая своей рукописи цѣлыхъ 10-ть лѣтъ послѣ того, какъ она вышла изъ моихъ рукъ, я не подумалъ о томъ, что нѣкоторые исправленія могли быть сдѣланы только мною, владельцемъ документовъ. За то какъ же я былъ обезкураженъ, когда получилъ въ Петербургѣ одиннадцать первыхъ листовъ! Вся эта работа въ моихъ глазахъ была не что иное, какъ про-

стой всеизъ, недостойный печати, и я рѣшился превратить печатаніе до тѣхъ поръ, пока въ состояніи буду пересмотрѣть и передѣлать все вновь». Эту возможность Дегуровъ нашелъ для себя уже въ Одессѣ, куда переселился онъ по оставленіи службы въ петербургскомъ университетѣ. Дегуровъ выражаетъ сожалѣніе, что не послѣдовалъ въ свое время совѣту Виллермѣ и другихъ, побуждавшихъ его продолжать печатаніе. «Я не имѣлъ бы тогда несприятности—видѣть несправедливость ко мнѣ нѣкоторыхъ лицъ, не хотѣвшихъ проникнуть въ мою мысль, — несправедливость тѣмъ болѣе, что, объявивъ изданіе, я не получалъ ни денегъ, ни подписокъ впередъ и что издержки двухъ путешествій, очень значительныя, а также издержки печатанія, переводовъ съ русскаго и покупки книгъ, — все это было на мой собственный счетъ, несмотря на мое положеніе, которое было далеко не то, что *amara mediocritas* льстеца Августава. Если мое сочиненіе не было издано прежде, то это потому, что обязанности моего званія не оставляли мнѣ времени исправить его, и что я не могъ рѣшиться пустить его въ свѣтъ безъ достаточной обработки. Уваженіе къ императору, который соизволилъ на посвященіе его имени моего сочиненія, уваженіе къ читателю и мое собственное самолюбіе не позволяли мнѣ этого». Все это, само въ себѣ конечно, резонно, но по меньшей мѣрѣ странно, что авторъ подумалъ объ этомъ только теперь, послѣ предварительныхъ такъ называемыхъ настоячивыхъ просьбъ о дозволении ему печатать, съ проведеніемъ притомъ мысли, что только тормазъ сверху мѣшаетъ явиться въ свѣтъ сочиненію, которое у него уже готово, которое всюду у него просить и которое должно наконецъ произвести революцію въ умахъ и обезсмертить его имя. Какъ бы то ни было, живъ въ Одессѣ, Дегуровъ занялся продолженіемъ печатанія, и сочиненіе наконецъ узрѣло свѣтъ въ Парижѣ, въ 1839 году.

Сочиненіе это, вопреки расчетамъ и ожиданіямъ автора, не произвело никакой революціи въ умахъ, и лучъ свѣта съ береговъ Невы не освѣтилъ, по крайней мѣрѣ, въ желаемомъ для Дегурова направленіи, вопроса о воспитательныхъ домахъ, дѣйствительно волновавшаго умы на берегахъ Сены. Пять ученыхъ и филантропическихъ обществъ объявили, въ 30-хъ годахъ, конкурсъ на сочиненіе по вопросу о лучшихъ способахъ призрѣнія и устройства судьбы подкидышей. Въ многочисленныхъ сочиненіяхъ, представленныхъ по этому случаю, предлагались самыя смѣлыя и оригинальныя проекты для ограниченія того зла, которое въ воспитательныхъ домахъ было такъ наглядно, хотя и не ими пренебрегалось; доходили даже до того, что предлагали всѣхъ холостыхъ извѣстнаго возраста обложить податью въ пользу

дѣтей воспитательныхъ домовъ, ошибочно полагая, что главный контингентъ для этихъ домовъ — дѣти незаконнорожденные [говорю — ошибочно — по крайней мѣрѣ, для Франціи, гдѣ фактически доказано, что большая часть дѣтей, отдававшаяся въ воспитательные дома, — были отъ законныхъ супружествъ] ¹⁾; но самый принципъ воспитательныхъ домовъ остался для французовъ неприкосновеннымъ. Первые преміи были присуждены названными обществами именно тѣмъ авторамъ, которые наиболѣе горячо и рѣшительно защищали воспитательные дома, отстаивая ихъ устройство ихъ, облегчающее доступъ въ нихъ несчастнымъ дѣтямъ (напримѣръ, — такъ-называемые *туры* — поворотные приемы). Съ особеннымъ вниманіемъ отнеслась маконская академія къ сочиненію аббата *Gaillard* (*Recherches administratives, statist. et morales sur les enf. trouvés...* Paris, 1837), который побѣдоносно отражалъ нападенія противниковъ на воспитательные дома, имѣя при этомъ въ виду и нашего Дегурова, насколько онъ высказалъ уже свои идеи въ упомянутомъ *Prospectus*; между прочимъ, главнѣйшему аргументу, приводимому противъ воспитательныхъ домовъ и Дегуровымъ, именно, — что они способствуютъ постепенному возрастанію числа подкидышей, — онъ противопоставилъ тотъ, совершенно доказанный имъ фактъ, что это возрастаніе каждаго года, зависящее собственно отъ улучшенія воспитательныхъ домовъ; оттого, что вслѣдствіе улучшеннаго содержанія подкидышей уменьшилась смертность между ними, словомъ, переполненіе воспитательныхъ домовъ означаетъ, что не прибывать дѣтей стало больше, а выбывать меньше, слѣдовательно, воспитательные дома стали лучше, цѣлесообразнѣе выполнять свое прямое назначеніе — сохранять жизнь дѣтей. Идеи Дегурова о воспитательныхъ домахъ и потому еще не могли произвести особеннаго впечатлѣнія во Франціи и вообще въ Европѣ, что онѣ были далеко не такъ новы, какъ желалъ это выставить авторъ. Еще въ 1784 г. вѣстный французскій министръ Неккеръ, въ своемъ сочиненіи о финансовомъ управленіи, высказался противъ воспитательныхъ домовъ въ немногихъ, но очень вѣскихъ словахъ, которыя послужили, такъ сказать, программой для многочисленныхъ, по

¹⁾ Les trois quarts d'enfants portés aux hospices sont légitimes, et leur exposition est due à la seule misère de parents", говорится въ докладѣ Королевскому Обществу Соревнованія. См. *Hist. des enf. trouvés*, par Terme et Monfalcon. Paris, 1840, pag. 453. Terme и Monfalcon, напротивъ, говорятъ, что, за исключеніемъ весьма немногихъ случаевъ, c'est l'aïeance et non la misère qu'il faut accuser des expositions des nouveau-nés"; но того факта, что значительный контингентъ для воспитательныхъ домовъ составляютъ дѣти законнорожденные, — и они нисколько не отрицаютъ.

крайней мѣрѣ, далеко не малочисленныхъ сочиненій въ этомъ родѣ, появившихся задолго до Дегурова. Точно также въ Англіи лондонскій воспитательный домъ, вскорѣ же по основаніи его, въ 1739 году, вызвалъ нѣсколько сочиненій (напримѣръ, Massio, въ 1759 г., Nauway, въ 1776 г.), неблагоприятныхъ для воспитательныхъ домовъ. Въ особенности же парламентскіе дебаты въ 80-хъ годахъ прошедшаго столѣтія, по поводу неблагоприятныхъ результатовъ, данныхъ лондонскимъ воспитательнымъ домомъ, дали широкій ходъ возраженіямъ, направленнымъ противъ самаго принципа воспитательныхъ домовъ. Но каковы бы ни были недостатки этого сочиненія, оно во всякомъ случаѣ составляетъ видное и, въ этомъ смыслѣ, единственное произведеніе учено-литературной дѣятельности Дегурова у насъ въ Россіи. Объ общей части этого сочиненія—той, гдѣ авторъ исторически слѣдитъ судьбу подкидышей отъ древнѣйшихъ временъ, тогда же съ положительнымъ одобреніемъ отзывались въ европейской литературѣ, какъ о такомъ трудѣ, который дѣлаетъ излишнимъ справен по этому предмету въ другихъ книгахъ ¹⁾.

Но его значеніе въ общественной дѣятельности было болѣе отрицательное, чѣмъ положительное: онъ былъ у насъ орудіемъ реакціи, именно—орудіемъ, не вдохновеннымъ дѣтелемъ, искренно и самоотверженно преданнымъ извѣстной, положимъ, даже и ложной идеѣ, а орудіемъ, своекорыстно разсчитывающимъ свои личныя выгоды въ служеніи извѣстному дѣлу и ими опредѣляющимъ степень, размѣры и, наконецъ, даже самый характеръ и способъ служенія. Собственно научные ресурсы Дегурова были весьма слабы, но за то онъ былъ силенъ практическими талантами, которые очень мѣтко выражаетъ его сослуживецъ, профессоръ Роммель: «знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свои выгоды — дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться предъ тѣми и другими». Въ глазахъ историка, эта личность сохранить всегда значеніе, какъ живое свидѣтельство о нравахъ своей эпохи; почва, очевидно, была благоприятна для преуспѣянія подобныхъ дѣтелей, какъ Дегуровъ, который имѣлъ притомъ наивность благородно обижаться и сѣтовать на то, что его положеніе далеко еще не то, каковымъ было положеніе льстеца при дворѣ Августа.

Харьковъ.

А. ЛЕВЪДѢВЪ.

¹⁾ См. Hist. des enf. trouv., par Terme et Monfalcon, pag. 487.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО

Э Ж Е Н Ъ Р У Г О Н Ъ

Романъ, соч. Эмиля Зола.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par Emile Zola. Tome sixième: Son Excellence Eugène Rougon.

IX *).

Утромъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Ругононъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, и занимался составленіемъ конфиденціального циркуляра, намѣреваясь разослать его на другой день префектамъ. Онъ останавливался, отдувался, сильно нажималъ перомъ на бумагу.

— Жюль, скажите мнѣ какой-нибудь синонимъ власти,—сказалъ онъ, наконецъ.—Какой глупый языкъ!.. У меня все власть и власть въ каждой строкѣ.

— Да вотъ: правительство, имперія,—отвѣчалъ молодой чело-вѣкъ, улыбаясь.

Жюль д'Эскораиль, взятый Ругономъ въ секретари, просматривалъ въ это время новую корреспонденцію, примостившись къ углу бюро. Онъ тщательно вскрывалъ перочиннымъ ножикомъ конверты, пробѣгалъ письма и распределялъ ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Передъ каминомъ, гдѣ горѣлъ яркій огонь, сидѣли пол-

*) См. выше: янв., 84; февраль, 545 стр.

ковникъ, Канъ и Бержуэнтъ. Всѣ трое развалились безъ церемоніи, грѣли подошвы и молчали. Они были у себя дома. Канъ читалъ газету. Двое остальныхъ, въ блаженномъ покоѣ откинувшись на спинку креселъ, вертѣли большими пальцами, глядя въ огонь.

Ругонъ всталъ, налилъ стаканъ воды и выпилъ залпомъ.

— Не знаю, что такое я съѣлъ вчера, — пробормоталъ онъ. — Я, кажется, готовъ сегодня выпить Сену.

Онъ не тотчасъ съѣлъ, а прошедъ по кабинету, раскачивая своимъ большимъ туловищемъ. Отъ его шаговъ паркетъ, прикрытый толстымъ ковромъ, тихо содрагался. Ругонъ подошелъ къ окну и раздвинулъ зеленныя бархатныя занавѣски, чтобы пропустить больше свѣта въ комнату. Потомъ, стоя посреди обширнаго покоя, отличавшагося мрачной и полинялой роскошью меблированного дворца, потянулся, заложивъ руки за голову и наслаждаясь, какъ-бы упиваясь административнымъ запахомъ, запахомъ удовлетворенной силы, вдыхаемымъ имъ въ этомъ кабинетѣ.

Онъ невольно засмѣялся про себя, — довольнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ, въ которомъ звучало торжество. Полковникъ и остальные, услышавъ смѣхъ, оглянулись на него и молча ему улыбнулись.

— Да! мнѣ весело, нечего сказать, — воскликнулъ Ругонъ безъ обиняковъ.

Онъ усаживался за громадное палисандровое бюро, когда вошелъ Мерль. Приставъ былъ безукоризненно приличенъ, въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ; лицо гладко выбрито, осанка исполнена чувства собственного достоинства.

— Прошу прощенья у вашего превосходительства, — пробормоталъ онъ, — префектъ Соммы пріѣхалъ...

— Пусть убирается къ чорту! я занятъ, — грубо отвѣчалъ Ругонъ. — Право, это ни на что не похоже, минуты не дадутъ покоя.

Но Мерль не слушался. Онъ продолжалъ:

— Г. префектъ увѣряетъ, что ваше превосходительство дожидаетесь его... Тамъ прибыли также префекты Ньевры, Шера и Юры.

— Ну, и пусть ихъ дожидаются, они на то созданы, — отвѣчалъ Ругонъ очень громко.

Приставъ вышелъ. Д'Эскораиль слегка засмѣялся. Остальные трое, грѣвшіеся у огня, развалились еще безцеремоннѣе; отвѣтъ министра показался имъ забавнымъ. А Ругонъ, польщенный своимъ успѣхомъ, замѣтилъ:

— Да, правда, я съ мѣсяцъ уже какъ вожусь съ префектами... Мнѣ пришлось всѣхъ ихъ вызывать по-очередно. Интересная процессія, нечего сказать. Иные между ними глупы, какъ пробки, но за то всѣ послушны. Только ужъ очень они надоели мнѣ... Къ тому же, сегодня утромъ я для нихъ работаю.

И опять принялся за циркуляръ. Въ комнатѣ слышны были только скрипъ гусиного пера и легкій шелестъ конвертовъ, которые д'Эскораиль кидалъ подъ бюро. Канъ взялъ другую газету; полковникъ и Бажуэнъ полу-дремали.

Устрашенная Франція безмолствовала. Императоръ, пришедъ Ругона къ управленію, желалъ строгости. Онъ зналъ его лѣзвѣнный кулакъ, и сказалъ ему на другой день послѣ покушенія, съ гнѣвомъ человѣка, только-что избѣгнувшаго опасности: «не давайте пощады! пусть васъ боятся!» И вооружилъ его тѣмъ страшнымъ закономъ общественной безопасности, который разрѣшалъ ссылку въ Алжиръ или изгнаніе изъ имперіи всякаго лица, обвиненнаго въ политическомъ проступкѣ. Хотя ни одна французская душа не участвовала въ преступленіи улицы Лепельтье, однако республиканцевъ готовились преслѣдовать и изгонять; представился удобный случай вынести изъ Франціи десять тысячъ подозрительныхъ лицъ, позабытыхъ 2-го декабря. Толковали про движеніе, подготовляемое революціонной партіей; правительствомъ захвачены, говорили, оружіе и бумаги. Уже съ половины марта, триста-восемьдесятъ арестантовъ отправлено было изъ Тулона; въ настоящее время каждую недѣлю отправляли новую партію арестантовъ. Страна безмолствовала среди террора, проносившагося, какъ дуновение бури, изъ зеленого бархатнаго кабинета, гдѣ Ругонъ, потягиваясь, смѣялся про себя.

Никогда еще великій человѣкъ не чувствовалъ себя такимъ свободнымъ. Онъ былъ здоровъ, толстѣлъ; здоровье вернулось къ нему вмѣстѣ съ властью. Когда онъ ходилъ, то вдавливалъ каблукъ въ коверъ, какъ-бы затѣмъ, чтобы шаги его отдавались во всѣхъ концахъ Франціи. Ему хотѣлось, чтобы ни одно его движеніе не проходило безслѣдно для страны, чтобы она содралась всякій разъ, какъ онъ поставитъ пустой стаканъ на столъ, броситъ перо, пошевелинется. Ему нравилось играть роль пугала, воевать громами среди блаженной безмятежности своихъ друзей, избивать цѣлый народъ кулаками какого-нибудь буржуа, пропавшаго въ управленіе. Онъ написалъ въ одномъ циркулярѣ: «пусть добрые люди успокоятся, и дрожать одни только злое», и разыгрывалъ при этомъ роль божества: осуждая на гибель однихъ, онъ спасалъ другихъ! Имъ овладѣло безграничное высоко-

мѣріе; поклоненіе своей собственной силѣ и своему уму превратилось у него въ настоящій культъ, и онъ доставлялъ ему сверхчеловѣческія радости. Онъ плавалъ во всемогуществѣ.

Въ средѣ дѣятелей второй имперіи, Ругонъ давно уже являлся абсолютистическія убѣжденія. Имя его было синонимомъ правительственнаго гнѣта, отказа во всякихъ вольностяхъ, абсолютнаго правленія, поэтому никто не заблуждался, видя его въ министерствѣ. Но передъ своими близкими онъ пускался въ откровенности: у него были не столько убѣжденія, сколько потребности, и онъ давалъ понять, что находитъ власть слишкомъ желанной, слишкомъ необходимой для своей честолюбивой натуры, чтобы не принять ее при какихъ бы то ни было условіяхъ. Управлять, наступить пятой на толпу—вотъ главное; остальное только частность, съ которой онъ всегда помирится. У него была одна только страсть—быть выше другихъ; но въ настоящую минуту обстоятельства, при какихъ онъ возвращался къ власти, удвоивали для него торжество успѣха. Императоръ предоставилъ ему полную свободу дѣйствія, и онъ осуществлялъ свое давнишнее желаніе управлять людьми посредствомъ бича, какъ стадомъ. Ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ сознаніе, что его ненавидятъ. Когда же по временамъ ему бросали въ лицо названіе тирана, онъ улыбался и произносилъ слѣдующія знаменательныя слова:

— Увидите, если я когда-нибудь слѣлаюсь либеральнымъ, то скажутъ, что я перемѣнился.

Но величайшимъ благополучіемъ для Ругона было торжествовать передъ своей шайкой. Онъ забывалъ Францію, забывалъ про чиновниковъ, колѣнопреклоненныхъ передъ нимъ, про толпу просителей, осаждавшую его дверь, чтобы жить среди непрерывнаго еніама своихъ пятнадцати приближенныхъ. Онъ во всякіе часы открывалъ имъ двери своего кабинета, предоставлялъ имъ засѣдать въ немъ съ утра до ночи, и относился къ нимъ какъ къ домашнимъ животнымъ. Министромъ былъ не онъ одинъ, но и они, составлявшіе какъ-бы часть его самого. Послѣ побѣды, связь ихъ стала еще тѣснѣе: онъ проникся ревнивой дружбой къ друзьямъ, онъ забывалъ о своемъ тайномъ пренебреженіи къ нимъ, и доходилъ до того, что считалъ ихъ очень умными, очень сильными, достойными его. Онъ прежде всего требовалъ, чтобы въ нихъ уважали его самого; покровительствовалъ имъ съ увлеченіемъ, оберегалъ ихъ интересы, какъ свои собственные. Ихъ ссоры были его ссорами. Связь ихъ стала такой тѣсной, что онъ началъ подъ конецъ воображать, что многихъ имъ обя-

онъ улыбался, когда они напоминали ему о своей пропагандѣ, вѣрилъ всѣмъ баснямъ и считалъ, что никогда не расплатится за такія услуги. И вотъ, лично не нуждаясь ни въ чемъ, не зная страстей, онъ бросалъ имъ мѣста, деньги, награды, похвалы, осыпалъ ихъ милостями.

Въ кабинетѣ царствовало безмолвіе. Д'Эскорайль, посмотрѣвъ на надпись одного изъ вскрываемыхъ имъ писемъ, протянулъ его Ругону, не распечатывая.

— Письмо отъ моего отца, — сказалъ онъ.

Маркизъ съ преувеличеннымъ смиреніемъ благодарилъ министра за то, что онъ взялъ Жюля въ секретари. Ругонъ медленно прочиталъ двѣ страницы, исписанныя мелкимъ почеркомъ, потомъ сложилъ письмо и положилъ въ карманъ. И прежде чѣмъ приняться за работу, спросилъ:

— Дю-Пуазъ не пишетъ?

— Нѣтъ, пишетъ, — отвѣчалъ секретарь, розыскивая письмо въ числѣ другихъ. — Онъ говоритъ, что уже ознакомился съ своей префектурой, и утверждаетъ, что департаментъ Двухъ-Севровъ и въ особенности городъ Ніоръ требуютъ желѣзнаго управленія.

Ругонъ пробѣжалъ письмо.

— Само собою разумѣется, — пробормоталъ онъ, — онъ получить полномочія, которыхъ просить... Не отвѣчайте ему, это бесполезно. Мой циркуляръ ему предназначенъ.

Онъ снова взялся за перо, прибирая послѣднія фразы.

Дю-Пуазъ пожелалъ быть префектомъ на родинѣ, въ Ніорѣ, и министръ при каждомъ важномъ рѣшеніи прежде всего призывалъ во вниманіе департаментъ Двухъ-Севровъ, управляя Франціей согласно совѣтамъ и желаніямъ прежняго товарища нищеты. Онъ уже вончалъ конфиденціальное письмо къ префектамъ, когда вдругъ разсердился.

— Это чортъ знаетъ что такое! — закричалъ онъ.

И, хлопнувъ рукой по газетѣ, обратился къ Ругону:

— Читали ли вы это? Тутъ, въ передовой статьѣ, взываютъ къ самымъ злымъ страстямъ! Послушайте вотъ эту фразу: «рука властвующая должна быть непогрѣшима, ибо если правосудіе ошибется, то общественные устои пошатнутся». Понимаете?.. А въ отдѣлѣ-то смѣсь! Разсказывается исторія графини, которую похитили омытъ хлѣбнаго торговца. Подобныхъ анекдотовъ не слѣдовало бы пропускать. Они подрываютъ уваженіе къ высшимъ классамъ.

Д'Эскорайль вѣдываясь:

— А фельетонъ еще отвратительнѣе. Въ немъ говорится о

благовоспитанной женщины, обманывающей мужа. Романистъ не внушаетъ ей даже раскаянія.

Ругонъ сдѣлалъ жестъ негодованія.

— Да, да, мнѣ уже указывали на этотъ нумеръ, — сказалъ онъ. — Вы видѣли, что я подчеркнулъ нѣкоторые мѣста краснымъ карандашомъ... А между тѣмъ эта газета намъ предана! Но каждый день я вынужденъ перебирать ее по ниточкѣ. Ахъ! да и лучшая изъ нихъ не стоитъ мѣднаго гроша. Слѣдовало бы ихъ всѣхъ придушить!

И прибавилъ тише, сжимая губы:

— Я послалъ за редакторомъ, и жду его.

Полковникъ взялъ газету изъ рукъ Кана, пришелъ въ негодованіе и передалъ Бержуану; послѣдній въ свою очередь выразилъ отвращеніе. Ругонъ, опершись локтями на столъ, размышлялъ, полузакрывъ глаза.

— Кстати, — сказалъ онъ, обращаясь къ секретарю, — бѣдный Гюгененъ вчера умеръ. Очистилось мѣсто инспектора. Нужно назначить кого-нибудь.

И такъ какъ всѣ три друга, сидѣвшіе у камина, поспѣшно подняли головы, прибавилъ:

— О! мѣсто неважное. Всего шесть тысячъ франковъ жалованья. Правда, за то и дѣлать нечего.

Но его прервали. Дверь сосѣдняго кабинета открылась.

Бушаръ, съ недѣлю уже произведенный въ начальники отдѣленія, принесъ докладъ о мѣрахъ и префектахъ, просившихъ знаковъ отличія шевалье и оффисъе. Ругону предстояло родить достойнѣйшимъ двадцать-пять крестовъ. Онъ взялъ докладъ, пробѣжалъ списокъ именъ, просмотрѣлъ приложенные послужные списки. Въ это время начальникъ отдѣленія, подойдя къ камину, пожималъ руки присутствующимъ. Онъ прислонился къ камину и сталъ грѣться, приподнявъ полы сюртука.

— Гмъ! какой скверный дождь! — пробормоталъ онъ.

— Весна будетъ поздняя.

— Анаемскій дождь! — проговорилъ полковникъ. — Я чувствую приближеніе припадковъ подагры. Всю ночь мнѣ стрѣлило въ лѣвую ногу.

Наступило молчаніе.

— Какъ здоровье т-те Бушаръ? — спросилъ Канъ.

— Благодарю васъ, она здорова, — отвѣчалъ Бушаръ. — Она собиралась, кажется, заѣхать сюда сегодня.

Наступило новое молчаніе. Ругонъ перебиралъ бумаги. Одно имя привлекло его вниманіе.

— Изидоръ Годиберъ... Не писалъ ли онъ стиховъ.

— Да, да,—отвѣчалъ Бушаръ.—Онъ мѣромъ въ Барбевилѣ съ 1852 г. При каждомъ торжественномъ случаѣ: женитьбы императора, родовъ императрицы, крестинъ императорскаго принца, онъ подноситъ ихъ величествамъ прекраснѣйшія оды.

Министръ сдѣлалъ презрительную гримасу. Но полковникъ сталъ увѣрять, что читалъ оды и находить ихъ остроумными. Онъ привелъ въ примѣръ одну изъ нихъ, гдѣ императоръ сравнивался съ фейерверкомъ. И безъ всякаго повода, такъ, для собственнаго удовольствія, эти господа принялись превозносить императора. Теперь вся шайка принадлежала къ ревностнымъ бонапартистамъ. Оба кузена, полковникъ и Бушаръ, не попрекали больше другъ друга орлеанскими принципами и графомъ Шамборомъ, а наперерывъ другъ передъ другомъ хвалили императора.

— Эй, нѣтъ! только не этому!—вдругъ закричалъ Ругонъ.— Этотъ Жюсселевъ — креатура де-Марси. Я вовсе не желаю награждать друзей моего предшественника.

И вычеркнулъ имя.

— Но надо, однако, его кѣмъ-нибудь замѣстить... Вѣдь это крестъ оффисѣ.

Друзья не шевелились. Д'Эскораиль, не взирая на свою молодость, уже получилъ крестъ, недѣлю тому назадъ. Канъ и Бушаръ были украшены орденами. Полковникъ только-что произведенъ въ командоры.

— Ну, кого же назначить? — повторялъ Ругонъ, перебирая бумаги.

И вдругъ поднялъ голову, какъ-бы озаренный новой идеей.

— Вѣдь вы, Бежуэнъ, служите, кажется, гдѣ-то мѣромъ? — спросилъ онъ.

Бежуэнъ только кивнулъ головой. Канъ отвѣчалъ за него.

— Конечно, онъ мѣромъ въ Сентъ-Флоранѣ, той маленькой общинѣ, гдѣ находится его хрустальный заводъ.

— Ну, такъ и дѣло въ шляпѣ! — проговорилъ министръ въ восторгѣ, что можетъ наградить одного изъ своихъ приближенныхъ. — Онъ какъ разъ только шевалье... Бежуэнъ, вы никогда ничего не попросите, я всегда долженъ самъ подумать о васъ.

Бежуэнъ улыбнулся и поблагодарилъ. Дѣйствительно, онъ никогда ничего не просилъ, но вѣчно торчалъ на глазахъ, молчаливый, скромный, дожидаясь подачи, и ничѣмъ не брезгалъ.

— Мы поставимъ: Леонъ Бежуэнъ, неправда ли? вмѣсто:

Пьерръ-Франсуа Жюсселенъ,—продолжалъ Ругонъ, замѣняя одно имя другимъ.

— Бежуэнъ, Жюсселенъ — это рѣма, — замѣтилъ полковникъ.

Его замѣчаніе показалось весьма тонкой шуткой, надъ нимъ много смѣялись. Наконецъ Бушаръ унесъ подписанныя бумаги. Ругонъ всталъ: у него ноги ноютъ, говорилъ онъ; въ дождливые дни онъ его беспокоятъ. Между тѣмъ время шло; вдали слышалось жужжанье въ различныхъ отдѣленіяхъ; торопливые шаги раздавались въ сосѣднихъ комнатахъ; двери открывались и затворялись, доносился шопотъ, заглушаемый драпировками. Пришло еще нѣсколько чиновниковъ съ бумагами для подписи министра. Происходила постоянная суматоха, административная машина была въ ходу и потребляла громадное количество бумагъ, переносимыхъ изъ одного отдѣленія въ другое. И среди всего этого волненія, за дверью, въ приемной, чувствовалось терпѣливое молчаніе десятка двухъ людей, дремавшихъ подъ наблюденіемъ Мерля, въ ожиданіи того, когда его превосходительству благоугодно будетъ ихъ принять. Ругономъ овладѣла какая-то лихорадочная дѣятельность; онъ отдавалъ приказанія, распекалъ злосчастныхъ чиновниковъ, дѣлалъ распоряженія, рѣшалъ дѣла съ плеча, съ дерзкимъ, нахальнымъ видомъ и съ неописаннымъ высовомѣріемъ.

Мерль вошелъ съ спокойнымъ достоинствомъ, котораго не могли спугнуть рѣзкія выходы Ругона.

— Г. префектъ Соммы...—началъ онъ.

— Опять!—перебилъ яростно Ругонъ.

Приставъ поклонился и ждалъ, когда ему дадутъ договорить.

— Г. префектъ Соммы просилъ меня спросить: угодно ли будетъ вашему превосходительству принять его сегодня? Въ противномъ случаѣ онъ проситъ ваше превосходительство назначить ему часъ на завтра.

— Я приму его сегодня.... пусть потерпитъ немного, чортъ возьми!

Дверь кабинета осталась отворенной и въ нее видна была приемная, обширная комната, съ большимъ столомъ посрединѣ и длиннымъ рядомъ креселъ, обитыхъ краснымъ бархатомъ вдоль стѣнъ. Всѣ кресла были заняты, и даже двѣ дамы стояли передъ столомъ. Головы скромно обращивались, взгляды проникли въ кабинетъ министра, умоляющіе, одушевленные страстнымъ желаніемъ войти. У дверей, префектъ Соммы, маленький, блѣдный человѣчекъ, бесѣдовалъ съ двумя собратами, префектами Юри

и Шера. Онъ собирался встать, думая, конечно, что министр его сейчасъ приметъ, когда Ругонъ сказалъ Мерлю:

— Черезъ десять минутъ, слышите.... въ настоящую минуту я рѣшительно никого не могу принять.

Но не успѣлъ договорить, какъ увидѣлъ Бенуа д'Оршера, проходившаго по приемной. Онъ поспѣшно пошелъ къ нему на встрѣчу и, взявъ за руку, втащилъ въ кабинетъ, крича:

— Войдите-же, войдите, милый другъ! Вы только-что пришли, надѣюсь? Вамъ не пришлось ждать?... Что новаго?

Дверь захлопнулась среди озадаченнаго молчанія посѣтителей, выполнявшихъ приемную. Ругонъ и Бенуа-д'Оршеръ тихо поговорили нѣсколько минутъ, помѣстившись у окна. Судья, назначенный недавно первымъ президентомъ парижскаго суда, желалъ быть министромъ юстиціи; но императоръ, къ которому подѣзжали съ этимъ, оставался непроницаемымъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ министръ, возвышая голосъ.— Вѣсть хорошая. Я употребляю всѣ старанія, общаюсь вамъ.

Онъ проводилъ его черезъ свои покои, когда вошелъ Мерль, объявляя:

— Г. Ла-Руветтъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! я занятъ, онъ мнѣ надоѣлъ!—отвѣчалъ Ругонъ, энергическимъ жестомъ приказывая приставу затворить дверь.

Ла-Руветтъ отлично слышалъ его слова; тѣмъ не менѣе онъ вошелъ въ кабинетъ, улыбающійся, съ протянутой рукой:

— Какъ здоровье вашего превосходительства? Меня прислала сестра. У васъ вчера въ Тюльери былъ немного усталый видъ.... Вы знаете, что въ будущій понедѣльникъ предстоитъ разыграть пословицу въ покояхъ императрицы. У моей сестры есть роль. Комбелё рисовалъ костюмы. Вы будете, не правда ли?

И пробылъ съ добрую четверть часа, вертѣлся, ухаживая за Ругономъ, лѣстилъ ему, называя его поочередно то «ваше превосходительство», то «cher maître». Разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о маленькихъ театрахъ, похвалилъ одну танцовщицу, попросилъ записку къ директору табачной фабрики, чтобы тотъ отпустилъ ему хорошихъ сигаръ, и кончилъ тѣмъ, что шутили-нымъ тономъ наговорилъ пропасть худого про де-Марси.

— Нѣтъ, онъ все-таки очень милъ,—объявилъ Ругонъ, когда ушелъ молодой денутатъ.— Ну, теперь я оболью голову холодной водой. У меня приливъ крови.

И вчетъ на минуту за драпировкой; слышался плескъ воды. Ругонъ вытѣлъ, фырчалъ, отдувался:

Тѣмъ временемъ д'Эскорайль, кончившій разборку писемъ,

досталъ изъ кармана маленькую пилку для ногтей съ черепаховой ручкой и занялся ногтями. Безужень и полковникъ глядѣли въ потолокъ и такъ ушли въ свои кресла, что, казалось, не намѣревались больше разставаться съ ними. Канъ перерылъ груду газетъ, лежавшихъ возлѣ него на столикѣ. Онъ бралъ одну, глядѣлъ на заголовокъ, потомъ отбрасывалъ; наконецъ всталъ.

— Вы уходите? спросилъ Ругонъ, появившись изъ-за драпировки и утирая полотенцемъ лицо.

— Да, отвѣчалъ Канъ. — Я прочиталъ газеты, и ухожу.

Но онъ удержалъ его, и отведя въ сторону объявилъ, что прійдетъ на будущей недѣлѣ въ департаментъ Двухъ-Севровъ, въ началу работъ по проведенію желѣзной дороги изъ Ніора въ Анжеръ.

Многіе мотивы побуждали его съѣздить туда. Канъ казался въ восторгѣ. Онъ, наконецъ, получилъ концессию въ первыхъ числахъ марта, а теперь предстояло пустить въ ходъ дѣло, и онъ сознавалъ, какую торжественность придастъ присутствіе министра той *mise-en-scène*, какую онъ готовилъ.

— Итакъ, рѣшено, я рассчитываю, что вы сдѣлаете первый ударъ заступомъ, — сказалъ онъ, уходя.

Ругонъ снова усѣлся за письменный столъ. Онъ просмотрѣлъ длинный списокъ именъ. За дверью, въ пріемной, нетерпѣніе все росло.

— У меня всего четверть часа времени, — пробормоталъ онъ. — Такъ и быть, приму тѣхъ, кого успѣю.

Онъ позвонилъ и призывалъ Мерлю:

— Пригласите г. префекта Соммы.

Но тотчасъ же передумалъ, и глядя на списокъ:

— Постойте!... Г-нъ и г-жа Шарбоннель, кажется, здѣсь? Пригласите ихъ, докончилъ онъ.

Послышался голосъ пристава, прокричавшій: «Г-нъ и г-жа Шарбоннель!» И пlassenскіе буржуа выступили впередъ, провожаемые удивленными взглядами присутствующихъ. Шарбоннель былъ во фракѣ съ четырехугольными фалдами и бархатнымъ воротникомъ. На ш-ше Шарбоннель было надѣто шелковое коричневое платье и шляпка съ желтыми лентами. Въ теченіи уже двухъ часовъ они ждали терпѣливо.

— Что-жъ вы не прислали мнѣ свою визитную карточку? — сказалъ имъ Ругонъ. — Мерль васъ знаетъ.

Потомъ, не давъ договорить имъ начатыхъ фразъ, въ которыхъ слова: «ваше превосходительство»! безпрестанно повторялись, весело прокричалъ имъ:

— Побѣда! государственный совѣтъ объявилъ вчера свое рѣшеніе. Мы одолѣли нашего бѣдоваго епископа.

Волненіе старухи было такъ велико, что она принуждена была сѣсть. Мужъ оперся на спинку кресла.

— Я узналъ эту хорошую вѣсть вчера вечеромъ, — продолжалъ министр. — Такъ какъ мнѣ хотѣлось самому сообщить ее вамъ, то я и попросилъ васъ пріѣхать сегодня... Гмъ! лакомый кусочекъ, — пятьсотъ тысячъ франковъ!

Онъ шутилъ, радуясь, что такъ взбудоражилъ ихъ фیزیоміи.

М-ме Шарбоннель проговорила наконецъ трепещущимъ голосомъ:

— Дѣло совсѣмъ кончено, навѣрное?... процессъ больше не возобновится?

— Нѣтъ, нѣтъ, будьте спокойны. Наслѣдство ваше.

И сообщалъ имъ нѣкоторыя подробности. — Государственный совѣтъ не разрѣшилъ сестрамъ Св. Семейства принять даръ, ссылаясь на существованіе законныхъ наслѣдниковъ, и призналъ заглаваніе недействительнымъ. Монсеньоръ Рошаръ выѣхалъ себя отъ ярости. Ругонъ, видѣвшій его наканунѣ у собрата, министра народнаго просвѣщенія, разсмѣялся, вспомнивъ про его свирѣпыя мимиксы. Торжество надъ прелатомъ очень забавляло его.

— Вы видите, что онъ меня не съѣлъ, — прибавилъ онъ: — я слишкомъ толстъ... О! мы еще съ нимъ посчитаемся. Я прочелъ это у него въ глазахъ. Онъ не такой человѣкъ, чтобы простить неудачу. Но это уже мое дѣло.

Шарбоннели разсыпались въ благодарностяхъ, и объявили, что уѣдутъ сегодня же вечеромъ. Теперь ими овладѣло новое безпокойство: домъ ихъ кузена Шевассю, въ Фаверолѣ, оставался подъ присмотромъ старой, набожной служанки, вполне преданной сестрамъ Св. Семейства. Быть можетъ, узнавъ объ исходѣ процесса, онъ ограбятъ домъ. Эти монахини на все способны.

— Дѣло, дѣло! — подтвердилъ министр, — уѣзжайте немедленно. Еслибы что-нибудь оказалось неладно, напишите мнѣ.

Ругонъ проводилъ ихъ до дверей. Когда дверь отворилась, онъ замѣтилъ удивленіе, написанное на лицахъ всѣхъ посѣтителей. Префектъ Соммы обмѣнялся улыбкой съ своими собратами Юри и Шера. Двѣ дамы у стола презрительно сжали губы. Тогда онъ громко и рѣзко проговорилъ:

— Пишите мнѣ, слышите? Вы знаете, что я въ вашимъ услугамъ.... А когда будете въ Плассанѣ, скажите матери, что я здоровъ.

Онъ прошелъ черезъ всю приемную, провожая до выход-

ныхъ дверей, съ цѣлью возвеличить ихъ передъ всѣмъ этимъ людомъ, ни мало не стыдась ихъ, гордясь тѣмъ, что, будучи уроженцемъ одного съ ними города, теперь достигъ такой власти, что можетъ возвеличить ихъ передъ всѣми. И всѣ просители, чиновники, встававшіе, когда они проходили мимо, раскланивались передъ шелковымъ коричневымъ платьемъ и фракомъ съ четырехугольными фалдами Шарбоннелей.

Когда онъ вернулся въ кабинетъ, то полковникъ поднялся съ мѣста.

— До свиданія, — сказалъ онъ Ругону. — У васъ слишкомъ жарко.

И, нагнувшись, прошепталъ ему нѣсколько словъ на ухо. Онъ просилъ о сынѣ Огюстѣ, котораго собирался взять изъ коллежа, отчаявшись, чтобы когда-нибудь онъ получилъ степень бакалавра. Ругонъ обѣщалъ взять его къ себѣ въ министерство, не смотря на то, что отъ чиновниковъ требовалась эта степень.

— Хорошо, пришлите его, — отвѣчалъ онъ. — Я постараюсь обойти формальности. Я найду предлогъ.... Ему немедленно назначать жалованье, если вы только этого желаете.

Бежунъ остался одинъ у камина. Онъ подкатилъ свое кресло къ самой срединѣ, какъ-бы не замѣчая, что комната пуста. Онъ всегда оставался послѣднимъ, и ждалъ, когда всѣ другіе уже уйдутъ, не перепадетъ ли ему какая подачка.

Мерлю снова отдано было приказаніе пригласить префекта Соммы. Но вмѣсто того, чтобы идти къ дверямъ, Мерль подошелъ къ письменному столу и проговорилъ съ любезной улыбкой:

— Съ позволенія вашего превосходительства, я долженъ исполнить одно маленькое порученіе.

Ругонъ оперся локтями на столъ и приготовился слушать.

— Мнѣ его дала бѣдная м-ше Корреръ... Я былъ у нея сегодня утромъ. Она лежитъ въ постелѣ, у ней вскочилъ чирей на очень неудобномъ мѣстѣ, и такой большой! о! величиной съ полъ-кулака. Это не опасно, но очень больно, потому что у нея такая нѣжная кожа...

— Ну? спросилъ министръ.

— Я даже помогала служанкѣ повернуть ее на другой бокъ. Но служба не позволяетъ мнѣ ухаживать за ней.... А она очень тревожится, и ей хотѣлось бы прійхать къ вашему превосходительству, чтобы узнать, въ какомъ положеніи находятся тѣ дѣла, о которыхъ она хлопочетъ. Я уже уходилъ, когда она подозвала меня и сказала, что съ моей стороны будетъ очень любезно, если я сообщу ей сегодня вечеромъ, послѣ дежурства, отвѣтъ ва-

него превосходительства.... Ваше превосходительство, не будете ли такъ добры сообщить мнѣ то, что м-ме Коррёръ желаетъ знать?

Ругонъ спокойно обернулся.

— М-г д'Эскорайль, дайте-ка мнѣ вонъ ту папку, изъ того шкапа.

Въ этой папкѣ лежали дѣла м-ме Коррёръ. Ихъ была цѣлая куча. Тутъ были и письма, и проекты, и просьбы, написанные всякими почерками и съ самой разнообразной орфографіей: просьбы о разрѣшеніи открыть табачныя лавочки, завести продажу марокъ, просьбы о пособіяхъ, субсидіяхъ, пенсіяхъ и пр. Всѣ листы были помѣчены на поляхъ именемъ м-ме Коррёръ.

Ругонъ перелистывалъ бумаги и глядѣлъ на помѣтки, написанныя внизу каждой краснымъ карандашомъ его собственнѣйшей рукой.

М-ме Жалагье назначена пенсія въ тысячу-восемьсотъ франковъ. М-ме Летюръ разрѣшается открыть табачную лавочку... Поставка м-ме Шардонъ принята... Дѣло м-ме Тестаньеръ еще не кончено... Ахъ! скажите, что дѣло м-ле Эрмини Билькокъ улажено. Я хлопоталъ за нее. Дамы соберутъ необходимую сумму, чтобы соблазвившій ее офицеръ могъ на ней жениться.

— Тысячу разъ благодарю ваше превосходительство, — проговорилъ Мерль съ поклономъ.

Онъ уходилъ изъ комнаты, когда въ дверяхъ показалась прелестная блондура въ розовой шляпѣ.

— Можно войти? — спросилъ тоненькій голосокъ.

И м-ме Бушаръ, не дожидаясь отвѣта, вошла въ комнату. Не найдя въ пріемной пристава, она пошла прямо впередъ. Ругонъ, называя ее: «моя душа», усадилъ, и съ минуту подержалъ въ своихъ большихъ лапахъ ея маленькія ручки, обтянутыя перчатками.

— Вы пришли переговорить о чемъ-нибудь серьезномъ? спросилъ онъ.

— Да, да, объ очень серьезномъ, — отвѣчала она съ улыбкой.

Тогда онъ приказалъ Мерлю никого не впускать. Д'Эскорайль, окончившій отдѣлку ногтей, подошелъ раскланяться съ м-ме Бушаръ. Она сдѣлала знакъ, чтобы онъ наклонился къ ней, и что-то шепнула ему на ухо. Молодой человекъ одобрительно кивнулъ головой, и, взявъ шляпу, сказалъ Ругону:

— Я пойду завтракать, больше нѣтъ никакихъ важныхъ дѣлъ... Вотъ только это мѣсто инспектора. Надобно назначить кого-нибудь.

Министръ качалъ головой нерѣшительно.

— Да, конечно, нужно назначить кого-нибудь... Миѣ рекомендуютъ кучу народа. Но я не люблю назначать людей, которыхъ не знаю.

И оглядѣлся кругомъ, какъ-бы ища человѣка по угламъ комнаты. Вдругъ глаза его остановились на Бежуэнѣ, растянувшимся передъ каминомъ, молча и безмятежно.

— М-г Бежуэнъ,—позвалъ онъ.

Тотъ открылъ глаза, не трогаясь съ мѣста.

— Хотите быть инспекторомъ? Я вамъ объясню въ чемъ дѣло: это мѣсто въ шесть тысячъ жалованья, а дѣлать почти ничего, и ваши депутатскія занятія отъ того не пострадаютъ.

Бежуэнъ наклонилъ голову. Да, да, онъ согласенъ. И когда дѣло уже было совсѣмъ покончено, пробылъ еще минуты двѣ, обнюхивая воздухъ; но должно быть почувствовалъ, что больше ничего не получить въ этотъ день, потому что медленно ушелъ, волоча ноги, вслѣдъ за д'Эскораилемъ.

— Ну, вотъ мы и одни... Ну, въ чемъ дѣло, моя душа? спросилъ Ругонъ хорошенькую m-me Бушаръ.

Онъ подвѣтилъ кресло и сѣлъ передъ ней по срединѣ кабинета. Тутъ только онъ замѣтилъ ея платье изъ блѣдно-розоваго индійскаго кашемира, драпировавшее ее точно пеньюаръ. Она была въ платьѣ, но казалась мало одѣтой. Мягкая, тонкая матерія обтягивала ея формы, не скрывая ихъ. Туалетъ этотъ былъ хитро придуманъ, и его искусственная нагота только усиливала его соблазнительность. Изъ-подъ платья не виднѣлось ни кончика бѣлой юбки; она была точно безъ бѣлья, но тѣмъ не менѣе прелестно одѣта.

— Ну же, въ чемъ дѣло?—повторилъ Ругонъ.

Она улыбалась и молчала, раскинувшись въ креслѣ. Волосы, прикрытые розовой шляпкой, были завиты, бѣлые зубки сверкали изъ-за полуоткрытыхъ губокъ, маленькое личико выражало страстную и покорную мольбу.

— Я хочу у васъ попросить одной вещи,—прошептала она наконецъ.

Потомъ съ живостью прибавила:

— Скажите сначала, что вы сдѣлаете то, о чемъ я васъ попрошу.

Но онъ не хотѣлъ ничего обѣщать. Онъ хотѣлъ знать сначала въ чемъ дѣло. Онъ не довѣряетъ барышнямъ. Она наклонилась въ нему, и онъ спросилъ:

— Значить, это что-нибудь очень нехорошее, что вы не смаете высказаться? Мнѣ приходится васъ исповѣдывать, не такъ ли?.. Ну, начнемъ по порядку. Вы просите за мужа?

Она отрицательно покачала головой, не переставая улыбаться.

— Чортъ возьми!.. Значить, за г. д'Эскорайля?.. Вы сейчасъ о чемъ-то шептались съ нимъ?

Она опять покачала головою, и сдѣлала маленькую гримаску, которая ясно говорила, что пужно же было выслать д'Эскорайля. И такъ какъ Ругонъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ ломалъ голову, за кого это она хлопочетъ, она придвинула кресло еще ближе, такъ что ноги ея касались его ногъ.

— Послушайте... Вы не будете меня бранить? вы вѣдь любите меня немножко?.. Я прошу за одного молодого человѣка. Вы его не знаете; я скажу вамъ его имя, когда вы дадите мѣсто. О! какое-нибудь неважное мѣсто. Вамъ стоить сказать только слово, и мы вамъ будемъ очень благодарны.

— Онъ вамъ родственникъ, можетъ быть?—спросилъ онъ.

Она вздохнула и, поглядѣвъ на него томными глазами, протянула ему руки и прошептала:

— Нѣтъ... другъ... Боже мой! я очень несчастна!

Она отдавала себя въ его руки этимъ признаніемъ. Это была очень ловкая атака, рассчитанная на то, чтобы заглушить въ ней всякую совѣстливость. Одну минуту онъ даже подумалъ, что она выдумала всю эту исторію, изъ утонченного кокетства, чтобы окончательно вскружить ему голову.

— Но это очень дурно!—вскричалъ онъ.

Тогда, быстрымъ и фамиллярнымъ жестомъ, она закрыла ему ротъ рукой безъ перчатки и прижалась къ нему. Глаза ея закрылись, лицо выражало нѣгу. Въ теченіи нѣсколькихъ секундъ она пролежала у него какъ-бы въ объятіяхъ, но онъ грубо вынулъ ее за талію и поставилъ посреди кабинета, сердясь, бранился.

— Чортъ побери! будьте благоразумны!

Она, съ поблѣднѣвшими губами, стояла передъ нимъ и искоса поглядывала на него.

— Да! вы поступаете очень дурно, безсовѣстно! М-г Бушаръ такой прекрасный человѣкъ. Онъ васъ обожаетъ, онъ слѣпо вамъ вѣритъ... Нѣтъ, конечно, я не стану помогать вамъ его обманывать. Я отказываю вамъ, слышите ли, рѣшительно отказываю въ вашей просьбѣ! И выскажу вамъ голую правду, моя красавица, я вѣдь не люблю церемониться... Можно быть снисходительнымъ, но всему есть граница. Ну, ужъ пускай бы...

Онъ умолялъ, потому что чуть-было не сказать, что готовъ терпѣть д'Эскораля. Мало-по-малу онъ успокоился и заговорилъ съ ней съ большимъ достоинствомъ; затѣмъ усадилъ, видя, что она дрожитъ, а самъ остался стоять и долго читалъ ей мораль. Ей пришлось выслушать настоящую проповѣдь. Она оскорбляла все законы божескіе и человѣческіе; она стояла на краю бездны, безчестила домашній очагъ, готовила себѣ старость, полную угрызений совѣсти, и такъ какъ ему показалось, что она улыбается, онъ набросалъ ей картину этой старости; толковалъ про поблекшую красоту, про сердце пустое, про краску стыда на лбу, освѣненномъ сѣдыми волосами. Потомъ рассмотрѣлъ ее просто-покъ съ общественной точки зрѣнія, и тутъ оказался особенно безпощаднымъ; если чувствительное сердце и могло служить ей оправданіемъ, за то худой примѣръ, подаваемый ею, заслуживаетъ безусловнаго порицанія. И тутъ принялся опять громить развращенность современнаго общества, его дурные нравы. Потомъ заговорилъ о себѣ. Онъ—хранитель законовъ, онъ не можетъ злоупотреблять властью для поощренія порока. Правительство, лишенное добродѣтели, по его мнѣнію, невозможно; и кончилъ тѣмъ, что бросилъ вызовъ своимъ противникамъ указать въ его управленіи хоть на одно пристрастное дѣйствіе, на одну милость, оказанную вслѣдствіе интриги.

Хорошенькая m-me Бушаръ слушала его, поникнувъ головою, забившись въ кресло и показывая свою бѣленькую шейку изъ-подъ розовой шляпки. Когда онъ отвелъ себѣ душу, она встала и пошла къ дверямъ, не говоря ни слова; но, взявшись уже за ручку двери, подняла голову и снова улыбнулась, проговоривъ:

— Его зовутъ Жоржъ Дюшанъ. Онъ главный столоначальникъ въ отдѣленіи мужа, и хочетъ быть его помощникомъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, — закричалъ Ругонъ.

Тогда она ушла, окинувъ его долгимъ и презрительнымъ взглядомъ отвергнутой женщины. Она медлила уходить, желая, повидимому, возбудить въ немъ сожалѣніе.

Министръ вернулся въ кабинетъ съ усталымъ видомъ. Онъ сдѣлалъ знакъ Мерлю послѣдовать за нимъ. Дверь оставалась полуоткрытой.

— Г. редакторъ «Voeu National», котораго ваше превосходительство изволили требовать, сейчасъ пріѣхалъ, — сказалъ представъ вполголоса.

— Очень хорошо! — отвѣчалъ Ругонъ. — Но я приму сначала чиновниковъ: они такъ долго дождаются.

Въ эту минуту лакей показался у дверей, которые вели во внутренние покои. Онъ доложилъ, что завтракъ поданъ и м-ше Делестанъ дожидается его превосходительство въ салонѣ. Министръ хитро направился туда.

— Сейчасъ иду! Чтожъ дѣлать! Я приму ихъ въ другой день. Я умираю съ голода.

Онъ вытянулъ шею и заглянулъ въ приемную. Она все еще была полна народа. Ни одинъ чиновникъ, ни одинъ проситель еще не ушелъ. Трое префектовъ разговаривали въ углу. Дамы! пола, немного утомленные, опирались на него кончиками пальцевъ. Тѣ же головы, на тѣхъ же мѣстахъ, торчали вдоль стѣн, неподвижныя и нѣмыя, откинувшись на спинки, обитыя краснымъ бархатомъ. Тогда онъ вышелъ изъ кабинета, отдавъ Мерлю послѣднее приказаніе.

— Подтвердите г. префекту Соммы и г. редактору «*Voeu National*», что я непременно желаю видѣть ихъ сегодня.

М-ше Ругонъ была нездорова и уѣхала наканунѣ на югъ, гдѣ должна была провести мѣсяцъ; у ней жилъ дядя возлѣ Пб. На Делестана было возложено очень важное порученіе по одному жизненно-дорожному вопросу, и онъ уже шесть недѣль какъ находился въ Италіи. И вотъ какимъ образомъ министръ, съ которымъ Клоринда желала побесѣдовать, пригласилъ ее на холостой завтракъ въ министерство.

Она терпѣливо дожидалась его, перелистывая трактатъ административнаго права, валавшійся на столѣ.

— Вы, должно быть, очень проголодались, — весело сказала онъ ей. — Меня осаждали цѣлое утро.

И, подавъ ей руку, провелъ въ столовую, громадную комнату, гдѣ совсѣмъ терялись два прибора, накрытые на маленькомъ столикѣ у окна. Два высокихъ лакея прислуживали. Ругонъ и Клоринда, оба очень умѣренные, на-скоро позавтракали небольшими радисками, кусочкомъ холодной лососины, котлетками съ протертымъ пюре и сыромъ. Ни тотъ, ни другая не прикоснулись къ вину. Ругонъ поутру пилъ только воду. Они не говорили другъ съ другомъ и десяти словъ. Потомъ, когда лакеи, убравъ со стола, принесли кофе и ливеры, молодая женщина села повела бровями, и онъ отлично понялъ это движеніе.

— Хорошо, — сказалъ онъ лакеямъ, — оставьте насъ. Я позвоню, если что понадобится.

Лакеи вышли; тогда она встала съ мѣста, слегка похлопывая по платью, чтобы стряхнуть съ него крошки. На ней было надѣто черное шелковое платье, такое широкое, съ такимъ мно-

жестомъ волановъ, что она была въ немъ укутана, точно въ мѣшкѣ, и съ трудомъ даже можно было отличить, гдѣ у ней грудь, гдѣ бока.

— Какой сарай! — пробормотала она, переходя на другой конецъ комнаты. — Въ вашей столовой можете пировать цѣлый полкъ.

И вернулась, прибавивъ:

— Мнѣ бы очень хотѣлось выкурить папироску!

— Чортъ возьми! — отвѣчалъ Ругонъ, — у меня нѣтъ табаку. Я вѣдь не курю.

Но она улыбнулась, подмигнувъ глазомъ, и вынула изъ кармана небольшой мѣшочикъ изъ краснаго шелка, вышитаго золотомъ, не больше портмоне. Кончиками тонкихъ пальцевъ скрутила она папироску; потомъ, такъ какъ имъ не хотѣлось звонить, то они принялись шарить по всей комнатѣ, ища спичекъ. Наконецъ, на одномъ столикѣ нашли три спички, и она заботливо унесла ихъ съ собой. Тогда, съ папироской въ зубахъ, развалившись въ креслѣ, она стала прихлебывать кофе, съ улыбкой глядя въ лицо Ругону.

— Ну, вотъ, я весь къ вашимъ услугамъ, — замѣтилъ тотъ, тоже улыбаясь. — Вы желали переговорить со мной, говорите.

Она безпечно махнула рукой.

— Да. Я получила письмо отъ мужа. Онъ скучаетъ въ Туринѣ. Онъ очень радъ, что на него возложили эту миссію, благодаря вашимъ стараніямъ, но не желаетъ, чтобы его тамъ забывали... Но мы успѣемъ еще поговорить объ этомъ. Дѣло не къ спѣху.

И продолжала курить, глядя на него съ какой-то задорной улыбкой. Ругонъ, мало-по-малу, привыкъ ее видѣть, не задавая себѣ тѣхъ вопросовъ, которые, въ прежнія времена, такъ живо задѣвали его любопытство. Она сдѣлалась его привычкой; онъ относился къ ней теперь, какъ къ знакомой фигурѣ, и ея всякія странности больше не поражали его. Но на дѣлѣ онъ все еще не могъ сказать о ней ничего опредѣленнаго; онъ зналъ ее не больше, чѣмъ въ первые дни ихъ знакомства. Она являлась въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: мелочной и глубокомысленной, чаще всего глупой, порой же удивительно тонкой, очень кротою и очень злой. Если ему и случалось еще иногда дивиться какому-нибудь ея жесту, слову, которыхъ онъ не могъ объяснить себѣ, онъ только пожималъ плечами съ видомъ мудреца, говоря себѣ, что всѣ женщины на одинъ покровъ. Онъ думалъ показать этимъ великое презрѣніе къ женщинамъ,

но это только подзадоривало улыбку Клоринды, тихую и злую улыбку, выставившую кончики зубов из-за алых губъ.

— Чего вы на меня такъ уставились? — спросилъ онъ наконецъ, смущенный ея пристальнымъ взглядомъ. — Вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится?

Какая-то затаенная мысль свернула въ глазахъ Клоринды, а у рта ея обозначились двѣ жесткія складки. Но она тотчасъ же мило разсмѣялась и, пуская дымъ тоненькими струйками, пробормотала.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ нравитесь... Я думала объ одной вещи, пошлѣ сего. Знаете ли, что вамъ, вѣдь, отлично повезло!

— Какъ такъ?

— Конечно... Вотъ вы на той вершинѣ, куда стремились. Всѣ вамъ помогали. Сами обстоятельства сложились въ вашу пользу.

Онъ собирался отвѣчать ей, когда постучались въ дверь. Клоринда безсознательнымъ движеніемъ прикрыла папироску кубой. Пришелъ чиновникъ сообщить его превосходительству весьма важную депешу. Ругонъ, съ недовольнымъ видомъ, прочиталъ депешу, и сказалъ чиновнику, въ какомъ духѣ слѣдуетъ составить отвѣтъ. Потомъ захлопнулъ съ силой дверь и, усѣвшись снова въ кресло, заговорилъ:

— Да, у меня очень преданные друзья. О! я знаю все, что для меня сдѣлано. Я стараюсь не забывать объ этомъ... И вы правы. Сами обстоятельства благоприятствовали мнѣ. Люди безсильны, если обстоятельства имъ не помогаютъ.

Говоря эти слова медленнымъ тономъ, онъ глядѣлъ на нее из-за опущенныхъ вѣкъ, пряча взглядъ, которымъ изучалъ ее. Затѣмъ заговорила она объ его удачѣ? Что именно извѣстно ей о благоприятныхъ обстоятельствахъ, на которыя она намекала? Не проговорился ли дю-Пуазъ? Но ея улыбающееся и задумчивое лицо говорило ему какъ будто совсѣмъ о другомъ; конечно, она ничего не знала. Онъ самъ старался забыть, предпочитая не напрягать памяти. Былъ часъ въ его жизни, о которомъ онъ только смутно помнилъ. И ему начинало казаться, что онъ въ самомъ дѣлѣ преданности друзей обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ.

— Я не хотѣлъ никакой карьеры, — продолжалъ онъ, — меня насильно протолкнули впередъ. Какъ бы то ни было, все устроилось къ лучшему. Если мнѣ удастся сдѣлать какое-нибудь добро, я буду доволенъ.

Онъ допилъ кофе. Клоринда свертывала вторую папироску.

— Помните ли,—прошептала она,—два года тому назадъ, когда вы вышли изъ государственнаго совѣта, я васъ разспрашивала, я желала знать о причинахъ вашего взбалмошнаго поступка? Вы тогда все лукавили. Но теперь, говоря по совѣсти, вѣдь у васъ былъ опредѣленный планъ?

— Нельзя же безъ того,—тонко отвѣчалъ онъ.—Я чувствовалъ, что положеніе мое шатко, и предпочелъ самъ разстаться съ нимъ.

— И вашъ планъ осуществился, обстоятельства сложились именно такъ, какъ вы предвидѣли?

Онъ подмигнулъ глазомъ, какъ сообщникъ, у котораго душа на распашку.

— Нѣтъ, вѣдь вы же сами знаете, что обстоятельства никогда не складываются вполне такъ, какъ хотѣлось бы... Но, что за дѣло, если въ концѣ-концовъ успѣхъ увѣнчалъ дѣло.

Тутъ онъ предложилъ ей ликера:

— Какого прикажете: кюрасо или шартрѣзъ?

Она согласилась выпить маленькую рюмочку шартрѣзъ. Въ то время какъ онъ наливалъ, въ дверь снова постучались. Она опять спрятала папирску съ жестомъ нетерпѣнія. Онъ же, раздраженный, всталъ, не выпуская изъ рукъ бутылки. На этотъ разъ ему подали письмо, запечатанное большою печатью. Онъ пробѣжалъ его глазами и сунулъ въ карманъ скюртука, говоря:

— Хорошо! прошу меня больше не беспокоить!

Клоринда, когда онъ подсѣлъ къ ней, обмокнула губы въ ликеръ и пила его по капелькѣ, глядя на Ругона исподлобья блестящими глазами. Лицо ея снова приняло задумчивое и нѣжное выраженіе. Она проговорила очень тихо, опершись обѣими руками на столъ:

— Нѣтъ, mon cher, вы никогда не узнаете всего, что для васъ сдѣлали.

Онъ пододвинулся и въ свою очередь оперся на столъ локтями, поспѣшно воскликнувъ:

— Кстати, расскажите-ка мнѣ про это! Будетъ играть въ прятки, не правда ли? Скажите мнѣ, что вы сдѣлали?

Она отвѣчала *нѣтъ* подбородкомъ, медленно, тиская папирску въ зубахъ.

— Что же? ужасное что-нибудь? Вы боитесь, можетъ быть, что я не въ состояніи буду уплатить своего долга?.. Погодите, я попытаюсь угадать... Вы писали папѣ, и вѣрно кропили безъ моего вѣдома мои вещи святой водой.

Но она рассердилась на эту шутку. Грозила уйти, если онъ не замолчитъ.

— Не смѣйтесь надъ религіей, — говорила она. — Это принесетъ вамъ несчастье.

Потомъ, успокоясь и разгоняя рукою дымъ, который, пови-
димому, былъ непріятенъ Ругону, продолжала особеннымъ голо-
сомъ:

— Я видала пропасть народу. Я вамъ вербовала друзей.

Она испытывала злое желаніе все рассказать ему. Ей хо-
телось, чтобы онъ зналъ, какимъ путемъ она содѣйствовала его
впрерѣ. Это признаніе было первымъ торжествомъ ея давно
мготававшейся и тщательно скрываемаго мести. Еслибы онъ
присталъ къ ней, она передала бы ему самыя точныя подро-
бности. Эта оглядка на прошлое вызывала у ней улыбку, туман-
ила голову, румянила щеки.

— Да, да, — повторяла она, — я завербовала въ вашу пар-
тію такихъ людей, которые до того терпѣть васъ не могли,
mon cher.

Ругонъ поблѣднѣлъ какъ полотно. Онъ понялъ.

— А! — просто замѣтилъ онъ.

И хотѣлъ-было заговорить о другомъ. Но она нахально,
слезойно глядѣла ему прямо въ глаза своими черными глазами и
сѣялась горловымъ смѣхомъ. Тутъ онъ не выдержалъ и сталъ
разспрашивать.

— М-г де-Марси, не правда ли?

Она утвердительно кивнула головой, пуская въ бокъ струю
дыма.

— Шевалье Рускони?

Она кивнула утвердительно.

— М-г Лебб, м-г Сальнѣвъ, м-г Гюйо-Лапланшъ?

Она все кивала. Но при имени де-Плугерна протестовала —
этого нѣтъ. И допила рюмку шартрѣзъ съ торжествующимъ
лицомъ.

Ругонъ всталъ. Онъ ушелъ на другой конецъ комнаты, по-
томъ подошелъ къ ней сзади и проговорилъ ей въ затылокъ:

— Когда такъ, такъ отчего же вы не вербовали и меня
самого?

Она живо обернулась, боясь, какъ бы онъ не поцѣловалъ
ея волосы.

— Васъ? но это бесполезно! Зачѣмъ это васъ?.. Вы говорите
идиотъ! мнѣ не нужно было вербовать васъ въ вашу партію.

И такъ какъ онъ съ яростью глядѣлъ на нее, то Клоринда расхохоталась во все горло.

— О! невинный простакъ! съ нимъ нельзя и пошутить, онъ сейчасъ всему повѣрить... Послушайте, *mon cher*, неужели же вы считаете меня способной на такія штуки? Да еще ради вашихъ прекрасныхъ глазъ! Къ тому же, еслибы я совершила всѣ эти гадости, то неужто стала бы вамъ о нихъ рассказывать... Забавный вы, право, человѣкъ!

Ругона на минуту озадачило. Но ироническое отрицаніе дѣлало ее еще задорнѣе, а вся ея особа, смѣхъ, пламя, горѣвшее въ глазахъ, подтверждавало ея признаніе, говорило *да, да*. Онъ протянулъ руки, чтобы взять ее за талію, когда постучались въ третій разъ.

— Пусть себѣ! — пробормотала она, — я не кину папироску.

Вошелъ приставъ, весь запыхавшійся, бормоча, что его превосходительство, министръ юстиціи, желаетъ видѣть его превосходительство, и искоса поглядѣлъ на курившую при немъ даму.

— Скажите, что меня нѣтъ дома! — закричалъ Ругонъ. — Кто бы ни пріѣхалъ, никого не принимать, слышите!

Когда приставъ вышелъ, пятясь задомъ къ двери и отвѣсивъ поклонъ, Ругонъ вышелъ изъ себя и принялся кулаками бить по мебели. Ему не дадутъ вздохнуть; вчера еще пришли терзать его въ уборную, когда онъ брилъ бороду. Клоринда рѣшительными шагами подошла къ дверямъ.

— Постойте, — сказала она. — Намъ больше не помѣшаютъ.

Она заперла дверь на ключъ и положила его себѣ въ карманъ.

— Вотъ, пускай теперь стучатся, сколько душѣ угодно.

И, вернувшись на прежнее мѣсто, принялась скручивать третью папироску, стоя у окна и поглядывая на него съ улыбкой, черезъ плечо. Онъ подумалъ, что она сдается. Теперь она больше не глядѣла на него и курила, глядя въ пространство. Онъ подошелъ и сказалъ ей сзади:

— Клоринда!

Она не пошевелилась, и онъ повторилъ болѣе страстнымъ тономъ:

— Клоринда, почему ты не хочешь?...

Она не обратила вниманія на это *ты*, и отвѣчала: «нѣтъ», но слабо, точно хотѣла придать ему смѣлости, поощрить. Онъ не смѣлъ дотронуться до нея; на него вдругъ напала застѣнчивость мальчишки, парализованнаго своей первой побѣдой. Однако рѣшился, наконецъ, поцѣловать ее въ затылокъ, у са-

нихъ волосъ. Тогда она повернулась къ нему, вся проникнутая презрѣніемъ, и вскричала:

— Это еще что! вы опять за прежнее, *mon cher!*.. Я думаю, что это дурачество у васъ прошло... Какой же вы, право, дуракъ! Вы цѣлуете женщину послѣ двухлѣтняго раздумья.

Онъ, опустивъ голову, бросился къ ней, схватилъ ея руку и осыпалъ поцѣлуями. Она не отнимала руки и продолжала спокойно насмѣхаться надъ нимъ:

— Не укусите только моихъ пальцевъ, сдѣлайте милость... А! не ожидала я этого отъ васъ! вы было-стали такимъ умникомъ, когда я навѣщала васъ въ улицѣ Марбефъ! И вотъ, теперь я смѣю одурѣти, потому только, что я рассказываю вамъ о мерзостяхъ, которыя, слава-Богу, никогда и не думала совершать. Хороши вы, *mon cher*, нечего сказать!.. Я же не горю такъ жалю. Все это уже древняя исторія. Вы отвергли меня, а теперь я васъ отвергаю.

Онъ поднималъ голову и, увидя, что она насмѣхается надъ нимъ и кажется такой неумолимой, опустился на коверъ на колѣни и умолялъ ее, сложивъ руки и бормоча:

— Послушайте, все, что вы хотите. Я все сдѣлаю, все отдамъ.

Но она говорила *нѣтъ* и *нѣтъ*, наказывая его за бывшее пренебреженіе и наслаждаясь первымъ эпизодомъ своей мести. Она ждала, чтобы онъ сталъ всемогущимъ, чтобы отвергнуть его. Это оскорбленіе она наносила его высокоумію сильнаго мужчины.

— Никогда, никогда!—повторила она нѣсколько разъ.—Вы, значитъ, позабыли? Никогда!

Тогда, позорно, Ругонъ повалился ей въ ноги. Онъ взялъ въ руки ея юбки и цѣловалъ ея колѣни, севовъ матерію. То было не мягкое платье *м-ше* Бушаръ, но цѣлая груда матерій, весело плотная, но тѣмъ не менѣе опьянявшая его. Она кожимала плечами, но не жѣлала ему цѣловать платье, а онъ становился смѣлѣе.

— Берегитесь!—сказала она спокойнымъ тономъ.

И такъ какъ онъ не унимался, то приложила ему во лбу курацій кончикъ папиросы, которой не выпускала изъ рукъ. Онъ отскочилъ съ крикомъ, но тутъ же хотѣлъ снова броситься къ ней; она вырвалась и схватилась за ручку звонка, прислонившись спиной къ стѣнѣ, у камина, потомъ закричала:

— Я позволю и скажу, что вы меня заперли.

Онъ завертѣлся на мѣстѣ, приложивъ кулаки къ вискамъ и весь дрожа, какъ въ анхорадкѣ. Потомъ, въ теченіи нѣсколькихъ секундъ

простоялъ неподвижно, боясь, что у него голова лопнетъ. Онъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы овладѣть собою; въ ушахъ у него звенѣло; передъ глазами проносились красные огоньки.

— Я болванъ, — пробормоталъ онъ наконецъ. — Это глупо.

Клоринда смѣялась съ торжествующимъ видомъ и читала ему нотации. Напрасно онъ презираетъ женщинъ; со временемъ онъ убѣдится, что между ними есть недюжинныя личности. Потомъ свѣхла на обычный добродушный тонъ.

— Мы, вѣдь, не поссоримся, не правда ли?.. Видите ли, никогда не просите меня. Я не хочу, мнѣ это не нравится.

Ругонъ рассказывалъ по комнатѣ, стыдась самого себя. Она выпустила ручку звонка и снова усѣлась за столъ, гдѣ приготовила себѣ стаканъ сахарной воды.

— Итакъ, я получила вчера письмо отъ мужа, — начала она. — Я была такъ занята сегодня утромъ, что, быть можетъ, не исполнила бы обѣщанія пріѣхать съ вами завтракать, еслибы мнѣ не нужно было показать вамъ этого письма. Вотъ оно... Мужъ напоминаетъ вамъ про ваши обѣщанія.

Ругонъ взялъ письмо, прочиталъ его на ходу и бросилъ на столъ передъ ней съ жестомъ скуки.

— Ну, что же? — спросила она.

Но онъ не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ горбилъ спину и слегка зѣвалъ.

— Онъ глупъ, — сказалъ онъ наконецъ.

Она очень обидѣлась. Съ нѣкоторыхъ поръ Клоринда не допускала, чтобы сомнѣвались въ способностяхъ ея мужа. На минуту она опустила голову, чтобы скрыть краску, бросившуюся ей въ лицо, какъ отъ личнаго оскорбленія, и старалась унять дрожь, пробѣгавшую по ея рукамъ. Она все еще разыгрывала роль покорной ученицы Ругона. Но, мало-по-малу начинала эманципироваться и обращаться съ нимъ подчасъ какъ равный съ равнымъ.

— Еслибы показать это письмо, то карьерѣ его былъ бы конецъ, — продолжалъ Ругонъ, которому пріятно было сорвать на мужѣ гнѣвъ, возбужденный сопротивленіемъ жены. — Ахъ! такого простака не легко пристроить въ мѣсто.

— Вы преувеличиваете, mon cher, — возразила она послѣ нѣкотораго молчанія. — Въ былое время вы божились, что ему предстоитъ прекрасная карьера. У него весьма солидныя качества... Полноте, не всегда самые умные люди составляютъ самую блестящую карьеру!

Ругонъ продолжалъ ходить. Онъ пожалъ плечами.

— Въ вашихъ интересахъ, — добавила она, — чтобы онъ всту-

нить въ министерство. Вы будете имѣть въ немъ другомъ больше. Если министръ общественныхъ работъ въ самомъ дѣлѣ удаляется отъ дѣла по причинѣ разстроеннаго здоровья, какъ говорятъ, — то случай отличный. Мой мужъ человекъ компетентный, и возложенная на него миссія въ Италіи должна служить для императора новымъ мотивомъ, чтобы выбрать его... Вы знаете, что императоръ очень его любитъ; они понимаютъ другъ друга; у нихъ одинаковые взгляды... Одно ваше слово уладило бы все дѣло.

Ругонъ еще прошелся два или три раза по комнатѣ, не отвѣчая. Потомъ остановился передъ ней:

— Я, впрочемъ, согласенъ... Бываютъ люди и глупѣе его... Но признаюсь, что дѣлаю это единственно только для васъ. Я желаю васъ обезоружить. Гмъ! вы, должно быть, бѣда, какая сердитая, когда кого-нибудь ненавидите? Парі держу, что вы злопамятная?

Онъ шутилъ. Она тоже разсмѣялась, повторяя:

— Да, да, злопамятная. Я ничего не забываю.

Клоринда простилась съ нимъ, но онъ на минуту задержалъ ее въ дверяхъ. Они крѣпко пожали руки другъ другу, не говоря больше ни слова.

Какъ только Ругонъ остался одинъ, онъ направился къ кабинету. Большой покой былъ пустыненъ. Онъ усѣлся передъ письменнымъ столомъ, опершись на него локтями, и тяжело перевелъ духъ. Глаза его закрылись, онъ дремалъ минутъ десять. Но вдругъ проснулся, — и потянулся; потомъ позвонилъ.

Вошелъ Мерль.

— Г. префектъ Соммы вѣрно тутъ еще?.. Пригласите его.

Вошелъ префектъ Соммы, блѣдный и улыбающійся, выпрямляясь во весь свой маленькій ростъ. Онъ чинно привѣтствовалъ министра. Ругонъ слушалъ съ соннымъ видомъ и усадилъ его.

— Вотъ, г. префектъ, затѣмъ я пригласилъ васъ. Иныя инструкціи необходимо передать на словахъ... Вамъ извѣстно, что революціонная партія просыпается. Мы были на волосокъ отъ ужаснѣйшей катастрофы. Словомъ, страна требуетъ гарантій спокойствія, желаетъ чувствовать надъ собою энергическую опеку правительства. Съ своей стороны, его величество императоръ рѣшился показать примѣръ строгости, потому что до сихъ поръ добротой его слишкомъ злоупотребляли...

Онъ говорилъ медленно, опрокинувшись на спинку кресла и играя большой печатью съ агатовой ручкой. Префектъ одобрялъ каждый періодъ рѣчи сочувственнымъ киваніемъ головы.

— Вашъ департаментъ, — продолжалъ министръ — одинъ изъ худшихъ; республиканская зараза...

— Я употребляю всё усилія... — попытался-было вставить префектъ.

— Не перебивайте меня... Надобно, слѣдовательно, принять рѣшительныя мѣры для обузданія умовъ. И чтобы условиться съ вами объ этомъ, я и пригласилъ васъ... Мы составили кое-какой списокъ.

Онъ порылся въ бумагахъ, и, взявъ одну кипу, началъ ее перелистывать.

— Намъ пришлось распредѣлить на всю Францію число арестовъ, признанныхъ необходимыми. Цифра для каждаго департамента соотвѣствуетъ силѣ удара, который мы желаемъ нанести... Я желаю, чтобы вы хорошенъко вникли въ наши намѣренія. Поэтому, слушайте: въ департаментъ Верхней-Марны, гдѣ республиканцы въ ничтожномъ меньшинствѣ, назначено только три ареста. Напротивъ того, въ департаментъ Мёзы пятнадцать арестовъ... Что касается вашего департамента, Соммы, не правда ли? — итакъ, департаментъ Соммы...

Онъ переворачивалъ листки, мигая толстыми вѣками. Наконецъ поднялъ голову и поглядѣлъ чиновнику прямо въ лицо:

— Г. префектъ, вамъ предстоитъ двѣнадцать арестовъ.

Маленькій блѣдный человѣчекъ поклонился, повторяя:

— Двѣнадцать арестовъ... Я вполне понялъ ваше превосходительство.

Но въ немъ замѣтно было смущеніе, хотя онъ старался его скрыть. Послѣ непродолжительной бесѣды министръ расширился съ нимъ и всталъ; тогда онъ рѣшился спросить.

— Вашему превосходительству угодно будетъ назвать мнѣ лицъ?

— О! арестуйте кого хотите!.. Я не могу входить въ эти подробности. У меня времени не хватитъ. Уѣзжайте сегодня же къ себѣ, и съ завтрашняго дня приступите къ арестамъ... Но вотъ что я могу вамъ посовѣтовать. Беритесь за людей покрупнѣе. У васъ тамъ есть адвокаты, негоціанты, аптекаря, занимающіеся политикой. Засадите-ка весь этотъ людъ. Эффектъ будетъ послышнѣе.

Префектъ провелъ рукою по лбу, тревожнымъ жестомъ, росъ въ своей памяти, присккивая адвокатовъ, негоціантовъ, аптекарей. Онъ продолжалъ при этомъ одобрительно качать головой. Но Ругону, должно быть, не понравился его нерѣшительный видъ.

— Не скрою отъ васъ,—замѣтилъ онъ,—что его величество очень недоволенъ въ настоящую минуту административнымъ персоналомъ. Могутъ произойти значительныя перемѣны въ этомъ персоналѣ. Намъ нужны очень преданные люди въ тѣхъ важныхъ обстоятельствахъ, которыя мы переживаемъ.

Слова его были какъ-бы ударомъ бича.

— Ваше превосходительство можете рассчитывать на меня,—кричалъ префектъ. — Я уже отиѣтилъ, кого мнѣ нужно; въ Пероннѣ есть одинъ аптекаръ, а въ Дулленсѣ фабрикантъ сумъ и бумажный фабрикантъ; что касается адвокатовъ, то въ нихъ недостатка вѣтъ, это такая язва... О! увѣряю ваше превосходительство, что найду всѣхъ двѣнадцать человекъ... Я старый слуга имперіи.

Онъ потоплялъ еще о томъ, что надо спасти страну, и ушелъ, отбѣсивъ низкой поклонъ.

Министръ за его спиной съ сомнѣніемъ раскачивалъ своимъ большимъ туловищемъ; онъ не вѣрилъ въ малорослыхъ людей. Не усаживаясь даже на мѣсто, онъ перечеркнулъ въ спискѣ департаментъ Соммы краснымъ карандашомъ. Уже слишкомъ двѣ трети департаментовъ были перечеркнуты такимъ образомъ. Въ кабинетѣ воцарилось безмолвіе. Извѣтъ, Франція, устрешенная, также безмолвствовала.

Затѣмъ министръ снова повалъ Мерля и разсердился, увидя, что пріемная по прежнему полна народа. Ему показалось даже, что обѣ дамы все еще стоятъ у стола.

— Я приказывалъ вамъ отослать весь этотъ людъ,—закричалъ онъ.—Я уѣзжаю и никого не могу принять.

— Г. редакторъ «Voeu National» дожидается,—пробормоталъ приставъ.

Ругонъ позабылъ о немъ. Онъ стиснулъ кулаки у себя за спиной и велѣлъ пригласить редактора. Вошелъ человекъ лѣтъ сорока, очень щегольски одѣтый, съ простоватымъ лицомъ.

— А! вотъ и вы, сударь,—сказалъ министръ грубымъ голосомъ.—Предупреждаю васъ, что дѣла не могутъ такъ идти дальше!

. И, рассказывая по комнатѣ, осыпалъ прессу руганью. Она разбѣгаетъ, разгнѣваетъ, наталкиваетъ на всевозможные безпорядки. Онъ предпочитаетъ журналистамъ разбойниковъ, грабителей по большимъ дорогамъ. Отъ удара кинжаломъ излечиваются, между тѣмъ какъ удары пера пропитаны ядомъ,—и подбираетъ еще другія сравненія, столь же картинныя. Мало-помалу, подзадоривая себя, онъ пришелъ въ настоящую ярость;

голосъ его напоминалъ раскаты грома. Редакторъ, стоя, поникъ головой предъ грозю, съ смиреннымъ и растеряннымъ лицомъ. Наконецъ спросилъ:

— Еслибы ваше превосходительство удостоили объясниться... Я не понимаю, чѣмъ...

— Какъ: чѣмъ?—закричалъ Ругонъ вѣ себя.

Онъ бросился къ столу, развернулъ газету и показалъ на столбцы, всѣ искрещенные краснымъ карандашомъ.

— Не наберется и десяти строкъ, которыя бы не были предосудительны. Въ передовой статьѣ вы какъ-будто сомнѣваетесь въ непогрѣшимости правительства въ дѣлѣ обузданія безпорядковъ. Вотъ, въ этомъ *entre-fûlets*, на второй страницѣ, вы какъ-будто намекаете на меня, говоря о *parvenus*, торжество которыхъ характеризуется нахальствомъ. Въ отдѣлѣ смѣси только и видишь, что грязные анекдоты, глупыя нападки на высшіе классы.

Редакторъ, уstraшенный, складывалъ руки, тщетно пытаясь вставить словечко въ свое оправданіе.

— Клянусь вашему превосходительству... Я въ отчаяніи, что ваше превосходительство могли хотя одну минуту подумать... Я преклоняюсь передъ вашимъ превосходительствомъ.

Но Ругонъ не слушалъ его.

— А хуже всего то, сударь, что всѣмъ извѣстна связь ваша съ администраціей. Какъ хотите вы, чтобы другія газеты уважали насъ, если оплачиваемые нами органы насъ не уважаютъ. Сегодня по-утру всѣ друзья мои въ одинъ голосъ протестовали противъ этихъ гнусностей.

Тутъ редакторъ принудился кричать вмѣстѣ съ Ругономъ. Эти статьи напечатаны безъ его вѣдома. Онъ не видалъ этихъ статей, но немедленно прогнать всѣхъ сотрудниковъ; если его превосходительству угодно, то онъ каждое утро будетъ присылать корректуру его превосходительству. Ругонъ утомился и отъезжалъ; ему некогда! — и сталъ толкать редактора къ двери, какъ вдругъ вспомнилъ еще что-то.

— Да, я было-забылъ. Вашъ фельетонъ омерзителенъ... Эта благовоспитанная женщина, обманывающая мужа, служить отвратительнымъ аргументомъ противъ благовоспитанности. Нельзя допустить и мысли, что благовоспитанная женщина можетъ совершить проступокъ.

— Фельетонъ имѣетъ большой успѣхъ,—пробормоталъ редакторъ, снова встревожась.—Я читалъ его, и нашелъ очень интереснымъ.

— А! вы его читали... Ну, что-жъ, некрайней мѣрѣ, рассказывается ли въ концѣ-концовъ эта несчастная?

Редакторъ захопалъ глазами, сбитый съ толку, стараясь прикинуть.

— Рассказывается ли?... нѣтъ, кажется!

Ругонъ отворилъ-было дверь, но снова захлопнулъ ее и прокричалъ:

— Надо непременно, чтобы она рассказала!.. Потребуйте у автора, чтобы онъ заставилъ ее рассказать!

Х.

Ругонъ писалъ къ дю-Пуазъ и Кану, чтобы они его уволили отъ сукна оффиціального приѣма у городскихъ воротъ Ніора. Онъ приѣхалъ туда въ субботу вечеромъ, около семи часовъ, и прямо проѣхалъ въ префектуру, рассчитывая отдохнуть до завтрашняго утра; онъ очень усталъ. Но послѣ обѣда явились нѣкоторые лица. Извѣстіе о прибытіи министра, должно быть, уже обѣжало городъ. Раскрыли небольшой салонъ рядомъ со столовой, устроилось нѣчто въ родѣ вечера. Ругонъ, стоя межъ двухъ оконъ, вынужденъ былъ подавить гнѣву и отвѣчать любезно на привѣтствія.

Департаментскій депутатъ, тотъ самый стряпчій, который на-сѣдствовалъ оффиціальной кандидатурѣ Кана, появился первый, впопыхахъ, въ сюртукѣ и цвѣтныхъ панталонахъ, въ чемъ извѣстился, объясняя, что возвращался пѣшкомъ съ одной изъ своихъ фермъ, когда услышалъ о пріѣздѣ министра, и пожелалъ немедленно представиться его превосходительству. Потомъ появился маленькій толстый человѣчекъ, въ узкомъ черномъ фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, съ церемоннымъ и огорченнымъ видомъ. То былъ главный помощникъ мэра. Служанка увѣдомила его о прибытіи министра. Онъ повторялъ, что мэръ будетъ въ отчаяніи. Мэръ, ожидавшій его превосходительство только на-завтра, находился въ настоящую минуту въ своемъ помѣстьи, въ десяти километрахъ отъ города. Вслѣдъ за помощникомъ появились еще четверо господъ, съ большими ногами, большими руками, толстыми, тупыми лицами; префектъ представилъ ихъ какъ членовъ статистическаго общества. Наконецъ, лицейскій провизоръ привелъ свою жену, очаровательную блондинку двадцати-восьми лѣтъ, парижанку, туалеты которой производили перенолохъ въ Ніорѣ. Она горько жаловалась Ругону на провинцію.

Между тѣмъ, Кана, обѣдавшего вмѣстѣ съ министромъ и

префектомъ, осыпая разспросами о завтрашнемъ торжествѣ. Предполагалось ѣхать въ кварталъ, называемый «des Moulins», въ состояніи одного лѣ отъ города, въ туннелю, проектируемому на новой желѣзной дорогѣ изъ Ніора въ Анжеръ, и тамъ его превосходительство министръ внутреннихъ дѣлъ самъ подождетъ первую мину. Это казалось трогательнымъ. Ругонъ прикидывался добрымъ. Онъ желалъ только почтить трудное предпріятіе стараго друга. Къ тому же, онъ смотрѣлъ на себя какъ на пріемнаго сына департамента Двухъ-Севровъ, который въ былое время послалъ его въ учредительное собраніе. По правдѣ сказать, цѣлью его поѣздки, — дю-Пуазъ объявлялъ ее даже необходимой, — было показаться во всемъ величіи своимъ прежнимъ избирателямъ, чтобы вполне обезпечить за собой кандидатуру, еслибы со временемъ ему понадобилось вступить въ законодательный корпусъ.

Въ окна маленькаго салона видѣлся темный и уснувшій городъ. Никто больше не приходилъ. О прибытіи министра узнали слишкомъ поздно. Ревностные чиновники, находившіеся на лицѣ у министра, торжествовали. Они и не собирались уходить, и еще топорились отъ удовольствія, что первые осчастливили лицезрѣть его превосходительство въ небольшомъ кружкѣ. Помощникъ мэра повторялъ очень громко, жалобнымъ тономъ, въ которомъ слышалась торжествующая радость:

— Боже мой! г. мэръ будетъ въ отчаяніи!.. и г. президентъ тоже! и г. императорскій прокуроръ! и всѣ эти господа!..

Но около девяти часовъ можно было подумать, что весь городъ переселился въ переднюю. Послышался внушительный шумъ шаговъ. Потомъ слуга пришелъ доложить, что г. центральный комиссаръ желаетъ засвидѣтельствовать свое почтеніе его превосходительству. Вошелъ Жильенъ, — Жильенъ въ полномъ блескѣ, въ черномъ фракѣ, въ соломеннаго цвѣта перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ. Дю-Пуазъ пригнулъ его у себя въ департаментѣ. Жильенъ имѣлъ очень приличный видъ, и отъ прежняго ухарства у него сохранилась только привычка подергивать плечами немного нахально и манія не разставаться со шляпой; онъ прижималъ эту шляпу въ одному боку, немного наискось, въ позѣ, заимствованной изъ какой-нибудь картинки модъ. Онъ согнулся передъ Ругономъ, бормоча съ преувеличеннымъ смиреніемъ:

— Позвольте напомнить о себѣ вашему превосходительству, я имѣлъ честь неоднократно встрѣчать ваше превосходительство въ Парижѣ.

Ругонъ улыбнулся. Они поговорили съ минутой. Затѣмъ Жиль-

онъ перешелъ въ столовую, гдѣ поданъ былъ чай. Онъ напелъ такъ Кана, просматривавшаго списокъ приглашенныхъ на завтрашній день. Въ маленькомъ салонѣ заговорили теперь о величїи царствованія Наполеона III. дю-Пуазá, стоя возлѣ Ругона, прославлялъ имперію, и оба раскланивались другъ съ другомъ, точно поздравляли себя съ личными заслугами передъ лицомъ обитателей Ниора, разинувшихъ рты отъ почтительнаго восторга.

— Что за продувныя бестїи, эти два шельмеца!—пробормоталъ Жилькенъ, слѣдившій черезъ раскрытую дверь за этой сценой.

И, подливая себѣ въ чай рому, онъ толкнулъ локтемъ Кана. дю-Пуазá, худой и пылкій, съ бѣлыми, неровными зубами и физиономіей нервного ребенка, озаренной огнемъ торжества, возбуждалъ смѣхъ въ Жилькенѣ, называвшемъ его «ловкимъ парнемъ».

— Гмъ! вы не видѣли, какъ онъ прїѣхалъ въ департаментъ?—продолжалъ Жилькенъ шепотомъ.—Я былъ съ нимъ. Онъ притопывалъ ногами съ свирѣпымъ видомъ, когда шелъ по улицѣ. Ну, ужъ нисколько же ему, должно быть, здѣшніе жители! Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ префектомъ, онъ угощаетъ себя тѣмъ, что мститъ на свое дѣтство. И у тѣхъ буржуа, которые знавали его жалкимъ оборванцемъ въ былое время, теперь сердце не на мѣстѣ, когда онъ проходитъ мимо, — ручаюсь вамъ!.. О! это солидный професъ! человекъ дѣла. Онъ ничуть не похожъ на Лангледа, котораго мы замѣстили, — волокиту, бѣлокураго, какъ красная дѣвушка. Представьте, что мы находили у него фотографїи раздѣвшихъ барынь даже между дѣловыми бумагами!

Жилькенъ умолкъ на минуту. Ему показалось, что жена прошептала, изъ другой комнаты, не спускаетъ съ него глазъ. Тогда, желая выказать всю грацію своего бюста, онъ наклонился къ Кану, и продолжалъ:

— Рассказывали ли вамъ про свиданіе дю-Пуазá съ отцомъ? О! это самая забавная исторія въ мірѣ!.. Вы знаете, что старикъ былъ когда-то судебнымъ приставомъ и сколотилъ капиталецъ, отдавая деньги въ ростъ, а теперь живетъ какъ волкъ въ старомъ, развалившемся домѣ, съ заряженными ружьями, развѣшанными въ сѣняхъ... Ну, вотъ, дю-Пуазá, которому онъ двадцать разъ предлагалъ висѣлицу, давно уже мечталъ раздавить его. Это подошло наполовину въ его желаніе быть здѣсь префектомъ... Ну, вотъ, въ одно прекрасное утро, мой дю-Пуазá надѣваетъ самый нарядный мундиръ, и подъ предлогомъ объѣзда департамента стучится у дверей старика. Ему пришлось вести переговоры съ добрую четверть часа. Наконецъ, старикъ отпираетъ. Маленькій,

блѣдный старикашка бессмысленно глядитъ на золотое шитье мундира. И знаете ли, что онъ сказалъ по второй фразѣ, когда узналъ, что сынъ его префектомъ?— «Слушай, Леопольдъ, не возмущай податей съ меня!»—А впрочемъ, не выказалъ ни волненія, ни удивленія. Когда дю-Пуазъ вернулся, то кусалъ губы и былъ блѣденъ, какъ полотно. Спокойствіе отца приводило его въ ярость. Вотъ человѣкъ, съ которымъ ему не совладать.

Канъ осторожно качалъ головой. Онъ положилъ списокъ приглашенныхъ въ карманъ и пилъ чай, поглядывая въ сосѣдній салонъ.

— Ругонъ стоя спитъ, — проговорилъ онъ. — Эти болваны должны были бы дать ему отдохнуть. Вѣдь, ему нужно быть свѣжимъ завтра.

— Я еще его не видѣлъ послѣ того, какъ мы разстались, — отвѣчалъ Жильенъ. — Онъ потолстѣлъ.

Потомъ, понизивъ голосъ, повторилъ:

— Продувныя бестіи, эти два шельмеца!.. Они тогда смастерили какую-то хитрую штуку въ самую послѣднюю минуту. Я, вѣдь, ихъ предупреждалъ, а на другой день, гляди, потѣха тѣмъ не менѣе произошла-таки! Ругонъ увѣряетъ, что онъ былъ въ префектурѣ, гдѣ никто ему не повѣрилъ. Ну, это ихъ дѣло, и лучше объ этомъ помалчивать... Сютина дю-Пуазъ угостилъ меня тогда знатнымъ завтракомъ въ одномъ изъ бульварныхъ кафе. О, что за день! Мы должны были провести вечеръ въ театрѣ. Ужъ я хорошенько не помню, — только я послѣ того проспалъ двое сутокъ.

Должно быть, Канъ находилъ откровенность собесѣдника опасной. Онъ ушелъ изъ столовой. Тогда Жильенъ, оставшись одинъ, окончательно убѣдилъ себя, что жена провизора заглядывается на него. Онъ вернулся въ гостинную, и началъ за ней увиваться, принесъ ей чаю, сдобнаго хлѣба. Онъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, недурень и походилъ на порядочнаго, но дурно воспитаннаго человѣка, и это, повидимому, трогало красавицу. Между тѣмъ, депутатъ доказывалъ необходимость для Ніора выстроить новую церковь; помощникъ требовалъ моста, провизоръ толковалъ о расширеніи зданія лица, а шестеро членовъ статистическаго общества на все сочувственно кивали головой.

— Увидимъ завтра, господа, — отвѣчалъ Ругонъ съ полужакрытыми глазами. — Я пріѣхалъ сюда, чтобы узнать о вашихъ нуждахъ и дать ходъ вашимъ просьбамъ.

Десять часовъ пробило, когда слуга пришелъ сказать что-то префекту на ухо, а тотъ тотчасъ шепнулъ что-то министру. Ругонъ поспѣшно вышелъ. М-ме Коррёръ ждала его въ сосѣдней ком-

нѣ. Съ нею вмѣстѣ была высокая, худая дѣвушка, съ безпримѣльнымъ лицомъ, покрытымъ веснушками.

— Какъ? вы въ Ниорѣ?—вскричалъ Ругонъ.

— Только съ сегодняшняго утра, — отвѣчала м-ше Коррѣръ. — Имъ остановились тутъ, напротивъ, на площади Префектуры, въ гостиницѣ «Парижъ».

И объяснила, что пріѣхала изъ Куланжа, гдѣ провела два мѣсяца. Потомъ прибавила, указывая на высокую дѣвушку:

— М-ле Эрмини Билькоу согласилась сопровождать меня.

Эрмини Билькоу отвѣсила церемонный реверансъ. М-ше Коррѣръ продолжала:

— Я вамъ не говорила объ этой поѣздкѣ, потому что вы могли бы, быть можетъ, меня бранить; но я никакъ не могла удержаться; мнѣ такъ хотѣлось видѣть брата... Когда я узнала, что вы ждете въ Ниорѣ, то пріѣхала сюда. Мы васъ стерегли, мы ждали, какъ вы вошли въ префектуру, но подумали, что лучше будетъ, если мы явимся къ вамъ попозже. Въ этихъ маленькихъ городкахъ привыкли сплетничать!

Ругонъ одобрилъ кивкомъ головы. Въ самомъ дѣлѣ, м-ше Коррѣръ, разрисованная болѣе чѣмъ когда-либо, въ желтомъ платьѣ, казалась ему неприличной знакомой для провинціи.

— И вы видѣли вашего брата?—спросилъ онъ.

— Да, да, — пробормотала она сквозь зубы, — я его видѣла. М-ше Мартинб не посмѣла не пустить меня. Она съ лопаткой въ рукахъ жгла сахаръ... Бѣдный братъ! я знала, что онъ боленъ, но мое сердце перевернулось, когда я увидѣла, какой онъ худой. Онъ мнѣ сказалъ, что не лишитъ меня наслѣдства, потому что это противъ его правилъ. Завѣщаніе уже составлено, состояніе должно быть раздѣлено между мною и м-ше Мартинб... Не правда ли, Эрмини?

— Состояніе должно быть раздѣлено между вами, — отвѣчала высокая дѣвушка. — Онъ сказалъ это, когда вы вошли, и повторилъ, когда указалъ вамъ на дверь. О! это вѣрно! я слышала.

Между тѣмъ Ругонъ торопиль обѣихъ женщинъ, говоря:

— Ну, вотъ я прекрасно! я радъ! Вы теперь будете спокойнѣе! Боже мой, семейныя ссоры всегда какъ-нибудь улаживаются... Ну, доброй ночи, я ухожу спать.

Но м-ше Коррѣръ остановила его. Она вынула изъ кармана носовой платокъ и утирала имъ глаза, въ припадкѣ внезапнаго отчаянія.

— Бѣдный Мартинб!.. Онъ былъ такъ добръ... Онъ меня простилъ съ такимъ простодушіемъ... Еслибы вы видѣли, мой

другъ... Я пріѣхала къ вамъ ради него, чтобы умолять васъ за него...

Слезы помѣшали ей говорить. Она рыдала. Ругонъ, удивленный, не понималъ въ чемъ дѣло, и глядѣлъ на обѣихъ женщинъ. М-ше Эрмини Бильеокъ тоже плакала, но тише; она была очень чувствительна и находила слезы заразительными. Она первая пробормотала:

— М-г Мартино скомпрометтировалъ себя политикой.

Тутъ м-ше Коррѣръ ватараторила въ свою очередь:

— Вы помните, что я высказывала вамъ какъ-то свои опасенія. У меня было предчувствіе... Мартино сталъ республиканцемъ. На послѣднихъ выборахъ онъ позабылъ всякую мѣру и велъ отчаянную пропаганду въ пользу кандидата оппозиціи. Я знаю такія подробности, которыхъ не хочу передавать. Словомъ, все это должно было худо кончиться. Какъ только я пріѣхала въ Кулонжъ, въ гостиницу «Золотого Льва», гдѣ мы остановились, я стала спрашивать разныхъ людей, и узнала еще многое другое. Мартино велъ себя безумно. Ничего бы не удивило, еслибы онъ былъ арестованъ. Всѣ со дня на день ждутъ, что его увезутъ жандармы... Подумайте, какой ударъ для меня! Тутъ я вспомнила о васъ, мой другъ...

Снова голосъ ея заглушился рыданіями. Ругонъ старался успокоить ее. Онъ переговорить объ этомъ дѣлѣ съ дю-Пуазѣ и остановить преслѣдованія, если онѣ начнутся. У него вырвались даже слова:

— Я всемогущъ, спите спокойно.

М-ше Коррѣръ качала головой и вертѣла въ рукахъ платокъ. Слезы ея высохли. Она, наконецъ, проговорила вполголоса:

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не знаете. Это важнѣе чѣмъ вы думаете... Онъ провожаетъ м-ше Мартино къ обѣдѣ, а самъ остается у дверей, и никогда нога его не бываетъ въ церкви; такимъ образомъ онъ каждое воскресенье скандализируетъ весь городъ. Онъ посѣщаетъ бывшаго адвоката, удалившагося въ Кулонжъ, дѣтала 48 г.; съ нимъ онъ по цѣлымъ часамъ толкуетъ объ ужасныхъ вещахъ. Часто видали по ночамъ, какъ къ нему въ садъ прокрадывались люди весьма подозрительной наружности, приходившіе, конечно, сговариваться съ нимъ.

При каждой подробности Ругонъ пожималъ плечами. На м-ше Эрмини Бильеокъ подхватила, точно ее оскорбляла такая снисходительность:

— А письма-то, которые онъ получаетъ изъ различныхъ

странъ, съ красными печатами; намъ сказывалъ объ этомъ почтальонъ. Онъ и говорить-то не хотѣлъ сначала, и весь поблѣднѣлъ. Мы дали ему двадцать су... А его послѣдняя поблѣдка? Онъ указалъ на недѣлю, и никто до сихъ поръ не знаетъ, куда онъ ѣздилъ. Хозяйка «Золотого Льва» говорила намъ, что онъ даже не бралъ съ собой бѣлья.

— Эрмини, перестаньте! — проговорила м-ше Коррёръ съ тревожнымъ видомъ. — Martino и безъ того на худомъ счету, и намъ обвинять его.

Ругонъ мигалъ глазами, поочередно глядя на обѣихъ женщинъ. Онъ становился очень серьезень.

— Если онъ такъ сильно скомпрометтированъ... — пробормоталъ онъ.

Ему показалось, что въ мутныхъ глазахъ м-ше Коррёръ сверкнуло пламя. Онъ продолжалъ:

— Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, но ничего же общаю.

— Ахъ! онъ погибъ! онъ погибъ! — закричала м-ше Коррёръ. — Я это чувствую, скажу вамъ... Мы не хотимъ всего говорить. Еслибы мы вамъ все рассказали...

Она умолкла и принялась кусать носовой платокъ.

— А я-то не видала его двадцать лѣтъ! И вотъ, быть можетъ, никогда больше не увижу!.. Онъ былъ такъ добръ, такъ добръ!

Эрмини слегка пожала плечами. Она знаками объясняла Ругону, что слѣдуетъ извинить отчаяніе сестры, но что старый нотариусъ негодяй большой руки.

— На вашемъ мѣстѣ я бы все рассказала. Это было бы лучше.

Тогда м-ше Коррёръ какъ-будто сдѣлала надъ собой большое усиліе и рѣшилась высказаться:

— Вы помните молебны, которые повсемѣстно служились, когда императоръ былъ такъ чудесно спасенъ возлѣ оперы... Ну, вотъ, въ тотъ день, какъ служили молебенъ въ Кулонжѣ, одинъ сосѣдъ спросилъ у Martino, пойдетъ ли онъ въ церковь, а этотъ несчастный отвѣчалъ: «въ церковь? это зачѣмъ? плевать мнѣ на вашего императора!»

— «Плевать мнѣ на вашего императора!» — повторила м-ше Эрмини Билькокъ съ испуганнымъ видомъ.

— Понятны ли вамъ теперь мои опасенія? — продолжала м-ше Коррёръ. — Я вамъ говорю, никого не удивить, если его арестуютъ.

Прожнася эту фразу, она пристально смотрѣла на Ругона. Онъ не тотчасъ заговорилъ. Ругонъ, повидимому, въ послѣдній разъ изучалъ эту толстую, драблую рожу, на которой безцвѣтные глаза мигали подъ рѣдкими, свѣтлыми рѣсницами. Онъ на минуту остановилъ глаза на жирной, бѣлой шеѣ, потомъ развелъ руками и вскричалъ:

— Я тутъ ничего не могу сдѣлать, увѣраю васъ. Я не вѣстенъ дѣлать все, что хочу.

И сталъ объяснять причины. Онъ поставилъ себѣ за правило не вмѣшиваться въ подобныя дѣла. Если правосудіе влялось за это дѣло, то надо предоставить событія ихъ естественному теченію. Онъ бы предпочелъ вовсе не знать м-ше Коррѣръ, потому что дружба къ ней свяжетъ ему руки; онъ появлялся никогда не оказывать извѣстнаго рода услугъ друзьямъ. Словомъ, онъ наведетъ справки. И принялся утѣшать ее такъ, какъ еслибы брать ея уже былъ на пути въ одну изъ колоній. Она опустила голову и всхлипывала, причемъ громадный узелъ бѣлокурыхъ волосъ, припиленный къ ея затылку, колыхался. Однако, мало-по-малу успокоилась, и, прощаясь съ Ругономъ, подвела къ нему Эрмини Билькокъ, говоря:

— М-ше Эрмини Билькокъ... Кажется, я вамъ ее представляла. Простите, у меня голова идетъ кругомъ... Это та дѣвица, для которой намъ удалось собрать приданое. Офицеръ, соблазненный ея, не могъ еще жениться на ней, потому что формальностямъ нѣтъ конца... Ну, душа моя, поблагодарите его превосходительство.

Высокая дѣвушка поблагодарила, краснѣя, съ выраженіемъ оскорбленной невинности, при которой отпустили неприличное слово. М-ше Коррѣръ пропустила ее впередъ; потомъ, крѣпко пожавъ руку Ругону и наклонившись къ нему, прибавила:

— Я рассчитываю на васъ, Эженъ.

Когда министръ вернулся въ маленькій салонъ, тамъ уже не было ни души. Дю-Пуазъ удалось спроводить депутата, помощника и шестерыхъ членовъ статистическаго общества. Самъ Канъ уѣхалъ, условившись собраться на завтра въ десять часовъ. Въ столовой оставались только жена провизора и Жильентъ; они жевали сладкіе пирожки, болтая о Парижѣ. Жильентъ нѣжно закатывалъ глаза, толковалъ про скачки, про выставку картинъ, про первыя представленія въ *Comédie française*, съ развязностью человѣка, которому привычно всякое общество. Въ это время провизоръ шепотомъ сообщалъ префекту объ одномъ профессорѣ четвертаго класса, заподозрѣнномъ въ томъ, что онъ республиканецъ. Было одинъ-

идать часовъ. Всѣ встали, раскланялись съ его превосходительствомъ, и Жильеиъ уже уходилъ вмѣстѣ съ провизоромъ и его женой, ведя подъ руку послѣднюю, когда Ругонъ задержалъ его:

— Г-нъ-центральный комиссаръ, прошу васъ на пару словъ.

Когда они остались одни, онъ обратился разомъ къ комиссару и префекту.

— Что это за исторія съ Мартино?... Этотъ человѣкъ въ самомъ дѣлѣ скомпрометгированъ?

Жильеиъ улыбнулся, дю-Пуазъ сообщилъ нѣкоторые свѣдѣнія.

— Боже мой! я о немъ не думалъ. На него донесли. Я получилъ письма... Несомнѣнно, что онъ занимается политикой. Но въ департаментѣ уже сдѣлано четыре ареста. Я бы предпочелъ, чтобы пополнить цифру пяти арестовъ, назначенную намъ, посадить одного учителя четвертаго класса, который читаетъ своимъ ученикамъ революціонныя книги.

— Я узналъ объ очень важныхъ вещахъ, — сказалъ строго Ругонъ. — Нельзя допускать, чтобы слезы сестры спасли этого Мартино, если онъ въ самомъ дѣлѣ такъ опасенъ. Тутъ замѣнять вопросъ общественной безопасности.

И поворачиваясь къ Жильеиу:

— Какъ вы объ этомъ думаете?

— Я завтра же приступаю къ аресту, — отвѣчалъ этотъ послѣдній. — Я узналъ все дѣло. Я видѣлся съ м-ше Коррёръ въ гостинницѣ «Парижъ», гдѣ обыкновенно обѣдаю.

дю-Пуазъ не возражалъ. Онъ вынулъ изъ кармана записную книжку и зачеркнулъ одно имя, а на мѣсто его поставилъ другое, подтвердивъ центральному комиссару о томъ, чтобы онъ все-таки наблюдалъ за учителемъ четвертаго класса. Ругонъ проводилъ Жильеиъ до дверей.

— Этотъ Мартино, кажется, нездоровъ. Съѣздите сами въ Булонжъ. Будьте очень мягки.

Жильеиъ выпрямился съ оскорбленнымъ видомъ. Онъ поблѣднѣлъ объ уваженіи и заговорилъ съ его превосходительствомъ на ты.

— Развѣ ты принимаешь меня за грязнаго шпиона?— вскричалъ онъ. — Разспроси у дю-Пуазъ про исторію того аптекаря, котораго я арестовалъ въ постели третьяго-дня. Я напалъ у него на одного пристава. Никто не узналъ объ этомъ... Я всегда поступаю какъ свѣтскій человѣкъ.

Ругонъ крѣпко проспалъ девять часовъ. Когда на другое утро онъ раскрылъ глаза, около половины девятаго, и позвалъ дю-Пуазъ, — этотъ принималъ съ сигарой въ зубахъ, очень веселый.

Они болтали, шутили камъ во времени бны, когда жили у ин-та Мелани Коррёръ и шлепками будили другъ друга. Умываясь министръ разспрашивалъ у префекта разныя подробности о край о чиновникахъ, объ ихъ желаніяхъ и слабостяхъ. Ему хотѣлось каждому сказать что-нибудь пріятное.

— Будьте покойны, я вамъ буду подсказывать! — сказалъ дю-Пуазъ, смѣясь.

И въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ ему лица и характеры тѣхъ людей, которыхъ онъ увидитъ завтра. Многое Ругонъ заставлялъ его повторять, чтобы лучше запомнить. Въ десять часовъ пріѣхалъ Канъ. Они позавтракали втроемъ, условливаясь въ подробностяхъ торжества. Префектъ скажетъ рѣчь; Канъ также. Ругонъ будетъ говорить послѣдній. Но желательно было бы, чтобы еще кто-нибудь сказалъ рѣчь. Одну минуту они остановились-было на мѣрѣ, но дю-Пуазъ находилъ его слишкомъ глупымъ, и указавъ, наконецъ, на мѣстнаго инженера; на немъ и остановились, хотя Канъ и побаивался его злого языка. Когда вышли изъ-за стола, Канъ отвелъ министра въ сторону и перечислилъ ему пункты, на которые онъ желалъ, чтобы министръ особенно напиралъ въ своей рѣчи.

Мѣстомъ сборища назначена была префектура, куда положено было всѣмъ прибыть въ половинѣ одиннадцатаго. Мэръ и его помощникъ явились вмѣстѣ; мэръ бормоталъ, будто въ отчаяніи, что отсутствовалъ вчера вечеромъ, а помощникъ съ аффектаціей осведомлялся, хорошо ли его превосходительство изволилъ почивать, и отдохнулъ ли отъ дороги. Потомъ появились председатель гражданского суда и императорскій прокуроръ, съ своими двумя помощниками, инженеръ, а за ними слѣдомъ сборщикъ податей, инспекторъ ипотечныхъ закладовъ. Многіе изъ этихъ господъ были съ своими дамами. Жена провизора, въ голубомъ, весьма шикарномъ нарядѣ, произвела большой эффектъ; она просила его превосходительство извинить ея мужа, котораго задержалъ дома припадокъ подагры, схватившій его накануне, по возвращеніи домой. Тѣмъ временемъ прибывали новыя лица: полковникъ 78-го линейнаго полка, квартирующаго въ Ниорѣ, председатель коммерческаго суда, оба городскіе мировые суды, инспекторы водъ и лѣсовъ, въ сопровожденіи трехъ дочерей, муниципальные совѣтники, делегаты совѣщательной палаты искусствъ и мануфактуръ, статистическаго общества и совѣта экспертовъ.

Пріемъ происходилъ въ большой залъ префектуры. Дю-Пуазъ представлялъ всѣхъ министру, а министръ, улыбаясь, согнувшись надое, принималъ каждого, какъ стараго знакомаго. Ему извѣст-

ны были удивительныя подробности о каждомъ изъ нихъ. Онъ съ большою похвалою отзывался императорскому прокурору о его обвинительной рѣчи, произнесенной недавно въ одномъ процессѣ о нарушеніи супружеской вѣрности; освѣдомился въволнованнымъ голосомъ у сборщика податей о здоровьи его супруги, которая лежала больная уже цѣлыхъ два мѣсяца. Задержавъ на минуту полковника 78-го линейнаго полка, чтобы показать ему, что знаетъ о блестящихъ успѣхахъ сына его, воспитывавшагося въ Сентъ-Сирскомъ училищѣ. Онъ говорилъ объ обуви съ муниципальнымъ совѣтникомъ, у котораго были большія баппачныя мастерскія, а съ инспекторомъ ипотечныхъ закладовъ, — онъ же и страстный археологъ, — потолковалъ о друидическомъ камнѣ, найденномъ на прошлой недѣлѣ. Когда онъ запинался и искалъ словъ, дю-Пуазъ подоспѣвалъ къ нему на помощь и ловко подсмѣивалъ, что говорить. Но вообще, министръ дѣйствовалъ съ всеполюбимымъ апломбомъ.

Когда вошелъ предсѣдатель коммерческаго суда и раскланялся съ нимъ, Ругонъ вскричалъ съ привѣтливымъ видомъ:

— Вы одинъ, господинъ предсѣдатель? Но надѣюсь, что сегодня вечеромъ вы пріѣдете на балъ съ вашей супругой...

Онъ остановился, вида смущеніе, изобразившееся на лицахъ, окружающихъ его. Дю-Пуазъ усердно мигалъ глазами. Тутъ онъ вспомнилъ, что предсѣдатель коммерческаго суда жилъ врозь съ женой, вслѣдствіе нѣкоторыхъ скандальныхъ исторій. Онъ ошибся, онъ думалъ, что обращается къ другому предсѣдателю, предсѣдателю гражданскаго суда. Но это не поколебало его апломба. Продолжая улыбаться и не стараясь исправить своей неловкости, онъ продолжалъ съ тонкой усмѣшкой.

— Я могу сообщить вамъ пріятную новость. Я знаю, что мой собратъ, министръ юстиціи, представилъ васъ ко кресту... Но это нескромность съ моей стороны. Не выдайте меня.

Предсѣдатель коммерческаго суда вспыхнулъ. Онъ задыхался отъ радости. Всѣ столпились вокругъ него, поздравляли его, а Ругонъ мысленно повторялъ себѣ, что надо поскорѣ предупредить собрата — о крестѣ, который только-что посулилъ. Онъ награждалъ обманутаго мужа. Дю-Пуазъ улыбнулся съ восхищеніемъ.

Между тѣмъ въ залѣ набралось человѣкъ пятьдесятъ. Кого-то еще ждали; всѣ были молчаливы и какъ-бы стѣснены.

— Мнѣ кажется, пора ѣхать, — пробормоталъ министръ.

Но префектъ наклонился къ нему и объяснилъ, что ждутъ депутата, бывшего соперника Кама. Наконецъ, тотъ явился весь мокрый. Должно быть, часы его отстаютъ; онъ не понимаетъ,

какъ это онъ такъ запоздалъ. И, чтобы показать, что это не первый его визитъ, обратился къ министру со словами:

— Какъ я имѣлъ честь докладывать вчера вашему превосходительству...

И пошелъ рядомъ съ Ругономъ, сообщая ему, что завтра же утромъ уѣзжаетъ въ Парижъ. Пасхальные каникулы окончились наканунѣ. Сессія вновь открыта. Но онъ считъ нужнымъ пробыть еще лишнихъ два дня въ Нюрѣ, чтобы встрѣтить его превосходительство.

Всѣ приглашенные сошли на дворъ префектуры, гдѣ съ десяткомъ экипажей, стоявшихъ въ два ряда передъ крыльцомъ, ждали ихъ. Министръ сѣлъ съ депутатомъ, префектомъ и мэромъ въ коляску, и она покатилась впереди всѣхъ. Остальные размѣстились какъ сумѣли, въ іерархическомъ порядкѣ. Было еще двѣ коляски, три викторіи и шести и семи-мѣстные шарабаны. На площади Префектуры процессія организовалась; экипажи поѣхали мелкой рысцой. Ленты дамъ развѣвались, а юбки ихъ торчали изъ экипажей; черныя шляпы мужчинъ отливали на солнцѣ. Пришлось проѣхать почти черезъ весь городъ. Катясь по узкимъ улицамъ, по неровной мостовой, экипажи гремѣли, точно пустыя бочки. У всѣхъ оконъ, у всѣхъ дверей обитатели города молча кланялись, ища глазами его превосходительство, и очень дивились, что министръ — въ черномъ сюртукѣ, представлявшемъ рѣзкій контрастъ съ расшитымъ въ золото мундиромъ префекта.

Выѣхавъ изъ города, экипажи покатились вдоль широкой аллеи, усаженной великолѣпными деревьями. Погода стояла теплая; было чудное апрѣльское утро: на небѣ ни облачка, солнце ярко свѣтило. Дорога, ровная и прямая, шла между садами, усаженными сиренью и абрикосовыми деревьями въ цвѣту. Далѣе, поля смѣнились обширными лугами, на которыхъ тамъ-и-сямъ видѣлись группы деревьевъ. Въ экипажахъ шли разговоры.

— Это бумагопрядильная фабрика, не правда-ли?—спросилъ Ругонъ у префекта на ухо.

И, обращаясь къ мэру и показывая на красное кирпичное зданіе на берегу рѣки, прибавилъ:

— Эта бумагопрядильная фабрика принадлежитъ вамъ, кажется.... Мнѣ говорили о вашей новой системѣ чесанія шерсти. Я постараюсь улучшить свободную минутку, чтобы взглянуть на всѣ эти чудеса.

Онъ разспрашивалъ, какова двигательная сила рѣки. По его мнѣнію, гидравлическіе двигатели, при хорошихъ условіяхъ, пред-

ставляют громадные преимущества. Ругонъ поразила мѣра своими техническими свѣдѣніями. Остальные экипажи ѣхали нѣсколько въ разбродъ. Долетали отрывки разговоровъ, уснащенные цифрами и заглушаемые стукомъ лошаденныхъ копытъ. Прозвучалъ серебристый смѣхъ, заставившій всѣ головы обернуться, — смѣялась жена провизора: зонтикъ ея колетѣлъ на грудь мамней.

— У васъ есть ферма въ этой сторонѣ, — съ улыбкой обратился Ругонъ къ депутату. — Это она виднѣется вонъ тамъ, на холмѣ, если не ошибаюсь.... У васъ великолѣпные луга! Я знаю, кромѣ того, что вы занимаетесь разведеніемъ скота и что на послѣднихъ сельскихъ выставкахъ воровы ваши получили преміи.

Тутъ они заговорили о скотѣ. Луга, облитые солнцемъ, отличали зеленымъ бархатомъ. Всѣ они были испещрены цвѣтами. Въ стѣнѣ высокихъ тополей открывались просвѣты, и въ нихъ видѣлись прелестные пейзажи. Старуха, гнавшая осла, остановилась у края дороги, чтобы дать прѣѣхать кортежу. Оселъ заревѣлъ, испуганный вереницей экипажей, у которыхъ полированные стѣнки сверкали на солнцѣ. Дамы въ нарядныхъ туалетахъ, мужчины въ перчаткахъ не позволили себѣ даже улыбнуться.

Экипажи свернули влѣво и взѣхали на небольшое возвышеніе, затѣмъ спустились оттуда. Они достигли назначеннаго пункта и находились теперь въ ложницѣ небольшой долины, какъ-бы въ котлѣ, сдавленномъ между тремя холмами, образовавшими собою три стѣны. Изъ окрестности, если поднять глаза вверхъ, видны были на ясномъ небѣ только сломанные остовы двухъ полуразрушенныхъ мельницъ. Въ глубинѣ ложницы, на клочкѣ земли, поросшемъ травою, была раскинута палатка изъ сѣрой холстины, обшитой широкимъ краснымъ галуномъ, съ развѣвающимися по четыремъ сторонамъ флагами. Двѣсти или триста любителей пришли пѣшкомъ: буржуа, дамы, мѣстные крестьяне разѣстались на правой, тѣнистой сторонѣ вдоль амфитеатра, образуемаго однимъ изъ холмовъ. Передъ палаткой выстроена была рота 78-го линейнаго полка, напротивъ ніорской пожарной команды; молодецкій видъ послѣдней вызывалъ громкія похвалы. На краю лужайки стояла команда работниковъ, въ новыхъ блузахъ, и во главѣ ихъ нѣсколько инженеровъ. Какъ только появились экипажи, оркестръ городского филармоническаго общества, состоявшій изъ музыкантовъ-любителей, заигралъ увертюру изъ «la Dame Blanche».

— Да здравствуетъ его превосходительство! — закричало нѣсколько голосовъ, заглушенныхъ инструментами.

Ругонъ вышелъ изъ экипажа. Онъ поднялъ голову и огля-

дѣлъ яму, гдѣ они всѣ наскочились, недовольный ограниченностью горизонта, что, какъ ему казалось, ослабляетъ торжественность праздника. Онъ простоялъ съ минутою въ ожиданіи обычнаго привѣтствія. Наконецъ прибѣжалъ Канъ. Онъ уѣхалъ изъ префектуры тотчасъ послѣ завтрака, но изъ предосторожности осматривалъ мину, которую его превосходительство долженъ былъ поджечь. Онъ подвелъ министра въ палатки. Приглашенные послѣдовали за ними. Произошла небольшая сумятица. Ругонъ просилъ объясненій.

— Итакъ, туннель долженъ быть пробить вонъ въ томъ мѣстѣ?

— Точно такъ, — отвѣчалъ Канъ. — Первая мина заложена въ той самой красноватой скалѣ, гдѣ ваше превосходительство видите водруженное знамя.

Холмъ, веритый заступомъ, обнажилъ скалу. Вырытые кустарники висѣли среди кочекъ земли. Почва траншеи была усыпана листьями. Канъ показалъ рукой на линію желѣзной дороги, обозначенную двойнымъ рядомъ колышковъ, бѣгавшихъ среди тропинокъ, травъ, кустовъ. Предстояло возбудоражить этотъ мирный уголокъ природы.

Тѣмъ временемъ власти разиѣстились въ палатки. Позади нихъ любопытные наклонялись, чтобы лучше видѣть въ отверстіе палатки. Оркестръ филармоническаго общества доигрывалъ увертюру изъ «la Dame Blanche».

— Господинъ министръ, — провучалъ вдругъ рѣзкій голосъ, — я поставлю себя въ особое удовольствіе первый поблагодарить ваше превосходительство за то, что вы удостоили принять приглашеніе, которое мы осмѣлились вамъ сдѣлать. Департаментъ Двухъ-Севровъ сохранилъ вѣчное воспоминаніе...

То говорилъ дю-Пуазъ. Онъ стоялъ въ трехъ шагахъ отъ Ругона, и въ этихъ мѣстахъ рѣчи оба слегка покатывали головою. Дю-Пуазъ говорилъ съ четверть часа: напомнилъ министру о томъ, какъ онъ блестяще представлялъ департаментъ въ законодательномъ собраніи, клялся ему, что городъ Нюръ виситъ его имя въ свои лѣтописи, какъ имя благодѣтеля, и горитъ желаніемъ выразить ему благодарность при всякомъ случаѣ. Дю-Пуазъ вѣкъ на себя политическую и практическую сторону дѣла. Минутами голоса его не было слышно, и тогда зрителямъ видѣли только его жесты, правильное размахиваніе правой рукой, причемъ вниманіе двухсотъ или трехсотъ любопытныхъ, разиѣстившихся на холмѣ, привлекала золотая вышивка его обшлага, блестящая на солнцѣ.

Затѣмъ Канъ выступилъ на середину палатки. У него былъ

очень громкій голосъ, онъ точно лаялъ, иныя слова. Въ глубинѣ ложины оталивалось эхо и отсылало концы фразъ, которыя онъ слинкомъ любовно подчеркивалъ. Онъ разсказалъ о своихъ долгихъ усиліяхъ, о трудахъ, хлопотахъ, принятыхъ имъ на себя въ теченіи почти четырехъ лѣтъ, — ради того, чтобы подарить край новымъ желѣзнымъ путемъ. Теперь всевозможныя благополучія посыплются на департаментъ: поля будутъ удобряемы, заводы удвоятъ производство, торговое оживленіе проникнетъ въ самыя смиренныя деревушки. Словомъ: слушая его, можно было подумать, что департаментъ Двухъ-Севровъ превратится подъ его руками въ благодатную страну, гдѣ потекутъ рѣки медовыя въ нисельныхъ берегахъ. Потомъ внезапно на него нашель припадокъ скромности, и онъ завопилъ, что край не обязанъ ему благодарностью, что ему никогда бы не привести въ исполненіе такого обширнаго плана, еслибы — не высокое покровительство, которымъ онъ гордится. И, обращаясь къ Ругону, называлъ его «доблестнымъ министромъ, защитникомъ всѣхъ благородныхъ и полезныхъ идей». Въ заключеніе приводилъ финансовыя выгоды предпріятія. На биржѣ акціи покупаются на-расхватъ. Счастливы капиталисты, получившіе возможность помѣстить свои деньги въ такое предпріятіе, съ которымъ его превосходительство министръ внутреннихъ дѣлъ соблаговолилъ связать свое имя!

— Очень хорошо! очень хорошо! — пробормотали нѣкоторые приглашенные.

Мэръ и другіе представители власти пожали руку Кана, прикидывавшагося крайне взволнованнымъ. Въ палатки раздались рукоплесканія. Оркестръ филармоническаго общества нашель минуту благопріятной, чтобы сыграть каной-то бравурный маршъ, но помощникъ мэра бросился впередъ и послалъ одного пожарнаго унять музыку. Въ это время, въ палаткѣ, инженеръ все колебался говорить рѣчь, ссылаясь на то, что не приготовился. Настоянія префекта убѣдили его. Канъ, очень встревоженный, пробормоталъ на ухо послѣднему:

— Напрасно вы это! Онъ зомъ какъ чортъ.

Главный инженеръ былъ долговязый и худощавый человѣкъ, съ претензіями на иронію. Онъ медленно говорилъ, передергивая ротъ всякій разъ, какъ собирался сказать эпиграмму. Онъ началъ съ того, что засыпалъ Кана похвалами. Потомъ пошвыяли намеки. Онъ раскритиковалъ въ нѣсколькихъ словахъ проектъ желѣзной дороги съ тѣмъ презрѣніемъ, какое пресвитерскіе инженеры выказываютъ къ трудамъ частныхъ инженеровъ. Онъ напомнилъ про другое направленіе, предполагавшееся

западной компаніей и долженствовавшее идти черезъ Туаръ, и напиралъ, какъ-бы безъ всякаго злостнаго умысла, на тотъ врюкъ, который дѣлаетъ дорога Кана изъ-за того только, чтобы не миновать заводовъ послѣдняго въ Бресскуръ, — все это безъ малѣйшей рѣзкости, приправленное любезностями и уснащенное уколами булавкой, понятными только для посвященныхъ. Онъ кончилъ еще сердитѣе. Онъ какъ-будто пожалѣлъ о томъ, что «доблестный министръ» скомпрометтировалъ себя въ дѣлѣ, финансовая сторона котораго внушала самыя живыя опасенія всѣмъ опытнымъ людямъ. Потребуются громадныя капиталы; и при этомъ необходимы величайшая честность и безкорыстіе. И, искрививъ ротъ, изрекъ послѣднюю фразу:

— Эти опасенія, конечно, химеричны, мы вполне можемъ быть спокойны, видя цвѣтущее состояніе дѣла и во главѣ его человека, чья высокая коммерческая честность хорошо извѣстна въ департаментѣ.

Ропотъ одобренія пробѣжалъ въ публикѣ. Только нѣкоторые лица глядѣли на Кана, пытавшагося улыбнуться поблѣвшими губами. Ругонъ слушалъ инженера съ полу-закрытыми глазами, точно его беспокоилъ яркій дневной свѣтъ. Когда онъ раскрылъ ихъ, то свѣтлые глаза его казались черными. Онъ предполагалъ сначала сказать всего нѣсколько словъ, но теперь ему предстояло защищать одного изъ своихъ. Онъ сдѣлалъ три шага впередъ и очутился на концѣ палатки и тамъ, съ широкимъ жестомъ, которымъ какъ-будто обращался къ цѣлой Франціи, насторожившей уши, началъ:

— Господа, позвольте мнѣ мысленно перешагнуть черезъ эти холмы, обнять однимъ взглядомъ всю имперію и такимъ образомъ расширить соединившее насъ здѣсь торжество и обратиться въ правдивикъ промышленнаго и коммерческаго труда. Въ тотъ моментъ, какъ я съ вами бесѣдую, отъ сѣвера до юга роются каналы, строятся желѣзные пути, пробиваются горы, возводятся мосты...

Глубокое молчаніе воцарилось. Въ промежутокъ между фразами слышалась шелестъ вѣтра въ вѣткахъ и доносился гулъ отдаленныхъ пулювъ. Пожарная команда, соперничавшая полъмающимъ солнцемъ военной выправкой съ солдатами, сканивала глаза, чтобы увидѣть, не поворачивая головы, какъ говорить министръ. На холмѣ зрители устроились какъ можно комфортабельнѣе; дамы усѣлись на землѣ, разостлавъ предварительно носовые платки; двое господъ, которыхъ начинало безпокоить солнце, раскрыли зонтики женъ, чтобы защититься отъ него. А

мисль Ругона раздавался все громче и громче. Его какъ-будто сжала тѣсная лощина, гдѣ онъ находился, точно въ ней и было достаточно простора для его жестовъ. Онъ такъ размахивалъ руками, какъ-будто хотѣлъ раздвинуть горизонтъ вокругъ себя. Два раза искалъ онъ глазами простора; но всякій разъ встрѣчалъ лишь вверху, на краю неба, очертанія мельницъ, дырявые остовы которыхъ трещали на солнцѣ.

Ораторъ подхватилъ тему Кана, но расширилъ ее ramen. Означалось, что не для одного только департамента Двухъ-Сезровъ наступить эра чудеснаго благополучія, благодаря желѣзному пути изъ Ниора въ Анжеръ, но и для цѣлой Франціи. Въ теченіи десяти минутъ онъ перечислялъ безчисленные выгоды, долженствовавшія выпасть на долю населенія. Онъ дошелъ до того, что заговорилъ о десницѣ Божіей. Потомъ началъ возражать на рѣчь инженера; онъ не критиковалъ ее, не имекалъ на нее, онъ просто говорилъ противное тому, что слышалъ тотъ, напиралъ на самоотверженіе Кана, выставлялъ его скромнымъ, безкорыстнымъ, великимъ. На счетъ финансовой стороны дѣла онъ былъ вполне спокоенъ. Онъ улыбался и быстрыми жестами какъ-бы ворочалъ грудями золота. Тутъ крики: «фаво» перебили его рѣчь.

— Господа, послѣднее слово,—сказалъ онъ, обернувъ губы восходящій платкомъ.

Послѣднее слово длилось съ четверть часа. Онъ подзадорилъ самого себя и наговорилъ больше, чѣмъ хотѣлъ. И даже, дойдя до эпилога рѣчи, въ которомъ прославлялъ высочій умъ императора, Ругонъ какъ-будто намекнулъ, что его величество особенно протезируетъ желѣзной дорогѣ изъ Ниора въ Анжеръ. Предпріятіе это становилось какъ-бы государственнымъ дѣломъ.

Послѣдовало нѣсколько взрывовъ рукоплесканій. Стая воронъ, пронесившаяся въ чистомъ воздухѣ, на значительной высотѣ, встревожилась и испустила продолжительное карканье. Съ послѣдней фразой оркестръ филармоническаго общества заигралъ по сигналу, поданному изъ палатки, а дамы повскакали съ мѣстъ, поправляя юбки, потому что не желали упустить что-либо изъ зрѣлища. Между тѣмъ, кругомъ Ругона гости улыбались съ восхищеннымъ видомъ. Мэръ, императорскій прокуроръ, полковникъ 78-го линейнаго полка качали головой, слушая депутата, восхищавшагося вполголоса, такъ однако, чтобы министръ могъ его слышать. Но самымъ восторженнымъ цѣнителемъ оказался самъ инженеръ: онъ напустилъ на себя необыкновенное

работѣштво, кривилъ ротъ, и представлялся какъ-бы раздавленнымъ краснорѣчивыми словами великаго человѣка.

— Ваше превосходительство соблаговолите послѣдовать за мной, — сказалъ Канъ, толстая рожа котораго сіяла отъ радости.

Это былъ конецъ зрѣлища. Его превосходительство шелъ пождать первую мину. Отданы были приказанія мучѣ рабочихъ въ новыхъ блузахъ. Эти люди проѣхали впереди министра и Кана въ траншею, и выстроились внутри въ два ряда. Десятникъ держалъ конецъ зажженнаго фитиля и подалъ его Ругону. Публика въ волненіи ждала что будетъ. Оркестръ продолжалъ играть.

— Что? это будетъ очень громко? — спросила съ тревожной улыбкой жена провизора у одного изъ товарищей прокурора.

— Смотря по характеру скалы, — отвѣчалъ председатель коммерческаго суда, услышавшій ея вопросъ и пустившійся въ минералогическія объясненія.

— Я заткну уши, — пробормотала старшая изъ трехъ дочерей инспектора водъ и лѣсовъ.

Ругонъ, съ зажженнымъ фитилемъ въ рукахъ, среди всего этого люда, не спускавшаго съ него глазъ, чувствовалъ себя смѣшнымъ. На верху, надъ гребнемъ холмовъ, остовы мельницъ трепали сильнѣе прежняго. Тогда онъ поторопился и зажегъ фитиль; кончикъ его торчалъ межъ двухъ камней, и ему указалъ на него десятникъ. Тотчасъ одинъ изъ работниковъ сильно задулъ въ трубу. Всѣ остальные отошли. Канъ поспѣшно отвелъ его превосходительство въ палатку, выказывая тревожную заботливость.

— Ну, что-жъ это не слышать взрыва? — пролетѣлъ инспекторъ ипотечныхъ закладовъ, мигавшій отъ страха глазами и испытывавшій безумное желаніе заткнуть уши, по примѣру дамъ.

Взрывъ произошелъ лишь спустя двѣ минуты. Фитиль пустилъ очень длинный, изъ предосторожности. Нетерпѣніе зрителей переходило въ тревогу; глаза присутствующихъ были устремлены на красную скалу, и имъ казалось, что она колеблется. Первые люди говорили, что у нихъ ломитъ грудь отъ напряженія. Наконецъ послышалось глухое сотрясеніе, скала раскололась, столбъ обломковъ поднялся вверхъ ереди дыма, — и всѣ разошлись. Раздавались слова, сто разъ повторяемые:

— Слышите ли вы запахъ пороха?

Вечеромъ префектъ давалъ большой обѣдъ, и на немъ присутствовали всѣ власти. Онъ разослалъ пятьсотъ приглашеній на

балъ, который долженъ былъ звать слѣдовать. Балъ былъ великолепенъ. Большой зала была уставлена растеніями, и по угламъ ея расставались четыре люстры, и вмѣстѣ съ большой центральной люстрой блистательно освѣщали залу. Никто не могъ запомнить такого блеска. Яркій свѣтъ шести оконъ озарялъ площадь префектуры. На ней толпилось болѣе двухъ тысячъ любопытныхъ, желавшихъ поглядѣть на танцы. А звуки оркестра были такъ отчетливо слышны, что мальчишки на тротуарахъ пускались въ плясъ. Съ девяти часовъ уже дамы начали обмакиваться опашалами, разносилось прохладительное, кадрили смѣшались вальсъ и польку. У дверей, дю-Пуазá, съ весьма церемоннымъ видомъ, принималъ заподазлыхъ съ кривой улыбкой, открывавшей его бѣлые и неровные зубы.

— Ваше превосходительство не танцуете?—смѣло спросила у Ругона жена провизора, пріѣхавшая въ тарлатановомъ платьѣ, ушанномъ золотыми звѣздами.

Ругонъ извинился, улыбаясь. Онъ стоялъ у окна среди цѣлой группы людей, и поддерживая разговоръ о пересмотрѣ кадастра, поглядывалъ въ окно на улицу. По-ту сторону площади, при яркомъ свѣтѣ люстръ, озарявшихъ фасады домовъ, онъ увидалъ у одного изъ оконъ гостиницы «Парижъ» m-me Коррёръ и m-me Эрмиани Бильбокъ. Онѣ стояли, опершись на подоконникъ и смотрѣли на празднествъ. Лица ихъ сіяли, голыя шеи колыхались отъ смѣха, когда до нихъ долетало жаркое дыханіе праздника.

Тѣмъ временемъ жена провизора обходила вокругъ залы, разсѣянная, невнимательная въ восторгу, возбуждаемому ея длиннымъ шлейфомъ въ очень юныхъ навалеражъ. Она искала кого-то взглядомъ, не переставая улыбаться съ томнымъ видомъ.

— Г-нъ центральный комиссаръ видно не пріѣхалъ?—спросила она наконецъ у дю-Пуазá, разспрашивавшаго ее про здоровье мужа.—Я общалась ему вальсъ.

— Но онъ долженъ былъ пріѣхать,—отвѣчалъ префектъ;—я удивляюсь, что его нѣтъ... На него возложено одно порученіе. Но только онъ общалъ мнѣ вернуться къ обѣду.

Около полудня, послѣ завтрака, Жильенъ выѣхалъ изъ Ніора верхомъ, собирався арестовать нотариуса Мартинó. Купонъ отстоялъ отъ Ніора въ пяти льё. Онъ рассчитывалъ пріѣхать туда въ два часа и уѣхать не позже четырехъ и, слѣдовательно, посидѣть въ банкету, на который былъ приглашенъ. Поэтому не гналъ лошади, а раскачивался на сѣдлѣ, общая себя быть весьма предпринимчивымъ вечеромъ на балѣ съ хорошенъ-

кой блондинкой. Онъ находилъ ее только немного худой; Жилькенъ любилъ жирныхъ женщинъ. Въ Куловжѣ онъ остановился въ гостинницѣ «Золотого Льва», гдѣ его должны были ожидать ефрейторъ и два жандарма. Такимъ образомъ, прибытіе его должно было пройти незамѣченнымъ; они наймутъ карету и «уложатъ» нотариуса, такъ что ни одна сосѣдка не успѣетъ высунуть носа за дверь. Но жандармовъ и ефрейтора не оказалось на мѣстѣ свиданія. До пяти часовъ Жилькенъ дождался ихъ, ругаясь, потягивая грогъ и поминутно смотря на часы. Онъ съ гнѣвомъ соображалъ, что ему ни за что не поспѣтъ въ Ниоръ къ обѣду, и велѣлъ уже осѣдлать свою лошадь, когда наконецъ появился ефрейторъ, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Оказалось, что они не поняли другъ друга.

— Хорошо, хорошо, не извиняйтесь, некогда, — яростно закричалъ центральный комиссаръ, снова вынимая часы изъ жилета. — Уже четверть шестого... Захватимъ нашего молодца, да какъ можно живѣе! Черезъ десять минутъ мы должны пуститься въ обратный путь.

Въ обыкновенное время Жилькенъ былъ добродушнымъ малымъ. Онъ претендовалъ при отправленіи своей должности на безукоризненную мягкость, и въ этотъ день придумалъ даже весьма сложный планъ, чтобы не слишкомъ напугать брата м-ше Коррѣръ: такъ, онъ располагалъ войти одинъ, а жандармы должны были ждать съ каретой у калитки сада, въ переулкѣ, выходящемъ въ поле. Но трехчасовое ожиданіе въ гостинницѣ «Золотого Льва» привело его въ такую ярость, что онъ позабылъ обо всѣхъ этихъ предосторожностяхъ. Онъ прошелъ по селенію и изъ всей мочи позвонилъ у дверей нотариуса, выходящихъ на улицу. Одинъ жандармъ приставленъ былъ къ этой двери, другой обошелъ домъ, чтобы надзирать за садовой стѣной. Комиссаръ вошелъ вмѣстѣ съ ефрейторомъ. Съ десятокъ любопытныхъ въ испугѣ слѣдили за ними издали.

При видѣ военныхъ мундировъ, служанка, отворившая дверь, пришла въ неописанный ужасъ и исчезла, крича во все горло:

— Сударыня! сударыня! сударыня!

Маленькая и толстая женщина, лицо которой выражало большое спокойствіе, медленно сошла съ лѣстницы.

— М-ше Мартинô, безъ сомнѣнія? — спросилъ Жилькенъ, торпливымъ голосомъ. — Боже мой, сударыня, на меня возложено очень непріятное порученіе... Я пріѣхалъ арестовать ванаго мужа.

Она сложила коротенькія ручки, и блѣдныя губы ея задрожали, но не вскрикнула. Она стояла на послѣдней ступенькѣ,

замораживая лѣстницу своими юбками. Ей захотѣлось видѣть при-
казъ объ арестѣ, она требовала объясненій, старалась выгадать время.

— Берегитесь! малѣй ускользнетъ у насъ изъ рукъ, — про-
шепталъ ефрейторъ на ухо комиссару.

Она, должно быть, услышала, и, поглядѣвъ на нихъ своими
сѣдыми глазами, проговорила:

— Пожалуйте, господа.

И пошла впередъ. Она ввела ихъ въ кабинетъ, гдѣ стоялъ
Мартинбъ въ халатѣ. Крики служанки заставили его встать съ
кресла, на которомъ онъ просиживалъ съ нѣкоторыхъ поръ цѣ-
лыя дни. Онъ былъ очень высокаго роста, съ безжизненными
какъ у мертвеца руками, съ желтымъ какъ воскъ лицомъ, и въ
немъ оставалось живого только глаза, черные, кроткіе, энерги-
ческіе. М-ме Мартинбъ молча указала на него.

— Боже мой! сударь,—началъ Жильентъ,—на меня возло-
жено очень непріятное порученіе.

Когда онъ умолкъ, нотариусъ покачалъ головой, не говоря ни
слова. Легкая дрожь колыхала халатъ, драпировавшій его худые
члены. Онъ сказалъ наконецъ очень вѣжливо:

— Хорошо, господа, я послѣдую за вами.

И сталъ ходить по комнатѣ, точно хотѣлъ прибрать вещи,
лежащія на мебели. Онъ переложилъ съ одного мѣста на другое
книжку книгъ, и попросилъ у жены чистую рубашку. Дрожь, по-
тиравшая его члены, все усиливалась. М-ме Мартинбъ, видя что
онъ шатается, ходила за нимъ, вытянувъ впередъ руки, чтобы
подхватить его, точно ребенка.

— Скорѣй, скорѣй, сударь,—повторялъ Жильентъ.

Нотариусъ сдѣлалъ еще два круга по комнатѣ, но вдругъ
руки его захлопали по воздуху, и онъ упалъ въ кресло, разби-
тый параличомъ. Круныя, молчаливыя слезы покатались изъ глазъ
жены. Она ходила за нимъ, бормоча молитву.

Жильентъ вынулъ часы.

— Тысячу чертей!—заоралъ онъ.

Было половина шестого. Теперь ему приходилось отказываться
отъ надежды поспѣть къ обѣду въ префектурѣ: прежде чѣмъ
онъ усадитъ этого человѣка въ экипажъ, пройдетъ еще съ доб-
рыхъ полчаса. Тогда онъ постарался утѣшиться, поклявшись себѣ,
что ни за что не пропуститъ бала, и вспомнилъ, что пригласилъ
жену провизора на первый вальсъ.

— Это штуки,—шепталъ ему ефрейторъ на ухо.—Хотите, я
поставлю нашего барина на ноги?

И, не дожидаясь отвѣта, подошелъ къ нотариусу и принялся

увѣщевать его не обманывать правосудіе. Нотаріусъ съ закрытыми глазами, стиснутыми губами оставался неподвиженъ какъ трупъ. Мало-по-малу ефрейторъ разсердился и началъ ругаться, наконецъ схватилъ своей тяжелой жандармской рукой за воротъ халата. Но тутъ м-ше Мартино, сохранявшая до той поры спокойствіе, съ силой оттолкнула его и заслонила мужа, сжимая кулаки съ энергическимъ видомъ.

— Это шутокъ, говорю вамъ!—повторялъ ефрейторъ.

Жильеиъ пожалъ плечами, какъ-бы желая этимъ сказать, что и не желаетъ даже удостовѣряться въ истинѣ, такъ какъ рѣшился увести нотаріуса живымъ или мертвымъ.

— Пускай одинъ изъ жандармовъ пойдетъ за экипажемъ въ гостиницу «Золотого Льва»,—приказалъ онъ.—Я предупредилъ содержателя.

Когда ефрейторъ вышелъ, Жильеиъ подошелъ къ окну, и взглянулъ на садъ, гдѣ цвѣли абрикосы. Онъ задумался, какъ вдругъ почувствовалъ, что его трогаютъ за плечо. Позади него стояла м-ше Мартино. Глаза у ней были уже сухи, а голосъ твердъ.

— Этотъ экипажъ предназначается для васъ, неправда ли? Вы не думаете везти моего мужа въ Нюръ въ его теперешнемъ состояніи.

— Боже мой! сударыня,—сказалъ онъ въ третій разъ,—возложенное на меня порученіе очень непріятно.

— Но это преступленіе! Вы его убьете... Вамъ не поручили однако его убивать!

— Мнѣ даны самыя положительныя приказанія,—отвѣчалъ онъ болѣе рѣзкимъ голосомъ, желая положить конецъ чувствительной сценѣ, которую предвидѣлъ.

У ней вырвался угрожающій жестъ. Безумный гнѣвъ пробѣжалъ по ея жирному лицу, между тѣмъ какъ глазами она обводила комнату, какъ-бы ища въ ней средства къ спасенію. Но она сдѣлала надъ собой усиліе и успокоилась, и снова приняла осанку сильной женщины, не рассчитывающей на слезы, какъ на спасительный исходъ.

— Богъ накажетъ васъ, сударь,—проговорила она спокойно, послѣ нѣкотораго молчанія, въ теченіи котораго не спускала съ него глазъ.

И безъ слезъ, безъ мольбы, вернулась къ мужу и оперлась на кресло, гдѣ онъ лежалъ. Жильеиъ улыбнулся.

Въ эту минуту ефрейторъ, самъ ходившій въ гостиницу, пришелъ объявить, что содержатель увѣряетъ, что у него нѣтъ ни одной тележки. Должно быть, слухъ объ арестѣ нотаріуса, очень лю-

бмаго въ околотѣхъ, уже разнесся. Содержатель навѣрное спря-
талъ экипажи. Два часа передъ тѣмъ, на разспросы централь-
наго комиссара онъ обязался заложить для него старое купе,
которое обыкновенно предоставлялъ проѣзжимъ для прогулокъ по
окрестностямъ.

— Переройте гостинницу! — закричалъ Жильенъ; ярость
его проснулась при этомъ новомъ препятствіи: — переройте всѣ
дома въ селеніи!.. Что, они смѣются, что-ли, надъ нами? Меня
ждутъ, я не могу терять времени... Даю вамъ четверть часа
срока, слышите ли?

Ефрейторъ снова исчезъ, уведя съ собой обоихъ жандар-
мовъ, разославъ ихъ въ разныя стороны. Прошло три-четверти
часа, потомъ еще и еще четверть часа. Наконецъ, спустя пол-
тора часа одинъ изъ жандармовъ пришелъ сказать, что всѣ поиски
остались тщетными. Жильенъ, въ лихорадѣхъ, ходилъ неровными
шагами, переходя отъ дверей къ окну. Балъ навѣрное откроется
безъ него; жена провизора подумаетъ, что онъ невѣжа; онъ сдѣ-
лается смѣшонъ въ ея глазахъ, это парализуетъ его обаяніе. И
каждый разъ, проходя мимо нотариуса, онъ испытывалъ желаніе
задушить «болвана», надѣлавшаго ему столько хлопотъ. Нота-
риусъ, похолодѣвшій и поблѣднѣвшій, лежалъ безъ движенія.

Только въ семь часовъ и нѣсколько минутъ появился ефрей-
торъ съ сіяющимъ лицомъ. Онъ отыскалъ, наконецъ, старое
купе содержателя, спрятанное въ амбарѣ, въ четверти льѣ раз-
стоянія отъ села. Купе было совсѣмъ заложено и уже слышался
стукъ лошадиного копыта. Но когда экипажъ подвигнулъ въ
крыльцу, пришлось одѣвать Мартинó. Это заняло довольно много
времени. М-ше Мартинó, съ торжественной медленностью, надѣла
на него чистые чулки, чистую рубашку; потомъ облачила его
въ черные панталоны, жилетъ и сюртукъ, причемъ ни за что не
хотѣла позволить жандармамъ помочь ей. Нотариусъ лежалъ на ея
рукахъ, безпомощный, какъ ребенокъ. Зажгли лампу. Жильенъ
потиралъ руки отъ нетерпѣнія, между тѣмъ какъ ефрейторъ стоялъ
неподвижный, на подобіе статуи; на потолокъ ложилась громад-
ная тѣнь отъ его шляпы.

— Готово ли, готово ли? — повторялъ Жильенъ.

М-ше Мартинó рылась въ ящикѣ добрыхъ пять минутъ. Она
достала оттуда пару черныхъ перчатокъ и положила ихъ въ кар-
манъ Мартинó.

— Я надѣюсь, — спросила она у Жильена, — что вы позво-
лите мнѣ сѣсть съ нимъ въ экипажъ? Я хочу сопровождать
кужа.

— Это невозможно,—грубо отвѣчалъ Жилькенъ.

Она сдержала себя, и не настаивала.

— Но вы позволите мнѣ, по крайней мѣрѣ, ѣхать за нимъ?

— Дороги свободны,—отвѣчалъ онъ.—Но вы не найдете экипажа, такъ какъ ихъ не имѣется въ здѣшнемъ околотѣ.

Она пожала плечами и вышла отдать приказаніе.

Десять минутъ спустя, запряженный кабріолетъ стоялъ у крыльца, позади купе. Нужно было снести Мартинѣ въ карету. Его несли двое жандармовъ, а жена поддерживала ему голову. И при малѣйшемъ стоиѣ умирающаго повелительнымъ голосомъ приказывала солдатамъ остановиться, что они и исполняли, несмотря на гнѣвные взгляды комиссара. Такимъ образомъ, происходила остановка на каждой ступенькѣ. Нотариусъ былъ точно разряженный мертвецъ. Его посадили безчувственнаго въ карету.

— Половина девятаго!—закричалъ Жилькенъ, глядя въ послѣдній разъ на часы.—Анаемская должность! Я никогда не приѣду.

Онъ опоздалъ, — нечего тутъ и толковать. Счастіе, если ему удастся попасть въ самому разгару бала. Онъ вскочилъ на лошадь, приказавъ кучеру гнать лошадей во всю мочь. Впереди ѣхало купе; у дверей скакали жандармы; позади, въ нѣсколькихъ шагахъ, слѣдовали комиссаръ и ефрейторъ; наконецъ, кабріолетъ, гдѣ сидѣла м-ме Мартинѣ, завершалъ кортежъ. Ночь была очень прохладная. Кортежъ, съ глухимъ стукомъ колесъ и монотоннымъ звукомъ лошадиныхъ копытъ, проѣзжалъ по сѣрой, безконечной дорогѣ, мимо сонныхъ полей. Никто не сказалъ ни слова во время пути. Жилькенъ придумывалъ фразу, которою встрѣтить жену провизора. М-ме Мартинѣ минутами выпрямлялась въ кабріолетѣ; ей казалось, что она слышитъ предсмертное хрипѣніе мужа, но съ трудомъ могла различать катившуюся впереди черную и безмолвную карету.

Въ Ниоръ прибыли въ половинѣ одиннадцатаго. Комиссаръ, чтобы не ѣздить по городу, велѣлъ взять въ объѣздъ вдоль городского вала. Въ тюрьмѣ пришлось долго звонить. Когда привратникъ увидѣлъ, что привезенный арестантъ такой блѣдный и неподвижный, онъ пошелъ разбудить директора. Тотъ вскорѣ прибѣжалъ, въ туфляхъ, но разсердился, увидя арестанта, и объявилъ, что ни за что не согласится принять человѣка въ такомъ положеніи. Развѣ тюрьма госпиталь?

— Но вѣдь онъ уже арестантъ теперь; что же мы будемъ съ нимъ дѣлать?—завопилъ Жилькенъ, выведенный изъ себя этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ.

— Что вамъ угодно, г. комиссаръ,—отвѣчалъ директоръ.— Посторояю вамъ, что онъ не войдетъ сюда. Я ни за что не возьму на себя такой отвѣтственности.

М-ше Мартино воспользовалась споромъ, чтобы сѣсть въ карету вмѣстѣ съ мужемъ. Она предложила отвезти его въ гостинницу.

— Да, да! везите въ гостинницу, къ чорту, куда хотите!—закричалъ Жильеентъ.— Съ меня довольно! везите его!

Однако онъ выполнилъ свою обязанность до конца и проводилъ нотариуса до гостинницы «Парижъ», на которую указала сама м-ше Мартино. Площадь Префектуры начала пустѣть; одни только мальчишки прыгали еще на троттуарахъ, между тѣмъ какъ четы горожанъ медленно исчезали во мракѣ сосѣднихъ улицъ. Но блескъ шести оконъ словно бѣлымъ днемъ еще озарялъ площадь; оркестръ гремѣлъ громче прежняго; дамы проносились мимо оконъ съ обнаженными плечами, развѣвающимися шиньонами, завитыми по парижской модѣ. Жильеентъ въ то время, какъ вносилъ нотариуса въ комнату перваго этажа, увидѣлъ, поднимавшую голову, м-ше Корреръ и м-ле Эрмини Бильковъ, не отходявшихъ отъ окна. Онѣ стояли тамъ, вытягивая шею, опьяненные хмѣлемъ праздника. Но м-ше Корреръ, должно быть, усмотрѣла, какъ прѣхалъ ея братъ, потому что совсѣмъ высунулась изъ окна, рискуя упасть. По знаку, сдѣланному ею, Жильеентъ поднялся къ ней на верхъ.

Послѣднѣе, около полуночи, балъ въ префектурѣ достигъ своего апогея. Только-что раскрыли двери столовой, гдѣ поданъ былъ холодный ужинъ. Дамы, раскраснѣвшіяся, ѣли стоя и смѣялись, другія продолжали танцовать, не желая пропустить ни одной кадрили, довольствуясь стаканами съ сиропомъ, которые имъ приносили кавалеры. Яркая пыль стояла въ воздухѣ; она точно неслась отъ волосъ, юбокъ и рукъ, украшенныхъ золотыми браслетами. Было слишкомъ пестро, слишкомъ шумно и жарко. Ругонъ, задыхавшійся, поспѣшилъ выйти на тихій зовъ дю-Пуазѣ.

Возлѣ большой залы, въ комнатѣ, гдѣ они уже видѣлись наканунѣ, ждали его м-ше Корреръ и м-ле Эрмини Бильковъ, обѣ плакавшія навзрыдь.

— Мой бѣдный братъ, мой бѣдный Мартино,—бормотала м-ше Корреръ, заглушая носовымъ платкомъ рыданія. — Ахъ! я чувствовала, что вы не можете его спасти... Боже мой! зачѣмъ вы его не спасли?

Онъ хотѣлъ говорить, но она не дала ему:

— Его арестовали сегодня. Я сейчас его видѣла... Боже мой! Боже мой!

— Не отчаивайтесь, — сказалъ онъ, наконецъ. — Дѣло разберутъ и, надѣюсь, его выпустятъ.

М-ме Корреръ перестала тереть глаза. Она взглянула на него, вскричавъ естественнымъ голосомъ:

— Но онъ умеръ!

И снова перешла къ горестному тону, и опять спрятала лицо въ носовой платокъ.

— Боже мой! Боже мой! бѣдный Мартинѣ!

Умеръ! Ругонъ почувствовалъ, какъ дрожь пробѣжала у него по тѣлу. Онъ не находилъ словъ. Впервые его охватило сознание, что онъ стоитъ на краю ямы, черной ямы, куда его тихонько толкають друзья. Теперь, вотъ еще этотъ человѣкъ вдругъ вздумалъ умереть! Никогда онъ этого не хотѣлъ. Дѣло зашло слишкомъ далеко.

— Увы! да, бѣдный, дорогой другъ умеръ, — повѣствовала съ длинными вздохами м-ме Эрмини Бильковъ. — Кажется, что его отказались принять въ тюрьму. И вотъ, когда мы увидѣли, что онъ прибылъ въ отель въ такомъ жалкомъ видѣ, м-ме Корреръ сошла внизъ и ворвалась къ нему въ комнату, крича, что она его сестра. Сестра, не правда ли, всегда имѣетъ право принять послѣднй вздохъ брата. Я это сказала негодяйкѣ, м-ме Мартинѣ, она опять вздумала-было прогнать насъ, но вынуждена была очистить намъ мѣстечко у постели... О, Боже мой! смерть наступила очень быстро. Онъ отходилъ не болѣе часу. Онъ лежалъ на постели, весь одѣтый въ черномъ, точно нота-ріусъ, собравшійся на свадьбу. И угасъ, какъ свѣча, съ едва замѣтной гримаской на лицѣ. Онъ, должно быть, не очень сильно страдалъ.

— И вотъ, послѣ этого м-ме Мартинѣ сдѣлала мнѣ сцену! — сообщила въ свою очередь м-ме Корреръ. — Не знаю, что она бормотала себѣ подъ носъ; толковала про наслѣдство, обвиняла меня въ томъ, что я нанесла послѣднй ударъ брату. Тогда я ей отвѣтила: «я, сударыня, ну, ужъ никогда бы я не позволила увести его, я бы скорѣе допустила жандармовъ изрубить себя въ куски!» И они изрубили бы меня въ куски! говорю вамъ... Не правда ли, Эрмини?

— Да, да! — отвѣчала высокая дѣвушка.

— Ну, что дѣлать, слезы мои не воскресятъ его; я плачу, потому что плачется... Мой бѣдный Мартинѣ!

Ругону было не по себѣ. Онъ отвелъ руки, которыми было

нашла м-ше Коррёръ, и не находилъ что сказать; ему пропущены были всѣ эти подробности о смерти, казавшейся ему ужасной.

— Вотъ, посмотрите, — вскричала Эрмини, стоя у окна, — отсюда видно помнату, вонъ тамъ, напротивъ, третье окно въ первомъ этажѣ на-лѣво. Оно освѣщено.

Тутъ онъ распрощался съ ними; м-ше Коррёръ извинялась, вызывая его другомъ, что уступила первому движенію, приди сообщить ему роковую новость.

— Какая плачевная исторія, — сказалъ онъ на ухо дю-Пуазэ, поди въ балльную залу все еще блѣдный.

— Эхъ! во всемъ виноватъ болванъ Жильеентъ! — отвѣчалъ префектъ, пожимая плечами.

Балъ сѣялъ. Въ столовой, уголокъ которой былъ видѣнъ въ раскрытыя настежъ двери, помощникъ мэра пичкалъ сладостями трихъ дочекъ инспектора водъ и лѣсовъ, между тѣмъ какъ полковникъ 78-го линейнаго полка пилъ пуншъ, выслушивая злостныя замѣчанія инженера, грызшаго конфеты. У дверей Канъ очень громко повторялъ председателю гражданского суда свою утреннюю рѣчь о пользѣ новой желѣзной дороги, окруженный группой солидныхъ людей, состоявшей изъ сборщика податей, общаго мировыхъ судей, делегатовъ совѣщательнаго комитета земледѣльцевъ и статистическаго общества, слушавшихъ съ разинутыми ртами. Въ большой залѣ, при свѣтѣ пяти люстръ, оркестръ гремѣлъ вальсъ; сынъ главнаго сборщика податей вальсировалъ съ острой мэра; одинъ изъ помощниковъ прокурора вальсировалъ съ барышней въ голубомъ платьѣ, а другой съ барышней въ розовомъ платьѣ. Но одна чета особенно восхищала зрителей: Жильеентъ и жена провизора, нѣжно обнявшись, медленно кружились; онъ успѣлъ переодѣться въ полный балльный костюмъ: черный фракъ, лакированные сапоги, бѣлые перчатки. Хорошенькая блондинка, должно быть, простила ему поздній приходъ, и съ нѣжностью опиралась на его плечо. Жильеентъ вальсировалъ, откинувъ назадъ свой торсъ, съ ухватками валихвотскаго танцора публичныхъ баловъ, восхищающаго рабъ. Вальсирующая пара чуть не сбила съ ногъ Ругона, и онъ долженъ былъ прижаться къ стѣнѣ, чтобы пропустить ее, окруженную облакомъ бѣлаго тарлатана, усыпаннаго золотыми звѣздочками.

XI.

Ругонъ добылъ наконецъ для Делестана портфель земледѣлія и торговли. Однажды утромъ, въ первыхъ числахъ мая, онъ заѣхалъ въ улицу Колизея, чтобы захватить съ собой своего новаго собрата. Въ Сень-Клу, куда переѣхалъ дворъ, назначенъ былъ совѣтъ министровъ.

— Эге! вы ѣдете съ нами? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, видя, что Клоринда усаживается въ ландо, стоявшее у подъѣзда.

— Да, да, я тоже ѣду въ совѣтъ, — отвѣчала она смѣясь.

Потомъ прибавила серьезнымъ тономъ, когда размѣстила наконецъ въ экипажѣ оборки длинной шелковой юбки, блѣдно-вишневаго цвѣта:

— У меня назначено свиданіе съ императрицей. Я назначена однимъ благотворительнаго учрежденія для молодыхъ работницъ, которымъ она интересуется.

Оба министра успѣли въ свою очередь въ экипажъ. Делестанъ сѣлъ рядомъ съ женой. Онъ везъ адвокатскій портфель изъ желтой кожи, и положилъ его себѣ на колѣни. У Ругона ничего не было въ рукахъ, и онъ сѣлъ напротивъ Клоринды. Было около половины десятаго, а совѣтъ начинался въ десять часовъ. Кучеру приказано было везти скорѣе. Чтобы сократить путь, онъ повернулъ въ улицу Марбѣфъ и поѣхалъ чрезъ кварталъ Шальо; его только-что начинали расчищать. Экипажъ натисся по безлюднымъ улицамъ, вдоль которыхъ тянулись сады и деревянные постройки, тѣсныя площади, какія бывають въ провинціальныхъ городахъ, засаженные чахлыми деревьями, — настоящій пустырь большого города, раскинувшійся на холмѣ и грѣвшійся на утреннемъ солнышѣ, съ вилами и бесѣдками, разбросанными въ безпорядкѣ.

— Какъ тутъ гадко! — сказала Клоринда, развалившаяся въ ландо.

Она полу-обернулась къ мужу, и съ секунду разглядывала его съ серьезнымъ лицомъ, и невольная улыбка мало-по-малу появилась на ея губахъ. Делестанъ въ застегнутомъ сюртукѣ сидѣлъ чинно и прямо, не откидываясь назадъ и не наклоняясь впередъ, и имѣлъ въ самомъ дѣлѣ величественный видъ настоящаго государственнаго дѣятеля. Его прекрасное задумчивое лицо, преждевременная лысина, увеличивавшая его лобъ, заставляла прохожихъ оборачиваться. Молодая женщина замѣтила, что никто не глядѣлъ на Ругона, сидѣвшаго съ неподвижнымъ и точно заспан-

нимъ лицомъ; съ материнской заботливостью, она вытянула лѣвую манжетку мужа, слишкомъ ушедшую въ рукавъ.

— Что вы дѣлали сегодня ночью?—спросила она у великаго чловѣка, видя, что тотъ заглашаетъ руками зѣвоту.

— Я поздно работалъ и усталъ, какъ собака, — пробормоталъ онъ. — Буча всякихъ дурацкихъ дѣлъ.

И разговоръ опять умолкъ. Теперь она принялась разглядывать Ругона. Онъ уступалъ толчкамъ экипажа; они бросали его въ стороны въ сторону, сюртукъ худо сидѣлъ на его широкихъ плечахъ, шляпа была плохо вычищена и на ней виднѣлись пятна отъ дождя, подъ который она неоднократно попадала. Клоринда припомнила, что въ прошломъ мѣсяцѣ купила лошадь у барышника, и тотъ былъ очень похожъ на Ругона. Улыбка снова появилась у ней на лицѣ, но съ отгѣнкомъ пренебреженія.

— Ну, что? — спросилъ онъ, выведенный изъ терпѣнія такимъ продолжительнымъ осмотромъ.

— Ничего; гляжу на васъ! — отвѣчала она. — Развѣ это не дозволяется?.. Вы, значить, боитесь, что васъ съѣдятъ?

Она проговорила эту фразу съ задорнымъ видомъ, выставя на-показъ бѣлые зубы. Но онъ отшутился.

— Я слишкомъ толстъ; мною легко подавиться.

— Ну, только не на голодные зубы, — отвѣчала она очень серьезно, какъ-бы соображая, очень ли она голодна.

Ландо пріѣхало наконецъ къ воротамъ de la Muette. Когда они выбрались изъ узкихъ улицъ квартала Шальо, передъ ними вдругъ раскинулся обширный горизонтъ, окаймленный гнѣзной зеленью лѣса. Утро было дивное, солнце заливало золотистымъ свѣтомъ лужайки и сообщало теплый трепетъ молодой листвѣ деревьевъ. Они оставили вправо паркъ аиx Daims и свернули на дорогу, ведущую въ Сентъ-Клу. Теперь карета покатила по аллеѣ, посыпанной пескомъ, безъ малѣйшаго толчка, съ легкостью и ровностью саней, несущихся по снѣгу.

— Гм! какая гадость, эта мостовая! — начала Клоринда, выптываясь въ ландо. — Здѣсь можно дышать, можно разговаривать... Имѣете ли вы извѣстія о нашемъ другѣ дю-Пуазѣ?

— Да, — отвѣчалъ Ругонъ. — Онъ здоровъ.

— Доволенъ ли онъ своимъ департаментомъ?

Ругонъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ, не желая отвѣчать. Молодая женщина должна была знать, что префектъ Двухъ-Севровъ доставилъ уже ему много неприятностей жесткостью своего управленія. Она не настаивала и заговорила о Канѣ, m-me Коррѣръ,

разспрашивала о подробностяхъ его поѣздки съ злымъ любовнымъствомъ. Потомъ вдругъ вскричала:

— Кстати! я встрѣтила вчера вечеромъ полковника Жобелена и его кузена Бушара. Мы говорили про васъ... да, мы говорили про васъ.

Онъ согнулъ спину и продолжалъ молчать. Тутъ она напомнила о прошломъ.

— Помните ли вы тѣ славные вечера, что мы проводили въ улицѣ Марбёфъ. Теперь у васъ столько дѣлъ, что къ вамъ приступу больше нѣтъ. Друзья ваши жалуются на это. Они увѣряютъ, что вы ихъ забываете... Вы знаете, что я вамъ говорю все. Ну, вотъ! они называютъ васъ предателемъ, *mon cher*.

Въ эту минуту карета проѣзжала между двумя озерами и съ нею встрѣтилось купе, возвращавшееся въ Парижъ. Сидѣвшіе въ ландо увидѣли, какъ сердитая голова откинулась внутрь купе, вѣроятно затѣмъ, чтобы не кланяться.

— Да это вашъ шуринъ!—закричала Клоринда.

— Да, онъ нездоровъ, — отвѣчалъ Ругонъ, съ улыбкой. — Докторъ предписалъ ему утреннія прогулки.

И вдругъ, въ порывѣ откровенности, продолжалъ, межъ тѣмъ какъ ландо катилось подъ высокими деревьями, вдоль аллеи, мягко изгибавшейся:

— Что хотите! не могу же я однако достать имъ луну!.. Бенуа д'Оршеръ забралъ себѣ вдругъ въ голову стать министромъ юстиціи. Я сдѣлалъ невозможное, намекалъ объ этомъ императору, но нашелъ его, по обыкновенію, непроницаемымъ. Мнѣ кажется, что императоръ его боится. Вѣдь я не виноватъ въ этомъ, не правда ли? Бенуа д'Оршеръ — главный президентъ. Это должно бы удовлетворить его, чортъ возьми, въ ожиданіи лучшаго! А онъ не хочетъ мнѣ кланяться! Вотъ дуракъ!

Клоринда, опустивъ глаза, играла висточками своей омбрельки и не шевелилась. Она предоставляла ему говорить и не теряла ни единого слова.

— Другіе столь же неблагоприятны. Если полковникъ и Бушаръ жалуются, то совсѣмъ напрасно, потому что я и безъ того слишкомъ много для нихъ сдѣлалъ. Никто не подозреваетъ о трудностяхъ, которыя мнѣ приходится преодолевать для того, чтобы угодить этимъ молодцамъ... Я говорю обо всѣхъ своихъ друзьяхъ. У меня наберется ихъ съ дюжину, и тяжеленъко-таки мнѣ перетаскивать ихъ на своей спинѣ. Пока они не сдерутъ съ меня кожу, они не утомнятся.

Онъ помогалъ и прибавилъ, улыбаясь съ добродушнымъ видомъ:

— Что-жъ! если кожа моя очень понадобится мнѣ, то я имъ ее отдамъ... Разъ начавъ дѣло, на полдорогѣ не остановишься. Несмотря на то, что друзья мои худо отзываются обо мнѣ, я провожу дни въ томъ, что хлопочу за нихъ.

И, дотронувшись до ея колѣна, принудилъ ее взглянуть на него:

— Ну, вотъ хоть бы вы! Я буду говорить сегодня съ императоромъ и могу попросить у него того, чего вы желаете... Вы ничего не желаете?

— Нѣтъ, мерсі,—отвѣчала она сухо.

И такъ какъ онъ наставлялъ, то Клоринда разсердилась, обвиняя его въ томъ, что онъ попрекаетъ за услуги, оказанныя ей и мужу. Ему не придется больше перетаскивать ихъ на своей спинѣ. И кончила словами:

— Теперь я сама хлопочу по своимъ дѣламъ. Я уже совершеннолѣтняя, слава тебѣ, Господи!

Тѣмъ временемъ экипажъ выѣхалъ изъ лѣсу. Они проѣхали черезъ Булонь при стукѣ большихъ телѣгъ, ѣхавшихъ, какъ и онъ, по Большой улицѣ. До сихъ поръ Делестанъ сидѣлъ мирно въ глубинѣ ландо, положивъ руки на кожаный портфель и не говорилъ ни слова, какъ-бы погруженный въ какія-то высшія нравственныя соображенія. Тутъ онъ нагнулся и закричалъ Ругому сквозь шумъ:

— Какъ вы думаете: его величество оставить насъ завтракать?

Ругонъ сдѣлалъ знакъ, что не знаетъ. Потомъ сказалъ:

— Когда совѣтъ затянется, то обыкновенно министры завтракать во дворцѣ.

Делестанъ опять забился въ уголъ, гдѣ снова погрузился въ думу. Потомъ опять нагнулся и задалъ новый вопросъ:

— А что, много вещей предстоитъ совѣту обсудить сегодня?

— Да, можетъ быть, — отвѣчалъ Ругонъ. — Этого никогда нельзя знать заранее. Кажется, что нѣкоторые изъ нашихъ сочленовъ собираются сегодня отдать отчетъ въ своихъ трудахъ... Я во всякомъ случаѣ подниму вопросъ о той книжкѣ, по поводу которой у меня возникло столкновение съ комитетомъ допущенія книгъ въ разность.

— Что это за книга? — спросила съ живостью Клоринда.

— Вадорная книжонка, — одна изъ тѣхъ нелѣпицъ, какія пишутся для крестьянъ. Она называется «les Veillées du bonhomme Jacques». Въ ней толкуется обо всемъ понемножку: и о

соціализмѣ, и о колдовствѣ, и о земледѣліи, и есть даже статья о благодѣяніяхъ ассоціаціи... Словомъ, опасная книжонка.

Должно быть, любопытство молодой женщины было удовлетворено не вполне, потому что она подняла рѣсницы и поглядѣла на мужа.

— Вы слишкомъ строги, Ругонъ,—объявилъ Делестанъ.—Я просматривалъ книжку и нашелъ въ ней много хорошаго; статья объ ассоціаціяхъ только написана... Я буду удивленъ, если императоръ осудитъ идеи, въ ней высказанныя.

Ругонъ готовъ былъ выйти изъ себя. Онъ уже размахнулъ руками въ знакъ протеста, но вдругъ сдержался, какъ-бы не желая спорить, и ничего больше не сказалъ, а сталъ глядѣть на пейзажъ, разстлавшійся по обѣимъ сторонамъ горизонта. Ландо ѣхало въ эту минуту по мосту Сентъ-Клу; внизу, залитая солнцемъ, рѣка катила блѣдно-голубыя воды, а деревья, росшія по берегамъ, бросали на нихъ, мѣстами, рѣзкія тѣни. Необыкновенное небо было весенней прозрачностью, слегка окрашенной голубымъ отблескомъ.

Когда экипажъ остановился у дворца, Ругонъ вышелъ первый и протянулъ руку Клориндѣ, чтобы она оперлась на нее. Но она отказалась отъ этой опоры, легко соскочила на землю, отстранивъ протянутую къ ней руку. Потомъ, такъ какъ онъ продолжалъ стоять съ вытянутой рукой, слегка ударила его омбрелькой по пальцамъ, пробормотавъ:

— Говорятъ вамъ,—я совершеннолѣтняя!

Она повидимому вдругъ утратила почтеніе къ громаднымъ ручищамъ учителя, которые въ былое время по-долгу удерживала въ своихъ рукахъ, чтобы отнять у нихъ частичку силы. Въ настоящее время она, должно быть, считала, что достаточно обезсилила ихъ, и бросила ученическое ухаживаніе. Въ свою очередь она становилась госпожей. Когда Делестанъ вышелъ изъ ландо, она пропустила Ругона впередъ и шепнула на ухо мужу:

— Надѣюсь, что вы помѣшаете ему надурить съ своимъ *bonhomme* Jacques. Вотъ вамъ прекрасный случай хоть когда-нибудь разойтись съ нимъ во мнѣніи.

Въ снѣгахъ, прежде чѣмъ уйти, она взглянула на мужа въ послѣдній разъ, обратила вниманіе на пуговицу, оттягивавшую матерію въ одномъ мѣстѣ, и, пока швейцаръ докладывалъ о ней императрицѣ, слѣдила съ улыбкой за уходившими спутниками.

Совѣтъ министровъ происходилъ въ сосѣдней съ кабинетомъ императора залѣ. Посрединѣ съ дюжину креселъ окружали большой столъ, покрытый ковромъ. Окна, высокія и свѣтлыя, вы-

ходили на террасу дворца. Когда Ругонь и Делестань вошли, всѣ ихъ сочлены уже были на лицо, за исключеніемъ министра общественныхъ работъ и министра флота и колоній, находившихся въ отпуску. Императоръ еще не выходилъ. Эти господа толковали минутъ десять, одни стоя у оконъ, другіе группирясь у стола. Между ними были двое съ хмурыми лицами: они до того ненавидѣли другъ друга, что никогда не говорили одинъ съ другимъ; но остальные, съ веселыми лицами, не стѣснялись, въ ожиданіи того момента, когда имъ придется толковать о важныхъ дѣлахъ. Парижъ занимался въ это время посольствомъ, прибывшимъ съ крайняго Востока въ странныхъ костюмахъ и съ необычайной манерой кланяться. Министръ иностранныхъ дѣлъ разсказалъ о визитѣ, отданномъ имъ наканунѣ главѣ этого посольства; онъ тонко подсмѣивался надъ нимъ, не нарушая, впрочемъ, приличій. Потомъ разговоръ коснулся болѣе легкихъ предметовъ; государственный министръ сообщил о состояніи здоровья одной оперной танцовщицы, чуть было не сломавшей себѣ ногу. Но даже, болтая о пустякахъ, эти господа оставались насторожѣ, искали словъ, запинались на полу-словѣ, слѣдили другъ за другомъ исподтишка и, улыбаясь, тотчасъ же становились серьезнѣе, какъ только замѣчали, что за ними наблюдаютъ.

— Итакъ, это простой вывихъ?—спросилъ Делестань, очень интересовавшійся танцовщицами.

— Да, вывихъ,—отвѣчалъ государственный министръ.—Бѣднѣшка отдѣляется тѣмъ, что просидитъ въ четырехъ стѣнахъ въ теченіи двухъ недѣль... Она очень стыдится того, что упала.

Легкій шумъ заставилъ всѣхъ обернуться. Всѣ головы наклонились; вошелъ императоръ. Онъ постоялъ съ минуту, опираясь на спинку своего кресла, и спросилъ глухимъ и медленнымъ голосомъ:

— Ей лучше?

— Гораздо лучше, государь,—отвѣчалъ министръ, снова поклонившись.—Я узнавалъ объ ея здоровьѣ сегодня утромъ.

По знаку императора члены совѣта разсѣлись вокругъ стола. Ихъ было девять человекъ; нѣкоторые разложили передъ собой бумаги; другіе опрокинулись на спинки креселъ и принялись разглядывать ногти. Воцарилось молчаніе. Императоръ, казался, нездоровъ; онъ тихо крутилъ усы, съ безжизненнымъ лицомъ; потомъ, такъ какъ никто не заговаривалъ, какъ будто о чемъ-то вспомнилъ и произнесъ нѣсколько словъ:

— Господа, сессія законодательнаго корпуса должна закрыться...

Сначала поголфовали о бюджетѣ, который палата вотировала въ пять дней. Министръ финансовъ упомянулъ о желаніяхъ, высказанныхъ репортеромъ. Впервые палата высказала слабыя поползновенія въ критикѣ. Такимъ образомъ, репортеръ желалъ, чтобы погашеніе долга проивводилось нормальнымъ образомъ и чтобы правительство довольствовалось вотированными кредитами, не требуя безпрерывно добавочныхъ кредитовъ. Съ другой стороны, депутаты жаловались на то, что государственный совѣтъ обращаетъ очень мало вниманія на ихъ замѣчанія, когда они стараются сократить нѣкоторыя издержки; одинъ изъ нихъ даже потребовалъ, чтобы законодательному корпусу предоставлено было право составлять бюджетъ.

— Я не думаю, чтобы было основаніе принимать на будущее время во вниманіе эти требованія,—сказалъ министръ финансовъ, кончая докладъ.—Правительство составляетъ свои бюджеты съ невозможной экономіей, и это до такой степени справедливо, что коммиссія изъ кожи лѣзла вонъ, чтобы сократить несчастныхъ два милліона... Совсѣмъ тѣмъ я полагалъ бы благоразумнымъ отложить три просьбы о дополнительныхъ кредитахъ, которые были приготовлены. Мы какъ-нибудь обернемся, а на будущее время дѣло будетъ приведено въ ясность.

Императоръ одобрилъ головой. Онъ точно будто не слушалъ, глядѣлъ, какъ-бы ослѣпленный яркимъ свѣтомъ, входившимъ въ среднее окно, приходившееся какъ разъ напротивъ него. Всѣ министры одобрили, какъ и императоръ. Съ минуту слышался только легкій шорохъ: то министръ юстиціи перелистывалъ рукопись, лежавшую передъ нимъ. Онъ взглядомъ посовѣтовался съ сочленами.

— Государь,—сказалъ онъ, наконецъ,—я привезъ проектъ объ учрежденіи новаго дворянства... Это только еще бѣглыя замѣтки; но я счелъ за лучшее, прежде чѣмъ разработывать проектъ дальше, прочитать ихъ въ совѣтѣ, чтобы воспользоваться всѣми указаніями...

— Да, прочитайте, — перебилъ императоръ. — Вы хорошо сдѣлали, что принесли его.

И слегка повернулся, чтобы видѣть министра юстиціи, въ то время, какъ тотъ будетъ читать. Онъ оживился, въ сѣрыхъ глазахъ его зажглось желтое пламя.

Вопросъ о новомъ дворянствѣ очень занималъ въ ту эпоху дворъ. Правительство прежде всего внесло въ законодательный корпусъ законопроектъ, въ силу котораго всякое лицо, неправомерно присвоившее себѣ дворянскій титулъ, наказывалось штра-

фомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Этой мѣрой желали освятить сардинскіе титулы и подготовить созданіе новыхъ. Законопроектъ возбуждалъ въ палатѣ жаркія пренія; депутаты, исполнѣ преданіе имперіи, утверждали, что дворянство не можетъ существовать въ демократическомъ государствѣ, и при голосованіи двадцать три голоса высказалось противъ законопроекта. Между тѣмъ императоръ не отказывался отъ своей мечты. Онъ самъ начертилъ для министра юстиціи весьма подробный планъ.

Мемуаръ начинался съ историческаго обзора. Затѣмъ, будущая система излагалась пространно; титулы должны были раздаваться по должностямъ, чтобъ дѣлало доступными для всѣхъ ряды новаго дворянства; эта демократическая комбинація, повидимому, умищала министра юстиціи. Наконецъ, слѣдовалъ проектъ декрета. На статьѣ II министръ возвысилъ и замедлилъ голосъ:

— «Титулъ графа будетъ даваться тѣмъ лицамъ, которые въ теченіи пяти лѣтъ отправляли свои должности или же были награждены нами большимъ крестомъ Почетнаго Легіона: нашимъ министрамъ и членамъ нашего частнаго совѣта, кардиналамъ, маршаламъ, адмираламъ и сенаторамъ, посланникамъ и дивизионнымъ генераламъ, бывшимъ главнокомандующимъ».

Онъ остановился и взглянулъ на императора, какъ-бы спрашивая, не пропустилъ ли кого. Его величество, опустивъ голову на правое плечо, собирался съ мыслями, наконецъ, проговорилъ:

— Я полагаю, что надо присоединить сюда и президентовъ законодательнаго корпуса и государственнаго совѣта.

Министръ юстиціи поспѣшно закивалъ головою въ знакъ одобренія, и поспѣшилъ сдѣлать отмѣтку на поляхъ рукописи. Но въ ту минуту, какъ онъ собирался продолжать чтеніе, его перебилъ министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, желавшій указать на пропускъ.

— Архіепископы... — началъ онъ.

— Извините, — сухо отвѣтилъ министръ юстиціи, — архіепископамъ дается только титулъ барона. Позвольте мнѣ дочитать декретъ.

Но спуталъ листы, и въ теченіи нѣсколькихъ секундъ искалъ страницу, затерявшуюся въ числѣ другихъ. Ругонъ, плотно сидѣвшій въ креслѣ, высоко поднималъ широкія, мужицкія плечи, слегка унынувшись и, повернувъ голову, увидѣлъ, что его сосѣдъ, государственный министръ, послѣдній представитель старинной нормандской фамиліи, тоже улыбался презрительно. Оба подмигнули глазами. Вскочка и старый дворянинъ поняли другъ друга.

— Ахъ! вотъ, напелъ... — продолжалъ, наконецъ, министръ юстиціи. — «Статья III. Титулъ барона будетъ даваться: 1) чле-

намъ законодательнаго корпуса, которые будутъ троекратно почетены довѣріемъ своихъ согражданъ; 2) государственнымъ совѣтникамъ, послѣ восьмилѣтней службы; 3) первому президенту и генераль-прокурору кассационной палаты, первому президенту и генераль-прокурору контрольной палаты, дивизионнымъ генераламъ и вице-адмираламъ, архіепископамъ и уполномоченнымъ министрамъ, послѣ пятилѣтней службы, или если они получили чинъ командора Почетнаго Легіона...»

И читалъ дальше. Первые президенты и генераль-прокуроры императорскихъ судовъ, бригадные генералы и контръ-адмиралы, епископы и, наконецъ, даже мэры главныхъ мѣстечекъ первоклассныхъ префектуръ должны были быть баронами; отъ нихъ требовалось только десять лѣтъ службы.

— Весь свѣтъ, значить, будетъ барономъ! — пробормоталъ Ругонъ вполголоса.

Собратья его, всегда старавшіеся показать, что смотрятъ на него, какъ на человѣка дурно воспитаннаго, скорчили серьезныя лица, съ цѣлю показать, что находятъ шутку весьма неумѣстной. Императоръ какъ-будто не слышалъ, и, когда чтеніе было окончено, спросилъ:

— Какого вы мнѣнія о проектѣ, господа?

Присутствующіе колебались отвѣчать и ждали болѣе прямого обращенія.

— М-г Ругонъ,—продолжалъ императоръ,—какого вы мнѣнія о проектѣ?

— Сказать правду! государь,—отвѣчалъ министръ внутреннихъ дѣлъ, улыбаясь, съ обычнымъ спокойнымъ видомъ,—я не высоко о немъ мнѣнія. Худшее въ немъ то, что онъ рискуетъ показаться смѣшнымъ. Да, я боюсь, чтобы всѣ эти бароны не показались смѣшными... Я уже не говорю о серьезныхъ доводахъ, о чувствѣ равенства, преобладающемъ въ настоящее время, объ отчаянномъ тщеславіи, которое разовьетъ подобная система...

Но тутъ его перебилъ министръ юстиціи, очень рѣзко, очень обиженно, точно онъ защищался отъ личныхъ нападокъ. Онъ говорилъ, что самъ изъ буржуазіи, сынъ буржуа, неспособный нарушить принципъ равенства, одушевляющій современное общество. Новое дворянство должно быть демократическимъ дворянствомъ; слово: «демократическое дворянство», должно быть, очень ему нравилось, потому что онъ повторилъ его нѣсколько разъ. Ругонъ продолжалъ возражать съ улыбкой и безъ всякаго сердца. Министръ юстиціи, маленький, худой, черноватенькій господинъ, наговорилъ ему, наконецъ, оскорбительныхъ лично-

стей. Императоръ не вмѣшивался въ споръ. Онъ снова поглядѣлъ, медленно раскачивая плечами, на окно, напротивъ себя, изъ котораго лился широкой струей бѣлый свѣтъ. Однако, когда голоса начали возвышаться и споръ сдѣлался оскорбительнымъ для его чувства собственнаго достоинства, императоръ заговорилъ:

— Господа, господа...

Потомъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Г-нъ Ругонъ, пожалуй, правъ... Вопросъ недостаточно со-
вѣтъ. Надо изучить его и съ другихъ сторонъ. Позднѣе уви-
димъ,—рѣшилъ онъ.

Затѣмъ, совѣтъ разсмотрѣлъ нѣсколько мелкихъ дѣлъ. Много толковалось о газетѣ «Siècle»; одна статья въ ней особенно скан-
дализировала дворъ. Не проходило недѣли безъ того, чтобы им-
ператора не умоляли его окружающіе запретить этотъ рево-
люціонный органъ, единственный, осмѣливавшійся составлять
оппозицію имперіи. Но его величество лично очень снисходи-
тельно относился къ прессѣ; онъ зачастую забавлялся въ типѣ
кабинета тѣмъ, что писалъ возраженія на нападки, которымъ
подвергалось его правительство; тайная мечта его была имѣть
свою собственную газету, гдѣ онъ могъ бы печатать манифесты
и вести полемику. Однако, на этотъ разъ его величество рѣ-
шилъ, чтобы газетѣ «Siècle» дано было предостереженіе.

Ихъ превосходительства полагали, что совѣтъ конченъ. Это
видно было потому, что они уже сидѣли на самомъ кончикѣ
пресель. И даже военный министръ, генералъ съ скучающимъ
лицомъ, не промолвившій ни одного слова во все засѣданіе, уже
чинилъ перчатки изъ кармана, когда Ругонъ съ силой оперся
на столъ, причѣмъ тотъ слегка затрепалъ.

— Государь,—сказалъ онъ,—я желалъ бы сообщить совѣту
о столкновеніи, возникшемъ между мною и комитетомъ, разрѣшаю-
щимъ продажу книгъ въ разность, по поводу одного сочиненія.

Собратья его снова усѣлись поглубже въ кресла.

Императоръ сѣлъ въ полъ-оборота и слегка кивнулъ голо-
вой, давая этимъ знать министру внутреннихъ дѣлъ, что онъ
можетъ говорить.

Тутъ Ругонъ вдавался въ предварительныя подробности. Онъ
уже больше не улыбался, добродушнаго вида какъ не бывало.
Наклонясь надъ столомъ, причѣмъ правая рука его правиль-
нымъ движеніемъ разглаживала коверъ на столѣ, онъ сообщилъ,
что пожелалъ лично присутствовать на одномъ изъ послѣднихъ
засѣданій комитета, чтобы поощрить усердіе членовъ, его состав-
ляющихъ.

— Я объяснилъ имъ взгляды правительства на возложенныя на нихъ важныя обязанности... Разносная продажа становится чрезвычайно опаснымъ дѣломъ, если превратится въ оружіе въ рукахъ революціонеровъ; она оживитъ и возбудитъ ненависти и распри, въ настоящую минуту уже угасшія, къ стацію. Поэтому комитету вѣняется въ обязанность устранять всѣ сочиненія, клонящіяся къ тому, чтобы раздражать умы и будить страсти, отжившія свой вѣкъ. Напротивъ того, онъ долженъ поощрять книги, которыя, по его мнѣнію, могутъ развивать чувство любви къ Богу, къ отечеству и благодарности къ имперіи.

Министры, очень недовольные вообще, сочли однако своей обязанностью выразить сочувствіе послѣдней фразѣ.

— Число вредныхъ книгъ растетъ съ каждымъ днемъ,—продолжалъ онъ. — Это настоящее наводненіе, и отъ него слѣдуетъ оборонять страну всѣми возможными средствами. Изъ двѣнадцати книгъ, выходящихъ изъ печати, одиннадцать съ половиною годны лишь на то, чтобы ихъ бросили въ печу. Это среднее число... Никогда еще преступныя чувства, разрушительныя теоріи, анти-соціальныя безобразія не находили столько апостоловъ... Я иногда бываю вынужденъ читать нѣкоторые сочиненія. Ну, и утверждаю...

Министръ народнаго просвѣщенія рѣшился перебить его:

— Романы...—началъ онъ.

— Я никогда не читаю романовъ,—сухо обрѣзалъ Рутонъ.

У собрата его вырвался дѣломудренно-протестующій жестъ, которымъ онъ хотѣлъ какъ-бы заставить присутствующихъ, что самъ никогда не читаетъ романовъ. Онъ пояснилъ свою мысль:

— Я хотѣлъ только сказать, что романы въ особенности даютъ отравленную пищу безнравственному любопытству толпы.

— Безъ сомнѣнія,—продолжалъ министръ внутреннихъ дѣлъ.

— Но существуютъ и другія сочиненія, столь же опасныя: я говорю о тѣхъ популярныхъ произведеніяхъ, гдѣ авторы стараются предложить сумбуръ изъ соціальной и экономической наукъ, который можетъ только смутить слабые умы... Въ настоящую минуту комитету представлено на разсмотрѣніе сочиненіе какъ разъ въ этомъ родѣ: «les Veillées du bonhomme Jacques». Въ немъ повѣствуется о нѣкоемъ сержантѣ, который, вернувшись въ свое село, каждое воскресенье вечеромъ бесѣдуетъ съ школьнымъ учителемъ, въ присутствіи человѣкъ двадцати крестьянъ; и каждая бесѣда посвящена отдѣльному вопросу: новымъ методамъ культуры, рабочимъ ассоціаціямъ, значительной роли производителя въ обществѣ. Я прочиталъ эту книгу; мнѣ указалъ на

все одинъ чиновникъ: она мнѣ показалось тѣмъ опаснѣе, что прикрывается пагубныя теоріи притворнымъ восхищеніемъ императорскими учрежденіями. Нѣтъ сомнѣнія, что это твореніе демагога. Поэтому я былъ очень удивленъ, когда услышалъ, что нѣкоторые члены комитета отзываются о немъ съ похвалою... Я толковалъ съ ними, но не могъ переубѣдить ихъ. Одинъ изъ этихъ господъ сообщилъ мнѣ даже, что авторъ поднесъ одинъ экземпляръ вашему величеству... Тогда, государь, я счелъ необходимымъ спросить вашего мнѣнія и мнѣнія совѣта, прежде чѣмъ предпринять что-либо.

И Ругонъ поглядѣлъ прямо въ лицо императору; мигающіе глаза послѣдняго остановились въ эту минуту на разрѣзательномъ ножѣ, лежавшемъ передъ нимъ. Императоръ взялъ ножъ и, вертя имъ, пробормоталъ:

— Да, да, «*Les Veillées du bonhomme Jacques*»...

Потомъ, не высказываясь дальше, и взглянувъ искоса вправо и влево, прибавилъ:

— Быть можетъ, вы просматривали эту книгу, господа; мнѣ было бы пріятно узнать...

Онъ не договорилъ и какъ-то мямлил. Министры поглядывали другъ на друга; каждый рассчитывалъ, что сосѣдъ отвѣтитъ, выскажетъ свое мнѣніе. Молчаніе длилось, и смущеніе все росло. Очевидно, никто изъ нихъ не подовѣривалъ даже о существованіи этого сочиненія. Наконецъ, военный министръ рѣшился объясниться жестомъ отрицанія за всѣхъ своихъ собратьевъ. Императоръ крутилъ усы и не торопился.

— А вы, м-г Делестанъ?—спросилъ онъ.

Делестанъ вертѣлся на мѣстѣ, точно въ немъ происходила борьба. Этотъ прямой вопросъ повидимому заставилъ его рѣшиться. Но, прежде чѣмъ заговорить, онъ невольно поглядѣлъ на Ругона.

— Я пробѣгалъ эту книгу, государь.

Онъ остановился, чувствуя, что сѣрые глаза Ругона устремлены на него. Но, видя, что императоръ очевидно доволенъ сказаннымъ, продолжалъ съ слегка дрожащими губами:

— Къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что не раздѣляю мнѣнія моего друга и собрата, г. министра внутреннихъ дѣлъ... Конечно, сочиненіе это могло бы обойтись безъ нѣкоторыхъ выраженій и побольше настаивать на благоразумной медленности, съ какою долженъ совершаться всякій дѣйствительно полезный прогрессъ. Но «*les Veillées du bonhomme Jacques*» кажется мнѣ тѣмъ не менѣе сочиненіемъ, написаннымъ съ наилучшими на-

мнѣніями. Желанія, выраженные въ немъ для будущаго времени, ни въ чемъ не оскорбляютъ императорскихъ учреждений. Они, напротивъ того, являются какъ-бы законнымъ и ожидаемымъ результатомъ...

И снова умолеъ. Несмотря на то, что онъ старательно избѣгалъ глядѣть на Ругона, онъ догадывался, что тотъ поблѣднѣлъ отъ удивленія. Обыкновенно Делестанъ всегда поддакивалъ великому человеку, поэтому Ругонъ понадѣялся-было, что однимъ словомъ обратитъ на путь истинный взбунтовавшагося ученика.

— Подерѣжите ваше мнѣніе доказательствами,—закричалъ онъ, страшно ворочая зрачками. — Я жалѣю, что не привезъ съ собой книги... Да вотъ, постойте, мнѣ припоминается одна глава: «le bonhomme Jacques» говорить о двухъ нищихъ, собирающихся по деревнѣ, и на вопросъ сельскаго учителя объявляетъ, что уважаетъ крестьянамъ средство, никогда не имѣть въ своей средѣ бѣдныхъ; за симъ слѣдуетъ изложеніе сложной системы къ искорененію пауперизма. Тутъ мы сталкиваемся лицомъ къ лицу съ коммунистическими теоріями... Я не думаю, чтобы г. министръ земледѣлія и торговли могъ одобрить эту главу.

Делестанъ, ощутившій внезапную храбрость, рѣшился взглянуть Ругону прямо въ глаза.

— О! будто ужъ и лицомъ къ лицу съ коммунистическими теоріями,—сказалъ онъ:—вы заходите слишкомъ далеко. Я напелъ тамъ только остроумное изложеніе принциповъ ассоціаціи.

Говоря это, онъ рылся въ своемъ портфѣлѣ.

— Вотъ у меня съ собой эта книга,—объявилъ онъ, наконецъ.

И началъ читать главу, о которой шла рѣчь. Онъ читалъ тихо и монотонно. Его красивое лицо государственнаго дѣятеля принимало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайно важное выраженіе. Императоръ слушалъ съ глубокомысленнымъ видомъ. Онъ повидимому особенно наслаждался чувствительными мѣстами, тѣми страницами, гдѣ авторъ заставлялъ своихъ крестьянъ лепетать на ребячески-глупомъ языкѣ. Что касается ихъ превосходительствъ, они были въ восторгѣ! Что за очаровательная исторія! Ругонъ преданъ Делестаномъ, которому доставилъ портфѣль единственно лишь затѣмъ, чтобы имѣть въ немъ поддержку среди глухого недоброжелательства совѣта! Собраты уворяли его въ постоянномъ превышеніи власти, въ необузданномъ властолюбіи, заставлявшемъ его обращаться съ ними какъ съ простыми приказчиками, между тѣмъ какъ самого себя онъ выставилъ ближайшимъ совѣтникомъ и правой рукой его величества. И

вотъ, теперь онъ будетъ совершенно одинокъ! Делестана слѣдуетъ однако приласкать.

— Есть, быть можетъ, два-три слова лишнихъ, — пробормоталъ императоръ, когда чтеніе было окончено. — Но въ сущности я не вижу... Не правда ли, господа?

— Книга совсѣмъ невинная, — подтвердили министры.

Ругонъ не отвѣчалъ. Сначала онъ какъ будто сдался, но потомъ вдругъ налетѣлъ на Делестана; повидимому, онъ хотѣлъ убѣдить его одного. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ споръ продолжался между ними въ отрывистыхъ фразахъ. Красивый министр набрался храбрости и становился язвительнѣе. Тогда мало-по-малу Ругонъ приподнялся съ мѣста: онъ впервые почувствовалъ, что власть ускользаетъ отъ него, и вдругъ обратился къ императору, стоя и яростно размахивая руками:

— Государь, это не важно, и продажа будетъ разрѣшена, если ваше величество въ своей мудрости полагаете, что книга не вредна. Но я долженъ заявить вамъ, государь, что было бы крайне опасно вернуть Франціи хотя бы половину тѣхъ вольностей, которыхъ требуетъ этотъ *bonhomme Jacques*... Вы призвали меня ко власти въ страшную минуту. Вы не приказали мнѣ стараться успокоить несвоевременной мягкостью напуганные умы: я заставилъ себя бояться, согласно вашему желанію. Я полагаю, что сообразовался со всѣми вашими инструкціями и оказывалъ вамъ услуги, какихъ вы отъ меня ожидали. Если кто и укорялъ меня въ излишней жесткости, если и говорили, что я злоупотребляю властью, дарованной мнѣ вашимъ величествомъ, то подобный упрекъ, государь, могъ исходить лишь изъ устъ противниковъ вашей политики... Итакъ, повѣрьте мнѣ, что общество до сихъ поръ еще глубоко потрясено: я не могъ, къ несчастію, вылечить его въ нѣсколько недѣль отъ пожирающихъ его недуговъ. Анархическія страсти все еще бушуютъ въ низшихъ слояхъ демагогіи. Я не хочу разоблачать передъ вами общественныя раны, не хочу преувеличивать ихъ ужаса, но имѣю право напомнить объ ихъ существованіи, чтобы предостеречь ваше величество отъ великодушныхъ порывовъ вашего сердца. Одну минуту можно было надѣяться, что энергія государя и торжественная воля страны навѣки схоронили въ прошломъ отвратительныя времена общественного безпорядка. Событія доказали печальное заблужденіе, въ какомъ всѣ находились. Конечно, честная Франція проникнута преданностью и благодарностью къ благодѣтельной рукѣ, извлекшей ее изъ ничтожества, изъ смуты, въ какихъ она изнемогала, и вотъ, именно изъ любви къ ней

слѣдуетъ заботиться о дальнѣйшемъ ея спасеніи, лечить ее отъ губительныхъ недуговъ, отнимать отъ нея зараженные гангреной члены, грозящіе по временамъ заразить ее всю. Умоляю васъ, отъ имени всей націи, государь, не отводите вашей могущественной руки. Опасность заключается не въ чрезвычайныхъ прерогативахъ власти, но въ отсутствіи стѣснительныхъ законовъ. Если вы отведете свою руку, то немедленно будете подавлены революціонными требованіями, и самые энергическіе слуги ваши окажутся безсильными защищать васъ... Я позволяю себѣ настаивать на этомъ, потому что предвижу ужасающія катастрофы. Безграничная свобода невозможна въ странѣ, гдѣ существуетъ партія, упорствующая въ отрицаніи основныхъ принциповъ управленія. Потребуется долгіе годы на то, чтобы абсолютная власть была признана всѣми, и изгладилась изъ памяти воспоминанія о старинныхъ раздорахъ, чтобы она стала настолько неоспоримой, что могла бы допустить оспаривать себя. Внѣ нашего принципа, примѣняемаго во всей его строгости, нѣтъ спасенія для Франціи. Это воняль тревоги съ моей стороны, государь. Повторяю: въ тотъ день, когда ваше величество найдете нужнымъ возвратить народу самую невинную изъ вольностей, въ этотъ день вы поставите на карту все будущее. Одна вольность влечетъ за собой другую, затѣмъ приходитъ третья, и сметааетъ все: учрежденія и династіи. Это неумолимая машина, колесо, захватывающее сначала палецъ, затѣмъ кисть руки, затѣмъ всю руку, и наконецъ перетирающее все тѣло... И такъ какъ, государь, я уже осмѣлился откровенно высказаться объ этомъ предметѣ, то прибавлю, что парламентаризмъ уже убилъ монархію, и не слѣдуетъ допускать его убить имперію. Законодательный корпусъ играетъ и безъ того уже слишкомъ видную роль. Не будемъ отводить ему еще болѣе мѣсто въ руководящей политикѣ государя; позднѣе это послужило бы источникомъ самыхъ бурныхъ и самыхъ пагубныхъ столкновеній. Хотя послѣдніе генеральныя выборы и доказали еще разъ вѣчную благодарность страны, однако тѣмъ не менѣе мы насчитываемъ пять кандидатуръ, скандальный успѣхъ которыхъ долженъ служить предостереженіемъ. Въ настоящее время весь вопросъ заключается въ томъ: какъ помѣшать образованію внушительнаго меньшинства и въ особенности, какъ — въ томъ случаѣ, если оно образуется — обставить дѣло такъ, чтобы не дать ему оружія въ руки, какимъ позднѣе оно могло бы нахально поражать правительство. Когда парламентъ молчитъ — онъ, значитъ, трудится... Что касается прессы, государь, то она обращаетъ свободу въ распущенность. Съ тѣхъ поръ какъ

я сталъ министромъ, я внимательно читаю отчеты, и мнѣ противно видѣть всѣ мерзости, на какія мнѣ указываютъ. Пресса является выѣстилищемъ гнусностей, предательства, зловреднаго броженія, а оно съ теченіемъ времени заражаетъ чумой все общество. Она питаетъ революціи, она вѣчно горящій очагъ, зажигающій пожары. Она станетъ полезной лишь въ тотъ день, — когда ее сжуютъ обуздать и обратить ея силу въ правительственное орудіе... Я уже не говорю о другихъ вольностяхъ: о правѣ ассоціаціи, о правѣ сходахъ, правѣ все дѣлать, что задумается. Ихъ почтительно просятъ въ *Veillées du bonhomme Jacques*. Позднѣ ихъ потребуютъ. Вотъ чего я боюсь; поверьте мнѣ, ваше величество, Франціи нужно долго еще чувствовать, что надъ ней тяготѣетъ желѣзная рука...

Онъ повторялся, защищалъ свою власть съ увеличивающеюся горячностью. Въ теченіи часа почти прикрывался онъ своимъ принципомъ, какъ броней. И, несмотря на кажущееся раздраженіе, сохранялъ настолько хладнокровія, чтобы наблюдать за собратами и слѣдить на ихъ лицахъ за дѣйствіемъ своихъ словъ. Лица ихъ были блѣдны и неподвижны. Вдругъ онъ умолкъ.

Наступило довольно продолжительное молчаніе. Императоръ снова принялся играть разрывательнымъ ножомъ.

— Я полагаю, — сказалъ наконецъ государственный министр, — что г. министру внутреннихъ дѣлъ положеніе Франціи представляется въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ. Ничто, мнѣ кажется, не угрожаетъ нашимъ учрежденіямъ. Порядокъ царствуетъ безусловный. Мы можемъ довѣриться высокой мудрости его величества. Мнѣ кажется даже, что высказывать опасенія — значитъ не довѣрять....

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, — подхватили другіе голоса.

— Я прибавлю, — замѣтилъ въ свою очередь министръ иностранныхъ дѣлъ, — что никогда Франція не была такъ уважаема Европой. Вездѣ, за границей, отдають справедливость твердой и достойной политикѣ его величества. Мнѣніе всѣхъ посольствъ таково, что для нашей страны наступила отнынѣ эра мира и величія.

Никто, впрочемъ, изъ этихъ господъ не желалъ опровергать политической программы, защищаемой Ругомомъ. Взгляды всѣхъ обратились на Делестана. Тотъ понялъ, чего отъ него ожидали. Онъ прибралъ три-четыре фразы. Онъ сравнилъ имперію съ адонисомъ.

— Конечно, не слѣдуетъ колебать нашего принципа, но не слѣдуетъ также систематически замирать двери передъ обществен-

ними вольностями... Имперію можно сравнить съ пріютомъ, обширнымъ и великолѣпнымъ зданіемъ, для котораго его величество собственноручно заложилъ несокрушимый фундаментъ. Въ настоящее время его величество занятъ возведеніемъ стѣтъ. Но придетъ день, когда, окончивъ свое дѣло, его величеству придется позаботиться о крышѣ зданія, и вотъ, тогда...

— Никогда!—рѣзко перебилъ Ругонъ.—Все рухнетъ!

Императоръ протянулъ руку, чтобы прекратить споръ. Онъ улыбался и точно вышелъ изъ глубокой думы.

— Хорошо, хорошо,—сказалъ онъ.—Мы удалились отъ текущихъ дѣлъ... Тамъ увидимъ...

И, вставъ, прибавилъ:

— Господа, время уже позднее. Оставайтесь завтракать во дворцѣ.

Совѣтъ кончился. Министры отодвинули кресла и встали, раскланиваясь съ императоромъ, удалявшимся тихими шагами. На порогѣ онъ обернулся, прошептавъ:

— М-г Ругонъ, прошу на пару словъ. И пока императоръ отводилъ Ругона въ амбразуру окна, ихъ превосходительства на другомъ концѣ комнаты суетились вокругъ Делестана. Они скромно поздравляли его, подмигивая глазами, тонко улыбались, сдержанно и шопотомъ хвалили его. Вотъ этотъ человѣкъ не былъ страшенъ ни для кого изъ этихъ господъ. Онъ былъ очаровательно пустъ, съ красивой безмозглою головою, его можно было поставить господиномъ. Государственный министр, человѣкъ весьма тонкаго ума и большой опытности, особенно отличался приторной любезностью. Онъ признавалъ за правило, что дружба дураковъ приноситъ счастье. Делестанъ скромный, серьезный, чопорный, кланялся при каждомъ комплиментѣ.

— Пойдемте,—сказалъ императоръ Ругону.

Онъ рѣшился увести его въ кабинетъ, довольно тѣсную комнату, заваленную книгами и газетами, валившимися вездѣ на мебели. Тамъ онъ зажегъ папиросу, потомъ показалъ небольшую модель новой пушки, выдуманной однимъ офицеромъ; маленькая пушка походила на дѣтскую игрушку. Онъ говорилъ очень ласково, и, казалось, хотѣлъ доказать министру, что относится къ нему съ прежней благосклонностью. Но Ругонъ чувствовалъ, что будетъ объясненіе. Онъ первый рѣшился заговорить.

— Государь,—сказалъ онъ, я знаю, что на меня жалуются вашему величеству.

Императоръ улыбнулся, не отвѣчая. Дворъ, дѣйствительно,

слова вооружился противъ Ругона. Его обвиняли въ томъ, что онъ превышаетъ власть и компрометируетъ имперію своей жестокостью. Самые необыкновенныя исторіи ходили о немъ; корридоры дворца оглашались анекдотами и жалобами, и ихъ эхо каждое утро доносилось до императорскаго кабинета.

— Сядьте, м-г Ругонъ, сядьте, — проговорилъ наконецъ императоръ добродушно.

И, усѣвшись тоже, продолжалъ:

— Мнѣ прожужжали всѣ уши всякими исторіями. Я хочу лучше объясниться съ вами... Что это за исторія съ нотариусомъ въ Піорѣ, умершемъ вслѣдствіе ареста? Его звали Мартинѣ, кажется?

Ругонъ спойкой сообщилъ подробности. Этотъ Мартинѣ былъ человекъ сильно скомпрометтированный, республиканецъ, и влияние его на департаментъ могло оказаться очень гибельно. Его арестовали. Онъ умеръ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что онъ умеръ и что это весьма прискорбно, — замѣтилъ императоръ. — Враждебныя газеты подхватили это событіе и придали ему таинственный характеръ, сообщили съ недомолвками самаго непріятнаго свойства... Меня же это очень огорчаетъ, м-г Ругонъ.

Онъ умолялъ и молча курилъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ.

— Вы посѣтили недавно департаментъ Двухъ-Севровъ, — продолжалъ онъ, — и присутствовали тамъ на одномъ торжествѣ... Вполнѣ ли вы увѣрены въ денежной состоятельности г. Кана?

— О! вполнѣ увѣренъ! — вскричалъ Ругонъ.

И пустился въ новыя объясненія. Кану оказываетъ поддержку очень богатое англійское акціонерное общество, акціи желѣзной дороги изъ Піора въ Анжеръ стоятъ очень высоко на биржѣ; это прекраснѣйшая операція, какую только можно себѣ представить. Императоръ слушалъ недоувѣрчиво.

— Мнѣ высказывали однако опасенія на этотъ счетъ, — проговорилъ онъ. — Вы понимаете, какъ печально было бы, если бы ваше имя связывалось съ катастрофой... Но такъ какъ вы утверждаете противное...

Онъ оставилъ этотъ второй пунетъ, чтобы перейти къ третьему.

— Вотъ тоже и префектъ Двухъ-Севровъ; имъ очень недомолвы, какъ меня увѣряютъ. Онъ все поставилъ вверхъ дномъ. Кромѣ того, онъ, говорятъ, сынъ бывшаго судебного пристава, скандальные поступки котораго возбуждаетъ толки въ департаментѣ... М-г дю-Пуазъ вашъ другъ, кажется?

— Да, государи! одинъ изъ моихъ добрыхъ друзей.

Императоръ всталъ, а также и Ругонъ. Первый подошелъ къ окну, потомъ вернулся, пуская легкія струйки дыма.

— У васъ много друзей, м-г Ругонъ?—проговорилъ онъ съ тонкимъ видомъ.

— Да, государь, много!—отвѣчалъ министръ напряженно.

До сихъ поръ императоръ очевидно повторялъ только ходившіе слухи, обвиненія, слышанныя имъ отъ его окружающихъ. Но ему извѣстны были, должно быть, другія исторіи, факты, неизвѣстные двору; о нихъ извѣстили его частные агенты; онъ выслушивалъ ихъ особенно охотно и обожалъ шпіонство и всю подземную работу полиціи. Онъ съ минуту глядѣлъ на Ругона, чуть замѣтно улыбаясь; потомъ конфиденціальнымъ голосомъ, какъ человѣкъ, котораго все это забавляетъ, промолвилъ:

— О! я знаю больше, чѣмъ бы желалъ... Вотъ еще фактъ. Вы приняли къ себѣ на службу молодого человѣка, сына полковника, хотя онъ и не могъ представить диплома бакалавра. Это не важно, я знаю. Но если бы вы знали, какой шумъ поднимается изъ-за такихъ пустяковъ!.. Этими пустяками дразнишь все общество. А это плохая политика.

Ругонъ ничего не отвѣчалъ. Онъ чувствовалъ, что его величество еще не кончилъ. И дѣйствительно, его величество открылъ ротъ, искалъ словъ; но кажется то, что онъ хотѣлъ сказать, его смущало, потому что онъ съ минуту колебался заговорить объ этомъ. Онъ пробормоталъ наконецъ:

— Я уже не стану говорить о приставѣ, которому вы протежируете, нѣбось Мерль,—такъ кажется его зовутъ? Онъ напивается, бываетъ дерзокъ, публича и чиновники на него жалуются... Все это очень, очень прискорбно.

Потомъ, возвышая голосъ, внезапно заключилъ:

— У васъ слишкомъ много друзей, м-г Ругонъ. Всѣ эти люди вредятъ вамъ. Поссорить васъ съ ними значило бы оказать вамъ услугу... Ну, пожалуйста, увольте въ отставку дю-Пуазъ и общайтесь мнѣ развязаться съ остальными.

Ругонъ оставался хладнокровнымъ. Онъ поклонился и сказалъ глубокимъ голосомъ:

— Государь, я, напротивъ того, попрошу у вашего величества крестъ оффицѣ для префекта Двухъ-Севрель... Я хочу тоже просить и о другихъ милостяхъ...

И, вынувъ записную книжку изъ кармана, продолжалъ:

— М-г Безуэнъ умоляетъ ваше величество посѣтить его хрустальный заводъ въ Сентъ-Флоранъ, когда ваше величество пойдете въ Буржъ... Полковникъ Жобеланъ просить должности при

одномъ изъ императорскихъ дворцовъ. Приставъ Мерль напоминаетъ, что у него есть военная медаль, и проситъ табачной лачки для одной изъ своихъ сестеръ...

— Все? — спросилъ императоръ, снова улыбаясь. — Вы геройскій покровитель. Друзья должны васъ обожать.

— Нѣтъ, государь, они меня не обожаютъ, но поддерживаютъ, — сказалъ Ругонъ съ грубой откровенностью.

Эти слова повидимому поразили императора. Ругонъ выдалъ тайну своей преданности: въ тотъ день, какъ онъ перестанетъ пользоваться своимъ кредитомъ, кредитъ его лопнетъ, и, несмотря на скандалъ, несмотря на неудовольствіе и измѣну, царившія въ его собственной шайкѣ, у него все-таки никого не было, кромѣ нея, и онъ долженъ былъ опираться на нее и поддерживать ее изъ личныхъ видовъ. Чѣмъ больше милостей выпрашивалъ онъ для своихъ друзей, чѣмъ громаднѣе и незаслуженнѣе казались эти милости, тѣмъ сила его выпазывалась рельефнѣе. Онъ почтительно прибавилъ съ явнымъ намѣкомъ:

— Я желаю отъ всего сердца, чтобы ваше величество, въ интересахъ величія вашего царствованія, по-долгу удерживали вокругъ себя преданныхъ слугъ, помогавшихъ вамъ возстановить имперію.

Императоръ больше не улыбался. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, съ полузакрытыми глазами, задумчивый, какъ-будто поблѣднѣлъ, и какой-то смутный страхъ охватилъ его. Для этой мистической природы предчувствія играли весьма важную роль. Онъ оборвалъ круто разговоръ, чтобы не высказывать своего окончательнаго мнѣнія, храня про себя намѣреніе, второе могло въ немъ зарониться, откладывая на будущее время исполненіе своей воли. И снова сталъ очень ласковъ. Вернувшись къ спору, происходившему въ совѣтъ, онъ даже какъ-будто соглашался съ Ругонемъ теперь, когда могъ говорить, не компрометируя себя. Страна несомнѣнно еще не созрѣла для свободы. Долго еще нужна будетъ энергическая рука — для того, чтобы съ твердостью, туждой всякаго послабленія, руководить дѣлами. И заключилъ свои слова, выразивъ министру полное довѣріе; онъ предоставлялъ ему полную свободу дѣйствія, но подтвердилъ всѣ предыдущія инструкціи. Однако Ругонъ нашелъ нужнымъ настаивать.

— Государь, — сказалъ онъ, — я не могу быть во власти пераго недоброжелательнаго слуха; мнѣ нужно сознаніе прочности моего положенія, чтобы довершить тяжелое дѣло, вложенное вами на меня.

— М-г Ругонъ, — отвѣчалъ императоръ, — дѣйствуйте безъ боязни, я буду съ вами.

И, прервавъ бесѣду, направился къ дверямъ въ сопровожденіи министра. Они вышли, прошли черезъ нѣсколько комнатъ и направились къ столовой. Но передъ тѣмъ какъ войти въ нее, императоръ обернулся и увелъ Ругона въ уголъ галлерей.

— И такъ, — спросилъ онъ вполголоса, — вы не одобряете дворянской системы, предложенной министромъ юстиціи? Я бы очень желалъ, чтобы вы съ симпатіей отнеслись къ этому проекту. Займитесь имъ.

Потомъ, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ съ обычнымъ спокойно упрямымъ видомъ:

— Дѣло не къ спѣху. Я подожду. Хоть десять лѣтъ, если надо.

Послѣ завтрака, продолжавшагося всего съ полчаса, министры перешли въ маленькій сосѣдній салонъ, куда поданъ былъ кофе. Они пробыли тамъ нѣсколько времени, стоя вокругъ императора и разговаривая. Клоринда, которую императрица тоже задержала, пришла за мужемъ съ смѣлыми ухватками женщины, обращающейся за панибрата съ политическими дѣятелями. Она пожала руку многимъ изъ этихъ господъ. Всѣ засуетились около нея, разговоръ переѣхалъ. Но его величество былъ такъ любезенъ съ молодой женщиной, такъ настойчиво ухаживалъ за ней, что ихъ превосходительства сочли за лучшее скромно отойти. Нѣкоторые прошли черезъ балконную дверь на террасу дворца. Подъ конецъ осталось въ комнатѣ всего два человѣка, и единственно лишь ради соблюденія приличія. Государственный министръ, въ высшей степени обязательный человѣкъ, съ высокмиръной осанкой дворянина, увелъ Делестана, и, стоя на террасѣ, указывалъ ему на Парижъ, видѣвшійся вдали. Ругонъ, стоя на солнцѣ, заглядѣлся тоже на громадный городъ, пересѣкавшій горизонтъ, позади громадной зеленой скатерти Булонскаго лѣса.

Клоринда была поразительно хороша въ это утро. Одѣтая кое-какъ по своему обыкновенію, она волочила свѣтло-серизовое платье, которое казалось нѣ-скоро накинула на плечи, подзадориваемая какимъ-то сильнымъ желаніемъ. Она смѣялась, раскинувъ руки. Поза ея была самая небрежная и соблазнительная. На балѣ въ морскомъ министерствѣ, куда Клоринда явилась въ костюмѣ «червонной дамы» съ брилліантовыми сердечками на шеѣ, на рукахъ и у коленъ, она одержала побѣду надъ императоромъ, но съ самаго этого вечера прикидывалась, что смотритъ на него только какъ на друга, и обращала слова его въ шутку всякій

разъ, когда его величество удостоивалъ говорить ей, что она хороша собой.

— Посмотрите-ка, м-г Делестанъ, говорилъ на террасѣ государственный министр своему собрату, — вонъ тамъ, налѣво, на крышу Инвалидовъ, — она кажется нѣжно-голубого цвѣта.

Пока мужъ восторгался, министр съ любопытствомъ усиливался увидѣть черезъ открытую дверь, что происходитъ въ маленькомъ салонѣ. Императоръ, наклонившись впередъ, говорилъ что-то молодой женщинѣ, а она откинулась назадъ, какъ-бы убѣгая отъ него и громко смѣялась. Видѣнь былъ только профиль его величества, длинное ухо, большой красный носъ, крупный ротъ, прикрытый усами. Но уголокъ щеки и глазъ, сверкавшій пламенемъ страсти, показывали, что голова его величества сильно кружится. Клоринда, обязательная въ высшей степени, отказывала въ чемъ-то чуть замѣтнымъ качаніемъ головы, между тѣмъ какъ своимъ дыханіемъ, смѣхомъ, всей своей особой подзадоривала внутреннюю ея страсть.

Когда ихъ превосходительства вернулись въ салонъ, молодая женщина отодвинула кресло и говорила, вставая, хотя нѣкто не могъ знать, на что именно она отвѣчаетъ:

— О! государи! не рассчитывайте на это, я упряма, какъ оселъ.

Ругонъ, несмотря на ссору, вернулся въ Парижъ вмѣстѣ съ Делестаномъ и Клориндой. Последняя была съ нимъ гораздо ласковѣе, чѣмъ утромъ. Въ ней улеглась нервная тревога, побуждавшая ее заводить непріятные разговоры. Минутами она даже поглядывала на него съ улыбкой состраданія. Когда ландошко покатилося по лѣсу, залитому солнцемъ, вдоль берега озера, она потянулась и пробормотала съ довольнымъ вздохомъ:

— Какой сегодня чудный день!

Потомъ, послѣ минутнаго раздумья, спросила мужа:

— Скажите-ка, сестра ваша, м-ше де-Комбелѣ, все еще влюблена въ императора?

— Генриетта съ ума сошла! — отвѣчалъ Делестанъ, пожимая плечами.

Ругонъ сообщил подробности.

— Да, да, все еще влюблена, — сказалъ онъ. — Рассказываютъ, что она бросилась въ ногамъ его величества... Онъ поднялъ ее и совѣтовалъ ей подождать.....

— Пусть, пусть подождетъ, — весело закричала Клоринда. — Другія поспѣютъ раньше ее.

А. Э.

СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ

И

ИХЪ. АРХИТЕКТУРА

III *).

Въ прошломъ году, на парижской всемірной географической выставкѣ, между самыми рѣдкими ея драгоценностями, одною изъ тѣхъ, что всего болѣе бросались въ глаза, былъ—планъ Парижа, *à vol d'oiseau*, изданный въ Амстердамѣ, въ 1618 году. Онъ былъ великолѣпно награвированъ и представлялъ множество любопытныхъ подробностей о старомъ, давнымъ-давно измѣнившемся городѣ, котораго теперь и слѣдъ простылъ; но меня болѣе всего этого остановила латинская надпись на немъ: «Парижъ, знаменитѣйшій и извѣстнѣйшій въ цѣломъ свѣтѣ городъ» (*Lu-tetia Parisiorum urbs toto orbe celeberrima notissimaque*). Двѣстипятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ слова эти написалъ Фишеръ, извѣстный голландскій граверъ и издатель того времени, и, конечно, онъ здѣсь повторялъ лишь общее тогдашнее мнѣніе; но ничего съ тѣхъ поръ не измѣнилось,—и Парижъ, вотъ и теперь, какъ при Людовикѣ XIII, стоитъ первымъ и знаменитѣйшимъ городомъ въ цѣломъ свѣтѣ, тѣмъ уголкемъ земли, который каждому кажется настоящею столицею міра, чудною вра-

*) См. выше: янв. 505 стр.

сотою, чуднымъ водоворотомъ жизни, мысли и всяческаго творчества, мѣстомъ, куда зовутъ каждого завѣтнѣйшія его мечты.

Есть города, знаменитые изяществомъ своего мѣстоположенія, таковы, напримѣръ, Константинополь, Лиссабонъ, Неаполь и т. п. Но здѣсь поразительное впечатлѣніе ограничено одною только изысканностью, и дальше ея не идетъ; здѣсь вся красота—дѣло одной природы, человѣку пришлось только выбрать великолѣпный пунктъ и на немъ поселиться. Съ Парижемъ было иначе. Сама изысканность не представляла ничего особеннаго, и если городъ производить, въ теченіи долгихъ столѣтій, неотразимое, глубокое впечатлѣніе на всѣхъ, то природа тутъ не причесть, она ничего не дала: все здѣсь—созданіе рукъ человѣческихъ, всѣмъ обязанъ Парижъ мысли и творчеству поколѣній, здѣсь смѣнявшихся и оставившихъ глубокий слѣдъ такой жизни, такихъ порывовъ и стремленій, такого творчества и такого почина, каковыхъ напрасно было бы искать въ другихъ мѣстахъ. Но этого мало. Физиономія Парижа дана ему даже не тѣми или другими отдѣльными личностями—королями, министрами и художниками—она создана мыслью, страстями, вкусами и начинаніями самого народа. Пульсъ народной жизни нигдѣ не бился такъ громко и повелительно, какъ въ Парижѣ, и оттого-то вотъ уже много столѣтій Парижъ во всемъ, что онъ ни дѣлалъ и начиналъ, былъ образцомъ, которому всѣ желали непремѣнно слѣдовать и усердно подражать. Даже самые его капризы, уродства или мелочи—и тѣ заимчивали что-то такое, что казалось для всѣхъ прелестнымъ и необходимымъ, до того много было у француза неутомимаго почина и вѣчно новой изобрѣтательности на все, какъ мало этого почина и изобрѣтательности существовало у другихъ, а когда и бывали на лицо починъ и изобрѣтательность, то такъ мало эти люди умѣли попасть въ главную бьющуюся жилку дѣла. «Пусть кто-нибудь,—воскликаетъ Викторъ Гюгб, въ своемъ великолѣпномъ вступленіи къ «Guide-Paris» 1867 года,—пусть кто-нибудь въ Европѣ попробуетъ надѣть другую шляпу, кромѣ той, такую носить Парижъ. Та лента, что надѣта на проходящей мимо женщинѣ—законъ для остальныхъ женщинъ повсюду».

Эти слова—глубокая правда во всѣхъ дѣлахъ, касающихся Франціи, начиная отъ верху и до низу. Посмотрите, напр.; на архитектуру. Какую архитектурную шляпу и ленту надѣвалъ на себя Парижъ, точь-въ-точь такую же спѣшила надѣть на себя поскорѣе и остальная Европа. Одною рукой Европа кроила себѣ французскій кафтанъ и парикъ, жилетъ и жабо, шила себѣ французскую наголку и платье, а другою строила у себя французскій дворецъ и

церковь, французскій будуаръ или торжественную залу засѣданій, монументъ. Но она копировала только однѣ внѣшнія подробности, балетную холодную декорацию Людовика XIV, или мертвую и сухую же-классичность Наполеона I, груди ракушекъ, завитковъ, амуровъ и гирляндъ Людовика XV, или золоченый блескъ и прилѣпную мишуру Наполеона III, а все, что составляетъ характеръ и фizioномію французской архитектуры, всегда ускользало у нея изъ рукъ,—его не повторишь и не перетащишь къ себѣ, какъ все, идущее изъ глубокихъ норъ національности и народнаго настроенія. Ни у одной другой націи изъ послѣднихъ столѣтій,—тѣхъ, что всего болѣе тянуть на вѣсахъ всемірной исторіи,—не было и сотой доли того огня, той жизни, той фантазіи и творчества, какими дышала Франція. Она вѣчно безпокойна, ее вѣчно толкаетъ впередъ вдохновеніе созидательства, ее вѣчно одолеваетъ истома творчества, любопытство новыхъ формъ, горячка пробъ. И тутъ же, какіе на каждомъ шагѣ человѣчныя мотивы, какая нескончаемая забота и память о всемъ великомъ, глубокомъ и значительномъ, что наполняетъ всемірную исторію!

Когда вы только-что ступили на парижскія улицы, посмотрите кругомъ себя: какъ онѣ называются? Правда, однѣ изъ нихъ, все еще по старинному, какъ въ остальной Европѣ, носятъ странныя или рогатыя средневѣковыя имена, давно уже ничего незначащія (rue du Pont-aux-biches, rue de la Goutte d'or, rue d'Enfer, rue Picpus, rue Quincampoix, rue des Reculettes, rue des Bons Enfants, rue des Rigolles), другія все еще носятъ ничего незначащія имена городовъ и провинцій, церковныхъ приходовъ и тому подобнаго, наконецъ, имена тщеславныхъ военныхъ побѣдъ: но это остатки прежнихъ привычекъ, слѣды старыхъ историческихъ пластовъ. Новое время и новый духъ народный сказались въ Парижѣ иначе, и улицы или площади зовутся уже по именамъ тѣхъ необыкновенныхъ вещей и событій, которыя выглянули на свѣтъ въ Парижѣ, а отзывались на всѣхъ краяхъ міра (Place de la Concorde, rue du 4 Septembre, rue du Contrat Social), или по именамъ значительнѣйшихъ людей всего міра, истинныхъ благодѣтелей человѣческаго рода силою таланта, творчества, гениальнаго почина мысли, глубокой научной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, только въ одномъ Парижѣ вы очутитесь на улицахъ Ньютона, Вольтера, Бетховена, Паскаля, Гальвани, Кювье, Фультона, Франклина, Біо, Гудона, Рабелэ, Руссо. Кто, кромѣ французовъ, сдѣлалъ изъ улицъ своего города пантеонъ лучшихъ человѣческихъ славъ, даже раньше всякихъ статуй и монументовъ? У кого, кромѣ французовъ, есть цѣлыя квар-

тали, гдѣ улицы всё сплошь обрежены именами великихъ европейскихъ физиковъ, естествоиспытателей, докторовъ, химиковъ, и т. д.; другіе кварталы, гдѣ всё улицы сплошь носятъ имя великихъ живописцевъ и скульпторовъ; третьи—имена великихъ музыкантовъ; четвертые—великихъ писателей; пятые—великихъ государственныхъ людей,—у кого еще это есть? У кого была когда-нибудь такая страсть во всёхъ волненіяхъ мысли и созданія, у кого потребность имѣть вѣчно передъ глазами и памятью полные славы списки создателей новой Европы? Уже однѣ эти летописи міра, разбросанные по кусочкамъ на всёхъ перекресткахъ, зажигаютъ воображеніе и настраиваютъ его такъ, какъ неспособны того сдѣлать всё другіе города нашей части свѣта, съ своими ничтожными, барочными или тривиальными именами.

Послѣ этого великолѣпнаго поклоненія человѣческой интеллигенціи и творчеству, великимъ событіямъ исторіи, то, что всегда характеризовало Парижъ—это глубокая забота о пользѣ и наслажденіи жителей. Никакого нѣтъ чуда въ томъ, что въ настоящую минуту порядочная администрація каждаго порядочнаго города энергично хлопочетъ о водѣ и стокахъ, о садахъ и зелени, о прямыхъ и широкихъ улицахъ. Лондонъ наполненъ теперь скверами; Берлинъ и Дрезденъ изъ всёхъ силъ работаютъ надъ канализаціей и водоснабженіемъ; Вѣна прокладываетъ новое русло Дуная и перестраиваетъ все свое средневѣкое нутро: эти заботы вошли теперь въ нравы и обычаи у всёхъ, къ нимъ привыкли, безъ нихъ нельзя уже болѣе обходиться. Но Парижъ подумалъ обо всемъ этомъ и началъ эту работу еще тогда, когда она никому въ голову не приходила, когда никому до нея не было еще ни малѣйшаго дѣла. Уже цѣлыхъ 200 лѣтъ тому назадъ Парижъ поломалъ свои средневѣковыя стѣны, засыпалъ рвы, снесъ долой бастіоны, давно очутившіяся внутри самой гущины населенія, и протянулъ на мѣсто ихъ великолѣпную линію бульваровъ—что-то до тѣхъ поръ нигдѣ невиданное и неслыханное. Десятки верстъ непрерывнаго, открытаго, густаго сада прямо на улицахъ, у самой подошвы домовъ—да гдѣ это еще существовало до тѣхъ поръ? Другіе десятки верстъ улицъ кривыхъ, прямыхъ, излучистыхъ на сто манеровъ, ловко изгибающихся среди толпъ домовъ, вдругъ покрылись стеклянными кровлями и пропустили солнце сквозь свое прозрачное темя,—эти «пассажи», извлеченные во всю длину, въ двѣ линіи, блестящими магазинами, лавками и лавчонками,—кто первый ихъ изобрѣлъ, кто первый выдумалъ этотъ красивый каменный со стекломъ зонтикъ отъ непогоды для миллионнаго населенія, торопящагося во всё

концы оо своими всяческими нуждами? Потомъ еще эти «молонны», разставленные по главнымъ улицамъ, наперекоръ старинной чопорности и ложной стыдливости, «воленны», такъ человѣчно позаботившіяся объ общей неотразимой потребности; эти «cabinets à 3 sous», устроенные заботливою рукою по всѣмъ концамъ города; эти изящныя скульптурныя фонтаны для утоленія жажды каждаго прохожаго въ знойный день; эти кіоски для продажи сотенъ тысячъ ежедневныхъ газетъ на чистомъ воздухѣ на пути у населенія, съ утра и до вечера засученнаго дѣломъ и все-таки нуждающагося каждый часъ и минуту знать, чтъ происходитъ новаго или важнаго на всѣхъ точкахъ міра; эти громадныя ботаническія и зоологическія сады, сложенные изъ живыхъ, великолѣпныхъ представителей ботаническаго и животнаго міра и отворенныя весь день на пользу общую, начиная отъ празднаго, блестящаго барича и кончая послѣднимъ поденщиномъ, покрытымъ потомъ; эта волосальная система водопроводовъ и стока нечистотъ; эти десятки разбросанныхъ садовъ и парковъ, — кто первый вдумалъ все это и создалъ? Какой еще другой народъ до такой степени обо всемъ подумалъ, все обсудилъ и взвѣсилъ, обо всемъ позаботился на пользу собратьямъ? И вотъ, какъ результатъ свѣтлой мысли и горячаго народнаго добродѣтельнаго, сложился изъ тысячи новыхъ, нигдѣ не троганныхъ, своеобразныхъ элементовъ, городъ, первый изъ городовъ, гдѣ на каждомъ шагѣ слышатся могучіе мотивы, гдѣ бѣненіе самой человѣчнѣйшей изъ всѣхъ живней не есть достояніе немногихъ избранныхъ, рѣдкихъ индивидуумовъ, переросшихъ темную непроглядную массу остальныхъ людей, а вселилось уже въ миллионы грудей, и все шире и шире разливается повсюду вокругъ. Разсматривать Парижъ, его площади, улицы, дома, это — глядѣть прямо въ глаза чудному, великому созданію, у котораго внутреннія дунисвыя движенія отпечатались огненными чертами на лицѣ. Парижъ строенъ не архитекторами, онъ построенъ народомъ и исторіей.

Обойдите всѣ города Европы, и нигдѣ вы не найдете такой живописности и красоты внутри города, какъ въ Парижѣ. Улицы — это перспективы, точно нарочно соображенныя и разставленныя художникомъ; картины, обдуманныя во всѣхъ частяхъ и строго взвѣшенныя въ подробностяхъ. А между тѣмъ кварталы и части города строились въ разныя времена, въ разныя царствованія и во время владычества самыхъ разнообразныхъ вкусовъ. Но французы — одна изъ самыхъ необыкновенныхъ и таинственныхъ націй, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ. Это

урожденные декораторы, это люди съ удивительно творческимъ вкусомъ и фантазійей, и, подобно тому, какъ французенка, одѣтая въ самое простое, можетъ быть, иной разъ старое платье, такъ прикинуть кусочикъ ленты или кружева, такъ хорошо умѣетъ ходить въ немъ, что и формы и цвѣта костюма тотчасъ заиграютъ у ней чудеснымъ изяществомъ,—такъ и французскіе архитекторы, конечно лучшіе, всегда поражаютъ своимъ невыразимымъ умѣньемъ въ каждой задачі, изъ каждаго условій мѣстности и назначенія, въ всѣхъ самыхъ необходимыхъ требованій извлечь неожиданную выгоду и блескъ для своего творенія, и поставить его съ такою красотою и элегантностью, въ какомъ наврядъ ли кто другой еще способенъ. Иногда работать приходилось надъ матеріаломъ неблагодарнымъ, надъ мертвыми или классическими формами прежнихъ поколѣній—но и тутъ талантливый французскій архитекторъ прибавлялъ нѣсколько своихъ собственныхъ черточекъ, новую свою сѣзкую ленточку, лоскутокъ своего собственнаго кружева, блесту, узоръ—и вдругъ выходило что-то новое, неожиданное, блиставшее жизнью и сѣзкостью.

Такъ было у французовъ всегда. Уже 300 лѣтъ назадъ, еще при Генрихахъ III и IV, имъ надо было строить въ стилѣ итальянскаго ренессанса: на Италію тогда мода была, Италия въ искусствахъ тонъ задавала, всѣ воображали (начиная съ нея самой), что она хранительница и передатчица истинныхъ преданій, что изъ нея только рукъ можно получить примѣръ и наставленіе на счетъ того, какъ строили настоящіе хозяева искусства, древніе греки и римляне. И что же! Покоряясь всемогущему мнѣнію, Франція строила на итальянскій ладъ, воображая, что строить что-то греческое или римское; но, какъ горячій, неубитый еще прессировкою конь, она дѣлала на каждомъ шагѣ по прыжку въ сторону, то туда, то сюда, она поминутно вставляла свою непокорную и смѣлую ногу, и создавала формы, нигдѣ невиданныя. То она, поверхъ колоннадъ и портиковъ, нахлобучивала на панишонъ высокую кровлю, идущую вверхъ уже, и точь-въ-точь похожую на мужскую шляпу, модную при Генрихахъ; то, вмѣсто параднаго на классическій манеръ, ставила вдругъ французенокъ въ придворномъ бальномъ платьѣ, съ полуоткрытою грудью и распущенною, какъ опахало, газовой ширмочкою поводи плечи; то она представляла шута въ рогатой шапкѣ и любимыхъ собакъ Франциска I, тамъ, гдѣ, по архитектурному этикету, надо было ставить геніевъ, амуровъ, фавиновъ, музъ; то она воздвигала поверхъ зданія монументальныя трубы, казавшіяся маленькими кинаретами, только французскими; то она прорѣзывала и стано-

вила стойкомъ. Она въ уходящей назадъ кровлѣ, такъ, какъ раньше никто не смѣлъ и не пробовалъ; наконецъ она предавалась тысячѣ другихъ фантазій и выдумокъ — и вездѣ у ней сквозящую напускную античность свѣтилась своеобразность и настоящая, своя реальная минута дѣйствительности, до которой не смѣли дотронуться другіе народы. Лувръ, множество замковъ (Château de Gaillon, château de Fontainebleau и другіе) стоятъ до сихъ поръ запускными и покинутыми свидѣтелями смѣлаго французскаго творчества и своенравной, чудесной красоты.

И это своенравіе и смѣлость не измѣнялись у ней никогда и въ послѣдствіи, несмотря даже на всю холодную методичность и чванную пустовонную пышность Людовика XIV, на всю будничную прѣтчность Людовика XV, на всю замороженную прямолинейность и правильность Наполеона I. Какъ ни глубоко свирѣпствовали во все это время фетишизмъ передъ антикомъ (въпрочемъ, понятнымъ на выворотъ), все-таки французы никогда не покорялись ему съ нѣмою покорностью, какъ другіе народы, и поминутно вставляли свою раскольничью, свою собственную нотку — а вѣдь только изъ раскольничьихъ нотъ всегда и складывается новый стиль, новая школа.

Въ наше время, когда въ искусство ворвалась вдругъ бурнымъ потокомъ вся толпа прежнихъ стилей и замѣнила своимъ разнообразіемъ прежній одинъ единственный бѣдный, тонкій, же-классическій, французы продолжали дѣйствовать по-прежнему: они всѣмъ пользовались, ничѣмъ и никѣмъ не брезгали, ни одной эпохой, ни одной талантливой личностью, но все передѣлывали по-своему. Нигдѣ, ни въ какихъ постройкахъ, вы не увидите той бездушной копіи со стараго, какою занималась обыкновенно почти вся остальная Европа, на это у Франціи никогда не хватало ни терпѣнія, ни неподвижной застылости, она была слишкомъ нетерпѣлива и неутомонна. Множество создавалось, въ разное время, въ Парижѣ церквей, дворцовъ, всяческихъ — большихъ и малыхъ, частныхъ и общественныхъ зданій, возведенныхъ въ томъ или другомъ изъ прежнихъ стилей, но каждое наполнено всегда такимъ множествомъ своеобразныхъ частей, что поглядишь и скажешь: да, этотъ домъ, это зданіе — французскіе, и нигдѣ, кромѣ Франціи, ихъ нѣтъ и быть не могло.

Тираннія префекта Гаусмана, вѣрнаго наперсника Наполеона III, стоила любого классицизма. Она точь-въ-точь также подводила все подъ одинъ общій уровень, командовала какъ на разводѣ, предписывала размѣщеніе, величину, размѣры, даже формы, но французскій починъ и тутъ сталъ на свои ноги, и служилъ

дать новому Парижу новый обликъ. Въ проложенныхъ прямыхъ и широкихъ улицахъ, наполненныхъ зеленью и фонтанами, были уже многочисленныя задатки чего-то, въ самомъ дѣлѣ, здороваго и хорошаго; скученность двухъ-милліоннаго населенія требовала домовъ-громадинъ, и вотъ французскіе архитекторы, опершись на поставленную имъ задачу, создали многочисленную толпу домовъ, которые часто не имѣютъ великихъ архитектурныхъ качествъ, въ смыслѣ школы и принятыхъ художественныхъ правилъ, которые иной разъ заключаютъ множество недостатковъ, если разсматривать ихъ подробности, и которые, однакоже, поражаютъ общою массою, общимъ впечатлѣніемъ. Все это, почти всегда, колоссальныя громады, въ 6 и 7 этажей, широкія и глубокія, прорѣзанныя рядами оконъ съ такимъ изяществомъ и чувствомъ размѣровъ, какъ это умѣютъ дѣлать почти только одни французы. Иногда прилѣплены къ фасаду пилястры или колонны, но случается это рѣдко, а если онѣ и есть на лицо, то теряются въ тысячѣ другихъ подробностей, несравненно болѣе важныхъ и характерныхъ, и вовсе не дичатъ: онѣ получаютъ тутъ какой-то новый характеръ, до того надъ ними преобладаютъ части и формы, выдвинувшіяся на первый планъ. Всѣ лучшіе новые парижскіе дома покрыты, какъ бальное платье, кружевомъ. Только это кружево не шелковое, а — желѣзное. Это рѣшетки, балконы, всяческія привѣски, подпорки, орнаменты, выдвигающіеся впередъ фонари, узорчатыя прорѣзныя двери; но какія у нихъ формы и линии, какое разнообразіе и фантазія присутствовали въ ихъ созданіи, какими громадными массами онѣ рассыпаны по лицу дома — вотъ что ново и чудесно, вотъ что появилось впервые *здесь*, въ томъ великолѣпномъ городѣ, и придало ему неслыханную и неожиданную фizioномію. Рѣшетки идутъ нескончаемыми рядами, по нѣсколькимъ этажамъ, одежъ надъ другими, какъ парашюты ложъ въ разныхъ ярусахъ театра, но рѣшотки эти — сквозныя, воздушныя, чудно-изящныя, поминутно новыя. На всѣхъ перекресткахъ Парижа стоятъ срубанныя тупымъ угломъ или кончающіеся вывернутомъ домъ: французамъ слишкомъ тошны и несносны прямыя углы на обрѣзахъ, и отъ этого-то домъ и улицы получаютъ необыкновенную живописность; но живописность эта еще увеличивается отъ закругленныхъ назадъ или переломленныхъ двумя изогнутыми линиями мансардныхъ кровель. Съ этими капризными, но удивительно изящными палатами на макушкѣ, зданія, особенно всѣ массивныя между ними, стоятъ какими-то необыкновенно законченными вверху, необыкновенно пріятными для глаза глыбами, а поминутныя сажки наверху домовъ, выглядывающіе

изъ-за проволочныхъ сѣтокъ или тонкихъ рѣшеточекъ, своими живыми цвѣточками и яркими кустиками придаютъ имъ чрезвычайную веселость и свѣжесть, въ то время, какъ внизу подъ ними громадныя золотыя буквы магазинныхъ именъ и названій, прикрепленныя прямо на фонѣ желѣзныхъ узорчатыхъ рѣшетокъ, пышно и парадно наряжаютъ домъ своими узорами. Въ Парижѣ камня стѣнъ почти не видать: онъ весь покрытъ вывѣсками, часто даже художественными, и выдуманными на тысячу ладовъ. Это — своего рода живопись и скульптура, неотдѣлимо принадлежащая къ составу нынѣшней парижской архитектуры. Въ свою очередь, нижній этажъ парижскихъ домовъ получилъ вдругъ своеобразный видъ отъ скѣзныхъ зеркальных стѣнъ, которыми выдвинулись на улицу магазины: камень и кирпичъ тутъ уже исчезли, и вмѣсто нихъ стоятъ, тамъ-и-сямъ, тоненькія чугунныя колонны съ милыми цвѣточными головками. Залы магазиновъ — разноцвѣтныя палаты, полныя миллионовъ предметовъ, расцвѣченныхъ утреннимъ солнцемъ или вечернимъ ослѣпительнымъ газомъ, раздвинулись за этими стеклянными стѣнами; въ перемежку съ магазинами громадныя кафѣ, сіяющія золотомъ, зеркалами и фресками, лежатъ у подножія домовъ непрерывнымъ рядомъ маленькихъ хрустальныхъ дворцовъ, между тѣмъ какъ верхніе этажи висятъ надъ ними тяжелыми своими массами, словно на воздухѣ, и плывутъ во всѣ стороны раззолоченными кудрявыми балконами.

Гдѣ мѣсто позволяетъ, немного подалѣе отъ центра города, парижанинъ всегда старается строить себѣ отдѣльный домъ, отель, гдѣ бы онъ могъ жить одинъ, съ женой и семьей, отдѣленный отъ другихъ, не дѣлясь ни съ кѣмъ этажами и половинами. Это вкусъ и настроеніе, перенятыя отъ англичанъ. Англичане новаго времени стали брать у французовъ ихъ массивныя, громадныя дома, ихъ обширныя изящныя помѣщенія, и тутъ же уничтожали свои тѣсныя каменные клѣтки. Французы, напротивъ, ничего у себя не уничтожали, они продолжали воздвигать свои громадныя для массы народной, колоссальныя свои людскіе улья, полныя движенія, работы и блеска; но тѣ между ними, кто уже нажились, кто усталъ, или кто знатенъ и имѣетъ право гнѣваться — тѣ прибавили себѣ еще отдѣльные дома и домики, царство англійскаго «у себя дома» (home). Эти созданія французскаго новаго времени, помѣщающіяся обыкновенно на окраинахъ города, всегда почти милы и граціозны, окружены садомъ, полны удобствъ внутри, и почти всегда необыкновенно изящны снаружи. Выступы, балконы, прозрачныя стеклянныя крыши надъ входными дверя-

и, цѣлы и листья французскаго растительнаго царства, тонко и истерски выдѣланные изъ желѣза и образующіе переплеты или орнаментистику зимнихъ садиковъ, окна и двери съ фантастическихъ формъ, изумительное разнообразіе металлическихъ узоровъ повсюду, живописныя мансарды на верху, помноженные прорѣзные гребни на живописныхъ кровляхъ, остроуміе куномы по угламъ, медальоны, гирлянды изъ плодовъ и цвѣтовъ по всѣмъ пустымъ пространствамъ стѣны, наконецъ, самое аlegantное изящество и утонченный вкусъ вездѣ внутри, начиная отъ легкихъ, нависающихъ поднимающихся лѣстницъ и кончая уборной роскошныхъ спаленъ и гостинныхъ—все это превосходно, задумано живымъ и оригинальнымъ умомъ, щедро снабдились свои изобрѣтенія.

Но во всѣхъ этихъ аданіяхъ—въ мастодонтовскихъ громадныхъ парижскихъ бульваровъ и улицъ, назначенныхъ для наибольшаго населенія, и въ отдѣльныхъ жилищахъ привилегированныхъ богачей и счастливыхъ, нигдѣ не спрашивайте: какова была эта архитектура, откуда она взялась, съ чего воспирывана? Бѣдѣ тутъ нѣтъ. Сотни разныхъ частей и подробностей имѣютъ, правда, себѣ образцы во французской, итальянской, средневѣковнѣ и даже восточной архитектурѣ, но все это только части, выработанныя тонкимъ изощреннымъ вкусомъ и умноженные тысячами другихъ частей и подробностей, почерпнутыхъ уже изъ собственнаго воображенія и собственнаго творчества. Общій же видъ и обликъ, результатъ всего вмѣстѣ, новы, живы и поразительны.

Множество общественныхъ крупныхъ аданій, назначенныхъ для пользованія массъ, столько же оригинальны и столь же мало принадлежатъ къ второму-нибудь изъ прежде извѣстныхъ стилей, какъ и частные дома, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Вмѣстѣ съ ними, они даютъ своеобразную фязіономію Парижу. Здѣсь мы вступаемъ въ область, гдѣ у Франціи одна только соперница—Англія. Но у каждой изъ этихъ странъ свои особенности и характеръ. Лучшій англичанинъ—человѣкъ сѣвера—оригиналенъ въ геніальности, онъ глубокъ и новъ, какъ никто на свѣтѣ, но часто у него слишкомъ часто чего-то недостаетъ: это—простоты и гибкаго разнообразія формъ. Онъ суровъ и угловатъ, его лучшее созданіе не касается чувства. Такъ было по крайней мѣрѣ почти всегда прежде, такъ продолжается иерѣдко даже и по сѣ-пору. Лучшій французъ—южанинъ—вмѣстѣ и геніаленъ, и талантливъ. Его мысль и созданіе способны идти до такихъ же глубинъ, какъ мысль и созданіе англичанина, но они исходятъ проистаютъ съ головы до ногъ ирелестью красоты и

стройности, увлекательностью формъ, цѣлѣтѣстностью богатой орнаментистики. Отъ этого новое французское искусство цѣлыми годами стоитъ выше новаго англійскаго, хотя основа одинаково глубока и велика у обоихъ.

У Франціи не было еще своего Палестона; но не явился въ 1851 году садовникъ герцога девонширскаго и не принесъ онъ поразительно-геніальнаго проекта «Хрустальнаго Дворца», можетъ быть Франція, а не Англія, должна была бы считаться соиздательницею новой желѣзно-стеклянной архитектуры, и стояла бы на первой строкѣ исторіи своеобразной архитектуры XIX вѣка. Надъ нынѣшней Англіей и Франціей точно вѣетъ одинъ и тотъ же великій духъ почта и созидательства. Случайно—то англичанинъ, то французъ, *первыи* схватить несущуюся надъ міромъ мысль, необходимую для всѣхъ и жадно ожидаемую людскою массою, и тогда говорить: открыла, создала, изобрѣла вотъ то или это—Англія, или же: открыла, создала и изобрѣла это—Франція; а между тѣмъ обѣ страны въ одну и ту же минуту думали и творили, и только случайность или внѣшнія обстоятельства дали одной изъ нихъ раньше другой—принести изумленному міру готовое, сработанное новое созданіе. Такъ было съ идеею всемірныхъ выставокъ, такъ было въ послѣдствіи и со стекляннo-желѣзною архитектурою. Я уже выше говорилъ, что первая идея всемірныхъ выставокъ возникла у французовъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, но ей не суждено было тогда осуществиться. Франція народила ее на свѣтъ, но тутъ же и забыла ее, увлеченная въ сторону тревогами бурной своей жизни. Никто этой великой идеи тогда не замѣтилъ и не поднялъ съ земли, кромѣ англичанина. Только онъ одинъ, вѣчный врагъ и мрачный соперникъ Франціи, во всей глубинѣ цѣнитъ всегда и понимаетъ великость французскихъ идей и начинаній. Прошло немного лѣтъ, и то, что великодушная Франція задумала широкимъ и пламеннымъ своимъ сердцемъ, то, о чемъ никто не думалъ и не заботился, выполнилось Англіею. Но когда дѣло пошло объ устройствѣ всемірнаго дворца промышленности, и заданъ былъ конкурсъ архитекторамъ цѣлаго свѣта, лучшимъ и оригинальнѣйшимъ явился вначалѣ проектъ француза, архитектора Горбэ (Hogea). И проектъ и его авторъ теперь позабыты, но, по моему, это одна изъ самыхъ вопіющихъ несправедливостей нашего времени.

Въ одной изъ «Исторій Хрустальнаго Дворца», которыхъ такъ много появлялось въ Лондонѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ, я нахожу рисунки этого выходящаго изъ ряда вонъ архитектур-

наго созданія, и сами англійскіе авторы той книги сознаются, что оно было поразительно. Горб предлагалъ построить, для первой всемірной выставки, точно также какъ Павстонъ, но только *ранше* его проекта, громадный домъ изъ одного стекла и желѣза. Это было нѣчто въ родѣ колоссальной палатки, состоявшей изъ пяти рядомъ поставленныхъ галлерей. Средняя была самая широкая и высокая, и ея кровля, на-половину стеклянная, на-половину металлическая, шла отъ своей верхушки наклонно внизъ, все больше и больше опускаясь въ стороны, какъ потолокъ и полъ палатки. Кровля должна была явиться сквозною и состоять изъ желѣзныхъ реберъ, которыхъ дуга покоилась бы на тоненькихъ колонкахъ, идущихъ отъ низу и до верху. Зданіе было такъ велико, что точно также какъ и явившееся впоследствии павстоновское могло заключать внутри у себя огромныя деревья Гайдъ-Парка. Павстоновъ «Хрустальный Дворецъ» былъ истинный дворецъ, а уже не колоссальная палатка; онъ состоялъ изъ мечтавыхъ галлерей, гдѣ ничто не было принижено и сдвлено, какъ боковыя галлерей у Горб; стеклянные потолки и своды свободно возносились на неизмѣримыя вышины, а верхніе этажи царилъ свѣтло и грандіозно надъ безмѣрными ширями нижняго пространства. Все тутъ было просто, грандіозно и стройно, какъ созданіе оригинальнаго генія, но былъ тутъ тоже одинъ и недостатокъ: полное отсутствіе какой-бы то ни было орнаментистики и снаружи, и внутри зданія. На это жаловались тысячи людей, и прежде и теперь. Но Горб, какъ истинный талантливый французъ, человѣкъ юга, не понималъ художественнаго созданія безъ пышной и роскошной орнаментистики, блестящей красками и тысячами изысканныхъ подробностей. И онъ покрылъ орнаментами передній фасадъ свой, а также и фасады двухъ поперечныхъ выступовъ, пересѣкающихъ подъ прямымъ угломъ всѣ пять продолжныхъ галлерей. Полукруглые великанскіе порталы, отъ верху и до низу полные желѣзныхъ расцѣвленныхъ скульптурныхъ узоровъ; желѣзныя стѣны, тоже всѣ узорчатныя и покрытыя огромными медальонами; красивыя башенки по угламъ—все это придавало необычайную живость, веселость, одушевленіе, разнообразіе оригинальной выдумкѣ Горб. Оригинальность и новизна ея были такъ велики, что соотечественники этого талантливаго чловѣка пробовали даже увѣрять, что именно его проектъ первый далъ идею Павстону создать его чугунно-стеклянную клѣтку (*Gazette des beaux-arts*, 1864), но это уже опять своего рода несправедливость и клевета. Павстонъ всю жизнь мечталъ о той архитектурѣ, которую ему наконецъ удалось осуществить въ

1851 году, но только свою фантазію онъ назначалъ для однихъ растений, и еще садовникомъ въ Чатсъ-уортъ, у герцога девонширскаго, онъ построилъ тамъ, въ 40-хъ годахъ, такія наипомыны оранжереи, которыя и до сихъ поръ первыя на свѣтѣ. Когда же рѣчь зашла о дворцѣ всемірной выставки, онъ только принесъ сюда и арранжировалъ, согласно съ новою потребностью, свою старинную мечту, свою любимую фантазію, тотъ принципъ, который сдѣлался потомъ душою нашей новой архитектуры. Ему нечего было учиться у кого-бы то ни было, у него была своя гениальная, плодотворная мысль — и она въ самую великую, въ самую настоящую минуту просіяла во всемъ блескѣ и славі. Тѣмъ не менѣе, заслуга и починъ француза Горбъ все-таки остаются несомнѣнными, значительными, оригинальными.

Странная судьба была у этого Горбъ! Какъ многіе другіе талантливые французы, какъ иногда сама французская нація, вслѣдствіемъ, онъ осужденъ былъ постоянно на какую-то необыкновенную трагическую неудачу. Ему дано было дарованіе родить новыя идеи, всегда могучія и глубокія, но поминутно какая-то злая судьба вырывала у него изъ рукъ возможность осуществлять ихъ. Такимъ, какъ Горбъ, людямъ обыкновенно отказываютъ въ исполненіи ихъ проектовъ, ихъ презрительно обзываютъ фантазерами, лишенными практичности; но впоследствии, другіе, несравненно менѣе даровитые и оригинальные люди или народы берутъ эти самыя «фантастичныя» выдумки и созданія, и, немного лишь разжививъ и урѣзавъ ихъ, выводятъ на свѣтъ произведенія, которыя никому уже болѣе не рѣжутъ глаза, и только восхищаютъ всѣхъ. Въ 1851 г. проектъ всемірной выставки Горбъ былъ забракованъ, и, не явись въ эту минуту Павстона, выставка построилась-бы по планамъ какой-нибудь посредственности. Ему же только дали 100.000 франковъ и отпустили домой. Пятнадцать лѣтъ спустя, когда рѣчь пошла о второй всемірной парижской выставкѣ 1867 года, Горбъ снова представилъ на конкурсъ свой прежній чудесный проектъ, только еще болѣе усовершенствованный и изящный, распространенный и возвеличенный: 340 чугунныхъ колоннъ должны были держать сквозную крышу, фасадъ наполненъ былъ безчисленными орнаментами изъ скульптуръ, терракоты и кованаго желѣза; но этотъ проектъ снова былъ отвергнутъ и вмѣсто него приняли такой проектъ, который по внутреннему своему расположенію былъ, вѣрно, хорошъ, удобенъ и даже содержалъ нѣчто оригинальное, но тутъ же представлялъ во внѣшности своей такую уродливую и неумилную форму, что когда, впоследствии, зданіе было возведено, вси Ев-

роизъ въ одинъ голосъ закричала противъ него и презрительно стала величать домъ выставки—безобразнымъ растопыреннымъ «брабомъ», а самъ императоръ Наполеонъ III, такой чванный и резнивый на все французское, во всеуслышаніе называлъ его «газометромъ». Цѣлую кучу другихъ подобныхъ же неудачъ долженъ былъ стерпѣть бѣдный Горбъ въ продолженіи всей своей жизни. Такъ, онъ долженъ былъ видѣть никогда неосуществленнымъ свой великолѣпный проектъ «народнаго» театра, который онъ хотѣлъ сдѣлать, по дешевой вѣдъ входной платы и интересу репертуаровъ, доступнымъ для всей народной массы, думалъ выстроить его на половину изъ стекла и на половину изъ желѣза, и назначить его для представлений не только вечернихъ, съ огнемъ, но и дневныхъ, съ цѣлой системой совершенно особенныхъ декорацій, стекляннымъ громаднымъ потолкомъ, совершенно необыкновенными ложами и амфитеатромъ, и т. д.

Но, конечно, больше всѣхъ этихъ неудачъ была горька ему та судьба, которая постигла его проектъ «парижскаго съѣстного рынка» (Halles centrales). У Горбъ была грандіозная мысль: онъ предлагалъ перемѣнить мѣстность этого рынка, переставить его со стариннаго пепелища и передвинуть къ Сенѣ, для того, чтобъ привозъ и отвозъ припасовъ могъ совершаться изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ водой, а потомъ желѣзными дорогами, на поверхности Парижа и подъ нимъ. Что же касается къ архитектурѣ будущаго рынка, то Горбъ смѣялся надъ устарѣлыми неуклюжими формами, которыя предлагались многими французскими строителями прежняго покроя; онъ хотѣлъ замѣнить эти формы чѣмъ-то колоссальнымъ, свѣтлымъ, прозрачнымъ и здоровымъ, созданнымъ по той же системѣ, какъ его проектъ лондонской всемірной выставки. Эту мысль отвергли, какъ «непрактичную», «фантастическую», оставили рынокъ на прежнемъ мѣстѣ, только изъ-за того, чтобъ не пересѣзать большихъ и народныхъ улицъ, отдали постройку инымъ людямъ, и что же? Эти люди, не на животь, а на смерть противники Горбъ, построили новый свой рынокъ, нынѣшнюю гордость и украшеніе Парижа, по тѣмъ самымъ идеямъ Горбъ, на которыя они напали передъ тѣмъ изъ всѣхъ силъ. Главный между этими архитекторами, Балларъ, печатно даже рассказывалъ впоследствии, какъ ему жалко и непріятно было строить великое народное зданіе—изъ стекла и желѣза, *по новой всюду распространеннейшей модѣ*: это казалось ему, какъ и множеству другихъ рутинеровъ, до сихъ поръ разсыянныхъ по Европѣ, посягательствомъ на права и обязанности истинной архитектуры. Но, что дѣлать, онъ при-

нужденъ былъ покориться требованію общаго голоса; притомъ, въ этомъ же смыслѣ положительно была выражена и воля самого Наполеона III, тогда еще президента республики, значить въ ту его пору, когда онъ усердно прислушивался въ желаніямъ и настроенію своего народа, и торопился бросать одну за другою пріятныя подачи французамъ. Нынѣшнія «Halles centrales», говорятъ многіе французскіе писатели—это приведенныя въ исполненіе идеи Горб, только изувѣченныя и обрѣзанныя. Нужды нѣтъ! Пускай Горбъ заплатилъ горькими минутами досады и отчаянія когда отняли у него славу и попрали авторство, пускай Бальтареъ возвеличенъ и превознесенъ за то, что онъ ловко, хотя и не-хотя, пустилъ въ оборотъ чужое созданіе — нужды нѣтъ, все-таки приведена въ исполненіе великодушная мысль Горб.

«Построеніе «Halles centrales», — говорилъ муниципальный совѣтъ Парижа въ своемъ рѣшеніи, — это дѣло челоувѣчности: невозможно долѣе оставлять на воздухѣ, на солнцѣ, на дождѣ, на вѣтрѣ и на снѣгу сотни, тысячи парижскихъ продавцовъ и пріѣзжихъ крестьянъ, служащихъ общественнымъ нуждамъ». Нынѣшній рынокъ,—это цѣлый городокъ, сложенный изъ нѣсколькихъ кварталовъ и весь направленный къ цѣлямъ здоровья и удобства народной массы. Чистый воздухъ, повсюду вода и свѣтъ громадными массами — вотъ что составляетъ главные элементы постройки, и что дало ей архитектуръ невиданныя прежде формы. Чугунныя колонки, держащія желѣзные своды и цинковую крышу, прорѣзанную обширными массами стекла, служатъ подпорами, но вмѣстѣ и трубами для пропуска дождевой воды съ крышъ въ землю. Необозримая площадь рынка наполнена стеклянными павильонами, заканчивающимися сверху огромными четырех-угольными плоскими фонарями, которые уничтожаютъ слишкомъ сильное теченіе воздуха; 1200 газовыхъ фонарей и рожковъ освѣщаютъ внутри эти колоссальные навѣсы вечеромъ, а днемъ солнце свѣтитъ туда черезъ стеклянныя кровли и порталы, которыми внаружу кончаются перекрещивающіяся, внутри зданія, улицы. Чистый воздухъ, вода и свѣтъ повсюду,—кажется, какія все это простыя вещи, потребности, сами собой разумѣющіяся—и однакоже, до нашего времени ихъ нигдѣ не было; а для того, чтобы осуществить ихъ въ парижскомъ народномъ рынкѣ, понадобились соображенія и настоянія лучшихъ людей многихъ царствованій, а потомъ, когда «челоувѣчное предпріятіе» было уже рѣшено, то талантливость нѣсколькихъ соединенныхъ архитекторовъ, и 50 милліоновъ франковъ расхода. Вотъ какъ дорого и медленно

добываются самыя важныя вещи на свѣтѣ, если только онѣ истинно полезны и доброжелательны!

За то, когда мысль Горю наконецъ осуществилась руками Бальтара въ одномъ углу Франціи, всѣ другія европейскія страны стали копировать, въ большомъ и маломъ форматѣ, великолѣпное французское созданіе, и теперь нѣтъ уже почти такого большого европейскаго города, въ Англіи, Германіи и Сѣверной Америкѣ, не говоря уже о самой Франціи, гдѣ бы не были воспроизведены «Halles centrales».

Замѣчу, въ заключеніе, что творческая способность самого Бальтара до такой степени играла тутъ малую роль, что въ сотнѣ другихъ случаевъ, тамъ, гдѣ этотъ архитекторъ долженъ былъ самъ что-нибудь создавать, у него никогда не выходило ничего примѣчательнаго: доказательство тому — многочисленныя постройки, всего болѣе церкви, которыхъ Бальтаръ надѣлалъ множество (онъ всегда былъ порядочный пѣтистъ и самъ искалъ церковныхъ построекъ), всего болѣе церковь св. Августина, возведенная имъ въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III. Эта церковь назначена была прославить новыми своими формами и одинъ изъ новыхъ бульваровъ императорскаго времени, и префекта знаменитаго Гаусмана, и самого императора. Въ этомъ зданіи Бальтаръ, еще разъ покаясь «духу времени», ему враждебному, употребилъ ту систему и тѣ матеріалы, которые всегда казались ему такъ антипатичны и недостойны истинной архитектуры: вся церковь построена почти исключительно изъ стекла и желѣза, но нельзя довольно удивиться безвкусію и анти-художественности массы, ординарности купола, безхарактерной смѣси готическихъ мотивовъ, каковы, напр., огромное окно розеткой и средневековыя галлерей, наполненныя статуями святыхъ — смѣси всего этого съ такими частями, которыя скопированы у разныхъ эпохъ новаго времени. Сами французы смотрятъ не иначе, какъ съ презрѣніемъ на эту изумительную архитектурную олла-потриду, и, конечно, радуются, что здѣсь — любимое сборное мѣсто бонапартистовъ, центръ, куда они собираются, съ фіалевыми цвѣточками въ петлицѣ спортука или лиловыми бантами на женскихъ шляпкахъ на своихъ бонапартистскихъ, религіозныхъ и политическихъ демонстраціяхъ. По Сенькѣ шапка!

Другое народное зданіе, глубоко національное, на ряду съ «ринкомъ», но только еще красивѣе его, это новая публичная бібліотека. Творецъ ея, Лабрусть, еще при Луи-Филиппѣ, въ 40-хъ годахъ, построилъ въ Латинскомъ кварталѣ, среди студенческаго населенія, великолѣпную бібліотеку св. Женевьевы, кото-

рая сразу сдѣлалась первою публичною библіотекою Европы. Мюнхенская, эта нехитрая копія съ флорентинскихъ дворцовъ снаружи, внутри наполненная ложною и мерзкою парадностью мюнхенско-аѳинскаго стиля, ровно ничего не значила въ сравненіи съ парижскою библіотекою Лабруста, даромъ, что на ту были употреблены громадныя суммы. И дѣйствительно, въ библіотекѣ св. Женевиѣвы присутствовало пропасть новаго, своего, ни откуда не взятаго. Представьте себѣ только ея оригинальный фасадъ, со стороны Пантеона: рядъ полу-круглыхъ оконъ тянется внизу, и между ними поднимается красивая монументальная бронзовая дверь; но верхній этажъ, тотъ, гдѣ помѣщается читальная зала, и снаружи и внутри заключаетъ всѣ самыя оригинальныя красоты. Снаружи, передъ вами идетъ рядъ аркадъ, изъ глубины которыхъ весело, привѣтливо смотрятъ широкія полукруглыя окна, а подъ ними разстилается нескончаемый рядъ каменныхъ таблицъ, гдѣ награвированы и выведены золотомъ имена всѣхъ лучшихъ знаменитостей міра, древняго и новаго, по части науки, поэзіи, литературы, всяческаго знанія и научнаго творчества. Эти дорогія скрижали приходятся какъ разъ по самой серединѣ зданія, и обвиняють его чуднымъ поясомъ своихъ золотыхъ племей. Внутри, читальная зала представляетъ высокіе желѣзные своды, открытые до самой кровли и покоящіеся на длинныхъ тоненькихъ колоннахъ; шкафы въ нѣсколько ярусовъ глядятъ своими разноцвѣтными переплетами изъ-за рѣшеточекъ навѣсныхъ галлерей. Все вмѣстѣ воздушно, красиво и необыкновенно изящно.

Но когда тому же Лабрусту поручили строить національную публичную библіотеку, онъ не могъ уже беззаботно и спокойно чертить свои планы, у его будущаго созданія былъ передъ глазами опасный соперникъ: новая читальная зала британскаго музея, та самая ротонда, про которую я говорилъ выше, въ отдѣлѣ объ Англіи. Надо было бороться съ талантливостью и оригинальностью англичанъ, надо было имъ не уступить. И вотъ, собравъ всѣ силы таланта, созрѣваемаго въ послѣдніе годы, отбросивъ египетскія и этрусскія шалости, безъ нужды тамъ-и-сямъ толпившіяся въ прежнемъ его произведеніи, избѣжавъ еще нѣсколькихъ другихъ погрѣшностей, Лабрустъ создалъ такое архитектурное произведеніе, которое, наравнѣ съ лондонскою изумительною Ротондою, принадлежитъ къ числу лучшихъ архитектурныхъ чудесъ Европы. Я не говорю про наружность библіотеки: она до сихъ поръ еще не достроена, значитъ, нельзя судить о впечатлѣніи цѣлаго, но читальная зала, возведенная внутри двора, открыта уже съ 1868 года, и съ тѣхъ поръ радуется всякаго архитектурною своею

красотой и значительностью. Войдя въ залу, вы почувствуете вдругъ въ срединѣ равнаго во все стороны огромнаго четырехугольника, гдѣ внутри поставлено четыре чугунныхъ тонкихъ и красивыхъ колоннъ, саженъ по пяти каждая. Онѣ дѣлятъ все пространство четырехугольника на девять квадратовъ; но каждый изъ этихъ квадратовъ — цѣлая зала, наверху завершающаяся чудесной полукруглой шапкою, куполомъ, росписаннымъ красками и поминувшимся на желѣзныхъ аркахъ, вылетающихъ изъ вершины колоннъ. Подъ своими девятью куполами, читальная зала развѣтвляется высокая и вся золотая, сзади освѣщенная поднятыми высоко надъ верхнею галлереею книжъ широкими, словно ворота, полукруглыми окнами; соответствующія этимъ послѣднимъ, на двухъ продольныхъ стѣнахъ, полукруглыя ниши росписаны верхушками деревьевъ, точно будто заглядывающихъ въ залу съ улицы. Впереди передъ зрителемъ огромная золотая арка, подъ которою помѣщенъ абсидъ съ эстрадою дежурныхъ чиновниковъ библіотеки; въ самомъ же фонѣ — колоссальная стеклянная дверь, отворяющаяся посреди двухъ прелестныхъ женскихъ каріатидъ, подъ бархатными драпировками, и ведущая въ книжныя залы библіотеки. Блескъ, роскошная орнаментистика изъ цвѣтовъ и медальоновъ на золотыхъ фонахъ повсюду тамъ, гдѣ осталось пустое мѣсто; чудесныя линіи сводовъ съ красивыми колоннами Минервы, приютившимися въ уголкахъ сходящихся арокъ; изящныя подставки подъ колоннами, покрытыя лѣтними изъ чугуна цвѣтами; калориферы въ видѣ изящныхъ башенокъ съ пропильнымъ верхомъ, наконецъ деревянный полъ въ ѣлку, который къ самымъ счастливымъ сочетаніямъ прибавляетъ свой простой узоръ и темную краску къ сіяющимъ повсюду кругомъ яркимъ цвѣтамъ и роскошнымъ формамъ — вотъ что наполняетъ эту великолѣпную общенародную палату. Ни древній, ни новый міръ вплоть до нашего времени не зналъ такихъ великолѣпныхъ, такихъ полныхъ удобства читальныхъ залъ, какъ лондонская и парижская. Наука и ея ревностные служители никогда еще не совершали такихъ громадныхъ подвиговъ, такихъ глубокихъ и великихъ открытій, какъ въ наше время, но за то они не были никогда такъ и холены и роскошно принимаемы, какъ нынче. Истинное ихъ царство и слава начинаются только теперь, за то и встрѣчу ихъ архитектура начинаетъ повсюду готовить такую ослѣпительную и волшебную, какою никогда прежде не бывало. Великія народныя читальни нашего времени захватываютъ фантазію и чудно настраиваютъ мысль того, кто приходитъ туда проводить долгіе часы надъ твореніями старыхъ и новыхъ поколѣній.

Еще два крупныхъ созданія новой французской архитектуры въ Парижѣ, это «Collège Chaptal» и новая синагога. «Collège Chaptal» (архитект. Трэнъ) стоитъ въ одномъ изъ самыхъ новыхъ кварталовъ Парижа, и полонъ, какъ они, возникающаго вномъ, изъ глубины народной, духа самостоятельности и критики существующаго: лучшее тому доказательство—та опала, которой нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, прошлымъ лѣтомъ, подвергся «Collège Chaptal» со стороны двухъ ретроградныхъ министровъ нынѣшней Франціи. То зданіе, гдѣ помѣщается теперь коллежъ, тоже новое, тоже только возникшее изъ развалинъ дома, обезображенного и почти разрушеннаго во время послѣдняго нѣмецкаго нашествія. Оно поразительно своею могучею массою, своими стройно размѣщенными этажами, своими оригинальными окнами съ балюничками, своимъ силачомъ-порталемъ, своею богатой скульптурной орнаментистикой, своими національно-французскими островерхими кровлями надъ угловыми башнями, своимъ узорчатымъ пояскомъ вдоль всего зданія, наконецъ: колоритностью талантливо подобранныхъ, хотя и очень простыхъ красокъ на фасадѣ: блѣдной розовой, бѣлой и темно-желтоватой. Для новаго вина нужны новые мѣха, это чувствуешь во всей силѣ, стоя передъ фасадомъ оригинальнаго и могучаго «Collège Chaptal». Не знаю, есть ли гдѣ еще въ Европѣ подобная школа.

Новая синагога, открытая въ концѣ 1874 года, стоила 4.000,000 франковъ; ее строилъ архитекторъ—еврей Альдрофъ. Его синагога что-то совершенно новое въ сравненіи даже со всѣми изящѣйшими синагогами, которыхъ въ послѣднее время такъ много возникло на всѣхъ концахъ Европы. Почти всѣ онѣ построены въ мавританско-испанскомъ стилѣ Альгамбры, и сколько ни употреблено на нихъ таланта и фантазіи, ихъ авторы все-таки работали надъ матеріаломъ готовымъ, выработаннымъ, который оставалось только видоизмѣнять, варіировать, расширять. Это надо сказать даже про великолѣпную берлинскую синагогу Кноблауха. Парижскаго архитектора вдохновила новая, еще болѣе оригинальная мысль. Онъ сказалъ себѣ: «на чтѣ мнѣ арабское искусство, на чтѣ мнѣ Альгамбра! Намъ всѣмъ, евреямъ, нужны не они—намъ надобно само еврейское искусство. Оно было когда-то на свѣтѣ, великое и могучее, и не всѣ же слѣды его вытравлены временемъ и людскою злобою. Отъ него еще столько осталось, что его можно возстановить изъ уцѣлѣвшихъ осколковъ, изъ пощаженныхъ судьбою кусковъ,—возстановляли же вдохновенные ученые погибшихъ мегатеріумовъ и мамонтовъ по одному найденному въ горныхъ пластахъ зубу!» И, вооруженный голосъ-

сильнымъ арсеналомъ новой науки, Альдрофъ прилежно наклонился надъ разбросанными по Сиріи и Палестинѣ обрывками древне-еврейскихъ архитектурныхъ остатковъ; онъ долго и пристально вглядывался въ ихъ складъ и подробности, онъ проглотилъ жадною душою всѣ письменныя свидѣтельства о древне-еврейскомъ храмѣ, и, наконецъ, воздвигнулъ въ Парижѣ такое зданіе, о какомъ еще не мечталъ ни одинъ архитекторъ новой Европы. Снаружи каменные скрижали завѣта увѣнчиваютъ овальную дугу фронтона, увѣянную еврейскими скульптурными узорами и прикрывающую три круглыхъ каменныхъ окна, съ прорѣзанными въ нихъ колесомъ круглыми отверстиями; ниже идутъ купы оконъ еврейскаго склада, среди грузныхъ колонозъ съ мѣстскими капителями; внизу твердою стѣпой стоять, упираясь въ землю, входныя тяжелыя арки, съ простирающейся надъ ними длинной линіей еврейской надписи. Внутри, разноцвѣтными мраморными колонны круглятся въ глубинѣ «Святая святыхъ», два яруса галлерей, одна для женщинъ, другая для бѣдныхъ, идутъ по стѣнамъ, опираясь на широкіе столбы съ іудейскими капителями; серебряный красивый седмисвѣщникъ стоитъ посреди храма, на высокомъ амвонѣ; имена всѣхъ колѣнъ израилевыхъ, со звѣздою Давидовою на верху и переплетающимися узорами, растлаются въ вышинѣ задней полукруглой ниши; разноцвѣтныя росписныя окна наполняютъ храмъ мистическимъ свѣтомъ и волшебными лучами. Современный еврей, еще не въ конецъ утратившій гордое племенное чувство и огненную страсть къ своей сѣдой, священной древности, долженъ быть глубоко счастливъ и радостенъ, когда взойдетъ въ эту торжественную храмину и присутствуетъ при національномъ богослуженіи своемъ, хоть на минуту уносящемъ его изъ Европы въ родную, далекую Азію.

Я перечислить нѣсколько крупнѣйшихъ примѣровъ новой французской архитектуры, придающей своеобразную фисіономію Парижу. Но не надо пропустить мимо глазъ и нѣсколько другихъ примѣровъ, показывающихъ, что, несмотря на громадное перешедшее движеніе по новымъ путямъ жизни, глубоко все-таки еще коренятся у цѣлыхъ массъ народа во Франціи прежнія понятія и вкусы, и многимъ еще людямъ въ этой странѣ пригодны сарниная ложь, деворація и шумихи.

Лучшій изъ всѣхъ примѣровъ этого — «Новая Опера». Громадные милліоны потрачены на ея мраморы, бронзы, мозаику, мозаику и живопись, и все-таки, когда зданіе было кончено и открыто, пришлось только пожать плечами. Это сдѣлали тысячи

французовъ. Бромѣ чувства досады на лишеннаго таланта проныру Гарнье (нѣчто въ родѣ нашего Монферрана), бромѣ негодованія на его усерднаго покровителя, Наполеона III, ничего тутъ не могло возникнуть въ груди у каждаго, кто еще не испорченъ до корней волосъ наполеоновскимъ всеотравляющимъ и всезачумляющимъ режимомъ. Но нашлись другія сотни тысячъ людей, которымъ безвкусное созданіе Гарнье не казалось ни противно, ни оскорбительно. Напротивъ, эти люди, со всѣмъ кваснымъ патріотизмомъ прежнихъ французскихъ поколѣній, только и мечтали о томъ, какъ бы поскорѣе заставить Европу увѣровать, что новое чудо искусства народилось у нихъ, въ Парижѣ, и что на одной изъ его площадей стоитъ первый театръ въ мірѣ. Первый театръ въ мірѣ! Такимъ надо было признать эту коробку, увѣянную казенными колоннами, очень дорогими по мраморамъ и бронзамъ своимъ, но ничтожнымъ по художественному употребленію; эти арки, двери, окна, гдѣ ни единой черточке нѣтъ новой и красивой; эти скульптурныя группы съ растопыренными крыльями и вемахнутыми руками, которыми кое-какъ пробовали затупевать, на всѣхъ углахъ и верхахъ зданія, тщедушность воображенія архитектора и некрасивыя линіи его голаго квадрата. Первымъ театромъ въ мірѣ надо было признать это произведеніе Гарнье, гдѣ у спектакльной залы не было и тѣни художественныхъ формъ, ни малѣйшей черточки изящныхъ пропорцій, ни какого-нибудь слѣда вложенной сюда изобрѣтательности, а только наборъ самыхъ затасканныхъ, тысячу разъ вездѣ повторенныхъ подробностей, и все это залитое, какъ придворный мундиръ, безконечными массами золота и бархата. Какъ всѣ почти шарлатаны наполеоновскаго времени, Гарнье напечаталъ цѣлую книгу о томъ предметѣ, который давалъ ему возможность ворочать безконтрольно милліонами: онъ написалъ большой томъ «О театрѣ», гдѣ увѣрялъ читателя, что разсмотрѣлъ и изучилъ всѣ театры въ мірѣ, знаетъ отъ первой и до послѣдней буквы всѣ ихъ несовершенства, и потому-то и былъ способенъ построить такой театръ, какъ «Новую Оперу». Въ правительственной газетѣ, «Монитерѣ», онъ много лѣтъ сряду писалъ художественно-критическія статьи, гдѣ выхвалялъ все бездарное или посредственное, а въ доказательство своего чистаго и глубокаго вкуса съ негодованіемъ протестовалъ противъ нехудожественныхъ и слишкомъ огромныхъ парижскихъ уличныхъ выфѣсовъ, и требовалъ ихъ уничтоженія, для того, чтобы «художественное его чувство не было раздражаемо и мучимо». Но что вышло изъ всѣхъ его изученій, статей и книгъ? Несчастное зданіе, гдѣ въ большинствѣ

слухъ слышно плохо, гдѣ сидѣть нестерпимо жарко и душно, гдѣ видно всего больше золота и грузныхъ статуй, грозящихъ каждую минуту свалиться зрителю на голову вмѣстѣ со своими грандными трубами, гдѣ входить въ партеръ надо не прямо со лѣвдой лѣстницы, а послѣ множества мытарствъ, пробравшись тутъ не на корточкахъ вверхъ и внизъ по нѣсколькимъ тѣснымъ и низкимъ лѣстницамъ.

Все, что показистѣ въ театрѣ, существуетъ рѣшительно только напоказъ; все, что должно бы быть существенно, что можно было бы служить удобству ипользъ,—позабыто или пропущено, и на каждомъ шагѣ поражаетъ посѣтителя тысяча несообразностей и стѣсненій.

Лучшія части всего театра — безспорно императорскій подъѣздъ, парадная лѣстница и фойе. Но императорскій подъѣздъ, самъ по себѣ ординарный, въ видѣ круглой башенки, прилѣпленной сбоку, потому только и кажется чѣмъ-то сноснымъ, даже мишнымъ, что глазъ слишкомъ уже утомленъ бездарностью и ничтожествомъ, разсыпанными повсюду, и что его увѣнчиваетъ только красивый маленькій куполъ въ видѣ императорскаго шлема Карла Великаго, драгоценные камни котораго замѣнены здѣсь круглыми окнами. Парадная лѣстница вся опять-таки состоитъ изъ роскоши и золота, и позаботилась только объ аристократѣхъ и знати наполеоновскаго антуража. Она идетъ лишь до бѣль-этажа, и тутъ останавливается: вѣдь выше сидятъ люди, которыхъ не стоить заботиться, они могутъ ходить вверхъ по лѣстницамъ, которыя будутъ попроще, по-ординарнѣе, а главное,—и потѣснѣе и пониже. Что за чиновничій, что за развращенный тюльерійскимъ дворцомъ взглядъ! Фойе, съ пролетными арками прямо на площадь, въ самомъ дѣлѣ великолѣпнѣе: его золотые зеркала, люстры и ванделибры, его колонны изъ драгоценныхъ мраморовъ, его золотыя стѣны, выпуклыя отъ неслыханныхъ скульптурныхъ украшеній, цвѣтистыя пятна живописи на потолкахъ,—все это производитъ впечатлѣніе баснословной роскоши и богатства, но тѣмъ только и ограничивается все впечатлѣніе, точь-въ-точь какъ въ нашемъ Исаакиевскомъ соборѣ. Ни истиннаго художественнаго вкуса, ни творчества тутъ нѣтъ; все скопировано, почти до послѣдней нитки, съ давно существующихъ образцовъ. Прославленные же столѣтними французами картины Бодри и его товарищей не имѣютъ ровно никакого другаго значенія, кромѣ красивыхъ колоритныхъ патенъ среди моря штукатурнаго золота: разбирать эти картины, давать себѣ отчетъ

въ этихъ ракурсахъ, позахъ, изогнутыхъ рукахъ и ногахъ, повернутыхъ головахъ и туловищахъ — трудъ напрасный и несносный. Содержаніе ихъ — подонки старинной заплѣсневѣлой мнѳологіи, пополамъ съ аллегоріей самаго пошлаго свойства (Трагедія, карающая преступленіе; Комедія, бичующая пороки и ложь; музы; Орфей съ вакханками, и т. д.). Формы на этихъ фрескахъ — копія или обезьянничаніе съ итальянскихъ подобныхъ же образцовъ времени Возрожденія, а блестящія свѣжія ихъ краски — безъ ущерба могли бы быть замѣнены цвѣтистыми коврами, гобеленами или узорами; для этого не нужно было ни человѣческихъ фигуръ, ни какихъ-то «композицій».

Какъ можно сравнить съ этимъ «первымъ театромъ въ мірѣ», только-что хвастливымъ и arrogantнымъ, вѣнскій новый театръ, не заявлявшій никакихъ всесвѣтныхъ претензій, но построенный архитекторами, которые всю славу свою поставляли не въ пологѣ и не въ прилѣпныхъ завиткахъ, не въ ослѣпленіи зрителей, а главное — не въ наполненіи собственнаго кармана и кармана товарищей по ремеслу, а въ истинномъ служеніи общему дѣлу. Формы вѣнскаго театра, и внутри и снаружи, не представляютъ ничего необыкновеннаго и не выказываютъ высшаго творческаго дара, но онѣ художественны, изящны и чудесно воспроизводятъ богатый и благородный складъ французскаго ренессанса. Передній фасадъ представляетъ два этажа необыкновенно стройныхъ и совершенно отличныхъ, одинъ отъ другого, аркадъ. Это передній выступъ, для подъѣзда и входа; сверху онъ увѣнчанъ, на углахъ, возвышенными постаментами для группъ (покуда еще не существующихъ), между ними тянется балюстрада и рядъ граціозныхъ канделябръ. Позади этого выступа идетъ самый корпусъ театра, показывающій только верхній рядъ своихъ оконъ и закругляющуюся вверху, впадъ, крышу, съ ея рѣзнымъ гребешкомъ и рядомъ оконъ, стоямя приклоненныхъ. По сторонамъ, главный корпусъ отовсюду обступили пристройки, ниже его ростомъ, и кончающіяся террасами и балюстрадами. Необыкновенно изящный рядъ большихъ и стройныхъ оконъ наполняетъ бель-этажъ; они увѣнчаны полузруглыми архитравами, гдѣ внутри помѣстилось по большому узорчатому кружкѣ. Всѣ углы представляютъ, вмѣсто прямоугольных сѣвовъ, толстый ньюпціеи жгутъ; нижнія аркады, не требующія проѣзда экипажей, передѣлены столбиками на двѣ арочки, очень живыя и милыя. Если же войти внутрь зданія, вы встрѣчаете великолѣпныя, блестящія сѣны, и потомъ столько же великолѣпную лѣстницу,

изъ мраморовъ и изящныхъ колоннъ, идущую со всѣми своими мозаичными площадками и росшюшю до самаго верхняго яруса; такъ она упирается въ просторныя, высокія галлерей, гдѣ стоятъ фонтаны и резервуары съ водою для всѣхъ утомленныхъ жарю. Верхній ярусъ созданъ и украшенъ точно такъ же красиво, тщательно и удобно, какъ всѣ остальные, надъ головами зрителей, наперекоръ всеобщей театральной рутинѣ, оставлено громадное пустое мѣсто до потолка, чтобъ менѣе было душно и жарко. Вы взглянете подъ бель-этажъ—что за чудо, нѣтъ всего нижняго этажа ложъ! Разсуждая на основаніи того, къ чему мы всадѣ привыкли, вы, пожалуй, сначала скажете: какая странная и неэкономная потеря мѣста! Но потомъ вы станете смотреть на архитекторовъ вѣнскаго театра съ почтеніемъ: «пропащее» по напрасну мѣсто отведено подъ устройство вентиляціонной системы, тщательно изученной и прилаженной. Однимъ словомъ, куда ни посмотри въ вѣнскомъ театрѣ, самая человѣчная забота о всѣхъ и каждомъ слышится повсюду, а художественное созданіе тоже идетъ смѣлымъ своеобразнымъ шагомъ, выбирая красивѣйшія формы и сочетанія древняго французскаго ренессанса. Все вмѣстѣ дѣлаетъ то, что если какой-нибудь театръ заслуживаетъ въ наше время названіе «перваго» въ Европѣ, то это уже, конечно, никакъ не парижскій «Nouvel Opera», чванливый и безтолковый баричъ, а новый театръ вѣнскій: такъ много глубочайшей мысли и тщательнаго соображенія настоящихъ нуждъ вложено въ созданіе его, рядомъ съ творчествомъ художественнымъ. Мнѣ всегда казалось, что хорошо было бы, еслибъ можно было сдѣлать перестановку: вѣнскій театръ — перенести въ Парижъ, и поставить тамъ среди настоящей его компаніи, благороднѣйшихъ созданій новаго французскаго искусства; новую же парижскую оперу, раззолоченную и тупо-равнодушную во всѣмъ человѣческимъ настоятельнѣйшимъ потребностямъ, сослать въ Берлинъ.

Не одна «Новая Опера» имѣетъ даръ, несмотря на свое безкусіе и анти-художественность, возбуждать восторги и чванливость патріотовъ худшей половины французскаго народа. Эту привилегію раздѣляютъ съ нею еще многія другія зданія, напирѣкъ церкви Маделены, лже-классическая снаружи, іезуитская внутри, всѣ присутственныя мѣста стараго и новаго времени, выраженные отъ головы до ногъ, со всѣми своими лѣстницами, аркадами и колоннами — декоративною бедностью и педантизмомъ старинныхъ преданій; множество церквей въ лже-строгомъ и классическомъ несносномъ стилѣ (напримѣръ, церкви St.-Vincent

de Paul, Trinité), наконецъ большинство новыхъ театровъ, особливо «Лирический», «Vaudeville», «Châtelet», въ сотый разъ переживающіе старинные мотивы лучшихъ творческихъ эпохъ Франціи, но только въ искалѣченномъ и обезображенномъ видѣ. Одинъ новый театръ «Gaité» составляетъ исключеніе, со своимъ рядомъ красивыхъ полукруглыхъ арокъ на розовыхъ колонахъ и со своею высокою служивающеюся кровлею. Но художественныя пятна, сколько они ни многочисленны въ Парижѣ, особливо со временъ послѣдней имперіи, всё пропадаютъ почти незамѣтно въ громадной массѣ той красоты, значительности вновь созданныхъ нынѣшними потребностями формъ, которыми сіяетъ Парижъ на всѣхъ своихъ концахъ. Ни одинъ городъ не способенъ показать, въ настоящую минуту, такого огромнаго количества изящныхъ и оригинальныхъ общественныхъ и частныхъ зданій, какія стоятъ густою толпою по парижскимъ улицамъ и площадямъ, среди великогнѣнныхъ остатковъ стараго Парижа, изъ временъ среднихъ вѣковъ и Возрожденія, когда творчество было такимъ могучимъ ключомъ; но впечатлѣніе новыхъ парижскихъ построекъ почти всегда уже не только эстетично и талантливо, не только грандіозно или элегантно—онѣ носятъ еще, въ каждой чертѣ, въ каждомъ членѣ и подробности своей слѣды творчества, оживленнаго глубокой мыслью, внимающею въ нынѣшнія нужды жизни и теперешнія привычки человѣка.

Но, что, быть можетъ, всего выше и драгоцѣннѣе въ Парижѣ, въ сравненіи съ прочими европейскими столицами, это усиліе просынающагося наконецъ народа, самого народа, создать себѣ архитектуру, которая нужна ему и его семейству для жита и отдыха послѣ тяжкихъ трудовъ на фабрикахъ и заводахъ, въ мастерской и на лѣсахъ. Вопросъ о «домахъ для рабочихъ» не новъ, и довольно давно уже разрабатывается лучшими, гуманнѣйшими умами Франціи, Англіи и Германіи. Во многихъ мѣстахъ возникли даже, какъ, напримѣръ, въ Мюльгаузѣ, цѣлыя «*cités ouvrières*»; въ Лондонѣ громадныя дома, чуть не кварталы построены для рабочихъ на миллионы великодушнаго американца Пибоди, котораго статуя украшаетъ теперь самое многолюдное мѣсто лондонской Сити. Но только въ одной Франціи рабочіе громко заявили, что хотятъ сами, безъ всякихъ архитекторовъ, дѣлать пробы нужной имъ теперь архитектуры, и, рядомъ съ фарисейскими, будто-бы народо-заботливыми постройками рабочихъ, выстроенными Наполеономъ III, поставили, на всемірной парижской выставкѣ 1867 года, свой пробный домъ, самими ими обдуманнѣйшій и соображеннѣйшій во всѣхъ

частяхъ, и изящно построенный. Первый опытъ не былъ еще, конечно, окончательно удаченъ, многого еще ему недоставало, но великое дѣло начато и, конечно, пойдетъ твердою стопой къ своему торжеству и совершенству. Франція не упала и не ослабла въ послѣдніе годы, какъ увѣряютъ ея враги, она все по прежнему передовой піонеръ и указательница новыхъ свѣтлыхъ путей, и никакія нашествія, никакіе вымученные миллиарды, никакія минутныя политическія неудачи во внѣшнихъ дѣлахъ, никакія оковы, хитро скованныя тупыми ретроgrадами внутри собственныхъ ея предѣловъ, неспособны остановить ея колоссальной мощи, ея торжественнаго шествія впередъ.

Надъ нынѣшней, новою Франціею новая заря занимается. Значить, и надъ ея искусствомъ—тоже.

Вл. Стасовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МИРОВОГО СУДЬИ

Посвящается Н. А. Языкову.

VII *).

Сельская школа въ ближайшемъ прошломъ.

Задумавъ говорить нынѣшній разъ о нашихъ сельскихъ школахъ, я далекеъ отъ всякой претензіи рѣшать педагогическіе вопросы или указывать средства къ процвѣтанію школьнаго дѣла въ глуши, для чего — и прежде всего — необходима извѣстная специальная подготовка. Я желаю бы только, помимо всякихъ предвзятыхъ тенденцій или личныхъ видовъ, придерживаясь одной правды и дѣйствительности, вызвать на свѣтъ божій свои, еще свѣжія воспоминанія о старой школѣ, новомъ вѣяніи и мимолетномъ, но тѣмъ не менѣе плодотворномъ движеніи въ пользу народнаго образованія въ нашемъ захолустѣ, сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ, изобразить какъ мрачныя, такъ и свѣтлыя стороны школьнаго дѣла, живые образы лицъ, такъ или иначе привосновенныхъ къ этому дѣлу и близко знакомыхъ мнѣ, какъ члену училищнаго совѣта, много разъ и во всѣхъ направленіяхъ искрестившему нашъ уѣздъ.

Такимъ образомъ, волей или неволей пришлося мнѣ наблюдать ловкихъ волостныхъ старшинъ, повторявшихъ при каждомъ

*) См. „В. Е.“, февраль и мартъ 1872 г.

удобны случаи: «наши отцы не учились, да и намъ не рѣш», или: «мы не учени, да не хуже ученыхъ», а съ перекрѣпкой встать и не-встать толковавшихъ о своемъ сочувствіи къ народному образованію, о томъ, что ученье свѣтъ, а неученье тѣма; высокопоставленныхъ лицъ, постоянно говорившихъ о сельской школѣ въ какомъ-то особомъ шуточномъ тонѣ и вслѣдъ затѣмъ открывавшихъ собраніе патетической рѣчью о необходимости народнаго образованія и сельскихъ школъ, какъ озеръ, и т. д., въ возвышенномъ родѣ; земцевъ, явившихся къ лицъ при первомъ напоминаніи о ненавистной имъ школѣ, и земцевъ, вскакивавшихъ на стулья, лишь только рѣчь заходила о народномъ образованіи, и съ высоты занятой позиціи безоглядно громившихъ обскурантовъ; массу серьезно или временно увлеченныхъ барынь; радикаловъ, поднимавшихъ на смѣхъ всякое покушеніе къ образованію голодающаго и нищенствующаго народа, — типъ крупнаго землевладѣльца, незнающаго что дѣлать и куда дѣваться отъ съѣдающей скуки.

Терзаемый внутренней пустотой и однообразіемъ лѣтняго сезона въ глуши, заѣзжій баринъ ни съ того, ни съ другого принимаетъ непреодолимое желаніе сейчасъ же облагодѣтельствовать своихъ бывшихъ крестьянъ устройствомъ школы. Для собиранія вызванъ совершенно растерявшійся и одичавшій сельскій священникъ; на столѣ появляется листъ для сбора такъ-называемыхъ добровольныхъ пожертвованій на школу. Сосѣди исподтихватываютъ на этотъ листъ, но съ любезной улыбкой вносятъ психическую лепту. Собирается сельскій сходъ, и подъ пальцами лучами июльскаго солнца происходитъ и въ теченіи многихъ часовъ тѣнется сцена, превосходящая своей истомой и утомительностью все, что только существуетъ на свѣтѣ наиболѣе утомляющаго. Старикъ, проговоривъ то, что обыкновенно говорится имъ въ такихъ случаяхъ — о ненужности школы и тяжелыхъ поборахъ — умоляетъ и только глубокими вздохами и зѣвотой отвѣчаютъ на краснорѣчіе благодѣтеля, въ потѣ лица доказывающаго имъ пользу грамотности; а потомъ, постыдно выгнанные возбужденнымъ ораторомъ, гуськомъ, понуривъ головы, плетутся съ барскаго двора, съ видомъ людей, уличенныхъ въ непониманіи своей собственной пользы; между тѣмъ какъ орасторъ въ теченіе дѣлаго зимняго сезона мучить столичныхъ друзей терзаями о томъ, что у насъ ничего нельзя дѣлать въ глуши.

Встрѣчалось свѣтлыя личности, страстно преданные дѣлу народнаго образованія, вложившія на это массу труда и средствъ, но въ концѣ-концовъ выбившіяся изъ силъ и опускающія руки.

Встрѣчалась преданность непонятная, ничѣмъ необъяснимая, но охватывавшая человека такъ же быстро, какъ охватываетъ пожаръ крытую соломою крестьянскую избу. Такъ, напримеръ, знавалъ я господина, крайне неразвитаго, мало читаваго, но постоянно возвивагоса съ подписанными листами на вспоможеніе сельскимъ школамъ. Завидя новаго человека, онъ даже въ лицѣ мѣнялся и съ какимъ-то ожесточеніемъ, сверкая глазами, накидывался на добычу. Встрѣчались мнѣ сельскіе учителя и вообще люди, близко стоящіе къ народной школѣ, поражающіе своей тупостью, апатіей или распушенностью, рядомъ съ личностями, при одномъ воспоминаніи о которыхъ чувствуется возвращеніе энергіи, вѣры въ лучшее будущее, въ людей и идеалы. Такихъ личностей не много, да и самое изображеніе ихъ, сколько-нибудь живое и близкое, не подъ силу моему слабому перу.

Отъ настоящаго, полнаго противорѣчій, крайностей, тупого равнодушія и увлеченія, готоваго ломать стулья при одномъ напоминаніи о сельской школѣ; отъ этого хаоса и сумбура, можетъ быть, и не привлекательнаго, вызывающаго недоумѣніе, но во всякомъ случаѣ отличающагося признаками жизни,—обратимся къ ближайшему прошлому, еще свѣжему въ нашей памяти, когда только въ немногихъ исключительныхъ помѣщичьихъ семействахъ барыня или барышни занимались обученіемъ грамотѣ дѣтей лабимыхъ и болѣе заслуженныхъ дворовыхъ.

Въ воображеніи моемъ тотчасъ же воскресаетъ слѣдующая идиллическая картина: на балконѣ деревенскаго помѣщичьяго дома, въ тѣни акацій и сирени, вокругъ кипящаго самовара, расположилась патріархальная помѣщичья семья: тутъ и бабушка съ невозможными въ наше время очками на носу и съ неизбѣжнымъ чулкомъ въ рукахъ; мать семейства, въ широкомъ ситцевомъ балахонѣ, съ добрымъ, загорѣвшимъ и дышащимъ здоровьемъ лицомъ, нѣсколько полныхъ, круглолицыхъ дочерей, съ неизбѣжной младшею сестрой-красавицей; отецъ семейства, въ пестромъ татарскомъ халатѣ; старшій сынъ—отпускной уланъ, и тутъ же босая дворовая дѣвочка и мальчикъ, съ густо намазанными волосами. Они сидятъ въ сторонѣ, за особымъ маленькимъ столомъ, уткнувшись въ азбуку, съ деревянными указками въ рукахъ, и гудятъ что-то непонятное, изрѣдка коопрашеніе одобреніями барыни или одной изъ барышень. Воскресаетъ обширная прихожая въ старомъ барскомъ домѣ, съ длиннымъ лаптемъ, наполненнымъ принадлежностями лавейскаго туалета и протянувшимся вдоль стѣны, увѣшанной мѣдными охотничьими рогами, вышивками, вѣточками и лѣсными шкурами; съ дубовымъ

столомъ около печки и неизбежно сидящимъ около этого стола тщедушнымъ, блѣднымъ мальчикомъ, долженствующимъ въ послѣдствіи времени замѣнить своего брата-конторщика при имѣніи. Широко текла барская жизнь, съ звономъ и громомъ подваты-вались въ крыльцу наполненные отставными корнетами таран-тасы; гости прѣзжали, уѣзжали; одинъ правдникъ смѣнялся дру-гимъ; охотничьи рога и кинжалы исчезали со стѣны прихожей, всѣ дворня митомъ превращалась въ лихихъ запорожцевъ и цѣ-лую осень вмѣстѣ съ бариномъ и гостями кочевала по при-волжью; опустѣлъ старинный барскій домъ, а тщедушный мальчикъ продолжалъ сидѣть, нагнувшись надъ столомъ на своемъ обы-чномъ мѣстѣ, и все красивѣе и красивѣе выводилъ перомъ: «до-бродѣтель одна почтенна», или: «никогда не обманывай и не лги». Чаще всего грамотность въ помѣщичьихъ имѣніяхъ дѣлалась до-стояніемъ одной семьи и переходила отъ отца къ сыну, отъ брата къ брату и т. д. Самая контора представляла собою нѣчто вы-соко чтимое въ имѣніи. Помѣщалась она въ одной изъ людскихъ или за перегородкой, куда, крестясь и вздыхая, входили мужики, гдѣ страшно пахло сургучомъ и по цѣлымъ днямъ скрипѣло перо конторщика. Каждая полученная помѣщикомъ бумага нераспечатанная отправлялась въ контору, и конторщикъ тотчасъ же дѣлалъ нужныя распоряженія, и въ то же время велъ приходо-расходныя и другія хозяйственныя книги, читалъ крестьянамъ солдатскія письма, сочинялъ отвѣты и работалъ перомъ до конца жизни.

Итакъ, грамотные люди нужны были бывшимъ помѣщикамъ для ихъ домашнего обихода, наравнѣ съ кучерами, поварами и т. д. Но, не взирая на всю первобытность способовъ, которыми приготавливались будущіе конторщики, изъ нихъ нерѣдко выходили люди замѣчательныхъ способностей, и тогда они уже переименовывались въ повѣренныхъ, и съ изумительной ловкостью или не только хозяйственныя книги по имѣнію, но и всѣ про-цессы помѣщиковъ.

Въ это время крайняго застоя и обученія грамотѣ един-ственно для домашнего обихода, все движеніе въ пользу народ-наго образованія въ нашей мѣстности сосредоточивалось въ быв-шихъ удѣльныхъ имѣніяхъ. Это были, можно сказать, первыя воспоминанія у насъ сельскія школы, имѣнія учителей, пригото-вленныхъ въ училищахъ, находившихся въ Москвѣ и Красноу-дскѣ и существовавшихъ съ 1832 по 1836 годъ. Въ богатѣй-шихъ удѣльныхъ вѣдомства постоянно набирались мальчики и отправлялись въ Петербургъ, для изученія усовершенствован-

наго хозяйства, и тамъ же бросались въ глаза однообразныя сѣренькія училища съ форменными выѣсками, красными крышами, окнами подъ потолкомъ и тѣнистыми садиками, въ которыхъ никто никогда не прогуливался, кромѣ начальства. Но такъ какъ все это заводилось только на показъ и со специальною цѣлью приготовленія способныхъ волостныхъ и сельскихъ писарей, счетчиковъ и таксаторовъ, то и результаты выходили крайне неутѣшительныя. Мальчики, окончившіе курсъ въ петербургскомъ земледѣльческомъ училищѣ, по возвращеніи своемъ на родину, поселялись въ красивыхъ, раскрашенныхъ и построенныхъ на иностранный манеръ домахъ и, мгновенно наполнивъ ихъ русскимъ духомъ и тараканами, превращались въ разжирѣвшихъ, вѣчно заспанныхъ и пьяныхъ бездѣльниковъ, порвавшихъ всякую связь съ крестьянскимъ бытомъ и по большей части окончившихъ свою жизнь самымъ плачевнымъ образомъ.

Столь же безотрадное явленіе представляли и форменныя школы удѣльнаго вѣдомства, содержимыя на счетъ удѣльныхъ селеній, въ которыхъ онѣ находились; и если, съ одной стороны, намъ указываютъ на писарей и бухгалтеровъ всевозможныхъ вѣдомствъ, какъ на питомцевъ бывшихъ удѣльныхъ школъ, то, съ другой стороны, едва ли не эти-то великіе мастера своего дѣла и вызвали часто повторяющееся мнѣніе о вредномъ растлѣвающимъ вліяніи грамотности на нравственность нашего народа. Но это еще не все: каждому изъ насъ, обитателей глуши, извѣстны большія зажиточныя селенія, имѣвшія въ теченіи тридцати или болѣе лѣтъ школы, не оставившія ни малѣйшаго признака своего существованія.

Такимъ образомъ, въ удѣльныхъ имѣніяхъ, также какъ и въ имѣніяхъ помѣщичьихъ, преслѣдовалась единственная узкая цѣль: приготовленіе людей, необходимыхъ для домашняго обихода, то-есть: писарей, счетчиковъ и таксаторовъ. Ко всему этому, бывшая удѣльная школа оставила намъ массу мрачныхъ, отталкивающихъ воспоминаній о безчеловѣчномъ сѣченіи; о томъ, сколько времени высиживали ученики въ классѣ; о своевольствѣ старшихъ, на обязанности которыхъ лежало почти безконтрольное наблюдение за успѣхами и поведеніемъ учениковъ извѣстнаго стола. Самая школа была какой-то машиной, заведенной учителемъ въ образъ вѣчно недовольнаго, вѣчно карающаго существа, пользовавшагося неограниченною властью чуть ли не надъ жизнью и смертію ученика. Рассказываютъ, что у учителя было три повода къ сѣченію своихъ питомцевъ: когда ученикъ плохо учился, когда учитель напьется пьяный и, наконецъ—когда росли явля-

из средствъ къ достиженію матеріальныхъ цѣлей. Въ первомъ случаѣ сѣченіе производилось публично, при всѣхъ ученикахъ, во второмъ тоже публично, но только самимъ учителемъ, явившимся въ школу съ неистовствомъ компаньонаго; въ последнемъ — съ глазу на глазъ. Одинъ почтенный старецъ, злѣйшій антагонистъ школы, рассказывалъ мнѣ, что его внука, прижитый мальчикъ, никогда не попадавшійся подъ гнѣвъ учителя, въ продолженіи трехъ дней оставлемъ былъ въ школѣ безъ обѣда. На третій день старикъ отправился провѣдать внука: школа пуста, мальчики распущены, но изъ второй комнаты слышатся юли внука, рѣзкіе удары и голосъ учителя: «скажи дѣдушкѣ, то когда учитель просить денегъ, то ему слѣдуетъ давать» и т. д. Тутъ только старикъ сообразилъ, что, недѣлю тому назадъ, отпалъ учителю въ деньгахъ, послѣдствіемъ чего и было трехдневное сѣченіе внука. Ясное дѣло, что при такихъ порядкахъ родители старались какъ можно болѣе расположить учителя въ пользу своихъ дѣтей, съ цѣлью отвести и задобрить карающую руку, — и вотъ разгада тѣхъ повидимому свѣтлыхъ явленій, какъ выраженіе съ праздникомъ учителя учениками, христосованіе, прощаніе на масляной, когда каждый отецъ старался отправить сына съ посылнымъ даяніемъ на поклонъ къ учителю, заранее упоминаемому ученикамъ о приближающихся праздникахъ. Наконецъ такой учитель, что завелъ обыкновеніе собирать на масло къ иппаду училищной иконы, и всѣ ученики безпрекословно подчинялись этому требованію. Родители возротаи и, наконецъ, пришли заявить претензію управляющему, пріѣхавшему въ селеніе. Растерявшійся учитель сталъ высылать родителей, но управляющій, замѣтивъ это, разсердился до такой степени, что тутъ же далъ педагогу по щекамъ три раза класснымъ журналомъ. Мало было радости и въ томъ, если ученикъ попадалъ въ любимцы учителя, такъ какъ любимцы находились на постоянныхъ посылкахъ въ кабакъ или къ пріятелю съ запиской и т. д. Вообще же, ученики постоянно употреблялись учителями и законоучителями, какъ рабочая сила. Такимъ образомъ зимою занимались они чисткою двора, рубкою дровъ, а лѣтомъ пололи, поливали и нянчили дѣтей. Такъ же мало утѣшительнаго представляло и самое ученіе: ланкастерскій методъ былъ формою, въ которую вливалась вся школьная мудрость, такъ что ученику не приходилось слышать ни одного живого слова, ничего, кромѣ повтореній старшихъ и монотоннаго повторенія ихъ словъ. До такой степени это губительно вліяло на свѣжія живыя силы, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ одного селенія жи-

брали въ школу бойкаго, смышленнаго мальчика лѣтъ 14-ти, весьма усердно принявшагося на первыхъ порахъ за зубреніе. Прошло недѣли двѣ, пошелъ ученикъ домой, товарищи спрашиваютъ: «что выучилъ?» мальчикъ выпѣваетъ: «бура, баня» и т. д., товарищи смѣются, говорятъ: «а ты все то же поешь!» Мальчикъ начинаетъ скучать въ школѣ, онъ лѣнитъ, его наказываютъ, онъ убѣгаетъ домой, отъ головы приказъ — выслать бѣглеца; мать везетъ, сынъ убѣгаетъ дорогой; его ловятъ и послѣ надлежащей расправы ставятъ на другую квартиру подъ строжайшій надзоръ товарищей. Затѣмъ слѣдуетъ новое бѣгство, ловля, порка, бѣгство, порка и т. д., до тѣхъ поръ, пока мальчикъ не былъ окончательно забитъ и превращенъ въ идиота. Въ такой-то школѣ высказывали ученики баснословное число лѣтъ. Въ А. удѣльномъ училищѣ каждый ученикъ долженъ былъ просидѣть до 7-ми лѣтъ, чтобы пройти курсъ 7-ми столовъ; наконецъ, мнѣ лично извѣстенъ одинъ молодой паренъ, высижившій въ удѣльной школѣ девять лѣтъ подъ радъ, и другой, женившійся осенью по выходѣ изъ школы, а поступившій въ нее ребенкомъ. Книгъ имѣлось мало: начатки, псалтырь, часовникъ, упражненіе въ разговорахъ и т. д. Большая часть учениковъ, кромѣ чтенія и плохого письма, никакими знаніями не владѣла, сохраняя по выходѣ изъ школы все тѣ же суевѣрные понятія о колдунахъ, заговорахъ и тому подобныхъ суевѣріяхъ. Къ экзамену по арифметикѣ готовились по двумъ книгамъ — на случай, если ревизоръ заставитъ что-нибудь сказать «по другому», т. е. своими словами, то и отвѣчали по другой книгѣ. Преподаваніе пѣнія находилось въ рукахъ ходячихъ изъ одной школы въ другую регентовъ, причемъ удары смычкомъ и камертономъ сыпались на головы пѣвчихъ. Одинъ такой регентъ дѣвчьяго хора въ удѣльномъ женскомъ училищѣ, не стѣсняясь, колотилъ дѣвицъ книгой во время службы; а преподаватель арифметики билъ учениковъ корешкомъ по головѣ, натиравъ имъ лобъ ученика, а потомъ высылалъ его за незнаніе урока на морозъ. Эта привычка учителей удѣльнаго вѣдомства къ жестокому и грубому обращенію не вывелась и до сихъ поръ, и еще въ 1874 году мать одного изъ учениковъ обратилась ко мнѣ съ просьбой уволить ея сына отъ слушанія уроковъ законоучителя, такъ какъ тотъ слишкомъ грубо обращался съ сыномъ, — плевалъ ему въ лицо, не позволяя утираться и по цѣлымъ часамъ выдерживалъ на колѣняхъ. Вслѣдствіе такихъ порядковъ отцы во что бы то ни стало старались откупать своихъ дѣтей отъ школы. Самый же выборъ мальчиковъ производился головой вмѣстѣ съ учителемъ, причемъ новобранцы назначались въ

двойномъ количествѣ и преимущественно изъ богатыхъ семействъ. Затѣмъ родители начинали хлопотать; голова отсылалъ ихъ къ учителю, учитель къ головѣ, и такъ безъ конца, до тѣхъ поръ, пока уровень выкупа не достигалъ отъ 10 до 25 руб. Это были только крупныя злоупотребленія, не считая мелкихъ, т.-е. *снискомъ* сельскими властями, продолжающихся по заведенному порядку и теперь.

Давая ничтожный процентъ обученныхъ мальчиковъ, удѣльная школа не могла благотворно вліять и на нравственный уровень учениковъ, несмотря на то, что каждый изъ обучаемыхъ до сѣдихъ волосъ держалъ въ своей памяти твердо заученные и ставшіе на первомъ планѣ въ курсѣ удѣльныхъ училищъ правоучительные разговоры, наденные въ 1845 г. въ С.-Петербургѣ, собственно для воспитанниковъ удѣльныхъ училищъ.

Здѣсь будетъ не лишне привести образчики правоучительныхъ разговоровъ, не безъ гордости, но безъ всякаго пониманія ихъ внутренняго смысла повторяемыхъ ветеранами старой школы.

В. Какъ Богъ наравляетъ бѣглыхъ?

О. Онъ наказываетъ ихъ страхомъ, стыдомъ и многими другими бѣдствіями, притомъ не только въ сей жизни, но и въ будущей.

В. Для чего мы должны пріобрѣтать познанія?

О. Для того, что познанія доставляютъ весьма многія выгоды и жизнь нашу дѣлаютъ пріятнѣе для насъ самихъ и полезнѣе для другихъ.

В. Почему нѣзавѣство унижаетъ человѣка предъ подобными ему?

О. Потому, что въ семъ состояніи человѣкъ, будучи лишентъ разсудка, можетъ угодоблѣтъ быть скоту и т. д. и т. д.

Но, не вникая на заучиваніе нравственныхъ разговоровъ и на безчеловѣчное звѣрство учителей, удѣльныя училища были расадникомъ всевозможныхъ и самыхъ гибельныхъ пороковъ; въ нихъ процвѣтали: игра въ деньги, онанизмъ и ожесточенные кулачные бои, нерѣдко сопровождавшіеся сильными увѣчьями и смерщеніями членовъ. Намъ припоминается даже такой случай въ А. удѣльномъ училищѣ, что кулачный бой кончился убійствомъ одного изъ учениковъ. Больше же всего изомрачались воспитанники удѣльныхъ училищъ въ искусствѣ обойти и перехитрить своего звѣрообразнаго и жестокаго ментора. «Бывало, — съ крайне напуганнымъ видомъ передавалъ намъ одинъ изъ бывшихъ удѣльныхъ учениковъ, — сидѣмъ мы въ кружокъ, да и давай въ деньги играть, а книжки передъ собою положимъ. Вдругъ входитъ учитель (бывшій семинаристъ). «Что вы дѣлаете?» — Уроки твердимъ. —

«Доброе дѣло». А если кому скажутъ «худо» (выговаривая по книжному), тогда жди бѣды, — затопаетъ, зареветъ: «лозь!» И какой былъ чудакъ: бывало, коли шапку положить напередъ возырькомъ, — добрый будетъ, такъ мы и знали, что никого не тронетъ; а то, другой разъ, какъ угодить шапка возырькомъ назадъ, — никому пощады, — ни правому, ни виноватому, всѣхъ подъ радъ вспишетъ».

Наконецъ, какъ образецъ нравственнаго вліянія удѣльной школы, мы приведемъ случай, встрѣтившійся въ мировой практикѣ: въ питейномъ домѣ столкнулись два старые товарища по школѣ; одинъ изъ нихъ считался всегда за способнаго, другой за плохого ученика. Разговоръ зашелъ о прошломъ, о школьномъ бытѣ, о томъ, что въ старину была «настоящая учёба», а теперь одно игрище. Способный ученикъ и говоритъ неспособному: «а что, милый человѣкъ, я думаю, ты и писать-то научился!» — Еще какъ напишу. — «Гдѣ тебѣ!» подзадориваетъ способный и въ то же время подсовываетъ неспособному ключокъ бумаги, на которомъ послѣдній кое-какъ нацарапалъ свое имя и фамилію. Посмѣялись, а спустя недѣлю способный уже представилъ куда слѣдуетъ росписку стараго товарища, требуя уплаты 10 руб. и ссылаясь на то, что росписка подписана его другомъ.

Кромѣ главныхъ мужскихъ училищъ, существовали женскія школы, находившіяся въ заведываніи священниковъ, ихъ женъ, или же черничекъ — этихъ христовыхъ невестъ, вѣчно и по самыя брови укрытыхъ черными платками. Въ такихъ школахъ въ теченіи многихъ лѣтъ научались только читать церковныя книги, а иногда писать по полууставному, т. е. церковно-славянскимъ шрифтомъ; но ретивые гг. ревизоры удѣльнаго вѣдомства иногда имѣли претензіи давать ученицамъ довольно глубокомысленные вопросы, на что сильно сѣтовалъ одинъ изъ священниковъ того времени въ своемъ отношеніи въ консисторію.

Вообще же говоря, эти женскія школы исчезли съ лица земли, не оставивъ ни малѣйшаго благотворнаго слѣда своего долговременнаго существованія, за исключеніемъ размноженія черничекъ, занятыхъ пѣніемъ псалмовъ царя и пророка Давида, чтеніемъ псалтиря по умершимъ, обмываніемъ ихъ, записываніемъ въ «номинанья» — именъ живыхъ людей «о здравіи» и мертвыхъ «за упокой души»; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ изгнаніемъ проклятаго сатаны, соблазняющаго родъ человѣческій на всякія каверны.

Въ ближайшемъ ко мнѣ удѣльномъ женскомъ училищѣ обучалось ежегодно 10 дѣвочекъ; съ 1850 по 1865 годъ выпущено было 22. На каждую школу собиралось до 1866 года по 25 руб.,

и изъ этихъ-то денегъ вознаграждали священниковъ и учителей по усмотрѣнiю приказа.

Наступило 19-е февраля, — упразднено крѣпостное право, такъ долго тормазившее распространѣнiе народныхъ школъ. Большинство ожидало чего-то необычайнаго, умилялось, воевало противъ старыхъ обветшалыхъ предразсудковъ, фразерствовало, и въ то же время бездѣйствовало, подавленное массой новыхъ, неожиданныхъ потребностей и еще нетронутыхъ вопросовъ. Въ образѣ бывшихъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва выступили новые дѣтели, руководимые искреннимъ желанiемъ служить обществу; но, за недостаткомъ времени, массой заботъ и тревогъ, участие ихъ къ дѣлу народнаго образованiя ограничилось убѣжденiемъ священниковъ открывать школы, снабженiемъ вновь открытыхъ школъ плохими книжонками, принужденiями крестьянъ давать вознагражденiе священникамъ за ихъ, въ большинствѣ случаевъ, воображаемыя занятiя въ школахъ. Съ своей стороны, просвѣщенное удѣльное начальство, отказываясь отъ всякаго контроля и наблюденiя надъ школами, передало ихъ въ вѣдѣнiе крестьянскихъ обществъ, вслѣдствiе чего школы тотчасъ же опустѣли, цѣпи не ремонтировались, а суммы, продолжавшия поступать отъ обществъ на содержанiе школъ, обратились въ доходную статью местныхъ управленiй и священниковъ.

Такимъ образомъ, единственнымъ послѣдствiемъ великой реформы для дѣла народнаго образованiя въ нашей мѣстности были фразы, фразы безъ конца, нѣсколько бесполезныхъ школъ, на скорую руку заведенныхъ болѣе энергичными мировыми посредниками и, наконецъ, окончательное запустѣнiе бывшихъ удѣльныхъ училищъ.

Съ освобожденiемъ крестьянъ совпадаетъ мое постоянное пребыванiе въ глуши. Наблюдая окружающее, я невольно задумывался надъ беспомощнымъ положенiемъ крестьянскихъ дѣтей, предоставленныхъ самимъ себѣ, безъ всякаго пристанища, присмотра и попеченiя. Грязные, босые, нечесанные, они уподоблялись воробьиному стаду, безцѣльно перелетавшему съ одного мѣста на другое, до того времени, когда на ихъ еще не окрѣпнувшiя плечи накидывался тяжелый трудовой хомутъ на всю остальную жизнь. У меня нѣлось достаточно времени для изученiя нашей сельской улицы, долженствовавшей развивать и воспитывать молодое поколѣнiе, улицы торговаго селенiя съ базарной площадью, восточными дверями и кабаками на каждомъ шагу. И вотъ, изодѣвъ-дѣнь, изъ конца въ конецъ этой хорошо знакомой мнѣ улицы снуютъ воробьиное стадо, перелетая отъ одного кабака къ

другому, отъ одной группы оряницниковъ къ другой, вслушиваясь въ нескончаемую ругань, наблюдая кабачные нравы и прежде всѣхъ являясь на каждую уличную сцену. Нѣсколько времени спустя, моимъ домашнимъ удалось приручить крестьянскихъ дѣтей къ нашему дому, и такимъ образомъ сама собою возникла первая школа въ нашемъ селеніи.

Вновь открытая школа не только не вызывала подражателей, но даже возбуждала недоумѣніе и недоброжелательство. Въ это время недовѣріе къ школѣ царило во всей своей силѣ, а лица, власть имѣющія, готовы были занодозрѣть политическую неблагонадежность каждаго, кто только хлопоталъ объ устройствѣ школъ.

VIII.

Старый училищный совѣтъ.—Новое вѣяніе.—Изъ дневника сельскаго учителя.

Въ 1869 году обстоятельства потребовали моего переселенія въ другое имѣніе, находившееся въ степной полосѣ той же губерніи. Съ переселеніемъ въ это имѣніе я, такъ сказать, попалъ на самое дно нашего захолустья. О школахъ никому и во снѣ не снилось, и только въ развалинахъ стараго училища сосѣдняго удѣльнаго селенія хоронился сельскій учитель, въ образѣ семинариста, не спускавшаго съ своихъ плечъ дырявой хламиды, отвыкшаго отъ употребленія ножницъ и бритвы и совершенно одичавшаго, вслѣдствіе продолжительнаго уединенія и полнѣйшаго бездѣйствія.

На днѣ захолустья царилъ мертвый застой, а между тѣмъ не далѣе, какъ въ сорока верстахъ, въ губернскомъ городѣ существовала такая масса благотѣльныхъ учреждений, что издали можно было считать нашу губернію доведенной до послѣднихъ предѣловъ благоденствія. Между прочимъ доходили до насъ слухи о существованіи уѣднаго училищнаго совѣта съ предсѣдателемъ и членами, собиравшимися въ извѣстное условленное время, для разрѣшенія вопросовъ, касавшихся народнаго образованія, изложенія своихъ наблюденій и отчетовъ, извѣщавшихъ общество о движеніи грамотности въ народѣ, о числѣ учащихся въ отношеніи къ населенію уѣзда, объ учителяхъ, извѣстныхъ своимъ примѣрнымъ усердіемъ, о публичныхъ испытаніяхъ и т. д., и т. д.

Прослѣдивъ объемистые, тщательно изложенные и закрѣпленные подписями членовъ журналы училищнаго совѣта до 1872 года, не хочешь вѣрить, чтобы все это было не что иное, какъ беспо-

жизни, никому ненужная канцелярская работа, не имѣвшая ничего общаго съ жизнью нашей глухи.

Между уѣзднымъ училищнымъ совѣтомъ, начальникомъ губерніи, мировыми посредниками, волостными правленіями, уѣздной управой, губернскимъ училищнымъ совѣтомъ, сельскими обществами, учителями и законоучителями, повидимому, идетъ самая оживленная и дѣятельная переписка. Только-что не въ каждомъ журналѣ совѣта повторяется все одно и то же: «сообщеніе начальника губерніи относительно просвѣщенія татаръ и инородцевъ—принять въ свѣдѣнію и руководству». Въ то же время волостными правленіями представлялись приговоры объ избраніи священниковъ учителями, причемъ совѣтъ оказывался весьма предусмотрительнымъ, постановивъ, «согласно избранію крестьянъ, утвердить священника учителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рекомендовать ему, во избѣжаніе опущеній по классамъ, по собственному усмотрѣнію и подѣ личной отвѣтственности, избрать кого-либо изъ лицъ, вполне извѣстныхъ и благонамѣренныхъ, для занятія съ дѣтьми и наблюденія за ними, въ случаѣ его отсутствія»; поступали отношенія волостныхъ правленій о разрѣшеніи выдачи изъ остатковъ училищныхъ суммъ вознагражденія преподавательницамъ женскихъ школъ (т.-е. матушекъ) за ихъ рвеніе и занятіе въ школахъ. Совѣтъ разрѣшалъ, но опять-таки съ благо-разумной оговоркой: чтобы вся отвѣтственность за успѣхи и благосостояніе женскихъ школъ возложена была на матушекъ. Поступали отношенія волостныхъ правленій объ увольненіи, по разнымъ уважительнымъ причинамъ, мальчиковъ и дѣвочекъ изъ школъ. Совѣтъ и тутъ не отступаетъ отъ своей прозорливости и даетъ разрѣшеніе, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы на мѣсто уволенныхъ, для пополненія надлежащаго комплекта, тотчасъ же избраны были другіе. Тутъ заботливыя волостныя правленія просятъ совѣтъ о временномъ прекращеніи учебныхъ занятій и о назначеніи ревизоровъ для произведенія годичныхъ испытаній, и получаютъ желаемое, но опять-таки съ такой оговоркой: чтобы испытанія неопустительно были произведены мѣстными благочинными или мѣстными законоучителями и учителемъ, но въ присутствіи одного сосѣдняго священника и волостного старшины, или же наконецъ, смотря по обстоятельствамъ, однимъ старшиною. Затѣмъ попадаютъ ходатайства крестьянскихъ обществъ объ уменьшеніи числа учащихся; священниковъ, дьяконовъ, матушекъ, дьяконницъ и вольныхъ черничекъ — о назначеніи ихъ на учительскія должности, кое-какъ протянувшихъ два года на своихъ мѣстахъ, — о высылкѣ имъ свидѣтельствъ на званіе учи-

теля; встрѣчалась весьма курьзная просьба одного священника о разрѣшеніи ему воспользоваться жалованьемъ, удержаннымъ волостнымъ правленіемъ вслѣдствіе годичнаго отсутствія учителя, — и всѣ эти просьбы не остаются безъ разрѣшенія: въ уменьшеніи комплекта и домогательствѣ учительскаго жалованья отказывается; жаждущіе учительскихъ должностей допускаются къ исполненію ихъ обязанностей, а свидѣтельства высылаются.

Приходитъ срокъ выбора председателя совѣта, и все идетъ какъ нельзя болѣе прилично и порядочно: члены поднимаются съ своихъ мѣстъ и убѣдительно просятъ бывшаго председателя продолжать свою полезную дѣятельность; тотъ, для пущей важности, ссылается на домашнія обстоятельства и отказывается, но, какъ и слѣдовало ожидать, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ уступаетъ и остается.

Все идетъ какъ нельзя лучше до тѣхъ поръ, пока не является инспекторъ училищъ, только-что объѣхавшій уѣздъ, и не заявляетъ совѣту, что большинство училищъ существуетъ только на бумагѣ, ученики не умѣютъ читать или не понимаютъ прочитаннаго, а батюшки, матушки, дьяконицы и чернички вовсе не занимаются школами. Послѣ нѣкотораго волненія совѣтъ рѣшаетъ принять самыя энергическія мѣры и постановляетъ: просить просвѣщеннаго содѣйствія мировыхъ посредниковъ. Посредниковъ кое-какъ розыскали, и одинъ изъ нихъ пишетъ, что, по его настоянію, о которомъ ходатайствовалъ совѣтъ, всѣ ветхости въ гаевскомъ мужскомъ и женскомъ училищѣ исправлены и приведены въ должный порядокъ, а жалованье учителю увеличено. Совѣтъ въ первое же засѣданіе опредѣляетъ: «сообщить мировому посреднику, что, относя его распоряженія и энергичныя мѣры къ улучшенію существующихъ въ его участвѣ училищъ къ особой его, посредника, ревности въ дѣлѣ народного образованія, совѣтъ вѣнчаетъ себя въ обязанность засвидѣтельствовать ему свою искреннюю признательность». Въ томъ же добродушномъ тонѣ ведется переписка и съ уѣздной земскою управой; управа проситъ о полномочіи опредѣлять и увольнять учителей по своему усмотрѣнію; опредѣлено: «сообщить управѣ, что совѣтъ безъ нарушенія своихъ прямыхъ обязанностей, возложенныхъ на него высочайше утвержденнымъ 14 іюня 1864 года полож. о нач. народ. училищахъ, добровольно устранить себя отъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ опредѣленія и увольненія сельскихъ учителей считаетъ не въ правѣ; но такъ какъ, съ одной стороны, улучшеніе училищъ въ матеріальномъ и учебно-воспитательномъ отношеніи составляетъ главную цѣль и задачу дѣя-

тальности совѣта, съ другой же стороны, въ распоряженіи управы находятся самыя изрѣчныя средства въ достиженіи этой цѣли, то совѣтъ, стремясь установить въ распоряженіяхъ управы и собственныя желаемую солидарность, заявляетъ свою полную готовность», и т. д.

Данная чувствомъ благодарности, управа присылаетъ въ совѣтъ 10 тысячъ экземпляровъ разныхъ учебныхъ книгъ, для безсрочной выдачи бѣднымъ ученикамъ сельскихъ школъ, а совѣтъ опредѣляетъ: благодарить управу, а книги хранить въ складѣ при канцеляріи совѣта.

Съ своей стороны, губернская управа присылаетъ 500 экземпляровъ для той же цѣли; послѣдовало краткое опредѣленіе: «благодарить и хранить».

Тутъ въ совѣтъ востановляются весьма серьезныя вопросы: о наградахъ книгами болѣе усердныхъ учениковъ, о необходимости лекцій для учителей, отличившихся особой ревностію, и рядомъ съ этимъ вопросъ о томъ, изъ какихъ источниковъ могутъ быть покрываемы расходы членовъ совѣта на обозрѣніе училищъ, причемъ опредѣлено: «просить уѣздную земскую управу, не найдеть ли она возможнымъ для покрытія издержекъ открыть кредитъ изъ какихъ-либо источниковъ, дабы обозрѣвающій училища, по представленіи расходовъ, сдѣланныхъ имъ, имѣлъ основаніе просить о выдачѣ ему денежнаго вознагражденія».

Усердіе совѣта растетъ не по днямъ, а по часамъ, и въ журналѣ отъ 4 марта 1871 г. постановлено: «съ цѣлью облегчить членамъ совѣта возможность обозрѣнія нѣсколькихъ училищъ за одинъ разъ, или въ одну побѣдку, — раздѣлить всѣ училища на 9 группъ и отнести въ первой группѣ такіа-то селенія и деревни, въ вторыхъ, между прочимъ, не существовало ли одной школы. Но и этого показалось мало, и въ слѣдующемъ же журналѣ озабоченный совѣтъ спѣшитъ дополнить, что каждый членъ, въ случаѣ болѣзни и другихъ препятствій въ личному, съ его стороны, осмотру училищъ вѣренной ему группы, обязанъ заблаговременно заявить о томъ совѣту, дабы сей послѣдній могъ въ свое время поручить осмотръ этихъ участковъ другому члену, или же просить объ осмотрѣ одного изъ гг. мирныхъ посредниковъ».

Такова была одна сторона медали, такъ-сказать официальная и показная. Но если бы кто полюбознѣствовалъ заглянуть на другую, не-показную сторону, то убѣдился бы въ томъ, что всѣ журналы училищнаго совѣта заслуживали столько же изреченія, сколько рассказы изъ «Тысячи и одной ночи»; что болѣеная часть

искателей учительскихъ мѣстъ никогда не видѣла своихъ учениковъ и добивалась одного жалованья, въ видѣ какой-то пенсіи или добавочнаго оклада; что личности, получившія свидѣтельства на званіе народныхъ учителей, были совершенно безграмотны и бесполезны; что ученики выбывали и выбирались въ училища по личному вкусу и выбору волостныхъ старшинъ и писарей; что никакихъ испытаній выбывавшимъ производимо не было; что никакихъ ветхостей въ гаевскомъ мужскомъ и женскомъ училищѣ по настоянію розысканнаго мирового посредника исправлено не было, а жалованье учителю ни на грошъ не увеличено, да и увеличивать было не за что; что никакихъ учителей управа никогда не назначала и не увольняла, не взирая на то, что такъ ревностно добивалась этого права; что 10,500 экземпляровъ книгъ, поступившихъ въ совѣтъ для безвозмездной раздачі бѣднѣйшимъ ученикамъ сельскихъ школъ, въ продолженіи многихъ лѣтъ служили продовольствіемъ канцелярскихъ мышей; что многіе изъ учителей, отличавшихся особенною ревностію, были уволены новымъ составомъ совѣта; что бумаги начальника губерніи о просвѣщеніи татаръ и инородцевъ продолжали лежать подъ сунномъ, и наконецъ, что ни одного обозрѣвающего училища изъ членовъ земства не нашлось во все время существованія совѣта, а потому самому никакихъ новыхъ источниковъ къ покрытію расходовъ обозрѣвателей открывать управѣ не приходилось, и т. д. и т. д.

Такимъ образомъ, отношеніе земства и училищнаго совѣта къ школамъ было только фетишное, въ сущности же никто, исключая инспектора училищъ, не зналъ и не хотѣлъ знать ничего, касавшагося народнаго образованія, а крестьянамъ предоставлена была полнѣйшая свобода высказывать свои взгляды, желанія и заводить школы по своему собственному вкусу; но они оставались такъ же неподвижны и столь же глубоко равнодушны, какъ и высшая провинціальная интеллигенція. Единственнымъ двигателемъ земства, единственнымъ просвѣтителемъ одной изъ богатѣйшихъ приволжскихъ губерній являлся инспекторъ народныхъ училищъ. Это былъ одинъ изъ неизвѣстныхъ тружениковъ, никогда не идущихъ далѣе скромнаго мѣста и ничтожнаго, едва хватающаго на пропитаніе, жалованья.

Въ одно и то же время инспекторъ былъ просвѣтителемъ края, строителемъ училищъ, архитекторомъ; вѣчнымъ просителемъ, навойливо, но въ большинствѣ случаевъ тщетно вымаливавшимъ у земства лишній грошъ на школы; руководителемъ основанныхъ земствомъ при городскомъ приходскомъ училищѣ курсовъ; добрымъ гениемъ учителей и учительницъ, не разъ спасавшимъ ихъ

отъ крайней нужды и безвыходнаго положенія, но чаще всего поставленнымъ въ полнѣйшую невозможность оказать какую-либо помощь своимъ бѣдствующимъ и за частую голодавшими подчиненнымъ, и въ то же время только-что не почтальономъ, такъ какъ на долю его выпадала обязанность вѣчно скандалить на перекладахъ, по нашимъ проселкамъ, замерзать во время зимнихъ морозовъ и метелей, утонать въ весеннихъ заморозкахъ, голодать и угорать на такъ-называемыхъ вѣзкахъ и т. д. Онъ уже три года скандалъ, голодалъ, угоралъ, замерзалъ, рисковалъ жизнью и здоровьемъ; по цѣлымъ мѣсяцамъ не видалъ своей семьи; раскидался на земскихъ собраніяхъ, выманивалъ гроши; строилъ школы, возился съ плутами-подрядчиками, угрожалъ разжирѣвшимъ волостнымъ старшинамъ крайними мѣрами, въ существованіи конкъ и самъ сомнѣвался, руководилъ курсами, выслушивалъ жалобы голодающихъ учителей, утѣшалъ одну нервную учительницу, въ известное время регулярно являвшуюся къ нему поплакать и, при всей окружавшей его неурядицѣ, при всемъ физическомъ и моральномъ утомленіи, умудрился не только сохранить врученный ему свѣтъликъ—не дать ему окончательно потухнуть, но даже, при самыхъ ничтожныхъ средствахъ, подготовить и сформировать первыхъ учителей и учительницъ народныхъ школъ, болѣе или менѣе удовлетворявшихъ современнымъ требованіямъ. Наблюдая дѣятельность инспектора, я не разъ дивился его энергіи и выносливости. Бывало, сидишь въ теплой покойной комнатѣ, прислушиваясь въ нестерпимому завыванію метели, гулявшей по степному раздолю, ставни скрипятъ, въ стекла мечетъ крупными хлопьями снѣга. Въ комнатѣ темно, читать нельзя... тоска... Но вотъ, подъ самымъ окномъ прозвенѣлъ колокольчикъ, я уже въ прихожей, радъ гостю, а предо мною, весь занесенный снѣгомъ, съ обледевшими бакенами и посинѣвшими отъ холода лицомъ, стоитъ инспекторъ. Начинаются заботы о томъ, чтобы скорѣе обогрѣть и успокоить путника, но тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, быстро ходитъ по комнатѣ, расправляя свои окоченѣвшіе члены, а самъ уже заводитъ разговоръ о школьномъ дѣлѣ, о своихъ наблюденіяхъ, надеждахъ, и продолжаетъ свой рассказъ во время чая, обѣда, вечера. Казалось, ничто не могло возмущать и огорчать этого человека, онъ не замѣчалъ ни своего одиночества среди общаго тупого равнодушія, ни своего крайняго безсилія, ясно бросавшагося въ глаза каждому посторонняго наблюдателя. Онъ никогда не ропталъ, не оробѣлъ и не впадалъ въ уныніе, а такую выносливость и силу можетъ дать

только одна безграничная, доходящая до самозабвенія преданность къ дѣлу.

Нѣсколько ранѣе инспектора, въ наивнѣе захолустный мѣстечекъ, не пользовавшійся официальнымъ положеніемъ, никѣмъ не призванная, никѣмъ не поощряемая къ дѣятельности, не жившая грозна за душой, въ одно и то же время борознившаяся съ крайней нуждой и при всѣхъ этомъ пробуждавшая вниманіе нашего соннаго общества къ темному, все еще остававшемуся въ нервобитномъ дѣловомъ состояніи, чувашскому населенію нашей губерніи. Этотъ мало оцѣненный, мало извѣстный дѣтель, чувашъ по происхожденію, невѣроятными усиліями выбился изъ темной чувашской деревушки на свѣтъ божій. Онъ началъ съ народной школы и кончилъ университетомъ. Но, подвигаясь впередъ, кое-какъ перебиваясь уроками и вынося то, что надо силу одному жалѣзю, онъ ни на минуту не расставался съ мыслью служить просвѣщенію своихъ собратій, и непонятнымъ образомъ, еще бывши гимназистомъ, успѣлъ вызвать изъ добрей шѣскольکو чувашскихъ мальчишекъ и открыть въ нашемъ городѣ первую чувашскую школу. Какимъ образомъ существовала эта вновь открытая школа, тѣмъ продовольствовались юные дѣтеныши, на какія средства добывались книги и всѣ необходимыя учебныя пособія, — все это принадлежитъ къ области загадочнаго, если не чудснаго, и возможнаго только на Руси, — между тѣмъ какъ намъ достоверно извѣстно, что вновь открывшаяся школа содержалась единственно средствами бѣдняка-гимназиста до тѣхъ поръ, пока наконецъ не поддержали ее земство, министерство, и наконецъ частная благотворительность. Чудеснымъ образомъ возникшая школа подготовила первыхъ дѣйствительно полезныхъ учителей для чувашскихъ селеній; а ея основатель, при всѣхъ своихъ университетскихъ занятіяхъ и необходимыхъ для существованія урокахъ, продолжалъ заботиться о своей школѣ, и съ немалымъ трудомъ занимался переводомъ книгъ религіознаго содержанія на чувашскій языкъ.

Наконецъ, новое вѣяніе, наперекоръ всевозможнымъ китайскимъ стѣнамъ и общей спячѣ, стало проникать и въ наше захолустье. Это время совпадаетъ со временемъ особеннаго возбужденія и движенія въ пользу народнаго образованія въ Петербургѣ и его высшихъ сферахъ, — съ пріѣздомъ барона Корфа въ столицу, съ его диспутами, надѣлавшими столько шуму и вызвавшими такъ много толковъ и участія въ сельской школѣ. Все это тѣмъ не менѣе, хотя и въ слабой степени, отразилось и въ нашей, удаленной отъ центровъ глухой мѣстности. Начальникъ

губерн, до сихъ поръ болѣе нежели равнодушный къ просвѣ-
щеннымъ затѣямъ, горячо и краснорѣчиво высказался въ пользу
народнаго образованія при открытіи губернскаго земскаго со-
бранія. Бывшій предсѣдатель училищнаго совѣта, такъ долго и
равноство отстаивавшій безграничность и находявшій возможность
для экономіи изъ 100 рублей, жертвуемыхъ земствомъ на
купи пивовъ, подчинился новому вѣянію, добровольно уступилъ
свое мѣсто другому лицу, обладавшему рѣдкой способностью
дѣйствовать для общаго блага и непоколебимой твердостью нрав-
ственныхъ правилъ. Новый предсѣдатель брался за дѣло вполнѣ
иначе болѣе просто, безъ всякихъ фразъ и предвзятыхъ направ-
леній, руководствуясь единственно требованіями своей искренней
и честной натуры. Принимаясь за дѣло, онъ тотчасъ же стано-
вился чернорабочимъ, отбрасывалъ въ сторону обще-употребитель-
ный предсѣдательскій тонъ и съ полнѣйшей заботливостью и
вниманіемъ относился къ своимъ товарищамъ и подчиненнымъ.

Небывалое оживленіе тотчасъ же проявилось въ дѣйствіяхъ
училищнаго совѣта, до сего времени существовавшаго единствен-
но для перевода бумаги и какой-то, никому не нужной, систе-
матизированной жи. Заявлялись инны, болѣе искреннія и теп-
лыя отношенія не только между членами совѣта, но и между
всѣми труженниками школы. Атмосфера искренности митомъ оду-
шила всѣхъ и каждого, насильно вторгаясь даже туда, гдѣ онъ
не хотѣлъ знать, гдѣ давно уже отвыкли дышать этой атмосферой.

Въ первомъ же земскомъ собраніи средства школы были зна-
чительно увеличены, въ составъ совѣта были приглашены три
новые члена, готовые не только подписывать бумаги, но и думать
по школамъ, не справляясь о томъ, изъ какихъ источниковъ бу-
дутъ покрываться расходы обозрѣвателей. Въ недалекомъ буду-
щемъ былъ предположенъ учительскій съѣздъ. Всѣ принялись за
новое дѣло съ свойственной русскому человеку на первыхъ по-
рахъ горячностью, и все быстрѣе и быстрѣе заворачивалось только-
то пущенное новое колесо.

Согласно постановленію училищнаго совѣта, были опредѣлены
на учительскія должности въ уѣздѣ нѣсколько только-что выпу-
щенныхъ воспитанниковъ педагогическихъ курсовъ, бывавшихъ при
уѣздномъ училищѣ. Это были первые учителя новаго типа, люди
еще молодые, вполнѣ порядочные, сложившіеся подъ вліяніемъ
инспектора и бравшіеся за дѣло не какъ ремесленники, а какъ
люди понимающіе святость своего призванія и искренно увлечен-
ные своей обязанностью.

До выступления новыхъ дѣятелей положеніе сельскихъ учите-

лей было въ высшей степени фальшивое, такъ-сказать не получившее права гражданства. Высшее общество не хотѣло знать сельскаго учителя, какъ не хотѣло знать какого-нибудь сторожа или писаря, и ставило его на одну доску съ послѣдними. Крестьяне также сторонились отъ учителя, считая его чѣмъ-то необходимымъ только для вышшаго начальства, для выставки и парада, наравнѣ съ негодными, но постоянно стоящими на виду пожарными инструментами, насильственно насаженными вдоль улицы деревьями и тому подобной роскошью. Ко всему этому, волостное начальство и священники считали себя въ правѣ распоряжаться сельскимъ учителемъ какъ своимъ подчиненнымъ, что уже не имѣло смысла въ отношеніи новыхъ учителей, нисколько не похожихъ на звѣрообразныхъ, пьяныхъ и алчныхъ учителей стараго зачала. Теперь прежнія отношенія были уже немислимы, а между тѣмъ новыя еще не сложились, и потому сумбуръ выходилъ невообразимый. Сегодня учитель стоитъ въ прихожей помѣщика средней руки и ждетъ доклада, завтра тотъ же самый учитель гоститъ у титулованнаго землевладѣльца и становится предметомъ вниманія его семьи; сегодня вѣчно ораторствующій и мало дѣлающій губернской тузъ выпрашиваетъ себѣ хорошую и приличную учительницу, а завтра предлагаетъ ей общество своихъ горничныхъ, и наконецъ оставляетъ сидѣть въ школѣ съ такими щелями, сквозь которыя проносятся зимніи мители. Такимъ образомъ, учителя и учительницы новаго типа были еще явленіемъ новымъ въ глуши, какимъ-то дорогимъ украшеніемъ, съ которымъ не знаютъ что дѣлать, — поставить ли его съ почетомъ на столъ, или же бросить на полъ и вытирать объ него ноги. Чтобы рельефнѣе изобразить положеніе сельскаго учителя новаго типа, среди окружавшей его, но уже обставившей обстановки, мы позволимъ себѣ привести небольшой отрывокъ изъ замѣтокъ учителя, случайно попавшихъ въ наши руки:

«Школа, въ которой я началъ свою дѣятельность, помѣщалась въ нижнемъ этажѣ каменнаго флигеля, верхній этажъ котораго занимался волостнымъ правленіемъ. До открытія училища нижній этажъ служилъ «арестантской», а прежде тутъ помѣщался подвалъ для огородныхъ овощей. Классная комната была довольно просторна, но такъ темна, что съ заднихъ лавокъ невозможно было видѣть, что писалось на доскѣ. Ко всему этому, интустурна обвалилась; каждый вечеръ стѣны покрывались сверчками, а по полу подвала прыгали лягушки. Меня привѣтливо встрѣтилъ волостной старшина съ неизбежнымъ полуштофомъ и соевымъ огурцомъ для закуски. Собралась компанія; мнѣ хо-

тѣмъ скорѣе осмотрѣть и принять училищную библіотеку, а ниже гости возражали, что прежде всего надо познакомиться, дѣло же не медѣль,—не убѣдить. Началось ученіе, во дни котораго нерѣдко появлялся волостной старшина въ пылѣхъ видѣ. Онъ тотчасъ же прерывалъ занятія, заставлялъ мальчиковъ пить или посылалъ одного изъ нихъ за виномъ и распоясывался бражничать въ классѣ. Такихъ случаевъ было не мало, и все это продолжалось съ цѣлью вызвать меня на пріятельскія бесѣды и хорошія отношенія. Но такъ какъ я продолжалъ удалиться, то взглядъ на меня установился опредѣленный: «кто его знаетъ, какой человѣкъ, учить по новому, не знай какъ, вина не пить, нигуда не ходить, въ себѣ не зоветь. А давайте-ка имъ его пробирать». Вскорѣ мнѣ перестали давать достаточно дровъ, то-есть пробирали холодомъ, а потомъ и голодомъ, такъ какъ всячески старались задерживать выдачу жалованья. 17 іюня производился экзаменъ; экзаменовалъ мѣстный благочинный, въ присутствіи старшины, причемъ все вниманіе было обращено на близость чтенія. Понималъ ли ученикъ прочитанное, умѣлъ ли объяснить что-либо изъ окружающаго міра,—все это казалось экзаменаторамъ излишнимъ. Священникъ постоянно говорилъ о томъ, чтобы ввести ланкастерскую методу и, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ людей, поднимать на смѣхъ мои новыя педагогическія приемы.

«По распоряженію училищнаго совѣта, меня перевели въ другое селеніе, гдѣ вновь открытая школа была передана въ заведеніе управы. Ученики были распущены, школьное помѣщеніе не отапливалось, а волостное правленіе не считало себя въ правѣ купить дровъ безъ разрѣшенія управы; и мнѣ долго-бы пришлось мерзнуть, если-бы я не догадался съѣздить въ городъ за разрѣшеніемъ. До моего пріѣзда обученіемъ занимался священникъ, а самое обученіе ограничивалось чтеніемъ вслухъ, или списываніемъ съ книгъ. Въ отсутствіе же священника надворъ поручался солдату-сторожу, который занималъ своихъ воспитанниковъ маршировкой или внезапными тревогами; въ послѣднемъ случаѣ онъ внезапно влеталъ въ школу съ крикомъ: «а кто скорѣе сбѣгаетъ въ кабакъ за восушкой!» и ученики стрѣлой мчались по улицамъ, перегоняя другъ друга. По окончаніи учебнаго времени я подалъ списокъ необходимыхъ пособій, но это вызвало такую бурю со стороны случившагося въ правленіи управы, что я окончательно растерялся, такъ какъ, начиная свое поприще, я сочинилъ себѣ другихъ людей, и мнѣ все сіе не спало, чтобы членъ управы могъ сместиться до та-

вой степени вследствие того, что понадобилось нѣсколько рублей на школу. Вообще я сталъ чаще задумываться надъ своей будущію, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вѣлостное начальство отказалось мнѣ выдавать жалованье, подождавъ казеннаго распоряженія управы. А когда я принялся хлопотать въ управѣ, то получилъ отъ вѣлостнаго начальства тѣмъ несправедливѣе и названіе ябедника.

«Классная комната, безъ форточекъ, была такъ низка, что я не могъ выпрямиться, и въ тому же слышномъ тѣсна для помѣщенія 40 мальчиковъ. Воздухъ былъ невозможный для дыханія, а рядомъ съ классомъ, въ сѣняхъ, складывались и рубились дрова, такъ что мнѣ приходилось постоянно надирать грудь и горло, чтобы заглушить стукъ топора. Не менѣе тягостно было соседство вѣлостнаго правленія, занимавшаго верхній этажъ дома. Такимъ образомъ, при ночлегѣ въ правленіи кого-либо изъ чиновниковъ запрещалось не только пѣть молитвы, но даже читать вслухъ. Въ первый разъ такое распоряженіе смутило меня до крайности; однажды, совершенно забывши о чиновникѣ, ночевавшемъ въ правленіи и заспавшемся до 9 часовъ утра, я съ учениками запѣлъ молитву — и получилъ за это «дурака». Во время сходовъ масса крестьянъ приходила въ школу грѣться, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, это не могло мѣшать школьному дѣлу. Нерѣдко появлялись сельскія власти съ папирсой въ зубахъ и только за тѣмъ, чтобы послать куда-нибудь мальчика вѣсто отлучившагося сторожа. Но болѣе всего страдалъ я въ своемъ душномъ темномъ классѣ, когда въ соседствѣ, т.-е. въ вѣлостномъ правленіи, приводились въ исполненіе рѣшенія схода: «ба-тюшки, отцы родные, старички! помилосердствуйте! другу и не другу заказу!.. Ай, ай, ай — ааааа!!» цѣлый часъ раздавался въ классѣ; а тамъ слышались плачь и рыданіе вырослаго человѣка, часто старика, что производило на меня какое-то особенное потрясающее дѣйствіе; помертвѣвшіе отъ страха ученики дрожать какъ листъ, а я стою среди класса растерянный, опустивъ руки и голову. Случалось и такъ, что весь классъ поднимается на молитву, какое-то блаженное настроеніе овладѣваетъ и мной, и моими питомцами, — только-бы пѣть, а тутъ вдругъ надъ головою поднимается невообразимая возня, точно лошадиное стадо прыгало, скакало и хохотало въ одно и то же время — это сельскія власти тѣшились; молиться невозможно, и стройное дѣтское пѣніе заглушается шумомъ совершающагося наверху дѣлаго шабаша.

«Селаніе находилось въ безлѣсной мѣстности; построили шко-

их, и жители все еще не могут справиться послѣ давно уже прошедшаго пожара. При школѣ помѣщенія не было, и волей или неволей пришлось устроиться въ кельѣ отставнаго солдата, и молу въ ней отъ тѣсноты и присутствія животныхъ было явнѣе, что у свѣжаго человѣка голова шла кругомъ и ноги подкашивались. Мнѣ пришлось дышать какой-то медленной отравой — и въ школѣ, при классныхъ занятіяхъ, и у себя дома, во время отдыха. Я терпѣлъ, старался притерѣться, но потомъ не выдержалъ, и заболѣлъ».

IX.

Радости и тревоги нашего прихода.

Нашъ приходъ отличался великолѣпнымъ черноземомъ, постоянными урожаями, крайнимъ излишествомъ кабаковъ, весеннихъ зажоровъ, лѣтнихъ пожаровъ, осеннихъ свадебныхъ и правдивныхъ оргій, зимнихъ метелей и одуряющей скуки. Кругомъ ни сосѣдей, ни знакомыхъ, ни одного мыслящаго, даже грамотнаго человѣка, за исключеніемъ священника и причетниковъ, депиншихся до ужасающаго и вмѣстѣ отталкивающаго идиотизма. Между помѣщиками не только крупными, но даже средней руки, клялись уже тяготѣніе въ столицамъ и — «Dahin, dahin, wo die Strolchen blühen». Даже мелкота и та забывала на зиму окна и двери своихъ домовъ, чтобы перебраться въ губернский городъ и насладиться «Пѣвчими птичками» и «Маленькимъ Фаустомъ». Много энергіи и силы воли нужно имѣть одинокому человѣку, заброшенному въ такое захолустье, чтобы не опуститься, не ступить и въ концѣ-концовъ не превратиться въ дикаго попицка, тѣмъ болѣе, что старая широкая жизнь съ вѣчно раскатыми объятіями добрыхъ сосѣдей, псарнями и конскими заводами, устроенными съ единственной цѣлью наполненія празднаго времени — все это безвозвратно рухнуло, а новый строй сельской жизни не только не сложился, но даже неизвѣстно когда и какимъ образомъ сложится.

Въ скоромъ времени нашъ въ конецъ опустившійся пастырь произвелъ нѣчто до такой степени соблазнительное въ приходѣ, что, не дожидаясь заслуженной кары, добровольно помѣнялся мѣстами съ священникомъ сосѣдняго селенія. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бездѣтный, съ угловатыми манерами, высокимъ лбомъ, несвѣченнымъ мелкими морщинами, далеко болѣе сдержанный, нежели его предшественникъ, но на первый разъ неизмѣнный

ничего привлекательнаго и симпатичнаго. Отъ нврѣдка и только по необходимости являлся въ мою усадьбу, чтобы насворе отслужить молебень и тотчасъ же раскланяться и удалиться. Ясно было, что новыи священникъ принадлежалъ къ людямъ нѣсколько одичавшимъ и несообщительнымъ. Года два тянулись отношенія какъ нельзя болѣе неопредѣленныя; но священникъ не сидѣлъ сложа руки, а съ величайшей энергіей, среди безчисленныхъ препатствій, принялся за постройку новой просторной церкви, вмѣсто старой, вросшей въ землю и грозившей паденіемъ. Наконецъ, безвыходное уединеніе и мертвящая скука взяли свое и волею или неволею заставили священника обратиться ко мнѣ за книгами и газетами, а потомъ сама собой явилась потребность поговорить о прочитанномъ, подѣлиться мыслями и живымъ словомъ. Наши свиданія участились, и мы уже вмѣстѣ слѣдили за тѣмъ, что совершалось въ нашемъ отечествѣ, съ тѣмъ крайнимъ любопытствомъ, которое чаще всего встрѣчается въ самыхъ отдаленныхъ заголустяхъ. Но болѣе всего увлекало насъ движеніе швольнаго дѣла въ екатеринославской губерніи. Мы добились доклады александровскаго училищнаго совѣта, нзумлялись достигнутымъ результатамъ, проникаясь самымъ искреннимъ уваженіемъ къ дѣятельности барона Корфа и его сотоварищей. Высокій, покрытый морщинами лобъ священника понемногу сглаждался, омрачаясь только въ тѣ тяжелые дни, когда мирное теченіе нашей жизни прерывалось невообразимыми подвигами причетниковъ стараго закала, отъ времени до времени наводившихъ панику не только на священника, но и на цѣлый приходъ. Бѣдный настырь по нѣскольку дней высиживалъ, запершись въ своемъ домѣ, осаждаемомъ безумно-буйнымъ и пьянымъ дьячкомъ; а прихожанамъ случалось по цѣлымъ мѣсяцамъ содержать въ высшей степени стѣснительный въ рабочее время караулъ при отцѣ дьяконѣ, оставившемъ по себѣ какія-то сказочныя воспоминанія въ приходѣ.

Вышло положеніе о приходскихъ попечительствахъ. Сосѣдніе настыри приняли положеніе, расписались въ полученіи и положили его подъ спудъ; но нашъ священникъ не усповоился до тѣхъ поръ, пока не залучилъ въ члены попечительства болѣе трезвыхъ стариковъ и не убѣдилъ ихъ собираться въ его домъ для совѣщанія о дѣлахъ прихода. Послѣдствіемъ этихъ сборищъ и продолжительныхъ, но по болѣеи части безмолвныхъ чаепитій въ крошечной вріемной священника, было неожиданное одушевленіе попечителей по случаю двухъ пожаровъ, случившихся въ нашемъ приходѣ. Священникъ и попечители выбились изъ силъ,

собирая на погорѣвшихъ деньгами и хлѣбомъ, и результаты работы оказались такъ нельзя болѣе утѣшительны.

Это были первые шаги священника на новомъ пути. Но разъ отдѣлившись отъ обычной жизни мѣстныхъ священниковъ, онъ уже не могъ вернуться назадъ, не могъ отказаться отъ стремлений продолжать свою полезную дѣятельность, и возмечталъ объ устройствѣ приходской школы, на первый разъ пріютившейся въ его домѣ. Вскорѣ оказалось, что помѣщеніе было слишкомъ тѣсно и неудобно, что матушка по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ неодобрительно смотрѣла на крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, вторгавшихся въ ея кухню, а священникъ рѣшительно не имѣлъ времени заниматься всѣми предметами въ школѣ,—пришлось подумать о новомъ, отдѣльномъ помѣщеніи и объ учителѣ. Послѣ усиленныхъ хлопотъ и возни, на сельской площади, рядомъ съ церковью, появился небольшой домикъ, крытый тесомъ и раздѣленный на двѣ половины; а вслѣдъ затѣмъ совершенно неожиданно, точно съ неба свалился и искомый нами учитель. Это былъ сынъ бывшаго двороваго, живописецъ по профессіи, маленький, худенькій человекъ, повидимому, весьма скромный, тихій, любознательный, но, къ сожалѣнію, малограмотный. Рѣшивъ, что любознательный живописецъ будетъ полезнымъ учителемъ, священникъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, принялся готовить будущаго педагога, и въ продолженіи цѣлаго года не разставался съ своимъ питомцемъ, оказавшимся до крайности прилежнымъ и усидчивымъ. Заботы священника увѣнчались полнымъ успѣхомъ, такъ какъ его питомецъ не только выдержалъ экзаменъ на сельскаго учителя, но даже обратилъ на себя вниманіе инспектора.

Съ этого времени прошло не болѣе четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ новорожденная школа и общее положеніе дѣлъ нашего прихода, все это вмѣстѣ взятое—взмѣнилось и расширилось до такихъ размѣровъ, о которыхъ намъ и во снѣ не снилось вначалѣ: вмѣсто небольшого домика возлѣ церкви стоитъ двухъ-этажная школа, снабженная всѣми существующими учебными пособиями и хорошей библіотекой, вмѣщающая ежегодно не менѣе 60 учениковъ, выпускавшая уже немало грамотныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, двоихъ воспитанниковъ, выдержавшихъ экзаменъ въ учительскую семинарію, и по всей вѣроятности не уступающая ни одной изъ прославленныхъ и такъ сильно возбуждавшихъ наше изумленіе александровскихъ школъ. Но это еще не все: при школѣ вотъ уже третій годъ, какъ возникло судо-сберегательное товарищество, а наши сельскіе дѣятели,

то-есть священникъ и учитель, продолжая неутомимо учить и учиться, получили извѣстность лучшихъ преподавателей въ уѣздѣ.

Спустя годъ послѣ открытія школы, обстоятельства потребовали непродолжительнаго отсутствія моего изъ селенія, что тогда же отразилось на дѣлахъ прихода. Письма священника и учителя были наполнены жалобами на противодѣйствія со стороны членовъ волостного правленія и примыкавшихъ къ нимъ миродовъ, возмущенныхъ насильственнымъ вторженіемъ школы, нарушавшей обычный порядокъ жизни нашего захолустья. Эти гоненія кончились тѣмъ, что въ волостномъ правленіи составленъ былъ приговоръ, которымъ родители первыхъ воспитанниковъ школы не допускались на сельскіе сходы, какъ люди вредные для общества. Такъ или иначе, но школа уже вносила свѣтъ въ темное царство и отбивала у волостного правленія привычку какаго-то хранилища и вмѣстилища грамотности въ приходѣ. Наконецъ, самое появленіе учителя становилось уже въ тягость мѣстнымъ властямъ и миродамъ, какъ присутствіе каждаго непрощеннаго грамотнаго, а главнымъ образомъ, трезваго человѣка. Съ самаго перваго дня, 19-го февраля, невѣжественный, но ловкій волостной писарь, посвятивъ нашихъ прихожанъ во всѣ порядки новаго самоуправленія, тотчасъ же захватилъ въ свои чуждыя руки кормило правленія, продолжая руководить общественными дѣлами и до настоящаго времени. Къ всемогущему писарю работяшно применили безграмотный, ничего не-смыслящій старшина, сельскіе старосты, нѣсколько зажиточныхъ стариковъ и наконецъ мѣстный сидѣлецъ, даже не одинъ, а болѣе кабатчиковъ, посвященныхъ во всѣ мелочи общественныхъ интересовъ. Что продолжало все это скопище, сколько старшинъ снилось съ круга; сколько общественныхъ денегъ растрачено попустому; какъ расправлялись судейскіе и что за оргіи водворились въ нашемъ приходѣ—объ этомъ не встаетъ было бы здѣсь распространяться, и если я отчасти коснулся сельскаго самоуправления, то далеко не съ той цѣлью, чтобы проповѣдывать надзоръ образованныхъ и имущихъ людей за порядкомъ и законностью въ глуши. Существовала въ нашемъ приходѣ другая партія, всячески сторонившаяся отъ скопища, примкнувшаго къ волостному правленію. Это были по большей части крестьяне, не отличавшіеся зажиточностью, но обладавшіе безграничнымъ трудолюбіемъ и смирениемъ и молча страдавшіе отъ безпорядковъ и существовавшаго хаоса.

А между тѣмъ скопище продолжало свои наступательныя дѣйствія противъ новорожденной школы, всячески стараясь на-

долить учителю. Тотчас же завязались самыя дѣятельныя сношенія между церковнымъ сторожемъ и сконинцемъ, внушавшимъ сторожу, что онъ нанятъ міромъ, служить міру и потому ни сколько не обязанъ рубить дрова и топить школу, въ которой помѣщалась и церковная сторожка. Сторожа звали Арефьей. Это былъ лѣнливый бобыль, съ широкимъ лбомъ и круглой, морщинисто-журчавой головой, всегда спущенной внизъ и живо напоминавшей голову хитраго быка, вѣстимо готового бодать и зѣваться. Онъ никогда и ни съ кѣмъ не вступалъ въ разговоры, а только злобствовалъ въихомолку, не спуская своихъ маленькихъ красныхъ глазъ съ нашего тѣлешушного и подвижного учителя, какъ-бы раздумывая и выбирая такое мѣсто, куда бы было доуще и болѣе пырнуть его. Единственнымъ занятіемъ Арефы было вѣчное лежаніе на печи, рѣдкое позваниваніе въ церковный колоколъ, отыскиваніе поводовъ къ новымъ стычкамъ съ ненавистнымъ учителемъ, а главнымъ образомъ подслушваніе чужихъ разговоровъ, для немедленной передачи своему единственному начальнику — міру.

Въ свою очередь учитель, видимымъ образомъ искудавшій и обессиленный за время моего отсутствія, приносилъ жалобы на своего гонителя, весьма основательно доказывая, что ему не подѣ ему въ одно и то же время рубить дрова, топить печи, мести дворъ, ежедневно пролагать въ глубочайшихъ сугробахъ новую тропу для своихъ питомцевъ и въ тоже время обунать грамотъ 30-ти мальчиковъ и нѣсколько дѣвочекъ. Но, въ счастіе для дѣла, учитель вовсе не принадлежалъ къ людямъ, избалованнымъ жинцою, а напротивъ того, былъ закаленъ въ борьбѣ съ нуждой и испытаніяхъ всякаго рода; къ тому же, въ началѣ своей дѣятельности онъ былъ совершенно неопытенъ школой и даже школы и своихъ обязанностей ничего не зналъ, и не хотѣлъ знать.

Въ непродолжительномъ времени священнику какимъ-то чудомъ удалось вымолить у крестьянъ согласіе на пожертвоу строительнаго матеріала, и помѣщеніе школы было значительно расширено. А съ тѣхъ поръ, какъ въ нашемъ селеніи завелась просторная, свѣтлая и опрятная комната, увѣшанная множествомъ картинъ, снабженная библиотекой и во всякое время доступная для крестьянскихъ мальчиковъ, — съ этого дня школа сдѣлалась любимымъ мѣстопробываніемъ и сборищемъ дѣтей не только во время уроковъ и послѣ нихъ, но и въ праздничные дни.

Пришла осень, а вмѣстѣ съ ней нескончаемыя свадьбы и фельсіе праздники, обыкновеннымъ послѣдствіемъ которыхъ являются драки, буйства и увеличеніе уголовныхъ дѣлъ.

Въ ожиданіи разбирательства, начинавшася съ 12-ти часовъ, направляеиъся въ школу: все тотчасъ же всеочио съ мѣстъ, отсюду тянутся впередъ взъерошенные блѣкुरны головы, и эти свѣжіе звонкіе голоса, эти ласковыя, веселыя лица въ мигъ разгоняють всякую тучу, всякую хандру. Началось ученіе: все идетъ до такой степени живо, одушевленно, что вы невольно охвачены и поражены массой смѣтливости, ума, даровитости дѣтей, взятыхъ прямо отъ цѣпа и бороны. Уроки кончены; стройно мягкими дѣтскими голосами пропѣта молитва, все съ шумомъ поднимается и окружаетъ учителя; онъ уже притиснуть къ шкафу, и едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы и раздавать на домъ книги. Точно дробь посыпалась съ лѣстницы, ведущей въ школу, и по зеленой сельской площади въ припрыжку мчится живая, смѣющаяся и неумоляемо щебечущая толпа дѣтей съ холщевыми сумками черезъ плечо, и все это вмѣстѣ дышетъ такой заразителной веселостью, противъ которой нѣтъ возможности устоять, которую уносите съ собой въ камеру, гдѣ уже ожидается масса народа.

Другая картина, другая сторона сельской жизни: передъ вами до 50-ти человѣкъ крестьянъ, крестьянонь, отставныхъ солдатъ, солдатокъ, сидѣльцевъ, запятаныхъ причетниковъ и т. д., и т. д.; и между 50-ю согражданами вашими нѣтъ ни одного сохранившаго человѣческой образъ и подобіе, и вы наблюдаете одиѣ обезображенныя лица, подбитыя глаза, синяки, выдавшіеся впередъ и невѣроятно раздувшіеся скулы, кровавыя пятна и фонари, фонари безъ конца. Изъ свидѣтельскихъ показаній оказывается, что свалка, случившаяся на престольномъ праздниѣ, началась въ питейномъ, потомъ перешла на улицу, а тамъ охватила все селеніе, обыватели всего, раздѣлившись на двѣ стѣны, пустили въ ходъ не только кулаки и колья, но и желѣзныя 2-хъ-фунтовые гири, причемъ выбито безчисленное множество зубовъ, вырвана масса мужскихъ и женскихъ волосъ, тутъ же лежавшихъ передъ вами, рядомъ съ 2-хъ-фунтовыми гирями.

Вы еще испытываете тяжелое впечатлѣніе, а вамъ уже приходится разбирать жалобу «объ откушенномъ у отставнаго бомбардира Баскакова носѣ»; затѣмъ изъ публики высовывается физиономія, при одномъ взглядѣ на которую вы чувствуете себя совершенно потеряннымъ, — передъ вами какое-то странное кровавое пятно съ едва замѣтными признаками глазъ.

— Кто это тебя? — спрашиваетъ вы.

— Да, почестъ, все село прикладывалось! — равнодушно отвѣ-

часть потерявшихъ, и тотчасъ же, не торопясь, излагаетъ суть дѣла.

Тутъ начинается цѣлый рядъ дѣлъ объ угрозахъ краснымъ плутохъ; только и слынится: «переселю, перестрою, помните да не забудьте; улю я вамъ шей, не выхлебаете» и т. д.; и предъ вами выясняется положеніе одного сосѣдняго селенія, гдѣ уже десятки лѣтъ сряду танутся нескончаемые пожары отъ такъ-называемыхъ неизвестныхъ причинъ, гдѣ все населеніе живетъ въ постоянной тревогѣ, точно въ сосѣдствѣ съ неприятелемъ, гдѣ домашняя рухлядь вѣчно уложена; гдѣ лошади выводятся на ночь въ конюшню, и обыватели всегда, какъ говорится въ простонародьи, на-чюку, чтобы успѣть высочить въ случаѣ пожара.

Вы утомлены; рады, что добрались до гражданскихъ дѣлъ, но и тутъ не легче,—нѣтъ спасенія отъ такъ-называемыхъ вѣрныхъ выраженій, и весьма рѣдкое исковое прошеніе не оканчивается такимъ образомъ: «и, выругавъ меня такими-то словами, отъ уплаты слѣдующихъ мнѣ денегъ отказался».

— Жаль мнѣ стало своихъ денегъ, показываетъ истецъ: ну, я и пошелъ въ Бесѣдову, говорю: отдай деньги. Онъ пускай сейчасъ выругавъ меня такими-то словами и говоритъ: нѣтъ тебѣ денегъ. Явилъ старостѣ, тотъ сейчасъ разстроилъ меня какъ можно хуже, и т. д.

Выступаютъ на сцену управляющій и крестьянинъ, отыскивающій двѣ телеги овса, по ошибкѣ попавшія на барское гумно. Казалось-бы, тутъ уже все должно обойтись благополучно, такъ какъ управитель отличался какъ нельзя болѣе приличнымъ видомъ:

— Я тебя и не видалъ совсѣмъ,—говоритъ управляющій.

— А кто же выругавъ-то меня, когда я пришелъ на барскій дворъ?—ласково, нисколько не волнуясь, возражаетъ крестьянинъ, и въ ушахъ вашихъ снова раздаются слова, отъ которыхъ нигде не уйдешь на Русь святой.

Наслушавшись всякой ругани, посмотрѣвшись на всевозможныя увѣчья и не предвидя конца окружающему безобразію, немалымъ образомъ увлеченный школой и только отъ нея одной ожидаешь спасенія нашего захолустя.

А между тѣмъ, благодаря содѣйствію священника, наша школа успѣла занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ уѣздѣ, и такимъ образомъ привлечь вниманіе училищнаго совѣта и сосѣдей. Въ одно прекрасное утро въ школу подѣхало нѣсколько самей, возбуждавшихъ волненіе сельскихъ властей, отвыкшихъ отъ всякихъ внезапныхъ наѣздовъ. Это былъ предсѣдатель совѣта,

инспекторъ и нѣсколько сосѣдей, въ числѣ которыхъ замѣтается одинъ заклятой ненавистникъ школы.

Удѣлъ былъ починъ. Мальчики перажили бойкостью и разувностью своихъ отвѣтовъ, особенно старшее отдѣленіе, состоявшее изъ восьми весьма даровитыхъ учениковъ. Въ присутствіи сельскихъ властей и родителей, преподаватель выразилъ самую искреннюю благодарность священнику и учителю. Нравственный школъ тоже не уберется отъ теплаго, пріятнаго настроенія, завѣтнаго школей, и до такой степени забылъ свою напускную роль хранителя невѣжества, что на другой же день, по возвращеніи домой, пригласилъ большую семью гребусъ въ подарокъ школъ.

Послѣдствіемъ перваго осмотра школы было ослабленіе враждебно-накаго отношенія сельскихъ властей къ школъ и нѣкоторые признаки небывалой нѣжности родителей къ дѣтми, навѣщавшимъ школу.

Наступило 25-е декабря, день престольнаго праздника въ нашемъ селеніи. Приближеніе этого торжественнаго дня всегда вызывало во мнѣ, хорошо знакомое каждому обитателю захоластья, чувство тревожнаго и томительнаго ожиданія, какого-нибудь несчастія или чего-нибудь выходящаго изъ ряда вонъ по своему безобразію. Съ ранняго утра со всѣхъ сторонъ потянулись въ селенію нескончаемыя вереницы саней съ родственниками и знакомыми нашихъ прихожанъ. Обѣда кончена; широко растворились двери трехъ пительныхъ заведеній; тотчасъ же раздался нѣсенъ, и на улицахъ появились толпы пьяныхъ, взявшихся за руки и медленно, пошатываясь, совершавшихъ увеселительныя прогулки подъ рядъ изъ одной избы въ другую. Входы открыты званому и незваному; столы уставлены чашами, бутылками съ виномъ и большими чашками съ домашнимъ тивомъ. Осѣнивъ себя престнымъ знаменіемъ, усаживаются гости, ѣдятъ, воятъ, пьютъ, требуютъ еще и еще вина; наконецъ, получаютъ отказъ, негодуютъ, поднимаютъ шумъ, буйство, и нервно вины голозой вылетаютъ съ гостепріимнаго крыльца; но, нисколько не смущаясь, снова берутся за руки; затѣиваютъ нѣсни и, раскатываясь, плетутся вдоль улицы. Къ ночи престольный праздникъ представлялъ нѣчто дикое, хаотическое, и далеко равнотенно по сѣбѣ равнинамъ нѣзаное еранье, пронзительные бабы-голоса, крики побѣдителей, вопли побѣжденных и нескончаемая стонаная въ воздухѣ ругань. На чистомъ звѣздномъ небѣ всплывъ новый свидѣтель творившагося безобразія—полный серебряный мѣсяць; стало свѣтло какъ днемъ; вспыхнула и точно загорѣлась

внутренность, дружь-сташей, шпала, гдѣ уже нѣсколько дней
приготавлилась ёлка. Были шпалы, подѣлкало нѣсколько экипажей;
съ утра возмущались: и ненаходясь мѣсто, мальчики и дѣ-
вочки шумной толпой бѣгутъ по снѣгу, за ними слѣдуютъ роди-
тели, отъ кабановъ и съ улицы движутся толпы любопытныхъ.
Шпала переменилась народомъ; вонругъ стояла толпа, привле-
ченная невиданнымъ зрѣлищемъ. После раздачи подарковъ, одѣтъ
за дружину, не дожидаясь вѣнча, выходятъ мальчики, чинами
вбрания, ставя, или проговорили заученныя стихотворенія, съ
тѣмъ смысломъ и юморомъ, что несомнѣтельно публики, те-
пѣло принималась аплодировать или громко смѣяться. Вышелъ
одинъ изъ самыхъ маленькихъ учениковъ шпала: его карманы
открылись: отъ пряниковъ и всякихъ сладостей, руки заняты
только-что полученными валенками, новой шапкой и рукавицами;
такъ и вышелъ онъ, весь въ поту, красный щеками, наскоро об-
мѣнаго вонругъ шпал: не разотавляя съ доставшимся ему ве-
щью, едва двигаясь подъ ихъ тяжестью, и, въ неоправданномъ
страхѣ, что-нибудь потерять или разбить, бойко проговорилъ за-
ученную басню. Его затруднительное положеніе, его манера раз-
сказывать возбуждали еще болѣе веселость публики; смѣхъ не
умолкалъ. Въ заключеніе, дружно всѣмъ собравшимся обществомъ,
старыми и малыми, пропѣтъ народный гимнъ, и мальчики бѣжали
вдаль за тѣмъ разпущены. Буйная орда, царившая въ селе-
нѣ, на мгновеніе стихла: школьный праздникъ привнесла об-
щее вниманіе. Я видѣлъ изъ окна, какъ выспынали на площадъ
школа, размахивая въ воздухѣ полученными кушаньями и ру-
банками, какъ бросались къ нимъ на встрѣчу ихъ семейные
дѣти, потому, по всему селенію разсѣивались группы крестьянъ и
крестьянокъ, едва поспѣвающихъ за воююще мчащимися впередъ
дѣти. Невольно овладѣла мною соблазнительная мысль, что въ
этотъ минуту, Богъ знаетъ въ какой глуши, въ глуши, даже не
снѣвшейся обитателями столицъ и городовъ, во-очію совершалась
такая минутное торжество шпалы надъ дѣтми, увереннѣйшимъ
условіемъ жизни. Но когда на слѣдующій день, прогуливаясь во-
кругъ своего хутора, расположеннаго въ двухъ верстахъ отъ се-
ленія, я снова былъ ошеломленъ ясно доносившимся разгуломъ
дѣтми. Школы орды продолжалась праздная, тогда снова за-
говорило сомнѣніе, и точно чей-то насильственный голосъ спраши-
валъ: да гдѣ же тѣ самые, единичныя сны, способныя дѣлами
года, десятку лѣтъ выдерживать барабу и устоять въ ней, оста-
ваясь дѣлами и невредимыми?

Съ увеличеніемъ расходовъ на потребности шпалы и чина.

учениковъ, пришлось подумать объ увеличеніи средствъ, находившихся въ распоряженіи попечительства (тѣмъ болѣе, что крестьяне ничего не жертвовали на школу), и такимъ образомъ явилась мысль устроить ссудо-сберегательное товарищество, связавъ его со школой, такъ чтобы занятія учителя по товариществу дали возможность улучшить его положеніе, а проценты съ одновременно повертвованнаго капитала шли на необходимыя учебныя пособия и содержаніе учениковъ изъ бѣднѣйшихъ семействъ. Наши предположенія осуществились единственно благодаря энергіи священника, сдѣлавшагося въ первое время главнымъ руководителемъ товарищества.

Само собою разумѣется, что всякія попытки разъяснить прихожанамъ полезность новаго учрежденія были напрасны: никто въ цѣломъ приходѣ не понималъ въ чемъ дѣло, что, впрочемъ, не помѣшало отыскать именно столько довѣрчивыхъ пайщиковъ, сколько требовалось. Наконецъ уставъ былъ утвержденъ, и наступилъ день открытія товарищества. Не разъ попадались мнѣ газетныя статьи съ описаніями подобныхъ торжествъ, вѣроятно, писанныя рукою, много упражнявшейся въ описаніяхъ всякихъ торжественныхъ случаевъ и въ совершенствѣ владѣвшей неподражаемымъ и своеобразнымъ стилемъ губернскихъ вѣдомостей. Тутъ изображались крестьяне, съ ранняго утра стекавшіеся въ волостному правленію, и мировой посредникъ, выступившій впередъ послѣ молебствія, въ краткой, но сильной рѣчи объяснившій значеніе благотѣтельнаго учрежденія, причемъ на лицахъ добрыхъ поселянъ выражалось теплое чувство благодарности, а изъ глазъ ихъ пролились слезы умиленія. Ничего подобнаго не случилось при открытіи нашего товарищества: въ пустой школѣ былъ отслуженъ молебенъ, а понукаемый священникомъ и весьма тяжелый на подъемъ Арефій сбился съ ногъ, отыскивая кого-нибудь изъ пайщиковъ и не находя ихъ. Все шло до крайности туго, пока несчастіе не посѣтило одного сосѣдняго селенія, въ видѣ страшнаго поголовнаго скотскаго падежа. Въ первое же воскресенье послѣ этого несчастія разомъ разошлись всѣ наличныя деньги товарищества, и нѣсколько дней потомъ мимо хутора моего табулись крестьянскія сани съ привязанными и упиравшимися посади ихъ коровами. Этотъ и цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ невольнымъ образомъ расколожили меня въ пользу товарищества, заставивъ дорожить его успѣхами, а безупречная честность, положенная священникомъ въ основаніе новаго дѣла, скоро выдвинула его изъ разряда сосѣднихъ банковъ бывшаго удѣльнаго вѣдомства, существующихъ въ видѣ особой доведной статьи

могущественных правлений и преимущественно для богатых и болѣе педрихъ крестьянъ. Въ противоположность другимъ сельскимъ банкамъ, наше товарищество дѣйствовало только для общаго блага и, не стѣсняясь встрѣчавшимися препятствіями, быстро шло на пути процвѣтанія, насчитывая въ послѣднее время до 500 пайщиковъ и до 40,000 руб. въ оборотѣ.

Но такъ какъ все на свѣтѣ, а тѣмъ болѣе все совершающееся въ глуши, имѣетъ и свою обратную сторону, то эта обратная, непоказная сторона нашлась и въ настоящемъ случаѣ. Такимъ образомъ, самый уставъ видимымъ образомъ расходился съ дѣйствительностью и требованіями жизни; захолустье не могло выставить достаточно интеллигентныхъ силъ для правильнаго веденія дѣлъ товарищества, а наши пайщики оказывались слишкомъ безпечными и невѣжественными. Смотришь на толпу сѣдовласыхъ старцевъ и длиннобородыхъ мужиковъ, собирающихся по воскреснымъ днямъ въ засѣданіе товарищества съ засаленными книжками въ рукахъ и какимъ-то растеряннымъ видомъ, и невольнымъ образомъ впадаешь въ уныніе. Со всѣхъ сторонъ тянутся пачки денегъ безъ всякаго счета и соображенія, требуются справки о давно уже истекшихъ срокахъ уплаты, и съ какой-то дѣтской безпомощностью осаждаются наши школьники просьбами расписаться за неграмотнаго. Наблюдаешь все это, и внутренно убѣждаешься въ томъ, что сельское ссудо-сберегательное товарищество возможно только при честныхъ, надежныхъ руководителяхъ; въ противномъ же случаѣ это несомнѣнно благодѣтельное учрежденіе можетъ сдѣлаться какъ нельзя болѣе удобнымъ для ограбленія и разоренія безграмотнаго темнаго люда.

Поднявъ матеріальныя средства школы, ссудо-сберегательное товарищество въ то же время вызвало массу непріятностей въ наше приходѣ. Рысьи глаза всемогущаго писаря давно уже исматривали лазейку, сквозь которую можно бы было проникнуть въ распорядители товарищества, для чего и прежде всего нужно было устранить священника и поселить раздоръ между нашими дѣятелями. Тутъ, и какъ нельзя болѣе встали для всякихъ промисловъ, нашъ до того времени неутомимый и ревностный, хотя и ограниченный учитель задумалъ жениться; интересы школы и товарищества отступили назадъ, а на первомъ планѣ явились поиски невѣсты, размышленія о приданомъ, неизбѣжный писарь въ образѣ свата, разѣяды по окрестнымъ селеніямъ, пропуски воскресныхъ засѣданій товарищества, наконецъ ожесточенныя пререканія съ членами правленія за неизбѣжныя и какъ нельзя болѣе справедливыя вычеты. Мелкія и грязныя попользованія со-

вершено обули напѣ тихихъ, дѣлательный уголокъ; а въ школу и заведеніяхъ товарищества начались непрерывныя столкновения между священникомъ и учителями; вдругъ появились на сценѣ какой-то брабѣи и наглѣи видѣ! Волостной писарь потерялъ руки отъ удовольствія; возмущались отпѣвны; исключенны изъ духовнаго званія дьячокъ, — заклятой врагъ священника; возмущались десятки другой сельскихъ мѣроводовъ и одинокихъ бобыней; въ большѣ случаевъ изображавшихъ тотъ міръ, въ непогрѣнимость котораго по старой памяти продолжаютъ вѣрить напѣ крестьянинъ. Всей этой кликѣ въ одинаковой степени были неважны всѣхъ просвѣдательныя и благоговѣдательныя запы священника! По ночамъ собирались какия-то таинственныя сходки, самъ старшина; находившіеся въ полномъ распоряженіи писаря, принявъ участіе въ бессмысленной агитаціи; въ городѣ полетѣло анонимное письмо, переполненное самой черной клеветой на счетъ небаго надеждности священника и дѣлствій товарищества; будто бы разорившаго крестьянъ высокими процентами и въ то же время отнимавшаго руки и дешевыхъ рабочихъ у окрестныхъ землевладельцевъ.

Дорогой цѣной пришлось поплатиться за преждевременныя радости, доставленныя даровой, на гроша не стоющей обществу школой и несомнѣнно полезнымъ товариществомъ. Положеніе дѣла становилось все болѣе и болѣе натынутымъ, и наконецъ разразилось неслыханнымъ и безграмотнымъ притворомъ о немедленномъ удаленіи священника изъ прихода, такъ какъ онъ исключительно занимается дѣлами товарищества и игрою въ шахматы. Затѣмъ, на формальномъ слѣдствіи, вызванномъ притворомъ, прихожане въ одинъ голосъ признали приговоръ подложнымъ и сочиненнымъ общими усиліями писаря, учителя, отпѣваго дьячка и немногихъ мѣроводъ. Казалось бы, что туча, омрачившая и безъ того сѣрый горизонтъ, должна рассеяться, правда восторжествовать, а зло получить достойное возмездіе; но здѣсь, говори словами Гоголя: «пронесеніе совершенно закрывается туманомъ, и что дѣлать произошло, рѣшительно ничего неизвѣстно». Когда же туманъ рассеялся и дряхлѣи; боящійся свѣта филианъ, носившіеся съ анонимнымъ письмомъ въ непроницаемой мглѣ, убрались наконецъ въ свою щель, зорко высматривая добычу для новыхъ доносовъ, когда все это совершилось и миновало, тогда изъ нашего селенія уже танулась вереница крестьянскихъ телѣтъ съ убогими скарбами священника, переведеннаго въ другой приходъ. Онъ оставилъ насъ такимъ же бѣднякомъ, каковы тринадцать лѣтъ тому назадъ въѣзжалъ въ селеніе, а все его богатство, все, что было

достигнуто упорнымъ, неутомимымъ и никѣмъ неоцѣненнымъ трудомъ: новый храмъ, школа, товарищество—все это бросалось на произволъ судьбы и всякихъ случайностей. Никакихъ умиленныхъ сценъ, ни провожающихъ не было, такъ какъ время стояло рабочее, да и самъ священникъ не ожидалъ какихъ-либо овацій и вѣлѣній. Онъ не претендовалъ на идеальную личность, обладающую всѣми добродѣтелями и привлекающую всѣ сердца, что нѣсколько не мѣшало ему представлять въ глазахъ немногихъ людей, близко его знавшихъ, исключительное, почти невиданное явленіе между нашими сельскими пастырями.

Переживъ послѣднія тревоги и много прихода и утративъ часть своихъ иллюзій, невольнымъ образомъ убѣждаешься въ томъ, что самая лучшая сельская школа, неимѣющая опоры въ нравахъ и преданіяхъ народа и существующая только благодаря самоотверженію отдѣльных лицъ и ихъ благотворительности, а равно и всякое ссудо-сберегательное товарищество, процвѣтающее благодаря рвенію немногихъ честныхъ дѣателей, всегда будутъ и останутся недолговѣчными, жалкими и лишенными всякой будущности учрежденіями.

В. НАЗАРЬЕВЪ.

МОНОПОЛІЯ

ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ЦАРСТВА

И ЕЯ ОГРАНИЧЕНІЯ.

Железно-дорожное хозяйство, его экономическія особенности и его отношенія къ интересамъ страны. Соч. А. Чупрова. Москва, 1875.

Писатель, выступающій на учено-литературное поприще, обыкновенно встрѣчается на первыхъ порахъ съ искушеніемъ заняться легкой литературною работою, несравненно болѣе заманчивою, чѣмъ копотливый трудъ собиранія и переработки сырого матеріала, чѣмъ рядъ долгихъ наблюденій, изслѣдованій, опытовъ, которые, еще неизвѣстно, дадутъ ли новый результатъ, или не дадутъ никакого.

Разъясненіе уже добытыхъ истинъ и фактическихъ приобрѣтеній науки, передъ тысяче-головою аудиторіею періодической печати, истолкованіе всего, что зарождается въ общественномъ сознаніи и въ поступательномъ движеніи человѣческой мысли; наконецъ, изложеніе передовыхъ ученій, долженствующихъ раскрыть новый міръ предъ глазами непосвященныхъ, обратить истину въ убѣжденіе массъ, въ рычагъ практической дѣятельности—все это бесспорно имѣетъ обязательную прелесть, и можетъ, повидимому, воодушевить къ самому энергическому и настойчивому труду.

Между тѣмъ оказывается, что работа по матеріаламъ второй руки, развивая чуткость мысли, даръ прозрѣнія, искусство говорить доступно и понятно, нерѣдко убиваетъ способность къ самостоятельнымъ занятіямъ, силу самообладанія и сдержанности, умѣнье высказывать многое въ немногихъ словахъ и создаетъ, при счастливыхъ условіяхъ, только блестящихъ специалистовъ-дилеттантовъ.

Наиболѣе пагубнымъ оказывается, однакоже, популяризація переломныхъ доктринъ. Здѣсь для писателя уже нечего искать—все извѣстно до него, все открыто другими; остается поклоняться, вѣроовать и проповѣдывать, хотя бы съ примѣсью нѣкоторой ереси.

Выводы изъ апіоринныхъ положеній уже сдѣланы, новыхъ выводовъ изъ данныхъ послѣдокъ не предвидится, эмпирическій путь можетъ убѣдить только въ томъ, что уже извѣстно. Историческія и статистическія изысканія составляютъ не болѣе, какъ иллюстрацію къ давно написанному тексту. Понятно, какое расслабляющее вліяніе имѣетъ этотъ путь на научное творчество, отрицаемое, такъ сказать, въ самомъ принципѣ. Всѣ эти размышленія вызываются немалой книгою г. Чупрова, который выступилъ сразу съ трудомъ самостоятельнымъ и серьезнымъ, свидѣтельствующимъ объ учености, о трудолюбіи и о дарованіи автора.

Но прежде всего не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ о предметѣ, избранномъ г. Чупровымъ, и о содержаніи его сочиненія. Только послѣ этого предварительнаго обзора можно сдѣлать правильную оцѣнку его книги.

I.

Предметъ, избранный г. Чупровымъ, — желѣзно-дорожное хозяйство. Лѣтъ 25—30 тому назадъ успѣли выясниться лишь немногія стороны новаго могущественнаго орудія промышленности. Да и въ началѣ 40-хъ годовъ перерожденіе экономическихъ условій подѣ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, предсказанное М. Шевалье и Ф. Листомъ, рассматривались многими, какъ мечта, которой никогда не суждено осуществиться. Ф. Листъ горько жаловался на то, что его статья „Желѣзныя дороги и каналы“, напечатанная въ Staatslexicon'ѣ Роттена и Велькера, выдавалась за проназведеніе разгоряченной фантазіи проектёра. И однакоже, лѣтъ десять спустя, то, что считали поэтическимъ вымысломъ, — обратилось въ дѣйствительность. Блестящіе результаты желѣзно-дорожнаго хозяйства обнаружились со всею наглядностію, и если были уже замѣчены темныя стороны, то ихъ видѣли, главнымъ образомъ, въ легкой наживѣ концессионеровъ и строителей на счетъ публики, въ кризисахъ, которыми сопровождалось трехмѣрное развитіе предпринимчивости, въ теченіи короткаго періода времени, и неизбежное въ эту пору усиленіе спекуляціи.

Много-много, если жаловались на частые безпорядки, злоупотребленія и на невниманіе къ пассажирамъ 3-го или 4-го классовъ. Опасенія, которыя смутно представлялись серьезнымъ умамъ, относительно возникновенія новой силы, не только хозяйственной, но и политиче-

ской; проводили въ континентальной Европѣ неслыханныя. Ихъ можно найти въ лучшихъ нѣмецкихъ учебникахъ: у Рау, у Моля; но въ концѣ сороковыхъ годовъ еще далеко не предвидѣли того, что совершается нынѣ въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Америкѣ и что составляетъ въ нѣкоторой мѣрѣ необходимую принадлежность развитію желѣзно-дорожнаго хозяйства вообще, а следовательно, развѣтвию поэмы; сдѣлается всеобщимъ явленіемъ.

Желѣзно-дорожное хозяйство, въ поступательномъ своемъ ходѣ, привело къ соглашеніямъ; а затѣмъ къ сліянію военныхъ желѣзныхъ дорогъ, къ образованію монополіи, которая господствуетъ надъ производителями и надъ потребителями, подчинила и перемѣнила и послѣднихъ своимъ условіямъ, вытекающимъ изъ соображеній о выгодахъ и удобствахъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій. Но этого мало: господство желѣзно-дорожныхъ предпріятій распространяется постепенно надъ всѣми общественными отношеніями и даже, наконецъ, надъ государствомъ и его политическою жизнью. Дѣло идетъ въ настоящемъ случаѣ не объ администраціи, впадутой въ интересы желѣзно-дорожныхъ концессій и акціонерныхъ обществъ; дѣло идетъ о представительныхъ собраніяхъ, о парламентахъ, которые заключаютъ въ себѣ огромное число членовъ изъ лицъ, заинтересованныхъ въ желѣзно-дорожныхъ предпріятіяхъ,—директоровъ, акціонеровъ, строителей и пр., имѣющихъ рѣшающій голосъ при разсмотрѣніи столкновений интересовъ компаній съ интересами государства или общества. И это переполненіе законодательныхъ собраній агентами желѣзно-дорожнаго дѣла не есть слѣдствіе избирательныхъ законовъ, а простой результатъ давленія желѣзно-дорожнаго персонала на избирателей.

Дортъ, въ своемъ сочиненіи—*Aufgaben der Eisenbahnpolitik*. Berlin, 1874,—приводитъ рѣчь, произнесенную 12-го августа 1873 г. Ньютономъ Бусомъ (Booth), губернаторомъ въ С.-Франциско, которая рѣзкими чертами изображаетъ господство желѣзно-дорожныхъ компаній въ Соединенныхъ Штатахъ. Если снять даже мрачныя краски съ картины, нарисованной ораторомъ; если исключить изъ его рѣчи все, что носитъ печать увлеченія и страстности; то и въ такомъ случаѣ сущность дѣла представится съ довольно грозными характеромъ для настоящаго и въ особенности для будущаго. Старые пути сообщеній, говоритъ Бусъ, замѣнены новыми; желѣзныя дороги проведены черезъ прежнія дороги, находящіяся въ общественномъ пользованіи; черезъ государственныя и частныя земли, въ силу права эмпроприаціи, въ видахъ общественной пользы. Построены они не на собственные средства капиталистовъ; любимый приемъ основателей компаній состоитъ въ томъ, чтобы выпросить пожалованіе зе-

вопросъ: будетъ-ли онъ имѣть свое правительство, или же имъ будутъ управлять желѣзно-дорожныя компаніи“.

Въ заключеніе ораторъ замѣчаетъ, что еще не найдено средства противъ зла, но что большее и большее число голосовъ высказывается за приобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ государствомъ. Мы достигли наконецъ того, что можемъ сказать: „если правительство строить дороги, то оно должно владѣть ими и эксплуатировать ихъ, въ видахъ общаго блага; если правительство дало земли и кредитъ для постройки желѣзныхъ дорогъ, и если оно было обмануто по сдѣланнымъ у него займамъ, то оно имѣетъ право вступить въ обладаніе дорогами“.

Густавъ Кохъ,—въ своемъ сочиненіи объ англійской желѣзно-дорожной политикѣ: *Zur Beurtheilung der englischen Eisenbahnpolitik, 1874—1875, von Dr. Gustav Cohn. Bd. I—II*,—приводитъ также поразительные факты сосредоточенія въ рукахъ многихъ англійскихъ желѣзно-дорожныхъ компаній каменноугольной промышленности. Такъ напр., уже въ 1853 г. Great-Northern'ская ж. д. заключила на многие годы условія о поставкѣ угля большими каменноугольными компаніями, которыя обязывались доставлять на станціи дороги, къ назначенному часу, за извѣстную плату, условленное количество товара.

Желѣзно-дорожная компанія принимала на себя доставку и продажу, и, по мѣрѣ сбыта, уплачивала за уголь условленную плату владѣльцамъ копей, обращая разность между этою платою и продажною цѣною въ свою пользу (Cohn. II, p. 92—93). Подобное же устройство существуетъ, по свѣдѣніямъ за 1866 г., на North-Eastern'ской ж. д. Компанія устроила склады, которые она отдаетъ въ аренду каменноугольнымъ предпріятіямъ, и иритомъ только крупнымъ. Продажа производится изъ складовъ агентами производителей; покупщикъ знаетъ изъ какой копи онъ покупаетъ уголь, и имѣетъ возможность выбора. Обѣ желѣзныя дороги устраняютъ мелкихъ производителей, и хотя плата за доставку понижена, но цѣна угля на мѣстѣ производства возрасла отъ 3 до 5 шилл. за тонну (90—150 шилл. мет. за 60 пуд.), и прибыль идетъ въ карманы крупныхъ предпріятій, которыя подавляютъ малыя. Желѣзныя дороги, съ своей стороны, настаиваютъ на томъ, что установленный ими порядокъ требуется правильностію движенія и составляетъ естественную необходимость. Еще болѣе разительный примѣръ господства желѣзно-дорожныхъ компаній представляетъ то невниманіе, съ которымъ онѣ относятся къ требованіямъ почтоваго вѣдомства, къ правильной, точной доставкѣ почтовыхъ отправленій (Cohn. II, p. 150 и слѣд.). Однимъ словомъ „диктатура желѣзно-дорожныхъ властителей,—какъ выражается Паттерсонъ изъ Ливерпуля (Отчетъ 1872 г. Cohn. II, p. 597),

рѣшается по своему усмотрѣнію, при какихъ условіяхъ должны развѣяться желѣзно-дорожныя сообщенія“, и самъ парламентъ оказывается бессильнымъ, потому что, по свидѣтельству Ольпорта (Allport), одного изъ директоровъ желѣзно-дорожныхъ компаній,—въ парламентѣ засѣдаютъ болѣе 100 человекъ, принадлежащихъ къ членамъ желѣзно-дорожныхъ правленій (Отчетъ 1872 г. Сohn. II, p. 606). Такимъ образомъ, вліяніе желѣзно-дорожныхъ компаній подвергаетъ вопросу самое существованіе англійскаго государства, которое основывается на томъ, что общественныя силы служатъ государству, а не упраздняютъ его. Настоящее англійское государство не только не имѣетъ органовъ для господства надъ новою общественною силою, но ему, при обыкновенномъ ходѣ вещей, самому недостаетъ силы для созданія подобныхъ органовъ (Сohn. II, p. 607). Конъ также склоняется къ мысли о необходимости приобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ государствомъ, о чемъ давно пишутъ и толкуютъ въ Англіи; но, опровергнувъ цѣлый рядъ возраженій противъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, авторъ замѣчаетъ, что онъ не хочетъ переступить предѣлы, который самъ для себя назначилъ. Отказываясь отъ составленія проекта приобрѣтенія желѣзныхъ дорогъ государствомъ и отъ открытія новыхъ научныхъ законовъ, о которыхъ онъ упоминаетъ не безъ ироніи, Конъ говоритъ, что онъ имѣлъ въ виду разъясненіе фактовъ, на которыхъ, со временемъ, можетъ быть сооружено зданіе науки. Факты эти разочаровываютъ въ послѣдствіяхъ хозяйственной свободы для общаго блага.

Какъ бы то ни было, въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствахъ и въ Соединенныхъ Штатахъ общій голосъ требуетъ огражденія общества отъ желѣзно-дорожныхъ монополій. Такого огражденія еще недавно надѣялись достигнуть Дорнъ и немногочисленные его сторонники—обращеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ свободныя пути, подобныя шоссейнымъ дорогамъ, съ правомъ взиманія платы съ поѣздовъ за проходимыя разстоянія, и съ предоставленіемъ особымъ компаніямъ содержанія подвижнаго состава и транспортировки. Но эта мысль не новая (она явилась въ Англіи при самомъ началѣ желѣзно-дорожной эксплуатаціи, и была оставлена, какъ непрактическая), лишенная будущности по тѣмъ практическимъ неудобствамъ, на которыя, между прочимъ, указываетъ Конъ въ своей книгѣ. При разрѣшеніи подвижному составу нѣсколькихъ компаній (соперничающихъ между собою въ эксплуатаціи) разъѣзжать по чужимъ дорогамъ, трудно допустить возможность правильныхъ, безопасныхъ и удобныхъ сообщеній. Еслибы и можно было регулировать движеніе, то на станціяхъ трудно установить твердый порядокъ, безъ увеличенія размѣра и числа помѣщеній. Дешевизна доставки выиграетъ

мало вѣдѣніе увеличенія подвижнаго состава, превышающаго, быть можетъ, потребности, вѣдѣніе болѣе или менѣе станціонныхъ расходовъ и даже увеличенія числа развозныхъ мутей на самихъ станціяхъ. Наконецъ, желѣзная дорога осталась бы монополіею, и въ силу этого предлагала бы вліять на плету за проѣздъ.

Затѣмъ остаются два средства: нормальные тарифы и приобретение желѣзныхъ дорогъ казною, и если бы было признано, что регулирование желѣзно-дорожныхъ прибылей тарифами невозможно, или что тарифы не предупреждаютъ того увеличенія, которому подвергается въ особенности товаро-отправитель, то очевидно, что остается единъ исходъ — приобретение желѣзныхъ дорогъ государствомъ. Изслѣдованія г. Чурова привели его къ предложенію своеобразнаго способа: выкупа желѣзныхъ дорогъ, какъ единственнаго мѣры для установленія соответствія между прибылью и издержками производства — всѣ другія мѣры, по его словамъ, для достиженія этой цѣли, оказываются тщетными. — Способъ этотъ состоитъ въ выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, посредствомъ уплаты компаниямъ даннаго, действительно затраченнаго ими на сооруженіе. Игнорированіемъ образомъ, въ виду разсмотрѣнія предложенія г. Чурова, нельзя не коснуться содержанія его сочиненія, представляющаго достоинство, совершенно независимыя отъ конечнаго вывода, къ которому приходитъ авторъ.

II.

Въ введеніи къ своему сочиненію, г. Чуровъ опредѣляетъ главную задачу слѣдующимъ образомъ: „какъ въ политической экономіи изслѣдованіе мѣровой цѣнности служитъ вообще центромъ, къ которому тяготеютъ всѣ ея вопросы, такъ и у насъ (т. е. въ книгѣ) изслѣдованіе условий дѣятельности желѣзно-дорожныхъ предпріятій приурочено къ вопросу о законахъ, опредѣляющихъ цѣнность и рыночныя цѣны перевозокъ по рельсовымъ путямъ, т. е. цѣны, цѣну издержекъ производства и прибыли въ этой отрасли занятій“. Согласно съ этимъ, книга г. Чурова подраздѣляется на слѣдующіе отдѣлы: а) сравненіе желѣзныхъ дорогъ съ другими путями сообщенія относительно регулярности, быстроты и дешевизны провоза, и вліяніе желѣзныхъ дорогъ на производство; б) анализъ издержекъ сооруженія; в) теоріи расходовъ по эксплуатациі; г) прибыль, доставляемая желѣзными дорогами, и д) заключеніе, въ которомъ авторъ развиваетъ свое предложеніе, какъ выводу изъ предшествующихъ изслѣдованій.

Указавъ на быстроту и правильность сообщеній по желѣзнымъ

дорогамъ (см. главу I), факты достаточно извѣстны, авторъ находитъ, что желѣзныя дороги понизили плату за провозъ пассажировъ въ $1\frac{1}{2}$, въ 2 раза и даже въ 5 и въ 8 разъ; водная пассажирская плата почти равняется желѣзно-дорожной. Плату за провозъ товаровъ желѣзныя дороги понизили отъ 4 разъ—во Франціи, до 7—въ Англіи. Въ Россіи, на желѣзныхъ дорогахъ, пассажирская плата на 37% ниже, плата за провозъ товаровъ отъ 2 до 3 разъ ниже за гужевую доставку, а съ водяною доставкою почти равна.

Быстрота, правильность и дешевизна сообщеній по желѣзнымъ дорогамъ привели къ расширенію района и размѣровъ торговли. Нагляднѣе всего представляется это въ развитіи вѣншей торговли, которая въ прежнее время удвоивалась въ періоды времени въ 20—30 лѣтъ, а теперь въ 5—6 лѣтъ. Возрастаніе оборотовъ вѣншей торговли указано авторомъ и въ Россіи, гдѣ съ 1866 г., въ теченіи 5 лѣтъ, отпускъ хлѣба увеличился въ $2\frac{1}{2}$ раза, льна и льняного сѣмени въ 2 раза, скота и шетины въ 3 раза, а эти статьи составляютъ почти $\frac{2}{3}$ всего вывоза (ср. главу II).

Обращаясь къ цѣнамъ, г. Чупровъ находитъ, что желѣзныя дороги произвели уравненіе цѣнъ на разныхъ рынкахъ и уменьшили предѣлы временныхъ колебаній цѣнъ. Уравненіе прослѣжено авторомъ относительно пшеницы во Франціи, пшеницы и ржи въ Пруссіи и ржи въ Россіи; уменьшеніе предѣловъ временнаго колебанія цѣнъ приведено для пшеницы на Пештскомъ рынкѣ, въ Австріи. Разница въ цѣнахъ, которая доходила въ разныхъ мѣстахъ Франціи до 40 фр. въ 1817, на гектолитръ пшеницы, въ неурожайномъ 1866 г. составляла уже 3—4 франка, а въ обыкновенные годы не превышаетъ 1 франка. Въ Пруссіи разница въ цѣнѣ на шеффель пшеницы составляла въ 1817 г.—70 зильбергрошей, а въ 1867 году—16, зильбергр.; на шеффель ржи, въ тѣ же годы, 76, и 10, зильбергрошей. Подобныя же измѣненія произошли въ Россіи: въ 1857 году четверть ржи стоила въ Петербургѣ 5 р., а въ Козловѣ 1 р. 70 к.; въ 1865—67 четверть ржи стоила въ Петербургѣ 6 р. 50 к., въ Козловѣ 3 р. 10 к. Въ Пештѣ разница между среднею и высшею цѣною пшеницы составляла въ 1839—48 г.—473 крейпера, а въ 1859—68 г.—131 крейперъ (ср. главу III).

Оживленіе обмѣна и переворотъ въ цѣнахъ отразились на производствѣ, въ особенности на горнозаводской промышленности. Во Франціи годовое производство чугуна и желѣза въ 45 лѣтъ удесятирилось. Особенно живо шло возрастаніе производства со времени быстрого распространенія желѣзныхъ дорогъ. Приращеніе 1861—1862 г. равно 20 годамъ въ періодъ съ 1820 по 1850 г. Въ Германіи каменно-угольное производство возрасло отъ 28,3 мил. цент., въ

1848 г., до 680 мил. цент. въ 1870 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ усилилось и металлургическое производство. На ряду съ этими явленіями произошли перемѣны въ самомъ направленіи производства, возрасло городское населеніе на счетъ сельскаго, увеличилось производство хлѣба въ Соединенныхъ Штатахъ, Россіи и Венгріи, усилился перевѣсъ привоза хлѣба надъ отпускомъ въ Англію, которая начала обрабатывать земли, предназначенныя для хлѣбопашества, на воздѣлываніе кормовыхъ и корнеплодныхъ растений. Ввозъ шерсти въ Англію, въ особенности изъ Австраліи и странъ южнаго океана, отъ 0,3 мил. фунтовъ въ 1821—30 г. дошелъ до 116,2 мил. фунтовъ въ 1861—70 г. Въ Россіи, въ сѣверозападныхъ губерніяхъ, производство льна, судя по цифрамъ отпуска, сдѣлало въ послѣдніе годы огромныя успѣхи (ср. главу IV).

Уяснивъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ на цѣны, вслѣдствіе удешевленія провоза, и на развитіе производства, г. Чупровъ обращается къ изслѣдованію издержекъ желѣзно-дорожнаго производства, т.-е. къ опредѣленію расходовъ желѣзно-дорожнаго провоза. „Согласно основному положенію политической экономіи, установленному Адамомъ Смитомъ и Рикардо,—говоритъ авторъ,—мѣновая стоимость каждаго предмета опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство. Изслѣдованіе ея законовъ сводится къ анализу условий, въ которыхъ поставленъ трудъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Поэтому, предпринимая изслѣдованіе желѣзно-дорожнаго провоза, мы прежде всего считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на характеристическія черты, которыя представляетъ приложеніе труда въ области рельсовыхъ путей сравнительно съ другими отраслями промышленности и другими видами перевознаго хозяйства“ (ib. стр. 61).

Перевозное хозяйство, по способамъ приложенія труда, произошло тѣ же историческія фазисы, какъ и обрабатывающая промышленность, и его настоящая ступень—желѣзныя дороги—такъ же относится въ предыдущимъ, какъ современная фабрика къ прежнимъ способамъ обработки (стр. 61). „И фабрика, и желѣзная дорога суть хозяйства, работающія для общаго, хозяйства крупнаго размѣра, и, наконецъ, хозяйство съ обширною затратою постояннаго капитала, но по особымъ свойствамъ перевозной промышленности, желѣзно-дорожное хозяйство поставлено въ нѣсколько иныя условія, чѣмъ фабричное. Въ обрабатывающей промышленности могутъ существовать весьма различныя отношенія постояннаго капитала къ оборотному: сила пара или воды можетъ приводить въ движеніе какъ простѣйшій товарный станокъ, такъ и сложные механизмы; выгода механической силы почти одинаково велика и одинаково применима

какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ. На желѣзныхъ же дорогахъ не техническимъ условіямъ не можетъ быть произведено ни малѣйшаго движенія, если не произошло извѣстной опредѣленной затраты постояннаго капитала. Расходы на устройство пути и его принадлежностей, на приобрѣтеніе подвижнаго состава, почти на всѣхъ дорогахъ довольно однородны, и во всякомъ случаѣ представляютъ гораздо менѣе отклоненій отъ средняго размѣра, нежели затраты постояннаго капитала въ другихъ родахъ предпріятій. Этотъ строго опредѣленный техническими требованіями размѣръ постояннаго капитала въ желѣзныхъ дорогахъ гораздо значительнѣе, нежели въ прочихъ родахъ предпріятій. Наконецъ, ббльшая часть постояннаго капитала, именно та часть, которая затрачивается на устройство самаго пути и станцій, представляетъ собою столь прочное закрѣпленіе, которому нѣтъ ничего аналогическаго въ обрабатывающей промышленности: она не можетъ перемѣнить ни мѣста, ни назначенія, безъ полнаго уничтоженія стоимости^а. Съ другой стороны, желѣзныя дороги имѣютъ менѣе средствъ приспособляться къ условіямъ спроса (стр. 61—70). Отъ этихъ общихъ замѣчаній, авторъ переходитъ къ постановкѣ и рѣшенію слѣдующихъ вопросовъ:

1) Въ чемъ состоятъ издержки производства желѣзно-дорожнаго предпріятія? Какія категоріи издержекъ требуются для того, чтобы осуществилась желѣзно-дорожная перевозка?

2) Чѣмъ и въ какой мѣрѣ опредѣляется размѣръ разныхъ видовъ издержекъ, при данномъ движеніи?

3) Какъ и въ какой мѣрѣ измѣняются издержки съ измѣненіемъ движенія? (стр. 71).

Отвѣтъ на приведенные вопросы можетъ быть данъ только тогда, когда расходы желѣзно-дорожнаго провоза специализированы по предметамъ провоза.

Признавая то, что сдѣлано было по этому предмету Ларднеромъ и Барихаромъ (которые приняли за основаніе для исчисленій дѣленіе издержекъ на центнеро-милю разныхъ видовъ валового груза), наиболѣе удовлетворительнымъ, авторъ отказался отъ приѣма, употребленнаго этими писателями, какъ по недостаточности данныхъ въ русскихъ отчетахъ, такъ и потому, что въ теоретическомъ изслѣдованіи не было надобности (?) прибѣгать къ сложнымъ вычисленіямъ. Г. Чупровъ избралъ слѣдующій способъ: на основаніи статистическихъ выводовъ для всей русской сѣти въ 1866—70 г., онъ вычислилъ отношеніе, въ которомъ стоитъ средній доходъ съ версты, пройденной пассажиромъ, къ среднему доходу съ пудо-версты, и нашелъ, что доходъ съ пассажиро-версты=доходу съ 30,7 пудо-версты.

Предположивъ, что взаимному отношенію доходовъ съ пассажи-

ровъ и товаровъ соотвѣтствуетъ взаимное отношеніе издержекъ провоза, г. Чупровъ приравнялъ версту, пройденную пассажиромъ, къ 30-ти верстамъ, пройденнымъ пудомъ товара. Такимъ образомъ, авторъ привелъ все движеніе по желѣзнымъ дорогамъ къ пудо-верстѣ и вычислилъ сумму издержекъ, падающую на эту единицу. Близость къ истинѣ этого отношенія доказывается, по мнѣнію г. Чупрова, тѣмъ, что оно подходитъ къ выводу, полученному 30 лѣтъ тому назадъ Жюльеномъ, который принималъ пассажира $= \frac{1}{2}$ тонны товара, т.-е. 31 пуду, и привелъ всѣ перевозимые грузы къ принятой имъ единицѣ, приравнявъ пассажира къ единицѣ, одну тонну товара малой скорости—къ 2-мъ единицамъ, а большой скорости—къ 6-ти единицамъ; лошадь—къ 5-ти, экипажъ—къ 10-ти единицамъ, и т. д. (ср. главу V).

Установивъ основаніе для дальнѣйшихъ своихъ вычисленій, авторъ приступаетъ къ анализу желѣзно-дорожныхъ издержекъ, и прежде всего къ расходамъ на сооруженіе.

Ежегодная издержка по затраченному капиталу, падающая на каждую изъ перевозимыхъ единицъ, зависитъ отъ величины этого капитала, платимыхъ за него процентовъ и количества перевозимыхъ единицъ.

Величина капитала сооруженія желѣзныхъ дорогъ такъ велика, что постройки эти оказались не подъ силу казнѣ, и желѣзныя дороги перешли въ руки акціонерныхъ компаній (стр. 89). По свѣдѣніямъ, приведеннымъ г. Чупровымъ, въ послѣдніе годы прошлаго десятилѣтія верста обходилась среднимъ числомъ отъ 35,8 т. р. (въ Швеціи) до 163,5 т. р. (въ Великобританіи), а въ Россіи 80,8 т. р. Для отдѣльныхъ дорогъ колебанія еще значительнѣе (стр. 92).

Строительный капиталъ желѣзныхъ дорогъ идетъ: а) на общія издержки, т.-е. на предварительныя изысканія, составленіе проекта дороги, присканіе капитала и управленіе постройкой; б) на устройство пути и его принадлежностей; в) на устройство станцій и др. строеній по дорогѣ; г) на обзаведеніе подвижнымъ составомъ.

Поверстная сумма составныхъ частей капитала сооруженія, вычисленная не для всѣхъ, впрочемъ, дорогъ, складывается изъ слѣдующихъ цифръ:

Въ Россіи: Пруссіи: Франціи: Англіи:

Тысячи рублей.

Путь	36,4	56,7	59,3	} 105,8
Станціи	9,1	6,3	6,7	
Подвижной составъ	10,3	9,8	8,3	9,3
Общія издержки	12,9	10,3	8,1	11,3
	68,1	83,9	77,4	126,3 (стр. 96).

Разсмотрѣвъ причины, отъ которыхъ зависить величина издержекъ на сооруженіе пути и станцій и на снабженіе дорогъ подвижнымъ составомъ, авторъ останавливается на статьѣ: „общія издержки“. Парламентскіе и другіе расходы, предшествовавшіе постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, простирались въ Англіи до 20¹/₄ т. мет. рублей (Бирмингамъ, Манчестеръ) и даже до 50 т. мет. рублей (Блэкуолъ) (стр. 109).

Цѣны, уплаченныя концессіонерамъ акціонерными компаніями, расходы на приобрѣтеніе капитала, и суммы, переплаченныя при оптовыхъ подрядахъ строителями, доводили общіе расходы на версту, въ Россіи, до ¹/₃ всѣхъ расходовъ и выше, по орловско-витебской дорогѣ до 38¹/₂%! (стр. 112). По нѣкоторымъ изъ нашихъ дорогъ за каждый полученный рубль подписано было обязательство въ 1¹/₂ рубля (стр. 113). Это, по словамъ автора, нужно имѣть въ виду, когда идетъ рѣчь о дѣйствительной стоимости русскихъ дорогъ (ср. гл. VI).

Высота процента на затраченный въ дорогу капиталъ опредѣляется размѣромъ гарантированнаго процента, а тамъ, гдѣ гарантіи не существуетъ, процентомъ, гарантированнымъ по облигаціямъ, составляющимъ въ послѣднее время все большую и большую часть желѣзно-дорожнаго капитала. Независимо отъ этого, платимый процентъ надо разсчитывать не по нарицательному, а по дѣйствительно-полученному капиталу, что доводитъ размѣръ процентовъ по орловско-витебской дорогѣ до 6⁸⁷/₁₀₀, вмѣсто 5¹/₁₂ на номинальный капиталъ (стр. 119).

Плата за затрачиваемый капиталъ зависить: во-1-хъ, отъ обычнаго средняго уровня процентовъ — въ Англіи 4,48 (въ 1870 г.), въ Россіи 6,6¹/₂ и болѣе; во-2-хъ, отъ риска. Пока желѣзныя дороги строились правительствомъ, платимый процентъ устанавливали на тѣхъ основаніяхъ, какъ въ государственныхъ займахъ вообще, но когда сооруженіе и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ перешли въ руки частныхъ компаній, тогда плата за капиталъ оказалась въ зависимости отъ другихъ причинъ. По словамъ г. Чупрова: а) капиталъ для малыхъ и второстепенныхъ линій оплачивается дороже, чѣмъ для главныхъ; б) капиталъ, затрачиваемый на иностранныя дороги, оплачивается дороже, чѣмъ затрачиваемый на отечественныя, —отсюда колебаніе процентовъ по капиталамъ, затрачиваемымъ на желѣзныя дороги, не соотвѣтствуетъ ихъ доходности, которая, впрочемъ, заранѣе не можетъ быть опредѣлена съ точностью. Въ Англіи капиталы сначала не шли на желѣзно-дорожныя сооруженія, но потомъ, когда первыя дороги дали высокій дивидендъ, тогда бросились и на такія предпріятія, которыя не могли обѣщать вѣр-

ныхъ доходовъ. Затѣмъ, вприсы 1836, 1847 гг. снова сдѣлали невозможнымъ отысканіе капиталовъ для самыхъ выгодныхъ желѣзныхъ дорогъ. То же было и въ Россіи: неудачи Главнаго общества довели требованія заграничныхъ капиталистовъ до крайнихъ предѣловъ. Прибыльность линій московско-ризанской и московско-ярославской привлекла охотниковъ со всѣхъ сторонъ, и самое исчисленіе поверстной стоимости значительно понизилось.

Дѣйствительная плата за капиталъ, падающая какъ расходъ на перевозку товара, зависитъ отъ количества пудо-верстъ перевозимаго груза, и считая пассажира=30 пудамъ груза, авторъ находитъ, что плата, падающая на грузъ, составляетъ отъ 9,97 коп. на 1000 пудо-верстъ для московско-ризанской, до 64,30 коп. для козловско-тамбовской. Сравнивая Россію съ Пруссіею, г. Чупровъ находитъ, что плата за капиталъ составляетъ въ Пруссіи по 0,33 коп. на каждый пудъ груза, а въ Россіи 3,38 коп. Дороговизна капитала и нерасчетливость при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ сдѣлали у насъ расходы провоза болѣе значительными (ср. гл. VII).

Текущія издержки эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ подраздѣлены авторомъ на три главные отдѣла: а) издержки центрального управленія; б) издержки содержанія пути и зданій, и в) издержки движенія. Разработка относящагося сюда статистическаго матеріала представляла наибольшія трудности, какъ по недостатку твердо установленныхъ рубрикъ вообще, такъ и по разнообразію классификаціи расходовъ въ разныхъ странахъ и даже въ отчетахъ отдѣльныхъ дорогъ.

Расходы по всѣмъ тремъ рубрикамъ, или расходы эксплуатаціи вообще, по замѣчанію автора, сначала возрастаютъ, а потомъ, хотя и возрастаютъ, но съ малыми колебаніями. Сравненіе Россіи съ Германіею, Пруссіею, Австріею и Англіею, показываетъ, что по суммѣ расходовъ на эксплуатацію Россія (5721 р. на версту) занимаетъ первое мѣсто послѣ Англіи (6517 р. на версту). Затѣмъ расходы на версту поѣзда оказываются слѣдующіе:

	Всего.	Центральное управленіе.	Управленіе пути.	Управленіе перевозки.
	К о п ѣ е к ѣ			
Въ Россіи . . .	138,1	12	86,4	88,7
„ Германіи . .	88,3	4,3	75,3	52,3
„ Пруссіи . . .	81,3	6,7	26,3	48,3
„ Австріи . . .	103	5,3	30,7	68,1
„ Англіи . . .	61,3	8,3	11,3	40,3

Таблица эта не нуждается въ комментаріяхъ: она ясно говоритъ о невыгодномъ положеніи Россіи.

Не входя въ подробности изслѣдованій г. Чупрова о расходахъ

на центральное желѣзно-дорожное управленіе, достаточно указать на одинъ существенный фактъ — именно, что сокращеніе этихъ расходовъ достигается сліяніемъ компаній. Много тратится, впрочемъ, и на сивексуры (ср. гл. VIII).

Издержки содержанія пути и зданий раздѣлены авторомъ на двѣ части: одна — собственно издержки на ремонтъ пути и станцій, а равно и на надворъ пути, не состоятъ ни въ какой зависимости отъ размѣровъ движенія; поэтому эта часть падаетъ на единицу перевозимыхъ грузовъ тѣмъ меньшею тяжестью, чѣмъ значительнѣе масса грузовъ; другая — ремонтъ рельсовъ и ихъ принадлежностей — находится въ прямой связи съ размѣрами движенія и падаетъ на единицу перевозимыхъ грузовъ въ одинаковой пропорціи, каково бы ни было количество послѣднихъ. Главныя статьи расхода — возобновленіе шпалъ и рельсовъ, изъ которыхъ прочность первыхъ зависитъ отъ свойства матеріала и вліяній атмосферическихъ, а прочность вторыхъ — отъ свойства металла (желѣзо, сталь) и отъ изнашиванія ихъ быстротою движенія (глава IX).

Издержки движенія обнимаютъ собою службу станцій и службу поѣздовъ.

Здѣсь г. Чупровъ указываетъ на недостатки классификаціи расходовъ этого рода, рассматриваетъ элементы, изъ которыхъ складывается служба станцій, и, сопоставивъ относящіеся сюда расходы съ количествомъ товаровъ и пассажировъ, находитъ, что на московской станціи нижегородской дороги отправка и приѣмъ пассажировъ стоила въ 1867 г. — 8,92, а въ 1870 г. — 9,14 коп. (почти то же, что вычислено Жакменомъ для французской западной дороги 8,9 — 10,1), а пудо-товаровъ 0,534 и 0,486 (нѣсколько болѣе чѣмъ у Жамена — 0,325). Сосредоточеніе грузовъ и пассажировъ на немногихъ станціяхъ и неравное распредѣленіе во времени пассажирскаго и товарнаго движенія, очевидно, увеличиваютъ станціонныя расходы. Расходы на службу поѣздовъ, падающіе на перевозимую единицу, уменьшаются съ возрастаніемъ движенія (глава X, стр. 185).

Издержки движущей силы (см. гл. XI, стр. 206 и слѣд.) составляютъ на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ отъ 30 до 47% всѣхъ текущихъ расходовъ, и состоятъ изъ требуемыхъ тягою и ремонтомъ подвижнаго состава. На русскихъ желѣзныхъ дорогахъ въ 1869 г.: тяга требовала 20,3%, а ремонтъ 27,1; въ Австріи: 17,1 — и 16,7 всей суммы текущихъ издержекъ. Въ расходахъ тяги главное мѣсто занимаютъ двѣ статьи — содержаніе личнаго состава и топливо. Расходъ на содержаніе личнаго состава, падающій на пудо-версту, увеличивается съ уменьшеніемъ валового груза; расходъ на топливо зависитъ отъ дороговизны послѣдняго, отъ уклоновъ, отъ быстроты

движенія, наружной теплоты и устройства самыхъ локомотивовъ, требующихъ большаго или меньшаго количества топлива.

Расходы на ремонтъ подвижного состава зависятъ не только отъ размѣра движенія, но отъ солидности постройки и отъ правильности ремонтнированія. Эта статья, по даннымъ, приводимымъ авторомъ, представляетъ большое мѣсто нашей желѣзно-дорожной эксплуатаціи, что подтверждается безпримѣрными на ремонтъ подвижного состава Николаевской линіи расходами (1869—1870 годовъ), сопоставленными съ расходами на тотъ же предметъ въ Пруссіи (см. стр. 223—227).

Въ заключеніе г. Чупровъ разсматриваетъ обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ отношеніе полезнаго груза (т.е. перевозимыхъ пассажировъ и товаровъ) къ валовому (заключающему въ себѣ мертвый грузъ вагоновъ и локомотивовъ, равный отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ полезнаго груза). Эти изслѣдованія приводятъ автора также къ неблагоприятнымъ выводамъ для Россіи, гдѣ значительное число товарныхъ грузовъ идетъ по одному лишь направленію, и вагоны возвращаются пустыми.

Издержки движущей силы, исчисленные на 1000 пудо-верстъ груза, составляютъ въ Россіи отъ 4,73 коп. (?) для московско-ярославской дороги—до 24,23 коп. для волго-донской (см. таблицу на стр. 241).

Въ XII главѣ, объ издержкахъ производства на желѣзныхъ дорогахъ, авторъ припоминаетъ, что верста пути не можетъ быть сооружена дешевле, какъ за 30—40 тысячъ рублей; что процентъ на желѣзно-дорожные капиталы рѣдко бываетъ въ Россіи менѣе 6⁰/₀; что, слѣдовательно, ежегодная плата за капиталъ сооруженія дороги не можетъ быть въ Россіи, при настоящихъ условіяхъ, меньше 1.500 — 1.200 руб. Расходы центрального управленія почти одни и тѣ же, издержки по надзору пути пропорціональны числу верстъ дороги, а по сопровожденію поѣздовъ—верстамъ, сдѣланнымъ поѣздами; расходы на службу станцій не могутъ спуститься ниже известной суммы, расходы на ремонтъ полотна и зданій не зависятъ отъ движенія. Такимъ образомъ поименованная значительная часть издержекъ остается почти одна и та же, будетъ ли по дорогѣ проходить 1 мил. или 10 мил. пудовъ груза. Другая часть расходовъ желѣзной дороги измѣняется съ измѣненіемъ движенія. Такова нѣкоторая доля станціонныхъ издержекъ, расходы на ремонтъ рельсовъ и въ особенности всѣ расходы движущей силы. Эта часть меньше первой, растетъ медленно, чѣмъ движеніе, а часть, падающая на единицу груза, находится въ зависимости отъ причинъ, которыя тѣсно связаны съ особенностями движенія, съ родомъ перевозимыхъ грузовъ, ихъ распредѣленіемъ по протяженію дороги и временемъ ихъ прилива къ линіи.

Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что издержки желѣзно-дорожнаго производства, падающія на единицу груза, зависятъ отъ массы движе-

нія, и колеблются въ предѣлахъ 1:5, причемъ меньшій размѣръ составляетъ на 1000 пудо-верстѣ 27,37 коп. для московско-ризанской желѣзной дороги, а наибольшій — 127,34 коп. для козловско-тамбовской; — плата за капиталъ для тѣхъ же дорогъ составляетъ: 9,97 к. и 64,34, а текущія издержки эксплуатаціи 17,40 и 63,33.

Если желѣзныя дороги не могутъ приспособлять издержекъ производства къ спросу, т.-е. къ размѣру передвиженія, то не могутъ ли онѣ вызвать послѣднее? Авторъ считаетъ такое предположеніе ошибочнымъ. Желѣзная дорога не можетъ даже пониженіемъ провозной платы вызвать движенія. Для этого необходимо, во-1-хъ, чтобы измѣненіе въ стоимости провоза понизило цѣну товара, и во-2-хъ, чтобы пониженіе цѣны усилило потребление. Первое можетъ имѣть мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда расходъ на провозъ составляетъ главную составную часть цѣны произведенія (напр. для каменнаго угля, удобрений и друг. громоздкихъ предметовъ); второе возможно лишь тогда, когда могутъ увеличиться потребность и потребление. Никакое пониженіе цѣны на провозъ не вызоветъ увеличенія потребления и перевозки хлѣба, угля и проч., на которое нѣтъ спроса. Наконецъ, самое увеличеніе количества перевозимыхъ предметовъ предполагаетъ возрастаніе ихъ производства. Авторъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе, что тарифъ и масса перевозки измѣнялись въ обратномъ отношеніи (стр. 251 и слѣд.). Допуская, что пониженіе тарифовъ можетъ увеличить перевозку, онъ возстаетъ противъ мнѣнія, что измѣненія провозной платы позволяютъ измѣнить условія движенія по усмотрѣнію управленія желѣзной дороги. Въ подтвержденіе своего положенія г. Чупровъ ссылается на Николаевскую желѣзную дорогу, на которой возрастаніе движенія произошло не отъ измѣненія тарифовъ, а отъ того, что къ ней примкнули другія линіи, которыя доставили ей добавочные грузы.

Итакъ, заключаетъ авторъ, издержки производства, падающія на единицу перевозимыхъ грузовъ, всецѣло зависятъ отъ данныхъ желѣзной дорогъ особенностей движенія. Желѣзно-дорожное хозяйство не можетъ приспособить затраты труда и капитала къ условіямъ спроса на передвиженіе, ни примѣнить передвиженія къ потребнымъ затратамъ (ср. стр. 256).

Причины неодинаковой производительности затраченнаго труда и капитала на разныхъ линіяхъ и на одной и той же линіи, въ разное время, заключаются въ разнообразныхъ особенностяхъ движенія на желѣзныхъ дорогахъ, т.-е. въ условіяхъ потребления. Этотъ своеобразный законъ самъ собою разрѣшаетъ задачу дешеваго транспорта: пониженіе издержекъ достигается въ желѣзно-дорожномъ производствѣ уже одною прибавкою массы перевозимыхъ грузовъ. Такъ было

бы, если-бы стоимость перевозки опредѣлялась единственно издержками производства, но потребители уплачиваютъ еще прибыль, и на московско-рязанской дорогѣ эта прибыль составляетъ, сверхъ 5,00% гарантіи, 43,50% того, во что обоялась перевозка. Размѣръ желѣзно-дорожной прибыли зависитъ отъ двухъ измѣняющихся величинъ: высоты издержекъ производства и размѣра провозной платы. Намъ остается рѣшить, говоритъ авторъ, существуетъ-ли естественный законъ, управляющій высотой провозной платы?

„Классическая политическая экономія,—замѣчаетъ г. Чунровъ,—признаетъ одной изъ основныхъ своихъ аксіомъ, что существованіе прибыли не мѣшаетъ товарамъ на рынкѣ обмѣниваться въ пропорціяхъ, опредѣляемыхъ издержками производства, — не мѣшаетъ мѣновой стоимости каждаго товара увеличиваться при возрастаніи послѣднихъ и, наоборотъ, понижаться, какъ скоро происходитъ уменьшеніе въ потребныхъ для его производства трудѣ и капиталѣ. Причина этого явленія заключается въ томъ, что прибыль стремится къ равенству во всѣхъ отрасляхъ занятій. „Смотря по возвышенію или пониженію цѣнъ,—говоритъ Рикардо,—прибыль поднимается выше или падаетъ ниже общаго ея уровня, и это обстоятельство то поощряетъ капиталъ приливать къ отрасли занятій, въ которой произошло измѣненіе, то предостерегаетъ не оставаться въ ней долѣе“... Это постоянное стремленіе всѣхъ капиталистовъ оставлять менѣе прибыльное дѣло ради болѣе прибыльнаго, имѣетъ неудержимую тенденцію уравнивать высоту прибыли у всѣхъ. Вотъ законъ, который удержался во всей неприкосновенности со временъ А. Смита и Рикардо. Прибыль каждаго даннаго предпріятія имѣетъ объективный предѣлъ въ высотѣ ея во всѣхъ другихъ предпріятіяхъ. Причина, которая держитъ прибыли на среднемъ уровнѣ, есть соперничество производителей, приливъ и отливъ капитала и труда изъ одной отрасли занятій въ другую. Результатъ этого процесса—постоянное принормованіе мѣновой стоимости предметовъ къ издержкамъ ихъ производства“ (стр. 259—260).

Такого прилива и отлива въ желѣзно-дорожной промышленности не существуетъ, соперничество здѣсь невозможно,—ни въ видѣ перемѣщенія производителей съ орудіями производства, какъ это бываетъ при гужевоѣ доставкѣ, ни въ видѣ пересылки готовыхъ произведеній, такъ какъ услуги оказываются на мѣстѣ. Соперничество возможно лишь между параллельно идущими желѣзными дорогами, но постройка двухъ дорогъ, вмѣсто одной, составляетъ напрасную трату капитала. Соперничество это, тамъ, гдѣ оно возникало, вело къ соглашеніямъ относительно размѣра провозной платы, раздѣла части или всѣхъ прибылей, или, наконецъ—къ сліянію компаній. Соперничество желѣзно-

дорожного движенія съ движеніемъ по водянымъ путямъ—каналамъ и по морю—привело къ сосредоточенію транспортировки въ рукахъ желѣзно-дорожныхъ обществъ. Авторъ не подтверждаетъ это фактами, взятыми изъ исторіи желѣзно-дорожнаго хозяйства въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Германіи и Австріи.

Такимъ образомъ, желѣзныя дороги создаютъ монополію, и всѣ расчеты, сдѣланные на пониженіе прибыли соперничествомъ, оказались несостоятельными.

Остается надежда на пониженіе платы за провозъ въ собственномъ интересѣ монополистовъ, на что рассчитывалъ Михаэлисъ; но это имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы при пониженіи тарифа можно было ожидать возрастанія движенія, а такъ какъ послѣднее не зависитъ отъ размѣра провозной платы, то положеніе, по которому желѣзныя дороги конкурируютъ сами съ собою, не выдерживаетъ критики. По словамъ отчета англійской парламентской комиссіи 1872 г., компаніямъ выгоднѣе везти одного пассажира или одну тонну за 1 шиллингъ, чѣмъ двухъ пассажировъ или двѣ тонны и получать съ нихъ по шести пенсовъ,—отправлять товары не по кратчайшей линіи, а по той, которая даетъ наиболѣе барыша. Отсюда происходитъ то странное явленіе, что тарифы на желѣзныхъ дорогахъ повышаются и понижаются безъ всякаго отношенія къ стоимости провоза, и что провозная плата не соответствуетъ издержкамъ производства (см. таблицы для Германіи, стр. 290, и для Россіи, стр. 291).

Предшествовавшее изложеніе приводитъ автора, въ заключительной главѣ, къ разсмотрѣнію попытокъ регулировать провозную плату и къ предложенію выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, съ уплатою компаніямъ капитала дѣйствительно затраченнаго на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ.

Регулированіе провозной платы практикуется давно. Самая ранняя и наиболѣе распространенная мѣра состоитъ въ установленіи максимальныхъ, т. е. высшихъ предѣльныхъ тарифовъ. Но она оказалась бесполезною и стѣснительною. Тарифъ давитъ на желѣзныя дороги, пока издержки производства высоки, и теряетъ силу при первыхъ успѣхахъ желѣзно-дорожныхъ линій. Опытъ показываетъ, что товарная провозная плата у насъ ниже установленной закономъ. Затѣмъ, условіе о пониженіи тарифа, при провозѣ на большихъ расстояніяхъ, — неосуществимо, а требованіе соразмѣрнаго пониженія платы, при достиженіи прибылью извѣстной высоты, не достигается цѣли, потому что отчеты компаній могутъ всегда скрыть дѣйствительную прибыль.

Все это привело автора къ убѣжденію въ необходимости сосредоточенія желѣзныхъ дорогъ въ рукахъ государства.

Существующія концессіи допускають два способа перехода желѣзныхъ дорогъ въ руки казны: окончаніе срока концессіи и выкупъ государствомъ. Авторъ останавливается на послѣднемъ. Исчисливъ изданные по этому предмету законы, въ которыхъ за основаніе вычисленія выкупной суммы принимается прибыль, г. Чупровъ находитъ, что такой выкупъ потребовалъ бы огромныхъ пожертвованій. Если дорога, отданная по концессіи на 85 лѣтъ, даетъ только $5\frac{1}{10}\%$, т.-е. гарантированный процентъ, то при выкупѣ черезъ 20 лѣтъ пришлось бы уплатить владѣльцамъ дороги $5\frac{1}{10} \times 65 = 331\frac{5}{10}$, а такъ какъ капиталъ сооруженія бываетъ ниже номинальнаго, то пришлось бы уплатить за дорогу, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза болѣе, чѣмъ она стоить. Примѣняя этотъ размѣръ къ московско-рязанской желѣзной дорогѣ, авторъ находитъ, что за нее пришлось бы заплатить въ 14 разъ болѣе противъ сдѣланной затраты.

Существующія условія выкупа г. Чупровъ признаетъ необъяснимыми. По его мнѣнію, еслибы государство вздумало экспроприровать фабрику, то оно, всего вѣроятнѣе, ограничилось бы уплатою издержанной на фабрику суммы. Но хозяева желѣзной дороги затрачиваютъ въ нее не исключительно собственный, а облигаціонный капиталъ, доходъ съ котораго, въ видѣ желѣзно-дорожной прибыли, не составляетъ ни платы „за воздержаніе“, ни платы за рискъ. Столь же мало основаній считать эту прибыль платою за изобрѣтательность и предпріимчивость, или платою за трудъ и искусство управленія. Крупныя различія въ размѣрѣ прибыли сводятся къ различіямъ во внѣшнихъ условіяхъ, и къ желѣзно-дорожному хозяйству не примѣняется ни одно изъ экономическихъ основаній, на которыхъ обыкновенно опирается предпринимательскій доходъ. Сохранить за владѣльцами желѣзной дороги, въ случаѣ ея выкупа, прибыль на нѣсколько поколѣній не оправдывается ни справедливостію, ни экономическимъ расчетомъ. Принимая на себя покрытіе долга по облигаціямъ, и возвращая акціонерамъ номинальную стоимость акцій, государство не нарушаетъ ни одного изъ существенныхъ правъ собственниковъ желѣзно-дорожныхъ капиталовъ.

Противъ предложенныхъ условій выкупа, по мнѣнію г. Чупрова, можно сдѣлать одно возраженіе—именно, что они оттолкнуть капиталы; но въ настоящее время, замѣчаетъ онъ, желѣзныя дороги строятся главнымъ образомъ на облигаціонный капиталъ. Еслибы отхлынули акціонеры, то не бѣда, что уменьшилось бы число лицъ, пользующихся легкою наживою. Выигрываетъ общество отъ утраты акціями способности безгранично возвышаться и отъ уплаты за дорогу при выкупѣ меньшихъ суммъ. Такъ, за московско-рязанскую желѣзную дорогу пришлось бы уплатить по расчету за 1869 годъ

въ 12 разъ меньше. „Но—что главное—черезъ установленіе выкупа на наложенныхъ выше основаніяхъ, государство имѣло бы въ своихъ рукахъ могучее средство регулировать прибыль и провозныя цѣны частныхъ компаній, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣло и не обставляя желѣзно-дорожнаго хозяйства стѣснительными узаконеніями. Очевидно, что всякій разъ, какъ по состоянію денежнаго рынка открывалась бы возможность занять капиталъ за меньшій процентъ, нежели приносимый равнымъ капиталомъ въ видѣ дороги, государству былъ бы прямой расчетъ воспользоваться правомъ выкупа съ тѣмъ, чтобы въ интересахъ страны понизить провозную плату. Сознавая это, владѣльцы дороги, чтобы устранить мотивы къ выкупу, вѣроятно, сами стали бы понижать провозную плату. Но еслибы даже владѣющая дорогой компанія не произвела по собственной инициативѣ должнаго пониженія тарифа, то государство имѣло бы полную возможность, безъ всякаго нарушенія частныхъ интересовъ, обязать ее къ тому, подъ угрозой, въ противномъ случаѣ, выкупить дорогу. Такъ какъ, при существованіи гарантированнаго процента на акціи, владѣльцы дороги не понесли бы ущерба въ томъ случаѣ, еслибы доходъ, вслѣдствіе уменьшенія провозной платы, временно спустился ниже размѣра гарантіи, то для нихъ не было бы никакого интереса предпочесть передачу дороги удовлетворенію законныхъ требованій государства. Такимъ образомъ, право выкупа дорогъ по дѣйствительной стоимости дало бы государству возможность, въ случаѣ надобности, приравлять провозную плату къ уровню издержекъ производства и обычнаго процента въ странѣ. Въ этомъ смыслѣ право выкупа, подобно конкуренціи въ другихъ отрасляхъ промышленности, служило бы объективнымъ регуляторомъ провозныхъ цѣнъ и прибыли, котораго, при настоящихъ условіяхъ, въ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ не существуетъ“ (стр. 318—319).

Таково содержаніе книги г-на Чупрова. Должно сознаться, что въ предлагаемомъ очеркѣ читатель могъ найти только сухой ея остовъ, и что главный ея интересъ заключается въ богатствѣ данныхъ, разработанныхъ съ замѣчательнымъ талантомъ, по методу, который можетъ быть признанъ во многихъ отношеніяхъ образцовымъ. Поэтому, хотя точное понятіе о трудѣ г-на Чупрова можно составить лишь при внимательномъ его изученіи, но изъ сказаннаго можно, кажется, убѣдиться въ строгой послѣдовательности автора и въ добросовѣстности, съ которой онъ выполнилъ свою задачу.

III.

Лица, близко знакомы съ практической стороною желѣзно-дорожнаго хозяйства и располагающія матеріаломъ, изъ котораго извлечены приводимыя г. Чупровымъ данныя, быть-можетъ, будутъ осматривать способъ приведенія къ одной единицѣ товаровъ и пассажировъ, полагая пассажира=30 пудо-верстамъ, такъ какъ предположеніе (стр. 85), что отношенію между доходами, доставляемыми пассажирами и товарами, соответствуютъ издержки на провозъ тѣхъ и другихъ, въ дѣйствительности едва ли имѣетъ мѣсто: тарифы (не предѣльные, а дѣйствительно взимаемые) соотнобразятся не съ расходами, а съ возможностью наибольшей выручки отъ провоза пассажировъ и товаровъ.

Равнымъ образомъ, сопоставляя немногія допускающія сравненія цифры, взятія у гг. Чупрова, Блюха („Русскія желѣзныя дороги“, Спб. 1875 г.) и у гр. Соллогуба („Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи“), можно найти иногда крупныя необъяснимыя разницы; но это разногласіе не можетъ быть поставлено въ вину автору, и нѣтъ основанія заподозрить правильность приведенныхъ имъ данныхъ. Причину разногласій слѣдуетъ, конечно, искать въ недостаткахъ желѣзно-дорожной статистики.

Желѣзно-дорожной статистикѣ еще предстоитъ уясненіе условій выгоды сооруженія и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, и установленіе твердыхъ основаній для правильнаго опредѣленія тарифовъ. Вопросы, которые кажутся столь простыми, ясными и легкими, какъ, напримѣръ: во что обошлась постройка дороги? что стоитъ администрація? какъ великъ расходъ на перевозку пуда товаровъ или одного пассажира отъ версты? и т. п.—усложняются множествомъ обстоятельствъ, выясняющихся лишь при ближайшемъ знакомствѣ съ технической стороною дѣла. Дорога можетъ быть построена или капитально, такъ что по открытіи ея никакихъ дополнительныхъ работъ не требуется, или же на-скоро, легко, съ перспективою множества добавочныхъ сооруженій, которыя смѣшиваются въ одну общую рубрику съ ремонтомъ. Слово „администрація“ можетъ имѣть очень растяжимое значеніе и относиться или къ составу совѣщательныхъ собраній и управленій, заведывающихъ частями распорядительною и наблюдательною, или же она можетъ обнимать совокупность служащихъ, начиная съ высшихъ, и оканчивая подчиненными, простыми труженниками. Расходъ на провозъ пуда товара или одного пассажира отъ версты осложняется тѣмъ, въ какой мѣрѣ нагружаются вагоны, какое разстояніе они проходятъ, возвращаются ли

они пустыми или съ обратнымъ грузомъ; другими словами—сколько провозится полезнаго и сколько мертваго груза, и наконецъ, сколько пройдено верстъ дѣйствительнаго пути и сколько пройдено пути при маневрированіи вагонами.

Эти немногія замѣтки показываютъ, что желѣзно-дорожная статистика требуетъ тонкаго анализа сложныхъ явленій и большой осторожности въ обобщеніяхъ и выводахъ, что трудъ собиранія данныхъ совершенствуется параллельно съ ихъ разработкою, ради ученыхъ и практическихъ цѣлей. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если, за недостаткомъ твердо установленныхъ, правильныхъ статистическихъ рубрикъ, данныя, приводимыя разными писателями, расходятся даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приняты, повидимому, одинакія слагаемыя, — не говоря уже о томъ, что данныя, полученные путемъ вычисленія, при разныхъ основаніяхъ, совершенно недоступны для сравненія.

Для примѣра можно указать на исчисленіе гг. Чупровымъ и Блюхомъ капитала, затраченнаго въ желѣзныя дороги, и расходовъ, потребныхъ для содержанія центральнаго управленія:

Дороги.	Затраченный капиталъ:	
	по г. Чупрову: по г. Блюху:	
	въ милліонахъ рублей.	
	въ 1870 г.	въ 1872 г.
1) Николаевская	90,1	173,1 ¹⁾
2) Московско-Рязанская	18,1	16
3) Московско-Нижегородская	36,2	34,1
4) Рязанско-Козловская	18,2	17,2
5) Рязко-Динабургская	12,2	14,2
6) Динабург-Витебская	18,2	19,2
7) Орловско-Витебская	40,2	45
8) С.-Петербургско-Варшавская	125,4	100
9) Московско-Ярославская	12,2	18,7
10) Воронежско-Ростовская	4,2	43,4
11) Волго-Донская	4,2	4,2
12) Курско-Харьково-Азовская	85,2	62,2
13) Козловско-Воронежская	12,2	12,2
14) Курско-Кіевская	29,2	83,7
15) Орловско-Грязская	21,4	23,1
16) Грязско-Царицынская	15,4	44,2
17) Шуйско-Ивановская	5,2	10,2
18) Рязко-Моршанская	7,1	8,2
19) Тамбовско-Козловская	5,2	5,2

¹⁾ Графъ А. Соллогубъ показываетъ расходъ на сооруженіе николаевской желѣзной дороги въ 124,172 р. 18 к. на версту, что составитъ на всю дорогу 74.999,996 рублей. Эта цифра можетъ быть выше, вслѣдствіе расходовъ на капитальныя дополнителныя постройки. Въ концѣ IV таблицы гр. А. Соллогубъ упоминаетъ о 18 милл. руб., выданныхъ правительствомъ обществу на капитальныя исправленія; но какая часть изъ этой суммы пошла на новыя сооруженія, какая собственно на ремонтъ, — это остается неразъясненнымъ.

Между упомянутыми дорогами нѣкоторые не были еще достроены въ 1870 году, другія получили пособія отъ казны въ облигаціонномъ капиталѣ для дополненія сооруженій или для усиленія своего подвижного состава; но есть разности, которыя не объясняются указанными причинами. Эти разности относятся въ линіи Главнаго общества николаевской и с.-петербургско-варшавской, къ дорогамъ московско-рязанской, рязанско-козловской и пр. Не подлежит сомнѣнію, что составители таблицъ черпали или изъ источниковъ официальныхъ, т.-е. опубликованныхъ правительствомъ, или изъ желѣзнодорожныхъ отчетовъ; но это только удостовѣряетъ недостаточность твердыхъ положительныхъ основаній въ желѣзнодорожной статистикѣ.

Еще поразительнѣе разность, представляемая расходами на центральное управленіе, при сличеніи данныхъ гг. Чупрова и Блюха.

Расходы на центральное управленіе составляли:

	На версту дороги	
	у г. Чупрова:	у г. Блюха:
	для 1870 г.	для 1872 г.
	руб.	руб.
Петербургско-Варшавской	381	862
Московско-Прославской	389	513
Курско-Кіевской	421	419
Орловско-Грязской	429	740
Московско-Нижегородской	454	962
Грязско-Царичинской	513	{529—II участ. 537— I участ.
Николаевской	514	1624
Козловско-Воронежской	650	756
Риго-Динабургской	654	777
Динабургско-Витебской	754	1028
Курско-Харьковско-Азовской	784	728
Шуйско-Ивановской	789	{507—II участ. 549— I участ.
Риго-Митавской	841	831
Московско-Рязанской	851	1015
Орловско-Витебской	869	788
Грушевско-Ростовской	871	—
Рязанско-Козловской	893	1184
Рязско-Моршанской	916	898
Волжско-Донской	1127	1295
Козловско-Тамбовской	1305	860
Петергофской	1348	—
Царскосельской	4029	—

Разногласіе это трудно объяснить тѣмъ, что данныя образовались изъ разныхъ слагаемыхъ. Если бы въ цифры г. Блюха включены были такіе расходы, которые вовсе не приняты въ расчетъ г. Чуп-

ровнымъ или наоборотъ, то данныя одного статистика были бы или болѣе, или менѣе данныхъ другого, между тѣмъ какъ у обоихъ писателей для нѣкоторыхъ линій расходы центрального управленія почти совпадаютъ (для курско-киевской, риги-митавской, грязе-царининской), для другихъ линій болѣе у г. Блюха (напр. для петербургско-варшавской слишкомъ въ два раза, для николаевской — слишкомъ въ три раза; для орловско-гравской, динабургско-витебской и проч.); а наконецъ, для иныхъ линій болѣе у г. Чупрова (курско-харьковско-азовской, шуйско-ивановской, орловско-витебской, ковловско-тамбовской). Разногласіе нельзя объяснить также различіемъ во времени, — тѣмъ, что одніе данныя относятся къ 1870 году, другіе къ 1872 году, тѣмъ, что на однихъ линіяхъ было уже установившееся движеніе, а на другихъ оно только предстояло.

Какъ бы то ни было, шаткость нѣкоторыхъ данныхъ, представляемыхъ желѣзно-дорожною статистикою, нисколько не умаляетъ достоинствъ разсматриваемой книги, и эти-то достоинства обязываютъ рецензента разобрать какъ теоретическія положенія, съ которыми нельзя согласиться, такъ и конечный выводъ, сдѣланный авторомъ, — выводъ, едвали истекающій изъ ряда приводимыхъ имъ послышій.

Жалая дать своимъ изслѣдованіямъ теоретическое основаніе, г. Чупровъ усвоиваетъ положенія науки, которыя онъ признаетъ установившимися, или даже основными аксіомами политической экономіи, и которыя, однакоже, едва-ли могутъ имѣть притязаніе на необходимость. Разрабатывая статистическія данныя и сознавая всю ихъ неполноту и недостаточность, авторъ, съ одной стороны, находитъ такія особенности въ желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ, которыя по меньшей мѣрѣ подлежатъ спору, какъ по самому существу своему, такъ и по даннымъ, на которыхъ онѣ основаны; наконецъ, конечный выводъ, въ которомъ г. Чупровъ видитъ единственный способъ справедливаго рѣшенія вопроса, какимъ образомъ можно сломать желѣзно-дорожную монополію, — въ свою очередь грѣшитъ противъ практическихъ требованій и противъ справедливости.

Итакъ, прежде всего необходимо коснуться научныхъ положеній, приведенныхъ авторомъ изъ А. Смита и Рикардо. Нѣтъ спора, что мысли, высказанныя классиками политической экономіи, и до настоящаго времени сохранили значеніе, но едвали и теперь можно утверждать, что цѣнность и цѣна (т.-е. цѣнность, выраженная деньгами) опредѣляются количествомъ труда, употребленнаго въ производствѣ. Самъ А. Смитъ различалъ *real-price* — реальную цѣну, цѣнность, опредѣляемую трудомъ, отъ номинальной, выраженной деньгами, отъ того, что мы собственно называемъ цѣною. Эта реальная цѣна, — цѣнность, опредѣленная трудомъ, по словамъ Смита, есть от-

включенное представлѣніе „an abstract notion“, средство для того, чтобы выразить цѣнность единицею, хотя и далеко неоднородною, но возможно менѣе замѣняемою. Полагая, что цѣнность предмета для человѣка, желающаго его приобрести, равняется количеству труда, употребленнаго на производство, а для желающаго обмѣнять равняется количеству труда, которое можетъ быть куплено этимъ предметомъ, — Смитъ, можно сказать, предчувствовалъ, что трудъ составляетъ едва ли не главное средство для оцѣнки производительности страны и едва ли не единственное мѣрило благосостоянія народа. Количество труда, необходимаго для производства, указываетъ на производительность работника, а количество труда, которое можетъ быть куплено тѣмъ или другимъ произведеніемъ, или иначе — на него обмѣнивается, указываетъ на то, въ какой мѣрѣ предметъ необходимости и удобства жизни доступенъ для населенія.

Рикардо видѣлъ противорѣчіе въ этой двойной точкѣ зрѣнія Смита, и полагалъ, что цѣнность произведеній происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ рѣдкости ихъ и отъ количества труда, употребленнаго на производство. Произведенія, цѣнность которыхъ зависитъ отъ рѣдкости, составляютъ по Рикардо очень малую долю предметовъ ежедневнаго обмѣна: большая часть послѣднихъ можетъ быть размножена производствомъ, въ количествѣ, для котораго почти невозможно назначить предѣловъ, и цѣнность ихъ опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго въ производствѣ. При этомъ Рикардо полагалъ, вопреки Смиту, что самая затрата капитала есть не что иное, какъ затрата труда. Приписывая, однакоже, происхожденіе цѣнности — рѣдкости, Рикардо не замѣтилъ, что это условіе вліяетъ на цѣнность очень многихъ предметовъ, которые могутъ быть производимы въ большемъ количествѣ лишь при замѣнѣ естественныхъ монополийныхъ дѣателей, большими затратами въ производствѣ, и что поэтому самая рента заключается въ себѣ часто признакъ монополии. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи цѣнности, Рикардо ставилъ ее въ зависимость отъ долговѣчности капиталовъ и доказывалъ, что цѣнность произведеній, въ образованіи которыхъ участвуютъ долговѣчные капиталы, понижается соразмѣрно съ болѣею долговѣчностью послѣднихъ, при пониженіи прибыли ¹⁾.

¹⁾ На первыхъ ступеняхъ общественности, — говоритъ Рикардо, — до употребленія въ дѣло машинъ или постоянного капитала, предметы, произведенные при помощи разныхъ капиталовъ, имѣютъ почти одинаковую цѣнность, и цѣнность ихъ возвышается или понижается единственно въ соразмѣрности съ болѣею или менѣею количествомъ труда, потребнаго на ихъ производство; но, по введеніи этихъ дорогихъ орудій, предметы, произведенные при помощи одинаковыхъ капиталовъ, будутъ имѣть весьма различную цѣнность, и хотя эта цѣнность возвышается или понижается, смотря

Итакъ, ученіе Смита не совпадаетъ съ доктринами Рикардо, и самъ Рикардо, этотъ могучій мыслитель, который предпочиталъ гипотезы и вымышленные примѣры наблюденію фактовъ, едва ли создалъ теорію, которая объясняетъ сущность цѣнности и составляетъ если не послѣднее слово науки, то по крайней мѣрѣ содержитъ въ себѣ все для того, чтобы высказать это слово.

Но въ новѣйшее время „an abstract notion“ Смита и гипотеза Рикардо объ опредѣленіи цѣнности количествомъ труда, употребленнаго на производство, были приняты за нѣчто реальное, за дѣйствительно существующее. Вопреки очевидности, стали утверждать, что цѣнность и цѣна опредѣляются, кристаллизовавшись въ произведеніяхъ, среднюю общественно-необходимую работу для нихъ производства, хотя фактическія цѣны представляютъ положительное опроверженіе этого ученія, напоминая слова Прудона: „цѣнность своеправа и капризна какъ свобода“, и хотя никто еще не далъ себѣ труда ни вычислить среднюю общественно-необходимую работу, заключающуюся въ какомъ бы то ни было произведеніи, ни сравнить цѣны разныхъ произведеній (не только средних, но и конкретныя) съ относительнымъ количествомъ работы, необходимой для нихъ производства. Признавая гуманную цѣль въ новомъ ученіи о цѣнности, значительно уклоняющемся отъ того, что было высказано Смитомъ и Рикардо, нельзя не усомниться въ томъ, что оно можетъ раздвинуть кругъ нашихъ знаній, вызвать пылкость ума и поселить убѣжденіе, что гипотезы не даютъ положительныхъ результатовъ, если параллельно съ апіорическими выводами не идетъ другая работа, работа изученія дѣйствительности, которая уясняетъ причинную связь явленій, добываетъ факты и ставитъ научные вопросы, ожидающіе разрѣшенія.

Этотъ истинно-научный методъ, которому и слѣдовалъ г. Чупровъ, отвлекая его отъ пути, обыкновенно оказывающагося бесплоднымъ; принятая имъ теорія цѣнности, сформулированная безъ достаточной опредѣлительности, не имѣла вліянія на характеръ его работы. Самъ авторъ, повидимому, нашелъ неудобнымъ оцѣнивать услуги, оказывае-

тому болѣе или менѣе труда необходимо для нихъ производства, но она подлежитъ другому менѣе значительному измѣненію, подъ вліяніемъ возвышенія или пониженія заработной платы и прибыли... Относительная цѣнность товаровъ, на производство которыхъ употребленъ долговѣчный капиталъ, измѣняется въ прямомъ отношеніи къ долговѣчности этого капитала, и въ обратномъ отношеніи къ движенію заработной платы. Другими словами, чѣмъ заработная плата выше, тѣмъ ниже должна быть прибыль, а чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ ниже цѣнность предметовъ, производимыхъ при помощи долговѣчнаго капитала, и при томъ пониженіе цѣнности находится въ зависимости отъ степени этой долговѣчности.

мыя желѣзными дорогами, или желѣзно-дорожное производство количествомъ труда, употребленнаго на сооруженіе и на пользованіе этими путями, и обратится къ опредѣленію затратъ, текущихъ расходовъ, доходовъ и прибыли.

Въ замѣчательныхъ и особенно интересныхъ главахъ о желѣзно-дорожной прибыли, авторъ также приводитъ положеніе, которое онъ считаетъ аксіомою классической политической экономіи, закономъ, который удержался въ своей неприкосновенности со временъ А. Смита и Рикардо, именно—что прибыль стремится къ равенству во всѣхъ отрасляхъ занятій. Дѣйствительная жизнь, признавая это стремленіе, убѣждаетъ однакоже въ томъ, что прибыль далеко не одинакова и не равна, а Смитъ, ученіе котораго авторъ отождествляетъ съ ученіемъ Рикардо, очень опредѣлительно утверждалъ и развивалъ причины неравномѣрности прибыли въ разныхъ отрасляхъ занятій. Мало этого, самъ авторъ, какъ мы видѣли выше, замѣчаетъ, что капиталъ идетъ на малыя желѣзно-дорожныя предпріятія лишь подъ условіемъ уплаты болѣе значительныхъ процентовъ.

Замѣчанія, высказанныя въ предыдущемъ, относятся къ немногимъ страницамъ книги г. Чупрова, и были бы совершенно излишніи, (потому что фактическое изложеніе нисколько не пострадало отъ приведенныхъ теоретическихъ положеній), если бы они не остались безъ вліянія на нѣкоторыя соображенія автора и на конечный выводъ въ его книгѣ ¹⁾.

Къ такимъ соображеніямъ относится, главнымъ образомъ, слѣдующее: цѣна провоза по желѣзнымъ дорогамъ, составляющимъ предпріятія монопольныя, не регулируется соперничествомъ, поэтому доставляемая ими прибыль ненормальна и не соразмѣряется съ издержками производства, т.-е. провоза. Отсюда возникаетъ у г. Чупрова мысль выдѣлить желѣзныя дороги изъ ряда другихъ предпріятій, указать на особенности желѣзно-дорожнаго хозяйства, которое, по его мнѣнію, слѣдуетъ своеобразнымъ законамъ: оно не можетъ ни приспособить затратъ труда и капитала къ условіямъ спроса

¹⁾ Такъ какъ здѣсь зашла рѣчь о научныхъ воззрѣніяхъ, то вѣстни упомянуть и о томъ, что языкъ г. Чупрова, отличающійся вообще ясностію и опредѣлительностію, имѣетъ иногда этимъ свойствамъ, когда дѣло идетъ о терминахъ. „Цѣнность“, „мѣсовая цѣнность“, „мѣсовая стоимость“, „цѣна“, „издержки производства“ не всегда строго различаются авторомъ и рассматриваются имъ чуть-ли не какъ синонимы (см. введене). Если еще можно спорить о томъ, составляетъ ли выраженіе *мѣсовая стоимость* неологизмъ или нѣтъ, то выраженіе „мѣсовая стоимость“ не имѣетъ точно опредѣленнаго смысла, по крайней мѣрѣ—*cast exchangeable, le coût en échange* совершенно неупотребительны, по той простой причинѣ, что стоимость опредѣляется издержками производства, а издержки [производства не всегда совпадаютъ съ цѣностію и цѣною.

на передвиженіе, ни прикѣпить передвиженія къ потребнымъ затратамъ. Опредѣливъ такимъ образомъ особенности желѣзныхъ дорогъ, онъ противопоставляетъ послѣднія фабрикамъ, не замѣчая, что монополизмъ характеръ въ большей или меньшей степени свойственъ многимъ крупнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, а въ томъ числѣ и фабрикамъ.

Въ частности, г. Чупровъ полагаетъ: во-первыхъ, что въ фабричной промышленности выгода механической силы почти одинакова велика, употребляется ли сила пара или воды для движенія простаго токарнаго станка или сложнаго механизма. Но если бы это было такъ, то невозможно было бы объяснить преобладанія большихъ фабричныхъ предпріятій надъ малыми. Во-вторыхъ, г. Чупровъ полагаетъ, что строго опредѣленнымъ технологическими требованіями размѣръ постоянного капитала, затрачиваемаго въ желѣзныя дороги, гораздо значительнѣе, нежели въ прочихъ родахъ предпріятій. И это едва ли можно допустить: разстояніе между высшимъ и нижнимъ предѣломъ такихъ затратъ въ желѣзно-дорожномъ хозяйствѣ представляетъ значительныя отклоненія отъ среднихъ цифръ. Шюблеръ (Schübler, Ueber Eisenbahnen von localem Interesse. 1872. Stuttg.) и Лавель (Level, De la construction et de l'exploitation des chemins de fer d'intérêt local. Paris, 1870) свидѣтельствуютъ, что верста желѣзной дороги, составляющей придаточное предпріятіе (Industrielle Bahnen) можетъ быть построена владѣльцемъ на своей землѣ за 9,000 и даже за 7½ т. металлич. рублей, а верста желѣзныхъ дорогъ мѣстныхъ (Local-Eisenbahnen, Chemins de fer d'intérêt local) за 17 т. мет. рублей. Выводъ, къ которому пришелъ авторъ, объясняется тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду только большія желѣзно-дорожныя линіи главныхъ сообщеній, а не второстепенныя, которымъ только полагается начало. Въ-третьихъ, положеніе, что капиталъ, затраченный въ фабрикѣ, менѣе иммобилизовать, чѣмъ употребленный на постройку желѣзной дороги, можетъ быть принято только съ большими ограниченіями. Упраздненіе желѣзныхъ дорогъ и обращеніе затраченнаго на нихъ капитала на другія цѣли, почти не встрѣчается въ исторіи путей сообщенія ¹⁾, по той простой причинѣ, что процентъ съ капитала, который можетъ быть полученъ при ликвидаціи, всегда будетъ ниже той средней прибыли, которую даетъ капиталъ, оставався затраченнымъ въ желѣзной дорогѣ въ теченіи срока концессіи. Если же допустить упраздненіе желѣзно-дорожнаго предпріятія, то потеря едва ли будетъ много отличаться

¹⁾ Въ Англіи, при сліяній желѣзно-дорожныхъ компаній, былъ случай закрытія части одной изъ линій, и то при существованіи конкурирующихъ линій.

отъ потери при обращеніи однихъ фабрикъ или заводовъ въ другіе. Подвижной составъ и рельсы могутъ быть проданы другимъ желѣзнымъ дорогамъ; самое пометье, станціонныя зданія и мосты могутъ пригодиться для шоссе; бесспорно, потеря будетъ громадная; но при обращеніи одной фабрики въ другую новое предпріятіе часто можетъ воспользоваться только голыми стѣнами, да и тѣмъ лишь при припроревленіи постройки къ новымъ условіямъ производства, механизмы же продаются иногда за безцѣпокъ. Въ подтвержденіе сказаннаго можно сослаться на низкую оцѣнку фабрикъ, при обезпеченіи ими гипотечныхъ займовъ.

Въ-четвертыхъ, г. Чупровъ настаиваетъ на той особенноти желѣзныхъ дорогъ, что онѣ не могутъ припроревить ни затратъ къ потребностямъ движенія, ни передвиженія къ потребнымъ затратамъ; но то же самое можно сказать о фабрикахъ и заводахъ. Фабрика и заводъ могутъ быть рассчитаны на такіе размѣры производства, которые могутъ быть убыточны—или потому, что производство ихъ превышаетъ тотъ сбытъ, для котораго они предназначены (например, мельница г. Овсвиникова, по прекрасному объясненію г. Спасовича), или потому, что фабрика не можетъ найти нуждъ рудою достаточнаго количества суровья и топлива по выгодной цѣнѣ, и тотъ фабрикантъ, который затѣялъ бы предпріятіе съ чрезвычнымъ производствомъ, быть-можетъ, не нашелъ бы достаточнаго числа покупателей, точно также какъ и заводчикъ понесъ бы убытокъ, еслибы, не имѣя другого, болѣе дешеваго топлива, кромѣ доставляемаго ему своимъ лѣсомъ, не принялъ въ расчетъ, что правильное лѣсопроизводство и лѣсоупотребленіе невозможно, если будетъ рубиться $\frac{1}{10}$ часть лѣса ежегодно. Если г. Чупровъ говоритъ, что желѣзная дорога не можетъ вызвать движенія, то, равнымъ образомъ, можно сказать, что и фабрика не можетъ вызвать потребностей и потребленія... Дѣло идетъ о различіяхъ количественныхъ, но не качественныхъ и не принципиальныхъ, и если желѣзно-дорожныя предпріятія представляютъ намъ аномальныя явленія—несоотвѣтствіе затратъ съ движеніемъ, то это происходитъ или отъ того, что желѣзная дорога еще не вошла въ общую систему сообщеній, когда движеніе можетъ сдѣлаться выгоднымъ, или что она построена безъ надлежащаго наученія торговой стороны предпріятія, на что такъ справедливо указалъ самъ г. Чупровъ, приводя мнѣніе Лаунхардта (стр. 248). Въ сущности, неравсчитливая постройка и чрезвычайныя затраты составляютъ общее правило при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, потому что концессіонеры-строители выигрываютъ тѣмъ болѣе, чѣмъ значительнѣе капиталъ, которымъ ведется операція. Этимъ, быть-можетъ, отчасти объясняется тотъ фактъ, что мѣстныя же-

жѣзныя дороги составляютъ доселѣ исключеніе, что постройка ихъ предпринимается или собственниками, ради потребностей другихъ своихъ предпріятій, или органами мѣстнаго управленія, и почти никогда большими компаниями, учредителями которыхъ нужны большія сбереженія на постройкахъ, попадающія въ ихъ карманъ, большіе коммисіонные проценты и крупныя преміи.

Если авторъ хотѣлъ указать на различіе между фабрикою и желѣзною дорогою, то правильнѣе было бы, кажется, ограничиться тѣмъ, что фабрика рассчитываетъ на прибыль въ ближайшее время, послѣ того, какъ она будетъ пущена въ дѣйствіе, желѣзная же дорога рассчитываетъ иногда на прибыль по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда установится по ней движеніе, когда применитъ къ ней боковыя вѣтви и другія линіи, когда система мѣстныхъ сообщеній свяжетъ ее съ главными пунктами района, среди котораго она находится. — Фабрика можетъ рассчитывать на монополію только въ нѣвѣстной мѣрѣ, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ; для желѣзной дороги — монополія всегда отираывается въ перспективѣ болѣе или менѣе близкой. Тамъ, гдѣ желѣзная дорога не составляетъ единственнаго пути, гдѣ на ряду съ нею существуетъ такая же дорога, или водное сообщеніе, для нея легче, чѣмъ для фабрики, соглашеніе, сдѣланіе и погашеніе однимъ предпріятіемъ другого, хотя искусственное поддержаніе цѣнъ фабрикантами и заводчиками, въ особенности при помощи кредита, не составляетъ слишкомъ рѣдкаго явленія.

Равнымъ образомъ нельзя сказать, чтобы зло желѣзно-дорожной монополіи заключалось лишь въ чрезмѣрной доставляемой ею прибыли. Изъ русскихъ дорогъ одна только московско-рязанская даетъ очень крупную прибыль. Въ общей же сложности, по исчисленіямъ г. Блюха, — русскія желѣзныя дороги дали среднимъ числомъ въ 1871 г. — 3,7%, въ 1872 г. — 3,9, въ 1873 г. — 4,9%, слѣдовательно, доходъ, далеко недостаточный для олаты процентовъ и погашенія во затраченному капиталу. — Средняя прибыль англійскихъ желѣзныхъ дорогъ составляла въ 1866 г. — 4,02%, въ 1869 г. — 4,22, въ 1870 г. — 4,41, въ 1871 г. — 4,66, въ 1872 г. — 4,89, въ 1873 г. — 4,74%, Конечно, эта прибыль въ 1873 году представляла большія колебанія — отъ 0 до 13%, но изъ капитала акціонернаго (не считая пріоритетовъ и облигацій) въ 244,4 мил. фун., только 23,7 мил. приносили отъ 8 до 13%, остальной капиталъ давалъ отъ 0 до 8% (Контъ, т. II. стр. 579—580). Прибыль, доставляемая нѣкоторыми линіями, дѣйствительно бываетъ велика, но она нисколько не менѣе получаемой въ другихъ отрасляхъ промышленности предпріятіями, находящимися въ особенно-благопріятныхъ условіяхъ, и самъ г. Чупров миритъ читателя съ этою прибылью, свидѣтельствуя о благотворномъ вліяніи

современныхъ желѣзныхъ дорогъ на развитіе производства и торговли. Онъ самъ приводитъ поразительныя цифры, удостовѣрившія, что производство каменнаго угля и чугуна возрасло въ небывалыхъ размѣрахъ, въ теченіи сравнительно непродолжительнаго времени, что обороты внѣшней торговли удваиваются не въ 20—30, а въ 5—6 лѣтъ; онъ самъ удостовѣряетъ, что желѣзно-дорожное движеніе возрасло и продолжаетъ расти въ изумительныхъ размѣрахъ, благодаря дешевизнѣ (имъ самимъ констатированной), быстротѣ и правильности провоза.

Итакъ, поводъ къ обузданію желѣзно-дорожной монополіи заключается не въ одной чрезмѣрности прибылей, а также въ свойствѣ этой монополіи, въ ея стремленіи поглотить другія предпріятія, подчинить себѣ промышленность, и въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя во многихъ странахъ установились между желѣзно-дорожными компаніями и государствомъ. Изъ разнообразныхъ формъ проявленія желѣзно-дорожной монополіи, авторъ остановился на одной—на непрерывномъ и чрезмѣрномъ возрастаніи прибылей, на предметъ, который имѣетъ у насъ пока болѣе теоретическій, чѣмъ практический интересъ (потому что только очень немногія линіи даютъ довольно крупную прибыль), и который, даже въ Англіи, не получилъ еще серьезнаго значенія, такъ какъ значительное число другихъ промышленныхъ предпріятій, подлежащихъ повидимому свободному соперничеству, даютъ прибыли еще большія.

Задавшись вопросомъ: какимъ образомъ можно оградить интересы общества отъ прогрессивнаго возрастанія желѣзно-дорожныхъ прибылей?—г. Чупровъ указываетъ на два способа—на регулированіе провозной платы правительствомъ, и на обращеніе желѣзныхъ дорогъ въ государственныя предпріятія посредствомъ выкупа ихъ по дѣйствительной ихъ стоимости.

Г. Чупровъ оспариваетъ пользу законодательнаго регулированія тарифовъ желѣзно-дорожнаго провоза доводами, противъ которыхъ не трудно найти возраженія. По его словамъ: а) *нормальные тарифы слишкомъ высоки*—но въ такомъ случаѣ слѣдовао бы только принять болѣе умѣренные; б) *тарифы опредѣляются на слишкомъ продолжительные сроки*,—но отсюда слѣдуетъ, что сроки должны быть сокращены; в) *условія пониженія тарифовъ, при достиженіи прибылью извѣстнаго размѣра, недостаточно ясны*,—но этимъ не исключается устраненіе въ нихъ неопредѣленности; г) *прибыль въ 15%, обуславливающая пониженіе тарифа, слишкомъ высока*,—но ничто не мѣшаетъ избрать для прибыли менѣе высокую норму, какъ условіе для пересмотра тарифа; д) *приближеніе къ размѣру прибыли, обуславливающему пониженіе тарифа, ослабляетъ въ компаніи побужденіе къ*

бережливости,—но это побужденіе можетъ ослабѣвать и при правѣ выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, по дѣйствительной ихъ стоимости; е) *въ отчетахъ компаній будутъ дѣлаться подлоги*, для того чтобы скрыть прибыль и предупредить пониженіе тарифа,—но такіе же подлоги могутъ дѣлаться и при опредѣленіи дѣйствительныхъ расходовъ на сооруженіе и при вычисленіи фиктивной прибыли, для того чтобы склонить правительство къ выкупу по высшей цѣнѣ дороги, въ сущности не очень доходной.

Однимъ словомъ, всѣ доводы г. Чупрова противъ регулированія тарифовъ, по меньшей мѣрѣ, не могутъ быть признаны безспорными. Допустивъ, что нормальные тарифы, что правила и условія ихъ пересмотра не приносили ожидаемой пользы, слѣдуетъ однакоже признать, что регулированіе провозной платы не было бесполезнымъ: можно съ полною увѣренностію утверждать, что провозная плата была бы иногда гораздо выше, еслибы желѣзно-дорожнымъ компаніямъ былъ предоставленъ въ этомъ отношеніи полный произволъ.

Впрочемъ, и при устраненіи трудностей, представляемыхъ регулированіемъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ, вопросъ о выкупѣ желѣзныхъ дорогъ государствомъ, даже въ видахъ установленія провозной платы, наиболѣе соотвѣтствующей интересамъ народнаго хозяйства, не можетъ считаться упраздненнымъ.—Введеніе однообразныхъ тарифовъ въ цѣломъ государствѣ, и такіе опыты пониженія платы за провозъ, какіе были сдѣланы въ Бельгіи, возможны лишь тогда, когда желѣзныя дороги находятся въ распоряженіи правительства. Наиболѣе вѣскіе доводы въ пользу постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ государствомъ заключаются: въ единствѣ управленія, въ болѣе легкой приобрѣтенія капитала для сооруженія; въ возможности (конечно, безусловной) строить по установленному плану, безъ перерывовъ, при обладаніи надлежащими техническими средствами и при болѣе строгомъ контролѣ; наконецъ—въ сохраненіи за путями сообщеній значенія общепользныхъ учрежденій, равно доступныхъ для всѣхъ и каждаго, не добывающихся преобладаніа, господства и подчиненія своимъ интересамъ выгодъ и интересовъ тѣхъ отраслей промышленности, которыя нуждаются въ перевозочныхъ средствахъ. Созданіе желѣзно-дорожной олигархіи и вліяніе ея влассителей (Railway-kings, Eisenbahnkönige) несравненно опаснѣе и вреднѣе для общества, чѣмъ сосредоточеніе новой силы въ рукахъ правительства, интересы котораго никогда не могутъ расходиться въ такой степени съ интересами общества, какъ интересы желѣзно-дорожныхъ „*королей*“. Поэтому, приобрѣтеніе желѣзныхъ дорогъ какою-либо фирмою въ вопросѣ времени и зависитъ отъ условій, въ которыхъ находятся эти предпріятія. Во всей континентальной Европѣ желѣзныя

дороги предоставлены компаниямъ во временное владѣніе, въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ онѣ составляютъ вѣчную собственность. Различія въ правахъ владѣльцевъ тѣхъ и другихъ дорогъ въ значительной степени сглаживаются долгосрочностію концессій и вычитеніемъ въ уставы компаний или въ законы права государства выкупать желѣзныя дороги.

Г. Чупровъ сообщаетъ объ этомъ предметѣ слѣдующія свѣдѣнія. Въ Англіи право выкупа желѣзной дороги наступаетъ черезъ 15 лѣтъ послѣ ея устройства, по капитализаціи средней прибыли (за три года, предшествующіе выкупу) изъ 4%, т.-е. помноженіемъ ея на 25. Въ Пруссіи право выкупа наступаетъ черезъ 30 лѣтъ по откритіи дороги, и вознагражденіе опредѣляется капитализаціею среднего годового дивиденда пяти послѣднихъ лѣтъ изъ 4%. Въ Бельгіи правительство можетъ выкупить дорогу во всякое время, съ уплатою среднего ежегоднаго чистаго дохода семи послѣднихъ передъ выкупомъ лѣтъ, за исключеніемъ двухъ самыхъ неблагопріятныхъ годовъ. При обязанности компаний согласовать свои тарифы съ тарифами государственныхъ дорогъ, вознагражденіе въ Бельгіи можетъ быть понижено правительствомъ посредствомъ пониженія тарифовъ на своихъ дорогахъ. Во Франціи право выкупа наступаетъ черезъ 15 лѣтъ по выдачѣ концессіи; условія выкупа сходны съ бельгійскими, но правительство лишено возможности вліять на доходность дорогъ, и размѣръ платимой ренты не можетъ быть менѣе прибыли послѣдняго года изъ семи лѣтъ.

Въ Россіи право выкупа для Главнаго общества наступаетъ черезъ 20 лѣтъ по выполненіи работъ. Условія тѣ же, что и во Франціи. Такія же условія выкупа постановлены въ уставахъ и концессіяхъ дорогъ: волго-донской, московско-ярославской, динабургско-витебской, козловско-воронежской, курско-харьковско-азовской, козловско-тамбовской и ноти-тифлисской. Для дороги московско-рязанской срокъ выкупа наступаетъ черезъ 14 лѣтъ со дня подписанія условія, а для орловско-витебской черезъ 35 лѣтъ со дня окончанія работъ. Въ уставахъ дорогъ рязанско-козловской, рязско-моршанской, шуйско-ивановской, курско-кѣвской, орловско-грязской, грязе-царицынской, балтійской, тамбовско-саратовской, московско-смоленской, рыбнискско-бологовской, лѣвобавской, бресто-граевской принять 20-лѣтній срокъ и капитализація прибылей изъ 5%, съ уплатою 5% государственнымъ облигаціями, съ погашеніемъ, какое правительствомъ будетъ избрано. На иетергофской и риги-винтавской выкупъ допущенъ по биржевой цѣнѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ передъ выкупомъ. Въ уставахъ царскосельской и риги-динабургской дорогъ нѣтъ постановленій о выкупѣ (Чупровъ, стр. 305—308).

Приведа условія выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ въ разныхъ странахъ Европы, г. Чупровъ считаетъ его почти неосуществимымъ на практикѣ.

Главный доводъ автора противъ существующихъ законовъ о выкупѣ состоитъ въ томъ, что установленныя ими условія слишкомъ тяжки.

Если это и не лишено основанія, то должно замѣтить, что г. Чупровъ преувеличиваетъ дороговизну выкупа въ исчисленіяхъ, представленныхъ имъ на 309—310 стр. Помножая гарантію въ $5\frac{1}{10}\%$ на 65 лѣтъ, авторъ находитъ, что правительство, при самыхъ благоприятныхъ условіяхъ, уплатить въ $3\frac{1}{2}$ раза, даже въ 4 раза болѣе, чѣмъ дѣйствительно стѣбитъ дорога. Но г. Чупровъ забываетъ, что правительство можетъ уплатить выкупную сумму не наличными деньгами, а посредствомъ займа, по которому надо вносить проценты и погашеніе, и еслибы правительству удалось занять *à la pari*, платя $5\frac{1}{10}\%$ съ погашеніемъ, то въ продолженіи срока, на который сдѣланъ заемъ, пришлось бы уплатить ту же сумму, которую онъ находитъ чрезвѣрною, если не большою. Даже при выкупѣ московско-рязанской дороги, полагая доставляемую ею прибыль въ $21,3\%$, пришлось бы выдать акціонерамъ сумму не въ 14 разъ, а едвали въ четыре раза болшую противъ затраченной на сооруженіе дороги, такъ какъ $5\frac{1}{2}\%$ составляютъ у насъ, по мнѣнію автора, обыкновенный рыночный процентъ, а капитализируя прибыль въ $21,3\%$ изъ $5\frac{1}{2}\%$, мы не получили бы даже суммы, превышающей затраченный капиталъ въ 4 раза. Впрочемъ, при выкупѣ дѣло идетъ не столько о величинѣ жертвъ, сколько о правильности и справедливости размѣра вознагражденія.

Авторъ полагаетъ, что при экспроприаціи фабрики, государство, *если въпрямую*, ограничилось бы уплатою издержанной на нее суммы (стр. 311); но изъ св. зак. X т. ч. 1, ст. 581 и слѣд., онъ могъ бы убѣдиться въ противномъ. Нигдѣ и никогда оцѣнка при экспроприаціи не производится по дѣйствительнымъ расходамъ, сдѣланнымъ на отчуждаемое имущество. Опредѣленіе этихъ расходовъ, въ болшей части случаевъ, оказывается невозможнымъ. Какъ опредѣлять расходы на постройку дома или фабрики, сдѣланные десятки лѣтъ тому назадъ, расходы, которымъ, быть-можетъ, и ведены счета, но счета, свѣдѣвающіе расходы и на ремонтъ, и на дѣйствительныя постройки? Такія трудности существуютъ и для желѣзныхъ дорогъ. „Русскія дороги,—говоритъ г. Влюхъ,—не ведутъ отдѣльныхъ подробныхъ счетовъ постройки, инвентаря, возобновленія пути и подвижного состава, между тѣмъ какъ для правильности счетоводства всѣ эти предметы должны бы были имѣть отдѣльные счета, которые должны дебито-

ваться суммами, соответствующими ежегодному обветшанію и изнашиванію указанныхъ предметовъ, и кредитоваться суммами, израсходованными на поддержку первоначальной ихъ стоимости... Есть и такія дороги, которыя воздвигаютъ новыя постройки, покупаютъ подвижной составъ, приобретаютъ инвентарь и даже составляютъ оборотный капиталъ, записывая все прямо на расходы эксплуатаціи даннаго счетнаго года". (И. Блюхъ. „Русскія желѣзныя дороги". Сиб. 1875, стр. 8 и 9).

Если бы указанная трудность была устранена, то экспроприація, на основаніяхъ, указанныхъ г. Чупровымъ, была бы все-таки крайне несправедливою. Фабрика строилась, когда кирпичъ стоилъ 12 руб. за 1000, доска 50 коп.; черезъ десять лѣтъ казна уплачиваетъ владѣльцу по этому расчету, хотя цѣны матеріаловъ и работы возрасли на 50%. Ради справедливости, слѣдовало бы предложить фабриканту уплату не издержанной на фабрику суммы, а той, которую пришлось бы издержать. Этого мало: фабрика находится при рѣкѣ; мѣста при рѣкѣ стоили во время постройки дешево, въ эпоху выкупа цѣны на нихъ упатерились. Постройка новой фабрики, безъ этой добавочной затраты, невозможна. Наконецъ, при экспроприаціи экспроприруется и предпринимчивость фабриканта на извѣстный срокъ. Другой примѣръ: капиталистъ, отыскивая болѣе выгодное помѣщеніе для своего капитала въ 100,000 р., который въ облигаціяхъ давалъ 6%, покупаетъ домъ, приносящій среднимъ числомъ 7%, или 7000 р., но на домъ издержано прежнимъ владѣльцемъ 50 т. руб.,—можно ли отобрать у послѣдняго владѣльца его имущество за 50,000 руб.? Положимъ, что при данныхъ условіяхъ акція желѣзной дороги приноситъ 10%, и что за акцію въ 100 номинальныхъ рублей уплачено 150 руб., между тѣмъ акціонеру объявляютъ, что онъ можетъ получить за нее 100 рублей, приносящіе въ другихъ процентныхъ бумагахъ 6%, и утѣшаютъ его тѣмъ, что акція отъ выкупа дороги по дѣйствительносдѣланнымъ на нее затратамъ впередъ повышаться не будутъ. Конечно, нѣтъ никакого основанія обезпечивать капиталисту случайную, ничѣмъ неоправдываемую прибыль, но нѣтъ основанія также и превращать фактически приобретенное имущество въ чистую иллюзію. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ правительство осталось бы безспорно въ барышахъ; но возможно и совершенно противное: цѣна предпріятія можетъ быть ниже сдѣланныхъ на него затратъ. Неужели правительство должно быть обязано, при выкупѣ, оплачивать безразсудство и ошибки предпринимателей? Конечно, въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ выкупать; но развѣ выкупъ обусловливается только возможностью для казны наживаться на счетъ хорошихъ предпріятій, предоставляя неудачныя и дурныя частной предпринимчивости?

Не должно думать, что авторъ имѣлъ въ виду только будущіе концессіи, а не существующія дороги, для которыхъ опредѣлены условія выкупа; страницы 315—316 его книги устраняютъ всякое въ этомъ отношеніи недоразумѣніе. При такомъ положеніи дѣла весьма сомнительно осуществленіе оптимистическихъ надеждъ г. Чупрова на то, что кредитъ страны не пострадаетъ, если акціонерамъ дадутъ за 300 руб. 100 р. Капиталисты не могутъ не придти къ заключенію, что если правительство считаетъ себя вправе понизить цѣну на акціи съ 300 на 100, то оно, подобно блистательной Портѣ, готово будетъ, при случаѣ, понизить и процентъ по государственнымъ займамъ съ 6% на 3%, не прибѣгая ни къ какой конверсіи и не ожидая даже, чтобы рыночный процентъ пришелъ къ этой послѣдней нормѣ.

Если принять условія выкупа, предлагаемыя авторомъ, для будущихъ концессій, то возникаетъ вопросъ: пойдутъ ли капиталы на такіе предпріятія, которыя ничего не обѣщаютъ, кромѣ процентовъ, не превышающихъ платимыя по облигаціямъ? Можно сказать: разбираться облигаціи, будутъ разбираться и акціи, но, въ такомъ случаѣ, акціи съ строго нормированнымъ доходомъ поступать въ руки не капиталистовъ-предпринимателей, а классовъ, дѣлающихъ сбереженія; и если теперь акціонерныя предпріятія страдаютъ оттого, что акціи не находятся въ твердыхъ рукахъ дѣйствительныхъ хозяевъ дѣла, то при пайщикахъ, взявшихъ акціи для пользованія процентами со сбереженного капитала, едва ли будетъ возможно составить управленіе, способное вести предпріятіе, лишенное блестящей будущности, съ перспективою или давать самый скромный доходъ, или поступить въ руки казны. Наконецъ, еслибы акціи и были разобраны дѣйствительными предпринимателями, то, по всей вѣроятности, лишь съ тою цѣлю, чтобы выжать изъ дороги всѣ соки при ея постройкѣ. Дорога, на которую было исчислено 10 милліоновъ, была бы сооружена за 7½—8 милліоновъ, оставивъ въ карманахъ предпринимателей въ 2—3 года 2½ милліона, а затѣмъ правительству предоставлено было бы право приобрести ее за 10 милліоновъ.

Такимъ образомъ, устраняя спекуляцію на возвышеніе цѣны акцій, государство не устранитъ спекуляціи на сооруженіе дороги по гораздо низшей цѣнѣ, а при выкупѣ рискуетъ уплатить сумму, превышающую дѣйствительную затрату ¹⁾. Опасеніе, высказанное авторомъ по поводу пониженія тарифовъ, относительно подлога въ отчетахъ, осталось бы въ полной силѣ, а отсутствіе предѣльнаго тарифа обратитъ

¹⁾ Если только оно не предпочтетъ выдать по акціямъ часть ихъ нарицательной цѣны, соответствующую этой затратѣ.

лось бы въ средство для возвышенія платы за провозъ до возможно вышшаго предѣла. Затѣмъ правительство, пріобрѣтая желѣзную дорогу, въ видахъ пониженія тарифа, вынуждено было бы лишиться тѣхъ выгодъ, которыя давала дорога лишь при немалѣнко-высокой платѣ за провозъ.

Итакъ, рѣшеніе вопроса о выкупѣ, предложенное авторомъ, дѣлаетъ постройку желѣзныхъ дорогъ компаніями весьма сомнительною, по невыгодности ея для акціонеровъ, а самый выкупъ едва ли возможнымъ безъ нарушенія правъ частныхъ, — иногда же, но, конечно, въ рѣдкихъ случаяхъ, убыточнымъ для казны.

Вмѣсто созданія невозможныхъ желѣзно-дорожныхъ компаній, не лучше ли строить дороги самому государству? Вмѣсто оцѣнки желѣзныхъ дорогъ, при выкупѣ, по тѣмъ затратамъ, которыя сдѣланы на ихъ сооруженіе — то слишкомъ дешево, если предпріятіе исполнено хорошо и оказалось выгоднымъ, то слишкомъ дорого, если дорога построена дурно, не бережливо, и безъ вѣрнаго коммерческаго расчета на ожидаемое передвиженіе, — не правильнѣе ли примѣнить къ выкупу общія основанія экспроприаціи — оцѣнку предпріятія по состоянію самихъ сооружений, и по доставляемому имъ среднему доходу? Къ этимъ основаніямъ подходятъ условія, включенныя въ концессіи, но не выполнѣ. Чистый доходъ не можетъ служить единственнымъ мѣриломъ для опредѣленія правильной цѣны; послѣдняя обуславливается состояніемъ, въ которомъ наводятся рельсы, шпалы, техническія сооруженія и пр., т.-е. требуютъ ли они и въ какой срокъ обновленія и крупнаго ремонта.

Какъ ни вѣски, впрочемъ, доводы въ пользу включенія желѣзныхъ дорогъ въ число отраслей государственнаго хозяйства, но и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, необходимо принять въ расчетъ всѣ условія, при которыхъ приходится примѣнять выводы, хотя бы извлеченные изъ опыта, но только опыта чужого и сдѣланнаго при другихъ обстоятельствахъ. Можно ли сказать, что государственное желѣзно-дорожное хозяйство, замѣнивъ частную предпріимчивость, дастъ одинакіе результаты въ Бельгіи и Испаніи, въ Англіи и Россіи, въ Россіи и Турціи? Можно ли ожидать, что въ данной странѣ администрація, при постройкѣ дороги съумѣетъ соединить строгій контроль за употребленіемъ денежныхъ средствъ съ коммерческою распорядительностію? Можно ли рассчитывать, что при эксплуатациіи лица желѣзно-дорожнаго управленія будутъ смотрѣть на себя, какъ на слугъ общества, а не какъ на власть, призванную къ начальствованію? Можно ли быть увѣрену, что высшій административный надзоръ будетъ отстаивать интересы пассажировъ и товаро-отправителей, и не подвергнется искушенію защищать quand

нѣше своихъ подчиненныхъ, увѣривать въ ихъ непогрѣшимость и безгрѣшность? Конечно, утвердительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы можно дать только въ такой странѣ, гдѣ въ бюрократіи существуетъ строгая дисциплина и сознание долга, поддерживаемое преданіемъ, а еще болѣе, гдѣ существуетъ контроль общественный, неограничивающійся одною только обличительной литературою, подчиненною, въ свою очередь, административнымъ карамъ.

Заканчивая этимъ отчетъ о книгѣ г. Чупрова, нельзя не замѣтить, что она составляетъ одно изъ лучшихъ приобретений нашей современной экономической литературы. Въ сочиненіи г. Чупрова читатель найдетъ массу положительныхъ свѣдѣній, тщательно и съ знаніемъ дѣла переработаннаго статистическаго матеріала.

Трудъ автора — трудъ ученаго, который умѣлъ съ замѣчательнымъ талантомъ освѣтить и осмыслить группы приводимыхъ имъ цифръ. Полемизируя противъ нѣкоторыхъ изъ его положеній и выводовъ, я долженъ признать, что главная задача г. Чупрова — огражденіе общества отъ монополій и захватовъ, устраненіе, по возможности, легкой, несправой наживы въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ зло гнѣздится съ наибольшою силою, въ ущербъ правильному развитію народнаго благосостоянія, — заслуживаетъ полного и самаго горячаго сочувствія. Понятно, что сочиненіе, съ такими несомнѣнными достоинствами, заслуживало внимательнаго изученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязывало рецензента объяснить свое разногласіе съ авторомъ. Эти разногласія, какъ могъ замѣтить читатель, касаются отчасти теоретическихъ началъ науки, отчасти способа рѣшенія практическихъ задачъ. Въ области теорій, разногласіе сводится къ вопросу: составляютъ ли ученія о цѣнности и о доходахъ, выдвинутыя на первый планъ Смитомъ и завершennыя изслѣдованіями Маркса, аксіомы, окончательно добытыя и установившіяся истины, или же воззрѣнія, переживаемыя и даже въ значительной степени пережитыя наукою, *überwundene Standpunkte*, какъ говорятъ нѣмцы? Авторъ склоняется въ пользу перваго, рецензентъ — въ пользу втораго взгляда. отождествленіе работы, употребленной на производство средствъ для удовлетворенія нашимъ потребностямъ, съ цѣностію, бесспорно пролило яркій свѣтъ на условія развитія богатства и благосостоянія народовъ; но теорія сдѣлала свое дѣло, — остается воспользоваться выработанными ею вопросами, гипотезами и положеніями, для изученія явленій дѣйствительной жизни, которыя никогда не укладываются въ тѣсныя, назначаемыя для нихъ рамки, и, раздвигая ихъ непрерывно, требуютъ новыхъ научныхъ усилій. Та же

участъ уже постигла формулы, которыми пытались характеризовать идеальный порядокъ экономическаго устройства, начиная отъ знаменитой *laissez faire, laissez passer!* и оканчивая—*de chacun selon ses forces, à chacun selon ses besoins*. Разница въ томъ, что односторонность формулъ экономическаго устройства замѣчается легче, чѣмъ неполнота доктринъ о цѣнности и о доходахъ.

Какъ ни тяжело это для ученаго самолюбія, но ему приходится сознаться, что открытіе законовъ хозяйственныхъ явленій составляетъ достояніе будущаго; въ настоящемъ, самыя главные и драгоцѣнныя приобрѣтенія человѣческаго ума — это знанія, данныя намъ опытомъ, или повѣренныя имъ настолько, что сомнѣніе въ ихъ истинѣ становится непозволительнымъ, но они-то очень часто не даютъ намъ права произносить рѣшительные приговоры.

Обращаясь къ способу рѣшенія практическихъ задачъ, приходится имѣть дѣло съ дилеммою: можно ли устранить зло мѣрами простыми, рассчитанными на примѣненіе извѣстнаго теоретическаго принципа, или же — не слѣдуетъ ли проектировать ихъ, сообразно съ условіями, среди которыхъ приходится дѣйствовать? Авторъ, повидимому, склоняется на сторону перваго приема: въ виду предстоящаго непрерывнаго возрастанія желѣзно-дорожныхъ прибылей, онъ предлагаетъ средство, въ принципѣ правильное — выкупъ, но которое не принимаетъ въ расчетъ существующихъ общественныхъ условій. Если девизъ: „да водворится правда, и пусть погибнетъ міръ“—*flat justitia, pereat mundus* — имѣетъ за собою право давности, то не правильнѣе ли придерживаться взгляда, высказаннаго однимъ даровитымъ экономистомъ 40-хъ годовъ, Цѣшковскимъ: „да водворится правда, и да воспользуется ею міръ“—*Que la justice se fasse, et que le monde en profite!*

Н. К. Булга.

Кіевъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1876.

Манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны. — Университетскій актъ 8-го февраля. — Взглядъ на истинное значеніе объединенія, и отличіе его отъ единообразія. — Записка одесскаго торговаго комитета. — Увадокъ русскаго отъѣзжающаго иностранца. — Вопросъ о поднятій производительныхъ силъ Россіи. — Ходатайство русскаго общества пароходства и торговли. — Торги на донецкую желѣзную дорогу. — Деятельность Общества покровительства животнымъ. — Кончина М. В. Авдѣева.

Съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ былъ встрѣченъ Высочайшій манифестъ о горестной утратѣ, понесенной въ истекшемъ мѣсяцѣ царской семьей:

„Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Всемогущему Богу угодно было отозвать къ себѣ Любезнѣйшую Сестру Нашу, Государыню Великую Княгиню Марію Николаевну. — Ея Императорское Высочество скончалась въ 9-й день сего февраля, послѣ долговременной тяжкой болѣзни, на 57-мъ году отъ рожденія. Возвѣщая о семъ горестномъ событіи всѣмъ Нашимъ вѣроподданнымъ, Мы пребываемъ увѣрены, что они раздѣлять скорбь, постигшую императорскій домъ Нашъ и соединять теплыя молитвы свои съ Нашими объ упокоеніи въ царствѣ праведныхъ души усопшей Великой Княгини.“

Въ послѣдніе годы прошедшаго царствованія В. К. Марія Николаевна принимала личное участіе въ высшемъ управленіи женскими учебными заведеніями, имѣя въ непосредственномъ своемъ заведѣваніи, между прочимъ, Патріотическій Институтъ, а съ 1854 года занимала мѣсто президента Академіи Художествъ, и въ послѣдствіи приняла званіе предсѣдателя „Общества поощренія художниковъ.“ Новое направленіе въ академіи — расширить общее образованіе учащихся и поднять ихъ умственный уровень — началось именно въ эту эпоху; съ другой стороны, благодаря покровительству своего предсѣдателя, „Общество поощренія художниковъ“ скоро нашло возмож-

ность направить свою школу рисованія къ практическимъ цѣлямъ, весьма важнымъ для успѣховъ нашихъ мануфактуръ; при дальѣйшемъ ходѣ реального образованія у насъ, заслуга покровительства такой школѣ получаетъ новое и чрезвычайно высокое общественное значеніе. Знавшіе лично покойную Великую Княгиню всегда свидѣтельствовали объ ея большомъ природномъ умѣ и твердомъ характерѣ, соединявшемся однако съ искреннею гуманностью и неподдѣльною привѣтливостью,—качества, которыя служатъ лучшимъ украшеніемъ чловѣка и на самыхъ высокихъ ступеняхъ его общественнаго положенія, а потому переживаютъ, въ памяти людей, всякое земное величіе.

8-го февраля, петербургскій университетъ праздновалъ свою 57-ую годовщину. Безъ сомнѣнія, послѣдняя пропаганда со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ противъ университетовъ содѣйствовала не мало тому, что въ день акта обширная зала университета была переполнена посѣтителями. Въ этомъ году дѣйствительно было особенно интересно выслушать отчетъ совѣта университета объ ученой и учебной дѣятельности его членовъ и объ ея результатахъ. Отчетъ состоялъ изъ одного перечисленія фактовъ и приведенія цифръ, и тѣмъ не менѣе, независимо отъ намѣренія составителей отчета, это было самое краснорѣчивое опроверженіе всѣхъ злобныхъ инсинуаций, какимъ подвергались въ послѣднее время всѣ русскіе университеты вообще и петербургскій въ особенности. Длинный списокъ профессорскихъ трудовъ за 1875-й годъ, между которыми значительное мѣсто занимаютъ пособія для преподаванія наукъ, дѣятельное участіе профессоровъ въ 4-хъ ученыхъ обществахъ, основанныхъ при университетѣ, и ко всему этому обязанности по управленію дѣлами и обширному хозяйству, при бюджетѣ въ 300,000 р., и по поддержанію внутреннего порядка среди массы учащихся въ 1,225 чловѣкъ, посредствомъ университетскаго суда,—все это опровергаетъ безъ всякихъ усилій враждебные университету толки, пущенные въ ходъ для достиженія самыхъ мелкихъ личныхъ цѣлей. Результаты внутреннего порядка въ университетѣ извѣстны каждому въ городѣ по тому спойствию, которое давно уже господствуетъ среди учащейся молодежи; отчетъ ограничивается только указаніемъ на успѣхи студентовъ въ массѣ: изъ общаго числа слушателей, въ 1875 г., 16,4% окончило курсъ; а также и на дѣятельное участіе лучшихъ изъ нихъ въ самостоятельной разработкѣ научныхъ вопросовъ, предложенныхъ на соисканіе медалей, число которыхъ простирается до пятнадцати.

Выслушавъ подробности отчета, самый предубѣжденный изъ по-

свідателю повинно було б признати значительность и солидность успѣха, каковой сдѣлали у насъ въ послѣднее десятилѣтіе университетская жизнь и наука. Нѣтъ сомнѣнія, что такой успѣхъ обуславливается постояннымъ притокомъ свѣжихъ силъ, но одного этого было бы недостаточно, а потому „отчетъ“ весьма справедливо указываетъ въ своемъ заключеніи и на другую важную причину преуспѣянія своего университета: „Нормальному развитію петербургскаго университета—говорится въ „отчетѣ“—содѣйствовали благоприятныя условія, къ числу которыхъ нельзя не отнести и *благодѣтельныхъ началъ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава 1863 года*. Тринадцать лѣтъ назадъ, появился на свѣтъ обновленный уставомъ петербургскій университетъ. Въ теченіи восьми лѣтъ, до 1871 года, мы наблюдаемъ въ немъ быстрое развитіе, доказываемое постоянно увеличивающимся числомъ студентовъ, отсутствіемъ постоянныхъ отношеній между числомъ окончивающихъ курсъ и общимъ числомъ студентовъ или вновь поступающихъ, постепеннымъ замѣщеніемъ каедръ и т. д. Съ 1871 года, а для нѣкоторыхъ сторонъ его жизни и съ 1868 года, мы наблюдаемъ въ немъ уже функціи, характеризующія самый организмъ въ зрѣломъ состояніи, что доказывается установленнымъ постояннымъ числомъ студентовъ, правильнымъ отношеніемъ между числомъ окончившихъ курсъ и числомъ студентовъ, замѣщеніемъ всѣхъ каедръ, обильнымъ контингентомъ молодыхъ ученыхъ силъ при университетѣ и т. д. Все это, м. г., позволяетъ намъ думать, что петербургскій университетъ достигъ той степени зрѣлости, въ которой мы вправѣ видѣть прочныя задатки для дальнѣйшаго его преуспѣянія“.

Публика, присутствовавшая на актѣ, выразила горячее и полнѣйшее сочувствіе къ той признательности и къ тому уваженію, съ которыми совѣтъ университета отнесся къ Высочайше утвержденному уставу 1863 года, признавъ его главнымъ виновникомъ своего преуспѣянія. Нельзя не пожалѣть, что, вѣроятно, недорозумѣе воспрепятствовало г-ну министру народнаго просвѣщенія присутствовать на актѣ и быть свидѣтелемъ той живѣйшей радости, какую испытываетъ общество при видѣ успѣховъ нашихъ университетовъ, поставленныхъ на твердую почву своимъ послѣднимъ уставомъ. Но за то нельзя не удивляться тому, что „С.-Петербургскія Вѣдомости“, которыхъ нигде не заподозрять въ затаенной враждѣ къ министерству народнаго просвѣщенія, въ своемъ изложеніи содержанія университетскаго отчета (№ 41) выпустили именно его заключеніе, гдѣ совѣтъ университета столь же скромно, сколько и справедливо, приписываетъ всѣ свои успѣхи уставу 1863 года и отнашается о немъ самымъ почтительнымъ образомъ, какъ то и слѣдуетъ относиться къ закону.

Министерство народнаго просвѣщенія можетъ только гордиться успѣхами своихъ университетовъ и радоваться, видя, что сословіе учащихся и учащихся проникнуто полнѣйшимъ уваженіемъ къ своему уставу; почему же „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сочли неудобнымъ помѣстить у себя какъ свидѣтельство объ успѣхѣ университета, такъ и объясненіе его главной причины. Если вѣрить всему, что говорится въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, то въ такой фигурѣ злостнаго умолчанія могли бы быть способны совершенно другіе органы печати, а не „С.-Петербургскія Вѣдомости“, которыя уже болѣе года не обвиняются на Страстномъ Бульварѣ въ затаенной враждѣ къ министерству народнаго просвѣщенія. По теоріи „Московскихъ Вѣдомостей“, намъ именно слѣдовало бы умолчать даже о самомъ актѣ 8 февраля, такъ какъ на немъ доказывались успѣхи университета, столь лестныя для министерства народнаго просвѣщенія и вызвавшіе такое сочувствіе въ обществѣ. На дѣлѣ вышло совсѣмъ иначе. О, tempoга, о, mores! и т. д.

Впрочемъ, для университета не такъ важно то, какой органъ печати обратилъ все вниманіе на его отчетъ, а какой—прикрылъ себя одинъ глазъ; несравненно важнѣе то обстоятельство, что этотъ отчетъ можетъ быть принятъ въ соображеніе при предстоящемъ пересмотрѣ университетскаго устава и дать важный матеріалъ для безпристрастнаго и всесторонняго обсужденія вопросовъ, возбужденныхъ по такому важному поводу. Впрочемъ, на актѣ присутствовалъ г. предсѣдатель коммисіи по пересмотру университетскаго устава 1863 г., И. Д. Деляновъ; самое его присутствіе уже служить добрымъ знакомъ для устава: онъ отлично знакомъ съ университетскою жизнью, по прежнему званію попечителя; недавній осмотръ имъ университетовъ даетъ ему возможность провѣрить каждое слово, каждую цифру отчета, и безъ сомнѣнія ему могло быть только пріятно удостовѣриться, что его участіе въ трудахъ, по составленію устава 1863 г., не пропало даромъ, и теперь, по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, заслужило торжественную признательность со стороны университета, съ которымъ онъ связанъ воспоминаніями недавняго прошлаго...

Но обратимся къ текущимъ дѣламъ, а главное, къ тѣмъ идеямъ, которыя могутъ лежать въ ихъ основаніи. Эпоха, переживаемая нами, не только у насъ, но и во всей западной Европѣ, можетъ быть названа по преимуществу эпохою объединенія. Это понятіе, однако, вовсе не такъ просто, какъ то кажется съ перваго раза, уже потому, что объединеніе государства можно понимать въ различномъ смыслѣ — политическомъ, административномъ, экономическомъ, механическомъ или органическомъ, безусловномъ или условномъ. Иногда

народъ находится въ такомъ положеніи, что въ примѣненіи къ нему понятіе объединенія представляетъ нѣчто совершенно ясное и опредѣленное. Въ такомъ положеніи находились народы итальянскій и германскій въ недавнее еще время. Племенное, органическое единство было на лицѣ, требовалось только политическое объединеніе, и затѣмъ вопросъ могъ представляться только о формѣ его, но не о сущности. Но понятіе „объединенія“ вовсе не такъ ясно и опредѣленно, когда оно примѣняется къ Россіи. Политическое единство у насъ существуетъ, и когда у насъ говорятъ объ объединеніи, то при этомъ являются многія и разнообразныя точки зрѣнія. Различія воззрѣній здѣсь столь многочисленны, что было бы тратой времени перечислять и анализировать ихъ всѣ. Достаточно сказать, что у насъ нинѣшнѣ, въ томъ числѣ и нѣкоторымъ писателямъ, объединеніе, каково бы оно ни было, своевременно или несвоевременно, добровольно или насильственно, представляется чѣмъ-то безусловно-истиннымъ, безусловно-благодѣтельнымъ, и главной заботливостью мыслителей этой категоріи является заботливость объ ускореніи дѣлопроизводства съ цѣлью объединенія. Все для нихъ хорошо на этомъ пути; нельзя зайти на немъ—по ихъ мнѣнію—слишкомъ далеко, нельзя „гнѣбствовать“ съ достаточной скоростью, поспѣшностью. Скажите имъ, что предположено одновременное административное объединеніе всѣхъ губерній имперіи—они будутъ рады; но скажите имъ, что поставленъ вопросъ о полной отмѣнѣ всѣхъ особыхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Финляндіи, и они—если только повѣрятъ небывальщину, которой душевно бы желали—будутъ рады еще болѣе. Если бы можно было ихъ увѣрить, что съ будущаго года татарамъ будетъ запрещено брить головы, а евреямъ будутъ поголовно обращены въ православіе,—удовольствіе ихъ не знало бы границъ. Все, что дѣлается, что предполагается, все, что только можно бы предположить на пути безусловнаго и поспѣшнаго объединенія, они готовы привѣтствовать съ восторгомъ. Выходить, что истинный ихъ идеалъ государственнаго быта есть „единообразіе“. Если бы не только столы всѣхъ присутственныхъ мѣстъ въ имперіи были покрыты сукномъ одного цвѣта, но всѣ входящія въ составъ ея племена, тѣмъ или инымъ средствомъ, утратили бы особенности вѣры, языка и даже одежды, одни перестали бы брить головы, а другія—подбородки, и всѣ представляли бы изъ себя тотъ объединенный „народъ“, какой мы видимъ на оперной сценѣ, народъ, одѣтый одними закройщиками, поющій хоромъ одинъ мотивъ, поднимающій руки къ небу въ одинъ моментъ и одинаковымъ образомъ,—тогда, и только тогда наши крайніе объединители были бы довольны. Они не могутъ не знать, что подобнаго объединенія всѣхъ племенъ, населяющихъ Россію, нельзя за-

казать на срокъ, какъ можно устроить театральнй „народъ“ во дни, назначенному для представленія. Но практическая политика, по ихъ мнѣнію, въ томъ собственно и состоитъ, чтобы посредствомъ много-различныхъ мѣропріятій подогнать племена въ спѣшному объединенію, то-есть единообразію.

Если вы спросите у такихъ мыслителей, въ чемъ же собственно состоитъ благо „единообразія“, они удовлетворительнаго отвѣта не дадутъ. Это для нихъ—принципъ, не подлежащій обсужденію. Но вы будете имѣть право замѣтить имъ, что путь, ведущій къ механическому единообразію, безконеченъ; что объединеніе въ такомъ смыслѣ, хотя бы ему удалось побороть всѣ историческіе, бытовые элементы разнообразностей, не можетъ совершиться вполнѣ уже потому, что самая задача его—безконечна. Мало того, что будутъ одинаковы всѣ избы: надо будетъ идти далѣе и требовать, чтобы всѣ онѣ одинаково отстояли одна отъ другой, чтобы въ каждой изъ нихъ на одномъ и томъ же окнѣ стоялъ одинаковый самоваръ; чтобы поселяне вставали въ одинъ часъ, въ одинъ часъ начинали и оканчивали работы и т. д. Такъ и разумѣла „единообразіе“ арапчеевская система, первая и вполнѣ логическая представительница идеи „единообразія“ въ Россіи,—система, которая была проникнута глубокимъ убѣжденіемъ, что единообразіе есть нѣкая чудесная сила, что въ ней заключено всякое благо, и что сомнѣваться въ томъ можетъ только неблагонамѣренность и измѣна. Вотъ гдѣ, въ сущности,—корень всѣхъ возрѣвнй крайняго, спѣшнаго, безусловнаго, механическаго и хотя бы только наружнаго объединенія.

Эта теорія имѣетъ болѣе важности на практикѣ у насъ, чѣмъ другія фантазіи искусственнаго обдѣлыванія и создаванія народа по избраннымъ формамъ,—но по смыслу своему она прямо относится къ той же области. Она можетъ произвести полумѣры, иногда наружно-удачныя, чаще отяготительныя и сопровождающіяся разочарованіемъ для самихъ теоретиковъ, которые, впрочемъ, въ этомъ случаѣ сваливаютъ вину не на искусственность и поспѣшность, но на недостатокъ поспѣшности и энергій. Истинная государственная мысль всегда слагается на жизненномъ фактѣ, а не на тщетномъ пригибаніи факта къ апіорическимъ затѣямъ. Здравый смыслъ говоритъ, что безусловное объединеніе всѣхъ племенъ Россіи по одному шаблону невозможно. А такъ какъ оно невозможно, то всякія попытки насиловать жизненный фактъ могутъ быть только вредны. Функція государства состоитъ въ томъ, чтобы охранять органическую жизнь народа, облегчать ея отправленіе, и устранять созданныя уже самимъ законодательствомъ помѣхи; непосредственное вмѣшательство государства въ народный бытъ вполнѣ оправдывается только съ

дѣлю оказанія защиты тѣмъ, кто лишены средствъ самъ охранять свою личность и съ дѣлю облегченія такихъ страданій, или тагетей, которыя вызваны государственными же мѣрами прежняго времени.

Такъ и въ области объединенія: ввелись рациональны только тѣ мѣры, которыя устраняютъ насильственные условия, направлены къ охраненію интересовъ поработченныхъ, въ каждой мѣстности отмѣняютъ только то, что нарушаетъ интересы большинства, а если даютъ ей новое, то только такое, что лучше, выше прежняго. Такова была, напр., отмѣна барщины и введеніе крестьянскаго самоуправленія въ царствѣ польскомъ. Таково было бы введеніе нашихъ судебныхъ учреждений въ тѣхъ окраинахъ, гдѣ существуетъ устарѣлое, сословное и запутанное судоустройство. Подобное же значеніе будетъ имѣть и примѣненіе повсюду нашего новаго городского положенія; пусть будутъ при этомъ допущены хотя бы даже отступленія, но всегда съ тѣмъ, чтобы значительная самостоятельность городского самоуправления никакъ не умалалась вслѣдствіе реформы. Реформа только тогда можетъ вести къ истинному, плодотворному объединенію, если она дастъ окраинамъ то, чего недостаетъ имъ въ сравненіи съ городами Россіи, управляющимися на новомъ положеніи, не отнимая у первыхъ того, что они имѣютъ болѣе сравнительно съ послѣдними. Такъ, отмѣна преобладанія малочисленныхъ кружковъ и недостатка контроля надъ необразованнымъ будетъ рациональной и благотворной мѣрой; но имѣть никакой надобности, чтобы окраины не пользовались болѣею противъ русскихъ городовъ самостоятельностью, если она принадлежала имъ доселѣ. Поднимать отдѣльныя мѣстности до общаго уровня — справедливо и полезно, это и есть истинное объединеніе, съ которымъ въ результатѣ всѣ легко примирятся, даже тѣ сословія, которыя въ первую минуту утрачиваютъ несправедливыя привилегіи. Но *помогать* до общаго уровня, для того только, чтобы стремиться къ безплодному призракѣ единообразія — это есть самая обидная изъ всѣхъ формъ несправедливости. Она можетъ вести не къ объединенію, но, наоборотъ, къ нравственному отчужденію, вызвать то чувство, которое на политическомъ языкѣ въ Англіи называется *disaffection*. Разъяснить такое различіе истиннаго объединенія съ наружнымъ и призрачнымъ весьма важно, и потому мы приведемъ еще примѣръ. При обсужденіи проекта, а затѣмъ и закона о введеніи судебной реформы въ царствѣ польскомъ мы должны были выразить сожалѣніе, что допущенныя здѣсь измѣненія всѣ имѣли характеръ пониженія ея противъ общихъ началъ, принятыхъ и осуществленныхъ въ русскихъ губерніяхъ. Насколько новое судоустрой-

ство, введенное въ царствѣ, либеральнѣе прежде существовавшаго, настолько оно можетъ служить звеномъ для истиннаго объединенія и наоборотъ. Такъ и при послѣдующей замѣнѣ матеріальнаго права, дѣйствующаго въ царствѣ, было бы желательно не устранять тѣхъ частей или отдѣльных положеній Наполеонова кодекса, которыя совершеннѣе, лучше нашего гражданскаго свода. Недавно въ процессѣ Кренеберга мы имѣли случай убѣдиться, что въ нашихъ законахъ о семейныхъ отношеніяхъ есть важныя пробѣлы, которыхъ въ Наполеоновомъ кодексѣ нѣтъ, такъ что у насъ присяжные приходится оправдывать, несмотря на очевидность фактовъ, удостовѣренныхъ сознаніемъ подсудимаго, — оправдывать только въ виду послѣдствій наказанія, между тѣмъ, какъ при дѣйствіи Наполеонова кодекса, могло бы состояться обвиненіе со взысканіемъ нравственнымъ, достаточнымъ для подсудимаго и не влекущимъ за собой послѣдствій, бѣдственныхъ для самой жертвы. Неужели же рационально и справедливо отмѣнять такіа, болѣе совершенныя постановленія, тамъ, гдѣ они дѣйствуютъ, — для того только, чтобы провести одинъ общій уровень, отъ котораго, впрочемъ, тутъ же дѣлаются отступленія въ ущербъ инородческому обществу, получающему русскую реформу? Въ такихъ случаяхъ, скорѣе наше дѣло повышать свой уровень, вріобрѣтать отъ инородческихъ обществъ или мѣстностей то, что они имѣютъ лучшаго, сравнительно съ нами, усвоивать себѣ это, насколько намъ возможно и нужно, а не ихъ лишать лучшаго для уравненія съ нами, для привлеченія къ безплодному, повальному единообразію. Вотъ какова должна быть сущность истиннаго, органическаго объединенія. Слѣдуя по пути реформы, мы должны привлекать къ себѣ другихъ, силою ихъ же собственнаго интереса, а не связывать ихъ позади насъ узами безполезнаго для насъ, вреднаго для нихъ, и вдобавокъ все-таки неосуществимаго никогда „единообразія“. Только такимъ путемъ самое объединеніе можетъ подвинуться впередъ безъ серьезныхъ препятствій съ чьей-либо стороны и безъ разочарованій для его равнителей.....

Оставляя на этотъ разъ безъ всякаго примѣненія высказаннаго нами мысли вообще о томъ, что должно разумѣть подъ истиннымъ объединеніемъ государства, обратимся прямо къ южной нашей окраинѣ, которая въ лицѣ представителей одесскаго купечества вынуждала недавно къ государственнымъ мѣрамъ, не административнаго, но экономическаго свойства: мы разумѣемъ доблѣдную записку, присланную въ совѣтъ торговли и мануфактуръ одесскимъ комитетомъ торговли и мануфактуръ, указывающую причины упадка одесской торговли и тѣ средства, какія, по мнѣнію комитета, могли бы послужить для ея поднятія. Когда, года три тому на-

закъ, образованы были мѣстные органы совѣщательнаго промышленнаго учрежденія, существующаго при министерствѣ финансовъ, печать возложила на нихъ будущую дѣятельность ожиданія, которыя доселѣ, кажется, не оправдываются. Впрочемъ, быть-можетъ, это только такъ кажется отъ недостатка гласности. Какъ бы то ни было, упомянутая записка одесскаго комитета является первымъ трудомъ торговыхъ комитетовъ, обратившимъ на себя общее вниманіе. Она вполнѣ того заслуживала по важности затрогиваемыхъ въ ней вопросовъ. Упадокъ уже замѣтный, но еще болѣе—предусматриваемый въ торговлѣ города Одессы самъ по себѣ заслуживалъ бы самаго серьезнаго вниманія. Но явленіе это находится въ прямой связи съ торговлею всей южной полосы имперіи, съ возможностью упадка внешней отпускной торговли вообще, въ которой хлѣбъ играетъ главную роль. Когда, съ одной стороны, мы видимъ частое повтореніе неурожаевъ, а съ другой стороны намъ доказываютъ, что и то количество хлѣба, какое мы будемъ въ состояніи вывозить, будетъ все меньше и меньше спрашиваться за-границею, то передъ нами открывается перспектива весьма неутѣшительная. Несмотря на опроверженія, представленныя въ печати, противъ одесской записки, коренной фактъ, на который она указываетъ—уменьшеніе спроса на русскій хлѣбъ за-границею—остался неоспоримымъ, да его нельзя и опровергнуть. Фактъ этотъ имѣетъ значеніе, далеко выходящее изъ области однихъ интересовъ города Одессы, и когда мы видимъ, что представители одесскаго купечества преклоняются предъ нимъ, какъ передъ неизбежнымъ зломъ, и указываютъ на необходимость отъ нихъ города упадокъ, открытіемъ ему доступа къ другимъ областямъ производительности, то мы вправѣ спросить себя: не слѣдуетъ ли всей Россіи поставить на очередь тотъ же вопросъ? Не слѣдуетъ ли, не необходимо ли позаботиться о развитіи въ странѣ другихъ отраслей производства, кромѣ хлѣбопашества; обратить вниманіе преимущественно на тѣ, которыя естественныя и экономическія условія страны могли бы наиболѣе благоприятствовать, а именно, на развитіе прежде всего другихъ отраслей сельскаго же хозяйства: лѣсоводства, скотоводства, коневодства. Указывая на нихъ, мы имѣемъ въ виду не только данныя естественныя условія, но еще и тотъ фактъ, что у насъ вообще говорить о „развитіи“ или „содѣйствіи развитію“ въ практическомъ смыслѣ—значить обращаться къ помощи государственной, ходатайствовать о мѣрахъ правительственныхъ. Мы вообще не убѣждены въ благотворности государственныхъ попеченій о созданіи или развитіи тѣхъ отраслей промышленности, въ которыхъ условія производства таковы, что оно по необходимости сосредоточивается въ ру-

кахъ немногочисленныхъ капиталистовъ. Государственное покровительство, въ отношеніи къ нимъ, неизбежно обращается въ налогъ съ потребителей въ пользу небольшого числа лицъ, склонныхъ спокойно пожинать плоды этого налога, не дѣлая усилій къ усовершенствованію производства и постановкѣ его на такую ногу, чтобы оно могло держаться своими силами и по отмигнѣ покровительственного налога. Но сельское хозяйство вовсе не требуетъ сосредоточенія въ рукахъ нѣсколькихъ монополистовъ; совсѣмъ наоборотъ. Сверхъ того, государственный починъ, государственное попеченіе въ дѣлѣ развитія лѣсоводства и скотоводства тѣмъ естественнѣе у насъ, что казна сама первый сельскій хозяинъ въ Россіи, по пространству своихъ лѣсовъ и государственныхъ имуществъ вообще.

Но возвратимся къ основнымъ фактамъ, указаннымъ въ запискѣ одесскаго комитета. По ея отзыву, Одесса не только переживаетъ временный кризисъ, зависящій отъ состоянія урожая въ Россіи и за границей, но и вступаетъ въ періодъ рѣшительнаго упадка. Еще недавно „южная Россія по количеству и качеству производимаго ея хлѣба, занимала первое мѣсто въ свѣтѣ, и Одесса была почти единственнымъ пунктомъ отпуски для цѣлаго обширнаго края“. Собственно Одесса получила теперь конкурентовъ въ лицѣ Николаева и Севастополя, а вслѣдствіе развитія желѣзныхъ дорогъ—даже въ Кѣнигсбергѣ, такъ какъ хлѣбъ изъ самаго Кіева получилъ возможность отправляться за границу, минуя Черное море, а именно,—при посредствѣ кіево брестской дороги, чрезъ Кѣнигсбергъ. Доставка четверти пшеницы обходилась въ прошломъ году, по словамъ записки, изъ Кіева въ Одессу, въ 2 р., а изъ Кіева въ Кѣнигсбергъ—въ 1 р. 90 коп., несмотря на значительно бѣльшее разстояніе. Въ этомъ выгода для отправителя была еще небольшая; но затѣмъ, отправляя хлѣбъ въ Англію водою изъ Кѣнигсберга, а не изъ Одессы, онъ уже пользовался весьма значительной выгодою, такъ какъ фрахты изъ Кѣнигсберга въ Англію относились къ фрахтамъ въ Англію изъ Одессы какъ 3 къ 7-ми. Вотъ—частныя причины упадка для отпуски торговли Одессы. Но важнѣе ихъ и для нея, и для всего нашего отпуски, то обстоятельство, что Соединенные Штаты болѣе и болѣе вытѣсняють нашъ хлѣбъ съ англійскаго рынка—важнѣйшаго для насъ. Здѣсь весьма краснорѣчивы приведенныя въ запискѣ цифры. Всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Соединенные Штаты на хлѣбномъ рынкѣ Англіи играли роль второстепенную, сравнительно съ нами; теперь второстепенная роль переняла къ намъ, а главная досталась Соединеннымъ Штатамъ. Опредѣляя примѣрно въ 9—14 милліоновъ квартеровъ количество иностранной пшеницы, въ которомъ, смотря по степени своего урожая, можетъ нуждаться Англія, записка

исчислять, что еще въ 1867 году Соединенные Штаты доставили Англіи не болѣе 14% этого количества, между тѣмъ какъ Россія доставила 44%; съ тѣхъ поръ отношеніе постоянно измѣнялось въ неблагоприятномъ для насъ смыслѣ и, наконецъ, въ 1873 году, Соединенные Штаты доставили въ Англію 44% потребной ей пшеницы, а Россія только 21%. „Приведенныя цифры,—замѣчается въ запискѣ,—въ высшей степени поучительны. Онѣ показываютъ, что мы обмѣнялись ролями съ Америкой, уступили ей принадлежавшее намъ прежде первенство на англійскомъ рынкѣ, а сами должны довольствоваться второстепеннымъ значеніемъ. Но главное въ этихъ цифрахъ, это—доказываемая ими правильность въ поступательномъ движеніи Америки; изъ нихъ видно, что мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ явленіемъ, зависящимъ отъ мѣняющагося состоянія урожаевъ, а что перевѣсъ, пріобрѣтенный Америкой, стоитъ выше всякихъ случайностей“.

Авторы записки убѣждены, что даже обильный урожай въ Россіи не можетъ повернуть дѣла въ нашу пользу, возвратитъ Россіи прежнее положеніе, а наоборотъ, думаютъ, что въ недалекомъ будущемъ преобладаніе Соединенныхъ Штатовъ на всемірномъ хлѣбномъ рынкѣ приметъ подавляющіе размѣры. Основная тому причина—въ возраставшей, быстрой прогрессіи хлѣбной производительности великой республики. Производя хлѣба немного менѣе Европейской Россіи и имѣя населеніе вдвое меньшее, Соединенные Штаты могутъ продавать свой хлѣбъ по цѣнамъ, для Россіи невозможнымъ. Представители одесскаго купечества высказываютъ мнѣніе, что привозъ хлѣба изъ Америки долженъ въ скоромъ времени возрасти еще въ сильной степени, вслѣдствіе предпринятой очистки рѣки Миссиссипи. Тогда громадныя запасы хлѣба западныхъ штатовъ, вмѣсто того, чтобы идти отъ Чикаго до Нью-Йорка по желѣзнымъ дорогамъ, войдутъ водою по Миссиссипи, а къ хлѣбному отпуску западныхъ штатовъ присоединится еще хлѣбъ всего прибрежнаго района Миссиссипи. Тогда американскій хлѣбъ въ Европѣ еще подешевѣетъ отъ сокращенія на половину издержекъ на его доставку, а количество его привоза возрастетъ до такихъ размѣровъ, что о соперничествѣ съ нимъ нельзя будетъ и думать. „Дешевизна и плодородіе дѣвственной еще почвы, благорастворенность климата и рациональность американскаго хозяйства, постоянно замѣняющаго дорогой человѣческій трудъ дешевой машинною работою“—вотъ указываемыя запискою причины громаднаго хлѣбнаго производства Соединенныхъ Штатовъ. Если мы сравнимъ съ этими условіями наши, то не найдемъ ни одного сходнаго, развѣ дороговизну труда, то-есть малую населенность. Наши наиболѣе хлѣбородныя земли уже истощаются и необходи-

мость удобрения начинаетъ сознаваться въ такихъ мѣстностяхъ Россіи, которыя доселѣ и не слышали о немъ, а между тѣмъ, съ одной стороны, количество скота въ Россіи не возрастаетъ, а луга, въ связи съ лѣсами, уменьшаются, частью вслѣдствіе новой распашки необходимой при экстенсивномъ хозяйствѣ и истощеніи прежнихъ полей, частью—и главнымъ образомъ—вслѣдствіе возрастающей сухости. Отъ какой причины зависить главнымъ образомъ это послѣднее явленіе—мы рѣшать не станемъ. На этотъ счетъ существуютъ, какъ извѣстно, два мнѣнія: одно приписываетъ обмелѣніе рѣкъ и возрастаніе сухости луговыхъ мѣстъ прямо быстрому истребленію лѣсовъ. Другое мнѣніе относитъ явленіе это къ причинѣ геологической, къ постепенному вулканическому поднятію почвы. Въ столь специальномъ вопросѣ, мы можемъ позволить себѣ не болѣе, какъ одну оговорку, а именно, что упомянутое вулканическое явленіе собственно внутри Россіи еще слишкомъ мало обследовано и, сверхъ того, какъ причина, дѣйствующая вѣками, не могло стать столь чувствительнымъ въ теченіи нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, представившихъ частіе неурожаи, обусловленные не только истощеніемъ почвы, но и прямо засухой. Но какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣнія, что въ сельскомъ хозяйствѣ страны всѣ элементы находятся въ близкой связи другъ съ другомъ и во взаимной зависимости, непосредственной или посредственной, и нѣтъ сомнѣнія, что сохраненіе и разведеніе вновь лѣсовъ могло бы способствовать восстановленію влажности, необходимой для луговъ и пашни однихъ мѣстностей, между тѣмъ какъ осушеніе болотъ могло бы создать другимъ мѣстностямъ и новыя, свѣжія мѣста для распашки, и болѣе здоровый климатъ; наконецъ, что въ мѣстностяхъ, совершенно безлѣсныхъ, устройство искусственной ирригаціи могло бы охранять урожай, по крайней мѣрѣ, отъ бѣдственныхъ случайностей. Безспорно и то, что облегченіе бремени выкупныхъ платежей въ такихъ губерніяхъ, какъ, на примѣръ, смоленская, на которыя прямо указываетъ снисокъ недоимокъ по этимъ платежамъ, могло бы остановить окончательное паденіе въ нихъ скотоводства, а съ нимъ и средствъ для поддержанія плодородности полей. Все это держится одно за другое, и представляетъ обширное поле именно для дѣятельности государственной, поле, которое обѣщало бы благодарную жатву для усилій, и поле, которое, въ свою очередь, у насъ остается доселѣ не только некасаннымъ, но и нераспаханнымъ еще, даже неочищеннымъ отъ камней и корьевъ, представляемыхъ всякими сомнѣніями, недоразумѣніями и колебаніями. Основной фактъ, на который ссылается одесская записка, а именно, что нашъ отнукъ хлѣба осужденъ на паденіе, такъ важенъ, что нельзя не благодарить одесскій комитетъ

за тотъ толчокъ, который записка его дала общественному вниманію. Комитету дороги интересы его города; они дороги и всѣмъ намъ, но главный вопросъ все-таки имѣетъ болѣе общее, касающееся всей Россіи значеніе, и серьезно призываетъ вниманіе къ другимъ вопросамъ, столь же общимъ, состоящимъ съ нимъ въ связи. Одесскій комитетъ—основательно или нѣтъ, это другой вопросъ,—могъ утѣшать себя, указывая на особый путь для Одессы, чтобы избавиться отъ неминуемаго упадка—на созданіе въ Одессѣ и ея сосѣдствѣ мануфактурно-фабричной промышленности, такъ, чтобы торговая дѣятельность Одессы измѣнила свой характеръ. Но мы не можемъ даже и утѣшать себя, предлагая то же средство для предохраненія отъ упадка отпускной торговли всей страны. Мы не можемъ утѣшать себя даже и предположеніемъ, что Россія можетъ измѣнить характеръ своей производительности, и отъ производительности сельскохозяйственной перейти къ производительности мануфактурно-фабричной.

Существуютъ или нѣтъ въ Одессѣ естественныя данныя для такого измѣненія характера промышленной дѣятельности—это вопросъ истинный, вопросъ, во всякомъ случаѣ допускающій разное мнѣніе. Но что, въ общности, для всей Россіи естественныхъ данныхъ для превращенія ея въ сторону фабричную не существуетъ—объ этомъ и спора быть не можетъ: мы слишкомъ хорошо знаемъ, къ чему приводитъ искусственное созданіе фабричной промышленности въ Россіи покровительствомъ тарифа, казенныхъ заказовъ и субсидій, чтобы рекомендовать хотя бы еще одинъ шагъ на этомъ пути. Обременяя потребителей высокимъ тарифомъ, поддерживая высокія цѣны на внутреннія произведенія, возлагая на казну пожертвованія въ видѣ субсидій или ссудъ, всегда невыгодныхъ, иногда безвозвратныхъ, эта система создавала у насъ заводы и фабрики двоякаго рода: одни, снабжающіе страну плохими и дорогими продуктами, которые, при нѣмъ хотя бы въ Азію, не могутъ выдерживать соперничества съ англійскими товарами, привезенными изъ-за тридевяти морей; другіе—достигающіе высокаго совершенства, способные дѣлать и крупныя пушки, и вращающіяся желѣзныя башни, и лафеты по 15-ти тысячъ рублей за штуку, съ поворотными рамами и другими приспособленіями, превосходящими даже заграничныя механизмы, и шпательсы, и рельсы; но заводы эти неспособны къ одному—бездѣлца сказать—они неспособны къ самостоятельному существованію. Они могутъ жить только на казенные заказы и субсидіи, на средства бюджета. На собственные средства, на выгоду, извлекаемую въ удовлетворенія потребностей русской публики, они существовать не могутъ, потому что были рассчитаны вовсе не на удовлетвореніе

потребностей публики, но именно на исполненіе казенныхъ заказовъ. Мы не можемъ получить отъ нихъ ни ножей, ни вилокъ для нашего обихода, ни косъ, ни топоровъ, ни отвертокъ, ни буравовъ для нашихъ работъ. Всѣ эти необходимѣйшіе предметы мы или получаемъ отъ внутренней кустарной промышленности, не пользующейся никакими субсидіями, или выписываемъ изъ-за границы. На топорѣ, которымъ работаетъ нашъ плотникъ, на отверткѣ, которую держать въ рукахъ столяръ, мы читаемъ Sheffield или Birmingham, на косѣ, которою работаетъ на дугу саратовскій мужикъ, стоитъ Solingen. Правда, наши скорострѣльные батареи вооружены минометами, сдѣланными на одномъ изъ тѣхъ частныхъ петербургскихъ заводовъ, которые и не существовали бы, еслибы вооруженіе не смѣнялось перевооруженіемъ, но земледѣльческія орудія, насколько они у насъ употребительны, получаютъ изъ-за границы, и у насъ нѣтъ даже мастерскихъ, чтобы чинить ихъ. Вотъ, при такихъ условіяхъ и конкурируйте съ Америкой, которая „постоянно замѣняетъ дорогой человѣческій трудъ дешевою машинною работою“.

А такъ какъ, повторяемъ, разсуждать у насъ о необходимости „обратить вниманіе“ или „озаботиться“ —практически значитъ вѣшать къ почину правительства, къ его помощи и къ затратамъ со стороны государственнаго казначейства, то изъ всего сказаннаго выводъ очевиденъ: государственныя попеченія о поднятій производительныхъ силъ Россіи могутъ быть усилены только въ той области, которая, во-первыхъ, представляетъ благоприятныя естественныя условія, каково именно сельское хозяйство въ его разныхъ видахъ; во-вторыхъ, наиболѣе свойственна для прямыхъ государственныхъ мѣръ, потому что казна главный въ Россіи сельскій хозяинъ; и наконецъ, въ-третьихъ, въ той области, гдѣ каждое пожертвованіе государства, будь то разведеніе лѣса или уменьшеніе выкупныхъ платежей, охраняющее крестьянскій скотъ отъ продажи, должно принести пользу прямо самимъ производителямъ, массѣ населенія, а не нѣсколькимъ капиталистамъ-посредникамъ, которые создаютъ призрачные источники производительности, такіе источники, изъ которыхъ можно черпать только то, что въ нихъ положить сама казна, и только до тѣхъ поръ, пока они будутъ продолжать сами черпать изъ казны. Сложное выкупныхъ недоимокъ въ мѣстностяхъ наиболѣе обремененныхъ, пересмотръ постановленій объ общинѣ, отиѣна круговой поруки, преобразование паспортной системы — вотъ мѣры, производительны въ смыслѣ устраненія затрудненій и препятствій. Непосредственныя государственныя работы по разведенію лѣсовъ и осушенію болотъ, государственная поддержка сельскимъ ссудо-сберегательнымъ обществамъ specially на содержаніе каждой головы скота, сверхъ услов-

ной для каждой мѣстности нормы, преміи крестьянамъ и частнымъ владѣльцамъ за число содержаемаго скота и рабочихъ лошадей, строгое соблюденіе правила, что при описи крестьянскаго имущества за недоимки одна лошадь и одна корова на прежнее тягло описи не подвергаются,—вотъ совокупность мѣръ активныхъ къ поддержанію и поднятію въ Россіи основной ея производительной силы, къ раскрытію ея новыхъ, сродныхъ съ нею и близкихъ источниковъ богатства. При громадномъ пространствѣ и малой населенности земель Россіи, представляется истинно-чудовищнымъ тотъ фактъ, что она сама терпитъ недостатокъ въ скотѣ, между тѣмъ какъ по естественнымъ своимъ условіямъ она должна была бы снабжать скотомъ всю Европу — и вотъ, въ этой-то отрасли производительности ей бы нечего было бояться соперничества Америки, которая и мясо-то можетъ доставлять Европѣ только въ видѣ либихова флейшгэстракта. Какъ отпускъ юга Россіи могъ бы быть прочно обезпеченъ развитіемъ скотоводства, такъ отпускъ сѣвера могъ бы быть обезпеченъ правильной системою лѣсоразведенія и лѣсного хозяйства.

Вмѣсто того, что мы видимъ нынѣ: и шерсть, и пенька, и ленъ, продукты сельско-хозяйственные, все слабѣютъ въ нашемъ отпускѣ, потому что мы производимъ ихъ слишкомъ мало, цѣны на нихъ остаются высокими,—и самыя далекія страны: южная Африка и Австралія, вытѣсняють наши сельско-хозяйственные продукты съ европейскаго рынка дешевизною. Удешевленіе соли считается необходимымъ подспорьемъ скотоводству, а между тѣмъ, что же оказалось недавно при официальномъ разсмотрѣніи вопроса объ отиѣнѣ или уменьшеніи соляного налога? То и другое было отсрочено на неопредѣленное время, до тѣхъ поръ, когда дать движеніе этому вопросу окажется возможнымъ по положенію государственнаго казначейства. Но что же составляетъ у насъ весь соляной доходъ — 11 мил. рублей—въ 570-ти милліонномъ бюджетѣ! Мало того: доходъ этотъ годъ за годъ падаетъ—признакъ, что и безъ того крайне ограниченное потребленіе соли еще сокращается, въ прямой ущербъ народному хозяйству (въ нынѣшнемъ бюджетѣ поступленіе его уменьшено на 331 т. р. противъ 1875 г.). Правда, и 11 мил. р. имѣютъ свое значеніе. Но вѣдь значеніе цифръ—относительное; вѣдь достаточно напомнить, что общества желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе нопушати, должнытъ казѣтъ ежегодно на сумму вдвое большую, чѣмъ весь соляной доходъ, взимаемый въ ущербъ хозяйству. А въ числѣ этихъ обществъ находятся и тѣ, которыя своими тарифами отвлекають нашу отпускную торговлю отъ русскихъ портовъ и передають ее въ руки Кенигсберга, который скоро будетъ первымъ послѣ Петербурга портомъ для русской вывозной торговли!

Да, желѣзныя дороги и мореходство, и частный банковый кредитъ, отъ которыхъ мы ожидали столь многого для поднятія производительной силы Россіи, къ какимъ результатамъ привели они насъ доселѣ и что они такое въ сущности представляютъ? Не что иное, какъ тѣ же привилегированные заводы, держащіеся казною и служащіе въ сущности гораздо болѣе основаніемъ и предлогомъ для спекуляціи нѣсколькихъ капиталистовъ, чѣмъ для удовлетворенія мелкихъ, ежедневныхъ потребностей публики, которыми привилегированныя, монопольныя эти учрежденія пренебрегаютъ, но которыя въ своей сложности представляютъ единственные великіе интересы русской производительности, такіе интересы, въ сравненіи съ упадкомъ которыхъ даже банкротство нѣсколькихъ механическихъ заводчиковъ или несостоятельность нѣсколькихъ банковъ было бы ничто, было бы просто лопаньемъ большихъ мыльных пузырей.

Какъ поддерживаемые казенными заказами наши заводы могутъ готовить усовершенствованные лафеты въ 15,000 р., но не сдѣлаютъ столоваго ножа, такъ русское общество пароходства и торговли, создавшее себѣ на казенную субсидію флотъ, оцѣненный въ 12 милл. рублей, посылаетъ свои пароходы въ Китай и признаетъ за своею дѣятельностью политическое значеніе, въ видѣ поддержки русскаго вліянія на Востокъ; но выѣстъ съ тѣмъ, цѣны для перевозки грузовъ на судахъ этого привилегированнаго общества изъ русскихъ портовъ въ иностранныя оказываются выше цѣнъ на иностранныхъ судахъ, а экономія его на принадлежащей ему одесской желѣзной дорогѣ недавно имѣла послѣдствіемъ крушеніе поѣзда, съ лишеніемъ жизни множества людей, призванныхъ на службу государству! Общество это, около двадцати лѣтъ пользовавшееся субсидією, созданною ею, въ настоящее время требуетъ продолженія себѣ этой субсидіи, и защитники его утверждаютъ, что при неполученіи ея, общество или приступить къ полной ликвидаціи своихъ дѣлъ и продать свой флотъ въ Англію, или откажется отъ поддержанія тѣхъ линій, которыя создаютъ ему политическое значеніе, а всѣ свои суда обратитъ на каботажное плаваніе, чѣмъ и убьетъ окончательно тѣ небольшія самостоятельныя предпріятія, какія могли возникнуть при его монополіи. Хорошо, между прочимъ сказать, былъ бы урокъ, въ томъ и другомъ случаѣ: не будемъ другой разъ создавать предпріятій казенными средствами и монополією этихъ предпріятій, такъ какъ иначе, чѣмъ болѣе они будутъ богатѣть, тѣмъ труднѣе будетъ освободить отъ нихъ казну.

Но оставимъ въ сторонѣ тѣ лъстивныя для нашей національной гордости пуды чая, которые общество привезло доселѣ изъ Китая

на своихъ собственныхъ пароходахъ, и золотники того политическаго вліянія, какое можетъ доставить намъ его торговый флагъ на Черномъ морѣ, теперь—когда тамъ вновь свободно развѣвается русскій военно-морской флагъ. Посмотримъ, какую дѣйствительную пользу приносить въ настоящее время русское общество пароходства и торговли въ скромной, но важнѣйшей для насъ области—доставкѣ нашего хлѣба въ одесскій портъ по принадлежащей обществу одесской желѣзной дорогѣ и во доставленію его на европейскій рынокъ. Здѣсь мы обратимся вновь къ запискѣ одесскаго торговаго комитета, свидѣтеля наиболѣе въ этомъ случаѣ компетентнаго. Потому мы сдѣлаемъ „скобку“, чтобы окончить разсмотрѣніе собственно одесскихъ интересовъ, указанныхъ въ той же запискѣ, и уже затѣмъ окончательно перейдемъ къ вопросу о продолженіи помилной платы русскому обществу пароходства и торговли. На монополію его одесскій комитетъ прямо указываетъ какъ на одну изъ главныхъ помѣхъ развитію торговой дѣятельности Одессы. Въ самомъ дѣлѣ, общество, пользуясь отъ казны помилной платою для рейсовъ своихъ судовъ, дѣлаетъ невозможнымъ конкуренцію съ собою другихъ русскихъ предпріятій мореплаванія; а владея одесскою желѣзною дорогою, оно регулируетъ, по своему усмотрѣнію, цѣны и порядки подвоза къ одесскому порту хлѣба, которымъ онъ торгуетъ. Такимъ образомъ, одесская торговля находится въ сильной зависимости отъ монопольнаго предпріятія, котораго весь интересъ въ томъ, чтобы тратить по возможности меньше, получать по возможности больше, не не удивленіемъ цѣнъ, такъ какъ помилная плата получается имъ и съ пустыхъ пароходовъ. Фрахты русскаго общества, по отзыву одесскаго комитета, „несмотря на громадныя преимущества“ и выгоды, какими оно пользуется во всѣхъ портахъ Чернаго и Азовскаго морей, никогда не оказываются ниже иностранныхъ, а напротивъ, очень часто выше послѣднихъ. Если же фрахты на иностранныхъ судахъ понижаются настолько, что общество находитъ конкуренцію съ нимъ для себя невыгодною, то, пользуясь правомъ вести самостоятельную торговлю, оно само становится грузителемъ, т.е. отправляетъ товары за свой собственный счетъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе сліянія въ русскомъ обществѣ „двухъ дѣятельностей: перемозной и чисто-торговой, платимая ему субсидія не приноситъ никакой пользы нашимъ заграничнымъ сношеніямъ; что же касается внутренняго плаванія, то она прямо вредна, потому-что, создавая монополію, подаетъ поводъ къ самой неаистъичивой эксплуатаціи публики“. Вотъ общая характеристика; частности уже слѣдуютъ изъ нея. Субсидія, платимая обществу, не содѣйствуетъ торговому развитію, но, напротивъ, препятствуетъ ему; общество получаетъ субси-

дію, а между тѣмъ для него не установлено никакой нормы цѣнъ по внутреннимъ линіямъ: оно составляетъ свой тарифъ по своему усмотрѣнію, а при отправкѣ, по усмотрѣнію, отстунаетъ и отъ этого собственнаго тарифа, беретъ, что хочетъ.

Вотъ что говорится о мореходной дѣятельности общества. Что касается принадлежащей ему же одесской желѣзной дороги, то существующіе на ней порядки недавно получили столь всеобщую вначенную извѣстность, что о нихъ нечего много распространяться. Высота тарифа на одесской дорогѣ дѣлаетъ то, что, какъ уже выше сказано, хлѣбъ изъ Кіева гораздо выгоднѣе доставлять въ Англію чрезъ Кёнигсбергъ, чѣмъ чрезъ Одессу. Соединеніе въ однихъ рукахъ желѣзной дороги съ обществомъ пароходства дѣлаетъ то, что между ними конкуренція невозможна, и желѣзная дорога стремится прежде всего обезпечить интересы пароходства. Медленность доставки, вслѣдствіе задержекъ на перегрузку, на одесской дорогѣ такова, что товары изъ Одессы въ Москву послѣваютъ только на 18-й день послѣ отправки. Не останавливаясь на частныхъ случаяхъ, указанныхъ въ запискѣ одесскаго комитета, противъ которыхъ русское общество пароходства и торговли возражало въ опубликованномъ имъ отвѣтѣ, мы приведемъ изъ записки только два факта, извѣстные всѣмъ, кто только имѣлъ случай посылать письма зимой въ Одессу или Кишиневъ: Одесса въ теченіи цѣлыхъ трехъ недѣль была отрѣзана отъ всего остального міра подъ предлогомъ снѣжныхъ заносовъ, а поѣзды въ Тирасполь и Кишиневъ подъ тѣмъ же предлогомъ не отходили изъ Одессы и тогда, когда проѣздъ собственно въ эти пункты былъ совершенно свободный. Нужно ли упоминать о томъ, что правленіемъ одесской дороги не было принято мѣръ для обезпеченія пассажировъ отъ голода и холода на станціяхъ, гдѣ задерживались поѣзды?—Это слишкомъ извѣстно изъ газетныхъ корреспонденцій.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что при разсмотрѣніи вопроса о продолженіи или прекращеніи помилной платы русскому обществу пароходства и торговли принята будетъ однимъ изъ главныхъ основаній та вредность монополіи для интересовъ одесскаго порта, на которую указываетъ записка мѣстнаго торговаго комитета. Съ другой стороны, нельзя не пожелать, чтобы усиленіе правительственнаго контроля надъ столь неисправной во всѣхъ отношеніяхъ одесской желѣзной дорогой охранило между прочимъ и интересы города Одессы. Это тѣ изъ требованій записки комитета, которыхъ практичность очевидна. Къ нимъ слѣдуетъ причислить еще жалобы комитета на медленность и сложность дѣлопроизводства въ одесской таможнѣ. Что касается другихъ требованій и предложеній комитета,

то о совокупности ихъ можно отозваться развѣ такъ, что Одесса проситъ многого для того, чтобы получить что-нибудь.

Когда одесскій комитетъ возражаетъ противъ ограниченія ссудно-учетной дѣятельности мѣстной конторы государственнаго банка, онъ остается въ практическихъ и логическихъ предѣлахъ. Хотя и нельзя бы винить банкъ, еслибъ онъ подумалъ превратить учетную операцію въ Одессѣ въ виду спекулятивнаго извращенія тамошнихъ капиталовъ и своихъ потерь на протестахъ бумагъ, составившихъ за десятилѣтіе $1\frac{1}{2}\%$ съ суммы оборотовъ, не мы можемъ сказать то, чего не могъ сказать комитетъ, именно, что противодѣйствовать спекулятивной горячкѣ полезно тогда, когда она начинается, а не тогда, когда она уже охладилась и наступилъ кризисъ, ознаменованный такими значительными потерями, какія оказались въ Одессѣ, напр., на строительномъ дѣлѣ; моментъ кризиса во всякомъ случаѣ не удобенъ для отказа промышленности въ томъ видѣ государственнаго кредита, который былъ доступенъ во время спекулятивнаго возбужденія. Но когда одесскій комитетъ идетъ далѣе и требуетъ, наоборотъ, распространенія кредитныхъ операцій одесской конторы банка, требуетъ, чтобы она выдавала ссуды главнымъ образомъ подъ залогъ товаровъ, коносаментовъ, накладныхъ и варрантовъ, то онъ выходитъ изъ предѣловъ строгой логики. Государственный банкъ не обязанъ превращаться въ банкъ коммерческій, а въ наличныхъ капиталахъ, которые только и нужны для кредита на солидные предприятия, Одесса не нуждается; по крайней мѣрѣ, самъ комитетъ ссылается прямо на „обиліе капиталовъ“ въ Одессѣ, какъ на главный задатокъ желаемаго имъ созданія въ ней мануфактурно-фабричной промышленности. Но, не выходя изъ области кредитныхъ мѣръ, можно указать въ запискѣ комитета полезную мысль о предоставленіи протектората кредитнаго крестьянамъ южнаго края вообще. Уменьшеніе производительной силы юга само по себѣ и независимо отъ другихъ причинъ должно повліять на отпускъ торговли Одессы, и комитетъ остается совершенно вѣрнъ логикѣ, когда ходатайствуетъ о мѣрахъ къ охраненію и поднятію этой производительности вообще. Здѣсь представляется вопросъ о средствахъ, и комитетъ указываетъ на возможность заключенія съ этой цѣлью государственнаго займа, впрочемъ, только въ видѣ примѣра. Найти средства—это уже дѣло государства, но нельзя было бы не почувствовать такой мѣрѣ, какъ та, на которую мы уже указали выше, а именно—открытіе государственнаго кредита сельскимъ ссудо-сберегательнымъ товариществамъ спеціально на приобрѣтеніе и поддержку нормальнаго числа штукъ рабочаго скота.

За то нисколько не логична, вовсе не вытекаетъ изъ основныхъ

положеній вопроса другая мѣра, о которой ходатайствуетъ комитетъ: учрежденіе въ новороссійскомъ краѣ намѣстничества, вмѣсто упраздненнаго генераль-губернаторства, но съ еще „большими правами“, чѣмъ послѣднее, причѣмъ Одесса была бы, конечно, столицею намѣстничества. Подобная мысль извинительна только по мѣстнымъ преданіямъ о прежнихъ покровителяхъ Одессы, герцогѣ Ринельѣ, графѣ Ланжеронѣ, князѣ Воронцовѣ, но она не серьезна. Поддерживать благосостояніе городовъ посредствомъ учрежденія и сосредоточенія въ нихъ блестящей бюрократіи — мѣра, которая не имѣла бы ничего общаго съ экономическими началами. Мысль эта не можетъ разсчитывать на какое-либо вниманіе уже и потому, что противорѣчитъ общему административному началу, осуществленному въ наше время. Наконецъ, переходя къ одному изъ существеннѣйшихъ предположеній одесскаго комитета, къ предположенію его о возможности для Одессы расширить кругъ своей промышленности, вознаградить себя за упадокъ хлѣбнаго отпуска созданіемъ въ Одессѣ мануфактурно-фабричной промышленности, — въ этомъ отношеніи нельзя не признать, вмѣстѣ съ комитетомъ, что для такого преобразованія или дополненія въ Одессѣ имѣются и неблагопріятныя, и благопріятныя условія. Естественныя условія не особенно благопріятны, и потому трудно съ увѣренностью ожидать успѣха. „Въ сосѣдствѣ Одессы“, повторимъ за комитетомъ, „не имѣется ни минеральныхъ сокровищъ, ни даровыхъ двигателей“. Но нельзя отрицать и цѣнности тѣхъ благопріятныхъ условій, какія имѣются: обиліе капиталовъ, степень умственнаго развитія населенія и выгоды географическаго положенія Одессы для полученія сырыхъ продуктовъ и сбыта издѣлій. Число фабричныхъ предпріятій, говорятъ намъ, всего въ пять лѣтъ возросло болѣе чѣмъ на 30%. Что-жъ, это вѣскій доводъ, и нельзя не пожелать, чтобы возрастаніе шло далѣе столь же успѣшно, и чтобы предположеніе комитета осуществилось. Лишь бы при этомъ не требовалось искусственной поддержки со стороны государства и прямыхъ пожертвованій казны. Предоставленіе одесскимъ фабрикантамъ срочныхъ льготъ отъ налоговъ еще возможно допустить, хотя это вызвало бы непремѣнно справедливыя жалобы другихъ близлежащихъ городовъ и повело бы со временемъ къ ходатайствамъ о продленіи привилегій. Но особыхъ условій государственнаго кредита, субсидій и т. п. невозможно было бы допустить ни въ какомъ случаѣ.

Главную пользу одесской записки мы видимъ все-таки въ томъ оживленіи вопроса объ упадкѣ нашего хлѣбнаго отпуска, которое ею произведено. Въ этомъ вопросѣ заинтересованы самымъ существеннымъ образомъ не одна Одесса, даже не одинъ новороссійскій край, но и юговосточныя губерніи и условія нашего вексельнаго курса.

Можно утѣшать себя свѣдѣніемъ, что нашъ главный конкурентъ на англійскомъ рынкѣ—Соединенные Штаты—сдѣлалъ ошибку, отъ которой можетъ произойти большой ущербъ ему, большая выгода намъ, а именно, что недавно пшеница, доставленная имъ, оказалась недоброкачественною. Но сомнительно, чтобы дурное качество одного привоза могло совершенно измѣнить условія, въ которыхъ мы нынѣ стоимъ по отношенію къ Америкѣ, и едва ли одинъ этотъ фактъ дастъ намъ возможность завоевать себѣ на англійскомъ рынкѣ прежнее положеніе. Необходимо, настоятельно необходимо подумать о серьезныхъ и спорныхъ мѣрахъ для развитія въ Россіи другихъ отраслей сельскаго хозяйства, кромѣ хлѣбопашества, тѣмъ болѣе, что дѣсоразведеніе, осушеніе болотъ, развитіе скотоводства при обширности нашей территоріи будутъ не мѣшать, но прямо благоприятствовать поддержанію самаго хлѣбопашества. Не менѣе необходимо снять съ земледѣльческаго класса всѣ помѣхи его производительному труду.

Обратимся теперь къ вопросу о продолженіи русскому обществу пароходства и торговли получаемой ими правительственной субсидіи. Дѣло слишкомъ ясно, и печать достаточно единодушно высказалась по этому вопросу въ смыслѣ отрицательномъ, чтобы намъ нужно было разсматривать его въ подробности. Мы уже упомянули, что общество это опровергло нѣкоторые изъ частныхъ примѣровъ, приведенныхъ въ смыслѣ аргументовъ противъ его привилегій записки одесскаго комитета. Но оно же опровергло главныхъ, существеннѣйшихъ фактовъ, на которые та записка указывала. Пусть одесскій комитетъ сдѣлалъ ошибочное сравненіе скорости прибытія партій чая въ Нижній-Новгородъ съ одной стороны изъ Одессы чрезъ Москву, съ другой стороны на германскомъ пароходѣ чрезъ Ревель и Москву; пусть невѣрно, что тарифъ одесской желѣзной дороги на петролеумъ былъ повышенъ въ 1875 году; пусть общество пароходства возвысило свой грузовой тарифъ, пользуясь прекращеніемъ дѣйствій новороссійскаго товарищества, не на 60%, а только на 10—20%. Но изъ того, что нѣкоторые примѣры въ одесской запискѣ невѣрны, не слѣдуетъ, что въ ней невѣрны общіе, извѣстные всѣмъ факты. Самъ же „отвѣтъ“ русскаго общества пароходства и торговли признаетъ, что доставка грузовъ отъ Брянска и Курска до Кѣнигсберга дешевле, чѣмъ до Одессы, и объясняетъ это отсутствіемъ общихъ пониженныхъ тарифовъ на дорогахъ отъ Брянска до Одессы, между тѣмъ какъ такіе тарифы существуютъ по дорогамъ отъ Брянска и Курска къ прусской границѣ. Но что же это значитъ? Значить только, что доставка въ Кѣнигсбергъ дешевле потому, что одинъ дороги берутъ дешевле, чѣмъ желаетъ брать одесская дорога. „Отвѣтъ“ не можетъ и вообще

опровергнуть сравнительную высоту тарифа на одесской дорогѣ; онъ только увѣряетъ, что „едва-ли было бы благоразумно“ понижать тарифъ на одной дорогѣ потому единственно, что онъ повышенъ на другой. Но при такомъ благоразуміи, общество должно согласиться также, что едва-ли было бы благоразумно платить ему субсидію вперёдъ единственно потому, что ее платили въ теченіи 20-ти лѣтъ. Вся аргументація официального „отвѣта“ общества и частныхъ защитниковъ его, выступившихъ съ письмами въ газетахъ, крайне слаба. Общество ссылается на то, что только при субсидіи могло возникнуть русское пароходство на Черномъ морѣ. Но вѣдь оно уже возникло; рѣчь собственно о томъ, продолжать-ли субсидію теперь. Вопросъ этотъ защитники общества рѣшаютъ въ свою пользу ссылкой на нѣкоторые заграничныя предпріятія, содержащія срочныя морскія сообщенія, предпріятія, пользующіяся субсидіями. Но за границей есть и такія предпріятія, которыя содержатъ срочныя морскія сообщенія безъ полученія субсидій. Русское общество пароходства и торговли дѣйствительно все, что приобрѣло, весь свой флотъ, стоющій 12 милл. рублей, всё тѣ миллионы рублей, которые оно выдаетъ своимъ акціонерамъ въ видѣ дивиденда,—все это оно извлекаетъ изъ правительственной субсидіи, и потому совершенно въ правѣ хвалить субсидію. Но изъ того, что оно получило такъ много отъ казны, никакъ не слѣдуетъ, что казна обязана и впредь давать ему столько же. Совершенно наоборотъ. Если общество, несмотря на такіе огромные помертвованія казны, не успѣло встать на ноги достаточно твердо для существованія самостоятельнаго, то оно никогда самостоятельнымъ и не будетъ. Но въ такомъ случаѣ необходимо отмѣнить ту его привилегію, которая не даетъ развиваться самостоятельнымъ морскимъ предпріятіямъ, и если даже допустить мысль, что срочныя морскія сообщенія безъ помилной платы существовать не могутъ, то справедливость требовала бы, чтобы помилною платою пользовались и новыя однородныя предпріятія, чтобы она была или распространена на всѣхъ, или раздѣлена между всѣми. Иначе, чѣмъ дольше одно общество будетъ пользоваться монополіею, тѣмъ труднѣе станетъ ея отмѣна. Если привилегія помилной платы была бы нинѣ продолжена русскому обществу пароходства хотя бы на срокъ, то это прямо означало бы, что она затѣмъ будетъ продолжаема и на дальнѣйшіе сроки, и что самостоятельнаго русскаго мореходства востани никогда не возникнетъ.

Настало, наконецъ, время самымъ рѣшительнымъ образомъ положить конецъ системѣ предоставленія казенныхъ субсидій и концессій въ руки нѣсколькихъ лицъ, болѣе или менѣе произвольно-выбирае-

ины, — системѣ въ высшей степени вредной и для самаго дѣла, предоставляемаго такимъ избраннымъ, и для общественныхъ правъ. Недавно мы видѣли новую „иллюстрацію“ этой системы въ образѣ вторичныхъ торговъ на донецкую желѣзную дорогу. Торги на постройку этой дороги заслуживаютъ особаго вниманія, такъ какъ они являются первымъ послѣ знаменитыхъ торговъ на четыре лѣнія—оренбургскую, фастовскую и т. д., при которыхъ подверглись столь странной судьбѣ извѣстныя правила 1873 года. Престѣль путей сообщенія, какъ извѣстно, стоялъ за избраніе способа непосредственной правительственной постройки, и полагалъ тогда начать вновь примѣненіе этого способа именно съ донецкой дороги. Но это не исполнилось. Предпочтеніе отдано было опять „частной инициативѣ“, которая состоитъ въ томъ, что избирается частный человѣкъ для пользованія всѣми выгодами постройки дороги на средства, доставляемыя правительствомъ. На нынѣшній разъ, впрочемъ, дѣло поставлено было совершенно прямо, безъ всякихъ „правилъ“, нѣтъ-нѣтъ въ виду составленіе „местныхъ обществъ акціонеровъ“. Не было никакихъ правилъ, — не потребовалось, стало быть, и отступать отъ нихъ на дѣлѣ. Устраивать концессионеровъ не только не нѣлось въ виду, но, напротивъ, прямо обращались къ кандидатамъ въ концессионеры, и притомъ при соблюденіи условія, дающаго самый большой просторъ при предоставленіи дороги любому предпринимателю: то-есть, примѣнялась система такъ-называемой „ограниченной конкуренціи“. Конкуренція на эту дорогу была дѣйствительно ограниченная. Въ первыхъ торгахъ, бывшихъ весной прошлаго года, допущено было только шесть конкурентовъ, а во вторичныхъ торгахъ, въ январѣ, уже только четыре. Почему именно тѣ шесть или эти четыре: не потому ли, что хотѣли имѣть дѣло только съ наиболѣе „сильными“ строителями? Вовсе нѣтъ. Извѣстнѣйшіе концессионеры не были вовсе допущены въ торгахъ, а допущены были не только неизвѣстные, но и такіе, о которыхъ въ печати прямо говорилось, что они являются подставными лицами. О двухъ извѣстныхъ концессионерахъ говорили, что ихъ нельзя было допустить будто бы потому, что у нихъ въ районѣ новой дороги есть другіе, хозяйственные интересы. Но какую же гарантію могутъ представлять лица подставныя? Можно ли знать съ достовѣрностью, что за ними скрывается? А еслибы это знали и, тѣмъ не менѣе, отдавали предпочтеніе такой псевдонимной, негласной конкуренціи, то это уже выходило бы изъ границъ всего вѣроятнаго, хотя бы даже у насъ. Первые торги утвержденны не были, а во вторыхъ торгахъ состоялась такая низкая цѣна, которая почти на 4½ милл. рублей выше состоявшейся на первыхъ торгахъ. И заключательно, что цѣну эту объявилъ г. Мамон-

товъ, которому на первыхъ торгахъ не удалось объявить низкой, по сравнению съ другими, цѣны; замѣчательно, что объявленная низиннѣ цѣна все-таки выше той, какая объявлена имъ была прежде; замѣчательно, что одна газета еще до вскрытія замечатанныхъ (!) панетовъ, высказывала догадку, что дорога останется за г. Мамонтовымъ, и даже называла избраннаго уже имъ стронтея—г. Штейнгеля. Что же это наконецъ такое? Удобно ли вызывать такое стеченіе обстоятельствъ, которое можетъ подавать поводъ къ самымъ невѣроятнымъ догадкамъ? Вѣдь могутъ найтись люди, которые подумаютъ, что какое-либо лицо имѣлось въ виду заранее, что конкуренція была ограничена именно съ цѣлью устройства сдѣлки, что первые торги не были утверждены просто потому, что сдѣлка не состоялась, и что вторые торги были подстроены такъ, что сдѣлка удалась и притомъ съ возвышеніемъ даже цѣны для избраннаго впередъ концессионера, какъ бы тамъ онъ ни назывался? Отъ насъ далека мысль высказывать такое подозрѣніе: для насъ порукою въ невозможности такихъ дѣйствій служитъ просто добросовѣтность министерства финансовъ, отъ котораго въ этомъ дѣлѣ зависитъ все, не исключая самого высшаго министерства путей сообщенія. Мы хотѣли только указать на то, что могутъ подумать люди, менѣе насъ увѣренные въ чьихъ-либо личныхъ свойствахъ. Но согласитесь — незавиденъ такой порядокъ дѣлопроизводства, при которомъ возможно самое странное стеченіе обстоятельствъ, и неблагоприятный смыслъ ихъ можетъ быть опровергаемъ не твердостью закона, не равенствомъ условій, не отсутствіемъ произвола, но одной только увѣренностью въ чьихъ-либо личныхъ свойствахъ? Вѣдь, если дѣло сводится въ концѣ-концовъ къ такой, чисто личной гарантіи, то не проще ли и нравственнѣе было бы, чтобы тѣ, кто представляютъ эту гарантію, несли и отвѣтственность за результаты концессіи, за цѣну и качество постройки? Для чего всѣ эти формальности, которыя могутъ только подавать поводъ къ мысли, будто подобную отвѣтственность хотятъ отстранить отъ себя, хотя выборъ представляющихъ, въ дѣйствительности, своему усмотрѣнію.

Повторяемъ, что въ нашемъ концессионномъ дѣлѣ все, рѣшительно все существенное зависитъ отъ министерства финансовъ. Гг. Унгернъ-Штернбергъ, фонъ-Дервизъ, фонъ-Маккъ, Полиновъ и Губонинъ, Варшавскій, Кренебергъ и т. д. были въ дѣйствительности его избранными настолько, насколько они получали постройку при системѣ „ограниченной конкуренціи“. Указаніе на степень благонадежности конкурентовъ, вопросъ объ утвержденіи или неутвержденіи торговъ, опредѣленіи важнѣйшихъ, то-есть финансовыхъ условій дѣла — все это прямо зависѣло и зависѣло отъ

министерства финансовъ. Понятна прежняго министерства путей сообщенія получить большую самостоятельность въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ окончилась рѣшительнымъ поражениемъ. Италія, вмѣсто формальностей „ограниченныхъ“ торговъ, новотораемыхъ съ такимъ результатомъ намъ возвышеніе цѣны, не проще ли, логичнѣе и рациональнѣе было бы, еслибы цѣна назначалась, и концессионеръ избирался просто министерствомъ финансовъ, а министерство путей сообщенія ограничивалось контролемъ надъ производствомъ постройки. На самую умѣренную цѣну никто не откажется производить постройку, потому что и отъ самой умѣренной цѣны онъ будетъ имѣть огромный барышъ. Никакихъ условій финансовой солидности нѣтъ нужды требовать отъ лица, которое будетъ строить на деньги, предоставленныя въ его распоряженіе отъ казны. Но при открытомъ способѣ, на который мы указываемъ, всеѣмъ будетъ извѣстно, что цѣна постройки была выгодна или невыгодна для казны, постройка исполнена хорошо или дурно, потому что министерство финансовъ удачно или неудачно опредѣлило цѣну, удачно или неудачно избрало лицо для полученія барышей отъ постройки. Наконецъ, пусть намъ дадутъ или дѣйствительную, то-есть неограниченную конкуренцію, пусть торги производятся публично, или пусть обратятся къ постройкѣ непосредственнымъ распоряженіемъ государства, но лишь бы только устранена была нынѣшняя система, которая въ нравственномъ отношеніи положительно хуже винныхъ откуповъ. Правда, откупщики платили мѣстной администраціи, но торговались они не задними ходами, а открыто, безъ всякаго ограниченія, въ сенатѣ. Способъ же предоставленія концессій лишаетъ всякихъ достаточныхъ гарантій. Правда, окончательное утвержденіе зависитъ отъ комитета министровъ. Но въ столь специальномъ вопросѣ только въ видѣ исключеній и при особенно странномъ стеченіи обстоятельствъ можно ожидать, чтобы начальники или товарищи начальниковъ такихъ вѣдомствъ, какъ министерство военное, иностранныхъ дѣлъ, юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и т. д., рѣшились не признать убѣдительными доводовъ министерства финансовъ и министерства путей сообщенія. Будемъ, однако, надѣяться, что со временемъ, въ виду особыхъ обстоятельствъ дѣла, оно покажется достаточно неяснымъ для всѣхъ, чтобы убѣдить ихъ въ необходимости избрать какую-либо новую систему. Всякая—хотя бы прямое предоставленіе всего дѣла въ руки министерства финансовъ—будетъ лучше нынѣшней.

Мы говорили выше о необходимости охранить главную производительную силу Россіи—сельское хозяйство, производство хлѣба.

Но не одну эту производительную силу необходимо предохранить, не ей одной грозятъ наступившіи уже кризисы, замѣтные уже нуррекамъ. Не отъ хлѣба единого бываетъ адорово и общество. Двадцать лѣтъ тому назадъ о многомъ хорошемъ мы могли только мечтать; но и то была сила, что мы мечтали, мы чувствовали въ себѣ силу хотя бы мечтою стремиться въ хорошему, въ честному. Желѣ, благодѣнное иносказаніе подтачиваютъ и развѣдаютъ у насъ нынѣ самое понятіе о томъ, что честно и что бесчестно. Такова опасность того вреднаго иносказанія, которое пролинали уже Буало — *l'équivoque maudite*:

Aux yeux embarrassés des juges les plus sages
Tout sens devint douteux, tout mot eut deux visages.

Можемъ ли мы ожидать отъ нашей будущности урожаевъ въ „идяхъ“, когда ежедневные, блистательные примѣры на глазахъ нашихъ неучають подроставшее поколѣніе, что вся нравственная суть не въ томъ, что сдѣлать, а въ томъ, какъ сдѣлать,—что хорошаго и нехорошаго въ сущности совсѣмъ нѣтъ, а есть только „благодѣнное“ и „неблагодѣнное“.

Искренности въ насъ уже такъ мало, простое стремленіе къ добру такъ мало цѣнится, что даже въ предпріятіяхъ чисто-благотворительныхъ начинаетъ преобладать надъ прямымъ интересомъ дѣлаискательство связей, карьеры или осуществленіе личныхъ видовъ, находящихся безъ связи или въ самой косвенной связи съ основною мыслью предпріятія. Возьмемъ самую скромную, самую, повидимому, отрѣженную отъ своекорыстія сферу дѣятельности—покровительство животнымъ. Казалось бы, чѣмъ ужъ тутъ воспользоваться челоуѣку? Дѣйствительно, масса общества знаетъ, что тутъ воспользоваться нечѣмъ, и равнодушно проходитъ мимо скромнаго дѣла, которое заслуживало бы сочувствія. При этомъ примѣчательно, что равнодушіе массы общества къ этому дѣлу у насъ все возрастаетъ съ теченіемъ времени, между тѣмъ какъ за-границею, наоборотъ, сочувствіе къ этому дѣлу постоянно возрастаетъ. Общество покровительства животнымъ въ концѣ прошлаго года праздновало свое десятилѣтіе. Просмотрѣвъ какъ „историческій обзоръ“ его дѣятельности, составленный по этому случаю, такъ и годовые отчеты общества, нельзя не придти къ убѣжденію, съ одной стороны, что общество принесло посильную пользу, а съ другой стороны — что еслибы вообще въ нашей образованной массѣ было дѣйствительное сочувствіе къ этому дѣлу, то общество могло бы принести въ десять разъ болѣе пользы. Но безъ поддержки со стороны общественнаго мнѣнія обществу этому не удалось ни приобрести того значенія, которымъ оно должно бы пользоваться для

успѣшнаго дѣйствія, ни предохранить себя отъ уклоненій на пользу совершенно постороннихъ ему интересовъ. Цѣль общества совершенно ясна и опредѣлена: оно должно стремиться къ огражденію животныхъ отъ жестокаго съ ними обращенія, и не столько поученіями или брошюрами, сколько дѣйствительнымъ преслѣдованіемъ случаевъ жестокости, стремиться установить и распространить въ массѣ народа убѣжденіе, что жестокость эта предосудительна потому именно, что она осуждается закономъ. Иной, дѣйствительной, пропаганды быть не можетъ, а смягченія правовъ можно ожидать только отъ распространенія образованія, но вовсе не отъ дѣйствія брошюрами, которыхъ народъ у насъ не читаетъ. Къ достиженію истинной своей цѣли общество стремилось, и благодаря его усиліямъ проведены были нѣкоторыя законодательныя и административныя мѣры. Въ числѣ ихъ, прежде всего, слѣдуетъ указать на самый законъ 1871 года, постановившій, что „за причиненіе домашнимъ животнымъ *напраснаго* мученія виновные подвергаются денежному взысканію не свыше десяти рублей“. Еслибы общество пользовалось сколько-нибудь рѣшительной и энергической поддержкою общественнаго мнѣнія, то самая редакция этого закона, навѣрное, вышла бы удачливѣе. Такъ, какъ есть, онъ и не ясенъ, и крайне слабъ. „Напрасное“ мученіе — если разумѣть его въ смыслѣ мученія для забавы или подъ вліяніемъ гнѣва, есть дѣйствіе столь безпирравственное, что однимъ штрафомъ его наказывать нельзя. Иностранные законы по тому же предмету совершенно основательно допускаютъ арестъ. Но, сверхъ того, что означаетъ выраженіе „напрасное“ мученіе? Означаетъ ли оно, что поваръ, убѣжденный будто гусь вкуснѣе, если его заколотить градомъ палочныхъ ударовъ, такъ чтобы мясо его пропиталось кровью, а угорь — если съ него живого сдирать кожу — будутъ правы предъ нашимъ закономъ? Означаетъ ли „напрасное“ мученіе только мученіе, необъясняемое цѣлью, и значитъ ли, что передъ нашимъ закономъ былъ бы правъ гастрономъ, слѣдующій правилу одной французской поварской книги: „*le lapin aime être écorché vif, le lièvre préfère attendre*“?

Пересмотръ этого закона необходимъ для введенія въ него болѣе ясности и для усиленія налагаемыхъ взысканій, если мы хотимъ, чтобы онъ былъ дѣйствителенъ. Но полно, хотимъ ли мы этого? Странное дѣло — нигдѣ въ свѣтѣ, кромѣ какъ у насъ, дѣло покровительства животнымъ не возбуждало насмѣшекъ. У насъ есть люди, которые считаютъ даже либеральнымъ принять сторону „бѣднаго человѣка“, который мучитъ животное; покровительствуйте прежде людямъ, говорятъ они, точно кто-нибудь отрицаетъ, что слабымъ и бѣднымъ слѣдуетъ покровительствовать, точно этому дѣлу будетъ мѣшать, если мы запретимъ пьяному лѣнивцу водить медвѣдя за

железное кольцо, продѣтое въ его ноздри и дергать его туда-сюда, на потѣху деревенской толпѣ, которая тиранить своихъ женъ и дѣтей. То-то и есть! скажутъ нѣкоторые либералы. Да, если бы возможно было учредить общество съ цѣлью защиты посредствомъ судовъ русской бабы и деревенскаго ребенка (и одного ли деревенскаго, о томъ см. дѣло Кронеберга), то мы первые признали бы такое дѣло истинно-святымъ. Но вѣдь тѣ же либералы возстанутъ противъ него во имя неприкосновенности частной жизни, а консерваторы станутъ вторить имъ съ точки зрѣнія священныхъ правъ и преимуществъ супружеской и родительской власти. Итакъ, господа, не отводите глазъ невозможнымъ отъ возможнаго; и если мы можемъ оказать защиту отъ тиранства только лошади, которую на улицѣ бьютъ палкой по головѣ, то не подливайте вашей фальши и неискренности въ мнѣніи собравшейся толпы. Человѣкъ, который совершаетъ или допускаетъ передъ собой совершеніе жестокости, не достоинъ названія человѣка. Онъ можетъ называть себя и даже слыть дѣльнымъ, либеральнымъ или благонамѣренно-консервативнымъ, какъ ему угодно. Но вы никогда не убѣдите насъ, что онъ не дрянной человѣкъ.

Общество покровительства животнымъ старалось исполнять свое прямое и первое назначеніе—преслѣдовать жестокость. Нѣкоторые члены въ самомъ дѣлѣ безжорыстно трудились для дѣла, безвозмездно занимались дѣлопроизводствомъ, осмотрами и т. д. Средства общества такъ малы—отъ 3 до 4-хъ тысячъ рублей дохода въ годъ, что ему слѣдовало по возможности сосредоточивать свою дѣятельность къ достиженію самыхъ ближайшихъ задачъ; такъ, кромѣ преслѣдованія жестокости, которое должно стоять на первомъ планѣ, общество поступало вполне рационально, заводя ветеринарныя лечебницы для леченія животныхъ, подвергшихся истязанію; безъ такихъ лечебницъ, остановленная на улицѣ хромя или избитая лошадь была бы возвращена хозяину, который немедленно подмѣнилъ бы ее другою, чтобы избѣгнуть осмотра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько потрачено обществомъ на разныя затѣи, сколько разъ сужденія его собраній и даже прямое ходатайство его обращались въ интересамъ или вопросамъ совершенно постороннимъ прямому назначенію общества, и тѣмъ уменьшали сочувствіе къ дѣлу даже тѣхъ немногихъ членовъ, которые постоянно посѣщали его собранія. Уже устройство выставокъ на средства общества, и затѣи командированіе на ничтожныя его ресурсы делегата на заграничныя конгрессы и печатаніе изящнаго отчета о такихъ конгрессахъ, — совершенно лишнія затѣи, при нынѣшнемъ положеніи общества. Это вело только къ совершенію увеселительной поѣздки и полученію случая порисоваться и представляться съ отчетомъ къ высокопоставленнымъ лицамъ. А

между тѣмъ на эти сотни рублей общество могло бы въ теченіи года содержать нѣсколькихъ наемныхъ агентовъ, что было бы всего практичнѣе. Но этого мало. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ членовъ общества устроилъ себѣ въ Петербургѣ „заведеніе племенныхъ телятъ“ и убѣдилъ общество ходатайствовать въ губернскихъ земскихъ управахъ о „содѣйствіи къ ознакомленію съ заведеніемъ“, что и имѣло послѣдствіемъ увеличеніе запроса въ означенномъ заведеніи; сверхъ того, общество исходатайствовало тому же члену „содѣйствіе“ отъ министерства государственныхъ имуществъ къ устройству „случаго пункта“, и министерство, уваживъ ходатайство общества, назначило тому члену 300 р. единовременно, да 500 р. ежегодно на содержаніе племенного быка. Интересно бы знать, куда поступаютъ деньги отъ продажи телятъ, происходящихъ отъ этого быка, которому министерство платитъ жалованье столоначальника? Изъ отчета не видно, чтобы деньги эти поступали въ пользу общества покровительства животнымъ. Другой членъ общества издалъ на его счетъ свои чтенія о птицахъ, помѣстивъ въ его отчетъ на нѣсколькихъ страницахъ свои заявленія въ вольно-экономическомъ обществѣ о птицахъ же, основанія закона объ охраненіи полезныхъ птицъ, и соображенія о пользѣ чтенія публичныхъ лекцій по зоологій въ столицахъ и губернскихъ городахъ (членъ этотъ натуралистъ), устройства въ Петербургѣ музея вредныхъ и полезныхъ животныхъ „въ естественной обстановкѣ“ и введенія преподаванія естественной исторіи въ народныхъ училищахъ. Этотъ же членъ предложилъ обществу издать составленный имъ зоологическій атласъ и устроить себѣ музей (музей общества покровительства животнымъ!), котораго устройство обязательно взялся руководить. Только „неимѣніе средствъ“ помѣшало доселѣ обществу, по увѣренію отчета, осуществить эти предпріятія. Но можно опасаться, что когда-нибудь нѣсколько сотъ рублей выйдутъ-таки изъ кассы общества на подобныя предпріятія, совершенно чуждыя его цѣли и могущія только выставлять на показъ ихъ изобрѣтателя и руководителя. Такимъ образомъ, послѣ заботъ о разведеніи племенныхъ телятъ, въ обществѣ покровительства животнымъ стала нынѣ преобладать, повидимому, забота объ умноженіи полезныхъ птицъ, хотя и то и другое совершенно не соотвѣтствуетъ ни прямой цѣли общества, ни его средствамъ. Это не все. Самое обсужденіе такихъ проектовъ, въ которыхъ предлагается, напримѣръ, узаконеніе, разрѣшающее убивать кошекъ, ушедшихъ въ лѣсъ для разоренія птичьихъ гнѣздъ, способно только устранять отъ участія въ собраніяхъ людей искреннихъ.

При такихъ далеко заходящихъ заботахъ, въ какомъ же положеніи находилось настоящее дѣло—охраненіе животныхъ отъ жестокаго

обращенія? Здѣсь цифры краснорѣчивы: въ 1867 году въ Петербургѣ было привлечено 310 лицъ къ отвѣтственности по обвиненію за дурное обращеніе съ животными; бѣольшая половина разобранныхъ дѣлъ окончилась просто отобраніемъ подписки, а 32 дѣла штрафомъ; въ теченіи 1868 года замѣчено было въ дурномъ обращеніи уже только 191 лицо; въ теченіи 1869 года обнаружено всего 32 случая дурного обращенія. „На этомъ прекращаются официальные свѣдѣнія“, сказано въ отчетѣ, „хотя дѣятельность общества въ этомъ направленіи не прекращалась“.

Нельзя отрицать, что общество принесло пользу, повторимъ мы; нельзя не отнестись сочувственно къ безкорыстной дѣятельности многихъ изъ членовъ. Но пользы было бы гораздо больше, еслибы масса образованнаго населенія Петербурга энергически поддерживала общество. Въ виду общественнаго мнѣнія могъ бы измѣниться и законъ, и полицейскіе чины были бы обязаны сами вступаться въ дѣло случая жестокаго обращенія. А то нынѣ—разсказывали намъ—городовые знаютъ, что въ участѣхъ не особенно похвалять ихъ за усердіе въ этомъ дѣлѣ. „И безъ того дѣла много“! Поэтому, городской начинаетъ дѣйствовать только по приглашенію члена, и первое его дѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы въ свою очередь пригласить члена въ участокъ вмѣстѣ съ виновнымъ. Извѣстно, что у насъ отношенія частныхъ лицъ съ полиціею далеко не таковы, чтобы эта перспектива была особенно пріятна. Мы согласны, что, принявъ на себя обязанности, не слѣдуетъ избѣгать всякаго стѣсненія при ихъ исполненіи. Это справедливо, но не менѣе справедливо и то, что надо бы по возможности уменьшать стѣсненіе, которому подвергается исполняющій обязанность. Во многихъ случаяхъ, напр., когда указывается на идущую въ упряжи лошадь хромую или съ язвами подъ хомутомъ, городской самъ видитъ фактъ, и если ему его укажутъ, то нѣтъ никакой необходимости тащить указавшаго въ участокъ, потому что самый фактъ—на лицо.

Какъ бы то ни было, мы считаемъ обязанностью обратиться къ сочувствію всѣхъ образованныхъ людей для поддержанія и улучшенія общества покровительства животнымъ, которое все-таки приноситъ не мало пользы. При нынѣшнихъ условіяхъ, можно указать слѣдующій наиболѣе практическій путь для этой цѣли. Членомъ можетъ сдѣлаться всякій, внося 5 руб. въ годъ; когда въ общее собраніе явилось бы много членовъ, въ самомъ дѣлѣ сочувствующихъ предпріятію, самое веденіе дѣлъ общества осталось бы въ рукахъ только такихъ лицъ, которые ни карьеры, ни корысти, ни рекламы себѣ изъ покровительства животнымъ не станутъ дѣлать. Затѣмъ, бѣольшая часть средствъ общества должна бы быть обращена на содержаніе наемныхъ аген-

товъ, меньшая часть на дѣлопроизводство; наконецъ, по мѣрѣ возможности—на ветеринарную помощь. Что же касается устройства выставокъ, музеевъ, командировокъ съ роскошными отчетами, то при небольшихъ средствахъ эти затѣи должны быть просто немислимы въ обществѣ, искренно интересующимся своимъ дѣломъ.

Февраль мѣсяцъ начался для нашей литературы прискорбною потерю одного изъ самыхъ почтенныхъ своихъ дѣятелей, въ лицѣ Михаила Васильевича Авдѣева. Авторъ „Тамарина“, „Подводного камня“, скончался въ Петербургѣ, въ ночь на 1-е февраля, 55-ти лѣтъ отъ роду, и наша печать встрѣтила это печальное извѣстіе выраженіемъ единодушнаго сожалѣнія о такой преждевременной уtratѣ и полнаго уваженія къ памяти покойнаго, которое было имъ вполне заслужено. Присоединяясь къ такому общему голосу, мы ограничимся съ своей стороны личнымъ воспоминаніемъ объ участіи, которое принималъ М. В. Авдѣевъ въ нашемъ журналѣ и которое извѣстно немногимъ, такъ какъ его труды не были подписаны его именемъ. Это было шесть лѣтъ тому назадъ, въ 1870 году. Онъ выгъ на себя вести хронику общественной жизни, подъ заглавіемъ: „Письма въ провинцію“.

М. В. Авдѣевъ трудился на своемъ поприщѣ, можно сказать, до послѣднихъ дней своей жизни. Незадолго до смерти онъ прислалъ намъ рукопись: „Въ сороковыхъ годахъ“, отрывокъ изъ которой недавно былъ помѣщенъ въ „Вратсвой Помочи“, при собственноручномъ письмѣ, отъ 18 января, начинавшемся словами: „Посылаю вамъ мое послѣднее сказаніе“ и т. д. Къ великому сожалѣнію всѣхъ читателей таланта покойнаго, эта рукопись и на дѣлѣ оказалась его „послѣднимъ сказаніемъ“. 3-го февраля, друзья М. В. Авдѣева стояли уже у его могилы на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ онъ погребенъ близъ могилъ Вѣлинскаго, Писарева *).

*) Редакція пользуется настоящимъ случаемъ, чтобы покорнѣе просить издѣльцовъ М. В. Авдѣева о сообщеніи ихъ адреса.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е марта, 1876.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ РѢШЕНІЕ ГЕРЦЕГОВИНСКАГО ВОПРОСА.

Долговременные труды графа Андраши увѣнчались, наконецъ, полнымъ дипломатическимъ успѣхомъ. Выработанная имъ, въ согласіи съ союзными кабинетами, нота съ проектомъ реформъ въ пользу возставшихъ христіанскихъ областей Турціи, была подвергнута—по сообщеніи ея западнымъ кабинетамъ—только ничтожнымъ измѣненіямъ, поддержава въ Константинополѣ представителями всѣхъ великихъ державъ и Италіи, и дружественно принята турецкимъ правительствомъ, которое немедленно согласилось на введеніе требуемыхъ реформъ, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ одного пункта изъ числа пяти предложенныхъ. Хотя инсургенты и не удовольствовались нотою въ томъ смыслѣ, что рѣшили не класть оружія, но не замѣтно, чтобы рѣшеніе державъ вызвало въ рядахъ повстанцевъ какое-либо негодованіе, а въ средѣ турецкихъ христіанъ вообще какое-либо воодушевленіе для домогательства оружіемъ такихъ уступокъ, которыхъ державы для нихъ не потребовали. Это послѣднее обстоятельство даетъ поводъ думать, что хотя возстаніе еще держится, но будетъ держаться только до тѣхъ поръ, пока, подъ влияніемъ строгихъ мѣръ наблюденія на австрійской границѣ, не прекратятся его средства.

Такимъ образомъ, и предполагая, что въ теченіи ближайшихъ мѣсяцевъ не произойдетъ ничего неожиданнаго, можно признать, что восточный вопросъ снова отодвинуть въ рядъ закрытыхъ, тѣлующихъ вопросовъ, которые остаются нерѣшенными, но въ данную минуту не вызываютъ опасеній. Итакъ, дипломатическій успѣхъ почти несомнѣненъ. Остается оцѣнить его съ точки зрѣнія реальной, разсмотрѣть, насколько онъ можетъ улучшить положеніе и удовлетворить желанія наиболѣе заинтересованной стороны, а именно—населенія возставшихъ провинцій. Для этого нужно прежде всего изложить въ нѣсколькихъ словахъ, что именно было потребовано отъ Турціи, и въ какой формѣ, и что ею обѣщано.

Сущность ноты графа Андраши заключалась въ томъ, что прежнія обѣщанія Порты въ пользу христіанъ, какъ-то: гатти-шерифъ 1839 г., гатти-гумаунъ 1856 г., въ дѣйствительности не были исполнены, а ираде 2 октября и фирманъ 12 декабря прошлаго года со-

держали въ себѣ частью только общіе принципы, частью такіа опредѣленія, о которыхъ оставалось даже неизвѣстнымъ, имѣютъ ли—и когда именно—они быть примѣнены къ возставшимъ провинціямъ. Указывалось на затруднительное положеніе въ этомъ вопросѣ державъ, которыя не могли съ достаточной убѣдительностью сдерживать самостоятельныя христіанскія владѣнія, одноплеменные съ этими областями, не имѣя въ виду ничего положительнаго, что было бы сдѣлано со стороны Порты для улучшенія быта Босніи и Герцеговины, и заявлялось опасеніе, что возстаніе можетъ при такомъ неопредѣленномъ положеніи принять болѣе обширные размѣры. Указывалось также на недоувѣріе христіанъ въ однихъ обѣщаніяхъ Перты. Наконецъ, излагались въ пяти пунктахъ тѣ основанія реформъ, которыя, по мнѣнію державъ, могли повести къ умиротворенію возставшихъ провинцій. Пункты эти были слѣдующіе: 1) установленіе полной религіозной свободы; 2) отмена системы сдачи на откупъ собранія налоговъ; 3) изданіе закона, въ силу котораго сумма поступленій прямыхъ налоговъ въ Босніи и Герцеговинѣ должна быть употреблена на пользу самыхъ этихъ областей, и расходована подъ контролемъ избирательныхъ органовъ, учрежденныхъ фирманомъ 12 декабря; 4) учрежденіе спеціальной комиссіи, состоящей наполовину изъ мусульманъ, наполовину изъ христіанъ, и имѣющей назначеніемъ надзоръ за исполненіемъ реформъ, нынѣ предлагаемыхъ державами, а также и обѣщанныхъ въ ирадѣ 2 октября и фирманѣ 12 декабря прошлаго года; 5) улучшеніе земельныхъ условій (situation agraire) сельскаго населенія. Въ нотѣ высказывалось желаніе, чтобы первые четыре пункта были осуществлены немедленно, а пятый—постепенно, по мѣрѣ возможности.

Всѣ эти предложенія были сообщены державами Портѣ не въ видѣ формальнаго требованія или чего-либо въ родѣ ультиматума, но въ самой „мягкой“ формѣ, которая и была оцѣнена въ отвѣтномъ циркулярномъ увѣдомленіи турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ. Проектъ гр. Андрани былъ составленъ въ формѣ ноты 30-го декабря къ представителямъ Австро-Венгріи въ Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, съ приглашеніемъ западныхъ державъ присоединиться къ ходатайству въ этомъ смыслѣ трехъ союзныхъ сѣверныхъ державъ въ Константинополѣ. Затѣмъ, представители Австро-Венгріи, Германіи и Россіи *словесно* сообщили турецкому министру иностранныхъ дѣлъ содержаніе депеши гр. Андрани, а представители Франціи, Англіи и Италіи затѣмъ увѣдомили того же турецкаго министра, Рашид-пашу, что ихъ правительства присоединяются къ воззрѣніямъ, высказаннымъ графомъ Андрани.

Въ числѣ этихъ воззрѣній, самымъ существеннымъ съ точки зрѣ-

ніи дипломатической было то, что, вслѣдствіе недовѣрія турецкихъ христіанъ къ прежде обѣщаннымъ реформамъ, необходимо, чтобы Порты, если она согласится съ видами державъ, официально заявила какъ о реформахъ, предложенныхъ самимъ турецкимъ правительствомъ въ ираде 2 октября и фирманѣ 12 декабря, такъ и о намереніи своемъ осуществить реформы, указанныя въ пяти пунктахъ ноты гр. Андрани. Вслѣдствіе того, турецкое правительство сдѣлало такое заявленіе двойнымъ путемъ, а именно—посланнымъ въ Константинополь, съ приложеніемъ инструкціи въ томъ же смыслѣ турецкимъ посланникамъ въ шести европейскихъ столицахъ, и въ силу этой инструкціи—заявленіемъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, съ оставленіемъ каждому изъ шести кабинетовъ копій съ депеши турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ.

Сущность этого заявленія или обязательства заключается въ сообщеніи державамъ, что „императорское (турецкое) правительство твердо рѣшилось привести въ исполненіе эти преобразованія во всей ихъ полнотѣ и соблюсти за охраненіемъ ихъ въ неприкосновенности“. Подъ словами „эти преобразованія“ въ турецкой депешѣ разумѣются ираде 2 октября, фирманѣ 12 декабря и 1-й, 2-й, 4-й и 5-й пункты, приведенные въ нотѣ гр. Андрани. Относительно же 3-го изъ этихъ пунктовъ—употребленія на мѣстныя нужды всей суммы, собираемой съ Босніи и Герцеговины прямыми налогами,—въ турецкомъ отвѣтѣ сказано, что „это распоряженіе было бы несогласно съ общемою системою нашего финансоваго управленія“; но вмѣсто 3-го пункта, Порты обѣщаетъ назначать сумму, какая будетъ опредѣлена султанскими указами, по выслушаніи желаній мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ, въ видѣ дополненія къ доходамъ, уже назначеннымъ на нужды общественной пользы въ Босніи и Герцеговинѣ, и съ тѣмъ, что употребленіе этихъ фондовъ будетъ подлежать контролю со стороны провинціальныхъ совѣтовъ, учрежденныхъ декабрьскимъ фирманомъ. Это не совсѣмъ то, что требовалось въ 3-мъ пунктѣ, но представляетъ нѣчто сходное, и державы не нашли нужнымъ отвергать это измѣненіе потому конечно, что, съ точки зрѣнія правлаго финансоваго хозяйства, турецкое правительство имѣло полное право сдѣлать такое измѣненіе; на его сторонѣ въ этомъ случаѣ принципъ единства государственной каассы.

Само собою разумѣется, что турецкій министръ въ отвѣтѣ своемъ не преминулъ оговорить верховныя права султана, сослался на дружественную форму совѣта державъ, на собственныя желанія султана, и представилъ пять пунктовъ Андрани какъ истекающіе изъ признанныхъ самой Портою въ октябрьскомъ ираде началъ, причисливъ исчисленія въ тѣхъ пунктахъ реформы къ самому ираде въ

идеи дополнений, съ подтвержденіемъ, что онѣ будутъ осуществлены „во всѣхъ частяхъ, не исключая Босніи и Герцеговины“.

Такимъ образомъ, дипломатическая кампанія въ пользу восточныхъ провинцій привела въ обязательству Порты ввести желаемыя реформы во всѣхъ подвластныхъ ей областяхъ, а не только въ Босніи и Герцеговинѣ. Специальной уступкой въ пользу этихъ двухъ провинцій остается только назначеніе особой суммы изъ казначейства для употребленія на мѣстныя надобности, подъ наблюденіемъ провинціальныхъ совѣтовъ. Смыслъ турецкаго обѣщанія или обязательства именно таковъ, что Порта обѣщаетъ державамъ даровать реформы, указанныя въ проектѣ Андранга, *во всѣхъ подвластныхъ ей областяхъ, не исключая Босніи и Герцеговины*. Помощью такой формы, турецкое правительство довольно ловко устранило всякія условія отдѣльнаго, особеннаго положенія для Босніи и Герцеговины. Правда, имѣтъ съ тѣмъ Порта самой формой своего заявленія предоставить теперь державамъ право дѣлать ей представленія въ случаѣ неосуществленія ея реформъ не только въ Босніи и Герцеговинѣ, но и тамъ бы въ самой Малой Азіи. Но это только показываетъ, что Порта не придаетъ такого значенія, какъ европейскіе кабинеты, тому факту, что реформы нынѣ обѣщаны султаномъ не только его подданнымъ, но и державамъ. Европейская дипломатія видѣла въ этомъ обличіи обѣщаній Порты характеромъ международнымъ главный свой успѣхъ и единственную гарантію, что реформы въ самомъ дѣлѣ будутъ осуществлены въ Босніи и Герцеговинѣ. Но Порта нешла далѣе требованія державъ—она облекала международнымъ характеромъ свои обѣщанія по отношенію ко всѣмъ своимъ областямъ. Само собою разумѣется, что она этого бы не сдѣлала, еслибы, не ея убѣжденію, этотъ фактъ имѣлъ въ дѣйствительности то значеніе, какое ему придаютъ въ Европѣ. И въ самомъ дѣлѣ, фактъ этотъ, дающій державамъ право представленій по внутреннимъ дѣламъ Турціи, не создаетъ какого-либо совершенно новаго положенія вещей. Вспомнимъ, что и гатти-гумаунъ 1856 года былъ нотификованъ Портою западнымъ кабинетамъ; вспомнимъ, что по отношенію къ Румыніи державы, подписавшія парижскій трактатъ 1856 года, прямо признаются въ качествѣ „покровительствующихъ“. Сверхъ того, событія, послѣдовавшія за рѣзней христіанъ въ Сиріи, показали, что прямое вмѣшательство европейскихъ державъ, даже занятіе ихъ войсками нѣкоторыхъ областей, могутъ имѣть мѣсто безъ всякаго международного права на вмѣшательство. Мы не хотимъ сказать этимъ, что если гатти-гумаунъ остался неисполненнымъ, несмотря на то, что былъ заявленъ державамъ, то и нынѣ обѣщаемыя Портою реформы останутся безъ исполненія. Дѣйствительность ихъ исполненія

будетъ зависѣть отъ степени внимательности къ тому державъ и степени единогласія между ними въ настоящихъ объ исполненіи этихъ рефермъ. Не уже это одно показываетъ, что недостаточно было согласиться одинъ разъ для совѣстныхъ представленій Портѣ, и что въ дѣйствительности въ одномъ этомъ актѣ соглашенія и вытекшемъ изъ него для Турціи международномъ обязательствѣ еще не заключаются собственно для Босніи и Герцеговины тѣ гарантіи, на которыя мѣстное населеніе могло рассчитывать и навѣрное рассчитывало послѣ бѣдствій, перенесенныхъ имъ во время слишкомъ полугодовой борьбы.

Вопросъ о томъ, какимъ образомъ прекратится самое возстаніе, начинаетъ уже уясняться. Какъ скоро оказалось, что результаты, добытые державами—если можно такъ выразиться—не вызвали волненія въ христіанскомъ населеніи сосѣднихъ съ возставшими провинціями областей, стало очевидно, что возстаніе, предоставленное само себѣ и стѣсненное въ источникахъ для поддержанія, должно будетъ прекратиться. Фактъ, что вожди его отвергли уступки Порты, ничего не доказываетъ. Естественно, что, имѣя въ виду присутствіе турецкихъ войскъ, инсургенты не могли тотчасъ сложить оружіе; possibility съ ихъ стороны могла бы только повести къ случаямъ насилій и мести со стороны турокъ. Но мы видимъ уже, что для прекращенія возстанія принимаются съ двухъ сторонъ самыя дѣйствительныя мѣры: наблюденіе на австрійской границѣ усилено; была уже остановлена и отослана назадъ партія иностранныхъ волонтеровъ; съ своей стороны, турецкія войска начинаютъ сосредоточиваться къ нѣсколькимъ укрѣпленнымъ пунктамъ: Клеку, Требинью и Гацво, очищая южную часть Герцеговины. Только отступленіе вооруженныхъ угнетателей, по меньшей мѣрѣ, изъ виду тѣхъ изъ угнетенныхъ, которые стоятъ съ оружіемъ въ рукахъ, можетъ уменьшить для послѣднихъ тягостное чувство при сложеніи оружія безъ достиженія независимости или хотя бы самостоятельности. По всей вѣроятности, упомянутое сосредоточеніе турецкихъ войскъ къ тремъ пунктамъ происходитъ также по совѣту державъ. Въ самомъ дѣлѣ, дипломатическое вмѣшательство державъ, какъ бы ни была мягка для Порты его форма, все-таки означало, что, по убѣжденію ихъ, возстаніе было вызвано серьезными поводами, которыхъ устраненія онѣ и требуютъ. Но потому-то державы и не могутъ ограничиться теперь однимъ давленіемъ на инсургентовъ, принятіемъ мѣръ на границахъ для пресѣченія снабженій и совѣтами Черногоріи и Сербіи въ смыслѣ благопріятномъ возстановленію порядка. Если вмѣшательство державъ было необходимо, то это свидѣтельствуетъ, что первое нарушеніе порядка въ Босніи и Герцеговинѣ было со сто-

роны турецкихъ властей. Стало быть, заботиться о сложеніи инсургентами оружія нельзя безъ того, чтобы и турецкое правительство не прекратило свое вооруженное дѣйствіе противъ нихъ.

Всего лучше было бы, еслибы державы включили въ проектъ гр. Андрани назначеніе своихъ комиссаровъ совмѣстно съ турецкими для умиротворенія провинціи. Тогда было бы возможно прямо предложить инсургентамъ положить оружіе, а Портѣ—очистить ее совершенно отъ войска, съ оставленіемъ въ ней только полицейской силы. Но такъ какъ этого сдѣлано не было, то остается желать, чтобы было официальнымъ путемъ достигнуто нѣчто подобное. Иначе, странно было бы и настаивать на разоруженіи однихъ воставниковъ. Вѣдь, хотя Порта и сообщила державамъ свои обѣщанія реформъ, но для наблюденія за исполненіемъ ихъ не создано никакого международнаго органа. Задача эта поручается только специальной комиссіи, состоящей наполовину изъ мусульманъ и наполовину изъ христіанъ; но и тѣ и другіе—только подданные султана.

Оцѣнка конечнаго результата дипломатической кампаніи по герцеговинскому дѣлу въ настоящее время можетъ быть только отрицательная: мы можемъ видѣть ясно только — если позволительно такое выраженіе — отрицательные факты. Мы видимъ, что рѣшеніе восточнаго вопроса ни на шагъ не подвинулось впередъ, какъ многіе, и болѣе всѣхъ сами герцеговинцы, конечно, того ожидали; мы видимъ, что восточный вопросъ только отсроченъ. Мы не возьмемъ на себя выразить рѣшительнаго сомнѣнія въ желаніи Порта и хотя бы только въ возможности для нея осуществить въ самомъ дѣлѣ тѣ реформы, которыя требовали бы прежде всего системы, которой при турецкомъ управленіи нельзя ожидать. Но высказать увѣренность въ томъ, что эти реформы произведутъ коренное улучшеніе въ положеніи христіанъ, мы также не рѣшаемся. Очень можетъ быть, что въ Босніи и Герцеговинѣ сборъ податей и отправленія повинностей будутъ, по крайней мѣрѣ на время, производиться мягче. Кромѣ этого результата, можно еще предположить другое, наиболѣе ясное изъ всѣхъ послѣдствій герцеговинскаго дѣла: однажды состоявшееся соглашеніе между всѣми великими державами, для представленій Портѣ на пользу христіанъ, и нотификація турецкихъ реформъ державамъ могутъ нѣсколько облегчить въ будущемъ заступничество за нихъ Россіи. Державы впредь не будутъ имѣть возможности относиться къ представленіямъ русскаго кабинета въ Константинополь, какъ къ произвольной, не оправданной общими мнѣніемъ агитаціи. Вытребовавъ нотификацію себѣ турецкихъ реформъ, онѣ лишились права возражать противъ дипломатической заботливости объ ихъ дѣйствительномъ исполненіи. Онѣ должны будутъ даже поддерживать въ этихъ усиліяхъ Россію, и

хотѣ бы дѣлали это неискренно, во всякомъ случаѣ не будутъ въ состояніи оспаривать эти нашего на то права, ни дѣйствительнаго повода къ нашей заботливости о томъ, что онѣ сообща съ нами однажды признали необходимыми.

Такое предположеніе, какъ намъ кажется, оправдывается не только смысломъ самыхъ условій дѣла, но и невольнымъ признаніемъ, послѣдованнымъ со стороны британскаго министра иностранныхъ дѣлъ. При обобужденіи общаго адреса, представленнаго вслѣдъ за откритіемъ въ прошломъ мѣсяцѣ парламентской сессіи, графъ Дѣрби старался объяснить намъ — по содержанію его рѣчи — скорѣе оправдать тотъ фактъ, что англійское правительство оказало проекту трехъ сѣверныхъ державъ „поддержку въ общемъ смыслѣ“. Онъ оправдывалъ это дѣйствіе разными соображеніями, въ числѣ которыхъ главными были тѣ, что Англіи не оставалось въ сущности иного удобнаго пути, чѣмъ тотъ, который она избрала. Еще одно соображеніе, представленное британскимъ лордамъ главнымъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, заключалось въ томъ, что Порта сама взглянула на австрійскій проектъ, какъ на благодѣяніе себѣ, и что *volenti non fit injuria*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и старался успокоить своихъ благородныхъ слушателей, что намъ этотъ не влечетъ за собою для Англіи никакихъ послѣдствій, что политика ея въ будущемъ остается „совершенно свободною“, онъ могъ указать только на одну форму, въ какой такая свобода дѣйствій Англіи можетъ проявиться: „мы сохранили право воздерживаться отъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія, и никто не будетъ въ состояніи сказать тогда, что мы не оправдали внушенныхъ нами надеждъ или нарушили какое-либо принятое нами на себя обязательство“. Это совершенно справедливо. Прибавимъ, что никто и не ожидалъ, чтобы Англія приняла на себя обязательства въ отношеніи турецкихъ христіанъ. Но разъ она признала необходимость реформъ и благотворность для самой Порты дѣйствительнаго исполненія проекта гр. Андрани, она въ дѣйствительности и удержала за собою въ будущемъ только одну свободу дѣйствій — воздерживаться отъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія сообща съ державами. Возражать же противъ заботливости Россіи о дѣйствительномъ осуществленіи реформъ, рекомендованныхъ между прочимъ и британскимъ правительствомъ, Англіи болѣе не свобода.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XII *).

АЛЬФОНСЪ ДОДЭ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

I.

Въ числѣ современныхъ новѣйшателей и романистовъ во Франціи есть одинъ отъ природы весьма даровитый.

Я говорю объ Альфонсѣ Додэ, и позволю себѣ въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ довольно извѣстному сравненію, заимствованному изъ волшебныхъ сказокъ. Я представляю себѣ, что всѣ волшебницы обратились вокругъ его колыбели, и каждая надѣлила его какимъ-нибудь рѣдкимъ даромъ; одна подарила ему изящество, другая красоту; третья — улыбку, привлекающую любовь, четвертая — чувство, обеспечивающее успѣхъ. И всего удивительнѣе то, что злая волшебница — та, которая обыкновенно является послѣднею, съ цѣлью парализовать всѣ драгоценныя дары другихъ какимъ-нибудь дряннымъ подаркомъ, до того завоздала на этотъ разъ, что совсѣмъ не появилась. Да! злая волшебница осталась за дверью, и одни только благословенія посылались на голову будущаго автора „Contes du Lundi“ и „Fragments de Jeanne et Rialler aîné“. Итакъ, мнѣ предстоитъ изучить въ Альфонсѣ Додэ счастливый характеръ, одну изъ самыхъ прелестныхъ и интересныхъ личностей нашей современной литературы. Встань, онъ только-что напечаталъ новое произведеніе: „Jack“, романъ въ двухъ томахъ, и это обстоятельство вполне оправдываетъ современность настоящаго очерка.

Альфонсъ Додэ родился въ Провансѣ, въ Нимѣ, кажется. Онъ юншей явился въ Парижъ попытать счастья; не знаю, пришелъ ли онъ въ деревянные башмакахъ, какъ всѣ тѣ люди, которыхъ ждетъ блестящая будущность, но несомнѣнно, что это былъ поэтъ, сохранившій всю свѣжесть и весь ароматъ родимыхъ полей.

Надо знать Провансъ, чтобы понять оригинальную прелесть поэтовъ, присылаемыхъ ею къ намъ. Они вырастаютъ тамъ среди тинны и лаванды, полу-гасконцами, полу-итальянцами, убаюкиваемые глиняными грѣзами и плѣнительной ложью. У нихъ въ крови солнце,

*) См. выше: янв. 309; февр. 862.

а въ головѣ пѣсни птицъ. Они являются въ Парижъ, чтобы завоевать его съ такой наивной смѣлостью, что это одно уже наполовину обеспечиваетъ за ними успѣхъ. И когда у нихъ есть въ самомъ дѣлѣ талантъ, они проскакиваютъ въ первые ряды и оказываются столь обаятельными, что сразу становятся любимцами публики. Позднѣе, въ неумолимой парижской средѣ, истирающей характеры, точно жерновъ, они остаются самими собой, сохраняютъ характеръ родины, впечатлительность натуры и картинность языка, по которой ихъ всегда отличишь отъ другихъ. Это—природные поэты, и въ сердцѣ у нихъ всегда живутъ пѣсни родины.

Помню свою первую встрѣчу съ Альфонсомъ Додэ. То было давно, лѣтъ десять тому назадъ. Онъ сотрудничалъ въ ту пору въ одной очень распространенной газетѣ; приносилъ статью, получалъ деньги и исчезалъ съ беззаботностью юнаго бога, нашедшаго себѣ убѣжище въ поэзіи, вдали отъ мірскихъ заботъ. Онъ жилъ, кажется, на окраинѣ города, въ уединенномъ уголку предмѣстья, съ другими поэтами, цѣлой ватагой веселой „богеми“. Онъ былъ хорошъ собою, тонкой и нервной красотой арабской лошади, съ роскошной гривой, шелковистой бородой клиномъ, большими глазами, тонкимъ носомъ, красивымъ ртомъ. И при этомъ лицо его отличалось всегда какою-то лучезарностью, озарялось улыбкой, остроумной и нѣжной. Въ немъ была смѣсь парижскаго „мальчишки“ и восточной женщины. Тотчасъ же по прибытіи въ Парижъ, онъ нашелъ друга и покровителя въ де-Морни, и этотъ послѣдній причислялъ его въ своему министерству. Очарованіе уже успѣло подѣйствовать. И слово очарованіе тутъ самое подходящее: позднѣе онъ очаровывалъ друзей, публику, всѣхъ, кто съ нимъ знакомился. Не думайте, чтобы служба у Морни хотя бы на одну минуту сдѣлала его чопорнымъ и накракшалошнымъ. Онъ сохранялъ свободу дѣйствія, гранилъ парижскую мостовую съ увлеченіемъ школьника, вырвавшагося на волю; сыпалъ стихами и поцѣлуями на всѣ четыре стороны столицы. Потомъ въ одно прекрасное утро заболѣлъ: доктора пригрозили ему чахоткой и отправили въ Алжиръ. Но для него это было новой удачей; это превратилось въ добро въ его счастливыхъ рукахъ. Пребываніе въ Алжирѣ завершило его рожденіе въ Провансѣ; передъ нимъ раскрылся широкій горизонтъ, и онъ сохранилъ въ памяти его обаяніе; его ублаживали арабскіе напѣвы и придали мужественность мягкости провансальской поэзіи. И въ настоящее время можно еще найти въ его произведеніяхъ слѣды граціозныхъ впечатлѣній той эпохи его жизни: долгихъ морскихъ путешествій, портовъ, гдѣ дремлютъ корабли, аромат тропическихъ странъ, яркія краски и уличную жизнь полуденнаго края. Наконецъ, послѣдняя и величайшая удача ожидала Аль-

фонса Додэ: онъ женился по возвращеніи изъ Алжира, и съ тѣхъ поръ сталъ добрымъ буржуа и ретивымъ труженикомъ. Поэтъ, до тѣхъ поръ напѣвавшій безцѣльно, вступилъ въ періодъ зрѣлости и законченнаго творчества. Бракъ, по-моему, есть школа великихъ современныхъ производителей слова.

Въ настоящее время Альфонсъ Додэ одинъ изъ четырехъ или пяти романистовъ, чьи новыя произведенія являются литературными событіями. Въ 1870 г., тридцати лѣтъ отъ роду, онъ получилъ Почетнаго легіона. Зиму онъ живетъ въ Парижѣ и проводитъ лѣто въ деревнѣ, въ очаровательномъ зеленомъ гнѣздышкѣ, какія можно найти на берегахъ Сены, въ нѣсколькихъ льѣ отъ Парижа. Дорога передъ нимъ торная: онъ можетъ гоняться за всѣми успѣхами и всѣми благополучіями, съ увѣренностью, что займетъ то мѣсто, какое захочетъ. Волшебницы, окружавшія его колыбель, ведутъ его за руку. Я не знаю въ нашей современной литературѣ болѣе симпатичной личности и писателя съ болѣе обезпеченной будущностью.

Чтобы дать понять всю прелесть этой литературной личности, необходимъ весьма тонкій анализъ. Талантъ у Додэ весьма сложный, живой, и его трудно опредѣлить однимъ словомъ; съ другой стороны, можно отчасти лишить его присущей ему прелести, если анализировать слишкомъ рѣзкими штрихами. Прежде всего слѣдуетъ представить себѣ, какъ относится Альфонсъ Додэ къ природѣ и людямъ. Онъ прежде всего поэтъ; онъ видитъ природу и людей сквозь галлюцинаціи, свойственныя живому воображенію. Все растетъ, украшается, оживляется, живетъ интенсивной жизнью. У него нѣтъ сухости Стендаля, ни эпической тяжеловѣсности Бальзака. Въ немъ замѣчается скорѣе нервное возбужденіе Диккенса; у него постоянная скачка среди дѣйствительности съ внезапными вторженіями въ область фантазіи. Но есть двѣ манеры быть поэтомъ: суровая и нѣжная. Альфонсъ Додэ—поэтъ нѣжный. Ему чужды мятельность, горечь, лихорадочные протесты революціонныхъ умовъ. Когда онъ выходитъ на улицу, то радуется, видя небо голубымъ, женщины прекрасными, мужчины добрыми. Онъ дружелюбно относится къ людямъ. Конечно, онъ не слѣпъ, онъ видитъ зло, указываетъ на него пальцемъ, караетъ его; но это занятіе ему противно, онъ всегда радъ указать на смягчающія обстоятельства; къ тому же, если въ числѣ дѣйствующихъ лицъ онъ выставитъ намъ негодяя, то укажетъ скорѣе его смѣшныя стороны, чѣмъ порочныя. Онъ предпочтетъ заставить насъ смѣяться надъ нимъ, нежели ужасаться. Такимъ образомъ, книги его населены добрыми, ласковыми, любящими существами. Если попадаются между ними нелѣпыя, то и тѣ выкупаютъ свои недостатки добродушіемъ; наконецъ, едвали наберется два-три вполне

испорченныхъ, да и то испорченность ихъ не лишена изящества и веселости. Никогда авторъ не опускался въ дрожжи человѣчества; онъ даетъ корою догадываться о нихъ—вотъ и все. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ естественнымъ влеченіемъ темперамента, и я настаиваю на этомъ, чтобы не придавали моей мысли критическаго смысла, котораго она не имѣетъ. Альфонсъ Додэ честно относится къ природѣ; онъ не обманываетъ, не прикрашиваетъ ее; онъ просто извлекаетъ изъ нея всѣ счастливыя элементы и выставляетъ ихъ на первый планъ, а всѣ дурныя — отодвигаетъ на задній. Въ сущности такую же операцію производятъ и тревожные умы, когда выставляютъ на первый планъ худое и оставляютъ въ тѣни утѣнительное. Въ томъ и въ другомъ случаѣ все дѣло въ перспективѣ, въ сочувствіи или въ антипатіи къ человѣчеству; литературная честность одинакова въ томъ и другомъ случаѣ. Альфонсъ Додэ думаетъ, какъ и другіе великіе художники, что добро—тотъ яркій свѣтъ, какимъ слѣдуетъ освѣщать людскую истину, а зло есть тѣнь, и все искусство заключается въ томъ, чтобы благоразумно распоразжаться имъ, чтобы не омрачить картины.

Итакъ, первые два пункта ясны. Альфонсъ Додэ поэтъ, и поэтъ весьма нѣжный. Другими словами, у него есть даръ вдохновенія, и онъ пользуется имъ, чтобы создавать существа, въ которыхъ выставляетъ на первый планъ хорошія человѣческія качества. Но эти два пункта непосредственно влекутъ за собою и третій. Если у него нѣтъ революціонной ярости, сокрушающей все, до чего ни притронется, за то есть иронія, тонкая и острая, какъ шпага. Это оружіе свойственно его темпераменту, и имъ онъ борется при встрѣчѣ съ глупостью и подлостью. Онъ никогда не сердится, это было бы фальшивой нотой въ его произведеніяхъ. Онъ смѣется или только улыбается, и трудно представить себѣ что-нибудь убійственнѣе этой улыбки. Онъ не скупится на уколы булавкой. Произведенія его—оживленные, веселыя сатиры, безъ видимой горечи, и рѣзкость нападокъ прикрывается въ нихъ хорошимъ расположеніемъ духа. Въ сущности, у Альфонса Додэ очень развитъ юморъ, но не тотъ необузданный юморъ, какой мы видимъ у Раблѣ, а также и не укушенный и свирѣпый юморъ Свифта, но юморъ новѣйшаго качества, современный, нервный юморъ, одушевленный поэтическимъ пламенемъ, схватывающимъ смѣшныя стороны и передающимъ ихъ съ поэтической окраской. Далѣе я приведу примѣры и постараюсь сдѣлать понятнымъ смѣхъ поэта, заключающаго насмѣшку въ золотую гремушку, предпочитающаго осмѣивать негодѣевъ, а не пачкать руки, копаясь въ ихъ внутренностяхъ.

Надо прибавить, что Альфонсъ Додэ чисто-красный писатель. Какъ и всѣ великіе современные прозаики, онъ научился техники языка,—

писавъ стихи. Его причисляютъ къ тѣмъ четыремъ-пяти романистамъ, которые заботятся о живости слова, отчетливости рисунка, яркости красокъ. Онъ принадлежитъ къ группѣ натуралистовъ; онъ вѣрится въ необходимость вѣрнаго описанія среды и лицъ, выхваченныхъ изъ жизни. Всѣ его произведенія являлись потому цѣлкомъ изъ современной жизни; и даже онъ чувствуетъ особенную симпатію къ простонароднымъ и буржуазнымъ рамкамъ, а также съ любопытствомъ изучаетъ особые мірки, вырастающіе на парижскомъ поземѣ. Онъ рисуетъ въ своихъ произведеніяхъ днюшвинные кружки людей, какіе ему случалось посѣщать, и гдѣ онъ поддѣтываетъ своими близозоркими глазами мельчайшія подробности, какія ускользнули бы, можетъ быть, отъ людей дальновороникъ. Онъ рассказываетъ, описываетъ все съ оживленіемъ чувствительнаго и насмѣшливаго провансальца. Вы чувствуете, что онъ переселяется въ своихъ дѣйствующихъ лицъ. Зачастую онъ улюлюкаетъ, говоритъ съ ними, журитъ ихъ, хвалитъ. Такимъ образомъ онъ безпрестанно врывается въ свой рассказъ, потому что у него не хватаетъ хладнокровія оставаться за кулисами. Онъ вводитъ цитаты, вставляетъ слова неодушевленными предметамъ, выводитъ фантастическія лица среди самыхъ реальныкъ драмъ, воображеніе его главное качество, и все, что онъ наблюдаетъ, проходитъ черезъ него, прежде чѣмъ дойти до читателя; отсюда внезапные скачки, неожиданные взрывы радости, слезы, проливаемые имъ между строчками, всколыхнутый смѣхъ, рождающійся въ концѣ фразы. Это, конечно, нарушаетъ гармонию произведенія; желательно было бы поменьше восклицаній, поменьше личнаго волненія. Но кому придетъ въ голову упрекать его за избытокъ жизни, за живую манеру писать, такую живую, что друзьямъ кажется, что они видятъ и слышатъ его, когда они его читаютъ. Въ этомъ, въ сущности, заключается его оригинальность и тайна его обаянія. Онъ отдаетъ всего себя, и потому овладѣваетъ другими. Среди строгой расчитанности нѣкоторыхъ новѣйшихъ романовъ, безличной методы писать ихъ, манера Альфонса Додэ отличается иногда прелестной непринужденностью, дѣтскимъ простодушіемъ, шумностью птичьяго гнѣзда—свистящихъ скворцовъ, поющихъ заворонковъ.

Одного качества, повидимому, не хватало Альфонсу Додэ—силы. И вотъ, не какому-то чуду искусства, по какой-то необычайной удаче, онъ внезапно выросъ и сталъ силенъ. Изъ очаровательнаго рассказчика развился великій романистъ. Это одно изъ чудесѣйшихъ литературныхъ превращеній, какія я только знаю. При разборѣ его произведеній я покажу его постепенный ростъ, опишу его личность, какъ поэта, рассказчика, романиста, драматическаго писателя, личность тонкую, проницательную и рѣшительную.

II.

Альфонсъ Додэ началъ съ писаніа стиховъ. Сколько написалъ онъ ихъ? Сколько ихъ дремлетъ въ его портфѣляхъ, тѣхъ счастливыхъ юношескихъ стиховъ, кислыхъ, какъ лѣсные яблоки, и которыхъ, конечно, никогда не печатаютъ, но всегда пересчитываютъ? Все это мнѣ неизвѣстно, потому что поэты всегда стыдятся своего перваго денета. Альфонсъ Додэ удовольствовался тѣмъ, что издавъ одинъ томъ стихотвореній, озаглавленныхъ „Les amoureux“, и въ этомъ заключается весь его поэтический багажъ. На этомъ томѣ выставлены 1857—1861 гг. Слѣдовательно, стихотворенія, содержащіеся въ немъ, написаны авторомъ семнадцати — двадцати-одного года. Это не что иное, какъ горсть цвѣтовъ, сорванныхъ въ первой юности. Но отъ этихъ юношескихъ цвѣтовъ уже вѣетъ легкимъ ароматомъ и даже оригинальностью, и въ нихъ уже предчувствуется нѣжный и насмѣшливый талантъ писателя. Одно изъ этихъ стихотвореній стало знаменитымъ. Оно называется „Les Prunes“. Это рядъ тріолетовъ, въ которыхъ поэтъ рассказываетъ о своей любви къ кузинѣ Marietté; эта любовь разыгралась подъ сливовымъ деревомъ. Оно очень распространено, и до сихъ поръ еще его читаютъ въ салонахъ, какъ классическую вещь. Упомяну еще „les Bottines“, „le Misere de l'amour“, и очаровательную фантазію въ разговорной формѣ: „Les aventures d'un Papillon et d'une Bête à bon Dieu“. Въ ней описывается, какъ бабочка развращаетъ своего товарища, божею коровку, напиваетъ его пьянымъ у ландышей и знакомитъ съ порокомъ у розъ. Но какъ бы то ни было, а надо сказать, что стихи Альфонса Додэ все-таки не что иное, какъ грѣхи юности.

Позднѣе онъ избралъ рамкой узкую форму сказки. Кромѣ другихъ причинъ, вѣроятно также и необходимость зарабатывать деньги повлияла на его выборъ въ этомъ случаѣ и заставила избрать краткую и законченную форму для статей легкаго сбыта. Успѣхъ былъ немедленный и блестящій. Дѣло происходило въ 1866 г., когда ему было двадцать-шесть лѣтъ. Онъ печаталъ сначала въ „Événement“ рядъ статей, подъ общимъ заглавіемъ: „Lettres de mon Moulin“; то были болѣею частію провансальскія легенды, фантазіи, картины современнаго Парижа, настоящіа маленькіа поэмы, написанныа съ тонкимъ искусствомъ. Въ теченіи шести или семи лѣтъ онъ держался этихъ рамокъ и выказалъ необыкновенную изворотливость и находчивость. За „Lettres de mon Moulin“ послѣдовали „Lettres à un absent“; затѣмъ появились „Les Contes du Lundi“. Всѣ эти

статьи вышли отдѣльнымъ изданіемъ и займутъ мѣсто въ числѣ лучшихъ его произведеній.

Впрочемъ, надо условиться въ понятіи—сказка. Сначала Альфонсъ Додэ держался легенды; но, повдиге, волшебницы, фантастическій міръ, символическія картины стали появляться въ его разсказахъ лишь время отъ времени, для разнообразія. Мало-по-малу въ провансальскомъ сказочникѣ проснулся художникъ, страстно интересующійся современной жизнью. Тогда сказка превратилась въ большинство случаевъ въ картину современныхъ нравовъ, исторію животрепещущаго будничнаго интереса, тропическій пейзажъ, позлащенный горячимъ солнцемъ,—изображеніе всего, что попадаетъ на улицѣ. Такихъ образомъ, пробѣгая эти сборники, мы переживаемъ всѣ общественныя волненія, потрясавшія Францію въ послѣднія семь или восемь лѣтъ: предсмертныя конвульсіи имперіи, бѣдствія 1870 г., осада Парижа, междоусобная война—встаютъ передъ нами одно за другимъ, облитыя слезами состраданія и гнѣва. Въ такомъ смыслѣ сказка перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она была въ глазахъ нашихъ отцовъ,—волшебнымъ повѣствованіемъ съ правоученіемъ въ концѣ. Она превращается въ драму или комедію, сжатую на нѣсколькихъ страницахъ, яркую картинку, отрывокъ изъ автобіографіи, порою даже простой набросокъ, заимствованный отъ природы и сообщаемый во всей оригинальной свѣжести впечатлѣнія. На этихъ произведеніяхъ сказывается тиранія нашей журналистики, требующей извѣстнаго числа столбцовъ къ извѣстному дню.

Совсѣмъ тѣмъ Альфонсу Додэ нѣтъ основанія претендовать на журналистику. Если статьи, написанныя имъ, не давали ему въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ приступить къ роману, за то онѣ дали его таланту созрѣть, и позволили выказаться рѣдкимъ качествамъ его ума. Къ тому же, онъ съ большимъ чувствомъ собственного достоинства относился къ этой работѣ. Никогда не насиловалъ онъ себя, не позволялъ себѣ работать сплеча и кое-какъ. Каждая изъ его сказокъ представляетъ вполне выработанную и законченную вещь, въ которой чувствуется добросовѣстность художника, усиленный трудъ, стараніе какъ можно точнѣе выработать идею и какъ можно закругленнѣе ее выразить. Онъ употреблялъ цѣлую недѣлю, чтобы написать каждый изъ этихъ маленькихъ chefs-d'oeuvre. Анализируя ихъ подробнѣе, восхищаешься мастерствомъ формы столько же, сколько и интересомъ содержанія.

Я приведу здѣсь двѣ изъ этихъ сказокъ въ подкрѣпленіе своихъ словъ. Выбираю на удачу изъ тѣхъ сборниковъ, о которыхъ говорю выше:

Послѣдній урокъ. — Мы въ Эльзасѣ, послѣ завоеванія. Маленькаго эльзасца сильно соблазняетъ желаніе побѣгать въ лѣсу вмѣсто того, чтобы идти въ школу. Однако онъ рѣшается на послѣднее. Въ школѣ царствуетъ благоговѣйная тишина. Учитель, Гамель, въ парадномъ зеленомъ сюртукѣ, манишекѣ съ пелюхой и въ шелковой шапочкѣ. На скамьяхъ ученики засѣдаютъ съ серьезными лицами; въ глубинѣ залы сидятъ деревенскіе старики, бывшій мэръ, бывшій почтальонъ, добрякъ Гаузеръ съ своей треуголкой. Гамель начинаетъ урокъ, слѣдующими словами: „Дѣти мои, я въ послѣдній разъ даю вамъ урокъ. Изъ Берлина пришелъ приказъ учить одному только нѣмецкому языку въ школахъ Эльзаса“. Эти слова смущаютъ маленькаго эльзасца до глубины души. Онъ такъ часто глѣнился, онъ едва умѣетъ писать буквы, и вотъ, значить, никогда не будетъ знать французскаго языка! Поэтому, когда учитель спрашиваетъ у него урокъ, а онъ не можетъ отвѣчать, такъ какъ не знаетъ урока, — онъ со стыдомъ опускаетъ голову. Между тѣмъ урокъ продолжается; добрякъ Гаузеръ, держа азбуку на колѣняхъ, читаетъ склады со слезами на глазахъ. Вьютъ двѣнадцать часовъ; послѣдній урокъ конченъ. Тогда Гамель повернулся въ доски, взялъ кусокъ мѣлу, и нажимая на него изъ всѣхъ силъ, написалъ такъ крупно, какъ только могъ: „Да здравствуетъ Франція!“ Потомъ остался неподвиженъ, уперся головой въ стѣну и, молча, рукою сдѣлалъ намъ знакъ: „кончено... уходите“.

„Партія въ билліардѣ. — Армія французская въ разгромѣ. Битва продолжается уже два дня. Солдаты измучены, и вотъ уже три часа, какъ ихъ держатъ подъ ружьемъ на грязной дорогѣ. Тѣмъ временемъ маршалъ помѣстился съ генеральнымъ штабомъ, на опушкѣ лѣса, въ прекрасномъ замкѣ временъ Людовика XIII. Пока солдаты изнываютъ въ ожиданіи приказаній, онъ началъ партію въ билліардѣ, съ маленькимъ капитаномъ генеральнаго штаба, завитымъ, разодѣтымъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ. Капитанъ очень силенъ на билліардѣ, но онъ умѣетъ также дѣлать ошибки, такъ какъ знаетъ, что тутъ дѣло идетъ объ его карьерѣ. Между тѣмъ шумъ битвы надвигается все ближе и ближе. Одну бомбу разорвало въ саду. Пруссакъи атакуютъ. „Ну, пусть ихъ атакуютъ!“ говоритъ маршалъ, кладя въ лузу бѣлаго. Денеша слѣдуетъ за денешей, адъютантъ скачетъ за адъютантомъ, всѣ ждутъ приказаній. Но маршалъ неприступенъ, партія продолжается. Страшная партія, разгорающаяся среди криковъ смерти и наступленія пруссаковъ. Послѣдній ударъ данъ. Водарается глубокая тишина. Не слышно ничего, кромѣ дождя, ударяющагося о крытыя аллеи, и смутнаго гула у подошвы холма, а съ размокшей дороги доносится словно топотъ бѣгущаго стада.... Армія въ бѣгствѣ. Маршалъ выигралъ партію“.

Я могъ бы привести еще съ десятокъ такихъ сказокъ, пропитанныхъ той же глубокой кроніей и тѣмъ же глубокимъ чувствомъ: напр., исторію кирасирскаго колковника, разбитаго параличомъ, которому дочь, надя его чувства, рассказываетъ о нашихъ мнѣмыхъ побѣдахъ надъ пруссанами, и который радуется взятію Берлина, въ тотъ самый день, когда нѣмцы вступаютъ въ Парижъ и проходятъ подъ его окнами; свиданіе двухъ работниковъ, отца и сына, не выдавшихся въ теченіи двадцати лѣтъ; въ этотъ промежутокъ времени отецъ женился во второй разъ, и они расстаются, опять лѣтъ на двадцать, выннѣ мина и помавъ другъ другу руку; впечатлѣнія автора въ вечеръ перваго представленія, его лихорадочное состояніе, шумъ въ ушахъ, бѣгство изъ театра, и прогулку по дождю въ то время, какъ его пѣса покрывается рукописканіями или освистывается. Можно было бы также привести интересные отрывки изъ его книги, о которой я еще не упоминалъ: „les Femmes d'artistes“; это краткіе очерки, тѣ же сказки, въ которыхъ Альфонсъ Додэ рисуеъ классъ женщинъ, соединившихъ свою судьбу съ писателями, живописцами, скульпторами, музыкантами. Почти всѣ не на своемъ мѣстѣ; нѣкоткі стали законными женами, обиденными существами, соединяясь съ поэтами; одиѣ изъ нихъ смѣлы какъ мальчики, другія плачутъ о томъ, что не поняты и сами не понимаютъ. Авторъ попадаетъ какъ разъ въ ту нотку, которая выходитъ у него такой удачной, — насмѣшливую и чувствительную; но только не лишне прибавить, что его артисты — богемы по бѣльшей части, и что у настоящихъ художниковъ-тружениковъ жены почти всегда достойныя и почтенныя женщины, заслуживающія всякаго уваженія..

Я предпочитаю, чтобы дать окончательное понятіе о талантѣ Альфонса Додэ, привести слѣдующія страницы изъ книги, озаглавленной „Robert Helmont“. Это сказка, настоящая сказка, называвшаяся Wood'-stown. Я только сокращаю нѣкоторыя части.

„Мѣсто для постройки города было очень удачно выбрано. Стѣило только расчистить берегъ рѣки, вырубивъ часть лѣса, необъятнаго дѣственнаго лѣса, росшаго тутъ съ сотворенія міра. Тогда, защищенный со всѣхъ сторонъ холмами, городъ раскинется до набережной великолѣпнаго порта, въ устьяхъ Красной-Рѣки, всего лишь въ четырехъ миляхъ отъ моря.

„Какъ только Вашингтонское правительство даровало концессію, плотники и дровосѣки принялись за дѣло; но никто и никогда не видывалъ подобнаго лѣса. Цѣпляясь за почву безчисленными лѣанами и корнями, онъ выросталъ на другомъ концѣ, когда его срубали на одномъ, обновлялся съ каждой раной; каждый ударъ топора вызывалъ зеленныя почки. Едва успѣвали провести улицы и площади новаго

города, какъ онѣ снова покрывались растительностью. Стѣны выросли менѣе быстро, чѣмъ деревья, и едва ихъ возводили, какъ онѣ обрушивались отъ дѣйствія вѣчно живучихъ корней.

„Чтобы осилить это сопротивленіе, о которое разбивалось жгѣзо топоровъ, пришлось прибѣгнуть къ огню.... Вскорѣ громадный городъ, весь деревянный, какъ Чикаго, раскинулся по берегамъ Красной-Рѣки съ широкими прямыми улицами, занумерованными, расходящимися лучами вокругъ площадей, съ биржей, рынками, церквами, школами и всѣмъ морскимъ арсеналомъ, пристанями, таможенными доками, депо и проч. Деревянный городъ, Wood'-stown, какъ его называли, скорѣ населился. Лихорадочная дѣятельность оживляла всѣ кварталы; но на холмахъ, окружавшихъ городъ и возвышавшихся надъ улицами, залитыми толпой народа, и пристанями, загроможденными кораблями, раскидывалась полукругомъ мрачная и грозная масса. То лѣсъ глядѣлъ на городъ.

„Онѣ глядѣлъ на этотъ дерзкій городъ, занявшій его мѣсто на берегу рѣки и отнявшій у него три тысячи гигантскихъ деревьевъ. Весь Wood'-stown созданъ изъ жизненныхъ соковъ лѣса. Высокія мачты, качавшіяся въ портѣ, безчисленныя крыши, скученныя другъ возлѣ друга, до самой послѣдней хижинки отдаленнѣйшаго квартала,—все это далъ лѣсъ; онѣ далъ даже орудія труда и всю домашнюю утварь. Поэтому, какую страшную злобу питалъ лѣсъ къ городу грабителей!

„Пока длилась зима, ничего не было замѣтно.... Но съ наступленіемъ весны, почва начала колебаться, словно ее приподнимала невидимая и дѣятельная сила. Въ каждомъ домѣ мебель, обшивка стѣнъ стала разбухать, и на полу образовались неровности, точно отъ присутствія кротовъ. Ни двери, ни окна—ничто не приходилось. „Это сырость,—говорили жители;—съ жаромъ все пройдетъ“.

„Вдругъ, на другой день послѣ большой грозы, налетѣвшей съ моря и принесшей лѣто въ своихъ горячихъ молніяхъ и въ тепломъ дождѣ, городъ проснулся съ крикомъ изумленія. Красныя крыши общественныхъ зданій, колокольни церковей, полы домовъ и самыя кровати все было покрыто зеленымъ слоемъ, тонкимъ какъ плѣсень, прозрачнымъ какъ кружево. Вблизи можно было разглядѣть множество микроскопическихъ почекъ, въ которыхъ уже можно было замѣтить свернутыя листочки. Эта странность позабавила жителей, не возбудивъ въ нихъ никакихъ опасеній; но до наступленія вечера боскеты зелени распускались вездѣ, на мебели, на стѣнахъ. Вѣтки росли съ минуты на минуту; если ихъ задерживали въ рукахъ, то чувствовали, какъ онѣ трепетали и бились точно крылья.

„На слѣдующій день, всѣ комнаты походили на теплицы. Лѣны

обивали перила лѣстницъ. Въ узкихъ улицахъ вѣтки перекидывались съ одной крыши на другую и образовали надъ шумнымъ городомъ лѣсную сѣть... Вдругъ кто-то закричалъ: „поглядите-ка на лѣсъ!“ и всѣ съ ужасомъ увидѣли, что въ послѣдніе два дня волнистый полукругъ значительно приблизился. Лѣсъ какъ будто подвигался на городъ. Цѣлый авангардъ тернистыхъ растений, ліанъ, вытягивался до домовъ предмѣстевъ.

„Тутъ Wood-stown понялъ и испугался... Всѣ храбро принялись за дѣло, вооружась косами, топорами, заступами; но все было тщетно. Съ часу на часъ городскія улицы превращались въ безпорядочныя чащи дѣвственнаго лѣса, гдѣ ліаны переплетаются другъ съ другомъ и образуютъ непроходимую путаницу растительности. Насѣкомыя, гады уже вторглись въ городъ. Во всѣхъ закоулкахъ появились гнѣзда, слышалось хлопанье крыльевъ и рисовались пропасти маленькихъ, болтливыхъ клювовъ. Въ одну ночь житницы города были опустошены безчисленными выводками птицъ. Потомъ, точно въ насмѣшку надъ такимъ великимъ бѣдствіемъ, бабочки всѣхъ разкрасовъ, всѣхъ цвѣтовъ закружились надъ цвѣтущими растеніями; предусмотрительныя пчелы, въ поискахъ за вѣрнымъ убѣжищемъ, размѣстили свои соты въ дуплахъ деревьевъ, какъ бы въ доказательство своей осѣдлости.

„Смутно, сквозь шумный шелестъ листьевъ, слышались удары топора, но на четвертый день всякая дальнѣйшая работа была признана невозможной. Трава стала слишкомъ высока, слишкомъ густа. Ползучія ліаны пѣплялись за руки дровосѣковъ, стѣсняли ихъ движенія. Къ тому же, дома стали необитаемыми, мебель, покрывшаяся листьями, утратила первоначальную форму. Потолки обрушивались, пробиваемые копьевидными листьями юкки, длинными терніями красного дерева, а на мѣсто крышъ возвышались громадные своды катальпъ. Все было кончено. Оставалось бѣжать.

„Сквозь сѣть растений и вѣтокъ, стягивавшуюся все тѣснѣе и тѣснѣе, жители Wood-stown, приведенные въ ужасъ, бросились къ рѣкѣ, унося все, что могли захватить съ собой изъ наиболѣе драгоцѣннаго. Но какія трудности приходилось преодолевать, чтобы добраться до воды! Набережныхъ не осталось и слѣда. Кругомъ видѣлись одни гигантскіе тростники. Доки, на которыхъ строились корабли, уступили мѣсто хвойному лѣсу, а на пристани, которая была вся въ цвѣту, новыя корабли походили на зеленые островки. Къ счастью, тутъ находилось нѣсколько броненосныхъ фрегатъ, на которыхъ толпа искала убѣжища и оттуда могла видѣть, какъ старый лѣсъ побѣдоносно соединился съ новымъ лѣсомъ.

„Мало-по-малу верхушки деревьевъ слились, и подъ лазурью неба,

залитой солнцемъ, громадная масса лѣствы раскинулась съ береговъ рѣки до отдаленнаго горизонта. Не стало слѣдовъ города, ни крышъ и стѣнъ. Отъ времени до времени глухой шумъ обрушивающагося дома раздавался въ нѣдрахъ зелени, какъ послѣднее эхо гибели, или слышался стукъ топора разъяреннаго дровосѣка. Потому ничего не стало слышно, кромѣ звучной тишины, среди которой жужжали насѣкомыя и цѣлыя тучи бѣлыхъ бабочекъ носились надъ пустынной рѣкой. А тамъ, вдали, въ открытомъ морѣ, видѣнъ былъ корабль, съ тремя зелеными мачтами, возвышавшимися посреди его парусовъ, уносившій послѣднихъ эмигрантовъ того, что было Woodstown“....

III.

Я говорилъ о нервномъ и современномъ юморѣ Альфонса Доде. Онъ написалъ книгу: „*Чрезвычайныя походы Тартарена изъ Тараскона*“; это не что иное, какъ шутка отъ начала до конца. Въ числѣ его произведеній, уже многочисленныхъ, это послѣднее представляетъ особый интересъ, потому что ярео рисуетъ одну изъ сторонъ его таланта. Оно характеристично, и я остановлюсь на немъ.

Не слѣдуетъ забывать, что авторъ родился въ Нимѣ. Это придаетъ особую пикантность забавной эпопеѣ его провансальскаго героя. Онъ подсмѣивается надъ сосѣднимъ городомъ, какъ человѣкъ, выросшій среди его смѣшныхъ сторонъ. Представьте себѣ провансальца, смѣющагося надъ провансальцами со всѣмъ увлеченіемъ и солью провансальца. Онъ прибѣгаетъ для того, чтобы осмѣять ихъ, къ ихъ собственнымъ преувеличеніямъ въ выраженіяхъ, живости жеста и слова. Это предатель-землякъ, поднимающій на смѣхъ своихъ соотечей, и даже чуть-чуть самого себя, съ плѣнительнымъ остроуміемъ, чуждымъ всякой рѣзкости, и съ безпримѣрной веселостью и добродушіемъ.

Герой его, Тартаренъ, „король“ Тараскона. Онъ живетъ въ городѣ въ третьемъ домѣ, по лѣвую руку, на дорогѣ въ Авиньонъ; домъ съ садомъ, снаружи имѣющимъ весьма скромный видъ, но изъ него онъ создалъ внутри достойное жилище забубеннаго героя. Садъ въ особенности удивителенъ: онъ засаженъ исключительно тропическими растеніями, пальмами, бананами, кокосовыми деревьями; тамъ есть и баобабъ, знаменитый во всемъ околотеѣ, баобабъ величійной съ латушъ, потому что роковымъ образомъ тропическія деревья отказываются расти. У Тартарена есть также кабинетъ, возбуждающій много толковъ, большая зала, увѣшанная сверху до низу всякаго рода оружіемъ: карабинами, винтовками, различными кинжалами, на-

мѣскими ножами, карабаскини стрѣлами, кремневыми стрѣлами, лн-стеными, готтентотскими палицами, мексиканскими лаццо. По сре-днѣ на столнѣ красуется бутылка съ ромомъ. Здѣсь герой прово-дитъ дни за чтеніемъ охотничьихъ разсказовъ. Онъ мечтаетъ объ охотѣ на медвѣдя, на сокола, на слоновъ, на тигровъ, о всевозможныхъ охотахъ, самыхъ опасныхъ и самыхъ отдаленныхъ.

На дѣлѣ Тартаренъ никогда не охотился ни за какой дичью, „кромя фуражекъ“. Тутъ заключается очень тонкая насмѣшка, понят-ная только для провансальцевъ. Въ маленькихъ городкахъ Прованса всѣ жители охотники. Между тѣмъ дичь безусловно отсутствуетъ. Надо проѣхать много миль, чтобы убить какую-нибудь пичужку. Во-кругъ же Тараскона, кажется, не водится даже и мелкихъ птишекъ, и остался одинъ только заяцъ, хорошо извѣстный охотникамъ, про-званнымъ его „Быстрый“. Они даже кончили тѣмъ, что оставили въ покоѣ упрямаго зайца. Но каждое воскресенье охотники тѣмъ не менѣе отправляются на охоту группами по пяти-шести человѣкъ. Они завтракаютъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ города; потомъ приступаютъ въ охотѣ, т.-е. бросаютъ въ воздухъ свои фуражки и стрѣляютъ въ нихъ на лету. Тотъ, кто чаще всѣхъ попадаетъ въ фуражку, провозглашается „королемъ охоты“. Тартаренъ каждое во-скресенье попадалъ въ король, и вотъ почему городъ Тарасконъ из-бралъ его своимъ героемъ.

И при этомъ, какъ очаровательно описанъ Тарасконъ, городъ, гдѣ у cadaго семейства есть свой романсъ! Какъ описаны вечера у аптекаря Безюке, куда Тартаренъ ходитъ пѣтъ дуэть изъ „Роберта-Дьявола“, и продолжительныя засѣданія у оружейника Костекальда, въ лавкѣ котораго собираются охотники на фуражки! Однако, Тар-таренъ не чувствуетъ себя счастливымъ. Хотя храбрый комендантъ Бравидо, отставной военный, и говоритъ о немъ: „это молодецъ“,—онъ томится мыслью, что не показалъ всего своего удалства. Онъ живетъ въ ожиданіи никогда не представляющей опасности; разма-хиваетъ кулаками въ воздухъ. Вечеромъ, когда идетъ въ клубъ, вооружается пистолетами и ножами, какъ будто онъ отправлялся въ какую-нибудь опасную экспедицію. Но до сихъ поръ ему не посча-сливилось встрѣтить злого человѣка. Наконецъ, въ его жизни про-исходитъ переворотъ. Въ Тарасконѣ появляется звѣринецъ, гдѣ, въ числѣ крокодилевъ, динекъ кошевъ и моржей, имѣется левъ. Живой левъ! Вотъ дичь для Тартарена! Вотъ достойный для него врагъ! Онъ проводитъ цѣлыя дни въ звѣринцѣ, и мало-по-малу распростра-няется слухъ, что онъ собирается ѣхать на охоту за львами. За-мѣтите, что онъ ни слова не говорилъ о своемъ отъѣздѣ, но по-льщенъ этимъ слухомъ, и вскорѣ, подзадориваемый цѣлымъ городомъ,

глаза котораго устремлены на него, находится вынужденнымъ ухаживать, если хочетъ остаться героемъ. Онъ увозитъ съ собой цѣлый міръ пожитковъ и провизіи, одѣвается арабомъ, изъ уваженія къ *couleur locale*, и вооружается съ головы до ногъ.

Въ Марсели онъ производитъ большую сенсацию своимъ арсеналомъ. Затѣмъ, послѣ безпокойнаго плаванія, во время котораго герой сильно тошнитъ, онъ высаживается, наконецъ, въ Алжирѣ. На другой же день, не говоря никому ни слова, онъ выходитъ изъ города съ оружіемъ, и идетъ сторожить львовъ подъ стѣнами города. Можете себѣ представить, какую тревожную ночь проводить онъ! На разсвѣтѣ ему кажется, что онъ видитъ льва, и онъ убиваетъ осла, за котораго владѣлецъ, кабатчикъ, заставляеть его заплатить двѣсти франковъ. Этотъ же кабатчикъ клянется и божится ему, что никогда не видывалъ льва въ здѣшнихъ краяхъ. На югѣ Алжира они водились въ былое время. Тогда Тартаренъ, вернувшись въ городъ, предается лѣни и ухаживанью за женщинами, и совершенно забываетъ о львахъ. Онъ знакомится съ какимъ-то черногорскимъ княземъ, авантюристомъ, и тотъ сговаривается съ молодой негодницей, по имени Байя, чтобы вытянуть изъ него какъ можно больше денегъ. Байя прикидывается женщиной гарема, не говорящей ни слова по-французски. Между тѣмъ, Тартаренъ внезапно пробуждается, при видѣ тарасконской газеты, гдѣ очень занимаются его персоной. Онъ вспоминаетъ, чего ждутъ отъ него соотечественники; онъ обѣщаль убить нѣсколько львовъ, и долженъ ихъ убить. И вотъ, онъ снова снаряжается въ путь со всѣмъ своимъ арсеналомъ.

Бѣда въ томъ, что во всей Алжиріи не осталось больше ни одного льва. Жюль-Жераръ убилъ послѣдняго. Но князь черногорскій не намѣренъ такъ легко отпустить свою жертву. Онъ нагоняетъ Тартарена въ Миліанэхъ, и тутъ начинается, въ долинѣ Шелифа, самая забавная охота въ мірѣ. Герой купилъ меланхолическаго верблюда, несущаго на себѣ весь караванъ. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца продолжаютъ поиски. Наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, Тартаренъ снова становится выжидать льва въ лавровой рошѣ; но его охватываетъ паническій страхъ, когда ему показалось, что онъ слышитъ рыканье льва, и онъ обращается въ бѣгство и ищетъ князя, оставшагося назади. Князя и слѣдъ простылъ. Тартаренъ имѣлъ неосторожность довѣрить свой портфель князю, который давно выжидалъ этого случая и убивалъ съ портфелемъ. Хуже всего то, что въ этотъ моментъ показывается настоящій левъ, слѣпой левъ, священное животное, изъ числа священныхъ львовъ, заведенныхъ Магометомъ Бенъ-Ауда. Тартаренъ, потерявъ голову, убиваетъ льва, и самъ чуть не погибаетъ подъ ударами двухъ негровъ, ведшихъ животное. Онъ отдѣ-

ливается нескончаемымъ процессомъ, и издержки его доходятъ до двухъ тысячъ пяти-сотъ франковъ. Но зато онъ посылаетъ львиную шкуру въ Тарасконъ.

Последнее разочарованіе ждетъ героя въ Алжирѣ. Онъ застаётъ Байю, разговаривающую на провансальскомъ нарѣчій съ капитаномъ парохода, который привезъ его въ Африку. Этотъ послѣдній предлагаетъ ему отвезти его обратно на родину, и онъ поспѣшно соглашается. Тутъ происходитъ самый забавный эпизодъ всей книги. Верблюдъ Тартарена очень привязался къ своему господину. Онъ слѣдовалъ за нимъ изъ глубины Алжира съ вѣрностью маленькой собаченки. Тщетно Тартаренъ, приходящій въ отчаяніе, что его преслѣдуетъ это меланхолическое животное, собирался разъ двадцать продать его. Верблюдъ, очень храбрый и любящій, въ концѣ-концовъ отыскивалъ его, и теперь, увидѣвъ, что господинъ его садится на пароходъ, онъ бросается въ море и капитанъ беретъ верблюда на пароходъ, хотя Тартаренъ и отрекается отъ своего вѣрнаго друга. Позднѣе, верблюдъ слѣдуетъ за поѣздомъ желѣзной дороги изъ Марсели въ Тарасконъ. По правдѣ сказать, Тартаренъ далеко не спокоенъ, подѣзжая къ родимому городу. Онъ боится насмѣшекъ земляковъ надъ его плачевной экспедиціей. Каково же его удивленіе, когда ему дѣлаютъ триумфальную встрѣчу. Воображеніе жителей воспламенилось, шкура слѣпного льва произвела необыкновенную сенсацію, и городъ непремѣнно хочетъ видѣть въ своемъ уроженцѣ знаменитаго героя. Но всего чудеснѣе то, что верблюдъ производитъ страшный фуроръ. Тартаренъ восклицаетъ растроганнымъ голосомъ: „это благородное животное. Я при немъ убилъ всѣхъ львовъ!“

Вотъ въ чемъ заключается произведеніе, котораго я могъ дать одинъ только остовъ. Въ немъ слышится непрерывный смѣхъ, переходящій порою въ настоящій хохотъ. Никогда еще простодушные луны Прованса не были описаны съ бѣльшей веселостію. И при этомъ иронія постоянно остается поэтической. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ какъ будто теряетъ всякую мѣру, и готовъ впасть въ каррикатуру, его спасаетъ художественное чутье. Онъ остается вѣренъ правдѣ, но только представляетъ ее съ комической стороны и приправляетъ лиризмомъ. Я упоминалъ тоже о добродушнѣхъ шуткахъ: въ ней нѣтъ ничего горькаго или рѣзко сатирическаго. Альфонсъ Додэ не тревожный духъ и любить людей. Его Тартаренъ, при всей своей нелѣпости, достойнѣйшій изъ людей. И всѣ остальные смѣшны до крайности, но славные люди. Это оригинальная черта автора, повторяющаяся въ каждомъ изъ его произведеній.

IV.

Перехожу, наконецъ, къ романамъ Альфонса Додэ. Я только упомяну „le Petit Chose“, занимающемъ нѣчто среднее между сказкой и повѣстью. Первый романъ автора,—имѣнный самый значительный успѣхъ, какой только запомнятъ книгопродавцы за послѣднія пять или шесть лѣтъ, успѣхъ, не истощившійся двѣнадцатью изданіями,—это „Fromont jeune et Risler aîné“.

Попытка Альфонса Додэ нѣсколько встревожила его друзей. Во Франціи критика рада закабалить писателя въ одинъ какой-нибудь родъ произведеній. Если въ теченіи десяти лѣтъ вы писали сказки, то можно опасаться, какъ бы васъ не осудили всю жизнь писать ихъ, подъ угрозой отрицанія въ васъ таланта на что-нибудь иное. Замѣтите, что Альфонсъ Додэ находился въ особенно щекотливомъ положеніи, потому что обязанъ былъ расширить свои рамки, не утрачивая ни одного изъ признанныхъ за нимъ качествъ: тонкаго остроумія, простодушія и искусства въ отдѣлкѣ деталей. Ему нужно было сохранить кругъ особыхъ почитателей и понравиться массѣ публики. Какъ я уже говорилъ, ему не доставало только одного дара—силы, и за этимъ даромъ онъ отправился на поиски.

И вотъ ему удалось найти силу, благодаря упругости его таланта. Онъ придалъ мускулы своему творчеству, благодаря мощи своего чувства и своей ироніи. На нашихъ глазахъ совершился феноменъ превращенія рассказчика въ романиста простымъ расширеніемъ его качествъ. Въ настоящее время онъ одинъ изъ рѣдкихъ писателей, способныхъ написать романъ, гдѣ ощущается все вѣяніе современной жизни.

„Fromont jeune et Risler aîné“ отличается тѣмъ достоинствомъ, что дѣйствіе въ немъ отчетливое и типичное. Уже съ первыхъ главъ—личности характеризуются, драма выясняется. Мы у Вефура, на свадебномъ обѣдѣ добряка Рислера, механика, компаньона Фромона, владѣющаго одною изъ значительнѣйшихъ обойныхъ фабрикъ въ Марэ. Онъ женился на Сидоніи Шебъ, которую когда-то считалъ влюбленной въ его брата Франца, инженера, въ настоящее время занятого въ Египтѣ работами по прорытію Суэзскаго перешейка. Почтенный человѣкъ весь сіяетъ, потому что никогда не рассчитывалъ на счастье быть любимымъ Сидоніей, хорошенькой и веселой дѣвочкой. Но уже на балѣ, слѣдующемъ за обѣдомъ, мы начинаемъ понимать въ чемъ дѣло: Сидонія проносится въ вальсѣ съ Фромономъ, и упрекаетъ его за то, что онъ женился и нарушилъ данную клятву. Мы видимъ тутъ первый проблескъ измѣны супружеской вѣрности, прорывающійся среди всей этой радости.

Второстепенныя лица всѣ тутъ, и сами характеризуютъ себя словами, жестами: м-ше Жоржъ Фромонъ, кроткая и спокойная, ясная и честная; м-ше Шебъ, величественная особа, и м-г Шебъ, типъ сложный, изобрѣтатель, негодіантъ безъ торговли, рантье безъ ренты; знаменитый Делобель, провинціальный актеръ, засѣвшій въ Парижѣ, гдѣ проживаетъ годы въ ожиданіи ангажемента, одинъ изъ самыхъ оригинальных и удачныхъ характеровъ во всемъ романѣ; дѣдушка Гардинуа, старый мужикъ, милліонеръ, лукавый и злой эгоистъ; кассиръ Плавюсъ, наивный и добродушный швейцарецъ, съ одной только слабостью: ненавистью и боязнью къ женщинамъ, — вотъ, цѣлый, разнообразный мірокъ, весьма ярко очерченный.

Но надо знать дѣтство Сидоніи, чтобы понять человѣческую глубину и парижскія черты драмы, которая за тѣмъ слѣдуетъ. Семейство Шебъ проживаетъ въ одномъ старомъ домѣ квартала Марэ, и сосѣдями у него Делобели и Рислеры, живущіе на одной площадкѣ. Площадка большая, съ широкимъ окномъ, выходящимъ на сосѣдніе дворы; въ него виднѣтъ цѣлый рядъ домовъ, и въ глубинѣ красивая фабрика Фромоновъ, мастерскія и садъ. Эта площадка является нейтральной почвой, и на ней жильцы встрѣчаются и заводятъ знакомства. Само собой разумѣется, что маленькая Шебъ вѣчно торчитъ на площадкѣ. Когда она надоѣдаетъ матери, та говоритъ ей: „иди играть на площадку“, и ребенокъ исчезаетъ на цѣлые часы, забѣгаетъ къ сосѣдямъ, служитъ звеномъ между различными семьями. Такимъ образомъ, она очаровала обоихъ Рислеровъ, старшаго уже зрѣлаго человѣка, и младшаго — Франца, еще школьника, которому мѣшааетъ учить уроки. Такимъ образомъ, она дѣлается своимъ человѣкомъ въ семьѣ Делобелей, гдѣ мать, почтенная женщина, и ея дочь Дезирэ, бѣдная хромоножка, убивается на работѣ, чтобы содержать знаменитаго Делобеля, великую славу искусства. Но величайшее удовольствіе для маленькой Шебъ, это — по цѣлымъ часамъ торчать на площадкѣ и глядѣть вдаль на прекрасную фабрику Фромоновъ. Она мечтаетъ о ней и видитъ въ ней идеалъ благополучія. Поэтому тщеславіе ея польщено свыше мѣры, когда добрякъ Рислеръ, работающій на фабрикѣ, вводитъ ее въ семейство Фромоновъ, гдѣ, благодаря своей миловидности, она становится общей любимцей. Она дружится съ Кларой и Жоржемъ; и даже между ней и послѣднимъ завязывается любовный романъ. Но роковыя обстоятельства, бѣдность родителей снова призываютъ ее въ темную среду, и она вынуждена поступить въ обученіе: она учится дѣлать бусы. Тутъ ожесточенная зависть водворяется въ сердцѣ Сидоніи; ее грызетъ стремленіе къ роскоши и праздной жизни, сокрушающее парижскихъ работницъ, замирающихъ отъ восторга передъ магазинами золотыхъ

дѣлъ мастеровъ. Ей страстно хочется быть богатой, развѣзаться въ экипажахъ, теперь забрасывающихъ ее грязью, и вести праздную и веселую жизнь. Она портится въ конецъ; болѣзненная милосердность ея кукольнаго личика скрываетъ холодную рѣшимость наслаждаться и наслаждаться, дѣлая какъ можно больше зла. Это ядовитый грибокъ, выросшій на парижской грязи. Идеаломъ для нея остается обстановка Фромоновъ, ихъ салонъ, садъ, ихъ карета, замокъ Савиньи, принадлежащій дѣдушкѣ Гардинуа. Поэтому она едва не умираетъ, когда узнаетъ, что Жоржъ женится на кузинѣ Кларѣ, исполняя послѣднюю волю своего дяди. Она отказываетъ Францу, подъ тѣмъ предлогомъ, что Дезире Делобель его любитъ—что дѣйствительно правда—и что она не хочетъ привести въ отчаяніе подругу. Потомъ вдругъ увѣряетъ, что любитъ Рислѣра; она хочетъ выйти за него замужъ, потому что онъ одинъ можетъ ввести ее на фабрику Фромона, котораго сталъ компаньономъ. Она входитъ въ нее какъ наблюдательница, какъ женщина, приносящая гибель и позоръ въ складахъ своего платья.

Семья Рислѣръ поселяется во второмъ этажѣ дома, гдѣ первый этажъ занятъ семьей Фромоновъ. Сидонія начинаетъ съ того, что соперничаетъ въ роскоши и бонтонахъ съ Кларой, которую ненавидитъ за ея благовоспитанность и природное превосходство. Но это еще цвѣточки. Вскорѣ завязывается драма. Сидонія вновь кружитъ голову Жоржу, и въ результатѣ является преступная связь. Связь эта шумная, беспорядочная, не щадищая никакихъ приличій. Жоржъ мотаетъ деньги, возитъ Сидонію въ модные кабачки и въ маленькіе театры. Тогда кассиръ Планюсъ начинаетъ опасаться за свою кассу; онъ угадываетъ, что въ дѣлѣ замѣшана женщина, и наконецъ узнаетъ, кто эта женщина, и даже заподозриваетъ Рислѣра въ подломъ сообщничествѣ, до такой степени этотъ послѣдній слѣпъ и весь погруженъ въ изобрѣтеніе круговращательнаго станка, долженствующаго принести торговому дому значительные барыши. Въ то время какъ любовники назначаютъ другъ другу свиданія, Рислѣръ проводитъ время съ м-ше Фромонъ, и трудно представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этихъ двухъ добрейшихъ и обманутыхъ существъ, проводящихъ вечера съ ясной безмятежностью честныхъ людей, у которыхъ совѣсть спокойна. Наконецъ Планюсъ, приведенный въ окончательный ужасъ, пишетъ Францу о томъ, что творится въ домѣ его брата, и умоляетъ его пріѣхать и предотвратить катастрофу.

Францъ пріѣзжаетъ, намѣреваясь выполнить въ строгости роль судьи-карателя. Но при первомъ же объясненіи съ Сидоніей поддается ея вліянію и становится игрушкой въ ея рукахъ. Когда-то онъ любилъ ее. Въ немъ просыпается старинная любовь, разжигаемая хитрой тактикой его невѣстки. Она очень хорошо поняла, что

погибла, если допустить Франца предупредить мужа. Поэтому и стремится связать Франца по рукамъ и по ногамъ, и лишить его возможности дѣйствовать. Она очень ловко выполняетъ задуманное. Планъ ея очень простъ: внушить любовь Францу, получить матеріальное доказательство этой любви, и затѣмъ насмѣяться надъ нимъ, когда лишить его возможности повредить ей. Она холодно исполняетъ задуманное. У ней есть наконецъ желанное доказательство, письмо, въ которомъ Францъ признается ей въ любви и предлагаетъ бѣжать съ нимъ. Отнынѣ несчастному карателю-судьѣ остается только убраться въ Египетъ. Попытка спасти Рислѣра отъ позора, а Фромона отъ разоренія, разрушена ловкостью Сидоніи, обороняющей свое положеніе. Тутъ вставленъ весьма трогательный эпизодъ. Дезирѣ Делобель, бѣдная хромоножка, все еще любитъ Франца. Она подумала, когда тотъ возвратился, что онъ женится на ней; онъ даже обнадежилъ ее въ этомъ. Поэтому, когда она узнаетъ, что онъ уѣхалъ въ Египетъ, то горю ея нѣтъ границъ. Она не въ силахъ больше жить и бросается въ Сену. Но смерть ей не дается. Ее спасаютъ и отводятъ къ полицейскому комиссару. Въ концѣ-концевъ она умираетъ у себя дома, а ея отецъ, знаменитый Делобель, созываетъ на ея похороны всѣхъ парижскихъ актеровъ. Въ описаніи отъ торжественности похоронной процессіи, за которой слѣдуетъ купѣ Сидоніи, у него вырывается поразительное замѣчаніе фразѣра-комедiantа: „у насъ на похоронахъ двѣ собственныя кареты“.

Между тѣмъ разореніе неминуемо. Сидонія заставила Жоржа зарваться до послѣдней степени. Если не достанутъ ста тысячи франковъ, Планюсъ не будетъ въ состояніи свести счетовъ, и банкротство обнаружится. Тогда Клара обращается за помощью къ дѣдушкѣ Гардинуа. Старикъ-мужикъ отказывается дать сто тысячъ франковъ; онъ очень радъ бѣдѣ; ему пріятно, что Фромонъ въ затруднительномъ положеніи. Къ довершенію всего, онъ по злобѣ открываетъ глаза Кларѣ на безпорядочное поведеніе ея мужа и объясняетъ, что Сидонія ея соперница. Клара очень мужественно переноситъ свое несчастіе. Она хочетъ сначала немедленно уѣхать съ своимъ ребенкомъ, но сознаетъ, что долгъ велитъ ей остаться. Рислѣръ еще трогательнѣе. Планюсъ, раздраженный тѣмъ, что долженъ прекратить платежи, извѣщаетъ его обо всемъ безъ всякой подготовки. Рислѣръ сраженъ въ первую минуту извѣстіемъ, но немедленно оправляется, бѣжитъ къ себѣ на квартиру, гдѣ жена даетъ балъ, срываетъ съ нея всѣ драгоценности, снимаетъ съ себя часы и отдаетъ ихъ Планюсу на покрытіе недостающихъ ста тысячъ франковъ. Сидонія убѣгаетъ изъ дому въ бальномъ платьѣ. Рислѣръ запрещаетъ произносить при имени ея имя. Онъ не требуетъ отъ Фромона отчета въ нанесенномъ

ему оскорбленіи, отказывается отъ компаньонства и дѣлается простымъ приказчикомъ на фабрикѣ, какъ въ былое время. Нельзя представить себѣ ничего вышительнѣе этого честнаго человѣка, напрягающаго всѣ свои силы къ тому, чтобы исправить зло, причиненное его женой. Наконецъ, его станокъ приводится въ дѣйствіе, и фабрика реализируетъ большіе барыши. Онъ достигаетъ спокойствія, если не забвенія, когда его постигаетъ послѣдній ударъ. Сидонія, уходя, захотѣла отомстить мужу и послала ему письмо Франца. Рислѣръ, думая, что это письмо отъ нея самой, въ которомъ она умоляетъ его о прощеніи, не захотѣлъ читать его и отдать на сохраненіе Плянюсу. Какъ разъ въ тотъ самый день, когда онъ вновь потребовалъ его отъ него, кассиръ увелъ его въ Палероаль, въ одинъ кафе-штанъ, гдѣ онъ видитъ Сидонію, вступившую на подмостки и растѣвающую среди сигарнаго дыма. На другое утро Рислѣръ повѣсилъ, прочитавъ письмо.

Я изложилъ подробно содержаніе романа, чтобы показать его живыя и глубокія стороны. Въ немъ есть очень сильныя мѣста. Если Рислѣръ слишкомъ добродушенъ въ первой половинѣ, за то подъ конецъ выказываетъ рѣдкую энергію. Личность Сидоніи очерчена также съ большимъ мастерствомъ; этотъ типъ вполне живой, парижскій, нарисованный безъ предвзятой идеи и безъ преувеличенія, естественно порочный. Эти два характера особенно удались Альфонсу Додэ. Быть можетъ, его можно упрекнуть въ безцвѣтности Франца: любопытно было бы изобразить, какъ честная душа заражается тлетворнымъ вліяніемъ порочной прелести Сидоніи. Но Францъ послужилъ для него лишь средствомъ, и онъ предпочелъ приберечь всю яркость красокъ для изображенія Сидоніи и Рислѣра. А сколько прелестныхъ сценъ, помимо главнаго дѣйствія! Авторъ очертилъ Делобелю съ изумительнымъ мастерствомъ; онъ пролилъ всѣ свои слезы надъ бѣднѣйшей Дезире; залилъ всю свою иронію на знаменитаго Делобеля. Типъ этого комедіанта останется типомъ человѣка, въ которомъ подмостки и тщеславіе убили все человѣческое, который не можетъ больше найти ни одной вѣрной интонаціи, ни одного правдиваго жеста и живетъ въ призрачномъ мірѣ своихъ иллюзій и вѣчной рисовки, эксплуатируетъ жену и дочь, разыгрываетъ мученика искусства и плачется надъ самимъ собою съ безпопашнымъ эгоизмомъ. Великіе романисты познаются на томъ, что создаютъ живые типы. Нельзя не упомянуть также о мастерскихъ картинкахъ парижской жизни, набросанныхъ съ изумительной живостью; такъ, напримѣръ, описанія воскресныхъ прогулокъ за парижской заставой, Ліонской желѣзно-дорожной станціи, гдѣ Францъ проводитъ ночь въ ожиданіи Сидоніи: станція, съ ея шумомъ, постепенно замирающимъ и дѣла-

тельностью мало-по-малу затихающей, описана очень живо и вѣрно. Всѣ эти описанія показываютъ въ авторѣ человѣка, преданнаго современному искусству, натуралиста положительной школы, придающего своимъ наблюденіямъ поэтическую окраску. Новая школа вся выражается въ слѣдующемъ положеніи: переживать существующее и передавать пережитое, оживляя его личными свойствами своего темперамента.

V.

Въ романѣ „Jack“, изданномъ еще недавно, Альфонсъ Додэ еще больше расширилъ свои рамки. Это произведеніе заняло не только два тома, но оно заключаетъ въ себѣ двѣ драмы. Передъ читателемъ разворачивается цѣлая жизнь человѣческая, со всѣми ея случайностями и разнообразіемъ обстановки. Эпизоды слѣдуютъ за эпизодами, картины за картинами, и книга показалась бы растанутой и беспорядочной, еслибы одна общая идея не служила связующимъ звеномъ между ея различными частями и не приводила всѣхъ ихъ къ одной развязкѣ.

Жакъ, сынъ „коготки“, добродушной дѣвушки съ птичьимъ разумомъ, веселой и живой; прошлое ея авторъ оставляетъ въ тѣни. Ида де-Баранси въ настоящую минуту живетъ съ однимъ богатымъ господиномъ, и ребенокъ называетъ его приличнымъ именемъ „bon ami“. Ида хочетъ отдать сына въ пансіонъ; и послѣ тщетныхъ попытокъ помѣстить его въ аристократическое заведеніе, содержимое патерами, отдастъ въ самое диковинное училище въ мірѣ, въ гимназію Морувала. Мукѣ, претерпѣваемыя въ ней Жакомъ, были бы еще сносны, еслибы мать не познакомилась съ поэтомъ, профессоромъ литературы, виконтомъ Амори д'Аржантонъ, бездарностью, принимающей олимпійскія позы, и ко всѣмъ смѣшнымъ сторонамъ непонятаго человѣка присоединяющей отвратительное свойство безнощаднаго эгоизма. Отнынѣ судьба Жака рѣшена. Амори поселяется съ Идой, которую окрещиваетъ Шарлоттой. И позднѣе, когда ребенокъ убѣгаетъ изъ гимназіи Морувала, съ нетерпѣніемъ переноситъ присутствіе мальчика и убѣждаетъ мать сдѣлать изъ него ремесленника. И вотъ, Жака посылаютъ въ кузницы Эндре, учиться ремеслу механика. Но онъ слишкомъ слабаго здоровья и не чувствуетъ призванія къ этому занятію. Тогда онъ рѣшается поступить кочегаромъ на *Дидотъ*. Мало-по-малу втягивается въ пьянство и доходитъ до неизбежнаго нравственнаго паденія. Потомъ, едва не погибнувъ въ бурю на морѣ, возвращается въ Парижъ, гдѣ снова попадаетъ въ міръ артистической богемы, къ которому принадлежитъ д'Аржантонъ.

Мать ухаживаетъ за нимъ, онъ очень кашляетъ: у него всѣ признаки чахотки. Тутъ мы отдыхаемъ на самомъ трогательномъ эпизодѣ романа. Д'Аржантонъ, чтобы избавиться отъ вѣшни, такъ какъ терпѣть его не можетъ, отправляетъ его жить въ Олюэтъ, въ маленькомъ, принадлежащемъ ему домикѣ. Тутъ Жакъ встрѣчаетъ по-другу своего дѣтства, Сесиль, дочь добряка доктора Ривальса, кроткую и спокойную дѣвушку, отъучающую его отъ дурныхъ привычекъ ремесленника. Онъ перестаетъ пить, хочетъ сдѣлаться достойнымъ ея и принимается за работу. Одну минуту даже ему удается отвлечь мать отъ д'Аржантона, но глупая женщина снова подпадаетъ подъ власть своего поэта. Жакъ до конца долженъ нести кару за свое рожденіе; онъ безусловно осужденъ. Отъ усиленной работы нашель возобновляется. Съ другой стороны, Сесиль, изъ преувеличенной добросовѣстности, отказывается выйти за него замужъ, узнавъ, что съ рожденіемъ ея связана мрачная драма. Тогда Жакъ, сраженный на смерть, поступаетъ въ госпиталь и умираетъ въ немъ, даже не видѣвшись съ матерью. Д'Аржантонъ до послѣдней минуты удерживалъ мать при себѣ. Когда она подходитъ къ постели мертвого сына, то съ ужасомъ вскрикиваетъ: „умеръ“!—Нѣтъ, отвѣчаетъ старикъ Ривальсъ, суровымъ голосомъ,—нѣтъ... освободился!

Я могъ лишь въ краткихъ словахъ передать содержаніе исторіи, занимающей два тома. Исторія эта, впрочемъ, проста и несложна. Автору нужна была лишь широкая рамка, гдѣ бы онъ могъ свободно выказать свое мастерство въ описаніи деталей. Главныя качества романа заключаются въ развитіи эпизодовъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ двухъ средахъ, рѣзко отличающихся одна отъ другой.

Первая среда состоитъ изъ диковиннаго мірка неудачныхъ и непонятыхъ артистовъ, которыхъ Жакъ встрѣчаетъ въ гимназіи Моруваля. Эта гимназія самое потѣшное и нелѣпое заведеніе въ мірѣ. Моруваль, креоль, и его жена, m-me Моруваль, урожденная Декостеръ, затѣяли открыть заведеніе для дѣтей иностранцевъ. Программа ихъ, совсѣмъ необычайная, возвѣщаетъ о курсѣ французскаго произношенія по методу Моруваль-Декостеръ, заключающейся въ распредѣленіи фонетическихъ органовъ. Дѣло въ томъ, что ужасный Моруваль наживаетъ деньги посредствомъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ ему поручаютъ и затѣмъ у него забываютъ. У него сборище учениковъ со всѣхъ концовъ міра: изъ Египта, Персіи, Японіи, Гвинеи. Въ числѣ ихъ есть даже маленькій король, сынъ короля Дагомейскаго, маленькій Мадугезо, негрѣнокъ, служившій ему сначала рекламой, а затѣмъ обращенный въ слугу; маленький король чиститъ сапоги и ходитъ на рынокъ. Само собой разумѣется, что Моруваль

окруженъ самыми дикими профессорами, поэтомъ д'Аржантономъ, ученымъ Гиршемъ, докторомъ, отравляющимъ всѣхъ своихъ больныхъ, пѣвцомъ Лабассендромъ: все достоинство его заключается въ одной нотѣ, и онъ беретъ ее время отъ времени, чтобы убѣдиться, что не утратилъ ее. Время отъ времени въ гимназій бываютъ литературные вечера, эпические вечера, куда стекается вся артистическая богема Парижа. Альфонсъ Додэ изобразилъ этотъ уголокъ парижскаго міра съ насѣшливой и веселой живостью, скрашивающей оттѣнкомъ состраданія, потому что всѣ эти бѣдняки, всѣ эти смѣшные мученики искусства сохраняютъ въ страданіи, какъ онъ говоритъ самъ, нѣкотораго рода изящество, незнакомое другимъ страдальцамъ.

Вторая среда, куда попадаетъ Жакъ, это среда ремесленниковъ. Тутъ наблюдательности автора представлялось широкое поле. Онъ описываетъ кузницы Эндра, машины въ ходу, мастерскія, кипищія рабочими, лихорадочную дѣятельность промышленнаго уголка съ чрезвычайной живостью и одушевленіемъ. Ниже я приведу описаніе переижденія паровой машины, настоящій „chef-d'oeuvre“.

Позднѣе, когда Жакъ служить вочегаромъ на *Циднѣ*, авторъ въ пламенныхъ чертахъ описываетъ намъ Жака, занятаго топкой паровика, странствующаго по бѣлу-свѣту въ черныхъ нѣдрахъ корабля и даже не видя небесъ, подъ которыми проѣзжаетъ. Наконецъ, въ Парижѣ, онъ говоритъ намъ о ремесленникахъ, какъ человѣкъ, коротко изучившій ихъ; романъ до сихъ поръ вообще пренебрегалъ простонародьемъ, я говорю объ аналитическомъ романѣ, основанномъ на фактахъ изъ жизни. Авторъ „Жака“ одинъ изъ первыхъ осмѣлился спуститься въ этотъ особый міръ, представляющій однако такой богатый матеріалъ для художника. Лучшими страницами въ послѣдней части романа является свадьба ремесленниковъ въ Сентъ-Манде, описаніе дома, обитаемаго ремесленниками, краткія картинки парижскихъ воскресныхъ дней, прогулокъ на Шалонскія высоты, мастерскихъ, въ разгаръ работы.

Мнѣ трудно въ моемъ торопливомъ анализѣ дать полное понятіе о длинномъ романѣ. Мнѣ бы хотѣлось однако рельефно изобразить его красоты. Вотъ почему я опять возвращусь къ главнымъ лицамъ. Ида де-Варанси одинъ изъ самыхъ удачныхъ характеровъ у автора. Онъ изобразилъ ее съ рѣдкимъ мастерствомъ. Онъ отнюдь не представилъ ее отвратительной, грубой женщиной, дурной матерью и порочной любовницей. Нѣтъ, Ида—взбѣдмошное созданіе, въ одно прекрасное утро порѣшившая съ добродѣтелью и съ тѣхъ поръ не расстающаяся съ порокомъ. Она похожа больше на птицу, чѣмъ на человека. Она обожаетъ сына, но не умѣетъ бороться съ жизнью и допускаетъ убить Жака. Она умѣетъ только плакать, да и то слезы ея быстро сохнутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она глупа и жила, кокетка и

вульгарна. Трудно представить себѣ что-нибудь характернѣе первой сцены романа, гдѣ авторъ знакомитъ насъ съ Идой. Она привезла Жака въ заведеніе, содержимое іезуитами, и пускается болтать съ директоромъ, который тотчасъ же раскусилъ, съ каковаго рода женщиной имѣетъ дѣло. Потомъ принимается рыдать, когда монахъ отказывается принять ея сына. Но въ тотъ же вечеръ ѣдетъ на балъ, а Жакъ проводитъ вечеръ на кухнѣ, съ прислугой матери, и они устраиваютъ его судьбу, приславъ для него гимназію Моруваль. Типична тоже слѣдующая подробность. Мать сообщаетъ Жаку, когда пускается съ нимъ въ откровенности, кто его отецъ, и всякій разъ называетъ новое лицо. Она сама хорошенько не знаетъ, кто настоящій отецъ ребенка. Рядомъ съ этой фигурой глупой и безтолковой женщины, мы видимъ типичную личность д'Аржантона, которую авторъ анализируетъ, быть-можетъ, еще съ большимъ мастерствомъ. Этотъ высокій бель'омъ, съ восковой головой, съ безжизненными, оловянными и жѣсткими глазами, нелѣпъ и омерзителенъ до крайности. Альфонсъ Додэ изобразилъ въ немъ литературную бездарность, тщеславнаго фразѣра, завистливаго и злого педанта, весь вѣкъ несущагося съ самыми дикими идеями и преслѣдуемаго вѣчными неудачами. Въ Парижѣ д'Аржантона постоянно грызетъ завистливая ненависть къ успѣху. Позднѣе, когда получаетъ наслѣдство, онъ поселяется съ Шарлоттой въ маленькомъ деревянномъ домикѣ въ Олюетъ, и на фронтонѣ его дѣлаетъ претенціозную надпись: „*Parva domus, magna quies*“. Тамъ у него есть все, о чемъ онъ мечталъ: кабинетъ въ бельведерѣ, каведра во вкусѣ Генриха II, котъ, по имени Дальти, но геній упорно не хочетъ посѣтить его; онъ не въ силахъ написать двухъ строкъ и остается по прежнему надутымъ и безсильнымъ. Чтобы развлечь себя, онъ ставитъ на крышу Олову арфу, но она издаетъ мрачные звуки, и ее приходится убрать прочь. Въ одной сценѣ характеръ д'Аржантона получаетъ особенную рельефность. Носится слухъ, что Жакъ совершилъ воровство въ Эндрѣ и что нужно шесть тысячъ франковъ, чтобы выручить его изъ бѣды. Д'Аржантонъ скупъ и не желаетъ дать денегъ, но соглашается на то, чтобы Шарлотта попросила денегъ у „*bon ami*“. Онъ даже провожаетъ ее до дверей замка, гдѣ живетъ ея прежній любовникъ, и остается ждать на дорогѣ, глядя черезъ изгородь на королевскую резиденцію „*bon ami*“.

Я распространился о главныхъ лицахъ. Но и всѣ второстепенныя лица также талантливо очерчены. Есть въ ней эпизодъ, о которомъ я еще не говорилъ и который одинъ составляетъ цѣлую драму. Въ немъ повѣствуется о незаконной любви въ семействѣ ремесленниковъ въ Эндрѣ. М-ше Рудикъ, молодая, блѣдная женщина, съ густой косой, слишкомъ тяжелой для ея слабой головы, любитъ, красавца

пеминника, и бросается въ Луару, когда любовника ея прогоняютъ съ фабрики за воровство. Впрочемъ, все произведеніе пропитано слезами. Какъ говорить самъ Альфонсъ Додэ въ предисловіи романа, посвященнаго Гюставу Флоберу, романъ есть произведеніе слезъ, гнѣва и ироніи. Онъ захотѣлъ отомстить за жестокую смерть Жака, оплакавъ его судьбу и пригвоздивъ его палачей къ позорному столбу. Въ тѣ моменты, какъ онъ перестаетъ оплакивать несчастія героя, онъ побиваетъ смѣхомъ д'Аржантона и его друзей. Я уже говорилъ, что Альфонсъ Додэ не можетъ оставаться безучастнымъ въ своихъ произведеніяхъ; онъ воспламеняется, гладитъ своихъ героевъ по головѣ или параноситъ ихъ до крови. Никогда еще не выказывалъ онъ столько страсти, какъ въ „Жакѣ“. Мы слышимъ, какъ онъ забавляется, сердится, плачетъ, насмѣхается. Отъ этого объективное чувство одушевляетъ страницы и дышетъ полымемъ въ лицо читателей.

Мнѣ хотѣлось бы сдѣлать выписку изъ „Жака“. Но очеркъ мой и безъ того уже слишкомъ длиненъ. Я приведу только то мѣсто, гдѣ описывается перемѣщеніе паровой машины на корабль, о которомъ я упоминалъ выше. Паровая машина окончена, ее привозятъ на набережную, гдѣ ее захватываетъ журавль, чтобы свалить на ожидающее судно:

„Когда машина показывается на солицѣ, блестящая, грандіозная и мощная, ее привѣтствуютъ громкіе крики...

„Надсмотрщики сбѣгались со всѣхъ сторонъ, раздавали тумаки, чтобы расчистить себѣ путь, и вскорѣ вокругъ машины осталось лишь триста старшихъ рабочихъ, набранныхъ со всѣхъ мастерскихъ изъ самыхъ дюжихъ, и всѣ они, вооружась желѣзными полосами или же взявшись за массивныя цѣпи, ожидали сигнала, чтобы поволочить чудовище...

— Готово ли, ребята? Эй, берись дружище!

„Тутъ послышались бойкіе и живые звуки дудочки, и машина покатила по рельсамъ; мѣдь, бронза, сталь сверкали въ ея массѣ, а колеса, маляники, поршни издавали металлическій звонъ. Подобно оконченному памятнику, верхушку ея украсили громаднымъ букетомъ зелени, увѣчивавшимъ человѣческій трудъ, какъ бы лаской, улыбкой природы, и въ то время, какъ внизу громадная масса металла тяжело двигалась впередъ, на верху зеленый султанъ медленно раскатывался въ чистомъ воздухѣ. Съ двухъ сторонъ толпа сопровождала ее; директоръ, инспекторъ, подмастерья, старшіе работники—всѣ шли какъ по-лаю, устремивъ глаза на машину; а неутомимая дудочка направляла ихъ къ рѣкѣ, гдѣ дымился пароходъ, у самой пристани, готовый къ отплытію.

„Вотъ машина подвѣшена къ журавлю, громадному паровому жу-

равлю завода Эндрэ, могущественнѣйшему рычагу въ мірѣ. Двое людей влѣзли на платформу, которая поднимается вмѣстѣ съ нимъ, помощью желѣзныхъ канатовъ, связанныхъ надъ зеленымъ букетомъ, чудовищнымъ кольцомъ, выкованнымъ изъ цѣльнаго куска. Паръ свиститъ, дудочка учащаетъ свои тоненькія, веселенькія, ободрительныя нотки; журавль наклоняется, захватываетъ машину въ свой кривой клювъ, поднимаетъ ее тихо, тихо, неровными скачками. Теперь машина повисла надъ толпой, заводомъ, и надъ всѣмъ Эндрэ. Теперь каждый можетъ ее видѣть и вдоволь налюбоваться ею. Она носится въ златомъ солнечномъ сіяніи, и какъ будто прощается съ безчисленными мастерскими, давшими ей жизнь, движеніе, даже слово, и которыхъ она больше никогда не увидитъ. Съ своей стороны, рабочіе испытываютъ, глядя на нее, то чувство удовольствія, какое доставляетъ оконченный трудъ, то странное и дивное волненіе, которое въ одинъ моментъ вознаграждаетъ за усилія цѣлаго года, и гордымъ сознаніемъ побѣжденной трудности искупаетъ тягость понесеннаго труда.

„— Вотъ такъ штука!—пробормоталъ старикъ Рудикъ, серьезный, съ голыми руками, весь еще дрожа отъ усилія, съ какимъ катилъ машину и вытирая глаза, наполнившіеся слезами восторга.

„Дудочка не прекращала своей подзадоривающей музыки. Но журавль сталъ поворачиваться и наклоняться къ рѣкѣ, чтобы сложить машину на нетерпѣливое судно.

„Вдругъ послышался глухой трескъ, а за нимъ раздался раздирающій вопль, вопль ужаса, находящій откликъ во всякой груди. По содраганію, проносящемуся въ воздухѣ, признаешь смерть, смерть непредвидѣнную, внезапную, насильственной и сильной рукой расчищающую себѣ дорогу. Въ теченіи минуты царствовали неописанныя смута и ужась. Чтѣ же такое случилось? Между одной изъ цѣпей, внезапно натянувшихся при спускѣ, и жесткимъ металлическимъ бокомъ машины, застрялъ одинъ изъ рабочихъ, поднимавшихся вмѣстѣ съ машиной.—Скорѣе, скорѣе, ребята, поворачивай назадъ машину!

„Но какъ ни торопятся вырвать несчастнаго у страшнаго чудища, все кончено. Всѣ головы поднимаются, всѣ руки вытягиваются съ проклятіемъ; а женщины, съ крикомъ, накрываютъ головы платками, лопастями чепцовъ, чтобы не видѣть обезображенныхъ останковъ, складываемыхъ на носилки.

„Человѣка раздавило, перерѣзало пополамъ. Кровь обрызгала сталь, мѣдъ и даже самый зеленый султанъ. Не слышно больше дудочки, замолкли крики. Среди рокового безмолвія оканчивается машина свое путешествіе, въ то время какъ одна группа людей удаляется по направлению къ селенію — носильщики, женщины, цѣлый печальный corteжъ.

„Одинъ страхъ читается во всѣхъ главахъ. Машина стала странной. Она получила кровавое крещеніе и обратила свою силу противъ тѣхъ, кто ей далъ ее. Поэтому вздохъ облегченія вырывается у присутствующихъ, когда машина полежена на пароходѣ, который опускается подъ ея тяжестью и несетъ двѣ или три волны въ берегъ. Вся рѣка содрагается и какъ будто говорить:—какъ она тяжела!

„— О! да! очень тяжела. И рабочіе съ дрожью переглядываются между собой.

„Наконецъ, она установлена на мѣстѣ, султанъ продолжаетъ разгнѣваться надъ ней. Кровь, обрызгавшая ее, послѣдно вытерта, и машина красуется въ прежнемъ блескѣ, но уже не въ прежней носовой неподвижности. Всѣ чувствуютъ, что она живая и вооруженная...”

VI.

Въ сочиненіяхъ Альфонса Додэ есть цѣлая группа, о которой я до сихъ поръ не упоминалъ; а именно его драматическія произведенія. Какъ романистъ, онъ началъ сказкой; какъ драматургъ—одноактной пьесой. Можно насчитать до пяти такихъ пьесъ, дававшихся въ „Théâtre-Français“, въ „Одеонѣ“ и въ „Водевилѣ“, пять пьесъ съ слѣдующими заглавіями: *Le Sacrifice*, *les Absents*, *l'Oeuillet blanc*, *le Frère aîné*, *la Dernière idole*. Эта послѣдняя пьеса имѣла большой успѣхъ и осталась въ репертуарѣ. Но и здѣсь Альфонсъ Додэ захотѣлъ расширить свои рамки. Давъ „*Ambigu*“ патнактную драму: „*Lise Tavergnier*“, онъ написалъ для Водевиля пьесу въ три акта и пять картинъ: „*l'Arlésienne*“, о которой я намѣренъ подробнѣе говорить, потому что по ней мы можемъ судить объ особенномъ положеніи, въ какое поставлены у насъ драматическія произведенія романистовъ.

Прежде всего, вотъ содержаніе „*Arlésienne*“. Мы въ Провансѣ, на берегу Роны, на фермѣ Кастля. Роза Мамай, фермерша, вдова; она ведетъ хозяйство вмѣстѣ съ сыномъ Фредерикомъ и тестемъ Франсэ Мамай, старикомъ. У Розы есть еще сынъ, бѣдный мальчикъ, идиотъ, котораго прозвали „блаженнымъ“. Прибавьте къ этому еще и настуха, сочиняющаго сказки для „блаженного“, и звѣздочета. Когда занавѣсъ поднимается, Фредерикъ страстно влюбленъ въ одну дѣвушку изъ Арля, которую встрѣтилъ на праздникѣ. Роза поручила своему брату разузнать, чтó это за дѣвушка. Братъ идетъ прямо къ родителямъ дѣвушки, выпиваетъ съ ними водку, и объявляетъ, что это чудеснѣйшіе люди. На фермѣ радуются, пьютъ за будущую невесту, когда появляется погонщикъ лошадиныхъ табуновъ Митифіо, объявляющій

дѣдушкѣ: „вы собираетесь женить внука на негодяйкѣ. Она уже два года какъ моя любовница“. И отдаетъ два письма, написанныхъ въ нему дѣвушкой, чтобы Фредерикъ прочиталъ ихъ и вылезъ изъ любви. Но Фредерикъ не можетъ съ ней расстаться и убѣгаетъ изъ дома, какъ раненый звѣрь. Мать трепещетъ при мысли о самоубійствѣ; стережетъ его, почти бросаетъ ему въ объятія свою крестницу, Виветту, съ спокойной храбростью матери, жалящей во что бы то ни стало спасти сына. Наконецъ, когда видитъ его мрачнымъ и безмолвнымъ, изнывающимъ отъ любви, которую разжигаетъ чтеніемъ двухъ писемъ, оставшихся у него, собираетъ семейный совѣтъ и рѣшительно объявляетъ, что надо женить сына на любимой дѣвушкѣ. Пусть она негодяйка, но лучше, чтобы сынъ ея женился на негодяйкѣ, чѣмъ умеръ отъ любви. Когда Фредерикъ узнаетъ о жертвѣ, какую желаетъ принести ему мать, онъ рѣшается быть достойнымъ ея сыномъ и объявляетъ, что женится на Виветтѣ; Фредерика и Виветту обручаютъ. Молодой человѣкъ, повидимому излечился отъ любви и отослалъ письма къ Митифію. Но этотъ послѣдній снова появляется на сценѣ: онъ развѣхался съ письмами и приходитъ за ними, объявляя, что въ ту же ночь собирается похитить красавицу. Тогда Фредерикъ, при видѣ соперника, чье имя отъ него скрывали, и слыша рассказъ о предполагаемомъ похищеніи, снова увлекается страстью. Онъ хочетъ броситься на Митифію, но падаетъ замертво! Теперь все кончено, катастрофа неизбежна. Роза стережетъ сына, но „блаженный“, въ которомъ просыпается разумъ, успокоиваетъ ее и убѣждаетъ лечь отдохнуть; она соглашается, съ дрожью припоминая слова пастуха, предсказавшаго бѣду въ тотъ день, когда ферма лишится блаженного. Едва успѣла Роза лечь, какъ Фредерикъ встаетъ, всходитъ по лѣстницѣ, ведущей на чердакъ; тамъ онъ находитъ открытое окно и собирается броситься въ него. Мать просыпается, жестокая борьба завязывается между ней и сыномъ; онъ запираетъ дверь, ведущую на лѣстницу, слышится глухое паденіе тѣла, и такимъ образомъ Фредерикъ погибаетъ отъ любви.

Нельзя представить себѣ ничего проще, шире и законченнѣе этой драматической идилліи. Я не могъ передать всѣхъ ея прелестныхъ, равно какъ и страшныхъ эпизодовъ. Такимъ образомъ, вся вторая картина, происходящая на берегу пруда, пропитана ароматомъ античной эклоги. Тамъ происходитъ очаровательная сцена между Фредерикой и Виветтой, молоденькой дѣвочкой, повинующейся приказаніямъ Розы и старающейся соблазнить молодого человѣка съ очаровательной неловкостью. Третья картина, происходящая въ кухнѣ фермы, тоже очень эффектна, и надо видѣть, съ какою чудной преданностью Роза предлагаетъ сыну жениться на его возлюбленной,

лишь бы онъ не убивалъ себя. Впрочемъ, вся пьеса наполнена героической ролью матери. Роза, типъ страстной матери, а Фредерикъ типъ любви, дошедшей до мании и изступленія. Борьба завязывается любовью убивающей и той, что спасаетъ. Это величественное и человѣческое зрѣлище разворачивается среди поэтическихъ рамокъ, проникнутыхъ большой прелестью. Альфонсъ Додэ вполне постигъ идиллическую и легендарную стороны своего произведенія, и просилъ Жоржа Вира, умершаго съ тѣхъ поръ и горяче оплакиваемого, написать симфоніи и хоры для нѣкоторыхъ сценъ. То была интересная попытка, и Карвалло, директоръ „Водевилля“, увлекся ею и истратилъ большія суммы на постановку.

Ну, и что же! „Arlésienne“ провалилась. Вся поэзія пьесы, самыя милыя мѣста, самые трогательные эпизоды прошли незамѣченные публикой. Парижская публика скучала и въ большинствѣ случаевъ ничего не поняла. Все это было слишкомъ оригинально, слишкомъ ново. Къ тому же пьеса отличалась великимъ недостаткомъ: самобытностью. Примѣръ лучше пояснить дѣло: одно изъ дѣйствующихъ лицъ говорить объ овсянкахъ поющихъ, а вся зала, всѣ парижане хохотали, потому что имъ знакомы одні жаренныя овсянки, и они не могутъ себѣ представить, чтобы эти жирныя и вкусныя птицы могли пѣть, какъ и всякія другія. Неудача Альфонса Додэ имѣла ту печальную сторону, что въ неѣ осудили драматическаго писателя за то, что онъ въ то же время и романистъ. Наша критика утверждаетъ, что кто пишетъ романы, тотъ не можетъ писать для театра. Романисты, видите ли, слишкомъ талантливы въ описаніяхъ, слишкомъ много анализируютъ, слишкомъ поэтичны. Словомъ, у нихъ слишкомъ много достоинствъ. Это не шутка. Можно быть увѣреннымъ, что если бы „Arlésienne“ была грубо, но ловко сфабрикованная драма или комедія, то произвела бы фуроръ. Стоило только лишить ее всѣхъ ея литературныхъ достоинствъ. Тѣмъ не менѣе, эта пьеса остается одною изъ самыхъ удачнѣйшихъ у автора, и я надѣюсь, что со временемъ она снова появится на сценѣ и понравится публикѣ. Конечно, Альфонсъ Додэ не драматическій писатель, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать ремесленника, фабрикующаго пьесу, подобно тому, какъ плотникъ строитъ домъ; но у него есть весьма тонкое пониманіе сцены. Онъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ писателей, на которыхъ можно разсчитывать для обновленія нашей драматической литературы, обновленія, потребность въ которомъ ощущается съ каждымъ днемъ все сильнѣе, въ виду тѣхъ пошлостей, какія даются на лучшихъ нашихъ сценахъ.

VII.

Заключение мое будетъ просто. Альфонсъ Додэ очаровалъ притику, подобно тому, какъ очаровалъ читателей. Это очарованіе въ немъ характеристическая черта, и я сравню его съ очарованіемъ, производимымъ нѣкоторыми женщинами, которыхъ нельзя назвать красивыми, хотя онѣ нравятся больше самыхъ красивыхъ. Если разбирать этикетъ женщинъ, то найдешь, пожалуй, что и глаза у нихъ слишкомъ малы, и носъ неправильный и насмѣшливый, и ротъ великъ и смѣшливъ. Но у нихъ на лицѣ отпечатана ихъ душа, онѣ чаруютъ оживленною прелестью, огнемъ, одушевляющимъ ихъ черты. Сравнивая съ ними безупречныхъ статуй, Юнонь, высѣченныхъ въ мраморѣ строгими артистами, находишь послѣднихъ холодными и скучными, а красоту ихъ слишкомъ возвышенной для теплой и будничной человѣческой привязанности. И если есть свободное время и охота поволочиться и погулять, то обратись скорѣе въ одной изъ тѣхъ несовершенныхъ и прелестныхъ женщинъ, потому что онѣ человѣчѣе и привязчивѣе.

Великій успѣхъ Альфонса Додэ, двѣнадцать изданій „Fromont jeune et Risler aîné“, появившихся менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, три или четыре изданія, выдержанныхъ „Жакомъ“ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, легко объясняется характеромъ его таланта. Увѣрають, что успѣхъ романовъ Балзака созданъ женщинами, благодарными за его глубокий анализъ и непрерывное обожаніе. Можно сказать съ такимъ же основаніемъ, что романы Альфонса Додэ встрѣтили у женщинъ такой же восторгъ и такую же поддержку. За него женщины — это глубокое слово, и его слѣдуетъ хорошенько взвѣсить, чтобы понять. Въ настоящее время, въ нашемъ обществѣ, мужчины мало читаютъ; современная жизнь слишкомъ дѣятельна, слишкомъ наполнена занятіями всякаго рода. Въ Парижѣ, напримѣръ, если мужчины, посѣщающіе общество, покупаютъ новыя романы, то единственно лишь затѣмъ, чтобы перелистовать ихъ, а потомъ, вечеромъ, произнести свое сужденіе. Это вопросъ приличія, требующаго, чтобы читали новыя романы и новыя пьесы. Только у женщинъ есть свободное время. Онѣ наполняютъ чтеніемъ романовъ праздное, будничное существованіе. И понятно, какими удивительными пропагандистами являются женщины, если захотятъ выдвинуть любимаго автора на первый планъ. Во-первыхъ, онѣ сообщаютъ о немъ пріятельницамъ; затѣмъ, такъ какъ онѣ царицы салоновъ, то сужденія ихъ составляютъ тамъ законъ, и онѣ создаютъ успѣхъ; наконецъ, у нихъ есть мужья, любовники, и онѣ съумѣютъ прожужжать имъ уши любимымъ авторомъ, такъ что и тѣ, въ свою очередь, становятся его поклонниками. Та-

кимъ образомъ, шопоть будуаровъ превращается мало-по-малу въ общественный гласъ.

Въ Альфонсѣ Додэ нравится женщинамъ та прелесть, о которой я уже говорилъ. Онъ трогаетъ ихъ сердце. Имъ нравится, что онѣ постоянно чувствуютъ присутствіе автора между строчками, автора, тихо плачущаго или смѣющагося и всегда готоваго пожалѣть или поднять на смѣхъ своего героя. Онѣ находятъ въ немъ свою собственную, нервную чувствительность, свою душу и сердце. Смѣлость писателя не пугаетъ ихъ, потому что онѣ умѣютъ ловко маскировать ее.

Конечно, женщины, еслибы дать имъ волю, кончили бы тѣмъ, что умалили бы Альфонса Додэ. Онѣ восхищаются его изощренностью, не подозревая даже объ его силѣ. Но большое счастье, что въ великой борьбѣ натуральной школы съ публикой, французскій романъ настигаетъ еще такого обаятельнаго писателя, какъ авторъ „*Fromont jeune et Risler aîné*“. Онъ идетъ въ авангардѣ съ улыбающимся лицомъ. На него возложена миссія трогать, открывать двери для толпы романистовъ, болѣе суровыхъ, слѣдующихъ за нимъ. Онъ приучаетъ публику къ точному анализу, къ изображенію современнаго общества, къ смѣлостямъ слога. Буржуазія, принимая его въ свой домъ, и не подозреваетъ, что впускаетъ къ себѣ врага—натуральную школу; а когда Альфонсъ Додэ пройдетъ, за нимъ пройдутъ и другіе. Самъ же Альфонсъ Додэ, конечно, будетъ укрѣпляться въ силѣ, не теряя своей прелести. Онъ изъ тѣхъ, что постоянно растутъ и идутъ впередъ. Изъ всѣхъ нашихъ современныхъ романистовъ нѣтъ ни одного, передъ кѣмъ бы раскидывалась болѣе обширная и свѣтлая будущность.

Эмиль Зола.

НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

1) *Littérature et histoire*, par E. Littré. Paris. 1875. 2) *Oeuvres de Philariète Charles*. L'Antiquité. Paris. 1876. 3) *Gesammelte Studien und Aufsätze gemeinverständlichen Inhalts*. Von Eduard von Hartmann. Erste Lieferung. Berlin. 1876.

Въ наше время трудныхъ изысканій и до крайности усложнявшихся задачъ, преслѣдующихъ человѣка со всею неотвѣзчивостью серьезной и глубокой нравственной потребности, встрѣча съ простымъ и яснымъ умомъ, работавшимъ долго въ одномъ направленіи, научившимся сдерживать свои порывы и добровольно подчинившимся готовому, опредѣленному въ своихъ границахъ, цѣльному міровоззрѣнію, непремѣнно подѣйствуетъ на васъ успокоительно и благотворно. Эта встрѣча, если не дастъ вамъ полнаго удовлетворенія, то во крайней мѣрѣ доставитъ необходимый отдыхъ, не только пріятный, но и существенно полезную бесѣду о вопросахъ и задачахъ, близкихъ вамъ, дастъ возможность провѣрить себя, ваши стремленія и соображенія, на хорошеѣ пробномъ камнѣ.

Такое освѣжающее впечатлѣніе можно смѣло предсказать всякому мыслящему читателю, у котораго достанетъ сосредоточеннаго вниманія, чтобы прочесть вышедшій недавно томъ Литтрэ: „*Littérature et histoire*“. Собственно говоря, томъ этотъ не представляетъ ничего цѣльнаго. Это сборникъ статей, помѣщенныхъ въ разное время знаменитымъ французскимъ ученымъ въ „*Journal des Savants*“, въ „*Philosophie Positive*“, въ „*Journal des Débats*“ и въ „*National*“. Тутъ есть статьи и тридцатыхъ, и шестидесятыхъ, и даже семидесятыхъ годовъ, статьи о Шекспирѣ и Эсхилѣ, объ Аристофанѣ и Раблэ, о политической экономіи римлянъ и сочиненіяхъ Бонивара, о буддизмѣ и Фидіѣ,—есть наконецъ переводныя и собственныя стихотворенія автора. Но всѣ эти статьи, при всемъ разнообразіи своего содержанія, связаны между собою однимъ направленіемъ, одной идеей, всѣ онѣ разсматриваютъ разныя явленія исторіи и литературы съ точки зрѣнія такъ-называемой положительной философіи, и притомъ не положительной философіи вообще, а именно той ея школы, которая строго придерживается доктрины Конта и въ которой Литтрэ продолжаетъ занимать до сихъ поръ первенствующее положеніе.

Литтрэ—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, характерныхъ, своеобразныхъ и вмѣстѣ почтенныхъ явленій въ ученомъ мірѣ Франціи. Въ этомъ мірѣ ему уже давно принадлежитъ одно изъ самыхъ видныхъ и достойныхъ мѣстъ, которое онъ занимаетъ съ честью до

глубокой старости. Французская наука съ полнымъ основаніемъ и правомъ гордится имъ, какъ однимъ изъ лучшихъ своихъ представителей. Литтрэ собственно филологъ, и отличный филологъ. Его исторія французскаго языка, и еще болѣе французскій словарь — громадный трудъ, казалось бы, недоступный силамъ одного человѣка, но тѣмъ не менѣе исполненный имъ блистательно, — останутся навсегда крупнымъ памятникомъ его ученой дѣятельности. Мы высоко цѣнимъ трудъ нашего соотечественника Дала, давшего намъ толковый русскій словарь; но никто, надѣмся, не упрекнетъ насъ въ недостаткѣ патріотизма, если мы скажемъ, что почтенный трудъ Дала представляется очень скромнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлалъ для французскаго языка Литтрэ своимъ колоссальнымъ историческимъ словаремъ. Специальныя занятія филолога не мѣшали однако французскому ученому интересоваться и общими вопросами науки, и самыми разнообразными областями знанія. Исторія человѣчества и естественныя науки, философскіе и религіозные вопросы входили въ кругъ его усидчивыхъ, кропотливыхъ изслѣдованій, результаты которыхъ изложены имъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій и статей. Эти послѣднія собраны теперь авторомъ, скромно опутившимъ въ этомъ собраніи то, что казалось ему болѣе слабымъ и менѣе значительнымъ; томъ, озаглавленный „Littérature et histoire“, заключаетъ собою это собраніе.

Литературную и ученую дѣятельность Литтрэ можно считать теперь законченною. Знаменитый ученый достигъ глубокой старости, окруженный заслуженнымъ уваженіемъ въ своемъ отечествѣ и заграничней. Ношного можно назвать именъ, произносимыхъ теперь въ Европѣ съ такимъ единодушнымъ уваженіемъ. А между тѣмъ никто не относится къ своимъ трудамъ скромнѣе его. Онъ любитъ при каждомъ удобномъ случаѣ приписать другому имени — имени своего учителя Конта — если не всѣ свои ученые заслуги въ полномъ ихъ объемѣ, то главную долю ихъ, основную мысль, которая дѣйствительно принадлежитъ Конту, и прижитіе которой къ частнымъ явленіямъ природы и исторической жизни народовъ составляетъ содержание многихъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ автора. Люди, жившіе случай познакомиться съ Литтрэ, столько же удивляются простотѣ его образа жизни и костюма, сколько отсутствію всего помпознаго на высокое о себѣ мнѣніе. Онъ производитъ на нихъ впечатлѣніе простого, безпритязательнаго труженика, и таковъ онъ на самомъ дѣлѣ. Самонадѣянность и самолюбіе совершенно чужды духу и тону его сочиненій и статей, которыя своимъ общимъ характеромъ производятъ на насъ, какъ и самъ авторъ, впечатлѣніе завиднаго

правдивості, самообладання і рідкої, ніколи не змінюваної автору, скромності.

Ети якості його природи, з'єднані з його розумом і звичайним трудолюбством, зробили його естествознаним провідником Конта і одним з представників сучасного позитивізму в Франції. Він сам, як ми помітили, приписує своєму вчителю, усвоєному ним з свого даровитого вчителя, основну думку своїх трудов і способи її застосування до аналізу частини законів природи і історії. Таке ставлення до вчителя, який уже тут не восьмидесятилітній учень, а в пам'яті вчителя ніколи не втрачає свого значення. Це пояснюється суттєвою різницею в ступені талановитості того і другого. Ми навіть помилилися, коли сказали, що Люттрє настільки ж поступає Конту в даровитості, наскільки Конт поступає йому в ученості, в знаннях, в трудолюбстві. Конт був сильним і, якщо можна так виразитися, страстним умом, викарлював нові шляхи, новий філософський ключ до розуміння природи, людини і історії людських суспільств. Він був хорошим математиком; знання його в інших областях знання не були широкими; але така була сила його розуму і таланту, що він міг створити з матеріалів порівняно бідних будівлю і цілком систему світоглядів, яка не залишилася без впливу на багатьох сильних розуми нашого часу і до цих пір продовжує мати своїх сторонників. Як всяка система, створена розумом одного людини, вона з течією часу не могла не виявити своїх недоліків, і деякі мислителі, випробувавши на собі її вплив, еманципувалися в більшій або меншій ступені від її односторонності; але в ній ще залишилися приверженці, яких ми дозволимо собі назвати ортодоксальними, і які вважають гріхом проти науки відступити хоча на йоту від великих вказівок вчителя ¹⁾. Між цими останніми, як ми вже мали випадок помітити, Люттрє належить першочисленне місце. Вплив Конта на цього учня був так глибоко і сильно, що він усвоїв собі цілком його систему, проникся їй вкопався, і навіть приписує їй вплив на свій капітальний труд — словник французької мови.

Дивно було б заперечувати хороші, здорові, прогресивні риси контовського позитивізму; але точно також не можна вважати його ученість, виснажливим усім шляхом до пояснення законів природи

¹⁾ Ми, звичайно, залишилися повністю з боку іншої партії контистів, яка усвоила собі мистичнім останніми роками життя талановитого мислителя. Їх місце не в науці, а між спиритами.

и исторіи. Контизмъ устарѣлъ во многихъ частяхъ своихъ; онъ нуждается въ обновленіи, и въ этомъ смыслѣ, на нашъ взглядъ, Милль, Спенсеръ, Тэнъ и нѣмецкіе дарвинисты сдѣлали и дѣлаютъ гораздо больше чѣмъ самые ревностные послѣдователи Конта во Франціи. Въ ихъ трудахъ больше жизни и больше будущаго, чѣмъ въ трудахъ правовѣрнѣйшихъ между контистами. Научная ортодоксія есть самая странная, самая безыгодная и удушливая изъ ортодоксій. Изъ всякой ортодоксіи вамъ открыта дорога въ науку; но изъ научной ортодоксіи вамъ уже некуда идти, вы окружены со всѣхъ сторонъ несокрушимой стѣной и принуждены вращаться въ кругѣ, заранее указанномъ вашему уму и таланту. Съ контизмомъ случилось въ этомъ отношеніи то же, что мы видимъ на исторіи другихъ школъ. Дарвинитъ основатель позитивной школы шире понималъ свою задачу, чѣмъ многие его послѣдователи. Контъ привѣтствовалъ, напр., „Исторію Греціи“ Грота и „Логикъ“ Милля, какъ крупныя явленія, вызванныя тѣмъ самымъ направленіемъ, котораго онъ былъ представителемъ. Онъ вѣроятно привѣтствовалъ бы гипотезу Дарвина, какъ попытку объяснить происхожденіе организмовъ въ направленіи вполне положительномъ, хотя бы эта гипотеза и требовала дальнейшихъ изслѣдованій и подтвержденій. Для него все поле знаній не было окончательно размежевано, научныя работы не были заранее предопредѣлены во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Онъ былъ, правда, высокаго мнѣнія о себѣ и своемъ замѣчательномъ трудѣ; подъ вонецъ жизни онъ очевидно страдалъ маніей личнаго величія. Но, какъ большой талантъ, онъ былъ страстенъ, подвиженъ, впечатлительнъ, широкъ. Созданное имъ направленіе утратило въ значительной степени эти существенныя свойства его таланта. Въ этомъ направленіи сказываются задатки, заставляющіе многихъ не предвѣщать ему плодотворнаго будущаго. Задатки эти отчасти положены въ него самимъ Контомъ, и, какъ это всегда бываетъ съ теоретическими ученіями, переживающими своихъ основателей и долгое время усиленно сохранявшимися въ косной неприкосновенности, оно сунуть уму и характеру, ведетъ къ исключительности, къ самодовольству и доктринерству. Самъ Контъ не вынесъ односторонности своего ученія, и отсюда его жестокая болѣзнь. Поэтическая сторона его природы, сдавленная въ тискахъ односторонняго позитивизма, выродилась въ мистицизмъ, который въ этомъ отношеніи представляетъ явленіе чрезвычайно поучительное. Его даровитая натура не могла утѣшиться въ неподвижныхъ предѣлахъ школы, дававшей пищу и исходъ одной только разсудочной сторонѣ человѣческой природы. Онъ видѣлъ, онъ понималъ и чувствовалъ, что великіе перевороты, что вдохновенныя порывы націй и отдѣльныхъ лицъ, двигавшіе че-

ловѣчество впередъ, никогда не были плодомъ одной разсудочной работы. Это явленіе должно было представляться его уму и воображенію такимъ же положительнымъ фактомъ, какъ и все то, что обыкновенно признается положительнымъ фактомъ въ естествознаніи. Отсюда глубокое внутреннее противорѣчіе въ его сознаніи и чувствъ, лишившее его умственнаго равновѣсія и здоровья. Онъ не могъ не почувствовать, что возвышенная имъ высшая фаза человѣческаго развитія никогда не осуществится въ данномъ видѣ, пока въ человечествѣ сохраняются творческія силы, не избѣденныя разсудкомъ, что исключительное господство разсудочнаго анализа упразднило бы возможность всякаго творческаго синтеза и равнялось бы смерти человечества.

Упомянувъ объ отрицательныхъ сторонахъ контювскаго позитивизма, мы, повторяемъ, отнюдь не имѣемъ въ виду отрицать его лучшія, благотворныя стороны. Намъ хотѣлось только объяснить нашу мысль, что французскій ученый, о которомъ мы говоримъ, слишкомъ преувеличиваетъ вліяніе позитивизма на свои ученые заслуги; что если въ направленіи позитивизма есть черты несомнѣнно здоровыя, то въ немъ же таятся и крупныя задатки неподвижной исключительности и сухого доктринерства. Это направленіе обоюдострое. Въ данномъ случаѣ, на примѣръ самого Литтрэ, вліяніе позитивизма могло быть действительно наилучшее, благодаря весьма многимъ благопріятнымъ условіямъ; но кто поручится, что онъ не послѣдній изъ возможныхъ? Кто докажетъ, что многое въ его капитальнѣйшихъ трудахъ, принимаемое имъ самимъ прямому вліянію школы, не объясняется въ сущности складомъ и всѣми свойствами его ума и природы? Кто возьмется утверждать, что не будь Литтрэ позитивистомъ, онъ не составилъ бы своего громаднаго историческаго словаря или своей замѣчательной исторіи французскаго языка? Мы думаемъ, что и та и другая работа были бы исполнены имъ съ такимъ же успѣхомъ, благодаря трудолюбію, знаніямъ и личнымъ склонностямъ ученаго, еслибъ онъ и не былъ контювистомъ.

Другое дѣло—тотъ томъ историческихъ статей Литтрэ, который теперь передъ нами. Сильное, прямое вліяніе учителя тутъ несомнѣнно и очевидно на каждой страницѣ. Оно такъ сильно, что можно было бы угадать, какой страницѣ въ „Положительной Философіи“ Контэ соответствуетъ та или другая статья его бывшаго ученика. Тутъ творчество послѣдняго сказывается въ приложеніи общаго указанія основателя школы къ объясненію отдѣльныхъ литературныхъ и общественныхъ явленій. Но, разумеется, приложеніе это сдѣлано рукой сѣдущаго, осторожнаго и неуспѣшнаго мастера. Литтрэ не чуждъ дѣятельности своей школы, но у него догматизмъ умѣряется обширностью

и разнообразіемъ знаній и необыкновенной простотой и ясностію мысли. Эти качества составляютъ неоспоривую личную принадлежность знаменитаго ученаго, и имъ обязанъ онъ своимъ лучшимъ трудомъ, своимъ выдающимся, ослѣпительнымъ положеніемъ въ ученомъ мірѣ. Остановившаяся теперь на сборникѣ его ученыхъ и литературныхъ статей „*Littérature et histoire*“, мы можемъ указать, какъ на лучшихъ между ними, на статьи о Шекспирѣ, о мемуарахъ кардинала Рена, о браманнизмѣ и буддизмѣ, и о Фидіѣ, по поводу извѣстнаго сочиненія Ромбо, посвященнаго жизни и проважденіямъ великаго афинскаго художника. Мы остановимся на двухъ послѣднихъ статьяхъ, и читатель, знакомый съ капитальнымъ трудомъ Конта, увидитъ самъ, что эти статьи не представляютъ ничего другого, кромѣ развитія основныхъ положеній учителя, и притомъ развитія, въ которомъ авторъ не отстываетъ ни на юту отъ догматовъ школы. Но если ученый догматизмъ не чуждъ даже такому крупному писателю, какъ Литтрэ, то что же удивительнаго въ томъ, что французскіе позитивисты пока еще не выяснили міру ни одного новаго вопроса съ тѣхъ поръ, какъ Контъ окончилъ свой знаменитый „Курсъ Положительной Философіи?“ А между тѣмъ около нихъ, въ Англіи и Германіи, именно положительныя науки дѣлаютъ большіе шаги впередъ; но французскій позитивизмъ относится пока въ этимъ успѣхамъ съ тѣмъ догматическимъ недовѣріемъ, которое заставляеть многихъ опасаться за его будущность.

Статья Литтрэ о Фидіѣ, помѣщенная сначала въ „*Journal des Savants*“ и вошедшая теперь въ собраніе его сочиненій, интересна для насъ въ особенности потому, что авторъ дѣлаетъ въ ней попытку объяснить, съ точки зрѣнія контизма, происхожденіе чувства художественной красоты въ человѣческой природѣ. Извѣстно, что этимъ вопросомъ занимались даровитѣйшіе мыслители Германіи, въ лучшее, до-военное ея время. Къ сожалѣнію, статья французскаго ученаго не упоминаетъ ни однимъ словомъ объ изслѣдованіяхъ или мнѣніяхъ другихъ мыслителей по тому же вопросу; но вотъ мнѣніе самого Литтрэ. Приводя слово Катрмера де-Кенек: „*É bella perchè è bella*“ (прекрасно, потому что прекрасно), Ромбо, авторъ жизнеописанія Фидіа, прибавляетъ, что „такое наилучшее объясненіе въ настоящемъ случаѣ, и что объ этомъ предметѣ ученый нигдѣ не узнаеть больше чѣмъ невѣжда“. „Да, конечно, — возражаетъ Литтрэ, — въ виду прекраснаго учения и невѣжда одинаково восторгаются, не объясняя себя, что собственно плѣняетъ ихъ. Но не представляетъ ли это анархизмъ — извѣстныхъ основныхъ и неопредѣленныхъ условій, безъ которыхъ оно было бы невозможно? Сказать это — значитъ объявить въ то же время, что красота, какъ бы она ни была разнообразна, не

есть нѣчто произвольное, хотя источникомъ ей и не служатъ никакіе-нибудь заоблачные образы. Красота всегда складается изъ звуковъ, красокъ и линий. Какъ не существуетъ идея, которая не была бы обязана своимъ происхожденіемъ впечатлѣніямъ, воспринимаемымъ извнѣ нашими чувствами, такъ точно нѣтъ красоты, которая не зарождалась бы такими же образомъ при посредствѣ звуковъ, красокъ и линий. Что же въ этихъ впечатлѣніяхъ такъ нравится уму человека, что слушать ему первымъ возбужденіемъ и первымъ правиломъ для всякаго дальнѣйшаго развитія красоты, если не отгораживаетъ правильность, подчиняющая вещи естественнымъ ихъ условіямъ? Физически — вибраціи, которыми производится звукъ, порождаютъ гаммы, а физиологически — эти гаммы нравятся слуху; на этомъ-то соотношеніи между физическимъ явленіемъ и нашей чувствительностью будетъ построена впоследствии вся музыка. Гаммы красокъ столь же правильно волнообразны и не менѣе пріятны зрѣнію; съ нихъ начнутся декоративное искусство и живопись. Наконецъ, осознанію пріятны гладкія поверхности, правильность линий, и человекъ постарается удовлетворить эту потребность линиями и поверхностями. Физическое условіе звуковъ, свѣта и линий, и соответствующее ему условіе нашей чувствительности — явленія первоначальныя, коренныя, дальше которыхъ нельзя идти, которыя не подлежатъ объясненію, но сами служатъ для объясненія явленій. Такимъ образомъ, первоначальный элементъ красоты есть то, что нравится слуху и зрѣнію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что представляетъ опредѣленные особенности вещей. Такими же путями приходимъ мы къ прекрасному въ литературѣ, то-есть, въ поэзіи, крупной прозѣ и стилѣ. Элементами ихъ всегда бывають гармонія, цвѣтъ, симметрія. Пока мысль не имѣетъ собственныхъ ей цвѣта, образа и симметріи, пока она не звучитъ гармонически, она остается лишь несовершеннымъ зачаткомъ. Но облеченная въ изящную одежду, заимствованную у вѣчной правильности вещей въ свойственныхъ имъ основныхъ соотношеніяхъ звуковъ, красокъ и линий, — она способна переполнять душу опущеніемъ идеальной красоты. Природа сдѣлала въ этомъ отношеніи то же самое, что и относительно морали и науки: она дала намъ элементы красоты, не самую красоту. Эти элементы растутъ, развиваются, множатся, совершенствуются, видоизмѣняются съ вѣками и цивилизаціями. Какъ мораль вышла изъ своихъ зачатковъ и росла подъ вліяніемъ общественнаго прогресса; какъ наука мало-по-малу была извлечена изъ простѣйшихъ фактовъ людьми, умѣвшими раскрывать истину, скрытую въ природѣ, такъ и красота извлечена мало-по-малу изъ своихъ первоначальныхъ очертаній умами, имѣвшими счастливый даръ схватывать и идеализировать ихъ".

Такого объясненія красоты и изящнаго съ точки зрѣнія континента, и нельзя не замѣтить, что сильное своею историческимъ характеромъ, который вообще составляетъ самую выдающуюся стержню этой школы, оно однакоже мало удовлетворяетъ, и представляется болѣе виѣшнимъ, чѣмъ внутреннимъ объясненіемъ красоты. Въ немъ нѣтъ, конечно, ничего метафизическаго, но нѣтъ и ничего глубоко затрогивающаго вопросъ. Любопытно было бы сопоставить объясненіе Диттрѣ съ нѣмецкими изслѣдованіями по тому же предмету; но въ небольшой статьѣ мы можемъ сдѣлать это только мимоходомъ. Нѣмецкіе эстетики признаютъ много общаго между задачей мыслителя и задачей художника: „и тотъ, и другой,—говорятъ они,—вращаются въ мірѣ идей; но вотъ какъ разлагаются ихъ естественныя функціи: мыслитель отыскиваетъ въ явленіи общій вѣчный законъ; для него отдѣльное явленіе теряется въ идеѣ; для художника, напротивъ, само отдѣльное явленіе есть идея; идея индивидуальна жива въ явленіи, она непосредственно въ немъ присутствуетъ. Для мыслителя отдѣльный наглядный объектъ не важенъ; онъ стремится понять внутренній законъ вещей; ему важна только мысль, важно понятіе о предметѣ; онъ претворяетъ чувственное въ отвлеченное. У художника, напротивъ, отдѣльный объектъ въ своей непосредственной чувственности стоитъ на первомъ планѣ, идея красоты живетъ только въ отдѣльномъ объектѣ. И это нисколько не мѣшаетъ міру мысли доставлять богатѣйшій матеріалъ для художественной обработки; но въ такомъ случаѣ мысль должна имѣть чувственную оболочку, и истина должна претворяться въ красоту... Прекрасное есть идея, но идея въ явленіи, идея, которая безъ остатка поглощается отдѣльнымъ явленіемъ. Именно, полное соотвѣтствіе идеи и ея образа и составляетъ существо прекраснаго. Единичное впервые достигаетъ тутъ своего полнѣйшаго значенія. Идея добра и истины торжествуетъ только тогда, когда уничтожается единичное. Мысль требуетъ, чтобъ единичное переходило въ общее, въ понятіе; нравственность требуетъ, чтобъ оно приносилось въ жертву общему. Только прекрасное сообщаетъ единичному полную силу и полное освѣщеніе его особенности; только красота дѣлаетъ единичное носителемъ идеи... Отдѣльное явленіе, въ своей грубой вещественности, не можетъ, конечно, отражать прекрасное; міръ случайности разрушалъ бы тутъ художественный идеалъ. Чувственный матеріалъ долженъ перегорѣть въ огнѣ идеи, отъ него не должно оставаться ничего, кромѣ чувственной оболочки, кромѣ чистой формы. „Тайна искусства мастера,—говоритъ Шиллеръ,—заключается въ томъ, что онъ упраздняетъ вещество формой. Идея становится образомъ, образъ—идеєю: вотъ существо художественной красоты“.

Въ сравненіи съ этой теоріей, объясненіе красоты у Литтрэ гораздо проще и яснѣе, но оно не столько философское, сколько математическое. Разумѣется, эта теорія обставлена у цѣмценца эстетическѣ такъ-называемыми метафизическими соображеніями объ истинѣ, добрѣ и красотѣ, какъ коренныя стремленія человѣческой природы; но и въ этихъ метафизическихъ соображеніяхъ не трудно найти положительныя черты, указанія на дѣйствительныя особенности человѣческой природы,—не трудно за метафизической, иногда туманной, оболочкой уловить серьезный, положительный анализъ духовной природы человѣка.

Сильная сторона контизма, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, въ исторической части этого направленія. Покойный Джонъ Стюартъ Милль, въ своемъ критическомъ разборѣ контизма, не безъ основанія сказалъ, что собственно историческая часть „Курса Положительной Философіи“ Конта превосходить мастерствомъ и блескомъ все, что ему ни случалось читать по этой части. Въ виду смѣлого, безусловнаго поклоненія классической древности, Контъ яркими чертами обрисовалъ все превосходство новѣйшей культуры передъ античною, и рѣшимо мастера указать то мѣсто, какое дѣйствительно принадлежитъ классической древности въ общей исторіи челоуѣчества. Литтрэ продолжаетъ развивать вѣрную мысль своего учителя въ этомъ направленіи. Разбирая книгу Роншю о Фидіѣ и останавливаясь на замѣчаніи автора, восторженнаго поклонника древности, что въ дѣлѣ искусства и вкуса лучшіе изъ современныхъ критиковъ могли бы поучиться у послѣдняго изъ грековъ, Литтрэ возражаетъ съ свойственной ему осторожностью и обдуманностью:

„Какъ и г. Роншю, я думаю, что мраморъ, бронза и слоновая кость, одушевляясь такъ, какъ одушевлялись они подъ руками Фидіа, его соперниковъ и учениковъ, никогда уже не будутъ плѣнять народъ, столь чувствительный къ изяществу художественныхъ созданій и къ славѣ художниковъ. Но съ тѣхъ поръ времена были свидѣтелями многого другого; они породили въ своемъ теченіи другія произведенія, которыя въ свою очередь волновали и плѣняли челоуѣчество. Были ли эти произведенія болѣе прекрасны, столь же прекрасны, какъ и прежнія? Кто это знаетъ, и кто рѣшить это? Несомнѣнно одно—что это были созданія, которымъ исторія искусства придастъ и должна была придать большое значеніе. И дѣйствительно, тотъ, кто любитъ созерцать великія художественныя произведенія и размышлять объ ихъ преемственности, приобретаетъ гораздо болѣе широкій и, слѣдовательно, болѣе вѣрный кругозоръ въ области изящнаго, чѣмъ кругозоръ величайшихъ людей древности. Вотъуная въ эту область, я охотно представляю себѣ Аенны четвертаго или

патаго вѣна христіанской эры. Городъ еще безплодно прекрасенъ, Паросенъ еще господствуетъ надъ нимъ съ своею Минервой изъ слоновой кости и золота; всюду великія произведенія искусства, и хотя Римъ уже простеръ свою хищную руку къ этимъ сокровищамъ, они сохранились еще въ достаточномъ числѣ, чтобы возбуждать самый пламенный восторгъ. Но, въ дѣйствительности, все это не болѣе какъ исторія, воспоминаніе и священные остатки лучшихъ временъ. Еслибъ отъ этого города, богатаго славой и памятниками, потребовали, чтобы онъ создалъ вновь что бы то ни было, онъ былъ бы безсмысленъ произвести что-нибудь, кромѣ безплодныхъ подражаній. Исчезла могучая жизнь, нѣкогда одушевлявшая греческое общество, когда оно еще было проникнуто вѣрой въ своихъ боговъ, свое отечество, свою свободу. И для того, чтобы красота могла возродиться въ мірѣ, не будучи повтореніемъ античныхъ формъ, новыя общества должны были породить новый идеалъ. Рѣзкая переиѣна, сопровождавшая великій переходъ отъ язычества къ христіанству, дала ключъ во всѣмъ измѣненіямъ, которымъ подверглись поэзія и искусство. Всякая цивилизація, мѣняющая свой характеръ, мѣняетъ и идеалъ красоты, какъ скоро въ пройденной дозѣ общественнаго развитія является одинъ изъ тѣхъ геніевъ, которые умѣютъ дать обработку новымъ ея элементамъ. Я не хочу сказать, что эти произведенія нарастаютъ одни на другія, на научные труды, такъ что послѣдніе по времени низводятъ прежніе на степень попытокъ и посредствующихъ ступеней развитія; нѣтъ, они стоятъ одни подлѣ другихъ, и каждое имѣетъ свою цѣну, независимо отъ того, которое слѣдуетъ за ними во времени. Они различаются тѣмъ, что каждое носитъ печать современной ему цивилизаціи. Въ этомъ отношеніи, по мѣрѣ того, какъ они подвигаются впередъ во времени, они принимаютъ въ себя элементы, все болѣе и болѣе многочисленные и сложные. Вотъ, почему нѣкогда нельзя возвратиться къ древнимъ типамъ искусства. Ихъ безсмертная красота не можетъ выйти изъ той дали, гдѣ она сіяла, и Гомеръ будетъ восхищать насъ подлѣ тѣхъ только условіемъ, что мы садимъ подлѣ него на берегу Геллеспонта, съ богами и сынами боговъ“.

Эти глубоко продуманныя строки въ статьѣ французскаго ученаго естественно наводятъ на мысль о другихъ идеалахъ, минѣ такъ же отживающихъ, какъ отживали нѣкогда идеалы древняго міра, и которые надѣется смѣнить между прочимъ и контовскій позитивизмъ. Но рѣчь объ идеалахъ послѣдняго и о вѣроятномъ влияніи ихъ на искусство завела бы насъ слишкомъ далеко. Мы предпочитаемъ остаться на исторической почвѣ, гдѣ позитивизмъ гораздо сильнѣе, и сказать нѣсколько словъ о статьяхъ, посвященныхъ

Литтрé браманнизму и буддизму, и въ которыхъ французскій ученый обсуждаетъ вопросъ о естественномъ происхожденіи древнихъ религій, по поводу сочиненія Колебруна объ индійской философіи, переведеннаго на французскій языкъ оріенталистомъ Потье, и сочиненія Бюрнуфа—о буддизмѣ. Мы пропускаемъ нѣсколько остроумныхъ замѣчаній объ исторіи индо-европейскихъ языковъ, удачныя параллели между политеизмомъ и монотеизмомъ, и, предполагая извѣстными читателю фактическую сторону браманнизма и буддизма и необычайное распространеніе послѣдняго въ Азіи, гдѣ число буддистовъ превышаетъ число римскихъ католиковъ въ цѣломъ мірѣ (римскій католицизмъ—самое распространенное изъ христіанскихъ исповѣданій), обращаемся прямо къ основной мысли французскаго ученаго. Немногія вѣрованія, говоритъ онъ, основаны на такомъ маломъ числѣ догматовъ, какъ буддизмъ, по крайней мѣрѣ древній буддизмъ, такъ какъ естественное теченіе вещей видоизмѣнило его въ разныхъ странахъ и передало иной буддизмъ, въ которомъ теологическіе вымыслы совершаютъ съ самыми сложными измышленіями новѣйшаго браманнизма. Но первоначальный буддизмъ заключался почти весь въ простыхъ нравственныхъ правилахъ; достаточно было вѣрить въ Будду, какъ человѣка, достигшаго высшей степени разума и добродѣтели, и въ то, что онъ долженъ служить каждому образцомъ чистой жизни. Такая религія довольствуется очень простымъ культомъ, и дѣйствительно, нѣтъ ничего проще того культа, который былъ предписанъ народу буддистскимъ закономъ. Религіозные обряды состоятъ въ поднесеніи цвѣтовъ и благовоній, сопровождаемомъ музыкой, пѣніемъ и молитвами. Буддисты должны были поклоняться лишь изображенію Будды и зданіямъ, въ которыхъ хранились частицы костей его. Буддизмъ не представляетъ и слѣда кровавыхъ жертвъ, или жертвоприношеній божеству при посредствѣ огня: во-первыхъ, самое основное правило буддистской нравственности запрещаетъ убивать что бы то ни было живое; во-вторыхъ, буддизмъ отвергаетъ ученіе Ведъ, по которому боги питаются жертвами, предаваемыми огню, ихъ вѣстнику на землѣ. Эта послѣдняя мысль принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ религіозныхъ представленій, и буддистская мораль противо-дѣйствовала ей самымъ рѣшительнымъ образомъ. И, однакоже, несмотря на свои истинно-нравственныя стремленія, несмотря на свое цивилизующее вліяніе, буддизмъ былъ остановленъ въ своемъ начиніи умственнымъ уровнемъ той среды, гдѣ онъ дѣйствовалъ; мистическія представленія размножались въ ней, какъ чужеродныя растенія, и вся свойственная ему двигающая сила была потрачена на ненужныя дополненія и придѣлки къ первоначальному ученію. Какъ всѣ древнія религіи, буддизмъ не могъ самъ по себѣ перейти за извѣстный пре-

дѣла развитія, гдѣ начинается положительное, научное знаніе. Известно, что древній греко-римскій міръ постоянно скорбѣлъ о пере-
мѣнахъ, подкапывавшихъ его политическія и религіозныя учрежденія,
и всегда обращался къ прошедшему, когда стремился возстановить
свои развалины. Новый міръ, напротивъ, смотритъ впередъ и, не
усиливаясь возвратиться вспять, обдуманно отдается несущему его
теченію. Вѣра въ прошедшее или вѣра въ будущее глубоко отли-
чаютъ древнія времена отъ новыхъ. Древнія религіи прикованы къ
своему происхожденію, то-есть къ преданію и священнымъ книгамъ;
онѣ, конечно, до нѣкоторой степени растяжимы, но только до нѣко-
торой степени. Пока эта степень еще не достигнута, религіи благо-
приятствуютъ общественному развитію, въ которомъ участвуютъ и
онѣ; но какъ скоро преданія и книги начинаютъ расходиться съ
парожающимися вновь идеями, когда эта по необходимости непо-
движная, неизмѣнная основа ихъ приходитъ въ столкновеніе съ эле-
ментами измѣняющимися и прогрессивными, тогда религіи отстаютъ
отъ всего, неподвижно оставаясь у памятниковъ своего происхожде-
нія. Или, когда подлѣ нихъ не существуетъ научнаго элемента, когда
этотъ непріятель не нападаетъ на нихъ въ собственной ихъ области,
онѣ дряхлѣютъ сами по себѣ и теряютъ въ пустыхъ теологическихъ
соображеніяхъ всю ту движущую общественную силу, которую имѣли
прежде. Это послѣднее обстоятельство случилось съ буддизмомъ. Его
теологическія понятія не подверглись нападенію въ ихъ сущности,
они не столкнулись съ положительными научными понятіями, за не-
достаткомъ послѣднихъ; но явилась другая опасность, и буддизмъ
погрузился въ безпредѣльный туманъ мистологическихъ измышленій.
Такимъ образомъ, религія, отличавшаяся въ столь высокой степени
своимъ нравственнымъ характеромъ, встрѣтила даже и въ области
морали предѣлъ, за который она не могла перешагнуть, и кончила
тѣмъ, что опять опустилась ниже этого предѣла. Этотъ великій при-
кѣръ могъ бы служить новымъ доказательствомъ необходимаго соот-
ношенія между моралью и общественной культурой. Часто указывали
на глубокія отличія, даже на противоположности, представляемыя въ
этомъ отношеніи народами, вѣками и странами; краснорѣчивыя фразы
были внушены этою легкою тѣмой; но это только звонкія слова и,
можно сказать, софизмы, если софизмъ состоитъ въ пользованіи, по
известному вопросу, лишь одною половиною относящихся къ нему
фактовъ. Въ вопросѣ, который насъ теперь занимаетъ, обыкновенно
оставляютъ въ сторонѣ общественныя условія, и полагаютъ, что мо-
раль произвольна, потому что измѣнчива. Она не произвольна, она
относительна, и измѣнчивость присуща ей именно въ силу ея отно-
сительности. Нѣтъ общества, которое стояло бы такъ низко, чтобы

не имѣть хотѣ зачатковъ морали. Сенека высказалъ глубокую мысль: „природа дала намъ зародыши науки,—не самую науку“. То же самое надо сказать и о морали, зародыши которой растутъ и развиваются путемъ такого же процесса. Вотъ объясненіе этой замѣчательной измѣнчивости; оно показываетъ, что еще нѣтъ дѣйствительной исторіи этого разряда фактовъ; вотъ объясненіе, почему религіи, имѣющія истинно моральную цѣль, дѣлаются бессильными и вредными даже въ нравственномъ смыслѣ, когда культура опережаетъ ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Среда, въ которой зарождается религіозное или политическое учрежденіе, продолжаетъ Литтрѣ, неизмѣнно давать ему свой отпечатокъ. Такова преемственность вещей, безъ которой исторія была бы непонятна и представляла бы безсвязное собраніе случайностей. Чтобъ объяснить буддизмъ, надо обратиться къ браманизму. Основное ученіе браманизма есть метемпсихоза, ученіе о переселеніи душъ. По этому ученію, природа представляетъ непрерывный обихъ существованій, и міръ есть нѣчто въ родѣ громаднаго механизма, который непрерывно перерабатываетъ въ своихъ машинахъ субстанціи и формы. Все возрождается для того, чтобы погибнуть, все погибаетъ для возрожденія. Мысль о переселеніи душъ была внушена, конечно, созерцаніемъ органической природы. Въ ней, въ этой природѣ, дѣйствительно бросается въ глаза безконечное круговращеніе составныхъ элементовъ. Растенія служатъ для питанія животныхъ; животными, въ свою очередь, питаются плотоядные виды, и всѣ вмѣстѣ, растенія и животныя, когда угасаетъ въ нихъ жизнь, смѣниваютъ свои останки съ общей всѣмъ землей и возвращаютъ ей необходимое для пропитанія смѣняющихся поколѣній. Это великое явленіе должно было внушить размышляющимъ умамъ предположеніе о переселеніи душъ, а въ древнѣйшія времена всякое космологическое предположеніе естественно проявлялось въ видѣ религіознаго вѣрованія. Страхъ новой жизни постоянно озабочивалъ индійскія ученія. По этимъ ученіямъ, награды и наказанія, ожидающія человѣка послѣ смерти, не безконечны; время упраздняетъ заслугу добрыхъ дѣлъ и изглаживаетъ грѣхъ дурныхъ; неумолимый законъ возрожденія возвращаетъ на землю и праведнаго, и грѣшнаго, чтобы вновь подвергнуть ихъ испытанію и провести ихъ черезъ новый рядъ превращеній. Освободиться отъ этой роковой необходимости, выдти наконецъ изъ налагаемыхъ ею непрерывно измѣняющихся условій—такова цѣль браманизма, такова и цѣль буддистовъ. Но первый ожидаетъ полного, окончательнаго поглощенія жизни въ единомъ Брані, сущность котораго поглощаетъ міръ и человѣка; Будда же выразилъ то же понятіе туманнымъ словомъ *нирвана*, означающимъ прекра-

женіе жизни, уничтоженіе. Такимъ образомъ, браманизмъ внушилъ буддизму основную его мысль; но однимъ господствующимъ въ немъ словомъ—*мирена*—опредѣлилось его метафизическое направленіе. Въ непрерывной связной цѣпи религиозныхъ мнѣній нѣтъ ничего случайнаго; вездѣ вы видите необходимую преемственность. Эти мнѣнія представляютъ связную цѣпь посылокъ и выводовъ. Имѣя дѣло съ древними книгами, дѣлая лишь объясненія и выводы, человѣческій умъ любить эту логическую работу, и его выводы являются формулами, совокупность которыхъ составляетъ догматику древнихъ религій. Сравненіе съ положительными науками выяснитъ какъ нельзя лучше настоящее свойство этой умственной работы. Въ наукахъ, точками отправленія для всякаго умозрѣнія служатъ факты, наблюденія, опыты; теорія должна признать ихъ, подчиниться имъ и дѣлать изъ нихъ правильные выводы. Напротивъ, въ древнемъ теологическомъ умозрѣніи мѣсто фактовъ занимаютъ тексты; и точно такъ же, какъ научные факты порождаютъ, путемъ логическаго мышленія, тѣ точныя ученія, которыя называются науками,—изъ древнѣйшихъ теологическихъ текстовъ возникаютъ, путемъ того же логическаго процесса, тѣ догматическія ученія, которыя мы называемъ браманизмомъ, буддизмомъ, зороастризмомъ и т. д. Въ обоихъ случаяхъ работаетъ умъ человѣка, и оттого въ обоихъ случаяхъ идеи тѣсно связаны между собою и зарождаются въ опредѣленномъ порядкѣ.

Доктрина, которой придерживается Литтрэ и во главѣ которой онъ стоитъ уже много лѣтъ, даетъ ему опредѣленную руководящую нить для объясненія разнообразныхъ историческихъ явленій. Она позволяетъ ему ориентироваться въ разныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности: въ литературѣ, искусствѣ, религіи. Съ точки зрѣнія этой доктрины, онъ всегда можетъ прослѣдить родословную даннаго явленія; безъ этого онъ даже и не приступаетъ къ его объясненію. Ясный и методическій умъ ученаго имѣетъ въ этой доктринѣ твердую точку опоры и опредѣленные научныя цѣли. Вы можете спорить противъ доктрины, но отнюдь не противъ того примѣненія, которое даетъ ей французскій ученый. Онъ неуязвимъ и несокрушимъ въ ея примѣненіи и выясненіи. Всѣ философскіе, историческіе и литературные вопросы, о которыхъ онъ писалъ, стройно и систематически подведены имъ подъ главные основанія „Курса Положительной Философіи“ Конта. Это ученый, вооруженный якоремъ и компасомъ, съ которыми онъ можетъ безопасно, но осторожно, плыть по широкому морю всемірной исторіи, и которыми снабжены далеко не всѣ ученые.

За примѣромъ ученаго безъ коннаса и явора ходить недолго. Еслибы мы нарочно стали искать такого контраста, то и тогда не могли бы найти ничего лучшаго, чѣмъ тотъ примѣръ, который доставленъ намъ случаемъ. Недавно приступилъ къ изданію своихъ сочиненій другой французскій ученый, Филаретъ Шаль; первый томъ этого собранія передъ нами въ настоящую минуту. Имя Филарета Шала не пользуется у насъ особеннымъ почетомъ; но это нисколько не мѣшаетъ ему быть хорошимъ филологомъ, какъ и Литтрé, и знатокомъ исторіи литературы. Всѣ главнѣйшія литературы міра, въ ихъ историческомъ движеніи, извѣстны ему на родныхъ своихъ языкахъ. Онъ читаетъ грека—по-гречески, еврея—по-еврейски, римлянина—по-латыни; литературы: итальянская, испанская, англійская, нѣмецкая и французская изучены имъ на основаніи прямыхъ и подлинныхъ источниковъ. Можетъ быть, масса его знаній по исторіи литературы даже превышаетъ знанія Литтрé. Но эта масса фактическихъ знаній, безъ основной, руководящей философской мысли, дѣлаетъ изъ его сочиненій или блестящій, иногда ослѣпительный калейдоскопъ, въ которомъ разнообразнѣйшія явленія перемишаны между собою безъ внутренней связи, или красивую панораму, въ которой изображенія отдѣльныхъ явленій исторіи проходятъ передъ вашими глазами одно за другимъ, не освѣщенные никакою общей идеей. Первому тому своихъ сочиненій Филаретъ Шаль предпослалъ, на сотни страницъ, общій очеркъ исторіи литературы, который, по его мысли, долженъ служить связующею нитью между слѣдующими затѣмъ отдѣльными статьями и монографіями по исторіи всевозможныхъ литературъ. Но напрасно стали бы вы искать въ этомъ бѣгомъ очеркѣ чего-нибудь похожаго на научный анализъ явленій, на подведеніе ихъ подъ извѣстные законы историческаго развитія. Это настоящая историко-литературная фантасмагорія, въ которой много блесковъ, много удачныхъ и красивыхъ частей, нѣсколько мѣстъ особенно выдающихся счастливымъ освѣщеніемъ, но очень мало похожаго на общую мысль, на выясненіе законовъ историческаго развитія. Этотъ очеркъ плѣняетъ вашъ глазъ и ваше воображеніе, но мало говоритъ вашему уму. Это рядъ непрерывно смѣняющихся явленій, безъ объясненія ихъ историческихъ причинъ; быстрота, съ которой дѣйствуетъ этотъ калейдоскопъ передъ вашими глазами, иногда способна причинить вамъ головокруженіе. И однако же, вы очень ошибетесь, если пренебрежете этимъ авторомъ и не дочитаете его до конца. Не только въ знаніи, которое у него обширно, но и въ талантѣ отказать ему невозможно; но это талантъ внѣшній, чисто-литературный, въ тѣсномъ смыслѣ слова, и умъ не глубокій, не аналитическій; авторъ умѣетъ схватывать и мѣтко обрисовывать исто-

рическихъ эпохи, не углубляясь въ ихъ причины и взаимную связь. Таковъ его общій очеркъ исторіи литературы, таковы и сопровождающіе этотъ очеркъ отдѣльные изслѣдованія о переводчикахъ Гомера, объ Эврипидѣ и Расинѣ, объ Аристотелѣ, о греческихъ женщинахъ и гетерахъ, о Цидеронѣ, Виргиліѣ и его переводчикахъ, объ Іосифѣ Флавіѣ, о библіи и ея переводчикахъ, о языкахъ тевтонскихъ и латинскихъ. Всѣ эти монографіи, вошедшія въ первый томъ сочиненій Филарета Шаля, подъ общимъ заглавіемъ: „l'Antiquité“, предполагаютъ большой предварительный трудъ, близкое знакомство съ источниками и новыми изслѣдованіями по филологіи и исторіи литературы. Мы остановимся на монографіи о греческихъ женщинахъ, потому что она отлично характеризуетъ приемы автора, сравнительно съ приемами Литтрэ.

Вотъ основная мысль Филарета Шаля: во времена, живое изображеніе которыхъ даетъ намъ гомерическій эпосъ, женщина была свободна; она пользовалась большимъ вліяніемъ и почетомъ и въ семьѣ, и на площади; но аѳинская демократія, доставившая мужскому полу исключительное господство на площади и въ общественныхъ дѣлахъ, пеработила женщину, отстранила ее отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, заперла ее въ тѣсномъ кругу домашняго хозяйства и надзора за работами. Свободной женщинѣ гомерическаго эпоса авторъ рѣзко противопоставляетъ женщину-рабыню позднѣйшихъ временъ. Читая объ этомъ превращеніи въ монографіи Филарета Шаля, вы не видите никакой исторической связи между этими двумя положеніями женщины; превращеніе совершается какъ-бы внезапно, безъ всякихъ посредствующихъ ступеней; женщина-рабыня вдругъ и безсвязно смѣняется прежнюю свободную женщину. Фактически авторъ совершенно правъ; но историческое объясненіе этого явленія блещитъ у него своимъ отсутствіемъ и замѣняется интересными и живыми картинами изъ женскаго быта въ двѣ различныя эпохи греческой исторіи. Еслибы Литтрэ коснулся этого предмета, то можно заранѣе сказать, что онъ искалъ бы въ положеніи женщины гомерическихъ временъ начатковъ ея позднѣйшаго несвободнаго положенія, которые только развились съ теченіемъ времени. И онъ непременно нашелъ бы ихъ, потому что они очевидны для всякаго, кто прочелъ со вниманіемъ „Иліаду“ и „Одиссею“. То, что Филаретъ Шаль называетъ свободой женщины въ гомерическое время, было не болѣе какъ слѣдствіемъ непосредственной простоты нравовъ, свойственной героическимъ эпохамъ, слѣдствіемъ еще не сложившагося, не установившагося быта, элементы котораго находились, такъ сказать, еще въ бродячемъ состояніи. Но зародки будущаго зависимаго положенія и ограниченнаго домашнимъ хозяйствомъ круга интересовъ, который былъ отведенъ женщинѣ

впослѣдствіи, мы находимъ и въ Еленѣ, и въ Пенелопѣ, и даже въ той Навзикаѣ, свободою которой такъ очарованъ авторъ. Уже одна ссора Агамемнона съ Ахиллесомъ изъ-за красавицы Бризеиды, которая переходитъ между ними изъ рукъ въ руки, какъ вещь, какъ добыча, съ безропотной и страдательной покорностью неодушевленнаго предмета, показываетъ, что и гомерическое время отнюдь не отличалось сознательнымъ уваженіемъ къ женской личности. Впослѣдствіи жизнь усложнилась, со всѣми ея стремленіями и интересами; прежила простота нравовъ должна была уступить своеобразной культурѣ, подъ влеченіемъ которой первый опытъ определенной гражданской постановки женскаго пола былъ такъ тяжелъ для послѣдняго. Эта постановка женщины въ греческомъ мірѣ вытекала исторически изъ всего склада эллинской жизни и эллинскихъ понятій, корни которыхъ лежатъ въ гомерической эпохѣ, и самъ авторъ приписываетъ потомъ нравственное освобожденіе женщины, ея идеальное возвышеніе только прямому вліянію христіанства. Какимъ же образомъ могло оно предшествовать афинской образованности?

Такова существенная разниа въ отношеніяхъ двухъ ученыхъ къ изслѣдуемымъ ими явленіямъ. Преобладаніе фантазіи и отсутствіе системы у одного изъ нихъ доводитъ его до забвенія исторической преемственности и связности хотя бы однородныхъ явленій, тогда какъ другой всегда отыскиваетъ и умѣетъ находить ее въ фактахъ, повидимому, разнородныхъ. Эти особенности проходятъ красною ниткой по всѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ того и другого. Но если объясненіе явленій изъ естественныхъ и историческихъ причинъ болѣею частью слабо у Филарета Шала, если у него нѣтъ философскаго синтеза, который онъ охотно замѣняетъ яркой игрой живого воображенія, то самые факты знакомы ему какъ нельзя лучше. Его замѣтки о значеніи гетеръ въ греческой жизни, по обилію фактовъ, яркости красокъ и живости изложенія, читаются съ большимъ интересомъ.

Еще болѣе серьезный упрекъ приходится сдѣлать автору по поводу двухъ его изслѣдованій о Цицеронѣ, какъ писателѣ, ораторѣ и политическомъ человѣкѣ. Въ молодые годы, когда человѣкъ посвященъ и посвободѣнъ отъ авторитетовъ и ходячихъ мнѣній, Филаретъ Шаль написалъ горячую и живую характеристику знаменитаго римлянина, въ которой, преклоняясь передъ его литературнымъ и ораторскимъ талантомъ, онъ доказывалъ цѣлымъ рядомъ фактовъ слабость, двуличность и ничтожество его политическаго характера. Издавалъ теперь вновь эту характеристику въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, состарѣвшійся авторъ нашелъ нужнымъ озаглавить это изслѣдованіе словами: „Парадоксъ противъ Марка Туллія Цицерона“ и снабдить

его дополненіемъ, въ которомъ совѣтуетъ исторіи начертать на могилѣ Цицерона слова Августа: „Это былъ великій ораторъ и добрый гражданинъ, который очень любилъ свое отечество“. Совѣтъ странный самъ-по-себѣ, но еще болѣе странный, когда ему предпосланъ грѣхъ юности — блестящая и ѣдкая критика нравственныхъ побужденій и практической дѣятельности того же римскаго оратора. Недержанность нравственнаго критерія и мысли у автора особенно бросается тутъ въ глаза; она-то и привела его къ тому пошловатому выводу, который мы передали сію минуту. Потратить на подобный выводъ столько знанія, начитанности и хотя бы внѣшняго литературнаго таланта, закончить имъ свои изслѣдованія и, такъ-сказать, свою жизнь — какая неблагоприятная, безплодная работа!

Несмотря на глубокое различіе между Литтрэ и Филаретомъ Шалемъ въ основныхъ свойствахъ ума и приемахъ изслѣдованія, у нихъ есть одна общая черта, которой нельзя не отдать справедливости. Оба они всего менѣе выставляютъ на первый планъ свою личность, оба прямо начинаютъ собраніе своихъ сочиненій съ самыхъ сочиненій. Этому примѣру очень понятной и достойной всякаго уваженія скромности не послѣдовалъ нѣмецкій мыслитель новѣйшихъ временъ, Эдуардъ Гартманнъ. Онъ тоже предпринялъ изданіе своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: „Собраніе изслѣдованій и статей общепонятнаго содержанія“, въ восьми выпускахъ, изъ которыхъ первый вышелъ въ январѣ мѣсяцѣ. Въ это собраніе войдутъ статьи смѣшаннаго содержанія, эстетическія изслѣдованія, статьи по части натурфилософіи, и замѣтки о „тройственномъ созвѣздіи философіи текущаго вѣка“: Шеллингъ, Гегель и Шопенгауеръ. Въ первомъ выпускѣ помѣщены пока только статьи о научной полемикѣ, о Лейбницѣ, какъ практическомъ оптимистѣ, и о борьбѣ между церковью и государствомъ. Но авторъ, которому едва исполнилось тридцать-четыре года, нашелъ нужнымъ многозначительно предпослать первому выпуску нѣчто въ родѣ автобіографіи, подъ названіемъ: „Ходъ моего развитія“, и длинный перечень отзывовъ, посвященныхъ его системѣ нѣмецкими философскими, евангелическо-теологическими, католическо-теологическими, литературными журналами и критиками, а также критикой иностранной. Всѣ эти голоса изъ самыхъ разнообразныхъ лагерей, разумѣется, сводятся къ одному голосу, громко свидѣтельствующему о томъ, что Эдуардъ Гартманнъ, каковы бы ни были недостатки его системы, — большой талантъ и провозвѣстникъ, быть можетъ, недалекаго будущаго. Самъ Гартманнъ приписываетъ этимъ отзывамъ нѣкоторый литературный интересъ; но намъ, со стороны, какъ-то странно видѣть писателя, тоже усердно собирающаго и издающаго съ собра-

ніемъ своихъ сочиненій и лестные критическіе отзывы объ его талантѣ. Пріемъ нѣсколько грубый, и тѣмъ менѣе понятный, что Гартманнъ уже давно пользуется большою извѣстностью и что самое крупное изъ его сочиненій, которое не войдетъ въ это собраніе, — извѣстная „Philosophie des Unbewussten“ — въ короткое время пережило шесть изданій и недавно вышло седьмымъ. Ясно, что ближайшей причиной къ воспроизведенію этихъ, тщательно сгруппированныхъ авторомъ отзывовъ, было его убѣжденіе въ собственномъ величій и въ такой универсальности своей доктрины, которая дѣлаетъ ее болѣе или менѣе сочувственной и свободному мыслителю, и протестантскому, и католическому теологу, и публицисту. Какъ образчикъ собранныхъ Гартманномъ отзывовъ, приводимъ слова доктора ванъ-Остерзее, профессора теологіи въ Утрехтѣ:

„Подобно Штраусу и многимъ другимъ, — говоритъ ученый теологъ, — Гартманнъ является не только продуктомъ, но и органомъ своего времени, кровозвѣстникомъ, быть можетъ, не столь отдаленнаго будущаго. Этими словами я провозглашу такое обвиненіе; но я могу подкрѣпить ихъ доказательствами. Наше время, въ своемъ общемъ характерѣ, хочетъ во что бы то ни стало покончить съ христіанствомъ. Не столько съ той или другой церковной или теологической его формой, не столько съ тѣмъ или другимъ догматомъ или нравственнымъ требованіемъ, но именно съ тѣмъ, что, по общему убѣжденію, составляетъ корень и сущность христіанства. Но, обращаясь къ Гартманну, мы имѣемъ передъ собою — и уже это одно достойно вниманія — не эмпирическаго, а спекулятивнаго мыслителя, который, по крайней мѣрѣ по собственному его мнѣнію, придавливаетъ насъ всѣмъ своимъ вѣсомъ; не дарвиниста, а неизмѣннаго противника матеріализму или механизму какого-нибудь Фогта, Бюхнера, Геккеля и др.; не атеиста, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, а мыслителя, который познаетъ въ природѣ, хотя и бессознательный, духъ, и даже не возстаетъ противъ слова — Провидѣніе; наконецъ, передъ нами не поверхностный оптимистъ, а глубокомысленный пессимистъ, который не страшится созерцать безтрепетнымъ взоромъ величайшія беды грѣха и нравственнаго паденія. Что подобныя его стремленія не остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, уже доказано сочувствіемъ, съ которымъ многія тысячи людей отнеслись въ нашу реалистическій вѣкъ къ его „Философіи бессознательнаго“. Конечно, столь рѣдкій успѣхъ отчасти объясняется относительно яснымъ, нѣрѣдко изысканнымъ изложеніемъ: авторъ говоритъ не съ кафедръ и не мудренымъ языкомъ, понятнымъ только для немногихъ избранныхъ, а публично, передъ всѣмъ образованнымъ міромъ, какъ ревностный за-

цетники новаго міровоззрѣнія, которому, независимо отъ его вѣрности или ошибочности, нельзя отказать въ грандіозномъ характерѣ".

Гартманнъ нашелъ нужнымъ предпослать собранію своихъ сочиненій десятки подобныхъ отзывовъ. Какъ египетскіе фараоны, онъ живо складываетъ себѣ изъ нихъ высокую пирамиду. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ пуримъ, но эта часть перваго выпуска сочиненій Гартманна представляется намъ совершенно нагашней и грубоватой по намѣренію, съ которымъ она придѣлана авторомъ. Мы и не станемъ дольше останавливаться на ней, а перейдемъ къ самой любимой части перваго выпуска—къ автобіографіи оригинальнаго нѣмецкаго мыслителя. Эта автобіографія написана первоначально для журнала „Gegenwart“, редація котораго издава автобіографіи другихъ извѣстныхъ писателей. Но Гартманнъ не ограничился скромнымъ сообщеніемъ вѣдѣнныхъ фактическихъ свѣдѣній о своей жизни, а распространился и о своей домашней обстановкѣ, и о своихъ личныхъ вусахъ и о своихъ занятіяхъ, съ цѣлью, говоритъ онъ, опровергнуть нападки цеховыхъ ученыхъ, усматривающихъ въ немъ недоучившагося и безпомощнаго самоучку. Такъ какъ въ чужихъ отзывахъ, только что приведенныхъ самимъ авторомъ, нѣтъ ничего похожаго на такое о немъ мнѣніе, то остается предположить, что онъ имѣетъ въ виду мнѣнія не напечатанныя, но тѣмъ не менѣе затрогивающія его самолюбіе. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что Гартманнъ—обстоятельство, неслыханное въ Германіи—обошелся безъ обычнаго университетскаго курса; онъ проникъ черезъ низшую школу, черезъ гимназію, и тѣмъ закончилъ свои учебные годы. Но прежде всего этого онъ, разумеется, долженъ былъ родиться на свѣтъ, и вотъ какъ начинается онъ свою автобіографію: „Въ 1842 году жилъ въ Берлинѣ, въ Linienstrasse, № 112, полковникъ артиллеріи. 23-го февраля, жена его разрѣшилась отъ бремени, при помощи своего отца, доктора медицины Дозе, здоровеннымъ мальчикомъ, который былъ названъ при крещеніи Карломъ-Робертомъ-Эдуардомъ и долженъ былъ остаться единственнымъ плодомъ этого брака“. Въ такомъ приблизительно тожѣ написана автобіографія, и читатель увидитъ ниже, что она и заканчивается точно такъ же. Мы приведемъ изъ нея только то, что можетъ имѣть общій интересъ, напримѣръ, воспоминанія Гартманна о пройденномъ имъ гимназическомъ курсѣ, о кваленой нѣмецкой средней школѣ: „Въ оберсесундѣ,—говоритъ онъ,—я получилъ у профессора Саломона первыя и послѣднія основательныя познанія въ латинской грамматикѣ, потому что въ примѣ я уже не могъ ничего прибавить къ моимъ познаніямъ въ латинскомъ языкѣ, вромѣ совсѣмъ ненужной сноровки въ склеиваніи такъ-называемыхъ сочиненій изъ ццероновскихъ фразъ, причеиъ всякая попытка построить предло-

женіе согласно собственному своеобразному теченію мыслей строжайше воспрещается, какъ самое тяжкое преступленіе. Зато и мнѣ, и 99%, всѣхъ учениковъ, совсѣмъ недоставало въ секундѣ живого интереса къ содержанію читаемыхъ иностранныхъ классиковъ, — интереса, который искореняется въ зародкѣхъ отчасти самымъ этимъ содержаніемъ (по смыслу оно чисто историческое, или такъ узко и ничтожно, какъ въ большинствѣ сочиненій Цицерона), отчасти филологическо-грамматическимъ отношеніемъ къ нему. Къ латинскимъ классикамъ я не получилъ живого интереса и въ примѣ, за однимъ только исключеніемъ десятой книги „Institutiones“ Квинтилиана, привлекавшей меня своимъ литературно-историческимъ содержаніемъ... „Въ цѣломъ, школа дѣйствовала на меня какъ гнетущее бремя, и я былъ далекъ отъ того, чтобы, подобно товарищамъ, сносить это бремя терпѣливо и безъ разсужденій; напротивъ, я часто возмущался противъ системы обученія, которая была во многихъ отношеніяхъ очевидной тратой времени, въ другихъ же требовала усиленія такихъ знаній, отъ которыхъ я въ то время не могъ ожидать ни малѣйшей пользы; въ примѣ требовалось, напримѣръ, ежемѣсячное заучиваніе одной церковной пѣсни. Я и всегда былъ полуглѣнъ, не имѣя охоты заниматься большинствомъ преподаваемыхъ предметовъ и зная по опыту, что я тѣмъ не менѣе не отстаю отъ другихъ; но съ оберсекунды я сталъ совсѣмъ глѣнъ изъ систематическаго неудовольствія на ненавистную школьную ферулу и по желанію имѣть часы отдыха совершенно свободными для такихъ занятій, къ которымъ у меня лежало сердце. Кромѣ сочиненій, я приготовлялъ всѣ мои школьныя работы во время другихъ уроковъ, или ихъ дѣлали для меня товарищи... Это естественно возбуждало зависть болѣе прилежныхъ учениковъ, которые глухо негодовали также на мое смѣлое свободомысліе, на мое неуваженіе къ признаннымъ авторитетамъ. Мои мечты объ искусствахъ (музыкѣ и живописи) казались имъ вздорными, а нежеланіе участвовать въ ихъ разговорахъ въ свободныя часы нетоварищескимъ. Все это вмѣстѣ дѣлало то, что въ школѣ меня любили мало, и положеніе мое было довольно изолированное... По окончаніи курса (осенью 1858 года), „когда я отправился домой съ аттестатомъ въ карманѣ, это былъ счастливейшій часъ моей жизни; мнѣ было такъ безконечно легко и свободно на душѣ при мысли, что я наконецъ избавился отъ школьнаго гнета, который становился для меня все болѣе и болѣе нестерпимымъ. Какъ часто уже было высказано замѣчаніе, что наши непріятнѣйшіе сны возвращаютъ насъ въ положеніе пристыженнаго ученика: возможна ли болѣе бьющая критика, чѣмъ такой приговоръ ученическаго сознанія? Мнѣ было такъ хорошо, точно я пробудился отъ подобнаго многолѣтняго мучительнаго сна,

или даже въ тысячу разъ лучше, такъ какъ я зналъ, что все это была вполне реальная дѣйствительность, отъ которой я теперь навсегда освободился”.

Окончившему курсъ гимназисту было всего шестнадцать лѣтъ, и никто, конечно, не предсказалъ бы, что этотъ беспокойный юноша, столь негодующій на школьную форму, найдетъ для себя нѣкоторую пристань въ военной службѣ. Но не одна только школа, какъ мы сейчасъ видѣли, а также и люди естественно носятъ въ Германіи свой особенный, національный отпечатокъ, который многіе такъ напрасно стараются позаимствовать отсюда для русской школы и русскихъ людей. Гартманнъ замѣчаетъ, что по выходѣ изъ гимназіи у него не было и мысли о поступленіи въ университетъ, такъ какъ на нѣкоторое время онъ былъ пресыщенъ школьными занятіями. „Я стремился къ какой-нибудь опредѣленной и обязательной дѣятельности,—говоритъ онъ,—которая оставляла бы мнѣ довольно свободнаго времени, чтобы съ успѣхомъ заниматься въ качествѣ дилетанта искусствами и науками..... Кромѣ того, меня удаляло отъ университета отвращеніе моего уже развитаго эстетически вкуса къ студенческой грубости и дикости, къ попойкамъ и безобразіямъ. Въ сравненіи съ ними, тонъ молодыхъ офицерскихъ кружковъ казался мнѣ изящнымъ, хотя я рано имѣлъ случай узнать и нѣкоторыя ихъ темныя стороны. Военная жизнь была съ дѣтства хорошо знакома мнѣ по моему отцу, и плацъ, на которомъ производилась артиллерійская стрѣльба, часто бывалъ мѣстомъ моихъ праздничныхъ игръ. Въ прусскомъ милитаризмѣ я видѣлъ съ благоговѣйнымъ удивленіемъ весьма искусно созданный организмъ, въ которомъ строжайшая подчиненность является необходимымъ средствомъ для достиженія цѣли, а я былъ въ достаточной мѣрѣ философъ, чтобы знать, что разъ сознанныя необходимость не можетъ быть и въ конкретныхъ случаяхъ ощущаема какъ внѣшнее принужденіе. Положеніе офицера, даже и при соединенномъ съ нимъ отъ времени до времени большомъ напряженіи силъ, представляетъ, казалось мнѣ, въ общемъ итогѣ, достаточно желаннаго досуга, а служба артиллериста отвѣчала моимъ математическимъ и естественно-историческимъ склонностямъ. Словомъ, я думалъ, что въ качествѣ солдата всего лучше могу сдѣлаться *дальнимъ человекомъ* во всѣхъ отношеніяхъ”.

Эта смѣсь научныхъ и эстетическихъ вкусовъ съ чисто-военными можетъ удивить многихъ читателей, но дѣло въ томъ, что авторъ чуждъ своей страны и своего времени. Такова современная Германія, таковы и лучшіе ея представители. Гартманнъ оставался въ военной службѣ довольно долго, до 1864 года, когда болѣзнь заставила его выйти въ отставку. Въ своей автобіографіи онъ обстоя-

только повѣстовать о томъ, какъ онъ посѣщалъ лекціи артиллерійской школы, какъ были распределены его занятія, въ котороемъ часу онъ обѣдалъ, возвращался домой и пр. Тутъ, между прочимъ, случилось съ нимъ то, чего и слѣдовало ожидать. „Послѣ того,—говорить онъ,—какъ въ моихъ первыхъ попыткахъ посвятить того или другого товарища въ мои идеальныя стремленія, я встрѣтилъ только насмѣшки и пренебреженіе, даже столкнулся съ мнѣніемъ, что съ такимъ вздоромъ въ головѣ никогда нельзя сдѣлаться исправнымъ и лутимъ офицеромъ, я, вонечно, оставилъ мои частныя занятія про себя. Товарищи знали только, что я не участвую въ ихъ удовольствіяхъ и разговорахъ, и очень невысокаго мнѣнія объ ихъ маленькихъ интригахъ. Такимъ образомъ, я просилъ за филистера, и мое положеніе было нелегкое, хотя всѣ постоянно относились ко мнѣ съ уваженіемъ“. Все это время Гартманнъ занимался также музыкой и живописью, и даже написалъ цѣлую оперу, но вскорѣ убѣдился, что на этомъ поприщѣ ему не создать ничего, кромѣ посредственныхъ произведеній, за отсутствіемъ искры творческаго гемія, и предался философіи. „Чѣмъ больше балласта я выбросилъ за бортъ, тѣмъ легче становилась моя ладья,—говорить онъ,—тѣмъ удачнѣе попала она на настоящій фарватеръ; я почувствовалъ ясно, что только теперь, съ возвращеніемъ къ наукѣ, и при томъ въ видѣ свободнаго философскаго мышленія, возвратился къ моему истинному призванію, которое и прежде, но смутно носилось предо мною и было временно осмелено другими, раньше проявившимися склонностями и талантами. Я зналъ теперь, что, имѣя всего 22 года отъ роду, я больше пережилъ и испыталъ, преодолѣлъ больше заблужденій, отстранилъ больше предразсудковъ и постигъ больше иллюзій, чѣмъ многіе образованные люди въ теченіи всей своей жизни, и, не составляя болѣе опредѣленныхъ плановъ для будущаго, бодро принялся за дѣло обработки и изложенія моихъ мыслей въ болѣешемъ объемѣ, чтó я уже дѣлалъ и прежде въ меньшемъ. Такъ началъ я въ концѣ 1864 года мою „Философію безсознательнаго“, со всѣмъ не ожидая, какъ широко развѣтвится у меня подъ руками начатая работа“.

Авторъ подробно объясняетъ далѣе свое самостоятельное положеніе въ философской литературѣ, свою независимость отъ цѣла присяжныхъ философовъ и доктринеровъ, свое безкорыстіе и свободу отъ всякихъ внѣшнихъ цѣлей, и такъ заканчиваетъ свою автобіографію: „Любящая супруга, разумная спутница моихъ идеальныхъ стремленій, господствуетъ въ моей скромной, но пріятной домашней жизни, въ домѣ, который, находясь противъ паркообразнаго берлинскаго ботаническаго сада, соединяетъ въ себѣ пріятности зимняго

и лѣтнего жилища. Въ нашемъ брачномъ союзѣ она представляетъ собою пессимистскій элементъ, относясь скептически въ защищаемому мною эволюціонному оптимизму. У нашихъ ногъ играетъ съ вѣрнымъ четвероногимъ товарищемъ прекрасное цвѣтущее дитя, которое, упражняясь въ согласованіи глаголовъ и именъ существительныхъ, уже дошло до Фихтевскаго принципа „я“, но еще связываетъ его, какъ дѣлалъ и Фихте, съ третьимъ лицомъ глагола. Мои родители, теща и теща и избранный кругъ друзей заботятся о духовномъ разнообразіи и пріятномъ настроеніи нашей жизни, и одинъ философскій другъ сказалъ недавно: „если хочешь опять увидѣть довольныя и веселыя лица, то надо идти къ пессимистамъ!“

У всякой національности свои нравы и своя культура; „въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не ходятъ“, говоритъ русская пословица. Но все же нельзя не замѣтить, при видѣ такого обилія личныхъ подробностей въ автобіографіи молодого человѣка, назначенной для распространеннаго журнала и для собранія его сочиненій, что еслибъ, напримѣръ, у насъ кто-нибудь сдѣлалъ подобную попытку, то она навѣрное была бы встрѣчена дружнымъ смѣхомъ публики и критики. Быть можетъ, это отчасти произошло бы отъ того, что наша жизнь мало установилась, что мы все еще не осѣлись и во всѣхъ отношеніяхъ ищемъ выхода изъ первобытныхъ условій домашняго и общественнаго быта; но, даже независимо отъ такого крупнаго обстоятельства, русскій писатель въ положеніи Гартманна едва ли рѣшился бы упоминать въ своей преждевременной автобіографіи, кто принималъ у его матери, когда она разрѣшилась имъ отъ бремени, и дружно ли живетъ онъ съ своей женой, своимъ тестемъ и тещей. Какой-то особенный тонъ завиднаго, если хотите, но и грубоватаго самодовольства проходитъ черезъ всю разбираемую нами автобіографію; и, повидимому, нисколько не расходится съ установившимися нѣмецкими литературными и домашними нравами. Самодовольство, въ свою очередь, предполагаетъ двѣ черты, указаніе которыхъ такъ и просится къ намъ подъ перо: мы разумѣемъ извѣстнаго рода ограниченность даже такого оригинальнаго и дѣятельнаго ума, какъ Гартманнъ, и безмѣрное самовозвеличеніе, порожденное большимъ успѣхомъ его дѣйствительно замѣчательной философской попытки.

Читателю, вѣроятно, было бы гораздо интереснѣе познакомиться поближе съ этой попыткой, чѣмъ только съ біографіей одного изъ самыхъ крупныхъ современныхъ нѣмецкихъ писателей. Но мы по двумъ причинамъ должны пока остановиться. Во-первыхъ, содержаніе перваго выпуска сочиненій Гартманна не даетъ намъ прямого повода перейти къ его доктринѣ. Во-вторыхъ—и это всего важнѣе—послѣдняя непосредственно касается слишкомъ щекотливыхъ вопросовъ;

означать же какое-нибудь ученіе съ ежеминутными недоумѣками и существенными пропусками очень неудобно, да и не всегда возможно.

В. Корнѣ.

Римъ, 5-го февраля.

ВТОРОЙ ПУНКТЬ ИНСТРУКЦІИ

ИНСПЕКТОРАМЪ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІИ.

Въ маѣ и іюнѣ 1875 года, въ одномъ изъ ближайшихъ къ Петербургу уѣздовъ были произведены испытанія дѣтямъ, окончившимъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ, содержимыхъ какъ на земскія суммы, такъ равно и на средства, даваемые мѣстными сельскими обществами,—результатъ испытаній оказался весьма удовлетворительнымъ: большинство дѣтей получило свидѣтельства о знаніи учебнаго курса начальныхъ училищъ. Независимо отъ этого оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ училищъ дѣти имѣютъ познанія значительно выше программы, изданной министерствомъ народнаго просвѣщенія для испытанія въ знаніи курса начальныхъ училищъ, и что продолженіе для такихъ дѣтей учебныхъ занятій вполне возможно и желательно.

Послѣднее обстоятельство подтвердилось въ исходѣ декабря 1875 г. свѣдѣніями, полученными мѣстною земскою управою отъ тѣхъ учителей и учительницъ, въ школахъ которыхъ производились испытанія весною 1875 г., а именно, что до 80% изъ числа дѣтей, получившихъ свидѣтельства объ окончаніи курса, продолжаютъ посѣщать школы, и что необходимо расширить дальнѣйшій ихъ учебный курсъ. Но какъ это сдѣлать? Вѣроятно для читателя, недостаточно посвященнаго въ подробности этого дѣла, можетъ показаться страннымъ подобный вопросъ: — чего проще — дѣти, несмотря на свои свидѣтельства, продолжаютъ ходить въ школу, слѣдовательно, желаютъ учиться и знать больше; остается, соображаясь съ мѣстными условіями, опредѣлить возрастъ, въ которомъ дѣти, дѣлаясь безусловно необходимыми работниками для своей семьи, уже не могутъ посѣщать школу, опредѣлить программу новаго, дальнѣйшаго курса, расширить

учебныя средства школы — и дѣло сдѣлано! Но на практикѣ оказы-
вается иначе.

Еще до сказанныхъ выше весеннихъ испытаній сама инспекція на-
родныхъ школъ заявила въ училищномъ совѣтѣ, что ею замѣчено, что
въ нѣкоторыхъ школахъ сообщаются дѣтямъ познанія изъ отече-
ственной исторіи, географіи, преподается болѣе широкій курсъ ари-
метики и т. п.; но мнѣнію инспекціи, въ виду успѣховъ учениковъ
въ подобныхъ школахъ, слѣдуетъ заключить, что въ нихъ уже нахо-
дится достаточный элементъ для образованія второго класса, и что
такія училища должны превратиться въ двухклассныя.

Большинство членовъ училищнаго совѣта, не отвергая правиль-
ности приведеннаго инспекціею факта о болѣе широкомъ препода-
ваніи въ указанныхъ ею училищахъ, *энергически возстало противъ*
превращенія этихъ училищъ въ двухклассныя; вообще вопросъ этотъ
вызвалъ оживленные споры, и мнѣніе большинства членовъ училищ-
наго совѣта, въ которомъ приводились доводы и о правѣ одно-
классныхъ училищъ на болѣе широкую программу, по несогласію съ
мнѣніемъ инспекціи, перешло на рѣшеніе губернскаго училищнаго
совѣта, и чѣмъ тамъ дѣло кончится, до сихъ поръ неизвѣстно.

Что же, воскликнетъ читатель, заставило членовъ училищнаго
совѣта не согласиться на устройство при школахъ 2-го класса? Пред-
ставлялся отличный случай устроить для дѣтей, окончившихъ курсъ
въ начальномъ училищѣ, дальнѣйшій правильный курсъ въ предѣ-
лахъ программы 2-го класса, и между тѣмъ предложеніе инспекціи
было отвергнуто? Можно подумать, что большинство членовъ училищ-
наго совѣта враждебно относится къ дѣлу успѣха народнаго обра-
зованія. Но такъ какъ и тѣни подобнаго не существуетъ, то необ-
ходимо уяснить обществу истинное значеніе вышеупомянутаго отказа
и указать на настоящую причину замедленія успѣшнаго развитія на-
шихъ народныхъ школъ.

При сравненіи программы учебнаго курса начальныхъ народныхъ
училищъ съ программой одноклассныхъ и двухклассныхъ сельскихъ
школъ министерства народнаго просвѣщенія, разница, дѣйстви-
тельно, выходитъ значительная.

Само министерство, въ § 1 инструкціи для своихъ училищъ (Вы-
сочайше утвержденной 3-го іюня 1869 г.), ставитъ эти училища выше
училищъ, устраниваемыхъ на основаніи положенія о начальныхъ народ-
ныхъ училищахъ, 25 мая 1874 года:

Министерство говорить:

„Двухклассныя и одноклассныя сельскія училища, открываемыя ми-
нистерствомъ народнаго просвѣщенія, на основаніи высочайше утвер-
жденнаго 29 мая 1869 года мнѣнія государственнаго совѣта, имѣютъ

цѣлю доставить дѣтямъ сельскаго населенія возможность приобрести элементарное образованіе въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ сравнительно съ другими сельскими начальными училищами, устроенными по положенію 25-го мая 1874 года и другимъ соответствующимъ сему положенію узаконеніямъ о начальныхъ училищахъ“.

Предметами учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ: а) законъ божій (краткій катихизисъ и священная исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре дѣйствія ариметики, и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно.

Въ училищахъ же министерства, не только самая программа преподаванія несравненно обширнѣе, но притомъ въ нее входятъ географія, исторія и нѣкоторыя свѣдѣнія изъ естествознанія. Независимо отъ этого, въ двухклассныхъ училищахъ министерства допускается преподаваніе черченія.

Что-же могло остановить членовъ училищнаго совѣта воспользоваться, повидимому, обязательнымъ предложеніемъ со стороны инспекціи расширить начальныя народныя училища до министерскихъ двухклассныхъ школъ?

Ихъ остановило то обстоятельство, что съ учрежденіемъ при одноклассныхъ народныхъ училищахъ втораго класса, таковыя училища изъ емяются изъ вѣдомства училищныхъ совѣтовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняется и всякое отношеніе къ такимъ школамъ какъ земскихъ собраній, такъ и земскихъ управъ, за исключеніемъ ассигновокъ на содержаніе училищъ, и то безъ права контроля.

На основаніи практики, мы пришли къ тому убѣжденію, что только тѣ училища имѣютъ обезпеченную будущность, о которыхъ заботятся или мѣстное общество, или представители его въ лицѣ гласныхъ земскихъ собраній, членовъ земскихъ управъ и членовъ училищнаго совѣта; общество, призванное для ассигнованія средствъ на содержаніе училищъ, будетъ только тогда дѣлать это охотно и въ широкихъ размѣрахъ, когда увѣрено, что ему вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляется и право контроля надъ тѣмъ, какъ будутъ употреблены данныя средства, и будетъ ли достигаться та цѣль, которая предположена обществомъ. Мы твердо убѣждены, что случайность, которая замѣчалась иногда при выборахъ земскихъ представителей, постепенно, съ развитіемъ земскихъ учреждений, перейдетъ въ область преданій.

Въ положеніи о начальныхъ народныхъ училищахъ мы находимъ право самаго широкаго участія и контроля со стороны земства:

Ст. 28. Члены отъ земства избираются въ уѣздные и губерскіе училищные совѣты уѣздными и губерскими земскими собраніями, по принадлежности. Учасники вмѣстѣ съ другими членами въ дѣлахъ совѣта, они обязываются представлять зем-

снимъ собраній ежегодно свидѣнія о состояніи въ уѣздѣ или губерніи народныхъ училищъ, въ содержаніи которыхъ участвуетъ земство.

Послѣдняя статья, конечно, имѣетъ весьма серьезное значеніе; намъ неоднократно пришлось на опытѣ убѣдиться, какъ внимательно и серьезно относятся къ этимъ отчетамъ въ земскихъ собраніяхъ, и сколько препятствій къ развитію народнаго образованія устранилось послѣ правдиваго изложенія тѣхъ мѣръ, которыя требовались для поддержанія его.

Тоже самое положеніе заключаетъ въ себѣ другія хорошія стороны, о которыхъ нельзя не упомянуть.

Первое: управленіе всѣмъ дѣломъ ввѣрено не одному лицу, а коллегіальному учрежденію.

Ст. 11. Народныя училища въ случаѣ безпорядка и вреднаго направленія учебнаго процесса временно по соглашенію предсѣдателя уѣзднаго училищнаго совѣта съ инспекторомъ народныхъ училищъ; окончательное же управленіе такового училища зависитъ отъ рѣшенія уѣзднаго училищнаго совѣта. Рѣшенія о временномъ закрытіи какого-либо училища принимаются не иначе какъ по личномъ предсѣдателя училищнаго совѣта и инспектора народныхъ училищъ удостовѣреніи на мѣстѣ въ происшедшемъ безпорядкѣ или во вредномъ направленіи, принятомъ училищемъ.

Ст. 31. Заглаживая учебною частію въ народныхъ училищахъ, инспекторы обязаны своими замѣчаніями относительно способовъ и приемовъ преподаванія всѣхъ безъ исключенія предметовъ содѣйствовать возможно-лучшему усвоенію оныхъ учащимися. Въмѣстѣ съ тѣмъ онѣ имѣютъ право въ то время, когда нѣтъ засѣданій уѣзднаго училищнаго совѣта, постановлять, въ случаѣ надобности и въ предѣлахъ предоставленной ему власти, рѣшенія, съ обязанностию отдавать отчетъ въ оныхъ предъ совѣтомъ и съ ответственностію за таковыя рѣшенія.

Независимо отъ этого, каждое дѣло можетъ перейти въ апелляціонную инстанцію.

Второе: положеніе преподавателей гарантировано отъ произвола.

Ст. 24. Предсѣдатель уѣзднаго училищнаго совѣта, равно какъ и инспекторъ народныхъ училищъ могутъ устранять неблагонадежныхъ преподавателей отъ исполненія ихъ обязанностей, съ соблюденіемъ правилъ, постановленныхъ въ статьѣ 11 относительно временнаго закрытія училищъ и съ доведеніемъ о принятой мѣрѣ до свѣдѣнія уѣзднаго училищнаго совѣта въ ближайшемъ его засѣданіи, причемъ отъ усмотрѣнія сего совѣта зависитъ окончательное увольненіе такихъ учителей.

Въ заключеніе скажемъ, что министерство въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ прямо высказалось, что весьма важное право—присвоеніе учителя—принадлежитъ преимущественно тѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, на средства которыхъ содержится училище.

Теперь представьте себѣ, что все это исчезаетъ съ превращеніемъ училища въ двухклассное.

На основаніи пункта втораго инструкціи инспекторамъ, 29 октября 1874 г., сельскія двухклассныя училища состоятъ подъ исключительнымъ наблюденіемъ инспекторовъ народныхъ училищъ.

Земствамъ, обществамъ и частнымъ лицамъ, которыя пожелаю бы открыть училище, гдѣ элементарное образованіе приобрѣтается въ болѣе полномъ и законченномъ видѣ, предоставляются слѣдующія права:

§ 6. Двухклассныя и одноклассныя училища открываются министерствомъ народнаго просвѣщенія, по его усмотрѣнію, въ тѣхъ мѣстностяхъ внѣ городовъ, гдѣ земства, общества, учрежденія или частныя лица примутъ на себя обязательства: а) *уступить безвозмездно* или приобрѣсти на свой счетъ для училища *участокъ земли* въ размѣрѣ не менѣе одной десятины; б) *покрывать* изъ своихъ средствъ *расходы*, какъ по найму помѣщенія для училища и преподавателей, если училище не имѣетъ собственнаго помѣщенія, такъ и по отопленію и освѣщенію онаго и найму прислуги для училища, а также по ремонту и страхованію училищныхъ зданій, гдѣ таковыя будутъ выстроены или приобрѣтены для училища, и в) *назначить*, въ потребномъ размѣрѣ, *ежегодный взносъ на жалованье преподавателямъ* и на обученіе ремесламъ или мастерствамъ, гимнастикѣ и рукодѣлію, гдѣ участники въ открытіи и содержаніи училища желаютъ ввести таковое обученіе, а равно на учебныя пособия и принадлежности въ дополненіе къ той суммѣ, какая имѣетъ быть ассигнована на училище министерства народнаго просвѣщенія.

Только въ параграфѣ 20-мъ говорится о *почетныхъ блюстителяхъ* училищъ, соотвѣтствующихъ „*довѣреннымъ лицамъ*“ (упоминаемымъ въ ст. 41 Пол. о нач. народ. училищахъ), но съ тою разницею, что, кромѣ названія, этимъ лицамъ, какъ *выдующимъ болѣе совершенныя училища*, обѣщается:

§ 22. Почетные блюстители училищъ, оказавшіе особыя заслуги по благоустройству оныхъ, приобрѣтаютъ право на вниманіе высшаго правительства, и о таковыхъ директоръ народныхъ училищъ, по представленію подлежащаго инспектора, доводитъ до свѣдѣнія попечителя учебнаго округа, который, по рассмотрѣніи сихъ представленій, если найдетъ ихъ достаточно уважительными, ходатайствуетъ предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о *награжденіи названныхъ блюстителей*.

Вотъ и всѣ права общества. Затѣмъ, вся забота какъ о нравственномъ, такъ и о матеріальномъ благосостояніи училища возлагается на однихъ инспекторовъ.

Перечисленіе этихъ обязанностей настолько обширно, что мы не рѣшаемся приводить ихъ въ подлинникѣ, а отсылаемъ читателя къ циркуляру по управленію с.-петербургскаго учебнаго округа № 8, августъ, 1875 г.

Зная, что въ каждой губерніи назначается всего по *два* инспектора, которые вѣдаютъ всевозможныя начальныя училища, существующія въ губерніи, мы можемъ только удивляться энергіи тѣхъ лицъ, которыя принимаютъ на себя такое званіе, и понимаемъ недовѣріе общества, когда эти лица, *беря по закону въ свое исключительное завѣдываніе* двухклассныя училища, принимаютъ на себя и отвѣтственность за правильный ходъ дѣла въ нихъ, безъ участія въ немъ естественнаго опекуна—самого общества.

Выводъ нашей замѣтки слѣдующій: справедливо ли послѣ этого

недовѣріе, выказываемое русскому обществу въ дѣлѣ народнаго образованія въ томъ случаѣ, когда программа учебнаго курса становится выше узенькой программы начальныхъ народныхъ училищъ (не министерскихъ)? Чьи заботы достигнуть скорѣе цѣли — *двухъ* лицъ на сотню училищъ въ губерніи, или цѣлаго общества, и можно ли упрекнуть земство въ желаніи сохранить основанныя имъ училища въ своемъ завѣдываніи и въ отказѣ въ средствахъ на развитіе дѣла народнаго образованія, *въ такомъ случаѣ*, когда ему предоставляютъ одно только право — давать деньги, скрѣпляя свое обязательство нотаріальными актами, и отказываютъ въ обыкновенномъ правѣ — высказывать свои желанія и требовать отчета отъ тѣхъ лицъ, которыя расходуютъ чужія средства?

Все это необходимо объяснить, въ виду тѣхъ нареканій на земство, съ которыми относятся къ нему при извѣстіи, что оно, въ томъ или другомъ мѣстѣ, отказывается отъ расширенія программъ начальныхъ училищъ и какъ-бы тѣмъ тормазитъ дѣло народнаго образованія. Изъ настоящаго примѣра ясно, какъ день, что всякое подобное обвиненіе по меньшей степени несправедливо и основывается на отсутствіи въ обществѣ свѣдѣній относительно условий, которыми обставлено превращеніе начального училища въ двухклассное. Едва ли какой хозяинъ согласится надстроить въ своемъ домѣ этажъ, подъ условіемъ потерять въ такомъ случаѣ право собственности на весь домъ.

Е. III.

ЗАМѢТКА

По поводу подписки на журналы и газеты.

Въ началѣ нынѣшняго года вопросъ о томъ, гдѣ можно подписываться на журналы и газеты съ полной безопасностью — сдѣлался для многихъ вовсе не празднымъ вопросомъ. Редакціи, какъ извѣстно, поспѣшили отвѣчать на него очень просто — указаніемъ на собственные конторы, съ приложеніемъ ихъ адреса. Нѣтъ ничего справедливѣе такого отвѣта, но онъ мало удовлетворителенъ, въ особенности для тѣхъ лицъ и учреждений, которыя подписываются на 5, 10, 20 изданій. Обѣздить всѣ конторы, попасть при этомъ не въ урочный часъ, или отправить изъ губерніи по почтѣ 20 пакетовъ и заплатить за это гораздо дороже, нежели при отправленіи всей суммы вдругъ — все это давно уже заставляло публику отыскивать себѣ облегченія. Лѣтъ семь, восемь

тому назадъ Газетныя экспедиціи въ Петербургѣ и въ Москвѣ принимали подписку на всѣ русскіе и иностранные журналы и газеты; но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ ограничиваются приѣмомъ подписки на одни иностранные журналы, подписчики отечественныхъ періодическихъ изданій лишились этого важнаго удобства и вмѣстѣ гарантіи: имъ пришлось искать убѣжища въ книжныхъ магазинахъ, которые и сдѣлались съ того времени газетными экспедиціями *sui generis*. Годъ тому назадъ было бы напрасно говорить противъ такого приѣма, но за то теперь, послѣ катастрофы съ однимъ изъ книжныхъ магазиновъ въ Петербургѣ, всѣ сами спрашиваютъ: гдѣ же послѣ этого подписываться на журналы и газеты, особенно если нужно подписываться на нѣсколько изданій вмѣстѣ?

Конечно, и интересы частныхъ лицъ не чужды правительству, но въ настоящемъ случаѣ интересы самого правительства пострадали быть можетъ болѣе, нежели интересы частныхъ лицъ. Изъ количества казенныхъ жалобъ, по поводу одного книжнаго магазина г. Базунова, наибольшее число по затраченной суммѣ принадлежало полковымъ и другимъ библіотекамъ, управамъ, различнымъ правленіямъ, училищамъ—тѣмъ, которымъ не запрещено выписывать нѣкоторые журналы и газеты—однимъ словомъ, различнымъ присутственнымъ или общественнымъ учрежденіямъ. И это понятно: они-то и принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя подписываются вдругъ на большое число изданій, а потому волей-неволей должны обращаться въ книжныя магазины. Частныя лица въ огромномъ большинствѣ довольствуются однимъ журналомъ или газетою, и потому въ жалобѣ частнаго лица дѣло идетъ всегда о 15 или много 30 рубляхъ, а при каждой жалобѣ отъ учрежденія оказывалось, что имъ было выслано въ такой-то магазинъ 200, 300 рублей вообще на выписку журналовъ, а въ томъ числѣ и на тотъ, о которомъ пишется въ редакцію. Эти цифры даютъ понятіе о размѣрѣ потери со стороны правительственныхъ учреждений при господствовавшемъ по необходимости способѣ подписываться на журналы. Можно смѣло утверждать, что само правительство заинтересовано матеріально въ этомъ дѣлѣ на 50%, и скорѣе больше, чѣмъ меньше. Если справедливо предположеніе, что въ нынѣшнемъ году до редакцій не дошло около 50 тысячъ рублей, то изъ этой суммы казенныхъ и общественныхъ денегъ пропадаетъ до 25 тысячъ.

Но не этимъ однимъ ограничивается потеря казны. Къ этой суммѣ надобно присоединить ежегодно такую же, какъ мы увидимъ ниже, сумму, недобираемую почтовымъ вѣдомствомъ вслѣдствіе того, что оно, съ 1870 года, отказалось принимать у себя подписку на оте-

чественныя изданія, и ограничилось пріемомъ подписки на одни иностранныя журналы.

Мы знаемъ, что такой отказъ почтоваго вѣдомства въ свое время имѣлъ дѣйствительно свои основанія; тогда производилась важная реформа газетной экспедиціи, результаты которой теперь обнаружались вполне, и ихъ нельзя не назвать блестящими. Дѣло вначалѣ было новое, и всякое осложненіе могло бы повредить успѣху. Но теперь, повидимому, настало время воспользоваться пунктомъ первымъ въ Высочайшемъ повелѣніи, отъ 7-го августа 1869 года, объ устройствѣ газетной почтовой операціи съ 1870 года. Этотъ пунктъ гласитъ слѣдующее: „Пріемъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ подписки на періодическія изданія, какъ русскія, такъ и иностранныя, не дѣлать обязательнымъ, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ назначать почтовые учрежденія въ имперіи, въ которыхъ бы *принималась подписка* на періодическія изданія, выходящія въ Россіи или за-границею“.

До сихъ поръ не было назначено ни одного почтоваго учрежденія для принятія подписки на русскія газеты и журналы, и никто объ этомъ не вспомнилъ, быть можетъ, въ силу поговорок: „отъ добра добра не ищутъ“ — все шло хорошо и исправно; но теперь о добрѣ больше и помину нѣтъ, и почтовому управленію нѣтъ ничего легче, какъ воспользоваться Высочайше предоставленнымъ ему правомъ, для огражденія интересовъ какъ частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ учреждений: стѣбитъ только отереть подписку на журналы и газеты, во крайней мѣрѣ, въ двухъ прежнихъ газетныхъ экспедиціяхъ; теперь же, встать, еще только начало текущаго года, и потому есть все время установить подробности въ октябрю.

Не предрѣшая вопроса, мы позволимъ себѣ однако одно весьма необходимое заявленіе: было бы весьма нежелательно при этомъ возвратиться къ тѣмъ порядкамъ подписки, какіе господствовали въ прежнее время, когда газетныя экспедиціи принимали такую подписку. Если заводить это дѣло, съ желаніемъ ему успѣха, то необходимо устроить его на общемъ коммерческомъ основаніи, на какомъ оно было устроено въ книжныхъ магазинахъ: только тогда почтовое вѣдомство можетъ воспользоваться тѣми выгодами, какими пользовались книжные магазины, а редакціи не испытаютъ никакого промедленія въ своемъ дѣлѣ. Вся разница будущей операціи газетной экспедиціи отъ операцій экспедиціи № 1 и № 2, должна состоять только въ томъ, что эти послѣднія предоставляютъ редакціямъ самимъ вынимать подписку, а въ газетной экспедиціи подписка будетъ вынута ею и разъ въ недѣлю, или въ двѣ — доставляться, по принадлежности, вмѣстѣ съ адресами; за такую нехитрую операцію, книжные магазины получаютъ съ

экземпляра отъ 20 до 50 к., смотря по величинѣ подписной суммы, и мы имѣемъ основаніе полагать, что въ общей суммѣ всѣ редакціи вмѣстѣ уплачиваютъ книжнымъ магазинамъ ежегодно минимумъ до 25 тысячъ рублей комиссіонерскихъ. Нѣтъ надобности и говорить, что довѣріе публики къ газетной экспедиціи неизмѣримо выше довѣрія къ какому бы то ни было книжному магазину, а потому всѣ доходы послѣднихъ по подпискѣ очень скоро сосредоточатся въ Газетныхъ Экспедиціяхъ. На основаніи собственнаго опыта и нѣкоторыхъ собранныхъ данныхъ, мы положили общій доходъ всѣхъ книжныхъ магазиновъ въ Россіи отъ подписки до 25 тысячъ въ годъ, и едва ли мы ошибаемся, такъ какъ одна редація „Вѣстника Европы“ уплачиваетъ въ годъ комиссіонерскихъ до 2,500 рублей; болѣе 10 газетъ и журналовъ имѣютъ такое же или еще большее число подписчиковъ, а потому выше приведенная цифра, въ 25 тысячъ, болѣе, чѣмъ вѣроятна. Довѣріе къ газетной экспедиціи, облегченіе подписки чрезъ ея посредство, можетъ только увеличить число ея кліентовъ, а слѣдовательно, и количество дохода, который могъ бы послужить отличными подспорьями для болѣе широкаго развитія операцій Газетной Экспедиціи.

Итакъ, возможность увеличенія средствъ почтового вѣдомства съ одной стороны, а съ другой—легкій способъ оградить публику, а вмѣстѣ съ нею и многочисленныя правительственныя и общественныя учрежденія,—вотъ тѣ достаточные мотивы, на основаніи которыхъ было бы возможно осуществить безотлагательно указанное въ 1 пунктѣ вышеупомянутаго Высочайшаго повелѣнія, отъ 7 августа 1869 года, и заблаговременно изготovitъ правила о подпискѣ въ газетныхъ экспедиціяхъ Петербурга и Москвы, распространяя ихъ мало по малу и на другіе, наприм., университетскіе города. Чѣмъ менѣе будутъ сложны эти правила и чѣмъ менѣе въ нихъ будетъ формальностей, тѣмъ болѣе можно ожидать успѣха отъ самаго нововведенія.

А.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество вспомо́гшествованія студентамъ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Составъ Комитета Общества съ 7 февраля 1876 г.:

Предсѣдатель Общества—Петръ Петровичъ Семеновъ (Вас. остр., 8 линія, д. Заблоцкаго).

Товарищъ предсѣдателя—Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ (Эртелевъ пер. 2).

Секретарь—Александръ Ѳедоровичъ Отто (Стремянная, 10).

Казначей—Петръ Николаевичъ Исаковъ (В. О., 1-ая л., д. Гл. Упр. В.-Уч. Зав.).

Члены Комитета:

Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ, непререѣнный членъ (Вас. остр., въ зданіи университета).

Николай Степановичъ Таганцевъ (В. О., уг. Средн. просп. и 2 лин., д. Дидерикса).

Василій Ивановичъ Семевскій (Вас. Остр., 2 л., д. 11, кв. 10).

Михаилъ Васильевичъ Ерофѣевъ (Почтамтская, д. 7, кв. 6).

Иванъ Яковлевичъ Фойницкій (Офицерская, д. 11).

Иванъ Ивановичъ Боргманъ (Владимірская, 3).

Баронъ Викторъ Романовичъ Розенъ (Фуршт. д. 25, кв. 11).

Евгеній Исакиевичъ Утинъ (Галерная, 20).

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.—Членскіе взносы и пожертвованія принимаются всѣми членами Комитета, которые и выдаютъ квитанціи. Кромѣ того, годовые платежи членовъ Общества и пожертвованія могутъ быть внесены въ «Русской Книжной Торговлѣ» (противъ Гостиного Двора), гдѣ имѣются для этой цѣли шнурыны книги. Пожертвованія вещами (платье, бѣлье, обувь и проч.) могутъ быть присылаемы М. В. Ерофѣеву, въ минералогическій кабинетъ университета.

Имена жертвователей будутъ печатаемы въ газетахъ въ извлеченіяхъ изъ протоколовъ засѣданій Комитета.

Студенты С.-Петербургскаго университета, а равно и окончившіе въ немъ курсъ (въ теченіи перваго года по выходѣ, на основаніи примѣчанія къ § 1 устава Общества) обращаются съ прошеніями о ссудахъ преимущественно къ преподавателямъ университета, изъ которыхъ четверо постоянно состоятъ членами Комитета (на основаніи § 13 устава).

Отчетъ секретаря за 1875 годъ.

I. Личный составъ.—Къ 14 ноября 1874 г. въ Обществѣ числилось 394 члена. Въ теченіи 1875 г. вновь избрано 193 члена. Исключены изъ списка 2 отказавшихся и 1 умершій. Къ 1 января 1876 г. числится въ Обществѣ 584 члена.—Въ годовомъ собраніи 7 февраля 1876 г. должны выбыть изъ комитета по очереди (на основаніи § 18 устава): Ор. Ѳ. Миллеръ, Н. С. Таганцевъ, В. И. Семейскій и В. И. Базилевскій.

II. Занятія членовъ Общества.—Общество имѣло одно годовое собраніе (7 февраля 1875) и одно чрезвычайное (30 ноября). Комитетъ имѣлъ 25 засѣданій. На годовомъ собраніи присутствовали 45, на чрезвычайномъ 54 члена.—Редакціи «Вѣстника Европы», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Недѣли», «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Голоса» печатали безвозмездно извлеченія изъ протоколовъ Комитета, а также приглашенія членовъ Общества въ общія собранія. Редакція же «Дѣла» напечатала безплатно разныя бланки Общества и пожизненные членскіе билеты.—На годовомъ собраніи была избрана особая коммиссія для обсужденія вопроса о неприкосновенномъ капиталѣ. Избраны были гг. Ремезовъ, Пятковскій и Отто. Коммиссія представила словесно свои соображенія Комитету 21 февраля 1875 г., причемъ относительно пожизненныхъ взносовъ было рѣшено: отчислить ихъ въ неприкосновенный капиталъ, такъ какъ, уже по самому существу своему, они не подлежали къ затратамъ, за исключеніемъ приносимыхъ ими процентовъ; относительно же отчисленія извѣстнаго процента со всего прихода Общества (отъ 1 до 2%, по мнѣнію гг. Пятковского и Отто; г. Ремезовъ высказался противъ отчисленія процентовъ), вопросъ представляется на рѣшеніе общаго собранія.—На чрезвычайномъ собраніи 30 ноября 1875 г. въ члены ревизіонной коммиссіи были избраны: М. Н. Любошинскій, К. Д. Кавелинъ, В. Д. Спасовичъ, Ю. Э. Явсонъ и Ю. С. Булахъ. На этомъ же собраніи, вмѣсто умершаго предсѣдателя А. С. Воронова, избранъ былъ П. П. Семеновъ, а на мѣсто выбывшихъ ранѣе срока членовъ комитета, гг. Фаворскаго и Шевча, избраны Р. М. Блюменфельдъ и А. Ѳ. Отто.

III. Занятія Комитета.—А. Плата за слушаніе лекцій. За слушаніе лекцій внесена была плата за 136 недостаточныхъ студентовъ на сумму 3,494 рублей, а именно:

а) по Восточному факультету за	4 студент.	100 р. — к.
б) » Филологическому » »	18 »	540 » 50 »
в) » Юридическому » »	66 »	1,637 » 50 »
г) » Физико-Математ. » »	50 »	1,216 » — »

Итого за 136 студент. 3,494 р. — к.

Плата вносилаь или въ полномъ размѣрѣ 50 рублей за оба полугодія, или въ размѣрѣ 25 руб., а иногда и 15 или 12 руб. 50 коп.

В. Денежныя пособия. Денежныхъ пособій въ теченіи 14 мѣсяцевъ (съ 14 ноября 1874 г. по 1 января 1876 г.) было выдано по 623 прошеніямъ на сумму 9,905 руб. 35 коп., распределеніе которыхъ видно на слѣдующей таблицѣ:

Восточный фак.

I к.	5	судъ	на	105	р.
II >	7	>	>	100	>
III >	3	>	>	40	>
IV >	6	>	>	105	>
ок. к.	2	>	>	58	>

23 ссуды на 408 р.

Филолог. фак.

50	судъ	на	680	руб.
18	>	>	235	>
8	>	>	220	>
5	>	>	80	>
5	>	>	92	>

86 ссудъ на 1,257 руб.

Юридич. фак.

I к.	67	судъ	на	856	р.	82	к.
II >	34	>	>	556	>	—	>
III >	24	>	>	466	>	33	>
IV >	70	>	>	1,261	>	50	>
ок. к.	60	>	>	997	>	—	>

255 ссудъ на 4,137 р. 65 к.

Физико-Мат. фак.

95	судъ	на	1,400	р.	10	к.
81	>	>	1,238	>	90	>
32	>	>	525	>	—	>
31	>	>	613	>	70	>
30	>	>	335	>	—	>

259 ссудъ на 4,107 р. 70 к.

Восточный факультетъ 23 ссуды на 408 р.

Филологическій	>	86	"	"	1,257	"
Юридическій	>	255	>	>	4,137	> 65 к.
Физико-Матем.	>	259	>	>	4,107	> 70 >

Всего 623 ссуды на 9,905 р. 35 к.

Лѣтомъ 1875 года, за неимѣніемъ въ кассѣ Общества наличныхъ денегъ Комитетъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ займу въ 1,500 руб., которые всѣ и были выданы въ ссуду съ условіемъ возврата въ назначенный срокъ. Вся заемная сумма уже возвращена студентами, и долгъ уплаченъ. Эти 1,500 руб. въ таблицу не занесены; они же не значатся и въ общемъ приходѣ и расходѣ Общества.

На плату за слушаніе лекцій израсходовано: 3,494 рубля (въ томъ числѣ 1,128 рублей изъ суммы, собранной специально для платы), а на ссуды, какъ краткосрочныя, такъ и долгосрочныя — 9,905 р. 35 к. Всего выдано 13,399 руб. 35 коп. на 437 студентовъ (въ томъ числѣ и 136 чел., за которыхъ внесена плата). Просьбы 69 студентовъ были отклоняемы; всѣхъ отклоненныхъ просьбъ было 140.

В. Расходы Комитета: Недостаточному студенту, занимавшемуся письменными работами по дѣламъ Общества, 100 р.; — расходы общаго собранія 3 р.; — расходы на спектакль и лекціямъ 80 р.; — билеты на обѣдъ 8 февраля 10 р.; — университетскому доктору на покупку электрической машины для леченія больныхъ студентовъ 46 р.; — типографіи Траншеля за адреса, ярлыки и объявленія 15 руб.; — пересылка уставовъ и переписки 9 р. 91 коп.; — типографіи Траншеля за списки членовъ 15 р.; — почтовые расходы 1 руб. 85 коп.; всего 280 руб. 76 коп.

Г. Неденежныя пособія: содержатели аптеки, гг. Воргманъ, Гауэръ, Пель, Шамбахеръ, Шульдъ, Трофимовъ и Юрданъ отпускали, по уменьшенной цѣнѣ или даже бесплатно, лекарства недостаточнымъ студентамъ; пневматическая лечебница д. Симонова допускала студентовъ къ бесплатному леченію сущеннымъ воздухомъ; лечебница дд. Виллибина, Веймарна и Лестгафта предоставляла бесплатное пользованіе гидротатіей, электричествомъ и гимнастикой. 3 студента поль-

зовались бесплатно въ лечебницѣ дд. Аванасьева и Вальденберга. С.-Петербургское Гимнастическое Общество допускало къ бесплатному обученію гимнастикѣ студентовъ съ удостовѣрительными бланками Комитета. Къ именамъ дд. Эриксона, Бари, Добберта, Карѣева, Уверскаго и Вильцера, подававшихъ бесплатно медицинскіе совѣты недост. студентамъ, Комитетъ имѣетъ удовольствіе прибавить имена еще двухъ докторовъ, а именно П. И. Граціанскаго и Л. В. Бертенсона. — А. М. Поршняковъ предложилъ бесплатное пользованіе книгами изъ его библіотеки (Большая Московская, 16) тѣмъ недостаточнымъ студентамъ, которымъ Комитетъ выдастъ удостов. бланки. — Нѣкоторые лица доставляли въ Комитетъ платѣе. Такъ одна «неизвѣстная дама» прислала значительное количество теплаго и вообще носильнаго платя, а также и бѣлья, которымъ и воспользовались 10 студентовъ. Вообще платѣе выдано 17 студентамъ. — Члены Комитета, по мѣрѣ возможности, озабочивались доставленіемъ студентамъ занятій, какъ зимою, такъ и лѣтомъ, но, къ сожалѣнію, со стороны публики обращенія въ Комитетъ не были многочисленны. — Большую услугу оказывалъ Комитету Общества г. секретарь университета по студентскимъ дѣламъ Н. Н. Погорѣловъ, обязательно доставлявшій свѣдѣнія о студентахъ-просителяхъ,

IV. Пожертвованія въ пользу Общества. — А. Безъ указанія особаго назначенія: Неизвѣстнаго (черезъ г. Розинга) — 200 р.; прис. пов. Потѣхина — 50 р.; неизвѣстнаго — 200 р.; 2 неизвѣстныхъ (черезъ студ. Роговскаго) — 125 р.; прис. пов. Матросова — 50 р.; неизвѣстнаго — 50 р.; студентовъ университета — 18 р.; Карла Вас. Струве, собранные членами посольства въ Японіи (Иокогама) — 205 р.; неизвѣстнаго — 2 р.; служащихъ на принсахъ К. Баранова въ Якутской области — 77 р.; студентовъ университета — 37 р. 50 к.; неизвѣстнаго изъ Царскаго-Села — 5 р.; неизвѣстнаго — 25 р.; министерства народнаго просвѣщенія — 1,000 р.; собранные на спектаклѣ — 1,002 р. 10 к.; собранные на литер. вечерѣ Костомарова — 424 р.; собранные на обѣдѣ 8 февраля — 1,211 р.; остатки отъ расходовъ на обѣдѣ — 21 р.; А. И. Прозоровскаго — 10 р.; изъ Енисейска — 71 р.; П. И. Адриановскаго — 10 р.; 2 неизвѣстныхъ — 10 р.; Штукенберга — 10 р.; Чербишевича — 20 р.; Тургохавскаго — 4 р.; по книжкѣ г. Дестуниса — 97 р.; членовъ комитета — 15 р.; собранные на лекціяхъ г. Лестгафта — 205 р. 86 к.; г. министра финансовъ — 25 р.; Р. К. Крижа — 15 р.; В. И. Водовозова — 25 р.; А. Штукенберга — 6 р.; студентовъ университета — 25 р.; 3 неизвѣстныхъ — 18 р.; слушателей I курса военно-юридической академіи въ память умершаго товарища — 40 р.; Е. Е. Крашенинниковой — 10 р.; Невскаго — 2 р.; неизвѣстнаго — 25 р.; Д. И. Менделѣева — 5 р.; по книжкѣ г. Дестуниса — 10 р.; Бередникова — 25 р.; собранные на концертѣ — 300 р.; Казариновой — 3 р.; неизвѣстнаго — 10 р.; студ. Полетилы — 25 р.; барона Гинцбурга — 75 р.; университета изъ спец. суммъ — 300 р.; Кондратовича — 1 р.; Н. М. Шишмакова — 3 р.; 2 неизвѣстныхъ — 7 р.; А. М. Поршнякова — 10 р.; разныхъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными (черезъ г. Базилевскаго) — 200 р.; неизвѣстнаго — 5 р.; неизвѣстнаго изъ Одессы — 25 р.; редакціи «Пчелы» (черезъ г. Прахова) — 50 р.; неизвѣстнаго (черезъ г. Миллера) — 25 р.; неизвѣстнаго — 5 р.; Бередникова — 5 р.; Кесслера — 3 р.; Бѣлаева — 2 р.; неизвѣстнаго — 50 р. Всего — 6,490 р. 45 к. — Б. Съ назначеніемъ на плату за слушаніе лекцій (въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1875 г.): Собранные студ.: Лозинскимъ — 200 р.; Штанге — 92 р. 35 к.; Шульце — 163 р. 30 к.; С. Н. Тютчева — 25 р.; Н. Н. Тютчева — 10 р.; студ.: Кракау, Иванова и Шульце — 3 р.; А. Штукенберга — 10 р.; собранные на общемъ собраніи 30-го ноября по почину Гр. Евл. Благосвѣтлова въ память умершаго предсѣдателя общества, А. С. Воро-

нова—427 р.; собранные прис. пов. Е. И. Утинимъ—550 р.; С. С. Соколовимъ—348 р.; студ. Роговскаго—3 р.; Вередникова—45 р. Всего—1,885 р. 65 к.

V. Членскіе взносы.—Членскихъ взносов годовыхъ отъ 322 лицъ поступило—1,980 р.; членскихъ взносов пожизненныхъ отъ 7 лицъ поступило—700 р. Всего отъ 329 лицъ—2,680 р.

VI. Возвратъ ссудъ.—Въ возвратъ ссудъ, въ теченіи 14 мѣсяцевъ, поступило—4,451 р. 28 к., изъ коихъ—1,538 р. 92 к. поимн на уплату сдѣланнаго глѣномъ займа, а 2,917 р. 31 к. снова поступили въ обращеніе.

VII. Общій приходъ и расходъ за истекшій отчетный годъ:

Приходъ.

Остатокъ отъ прошлаго года	1.205 р. 69 к.
Пожертвованія	6.490 > 45 >
» съ спец. назнач.	1.885 > 65 >
Годовые членскіе взносы.	1.980 р. —'к.
Пожизненные >	700 > — >
Возвратъ ссудъ >	2.917 > 31 >
Всего.	15,179 р.

Расходъ.

Плата за слушаніе лекцій.	3.494 > — >
Ссуды въ видѣ пособій.	9.905 > 35 >
Расходы Комитета	280 > 76 >
	18,670 р. 11 к.

Остатокъ на 1876 годъ. . . 1,508 р. 89 к.

Капиталъ Общества къ 1 января 1876 г. состоитъ изъ 23,500 р. (приблизительно), которые, за исключеніемъ остатка въ 1508 р. 89 к., всѣ розданы студентамъ подъ росписки.

VIII. Указанія ревизіонной комиссіи.—Избранная 30 ноября 1875 года ревизіонная комиссія приступила къ ревизіи 16 января 1876 года и, по обзорѣ денежныхъ книгъ Общества, нашла, что настоящій способъ веденія ихъ неправиленъ, а потому и предложила нѣкоторые измѣненія. 1) Всѣ безъ изъятія суммы, поступающія въ кассу Общества, должны быть вносимы предварительно въ квитанціонную книгу. 2) На производство всякаго расхода, казначей долженъ получать на свое имя ордеръ Комитета. 3) Подъ каждою статью расхода въ приходорасходной книгѣ должна быть или росписка получателя, или ссылка на особо данную квитанцію, или вообще на оправдательный документъ. 4) Книги квитанціонная и приходорасходная должны быть заводимы на каждый годъ отдѣльными. 5) Расходныя и квитанціонныя книжки членовъ Комитета также должны быть заводимы на каждый годъ новыя. 6) Нумерація статей прихода въ приходорасходной книгѣ должна соответствовать нумераціи статей въ квитанціонной книгѣ.

Сверхъ того, ревизіонная комиссія усмотрѣла, что былъ допущенъ заемъ за счетъ Общества, что ежемѣсячныя ревизіи кассы были подписаны, кромѣ казначея, только однимъ членомъ Комитета, и что Комитетомъ не принималось дѣятельныхъ мѣръ для поступленія въ кассу Общества членскихъ взносов.

IX. Объясненія Комитета.—Комитетъ Общества имѣетъ честь заявить, что, вполне сознавая неправильность и запутанность настоящаго способа веденія денежныхъ книгъ, онъ уже въ декабрѣ мѣсяцѣ 1875 года, по предложенію г. предсѣдателя, обсуждалъ и утвердилъ нѣкоторые измѣненія, которыя имѣли указанны ревизією, и что остальные изъ нихъ принимаются Комитетомъ съ благодарностію и примѣняются къ дѣлу въ текущемъ году.

Что касается до побудительныхъ мѣръ относительно собранія членскихъ взносовъ, то Комитетъ считаетъ необходимымъ замѣтить, что къ нимъ наизя было прибѣгнуть уже потому, что еще не прошло даже полнаго года со времени послѣдняго годового взноса членовъ, а потому было бы преждевременно дѣлать какія бы то ни было напоминанія. Впрочемъ, въ послѣднее время, Комитетомъ, въ видѣ опыта, уже разослано нѣкоторое число напоминаній.

Относительно же допущенія займа какъ бы за счетъ Общества, Комитетъ можетъ только объяснить, что Общество обязывалось лишь уплатить проценты; самая же занятая сумма была обезпечена залогами стипендіѣ, такъ какъ ссуды выдавались однимъ стипендіатамъ. Самнй заемъ и возвратъ его не занесени въ общій приходъ и расходъ, какъ деньги совершенно случайныя, — упоминается о нихъ въ отчетѣ лишь для того, чтобы показать, что Комитетомъ принимались мѣры, удобныя для студентовъ, даже тогда, когда въ кассѣ не было вовсе общественныхъ денегъ.

Нельзя не упомянуть о печальномъ событіи, которымъ заключился второй годъ существованія Общества. Оно лишилось своего перваго предсѣдателя, съ которымъ надѣялось еще долго не разставаться. Покойный А. С. Вороновъ, принадлежавшій еще къ числу учредителей прежняго небольшого Комитета и вслѣдъ за тѣмъ съ особенною ревностію содѣйствовавшій преобразованію его въ теперешнее Общество, потрудившійся болѣе всѣхъ при составленіи его, не могъ не быть дорогъ Обществу, которое, въ свою очередь, было дорого его сердцу. Онъ постоянно относился къ дѣламъ Общества именно съ сердечною теплотою. Уваженіе, которымъ вообще пользовался покойный съ разныхъ сторонъ, доставило Обществу не мало усердныхъ членовъ. Потергивъ со смертію Андрея Степановича Воронова тяжелую утрату, Общество всегда будетъ почитать его память и, конечно, постарается *продолжать* вѣрно служить тому дѣлу, которому, къ сожалѣнію, оно только *начало* служить съ нимъ.

ПОПРАВКИ.

	стр.	стр.	напечатано:	вмѣсто:
Въ январской книгѣ:	377	8 сн.	комедій	комикій
» февральской »	902	11 »	породакъ	народанъ
	908	8 »	личности	вѣличности

М. Стасюлевичъ.

ПОСАДНИКЪ

ДРАМА

ПОСЛѢДНІЯ ДВА ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

БОЯРИНЪ ГЛѢБЪ МИРОНЫЧЪ, степенный посадникъ новгородскій.

ВЫШИТА	}	новгородскіе бояре.
РОГОВИЧЪ		
ЖИРОХЪ		
КРИВЦЕВИЧЪ		

ВАСИЛЬЮ, женихъ Вѣры, дочери посадника.

СТАВРЪ	}	товарищи его.
ГОЛОВНИ		
РОДЬКО		

БОЯРИНЪ ѲОМА ГРИГОРЬИЧЪ, бывшій новгородскій воевода.

БОЯРИНЪ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧЪ ЧЕРМНЫЙ, новый новгородскій воевода.

НАТАЛЬЯ, любовница Чермного.

РАГУЙЛО, братъ ея, изъ непріятельскаго стана.

КОНДРАТЬЕВНА, няня ея.

ДѢВУШКА, прислужница ея.

МЕЧНИКЪ.

Томъ II.—Апрѣль, 1876.

81/1

ГРИДЕНЬ.

ОДИНЪ изъ бояръ.

ДРУГОЙ >

ТРЕТИЙ >

ЧЕТВЕРТЫЙ >

ОДИНЪ изъ народа.

ДРУГОЙ >

ТРЕТИЙ >

ЧЕТВЕРТЫЙ >

ПЯТЫЙ >

Граждане.

Дѣйствіе въ Великомъ-Новгородѣ, въ XIII столѣтіи.

Въ первомъ дѣйствіи *) этой неоконченной, въ сожалѣнію, драмы, изображенъ день наканунѣ событій, составляющихъ содержаніе двухъ послѣднихъ дѣйствій. Новгородъ осажденъ княжескими войсками; вѣче, недовольное своимъ воеводою, бояриномъ Оомою, смѣняетъ его и, по настоянію посадника Глѣба, выбираетъ своимъ воеводою молодого боярина Андрея Чермного. Между приверженцами Оомы и Андрея началась внутренняя борьба; противъ Чермного возстала и вдова прежняго посадника, Мамелфа, нетерпѣвшая новаго воеводу за его разгульный образъ жизни и за связь съ пришедшей въ Новгородъ на заработки бѣдной дѣвушкой-кружевницей Натальей: она хозяйничала въ домѣ боярина Чермного.

*) Было напечатано въ „Сладчинѣ“ (стр. 481 — 507) два года тому назадъ.

I.

ДОМЪ БОЯРИНА ЧЕРНАГО.

Наталя прибираетъ горницу и ставитъ посуду на столъ.

НАТАЛЯ.

Ужъ эти мнѣ гости! Не дадутъ и часочка съ нимъ посидѣть! Вернется усталый: чѣмъ бы отдохнуть, а тутъ разговоры пойдутъ, а тамъ, глядишь, опять приспѣло время на валъ идти.

ДѢВУШКА.

А много-ль будетъ гостей?

НАТАЛЯ.

И сама не знаю.

ДѢВУШКА.

Ты что-жъ не спросила?

НАТАЛЯ.

До того-ли мнѣ было, какъ послѣ двухъ сутокъ его увидала.

КОНДРАТЬЕВНА.

Что-жъ ты, государыня, сама-то на столъ ставишь? Дай, мы и безъ тебя соберемъ!

ДѢВУШКА.

Кто же сегодня прислуживать будетъ? Челядь вѣдь вся брони надѣла, на завалы ушла, а намъ съ Кондратьевной въ кухню быть.

НАТАЛЯ.

А я развѣ не съумѣю?

ДѢВУШКА.

Сама, нешто, будешь посуду носить?

НАТАЛЯ.

А почему же не сама? Что я за боярыня такая?

ДѢВУШКА.

Вѣстимо—боярня! Не сегодня, такъ завтра будешь боярыней. Пора Андрею Юрьичу въ законъ вступить.

НАТАЛЬЯ.

Просила я тебя не говорить мнѣ о томъ. Сколько разъ просила. Коли опять начнешь, ей-Богу, осерчаю.

ДѢВУШКА.

Ну, да! Таковская.

КОНДРАТЬЕВНА.

Молчи ты, пострѣленокъ! Ей слово, а она тебѣ два! Пошла въ кухню, смотри пирогъ—не пригорѣлъ бж.

ДѢВУШКА уходитъ.

КОНДРАТЬЕВНА.

Охъ, охъ, дитятко! Избаловала ты насъ, страху-то нѣтъ въ тебѣ, въ государынѣ въ нашей.

НАТАЛЬЯ.

И ты туда же! Этакія вы, право.

КОНДРАТЬЕВНА.

По душѣ говорю, голубонька, по любви своей, не по одному приказу боярскому. Всѣ мы любимъ тебя за милость твою.

НАТАЛЬЯ.

А я-то и въ глаза смотрѣть вамъ не смѣю. Сама вѣдь вѣруженицей въ Новгородъ пришла, думала черезъ годъ домой вернуться, да навсегда и осталась; хожу себѣ въ золотѣ, а какъ подумаю, что и мать, и отецъ плачутъ теперь по мнѣ, такъ иной разъ сама себѣ противна стану, что руки бы на себя наложила. Всѣхъ я васъ хуже, а вы же меня государыней величаете.

КОНДРАТЬЕВНА.

Родимая ты наша! Служить-то тебѣ не въ трудъ, а въ радость. Ужъ прѣтче тебя и не видывали.

НАТАЛЬЯ.

А иной разъ какъ вспомню, что, вѣдь, это для него я своихъ бросила, просвѣтлѣетъ у меня снова на сердцѣ и опять все вѣжется тринѣ-трава!

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто Богу не грѣшенъ, дитятко! Господь помилуеъ тебя за простоту за твою.

НАТАЛЬЯ.

Вишь, какъ я нарядилась сегодня. Вѣдь это онъ такъ велить, а мнѣ и самой совѣстно.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ужъ горазда ты наряжаться, нечего сказать! Лучшія окруты по церквамъ пораздала. Вишь, и повязки-то новой не надѣла. Надѣнь, дитятко, повязку, — краше будетъ, а я въ кухню сбѣгаю, не то эта егоза, пожалуй, пирогъ про-смотреть.

Уходитъ. Наталья садится къ окну, заду-
мывается и напѣваетъ пѣсню.

ГОЛОСЪ—ПОДЪ ОКНОМЪ.

Подайте, Христа-ради! Подайте убогому! Подайте ка-
ликѣ переходящему, Христа-ради!

НАТАЛЬЯ—ВЪ ОКНО.

Войди, Божій человѣкъ! Вотъ тутъ направо, по кры-
лечку!

Беретъ со стола хлѣбъ и наливаетъ кружку.
Входитъ нищій.

НАТАЛЬЯ.

На тебѣ, дядюшка, присядь на лавку, отдохни себѣ...

Вглядывается въ него.

Господи! Чтó это?

НИЩІЙ.

Узнаешь меня, Наталья?

НАТАЛЬЯ—Бросаясь къ нему.

Рагуйло! Братъ!

РАГУЙЛО—отталкивая ее.

Прочь, негодная! Развѣ ты сестра мнѣ? Развѣ ты не отреклась отъ родни? Развѣ ты не полюбовница воеводы новгородскаго?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ—дай въ себя придти! Послѣ кори меня—скажи скорѣй про отца, про мать... Живы-ли они?

РАГУЙЛО.

Такъ вотъ гдѣ ты, безстыдная, отыскалась! Что-жъ, хорошо тебѣ жить у боярина?

НАТАЛЬЯ.

Ругай меня, бей меня, но скажи мнѣ про отца, про мать! Скажи, какъ ты самъ попалъ сюда?

РАГУЙЛО.

Какъ попалъ? На той недѣлѣ въ полонъ твои новгородцы взяли меня; сею ночью изъ тюрьмы вылѣзъ, нищимъ нарядился, пришелъ на сестрицу свою посмотреть, на честь ея великую порадоваться.

НАТАЛЬЯ.

Господи, если увидятъ тебя!

РАГУЙЛО.

Что-жъ, выдай меня своему полюбовнику.

НАТАЛЬЯ.

Спрячься, спрячься скорѣй! Пойдемъ со мной!

РАГУЙЛО.

Куда?

НАТАЛЬЯ.

Сама не знаю—на сѣновалъ, въ кладовую, въ амбаръ!

РАГУЙЛО.

А потомъ?

НАТАЛЬЯ.

Потомъ? Ты ночью изъ города выйдешь.

РАГУЙЛО.

Ай да бабій умъ! Какъ я выйду, когда всѣ ворота за-
няты?

НАТАЛЬЯ.

Нищаго, можетъ, пропустить...

РАГУЙЛО.

Ай да сестрица! При Оомѣ еще, пожалуй, пропустили
бы, а я слыхалъ, каковъ онъ, твой полюбовникъ, есть! И
поставленъ въ воеводу за то, что не дремлетъ. Въ тюрьмѣ,
чай, спохватилися меня, ищутъ теперь по городу.

НАТАЛЬЯ.

Пресвятая Богородица! Какъ же быть намъ?

РАГУЙЛО.

Выдумай! Найди! Ты стала теперь новгородкой, чай,
знаешь свой городъ. Можно ли гдѣ черезъ стѣну пере-
лѣзть? Нѣтъ ли гдѣ выхода какого мимо сторожей?

НАТАЛЬЯ.

Выхода? Постой—да! есть выходъ! Въ Спасскомъ мо-
настырѣ, со двора, ходъ подземный.

РАГУЙЛО.

Куда ходъ?

НАТАЛЬЯ.

За стѣну, въ оврагъ какой-то...

РАГУЙЛО.

Что-жъ тамъ? Дверь? Рѣшетка? Какъ мнѣ найти этотъ
ходъ?

НАТАЛЬЯ.

Не знаю, Боже мой! Ничего не знаю, а включъ сего-
дня посадникъ принесетъ...

РАГУЙЛО.

Кому принесетъ?

НАТАЛЬЯ.

Боярину Черному...

РАГУЙЛО.

Полюбовнику-то? Достань мнѣ ключъ.

НАТАЛЬЯ.

Какъ я его достану?

РАГУЙЛО.

Украдь!

НАТАЛЬЯ.

Да я не видала его, не знаю, какой онъ.

РАГУЙЛО.

Узнай! Провѣдай! Напой своего любовника. Задужи его. Зарѣжь его, а ключъ достань.

НАТАЛЬЯ.

Да еслибъ и достала я, какъ же тотъ выйдетъ найдешь?

РАГУЙЛО.

Въ монастырь пустятъ нищаго. На погостѣ ночевать останусь, тамъ какъ-нибудь провѣдаю.

НАТАЛЬЯ.

Ну, а онъ-то?

РАГУЙЛО.

Что онъ?

НАТАЛЬЯ.

Коли на него отвѣтъ падеть? Коли неравно... черезъ тотъ ходъ вороги ворвутся?

РАГУЙЛО.

А и въ самомъ дѣлѣ! Вотъ надоумила! Да кого-жъ ты это врагами зовешь? Нашихъ, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Братъ, я не могу дать тебѣ ключа.

РАГУЙЛО.

Такъ ты хочешь, чтобы меня смертью познать?

НАТАЛЬЯ.

Я тебя иначе спасу — иначе; а этого я не могу — не проси, пожалѣй меня!

РАГУЙЛО.

А развѣ сама ты жалѣла насъ, негодная? Мать свою ты уморила! Съ горя она померла!

НАТАЛЬЯ.

Господи!

РАГУЙЛО.

Проклинаючи тебя, померла. Отецъ твой помѣшанный ходитъ, сестры твои безъ пристанища, а ты съ новгородскимъ воеводою заурядной боярыней живешь. Сторонятся, чай, отъ тебя, плюютъ на тебя люди. Да тебѣ все равно, миловалъ бы тебя воевода новгородскій.

НАТАЛЬЯ.

Что же мнѣ дѣлать? Боже мой, что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

А какъ надоѣшь ты ему, да прогнать онъ тебя изъ дому, соромъ одинъ на тебѣ останется, блудница, отщепенница! Женище боярское!

НАТАЛЬЯ.

Да скажи же самъ, что дѣлать мнѣ? Научи самъ меня. Что мнѣ дѣлать?

РАГУЙЛО.

Какъ что дѣлать? Ключъ достать! Брата спасти! Грѣхъ свой испунить передъ Богомъ!

НАТАЛЬЯ.

Не могу, видѣть Богъ, не могу! Приказывай, что хочешь, но этого не могу!

РАГУЙЛО.

Такъ будь же ты проклята и въ этомъ свѣтѣ, и въ будущемъ! Погуби еще брата, какъ ты мать и отца погубила! Живи себѣ въ срамъ и стыдъ на землѣ, а по смерти ступай на муки вѣчныя, гдѣ блудницы и убійцы въ адомъ огнѣ горятъ!

НАТАЛЬЯ.

Постой... Да не кляни же меня!.. не кляни... Дай духъ перевести...

РАГУЙЛО.

Полюбуйся завтра на мою голову, какъ она будетъ надъ городскими зубцами на копья торчать!

НАТАЛЬЯ.

Да пожалѣй же меня... дай опомниться... голова кругомъ идетъ...

РАГУЙЛО.

Зови свою челядь! Выдай меня, и будь надъ тобой анагема Божья!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, братъ,—не кляни! Все, что хочешь, сдѣлаю, все сдѣлаю—достану тебѣ ключъ!

РАГУЙЛО.

Побожись!

НАТАЛЬЯ.

Божусь, божусь! Только и ты побожись, что суздальцевъ не вступишь—побожись и ты!

РАГУЙЛО.

Добро, побожусь!

НАТАЛЬЯ.

Постой!—слышишь?

РАГУЙЛО.

Что?

НАТАЛЬЯ.

Конскій топъ на улицѣ—это онъ!

РАГУЙЛО.

Куда спрятаться?

НАТАЛЬЯ.

Иди за мной!

Подходить къ двери и останавливается, прислушиваясь.

НАТАЛЬЯ.

Нельзя! Онъ ужъ на крыльцѣ!

РАГУЙЛО.

Куда же?

НАТАЛЬЯ.

Сюда! Скорѣй сюда! Отсюда лѣсенка на вышку.

Толкаетъ его въ боковую дверь. Входитъ Чермный.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Наташа! Вотъ, теперь подѣлуемся! Да что съ тобой? Что ты такъ дрожишь? Ты на ногахъ еле держишься.

Наташа, рыдая, бросается къ нему на шею.

ЧЕРМНЫЙ.

Что съ тобой? Съ безпокойства ты это, что-ли? Али съ радости, что я не убить?

НАТАЛЬЯ.

Съ радости, съ радости, дорогой мой!

ЧЕРМНЫЙ.

Экая ты неразумная! Съ радости плачешь! Да пусти же меня, я изъ силъ выбился; дай мнѣ вина, Наташа, горло засохло.

Садится. Наташа подаетъ ему стопу.

ЧЕРМНЫЙ—выпивъ.

Ну, что? Успокоилась?

НАТАЛЬЯ—рыдая.

Не могу! Прости меня, не могу, силы нѣтъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Экой же ты ребенокъ! Да быть не можетъ, чтобъ ты съ радости такъ плакала. Тутъ что-нибудь другое. Обидѣлъ тебя кто, что-ли?

НАТАЛЬЯ.

Сдѣлъ ты мой, развѣ можно меня обидѣть?

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ, стало, горе у тебя?

НАТАЛЬЯ.

Да! Горе, горе! Да что я сказала! Сама не знаю, что говорю. Неправда, нѣтъ у меня гора! Такъ, по глупости, плачу.

ЧЕРМНЫЙ.

Не вѣрю, Наташа, ты проговорила. Что у тебя на душѣ? Скажи мнѣ, авось помочь можно.

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, мой родимый, нѣтъ! Никто, никто мнѣ не поможетъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Такъ есть же оно у тебя, горе-то! Скажи, не бойся, ты знаешь меня, я ни въ чемъ тебѣ не отказываю.

НАТАЛЬЯ.

Ни въ чемъ, ни въ чемъ, свѣтъ мой, никогда не отказывалъ ты мнѣ! Ты ужъ такъ добръ, такъ жалостливъ ко мнѣ,—а я-то, я-то!

ЧЕРМНЫЙ.

Не о родныхъ же ты плачешь? Вѣдь ты сказала, нѣтъ у тебя родныхъ? Да говори же, Наташа, боленъ ли кто? Убить ли кто? Есть у тебя кто близкій въ городѣ?

НАТАЛЬЯ.

Да, свѣтъ мой, прости меня,—я солгала тебѣ—я не одна на свѣтѣ: есть у меня...

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, говори же! Кто у тебя? Отецъ? Мать? Братъ?

НАТАЛЬЯ.

Нѣтъ, нѣтъ, не думай, нѣтъ! Тетка есть—только тетка одна—при смерти больна!

ЧЕРМНЫЙ.

Ну, выговорила, наконецъ! Въ бѣдности она, твоя тетка?

НАТАЛЯ.

Въ бѣдности, государь, да, въ бѣдности!

ЧЕРМНЫЙ.

Что-жъ ты сразу не сказала? Глупая-жъ ты, глупая! Или не знаешь меня?

Отворяетъ поставецъ.

На, возьми, отнеси своей теткѣ, купи для нея все, что надо. Что хочешь въ домѣ возьми, отнеси больной, да и сама останься съ ней на ночь, тебѣ спокойнѣе на душѣ будетъ!.. Ну, что опять съ тобою?

НАТАЛЯ.

Государь ты мой! Дорогой мой! Ты какъ Господь-Богъ — какъ Господь-Богъ ко мнѣ, — а я-то, я-то негодная, окаянная! Да какъ ты меня не убьешь, окаянную, негодную меня!

ЧЕРМНЫЙ.

Съ ума ты сошла, право! Ужъ черезъ-чуръ ты совѣстлива! Перестань же плакать, у меня и безъ того голова кругомъ идетъ. Дай-ка еще вина, надо быть пободрѣе, сейчасъ гости придутъ.

Выпиваетъ стопу. Входитъ посадникъ.

А, вотъ ужъ и одинъ! Оправься, Наташа!

Къ посаднику.

Здорово, Глѣбъ Мироничъ! Милости просимъ!

ПОСАДНИКЪ.

Здравствуй, Андрей Юрьичъ!

Наталя подаетъ ему чару.

Спасибо, матушка. Во здравіе твое, Андрей Юрьичъ. А самъ-то что же ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Дай мнѣ чарку, Наташа. Во твое, Глѣбъ Мироничъ! Все благополучно въ городѣ?

ПОСАДНИКЪ.

Слава Богу. Бѣглаго того только не отыскали, словно сквозь землю провалился.

ЧЕРМНЫЙ.

Вели еще искать. Такъ оставить нельзя. Надо надъ нимъ примѣръ показать.

ПОСАДНИКЪ.

Ужъ велѣлъ. По всѣмъ домамъ ищутъ. Вотъ тебѣ ключъ отъ монастыря, отъ тайнаго хода.

ЧЕРМНЫЙ.

Спасибо.

Вздѣваетъ ключъ на поясъ.

Такъ будетъ вѣрнѣе. Ступай же, Наташа, ступай въ своей больной, завтра увидимся.

Наташа уходитъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что съ ней?

ЧЕРМНЫЙ.

Тетка у нея захворала, такъ вотъ и кручинится. А иной разъ и такъ себѣ плачетъ. Чудная такая! То словно пташка поетъ, заливаясь, то вдругъ плавать начнетъ.

ПОСАДНИКЪ.

Дурь бабья. Избаловалъ ты ее.

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, она не то, что другая; и не просить никогда ни о чемъ, скромная такая.

ПОСАДНИКЪ.

А все-жъ не слѣдъ тебѣ нанять съ ней. Поискалъ бы себѣ ровни, въ законъ бы вступилъ.

ЧЕРМНЫЙ.

И самъ иной разъ такъ думаю; и сказать ей даже собирался, да посмотришь на нее—жалость беретъ, языкъ не поворачивается.

ПОСАДНИКЪ.

Ну, это твое дѣло.

ЧЕРМНЫЙ.

А гдѣ-жъ Василько!

ПОСАДНИКЪ.

Сейчасъ придетъ. Чуть-было бѣды не накурить, вылазку съ своими затѣялъ. Я пригрозилъ имъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Хорошо сдѣлалъ, Глѣбъ Мироничъ, а то пришлось бы ихъ смертію казнить.

Входить Василько и кланяется молча.

ЧЕРМНЫЙ.

Здравствуй, Василько! Съ повинной пришелъ? Благодарю теста, что блажить не пустилъ, а то бы я васъ въ Волховъ винуть велѣлъ. Дружба дружбой, а дѣло дѣломъ. Ты знаешь, я съ дѣломъ не шучу.

ВАСИЛЬКО.

Прости нашу дурость, Андрей Юрьичъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Жаль было бы тебя, а не пощадилъ бы. На, выпей чару, не кручинься, безъ дѣла не останешься.

Входить Вышата и Роговичъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Поклонъ

Бояре, вамъ! Чтѣ видно съ валу?

ВЫШАТА.

Смирно!

Покажѣтъ все; съ моей лишь стороны
Огней у нихъ прибавилось какъ будто.

РОГОВИЧЪ.

Съ моей убавилось огней.

ПОСАДНИКЪ.

Должно быть,

Къ Словенскому-Концу хотятъ стануться,
Подъ Городище.

ЧЕРМНЫЙ.

Тамъ у нихъ стоятъ

Владимірцы. Туда же перешли
И костромцы сегодня.

ВЫШАТА.

По всему
Должно смевать: они готовятъ приступъ.

Входитъ Жирохъ.

ЖИРОХЪ.

Боярину Андрею бью челомъ!
Вѣмъ по повлону! Я нивагъ послѣдній?
Не осудите—нѣтъ мнѣ далѣ всѣхъ!

ЧЕРМНЫЙ.

Какія вѣсти?

ЖИРОХЪ.

Все благополучно.

ЧЕРМНЫЙ!

Движенья нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Не видно ничего;
Костры зажгли на старыхъ на мѣстахъ,
По прежнему.

ЧЕРМНЫЙ.

Садитесь, государи!
Во здравье вамъ!

Всѣ садятся за столъ.

Всѣ.

Во здравіе тебѣ!

Пьютъ.

ЖИРОХЪ.

Тобой, Андрей, мы, Юрьевичъ, изъ мертвыхъ
Воскрешены.

Кондратьевна съ дѣвушкой ставитъ
■ блюда на столъ и уходитъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Простите за прислугу,
Моя вся челядь на валу.

ЖИРОХЪ.

Да чья же
Теперь въ дому? Вѣдь мы ужъ, слава-Богу,
Не при Оомѣ! Кишитъ какъ муравейникъ
Весь Новгородъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кажися, ты на вѣчѣ
Былъ за Оому? Такъ отчего-жъ теперь
Не то ты говоришь?

ЖИРОХЪ.

Былъ — не таюсь;
Да, вижу, обманулся. Видитъ то
И самъ Оома. Когда при немъ бы гридьба
Держалась такъ, какъ держится теперь,
Не говорилъ бы онъ о мирѣ.

ПОСАДНИКЪ.

Гридьбу
Винить грѣшно. То не она, а онъ
Отходную намъ затулулъ.

РОГОВИЧЪ.

На комъ
Прорухи не бываетъ, Глѣбъ Мироничъ!
А благо то, что подняли вы насъ
Съ Андреемъ Юрьичемъ.

ВЫПАТА.

До псковичей
Продержимся, дастъ Богъ!

ЖИРОХЪ.

Я-жъ говорю:
Мы и безъ нихъ продержимся. Вѣдь каждый
Десятерыхъ сталъ стоять, словно рубль
Въ ростъ пущенный.

ПОСАДНИКЪ.

Ты въ ростѣ знаешь толкъ

ЖИРОХЪ.

Куда ужъ мнѣ! Лишь не нажить долговъ бы!
 Ни у кого въ долгу мнѣ оставаться
 Не по-сердцу.

ЧЕРМНЫЙ.

Откуда, государи,
 По вашему ждать приступа?

ВЫШАТА.

Послѣдній

Отъ Прусскихъ мы воротъ отбили. Вновь
 Тамъ не начнутъ. Чай, вьнутся въ Торговой;
 Затѣмъ они, должно-быть, въ Л'ордищу
 Стянулись.

РОГОВИЧЪ.

Глаза хотятъ отвести.
 Тамъ топь кругомъ; не провезти имъ туровъ.

ВЫШАТА.

Настеляютъ путь. За Волховымъ весь день
 Владимірцы рубили лѣсъ. Намъ слышенъ
 Стукъ топоровъ былъ и деревъ паденье.

РОГОВИЧЪ.

По мнѣ скорѣй въ Баянимъ воротамъ
 Ихъ надо ждать.

ЖИРОХЪ.

По мнѣ-жъ, не будетъ вовсе
 И приступа. Чай, колоколъ былъ слышенъ
 Имъ вѣчевой! Чай, видѣли они,
 Какъ закипѣлъ Дѣтинецъ, и смекнули,
 Что новый воевода нонѣ въ руки
 Сидѣнье взялъ. Теперь одна осада
 Отъ нихъ пойдетъ, морить насъ будутъ голодомъ,
 А приступа не будетъ.

ЧЕРМНЫЙ—къ посаднику.

Глѣбъ Миронычъ,

Какъ мыслишь ты?

ПОСАДНИКЪ.

Спроси-ка Василька;
Пусть скажетъ онъ, а я отвѣчу послѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ, Василько, по-твоему?

ВАСИЛЬКО.

Когда

Ты, государь, мнѣ говорить велишь,
То мнѣ сдается: вѣдомо имъ вправду,
Что новый избранъ воевода, онъ же
Не кто, какъ ты, котораго нѣтъ лучше;
Но вѣдомо имъ также, что идетъ
На выручку намъ Псковъ; когда-жъ доспѣетъ,
Плохая имъ останется надежда
Взять Новгородъ. Теперь, или никогда!
Затѣмъ они, не дожидаясь Пскова,
На приступъ завтра же полѣзутъ.

ПОСАДНИКЪ—къ Жироху.

Слышалъ?

Не старый то, и не бывалый, молвить,
А молодой. То ясно есть какъ день,
То всякая понять съумѣетъ баба.
Зачѣмъ же ты, бывалый, говоришь,
Что приступа не будетъ?

ВЫШАТА.

Нѣтъ, теперь-то
Намъ ихъ и ждать.

РОГОВИЧЪ.

Теперь-то и начнутъ.

ЧЕРМНЫЙ.

О томъ и рѣчи нѣтъ!

ЖИРОХЪ.

Пусть, государь,
По вашему. Я что же? Я сказалъ:

Коль при Оомѣ нахрапомъ насъ не взяли,
То при Андрѣѣ Юрьичѣ подавно
Насъ не возьмутъ. Они, чай, сами знаютъ.
А захотятъ попробовать—пожалуй,
Пусть сунутся!

ВЫШАТА.

Вопросъ: откуда намъ
Ихъ ожидать? Урону слишкомъ много
Мы понесли. Не хватитъ нашей рати
Всѣ стороны успѣшно бороться.

РОГОВИЧЪ.

Великая была-бъ намъ льгота, еслибъ
Развѣдчика послать.

ЖИРОХЪ.

Ужъ сколько было
Послано! Перехватили всѣхъ.
Небось, они не дремлютъ: днемъ и ночью
Объѣзды ихъ кругъ города кружатъ:
Что ни увидятъ, все хватаютъ; пса бы
Не пропустили. Гдѣ-жъ тутъ послать
Развѣдчика.

ЧЕРМНЫЙ.

Авось намъ Богъ поможетъ
Объѣзды ихъ сей ночью миновать.

ВЫШАТА.

Какъ такъ, бояринъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Есть подземный ходъ
Ко самому ихъ стану....

Прислужники вносятъ блюда.

ПОСАДНИКЪ — къ Чермному

Отошли-ка

Ты лучше бабъ: что слушать имъ!

ЧЕРМНЫЙ.

И то!

Къ прислужникамъ.

Возьмите по корзинѣ, отнесите
Вина и хлѣба челяди. Безъ васъ
Мы справимся.

КОНДРАТЬЕВНА.

Кто-жъ, батюшка-то, въ домѣ
Останется? Окромѣ насъ двоихъ,
Всѣ на валу; и бабы наши землю
Таскають, вишь!

ЧЕРМНЫЙ.

Не бойтесь, не уградутъ
Меня безъ васъ. Ступайте!

Прислужницы уходить.

РОГОВИЧЪ.

О какомъ

Ты это ходѣ говорилъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Въ оврагъ
Свенельдовъ онъ, подъ городской стѣною,
Изъ Спасскаго ведетъ монастыря;
Кустарникомъ густымъ обросъ вдругъ устья,
И непримѣтенъ даже днемъ. А станъ ихъ
Стоитъ въ оврагу тыломъ.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Не слышали

Про этотъ ходъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Я самъ узналъ случайно.

ВЫШАТА.

Его-бъ засыпать лучше. Неравно
Провѣдаютъ они.

ЧЕРМНЫЙ.

[Какъ имъ провѣдать?
Искать его нарочно—и тогда

Дня три оврагъ обшаривать бы надо;
А еслибъ кто случайно и набрелъ,
То все-жъ ему пройти не можно въ городъ:
Ключъ у меня—вотъ онъ!

ЖИРОХЪ.

Позволь спросить:
Давно-ль тебѣ тотъ ходъ, бояринъ, вѣдомъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Съ той осени. А что?

ЖИРОХЪ.

Да такъ; я только
Подумалъ: жаль, что прежде не сказалъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Изъ головы онъ вышелъ у меня:
То было до войны.

ЖИРОХЪ.

Оно и лучше,
Что ты въ свое лишь вспомнилъ воеводство,
А то Оома, пожалуй, только дѣло
Испортилъ бы.

РОГОВИЧЪ.

Кого-жъ послать ты хочешь,
Развѣдчикомъ сей ночью?

ЧЕРМНЫЙ.

Самъ пойду,
Дождуся только, чтобъ темнѣ стало.

ВЫШАТА.

Часъ неровенъ; пошли другого лучше.

ЧЕРМНЫЙ.

Нельзя! Себѣ могу лишь одному
Довѣриться.

РОГОВИЧЪ.

Но вотъ ужъ третьи сутки

Ты на ногахъ; ты отдохнуть бы долженъ;
Хоть на часокъ прилягъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Избави Богъ!

Когда теперь прилягу, то мертвецы
Сейчасъ засну; а надо до зари
Навѣрно знать, откуда будетъ приступъ,
Чтобъ силы всѣ въ ту сторону собрать;
У насъ и впрямь осталось мало рати.

ВЫШАТА.

Самъ о себѣ пойдешь?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ, одного бы
Товарища взять надо.

Къ Васильку.

Василько!

Что дѣлаетъ твоя сей ночью сотня?

ВАСИЛЬКО.

Наряжены къ дозору, государь.

ЧЕРМНЫЙ.

Поставь надъ ней другого; напередъ же
Всѣмъ сдѣлай переключеу; обойди
Сперва свои притины, а потомъ
Ко Спасскому ступай монастырю.
Тамъ жди меня. Тебя беру съ собой
Ко вражьему я стану.

ВАСИЛЬКО.

Государь,
Воздай Господь тебѣ за эту честь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ.

Послѣднюю теперь, бояре, чару—
И по мѣстамъ! За Новгородъ-Великій!

Всѣ встають и пьютъ.

ЖИРОХЪ.

За Новгородъ—и добраго успѣха
Тебѣ, Андрею Юрьевичу! Любо
Смотрѣть, какъ все кипитъ въ твоихъ рукахъ!
Вездѣ ты самъ, на все тебя хватаетъ!

ВЫШАТА И РОГОВИЧЪ.

Прости, бояринъ,—добраго успѣха!

ЧЕРМНЫЙ.

Простите всѣ—и помните приказъ:
Очередной никто чтобъ не помыслилъ
Очей сомкнуть; чтобъ глядѣли въ оба,
О каждомъ бы движеніи во стапѣ .
Сказали мнѣ, какъ только я вернусь—
Мы на валу увидимся зарею.

ВЫШАТА, РОГОВИЧЪ И ЖИРОХЪ.

Спокоенъ будь, мы знаемъ наше дѣло.

Направляются къ двери.

ВЫШАТА—УХОДЯ, КЪ ПОСАДНИКУ.

Ты что же, Глѣбъ Мироновичъ?

ПОСАДНИКЪ.

Идите,

Я догоню васъ.

Вышата, Роговичъ и Жирохъ уходятъ.

ПОСАДНИКЪ—ПРОВОДИВЪ ИХЪ ГЛАЗАМИ.

Надо бы Жироха

Смѣнить.

ЧЕРМНЫЙ.

А что?

ПОСАДНИКЪ.

Сдается, ненадеженъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Мнѣ самому сдается.

ПОСАДНИКЪ.

Злобы онъ
Не можетъ скрыть—съ Оомою за-одно.

ЧЕРМНЫЙ.

Перемѣстить его могу я завтра.

ПОСАДНИКЪ.

Перемѣсти; поставь его туда,
Гдѣ приступа не будетъ; ты замѣтилъ,
Какъ онъ искалъ какую-бъ на тебѣ
Найти вину? Они съ Оомой бы рады
Тебя подвѣсть.

ЧЕРМНЫЙ.

Беречься буду ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

Еще одинъ совѣтъ: бояринъ Чермный!
На волосѣ повисла воля наша.
Тобой однимъ лишь Новгородъ стоитъ:
Когда тебя убьютъ или захватятъ—
Въ разбродъ какъ разъ сидѣніе пойдетъ,
И легкая добыча будетъ князю!
Не забывай, что ты святой Софін
И щить, и стягъ, и что друзья княжіе
Въ самихъ стѣнахъ новгородскихъ ищутъ
Тебя избыть. Въ опасность не хоти
Соваться даромъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Милостивъ Господь!

Но не идти въ развѣдку не могу я:
Отъ этого отпоръ успѣшный завтра
Зависитъ нашъ.

ПОСАДНИКЪ.

Не лучше-ль Васильеа
Отправить одного?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Молодъ слишкомъ;
Удерживать приходится его;
Мнѣ-жъ не впервые: суздальцемъ одѣнусь

И, отъ востра переходя въ востру,
Узнаю все.

ПОСАДНИКЪ.

Блуди-жъ тебя Господь!

ЧЕРМНЫЙ.

Ты самъ куда?

ПОСАДНИКЪ.

Прилягу до разсвѣта,
А то совсѣмъ не чую ногъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Прости-жъ,
Чѣмъ свѣтъ съ тобою свидимся.

ПОСАДНИКЪ.

Блуди
Тебя Господь!

Уходить.

ЧЕРМНЫЙ—однѣ.

Да, надобно Жироха
Перемѣстить. Предвидѣть надо все!
Ему съ Оомой я каеъ бѣльмо на око.
Правъ старый Глѣбъ! Проклятая дремота!
Вино, и то сегодня не бодрить.
Сейчасъ пойду...

Задумывается, потомъ подходитъ къ столу и вынимаетъ чару.

Что, бишь, ему сказалъ я?

Да! суздальцемъ одѣнусь... а Жироха
Перемѣщу... не надо позабыть
Перемѣстить Жироха... надо помнить...
Двѣ вещи помнить... суздальцемъ одѣться...
И что еще? Вотъ такъ ко сну и влонить...
Смѣнить Жироха... суздальцемъ одѣться...
Сейчасъ пойду... На мигъ присяду только...
Сейчасъ пойду...

Садится за столъ; голова его опускается на руки,
онъ засыпаетъ. Двѣ двери медленно открываются:
изъ одной показывается Наталья, изъ другой Ра-
гуло. Разговоръ ихъ идетъ шепотомъ.

РАГУЙЛО.

Ну, что-жъ ты?

НАТАЛЬЯ.

Не могу!..

РАГУЙЛО.

Бери же ключъ. Отвязывай!

НАТАЛЬЯ.

Братъ, руки

Мои дрожать!...

РАГУЙЛО—вынимая ножъ и дѣлая шагъ
впередъ.

Иль мнѣ ужъ самому?

НАТАЛЬЯ.

Сейчасъ, сейчасъ!

Подходить осторожно къ Черному и снимаетъ
съ его пояса ключъ.

РАГУЙЛО.

Давай.

Наталя подаетъ ему ключъ, падаетъ на колѣни и
закрываетъ лицо руками.

РАГУЙЛО.

Нѣтъ, шутишь! Встань!

Остаться съ нимъ тебѣ не дамъ—разбудишь.

Пускай онъ спитъ! Ты проводи меня—

Поднимаетъ ее насильно.

Иди со мной!

Къ Черному.

А ты—спокойной ночи!

Уходитъ, уводя съ собой сестру.

II.

ДОМЪ БОЯРИНА ООМЫ.

Ночь. Оома, Жирохъ и Кривцевичъ разговариваютъ.

ООМА — ходить по комнатѣ.

Подземный ходъ! И этого не зналъ я!
Какъ онъ его провѣдалъ?

ЖИРОХЪ.

Говорить,

Случайно будто.

ООМА.

А съ которыхъ поръ?

ЖИРОХЪ.

Съ той осени; и будто онъ о немъ
Совсѣмъ забылъ, сегодня только вспомнилъ!

ООМА.

Повѣрю я!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хитеръ! Молчалъ, небось,
Да про свое припасъ про воеводство.

ООМА.

Хотя-бъ однимъ денькомъ мнѣ ранѣ знать!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Хоть утромъ бы намъ знать, Оома Григорьичъ,
Успѣли-бъ князю вѣсточку подать,
Какъ приступъ вѣсть.

ООМА — къ Жироху.

И на развѣдку хочетъ

Онъ самъ идти?

ЖИРОХЪ.

Такъ намъ сказалъ.

ОМА.

Одинъ?

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, съ Васильеомъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Кабы на той развѣдѣ
Ухлопали его!

ЖИРОХЪ.

Не уповаю:
Вернется здоровъ!

ОМА.

О чемъ еще шла рѣчь?

ЖИРОХЪ.

Все объ одномъ: откуда князя ждаты?
Кто говоритъ: поидетъ на Городище,
Бто—къ воротамъ Баянимъ. Я пытался
Ихъ съ толпу сбить, да срѣзалъ старый чортъ!
Я, правда, тожъ ввернулъ ему загвоздеу:
Его долгиамъ здорово кольнулъ.

ОМА.

Съ ума сошелъ? Какія тутъ загвоздки!
Ты долженъ былъ поддакивать ему,
Ласкать его, быть мягче слова съ нимъ
Кадить ему!

ЖИРОХЪ.

Что-жъ дѣлать—сорвалось,
Не вытерпѣлъ. Когда-бъ ты только видѣлъ,
Какъ на меня смотрѣлъ онъ! Вспомнишь—сердце
Таеъ и вскипить!

ОМА.

А ты его разсудкомъ
Придерживай. Взгляни хоть на меня:
Ко Глѣбу развѣ менѣ сердце злобой
Во мнѣ кипить? А развѣ волю я
Даю ему? Нѣтъ, злобу приглушать
Умѣю я! Воярния Мамелфа
Сегодня вотъ мнѣ говорить про Глѣба:

Онъ то и то! И въ Бога-то не вѣрить,
 И въ церковь-то заказывалъ ходить,
 И даромъ-то безвиннаго меня
 Оклеветалъ! Я что-жъ? Небось, помогъ ей
 Чернить его? Нѣтъ, я не такъ-то простъ!
 Горою всталъ за Глѣба! Онъ-де мнѣ
 Хотя и врагъ, хотъ вправду благочестья
 Немного въ немъ, а все-жъ его я чту
 За то, что онъ душою не кривить,
 По-своему, вишь, Новгородъ онъ любить,
 Невѣдѣнъемъ меня лишь оскорбилъ,
 И прочее, и прочее! старуху
 Такъ умилилъ—чуть-чуть не прослезилась,
 А Глѣбъ чрезъ то и вдвое сталъ чернѣй!
 Вотъ надо какъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ тобой кому тягаться,
 Оома Григорьичъ! Богъ тебя сподобилъ,
 А мы себѣ по простотѣ!

ООМА.

Вотъ то-то,
 По простотѣ!

Къ Жироху.

Ругалъ ли ты меня,
 Какъ я тебѣ наказывалъ?

ЖИРОХЪ.

Ругать-то
 Неловко было; за тебя на вѣчѣ
 Вѣдь я стоялъ; а я сказалъ: Оома, молю,
 И самъ смекнулъ, что былъ неправъ.

ООМА.

Не то!

Ругать меня ты долженъ былъ; звать бабой,
 Звать дуракомъ, звать воромъ, трусомъ звать!
 Оома, молю, трусь! Оома—княжой прихлѣбникъ.
 Оома, молю, воръ! Оома—христопродавецъ!
 Онъ и меня лукавствомъ обошелъ!

ЖИРОХЪ.

Пересолилъ бы такъ, Оома Григорьичъ,
Замѣтили-бъ расчетъ!

ООМА.

Эхъ, простота!

Пересолишь, когда щепотку соли
Ты передашь; когда же опрокинешь
Солонку всю, тогда ошеломишь.
Что нужно намъ? Что-бъ мнили бы они,
Что сторону мою ты бросаешь. Такъ ли?
А изъ чего ты имъ передался—
Вопроса нѣтъ—вѣстимо изъ расчета!
Своимъ ты ихъ усердемъ не обманешь,
Ни у кого святымъ не прослывешь;
Не чистотой ты въ Новгородѣ вѣдомъ,
Такъ чистаго не корчи изъ себя.
Всякъ долженъ знать о немъ что мыслятъ люди,
Въ чемъ можно ихъ увѣрить, въ чемъ нельзя.
А съ Чернымъ Глѣбъ тебѣ лишь въ томъ повѣрять,
Что ты меня изъ выгодъ продаешь.
Такъ продавай! И чѣмъ наглѣй, тѣмъ лучше!
Не очищай—черни меня предъ ними,
Черни плеча.

ЖИРОХЪ.

Я думалъ понемногу
Въ ихъ мнѣнїи отречься отъ тебя.

ООМА.

Нѣтъ времени намъ дѣлать понемногу—
Желѣзо вуй, пока красно! У насъ
Псковъ на носу! Мы пень черезъ володу
Валить должны! Мы Чернаго подсѣчь
Должны теперь, куда псковичи
Не подошли, и для того теперь же
Намъ за-одинъ работать, а наружно
Врозь надо быть.

Къ Кривцевичу.

Такъ, иль не такъ?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Оома

Григорьевичъ! царь Соломонъ глаголетъ
Изъ устъ твоихъ; придай же намъ ума:
Какъ Чермнаго подсѣчь?

ООМА.

Рыбакъ, закинувъ

Свою уду, глядитъ на поплавокъ;
А не влюетъ его наживы щука—
За лодкою волочить онъ лесу,
Иль съ берега нахлесткой дразнить рыбу.
Такъ, или такъ—подъ промахъ подведемъ
Мы Чермнаго; иль улучу я случай,
Иль самъ рождѣ. Вы-жъ помните одно:
Наружно врозь, на дѣлѣ-жъ тѣсно вмѣстѣ;
Что ни скажу, навстрѣчу говорить;
А между тѣмъ смеять изъ полуслова,
Куда я гну, и спорить такъ, чтобъ я
Всегда былъ правъ...

Звонъ въ колоколъ.

ЖИРОХЪ.

Позволь—никакъ набатъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Набатъ и есть!

ЖИРОХЪ—отворяя окно.

И зарево пожара!

Крики на улицѣ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Съ оружіемъ по улицѣ бѣгутъ!
Не ворвались ли суздальцы?

ЖИРОХЪ.

Безъ боя?

Не можетъ быть!

ООМА.

Пойдемте посмотрѣть!

Нежданное намъ что-то приключилось—
Пригодное, пожалуй, что-нибудь!

Всѣ трое поспѣшно уходить.

ПЛОЩАДЬ СЪ ЛОВНЫМЪ МѢСТОМЪ.

Ночь. Зарево пожара. Набатъ и стукъ сѣчи. Граждане съ оружіемъ бѣгутъ черезъ оцѣну.

КРИКИ.

Суздальцы! Суздальцы! Измѣна! Новгородъ взяли! Рѣжутъ! Гдѣ суздальцы? Бей ихъ!

Пробѣгаютъ. Изъ боковой улицы выходитъ Василько, въ схватѣ съ Рагуйломъ, одѣтымъ въ кольчугу. Набатъ умолкаетъ, зарево гаснетъ.

ВАСИЛЬКО — наступая на Рагуйло.

Сдайся! Всѣ твои перебиты!

РАГУЙЛО.

Не таковскій, чтобъ сдаться! Кому Богъ поможетъ!

Дерутся. Рагуйло падаетъ. Изъ той же улицы выбѣгаютъ Ставръ и Головня.

СТАВРЪ.

Ай да Василько! Послѣдняго растянулъ!

ВАСИЛЬКО.

Гдѣ наши?

ГОЛОВНЯ.

Пожаръ гасятъ.

РАДЬКО — подходя.

Уже погасили.

Указываетъ на нѣсколькихъ людей, выходящихъ изъ той же улицы.

Вотъ эти намъ помогли!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Да что это за притча была? Откуда они взялись?

ДРУГОЙ.

Словно съ неба упали!

ГОЛОВНЯ.

Изъ земли словно выросли.

СТАВРЪ.

Нѣтъ, они изъ монастыря выскочили, какъ разъ когда мы дозоромъ шли.

ВАСИЛЬКО.

Да точно ли всѣ перебиты?

РАДЬКО.

Всѣхъ положили! Немного ихъ и было, человѣкъ пятьдесятъ!

ТРЕТІЙ.

А поджечь таки-успѣли!

СТАВРЪ.

Кабы не нашъ дозоръ, они съ разныхъ концовъ подошли бы: у вѣждаго связка смоленого хворосту была.

ГОЛОВНЯ.

А тѣмъ часомъ и приступъ начался бы. Внутри пожаръ гаси, а снаружи враговъ отбивай!

РАДЬКО — къ Васильку, указывая на Рагуйло.

Смотри, твой живъ еще!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Пришибить его, что ли?

РАГУЙЛО — приподнимаясь.

Православные... Дайте по-христіански умереть... Отнесите въ церковь, али пона позовите...

ПЯТЫЙ — замахиваясь.

Я тебѣ попъ! Благословлю какъ разъ!

ВАСИЛЬКО — отталкивая его.

Прочь, звѣрь! Лежачаго не бьютъ! Спросимъ его, какъ они въ городъ вошли?

Къ Рагуйлу.

Эй, молодецъ!

СТАВРЪ.

Обмеръ, должно быть, али ужъ кончился?

ВАСИЛЬКО.

Нѣтъ, живъ еще, да говорить не можетъ! Отнесите его въ монастырь.

Радько и Головня уносятъ Рагуйю. Народъ шумно собирается на площадь. Съ одной стороны входятъ посадникъ, съ другой, Оома съ Жирохомъ и Кривцевичемъ.

ПОСАДНИКЪ.

Что это было? Что случилось?

ВАСИЛЬКО.

Толпа суздальцевъ ворвалась, государь! Да уже всѣ перебиты.

ПОСАДНИКЪ.

Ты какъ здѣсь? Отчего не съ воеводой?

ВАСИЛЬКО.

Я по его указу сдѣлалъ: послѣ перевлички, сотню по дорогамъ раздѣлилъ, а самъ пришелъ въ монастырь дожидаться его. Часа три у воротъ стоялъ, какъ изъ нихъ ратники показались; я ихъ овликнулъ, а они на меня съ мечами бросились. Тутъ нашъ дозоръ подошелъ, и мы вмѣстѣ перебили ихъ.

ПОСАДНИКЪ.

А воевода? Воевода?

ВАСИЛЬКО.

Не видали его, не приходилъ.

ООМА—къ Жироху и Кривцевичу.

Смеяйте! Тутъ что-нибудь для насъ! Вѣдь это его ходоу суздальцы продѣзли.

Черный вбѣгаетъ съ мечомъ въ рукѣ.

ЧЕРНЫЙ.

Не можетъ быть! Не вѣрю! Гдѣ они? Гдѣ суздальцы?

ГОЛОСА.

Безъ тебя справились!

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ они вошли? Быть не можетъ!

Радько и Головня, отнесшіе Рагуйла, возвращаются.

РАДЬКО.

Ходъ подземный въ монастырѣ есть. Мы видѣли—монахи его заваливаютъ.

БОМА.

Ходъ подземный? Какой это ходъ?

ЖИРОХЪ.

Да не тотъ-ли, про который воевода вчера говорилъ? Отъ котораго ключъ у него?

Чермный хватается за поясъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ловко прикинулся!

ГОЛОВНЯ.

Вотъ ключъ! Онъ въ дверцѣ снутри торчалъ.

Ровотъ.

ЧЕРМНЫЙ.

Господи—что это? Онъ у меня на поясѣ былъ!

БОМА.

А теперь въ дверцѣ очутился? Гмъ! Странное дѣло!

ЖИРОХЪ.

Что, странное дѣло? Ужъ ты, прости Господи, не держишь-ли подозрѣнія на воеводу?

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ты, чай, золь на него за то, что онъ на твое мѣсто сѣлъ?

ЖИРОХЪ.

Радъ безвиннаго чернить!

БОМА.

Что вы, что вы, побойтесь Бога, съ чего вы накинулись? Я не черню его, а надо бы спросить, какъ съ его

пояса ключъ въ дверцу попалъ и вороговъ въ городъ впустилъ?

КРИКИ.

Къ отвѣту воеводу! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Постойте, люди! Развѣ можно такъ спрашивать? Подождемъ утра, соберемъ вѣче, воевода Новугороду отвѣтъ дастъ.

ГОЛОСА.

Дѣло, дѣло! Подождемъ утра, на вѣчѣ спросимъ.

ПОСАДНИКЪ — къ Черному.

Кто это учинилъ? На кого ты мыслишь?

ЧЕРНЫЙ.

Ума не приложу!

ПОСАДНИКЪ.

Голову отдамъ, чтобъ вора найти!

ПРИВЦВВИЧЪ.

Да зачѣмъ же воеводу къ отвѣту ставить? Воевода никому не держитъ отвѣта. Это не простой воевода; онъ и смертную казнь наложилъ всѣмъ, кто не слушаетъ его: какой-же на немъ отвѣтъ?

КРИКИ ВЪ НАРОДЪ.

Что-жъ, онъ князь надъ нами, что-ли? Мы и князей судимъ, а его и подавно! «Говори! Отвѣчай!»—У тебя былъ ключъ?—Кому ключъ отдалъ?—Зачѣмъ вороговъ впустилъ?—Къ отвѣту! Къ отвѣту!

ПОСАДНИКЪ.

Молчите, смерды! Воевода одному вѣчу повиненъ!

КРИКИ.

Такъ соберемъ вѣче! Чего тутъ ждать! Бѣгите на колокольню!—Ударьте въ колоколъ!—Вѣче! Вѣче!

Крики и возрастающее смятеніе. Разсвѣтаетъ.

Оома—къ Кривцевичу.

На ловцовъ звѣрь набѣжалъ! Станемъ въ разбивку,
чтобъ не сказали: стачка! И держать ухо остро!

Расходятся.

Ударъ въ колоколъ. Площадь напол-
няется все болѣ. Впереди чернаго на-
рода становятся бояре и огнищане.
Каждая улица подъ своимъ стягомъ.
Колоколъ умолкаетъ. Посадникъ всхо-
дитъ на лобное мѣсто. Молчаніе.

ПОСАДНИКЪ.

Государь Великій Новгородъ! Повелите-ли вѣчу быть?

ОБЩІЙ КРИКЪ.

Вѣче!, вѣче! вѣче!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Отерыто вѣче!
Горсть суздальцевъ сей ночью ворвалась
Чрезъ тайный ходъ подземный, отъ него же
У воеводы Чермнаго былъ ключъ.
Тотъ ходъ уже заваленъ, и враги
Побиты всѣ. А кто у воеводы
Похитилъ ключъ—не вѣдаемъ. Велите-ль
Ему отвѣтъ держать?

КРИКИ.

Пусть говорятъ!

ПОСАДНИКЪ.

Кому вести прикажете допросъ?
По грамотамъ держалъ по Ярославлимъ
Доселѣ князь въ Новгородѣ судъ;
Въ безкняжіе-жъ, и въ смутныя години,
Всегда судилъ посадникъ.

КРИКИ.

И теперь
По старинѣ! По дошлинѣ! Посадникъ,
Допрашивай!

ЖИРОХЪ.

Кому же, государи,
Какъ не ему? И кто же лучше Глѣба
Миронича очистить воеводу?
Ему онъ другъ; его-жъ на воеводство
Онъ посадилъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Такъ какъ же правду мы
Черезъ него узнаемъ? Онъ не можетъ
Допрашивать—онъ будетъ выручать!

КРИКИ.

Нельзя ему! Нельзя! Оома пусть будетъ
Допрашивать!

ООМА.

Увольте, государи!
Когда посадникъ Черному есть другъ—
Я не такъ: ему я другомъ не былъ;
Я говорилъ, что молодъ слишкомъ онъ,
И довѣрять нельзя ему сидѣнье.
Коль онъ себя, не дай Богъ, не очиститъ,
Подумають, пожалуй, на меня:
Нарочно-де я недруга запуталъ.
Кривцевичу вы лучше прикажите—
Онъ сторона!

ПОСАДНИКЪ.

Придумалъ-бы хитрѣ!
Съ Кривцевичемъ вы словно два перста.
Онъ, или ты—едино! Государь
Великій Новгородъ! Коли не мнѣ—
Вышатъ прикажите—этотъ чистъ!

ОВЩІЙ КРИКЪ.

Вышатъ! Да! Вышатъ вѣсть допросъ!
Сойди долой, а Чермный станъ къ отвѣту!
Посадникъ сходить со ступеней. Чермный всходить.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный! Новгородъ знать хочетъ:
Какъ суздальцы сей ночью вошли

Чрезъ тайный ходъ, отъ коего былъ ключъ
Въ твоихъ рукахъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Какъ святъ Господь, не знаю!

ВЫШАТА.

Кого-нибудь подозрѣваешь ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ—никого!

ВЫШАТА.

Чрезъ этотъ самый ходъ
Вчера идти хотѣлъ ты на развѣдеу—
Ходилъ-ли ты?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ.

ВЫШАТА.

Отчего?

ЧЕРМНЫЙ.

Судите,
Какъ знаете меня! Не помню самъ,
Что сдѣлалось со мной, когда ушли вы;
Стыдъ вѣчный мнѣ! Одинъ на лавкѣ сидя,
Забылся я,—забылся и заснулъ—
Очнулся лишь, когда набатъ услышалъ!

Сильный ропотъ.

ВЫШАТА.

И не нашелъ на поясѣ ключа?..

ЧЕРМНЫЙ.

Я, не глядя, бѣжать сюда пустился—
Лишь здѣсь увидѣлъ, что съ меня онъ снятъ.

ВЫШАТА.

Съ кѣмъ видѣлся по нашемъ ты уходѣ?

ЧЕРМНЫЙ.

Ни съ кѣмъ.

ВЫШАТА.

Кто былъ изъ челяди въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Никто. При васъ я отослалъ прислужницъ,
А прочіе съ утра ушли на валъ.

ВЫШАТА.

Бояринъ Чермный—дома ли Наталья
Твоя была, когда ты намъ тотъ ключъ
Показывалъ?

ЧЕРМНЫЙ.

Нѣтъ. Къ теткѣ ночевать
Предъ тѣмъ ушла. Посадникъ слышалъ, какъ
Я самъ ее отправилъ.

ПОСАДНИКЪ.

Слышалъ, точно—
Но вправду ли она ушла—Богъ-вѣсть!
Никто ее не видѣлъ.

ГОЛОСЪ.

Видѣлъ я!

ВЫШАТА.

Кто говоритъ? Колю послухъ—выступай!

Выходить изъ толпы Мечникъ.

Повѣдай все, что знаешь о Натальѣ!

МЕЧНИКЪ.

Отъ смѣны я во Спасскій монастырь
Вчера пришелъ ко всенощной. Тамъ, вижу,
Стоять она межъ нищихъ, горько плачетъ
И молится. И говорю я ей:
О чемъ ты, горемычная душа,
Такъ горько плачешь?—Къ теткѣ, говорить,
Иду къ больной, путемъ же помолиться
Сюда зашла.

ЕОМА.

Ну, значить, не Наталья!

ВЫШАТА.

Кого другого не было-ль въ дому?

ЧЕРМНЫЙ.

Я былъ одинъ.

ӨОМА.

Одинъ, въ пустыхъ покояхъ —
На поясъ съ ключомъ! Ключъ, стало, самъ
Съ него снялся и отперъ супостату
Тотъ самый ходъ, о коемъ ни душа,
Опричъ его, не вѣдала!

Возрастающій ропотъ.

ЖИРОХЪ.

Постой,
Не радуйся, Өома Григорычъ! Было
Насъ пятеро вчера у воеводы;
Намъ пятерымъ показывалъ онъ ключъ.
Когда судить доводится измѣну,
Въ допросъ нѣтъ обиды никому.
Пусть спросятъ насъ: всѣ-ль вмѣстѣ мы ушли,
Иль съ Чермнымъ кто послѣдній оставался?

ПОСАДНИКЪ.

Послѣдній я остался. Что-жъ съ того?

ЖИРОХЪ.

Гмъ! Ничего! Я только такъ!

КРИКИ.

На Глѣба
Онъ говоритъ! Каменьями его!
Воръ! Клеветникъ!

ПОСАДНИКЪ.

Оставьте, государи!
Я не изъ тѣхъ, до коихъ клевета
Могла-бъ достигъ!

ӨОМА.

Еще-бъ! Иль мы не знаемъ
Посадника? На Чермномъ на одномъ
Лежить отвѣтъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Тогда измѣнникъ Чермный!

КРИКИ.

Измѣнникъ онъ! Измѣнникъ! Смерть ему!

ПОСАДНИКЪ.

Въ умѣ-ли вы? Когда-бъ онъ замышлялъ
 Намъ измѣнить, не сталъ бы намъ онъ вкучъ
 Показывать. Онъ не сказалъ бы намъ
 О ходѣ томъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Зачѣмъ о немъ онъ прежде
 Намъ не сказалъ? Онъ зналъ его давно.

ВЫПАТА.

Бояринъ Чермный—отвѣчай на это!

ЧЕРМНЫЙ.

Чтò вамъ отвѣтить? Лѣтомъ на охотѣ,
 Я на него набрелъ случайно; было
 То до войны; не показался важнымъ
 Онъ мнѣ тогда—и я о немъ забылъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Въ свое-жъ опять припомнилъ воеводство?

ЧЕРМНЫЙ.

Когда отвѣтъ я принялъ на себя,
 Въ сидѣнью все пригодное мнѣ ясно
 Представилось.

БОМА.

Свидѣтельствуюсь Богомъ,
 Когда бы я объ этомъ ходѣ зналъ—
 Все, чтò враги на насъ ни замыслили-бъ,
 Я-бъ вѣдалъ все! Мнѣ-бъ не было нужды
 Со княземъ миръ для нашего спасенья
 Совѣтовать.

ЖИРОХЪ.

Вишь, хвастается чѣмъ!

Да развѣ самъ не собирався Чермный
Сей ночью на развѣдку?

КРИВЦЕВИЧЪ.

И заснулъ!

И кстати-жъ сонъ напалъ на воеводу:
Какъ разъ когда всѣ изъ дому ушли!
И кстати воръ нашелся въ самый мигъ,
Какъ онъ заснулъ! И кто же этотъ воръ?
Какъ онъ о томъ, о потасенномъ ходѣ
Провѣдать могъ, когда никто изъ насъ
О немъ не зналъ? И какъ онъ догадался,
Что самый ключъ на поясѣ виситъ
У воеводы? Новгородъ Великій!
Боярина Оому вы отрѣшили
За то, что мира съ княземъ онъ хотѣлъ —
Что-жъ Чермному вы за его измѣну
Положите?

ВЗРЫВЪ КРИКОВЪ.

Смерть за измѣну! Смерть!

ПОСАДНИКЪ — всходитъ на ступени.

По граматамъ! По пошлинѣ! Во имя
Святой Софіи! Дайте, государи,
Посаднику въ вамъ слово молвить!

ГОВОРЪ.

Тише!

Глѣбъ говоритъ! Молчите! Слушать Глѣба!

ПОСАДНИКЪ.

Великій Новгородъ! Нельзя казнить
Безъ обыска! Намъ надо сдѣлать обыскъ,
Его домашнихъ надо допросить.
Воръ сыщется! Какъ вору не сыскаться?
За Чермнаго-жъ я головой стою.
Я за него ручаюсь честью! Я,
Посадникъ Глѣбъ! Коль смѣните его —
Все пропадетъ! Одинъ онъ держитъ городъ.
Лишь одному ему послушна рать!
Лишь имъ однимъ — лишь имъ свобода наша
Теперь жива!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Видишь, голосъ какъ трясется

У старика!

ДРУГОЙ.

Слезла по бородѣ

Скатила! Диковина! Никто

Не видывалъ, чтобъ плакалъ старый Глѣбъ!

ПОСАДНИКЪ.

Хоть на два дня оставьте воеводство

Вы Чермному! Хоть до прихода Пскова!

Когда-жъ дотоль мы вора не найдемъ —

Казните насъ обоихъ!

КРИВЦЕВИЧЪ.

А межъ тѣмъ

Онъ насъ продастъ? Какой еще тутъ обыскъ?

Оконченъ судъ!

ОМА — тихо къ Жироку, который къ нему
непримѣтно подошелъ.

Шепни скорѣе нашимъ,

Чтобъ за меня кричали!

КРИВЦЕВИЧЪ.

Пусть онъ вора

Намъ назоветъ — не то на казнь его!

КРИКИ.

Пусть назоветъ! Пусть назоветъ! Не то

Смерть Чермному!

КРИКИ СЪ ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Оому на воеводство!

Оому! Оому! Хотимъ Оому опять!

КРИКИ СЪ РАЗНЫХЪ СТОРОНЪ.

Живетъ Оома! Оому на воеводство!

ПОСАДНИКЪ.

Дозвольте слово, Новгородъ Великій,

Послѣднее!

КРИКИ.

Ну, что еще? Свѣжи!

ПОСАДНИКЪ.

Я Господомъ Спасителемъ Христомъ
Молю того, кто влючь у воеводы.
Уворовалъ—святой молю Софіей—
И собственной души его спасеньемъ
Его молю—и страхомъ вѣчныхъ мукъ
Грожу ему—пусть самъ онъ назовется!

Молчаніе.

КРИЦЕВИЧЪ.

Не такъ-то просто, чай, воевода Черный,
Самъ на себя не свяжетъ!

КРИКЪ.

Смерть ему!

Смятеніе и шумъ. Черный народъ протѣ-
сняется сквозъ бояръ.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Что долго съ нимъ чиниться? Въ Волховъ пса!

ДРУГОЙ—стаскиваетъ Чернаго со сту-
пеней.

Веревку, братцы! И на шею камень!

ТРЕТІЙ.

Во дворъ къ нему! Разграбимъ домъ его!

КРИКИ.

Живеть Оома! Оому на воеводство!

ООМА—торжествуя, къ посаднику.

Что взялъ теперь? Мой городъ!

ПОСАДНИКЪ.

Нѣтъ еще!

Къ толпѣ.

Вамъ нуженъ воръ? Вы вора знать хотите!
Добро-жъ! Такъ я вамъ вора назову!

ОБЩІЕ КРИКИ.

Кто? Назови! Скажи, кто воръ?

ПОСАДНИКЪ.

Я воръ!

Молчаніе. Потомъ продолжительный ропотъ.

ЖИРОХЪ.

Такъ вотъ оно! Вѣдь говорилъ же я!
Вѣдь изъ всѣхъ вчера послѣдній съ Чернымъ
Остался онъ.

Оома—тихо къ Жироху.

Молчи! Его сгубить—

То Чернаго очистить! Городъ этакъ
Въ его рукахъ останется!

Къ толпѣ.

Вы, вѣщшіе, и вы, простые люди!
Ужели вы повѣрите ему?
Вы видите, онъ на себя клевететь.
Измѣнникомъ ужели можетъ быть
Посадникъ Глѣбъ?

Ропотъ.

ОТДѢЛЬНЫЕ ГОЛОСА.

Нѣтъ, нѣтъ! То быть не можетъ!
Не вѣримъ! Нѣтъ!

ВЫПАТА—къ посаднику.

Что взводишь, Глѣбъ Мирончъ,
Ты на себя? Никто изъ насъ тебѣ
Не хочетъ въ томъ, не можетъ вѣры дать!.

ПОСАДНИКЪ.

Съ которыхъ поръ мнѣ Новгородъ не вѣрить?

ЧЕРНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ, не дамъ тебѣ губиться,
Твою я правду докажу!

ПОСАДНИКЪ—тихо.

Не смѣй!

Не за тебя, за Новгородъ гублюсь!

Къ собранію.

Великій Новгородъ! Я—Глѣбъ Мироничъ—
У соннаго вчера у воеводы
Ключъ отвязалъ отъ пояса.

ЧЕРМНЫЙ.

Неправда!

Лишь по его уходѣ я заснулъ.

ПОСАДНИКЪ.

А развѣ я не могъ вернуться?

ВАСИЛЬКО.

Люди!

Бояре! Братцы! Не дадимъ ему
Себя сгубить! Кричите, что неправда!

БРЯКИ.

Неправда! Нѣтъ! Не вѣримъ!

ЖИРОХЪ.

Почему же,
Коль Чермный могъ, посаднику не мочь?

ЮМА — тихо къ Жироху.

Не то! не то! Ты только портишь дѣло.
Молчи совсѣмъ, иль говори за мной.

ЖИРОХЪ.

Нѣтъ, ужъ позволь мнѣ въ петлю супостату
Влѣзть пособить! Долгъ платежемъ красенъ!

ЮМА.

Да ты съ ума никакъ сошелъ? Намъ надо
Такъ говорить, чтобъ воеводство вновь
Досталось мнѣ. Ты Чермнаго—не Глѣба
Долженъ винить.

ЖИРОХЪ.

Съ тобою спорить мнѣ
Ты самъ велѣлъ—такъ не мѣшай!

ЕОМА.

Иуда!

Ты выручаешь Чермного!

ЖИРОХЪ.

За то ужъ

Мироньча я выручить не дамъ!

ЕОМА.

Злодѣй! Дай срокъ, съ тобою мы сочтемся!
 Бояре! Земцы! Гриди! Огнищане!
 Ужели тотъ, чья доблесть, правда, честь—
 Всѣмъ вѣдомы—на комъ никто не могъ бы
 Ни пятнышка единого найти—
 Ужели бы тотъ самый человекъ
 Могъ Новгородъ продать?

ЖИРОХЪ.

Еще-бъ не могъ,

Коль дорого ему за это дали.

ЕОМА.

Типунъ тебѣ на лживый твой языкъ!
 На свой погонъ посадника ты мѣришь!

ЖИРОХЪ.

А что-жъ? Съ тобой высчитывали мы
 Его долги: довольно есть на немъ.
 Неужто-жъ онъ продешевилъ Софію?
 Нѣтъ, онъ не глупъ! Ему досталось чѣмъ
 И новгородцамъ и любчанамъ все
 Отдать сполна.

ВЫПАТА.

Бояринъ Глѣбъ! Затѣмъ бы

Ты продалъ насъ?

ПОСАДНИКЪ.

Жирохъ ужъ вамъ сказалъ:

Чтобъ заплатить долги.

ВЫШАТА.

Тогда зачѣмъ бы
Ты признавался въ томъ *теперь*?

ПОСАДНИКЪ.

Зачѣмъ,
Что съ княземъ торгъ не удался — придется.
Мнѣ въ кабалу идти; такъ пусть одинъ
Я пропаду, безвиннаго-жъ очищу.

БОГА.

Нѣтъ, въ этомъ насъ ты не увѣришь! Нѣтъ,
Бояринъ Глѣбъ! Изъ насъ бы кто охотно
Твоихъ долговъ не заплатилъ? Не нужно
Тебѣ отъ князя было брать. Нѣтъ, нѣтъ!
Я самъ моихъ достатковъ половину
Тебѣ бы съ радостію далъ. Тяжелъ,
Я чай, врагу продаться, чѣмъ услугу
Отъ своего въ бѣдѣ принять.

ПОСАДНИКЪ.

Отъ чорта

Скорѣ бы услугу принялъ я,
Чѣмъ отъ мерзавца гадина такой,
Отъ гнуснаго такого подлеца,
Продажнаго предателя и вора,
Каковъ есть ты!

ЖИРОХЪ.

Вы слышите его?

Вы слышите? Во истину, въ лицу
Ему еще предателемъ ругаться!

ГОВОРЪ МЕЖДУ ВОЯРАМИ.

— Чрезъ мѣру гордъ! — Таковъ онъ былъ всегда!
— А совѣсть въ немъ такъ-заговорила!
— Самъ назвался! — Что вы, побойтесь Бога,
Онъ чистъ какъ день! Не онъ, не онъ насъ продалъ!
— Не можетъ быть! — А почему-жъ и нѣтъ?
— Долги вого на грѣхъ не наводили?
— Чѣмъ чортъ не шутить!

ЧЕРМНЫЙ.

Новгородъ Великій!

Когда вы мнѣ не вѣрите, когда
 Вы вашими не видите глазами,
 Что на себя наклѣпъ посадникъ держитъ—
 Велите крестъ ему поцѣловать
 Въ своихъ словахъ.

КРИВЦЕВИЧЪ.

Ну, что-жъ, и поцѣлуешь!
 Что крестъ ему? Чтобъ выручить тебя,
 Побочнаго, что-ль, сына своего,
 Не морщася, онъ поцѣлуешь крестъ.
 Извѣстно намъ, не вѣруетъ онъ въ Бога!
 Вчера еще бояринъ Мамелѣвъ
 Онъ говорилъ...

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ.

То правда—отъ нея
 Я слышалъ самъ.

ДРУГОЙ.

Я также.

ТРЕТІЙ.

То-жъ и я!

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Слышь, братцы? Глѣбъ не вѣритъ въ Бога!

ДРУГОЙ.

Стало,

Измѣнщикъ онъ?

ТРЕТІЙ.

Измѣнщикъ, стало быть!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Такъ значитъ, намъ не Чермнаго, а Глѣба
 Теперь топить?

ПЯТЫЙ.

А то кого-жъ еще?
Хватай его—иди!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Ступай ты прежде,
Я за тобой!

ПЯТЫЙ.

Что-жъ ты? Небось, полѣзъ
На Чермнаго?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

То Чермный былъ, а этотъ,
Вишь, какъ глядитъ.

ПЯТЫЙ.

Такъ кинемся всѣ вмѣстѣ!
Ребята! Глѣбъ не вѣритъ въ Бога! Глѣбъ
У воеводы ключъ стащилъ! Низовымъ
За деньги продалъ Новгородъ! Пойдемъ
Его топить!

БРЕНН.

Да! Въ Волховъ, въ Волховъ Глѣба!
Топить его! А послѣ грабить домъ!
Ну, навались!

Народъ бросается къ Лобному мѣсту; бояре его отгѣсняютъ.

КРИКИ ВЪ ГЛУБИНѢ ПЛОЩАДИ.

Свѣтъ, Глѣбъ Миронычъ!
Небось! Тебя въ обиду не дадимъ!
Твои мы уличане! За тебя
Одни на цѣлый Новгородъ полѣземъ!
Отецъ ты нашъ!

ЖИРОХЪ.

Гоните этихъ прочь!
То уличане подошли его,
Редятинцы, которыхъ онъ кормилъ;
То улица одна кричитъ, а мы
Всѣ говоримъ: онъ воръ!

Народъ вторично нападаетъ.

ВЫШЛАТА.

Назадъ! Не вамъ, а вѣчу
Его судить.

ЖИРОХЪ.

Такъ что-жъ не судить вѣче?
Грѣхъ на лицо! Умора, право. Онъ
Самъ говорить: я воръ. Они-жъ ему:
Не вѣримъ, да не вѣримъ. Еслибъ я
То на себя сказалъ, небось, вѣдь мнѣ бы
Повѣрили.

ОДИНЪ ИЗЪ БОЯРЪ—ПОДХОДИТЬ ИЗЪ ГЛУБИНЫ
СЦЕНЫ.

Не удержатъ намъ чернижъ.
Вотъ такъ и прутъ. Хотятъ суда надъ Глѣбомъ.
Сбиваютъ съ ногъ. Пойдемъ на голоса.

ДРУГОЙ.

Начнемте судъ, тогда они уймутся.
По улицамъ, бояре, по концамъ.

ТРЕТІЙ.

На голоса.

ЧЕТВЕРТЫЙ.

На голоса.

Раздѣляются на кучи. Шумъ утихаетъ. Черный и
Василько ходятъ отъ одного стага къ другому и
увѣщаютъ каждый. То же дѣлаетъ и Жирохъ.

ГОВОРЪ ВЪ РАЗНЫХЪ КУЧАХЪ.

За это

Одинъ отвѣтъ.—Когда онъ продалъ насъ,
Такъ смерть ему.—Самъ никого на свѣтѣ
Онъ не жалѣлъ.—Въ надежный годъ меня
Въ пухъ разорилъ! Гурты остановилъ
За Волховымъ; скотъ даромъ передохъ!
— Съ меня три виры взялъ!—Меня два раза
Послалъ въ тюрьму!—А сборы-то какъ правилъ?
— Въ срокъ не отдашь—опишетъ животы!
Нѣтъ, жалости въ немъ не было!

ЧЕРМНЫЙ—ВЪ ОДНОМЪ КОНЦѢ ПЛОЩАДИ.

Боаре!

За волю онъ себя не пожалѣлъ.
Чужой взялъ грѣхъ, чтобъ не достался городъ
Измѣнникамъ!

ВАСИЛЬКО—ВЪ ДРУГОМЪ КОНЦѢ.

Коль обѣлить его
Не сможемъ мы—бѣгите поскорѣй
За гридьбою!

ГОВОРЪ.

— Одно изъ двухъ: иль воръ—
Иль Чермнаго онъ ложно очищаетъ!—
— Посадникомъ его уже намъ долѣ
Не слѣдъ держать! Напрасно на себя
Показывать никто не станетъ!—Онъ же
Не вѣритъ въ Бога!—Отъ такого ждать
Чего нельзя?—Безбожники, такъ и воръ!
— А коль не воръ, то все же намъ досадчикъ!
— Досадчикъ всѣмъ!—Пора его долой!
— Давно пора!—Пусть онъ и чистъ, пожалуй,
Да намъ онъ не угоденъ!—Благо, случай
Самъ подаетъ! Не мы его чернимъ,
Не нашъ и грѣхъ-то будетъ!

ЧЕРМНЫЙ—ПОДХОДИТЬ КЪ ПОСАДНИКУ.

Еще пора—мы все поправить можемъ—
Скажи имъ, что не ты.

ПОСАДНИКЪ.

Иди на валъ,
Новгородскій воевода! Приступъ
Въ сей самый мигъ, быть можетъ, не далеку.

ЧЕРМНЫЙ.

Послушай насъ....

ПОСАДНИКЪ.

О Новгородъ думай,
Не обо мнѣ.

ЧЕРМНЫЙ.

Бояринъ Глѣбъ Мironычъ,
Молю тебя!..

ПОСАДНИКЪ.

Ну, что же, государи?
Я все сказалъ—кончайте приговоръ!

Волненіе. Изъ среды бояръ выступаетъ Вышата и
подходить къ Лобному мѣсту.

ВЫШАТА.

Бояринъ Глѣбъ Мironычъ—тяжело
Мнѣ говорить и больно...

ПОСАДНИКЪ.

Къ дѣлу!
Обиняковъ не нужно! Говори,
Какъ велѣно тебѣ отъ вѣча!

ВЫШАТА.

Бывшій
Посадникъ Глѣбъ! На явную измѣну,
Въ которой ты сейчасъ сознался самъ—
Кладется смерть. Но Новгородъ Великій,
Прошедшія твои заслуги помня,
Тебя отъ казни милуетъ, и только
Изъ города и волости своей
По жизнь тебѣ указываетъ путь.
Съ закатомъ солнца Новгородъ оставитъ
Сегодня-жъ долженъ ты.

ЧЕРМНЫЙ.

Не признаю
Такого приговора! Я со гридьбой
Его заставляю отмѣнить!

ПОСАДНИКЪ.

Не смѣй!
Святъ приговоръ! Чти вѣчевое слово,
Какъ Божіе!

ЧЕРМНЫЙ.

Не чту неправды я!
Гей, Василько! Бѣги скорѣй съ своими —
Зовите рать!

ГРИДЕНЬ — вбѣгаетъ.

Гдѣ воевода Чермный?
Враги идутъ на приступъ съ двухъ сторонъ!

ПОСАДНИКЪ.

Ты слышишь? Прочь! Твое въ раскатахъ мѣсто!

ЧЕРМНЫЙ.

Иду—но правду покажу твою—
Иль къ Божью правду вѣрить перестану!
За мной, на валъ!

Уходитъ.

ПОСАДНИКЪ — съ поклономъ.

Я, Новгородъ Великій
Благодарю за милостивый судъ!

Сходить съ Лобнаго мѣста. Толпа передъ нимъ
раздается.—Занавѣсъ опускается.

Гр. А. К. Толстой.

СЕРБСКАЯ МОРАВА

Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи въ 1867 году.

I.

Высокая равнина.—Скотопромышленники и хайдуки.—Разбой вслѣдствіе турецкаго сосѣдства.—Ужицы во время ярмарки.—Изъ прошлаго.—Пожога.—Учитель основной школы.—Сербскій Аѳонъ.—Чачакъ.—Сербскій пѣвецъ.

Путешествуя въ Сербіи по Дринѣ, все время чувствуешь какую-то тѣсноту: съ одной стороны жмутъ горы и уединяютъ отъ остальныхъ мѣстностей, съ другой—рядъ сербскихъ и турецкихъ карауловъ, которыхъ прямое назначеніе мѣшать всякому переходу съ одной стороны на другую, чему помогаетъ самая мѣстность. Таковъ характеръ двухъ округовъ: шабацкаго и подринскаго (окружный городъ Лозница); часть послѣдняго, рачанскій срезъ, уже составляетъ окружье ужицкое, которое носитъ на себѣ совершенно иной характеръ.

Это возвышенная страна, отрѣзанная горными хребтами отъ сѣверной половины княжества и сливающаяся почти подъ одно съ лежащими къ югу отъ нея Герцеговиной и Старой Сербіей. Только на западѣ поднимается довольно высокій и затруднительный для перехода хребетъ Ивица, заставившій Дрину сдѣлать здѣсь крутое колено къ западу; остальная же граница, идущая къ юго-восточному направленію, совершенно открыта. Самая возвышенная часть—Златоборъ представляетъ высокое плато, ровное, безлѣсное, покрытое превосходными травами; это вполнѣ наша южно-русская степь, которая своимъ широкимъ, открытымъ видомъ и привольемъ такъ и манитъ вочевника съ его стадами.

Кочевая жизнь давно уже миновала для всего Балканскаго полуострова, но быть пастуховъ, круглый годъ бродящихъ съ мѣста на мѣсто, составляющій продолженіе кочевого быта, вполне господствуетъ и здѣсь. Златоборское плато составляетъ убѣжище этого остатка кочевой жизни. Тысячи различнаго скота, принадлежащія скупщикамъ, бродятъ здѣсь, порученныя пастухамъ, которые отъ самаго почти дѣтства проводятъ жизнь, бродя со стадами съ мѣста на мѣсто. Оригинальный народъ эти пастухи: большая часть ихъ люди безсемейные, многіе даже не изъ Сербіи, а изъ какой-нибудь турецкой провинціи; нѣкоторые въ свое время занимались разбоемъ. Теперь они бросили, конечно, это ремесло, но связь съ «хайдучами» продолжается у нихъ донинѣ, да иначе имъ не уберечь бы ни своихъ стадъ, ни самимъ не уцѣлѣть. Хайдуцкія четы (шайки) живутъ здѣсь на одинаковыхъ правахъ съ пастухами: они кормятся съ ними вмѣстѣ отъ стадъ и получаютъ отъ владѣльцевъ ихъ извѣстную контрибуцію. Рассказываютъ, что въ случаѣ неуплаты этой контрибуціи, если изъ рукъ хайдуковъ ускользаетъ хозяинъ, то они вырѣзывали цѣлое стадо, головъ въ 200. Варварство порядочное! Но тутъ же по близости былъ случай, что одного крестьянина, у котораго предполагались большія деньги, изжарили на костре, стараясь вымучить у него показаніе, гдѣ у него деньги. Вслѣдствіе чего весь этотъ край, именно срезъ златоборскій, арильскій и моравицкій находятся постоянно на особомъ положеніи, съ полевымъ судомъ. Мѣстная администрація, отчасти вслѣдствіе недостаточности средствъ, а частію по недѣятельности и вслѣдствіе злоупотребленій — оказывается слабою; и вотъ, однажды толпа мѣстныхъ поселянъ, раздраженная противъ хайдуковъ и полиціи, которая иногда волючила рѣшеніе дѣла, напала на острогъ, вытащила 9 человекъ арестантовъ и всѣхъ ихъ убила. Такая месть ужасна, но тѣмъ не менѣе ужасно и положеніе жителей, когда они не могутъ быть увѣрены, что-назавтра непременно кто-нибудь изъ нихъ не будетъ зарѣзанъ или не будетъ угнанъ скотъ, главное достояніе его. И все это дѣлаетъ роковое турецкое сосѣдство. Всѣ почти безъ исключенія грабежи и соединенныя съ ними убійства совершаются людьми, перебѣжавшими изъ Турціи, куда они постоянно и укрываются. Національность этихъ людей различна. Въ Старой Сербіи жалуются на арнаутовъ (албанцевъ), которыхъ турецкое правительство нарочно поселило тамъ, что они съ юга, отъ предѣловъ Албаніи, полосой протянулись почти вплоть въ Новому-Базару; а въ послѣдніе годы тамъ же поселены червесы, которые въ городахъ совершаютъ грабежи днемъ на базарѣ, при

большомъ стеченіи народа. Естественныхъ преградъ, какъ я уже замѣтилъ, здѣсь нѣтъ никакихъ, и потому переходъ границы туда и обратно очень легкій. Тутъ же неподалеку, вдоль всей сербской границы, пролегаетъ главная дорога изъ Константинополя въ Боснію, и всѣ городки, лежащіе на ней, имѣютъ отъ себя дороги черезъ сербскую границу; именно такіа дороги идутъ отъ Сѣмичи, Новой-Вароши, Пребоя и Вышеграда; всѣ онѣ идутъ по ужицкому окружью и сходятся въ Ужицѣ. Можно поѣтому судить, какая тѣсная связь этого края съ Турціею и въ какой зависимости онъ отъ этой послѣдней. Въ настоящее время то и дѣло мы читаемъ заявленія, что турецкія шайки переходятъ сербскую границу и нападаютъ на сербскія селенія; это совершенно вѣроятно, потому что и прежде бывало почти подобное. Жизнь этого края должна бы получить болѣе развитіе, еслибъ не было указанныхъ задерживающихъ причинъ. Край богатъ въ естественномъ отношеніи и притомъ находится на самомъ широкомъ торговомъ пути, а между тѣмъ онъ, говоря по-сербски, *чамитъ*, т. е. не живетъ и не умираетъ, вслѣдствіе своей общественной необеспеченности.

Но пора намъ вступить въ самый городъ *Ужицы*.

Въ тотъ же день, какъ я вышелъ съ ночлега, довольно рано былъ уже въ городѣ. Это было въ Духовъ-день, по-сербски *духове*, и тамъ въ этотъ день была ярмарка. Не останавливаясь нигдѣ въ гостинницѣ, я зашелъ прямо къ г. К., къ которому имѣлъ рекомендацію отъ его брата изъ Бѣлграда. Хозяинъ былъ настолько любезенъ, что не отпустилъ меня отъ себя. Капетанъ Мита, съ которымъ я познакомился въ монастырѣ Рачѣ, оказался, женатъ на его сестрѣ; самъ онъ жилъ нѣкоторое время за границей, женатъ на австріячкѣ, образованной женщинѣ, поѣтому я нашелъ у него всю обстановку европейскую, которая, признаюсь, послѣ продолжительнаго скитанья по сербскимъ механамъ, была очень пріятна. Я не имѣлъ тутъ предметовъ для этнографическихъ изученій, но за то вполне отдохнулъ и тѣломъ, и душой. При хорошей обстановкѣ и въ обществѣ, съ которымъ не чувствуешь никакого разлада, можно скоро отдохнуть,—такъ и тутъ: несмотря на только-что совершенный большой переходъ, часа черезъ два я уже шлялся по ярмаркѣ.

Главный торгъ былъ скотомъ, и преимущественно много было нагнано лошадей. Конечно, тутъ не было ничего похожаго на ярмарки въ нашемъ юго-восточномъ краю, гдѣ разнаго скота собирается сотни тысячъ, гдѣ гуляютъ табуны лошадей, никогда не бывавшихъ въ рукахъ; здѣсь же было нѣчто въ родѣ нашихъ

большихъ базаровъ. Весь скотъ былъ на поводу, только овцы и козы были свободны, и ихъ было немного. Остальной товаръ, такъ-называемый *чармийскій* (красный, галантерейный, бакалейный и проч.), былъ весь иностранный, преимущественно австрійскій, привезенный изъ Бѣлграда. Изъ мѣстныхъ произведеній были опанки, ягодинскіе ножи, дудки, чутуры, баблагы и другая деревянная посуда, сита изъ конского волоса, мѣшки и сумки изъ козьей шерсти, холсты и полотенца, сукно и нѣкоторые желѣзные издѣлія изъ Болгаріи; но былъ одинъ предметъ мѣстнаго произведенія, на который нельзя было не обратить вниманія—шерстяныя одѣяла, по-сербски *уберы*—двухъ сортовъ: плотная ткань, длинная мягкая шерсть—достоинства, которыя ругались за ихъ пригодность, т.-е. что они будутъ теплы и носки. Я особенно указываю на нихъ, потому что они производятся на тамошней фабрикѣ мѣстнаго купца г. Поповича. Это была въ то время единственная фабрика въ Сербіи, и желательно было бы, чтобъ она послужила началомъ промышленности въ томъ краю; а между тѣмъ послѣ я слышалъ, что у него своихъ средствъ недовало, онъ обращался къ правительству, которое отказалось, и фабрика, кажется, уже кончила свое существованіе. Важно еще и то, что она дѣйствовала водяною силой, и тутъ же была вмѣстѣ мукомольная мельница.

Изъ другихъ сербскихъ краевъ, въ особенности изъ крупивацкаго, сюда привезено было много вина, котораго здѣсь мало производится, вслѣдствіе того, что главный склонъ его на сѣверъ, и притомъ онъ значительно приподнятъ надъ уровнемъ моря. Отсюда беретъ начало, такъ-называемая, Сербская Морава и всѣ питающіе ее притоки.

Мало интереснаго представляла ужицкая армарка, такъ что мнѣ оставалось много времени осмотрѣть весь городъ. Онъ состоитъ изъ двухъ частей. Одна часть жилая, гдѣ рядомъ съ небольшими бѣленькими домиками мѣщанъ, лавками, отрывающими каждому прохожему всю свою внутренность, выдаются домъ окружнаго начальника, конакъ бывшаго ужицкаго епископа, отличная церковь; но вообще видъ этой части такой, что какъ-будто она недавно только стала отстраиваться. Другая часть—городъ мертвыхъ, вся въ развалинахъ: тамъ полу-разрушенная *джамія* (мечеть), отъ которой остался только высокій минаретъ, тамъ обгорѣлыя стѣны какого-то большого зданія, украшавшагося когда-то цвѣтными арабесками, а мѣстами просто кучи мусора и щебня, и тутъ же высохшія виноградники и погибшія деревья персико-

ныя, груши и проч. Это собственно турецкій городъ, оставлен- ный турками только въ 1862 г.

Подлѣ города, на скалѣ, почти конусомъ поднимающейся надъ протекающей здѣсь рѣкою Дѣтиной, находятся развалины стариннаго замка, вполнѣдствіи турецкой крѣпости. Скала эта съ трудомъ доступна и съ берега, потому что вытянулась греб- немъ до края, а къ водѣ она спускается отвѣсно.

Построеніе этого замка относится къ среднимъ вѣкамъ, къ XIII-му столѣтію. Къ тому же времени вѣроятно относятся остатки и другихъ построекъ изъ тесанаго камня, изъ большихъ квадръ. Въ одномъ подобномъ зданіи у турокъ здѣсь былъ медресъ (высшее судилище или совѣтъ), внизу же была устроена тюрьма. Уцѣлѣли еще арки моста черезъ рѣку, тоже изъ камня: по стилю онъ напоминаетъ римскія постройки, которыхъ въ окрестностяхъ много и съ подписями.

Судя по пространству, на которомъ попадаются слѣды по- строекъ временъ римлянъ и сербскихъ царей, должно предпола- гать, что это былъ обширный городъ, окруженный богатыми за- городными домами съ садами. И все это рухнуло безъ слѣда и памяти съ приходомъ турокъ. Народная пѣсня сохранила од- нако память о цвѣтущемъ времени, которое миновалось именно съ того часа, какъ началось турецкое господство.

Вотъ какъ она передаетъ это грустное воспоминаніе:

О, Ужице—мали Цариграде!
Док бѣаше,—добро ти бѣаше!

О, Ужицы—малый Цареградъ!
Покуда былъ ты цареградомъ, хорошо
тебѣ было!

Кроза те се проты не могаше
Од тошака и од тьепенака,
Од дутьяна и од базедьяна,
Од момака и од девоака,
Од зумбула и од каранфила.
А одкад те баше авонше,
Све се пушиш, канда шљиве суншиш.

Не пройти было сквозь тебя
Отъ множества угловъ и перекрестковъ,
Отъ лавокъ и палатокъ,
Отъ молодцовъ и дѣвицъ,
Отъ сирени и гвоздикъ.
А когда тобою паши овладѣли,
Все дымишся ты, точно суншиш сливы.

Передъ вечеромъ отправляюсь дальше, на Пожегу. По до- рогѣ множество народу, возвращающагося съ ярмарки. Одни верхами скачутъ, что есть мочи, другіе на телѣгахъ, и верени- цей тянутся пѣшеходы. Все это немного на-веселѣ, кругомъ живой разговоръ, иной распѣваетъ пѣсню. Я пристаю къ не- большой партіи, въ которой одинъ идетъ до Пожеги. Онъ утромъ купилъ на ярмаркѣ телушку и погналъ ее домой, а она съ до- роги бѣжала; воротился онъ, нашелъ ее у прежняго хозяина и теперь уже ведетъ на веревкѣ. Онъ оказывается очень любо- звательнымъ человѣкомъ. Какъ истый сербъ, онъ узналъ мое

краснѣе и звать меня постоянно братомъ Павломъ. Трудно, конечно, припомнить всѣ наши разговоры, которые мы вели дорогой, но нѣкоторые разспросы были настолько оригинальны, что они до сихъ поръ живо припоминаются.

«Скажи мнѣ, братъ Павелъ: ты всякія страны видѣлъ, правда-ли, что въ Мисирской землѣ (въ Египтѣ) жатву собираютъ два раза въ годъ и не пахутъ земли, а зерно бросаютъ не на паханную землю, и она все-таки родитъ, какъ нигдѣ не родится? Правда-ли, что есть земли, гдѣ цари нѣтъ, и что одна такая земля—Америкой она называется—сильнѣе, чѣмъ всѣ царства на свѣтѣ?»

«Правда ли, что князь Михайло съ кумомъ своимъ Ристичемъ ѣздилъ на край земли? Ъхалъ онъ сначала просто по дорогѣ, потомъ моремъ, потомъ на саняхъ по льду; ѣхалъ, ѣхалъ, а тамъ и конецъ: чтó же тамъ такое?—Правда ли, что въ Россіи есть такіе люди, которые скопятся? Вѣдь это вонъ турки насильно дѣлаютъ, а тамъ, говорятъ, добровольно?»

Оказалось, что онъ человѣкъ безграмотный, но имѣетъ книжки, и когда кто придетъ, заставляеть себя читать. Особенно любить онъ книжку *землеписи* (географія); а о скопцахъ ему въ газетахъ читали. Ради чтенія ходитъ онъ часто къ учителю, и взялъ однажды къ себѣ ученика жить съ условіемъ, чтобы онъ ему читалъ, такъ какъ самъ не могъ читать. «Удивительное дѣло это читать: учать, учать въ школѣ, а дѣти все-таки читать не могутъ»—добавилъ онъ съ полной вѣрой, что иначе и быть не можетъ.

Спутникъ мой провелъ меня въ механу; потомъ отвелъ домой телушку и опять вернулся; потребовалъ вина, чтобы меня угостить, и, уходя, обѣщался на другой день прислать ко мнѣ учителя.

На другой день утромъ я обошелъ городъ. Онъ представлялъ больше интереса со стороны археологической, потому что вездѣ попадались памятники древности: тамъ, на порогѣ дома надгробный камень съ римскою надписью, тамъ подобный же камень заложенъ подъ фундаментъ, а тамъ изъ него сдѣлана ступа. Подлѣ Пожеги оказывается цѣлое кладбище римское. Въ тотъ же день вмѣстѣ съ учителемъ я ходилъ часа за четыре отъ Пожеги, вверхъ по р. Скрапежу, осмотрѣть подобное же римское кладбище, близъ селенія *Ежесвицы*.

Судя по разбросаннымъ вездѣ памятникамъ, видно, что и здѣсь когда-то жило большое населеніе.

Интересною личностью для меня былъ учитель. Онъ мнѣ показался очень разумнымъ и вмѣстѣ мягкимъ, гуманнымъ человекомъ, чтó въ учителѣ составляетъ, конечно, одно изъ важнѣйшихъ

достоинствъ. Въ послѣднемъ качествѣ привелось разочароваться, потому что за жестокое обхожденіе онъ чуть не лишился мѣста и оставленъ только подѣ условіемъ воздержанія отъ тѣлесныхъ наказаній. Осталось несомнѣннымъ только, что онъ очень разумный человѣкъ, и очень хорошо сознавалъ свою крайнюю неподготовленность для школьнаго дѣла. Онъ не только не имѣлъ самыхъ элементарныхъ понятій изъ географіи и естественныхъ наукъ, но не имѣлъ понятія о дробяхъ изъ ариметики, не зналъ, кто такіе римляне, памятники которыхъ попадались ему на каждомъ шагѣ. Трудно припомнить всѣ факты, доказывавшіе его невѣжество, но общее впечатлѣніе было такое, что онъ въ школѣ учился только молитвамъ и кое-какъ священной исторіи и катехизису, преподаваніемъ же всѣхъ другихъ наукъ совершенно пренебрегали. Школа эта такъ-называемое *Богословіе бѣлградское*, которое ставитъ выше семинаріи, но въ сущности ниже всякаго нашего низшаго духовнаго училища. Благодаря такому положенію этой школы, вы встрѣтите въ Сербіи много священниковъ, очень умныхъ и вообще хорошихъ людей, но совершенныхъ невѣждъ въ научномъ смыслѣ, и такихъ же народныхъ учителей.

Очень многіе сельскіе учителя пользуются своими учениками, какъ работниками, и на счетъ ихъ работы заводятъ большіе огороды, изъ которыхъ извлекаютъ свои выгоды. Нѣкоторые учителя облагаютъ своихъ учениковъ податью: у одного, наприм., было заведено, когда созрѣваютъ плоды и варятъ варенье, котораго у сербовъ выходитъ очень много, то каждый ученикъ обязанъ былъ принести извѣстное количество яблокъ или другихъ плодовъ, а кто не имѣлъ своихъ, воровалъ и приносилъ. Въ лѣтнее время школа иногда обращается въ птичникъ и наполняется гусями, утками и т. п. И такой учитель иногда пользуется весьма хорошею репутаціею передъ своимъ начальствомъ. Есть, правда, въ Сербіи два инспектора школъ, которые обязываютъ ихъ каждый годъ; но тутъ является вольная и невольная снисходительность, по различнымъ мотивамъ: откуда же взять лучшихъ учителей? и что въ этомъ за бѣда? Грамотность распространяется, а дальнѣйшее — потомъ; Сербія «државица малена, младена» (государстве маленькое, молоденькое) — и дѣло идетъ такъ, чтобъ нельзя было сказать, что ничего не дѣлается.

Какое послѣ этого невѣрное понятіе составите о Сербіи по тѣмъ отчетамъ, которые всякій разъ читаются передъ скупщиной. Такъ, въ отчетѣ за 1866 г. значится: 342 основныхъ школы съ 18,242 учениками (до конца года пробыли только 15,359); въ 7-ми гимназіяхъ и полугимназіяхъ 1270 учениковъ и около 50-ти

учителей; сверхъ того, въ низшихъ реальныхъ гимназіяхъ болѣе 200 учениковъ; въ богословіи 189 учениковъ при 6-ти профессорахъ; въ высшей школѣ 210 учениковъ и 15 профессоровъ. Въ 1871 г. число это значительно увеличилось: число основныхъ школъ возрасло до 484 съ 605 учителями и 25,270 учениками (въ томъ числѣ мальчики и дѣвочки).

Но въ честь Сербіи нужно сказать, что она сравнительно съ другими государствами, считающими себя несравненно выше на дѣйствицѣ цивилизаціи, тратитъ на народное образованіе гораздо больше. На народное образованіе государство тратитъ тамъ только втрое меньше, чѣмъ на военное министерство. Сознывая неудовлетворительность домашней школы, Сербія каждый годъ содержитъ болѣе 40 воспитанниковъ за границей въ различныхъ среднихъ и высшихъ училищахъ.

Вообще замѣчу, что сербскій народъ, какъ въ частности, въ лицѣ простыхъ поселянъ и горожанъ, такъ и въ общемъ брѣвѣ его, въ скупщинѣ—постоянно заявляетъ себя въ пользу расширенія образованія, и не его тутъ вина, если исполненіе этой миссіи правительство предоставляетъ людямъ неспособнымъ удовлетворить этой насущной потребности.

Отъ Пожеги перехожу по мосту Мораву, которая здѣсь течетъ небольшою рѣчушкой по ровной мѣстности: кругомъ виднѣются небольшіе поселки, изгороди; тамъ идетъ подбиванье кукурузы, а тамъ еще сѣютъ ее, конечно, на удачу, рассчитывая, что при продолжительномъ лѣтѣ, можетъ быть, еще и выйдеть; и странный способъ посѣва: разбрасываютъ по непаханному полю зерно и запахиваютъ, точно въ «Мисирской» землѣ. Морава идетъ здѣсь на сѣверъ прямо въ горы, и скрывается тамъ въ тѣснинахъ. Я перехожу еще какую-то рѣчушку. Все такое же открытое и оживленное мѣсто. Въ полдень прохожу мимо ключа, проведеннаго въ каменный резервуаръ, откуда вода вытекаетъ по каменному желобку и, падая въ каменную же чашу, разливается, поливая лежащую подъ нимъ луговину.

Жарко становится; ключъ такъ и манитъ, и я останавливаюсь. А подлѣ, на лужайкѣ, двѣ дѣвушки, двѣ свѣжія, румяныя блондинки, по одеждѣ и по всему внѣшнему виду точно наши, русскія, крестьянскія дѣвушки, выстилаютъ холсты.

Повуда я снялъ съ себя сумку и собирался напиться, дѣвушки подошли тоже къ водѣ. Я отступилъ немного, но одна изъ нихъ быстро подошла ко мнѣ, схватила мою руку и поцѣловала. Это было такъ быстро и неожиданно, что я не успѣлъ

отдернуть руки и едва успѣлъ предупредить другую, которая готова была продолжать то же самое.

Такое жѣлованье женщиной руки у мужчины — обычное дѣло въ тѣхъ краяхъ, куда не проникали еще новіе нравы. Подгородная дѣвушка не подойдетъ къ рукамъ ни въ кому, даже къ священнику подойдетъ въ томъ только случаѣ, если онъ всѣмъ чтимый старецъ или красивый юноша. Видѣлъ я, какъ дѣвушки удалялись отъ *проты* (протопопа), чтобъ не поцѣловать у него руки. И наоборотъ, я видѣлъ, какъ замужнія женщины подходили къ рукамъ мальчика лѣтъ 16-ти, и онъ сповоино сидѣлъ, принимая эти знаки почтенія отъ женщинъ, которыя были, конечно, почтеніе его.

Я сказалъ, что Морава ударилась въ горы на сѣверъ; встрѣтивши тамъ горный крайъ, который составляетъ центральный узелъ Сербіи и идетъ вплоть до Бѣлграда, выступивъ мысомъ въ Дунай, Морава вдругъ поворачивается на юго-востокъ и идетъ у подножія центральной возвышенности Сербіи, составляющей корень и сердце ея, такъ-называемой Шумадин. При самомъ поворотѣ она попадаетъ въ ущелье между двумя горами: Кобларомъ — на лѣвой сторонѣ и Овчаромъ — на правой. Не для привольной жизни, не для земледѣлья или промышленника создавалась эта мѣстность; но человѣкъ, ищущій уединенія отъ мірскаго шума или убѣжища отъ гоненій и преслѣдованій своего же брата, человѣка, найдеть здѣсь истинный пріютъ, куда рѣдко заглянеть любопытный, и трудно пройти съ погоней, трудно открыть и изловить кого бы то ни было.

И вотъ, въ то время, какъ сербскіе цари строили богатые монастыри и лавры, Студеницу, Жичу, Раваницу, Манассію и др., обращая ихъ въ царскія станціи для отдохновеній во время дальнихъ путешествій въ Царьградъ и обратно, пролагали къ нимъ торные пути, мостили ихъ и выравнивали, надѣялись ихъ землями и селами, въ XVI и XVII ст., бѣдная сербская райя укрывалась отъ преслѣдованій въ этотъ тѣсный, неприступный уголокъ, складывая тутъ свои скудные пожитки и свои мечты и надежды, спасая и умиротворяя свою истерзанную душу. Убѣгали сюда монахи изъ разоренныхъ монастырей въ Герцеговинѣ и Старей Сербіи и, собираясь въ кучки, водворяли здѣсь жительство анахоретовъ. Нѣтъ здѣсь простора и приволья, но множество укромныхъ уголковъ, гдѣ неприступность даетъ покой и миръ отъ вѣшняго врага, а прелесть видовъ и мягкій характеръ всей природы даютъ удовлетвореніе теплomu чувству добра и наслажденія. Изъ уединенныхъ жилищъ пустынныхъ возникаютъ обще-

жителиные монастыри, бѣдные, какъ ихъ первые основатели, но гостепріимные для каждаго, не разбирая сословія и состоянія, какъ то дѣлалось въ знаменитыхъ монастыряхъ, только бы была въ немъ христіанская душа. Они сдѣлались главнымъ убѣжищемъ сербовъ, нуждавшихся въ спасеніи отъ турокъ. Турки однако проникали и сюда, и здѣсь вы найдете слѣды ихъ варварства; въ нѣкоторыхъ монастыряхъ встрѣчаются надписи: разоренъ тогда-то, а возобновленъ тогда.

На берегу Моравы, сердито влупающей въ тѣснину, стоитъ монастырь Благовѣщеніе. Простой квадратный срубъ, къ которому примыкають съ боковъ порталы, вмѣстѣ съ трапезой, придающіе церкви крестообразную форму, наверху восьмиугольная башенка съ окнами, крыша въ видѣ плоскаго конуса, четырехконечный крестъ,—вотъ и все тутъ. Спереди галлерейка съ крышею на одинъ скатъ, какъ у насъ въ старинныхъ домахъ крылецъ; подлѣ колодезь съ коническою крышей и съ крестомъ; одинъ домикъ, въ которомъ живутъ четыре монаха—вотъ вамъ и монастырь. Стоитъ онъ у ногъ Коблара, любуясь на противоположномъ берегу Овчаромъ. Мѣстоположеніе такъ удивительно, что нельзя и подозрѣвать присутствія человека вблизи. Но сдѣлайте одинъ перевалъ черезъ распадокъ, и черезъ полчаса ходьбы вы уже въ другомъ монастырѣ—Преображеніи, у подношья того же Коблара. Здѣсь церковь не имѣетъ даже вида церкви, а простой сербскій одноэтажный домикъ, съ высокою крышей и маленькими окошечками, и подлѣ него еще три домика, амбарчикъ на столбахъ, кругомъ низенькій и рѣденькій частокъ. За то какъ красиво расположились двѣ горы, раздѣленные распадкомъ, съ голыми стѣнами, уступами и высокою коническою вершиной.

И такихъ-то монастырей здѣсь до десятка или больше. Всѣ они носятъ названія праздниковъ: Введенія, Вознесенія, Срѣтенія и др. Всѣ они имѣютъ свои свазанія о святыхъ подвижникахъ, въ нѣкоторыхъ почивають тѣла знаменитыхъ іерарховъ; такъ, въ Благовѣщеніи—«Киръ Софроній», митрополитъ смедеревскій, умершій въ 1813 г. По срединѣ рѣки лежатъ огромная скала, оторвавшаяся отсюда-то сверху; она называется «мостна стѣна», что указываетъ на ея служеніе мостомъ. Немнодалеку отъ нея, на маленькомъ островѣ, вытекаетъ горячій ключъ; тамъ же есть пещера, называемая «турчиновацъ», въ которую скрывались люди, когда турки вторгались и въ эти предѣлы. Однимъ словомъ, въ этомъ тѣсномъ, уединенномъ мірѣ есть своего рода драгоценные памятники и славныя преданія. Здѣсь

же, именно въ Благовѣщеніи, въ 1805 г., когда сербы, предводимые свинопасомъ Чернигъ-Георгіемъ, впервые послѣ пятилѣтняго омертвѣнія, испугали Порту, здѣсь же сдѣлано было народное собраніе и выбраны люди, которымъ народъ вручалъ свою судьбу, и это временное правительство тогда получило названіе синаода или совѣта.

Недолго однако народъ сербскій пользовался свободой, добытой кровью: въ 1813 г. снова воротились турки; а въ 1815 г. неподалеку отъ этихъ же мѣстъ, въ глухомъ мѣстечкѣ Таковѣ, въ маленькой церкви, снова было народное собраніе, и не знало, что предпринять. Тогда является другой герой, продолжатель дѣла Чернаго-Георгія,—со знаменемъ въ рукахъ, въ полномъ одѣяніи воеводы; онъ неожиданно вступилъ въ собраніе со словами: «вотъ я, а вотъ вамъ война», и дѣло было рѣшено; на другой день все, что могло вооружиться, двинулось къ югу на Чачавъ. Это было въ вербное воскресенье, называемое у сербовъ *цвѣтје*, которое съ тѣхъ поръ каждый годъ празднуется, какъ день освобожденія.

Вотъ какую роль въ судьбѣ сербскаго народа играли эти горы, съ ихъ монастырями и бѣдными церквами; а теперь «сербскій Аѳонъ», какъ справедливо называютъ Кобларъ и Овчаръ, не имѣетъ никакого значенія; въ нему даже нѣтъ хорошей дороги, а главная дорога отъ Помегнъ въ Чачавъ оставляетъ его далеко въ сторонѣ, такъ что вы вступаете въ долину Моравы только уже передъ Чачкомъ.

Передъ этимъ однако приводится перевалить хребетъ Елицу. Тутъ есть одинъ пунктъ, съ котораго вы увидите, вправо, въ нѣсколько рядовъ идущія горы: Трѣглавъ, Чемерно, Столовая, и на самомъ заднемъ планѣ едва усмотрите плоскую вершину Конаоника, самый южный пунктъ Сербіи: весь бѣлый, покрытый еще въ то время снѣгомъ, онъ едва отдѣляется отъ туманно-голубого горизонта. Конаоникъ, кажется, единственная гора въ Сербіи, носящая на себѣ альпійскій отпечатокъ, и потому онъ составляетъ desiderium сербскихъ натуралистовъ. Лучшее описаніе его природы принадлежитъ профессору бѣлградской высшей школы, Панчичу.

Отсюда вступаемъ въ долину Моравы, гдѣ она дѣлается уже настоящей рѣкою, а не горнымъ потокомъ. Отсюда до самаго устья долина ея, то суживаясь, то расширяясь, представляетъ всѣ условія для развитія жизни. Въ ней сосредоточилась горожская жизнь Сербіи; тутъ идетъ цѣлый рядъ городовъ: Чачавъ, Карановацъ, Паратинъ, Тюприя, Ягодина и др. Въ этимъ горо-

дамъ примыкають богатые еса; время хлебобашества и винодѣлія, здѣсь проводится добитіе пшениу.

Спустившись съ горы на долину, я пораженъ былъ роскошью растительности и красивымъ видомъ деревьевъ: на лѣвѣ лѣсъ поѣхъ въ четверть, на берегу громадные серебристые тополи и тутъ же виноградъ, взвившійся до вершины дерева, покрывъ ее, какъ шапкой, густою сѣткою своей свѣтлой, рѣзной лѣствы; онъ спускался отсюда кѣсами и купался въ мутной водѣ Мораны; огромныя яблони и деревья боярышника почти равнялись со стоящими тутъ же дубами. Изгороди всѣ сплошь укрыты густымъ покровомъ винограда, который въ то время цвѣлъ и обдавалъ своимъ ароматомъ: прохода между этими виноградными шпалерами, я чувствовалъ почти головокруженіе.

Въ это время на встрѣчу мнѣ ѣхалъ всадникъ на рыжемъ конѣ полной рысью, и задержался немного только передо мною: это былъ священникъ. Черные вьющіеся волосы густо выбивались изъ-подъ невысокаго клобука; острый носъ и черные живые глаза, густая небольшая борода придавали его лицу выраженіе энергіи, свѣжести и силы, выразившихся въ его походкѣ и движеніяхъ, когда онъ, нисколько не напрягаясь, осадил своего мчавагося, порячаго коня. На немъ была ряса, не очень широкая, съ малиновой шелковой подкладкой, такого же цвѣта широкій поясъ, на рукахъ лиловые перчатки. Вся фигура его была необыкновенно красива и, казалось, составляла нераздѣльное цѣлое съ окружающею, также прекрасною природою.

— Помози богъ, — сказалъ я ему.

— Богъ ти поможе, — отвѣтилъ онъ, и еще больше оживилось его лицо.

Онъ хотѣлъ было сказать обычное у серба «ниа си», т. е. «что ты», но недосугъ его и мой заставилъ насъ разотаться безъ дальнихъ рѣчей и разспросовъ. Черезъ четверть часа я вступалъ уже въ Чачакъ.

Улица была вся въ колеяхъ и зоткахъ раскопной, совершенно черной грязи; но домики были всѣ бѣлые, чистенькіе, съ высокими трубами, вкопанными на минареты, и передъ каждымъ домикомъ садикъ и рядъ роскошныхъ розъ, поднимающихся выше края крыши. Большая церковь, также бѣлая, съ нѣсколькими башенками, довольно странной архитектуры, напоминающей одною частью на турецкую мечеть, красовалась на обширной площади и кругомъ еще нѣсколько довольно большихъ домовъ. Общій видъ былъ такой, что зажиточность и порядочность являлась съ перваго раза на глаза; это было и въ действительности.

Въ Чачкѣ я имѣлъ рекомендацію въ одному изъ тамошнихъ купцовъ, поэтому я скоро приобрѣлъ себѣ знакомства. Но знакомства эти нашлись не въ частномъ домѣ, а на улицѣ и въ гостинницѣ. Какъ только вы пришли, васъ угощаютъ обычнымъ порядкомъ, и затѣмъ ведутъ уже въ гостинницу, изъ которой вы и не выйдете; или можете перейти только въ другую гостинницу. Домашняя же, семейная жизнь совершенно отдѣлена. Вотъ почему и нѣтъ интереса оставаться дольше въ сербскомъ городѣ.

Чачакъ лежитъ какъ разъ на пути изъ Новаго-Базара въ Сербію, и потому здѣсь постоянно находятся торговцы или *кирджии* (возчики) изъ Старой Сербіи.

Въ гостинницѣ, въ которую меня привели мои новые знакомцы, было оттуда нѣсколько сербовъ, люди все чрезвычайно рослые и крѣпкіе: бѣлый кафтанъ въ родѣ черески, туго стѣнутый на тонкой талии, ноги, обернутыя очень плотно въ суконыя *ногавице*—обнаруживали крѣпкія мышцы; ступаетъ онъ, точно на ногахъ нѣтъ мяса, а во всей этой обуви твердая деревяшка,—только необыкновенная гибкость уваживаетъ на присутствіе очень эластичныхъ, упругихъ мышцъ.

Одинъ изъ нихъ былъ съ *мислой*, и по просьбѣ публики заигралъ намъ сербскія мѣсни.

Странное впечатлѣніе производятъ звуки этого инструмента и сопровождающее его пѣніе. Вы слышите какой-то однообразный, хриплый скрипъ, который варьируется только повышеніями и пониженіями, ускореніемъ или замедленіемъ темпа; нѣтъ тутъ ни аккордовъ, ни гармоній—это идетъ все одинъ и тотъ же голосъ. Пѣвецъ, сначала уставившись въ свой инструментъ, начинается вдругъ высокою сильною нотой какое-то воззваніе, потомъ откинется назадъ, подниметъ голову вверхъ, къ небу, какъ будто взывая къ нему и припоминая, обрываетъ стономъ, и смолкаетъ; а въ это время только быстрее забѣгаетъ смычокъ, громче и выше захрипитъ и застонетъ струна; потомъ опять начнется мѣрное движеніе, и опять изъ груди пѣвца вырывается прежняя высокая нота, не сходя съ которой, онъ поетъ ужъ речитативомъ довольно долго, пока не дойдетъ до патетическаго мѣста, на которомъ онъ снова обрываетъ рѣчь и только застонетъ, и этотъ стонъ какъ-бы эхомъ отзывается въ потупившихся слушателяхъ.

Пѣлъ онъ сначала про Бановича Страхию, и эта пѣсня безъ перерывовъ длилась болѣе часу. Сколько ни было публики, все молчало, ловя только слово, выдающее юначество сербскаго героя, и сопровождая его возгласами одобренія. Затѣмъ послѣ-

довавъ роздыхъ: поставили передъ нѣвцомъ полбутылочекъ вина, попилъ онъ, пораздумалъ, и снова началъ. Запѣлъ онъ про царя Лазаря и жену его царицу Милицу, про Коссовскую битву, гдѣ погибъ царь и доброе юначество — Милошъ Обличъ, старшій Югъ-Богданъ съ восемью соколами Юговичами и Бановичъ Страхиня.

Тутъ ужъ не было почти речитатива: проговорить онъ два стиха, и обрывается его рѣчь стономъ, бьютъ объ полн руками всѣ присутствующіе сербы, все шевелится и стонетъ. Эта короткая пѣсня длилась также до часу, благодаря продолжительнымъ паузамъ, потому что пѣвецъ собирается съ силами, чтобы вытянуть изъ себя слово, собирается съ духомъ и публика, чтобы выслушать это слово, которое, что ни дальше, становится все тяжелѣе и грознѣе. Вѣстникъ Милютинъ, сообщающій царицѣ о битвѣ, покрытый семнадцатью ранами, держащій въ лѣвой рукѣ правую, говоритъ только, что онъ видѣлъ, какъ Милошъ, убивши Мурата, гналъ 12,000 турокъ; что было дальше, онъ не знаетъ, а думаетъ, что погибъ онъ на краю р. Ситницы; Бановичъ Страхиня бродилъ въ крови по брюхо коню и также, должно-быть, погибъ; гдѣ больше всего было навалено тѣлъ и поломано оружія, — тамъ погибъ царь Лазарь и съ нимъ Югъ-Богданъ съ восемью Юговичами; уцѣлѣлъ одинъ Юговичъ-Бошео, и гонялъ по полю турокъ, словно соколъ голубей пугливыхъ. Это добавленіе въ видѣ рефрена «думаю, погибъ онъ также», сопровождалось паузами, которыя наполнялись стономъ и судорожно-быстрымъ движеніемъ смычка. А когда дошло дѣло до Вука Бранковича, что выдалъ царя на Коссовѣ, и пропѣлъ ему пѣвецъ «проклять будъ и родъ его, и племя», — «проклять!» крикнули тутъ всѣ, и повскакали съ мѣстъ, какъ будто бы ница измѣнника, предавшаго все сербство.

Когда все унялось, выпили еще по стакану вина, вздохнулъ пѣвецъ и снова началъ:

Пуче пушка ниже Београда,
Даде гласе низ тѣю Дунаво;
Друга пуче покрай воде Саве,
Покрай Саве Шапцу на краину;
Третья пуче усред Шумадіе
У Тополу, селу племениту,
Даде гласе по свой Шумадіа.
Уадиже се бутун Шумадіа,
И предъ нѣоме Петровитѣю Дьордьѣ.
Задрма се Турска царевина;
Зачуди се седам краљевина,
Да што ради млада Србадіа!

Грануло ружье ниже Вѣлграда,
Отозвалось эхо низъ тихаго Дунаа;
Другое грануло надъ водами Савы,
По-надъ Савой по Шабацкому краю;
Третье грануло среди Шумадіа,
Въ Тополѣ, селѣ знаменитомъ,
Отозвалось по всей Шумадіа.
Поднялась дѣлаа Шумадіа,
И предъ нею Петровичъ Георгій.
Всколебалось турецкое царство;
Удивились семь королевствъ,
Что дѣлаетъ молодое сербство?

Въ этой пѣснѣ, напоминающей возстаніе сербовъ подъ предводительствомъ Чернаго-Георгія, возмущенное сербское чувство находитъ утѣленіе, и потому ею пѣвецъ постарался загладить тяжелыя воспоминанія.

Позже привелось мнѣ слушать южно-русскаго пѣвца Остапа Вересая; его пѣніе мнѣ сильно напомнило сербскихъ пѣвцовъ; та же манера стонать, варьируя тѣмъ однообразную мелодію, выражать чувство не самой мелодіей, а извѣстнымъ жалостнымъ тономъ голоса, его дрожаніемъ подъ напоромъ сильнаго чувства, что невольно сообщается слушателю, и заставляетъ его забывать недостатокъ мелодіи и самаго голоса, слабаго, старческаго; васъ охватываетъ то горе, которое очевидно охватило пѣвца, душитъ его и заставляетъ его голосъ дрожать и прерываться, и вы слушаете, боясь шелохнуться.

Но разница есть, и весьма ощутительная, какъ въ манерѣ, такъ и въ цѣломъ тонѣ и духѣ. Въ то время, какъ южно-русскій пѣвецъ начинаетъ тихо, съ низкой, очень слабой ноты, такъ что вы едва уловите моментъ, когда онъ началъ пѣть, и потомъ уже возвышаетъ голосъ и начинаетъ имъ вибрировать, усиливая тонъ и чувство, — сербскій пѣвецъ сразу начинаетъ сильною, высокою нотой, сразу возбуждаетъ васъ и потомъ уже разрывается скороговоркой, гдѣ каждое слово является отчужденнымъ, и имъ осмысливается чувство, выразившееся въ первомъ восклицаніи. Южно-русская думка васъ разжалобитъ, приведетъ въ состояніе грустной задумчивости; сербская пѣсня доводитъ васъ до отчаянія, и васъ взрываетъ это чувство, не давая мѣста никакому раздумью, потому что остается только или побѣдить, или со славой погибнуть.

Послѣ Чачка я продолжалъ свое путешествіе внизъ по Моравѣ; дошелъ до Карановица, гдѣ впадаетъ одинъ изъ сильныхъ притоковъ ея, р. Ибаръ, берущая начало въ Старой Сербіи; былъ въ Жичѣ, монастырѣ, гдѣ когда-то короновались сербскіе цари и произносили присягу; сѣзидилъ въ Студеницкую лавру, и шелъ уже на Крушевацъ, но дошелъ только до Трстеника, гдѣ застигло меня извѣстіе объ убіеніи князя Михаила. Продолжать путь было уже неловко. Пробылъ я еще день, два, чтобы подмѣтить, какое впечатлѣніе это произведетъ на провинцію, и отправился въ Бѣлградъ, но ужъ не пѣшкомъ, а сначала съ почтой до Крагуевца, оттуда же въ компаніи съ купцами нашли *кочияша* (извозчика) прямо до Бѣлграда.

Ограничусь при этомъ описаніемъ одной отдѣльной экскурсіи въ Валевское окружье, гдѣ я провелъ больше недѣли въ одномъ селеніи, слѣдовательно, могъ наблюдать жизнь и ближе, и болѣе продолжительное время, чѣмъ это возможно было при постоянномъ переходѣ съ мѣста на мѣсто.

Вмѣстѣ сомною былъ Живоній Жуковичъ, изъ петербургскаго университета; въ нашей литературѣ онъ заявилъ себя нѣсколькими журнальными статьями, которыя въ свое время обратили на себя вниманіе публики. Въ Бѣлградѣ онъ служилъ мелкимъ чиновникомъ, но въ то же время занимался политической экономіей, готовя сочиненіе и имѣя въ виду главнымъ образомъ экономическое положеніе Сербіи. Кромѣ того, онъ былъ сотрудникомъ газеты «Сербія», и въ либеральной партіи игралъ вліятельную роль, хотя вполнѣ не сходилъ ни съ кѣмъ и стоялъ постоянно особнякомъ. Особеннымъ расположеніемъ и уваженіемъ пользовался онъ со стороны молодежи. Хроническая болѣзнь сильно парализовала его дѣятельность; но никогда, въ самыя тяжелыя минуты, онъ не падалъ духомъ. Когда все терпѣлось, онъ оставался твердъ и бодръ; такимъ я видѣлъ его послѣ топчидерской катастрофы, которая многихъ заставила примириться, съ чѣмъ они не мирились прежде, или вовсе поворотить назадъ. Это былъ сильный характеръ чисто сербскаго закала, неспорченного полуобразованіемъ, и чрезвычайно симпатичная личность. Смерть рано порвала его дѣятельность, и мѣсто его, какъ общественнаго дѣятеля, надолго, вѣроятно, останется незанятымъ.

Съ нимъ-то мы и отправились въ его родное село Врачевичъ въ валевскомъ окружьи.

II.

Потѣха въ валеvское окружье.—Возница Марко.—Два паразита.—Мѣстечко Убъ.—У Марка въ гостяхъ.—Селеніе Врачевичъ.—Родственные отношенія.—Дѣвушка Павлія.—Составъ семейства.—Уборка кукурузы.—Дѣвушка Зора.—Замужество у сербовъ.—Задруга: ея упадокъ и всеобщія сѣтованія на то.—Историческая роль задруги.—Ея опредѣленіе по сербскому закону.—Внутренняя жизнь задруги.—Положеніе въ ней женщины.—Подавленность семейныхъ чувствъ и поглощеніе личности.—Взглядъ сербовъ на женщину по народной лѣснѣ и по историческому преданію.—Заключеніе.

Часть пути мы сдѣлали на пароходѣ, именно до Палежа или Обреновца, гдѣ ожидалъ насъ двоюродный братъ Жуйовича, Марко.

Это былъ здоровенный дѣтина лѣтъ 30-ти, рослый, плотный, румяный, въ полномъ сербскомъ одѣяніи: гуна, чакшире, чарапе, опанки, фесъ на головѣ и револьверъ за поясомъ. Онъ пріѣхалъ за нами изъ Уба (Хуба). Экипажъ составляла полуфурка съ дипломомъ, запряженная парю *зеленыхъ* (сѣрыхъ) лошадей; съ нимъ былъ мальчуганъ, шестилѣтній его племянникъ.

Послѣ короткаго привѣтствія Мапо предложилъ намъ ракію, вино, баранину и бѣлую *погачу* (пшеничная булка).

— Зачѣмъ ты, Мапо, взялъ съ собою револьверъ, когда пути всего два часа и время дневное?—Такъ мнѣ отецъ мой завѣщалъ, а ему его отецъ—ни шагу изъ дому не дѣлать безъ оружія. Прежде, бывало, выѣдутъ на пашню—пистолетъ вѣчно за поясомъ, а у воза винтовка. Такъ турки насъ пріучили.

Какъ глубоко, значить, засѣла память о туркахъ, когда почти столѣтнія жизни на свободѣ не могло изгладить впечатлѣнія того страха, въ какомъ тогда жилось народу. Нѣтъ сомнѣнія, что не менѣе глубоко должны были засѣсть и другія впечатлѣнія, составляющія въ настоящее время особенныя черты въ характеръ сербовъ, съ которыми мы еще познакоимся.

Вдемъ равниной, по отличной шоссированной дорогѣ, ведущей въ окружному городу Валеу. Силошь идетъ дубовый лѣсъ, довольно разрѣженный, перемѣжающийся пашней и лугомъ. Грустную картину представляетъ однако этотъ лѣсъ. Листъ еще не опалъ, но многія деревья совершенно голыя, видимо, засохшія. Чтѣ же ихъ высушило? По ихъ громадности и буйному росту, нельзя предполагать, чтобы почва была скудна или климатъ суровъ. Вглядѣвшись, вы замѣтите на всѣхъ деревьяхъ, какъ вороны гнѣзда, пучками сидящее растеніе; это паразитъ—*омела*. Присѣдываясь своимъ липкимъ зерномъ къ ворѣ дерева, она быстро пускаетъ мочку и распускаетъ свои корешки подъ во-

жей, перехватывая всѣ соки, идущіе вверхъ, и такимъ образомъ отнимается у дерева способъ питаться, и оно пропадаетъ. Нѣтъ дерева, къ которому бы омела не пристала: кромѣ дуба, я видѣлъ ее на кленѣ, вязѣ, вербѣ, боярышникѣ, несмотря на то, что у послѣдняго кожа такъ гладка и плотна, что ни одной трещинки незамѣтно; не видалъ я ее только на осинѣ, и то, можетъ-быть, случайно.

Такимъ образомъ я видѣлъ цѣлый лѣсъ, вымирающій отъ этого паразита, который и самъ тутъ же умираетъ, будучи не въ состояніи добывать себѣ пищу непосредственно изъ почвы.

Въ то время, какъ омела уничтожаетъ лѣса Сербіи, другой паразитъ поражаетъ народъ: это по-сербски называемое *кажмарство* (плутовская торговля, фальшивыя банкротства и сдѣлки) и сутяжничество. Покуда мы ѣхали, Марко объяснился Жуковичу, что у него есть важное дѣло, въ которомъ проситъ помочь. Дѣло заключается въ томъ, что отъ сосѣда повадились къ нему ходить козы; прогналъ ихъ Марко разъ-другой, пригрозилъ хозяину, — козы не унимаются; тогда Марко всѣхъ ихъ пострѣлялъ. Тотъ пожаловался общинному суду, и судъ призналъ виновными обоихъ: одного заставляетъ заплатить штрафъ за потраву, другого — за козъ, за то, что онъ распорядился безъ суда.

— Знать я не хочу никакого общиннаго суда; а ты мнѣ найди хорошаго адвоката, такъ я ихъ всѣхъ разорю, не пожалѣю никакихъ денегъ.

Какъ ни уговаривалъ Жуковичъ Марка бросить это дѣло, повериться суду общинному, онъ ничего и слушать не хотѣлъ. И потомъ нарочно пріѣзжалъ въ Бѣлградъ, чтобы найти адвоката. Въ то же время онъ старался разузнать, нельзя ли не заплатить по какому-то векселю. И этотъ самый Марко не только напоить, накормить бѣдняка, но и надѣлать его хлѣбомъ, рухлядью какою-нибудь, козу дать. Когда работаютъ у него, онъ не гнететъ работой и не стоитъ за угощеньемъ: это не кулакъ въ нашемъ смыслѣ; но его уму какъ-то не совсѣмъ ясно, что обмануть зого бы то ни было — нечестно, и сутяжничать — тоже худое дѣло; а недавно еще было иначе: большія суммы вѣрлись безъ всякихъ документовъ, и обмановъ не бывало.

А вотъ вамъ и Убъ.

Въ одну улицу, пріютилось это мѣстечко подъ пригоркомъ, составляющимъ берегъ или окраину низменности р. Тамнави, за которымъ начинается уже мѣстность болѣе высокая и холмистая. Мѣстечко это не похоже на деревню, потому, во-первыхъ, что всѣ дома построены рядомъ, бокъ-о-бокъ, и не имѣютъ об-

ширинныхъ дворовъ, въ которыхъ было бы цѣлое поселеніе со всѣми хозяйственными угодьями; во-вторыхъ, потому, что здѣсь у каждаго дома лавочка. Правда, товару немного, и товаръ некорыстный—опанки, пояса, простые ножи самодѣльные, конская сбруя, паприка и т. п. товаръ, большею частью таковой, который тутъ же и производится, и вы тутъ же видите хозяина лавки, работающаго за прилавкомъ или сидящаго на самомъ прилавкѣ. Кто пройдетъ или проѣдетъ, всѣхъ онъ видитъ и знаетъ, кто, откуда и куда; много приостановить, чтобы поговорить съ нимъ—благо мѣстечко лежитъ на большой дорогѣ. Тутъ же есть и *кафана*—кофейня: это такая же лавчонка съ небольшою печкой съ плитой.

Въѣзжаемъ къ Марку во дворъ. Насъ встрѣчаетъ попъ Живко. Во дворѣ налѣво амбары хлѣбные и кладовыя, далѣе конюшня, противъ винница, и передъ нею на мосткахъ стоятъ кадushки, надъ которыми роємъ выются мелкія мушки, у которыхъ брюшныя налиты какою-то красною жидкостью; это винныя мушки, и выются онѣ надъ сосудами, въ которыхъ киснутъ сливы. Направо домъ съ поделѣтью; въ него входите по широкой лѣстницѣ, на *чардаке*. Тутъ встрѣтила насъ жена Марка въ обыкновенномъ городскомъ костюмѣ: въ красномъ фесѣ, обвитомъ косами, съ которыми онъ образуетъ шапку съ красной макушкой, въ *шкуртелакѣ* (родъ курточки съ широкими рукавами) съ *елекомъ* (корсетомъ) подъ нею и въ юбкѣ. Красивая, еще молодая женщина, она смотритъ какъ-то болѣзненно, составляя рѣзкій контрастъ съ мужемъ, отъ котораго такъ и пышетъ здоровьемъ. Немедленно началось угощеніе съ порядочной выпивкой; затѣмъ явились груши, виноградъ,—и все это свое, доморощенное. Домъ у Марка—полная чаша. Живетъ онъ вмѣстѣ съ попомъ, который также приходится ему какъ-то родня,—кажется, деверь. Живко въ немилости у правительства за то, что на прошлогодней *митомъской* скупщинѣ весьма рѣзко говорилъ противъ полицейской власти, которая въ провинціи совсѣмъ убила общественное самоуправленіе и безконтрольно распоряжается общественными деньгами. За это его угнали—было въ какой-то дальній, бѣдный приходъ, отъ котораго онъ отказался, соглашаясь лучше быть безъ всякихъ доходовъ.

Съ нимъ велась у меня бесѣда, показавшая мнѣ, что въ провинціи много есть людей, которые гораздо вѣрнѣе смотрятъ на положеніе дѣлъ, чѣмъ бѣлградскіе политики.

А Марко между тѣмъ спалъ богатырскимъ сномъ, свалившись на миндерлухъ. Вечеромъ, таковой же какъ обѣдъ, ужинъ, и

часовъ въ 9—сонъ. У пона была маленькая библиотечка, въ которой можно было найти всѣ главныя сочиненія весьма обширной сербской литературы, получалась и газета. Это было въ то время, когда въ Россіи еще не были введены земскія учрежденія, привлечшія къ общественной дѣятельности сословія и въ томъ числѣ духовенство, и потому для меня въ то время сербское духовенство являлось стоящимъ неизмѣримо выше и правильнѣе нашего, образующаго касту, преслѣдующую свои особые кастовые интересы. Но и теперь сербское духовенство, по-моему, стоитъ правильнѣе, потому что доступно для каждаго не только въ принципѣ, но и на дѣлѣ: тамъ не только всѣ священники выходятъ изъ свѣтскаго званія, но изъ священства я что-то не знаю никого; напротивъ, дѣти духовныхъ лицъ скорѣе выходятъ въ свѣтское званіе. И еще одно замѣчаніе: сербское духовенство не отличается ни особеннымъ здоровьемъ, какъ у насъ, ни плодovitостью.

На другой день Марко везетъ насъ дальше, во Врачевичъ. Тутъ ужъ пошла проселочная дорога съ объѣздами и оврагами, съ живыми мостиками и съ переправами въ бродѣ. Мѣстность настолько глухая, что мы часа три ѣхали, и никого не встрѣтили на дорогѣ. Наконецъ, дорога раздѣлилась на много дорожекъ, пошли огороженные мѣста, кое-гдѣ бродятъ лошади, а людей все не видать. Гдѣ же селеніе?—Да мы ужъ въ немъ; только оно такъ разбросано между лѣсомъ, что его и не видать.—Не замѣтно очутились мы у двора Жуиовича. Домъ виднѣется далеко въ глубинѣ двора, за сливникомъ. На встрѣчу выходитъ старикъ, отецъ Ж., простой селякъ, въ чунѣ сѣраго домотканнаго сукна, въ потасканномъ фесѣ и въ опанкахъ. Подошелъ онъ въ сыну, поцѣловалъ, обнявшись, и пожалъ руки. Матери не было уже въ живыхъ: она умерла, напуганная слухомъ, что и сынъ ея Живоинъ попался по топчидерскому дѣлу.

— Како си, Живоине?—спрашиваетъ отецъ.

— Што радишь, Дьокко?—въ свою очередь спрашиваетъ сынъ. Какія-то холодныя, какъ будто официальныя отношенія.

Сѣли они на скамеечкѣ, подъ сливами, и тутъ только началась интимная бесѣда отца съ сыномъ. Отцу хотѣлось узнать, въ какомъ положеніи находился сынъ, что про него прошла грозная молва; сыну хотѣлось узнать про мать, и какъ теперь живетъ отцу безъ старухи, почитаютъ ли его сыновья, племянники и снохи; но каждый, повидимому, боялся тронуть больную рану, и бесѣда шла какими-то обиняками, и все-таки волненіе пробрало того и другого, навернулись слезы у старика, сильно

зависаясь снѣтъ, снова они обнялись, будто только-что увидѣлись; а затѣмъ все прошло.

Съ перваго раза родственныя отношенія сербовъ кажутся какими-то холодными; но это не что иное, какъ сдержанность. Сербъ будто боится всякаго нѣжнаго чувства, которое нейдетъ челоуѣку вѣчной войны, юнаку, каждую минуту готовому бросить семью и порвать всѣ самыя дорогія связи. Это видите вы во всѣхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей, братьевъ другъ къ другу, мужа и жены—эта сдержанность воспитана такъ же, какъ привычка постоянно имѣть при себѣ оружіе.

Черезъ нѣсколько времени появились и женщины: двѣ снохи, сестра и еще одна дѣвушка, родственница, принятая въ семью, Павлія. Каждая прежде всего подходила къ рукѣ Ж., который, конечно, не давалъ имъ цѣловать; а потомъ стали подавать *ракію*, кофе и *сладко*. Угощеньемъ занималась Павлія. Подаетъ она намъ, а сама станетъ передъ нами: на ней рубашка съ поясомъ, и вполне обрисовывается ея тонкій, стройный станъ; волосы зачесаны на одну сторону, заплетены въ мелкія косицы и, свернутыя вмѣстѣ, припилены на затылкѣ немного ближе къ правому уху; въ косахъ цвѣтъ. Глубокіе черные глаза слишкомъ серьезно, сурово смотрѣли изъ-подъ высокихъ густыхъ бровей. Одну руку она уперла въ бокъ, другую опустила, держа въ ней поднось, и стояла въ солдатской позѣ. Лицо смуглое, черты всѣ правильныя, тонкія; но выраженіе какое-то холодное: она будто разсматриваетъ васъ, но въ то же время слѣдитъ и за вашимъ желаніемъ: то несетъ огня закурить папиросу, хотя вы ни слова не сказали, то вдругъ начинаетъ искать глазами, замѣтивши, что вы чего-то ищете. Предупредительность удивительная. Тамъ я хватилъ же таки лихорадку. Павлія была моимъ лекаремъ: каждый день варила мнѣ какую-то горькую траву (кичичу) и поила ею три и четыре раза въ день: съ той же солдатской манерой, съ тѣмъ же холоднымъ видомъ, — она не отходила отъ меня ни на минуту; находясь въ бреду ночью, я иногда просыпался и постоянно видѣлъ ее подлѣ меня — холодную, суровую; но глаза ея смотрѣли также внимательно, отыскивая желанія больного.

Все населеніе состояло душъ изъ 15-ти, и размѣщалось въ двухъ домикахъ и по амбарчикамъ. Въ числѣ ихъ и тутъ былъ попъ: церковъ приходская была подальше, а онъ жилъ тутъ, потому что тутъ была у него своя земля, и онъ имѣлъ особенный домикъ. Каждый день онъ садился верхомъ на лошадь и отправлялся совершать требы или служить въ церкви. Одинъ разъ онъ ѣздилъ

отчитывать какого-то больного припадочнаго, — по мнѣнію народа, одержимаго нечистымъ духомъ; и это тамъ бываетъ нерѣдко, вслѣдствіе крайней нервозности сербовъ.

Кромѣ священника, всѣ тутъ составляли одну семью, состоящую изъ старика и его сыновей и племянниковъ, изъ которыхъ двое были женаты и имѣли по нѣскольку дѣтей. Замѣтельно въ этой семьѣ то, что старшимъ былъ не старикъ, а племянникъ Никола, который къ старику относился совершенно какъ къ отцу, тогда какъ одинъ изъ сыновей его отдѣлился.

Тутъ въ семействѣ жило вмѣстѣ не болѣе 10 или 12-ти чело-вѣкъ, съ дѣтьми (кромѣ священника), но рядомъ дворъ также принадлежалъ къ этой же семьѣ: собственно это одинъ дворъ, который недавно только перегородили на-двое. Еще двѣ семьи, также вышедшія изъ этого же двора, поселились подальше. До раздѣленія вмѣстѣ жило душъ до 30-ти, и составляли одну семейную общину — *задругу*, которая имѣла одного избраннаго *полаваара* или *старыйшину*, общее нераздѣльное имущество, и жила и работала сообща, повинувась распоряженію одного и семейному совѣту; теперь же они соединяются только на нѣкоторыя работы вмѣстѣ, какъ *берба* и *комишанье* (очистка кукурузы)...

Я заговорилъ объ уборкѣ кукурузы. Она раздѣляется на двѣ операціи: ломаніе и очищеніе отъ шелухи. Первое производится днемъ: обыкновенно надѣваютъ передники или пристегиваютъ къ поясу мѣшки и, обламывая початокъ, кладутъ его туда, а послѣ сносятъ въ нѣсколько кучъ, куда поближе. Къ вечеру всѣ эти отдѣльныя кучки свозятся въ одну кучу и въ одно мѣсто, гдѣ должна производиться чистка ея ночью.

Для этой работы собираются всѣ семейства, принадлежащіе къ одному роду и составляющіе одну задругу, и работаютъ поочередно, то у того, то у другого.

Пришла очередь и для нашей семьи. Вечеромъ, когда вся кукуруза была свезена въ кучу, Никола пошелъ по сосѣднимъ дворамъ приглашать всѣхъ на работу: стрѣляя изъ пистолета, онъ выкрикивалъ молодежь, парней и дѣвицъ, собраться къ нему потрудиться, повеселиться и добрымъ виномъ трудъ запить. Это было уже въ сумерки; а какъ только смерклось, всѣ поужинали и начали сходиться на дорогѣ по задворамъ Жуйовичей. Первые пришли молодые парнишки и дѣвчонки лѣтъ по 12 и 14-ти, и какъ только пришли, сейчасъ заиграла дудка, ухватились за пояса и начали выплясывать въ коло. Собирались взрослые и даже пожилые люди, применили и они къ этому колу, и такъ коломъ пошли по дорогѣ, выплясывая и выкрикивая.

На мѣстѣ, куда пришли, разведенъ былъ костеръ, горѣло дѣлое свалившееся дерево, и освѣщало кучу кукурузы, чуть не въ сажень вышины. Всѣ, человѣкъ 35, сѣли кругомъ и принялись за дѣло. Берутъ початокъ, отламываютъ у нижней части комель, обдираютъ рубашку, и чистую уже бросаютъ въ сторону, въ отдѣльную кучу.

Работа идетъ сначала очень живо: никто не говоритъ ни слова, только и слышится трескъ при отламываніи комлей, шелестъ и потомъ шлепаніе при паденіи. Скоро края обобрались, а чтобы всѣмъ не подвигаться по мѣрѣ убыванія кучи, на нее загибаютъ мальчишки и ногами раздвигаютъ во всѣ стороны, такъ что работающіе продолжаютъ сидѣть на своихъ мѣстахъ. По временамъ кто-нибудь вынетъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣлитъ, стараясь это сдѣлать незамѣтно и ни для кого неожиданно; шевельнуть костеръ, чтобы онъ жарче пылалъ, и искры фейерверкомъ поднимаются яркимъ столбомъ по темному небу. Кругомъ вдали видѣются такіе же костры и слышится всюду выстрѣлы. Хозяинъ тѣхъ, кто по-старше, обноситъ виномъ, и *чутура* (деревянная фляга) переходитъ изъ рукъ въ руки. Подлѣ меня съ одной стороны сидѣлъ Никола, который то и дѣло вставалъ, чтобы сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, а справа тѣзка мой, Павелъ, и постоянно обращался ко мнѣ съ разными вопросами относительно Россіи и русскихъ, и всегда меня звалъ «брате Павле». Не помню, въ чемъ состояли его разспросы, но однажды онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Да ли има код васъ лепе девойка, као што је ово наша Зора» — и указалъ при этомъ на сидящую подлѣ него дѣвушку, Тутъ только я обратилъ вниманіе на эту дѣвушку: круглое личико съ прямымъ носомъ, синіе глаза съ черными рѣсницами и бровями, русыя косы, обвивъ вокругъ голову вѣнцомъ, убранныя *смиломъ* и *босилемъ*, необыкновенно бѣлое, даже свѣтлое отъ горѣвшаго напротивъ костра, при общемъ совершенно темномъ небѣ, было дѣйствительно прелестно. Имя Зоры шло ей какъ нельзя больше. Въ похвалѣ ей Павла было столько простоты и наивности: онъ любовался ею, какъ художникъ, и желалъ, чтобы и другой также любовался.

Небо было все закутано сплошными тучами, по временамъ спускался мелкій дождь, какъ роса; было влажно и тепло, брала какая-то истома и нѣга, а въ полночи не одному захотѣлось уснуть; кучи мягкой шелухи, образовавшіяся за спиной у каждого, такъ удобны, чтобы привалиться и заснуть; но это дѣло не безопасное: какъ разъ кто-нибудь замѣтитъ и пустить, какъ

бы нечаянно, початкомъ; ушибы бываютъ очень сильныя, сдеретъ кожу на головѣ до крови и ушибетъ крѣпко, а жаловаться нельзя, потому—не спи! Тѣзка мой обращался ко мнѣ съ вопросами все рѣже и рѣже; наконецъ онъ отодвинулся нѣсколько назадъ и повалился на мягкое ложе.

Зора—наклоняется ко мнѣ и говорить тихо:

— Павле, придвинься ко мнѣ, такъ чтобъ его было незаметно; будемъ бросать на него *комуну* (шелуху съ кукурузы), пусть онъ уснетъ, бѣдный, онъ ужъ четвертую ночь на работѣ.

— А ты развѣ не работала?

— Нѣтъ, и я тоже, мы всѣ вмѣстѣ работаемъ.

— Вѣдь и тебѣ, я думаю, хочется отдохнуть и уснуть?

— Что ты! мы дѣвки!

Это было сказано такимъ тономъ и въ такомъ смыслѣ, какъ будто дѣвка не должна знать усталости.

— А ты, вѣрно, его любишь?—спрашиваю я.

— Да, онъ такой хорошій, красивый и добрый, а въ семьѣ онъ главный работникъ.

— Что же ты, вѣрно, выйдешь за него замужъ?

— Бога ми, што ти говоришь, — почти вскрикнула она:— намъ нельзя съ нимъ побораться, потому что мы родня: онъ — сынъ моей неродной тетки.

Не сталъ я добираться, что это за родство, знаю только, что въ Сербіи очень строго соблюдается недопущеніе браковъ даже въ весьма отдаленныхъ степеняхъ родства, и это поддерживается народнымъ мнѣніемъ; никто почти не можетъ жениться въ своемъ селѣ, такъ какъ села эти болѣею частью произошли отъ одного рода.

Зора сидѣла нѣсколько времени углубившись въ работу, а потомъ тихо проговорила мнѣ:

— У меня ужъ есть женихъ.

— Что же, онъ такой же хорошій, какъ Павелъ?

— Не знаю; я его еще не видѣла; онъ прійдетъ послѣ уборки кукурузы, его отецъ и мать знаютъ.

Странно! и говорить это она такъ просто, какъ будто рѣчь идетъ о постороннемъ. Ни тѣни грусти, жалобы или упрека, — такъ спокойно и покорно. Протестовъ никогда почти не бываетъ, или бываютъ очень рѣдко, на что указываетъ преданіе, сообщенное мною въ предыдущей главѣ по поводу Дѣвичьей скалы, и сопровождаются иногда трагическимъ концомъ для протестующей.

И этого достаточно, чтобъ видѣть, какъ легко переживается дѣвушкой эта отдача замужъ: много перестрадаетъ ея душа,

только нѣтъ силы высказать, выразить эти страданія, а бывають же случаи, что и убиваються. Припомнилось мнѣ все это, и жалъ стало Зору, мнѣ хотѣлось вызвать ее на откровенность, но она вдругъ веселымъ тономъ сказала: «но мы съ нимъ побратимъ и посестрима»—это значитъ, они обмѣнялись крестами и между ними установилась духовная связь—такая, которая крѣпче всѣхъ узъ родства. Посестрима является самымъ вѣрнымъ другомъ своего побратима, она жертвуетъ за него жизнью; переодѣвается мужчиной и отправляется къ туркамъ, чтобы выручить его изъ плѣна; и побратимъ также относится къ ней. Эта дружба является замѣною любви, и потому въ ней такъ много горячаго, возвышеннаго чувства; только въ этомъ случаѣ дѣвушка и можетъ располагать своимъ чувствомъ. Это простое, чисто духовное отношеніе мужчины и женщины сохранилось только въ глухихъ селеніяхъ; горожанамъ же, на половину отуречившимся, оно недоступно.

Зора вдругъ принялась искать что-то, потомъ, найдя шляпу Павла, подала ее мнѣ и, указывая цвѣты на ней, сказала:—это я ему сдѣлала.

Дѣйствительно, цвѣты были искусственные, но такъ хорошо сдѣланы, точно живые. Нужно отдать справедливость, что, несмотря на недостатокъ вообще промышленности въ Сербіи и слишкомъ малое знакомство сербовъ съ ремеслами, женщины ихъ необыкновенно искусно ткуть холсты, въ особенности полотенца, вытываютъ самые мелкіе, нѣжные, вполне художественные узоры шелкомъ и золотомъ, и также хорошо дѣлають искусственные цвѣты.

Незамѣтно проходила ночь, пропѣли уже вторые пѣтухи и куча кукурузы была въ концѣ, тогда только Зора рѣшилась пробудить своего побратима, чтобы при концѣ онъ могъ еще немного поработать.

Работа кончена: съ одной стороны лежала куча початковъ, будто обсыпанныхъ крупными янтарными зернами, съ другой—ея шелуха—такая мягкая, что такъ и хотѣлось бы на ней лечь и уснуть.

Но хозяинъ зоветъ откупать. Раздается нѣсколько выстрѣловъ, и всѣ двинулись въ ту сторону, гдѣ были уже разставлены аства и дымилось какое-то горячее кушанье.

Кушанья однако были не обильныя, потому что былъ постный день, да и скуповатъ Ниеола. Ужинали подѣ открытымъ небомъ, сидя на землѣ, на которой были поставлены два низенькіе стола—сооры. За однимъ столомъ сидѣли болѣе почтенные

люди, за другимъ молодежь, въ томъ числѣ и женщины; самая же молодая молодежь вовсе не ужинала, а все время то пѣла, то плясала, какъ будто и не работала, и ѣда ей вовсе не нужна.

Передъ нами былъ костеръ, а чтобы лучше освѣтить самые столы, двѣ женщины съ боку у каждаго стола держали по пучку зажженной лучины. Съ одной стороны была знакомая уже Павлія, съ другой—Селена, одна изъ снохъ. Последняя невольно обращала на себя вниманіе своею наружностію: высокая, стройная, въ бѣлой рубашкѣ, съ бѣлою повязкой на головѣ, съ бронзовымъ ободочкомъ вокругъ въ родѣ коронки, стояла она, держась одною рукой за вѣтку старой яблони, въ другой держала лучину. Безукоризненно правильныя черты лица, большіе голубые глаза, взглядъ спокойный, слѣдящій за всѣмъ, что дѣлается вокругъ, придавалъ ей еще больше видъ какого-то высшего существа, и точно для нея все суетилось, пило и ѣло, пѣло и плясало: она за всѣмъ только наблюдала. Другія женщины тоже больше прислуживали, таская полныя миски на столы; чутура тонкѣло обходила вокругъ стола болѣе почтенныхъ людей, разговоры пошли живѣе, пошли здравицы и пожеланья, точно специально всѣ собрались на пирь, а не на работу.

Разсвѣтало уже, когда всѣ тронулись домой; небо заволокло сѣрыми тучами, только на краю горизонта узкой полосой алѣла заря; воздухъ сырой, но теплый,—такъ и парить.

Всѣ разошлись, и большинство этой рабочей дружины въ то же утро снова было на работѣ, а на ночь опять куда-нибудь на кошпашье. Когда же эти люди спать и отдыхаютъ? Положительно, они не знаютъ отдыха, и все-таки бодры и веселы.

Благо, если этотъ трудъ даетъ возможность хорошо жить, — въ общемъ — сербы живутъ безъ нужды. Но это, какъ я уже замѣтилъ, покуда отъ простора. Между тѣмъ населеніе Сербіи прибавляется сильно: такъ въ три года (съ конца 1863 г. до конца 1866 г.) съ 1 мил. и 100 тысячъ оно поднялось на 1.200,000, слѣдовательно на 90%, или на каждый годъ по 3%; въ томъ числѣ 5077 доселилось со стороны. И уже теперь начинается чувствоваться недостатокъ въ землѣ. Въ продолженіи трехъ лѣтъ рождено на 3559 семействъ до 4166 дес. земли или немного болѣе одной десятины на семейство — количество весьма ничтожное.

Вотъ почему земля въ Сербіи составляетъ очень цѣнный капиталъ: дешевле 100 рублей, кажется, и не купишь десятину, и потому каждая семья носитъ въ себѣ заветную мечту увеличить свой участокъ, прикупить гдѣ-нибудь въ мажѣ. Жметса

она, тѣснится все нѣ-за того, чтобы увеличить свое хозяйство. Такъ и Жуковичи. Нужно бы имъ другой домикъ поставить, а въ то же время хочется и приобрести земли еще. Въ этомъ отношеніи хорошо большимъ семьямъ, гдѣ душъ 30 или 40, гдѣ однихъ рабочихъ человѣкъ душъ 15,—тамъ все спорится, и дворъ представляетъ цѣлую колонію. Съ большими семьями связывается благосостояніе, но эти большія семьи, иначе называемыя *задруги*, видно отжили свое время, и какъ народъ, такъ и правительство замѣчаютъ этотъ фактъ.

На скупщинѣ 1867 г. было на это обращено особенное вниманіе. Министръ внутр. дѣлъ сообщалъ, что съ 1861—63 г. было всего 4469 случаевъ раздѣла задруги, а въ послѣдніе три года 5024; поѣтому разсчету на каждый годъ приходится по 1700 дѣлежъ. «Если, — заключаетъ министръ, — это дѣленіе продолжится въ той самой мѣрѣ, то можно предвидѣть, что скоро не станетъ этого учрежденія, столь полезнаго для нашего народа и государства, и останется оно только какъ сказка, и будутъ его напоминать тѣ семейства, которыя до сихъ поръ еще сильны и зажиточны, благодаря задружной жизни. Поѣтому мы всѣ должны внушать нашему сельскому населенію, что его высшая сила и мощь для благосостоянія лежатъ въ задругѣ, и ради любви собственнаго блага они не должны бросать задруги».

Раздѣленіе задруги поѣтому обставлено нѣкоторыми формальностями, и тотъ, кто послужитъ поводомъ къ раздѣленію, подвергается наказанію, какъ за преступленіе.

Народу нечего внушать: каждый селякъ знаетъ и видитъ это съ прискорбіемъ, и все-таки дѣлежъ съ каждымъ годомъ усиливается.

И странное дѣло: прежде о задругѣ не заботились, и она существовала сама собою, а теперь — несмотря на всевозможныя усилія поддержать — сама собою рушится.

Ясно, кажется, что она отжила свое время, выполнила извѣстную задачу въ жизни народа, а теперь настали инныя условія жизни, которымъ она не въ состояніи удовлетворить, и потому она падаетъ, и никакими усиліями наперекоръ духу времени удержать ее нельзя, какъ это предполагаютъ нѣкоторые теоретики, старающіеся доказать, что въ ней спасеніе народа отъ пролетаріата и другихъ золъ общественной жизни. Есть люди, которые признаютъ полезность ея для охраненія даже чести женщинъ.

Передавая только личныя наблюденія сербской жизни, я не имѣю ни цѣли, ни надобности подробно говорить о задругѣ;

я скажу о ней настолько, насколько мнѣ нужно то, чтобы освѣтить и уяснить нѣкоторые явленія современной жизни, указать ихъ происхожденіе и опредѣлить ихъ современный смыслъ и значеніе. Нѣтъ надобности входить въ дальнія разсужденія о ней и потому еще, что у насъ было о ней говорено не одинъ разъ.

Это учрежденіе или, вѣрнѣе, эта форма народной жизни очень древняя; она тѣсно связана съ патриархальнымъ бытомъ, какой представляютъ намъ времена, предшествовавшія княженію у чеховъ Любуши, когда, по словамъ повѣствователя объ ея временахъ, «каждый отецъ управляетъ (vojevodi) своими домохозяевами (или челядью): мужчины пахутъ, женщины приготавливаютъ одежду, а когда умретъ глава, всѣ владѣютъ сообща имуществомъ, избравши себѣ главу (владыку) изъ своего рода». Это было размножившееся семейство, разросшееся въ цѣлый родъ, въ которомъ были иногда и постороннія лица, приемныя или находившіяся въ услуженіи военно-плѣнные, соединявшіеся подъ однимъ общимъ именемъ домашней челяди. Это была уже государственная кѣлочка, община, въ которой связь основывалась на естественномъ родствѣ, а главою былъ естественный старшина или старшій въ родѣ. Главною характерною чертою такой общины была общность имущества, отсутствіе всѣхъ видовъ частной собственности, кромѣ, конечно, носильнаго платья, оружія, коня и еще нѣкоторыхъ вещей, да и тутъ многое было общимъ; а вслѣдствіе того былъ общій интересъ, чтобы дѣло велось какъ можно лучше, и такъ какъ оно зависѣло отъ того, кто руководить, то общая забота была о томъ, чтобы во главѣ стояла лучшая личность, и старшинство тутъ нерѣдко уступало способности: тутъ не могло быть ни партій, ни пристрастій, потому что всѣ руководились однимъ чувствомъ—желаніемъ себѣ блага. И такимъ образомъ главою является лицо выборное, и лицо это никогда не могло имѣть абсолютной власти, а во всемъ сообразовалось съ мнѣніемъ родичей. Всякое злоупотребленіе съ его стороны властью отзывалось бы дурно на хозяйствѣ, и тогда онъ былъ бы удаленъ непременно, какъ оказавшійся неспособнымъ: это былъ глава не для выставки только, а хорошій хозяинъ, управитель. Тогда весь строй жизни основывался на родовомъ началѣ. Въ государственной жизни родовой бытъ теряетъ свой смыслъ, и сохраняется только въ смыслѣ знатныхъ родовъ, которые играютъ роль и въ государствѣ, но это уже не тотъ естественный родъ, а также выработанный подъ вліяніемъ извѣстныхъ политическихъ теорій. Въ жизни простыхъ классовъ родъ сохранился, но безъ всякаго

политическаго значенія: онъ имѣлъ однако большое значеніе экономическое, какъ всякая работа, а болѣе обширное хозяйственное дѣло возможно только при совокупномъ дѣйствіи, сколько возможно, большихъ силъ; а такимъ совокупленіемъ силъ и обладалъ родъ, въ смыслѣ большой семьи, который въ то время игралъ роль современной намъ ассоціаціи. Тамъ, гдѣ народу предстоятъ большая борьба съ природой или необходимость защиты противъ постоянно угрожающаго непріятеля, родъ представлялъ большіе шансы для защиты, чѣмъ одна семья, особенно при томъ способѣ жизни, — въ-разбросъ, особіакомъ, отдѣльнымъ хозяйствомъ, которымъ до сихъ поръ еще живутъ многіе славяне, избѣгая соединенія въ большія села и соединенія въ одномъ мѣстѣ общихъ угодій.

Задруга у сербовъ именно исполняла эти двѣ роли: экономическую и оборонительную. Она представляла въ то же время нѣкоторыя удобства и для правительства, какое бы оно ни было — турецкое или сербское: тогда приходилось всѣ сношенія имѣть съ однимъ лицомъ, за которымъ стояла не только его собственная семья, но нѣсколько семействъ, составлявшихъ вмѣстѣ одинъ родъ, иногда душъ до ста; это послужило причиною того, что *задруга* у сербовъ явилась и политическою единицею.

Понятно, что по минованіи внѣшней опасности, въ которой сербы себя чувствовали при господствѣ турокъ, одною причиною стало меньше; въ экономическомъ отношеніи ее можетъ замѣнить свободная ассоціація, до которой, впрочемъ, сербы не дошли еще, хотя такіе примѣры нрѣдки, что братья, раздѣлившись домами и скотомъ, оставляютъ въ общемъ владѣніи землю, иногда не всю, а только часть, и обрабатываютъ ее вмѣстѣ.

Слѣдовательно, внѣшней причины — въ родѣ угрожающей опасности, — нѣтъ, экономическое же положеніе даетъ выходъ, и народъ разстается съ этою древнею формою, которая въ свое время была благотвѣльна; онъ разстается съ нею, потому что не видитъ необходимости ее и видитъ возможность выйти изъ нея, и разстается, сохраняя къ ней полное уваженіе, привязанность, вслѣдствіе сознанія, что ей онъ многимъ обязанъ, и все-таки разстается. Здѣсь не можетъ быть прихоти или непониманія своей пользы, и потому совершенно напрасно сербское правительство поручаетъ дѣлать народу внушенія, чтобы не дѣлились *задруги*; нѣтъ: есть, значить, причины, которыя вынуждаютъ народъ бросать *задругу* и обрекать себя на экономическую слабость, причины очень важныя, которыя заставляли держаться *задруги* до

тѣхъ только порѣ, пока грозила опасность, съ которой главнѣйшій образомъ связана ея *raison d'être*. Обратимся же къ устройству *зэдруги*.

Зэдруга иначе сербами называется *кумля*, что значитъ домъ; слѣдовательно, сколько бы ни было построекъ и отдѣльныхъ жилищъ на дворѣ, всѣ они считаются однимъ домомъ, и сколько бы ни было семействъ—всѣ они считаются однимъ семействомъ; связующимъ звеномъ служатъ общее имущество и общія—какъ прибыли, такъ и потери. Всѣ совершеннолѣтніе мужчины считаются владѣльцами общаго имущества. Женщины же и дѣти моложе 15-ти лѣтъ только пользуются изъ-за тѣхъ мужчинъ, съ которыми они связаны родствомъ. Дѣвушка имѣетъ право только на приданое. Никто не можетъ имѣть отдѣльной собственности, хотя бы приобрѣлъ ее гдѣ-нибудь на сторонѣ или нашелъ по какому-нибудь случаю. Никакая часть имущества не можетъ быть ни продана, ни заложена безъ согласія на то всѣхъ членовъ. Если кто-нибудь изъ членовъ *зэдруги* задолжалъ въ счетъ своей части, то кредиторъ можетъ получить не иначе, какъ если докажетъ, что заемъ сдѣланъ для пользы дома и что займомъ этимъ воспользовалась вся община.

Собственность, какъ я уже замѣтилъ, могутъ составлять предметы личнаго потребленія, которые приобрѣтены имъ съ разрѣшенія общины, и признаны ею какъ его личная собственность: такого рода собственность по смерти его можетъ перейти его вдовѣ.

Смерть члена не производитъ никакой перемѣны: жена его пользуется тѣмъ самымъ, чѣмъ пользовалась при мужѣ, если остается въ его домѣ; если же хочетъ уйти къ роднымъ или выйти замужъ, то, сверхъ своего приданого и личнаго имущества своего мужа, по обычаю получаетъ на обзаведеніе по усмотрѣнію всей *зэдруги*.

Малолѣтнія дѣти считаются наслѣдниками отца съ правомъ на общее имущество, хотя мать ихъ и вышла изъ той *зэдруги*; но если кто выдѣлился изъ *зэдруги*, то хотя бы онъ былъ въ болѣе близкомъ родствѣ съ *зэдругарами*, чѣмъ нѣкоторые лица, оставшіяся въ *зэдругѣ*, послѣдніе въ правѣ наслѣдованія имѣютъ преимущество, хотя бы то былъ принятый очень отдаленный родственникъ.

Выступленіе изъ *зэдруги* возможно съ разрѣшенія всѣхъ членовъ, и тогда выступившій получаетъ свою часть натурой или деньгами; если же кто вмѣстѣ съ тѣмъ наноситъ вредъ *зэдругѣ*, то его частью прежде покрываются нанесенные имъ убытки, а

ему отдается только остатокъ. Задруга прекращается только при совершенномъ раздѣленіи ея, или вслѣдствіе смерти всѣхъ женатыхъ или совершеннолѣтнихъ мужчинъ. Покуда остается хоть одинъ членъ и находящееся въ его распоряженіи имущество не требуется никѣмъ, судъ не предприниметь ничего; но если будетъ требованіе, то часть малолѣтнихъ или выдѣляется и берется въ правительственное завѣдываніе, или оставляется для дальнѣйшихъ хозяйственныхъ манипуляцій, но предварительно составляется инвентарь.

Законъ не имѣетъ права вмѣшиваться во внутреннія отношенія членовъ задруги, насколько они не нарушаютъ общественнаго порядка и не грозятъ опасностью государству или не совершается уголовного преступленія. Управление задругой принадлежитъ старѣйшинѣ (*старѣйшина* или *доматынъ*), который, какъ уже было сказано, выбирается всѣми, причемъ руководится только его качествами, а не лѣтами или естественнымъ старшинствомъ: онъ долженъ отличаться изъ всѣхъ умомъ, опытомъ и справедливостью. Онъ пользуется властью надъ всѣми и распределяетъ все, что относится до работъ и пользованья задругарей, но относительно имущества власть его ограничена: безъ общаго согласія онъ не можетъ ничего ни отчуждать, ни заложить; онъ за каждый убытокъ и тягости для задруги отвѣчаетъ по закону и можетъ быть смѣненъ домашнимъ совѣтомъ. Онъ распорядитель общаго имущества и опекунъ всѣхъ малолѣтнихъ, воспитать изъ которыхъ хорошихъ, честныхъ, дѣятельныхъ и полезныхъ гражданъ лежитъ на его обязанности, вмѣстѣ съ матерями ихъ, но не на отцахъ.

Старѣйшина есть представитель дома передъ общиной, съ которою только и сносятся правительство. Въ частно-правномъ отношеніи домъ или задруга есть частный владѣлецъ имущества, а въ финансовомъ — податная единица, хотя государство и принимаетъ за такую единицу всякаго женатаго. Задруга выставляетъ ежегодно изъ числа мужского населенія одного рекрута для народнаго войска; правительство во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ непосредственно съ задругой, а никакъ не съ отдѣльными единицами. Только въ полицейскомъ и уголовномъ отношеніяхъ личнаго одинаково прямо отвѣчаетъ передъ государствомъ въ про-
семействѣ, равно какъ и въ задругѣ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ старѣйшина отвѣчаетъ передъ общиной, а община передъ государствомъ ¹⁾.

Приведеннаго, кажется, совершенно достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о задругѣ, какъ о государственной единицѣ. Остается опредѣлить и охарактеризовать ея внутреннюю жизнь и положеніе ея отдѣльных членовъ.

Равноправность всѣхъ членовъ и одинаковое участіе въ имуществѣ — полнѣйшая; разумное начало выбора въ старѣйшимъ способнѣйшаго даетъ ручательство въ хорошемъ веденіи дѣла, усердномъ, добросовѣстномъ, исполнѣ честномъ и безпристрастнымъ отношеніи къ дѣлу и ко всѣмъ лицамъ; постоянный семейный совѣтъ, зависимость отъ него всякаго болѣе или менѣе важнаго рѣшенія не даетъ мѣста никакимъ злоупотребленіямъ. Дѣйствительно, я не слышалъ жалобъ на какія бы то ни было злоупотребленія и несправедливости старѣйшинъ. Вотъ хоть бы Никола: онъ постоянно становится на сторону двоюроднаго брата противъ своего родного; никогда не забудетъ чужого ребенка, и къ дядѣ относится совершенно какъ сынъ. Сколько неуспѣшной дѣятельности, такта, сдержанности, вниманія къ нуждамъ каждой самой незамѣтной единицы! Онъ замѣтилъ, что у одной снохи ребенокъ тощій и слабый, и настаивалъ, чтобы матери его давалась лучшая пища, и поручилъ эту заботливость Павли, которой не было повода быть пристрастной ни къ кому. И такая у всѣхъ заботливость о Павли, которая имъ почти чужда! За то какъ все идетъ стройно, ровно, покойно и какъ все спорится. Несмотря на недостатокъ рабочихъ рукъ, онъ каждыі годъ отвозить въ Бѣградъ пшеничку, или *свиная* сбываетъ кукурузу, и обращаетъ ихъ въ дукаты; а теперь норозить прикупить участокъ земли, да и домикъ еще можно построить съ небольшою помощью, которую и обѣщалъ ему Живонинъ, если не изъ своихъ денегъ, то достать, потому что и онъ не выдѣленъ изъ задруги.

Вотъ, у нихъ есть младшій братъ Дьова (Георгій), ему ужъ 16 лѣтъ, нужно побывать въ людяхъ: въ ближнемъ монастырѣ Врачевщинѣ *славо* (праздникъ); пусть онъ отправляется туда снарядили его, какъ слѣдуетъ быть молодому *молку* (парню), дали коня и денегъ карманныхъ, чтобы, если угостятъ, и самъ могъ отвѣтить. Это входитъ въ бюджетъ и не считается изоствомъ, да и не замотается парень изъ задруги.

Хорошій Никола хозяинъ, но только дома, въ деревнѣ; убогъ онъ во-время посѣять и убрать, и во всемъ видна расзорительность; продать однако не его дѣло, на это у нихъ есть дядя, старикъ Дьова. Никола будетъ только возникномъ, а все дѣло уладитъ старикъ; ему же отдаетъ онъ и деньги на храненіе.

Распределенъ также и женскій трудъ, и тутъ выбирается одна хозяйка на недѣлю, которая въ домѣ все дѣлаетъ: готовить кушанье, прибираетъ, заботится о дѣтахъ и выносить ѣду своимъ работникамъ въ поле или на покосъ; она называется *редуша*, потому что всему даетъ *рядъ*—распорядокъ; остальные женщины отправляются на полевые работы, а зимой—прядуть, ткнуть и т. п. и помогаютъ *редушѣ*, исполняютъ ея порученія. Но старшинствомъ съ окружающимъ его почетомъ и правомъ на общія услуги пользуется старшая въ родѣ; на ней не лежатъ никакихъ обязанностей, и она помогаетъ по желанію. Свободна также каждая женщина въ первый годъ замужства. Конечно, это только номинальное право, которымъ она не пользуется, а напротивъ, старается тотчасъ же приняться за работу, чтобы расположить въ свою пользу семью; въ противномъ случаѣ ей же потомъ будетъ худо: во-1-хъ, она отвыкнетъ отъ дѣла; во-2-хъ, на нее, по справедливости, будутъ негодовать остальные члены, работавшіе на нее и за нее.

Старики имѣютъ преимущество—помѣщаться въ теплой избѣ, тогда какъ вся молодежь, даже замужнія, имѣющія грудныхъ дѣтей, помѣщаются въ амбарчикахъ и зимой, запасаясь, конечно, мягкими *ястукami* и *душеками* (перинами и подушками), теплыми *куберами* (косматыми одѣялами, или попонами).

Среди такой стройности, равности отношеній другъ къ другу у мужчинъ, меня всегда поражало въ большихъ сербскихъ семьяхъ необыкновенная молчаливость ихъ женщинъ и спокойствіе дѣтей. Рѣдко вы услышите пискъ и крикъ дѣтей: они также какъ будто всѣ чѣмъ-нибудь заняты, даже самыя маленькія, 5-ти и 6-ти лѣтъ; а ползающіе и бродящіе годовички и двухлѣтки крѣпко держатся своихъ мѣстъ, видимо, указанныхъ имъ. Еще рѣже услышите щебетанье и веселый смѣхъ женщинъ: онѣ работаютъ и переговариваются больше взглядами или мимикой, да и говорить женщина какимъ-то особеннымъ, исходящимъ изъ глубины груди голосомъ—сильно, задушевно, но глухо, какъ будто боясь, чтобы въ сторонѣ не услышали ея. Нѣтъ здѣсь ребенку ласки отъ отца или отъ матери, потому что дѣти всѣ вмѣстѣ находятся на попеченіи *редуши*, бабы и старѣйшины; нѣтъ никакихъ привязовъ интимныхъ отношеній между мужемъ и женой. Это не натуральная семья, а домашняя община (*Haussommunion*, *Hauggemeinheit*). Только удалившись въ свой амбарчикъ, интимное чувство супруговъ,—если оно только есть—выливается въ задушевной бесѣдѣ, нѣжной ласкѣ, внѣ общаго надзора, только тамъ мать прижимаетъ къ своей груди свое родное дѣтище, къ

которому не смѣетъ почти признаться, находясь постоянно въ общинѣ съ другими. Взятая изъ чужого рода, никого незнающая, никому незнаемая, она не имѣетъ ни времени, ни мѣста сблизиться даже съ мужемъ, и еще вѣрнѣе, ревнивѣе лѣнеть она къ своему ребенку, въ коемъ видитъ единственную родную душу. Отсюда, можетъ быть, происходитъ необыкновенная серьезность дѣтей и потомъ сдержанность у взрослыхъ, за которую, въ случаѣ вспышки, слѣдуетъ такая ярость, что вы его примете за взбѣсившагося. Это пригнетіе семьи во имя общины, подавленіе естественнаго чувства и владеть тотъ тяжелый отпечатокъ, который скоро замѣчается посторонними наблюдателями. Вамъ съ перваго же раза чувствуется, что здѣсь живетъ только мужчина, а женщина только работаетъ и терпитъ. Не участвуя въ общественной дѣятельности, она лишена ее и въ семьѣ, которая у нея отнята; ей-то поэтому больше, чѣмъ мужчинѣ, чувствуется недостатокъ личной, индивидуальной жизни, и еще тяжелѣе выносить это вслѣдствіе того, что здѣсь все ей чужое, да и ее никто не признаетъ своею, если она не постарается купить расположеніе угодливостью, принесеніемъ въ жертву всей своей индивидуальности.

Ни на кого такъ тяжело не ложится задружная жизнь, какъ на женщину, поэтому справедливы мужчины, когда они разрушеніе задруги приписываютъ женщинѣ.

Да и въ самомъ дѣлѣ, что приноситъ женщинѣ задруга, кромѣ страшнаго физическаго труда и душевныхъ мукъ и терзаній, оканчивающихся общимъ притупленіемъ всѣхъ ея чувствъ и какой-нибудь трагической катастрофой?

Единственный человѣкъ, съ которымъ она могла и должна бы быть ближе—мужъ, а между тѣмъ мужъ любить мать, которая выкормила его своею грудью,—родную сестру, съ которой выросъ у той же груди; онъ будетъ любить до самоотверженія избранную имъ посестриму; наконецъ, онъ найдетъ и любовницу; но жена для него всегда—чужой человѣкъ: если она не угодила его роднымъ, свекрови и золовкамъ своимъ, а угодить имъ иногда бываетъ невозможно,—она становится врагомъ его и всего рода. Лучше всего эти семейныя отношенія рисуются въ сербской народной пѣснѣ.

Какая крѣпкая и нѣжная любовь братьевъ къ сестрамъ! Зная, что ей не оставаться вѣчно дома, а рано или поздно придется вступить въ чужую семью на трудъ и горе, они ее лѣбуютъ, нѣжать, дарятъ, какъ-бы вѣдая того, что она не

получить участія въ общемъ имѣніи, тогда какъ вмѣстѣ съ другими съ дѣтства полагала на него свой трудъ и заботы.

Снѣгъ пада о джурджеву дану,
Не може га тѣца прелетети,
Девойка га боса прегазила:
За нѣомъ братанъ папучице носи:
«Ег' ти сејо по ногамо зима?»

— Ниусъ мени по нагама зима,
Вѣтъ је мени с мое майке зима,
Коя ме е за недрага дала.

Снѣгъ падаетъ на Юрьевъ день,
Не можетъ его птица перелетѣть;
Дѣвица босая его переходить;
За нею братъ башмачки несетъ:
«Не холодно ли ногамъ твоимъ, сестрица?»

— Не холодно ногамъ моимъ,
А холодно мнѣ отъ моей матери,
Что отдала меня за немилгаго.

Отдавая сестру замужъ въ далекій край, они обѣщаютъ посѣщать ее каждый мѣсяцъ и въ мѣсяцѣ каждое воскресенье; но проходятъ мѣсяцы и годы, нѣтъ братьевъ:

Лито пишти сестрица Елипа:
«Мили Боже, чуда великога!
Што самъ врло брати сгирѣшила,
Те ме братѣо поодите нетѣ?»
Ньюми коре многе стрвице:
«Кучко една, наша стрвице!
Тиси врло брати омрзнула,
Те те братѣо поодите нетѣ».

Горько плачетъ сестрица Елипа:
«Милый Боже, великое чудо!
Чѣмъ я тяжко братевъ прогнѣвила,
Что меня они навѣстить не хотятъ?
Укоряютъ ее невѣстки:
Несчастная ты сучка, наша невѣстка!
Знать, ты сильно опротивѣла братьямъ,
Что не хотятъ они посѣтить тебя».

Оказалось, что братья всѣ перемерли отъ чумы, и осталась одна мать.

Любовь сестры къ брату сильнѣе любви жены къ мужу. Такъ, въ одной пѣснѣ жена Георгія говорить, что бы она сдѣлала: за мужа она отрѣзала бы косу, за деверя изодрала бы лицо, а за брата выколола бы глаза.

Косу рѣже, а коса опетрѣсте,
Лице грди, а лице израста;
Але очи не могу израсти,
Нити срце за братомъ рожденимъ

Косу рѣжеть—коса вновь отрастаетъ,
Лицо деретъ—лицо зарастаетъ,
Глаза же не могутъ вырасти,
Не зажечь сердцу безъ родного брата.

Поэтому говорится:

Благо ономъ брату, кои има сестру,
Благо оной сеји, коя има брата.

Совсѣмъ иначе относятся къ этой дѣвушкѣ, какъ скоро она становится женой.

Тотчасъ послѣ вѣнчанья, когда молодую везутъ къ ея мужу, ей поютъ пѣсню:

Едне веле: ода зла е рода
Други веле: лютѣа, као гуя,
Третьи веле: сонливѣа, дремливѣа.

Одни говорятъ: злого она рода,
Другіе говорятъ: злая какъ змѣя,
Третьи говорятъ: сонлива, дремлива.

На что она отвѣчаетъ:

«Кои вели, да сам од зла рода,
Не имао од сердца порода,
Кои вели, да сам лютъ, као гун,
Где му се око срца вигле.
Кои вели, сонлива, дремлива,
Не имао у болесты сонна.

Кто говоритъ, что я злого рода,
Чтобъ ему никогда не имѣть дѣтей;
Кто говоритъ, что я зла, какъ згѣя,
Чтобы змѣи обвили его сердце!
Кто говоритъ, что я сонлива, дремлива,
Чтобъ тому не имѣть сна въ богиани.

Нечего и ждать послѣ этого хорошихъ супружескихъ отношеній, и жена, по народному понятію, не любить и не жалѣетъ своего мужа.

Молодой Іова сломалъ правую руку: горная «вила», лекаря, требуетъ для излеченія его, чтобы мать отдала свою правую руку, сестра косу съ прищепкой, а жена жемчужное ожерелье. Мать и сестра охотно расстаются первая съ рукой, вторая съ косой; но жена не хочетъ пожертвовать ожерельемъ:

Не дамъ бogle, могъ бисера бѣла,
Я самъ нѣга од оца донѣла.

Вила разсердилась и уморила Іову: тогда мать плачетъ, никогда не переставая; сестра плачетъ утромъ и вечеромъ; жена плачетъ, *когда на умъ придетъ*.

Поэтому все дурное приписывается женѣ: она безпрестанно измѣняетъ мужу, предастъ его туркамъ, и рада, когда онъ попадется къ нимъ въ плѣнъ или въ какое-нибудь несчастье. Ей же приписывается и причина раздѣленія задруги и вообще нарушеніе семейнаго счастья.

Тѣсной дружбой связаны были два брата, Дмитрій и Богданъ Ялпичи, хорошо шло у нихъ хозяйство; но какъ только женились, все пошло наизвѣрно. Одинъ изъ нихъ говоритъ:

Докъ ми, брате, скупо пребивасмо
И майка намъ двори управляше,
Тад' се наши двори биѣлеше,
И гости насъ често поодише,
Поодише сриѣмски кнезови
И самъ главомъ спрскы царъ Стѣпане;

А како се, брате, растадосмо,
И любе намъ двори управляю;
Тако наши двори потавньеше,

И гости насъ, брате, оставише.

Покуда мы, братъ, жили вмѣстѣ,
И мать управляла нашимъ дворомъ,
Тогда дворъ нашъ бѣгълся,
И гости насъ часто посѣщали;
Посѣщали насъ сремскіе князья,
И самъ своей персоной сербскій царъ
Стѣпанъ;

А какъ мы, братъ, раздѣлились,
И жены наши хозяйствуютъ,
Съ того времени дворы наши потемнѣли,

И гости насъ, братъ, оставили.

Является вопросъ, отъ кого это происходитъ. Ялпичъ Дмитрій говоритъ брату:

«Богдан, мой мло брачне,
То а, брате, с твое вјерне лубе,
С Вукосаве, да од Бога надѣе.

Богданъ, мой милый братецъ,
Это отъ твоей вѣрной жены,
Отъ Вукосавы, покарай ее Богъ.

Тогда братья рѣшаютъ испытать своихъ женъ. Будимскій король женить своего сына и зоветъ въ сваты Дмитрія Якшича, для чего ему, конечно, нужно какъ можно лучше снарядиться. Братъ Богданъ совѣтуется съ своей женой, не дать ли ему на этотъ случай коня и оружіе, и турецкое сѣдло, и все одѣяніе. Жена не только не жалѣетъ, но отдаетъ еще новую одежду, не надѣванную, которая только-что окончена, отдаетъ также съ шеи своей ожерелья—одно изъ желтыхъ червонцевъ, другое—бѣлаго жемчуга, которыя она хочетъ вплести въ гриву его коню: «неадинче краљеве сватове» (на славу королевскимъ сватамъ).

Испытываетъ такимъ же образомъ другой братъ свою жену; но эта, Милица, съ гнѣвомъ отвѣчаетъ:

Какъ му конь? поклати и вуци!

Какихъ ему коней? чтобъ ихъ волки
задушили!

Какъ оружіе? одвели га Турци!

Какое оружіе? чтобъ его турки взяли!

Какъ одѣло? остало му пусто!

Какое одѣяніе? чтобъ ему ничего не
досталось!

Тогда мужъ:

Увати е за грло бијело;
Како ю е лако уватио
Обје очи на двор искочише.
Ал' прискочи Якшичю Богдане,
Те он Митра за руку увати:
«Што тиеш, Митре, да од Бога надѣеш!»
Ти погледай твое соколитѣ:
Ти тиеш себи болу натѣи лубу,
Ал' нѣма никад не тиеш майке.
Не кровави твою десну руку;
А ми смо се ете растали, брате!

Ухватилъ ее за бѣлое горло,
Такъ легко схватилъ,
Что оба глаза выскочили наружу.
Подскочилъ тутъ Богданъ Якшичъ,
Ухватилъ Дмитрія за руку:
«Что ты дѣлаешь, Богъ съ тобою!»
Оглянись на своихъ соколятъ:
Ты найдешь себѣ жену лучше,
Не найдешь никогда имъ матери.
Не кровавь твоей правой руки;
А мы съ тобой, братъ, ужъ раста-
лись!

Любовь братьевъ къ сестрѣ идетъ въ ущербъ любви къ женѣ, и потому въ послѣдней возбуждаетъ ревность, доходящую до страшной ненависти и оканчивающуюся иногда очень трагически.

Два брата, Павелъ и Радуль, поженились, но съ ними осталась сестра, которую они очень любили и всячески высказывали ей свою любовь. Высшимъ знакомъ этой любви было то, что они ей подарили «ноже оковане, оковане серебромъ, позлащене».

Увидѣвши это, молодая Павловица (жена Павла) разгорѣлась завистью: призываетъ жену Радула и спрашиваетъ, не знаетъ ли она каковаго зелья, чтобы отвратить брата отъ сестры. Та отвѣ-

часть, что не знаетъ, а еслибы и знала, то не сказала бы, потому что—

«И мене су братья миловала
И милость ми сваку доносила».

Тогда Павловица убиваетъ вороного коня своего мужа и говоритъ, что это сдѣлала его сестра. Та клянется, и братъ ей вѣрить. Потомъ Павловица убиваетъ сокола, и также напрасно старается оклеветать свою золовку.

Наконецъ:

Она оде вече по вечерахъ,
Те украде ноже за овине,
Нѣма закла чедо у колевни.
Кад и ютру ютро освануло,
Сна трчи своемъ господару,
Кукаютъ и лице грдетъи.

Идетъ она вечеромъ послѣ ужина,
Крадетъ она ножъ у золовки,
Закалываетъ имъ ребенка въ колибелн.
Когда рано утро разсвѣтало,
Она бѣжитъ къ своему господину,
Съ воплемъ и раздирая себѣ лицо.

Тутъ братъ не повѣрилъ никакимъ клятвамъ сестры; привалъ ее къ хвостамъ двухъ лошадей, ударилъ по нимъ, и они ее на части разорвали, и гдѣ пали капли ея крови, тамъ выросли «смилье и бостъве», гдѣ же все тѣло пало, тамъ создадася церковь.

Расхворалась послѣ этого молодая Павловица, девять лѣтъ она хворала.

Кроз кости нѣой трава проникала,
У травн се луте гуде легу,
Очи пію, у травн се крію.

Сквозъ кости ей трава проросла,
Въ травѣ лежать змѣи люты,
Выпиваютъ ей глаза, въ траву прятутся.

Просить она своего мужа повести въ ту церковь, чтобъ попросить отпущенія грѣховъ; но оттуда слышится голосъ, что ей не можетъ быть прощенъ грѣхъ. Тогда она, рассказавши все братьямъ, просить, чтобъ и съ ней поступили такъ же, какъ съ золовкой. Гдѣ ея капля крови пала, тамъ поросли «трнѣ и коприве» (терніе и крапива), а гдѣ пало ея тѣло, тамъ стало озеро, по озеру вороной конь плаваетъ, за нимъ позолоченная колибелька, на колибелькѣ птица сивый соволъ, въ колибелькѣ дитя мужского пола, подъ горломъ у него рука матери, а въ рукѣ теткинъ ножъ.

Этотъ взглядъ, что женщина причина всякаго зла, проводится и въ историческомъ преданіи сербовъ; ей приписывается и гибель сербскаго царства на Коссовомъ полѣ. Въ одной рукописи рассказывается, что въ домѣ царя Лазаря, представлявшемъ цѣ-

люю задругу, разсорились двѣ невесты: одна изъ нихъ, жена Вука Бранковича назвала мужа другой, Милоша Обилича, незаконнорожденнымъ (онъ и называется Кобилить, потому будто бы, что былъ выкормленъ кобыльимъ молокомъ, или копилицъ, отъ *копиле*—незаконнорожденное дитя). Последняя не стерпѣла и ударила Вукову жену по лицу, такъ что у нея кровь потекла, и она-то настроила своего мужа такъ, что онъ въ рѣшительную минуту не подаль помощи, а ушелъ съ поля битвы со своими 12,000.

Для насъ не важно рѣшеніе вопроса, насколько это исторически вѣрно, но намъ дорога здѣсь чисто поэтическая, взлелѣванная въ народной груди мысль, что женщинѣ же приписывается и такой крупный историческій фактъ. Было это такъ или нѣтъ, но естественно, что крайне-тяжелое положеніе женщины въ задругѣ даетъ себя чувствовать: за тотъ гнетъ, которому она подвергается, расплачиваются семья и общество, и безъ сомнѣнія это отражается также и на исторической жизни народа, на его характерѣ, складѣ его воззрѣній и всей дѣятельности.

Рядомъ съ этой темной стороной сербской семейной жизни мы уже указывали на необыкновенно нѣжныя отношенія между братьями и сестрами; такія же, если еще не болѣе крѣпкія, узы связываютъ побратимовъ съ ихъ посестрими. Дѣвушка *братимитъ* солнце, т.е. беретъ его въ побратимы. Нѣсколько слабѣе любовь къ деверю, но все-таки довольно сильная. Эти-то привязанности и поддерживаютъ еще женщину въ семействѣ, замѣняютъ отчасти уродливостъ супружескихъ отношеній, и облегчаютъ ей тягостное семейное положеніе.

Гнетъ семейный не дѣлаетъ однако женщину рабой, она молчаливо переноситъ его, но не мирится, и подъ кажущеюся покорностью судьбѣ скрывается натура, способная на борьбу отчаянную. Нерѣдко она вырывается изъ семейной среды и идетъ въ разбойники. Такихъ женщинъ было не мало, на что указываютъ сербскія пѣсни. Какъ и мужчина, она составляетъ молодечествомъ и геройствомъ.

Одна была *зумунтар-девоика* (воръ-дѣвка), которая обѣщалась разбить каменные ворота Града Юговича, и увести у него коней, и исполнила обѣщаніе: украла и продала за синее море 9 коней за 9000 дукатовъ, 9 уздъ за 9 дукатовъ.

Другая побилась объ закладъ на двѣ нитки мелкаго жемчугу и дорогой камень, что встанетъ въ полночь и одна отворитъ ворота цареградскія, войдетъ въ царскій дворецъ и сниметъ

шапочку съ головы царя, вынуть подушку изъ-подъ его ногъ, у султанши снять жемчугъ съ шеи, у *кафеджии* украсть чашки и кофейники, у кальянщика табакъ и чубукъ, — и также выиграла.

Упоминается Мара-разбойница:

Мара преко Байне-Луке
Отметнусе у айдуке,
Девет годин арамбаши была.

Мара изъ-за Баньялуки
Ушла въ хайдуки
Деять лѣтъ была разбойничьимъ атаманомъ.

На десятый годъ ее изловили и привезли въ Баньялуки. Собрались смотрѣть на нее женщины изъ Баньялуки, тогда она имъ кричитъ:

Шта гледате, буле Байналуке!
Ние Маре копиле родила,

Что вы смотрите, дѣвки Баньялуки?
Неродила Мара незаконнорожденныхъ дѣтей,

Како сте ви буле Байналуке
Те хитате у Врбас у воду.

Какъ вы, Баньялуки дѣвки,
И спѣшите на Врбасъ рѣку.

Была у сербовъ *барякторъ-девоица* (знаменосецъ).

У Чернаго-Георгія была подруга, которая сопровождала его вездѣ, когда онъ хайдуковалъ. А вдова его впоследствии вышла замужъ за грека, съ которымъ удалилась въ Грецію, и во время возмущенія грековъ противъ Оттона, она, уже древняя старуха, была съ толпою и подстрекала мужество грековъ. Говорятъ, что потомъ она отправилась въ Кандію, чтобы быть вмѣстѣ съ востановившимися кандіотами.

Жена Милоша Обреновича, Любица — также не разъ выказывала мужество въ такія минуты, когда мужчины терялись. Рассказываютъ, что въ 1815 г. она побудила Милоша выступить противъ Кіаи-паши, который съ 30.000 войска выступилъ изъ Бѣлграда, чтобы наказать сербовъ, а сербовъ было едва 3.000. Дѣло кончилось побѣдой сербовъ, хоть и осталось ихъ только полторы сотни.

Воинственный и геройскій у сербовъ духъ воспитывается, конечно, съ самаго ранняго дѣтства: едва начинающему бродить, четырехлѣтнему ребенку мать внушаетъ, что онъ долженъ быть *юнакъ* (молодецъ), не плакать, когда ушибутъ, а стараться самому отомстить, и тотъ, схвативъ въ руки камень, поджидаетъ своего врага и уже не плачетъ. Воспитывается этотъ духъ и отцами, заставляющими внучивать, въ видѣ катехизиса, исторію паденія царства на Коссовомъ полѣ, причемъ дѣлаютъ

такіе выводы, что Милошу Обиличу на вѣчныя времена слава, Буку Бранковичу проклятіе, а турку и пшавѣ нужно посѣкать головы.

Путешествуя по странѣ, я вынесъ тогда впечатлѣніе, что все въ Сербіи временное, неустановившееся, все въ ожиданіи чего-то, что вся она живетъ *наканунѣ*, вся въ какомъ-то воинственномъ настроеніи. Но въ то же время нигдѣ въ Сербіи не видѣлъ особеннаго уваженія къ военному ремеслу, какъ это можно встрѣтить у насъ и даже въ западной Европѣ.

Въ одной сербской пѣснѣ дѣвушка разбираетъ жениховъ, и не хочетъ идти ни за *козара* (пастуха), ни за купца, ни за воина, а идетъ за ратара (хлѣбопашца):

У ратара црне руке,
А бѣла погача (пшеничный хлѣбъ).

Въ коренной Сербіи, внутри страны, гдѣ есть просторъ и обезнеченность, сербъ весь отдается земледѣлію: не хочетъ идти ни въ купцы, ни въ чиновники, ни быть воиномъ; но такихъ краевъ немного: вся страна или въ горахъ, или граничитъ съ сосѣдомъ, отъ котораго должна огораживаться и противъ котораго должна постоянно быть при оружіи.

Однимъ словомъ, воинственное настроеніе сербовъ не составляетъ коренного характера сербскаго народа, но воспитывается въ немъ и по необходимости поддерживается внѣшними обстоятельствами: неоконченностью политической роли, неустановленностью ея территоріальныхъ и политическихъ отношеній. И такое состояніе, очевидно, мѣшаетъ развитію страны въ смыслѣ гражданственности. Рядомъ съ воинственнымъ героизмомъ вы не встрѣчаете нигдѣ мужества гражданскаго. Это показала ясно топчидерская исторія, и подъ наружнымъ покровомъ цивилизаціи встрѣчаются весьма грубые нравы, требующіе казни и мести, принижающіе женщину до степени работницы, которую одни отдаютъ, другіе берутъ, не справляясь съ ея желаніемъ, и ставящіе конечною цѣлью жизни *уживаніе*, т. е. наслажденіе жизнію въ самомъ узкомъ матеріальномъ смыслѣ.

Все это, я говорю, временное, привитое, неестественное, и противоядіе этому находится во многихъ явленіяхъ современной жизни сербскаго народа, какъ, напр., въ нѣжныхъ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ, въ вѣрности другъ другу и до крайней степени идеальныхъ отношеніяхъ между побратимами и посестрима-

ми, въ чрезвычайно гуманномъ отношеніи къ бѣдному и слабому, — все это прекрасныя, коренныя, народныя черты, развитіе которыхъ должно еще совершиться. Сколько въ сербѣхъ при этомъ природнаго художественнаго чувства, и какая деликатность, сколько жизни и энергіи — и все это прикрывается и искажается воинственнымъ настроеніемъ народа и его правительства, которое и само путается, и еще больше сбиваетъ съ толку свой народъ.

Избавьте Сербію отъ этой тяжелой обязанности быть вѣчно на караулѣ, охранять свои границы, и тогда только вы увидите, что можетъ дать эта страна и что выйдетъ изъ сербскаго народа. На меня же во время путешествія Сербія произвела впечатлѣніе полу-военнаго лагеря, стоящаго на развалинахъ когда-то процвѣтавшей страны и еще не жившаго вполнѣ народа, которому еще предстоитъ жить и дѣйствовать.

П. РОВИНСКІЙ.

Л А Р А

ПОЭМА ЛОРДА БАЙРОНА.

Въ предисловіи къ поэмѣ «Морской разбойникъ», напечатанной въ январѣ 1814 года, Байронъ заявилъ о своемъ намѣреніи отказаться отъ поэзіи, если не навсегда, то, во всякомъ случаѣ, надолго. Во всѣхъ письмахъ его, относящихся къ этому времени, говорится то же самое, и если, спустя какихъ-нибудь два мѣсяца по опубликованіи это заявленія, онъ, прочтя извѣстіе объ отреченіи Наполеона, написалъ свою извѣстную «Оду Наполеону», то тѣмъ не менѣе мысль эта не покидала его. Мало того, негодуя на нападки своихъ враговъ, которые не только чернили его какъ человѣка, но и не переставали съ презрѣніемъ отзываться о самомъ его талантѣ, Байронъ даже принялъ-было рѣшеніе, безпримѣрное для человѣка съ такой славой, какою пользовался уже въ это время авторъ «Чайльдъ-Гарольда»: онъ вознамѣрился не только не писать болѣе, но даже положить выкупить у книгопродавцевъ данное имъ право на изданіе прежнихъ своихъ произведеній и уничтожить все имъ написанное. Въ апрѣлѣ того же 1814 года, онъ писалъ въ этомъ смыслѣ къ своему издателю Муррею, но, внявъ мольбамъ и убѣжденіямъ послѣдняго, перемѣнилъ свое рѣшеніе и тотчасъ же увѣдомилъ его о томъ, причемъ не преминулъ добавить, что на этотъ разъ онъ отказывается отъ своего совершенно-серьезнаго намѣренія единственно для того, чтобы не причинить ему убытковъ. Нижеслѣдующія выдержки изъ дневника Байрона могутъ дать вѣрное понятіе о настроеніи его души въ это время:

«Муррей получилъ на-дняхъ письмо отъ одного изъ своихъ эдинбургскихъ собратій, въ которомъ тотъ говоритъ, что онъ *счастливъ, имѣя такого поэта*, какъ я, точно дѣло идетъ о рабочей лошади, ослѣ и тому подобномъ... Этотъ же знаменитый книгопродавецъ, прося ему выслать книгъ, заключаетъ свое письмо слѣдующимъ милымъ post-scriptum: «Гарольдъ» и поваренныя книги нужны». Вотъ вамъ и слава!.. Читалъ «Ссору писателей», новое произведение д'Израэли. Что за раздражительные люди! Какъ бы мнѣ хотѣлось выйти изъ ихъ круга! И на кой чортъ было мнѣ писать? Ну, да теперь уже поздно задаваться подобными вопросами, да и не къ чему! Впрочемъ, если бы пришлось начать снова, я, вѣроятно, опять писалъ бы. Такова природа человѣка — по крайней мѣрѣ моз! Но я буду гораздо лучшаго о себѣ мнѣнія, если у меня окажется достаточно здраваго смысла, чтобы остановиться теперь же.»

Эти замѣтки были набросаны Байрономъ въ теченіи марта и апрѣля мѣсяцевъ 1814 года, что, впрочемъ, не помѣшало ему въ маѣ того же года начать поэмѣ «Лара», которую обыкновенно считаютъ продолженіемъ поэмы «Морской разбойникъ», вышедшей въ свѣтъ въ январѣ того же года, то-есть всего за семь мѣсяцевъ до отпечатанія «Лары», появившейся въ книжныхъ магазинахъ въ августѣ мѣсяцѣ того же 1814 года.

Хотя «Лару» и считаютъ продолженіемъ «Морского разбойника», тѣмъ не менѣе ничто въ поэмѣ не указываетъ въ точности ни времени, ни мѣста ея дѣйствія. Одно имя героя поэмы, Лара, испанское происхожденіе котораго несомнѣнно, даетъ право думать, что мѣсто дѣйствія поэмы — Испанія; но слово рабъ (serf), употребленное авторомъ для обозначенія обитателей владѣній Лары, не можетъ относиться къ испанцамъ, въ отечествѣ которыхъ никогда не существовало рабовъ, прирѣзанныхъ въ землѣ. Въ другомъ мѣстѣ самъ Байронъ называетъ Лару вождемъ Морен, что также весьма мало разъясняетъ дѣло. Что же касается личности самого героя поэмы, очерченной весьма старательно и подробно въ началѣ первой пѣсни, то, по свидѣтельству Вальтеръ-Скотта, авторъ при ея изображеніи имѣлъ въ виду самого себя, такъ-какъ онъ при этомъ «разсказываетъ собственную свою исторію» отъ начала до конца.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ владѣннхъ Лары счастье обитаетъ —
 Къ цѣпямъ своимъ неволя привыкаетъ.
 Рабами незабытый властелинъ
 Вернулся къ нимъ изъ дальняго изгнанья —
 И шумный залъ исполненъ ликованья,
 И кубки вновь свершаютъ влагой винъ.
 Родной очагъ привѣтливо пылаетъ
 И въ стеклахъ оконъ радостно играетъ..
 Вокругъ вассалы группами стоятъ,
 И взоры ихъ веселіемъ горятъ.

II.

Итакъ — властитель Лары возвратился.
 Но гдѣ — затѣмъ такъ долго онъ таился?
 Лишась отца въ младенчествѣ, когда
 Скорбять о томъ не всѣ и не всегда,
 Онъ сталъ своихъ поступковъ господиномъ.
 Но человекъ затѣмъ лишь властелиномъ
 Становится, чтобъ счастья не знать.
 Не помня ласкъ, способныхъ удержатъ
 Отъ думъ и дѣлъ, ведущихъ въ преступленью,
 Онъ съ раннихъ лѣтъ умѣлъ повелѣвать,
 Когда всего нужнѣй повиновенье.
 Но мы не будемъ съ той поры слѣдить
 За нимъ, когда онъ былъ еще невиненъ.
 Хоть путь его былъ кратокъ, можетъ-быть,
 Но для того, чтобъ чуть не погубить
 Его души, онъ былъ довольно длиненъ.

III.

Онъ въ юности отцовскій домъ покинулъ —
 И съ той поры, какъ слѣдъ его пропасть,

Почти никто о нёмъ не вспоминалъ,
 Какъ-будто онъ и въ самомъ-дѣлѣ сгинулъ.
 «Отецъ въ гробу, а сына дома нѣтъ!» —
 На вашъ вопросъ единственный отвѣтъ.
 Годъ текли, но Лара не являлся,
 И сонмъ рабовъ холоднымъ оставался
 Къ покрытой мракомъ участи его —
 И скоро имя славное того,
 Чей образъ въ залѣ пылью покрывался,
 И чья невѣста сдѣлалась женой
 Другого, перестало въ залѣ той
 Звучать грозой и эхомъ повторяться,
 А вскорѣ вовсе стало забываться.
 «Онъ живъ еще — и долго будетъ жить!»
 Скорбя душой, наслѣдникъ восклицаетъ
 И глубоко о траурѣ вздыхаетъ,
 Который онъ не въправѣ обновить,
 Хотя того такъ искренно желаетъ.
 Сто боевыхъ заржавленныхъ щитовъ
 Семейный склепъ владѣльца украшаютъ,
 Лишь одного, средь ржавыхъ ихъ рядовъ,
 Увы, глаза родные не встрѣчаютъ!

IV.

И вотъ, межъ нихъ онъ снова появился.
 Откуда? какъ? — того не угадать.
 Узнавъ о томъ, всякъ молча подивился,
 Но не тому, что Лара воротился,
 А почему себя такъ долго ждать
 Онъ находилъ возможнымъ заставлять.
 Съ нимъ свиты нѣтъ. Его сопровождаетъ
 Лишь пажъ одинъ, чей взоръ въ немъ обличаетъ
 Питомца горъ далекихъ южныхъ странъ.
 Прошли годъ, но хмурый ихъ туманъ
 Равно не слишемъ хмурымъ показался
 Какъ сонму тѣхъ, кто дома оставался,
 Такъ и тому, кто странствовалъ вдали
 Полей и горъ родной ему земли.
 Но гнетъ судьбы, безвѣстность, дальность края,
 Гдѣ Лара жилъ, скитаясь и блуждая —

Все замедляло времени полётъ...
 Всѣ видать — онъ: всякъ Лару узнаетъ
 И — вмѣстѣ — всякъ сомнѣнье ощущаетъ
 И мутнымъ сномъ прошедшее считаетъ.
 Онъ живъ и бодръ, хотя труды и время
 Лежать на немъ, какъ гибельное бремя.
 Хотя его проступки, можетъ-быть,
 И не изъ тѣхъ, чтобъ свѣтъ ихъ могъ забыть,
 Все-жъ извинить ихъ могутъ, безъ сомнѣнья,
 Его тревожной жизни приключенья.
 О злыхъ дѣлахъ и подвигахъ его
 Давно не слышно было ничего —
 И поддержать былъ властенъ онъ по праву
 Своихъ отцовъ неизблемую славу.
 Его душа въ минувшіе года
 Была дика, заносчива, горда,
 Но злой виной свершенныхъ преступлений
 Была одна лишь жажда наслаждений.
 Итакъ, когда онъ смогъ ихъ позабыть,
 То сможетъ ихъ омыть и искупить!

V.

Суровый рокъ скитальца измѣнилъ:
 Онъ не былъ тѣмъ, чѣмъ нѣкогда онъ былъ!
 Все говорить въ немъ о страстяхъ минувшихъ,
 Книгъвшихъ въ немъ — теперь давно уснувшихъ.
 Въ его душѣ воздвигла гордость храмъ.
 Глухой къ молвѣ и льстивымъ похваламъ,
 Онъ могъ читать, безстрастіемъ прикрытый,
 Въ чужой душѣ, какъ въ книгѣ незакрытой.
 Онъ обладалъ насмѣшливымъ умомъ,
 Отравленнымъ неправдою и зломъ,
 Способнымъ для забавы — не для кары —
 Терзать сердца и наносить удары.
 Вотъ все, что взоръ подмѣтитъ въ немъ умѣлъ;
 Но и того онъ выдать не хотѣлъ.
 Онъ не сторагъ любви и славы жаждой,
 Въ которыхъ всѣ стремятся, но не каждый
 Ихъ достигаетъ въ жизни — на землѣ,
 Хотя еще недавно обитали

Они въ душѣ его, и на челѣ
По временамъ такъ явственно сіяли.

VI.

Онъ не любилъ разспросовъ о минувшемъ
И никогда не говорилъ о томъ,
Какъ онъ блуждалъ въ краю ему чужомъ,
Теперь предъ нимъ въ туманѣ утонувшемъ.
Напрасно всѣ желанную имъ вѣсть
Въ его глазахъ старались прочесть
И у пажа разспрашивать пытались —
Успѣхомъ ихъ труды не увѣнчались.
Онъ не хотѣлъ рассказывать о томъ,
Что видѣлъ тамъ — въ краю для нихъ чужомъ,
Какъ о вещахъ, не стоящихъ вниманья;
Когда-жъ вопросъ смѣняло настоящее,
Онъ уходилъ съ нахмуреннымъ челомъ.

VII.

Вернувшись въ край — почти забытый свѣтомъ —
Потомокъ славныхъ мира и войны,
Онъ встрѣченъ былъ вельможами страны,
Какъ старый другъ, съ любовью и привѣтомъ.
На ихъ пирахъ нерѣдко онъ бывалъ
Свидѣтелемъ ихъ скуки и похмѣлья,
Но никогда въ душѣ не раздѣлялъ
Ни ихъ заботъ, ни шумнаго веселья.
Онъ не искалъ, подобно всѣмъ другимъ,
Обманутымъ коварною мечтою,
Ни славы, исчезающей какъ дымъ,
Ни выгодъ, съ ихъ неволей золотомъ,
Ни словъ любви красавицъ молодыхъ,
Ни злой вражды соперниковъ своихъ.
Онъ окруженъ магическимъ былъ кругомъ,
И этотъ кругъ — увы — не допускалъ
Къ нему людей, чтобъ быть ихъ вѣрнымъ другомъ,
И одинокимъ въ мірѣ оставлялъ.
Одни за нимъ прилежно наблюдали

И лишь въ дурномъ его изобличали;
 Изъ тѣхъ же, кто былъ лучше и добрей,
 Въ душѣ охотно каждый признавался,
 Что Лара былъ и лучше, и честнѣй,
 Чѣмъ большинству бездушному казался.

VIII.

Въ дни юности, въ дни силы и движенья,
 Томимый жаждой бурь и наслажденья,
 Любя войну и вольное житье,
 И океанъ, и женщинъ — словомъ, все,
 Что въ этотъ мигъ насъ счастьемъ обольщаетъ,
 А въ будущемъ могилую пугаетъ,
 Онъ рано все постигъ и испыталъ:
 Онъ не любилъ блаженной середины,
 И лишь въ страстяхъ забвенія искалъ.
 Исполненъ бурь, съ презрѣньемъ онъ взиралъ
 На бури тѣ, что бороздятъ пучины;
 Свои-жъ восторги слалъ онъ къ небесамъ,
 Увѣренный, что большихъ нѣтъ и тамъ.
 Какъ онъ простился съ гибельными снами,
 Разбитый въ прахъ могучими страстями,
 Того ему — увы — не рассказать!
 Но если рокъ позволилъ пробудиться
 Ему отъ сна, то лишь затѣмъ, чтобъ дать
 Возможность сердца слабость проклинять,
 Безсильнаго — чтобъ вспрыгнуть, иль разбиться.

IX.

Не человекъ, а книги и познанья
 Будили въ немъ гнетущее вниманье.
 Онъ то въ лѣсу задумчиво бродилъ,
 То воротаясь въ свой замокъ уходилъ,
 Гдѣ — по словамъ прислуги — оставался
 По цѣлымъ днямъ — безмолвенъ и унылъ —
 Безъ ихъ услугъ, въ которыхъ не нуждался,
 И, словно тѣнь, блуждалъ средь старыхъ залъ,
 Гдѣ на него сонмъ праотцевъ взиралъ.

«Нашъ слухъ не разъ — прислуга говорила —
 Звукъ голосовъ, печальныхъ какъ могила,
 Въ полночный часъ тревогой поражалъ.
 Ну, а инымъ и видѣть приходилось
 Не мало чудъ, какихъ во снѣ не снилось
 И увидеть никто-бъ не пожелалъ...
 Зачѣмъ гладить съ улыбкою привѣтной
 Онъ по часамъ на черепъ безотвѣтный,
 Исторгнутый волшебственной рукой
 Изъ темныхъ нѣдръ могилы рововой?
 Зачѣмъ, какъ тѣнь, по замку онъ блуждаетъ,
 Грустить въ лѣсу, гостей не принимаетъ?..
 Тутъ что-то злое кроется — но что?..
 Конечно, есть межъ нами кое-кто...
 Тѣ знаютъ все, но слишкомъ осторожны,
 Чтобъ утверждать, что слухи тѣ не ложны,
 Что межъ крестьянъ сложились о немъ.
 Спросить бы ихъ объ этомъ обо всемъ —
 Они бы вамъ побольше рассказали.»
 Такъ въ сонмѣ слугъ о Ларѣ разсуждали.

X.

Спустилась ночь. Струясь, рѣка сіяетъ
 И группы звѣздъ безсмертныхъ отражаетъ,
 Глядящихъ въ глубь съ безоблачныхъ небесъ.
 Ея струи спокойно пробѣгаютъ
 И навсегда, какъ счастье, исчезаютъ.
 Сойдя къ рѣкѣ, въ нее глядится лѣсъ,
 А злачный лугъ, покрытый весь цвѣтами,
 Приманкой пчелъ, ей служить берегами.
 Изъ нихъ вѣномъ могла-бъ Діана сплести,
 Могла-бъ любви невинность ихъ поднести.
 Рѣка бѣжитъ извилистой стезею,
 Какъ пестрый змѣй съ блестящей чешуею.
 Вокругъ такой дышало тишиной,
 Что не смутилъ бы призракъ васъ ночной:
 Такъ вѣрилось, что при такомъ покоѣ
 Не можетъ здѣсь блуждать ничто дурное.
 И Лара, шагъ свой къ замку направляя,
 Сознаться былъ со вздохомъ принужденъ,

Что этотъ часъ для добрыхъ сотворенъ.
 О прошлыхъ дняхъ ему напоминая,
 Картина та являла передъ нимъ
 Иныхъ небесъ блестящія плеяды,
 Иныхъ очей, исполненныхъ отрады,
 Святой покой, понятный лишь однимъ
 Людскимъ сердцамъ, истерзаннымъ страстями.
 Пусть буря, вломъ надъ нимъ носясь, шумить:
 Она его не сломить, не смутить;
 Но эта ночь, горящая звѣздами,
 Ему въ глаза насмѣшливо глядить.

XI.

Онъ бродить вдоль таинственныхъ покоевъ;
 Съ нимъ тѣнь его блуждаетъ по стѣнамъ,
 Покрытымъ веругъ портретами героевъ,
 Глядящихъ въ мракъ изъ ряда темныхъ рамъ.
 Увы! вотъ все, что послѣ нихъ осталось,
 Коль не считать тѣхъ сводовъ, гдѣ ихъ прахъ
 Давнымъ-давно покоится въ гробахъ
 Со всѣмъ, что имъ при жизни улыбалось,
 Да полстраницы въ лѣтописи той,
 Гдѣ съ правдой ложь идутъ рука съ рукой.
 Луны сіянье въ окна проникаетъ
 И на полу узорчатомъ играетъ,
 Горя зарей на стеклахъ росписныхъ,
 Являвшихъ рядъ угодниковъ святыхъ.
 Звучать шаги задумчиваго Лары;
 Но мракъ очей, безжизненность лица
 И цвѣтъ кудрей, мрачнѣе зла и кары,
 Все придаетъ ему видъ мертвеца.

XII.

Вотъ полночь бьетъ. Лампада чуть мерцаетъ,
 Какъ-будто мглу разсѣять не дерзаетъ.
 Все спитъ, но — чу! раздался гдѣ-то влилъ:
 То чей-то вопль — молящій, страшный крикъ!
 Прошелъ — и смолкъ. Отъ сна возставъ въ испугѣ,

Бѣгутъ на крикъ встревоженные слуги —
И каждый къ замку съ факеломъ спѣшитъ,
И мечъ въ рукахъ у каждого блеснѣтъ.

XIII.

Самой луны полуночной блѣднѣе
И плоть подъ нимъ лежащихъ холоднѣе,
Лежитъ недвижно Лара на полу.
Струится потъ по блѣдному челу;
Съ нимъ рядомъ мечъ, имъ выпущенный въ страхъ
Изъ сильныхъ рукъ, валяется во прахъ.
Но онъ не палъ, главою не поникъ:
Все также гордъ его поблѣвшій ликъ.
Нѣтъ жизни въ немъ, глаза полузакрыты,
Но и въ нѣмомъ въ немъ блещетъ взоръ бойца,
Огнемъ борьбы горящій до конца.
Безжизненъ лобъ, безжизненны ланиты,
Но складки устъ желаніе таятъ
Вонзить въ врага губительный бузъ.
Ни звука веругъ. Вотъ онъ пошевелился,
Вновь на лицѣ румянецъ появился,
Его глаза заискрились — и вновь
Въ немъ жизнь кипитъ, играетъ въ жилахъ кровь.
Онъ говорить, протягиваетъ руки,
Но чужды всѣмъ тѣ сладостные звуки,
И только то понять они могли,
Что звуки тѣ — языкъ чужой земли.
Но та, что духъ больной его тревожить,
Увы, внимать ему уже не можетъ!

XIV.

А вотъ и пажъ! Одинъ онъ въ состоянн
Понять его. Взоръ полонъ состраданья,
И каждый въ немъ лишь могъ бы прочесть,
Что онъ всего не можетъ рассказать,
А тотъ — открыть. Но Лары положенье
Не будить въ немъ тревоги изумленья.
Склонясь къ нему пылающимъ челомъ,

Онъ рѣчь ведетъ на языкѣ чужомъ,
 Но для него, быть-можетъ, на родномъ.
 Забывъ про страхъ, внушенный сновидѣньемъ,
 Большой словамъ тѣмъ внимлетъ съ наслажденьемъ...
 Но если былъ виной тревоги сонъ,
 То отчего-жъ такъ мраченъ, грустенъ онъ?

XV.

Что это — сонъ, иль бредъ тяжелый былъ —
 Онъ никому той тайны не открылъ;
 Но если-бъ онъ и помнилъ о видѣньи,
 То не сознался-бъ въ этомъ, безъ сомнѣнья.
 Едва востокъ окрасился зарей —
 Онъ вновь былъ бодръ и тѣломъ, и душой.
 Ни духовникъ, ни врачъ не подходили
 Къ его одру, склоненному къ могилѣ.
 Вотъ день — и все по-прежнему пошло:
 Ни веселѣй, ни пасмурнѣй чело —
 Все тотъ же онъ; а если — съ наступленьемъ
 Вечерней тьмы — бывалъ объять волненьемъ,
 То онъ того замѣтить не давалъ
 Всѣмъ тѣмъ, чей страхъ еще не миновалъ.
 Съ тѣхъ поръ, бродя по комнатамъ, вассалы,
 Дрожа, вдвоемъ входили въ двери залы —
 И скрипъ дверей, и вѣтра дикій вой,
 И звукъ шаговъ, и пискъ летучей мыши,
 И шелестъ липъ за каменной стѣной,
 И дождь, стучащій въ гребень старой крыши —
 Все ихъ сердца тревожило тоской,
 Едва сходилъ на землю мракъ ночной.

XVI.

Напрасный страхъ! Тотъ часъ не возвращался —
 И навсегда загадкою остался.
 Иль вспоминать о немъ онъ не любилъ —
 И дѣлалъ видъ, что часъ тотъ позабылъ,
 Иль навсегда съ прошедшимъ распростился,
 Когда къ нему разсудокъ возвратился;

Но только взоръ уже не выражалъ,
 Что духъ его томился и страдалъ.
 То сонъ ли былъ? Его-ль уста шептали
 Слова любви на языкѣ чужомъ?
 Его-ль мольбы и вопли испугали
 Его рабовъ, глубокимъ спавшихъ сномъ?
 Его ли сердце биться перестало?
 Его-ль очей мерцанье испугало
 Вбѣжавшихъ слугъ, и онъ ли могъ забыть
 Ту бездну золь, которая сразить
 Храбрѣйшаго изъ храбрыхъ въ состояннѣ?
 Иль, можетъ-быть, въ сухомъ его молчаннѣ
 Таится мысль — плодъ прожитыхъ годовъ —
 Что въ глубинѣ души его гнѣздится
 Такъ много мукъ, что ими подѣлиться
 Не въ силахъ онъ? Нѣтъ, Лара не таковъ!
 Быть-можетъ, въ немъ тѣ мысли и таились,
 Но врядъ ли въ комъ прозрѣть достало силъ,
 Какъ мысли тѣ росли и шевелились
 И вновь на днѣ души его ложились:
 Онъ словъ для нихъ нигдѣ не находилъ.

XVII.

Онъ совмѣщалъ въ себѣ и совмѣщаетъ
 Еще донинѣ все, что возбуждаетъ
 Въ сердцахъ людей любовь и неприязнь,
 Привязанность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, боязнь.
 Молва о немъ и дняхъ его скитаній
 Была полна хвалы и порицаній.
 Его-жъ желанье въ прошломъ что-то скрыть
 Лишь заставляло громче говорить
 О прошлыхъ дняхъ, въ догадкахъ лишь теряться
 И разгадать судьбу его стараться:
 Кто онъ, гдѣ жилъ и въ жизни дѣлалъ что —
 Онъ, про кого извѣстно только то,
 Что онъ богатъ и знатенъ? Полагали
 Одни, что онъ не любить никого;
 Другіе же, напротивъ, утверждали,
 Что онъ не золь, на что имъ возражали,
 Что стоить разъ лишь встрѣтить взглядъ его,

Чтобъ увидать и съ грустію сознаться,
 Что можеть смѣхъ съ насмѣшкою уживаться,
 И что тотъ смѣхъ, блуждая по устамъ,
 Не сообщаетъ радости отамъ.
 Хотя порой блескъ глазъ его смягчался
 И добротой сердечной отъбнялся,
 Но скоро онъ собой овладѣвалъ,
 Вновь строгій видъ, нахмуясь, принималъ,
 И сердце вновь само себя корило,
 За то, что міръ когда-то такъ любило.

XVIII.

Въ немъ ко всему презрѣнье шевелилось,
 Какъ-будто все, что злого есть — свершилось.
 Онъ межъ людей — къ людскимъ страданьямъ нѣмъ —
 Бродилъ какъ духъ, утратившій Эдемъ.
 Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ къ опасностямъ стремился
 И — избѣжавъ — скорбѣлъ по нимъ, томился.
 Знакомый лишь съ огнемъ такой любви,
 Что можеть жить у избранныхъ въ крови;
 Онъ перешелъ возможнаго границу
 Въ своихъ мечтахъ о правдѣ и добрѣ —
 И зрѣлый возрастъ юность-чаровницу
 Смѣнилъ, оставивъ скорби о порѣ
 Счастливыхъ грѣзъ, о силахъ истощенныхъ,
 Для лучшихъ дѣлъ судьбой ему врученныхъ,
 О злыхъ страстяхъ, устлавшихъ терньемъ бѣдъ
 Сквозь жизни тьму проложенный нѣтъ слѣдъ.
 Упрямъ и гордъ, чтобъ проклинать невзгоду,
 Онъ обвинялъ во всемъ одну природу
 И бранный прахъ, тюрьму души своей,
 Юдоль борьбы, наслѣдіе червей.
 Онъ называлъ, мѣшая зло съ добромъ,
 Свой произволъ благихъ судебъ судомъ.
 Не дорожа грядущею судьбою,
 Для чуждыхъ благъ онъ жертвовалъ собою,
 Причемъ въ виду имѣлъ лишь сдѣлать то,
 Чего въ нашъ вѣкъ не сдѣлалъ бы никто,
 Хотя тотъ пылъ, въ злосчастное мгновеніе,
 Могъ вытолкнуть его на преступленіе.

Онъ падалъ въ прахъ и снова воставалъ
 Въ глазахъ людей, которыхъ презиралъ,
 Лишь для того, чтобъ положить съ-измладу
 Между собой и смертными преграду.
 Злой умъ его воздвигнулъ свой престолъ
 Въ странѣ, гдѣ мѣръ свой новый онъ нашолъ.
 Тамъ мысль его лишь счастьемъ наслаждалась —
 И кровь живѣй тогда въ немъ обращалась.
 О, еслибъ въ немъ бунтующая кровь
 Могла остыть и течъ спокойно вновь!
 И такъ онъ шелъ однимъ путемъ съ другими
 И поступалъ, ни въ чемъ не рознясь съ ними,
 Не оскорбляя разума притомъ.
 Онъ заблуждался сердцемъ — не умомъ,
 И потому былъ сдержанъ въ разговорѣ,
 Чтобъ какъ-нибудь не высказаться въ спорѣ.

XIX.

Хотя онъ былъ надмененъ въ обращеньи
 И съ раннихъ поръ считалъ за наслажденье
 Загадкой быть, онъ обладалъ вполне
 Способностью привязывать къ себѣ.
 То не были — сказать ли между нами —
 Ни ненависть, ни страстная любовь,
 Ни что-нибудь волнующее кровь,
 Чтò можетъ быть сказано словами;
 Но тотъ, кто взглядомъ взглядъ его встрѣчалъ
 Уже никогда о томъ не забывалъ.
 Какъ ни просты слова его бывали,
 Но — услышавъ — ихъ долго вспоминали.
 Онъ незамѣтно въ душу проникалъ
 И въ ней призывъ и злобу поселялъ;
 Но что-бъ слова его ни поселяли,
 Свой слѣдъ они надолго оставляли.
 Онъ ни предъ кѣмъ души не открывалъ,
 Но самъ охотно въ сердце заползалъ,
 И, разъ войдя, въ немъ прочно водворялся:
 На мигъ единый съ нимъ не разставался
 И какъ бы кто ни силился изгнать,
 Въ немъ продолжалъ царить и обитать.

XX.

Въ старинномъ замкѣ славнаго Оттона
 Гремить оркестръ средъ чашъ застольныхъ звона,
 Подъ говоръ дамъ и рыцарей страны,
 Чтѣ были имъ на пиръ приглашены.
 Пируютъ всѣ — и Лара между ними.
 Въ разгарѣ пиръ. Тѣнями неземными
 Несётся сонмъ красавицъ молодыхъ:
 Могучій ритмъ влечётъ и кружитъ ихъ.
 Кипятъ сердца, трепещутъ прелесть-руки,
 Сплетаясь въ вѣновъ подъ сладостные звуки.
 Лишь пиръ чело способенъ прояснить,
 Заставить старость юность полюбить,
 А юность — все на свѣтѣ позабыть!

XXI.

На танцы Лара весело взиралъ —
 И скорби въ немъ ничто не выражало:
 Его души ничто не волновало —
 И онъ красавицъ взоромъ провожалъ.
 Поднявъ чело, сложивши на-крестъ руки
 И прислонясь къ колоннѣ, онъ взиралъ
 На группы дамъ, на полный блеска залъ,
 Ловилъ душой чарующіе звуки
 И, полонъ думъ, увь, не замѣчалъ,
 Что чей-то взоръ насквозь его пронзалъ.
 Но, наконецъ, и онъ его замѣтилъ —
 И смѣло блескъ его злобѣщій встрѣтилъ,
 И, встрѣтивъ, чутье сердцемъ угадалъ,
 Что средъ толпы тотъ взоръ его искалъ.
 Такъ пристально глядѣвшій Ларѣ въ очи,
 Угрюмый гость, былъ сумрачнѣе ночи,
 И изъ гостей никто его не зналъ.
 Но вотъ, полны сомнѣнія нѣмого,
 Свергнувъ, глаза ихъ встрѣтились снова —
 И холодъ смерти Лару оковалъ.
 Увь! онъ взглядъ пыливый тотъ узналъ,
 Стрѣлой въ тайникъ души его вонзанный,

И то въ его сверканьи прочиталъ,
Чего прочесть не могъ-бы посторонній.

XXII.

«Да, это онъ!» воскликнулъ неизвѣстный.
Все смолкло веругъ — и шепотъ повсемѣстный
Его слова стократно повторилъ —
И каждый «онъ! то онъ!» проговорилъ.
«Кто онъ?» другъ друга каждый вопрошаетъ —
И слуха Лары звукъ тотъ достигаетъ.
Кто-бъ взгляды тѣ, тотъ шепотъ перенесъ?
Но Лара былъ безчувственъ, какъ утѣсь.
Лишь канулъ мигъ — волненье миновало
И вновь на все, что робко окружало
Его волной, онъ весело взиралъ,
Хотя пришлецъ по прежнему впередъ
Въ него глаза и, наконецъ, воскликнулъ:
«Да, это онъ!... но какъ сюда проникнуть?»

XXIII.

Такихъ рѣчей — неожиданнаго привѣта —
Не могъ оставить Лара безъ отвѣта.
Онъ дикій гнѣвъ въ груди своей сдержалъ
И такъ, скрѣпивъ, пришельцу отвѣчалъ:
«Графъ Лара я! Когда-жъ твое узнаю
Я имя — знай: я грозно отвѣчаю —
И потому на дерзкій твой привѣтъ
Схумѣю дать заслуженный отвѣтъ.
Графъ Лара я! Иль, можетъ-быть, желаешь
Ты о другомъ о чемъ-нибудь узнать?
Но тотъ вопросъ, который предлагаешь,
Не страшень мнѣ: мнѣ нечего скрывать!»

— «Уже ли нѣтъ такого, на который
Ты-бъ долженъ былъ не медля отвѣчать,
Хотя-бъ уста и силились молчать?
Вглядись въ меня! Зачѣмъ склоняешь взоры?»

Свой долгъ тебѣ во вѣкъ не уплатить
И никогда о немъ не позабыть!»

Графъ Лара вновь взглянулъ на пришлеца,
Но не нашелъ въ чертахъ его лица —
Иль не хотѣлъ найти въ нихъ — ни единой
Черты ему знакомой иль родной —
И, покачавъ кудрявой головой,
Онъ отошелъ съ презрительною миной.
Но Эцелинъ его остановилъ.
«Ни съ мѣста!» онъ, дрожа, проговорилъ:
«И отвѣчай тому, кто — будь ты славенъ
Какъ въ бѣны дни — тебѣ-бъ во всемъ былъ равенъ,
Но кто теперь лишь можетъ презирать
Тебя и твой поступокъ пролинять,
Кто звуку устъ твоихъ не довѣряетъ
И чьей души твой взоръ не испугаетъ.
Не хмурь бровей! Когда мои слова
Неправда, ложь — ты можешь оправдаться
И доказать, что страшная молва...»

— «Кто-бъ ни былъ я — не стану объясняться
Съ тобой, моимъ невѣдомымъ врагомъ.
Но если адѣсь стоящіе кругомъ
Узнать рассказъ твой лживый пожелаютъ,
Пускай, пришлецъ, словамъ твоимъ внимаютъ
И пусть тебя привѣтствуетъ Огонь...
И мой привѣтъ услышитъ своро онъ!»
Но тутъ, гостей волненьемъ привлеченный,
Вмѣшался въ споръ хозяинъ изумленный:
«Графъ Эцелинъ, позволь тебѣ сказать,
Что на шире не мѣсто нарушать
Веселья хоръ нескромными словами;
Но если ты имѣешь рассказать
Намъ что-нибудь, что Лара долженъ знать,
То я прошу тебя передъ гостями
Съ рассказомъ тѣмъ до завтра подождать
И не мѣшать ходить межъ нами чарѣ.
Я за тебя порукой, Эцелинъ,
Хотя и ты, подобно графу Ларѣ,
Блуждалъ весь вѣкъ среди чужихъ пучинъ.
Что-жъ до тебя, графъ Лара — всѣмъ извѣстно —

И славный гербъ порукой вѣрной въ томъ,
 Что не откажешь ты ему ни въ чёмъ,
 Что съ рыцарства законами совмѣстно!»

— «Нусть будетъ такъ! воскликнулъ Эцелинъ.
 Я докажу съ наставшею зарёю,
 Что не мечта все видѣнное мною,
 Какъ то, что есть надъ нами Властелинъ!»

Что могъ на то ему отвѣтить Лара?
 Не преклонясь подъ тяжестью удара,
 Онъ взоръ свой въ даль по прежнему внерялъ,
 Хоть каждый взоръ съ нимъ встрѣтиться желалъ —
 И обличало это невниманье,
 Что передъ нимъ росло воспоминанье.

XXIV.

— «До завтра, графъ!» графъ Лара отвѣчалъ;
 Но ни чело, ни взоръ его печали,
 Назрѣвшей въ немъ, и зла не выражали,
 Хотя тонъ словъ рѣшимостью дышалъ.
 Затѣмъ, взявъ плащъ, онъ гордо поклонился
 Стоявшимъ вокругъ — и быстро удалился.
 Сойдясь въ дверяхъ съ таинственнымъ врагомъ,
 Стоявшимъ тамъ съ нахмуреннымъ челомъ,
 Онъ гнѣвный взглядъ его спокойно встрѣтилъ
 И на него улыбкою отвѣтилъ;
 Но врядъ ли-бъ это въ улыбки той подмѣтилъ
 Усиле — гнѣвъ въ презрѣнье обратить,
 Который ей бываетъ трудно скрыть.
 Напротивъ, въ ней увѣренность свѣтилась,
 Что въ сердцѣ мощь обычная таилась.
 Но было-ль то спомойствіе добра,
 Иль закоснѣлость гибельнаго зла?
 Увы! и то и это передъ нами
 Является подъ сходными чертами!
 Одни дѣла способны уяснить
 Намъ то, что сердцу горько сознавать.

XXV.

Явился даже — и Лара удалась.
 Почти ребенокъ, съ родиной своей,
 Отчизной розъ и солнечныхъ лучей,
 Для Лары онъ на вѣки распростился.
 Всегда при немъ — послушенъ, терпѣливъ,
 Онъ былъ застѣнчивъ, тихъ и молчаливъ.
 Хотя и былъ знакомъ ему суровый
 Языкъ страны, его отчизны новой,
 Но Лара съ нимъ да немъ не говорила;
 Когда-жъ языкъ его произносилъ
 Слова, ему понятныя, родныя —
 Предъ нимъ вставали горы голубыя
 И кровь родной, погибшій для него,
 И отъ которыхъ онъ для одного,
 Кто передъ нимъ колоссомъ возвышался,
 Забывъ весь свѣтъ, на вѣки отказался.

XXVI.

Онъ нѣжно-смуглъ, красивъ и строенъ былъ.
 Лучи страны, гдѣ нѣкогда онъ жилъ,
 Чела его загаромъ не покрыли
 И нѣжныхъ щекъ румянца не лишили.
 Но не былъ тотъ румянецъ молодой
 Сердечныхъ чувствъ невольнымъ проявленьемъ,
 А признакомъ печали роковой,
 Гнетущей духъ борьбою и сомнѣньемъ.
 Матерный блескъ его склоненныхъ глазъ,
 Изъ-подъ рѣсницъ сіявшій какъ алмазъ,
 Казалось, былъ похищенъ имъ у неба
 И оживленъ огнемъ благого Неба.
 Его глаза, какъ черной бахромой,
 Красивыя рѣсницы окаймляли
 И тѣмъ отгѣнокъ грусти придавали:
 Въ нихъ было больше гордости прямой,
 Чѣмъ злой тоски и гложущей печали.
 Онъ не любилъ обычныхъ кутежей,
 Ночныхъ проказъ и шалостей пажей.

Онъ по часамъ съ задумчиваго Лару
 Своихъ очей прекрасныхъ не спускалъ,
 Причемъ весь міръ, казалось, забывалъ,
 А съ нимъ и всё его дары и чары.
 Когда-жъ его съ нимъ не было — онъ былъ
 Еще грустнѣй и по лѣсу бродилъ.
 Въ своихъ рѣчахъ онъ краткимъ быть старался,
 И никогда въ разспросы не пускался.
 Онъ по лѣсамъ одинъ гулять любилъ,
 Гдѣ по часамъ задумчиво бродилъ
 И гдѣ служилъ ему отдохновеніемъ
 Прибрежный лугъ, а книга — утѣшеніемъ.
 Онъ гордо взоръ и сердце отвращалъ
 Отъ благъ земли и радостей, какъ Лара,
 И отъ нея даровъ не принималъ,
 За исключеніемъ горькой жизни дара.

XXVII.

Изъ всѣхъ, кто жилъ и мыслилъ вокругъ него,
 Любилъ онъ только Лару одного;
 Но ту любовь, проникнуть обаянъемъ,
 Онъ выражалъ однимъ къ нему вниманіемъ.
 А вмѣстѣ съ тѣмъ, во всемъ, что дѣлалъ онъ,
 Мязежный пылъ и гордость проявлялись,
 Въ своемъ пути незнавшіе препонъ,
 Хотя труды тѣ легкими казались
 И только въ томъ почти и заключались,
 Чтобъ, словно тѣнь, вездѣ сопровождать
 Въ борьбѣ съ судьбой измученнаго Лару,
 О дняхъ былыхъ въ тиши ему читать,
 Иль въ часъ ночной настраивать гитару.
 Держа себя вдали отъ прочихъ слугъ,
 Онъ ни презрѣнья къ нимъ, ни уваженія
 Не выражалъ — и не было сомнѣнія,
 Что съ раннихъ поръ ему былъ чуждъ ихъ кругъ.
 Готовый въ прахъ предъ Ларою склониться,
 Онъ никогда до нихъ не могъ спуститься.
 Онъ зналъ, казалось, лучшіе года:
 Его чело и руки не хранили
 Слѣдовъ нужды и тяжелаго труда

И малы такъ притомъ и нѣжны были,
 Что заподозрить полъ его могли,
 Когда-бъ не взглядъ родной его земли,
 Огнемъ борьбы и гордости дышавшій
 И женскихъ чувствъ ничѣмъ не проявлявшій.
 Но этотъ пылъ являлся не въ словахъ,
 А въ обращеннхъ, взглядахъ и дѣлахъ.
 Суровый Лара звалъ его Каледомъ,
 Но слухъ ходилъ, что въ краѣ, гдѣ онъ жилъ,
 Другое имя юноша носилъ:
 Такъ слишкомъ часто медлил онъ отвѣтомъ
 На имя то — на сдѣланный вопросъ —
 Кто-бъ имя то предъ нимъ ни произнесъ,
 За исключеньемъ сумрачнаго Лары,
 Чей голосъ вмигъ, какъ сладостныя чары,
 Всѣмъ существомъ его овладѣвалъ
 И отвѣчать мгновенно заставлялъ.

XXVIII.

Глядя на пиръ и танцы, безъ сомнѣнья,
 Каледъ не могъ не видѣть столеновня.
 Когда-жъ, шума, успѣлъ къ нему дойти
 Возставшій въ залѣ ропотъ изумленья:
 Какъ Лара могъ такое оскорбленье
 Отъ незнакомца гордаго снести —
 Его глаза, какъ звѣзды, засіяли,
 Уста сомкнулись, щеки запылали,
 И потъ покрылъ, какъ ледяной росой,
 Его чело, повитое тоской...
 Онъ до тѣхъ поръ глядѣлъ на Эцелина,
 Пока графъ Лара вдругъ не просіялъ
 И не окинулъ взглядомъ паладина,
 Чей грозный взоръ презрѣнiемъ сверкалъ.
 Тогда лицо Каледа омрачилось,
 Какъ-будто онъ прочелъ въ улыбѣ той
 Все то, что въ ней завѣтнаго таилось —
 И не прочелъ чего-бъ никто другой.
 Вотъ онъ близъ Лары — мигъ — и исчезаютъ —
 И пустоту всѣ въ сердцѣ ощущаютъ.
 Графъ Лара всѣхъ собою занималъ,

И только что свѣтъ факела у входа
 Мрачить своей онъ тѣнью пересталъ,
 У всѣхъ вдругъ пульсъ сильнѣе биться сталъ,
 Какъ-будто ихъ покинула невзгода.
 Всѣ разошлись — и стихло все крутомъ;
 Но Эделинъ, съ задумчивымъ лицомъ,
 Все тутъ еще; но вотъ и онъ простился
 Съ хозяиномъ — и быстро удалился.

XXIX.

Довольный гость и графъ, хозяинъ дома,
 Всѣ спать — ихъ всѣхъ измучила истома,
 Всѣхъ ложе сна пріяло на покой,
 Гдѣ тишиной смѣняется волненье
 И человекъ, измученный борьбой,
 Находитъ миръ, отраду и забвенье.
 Здѣсь мирно спать и пылъ святой любви,
 И хитрость зла, и ненасытность мести,
 И жажда благъ, и жажда славы, чести,
 Живущіе въ бунтующей крови.
 Надъ каждымъ стигъ забвенье водрузило —
 И жизни нѣтъ — вездѣ одна могила:
 Свой отдыхъ жизнь находитъ только тутъ.
 Для ложа сна нѣтъ лучшаго названья:
 Могила ночи, общій всѣмъ пріютъ,
 Гдѣ слабость, власть, восторги и страданья
 Лежатъ, равно лишенные сознанья.
 Довольный тѣмъ, что въ силахъ былъ уснуть,
 Слѣпецъ, онъ вновь — изъ страха смерти — въ путь
 Готовъ идти — и пусть лишь радъ мученій
 Предъ нимъ разсвѣтъ наставшій озаритъ,
 Онъ и тогда въ испугѣ убѣжитъ
 Отъ сна всѣхъ снова — отъ сна безъ сновидѣній.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

I.

Блѣднѣетъ ночь; Фебъ тучи разгоняетъ
 И, блеща, міръ уснувшій пробуждаетъ.
 Въ итогѣ день прибавился къ другимъ —
 И человѣкъ сталъ старше днемъ однимъ;
 Но тамъ — въ средѣ благого мірозданья —
 Возстало все, какъ въ первый день созданья:
 Жизнь — на землѣ, свѣтило въ небесахъ,
 Огонь — въ лучахъ, фіалка — на лугахъ,
 Въ потокѣ горь — живящая прохлада
 И въ вѣтерѣ — здоровье и отрада.
 Ты-жъ, человѣкъ, на блескъ его взирай
 И «все мое!» въ восторгѣ восклицаай.
 Взирай, пока все это видѣть въ силѣ:
 Наступитъ день — и будешь ты въ могилѣ.
 Кто-бъ ни грустилъ надъ бѣднымъ надъ тобою,
 Міръ не почтитъ костей твоихъ слезою:
 Сухой листокъ съ куста не упадетъ,
 Ночной зефиръ ни разу не вздохнетъ
 И лишь червякъ порадуется въ волю,
 Когда ему достанешься на долю.

II.

Свѣтило дня всплыло средь небосклона —
 И сонмъ вождей собрался у Оттона.
 Насталъ для всѣхъ давно-желанный часъ,
 Въ который честь таинственного Ларя
 Должна или пасть подъ гнетомъ грозной кары,
 Или возстать предъ міромъ какъ Атласъ.
 Какой бы смыслъ въ словахъ ни заключался,
 Графъ Эцелингъ все высказать поклялся,
 А Лара все прослушать до конца,
 Съ спокойнымъ духомъ, съ ясностью лица,
 Передъ людьми и небомъ общался.
 Гдѣ-жъ Эцелингъ? Онъ слышавъ долго спитъ
 Для грознаго карателя обидъ.

III.

Промчался часъ — и вѣрный слову Лара
 Стоитъ межъ нихъ, суровъ какъ божья кара.
 Гдѣ-жъ Эцелинъ? что стало съ нимъ? гдѣ онъ?
 Шумятъ вожди; нахмурился Оттонъ.
 «Когда онъ живъ — вызываетъ онъ надменно —
 То будетъ здѣсь сегодня непременно!
 Пріютъ, гдѣ ночь провелъ графъ Эцелинъ,
 Лежитъ межъ замкомъ Лары и моимъ.
 Я-бъ счелъ за честь служить его повою,
 И Эцелинъ не пренебрегъ бы мною,
 Когда-бъ его подъ кровъ свой не влекла
 Нужда скорѣй окончить всѣ дѣла.
 Я за него готовъ вамъ поручиться —
 Съ мечомъ въ рукахъ за честь его вступиться!»

Когда онъ смолкъ, графъ Лара отвѣчалъ:
 «Я поступилъ, какъ ты того желалъ!
 Я здѣсь, чтобъ внять разсказу незнакомца,
 Безвѣстныхъ странъ безвѣстнаго питомца,
 Чья рѣчь могла-бъ мнѣ сердце растерзать,
 Когда-бъ я могъ его не презирать.
 Кто онъ? — того, къ несчастью, я не знаю;
 Но онъ меня — повидимому — зналъ
 Въ странѣ иной, гдѣ долго я блуждалъ...
 Но что мнѣ въ томъ! Я время лишь теряю...
 Пусть встрѣтитъ онъ меня къ лицу лицомъ,
 Иль защищай ты честь его мечомъ!»

Оттонъ вскипѣлъ, но, удержавъ свой пылъ,
 Тяжелый мечъ спокойно обнажилъ:
 «Я поединокъ, графъ, предпочитаю —
 И потому твой вызовъ принимаю!»

Забывъ про смерть и близость двухъ могилъ,
 Графъ Лара мечъ свой тоже обнажилъ.
 И блескъ меча, и видъ безпечный Лары —
 Все говорить, что наносятъ удары
 Его рука привыкла съ давнихъ поръ,
 А роковой, къ врагу сложенный взоръ

Одну лишь жажду крови выражаетъ.
 Напрасно сонмъ вождей ихъ окружаетъ:
 Отгонъ въ пылу не мыслить имъ внимать —
 И съ устъ его трепещущихъ слетаетъ,
 Что мечъ его счумѣетъ оправдать.

IV.

Былъ кратокъ бой: досадой ослѣпленный,
 Отгонъ грозой на Лару вдругъ напалъ,
 Но, въ грудь мечомъ враждебнымъ пораженный,
 На мраморъ плитъ поверженный упалъ.
 «Прости пощады!» Лара закричалъ;
 Но графъ Отгонъ ему не отвѣчалъ.
 Завидя кровь, пришедшій въ ярость Лара
 Весь почернѣлъ и, словно Божья кара,
 Еще грознѣй сверкнулъ своимъ мечомъ,
 Чѣмъ въ страшный мигъ, когда его врагомъ
 Владѣлъ огонь, пылавшій злой враждою,
 И мечъ его сверкалъ предъ нимъ грозою:
 Лишь твердость въ немъ тогда была видна,
 Теперь же злость царила въ немъ одна.
 Онъ такъ далекъ былъ мысли о пощадѣ,
 Что въ мигъ, когда врага ему убить
 Вожди не дали, въ злобномъ Лары взглядѣ
 Мелькнула мысль — оружие обратить
 Противу тѣхъ, которые къ пощадѣ
 Его, вожда, осмѣлились склонить.
 Но мигъ — и онъ отъ мести отказался,
 Хоть озирать врага и продолжалъ,
 Который въ прахѣ передъ нимъ лежалъ,
 И угадать, казалось, лишь старался,
 Насколько здѣсь имъ выигранный бой
 Врага приблизилъ къ сѣни гробовой.

V.

Вотъ сонмъ вождей Оттона подымаетъ,
 Но врачъ его тревожить запрещаетъ —
 И всѣ толпой спѣшать въ сосѣдній залъ;

А онъ, чей мечъ побѣднѣй лавръ стѣлалъ,
 Не удостоить общество вниманья,
 Уходить прочь, средь общаго молчанья...
 И вотъ уже онъ мчится въ замокъ свой —
 И исчезаетъ вскорѣ за горой.

VI.

Но гдѣ же онъ — онъ, метеоръ ночной,
 Возставшій въ тьмѣ, чтобъ умереть съ зарей?
 Гдѣ Эцелинъ, представшій такъ надменно
 И безъ слѣда исчезнувшій мгновенно?
 Хоть въ полночь съ нимъ простился графъ Оттонъ,
 Но путь широкъ былъ такъ и проторѣнъ,
 Что онъ съ него не могъ, конечно, сбиться.
 Домъ, гдѣ ему пришлось поселиться,
 Изъ замка былъ всѣмъ видѣнъ; но его
 Въ немъ не нашли. Всѣ поиски того
 Достигли лишь, что показали ясно,
 Что здѣсь и веруъ искать его напрасно.
 Въ покояхъ — мракъ; въ конюшнѣ конь стоитъ...
 Окрестность вся исполнена тревоги,
 Всѣ ищутъ вдоль и около дороги:
 Напасть на слѣдъ злодѣйства всѣхъ страшить.
 Но веруъ нигдѣ не видно ни кровинки,
 Ни лоскутка одежды на кустахъ;
 Не смято веруъ ни вѣтки, ни травинки,
 Чего нельзя избѣгнуть при бояхъ;
 Нѣтъ и слѣдовъ, оставленныхъ руками,
 Когда онъ, къ землѣ склоняясь сами,
 Хватаютъ веруъ растущую траву.
 Напрасно все — и близкимъ остается
 Лишь ждать, что онъ, быть-можетъ, самъ вернется...
 И подозрѣнье страшную молву
 Распространять, шипя, про Лару стало,
 Хотя при немъ вставать и не дерзало.

VII.

За днями дни, смѣняясь, убѣгаютъ
 И графъ Оттонъ о рапъ забываетъ—

Не о враждѣ, которой не скрывается.
 Злой Лары врагъ и другъ его враговъ,
 У правосудья требуетъ онъ кары:
 За Эцелина праведную кровь
 Ему нужна кровь сумрачнаго Лары.
 Кто, какъ не онъ страшиться могъ его
 И посягнуть на жизнь и честь того,
 Чье быть могло ужасно обличенье,
 Когда-бъ его привелъ онъ въ исполненье?
 Незнанье — жизнь даетъ людской молбѣ:
 Приятна лишь таинственность толгѣ.
 Что значить зло, которое таятся
 Въ его душѣ, и то умѣнье биться,
 И то стремленье одинокимъ быть,
 Чтобъ не желать, не вѣрить, не любить,
 Хотя тѣхъ чувствъ не могъ онъ заглушить?
 Кто научилъ его такъ смѣло биться
 И гдѣ со зломъ сдумалъ онъ такъ сдружаться?
 То не былъ гнѣвъ безумный и слѣпой,
 Способный, вмѣстѣ съ волею чужой,
 То остывать, то вновь вставать грозой,
 Но чувство, затаенное глубоко
 На днѣ души, страдающей жестоко.
 Все это вмѣстѣ взятое для кары,
 Со склонностью живущихъ на землѣ
 Скорѣе къ परिцанью, чѣмъ къ хвалѣ,
 Собрало бурю надъ главою Лары,
 Способную въ немъ кровь оледенить
 И самый гнѣвъ враговъ его смягчить.

VIII.

Въ странѣ таялось много недовольныхъ,
 Терпѣвшихъ гнѣть владѣльцевъ своевольныхъ,
 Чей деспотизмъ, не вѣдавшій препонъ,
 Свой произволъ вмѣнялъ рабамъ въ законъ.
 Цѣпь долгихъ войнъ, ведущихъ къ разрушенью,
 Открыла путь враждѣ и преступленью,
 Лишь ждавшихъ знала, чтобъ возвратъ начать
 Все низвергать, губить и разрушать.
 Народъ, таясь въ убѣжищахъ печальныхъ,

Бранилъ своихъ владѣльцевъ феодальныхъ.
 Хоть Лара въ день, въ который опочилъ
 Его отецъ, не мало получилъ
 Въ наслѣдство рукъ лѣнивыхъ и бездольныхъ
 И душъ, своимъ владѣльцемъ недовольныхъ,
 Но край иной и юный сердца пылъ
 Спасли его отъ дѣйствій своевольныхъ,
 А управленіе мягкое его
 Смягчило страхъ, царившій до того;
 Когда же онъ порою проявлялся,
 То не раба — властителя касался.
 Довольный щедрымъ Ларою, вассалъ
 Его судьбой подавленнымъ считалъ,
 И что-бъ за нимъ подмѣтить ни случалось,
 Ему въ вину вассаломъ не вѣнялось.
 Уже давно лѣпные своды залъ
 Гнетущій мракъ, какъ флеромъ, одѣвалъ;
 Но у воротъ веселье обитало,
 Затѣмъ что помощь щедрая встрѣчала
 За ними всѣхъ, кто къ нимъ ни подходилъ —
 И Лару каждый вслухъ превозносилъ.
 Холодный съ знатью, гордый съ гордецами,
 Онъ ласковъ былъ съ прислугой и рабами.
 Онъ былъ суровъ и мало говорилъ,
 Но подъ его угрюмымъ кровомъ каждый,
 Томимый зноемъ, голодомъ и жаждой,
 Всегда пріютъ надежный находилъ.
 Вотъ почему — и это замѣчалось —
 Число его вассаловъ умножалось...
 Когда-жъ исчезъ безвѣстно Эцелингъ,
 Онъ сталъ еще къ нимъ ласковѣй, казалось,
 Онъ — непреклонный Лары властелинъ.
 Быть-можетъ, споръ съ Оттономъ, послѣ бала,
 Его страшиться возней побудилъ;
 Но что-бъ его къ тому ни побуждало,
 Онъ всѣхъ теперь могущественнѣй былъ.
 Разсчесть ли тутъ, иль что другое было,
 Но все вокругъ къ нему благоволило.
 Кто-бъ, веруя, своихъ господъ ни покидалъ,
 Онъ въ службу всѣхъ охотно принималъ,
 Причемъ, забывъ про гнетъ и десятину,
 Тотъ вправѣ былъ не клясть свою судьбину.

Онъ нищету пріятливо встрѣчалъ
 И злымъ страстямъ убѣжище давалъ;
 Онъ привлекалъ неопытныхъ весельемъ
 И обѣщаньемъ славы и награды,
 Пока, въ конецъ опутаннымъ въ похмѣльи,
 Нельзя идти имъ было ужъ назадъ;
 Святой любви побѣду падъ измѣной,
 При торжествѣ своемъ, онъ предрекалъ,
 А злымъ сердцамъ съ грядущей переменой
 Возможность мести насытить обѣщалъ.
 Итакъ — къ возстанью было все готово,
 И Лара лишь минуты ожидалъ
 Провозгласить — о чемъ давно мечталъ —
 Отмѣну въ край рабства рокового.
 Межъ-тѣмъ и часъ суда надъ нимъ насталъ,
 Которымъ графъ Оттонъ его страдалъ;
 Но вызовъ въ судъ нашелъ готовымъ Лару
 Противостать внесенному удару...

IX.

Отторгнутый таинственной судьбою
 Отъ тѣхъ, кто созданъ былъ не для того,
 Чтобы пылать слѣпой къ нему враждою,
 Графъ Лара — съ злополучной для него
 И для врага исчезнушаго ночи —
 Съумѣлъ судьбу взглянуть открыто въ очи.
 Не безъ причинъ разспросовъ избѣгалъ
 Онъ о побѣдѣ нѣкогда свершенной
 Имъ въ край чужой, въ которомъ онъ блуждалъ,
 Съ родной страной надолго разлученный.
 Чтобъ отдалить паденія позоръ,
 Вовлекъ онъ чернь въ свой собственный раздоръ.
 Не дорожа ни жизнію, ни славой,
 Онъ былъ достоинъ роли величавой.
 Онъ жертвой жи людской себя считалъ,
 И никогда бы пасть не побоялся,
 Лишь врагъ бы съ нимъ ту гибель раздѣлялъ.
 Не съ рабствомъ онъ покончить порывался,
 А замышлялъ возвысить бѣдняковъ
 И тѣмъ смирить богатыхъ гордецовъ.

Вновь поселясь въ родимомъ логовищѣ,
 Онъ мнилъ вѣусить въ стѣнахъ его покой,
 Но человекъ, совмѣстно съ злой судьбой,
 Нашелъ его и въ дѣдовскомъ жилищѣ.
 Будь Божій міръ проникнуть тишиной,
 Онъ въ зрителя-бъ, быть-можетъ, превратился,
 Но, вызванный на сцену злой судьбой,
 Вождемъ борьбы губительной явился.
 Въ немъ все одинъ вселять могло лишь страхъ —
 И гладиаторъ видѣлся въ глазахъ.

X.

Что пользы въ тѣхъ реляціяхъ сраженій,
 Съ ихъ перомъ птицъ и зломъ опустошеній,
 Въ которыхъ все, что сердце шевелить,
 Лишь объ измѣнѣ счастья говорить,
 О торжествѣ однихъ и пораженіи
 Другихъ, слабѣйшихъ, о ниспроверженіи
 Валовъ и стѣнъ, о крови и огнѣ?
 И въ этой вновь начавшейся войнѣ
 Явилось все, какъ это было прежде,
 Съ прибавкою разнузданныхъ страстей,
 Не удѣлявшихъ мѣста ни надеждѣ,
 Ни жалости къ несчастнымъ людей.
 И въ томъ, и въ этомъ лагеряхъ тѣ-жъ страсти
 Росли въ сердцахъ при перемѣнѣ счастья,
 И все, что власть стремилась защищать,
 Иль за свободу мечъ свой подымало —
 Все находило, что убитыхъ мало,
 Что надо всѣхъ душить и убивать.
 Мечъ изнемогъ подъ гнетомъ разрушенья,
 Дары полей снялъ серпъ опустошенья,
 Надъ всей страной зарево стоитъ
 И смерть вокругъ съ улыбкою глядитъ.

XI.

Подъ впечатлѣньемъ добытой свободы,
 Бунтовщики встрѣчали всѣ невзгоды

Сначала бодро, но успѣхъ и пылъ
 Въ концѣ-концовъ ихъ дѣло погубилъ.
 Они внимать совѣтамъ перестали —
 И безъ приказа битвы начинали.
 Напрасно Лара дѣлалъ все, что могъ;
 Напрасно онъ унять толпу старался
 И водворить порядокъ въ ней пытался:
 Не потушить свершившему поджогъ!
 Тогда минута грозная настала
 И людямъ ихъ ошибки показала.
 Несчастный бой, ночная стычка, плѣнь,
 Усталость, зной, засада, отступление,
 Тревога — днемъ, а ночью — скука бдѣнья,
 И ярость битвъ, и неприступность стѣнъ,
 Смѣющихся надъ силой и искусствомъ
 И лишь просторъ дурнымъ дающимъ чувствамъ —
 Вотъ вождь чего не могъ ни отвратить,
 Ни предугнать, ни скрыть, ни измѣнить.
 Изъ нихъ любой желанный день сраженья
 Слѣдилъ бы встрѣтить твердо, какъ боецъ,
 Но для того, чтобъ знать одни мученья,
 Была бессильна твердость ихъ сердецъ.
 Ряды бойцовъ, какъ снѣгъ, примѣтно таютъ:
 Болѣзнь, мечъ, лишенія и зной
 За жертвой жертву быстро похищаютъ —
 И прежній пылъ отчаянья смѣняется.
 Одинъ лишь вождь не падаетъ душой,
 Хоть тысячи, что вслѣдъ за нимъ стремились,
 Давно до слабыхъ сотенъ сократились.
 Ихъ духъ живить надежда лишь одна:
 Оконченъ путь — граница ужъ видна.
 Пускай, уйдя отъ внутреннихъ раздоровъ,
 Они въ страну сосѣднюю внесутъ
 Лишь бремя бѣды и жгучій ядъ укуровъ,
 За то и честь, и жизнь свою спасутъ.

XII.

Они идутъ. Луна ихъ освѣщаетъ
 И ихъ шаги во мракѣ направляетъ.
 Уже давно они лучи ея

Средь темноты полночной различаютъ
 На глади водъ бѣгущаго ручья,
 Чтѣ отъ чужой земли ихъ отдѣляетъ.
 Но то не онъ: то вражеская рать!
 Идти-ль впередъ? сразиться-ль? отступать?...
 Чтѣ тамъ блеснуть надъ рѣкою, у склона?
 То знамя ихъ гонителя Оттона!
 А это чтѣ — пастушіе огни?
 Чего-жъ такъ арко искрятся они?...
 Но какъ ни малъ отрядъ ихъ утомленный,
 Вступить готовъ онъ въ бой ожесточенный.

XIII.

Пришли — стоять: то мигъ отдохновенья.
 Напасть ли имъ, или ждать имъ нападенья?...
 Когда они немедля нападутъ
 На рать враговъ, стоящихъ за рѣкою,
 То, можетъ-быть, храбрѣйшіе прорвутъ
 Ея ряды и жизнь свою спасутъ.
 «Итакъ — впередъ! пройдемъ границу съ боемъ!
 Лишь тотъ, кому не въ радость умирать,
 Въ борьбѣ съ врагомъ способенъ выжидать!»
 Мечъ извлеченъ; подобранъ каждый поводъ.
 Промчится кликъ — и битва закипитъ,
 И въ кликъ томъ для многихъ будетъ поводъ —
 Почить на вѣкъ — таинственно сокрытъ.

XIV.

Мечъ обнаженъ. Лицо вождя спойно;
 Но не безстрашьемъ вѣоръ его горитъ:
 Въ немъ чувство тѣ, которое достойно
 Вождя съ душой, безтрепетно царить.
 Онъ на пажѣ — въ которомъ строгій видъ
 Лишь непреклонность сердца выражаетъ,
 И чья любовь его сопровождаетъ
 И здѣсь, въ бою — съ любовью глядитъ.
 Онъ блѣденъ, но не робость обливаетъ
 Его лицо потокомъ бѣлизны,

А томный свѣтъ таинственной луны,
 Чей ясный ликъ межъ тучами сіяетъ.
 Онъ, молча, взоръ свой къ юношѣ склоняетъ
 И, наклонившись, за руку беретъ
 И руку ту опущенную жметъ.
 Но пажъ былъ твердъ. Уста безмолвны были
 И лишь глаза, казалось, говорили:
 «Тебя враги, конечно, могутъ взять,
 Толпа друзей — повинуть и бѣжать,
 И я проститься съ жизнью молодою
 Могу на вѣкъ, но только не съ тобою!»
 Раздался кликъ — и все помчалось въ бой;
 Летятъ, ударъ — и прорванъ вражій строй.
 Послушень конь напору острой шпоры;
 Сверкаетъ мечъ, какъ пламенные взоры...
 Сокрушены не храбростью — числомъ,
 Они отважно борются съ врагомъ.
 Подъ грудой тѣлъ потокъ въ крови багритя
 И до зари окрашенный катится.

XV.

Повсюду, гдѣ отважный бьется врагъ,
 А другъ главой склоняется во прахъ —
 Вездѣ звучить могучій голосъ Лары
 И слышатся меча его удары,
 Струящіе цѣлительный бальзамъ
 Въ сердца друзей, разящихъ здѣсь и тамъ.
 Хоть каждый зналъ, что нѣтъ ему спасенья,
 Никто изъ нихъ не покидалъ сраженья:
 Напротивъ, видя какъ ряды враговъ
 Предъ ихъ вождемъ рѣдѣли, съ воцлемъ вновь
 Рвались впередъ несдержанной волною.

То одинокъ, то окруженъ толпою,
 Онъ то ряды враговъ своихъ громить,
 То рать свою устраиваетъ къ бою —
 И шлемъ его зарницею горить.
 Напоръ — и врагъ мѣшаться начинаетъ...
 «Впередь!» — и онъ высоко подымаетъ
 Свой грозный мечъ... Но что съ нимъ? отчего

Пернатый племъ склоняется его?
 Онъ раненъ въ грудь. Последнее движенье
 Последнимъ въ жизни было для него —
 И смерть предъ нимъ возстала въ то-жъ мгновенье.
 Побѣдный кликъ застылъ на языкѣ
 И замеръ мечъ въ опущенной рукѣ.
 Хотя рука меча не выпускаетъ,
 Но поводъ внизъ скользнуть и упадаетъ
 Съ другой рукой, и борзого коня
 Уже впередъ нестись не понуждаетъ.
 Но пажъ — къ коню — склоняется — хватаетъ
 И, повернувъ, выводитъ изъ огня,
 Тогда-какъ верругъ сражаться продолжаютъ,
 И кликовъ гулъ и стоны не смолкаютъ.

XVI.

Заря. Возшло румяное свѣтило
 И груди тѣлъ кровавыхъ озарило,
 Лишенныхъ латъ и шлемовъ боевыхъ.
 Сраженный конь лежитъ недвижимъ, тихъ,
 Съ разбитымъ лбомъ и лопнувшей подпругой,
 Разорванной предсмертною натугой;
 А рядомъ съ нимъ лежитъ недвижимъ тотъ,
 Кто направлялъ и пылъ его, и ходъ.
 Другіе, вокругъ простертыя, страдаютъ
 И — близъ рѣки — отъ жажды умираютъ.
 Напрасно жажда гибельная ихъ
 Молить о каплѣ влаги побуждаетъ,
 Способной жизнь продлить всего на мигъ,
 Затѣмъ, что смерть надъ ними ужъ витаетъ.
 Съ слѣдами ранъ на жаркой головѣ,
 Они ползутъ по смятой муравѣ,
 Остатки силъ въ пути своемъ теряя.
 Но вотъ они у рѣчки наконецъ:
 Уста спѣшать, прохладу предвкушая,
 Прильнуть къ водѣ — и бѣдствіямъ конецъ...
 Ужъ жажда ихъ не мучить — опочили...
 Хотя они ея не утолили,
 Но ужъ никто не чувствуетъ ея:
 Потухъ огонь — нѣтъ искры бытія!

XVII.

Въ тѣни кустовъ, подъ липой благоуханной,
 Недавно воинъ раненый лежалъ,
 Судьбою злой могилѣ обреченный.
 То Лара былъ. Онъ тихо умиралъ.
 Каледъ, его послѣдняя опора,
 Не отводя отъ черной раны взора,
 Старался кровь текущую его
 Унять концами шарфа своего.
 Графъ говорить уже не въ состоянъ
 И лишь порой понять ему даетъ,
 Что онъ его отъ смерти не спасетъ,
 Лишь умножая тѣмъ его страданья.
 Онъ руку, шарфъ держащую, дрожа
 Къ больной груди съ любовью прижимаетъ,
 Тѣмъ ободрить стараяся пажа,
 Который глазъ съ страдальца не спускаетъ
 И ничего вокругъ не замѣчаетъ,
 За исключеньемъ блѣднаго лица,
 Поблѣвшихъ устъ и взгляда мертвеца,
 Который все, чѣмъ жизнь его пѣняетъ,
 Въ себѣ одномъ хранить и заключаетъ.

XVIII.

Сойдя съ коней, враги по полю бродятъ,
 Повсюду Лару ищутъ — и находятъ...
 И — точно — что-бъ съ побѣдой было ихъ,
 Останься онъ, ихъ злѣйшій врагъ, въ живыхъ?
 Враги глядятъ на Лару съ наслажденьемъ;
 Его-жъ глаза горятъ однимъ презрѣньемъ,
 Съ судьбой его готовымъ примирить
 И съ смертью злой, съ земнымъ успокоеньемъ,
 Его отъ золь способной оградить.
 Вотъ и Отгонъ. Онъ Лару вопрошаетъ,
 Но тотъ, взглянувъ, ему не отвѣчаетъ,
 Причемъ злой взоръ, казалось, говоритъ,
 Что онъ давно совсѣмъ о немъ забылъ.
 Но Лара вновь къ Каледу обратился —

И вновь языкъ его зашевелился;
 Но изъ стоявшихъ вокругъ него толпой,
 Увы, никто не понялъ рѣчи той.
 Онъ говорилъ на томъ нарѣчьи звучномъ,
 Съ воспоминаньемъ страшнымъ неразлучнымъ,
 Который былъ ему всегда такъ милъ.
 Онъ о дѣлахъ какихъ-то говорилъ,
 Но о какихъ — извѣстно лишь Каледу,
 Съ которымъ онъ ведетъ свою бесѣду,
 Межъ-тѣмъ какъ вокругъ ихъ недруги стоятъ
 И въ очи имъ, нахмурившись, глядятъ.
 Забывъ на мигъ о грозномъ настоящемъ,
 Они во мракъ прошедшаго сошли
 И межъ собой рѣчь тихую вели
 О чудномъ снѣ, отрадномъ и манящемъ,
 Какъ-будто въ мракъ, куда сойти не могъ
 Никто другой, ихъ рокъ суровый влѣкъ.

XIX.

Они, склонясь другъ къ другу, говорили —
 И рѣчи ихъ такъ тихи, нѣжны были,
 Хотя ихъ словъ никто не понималъ.
 Изъ тона-жъ ведшихъ тихую бесѣду
 Понять лишь можно было, что Каледу
 Злой рокъ сильнѣй, чѣмъ Ларѣ, угрожалъ:
 Такъ тихъ былъ звукъ — ласкавшій и томившій —
 Съ поблекшихъ устъ несчастнаго сходявшій.
 Хотя Лары голосъ былъ и слабъ и тихъ,
 Но въ звукѣ словъ вполне все ясно было,
 Показавъ смерть себя не проявила
 Въ косненьи устъ и въ стонахъ речевыхъ.
 Въ его лицѣ читать было напрасно —
 Такъ было все въ немъ мрачно и безстрастно,
 Пока — въ виду висящихъ могилъ —
 Онъ на пажа свой взглядъ не обратилъ,
 Да разъ еще, когда Каледъ несчастный,
 Припавъ къ нему, внезапно замолчалъ,
 А Лара взоръ склонилъ къ лазурѣ ясной
 И на востокъ рукою указавъ.
 Свѣтило-ль дня такъ Лару поразило

(Предъ нимъ въ тотъ мигъ, горя, оно всходило,
 Окружено румяною зарей),
 Иль было то случайное движеніе,
 Иль, можетъ-быть, въ то самое мгновеніе,
 Какъ свѣтлый Фебъ вздымался надъ землею,
 Возсталъ изъ тьмы въ его воображеніи
 Далекій край, въ которомъ онъ блуждалъ —
 И на востокъ рукой онъ указалъ.
 Но пажъ — взглянувъ — отъ солнца отвернулся,
 Какъ-будто уголь глазъ его воспался,
 И, обративъ глаза свои во мглѣ,
 Остановилъ ихъ молча на челѣ,
 Покрытомъ мглой послѣдняго недуга,
 Челѣ вождя, товарища и друга.
 Но если вождь страдать и продолжалъ,
 То своего сознанія не терялъ,
 Затѣмъ-что въ мигъ, когда изъ вокругъ стоящей
 Толпы въ нему вдругъ кто-то подошелъ
 И показалъ святой ему символъ
 Любви и правды — крестъ животворящій,
 Онъ на него разсѣянно взглянулъ
 И отвернулся. Было-ль то презрѣніе —
 Не разрѣшить того намъ, безъ сомнѣнья...
 Каледъ же крестъ простертый оттолкнулъ,
 Какъ-будто онъ то сердце, что старалось
 Быть твердымъ въ часъ кончины, лишь смущалъ.
 Боясь за Лару, онъ не понималъ,
 Что для него жизнь только начиналась,
 Та жизнь любви, жизнь сладостная та,
 Что лишь тому желанною являлась,
 Кто сердцемъ чистъ, кто вѣруетъ въ Христа.

XX.

Но, чу! его дыханіе стѣснилось,
 Вкругъ впалыхъ глазъ разлилась синева —
 И на колѣни юности скатилась
 Съ груди его больная голова.
 Но онъ руки пажа не выпускаетъ
 Изъ рувъ уже остывшихъ — и Каледъ
 Своей руки у нихъ не отнимаетъ,

Глядѣть въ глаза и словно ожидать,
 Что вотъ въ нихъ вновь зажжется прежній свѣтъ.
 «Онъ живъ! глядѣть!» Увы! его ужъ нѣтъ!

XXI.

Каледъ глядѣль, какъ-будто демонъ кары
 Еще царилъ въ холодномъ сердцѣ Лары.
 Напрасно вокругъ стоявшіе толпой
 Изъ забытья извлечь его пытались
 И отвести глаза его старались
 Отъ мертвеца, сраженного судьбой.
 Когда-жъ толпа, приблизясь, захотѣла
 Его содречь съ безжизненнаго тѣла,
 Онъ не рыдалъ, не бился, не стоналъ,
 Своихъ вудрей въ отчаяньи не рвалъ
 И не тревожилъ Небо понапрасно,
 А молча всталъ, вдругъ вздрогнулъ, простоналъ
 И рядомъ съ тѣмъ, кого любилъ такъ страстно,
 Какъ сжатый сногъ, безчувственно упалъ.
 Кого любилъ!... Ужели грудь мужчины
 Способна быть вмѣстилищемъ лавины?
 Но этотъ мигъ губительный открылъ
 То, что отъ всѣхъ такъ долго онъ таилъ:
 Каледа грудь при этомъ обнажилась —
 И тайна пола юноши открылась.
 Когда-жъ къ нему сознанье воротилось —
 Каледъ уже не чувствовалъ стыда:
 Пускай бранять, злословять — не бѣда!

XXII.

Графъ Лара спать не тамъ, гдѣ мирно спать
 Его отецъ и славныхъ предковъ рядъ,
 А тамъ, гдѣ онъ погибъ, какъ мужъ и воинъ;
 Но сонъ его не менѣе покоевъ,
 Хотя монахъ его не отпѣвалъ
 И камень прахъ его не покрывалъ,
 Навѣдшій миръ въ жилищѣ ночи вѣчной,
 И лишь одной душой оплаканъ былъ,

Чей образъ былъ ему всегда такъ милъ
 И чья печаль была и долговѣчнѣй,
 И глубже, чѣмъ вся скорбь толпы безпечной.
 Хотя не разъ, — стараясь разузнать —
 О прошломъ ей вопросы предлагали:
 И какъ? и гдѣ? и даже угрожали;
 Но никому безмолвія печать
 Не удалось съ устъ ея сорвать.
 Ни — кто она? ни — почему связала
 Свою судьбу съ бездушнымъ гордецомъ,
 Того она — увы — не рассказала,
 Хотя ее всякъ спрашивалъ о томъ.
 Молчи, толпа! молчи — ни слова болѣ!
 Ужель любовь покорна нашей волѣ?
 Быть-можетъ, онъ инымъ былъ съ дѣвой горъ
 И для нея его смягчался взоръ?
 Суровый духомъ чувствуетъ сильнѣе,
 Чѣмъ это людямъ кажется на взглядѣ;
 Но не понять толпѣ, что и въ злодѣѣ
 Живетъ любовь, хотя уста молчать.
 Не цѣпью лишь, накинутаю смѣло,
 Служилъ ей онъ сердце оковать;
 Но тайну ту она не захотѣла
 Разоблачить и людямъ передать;
 Теперь же смерть — свое покончивъ дѣло —
 Не дастъ сѣдому времени сорвать
 Съ остывшихъ устъ безмолвія печать.

XXIII.

Когда землѣ земное отдавалось,
 На Ларѣ, кромѣ раны розовой,
 Не мало ранъ зажившихъ оказалось,
 Добытыхъ имъ въ странѣ ему чужой.
 Гдѣ-бъ ни проведъ онъ годы молодые —
 Они прошли въ далекой сторонѣ,
 Гдѣ лишь кипятъ тревоги боевыя
 И все кругомъ лишь мыслить о войнѣ.
 Стремился-ль къ славѣ онъ или къ преступленью —
 Для всѣхъ осталось тайной, въ сожалѣнью.
 Но раны, имъ добытыя, гласятъ

Лишь объ одномъ, что онъ отважно бѣжалъ,
А Эцелингъ, который разсказать
Побольше могъ, увѣ — не возвратился!

XXIV.

Въ ту ночь и часъ (то былъ разсказъ вассала),
Когда луна ужъ мерцнуть начинала
И свѣтъ ея сквозъ тучи чуть мерцалъ,
Съ вязанкой дровъ дорогой шелъ вассалъ.
Спустился къ рѣкѣ, чье пѣнистое лоно
Поило земли Лары и Оттона,
Онъ за собой вдругъ топотъ услышалъ —
Взглянулъ: изъ лѣсу всадникъ выѣзжалъ.
Склонясь къ сѣдлу, онъ что-то предъ собою
Большимъ плащомъ покрытое держалъ.
Смущенный странной встрѣчей такою,
Старикъ слѣдить за незнакомцемъ сталъ.
Спустился къ рѣкѣ, безвѣстный всадникъ, съ ношей
Въ рукахъ, съ коня проворно соскочилъ
И съ крутизны, кустарникомъ поросшей,
Ее въ потокъ ревѣвшій опустилъ.
Затѣмъ, взглянувъ направо и налѣво,
Глядѣть въ потокъ онъ пристальнѣе сталъ,
Сердась, что онъ, свое вздымая чрево,
Свою добычу слишкомъ выдавалъ.
Затѣмъ, съ скалы сойдя, остановился
Надъ самой бездной, быстро наклонился,
Съ десятокъ камней вокругъ себя набралъ
И камни тѣ кидать въ пучину сталъ.
Взглянувъ въ потокъ, вассалъ увидѣлъ тѣло:
Оно плыло, гонимое волной —
И на груди безжизненной блестя
Девизъ-звѣзда полночною звѣздой.
Но прежде чѣмъ сквозъ хмурый мракъ ночной
Онъ разсмотрѣть мелькавшій трупъ рѣшился,
Въ него попалъ осколокъ роковой —
И онъ на вѣкъ въ пучину погрузился.
Но всадникъ глазъ съ потока не сводилъ,
Послѣдній кругъ пока не ступевался...
Тогда въ сѣдло проворно онъ вскочилъ,

Толкнулъ ноня и по полю помчался.
 Подъ маской скрыть былъ верхъ его лица;
 Что-жъ до лица и стана мертвеца,
 (Когда то былъ жилище загробной ночи)
 То ихъ признать не въ силахъ были очи.
 Но если рабъ-крестьянинъ не солгалъ,
 Что на груди убитого сѣяъ
 Девизъ-звѣзда, то бывшіе на балѣ
 Могли сказать, что тотъ девизъ узнали:
 Что Эцелина грудь онъ украшалъ
 Въ ту ночь, когда безъ вѣсти онъ пропалъ.
 Когда онъ палъ — пусть Небо душу приметъ,
 А трупъ потовъ бушующій умчитъ!
 Но пусть насъ мысль ужасная покинетъ,
 Что онъ во тьмѣ былъ Ларою убитъ!

XXV.

И Эцелинъ, и Лара, и Каледъ —
 Погибли всѣ: ихъ всѣхъ въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Ничто пажу отвлечь не въ силахъ было
 Отъ мѣстъ, гдѣ все, что въ жизни сердцу мило,
 Оно, на вѣкъ утративъ, схоронило.
 Ударъ судьбы надменный духъ сломилъ
 И, вмѣстѣ, слезъ глаза ея лишилъ.
 Когда отвлечь порой ее пытались
 Отъ мѣста ей всѣхъ мѣстъ другихъ милѣй,
 Ея глаза мгновенно загорались,
 Какъ у тигрицы, ищущей дѣтей.
 Когда-жъ ее въ покоѣ оставляли,
 Ея уста, зардѣвшись, начинали
 Кого-то звать и страстно умолять
 Ей на ея стenanья отвѣчать.
 Потомъ, въ тѣни тѣхъ липъ она садилась,
 Гдѣ голова любимая того,
 Кто въ жизни ей дороже былъ всего,
 Въ послѣдній разъ къ груди ея склонилась —
 И вновь предъ ней въ туманѣ возставалъ
 Тотъ мигъ, когда онъ гасъ и умиралъ.
 Обрѣзавъ косъ извивы, сохраняла
 Она съ тѣхъ поръ ихъ на груди своей —

И вотъ, теперь она ихъ разстиала
И, сжавъ рукой, въ землѣ ихъ принимала,
Какъ-будто кровь, текущую предъ ней,
Она унять хотѣла поскорѣй.
То, въ даль глядя, кого-то вопрошала
И за него сама же отвѣчала;
То быстро, давъ кому-то знакъ рукой,
Она съ земли проворно подымалась
И съ нимъ бѣжать куда-то порывалась
Отъ призрака, рожденного мечтой.
Но, воротясь, уныло опускалась
На полусгнившій пенъ не вдальжѣ
И, скрывъ лицо, въ раздумѣ погружалась,
Или, склонясь, рукою на пескѣ
Фигуры непонятныя чертила.
Но это длиться долго не могло —
И — прежде чѣмъ свѣтило дня взошло
Семь разъ — она съ тѣмъ рядомъ опочила,
Кого при жизни страстно такъ любила.

Н. ГЕРВЕЛЬ.

ВИКТОРЪ ГЮГО

КАКЪ

ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ

*Victor Hugo, Actes et paroles. I. Avant l'exil, 1841—51. Paris, 1875.
II. Pendant l'exil, 1852—70. Paris, 1875.*

Немногимъ писателямъ удавалось, подобно В. Гюго, занимать собою общественное мнѣніе въ теченіи сличномъ полулѣтію, не только въ своей странѣ, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Послѣдній его романъ — «Quatre-vingt-treize» — возбуждалъ не меньше вниманія, чѣмъ первыя стихотворенія его, выпавшія въ свѣтъ въ 1822 году. Все намѣнилось кругомъ Гюго — политическія учрежденія, общественная жизнь, идеи и нравы, привычки и вкусы; но высокое мѣсто, сразу занятое имъ во французской литературѣ, остается за нимъ до настоящей минуты. Правда, онъ не стоитъ больше во главѣ сильной, многочисленной школы; поклонниковъ у него много и теперь, но мало учениковъ и подражателей; литературное теченіе идетъ не въ ту сторону, въ которую онъ старался его направить, — но даже самыя крайніе новаторы, наиболѣе враждебные преданіямъ романтизма (напримѣръ, Э. Зола), склоняютъ передъ Гюго свое критическое оружіе и признаютъ его первенство между современными французскими поэтами. Въ Франціи авторитетъ Гюго потрясенъ несравненно больше, чѣмъ не исключаетъ однако живого интереса ко всякому новому его произведенію. Ему дана долговѣчность не только жизни, но и таланта, такъ рѣдко достигающаяся на долю поэтовъ. Изъ числа его современниковъ, Аль-

фредъ-де-Виньи и Мюссе умерли въ цвѣтѣ лѣтъ; Барбье, быстро поднявшись на значительную высоту, внезапно умолкъ и давно забытъ, точно заживо похороненный; Сентъ-Бѣвъ рано оставилъ поэзію для критики; Ламартины, самый несчастный изъ всѣхъ, пережилъ самого себя и умеръ литературнымъ чернорабочимъ. Одинъ Гюго не только живъ, но и полонъ жизни. Другой примѣръ такой продолжительной поэтической дѣятельности можно, кажется (если не обращаться къ древнему міру), привести только одинъ — примѣръ Гёте, прожившаго восемьдесятъ-три года и сохранившаго до конца умственную свѣжесть; но въ послѣднія двадцать лѣтъ своей жизни Гёте писалъ мало, между тѣмъ какъ Гюго, семидесятичетырехлѣтній старикъ, только-что окончивъ большой романъ, готовитъ продолженіе «*Légende des siècles*» и нѣсколько другихъ обширныхъ сочиненій. Само собою разумѣется, что это вовсе не доказываетъ превосходства Гюго надъ Гёте; нѣмецкій патріархъ поэтовъ настолько выше французскаго, что всякая параллель между творческой силой того и другого далека отъ нашей мысли; мы хотѣли только выставить на видъ внѣшнюю аналогію въ ихъ судьбѣ, въ постоянствѣ и непрерывности ихъ успѣха. Объясненія этого успѣха, относительно Гюго, слѣдуетъ искать въ счастливомъ соединеніи противоположныхъ элементовъ — твердо установившейся, рѣзко выраженной индивидуальности съ подвижностью убѣжденій и гибкостью таланта. Для Гюго (и въ этомъ также нельзя не видѣть черты сходства между нимъ и Гёте) одинаково доступны всѣ области поэзіи — лирическая, драматическая, эпическая (въ ея воѣйшемъ проявленіи, т.-е. въ романѣ). Не ограничиваясь ими, онъ пролагаетъ себѣ дорогу въ область ораторскаго искусства, и въ короткое время занимаетъ мѣсто между лучшими его представителями. Сначала крайній роялистъ, онъ становится, послѣ многочисленныхъ колебаній, республиканцемъ, радикаломъ — но выѣстъ съ тѣмъ вездѣ и всегда остается самимъ собою, примыкаетъ къ новымъ союзникамъ, не сливаясь съ ними, сохраняетъ свою самостоятельность и оригинальность. Онъ олицетворяетъ собою одну изъ сторонъ французскаго національнаго характера — порывистое стремленіе къ новизнѣ, сильное, хотя и не всегда глубокое увлеченіе идеей, искусственное разжиганіе искренняго, въ сущности, чувства посредствомъ выраженія его въ преувеличеннопатетической формѣ. Другая, противоположная сторона французскаго характера — склонность къ точному анализу, критическое, даже скептическое отношеніе къ вопросамъ общественной и умственной жизни — совершенно чужда Гюго, какъ чужда ему и

соотвѣствующая ей простота, сжатость, сдержанность формы. Онъ пресмнилъ скорѣе Ронсара и Руссо, чѣмъ Монтеня и Вольтера. Онъ весь отдается мысли или чувству, одушевляющимъ его въ данную минуту; онъ вѣрнѣе въ свою эпоху, въ свой народъ; въ свои идеи — и всего больше въ самого себя. Эта черта въ немъ неизмѣнна, и отъ нея въ значительной степени зависитъ его вліяніе на массы; но если увлеченіе его всегда одинаково сильно, то предметъ увлеченія далеко не всегда одинъ и тотъ же.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ моментъ поэтическихъ дебютовъ В. Гюго, Франція только-что вышла изъ длиннаго фазиса политическихъ переворотовъ и внѣшнихъ войнъ, которому соотвѣтствовалъ полный застой въ литературѣ. Призывъ къ движенію въ этой послѣдней сферѣ долженъ былъ произвести тѣмъ большее дѣйствіе, чѣмъ меньше общественное вниманіе было отвлекаемо другими, болѣе крупными событіями, чѣмъ настоятельнѣе чувствовалась потребность въ новизнѣ тамъ, куда она еще не проникала, чѣмъ дряхлѣе и безцвѣтнѣе были представители старой школы, рутинеры вымирающаго классицизма. Исторія представляетъ мало эпохъ столь благопріятныхъ для процвѣтанія литературы, какъ періодъ реставраціи и первые годы юльской монархіи. Политическая жизнь Франціи въ это время была настолько свѣжа и активна, что возбуждала, поддерживала всѣ силы общества, дѣлала его чуткимъ и воспріимчивымъ ко всему новому и смѣлому — но не настолько напряжена, чтобы исключать или подавлять всѣ другіе интересы. Послѣ бурь революціи, послѣ гнета имперіи всѣ торопились пользоваться свободой и досугомъ, наслаждаться давно небывалымъ чувствомъ спокойствія и обезпеченности; во элементовъ неудовольствія, оппозиціи было слишкомъ много, чтобы это чувство могло перейти въ апатію и индифферентизмъ. Матеріальное благосостояніе страны было велико, а лихорадочное стремленіе къ быстрому накопленію богатствъ еще не возникало. Результаты умственной жизни другихъ народовъ, далеко ушедшей впередъ именно въ то время, когда Франціи нельзя было слѣдить за нею, становились мало-по-малу извѣстны французамъ, и вліяли на нихъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше равноправныхъ произведеній могло противопоставить имъ ближайшее прошлое Франціи. Нетрудно понять, какъ глубоко должно было быть впечатлѣніе одновременнаго знакомства съ Байрономъ, Вальтеръ-Скоттомъ, Шиллеромъ, Гёте, къ которымъ можно присоединить и Шекспира ¹⁾, такъ какъ

¹⁾ Достаточно вспомнить, что въ концѣ двадцатыхъ годовъ появились почти одновременно переводы „Отелло“ А. де-Виньи и лекціи Вильямена о Шекспирѣ.

французы XVIII вѣка знали его только по подслащеннымъ пердѣлкамъ Дюси, близорукиимъ насмѣшкамъ Вольтера и недатическимъ толкованіямъ Ла-Гарна. При такихъ обстоятельствахъ выступать на сцену Гюго, сначала въ лирическихъ произведеніяхъ своихъ, не объявляя еще прямо войны рутинѣ, но отступая уже и здѣсь отъ старыхъ, условныхъ литературныхъ формъ, потому въ романахъ: «Bug-Jargal», «Han d'Islande», въ драмахъ: «Cromwell», «Hernani», «Marion de Lorme», отерты разрывая связь съ преданіями и законами классицизма. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ много натянутого, фальшиваго, но они все-таки сближаютъ искусство съ жизнью, съ которою такъ далеко разошелся классицизмъ — и вотъ разгадка той страстной борьбы, которую они возбуждали, того восторга и той вражды, предметомъ которыхъ они сдѣлали своего автора. Первое представленіе «Hernani» (въ февралѣ 1830 г.) было событіемъ, несмотря на близость июльской революціи, первое представленіе «Marion de Lorme» (въ августѣ 1831 г.) — несмотря на безпокойства и волненія, не прекращавшіяся во все время министерства Казимира Перье.

Къ началу сороковыхъ годовъ господство романтизма окончилось безвозвратно; онъ быстро дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ своихъ — особенно въ драмахъ А. Дюма (отца), заступившаго мѣсто В. Гюго въ симпатіяхъ фанатиковъ романтизма, — быстро исчерпалъ все небогатое свое содержаніе. Съ другой стороны, обстоятельства перестали благоприятствовать чисто-литературнымъ интересамъ; политическое движеніе сдѣлалось болѣе бурнымъ и страстнымъ, усложнилось появленіемъ социалистическихъ теорій, стало угрожать новымъ переворотомъ, создало тенденціозную беллетристику, сильную не столько талантомъ, сколько близкимъ отношеніемъ къ вопросамъ дня и минутъ. Торжественное паденіе послѣдней драмы Гюго, «les Burgraves» (въ 1843 г.), знаменуетъ собою конецъ литературной эпохи, началомъ которой можно считать предисловіе къ «Cromwell». Второстепенные представители этой эпохи умоляютъ или переходятъ въ другую сферу литературной дѣятельности, рѣдко находя въ ней прежній успѣхъ и прежнее значеніе. Изъ числа трехъ первоклассныхъ поэтовъ тогдашней Франціи ¹⁾, только одинъ, мало и лишь мимоходомъ соприкасавшійся въ романтизму — Альфредъ Мюссе — остается чуждъ политической жизни; двое другихъ, Ламартиль и В. Гюго, сближаются съ нею — первый раньше и полнѣе, вто-

¹⁾ Верамье и Барбье въ то время уже умерли.

рой поэме и сдержаннѣе. Передъ Ламартиномъ, какъ депутатомъ, политическое поприще раскрылось шире, ораторская слава досталась ему быстрѣе и легче; В. Гюго, какъ первъ Франціи, назначенный королемъ¹⁾, какъ членъ палаты, мало обращавшей на себя вниманіе общества и вовсе не имѣвшей на него вліянія, не могъ выдвинуться впередъ, пока существовала іюльская монархія. Какъ и Ламартину, ему нужно было, притомъ, побѣдить предубѣжденіе, съ которымъ общественное мнѣніе почти всегда относится къ поэту, выступающему на политическую сцену: ему нужно было доказать, что онъ не только мечтатель, но и практическій дѣятель. Природнаго ораторскаго таланта у него было меньше, чѣмъ у Ламартина; его сильныя стороны — образность, страстность, пафосъ — были подавляемы, сдерживаемы холодною атмосферой верхней палаты, апатію которой могъ побѣдить развѣ Монталамберъ, уже и въ то время, несмотря на свой напускной либерализмъ, болѣе сочувственный консерваторамъ, чѣмъ В. Гюго, несмотря на всю его умѣренность. Быть можетъ, въ литературномъ революціонерѣ и тогда уже смутно предугадывали революціонера политическаго. Февральская революція устранила всѣ эти преграды на пути Гюго, открыла ему доступъ въ національное собраніе — но вмѣстѣ съ тѣмъ поставила его лицомъ къ лицу съ такими задачами, которыхъ онъ до тѣхъ поръ оставался почти чуждымъ. Для того, чтобы понять, какъ затруднительно было для Гюго новое его положеніе, необходимо бросить взглядъ на тѣ фазисы, черезъ которые прошла до 1848 г. его политическая мысль.

I.

Отецъ В. Гюго былъ солдатомъ во время республики, генераломъ при Наполеонѣ; мать его, родомъ изъ Нанта, была свѣдѣтельницей борьбы Бретани и Вандеи противъ революціи, и вынесла изъ этихъ первыхъ впечатлѣній молодости пламенный роялизмъ, которому оставалась вѣрна даже во время наибольшаго процвѣтанія имперіи. Воспитанный матерью, страстно любившей ее, мало знавшій отца, В. Гюго вступилъ въ жизнь въ

¹⁾ Въ палату депутатовъ Гюго не могъ быть избранъ за неимѣніемъ ценза; въ 1839 онъ не могъ попасть раньше сороковыхъ годовъ, потому что только избраніе его членомъ французской академіи, въ 1841 г., поставило его въ одну изъ тѣхъ категорій, изъ среди которыхъ король, на основаніи хартіи 1830 и закона 1831 г., имѣлъ право назначать перовъ Франціи.

то время, когда правительство Бурбоновъ еще не успѣло сдѣлаться окончательно непопулярнымъ, когда съ именемъ Наполеона соединилось воспоминаніе скорѣе о бѣдствіяхъ, чѣмъ о славѣ Франціи, когда терроръ заслонялъ собою событія 1789—92 г. Понятно, что Гюго поддался безраздѣльно вліянію матери и усвоилъ себѣ вполнѣ ея политическія симпатіи и антипатіи. Его первыя стихотворенія дышатъ преданностью Бурбонамъ и монархіи, его первые прозаическіе опыты (дневникъ, веденный въ 1819—20 г. и напечатанный въ «*Littérature et philosophie mêlées*» подъ названіемъ: «*Journal des idées, des opinions et des lectures d'un jeune jacobite*») — ненавистью къ революціи и революціонерамъ. Людовикъ XVIII назначилъ ему пенсію, Карлъ X увеличилъ ее, сдѣлалъ Гюго кавалеромъ ордена Почетнаго Легиона, пригласилъ его присутствовать при коронаціи, которую онъ и воспѣлъ въ особой одѣ. Вскорѣ, однако, обнаруживаются первые признаки перемѣны, вызванной отчасти сближеніемъ Гюго съ отцомъ (мать Гюго умерла въ началѣ двадцатыхъ годовъ), отчасти усилившеюся реакціей въ правительственныхъ сферахъ и возраставшимъ, по мѣрѣ отдаленія отъ 1815 г., обаяніемъ имени Наполеона. Въ 1827 г. появляется «*Ode à la colonne*», прославляющая императора и его «великую армію»; но поэтъ старается еще соединить новое увлеченіе съ прежнимъ, сопоставляетъ вандомскую колонну съ статуей Генриха IV, дѣлаетъ Бурбоновъ участниками и наслѣдниками наполеоновскаго величія ¹⁾. Въ «*Orientales*» (1828 г.) Гюго воодушевляется борьбою Греціи за независимость — борьбою, въ которой, впрочемъ, именно въ это время приняло участіе французское правительство. Последняя борьба между приверженцами хартіи и сторонниками *сюр д'état*, между 221 и Полиньякомъ оставляетъ Гюго почти равнодушнымъ, потому что онъ именно тогда былъ весь поглощенъ борьбою за переворотъ литературный — за «*Нетпани*» на сценѣ французскаго театра. Іюльская революція производитъ на Гюго сильное впечатлѣніе: съ одной стороны, онъ оплакиваетъ падшую династію, въ прекрасной одѣ ²⁾, напечатанной въ августѣ 1830 г.,

¹⁾ Au bronze de Henri mon orgueil te marie;
J'aime à vous voir tous deux, honneur de la patrie,
Immortels, dominant nos troubles passagers...
Les Bourbons ont toujours adopté les victoires.

²⁾ Oh, laissez-moi pleurer sur cette race morte,
Que rapporta l'exil et que l'exil remportel...
Pas d'outrage au vieillard qui s'exile à pas lentel...
L'exil et les tombeaux dans mes chants sont bénis,

т.-е. въ самый разгаръ торжества побѣдителей; но, съ другой стороны, онъ поддается вліянію новыхъ идей, опережаетъ мысленно, на короткое время, порядокъ вещей, установившійся во Франціи вмѣстѣ съ іюльскимъ престоломъ. Интересной картиной этого настроенія духа служить «Journal des idées et des opinions d'un révolutionnaire de 1830», напечатанный, какъ и дневникъ 1819—20 г., въ «Littérature et philosophie mêlées». Политическая революція симпатична Гюго прежде всего какъ союзница литературной революціи; паденіе Карла X означаетъ для него, между прочимъ, устраненіе препятствій, мѣшавшихъ представленію «Maison de Logne». «Волки», говоритъ онъ, «не поѣдаютъ другъ друга... Для поэзіи свобода столь же необходима, какъ и для политики... Лѣта и опытъ разрушили мои роялистско-католическія убѣжденія 1820 г. Кое-что изъ нихъ осталось еще въ моемъ умѣ, но это только развалина, религіозная и поэтическая. Я обращаюсь иногда назадъ, чтобы взглянуть на нее съ уваженіемъ, но больше не молюсь въ ней». 1793-му году, террору Гюго еще не сочувствуетъ; Робеспьеръ, котораго онъ такъ странно превозноситъ въ предисловіи къ «Avant l'exil» (стр. XLV), представляется ему еще не тѣмъ инымъ, какъ посредственностью; но онъ мечтаетъ, вмѣстѣ съ Лафайетомъ, о *монархіи, окруженной республиканскими учрежденіями* ¹⁾. Это возбужденное состояніе продолжается недолго; въ «Feuilles d'automne», вышедшихъ въ свѣтъ въ концѣ 1831 г., политическаго элемента нѣтъ почти вовсе; въ предисловіи къ нимъ Гюго высказывается за прогрессъ и свободу, но вмѣстѣ съ тѣмъ за умѣренность и осторожность ²⁾. Въ концѣ 1832 г. произвольное запрещеніе «Le roi s'amuse» вызываетъ съ его стороны—въ рѣчи, произнесенной передъ коммерческимъ судомъ, при разборѣ иска о понужденіи французскаго театра къ представленію запрещенной пьесы ³⁾—нѣсколько рѣзкихъ выходовъ противъ министерства, даже противъ системы,

Et tandis que d'un règne on salue l'aurore,
Ma poésie en deuil ira longtemps encore
De Sainte-Hélène à Saint-Denis!

¹⁾ Il nous faut la chose *république* et le mot *monarchie*... les rois ont le jour, les peuples ont le lendemain... la république n'est pas encore mûre, mais elle aura l'Europe dans un siècle.

²⁾ „Ses vers seront ceux d'un homme honnête, simple et sérieux, qui veut toute liberté, toute amélioration, tout progrès, et en même temps toute précaution, tout ménagement, toute mesure“.

³⁾ Эта рѣчь была ораторскимъ дебютомъ В. Гюго. Выслушавъ ее, Монталамберъ сказалъ Гюго, что онъ имѣетъ всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться ораторомъ.

представителемъ которой являлся уже въ то время Людовикъ-Филиппъ; но раздраженіе, выразившееся въ этихъ выходкахъ, проходить, не оставляя въ Гюго вражды ни къ правительству, ни къ іюльской монархіи. «Я не принадлежу ни къ какой определенной политической партіи», пишетъ онъ, въ іюль 1833 г., министру внутреннихъ дѣлъ (Тьеру); «я пламенно желаю примиренія всѣхъ партій; я рукоплещу то правительству, то оппозиціи, смотря по тому, которая изъ этихъ двухъ силъ дѣйствуетъ въ данную минуту, по моему убѣжденію, въ интересахъ народа». Тѣмъ же политическимъ эклектизмомъ проникнуты этюдъ о Мирабо ¹⁾ и предисловіе къ «Littérature et philosophie mêlées», относящіеся къ 1834 г. Въ послѣднемъ особенно замѣчательны слѣдующія слова: «еслибы на великомъ соборѣ умовъ, на которомъ обсуждаются всѣ общіе интересы цивилизаціи XIX вѣка, автору когда-нибудь предоставлено было слово, онъ потребовалъ бы только одного—замѣны политическихъ вопросовъ вопросами общественными ²⁾». Въ послѣдствіи времени В. Гюго часто ссылался на эти слова въ доказательство того, что онъ, въ сущности, давно уже былъ демократомъ, почти социалистомъ; но на самомъ дѣлѣ они вовсе не имѣютъ такого значенія. Не говоря уже о томъ, что въ 1834 г. французскій социализмъ былъ еще въ своемъ младенчествѣ, что В. Гюго стоялъ далеко отъ тѣхъ сферъ, въ которыхъ онъ зарождался,—мы имѣемъ подъ рукой комментарий, какъ нельзя лучше разъясняющій тогдашнюю мысль В. Гюго: это небольшой рассказъ его «Claude Gueux», появившійся въ печати лѣтомъ 1834 г., почти одновременно съ «Littérature et philosophie mêlées». Нарисовавъ яркими красками несчастную судьбу честнаго работника, одѣлавшагося сначала воровъ—подъ вліяніемъ страшной нужды, потомъ убійцей—подъ вліяніемъ несправедливыхъ притѣсненій и преслѣдованій директора тюрьмы, В. Гюго обращается къ палатѣ депутатовъ съ уѣ-

¹⁾ Въ біографіи В. Гюго («Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie»), доведенной до начала сороковыхъ годовъ—почти до того времени, съ котораго начинается «Avant l'exil»—этюдъ о Мирабо въ одномъ мѣстѣ называется *примитивно революціоннымъ* (т. II, стр. 362), въ другомъ мѣстѣ приводится какъ доказательство примирительнаго направленія В. Гюго (стр. 405). Послѣдній взглядъ несомнѣнно правленъ; достаточнымъ доказательствомъ этого служатъ слѣдующія замѣчательныя слова этюда: «люди революціи исполнили свою задачу—пускай же они теперь прекратятъ дѣйствовать людьми прогресса».

²⁾ Замѣчательно, что почти въ то же самое время Ламартинъ также провозглашалъ сравнительную важность социальныхъ вопросовъ. Поэты оказывались болѣе проникательными, чѣмъ тогдашніе государственные люди.

цаніемъ бросить политическія драгги, поглощающія все ея время, и подумать о томъ, какъ помочь страдающему народу. Увѣщаніе это, очевидно, совпадаетъ съ тѣмъ призывомъ къ переходу отъ политическихъ вопросовъ къ общественнымъ, о которомъ говорится въ предисловіи къ «*Littérature et philosophie mêlées*». Какіе же общественные вопросы ставитъ В. Гюго, какую программу дѣйствій предлагаетъ онъ палатѣ депутатовъ? Онъ требуетъ коренного переворота въ карательной системѣ, отмены смертной казни—противъ которой онъ восставалъ уже въ 1828 г., въ «*Dernier jour d'un condamné*»,—и каторжной работы на галерахъ; онъ требуетъ распространенія образованія въ народѣ и мѣстъ съ тѣмъ поддержанія въ немъ религіознаго чувства, посредствомъ снабженія каждой книжки евангеліемъ. Дальше этого онъ не идетъ: вопроса о матеріальномъ положеніи народа онъ касается только мимоходомъ, признавая притомъ бѣдность большинства—явленіемъ неустрашимымъ. Не очевидно ли, что противопоставляя общественные вопросы политическимъ, онъ хотѣлъ только отвлечь вниманіе общества отъ бесплодной борьбы партій къ плодотворнымъ законодательнымъ реформамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ социалистическими теоріями? Къ тому же заключенію приводитъ и послѣдующая дѣятельность В. Гюго. Послѣ 1834 г. онъ все болѣе и болѣе сближается съ правительствомъ Людовика-Филиппа, получаетъ доступъ къ королю, завязываетъ почти дружескія отношенія съ герцогомъ и герцогиней Орлеанскими. Между 1835 и 1840 г. онъ издаетъ три сборника стихотвореній: «*Chants du crépuscule*», «*Voix intérieures*», «*Rayons et ombres*». Всѣ они дышатъ спокойствіемъ, вѣрой въ настоящее, политическимъ оптимизмомъ. «Одрахлѣвшій эшафотъ падаетъ», читаемъ мы въ «*Voix intérieures*», «Гривская площадь чиста, мятежъ засыпаетъ; готовятся лучшие дни. Гнѣвъ народа, какъ и лава волкана, сначала разрушаетъ, потомъ оплодотворяетъ». Въ «*Rayons et ombres*» говорится, правда, что поэтъ, въ смутную эпоху, не долженъ удаляться отъ міра, не долженъ чуждаться общественныхъ интересовъ; но эти слова остаются словами и не переходятъ въ дѣло. Въ предисловіяхъ къ «*Voix intérieures*» и «*Rayons et ombres*» В. Гюго опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ идеальную роль поэта въ современномъ обществѣ: «онъ долженъ смотрѣть на окружающее тѣмъ спокойнымъ взглядомъ, какимъ исторія смотритъ на прошлое; онъ долженъ оставаться, внѣ шума ежедневной жизни, непоколебимымъ и строгимъ, иногда снисходительнымъ, всегда безпристрастнымъ, независимымъ даже отъ своихъ личныхъ симпатій и анти-

патій; онъ долженъ принадлежать ко всемъ партіямъ—въ томъ, что въ нихъ есть великодушнаго, не принадлежать ни къ одной изъ нихъ—въ томъ, что въ нихъ есть дурного... Онъ долженъ быть свободнымъ въ своемъ расположеніи къ труду, въ своемъ отвращеніи ко злу, въ своемъ состраданіи къ несчастью. Въ его любви къ народу нѣтъ ненависти къ королю; въ его утѣшеніяхъ падшимъ династіямъ нѣтъ оскорбленія для династій царствующихъ. Ничто не смущаетъ его въ его глубокихъ размысленіяхъ—ни шумъ событій, потому что онъ усвоиваетъ себѣ ихъ значеніе и включаетъ его въ свою работу; ни соприкосновеніе съ чужимъ горемъ, потому что привычка мыслить даетъ умѣнье утѣшать; ни лично испытанное страданіе, потому что сквозь разрывающуюся въ насъ самихъ мы видимъ Бога». Кто такъ смотритъ на призваніе поэта, тотъ стоитъ въ сторонѣ отъ политической и общественной жизни; участіе его въ ней—только воображаемое, а не дѣйствительное. Отъ невозмутимо-безпристрастнаго отношенія къ событіямъ внѣшняго міра только одинъ шагъ до политическаго индифферентизма—и В. Гюго, въ этотъ періодъ своей жизни, былъ къ нему несомнѣнно близокъ. Академическія рѣчи Гюго ¹⁾—вступительная рѣчь 1841 г., отвѣты Сентъ-Маркъ-Жирардену и Сентъ-Бѣву 1845 г.—составляютъ дальнѣйшее развитіе, иногда почти буквальное повтореніе ²⁾ мыслей, выраженныхъ въ предисловіяхъ къ «Voix intérieures» и «Rayons et ombres». Рядомъ съ прославленіемъ іюльской монархіи въ нихъ можно найти сочувственное слово и для стараго порядка, и для конвента, и для имперіи. Признавая необходимость свободы, Гюго проповѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе къ преданію. Говоря о Наполеонѣ I, онъ требуетъ справедливаго отношенія и къ тѣмъ, кто повиновался ему, какъ господину, и къ тѣмъ, кто боролся съ нимъ, какъ съ врагомъ. Сочувствуя до известной степени оппозиціи Б. Констана, Шатобриана, madame де-Сталь, Лемерсье (драматическаго писателя, теперь забытаго, мѣсто котораго въ академіи занялъ Гюго), онъ ставитъ однако Наполеона I на недостижимо-высокій пьедесталъ и впадаетъ при оцѣнѣ его дѣятельности въ тѣ обычные, до послѣдняго времени, ошибки, отъ которыхъ однако уже тогда счѣмъбъ остаться свободнымъ Ламартинъ. Похвалы Людовику-Филиппу повторятся и въ первой, и въ по-

¹⁾ Этими рѣчами начинается первая часть сборника „Actes et paroles“, изданная въ 1875 г. подъ названіемъ „Avant l'exil“; изъ нея мы будемъ черпать матеріалъ для нашего дальнѣйшаго изложенія.

²⁾ См. конецъ вступительной рѣчи, „Avant l'exil“ стр. 31 и слѣд.

сѣдней изъ академическихъ рѣчей Гюго, хотя въ 1845 г. реакція была въ полномъ ходу и ни для кого не было тайной, что она исходитъ по крайней мѣрѣ столько же отъ самого короля, сколько и отъ Гюго.

Въ 1846 г. Гюго вступаетъ въ палату пэровъ. Мы уже объяснили, почему дѣятельность его на этомъ новомъ поприщѣ не могла не быть безцвѣтна; но Гюго не дѣлаетъ даже попытки придать ей болѣе яркій оттѣнокъ. Онъ не становится въ ряды безусловныхъ и непрекословныхъ приверженцевъ министерства, но не присоединяется и къ противникамъ его, не касается жгучихъ вопросовъ тогдашней внутренней политики. Онъ говоритъ въ пользу дозволенія семейству Бонапарте возвратиться во Францію,—но въ это время самъ Людовикъ-Филиппъ былъ готовъ согласиться на эту мѣру, и притомъ В. Гюго мотивировалъ ея возможность могуществомъ правительства, дѣлающимъ для него нестрашными претендентовъ. Онъ произноситъ нѣсколько либеральныхъ общихъ мѣстъ по поводу польскаго вопроса,—но между 1830 и 1848 г. такія общія мѣста повторялись почти ежегодно, въ отвѣтныхъ адресахъ на тронную рѣчь, консервативнымъ большинствомъ палаты депутатовъ. Онъ превозноситъ папу Пія IX за реформы, предпринятыя имъ въ началѣ его правленія,—но сочувствіе къ этимъ реформамъ, хотя безъ сомнѣнія не совсѣмъ искреннее, высказывается и въ адресѣ, единогласно принятомъ палатою пэровъ ¹⁾. Только одно мѣсто въ рѣчи В. Гюго, произнесенной лѣтомъ 1847 г., показываетъ, что онъ не совсѣмъ былъ ослѣпленъ наружнымъ могуществомъ и благосостояніемъ июльской монархіи. «Опасность,—воскликаетъ онъ при обсужденіи упомянутого выше вопроса о возвращеніи семейства Бонапарте,—угрожаетъ не со стороны претендентовъ, а со стороны массъ, въ которыхъ такъ много мужества, ума, патріотизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ, говорю это съ грустнымъ чувствомъ, такъ много элементовъ грознаго броженія. Народъ не долженъ страдать, не долженъ терпѣть отъ голода! Вотъ въ чемъ серьезный вопросъ, вотъ въ чемъ опасность—только въ этомъ, и больше ни въ чемъ! Всѣ интриги всѣхъ претендентовъ не заставятъ ни одного изъ важныхъ солдатъ перемѣнить свою кокарду, — но удары вилами

¹⁾ Всѣхъ рѣчей въ публичныхъ засѣданіяхъ палаты пэровъ В. Гюго въ продолженіи двухъ лѣтъ произнесъ шесть; мы упоминаемъ только о трехъ, потому что остальныя три были посвящены вопросамъ административнымъ, а не политическимъ.

въ Бювассе ¹⁾ внезапно могутъ раскрыть передъ вами пропасть!»

Ошибочно было бы, впрочемъ, видѣть въ этихъ словахъ ясное сознаніе близкой, неминуемой катастрофы; это скорѣе совѣтъ правительству, попытка нарушить безусловную неподвижность, которую оно какъ-бы сдѣлало своимъ девизомъ. Февральская революція застала В. Гюго въ-расплохъ, застала его монархистомъ, перешедшимъ отъ легитимизма къ орлеанизму, весьма умереннымъ либераломъ въ политикѣ, болѣе рѣшительнымъ, но далеко не крайнимъ прогрессистомъ въ вопросахъ общественной жизни ²⁾. Готовыхъ задатковъ для дѣятельнаго участія въ разрывѣ задачъ, поставленныхъ на очередь революціей, прошедшее Гюго не представляло. До известной степени онъ самъ понималъ и понимаетъ это; но иногда—подъ вліяніемъ самооболащиванія, весьма естественнаго въ критическія минуты жизни—онъ все-таки старался придать своимъ рѣчамъ въ палатѣ пэровъ, своей судебной защитѣ по дѣлу о драмѣ «Le roi s'amuse», нѣкоторымъ своимъ литературнымъ произведеніямъ (напр. «Le dernier jour d'un condamné» и «Claude Gueux»), такое политическое знаніе, котораго они на самомъ дѣлѣ не имѣли. Въ предисловіи къ «*Avant l'exil*» онъ идетъ еще дальше: онъ хочетъ доказать, что зародыши любви въ свободѣ были вложены въ его душу еще въ дѣтствѣ, и, заглушенный сначала другими впечатлѣніями, развили и дали плодъ при первомъ удобномъ въ тому случаѣ. Въ подтвержденіе этого онъ рисуетъ весьма эффектную картину: чудная лѣтняя ночь—заревѣ иллюминаціи и гулъ пушечныхъ выстрѣловъ въ честь какой-то побѣды императора и его великой арміи—тихая бесѣда въ саду между матерью Гюго и генералами, ослуживавшими его отца, о величіи Наполеона—семилѣтній Викторъ,

¹⁾ Въ этой провинціи происходило незадолго передъ тѣмъ народное волненіе.

²⁾ Въ „*Contemplations*“ В. Гюго, вышедшихъ изъ свѣтъ въ 1846 г., встрѣчается одно стихотвореніе—„Отвѣтъ маркизу Е.“—помѣченное 1846 г. (Т. II, стр. 69—86), изъ котораго можно было бы заключить, что уже въ это время Гюго былъ въ духѣ революціонера, республиканца; но такому заключенію противорѣчили бы слишкомъ явно рѣчи Гюго въ палатѣ пэровъ, образъ дѣйствій его въ учредительномъ собраніи, собственное сознаніе его, что онъ сталъ республиканцемъ лишь въ 1849 г. Довольно знаменательно и то, что въ „*Contemplations*“, представляющихъ, по выраженію Гюго, исторію его внутренней жизни, всѣ ясны политическаго содержанія, за единственнымъ исключеніемъ только что упомянутого стихотворенія, относятся къ пятидесяти лѣтамъ, въ которыхъ мы не затруднились отнести и „Отвѣтъ маркизу Е.“, если не въ первоначальной его редакціи, то не крайней мѣрѣ въ окончательной формѣ. Намъ легче предположить со стороны В. Гюго маленюкій, неизлечимый литературный обманъ, чѣмъ думать, что нѣсколько лѣтъ лжесвѣдѣнія.

прислушивающийся къ этой бесѣдѣ, — внезапное появленіе изъ тщи деревьесъ незнакомаго ему человѣка, который на замѣчаніе одного изъ генераловъ: «Наполеонъ великъ», отвѣчаетъ: «но еще болѣе великъ былъ Бонапарте до 18-го брюмера. Брюмеръ — это паденіе». — «Да, паденіе республики», говоритъ генераль Люкоттъ. — «Нѣтъ, паденіе Бонапарте», возражаетъ незнакомецъ (генераль Лагори, участникъ въ заговорѣ Моро, изгнанный изъ Франціи, тайно возвратившійся въ Парижъ и нашедшій убѣжище въ домѣ генерала Гюго). — «Ты правъ; чтобы загладить брюмеръ, я былъ бы готовъ на всякую жертву. Франція свободная выше, чѣмъ Франція великая». — «Франція не можетъ быть великой, если она не свободна». — «Правда. Чтобы видѣть ее опять свободной, я отдалъ бы все мое состояніе. А ты?» — «Мою жизнь». — «Водворилось молчаніе», продолжаетъ В. Гюго: «слышенъ былъ шумъ ликующаго города; отблескъ праздника падалъ на лица всѣхъ этихъ людей; созвѣздія надъ нашими головами меркли въ свѣтѣ иллюминаціоннаго Парижа; сіяніе Наполеона какъ-бы наполняло собою небо. Внезапно незнакомецъ обратился ко мнѣ, притавшемуся отъ страха, пристально посмотрѣлъ на меня и сказалъ: *дитя, помни — прежде всего свобода*. И онъ положилъ руку на мое плечико; я чувствую еще ея привосновеніе. Потомъ онъ повторилъ: *прежде всего свобода* — и скрылся подъ деревьями». Безспорно, такіа впечатлѣнія могутъ глубоко запасть въ душу ребенка и наложить печать на всю послѣдующую его жизнь; но съ В. Гюго на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не произошло. Въ біографіи его, на которую мы уже ссылались ¹⁾, мы читаемъ слѣдующее: «Однажды, около половины 1809 г., Евгений и Викторъ были позваны въ залу и представлены матерью човѣку средняго роста ²⁾, съ добрымъ и кроткимъ лицомъ, родственнику ихъ, какъ она имъ сказала. Это былъ генераль Лагори». Итакъ, въ первомъ знакомствѣ В. Гюго съ Лагори не было ничего поразительнаго, поэтическаго; сцена въ саду, разговоръ Лагори съ Люкоттомъ, наложеніе руки, торжественный заѣтъ, данный мальчику таинственнымъ незнакомцемъ — все это должно быть отнесено въ области фантазіи ³⁾. Еслибы В. Гюго заду-

¹⁾ «Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie», т. I, стр. 56—58.

²⁾ Въ предисловіи къ «*Avant l'exil*» Лагори, для большаго эффекта, выставляется човѣкомъ высокаго роста.

³⁾ Предполагать ошибку въ изложеніи «Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie» никакъ нельзя, потому что эта книга написана лицомъ весьма близкимъ къ В. Гюго (всего вероятнѣе — его женою), который самъ ссылается на нее, какъ на достовѣрный источникъ, въ томъ же предисловіи къ «*Avant l'exil*» (стр. XXII). До-

малѣ писать свою автобіографію и написалъ ее въ томъ духѣ, въ какомъ составлена часть предисловія къ «*Avant l'exil*», то она съ болѣющимъ правомъ, чѣмъ автобіографія Гёте, могла бы быть названа «*Wahrheit und Dichtung*», и матеріаловъ для исторіи Гюго искать въ ней было бы напрасно. Къ счастью, онъ принялъ другую систему: онъ даетъ намъ подлинныя слова, произнесенныя имъ въ разныя эпохи своей жизни, и позволяетъ намъ изобразить ее такою, какою она дѣйствительно была, а не такою, какою она теперь представляется старческой памяти и вѣчному юному воображенію поэта.

II.

Прежде чѣмъ В. Гюго успѣлъ свыкнуться съ новой обстановкой, созданной февральскою революціею, онъ былъ выдвинутъ, почти помимо его воли, на политическую сцену. При общихъ выборахъ, происходившихъ въ апрѣлѣ 1848 г., его выставили кандидатомъ въ учредительное собраніе, хотя онъ самъ не предлагалъ своей кандидатуры и не принималъ дѣятельнаго участія въ избирательной борьбѣ. Онъ не былъ избранъ, но получилъ довольно значительное число голосовъ (около 60,000). При дополнительныхъ выборахъ, мѣсяца полтора спустя, кандидатуру его была предложена вновь, на этотъ разъ поддержана имъ самимъ и увѣнчалась успѣхомъ: В. Гюго попалъ въ число представителей города Парижа (вмѣстѣ съ Тьеромъ, Людовикомъ-Наполеономъ Бонапарте и Прудономъ!). Первые публичные заявленія, сдѣланныя В. Гюго по поводу его кандидатуры, отличаются нерѣшительностью, блѣдностью; видно, что онъ еще колеблется, ищетъ дорогу ощущенію; онъ высказывается противъ анархіи и насилія, за мирный прогрессъ, но не объясняетъ, въ чемъ собственно прогрессъ долженъ заключаться. Болѣе твердымъ и опредѣленнымъ тономъ онъ начинаетъ говорить только въ промежуткѣ между общими и дополнительными выборами, послѣ 15-го мая. Обращеніе его къ избирателямъ, относящееся именно къ этому времени, такъ замѣчательно, что мы приведемъ его почти цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что намъ придется опять встрѣтиться съ нимъ въ одинъ изъ самыхъ важныхъ моментовъ поли-

статочно, притомъ, сравнить простой рассказъ біографа съ искусственно-освѣщенной картиной поэта, чтобы убѣдиться, что истина на сторонѣ перваго, а не послѣдняго.

тческой жизни В. Гюго. «Двѣ республики возможны. Одна замѣнить трехцвѣтное знамя краснымъ, надѣлаетъ мѣдныхъ денегъ изъ вандомской колонны, сброситъ статую Наполеона и воздвигнетъ памятникъ Марату; закроетъ политехническую школу и институтъ (т.-е. академію), упразднитъ орденъ Почетнаго Легіона, прибавитъ къ великому девизу: *свобода, равенство, братство* мрачную альтернативу: *или смерть*; приведетъ къ банкротству, разоритъ богатыхъ, не обогативъ бѣдныхъ, разрушитъ и кредитъ, т.-е. благосостояніе всѣхъ, и трудъ, т.-е. насущный хлѣбъ каждаго, уничтожитъ собственность и семью; зажжетъ Европу и испепелитъ цивилизацію, обратитъ Францію въ царство мрака, задушитъ искусства, обезглавитъ мысль, отречется отъ Бога, — однимъ словомъ, повторитъ хладнокровно все то, что люди 1793 года сдѣлали съ увлеченіемъ, и послѣ ужаснаго въ великомъ, свидѣтелями котораго были наши отцы, покажетъ намъ чудовищное въ мелкомъ. Другая республика будетъ общеніемъ всѣхъ французовъ теперь же, всѣхъ народовъ — со временемъ, въ демократическомъ принципѣ; она создастъ свободу безъ узурпаціи и насилия, равенство, допускающее естественный ростъ каждаго, братство свободныхъ людей, а не монаховъ, запертыхъ въ монастырѣ; предоставитъ всѣмъ и каждому образованіе, какъ солнце даетъ свой свѣтъ, безвозмездно; введетъ милосердіе въ уголовныя, примиреніе — въ гражданскіе законы; умножитъ желѣзныя дороги, десятиритъ цѣнность земли; обезпечитъ собственность, какъ продуктъ прошедшаго труда, и трудъ, какъ элементъ будущей собственности; отнесется съ уваженіемъ къ наслѣдству — этой рукѣ тѣ, протянутой дѣтямъ съвозъ стѣну гробницы; устремится, не выходя однако изъ границъ возможнаго и истиннаго, къ осуществленію всего того, о чемъ мечтали мудрецы; построятъ власть, азы и свободу, на фундаментѣ права; положитъ конецъ мятежу войнѣ, этимъ двумъ формамъ варварства; сдѣлаетъ порядокъ закономъ для гражданъ, миръ — закономъ для націй; однимъ словомъ, подниметъ Францію, завоюетъ міръ, соединитъ человѣчій родъ въ одно величественное цѣлое, подъ рукою Бога, должнаго своимъ созданіемъ. Изъ этихъ двухъ республикъ, одной — терроръ, другой — цивилизація. Я готовъ пожертвовать жизнью, чтобы предотвратить установленіе первой и способствовать установленію послѣдней». Въ этой *profession de foi* В. Гюго изсказывается какъ нельзя болѣе прямо противъ красной республики и социальнаго переворота, противъ якобинцевъ и коммунистовъ; но положительная сторона его идеала все еще остается туманѣ, съвозъ который онъ самъ видитъ не совсѣмъ ясно,

Вторая изъ описанныхъ В. Гюго республикъ сохраняетъ все то, что разрушаетъ первая; но что она должна создать вновь— на это В. Гюго не даетъ отвѣта, потому что нельзя же считать отвѣтомъ мечту о всеобщемъ мирѣ, о соединеніи въ одно цѣлое всѣхъ народовъ. Единственнымъ сколько-нибудь опредѣленнымъ чертой программы В. Гюго—это бесплатное обученіе и смягченіе уголовныхъ законовъ, т.-е. реформы, не имѣющія непосредственнаго политическаго значенія. Рѣчь, произнесенная В. Гюго 29-го мая 1848 г. въ собраніи избирателей, три дня спустя послѣ напечатанія вышеприведенной программы, не прибавляетъ къ ней никакихъ существенныхъ разъясненій; самая сильная, самая рельефная часть ея—онять-таки нападенія противъ социализма¹⁾. Онъ вступаетъ, такимъ образомъ, въ учредительное собраніе свободнымъ отъ всякихъ опредѣленныхъ обязательствъ, кромѣ одного—защищать народное представительство противъ насилия, откуда бы оно ни исходило, — и это обязательство онъ исполняетъ, рискуя жизнью въ рядахъ сторонниковъ собранія, во время июньскихъ дней 1848 г.

Въ учредительномъ собраніи В. Гюго остается на второмъ планѣ, не присоединяясь ни къ какой партіи, не заявляя опредѣленной политической программы, рѣдко появляясь на трибунѣ и ограничиваясь болѣею частью небольшими рѣчами, скромными по тону и довольно безцвѣтными по содержанію. Въ первой своей рѣчи, произнесенной за нѣсколько дней до июнскаго восстанія, онъ называетъ себя социалистомъ, но по-прежнему разумѣетъ подъ этимъ именемъ челоуѣка, сознающаго всю важность общественныхъ вопросовъ (въ противоположность вопросамъ чисто-политическимъ) и заботящагося о благосостояніи народныхъ массъ—не болѣе. Наканунѣ одного изъ самыхъ страшныхъ взрывовъ, предвидя до нѣкоторой степени его возможность, онъ довольствуется общими мѣстами, общими фразами о необхо-

¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что хотя Гюго и сталъ въ ряды такъ-называемыхъ *républicains du lendemain*, т.-е. обратился изъ монархиста въ республиканца вслѣдъ за паденіемъ монархіи, но онъ совершилъ этотъ переходъ съ гораздо большимъ достоинствомъ, чѣмъ масса тогдашнихъ перебѣжчиковъ, тѣхъ самыхъ, которые нѣсколькими мѣсяцами позже посѣпили оставить и лагерь республики, какъ только она начала „не въ авантажѣ обрѣтаться“. В. Гюго не позволилъ себѣ ни одной выходки противъ Людовика-Филиппа и его совѣтниковъ; говоря о нападѣхъ перовъ, онъ сказалъ, что имѣлъ честь засѣдать въ ея рядахъ, и повторилъ эти слова, несмотря на названный ими ролотъ; напомнивъ, что онъ вчера защищалъ народъ посреди богатыхъ, онъ выразилъ готовность завтра защищать богатыхъ посреди народа; онъ даже не особенно настаивалъ на своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ, а старался только доказать, что давно уже въ душѣ былъ демократомъ.

дноти терпѣнья, братскихъ чувствъ, примирительныхъ стремленій. Его нѣсколько разъ прерываютъ вопросомъ, какія же средства онъ предлагаетъ для достиженія желанной цѣли; онъ отвѣчаетъ, что эти средства: спокойствіе на улицахъ, единодушіе между гражданами, сила въ правительствѣ, добрая воля въ трудѣ, добросовѣстность во всемъ, — и думаетъ, что это отвѣтъ достаточный, серьезный! Послѣ іюньскихъ дней онъ не раздѣляетъ реакціонной горячки, овладѣвшей большинствомъ, беретъ на себя инициативу помощи сосланнымъ и заключеннымъ, порицаетъ даже нѣкоторые произвольныя мѣры правительства Кавеньяка, но порицаетъ ихъ крайне умѣренно и осторожно, признаетъ необходимость осаднаго положенія, не только въ іюлѣ, не только въ сентябрѣ, но даже въ октябрѣ, наванунѣ снятія его самимъ правительствомъ ¹⁾. Въ обсужденіи конституціи онъ принимаетъ участіе только протестомъ противъ давнишняго врага своего—противъ смертной казни; въ подачѣ голосовъ онъ держится скорѣе правой, чѣмъ лѣвой стороны собранія, вотируя не только за единоличность исполнительной власти и за выборъ президента непосредственно народомъ (по этому вопросу заодно съ правой стороной дѣйствовало и большинство лѣвой), но и за раздѣленіе законодательной власти между двумя палатами. Онъ поддерживает—это еще знаменательнѣе—кандидатуру Людовика-Наполеона въ президенты республики, завязываетъ личное знакомство съ тѣмъ, кому онъ три года спустя далъ кличку «Napoléon le Petit», нѣсколько разъ посѣщаетъ его, послѣ его избранія, въ Елисейскомъ дворцѣ. Въ послѣдствіи времени Гюго старался доказать ²⁾, что, подавая голосъ за Бонапартѣ, онъ вѣдалъ въ немъ только демократа, друга пролетаріевъ, автора зачатѣльнѣйшихъ сочиненій о бѣдныхъ классахъ народа, представителя династіи, возвысившейся благодаря революціи; но это обличеніе нельзя назвать правдоподобнымъ, если принять въ соображеніе, что Людовикъ-Наполеонъ былъ, завѣдомо для всѣхъ, кандидатомъ консервативнаго союза, кандидатомъ Фаллу, Монтаньбера, Моле, Тьера, и что Гюго стоялъ тогда весьма недалеко

¹⁾ Какъ мало В. Гюго стѣсняется фактами, даже имъ самимъ приводимыми, это ясно между прочимъ изъ того, что рѣчь, въ которой онъ признавалъ преждевременныя снятіе осаднаго положенія и требовалъ только постепеннаго его облегченія, въ названіи въ заголовкѣ рѣчи „противъ осаднаго положенія“ („*Avant l'exil*“, стр. 168), а въ предисловіи къ „*Avant l'exil*“ (стр. XXVI) говорить про себя, что отсрочилъ эту фальшивую республику военныя судовъ и осаднаго положенія“.

²⁾ „*Avant l'exil*“, стр. 500.

отъ этого лагеря ¹⁾. Въ началѣ 1849 г. онъ поддерживаетъ вмѣстѣ съ консерваторами такъ-называемое предложеніе Раго, т.-е. требуетъ скорѣйшаго распущенія учредительнаго собранія и избранія новой палаты. Правда, онъ требуетъ этого во имя принциповъ, во имя державности народа, во имя достоинства самого учредительнаго собранія, которое, создавъ конституцію, сдѣлало свое дѣло и должно уступить мѣсто своему законному преемнику; но онъ не могъ не понимать, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ всѣ шансы побѣды на новыхъ выборахъ были на сторонѣ реакціи, что для обузданія ея, для огражденія ново-рожденной конституціи былъ крайне необходимъ цѣлый рядъ органическихъ законовъ, составленіе которыхъ учредительнымъ собраніемъ и считали необходимымъ противники немедленнаго его распущенія. Разсматривать столь важный вопросъ исключительно съ отвлеченной точки зрѣнія Гюго могъ только потому, что въ эту минуту онъ еще не отрѣшился вполне отъ своего прежняго политическаго дилеттантизма, не бросился еще тѣломъ и душою въ борьбу, участникомъ которой его сдѣлали обстоятельства. Возвращая свое полномочіе избирателямъ, въ маѣ 1849 г., онъ могъ сказать не безъ основанія, что «сражался за порядокъ противъ анархіи и за свободу противъ произвола» ²⁾; но для полноты картины ему слѣдовало бы прибавить, что роль его какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сраженіи была скорѣе пассивная, чѣмъ активная. Въ предисловіи къ «*Avant l'exil*» Гюго рассказываетъ, что въ 1848 г. членъ учредительнаго собранія Лагранжъ—честный, пылкій демократъ—спросилъ его однажды: «На чьей вы сторонѣ?»—«На сторонѣ свободы», отвѣчалъ Гюго. «Что вы дѣлаете?»—«Я жду». Если первый отвѣтъ не можетъ быть названъ ни вполне откровеннымъ, ни достаточно определеннымъ, то второй выражаетъ какъ нельзя лучше тогдашнее настроеніе духа В. Гюго. Онъ дѣйствительно ждалъ, ждалъ рѣшительнаго толчка, который долженъ былъ направить всѣ его силы въ ту или другую сторону; онъ стоялъ на перепутьѣ, колеблясь между различными дорогами, но сознавалъ, что ему необходимо выбрать одну изъ нихъ; онъ былъ близокъ къ поворотному пункту, къ критической минутѣ своей жизни — и эта минута наступила, какъ только, вслѣдъ за открытіемъ законодательнаго собранія (въ которое Гюго былъ вновь избранъ пред-

¹⁾ См. «*Pendant l'exil*», стр. 460—461 (письмо къ А. Карру, 1869 г., въ которомъ Гюго признаетъ, что сдѣлался республиканцемъ только въ 1849 г.).

²⁾ «*Avant l'exil*», стр. 139.

ставителемъ отъ Парижа), столкновение крайнихъ партій вызвало катастрофу 13-го іюня 1849 г.

Прежде чѣмъ идти дальше, мы невольно останавливаемся на контрастѣ между судьбами двухъ поэтовъ, игравшихъ выдающуюся роль въ политической жизни современной Франціи. Февральская революція застала Ламартина республиканцемъ, недавно обращеннымъ, но тѣмъ болѣе пылкимъ; она была какъ-бы отвѣтомъ на его «Исторію Жирондистовъ», на его банкетныя рѣчи 1847 г., предсказывавшія іюльской монархіи «революцію презрѣнія»; она вознесла его сразу на вершину вліянія и власти, сдѣлала его самымъ широко-популярнымъ членомъ временнаго правительства, посредникомъ между партіями, глашатаемъ французской республики передъ лицомъ Европы. 25-го февраля, когда Ламартинъ, съ балкона ратуши, передъ дулами направленныхъ на него ружей, отстаивалъ и отстаивалъ трехцвѣтное знамя противъ краснаго, ему могло казаться, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбу Парижа и Франціи. На апрѣльскихъ выборахъ 1848 г. — тѣхъ самыхъ, при которыхъ потерпѣла неудачу первая кандидатура В. Гюго — Ламартинъ получаетъ 259,000 голосовъ и проходитъ въ собраніе первымъ во главѣ тридцати четырехъ депутатовъ Парижа; сверхъ того, его избираютъ депутатомъ еще девять департаментовъ. 4-го мая, въ день открытія учредительнаго собранія, на Ламартина преимущественно обращены взоры новыхъ представителей народа. Этотъ день — кульминаціонный пунктъ его славы; въ исполнительную комиссію его выбираютъ уже не первымъ, а четвертымъ; послѣ іюньскихъ дней онъ вовсе устраняется отъ участія въ правительствѣ. Въ собраніи, однако, онъ продолжаетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ; его рѣчи въ пользу одной палаты, въ пользу единоличной власти президента способствуютъ разрѣшенію этихъ вопросовъ именно въ этомъ смыслѣ; онъ является однимъ изъ кандидатовъ въ президенты еспублики и получаетъ нѣсколько тысячъ голосовъ. Но въ законодательное собраніе его не выбираютъ вовсе — и политическая карьера его оканчивается навсегда; онъ не дѣлаетъ даже попытки вернуться къ политической жизни, остается безмолвнымъ зрителемъ декабрьскаго переворота, и нѣсколько лѣтъ спустя соглашается принять денежную помощь отъ Людовика-Наполеона, которому онъ въ 1848 г. старался закрыть доступъ во Францію. Гюго, наоборотъ, долго остается на второмъ планѣ и никогда не поднимается такъ высоко, какъ стоялъ Ламартинъ съ января до мая 1848 г.; но завоевавъ себѣ однажды видное мѣсто въ рядахъ демократической партіи — завоевавъ его, вслѣд-

ствіе страннаго совпаденія обстоятельствъ, именно вслѣдъ за удаленіемъ Ламартина съ политической сцены, — онъ сохраняетъ его до конца, остается вѣрнымъ дорогѣ поздно, но рѣшительно избранной, приноситъ всѣ жертвы, которыхъ она отъ него требуетъ, и сливая въ одно цѣлое свою политическую дѣятельность и свою политическую жизнь, пишетъ «*La légende des siècles*», «*Les misérables*» въ то самое время, когда Ламартинъ компилируетъ такъ называемыя исторіи Турціи и Россіи. Это различіе въ судьбѣ Ламартина и Гюго конечно нельзя признать случайнымъ. Ламартинъ былъ больше способенъ увлекаться, а слѣдовательно и увлекать другихъ, чѣмъ В. Гюго; но на сторонѣ послѣдняго — преимущество болѣе твердаго характера, болѣе разносторонняго образованія, меньшаго преобладанія чувства надъ мыслью. Въ порывѣ энтузіазма краснорѣчіе Ламартина могло возвыситься и возвысить его до уровня, недоступнаго для Гюго; но триумфъ краснорѣчія, ничѣмъ не поддержаннаго, не можетъ быть продолжителенъ — отсюда быстрота паденія Ламартина съ быстро достигнутой вершины. На политическомъ горизонтѣ Франціи Ламартинъ — мимолетный метеоръ, ярко сіявшій, но скоро погасшій, Гюго — звѣзда, свѣтящаяся болѣе ровнымъ, но менѣе сильнымъ блескомъ.

III.

Законодательное собраніе, засѣдавшее съ іюня 1849 по декабрь 1851 г., представляетъ во многихъ отношеніяхъ большое сходство съ плачевной пѣматі національнымъ собраніемъ 1871—75 г. То же большинство монархистовъ, принимающихъ на себя завѣдываніе дѣлами республики только для того, чтобы какъ можно скорѣе скоронить ее; то же разногласіе между различными отѣнками большинства, мѣшающее ему достигнуть своей цѣли, несмотря на безсиліе меньшинства; то же преобладаніе интригъ, личныхъ счетовъ и перебранокъ надъ плодотворною законодательною дѣятельностью — однимъ словомъ, то же противорѣчіе между задачей собранія и его стремленіями, между интересами страны и желаніями ея представителей ¹⁾. Въ 1849 г. противорѣчіе это

¹⁾ Если національному собранію, только-что окончившему свою дѣятельность, удалось, въ противоположность законодательному собранію 1849—51 г., создать нѣчто прочное, то это объясняется не столько внутреннимъ различіемъ между тѣмъ и другимъ, сколько различіемъ обстоятельствъ, при которыхъ они дѣйствовали. Легитимисты и орлеанисты были въ 1851 г. такъ же безсильны, какъ и въ 1875; но положеніе третьей

обнаружилось весьма скоро, тѣмъ скорѣе, что въ продолженіи первыхъ мѣсяцевъ со времени открытія законодательнаго собранія оно находилось въ полномъ согласіи съ президентомъ республики—министрами котораго, до ноября 1849 г., были представители старыхъ монархическихъ партій,—и слѣдовательно могло направить всѣ свои силы противъ общаго врага, т.е. противъ свободы. Первымъ пробнымъ камнемъ настроенія собранія была римская экспедиція, такъ явно противорѣчившая буквѣ и смыслу конституціи 1848 г. Большинство собранія отказалось выразить порицаніе образу дѣйствій правительства по этому вопросу; небольшая горсть изъ среды крайней лѣвой перенесла свой протестъ на улицу,—но возстаніе было подавлено почти безъ боя 13-го іюня 1849 г. Этимъ днемъ В. Гюго помѣчаетъ свой окончательный переходъ въ ряды республиканцевъ. «Когда онъ увидѣлъ Римъ повергнутымъ наземъ во имя Франціи — говорить онъ про себя въ предисловіи къ «*Avant l'exil*», — когда онъ увидѣлъ большинство, до тѣхъ поръ лицемѣрное, сбросившимъ съ себя маску преданности республикѣ, когда онъ увидѣлъ, послѣ 13-го іюня, торжество и циническую радость всѣхъ коалицій, враждебныхъ прогрессу,—онъ опечалился, онъ понялъ, и среди рукъ, простертыхъ къ нему побѣдителями для привлеченія его въ ихъ ряды, почувствовалъ въ глубинѣ души, что мѣсто его— въ числѣ побѣжденныхъ. На землѣ лежалъ трупъ — какъ говорили, трупъ республики; онъ подошелъ къ нему — и узналъ въ немъ свободу. Тогда онъ наклонился къ ней и вступилъ съ ней въ бракъ. Онъ увидѣлъ передъ собою паденіе, пораженіе, разореніе, оскорбленіе, изгнаніе — и сказалъ: *пусть будетъ такъ*. Тотчасъ же, 15-го іюня, онъ взомель на трибуну и протестовалъ. Съ этого дня въ его душѣ республика слилась съ свободой. Съ этого дня онъ безъ остановки, безъ отдыха, почти не переводя духа, упорно, шагъ за шагомъ, боролся за эти двѣ великія жертвы клеветы. Наконецъ, 2-го декабря 1851 г., онъ

монархической партіи было совершенно другое. Въ тогдашнемъ прошедшемъ бонапартизма хотя и было Ватерлоо, но отдаленное, забытое, изглаженное Св. Еленой; геньеръ еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о Седанѣ, не уравновѣшиваемое вторымъ Маренго или Аустерлицемъ. Въ рукахъ Людовика-Наполеона исполнительная власть была силой, исходящей непосредственно отъ народа, независимой отъ собранія; Тьеръ и Макъ-Магонъ получили власть изъ рукъ собранія, и уже поэтому одному не могли возвыситься надъ нимъ. Въ 1849—51 г. реакція господствовала во всей Европѣ, чего никакъ нельзя сказать о только-что истекшемъ пятилѣтіи. Не подлежитъ сомнѣнію, впрочемъ, что сравнительно успѣшному результату дѣятельности версальскаго національнаго собранія способствовалъ и умѣренный, благоразумный, сравнительно съ 1849—51 г., образъ дѣйствій лѣвой стороны въ собраніи и внѣ собранія.

получилъ то, чего ожидалъ — двадцать лѣтъ изгнанія. Такова исторія того, что называютъ его отступничествомъ». Въ этой характеристикѣ внутреннего переворота, совершившагося въ В. Гюго, есть — не говоря уже о напыщенной формѣ — преувеличенія и неточности; такъ, напримѣръ, протестъ 15-го іюня былъ направленъ В. Гюго не противъ причинъ, вызвавшихъ возстаніе 13-го іюня 1849 г., не противъ правительства или большинства собранія, а противъ отдѣльныхъ произвольныхъ дѣйствій, совершённыхъ солдатами послѣ подавленія возстанія — дѣйствій, которыя самъ министръ внутреннихъ дѣлъ, отвѣчая Гюго, призналъ подлежащими разслѣдованію и, если они подтвердятся, наказанію. Протесту противъ нихъ, В. Гюго говоритъ еще объ умѣренности и мудрости собранія. Тѣмъ же примирительнымъ, сдержаннымъ, хотя и либеральнымъ характеромъ отличаются рѣчи, произнесенныя В. Гюго въ іюнѣ и іюлѣ въ отдѣленіяхъ собранія, въ августѣ — при открытіи и закрытіи засѣдавшаго въ Парижѣ конгресса мира ¹⁾; даже первыя двѣ большія рѣчи (о нищетѣ и о римскомъ вопросѣ), произнесенныя В. Гюго съ трибуны собранія въ іюлѣ и октябрѣ 1849 г., не заключаютъ еще въ себѣ рѣшительнаго разрыва съ его политическимъ прошлымъ. Но если этотъ разрывъ совершился не такъ быстро, не такъ внезапно, какъ утверждаетъ В. Гюго, то исходной точкой его дѣйствительно послужили іюньскія событія 1849 г., или, лучше сказать, раскрытыя ими тенденціи и цѣли законодательнаго собранія и президента республики.

Въ учредительномъ собраніи большинство, несмотря на развивавшійся въ немъ все больше и больше консервативный характеръ, не замышляло измѣны противъ учреждений, организаціи которыхъ составляла его задачу. Оно создало конституцію, о недостаткахъ и достоинствахъ которой можно быть весьма различнаго мнѣнія, но которая во всякомъ случаѣ не шла наперекоръ своей гласно-заявленной цѣли. Оно не было систематически враждебно свободѣ, хотя, подъ влияніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, и не скупилось на репрессивныя мѣры. Въ такомъ же духѣ дѣйствовала и исполнительная власть, по крайней мѣрѣ до избранія въ президенты Людовика-Наполеона ²⁾; да и послѣдній не сразу

¹⁾ „Avant l'exil“, стр. 493—498, 379—393.

²⁾ Для характеристики учредительнаго собранія и Казеньяна достаточно привести одно обстоятельство: осажденное положеніе, провозглашенное въ Парижѣ послѣ іюньскихъ дней 1848 г., было снято менѣе чѣмъ черезъ четыре мѣсяца, между тѣмъ какъ осажденное положеніе, провозглашенное или подтвержденное версальскимъ національнымъ собраніемъ въ самомъ началѣ своей дѣятельности, существуетъ до сихъ поръ, не

показалъ себя тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. При такомъ положеніи дѣлъ честный идеалистъ, какимъ былъ В. Гюго, могъ оставаться умѣреннымъ прогрессистомъ, мирнымъ защитникомъ порядка и свободы. Онъ могъ надѣяться на осуществленіе идеаловъ, намѣченныхъ имъ въ его избирательной программѣ; онъ могъ думать, что эра революцій закрыта, что наступаютъ тѣ *лучшіе дни*, о которыхъ онъ мечталъ еще въ тридцатыхъ годахъ; что правительство, созданное всѣми и всѣми поддерживаемое, станетъ заботиться о всѣхъ, обратить вниманіе на интересы и потребности массъ, до тѣхъ поръ почти забытыхъ, и достигнетъ, путемъ реформъ, всего того, чего могла, но не хотѣла или не умѣла достигнуть іюльская монархія. Пока В. Гюго вѣрилъ въ добросовѣстность собранія, онъ относился враждебно ко всякой попыткѣ возстанія, ко всякому внѣшнему насилію, направленному противъ единственныхъ законныхъ представителей народа. Слѣды такого отношенія замѣтны даже въ первыхъ рѣчахъ, произнесенныхъ В. Гюго послѣ іюньскихъ дней 1849 г. Но когда законодательное собраніе—то самое собраніе, скорѣйшаго созыва котораго такъ горячо желалъ и требовалъ В. Гюго, ожидая отъ него окончательнаго умиротворенія Франціи, — открыто заявило свои реакціонныя тенденціи, когда сдѣлалось ясно, что всѣ усилія его будутъ направлены не къ прогрессивнымъ реформамъ, а къ ниспроверженію порядка вещей, только-что установленнаго, тогда союзъ съ консервативнымъ большинствомъ пересталъ быть возможнымъ для В. Гюго. Два года тому назадъ онъ могъ идти если не рука объ руку, то по крайней мѣрѣ въ однихъ рядахъ съ консерваторами палаты пэровъ, потому что они были искренни, потому что ихъ роль соотвѣтствовала ихъ положенію и не заключала въ себѣ ничего двусмысленнаго, потому, наконецъ, что самъ Гюго не былъ еще вполне охваченъ движеніемъ политической жизни; но теперь дѣло шло уже не о сохраненіи существующаго, а о возвращеніи къ прошедшему, объ измѣнѣ обязательствъ, принятыхъ кандидатами всѣхъ партій на выборахъ 1848 г., о разрушеніи надеждъ и ожиданій, возбужденныхъ событіями этого года. Принять участіе во всемъ этомъ, значило бы для Гюго отказаться не только отъ своей избирательной программы, но и отъ всѣхъ своихъ прежнихъ стремленій, отъ заветныхъ мыслей, выраженныхъ имъ въ «*Claude Gueux*», въ предисловіи къ «*Littérature et philosophie mêlées*», задолго до фев-

только въ Парижѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ, вовсе не принимавшихъ участія въ возстаніи коммуны.

ральской революціи. Въ іюнѣ 1849 г., В. Гюго оставался, собственно говоря, на томъ самомъ мѣстѣ, которое занималъ въ учредительномъ собраніи; но консервативныя партіи сдѣлали большой скачокъ вправо — и разстояніе между ними и Гюго сразу оказалось довольно значительнымъ. Уклоненіе В. Гюго влѣво, еще больше увеличившее это разстояніе, началось, какъ мы сейчасъ увидимъ, гораздо позже. Однажды начавшись, оно должно было идти все быстрѣе и быстрѣе, какъ потому, что большинство собранія все больше и больше вдавалось въ реакцію, такъ и потому, что усиливающееся взаимное раздраженіе сторонъ побуждало каждую изъ нихъ къ крайностямъ, въ свою очередь вызвавшимъ новыя столкновенія. Весьма можетъ быть, что повороту Гюго налѣво способствовало отчасти самое свойство его ораторскаго таланта, всего болѣе сильнаго въ отрипаніи, въ нападеніи, способствовали также успѣхъ его первыхъ оппозиціонныхъ рѣчей и популярность, доставленная ему ими; но ошибочно и несправедливо было бы объяснять только этими второстепенными соображеніями перемѣну, главная причина которой очевидно лежитъ гораздо глубже.

В. Гюго произнесъ въ законодательномъ собраніи семь крупныхъ рѣчей, изъ которыхъ каждая представляетъ большой интересъ, какъ по своему внутреннему содержанію, такъ и для характеристики постепеннаго движенія Гюго по дорогѣ, на которую онъ вступилъ въ 1849 г. Въ рѣчи о ничетѣ (9-го іюля 1849 г.) В. Гюго стоитъ еще на такой почвѣ, на которой возможно соглашеніе съ большинствомъ. Онъ радуется неудачѣ іюньскаго возстанія, видя въ немъ попытку терроризировать собраніе. «*Пораженіе демалойи*,—говоритъ онъ,—должно повести въ торжеству народа; вынужденнымъ молчаніемъ *анархическихъ страстей* слѣдуетъ воспользоваться для предоставленія слова народнымъ интересамъ... Бесплодность фальшивыхъ теорій, фальшивыхъ системъ обнаружилась, какъ только онѣ вышли изъ окружавшей ихъ тѣни. Много иллюзій разсѣялось, а вмѣстѣ съ ними паша популярности безъ основы и ненависти безъ мотива». Доводивъ необходимость учрежденія особой комиссіи ¹⁾ для приготовления законовъ объ общественной помощи нуждающимся (*lois relatives à la prévoyance et à l'assistance publique*), Гюго видитъ ея главную задачу въ «подавленіи химеръ социализма (*chi-*

¹⁾ Учрежденіе этой комиссіи было предложено однимъ изъ членовъ правой стороны, де-Меленомъ; но онъ, конечно, понималъ ея задачу гораздо уже, чѣмъ В. Гюго, а большинство правой видѣло въ ней только пустую формальность.

mères d'un certain socialisme) подъ реальностями Евангелія». Онъ проповѣдуетъ согласіе, примиреніе между сословіями, между богатыми и бѣдными. Несмотря на это, несмотря на сдержанность формы, рѣчь В. Гюго вызываетъ среди большинства собранія цѣлую бурю и сразу возбуждаетъ противъ него недовѣріе и вражду консерваторовъ. Почему? Потому что онъ ставитъ передъ собраніемъ задачи, напоминаетъ ему объ обязанностяхъ, которыхъ оно не хочетъ исполнять, но не рѣшается и прямо отвергнуть. Онъ начинаетъ свою рѣчь съ опроверженія мнѣній, шопотомъ высказываемыхъ въ корридорахъ и отдѣленіяхъ собранія—мнѣній такого рода, что нечего заботиться объ улучшеніи быта народа, объ устраненіи золь, въ сущности неисцѣлимыхъ, что для восстановленія порядка достаточно одной матеріальной силы, для поддержанія его—однихъ репрессивныхъ законовъ. Оратора со всѣхъ сторонъ перебиваютъ; никто не хочетъ взять на себя отвѣтственность за подобныя мнѣнія, хотя, или лучше сказать именно потому что они приведены ораторомъ съ буквальною точностью. Возраженія не смущаютъ Гюго, онъ настаиваетъ на своемъ, несмотря на продолжающіеся перерывы. Волненіе достигаетъ еще большихъ размѣровъ въ концѣ рѣчи, при слѣдующихъ словахъ В. Гюго: «я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ уничтожить страданіе въ этомъ мірѣ; страданіе—законъ божественный; но я думаю и утверждаю, что можно уничтожить нищету—да, именно уничтожить, а не только уменьшить, смягчить, ограничить. Нищета—болѣзнь общественнаго тѣла, подобно тому, какъ проказа была болѣзью тѣла человѣческаго; первая можетъ исчезнуть, какъ исчезла вторая. Да, уничтожить нищету возможно—а пока возможное въ вопросѣ таковой важности не сдѣлано, до тѣхъ поръ не исполнена обязанность». Можно соглашаться или не соглашаться съ этою мыслию В. Гюго, можно находить, что онъ напрасно придаетъ ей (въ предисловіи къ «*Avant l'exil*») значеніе какого-то новаго юва, какого-то великаго открытія; но, даже и отвергая ее, трудно ризнать ее чѣмъ-либо другимъ, какъ великодушною мечтою юта. Большинство законодательнаго собранія увидѣло въ ней не преступленіе, потому что равнодушное къ положенію ись, оно не хотѣло слышать даже о палліативныхъ, тѣмъ иже о коренныхъ мѣрахъ къ улучшенію этого положенія. Бѣ о нищетѣ, не присоединяя еще Гюго въ лѣвой сторонѣ бранія, закрыла ему доступъ въ ряды правой.

Въ большинствѣ законодательнаго собранія—это также черта одства между нимъ и большинствомъ версальскаго національ-

наго собранія—господствовали тенденціи не только реакціонныя, но и клерикальныя. В. Гюго, даже во времена наибольшаго своего политическаго консерватизма, никогда не былъ клерикаломъ, хотя въ молодости и былъ католикомъ; въ 1849 г. онъ былъ, въ религіозномъ отношеніи, тѣмъ же, чѣмъ остался и до сихъ поръ—спиритуалистомъ и деистомъ, близкимъ къ христіанству ¹⁾. Отсюда неизбежное разногласіе между нимъ и большинствомъ собранія по всѣмъ вопросамъ, касающимся католицизма и католической церкви. Капитальныхъ вопросовъ этого рода на очереди было два: одинъ въ области вѣншей политики—отношеніе Франціи къ папѣ, къ Риму, только-что занятому французскими войсками; другой въ области внутренней политики—новая организація народнаго образованія. Этимъ двумъ вопросамъ посвящены рѣчи, произнесенныя В. Гюго въ октябрѣ 1849 и январѣ 1850 г. Въ рѣчи о римскомъ вопросѣ онъ, очевидно, старается быть сдержаннымъ, потому что не потерялъ еще надежды на перемѣну въ образѣ дѣйствій президента относительно Рима ²⁾. Онъ выдѣляетъ папу изъ окружающей его среды, говоритъ съ уваженіемъ о первомъ, направляя все свое негодованіе противъ послѣдней, и только въ концѣ рѣчи, выведенный изъ терпѣнія безпрестанными перерывами, опроверженіями противниковъ, произносить нѣсколько рѣзкихъ словъ противъ политики, готовящей позоръ для Франціи, для французскаго знамени ³⁾. Какъ ни умѣренна была эта рѣчь, она довела до крайности раздраженіе большинства противъ В. Гюго. Нѣсколько дней спустя одинъ изъ вождей клерикальной партіи, Монталамберъ, восклицаетъ съ трибуны, что рукоплесканія, вызванныя рѣчью Гюго въ извѣстной части собранія (т.-е. на лѣвой сторонѣ)—достойное наказаніе для оратора. «Я принимаю это наказаніе и горжусь имъ», отвѣчаетъ В. Гюго—и лѣвая сторона скрѣпляетъ предложенный ей союзъ, встрѣчая эти слова продолжительнымъ, восторженнымъ одобреніемъ. Несмотря на это, В. Гюго все еще не считаетъ себя окончательно перешедшимъ въ ряды радикальной партіи. Въ слѣдующей своей рѣчи, произнесенной 15-го января 1850 года, онъ напоминаетъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ дѣлу порядка, объ опасности, которой

¹⁾ См. рѣчь 15-го января 1850 г. („*Avant l'exil*“, стр. 235—237) и предположеніе въ „*Avant l'exil*“ (стр. VIII, XIII).

²⁾ Незадолго передъ тѣмъ было обнародовано извѣстное письмо президента къ адъютанту его Нею, требовавшее отъ папы либеральныхъ реформъ и амнистіи.

³⁾ Въ это время, да и позже, заботливость В. Гюго о чести французскаго оружія и знамени ничѣмъ не уступаетъ заботливости о томъ же любому бонапартисту.

онъ подвергался, защищая собраніе въ іюнѣ 1848 г.; онъ спрашиваетъ своихъ противниковъ, неужели и онъ подозрителенъ въ ихъ глазахъ—и большинство отвѣчаетъ ему неистовыми криками: *да! да!* Всякое недоразумѣніе перестаетъ, такимъ образомъ, быть возможнымъ; консерваторы всѣхъ оттѣнковъ насильственно отталкиваютъ отъ себя человѣка, который до тѣхъ поръ, правда, шелъ не вмѣстѣ съ ними, но и не прямо противъ нихъ. Ярость, овладѣвшая большинствомъ и лишившая его всякаго самообладанія, объясняется тѣмъ, что рѣчь 15-го января 1850 г.—сказанная по вопросу о свободѣ преподаванія ¹⁾—одинъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ обвинительныхъ актовъ противъ клерикализма, когда-либо выслушанныхъ клерикалами. Чѣмъ неопровержимѣе факты, съ необыкновеннымъ мастерствомъ сгруппированные ораторомъ, чѣмъ неотразимѣе выводы, сдѣланные имъ изъ этихъ фактовъ, тѣмъ сильнѣе должна была разлиться желчь у всѣхъ «іезуитовъ въ короткомъ платьѣ», собиравшихся, вмѣстѣ съ Фаллу, отвести глаза самостоятельности человѣческой мысли и установить, подъ именемъ свободы преподаванія, подчиненіе его ультрамонтанскому вліянію. Съ этого дня В. Гюго сдѣлался однимъ изъ людей, наиболѣе ненавидимыхъ большинствомъ собранія.

Въ слѣдующихъ трехъ рѣчахъ, произнесенныхъ В. Гюго весной и лѣтомъ 1850 г.—о ссылке, о всеобщей подачѣ голосовъ и о свободѣ печати,—онъ является рѣшительнымъ противникомъ большинства собранія и президента республики (по всѣмъ этимъ вопросамъ дѣйствовавшихъ заодно), но не революционеромъ, даже не крайнимъ радикаломъ. Онъ возстаетъ противъ новаго вида ссылки (соединенной съ заключеніемъ въ крѣпости) во имя тѣхъ общихъ началъ, которые онъ защищалъ еще въ «*Claude Gueux*», въ «*Dernier jour d'un condamné*», во имя гуманности, чуждой всякихъ политическихъ расчетовъ и одинаково доступной для монархиста и для республиканца. Онъ отстаиваетъ всеобщую подачу голосовъ, какъ лучшую гарантію противъ восстаній, противъ междоусобной войны, противъ революцій, какъ легальное средство къ мирному разрѣшенію всѣхъ вопросовъ, волнующихъ общество. «Уничтожить вражду, обезоружить ненависть, вырвать зарядъ изъ рукъ нищеты; поднять несправедливо униженнаго человѣка и излечить больной умъ

¹⁾ Т.-е. по поводу проекта закона о новой организаціи народнаго образованія, составленнаго министромъ народнаго просвѣщенія, де-Фаллу, въ духѣ и интересахъ клерикальной партіи.

тѣмъ, что есть самаго чистаго на свѣтѣ — сознаниемъ свободно осуществляемаго права; отнять у каждаго право силы и замѣнить его долей верховности, т.-е. поставить общественный законъ на мѣсто природнаго инстинкта; показать страданію выходъ къ свѣту и счастью; отдалить сроки революцій и дать предупрежденному обществу время приготовиться къ нимъ; внушить массамъ то мужественное терпѣніе, которымъ создаются великія націи» — такова, по словамъ В. Гюго, задача всеобщей подачи голосовъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ называетъ противниковъ ея анархистами и революціонерами. Защищая свободу печати, какъ необходимое дополненіе всеобщей подачи голосовъ, какъ источникъ свѣта, въ которомъ она нуждается, онъ повторяетъ, что не хочетъ новыхъ революцій, что ожидать отъ нихъ нечего, что все зависитъ отъ мирнаго прогресса. Но оставаясь сдержаннымъ въ своихъ требованіяхъ, онъ становится все болѣе и болѣе страстнымъ и рѣзкимъ въ своихъ нападеніяхъ противъ большинства, съ своей стороны осыпающаго его оскорбленіями и бранью. «Уменьшайте сколько хотите число избирателей;» — восклицаетъ онъ въ рѣчи о всеобщей подачѣ голосовъ ¹⁾, — уменьшайте его на три, на четыре, на восемь милліоновъ! Чего вы не можете уменьшить, это — вашихъ ошибокъ, абсурдовъ вашей репрессивной политики, вашей фатальной неспособности, вашего неумѣнья понять народъ, вашей антипатіи къ нему и антипатіи, которую онъ къ вамъ чувствуетъ!» Большинство отвѣчаетъ ему личностями — напоминаніями, что онъ когда-то называлъ себя виконтомъ, что онъ получалъ пенсію отъ короля; его обвиняютъ въ томъ, что онъ льстилъ всѣмъ правительствамъ, пока они были въ силѣ, и оскорблялъ ихъ всѣхъ послѣ ихъ паденія ²⁾. «Пошлите оратора въ Бисетръ», кричитъ одинъ изъ «присяжныхъ прерывателей большинства», какъ прозвалъ ихъ В. Гюго. «И эта рѣчь будетъ стоить Франціи 25 франковъ» ³⁾, восклицаетъ другой. «Ступайте на сцену Porte Saint-Martin», прибавляетъ третій. Часто рѣчь В. Гюго прерывается на нѣсколько минутъ невообразимымъ шумомъ и волненіемъ: депутаты пра-

¹⁾ По поводу закона 31 мая 1850 г., устранившаго отъ участія въ выборахъ всѣхъ избѣгающихъ осадность въ мѣстѣ послѣдняго своего жительства неимѣющихъ сроду, т.-е. массу рабочаго класса.

²⁾ Мы знаемъ уже, до какой степени это обвиненіе неосновательно и несправедливо. В. Гюго два раза отвѣчалъ на него побѣдоносно („*Avant l'exil*“, стр. 291 и 843), но это не мѣшало его противникамъ повторять при всякомъ удобномъ случаѣ старую глупость.

³⁾ Представители народа получали тогда по 25 франковъ въ день.

вой стороны встають съ своихъ мѣсть, окружають трибуну и обращаются къ оратору съ угрожающими возгласами; президентъ (Дюпенъ старшій, покорный слуга всякой реакціи) чаще присоединяется къ этимъ выходкамъ, чѣмъ останавливаетъ ихъ. Больше бурныхъ сценъ не представляетъ даже исторія версальскаго національнаго собранія.

Наступаетъ 1851 годъ, ознаменованный съ самаго начала увеличивающимися требованіями президента, слухами о замышляемомъ имъ государственномъ переворотѣ, разрывомъ между нимъ и большинствомъ собранія. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ отдѣленій собранія ¹⁾, В. Гюго высказываетъ недовѣріе къ президенту, съ большою проницательностью угадывая опасность, которою онъ угрожаетъ республикѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ въ законодательномъ собраніи обсуждается вопросъ о пересмотрѣ конституціи, поставленный президентомъ республики съ цѣлью сдѣлать возможнымъ продленіе его власти ²⁾ и приготовить такимъ образомъ, безъ явнаго нарушенія закона, переходъ отъ республики къ монархіи. Кульминаціоннымъ пунктомъ преній по этому вопросу была (17-го іюля) рѣчь В. Гюго, конечно возставшаго противъ пересмотра конституціи ³⁾. Никто не отнесся съ большею откровенностью къ стремленіямъ партій, высказаннымъ и невысказаннымъ; никто не заклеимилъ съ такою силой политику и тайные замыслы Людовика-Наполеона. Въ этой рѣчи были произнесены знаменитыя слова: «après Auguste, Augustule! après Napoléon le Grand, Napoléon le Petit!» Это была послѣдняя рѣчь В. Гюго въ законодательномъ собраніи, послѣдняя рѣчь его съ французской трибуны передъ девятнадцатилѣтней его разлукой съ Франціей. Остановимся на ней, чтобы окончательно опредѣлить настроеніе духа и образъ мыслей В. Гюго передъ наступленіемъ второго критическаго момента его политической жизни.

Возражая на рѣчь В. Гюго по поводу пересмотра конституціи, враги его — въ особенности Барошъ, тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ — старались, между прочимъ, доказать, что

¹⁾ По вопросу объ увеличеніи содержанія президента республики, согласно его просьбѣ („*Avant l'exil*“, стр. 498).

²⁾ На основаніи конституціи 1848 г. (ст. 45 и 46) полномочіе президента оканчивалось въ маѣ 1852 г., и онъ могъ быть избранъ вновь не раньше, какъ черезъ четыре года.

³⁾ За пересмотръ было подано больше голосовъ, чѣмъ противъ него, но онъ не могъ состояться, потому что на основаніи конституціи 1848 г. (ст. 111) для него требовалось большинство трехъ четвертей голосовъ.

она находится въ явномъ противорѣчїи съ извѣстной избирательной его программой 1848 г.; Гюго утверждать, наоборотъ, что остался ей совершенно вѣренъ. Кто былъ правъ въ этомъ спорѣ? Намъ кажется, что во всякомъ случаѣ гораздо больше—Гюго, чѣмъ его противники. Мы видѣли уже, что въ программѣ 1848 г. ясна и опредѣленна только отрицательная сторона, отвергающая насилие и мятежъ, терроръ и коммунизмъ. Во всѣхъ рѣчахъ, произнесенныхъ Гюго съ трибуны законодательнаго собранія, нельзя найти ни одного слова, которое было бы несогласно съ этою стороною программы. Что касается до положительной ея стороны, то она была набросана въ такихъ общихъ чертахъ, что прямымъ уклоненіемъ отъ нея былъ бы развѣ переходъ Гюго въ ряды реакціонной партіи, съ стремленіями которой мечты и надежды, выраженные имъ въ 1848 г., во всякомъ случаѣ не имѣли ничего общаго. Но если рѣчь 17 іюня 1851 г. не можетъ быть признана отступленіемъ отъ программы 1848 г., то она несомнѣнно содержитъ въ себѣ существенное дополненіе къ ней. Въ этой рѣчи въ первый разъ обнаруживается съ полною очевидностью вліяніе той среды, къ которой применилъ Гюго послѣ разрыва съ большинствомъ — вліяніе крайней лѣвой стороны собранія, съ ея одностороннимъ пониманіемъ эпохи и народа, съ ея доктринерствомъ, съ ея несвободнымъ отношеніемъ къ преданіямъ первой революціи. Только этимъ вліяніемъ можно объяснить нападенія Гюго противъ несмѣняемости судей, — которыхъ онъ хочетъ сдѣлать независимыми отъ правительства, но зависимыми отъ избирателей, — и предложеніе его призвать народъ къ непосредственному и окончательному разрѣшенію всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, съ предоставленіемъ меньшинству собранія права во всякое время апеллировать къ народу. И теперь, однако, Гюго является далеко не во всемъ солидарнымъ съ своими союзниками. Онъ продолжаетъ ставить общественные вопросы выше вопросовъ чисто политическихъ, продолжаетъ проповѣдывать согласіе, прекращеніе интригъ и ссоръ, чистосердечное отреченіе отъ прошедшаго и примиреніе съ настоящимъ. Здравый практическій смыслъ преобладаетъ еще въ Гюго надъ наклонностью къ утопіи; фразы и громкія слова еще не заглушили въ немъ трезваго, простаго отношенія къ дѣлу. Нужно было изгнаніе, долговременное изгнаніе, чтобы оторвать его отъ почвы дѣйствительности, чтобы сдѣлать его тѣмъ политическимъ донъ-Кихотомъ, каковымъ мы его увидимъ, когда перейдемъ отъ «*Avant l'exil*» къ «*Pendant l'exil*».

Содержанію рѣчей, произнесенныхъ В. Гюго въ законодательномъ собраніи, соответствуетъ и форма ихъ, одинаково далекая и отъ безцвѣтности рѣчей, сказанныхъ имъ въ качествѣ пера Франціи и члена учредительнаго собранія, и отъ напыщенности, вычурности его рѣчей позднѣйшаго времени. Рѣчи 1849—51 г. могутъ быть отнесены къ числу лучшихъ литературныхъ произведеній В. Гюго, къ числу лучшихъ образцовъ французскаго ораторскаго искусства. Въ предисловіи къ «*Avant l'exil*» В. Гюго говоритъ, что всѣ эти рѣчи были имъ импровизованы—и это вполне подтверждается свѣжестью, непринужденностью ихъ, не имѣющею ничего общаго съ тѣмъ искусственнымъ слогомъ, который составляетъ отличительную черту прозы В. Гюго (особенно въ его новѣйшихъ сочиненіяхъ, начиная съ «*Misérables*»). Въ искреннихъ, горячихъ словахъ оратора чувствуется наполненная электричествомъ, но оживляющая, ободряющая атмосфера борьбы, которою онъ дышалъ въ законодательномъ собраніи, слышатся честныя усилія найти истину посреди противорѣчій, возвыситься и возвысить другихъ надъ мелкими страстями и вопросами минуты. Еще недавно терявшійся среди массы депутатовъ, умѣющихъ произнести съ трибуны рядъ гладкихъ, правильныхъ предложеній, но безсильныхъ подняться до настоящей ораторской рѣчи, В. Гюго быстро пріобрѣтаетъ качества, необходимыя для первостепенной роли въ политическомъ собраніи—находчивость въ репликахъ, умѣнье не только не смущаться перерывами, но, напротивъ, черпать въ нихъ новую силу, привычку отдѣлять существенное отъ несущественнаго и сосредоточиваться на одномъ первомъ, способность находить и раскрывать слабую сторону противника, искусство располагать аргументы, безъ всякой натяжки, въ такомъ порядкѣ, чтобы сила ихъ постепенно возрастала и послѣдній ударъ былъ рѣшительнѣе всѣхъ предыдущихъ. Во время рѣчи о народномъ образованіи его прерываютъ члены большинства: «господа,—говоритъ имъ ораторъ,—вы увѣряете, что хотите свободы преподаванія—постарайтесь же пожелать немного свободы и для трибуны!» Во время рѣчи Гюго о пересмотрѣ конституціи президентъ, оправдывая безпрестанные перерывы ея большинствомъ, ссылается на авторитетъ Ройе-Коллара, съ цѣлью доказать, что заставить себя слушать—дѣло самаго оратора. «На цитату изъ Ройе-Коллара,—говоритъ Гюго,—я отвѣчу г. президенту цитатой изъ Шеридана: *когда президентъ перестаетъ охранять права оратора, свобода трибуны болѣе не существуетъ*». Въ рѣчи о народномъ образованіи, обрисовавъ въ яркомъ свѣтѣ стремленія и цѣли клерикаловъ, В. Гюго

обращается къ нимъ съ слѣдующею апострофой: «вы требуете свободы обученія! Будемъ откровенны, назовемъ настоящимъ именемъ свободу, которой вы хотите—это *свобода ничему не обучать!*» Законъ 31 мая 1850 г., названный его авторами *закономъ о всеобщей подачѣ голосовъ*, но направленный на самомъ дѣлѣ къ ея уничтоженію, В. Гюго характеризуетъ такъ: «не рѣшаюсь сказать, что этотъ законъ составленъ Тартюфомъ—но окрещенъ онъ несомнѣнно Эскабаромъ!» Совокупность мѣръ, предложенныхъ правительствомъ въ 1850 г. противъ свободы печати, В. Гюго называетъ «костромъ для прессы, насколько такой костеръ въ настоящую минуту возможенъ». Чтобы дать полное понятіе о краснорѣчіи В. Гюго, мы должны были бы сдѣлать обширныя выписки изъ его рѣчей, чего не позволяютъ предѣлы нашей статьи; ограничимся по необходимости одной цитатой изъ рѣчи о свободѣ печати ¹⁾. «Во Франціи и въ Европѣ,—говоритъ ораторъ,—образовалась большая партія страха, боязни (*le parti de la peur*), спрашивающая себя, гдѣ источникъ зла, кто его виновникъ, противъ кого слѣдуетъ направить преслѣдованія и удары? На этотъ вопросъ въ Европѣ отвѣчаютъ: *источникъ зла—Франція; во Франціи: источникъ зла—Парижъ; въ Парижѣ: источникъ зла—пресса*. Нѣтъ, виновникъ, котораго вы ищете—это не Франція, не Парижъ, не пресса; это человѣческій умъ, который съ самаго начала вещей изслѣдуетъ, обсуждаетъ, сомнѣвается, споритъ, утверждаетъ, безъ отдыха работаетъ надъ задачей, поставленной Создателемъ на разрѣшеніе созданія; человѣческій умъ, постоянно преслѣдуемый, оттѣсняемый, подавляемый, но исчезающій только для того, чтобы вновь появиться, и воплощающійся изъ вѣка въ вѣкъ въ лицѣ великихъ агитаторовъ—Гуса, Лютера, Вольтера, Мирабо. Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ исторія, человѣческій умъ, преобразуя общества и правительства, осуществляетъ въ нихъ законъ, все болѣе и болѣе согласный съ разумомъ. Онъ былъ Вавилономъ, Тиромъ, Иерусалимомъ, Афинами, Римомъ, а теперь является Парижемъ; онъ принималъ поочереды, а иногда и въ одно и то же время, форму ошибки, иллюзіи, ереси, протеста, истины; онъ служилъ великимъ пастыремъ поколѣній, и въ общемъ результатѣ постоянно шелъ къ истинному, прекрасному и справедливому, просвѣщая массы, возвышая душу и все болѣе и болѣе приближая

¹⁾ Эта рѣчь, вмѣстѣ съ рѣчами о снѣлѣхъ и о свободѣ преподаванія, а также съ судебной рѣчью о смертной казни, произнесенной В. Гюго въ 1851 г. передъ судомъ присяжныхъ, въ защиту своего сына Шарля,—замѣчательнѣе всѣхъ другихъ въ отношеніи къ формѣ, къ ораторскому краснорѣчію.

народы къ праву, человека — къ Богу! И вотъ, я обращаюсь къ партіи страха, не въ стѣнахъ только этой палаты, а повсюду въ Европѣ, и говорю ей: подумайте о томъ, что вы предпринимаете, и прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, измѣрьте, взвѣсьте его. Положимъ, вамъ удастся уничтожить прессу — останется еще уничтожить Парижъ. Уничтожьте Парижъ — останется еще уничтожить Францію. Уничтожьте Францію — останется еще убить человѣческій умъ. Да, пускай партія страха уничтожить прессу до послѣдняго журнала, Парижъ до послѣдняго камня, Францію до послѣдней деревни — дѣло ея не будетъ окончено, даже не будетъ начато. Ей будетъ еще предстоять уничтоженіе того, что возвышается надъ поколѣніями, стоитъ непоколебимо какъ-бы между человекомъ и Богомъ, того, что написало всѣ книги, изобрѣло всѣ искусства, открыло всѣ міры, основало всѣ цивилизаціи, того, что неуловимо какъ свѣтъ и недоступно какъ солнце, и чему имя — человѣческій умъ!»

IV.

Переворотъ 2 декабря 1851 г. засталъ В. Гюго въ полномъ цвѣтѣ силъ (ему не было еще пятидесяти лѣтъ) и въ полномъ разгарѣ политической жизни, могучимъ и популярнымъ ораторомъ, вліятельнымъ членомъ лѣвой стороны собранія. Передъ нимъ раскрывалась широкая, блестящая будущность; предстояшіе въ маѣ 1852 г. общіе выборы могли дать большинство демократической партіи, могли призвать Гюго къ власти, проложить для него дорогу даже къ первому мѣсту въ республикѣ. Понятно, какую глубокую скорбь, какое пламенное негодованіе должно было вызвать въ Гюго одновременное, внезапное разрушеніе всѣхъ его общихъ и личныхъ надеждъ — торжество реакціи въ самой худшей ея формѣ, пораженіе Франціи презираемымъ врагомъ, устраненіе демократіи на неопредѣленное время не только отъ власти, но даже отъ права на свободное существованіе. Переходъ отъ усиленной дѣятельности къ томительному бездѣйствію, отъ бурь трибуны къ тишинѣ изгнанія можетъ быть перенесенъ спокойно и безвредно только тѣмъ, въ комъ наклонность къ созерцанію сильнѣе, чѣмъ наклонность къ борьбѣ, любовь къ кабинетному труду больше, чѣмъ любовь къ публичной жизни. Въ В. Гюго трехлѣтняя парламентская дѣятельность развила послѣднія изъ этихъ свойствъ въ ущербъ первымъ; изгнаніе, поэтому, должно было лечь на него особенно тяжелымъ, не-

выносимымъ бременемъ, должно было болѣзненно отзываться на всей его природѣ. Съ другой стороны, нормальная политическая жизнь возможна только на той почвѣ, въ той средѣ, съ которою она имѣетъ дѣло, отъ которой исходить и къ которой возвращается. Вдали отъ родины трудно поддерживать живую связь съ нею, сохранять чуткость къ происходящимъ въ ней переменамъ, идти однимъ шагомъ съ ея внутреннимъ движеніемъ; и эта трудность, конечно, возрастаетъ по мѣрѣ продолжительности разлуки съ родиной. Въ особенности велика опасность разлада между изгнанникомъ и его отечествомъ, если въ послѣднемъ не царствуетъ застой, а совершаются крупныя событія, нарождаются новыя потребности, усложняются отношенія и стремленія партій. На Гарибальди, до 1848 и послѣ 1849 г., отдаленіе отъ Италіи не оказало никакого замѣтнаго вліянія, потому что во все это время въ Италіи зрѣло одно только страстное и простое чувство—вражда къ иностранному владычеству, желаніе освободиться отъ него во что бы то ни стало. Это же чувство всецѣло одушевляло Гарибальди—и возвращаясь въ Италію, онъ оба раза находилъ родственную для себя сферу, единоклубную съ нимъ какъ въ опредѣленіи цѣли, такъ и въ выборѣ средствъ для ея достиженія. Не таково было взаимное отношеніе декабрьскихъ изгнанниковъ и Франціи временъ второй имперіи. Мертвенная неподвижность, наступившая послѣ 2 декабря 1851 г., продолжалась недолго: уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ движеніе умовъ во Франціи возобновилось и шло постоянно усиливаясь и расширяясь до самаго 1870 г., выставляя новыхъ людей, порождая новые вопросы, новые интересы. В. Гюго и политическіе друзья его, отказавшіеся вмѣстѣ съ нимъ воспользоваться амнистіей 1859 г., оставались въ сторонѣ отъ этого движенія, не знали и не понимали его, и—что всего хуже—считали себя, однихъ себя привилегированными хранителями священнаго огня, погашеннаго во Франціи декабрьскимъ переворотомъ. Еще въ 1869 г. В. Гюго называлъ себя представителемъ народа, въ силу полномочія, даннаго ему избирателями въ 1849 г., и объявлялъ, что возвратится во Францію не иначе, какъ въ этихъ качествахъ. Вокругъ него—какъ это всегда бываетъ въ изгнаніи съ наиболѣе выдающимися личностями—образовалась небольшая когорта изъ лицъ, безусловно ему преданныхъ, поклонявшихся его таланту, его политическому гению, благоговѣнно внимавшихъ каждому его слову. Такіе почитатели бывали у него и во Франціи, но вліяніе ихъ уравнивалось тамъ нападеніями критиковъ, скептицизмомъ людей равнодушныхъ, капризными во-

лебаніями публики, постояннымъ сопривосновеніемъ съ равноправными и равносильными соперниками или союзниками. Теперь всѣ эти здоровые, возбуждающіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сдерживающіе элементы уступили мѣсто уединенію изгнанія, ореолу политическаго мученичества, искусственной атмосферѣ, кружащей голову и туманящей зрѣніе. Отдаленный шумъ порицаній, насмѣшекъ и упрековъ—въ большинствѣ случаевъ, притомъ, исходившихъ изъ нечистаго источника—не могъ заглушить рукоплесканій, раздававшихся вблизи и повторявшихся при каждомъ удобномъ случаѣ. Джерсейское или Гернсейское убѣжище обратилось мало-по-малу, въ глазахъ Гюго и его сендовъ, въ какой-то треножникъ, съ котораго прорицаетъ вдохновенный оракулъ, въ какую-то трибуну, на которой стоитъ будущій президентъ будущихъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ.

Въ какомъ фальшивомъ, неестественномъ свѣтѣ представлялось и представляется Гюго его тогдашнее положеніе—объ этомъ можно судить какъ по рѣчамъ и статьямъ, напечатаннымъ въ «Pendant l'exil», такъ и въ особенности по предисловію къ этому сборнику, написанному въ 1875 г., черезъ пять лѣтъ послѣ возвращенія Гюго во Францію, и все-таки исполненному самыхъ странныхъ иллюзій. Рисуя, въ этомъ предисловіи, общій типъ изгнанника, Гюго заимствуетъ всѣ главныя черты его изъ своей собственной личности, какою онъ ее видитъ сквозь призму самообольщенія, взлѣтѣннаго годами. «Думать, мыслить, страдать, быть одинокимъ и чувствовать себя вмѣстѣ со всѣми; ненавидѣть успѣхъ зла, но относиться съ состраданіемъ къ счастью злыхъ; укрѣплять свои гражданскія чувства и очищать свои философскія воззрѣнія; быть бѣднымъ и поправлять свое состояніе трудомъ¹⁾; не имѣть другого гнѣва, кромѣ гнѣва общественнаго, не знать личной ненависти; дышать живымъ воздухомъ уединенія, погружаться въ великую абсолютную мечту; смотрѣть вверхъ, не теряя изъ виду того, что внизу; не доводить созерцанія идеала до забвенія о тиранѣ; сознавать въ себѣ самомъ великолѣпную смѣсь увеличивающагося негодованія и возрастающаго успокоенія; имѣть двѣ души, свою собственную и душу отечества—таковы великія стороны изгнанія... Прибавьте къ этому преданность всеобщему страданію. Изгнанникъ испытываетъ великодушное удовольствіе при мысли, что онъ не бесполезенъ. Раненый,

¹⁾ По словамъ В. Гюго, въ моментъ изгнанія у него оставалось только 7½ тысячъ франковъ годового дохода, на который онъ долженъ былъ содержать семью въ десять душъ (предисловіе къ „Pendant l'exil“, стр. XXXV).

окровявленный, онъ забываетъ о самомъ себѣ и перевязываетъ язву, отъ которой страдаетъ человѣчество. Можетъ показаться, что онъ мечтаетъ; нѣтъ, онъ ищетъ того, что реально—скажемъ больше, онъ его находитъ... Ни одинъ изъ шаговъ его на берегу моря не остается безплоднымъ. Онъ заключаетъ братскій союзъ съ бездною; онъ видитъ безконечное, онъ слышитъ никому неизвѣстное. Великій мрачный голосъ говорить съ нимъ. Строгія аналогіи поучаютъ и наставляютъ его. Фатальный, гонимый, задумчивый, онъ сравниваетъ себя съ тучами, дуновѣніями вѣтра, орлами—и убѣждается, что судьба его черна и громоносна какъ тучи, что гонители его преходящи какъ вѣтеръ, что душа его свободна какъ орелъ. Онъ исполненъ благосклонности; онъ любитъ розы, гнѣзда, капризный полетъ бабочекъ; онъ созерцаетъ сады и луга, вслѣживается тайны травы, изучаетъ республики муравьевъ и пчелъ; онъ часто бываетъ тронутъ до слезъ, потому что природа прекрасна; его занимаютъ позы скалъ (*les attitudes des rochers l'occupent*); зимой онъ крошитъ на снѣгу хлѣбъ для птицъ. Отъ времени до времени ему говорятъ: знаете ли, такой-то видъ наказанія отмѣненъ, такая-то голова осужденнаго не упадетъ—и онъ поднимаетъ руки къ небу ¹⁾. Итакъ, изгнанникъ—это В. Гюго, а В. Гюго—это соединеніе всего великаго и прекраснаго, всего мрачнаго и нѣжнаго, всего фатальнаго и трогательнаго. Въ приведенныхъ нами отрывкахъ—къ которымъ мы могли бы прибавить множество другихъ, напыщенныхъ иногда почти до непереводаемости ²⁾, слѣдуетъ видѣть не только рядъ громкихъ фразъ, сказанныхъ съ цѣлью полюбоваться ихъ эффектомъ, но и искреннее мнѣніе В. Гюго о томъ значеніи, какое имѣли для Франціи, для всего міра годы, проведенные имъ въ изгнаніи. Если это мнѣніе похоже на бредъ челоуѣка, одержимаго мономаніей величія, то изгнаніе, со всѣми своими послѣдствіями, дѣйствительно развило въ Гюго нѣчто въ родѣ такой мономаніи. Съ помощью матеріаловъ, собранныхъ въ «*Pendant l'exil*», мы можемъ прослѣдить шагъ за шагомъ исторію этой болѣзни.

Первые мѣсяцы послѣ декабрьскаго переворота В. Гюго проводитъ въ Бельгіи и посвящаетъ ихъ составленію двухъ обвинительныхъ актовъ противъ Людовика-Наполеона и его сообщника

¹⁾ Предисловіе къ „*Pendant l'exil*“, стр. XVI—XX. Въ послѣднихъ словахъ заключается намекъ на постоянную борьбу В. Гюго противъ смертной казни.

²⁾ См. напр. предисловіе къ „*Pendant l'exil*“, стр. III, XIII, XXXIX, XLII, „*Pendant l'exil*“, стр. 188, 268, 387.

ковъ, одного въ прозѣ — «Napoléon le Petit», другого въ стихахъ — «Les châtimens»¹⁾. Принцъ-президентъ требуетъ высылки изъ Бельгіи Гюго и нѣкоторыхъ другихъ французскихъ выходцевъ, и бельгійское правительство, слишкомъ слабое для того, чтобы противиться опасному сосѣду, исполняетъ его требованіе, основываясь на специально составленномъ и изданномъ для того законѣ (loi Faider). Гюго принимаетъ этотъ законъ лично на свой счетъ и начинаетъ считать себя силой, не уступающей въ своемъ родѣ могуществу французскаго правительства. Онъ воображаетъ себѣ, что одно его имя наводитъ страхъ на враговъ, что одно его слово заставляетъ трепетать вѣнчаннаго узурпатора, несмотря на сотни тысячъ окружающихъ его гражданскихъ и военныхъ тѣлохранителей. Понятно, что такая мысль — въ основаніи которой лежитъ несомнѣнно вѣрный, но въ тысячу разъ преувеличенный фактъ — сразу ставитъ Гюго, въ его собственныхъ глазахъ, на пьедесталъ недосыгаемо-высокій. Онъ поселяется на островѣ Джерсеѣ, одномъ изъ сборныхъ пунктовъ европейской политической эмиграціи — особенно многочисленной и разнообразной именно въ то время, въ эпоху повсемѣстной реакціи противъ революціонныхъ движеній 1848 и 1849 гг., — и вѣздитъ отъ времени до времени въ Лондонъ, т.-е. въ настоящую столицу этой эмиграціи. На митингахъ и банкетахъ эмигрантовъ онъ произноситъ громоносныя рѣчи, встрѣчаемыя восторженнымъ одобреніемъ, — и ему начинаетъ казаться, что онъ одно изъ средоточій новой Европы, одинъ изъ вождей великаго похода противъ стараго порядка вещей. Въ 1854 г., по поводу присужденія на островѣ Джерсеѣ одного преступника, Тапнера, къ смертной казни, онъ возобновляетъ давно предпринятую имъ агитацію противъ этого вида наказанія. Сначала она, повидимому, имѣетъ успѣхъ, казнь Тапнера нѣсколько разъ откладывается по распоряженію англійскаго министерства; въ концѣ-концовъ, однако, приговоръ приводится въ исполненіе, и В. Гюго приписываетъ эту неудачу внимательству французскаго посла въ Лондонѣ, будто бы представившаго лорду Пальмерстону, что неприлично было бы помиловать Тапнера по настоянію эмигранта, мятежника, лично враждебнаго императору французовъ, а слѣдовательно и союзницѣ его — королевѣ англійской²⁾. Это до крайности невѣроятное предположеніе еще разъ убѣждаетъ Гюго въ томъ, что онъ —

1) Въ то же самое время, какъ мы узнаемъ изъ „Pendant l'exil“, В. Гюго написалъ „Histoire du deux Décembre“, но она еще не напечатана.

2) Это было время такъ-называемой entente cordiale Франціи и Англіи противъ Россіи.

сила, для борьбы съ которою французское правительство не отступает ни передъ какимъ средствомъ. Въ 1855 г. Гюго вынужденъ оставить островъ Джерсей, по его словамъ, вслѣдствіе распоряженія англійскаго правительства, вызваннаго настояніями Наполеона, по другимъ свѣдѣніямъ—вслѣдствіе желанія самихъ жителей острова (пользующагося почти полною автономіею), возмущенныхъ рѣзкими выходками кружка, средоточіемъ котораго былъ В. Гюго. Не беремся рѣшить, которое изъ этихъ объясненій ближе къ истинѣ, хотя въ пользу послѣдняго можно привести одно весьма сильное доказательство—фактъ переселенія Гюго съ Джерсея на Гернсей, гдѣ онъ и жилъ постоянно до 1870 г. Еслибы удаленіе Гюго съ Джерсея было любезностью, оказанною англійскимъ правительствомъ Наполеону III, то Гюго едва-ли было бы позволено поселиться на Гернсеѣ, столь же близкомъ къ Франціи, какъ и Джерсей, и наравнѣ съ нимъ зависимомъ отъ Англіи. Одно для насъ во всякомъ случаѣ несомнѣнно—это то, что сцена объявленія В. Гюго распоряженія объ удаленіи его съ Джерсея не могла происходить такъ, какъ она описана въ «*Pendant l'exil*». Величественное спокойствіе В. Гюго, длинныя рѣчи, произносимыя имъ и съ почтительною робостью выслушиваемыя англійскими чиновниками—все это относится очевидно къ области фантазіи ¹⁾.

Какъ бы то ни было, послѣ переселенія на Гернсей, В. Гюго больше чѣмъ когда-либо считаетъ себя страдальцемъ за правду и мученикомъ за свои политическія убѣжденія. Онъ до такой степени свыкается съ этою ролью, что не рѣшается разстаться съ нею даже тогда, когда амнистія 1859 года открываетъ ему доступъ во Францію. «Никто не станетъ ожидать отъ меня,—говоритъ онъ въ *декларации* 18-го августа 1859 г.,—чтобы я, насколько это лично до меня касается, подарилъ хоть минуту вниманія такъ-называемой амнистіи. При настоящемъ положеніи Франціи, протестъ абсолютный, непреклонный, вѣчный — вотъ долгъ мой. Вѣрный обязательству, принятому мною передъ моею совѣстью, я до конца буду раздѣлять изгнаніе свободы. Когда она возвратится, возвращусь и я». Положимъ, что въ 1859 г. политическая дѣятельность во Франціи была для Гюго почти невозможна (хотя уже въ это время къ законодательномъ корпусѣ

¹⁾ Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно привести послѣднія слова сцены («*Pendant l'exil*» стр. 154): „Теперь, г. коннетабль, вы можете удалиться и донести объ исполненіи вашего порученія вашему начальнику-губернатору, который донесетъ о томъ же своему начальству—англійскому правительству, а послѣднее своему начальнику—г. Бонапарте“.

существовала знаменитая группа *пяти* оппозиционных депутатов); но въ продолженіи слѣдующаго десятилѣтія обстоятельства существенно измѣняются къ лучшему—въ 1860 г. вновь возникаетъ парламентская жизнь, въ 1863 г. оппозиція въ законодательномъ корпусѣ приобретаетъ значительную силу, въ 1868 г. печать получаетъ сравнительно большую долю свободы, въ 1869 г. имперія окончательно вступаетъ на путь парламентаризма,—а Гюго все остается вдали отъ Франціи, повторяя старую формулу протеста, давно потерявшую всякій смыслъ. Да и зачѣмъ ему становиться въ ряды воинствующей оппозиціи, раздѣлять парламентскую славу съ Фавромъ и Симономъ, Гриви и Гамбеттой, когда уединенное положеніе его на Гернсеѣ такъ рѣзко выделяетъ его изъ среды его политическихъ единовѣрцевъ? Въ законодательномъ корпусѣ онъ былъ бы однимъ изъ многихъ—здѣсь онъ одинокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на виду у всѣхъ, «какъ городъ на горѣ», здѣсь онъ можетъ играть роль средневѣковаго пустыинника, къ которому со всѣхъ сторонъ стекаются за наставленіями и совѣтами. «Къ нему, несчастному, — говоритъ онъ про себя въ предисловіи къ «*Pendant l'exil*», — обращались за помощью всякіе несчастные—не только отдѣльныя личности, но и народы; не только народы, но и совѣсти (?); не только совѣсти, но и истины. Ему было дано протянуть руку, съ вершины своего утеса, идеалу, упавшему въ бездну. Ему по временамъ казалось, что будущее, среди грозящихъ ему опасностей, старается пристать къ его скалѣ». Это колоссальное самообольщеніе—въ Парижѣ, среди волненій дѣйствительной политической жизни, оно было бы невозможно—заставляетъ Гюго считать себя совѣтникомъ народовъ, судьей правительствъ, прорицателемъ будущаго. Уже въ 1856 г. онъ уговариваетъ итальянцевъ ничего не ожидать отъ королей и надѣяться только на себя и на Бога. Въ 1859 г. онъ пишетъ письмо Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, убѣждая ихъ не пятнать себя вровью Джона Броуна (слѣдоваго, въ Виргиніи, попытку насильственно освободить невольниковъ). Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ обращается къ нимъ же съ приглашеніемъ помочь освобожденію грековъ (въ областяхъ, еще подвластныхъ Турціи), какъ-бы въ уплату Франціи за то, что они должны ей со времени Лафайета. Онъ требуетъ отъ Англіи, чтобы она не казнила смертью плѣнныхъ феніевъ. Онъ проситъ Хуареса пощадить Максимилиана, испанцевъ (послѣ наденія престола Изабеллы)—не возстановлять монархію и отказаться отъ Кубы. Онъ шлетъ воззванія кандидатамъ, сражающимся противъ турокъ, и кубанскимъ женщинамъ, сра-

жающимъ противъ испанцевъ. Всѣ бѣдствія послѣдняго времени произошли отъ того, что его не слушались, не внимали его увѣщаніямъ и совѣтамъ. Мы не шутимъ—въ предисловіи къ «*Rependant l'exil*» В. Гюго утверждаетъ это совершенно серьезно. «Джонъ Броунъ побѣжденъ въ Гарперсъ-Ферри. Государственные люди (*какіе?*) говорятъ: казните его. Изгнанники говорятъ: пощадите его. Джона Броуна вѣшаютъ; союзъ расторгается, вспыхиваетъ междоусобная война. Еслибы Джонъ Броунъ остался въ живыхъ, Америка осталась бы въ цѣлости. Съ точки зрѣнія факта, кто былъ правъ—практическіе люди или *человѣкъ химеръ*, какъ называли изгнанника?.. Другой случай: Изабелла низвергнута съ престола. Чѣмъ сдѣлается Испанія—республикой или монархіей? Будь монархіей, говорятъ ей государственные люди; будь республикой, говорить ей изгнанники. Человѣка химеръ не слушаютъ, практическіе люди одерживаютъ верхъ. Испанія опять становится монархіей—и падаетъ изъ рукъ Изабеллы въ руки Амедея, изъ рукъ Амедея въ руки Альфонса, въ ожиданіи Карлоса. Это касается только Испаніи. Но вотъ что касается цѣлаго міра: эта монархія, ищущая монарха, даетъ предлогъ къ вопросу о гогенцоллернскомъ принцѣ; отсюда западня, устроенная Пруссіею, отсюда закланіе Франціи, отсюда Седанъ, отсюда поворотъ и мракъ. Представьте себѣ Испанію республикой—и нѣтъ предлога къ западнѣ, нѣтъ гогенцоллернскаго принца, нѣтъ катастрофы. Совѣтъ, данный изгнанникомъ, былъ, слѣдовательно, совѣтъ мудрый». Трудно вообразить себѣ болѣе глубокое ослѣпленіе, болѣе полное непониманіе послѣдовательности и связи историческихъ событій. Разрывъ между сѣверными и южными штатами былъ необходимъ, неизбеженъ, и его, конечно, не предупредило бы оправданіе или помилованіе Джона Броуна. Если кандидатура принца гогенцоллернскаго на испанскій престолъ была, по выраженію самого Гюго, *предлогомъ* къ войнѣ между Пруссіей и Франціей, то за отсутствіемъ этого предлога непременно нашелся бы другой, и измѣнился бы только моментъ столкновенія, въ сущности неотвратимаго. Притомъ, неужели Испанія, рѣшая судьбу свою, могла и должна была принимать въ соображеніе возможность тѣхъ или другихъ послѣдствій ея рѣшенія для Франціи, для Европы? Въ своихъ историческихъ взглядахъ В. Гюго стоитъ на той устарѣвшей, метафизической точкѣ зрѣнія, съ которой свобода воли народа въ выборѣ извѣстной формы государственнаго или общественнаго устройства представляется ничѣмъ не ограниченной, безусловной. Онъ думаетъ, что республика можетъ быть создана по его прошенью, по

щучьему велѣнью; онъ не придаетъ никакого значенія прошедшему страны, степени развитія народа, его страстямъ и интересамъ; онъ вѣрить въ универсальныя средства, годныя при всякомъ положеніи, во всякое время и для всякаго паціента, и спѣша прописывать всѣмъ и каждому свои любимыя рецепты, удивляется тупости или упорству тѣхъ, кто не спѣшитъ пользоваться ими. За то въ другихъ случаяхъ, когда вслѣдствіе случайнаго совпаденія обстоятельствъ результатъ, къ которому стремился Гюго, оказывается достигнутымъ, онъ, не колеблясь, присвоиваетъ себѣ эту заслугу. Въ Женевѣ составляется проектъ новой конституціи, удерживающей смертную казнь; В. Гюго, по просьбѣ одного изъ женевскихъ радикаловъ, пишетъ ему письмо, въ которомъ возстаетъ противъ смертной казни; «письмо это публикуется, происходитъ голосованіе—и проектъ отвергается народомъ». *Post hoc, ergo propter hoc*. Такимъ же точно образомъ В. Гюго приписываетъ себѣ помилованіе осужденныхъ феніевъ, помилованіе семи изъ числа девяти подсудимыхъ, приговоренныхъ къ смерти въ Бельгій 1). Нельзя не замѣтить, что иллюзіямъ В. Гюго не мало способствовали письма, воззванія, приходившія къ нему съ разныхъ концовъ Европы и Америки, съ просьбой замолвить слово въ пользу того или другого дѣла; но эти единичныя просьбы тотчасъ же, силою какой-то фантазмагоріи, превращались въ его глазахъ въ мольбу цѣлой партіи, цѣлаго народа, на имя которыхъ онъ и адресовалъ свои отвѣтныя пастырскія посланія. Въ основаніи этихъ посланій безспорно лежала вѣра въ могущество слова—но еще сильнѣе слышалась въ нихъ вѣра въ авторитетъ В. Гюго, въ обаяніе его имени. По мысли ихъ автора, они были достаточно убѣдительны уже потому, что отъ него исходили; иначе нельзя объяснить ихъ учительскій тонъ, ихъ догматическій законизмъ, ихъ проповѣдническій пафосъ. Мы, конечно, далеки отъ мысли, чтобы объ испанскихъ дѣлахъ могли судить одни испанцы, объ американскихъ—одни американцы. Нѣтъ такого вопроса, по которому писатель, политическій дѣятель не имѣлъ бы права высказать свое мнѣніе; столь же законна надежда, что мнѣніе это будетъ кѣмъ-нибудь услышано и не пройдетъ совершенно безслѣдно. Но при этомъ никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что слово убѣжденія дѣйствуетъ медленно, постепенно, въ границахъ, начертанныхъ мѣстомъ, временемъ, обстоятельствами, что никакое краснорѣчіе не можетъ восполнить недостатка условій, необходимыхъ для осуще-

1) „Pendant l'exil“, стр. 209, 242, 298.

ствленія той или другой идеи, и что окончательное дѣйствіе рѣчи зависитъ отъ ея содержанія, а не отъ личности оратора. Достойнымъ сожалѣнія, иногда даже насмѣшки, представляется намъ въ дѣятельности В. Гюго не то, что онъ возвышалъ голосъ по каждому вопросу, волновавшему Европу между 1855 и 1870 г., а то, что онъ считалъ себя, *и только себя*, призваннымъ къ непогрѣшному разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ. Чтобы подняться изъ бездны (въ которую онъ, впрочемъ, вовсе и не падаль), идеаль не нуждался въ рукѣ В. Гюго; отъ гернсейской скалы слишкомъ еще далеко до пристани будущаго. Такъ говорить о себѣ, какъ говорить В. Гюго, не могъ бы въ наше время даже величайшій новаторъ,—а Гюго никогда не былъ новаторомъ ни въ чемъ, кромѣ французскаго поэтическаго языка и внѣшнихъ формъ французской драмы.

Ненормальныя условія, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Гюго во время своего изгнанія, отразились весьма ярко и на внѣшней формѣ его произведеній. Въ его рѣчахъ этого періода нѣтъ больше той внутренней силы, той задушевности, тѣхъ неожиданныхъ, блестящихъ поворотовъ мысли, которыми богаты рѣчи, произнесенныя имъ въ законодательномъ собраніи. И это вполне понятно: талантъ политическаго оратора растетъ вмѣстѣ съ препятствіями, имъ встрѣчаемыми, вмѣстѣ съ бурями, возбуждаемыми имъ. Противники—не отсутствующіе, а находящіеся на лицо—столь же необходимы для оратора, какъ и союзники; одобреніе послѣднихъ драгоцѣнно для него только какъ противовѣсъ нападеніямъ первыхъ. Настоящій триумфъ оратора—это заставить себя слушать, подчинить на минуту своему вліянію даже враговъ своихъ, разбить ихъ аргументы, опрокинуть ихъ планы. Окруженный исключительно политическими друзьями, ораторъ не только теряетъ главный источникъ своей силы, но становится склоннымъ къ преувеличеніямъ, къ фразеологіи, къ употребленію громкихъ словъ—такъ-называемыхъ *Schlagwörter* партіи, всегда выслушиваемыхъ ею съ одинаковымъ сочувствіемъ. Это не мѣшаетъ ему воображать себя болѣе сильнымъ, чѣмъ когда-нибудь, потому что каждое его слово принимается съ энтузіазмомъ. Отъ импровизаціи, столь важной для поддержанія свѣжести и простоты рѣчи, онъ отвыкаетъ, потому что ему приходится уже не участвовать въ *ареніяхъ*, всѣ случайности которыхъ не могутъ быть заранѣе предусмотрѣны, а декламировать *монологи*, удобно составляемые въ тиши кабинета. Если ораторъ—вмѣстѣ съ тѣмъ писатель, то манера, усвоенная имъ для рѣчи, естественно переходитъ и въ полемическія статьи, и въ другія сочиненія его. На

слозь В. Гюго, кромѣ этой причины, подѣйствовала еще другая. Пока онъ считалъ себя обыкновеннымъ смертнымъ, онъ говорилъ и писалъ языкомъ хотя и своеобразнымъ, но не лишеннымъ ни оригинальности, ни стремленія къ оригинальности, но не вычурнымъ, не дѣланымъ. Теперь, возвысясь на степень оракула и пророка, онъ создаетъ для своихъ изреченій форму, соответствующую ихъ таинственному, глубокому смыслу—форму до бо-
гѣзненности изысканную, исполненную претензій¹⁾. И въ ней, конечно, есть своего рода красота и сила; но сколько утомительныхъ, трескучихъ фразъ приходится на одну мѣткую метафору или аллегорію! Какъ часто стремленіе произвести эффектъ, поразить, тронуть читателя приводитъ къ результату прямо противоположному! Сколько труда, потраченного понапрасну на отшлифовку, отчеканку фразы, и какъ рѣдко удаются усилія автора скрыть этотъ трудъ подъ маской вдохновенія и творчества! Въ цѣломъ томѣ «*Pendant l'exil*» едва ли найдется десятокъ страницъ, которыя были бы достойны дарованія В. Гюго и могли бы увеличить его славу; содержаніе не выкупается формой, форма не выкупается содержаніемъ; почти вездѣ ходульность, напыщенность, ложный пафосъ, то что французы называютъ *boursouflure*. Если бы все написанное Гюго въ періодъ времени между 1851 и 1870 г. исчерпывалось тѣми рѣчами, воззваніями и статьями, которыя собраны въ «*Pendant l'exil*», мы должны были бы признать, что для него давно наступилъ періодъ полного упадка; но мы знаемъ, что къ этому времени относятся нѣкоторые изъ лучшихъ его произведеній—«*Misérables*», «*Légende des siècles*», «*L'homme qui rit*», отчасти «*Quatrevingt-treize*». Какъ объяснить такую разницу между результатами политической и чисто-литературной дѣятельности В. Гюго?

¹⁾ Мы приведемъ для примѣра два отрывка изъ рѣчи, произнесенной В. Гюго въ 1860 г. по поводу экспедиціи Гарибальди въ Сицилію и Неаполь («*Pendant l'exil*», стр. 182 и 184): „Оно исходить отъ Бога, землетрясеніе этой Сициліи, надъ которой мы видимъ пылающимъ патриотизмъ, вѣру, свободу, честь и революцію, затмѣивающую собою Этну! Да, это должно было случиться, и великолѣпно, что примѣръ подается міру землею вулканическихъ изверженій (il est magnifique que l'exemple soit donné au monde par la terre des éruptions)... Италия встаетъ, Италия движется, и электризуетъ Европу своимъ удивительнымъ сіяніемъ, и для этого новаго свѣта на землѣ будетъ не меньше экстаза въ глазахъ народовъ, не меньше величественнаго отраженнаго блеска на ихъ челѣхъ, не меньше удивленія, веселья и восхищенія, чѣмъ для новой звѣзды на небѣ“ (et il n'y aura pas moins d'extase dans l'oeil des peuples, pas moins de réverbération sublime dans les fronts, pas moins d'admiration, pas moins d'allégresse, pas moins d'éblouissement pour cette nouvelle clarté sur la terre que pour une nouvelle étoile dans le ciel). При всемъ нашемъ уваженіи къ В. Гюго, мы не можемъ назвать подобныхъ фразъ иначе какъ наборомъ словъ.

Дѣло въ томъ, что мы видѣли до сихъ поръ только одну сторону медали. Изгнаніе, закрывъ для В. Гюго попріище настоящей политической жизни, обрекло его на шумливую, безплодную агитацію, среди которой неминуемо долженъ былъ понизиться уровень его ораторскаго и публицистическаго таланта; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно возвратило его къ литературной работѣ, почти оставленной имъ въ бурные годы парламентской борьбы, и возвратило его къ ней съ богатымъ запасомъ новыхъ идей и впечатлѣній, съ новыми, широкими задачами и стремленіями. Мы видѣли въ началѣ этой статьи, что уже въ эпоху своего политическаго индифферентизма В. Гюго сознавалъ важность общественныхъ вопросовъ, мечталъ о разрѣшеніи ихъ въ духѣ гуманности и любви, и посвятилъ имъ два небольшія, но замѣчательныя произведенія — «*Le dernier jour d'un condamné*» и «*Claude Gueux*». Въ его драмахъ той же эпохи слышалось сочувствіе ко всему униженному, оскорбленному, отверженному обществомъ — къ шуту и слугѣ, къ бандиту и куртизанкѣ. Событія 1848—51 г. раздули искру, таившуюся въ душѣ поэта, въ цѣлый огонь, которымъ съ этихъ поръ, въ большей или меньшей степени, согрѣты всѣ его сочиненія. Романъ и поэма являются теперь для него средствомъ пропагандированія тѣхъ началъ, которыя онъ лишенъ возможности провозглашать съ трибуны. Вражда къ несправедливости во всѣхъ ея видахъ, любовь къ слабымъ, темнымъ, невѣжественнымъ, угнетеннымъ — вотъ два главные чувства, составляющія силу В. Гюго въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности. Авторъ «*Misérables*» и «*Légende des siècles*» имѣетъ немного общаго съ авторомъ «*Notre Dame de Paris*» и «*Feuilles d'automne*» — но въ этомъ именно и заключается разгадка его продолжающагося успѣха; переменна, происшедшая въ поэтѣ, соответствуетъ въ общихъ чертахъ, переменѣ, происшедшей въ обществѣ. Въ тридцатыхъ годахъ на первомъ планѣ стояли вопросы эстетическіе; въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ они уступили это мѣсто вопросамъ общественнымъ и политическимъ. Само собою разумѣется, что слабыя стороны Гюго, съ которыми мы познакомились выше, весьма замѣтны и въ литературныхъ его произведеніяхъ; въ нихъ много балласта, который съ большою пользою могъ бы быть выкинутъ за бортъ, много реторики и фальши, больше декламации, чѣмъ краснорѣчія ¹⁾; но нѣкоторые несимпатичныя черты, съ особен-

¹⁾ Къ этому слѣдовало бы еще прибавить сухую, ненужную эрудицію — но она появилась въ сочиненіяхъ Гюго не вслѣдствіе тѣхъ условій, съ которыми мы имѣемъ дѣло въ настоящей статьѣ.

ною яркостью проявляющіяся въ рѣчахъ и воззваніяхъ Гюго, въ романахъ и поэмахъ по необходимости остаются въ тѣни, къ большой выгодѣ для ихъ литературнаго достоинства. Сюда слѣдуетъ отнести безмѣрно-высокое самомиѣніе В. Гюго, претензію его на даръ пророчества, на роль учителя вѣковъ и народовъ. Мечтательный, ничѣмъ не сдержанный идеализмъ В. Гюго, такъ часто вводящій его въ ошибки, какъ оратора и публициста, гораздо менѣе вредить ему въ произведеніяхъ фантазіи и иногда даже придаетъ имъ особенную прелесть. Вотъ почему и въ «*Pendant l'exil*» лучшія страницы—тѣ, которыя имѣютъ всего меньше общаго съ политикой: полемика противъ смертной казни, панегирикъ Италіи по поводу шестисотой годовщины дня рожденія Данте, рѣчи, произнесенныя на праздникахъ для бѣдныхъ дѣтей, которые В. Гюго ежегодно устраивалъ на островѣ Гернсей.

Отмѣтимъ еще одну черту, глубоко симпатичную намъ въ политической дѣятельности В. Гюго: это искреннее отвращеніе его къ крови, къ казнямъ, къ возмездію зломъ за зло, страданіемъ за страданіе. Въ 1853 г., въ самомъ разгарѣ вражды его къ Людовику-Наполеону, онъ восклицаетъ надъ гробомъ одного изъ изгнанниковъ: «въ виду близкаго и неизбежнаго дня великой революціонной развязки, мы отказываемся отъ всякой мысли о кровавыхъ репрессаліяхъ! Виновные, всѣ виновные будутъ наказаны, и наказаны строго; но ни одна голова не упадетъ, ни одна капля крови не запятнаетъ чистоту февральской республики. Даже голова декабрьскаго бандита будетъ пощажена прогрессомъ. Нѣтъ, мы не станемъ отвѣчать на эшафотъ эшафотомъ; мы отвергаемъ старый, бессмысленный законъ возмездія. Смертная казнь, уничтоженная республикой 1848 г., постыдно возстановленная Бонапарте, остается для насъ уничтоженной навсегда. Мы унесли съ собой въ изгнаніе священную сокровищницу прогресса—и неприкосновенную принесемъ ее обратно во Францію. Мы требуемъ и ожидаемъ отъ будущаго не мщенія, а справедливости». Въ 1860 г. онъ говоритъ жителямъ Джерсея: «если къ вамъ когда-нибудь явятся побѣжденные приверженцы неправдаго дѣла, примите ихъ такъ, какъ вы насъ принимали. Несчастье—одна изъ святыхъ формъ права. Поймите меня—изъ числа этихъ возможныхъ побѣжденныхъ, я не исключаю рѣшительно *никого*. Быть можетъ, великія бури будущаго бросать на вашъ берегъ нашего гонителя, въ свою очередь изгнаннаго и несчастнаго. Если это случится, будьте милосерды къ нему, какъ вы были справедливы къ намъ; если онъ постучится въ вашу дверь, отворите ее и скажите ему: *мы даемъ вамъ пристанище по просьбѣ*

изманныхъ вами» ¹⁾. Мы думаемъ, что эти истинно-мудрыя и великодушныя слова останутся однимъ изъ самыхъ твердыхъ основанийъ славы В. Гюго. Другая особенность В. Гюго заключается въ томъ, что, раздѣляя во многомъ увлеченія крайней партіи, къ которой присоединили его обстоятельства, онъ не подчинился безусловно ея вліянію и не сдѣлался разрушителемъ во что бы то ни стало. Въ 1853 г. онъ повторяетъ ту же мысль, которая неоднократно была высказываема имъ съ трибуны законодательнаго собранія — что время кровавыхъ и страшныхъ, но необходимыхъ революціонныхъ потрясеній прошло, что для всѣхъ завоеваній, еще не сдѣланныхъ, достаточно будетъ неудержимаго закона прогресса. Продолжая называть себя социалистомъ, онъ продолжаетъ развивать и поддерживать программу, весьма далекую отъ обычныхъ социалистическихъ ученій ²⁾. Мы видимъ во всемъ этомъ лучшее доказательство тому, что еслибы декабрьскій переворотъ не прервалъ нормальнаго теченія политической жизни В. Гюго, онъ могъ бы оказать большія услуги французской демократіи.

Заключить общую оцѣнку политической дѣятельности В. Гюго можно будетъ только тогда, когда выйдетъ въ свѣтъ послѣдняя часть его «*Actes et paroles*» — «*Depuis l'exil*» — и обрисуетъ роль его въ новомъ французскомъ сенатѣ. Но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что всѣ крупныя характеристическія черты В. Гюго, какъ политическаго дѣятеля, выразились съ достаточною ясностью и полнотою въ тѣхъ періодахъ его жизни, къ которымъ относятся «*Avant l'exil*» и «*Pendant l'exil*». В. Гюго — настоящій сынъ своего вѣка, вѣка тревожнаго, ищущаго истины, прокладывающаго новыя пути, открывающаго новыя горизонты, ни на чемъ не останавливающагося и не успокоивающагося. Въ жизни выдающихся людей, принадлежащихъ къ такой эпохѣ, часто замѣчается одно изъ слѣдующихъ трехъ явленій, несмотря на всю свою противоположность зависящихъ отъ одной общей причины: переходъ отъ болѣе крайнихъ тенденцій къ болѣе умѣреннымъ, вслѣдствіе убѣжденія въ неосуществимости слишкомъ крутыхъ переворотовъ, — переходъ отъ болѣе умѣренныхъ тенденцій къ болѣе крайнимъ, вслѣдствіе убѣжденія въ недостаточности полумѣръ, — переходъ отъ увлеченій и надеждъ къ объективному, даже скептическому взгляду на все окружающее, вслѣдствіе убѣж-

¹⁾ „*Pendant l'exil*“, стр. 32, 198, предисловіе, стр. XXVII.

²⁾ „*Pendant l'exil*“, стр. 83, 82, 378.

денія въ бесплодности личныхъ усилій, въ неизбежной послѣдовательности событій ¹⁾. Во время или по окончаніи общественнаго кризиса, участники или свидѣтели его одинаково легко могутъ склониться къ любому изъ этихъ трехъ направленій, смотря по темпераменту, характеру, умственному складу cadaго. Февральская революція, со всѣми ея послѣдствіями, сдѣлала Тэна — скептикомъ въ политикѣ ²⁾, Одилона Барро — консерваторомъ, Гюго — радикаломъ. Испытанія, на нашихъ глазахъ пережиты Франціей, подвинули вправо Фавра, Пикара, Симона, подвинули влѣво Тьера, Леона Сэ, Казимира Перье. При однихъ и тѣхъ же условіяхъ гр. Дерби ³⁾ перешелъ изъ либеральнаго лагеря въ консервативный, Гладстонъ — изъ консервативнаго лагеря въ либеральный. Нельзя не признать, однако, что движеніе справа налѣво, въ особенности между людьми, достигшими зрѣлаго возраста — фактъ гораздо болѣе рѣдкій, чѣмъ движеніе слѣва направо, и что съ этой точки зрѣнія политическая карьера В. Гюго — явленіе довольно исключительное. Ошибки и заблужденія его старости объясняются въ значительной степени заблужденіями и проступками того лагеря, къ которому онъ принадлежалъ въ молодости и отъ котораго отдѣлился на поворотномъ пунктѣ своей жизни. Куда бы ни вела на самомъ дѣлѣ дорога, которую онъ тогда избралъ — искалъ онъ на ней во всякомъ случаѣ только свѣта, свободы, справедливости, между тѣмъ какъ прежніе союзники его погружались въ апатію или служили ультрамонтанскому обскурантизму и бонапартистской реакціи.

К. АРСЕНЬЕВЪ.

¹⁾ Мы говоримъ, конечно, только о такихъ переходахъ, которые вызваны перемѣной убѣжденій, а не расчетомъ и личными видами.

²⁾ См. предисловіе къ послѣднему его сочиненію: «L'ancien régime».

³⁾ Отецъ нынѣшняго англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, которому суждено, можетъ быть, совершить переходъ противоположнаго свойства.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЭЖЕНЪ РУГОНЪ

Романъ, соч. Эмilia Зола.

Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par *Emile Zola*. Tome sixième: Son Excellence Eugène Rougon.

Окончаніе.

ХП *).

Со времени поѣздки съ мужемъ и Ругономъ въ С.-Клу, Клоринда была во всемъ блескѣ своей оригинальности и силъ. Она оставалась той же эксцентричной дѣвой, какія рыщутъ по Парижу на наемной лошади въ погонѣ за женихами. Но эта дѣва сдѣлалась теперь женщиной, возмужала, красота ея созрѣла, и она осуществила свою давнишнюю мечту — стать силой. Вѣчное рысканіе по городскимъ трущобамъ, переписка, наводнявшая письмами всѣ концы Франціи и Италіи, безпрестанное посѣщеніе политическихъ дѣятелей и умѣнье сближаться съ ними — вся эта безпорядочная суеда, непонятная на взглядъ, лишенная логической цѣли, доставила ей неоспоримое вліяніе. Она еще раздражалась дикими выходками, безумными проектами, сумасбродными надеждами даже въ серьезной бесѣдѣ. Она

*) См. выше: янв. 84; февраль, 84; мар. 177.

все еще повсюду таскала за собой прорванный портфель, обвязанный шнурками и таскала его съ такимъ убѣжденнымъ видомъ, что прохожіе улыбались, глядя, какъ она проплывала мимо нихъ въ юбкахъ съ грязнымъ подоломъ. Совсѣмъ тѣмъ, съ ней совѣтовались; ее боялись даже. Никто не могъ бы въ точности сказать, откуда берется ея сила. Тутъ играли роль отдаленныя, разнообразныя, частью исчезнувшія причины, и розыскать ихъ было бы очень трудно. На этотъ счетъ передавались шепотомъ всякія исторіи, безъ начала и конца, разные безтолковые анекдоты. Никто не могъ составить себѣ яснаго понятія объ этой странной личности съ разнузданнымъ воображеніемъ, проблесками здраваго смысла и благоразумія, царственной наружностью, въ которой, быть можетъ, и заключался единственный секретъ ея могущества. Впрочемъ, кому было дѣло до того, какъ сложилось вліяніе Клоринды, достаточно было, что она господствовала, хотя бы даже въ качествѣ и фантастической царицы. Всѣ передъ ней преклонялись.

Для молодой женщины наступила эпоха владычества. Изъ своей уборной, гдѣ валялись плохо вымытыя умывальныя принадлежности, она слѣдила за политикой всѣхъ европейскихъ дворовъ. Раньше посольствъ получала она, Богъ вѣсть какими путями, новости, подробные отчеты, гдѣ отмѣчалось біеніе пульса правительственной жизни. Поэтому, вокругъ нея тѣснился цѣлый дворъ: банкиры, дипломаты приходили съ ней совѣщаться. Банкиры въ особенности ухаживали за ней. Носился слухъ, что она сразу доставила одному изъ нихъ случай нажить сотню милліоновъ сообщеніемъ новостей о перемѣнѣ министерства въ сосѣднемъ государствѣ. Она презирала низкія политическія сдѣлки этого рода; она выбалтывала все, что знала: дипломатическія сплетни, международную болтовню различныхъ столицъ — ради одного удовольствія показать, что она наблюдаетъ одновременно за Туриномъ, Вѣной, Мадридомъ, Лондономъ и даже Берлиномъ и Петербургомъ. И вотъ, лился нескончаемый потокъ вѣстей о состояніи здоровья королей, сплетней о ихъ привычкахъ, политическомъ персоналѣ каждой страны, о скандальной хроникѣ мельчайшаго нѣмецкаго герцогства. Она судила и рядила о государственныхъ людяхъ, пересказывала съ сѣвера на югъ, небрежно ворочала королевствами, распоряжалась, какъ у себя дома, точно будто вся обширная земля, съ ея городами и народами, помѣщалась у ней въ игрушечномъ ящикѣ, гдѣ она по личному капризу разставляла картонные домики и деревянныхъ человѣчковъ. Затѣмъ, когда, уставъ трещать какъ сорока, Клоринда

умолкала, она пощелкивала пальцами привычнымъ жестомъ, какъ-бы желая сказать, что все это сущій вздоръ и пустяки.

Въ настоящую минуту, среди безалаберной суеты и разнообразныхъ хлопотъ, ее особенно одушевляло одно дѣло, крайне важное: она старалась держать его въ тайнѣ, но не могла отказать себѣ въ удовольствіи дѣлать намеки. Она все еще хотѣла Венеціи. Говоря объ итальянскомъ министерствѣ, фамильярнымъ тономъ произносила «Кавуръ». И прибавляла: «Кавуръ не хотѣлъ, но я настояла, и онъ понялъ». Чаше чѣмъ когда-либо записывалась въ посольствѣ съ шеваляе Рускони. Къ тому же «дѣло» шло на ладъ. И съ невозмутимымъ спокойствіемъ, откидывая назадъ свой ограниченный лобъ богини, она говорила, точно ясновидящая, безсвязными фразами, и проговаривалась о тайномъ свиданіи между императоромъ и государственнымъ человѣкомъ одной сосѣдней державы, о проектированномъ союзѣ, причемъ договаривающіяся стороны еще не сошлись на счетъ нѣкоторыхъ статей о войнѣ, имѣвшей наступить съ весной. Въ другіе дни она казалась возбужденной, толкала стулья, швыряла умывальныя принадлежности въ уборной, рискуя ихъ разбить. Она сердилась, точно королева, окруженная измѣнниками и глупыми министрами, и убѣждающаяся, что дѣла королевства идутъ все хуже и хуже. Въ эти дни она трагически протягивала обнаженную и дивную руку съ сжатымъ кулакомъ къ юго-западу, по направленію въ Италію, повторяя: «ахъ! еслибы я была тамъ, они бы не творили столько глупостей!»

Заботы высшей политики не мѣшали Клориндѣ вести лучу всякихъ другихъ дѣлъ, среди которыхъ она по временамъ совсѣмъ терялась. Ее зачастую находили сидящей на кровати, съ громаднымъ портфелемъ, опорожненнымъ на одѣяло, зарывшейся въ грудѣ бумагъ и плачущей отъ ярости, что не можетъ толкомъ разобрать ихъ. Она копалась въ нихъ, отыскивая какую-нибудь бумагу, и находила ее, наконецъ, за какимъ-нибудь кресломъ или подъ старыми ботинками, а не то въ грязномъ бѣльѣ. Когда она уѣзжала хлопотать по какому-нибудь дѣлу, то рѣдко бывало, чтобы по дорогѣ не завязала двухъ или трехъ другихъ дѣлъ. Хлопоты ея усложнялись; она жила среди постоянного волненія, въ вихрѣ идей и фактовъ, погруженная въ безконечныя и непроходимыя интриги. Вечеромъ, когда, набѣгавшись по всему Парижу, она возвращалась домой, еле держась на ногахъ отъ усталости, никому бы въ голову не пришло, какія сдѣлки совершала она на разныхъ концахъ города; а если ее расспрашивали, она смѣялась и не всегда помнила о томъ, что дѣлала.

Въ эту эпоху ей пришла въ голову изумительная фантазія— поселиться въ отдельной комнатѣ одного изъ большихъ бульварныхъ ресторановъ; домъ въ улицѣ Колизея слишкомъ далеко отъ центра города, говорила она; ей нуженъ *ried-à-tette* въ центрѣ города; и вотъ, она превратила комнату ресторана въ дѣловую контору, и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ принимала тамъ самыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Сановники, посланники, министры приходили въ ресторанъ. А она развѣсно усаживала ихъ на диванъ, пробитый компаніей бутылъ на масляницѣ, а сама за-сѣдала у стола, вѣчно накрытаго скатерью, усыяннаго крошками хлѣба и заваленнаго бумагами. Она жила на бивуакахъ, какъ полководецъ.

Несмотря на все это, Делестанъ былъ счастливымъ человѣкомъ. Онъ, повидимому, не зналъ объ эксцентричностяхъ жены. Дѣло въ томъ, что она завладела имъ вполне, и вертѣла какъ пѣшкой, чему онъ подчинялся безпрекословно. Ему по характеру было такое рабство. Подчиненіе для него было легко, и онъ не возмущался противъ него. По утрамъ, въ тѣ дни, когда она удостоивала допустить его въ свою спальную, онъ описывалъ ей пропасть маленькихъ услугъ, искалъ подъ всѣми стульями засунутыя, Богъ-вѣсть куда, и разрозненныя ботинки, переворачивалъ все бѣлье въ шкапу, чтобы найти рубашку безъ дыръ. Онъ довольствовался тѣмъ, что при людяхъ сохранялъ улыбающійся и важный видъ. Его почти уважали,—съ такимъ безмятежнымъ видомъ и ласковымъ покровительствомъ говорилъ онъ о женѣ.

Клоринда, ставъ всемогущей госпожей, издумала выписать мать изъ Турина. Она желала отнынѣ, говорила она, чтобы графиня Бальби проводила съ нею полгода. На нее вдругъ нашель припадокъ дочерней нѣжности. Она поставила весь домъ вверхъ дномъ, чтобы помѣстить старуху какъ можно ближе къ своимъ апартаментамъ, и даже издумала пробить дверь изъ своей уборной въ спальную матери. Въ присутствіи Ругона, въ особенности она щеголяла своей привязанностью къ матери съ итальянской необузданностью выраженій. Какъ могла она согласиться на то, чтобы жить такъ долго въ разлукѣ съ матерью, когда до замужства не разставалась съ ней ни на одинъ часъ?—и обвиняла себя въ безчувствіи. Но вина не ея; она покорилась совѣтамъ, мнимой необходимости, хотя смыслъ ихъ ей до сихъ поръ непонятенъ. Ругоно бровью не поводилъ, слушая ея намеки. Онъ чувствовалъ, что она дразнитъ его, и вызвала мать лишь затѣмъ, чтобы заговорить о своей неповорности. Порою онъ улыбался — и только. Больше не читалъ ей правоученій, не старался сдѣлать изъ

нея самую изящную женщину Париза. Въ былое время она могла наполнить пустоту его жизни, когда любопытство подстрекало его, разжигало его кровь; теперь, среди битвы онъ и не думалъ о ней: слабо развитая чувственность его натуры была окончательно убита четырнадцати-часовымъ ежедневнымъ трудомъ. Онъ продолжалъ ласково обращаться съ ней, съ тѣмъ легкимъ отбѣномъ пренебреженія, какое обыкновенно выказывалъ въ женщинамъ, однако по временамъ навѣщалъ ее, и въ глазахъ его какъ-бы мелькалъ отблескъ старинной и все еще неудовлетворенной страсти. Она оставалась его порокомъ, единственной женщиной, смущавшей его.

Съ тѣхъ поръ какъ Ругонъ перебрался въ министерство, друзья жаловались, что не могутъ видѣться съ нимъ въ тѣсномъ кружкѣ, и Клоринда придумала назначить у себя приемы для всей шайки. Мало-по-малу это вошло въ привычку, и чтобы рельефнѣе показать, что вечера у ней замѣняютъ вечера въ улицѣ Марбефъ, она тоже выбрала четвергъ и воскресенье; но только изъ улицы Колизея расходились въ часъ ночи. Она принимала въ будуарѣ, такъ какъ Делестанъ продолжалъ заирать парадныя комнаты, боясь жирныхъ пятенъ. Но такъ какъ будуаръ былъ невеликъ, то она раскрывала двери въ спальную и уборную, такъ что чаще всего компанія засѣдала въ этой послѣдней комнатѣ, среди валявшихся тамъ тряпокъ.

По четвергамъ и воскресеньямъ главной заботой Клоринды было вернуться домой пораньше, чтобы успѣть отобѣдать наскоро и принимать гостей. Несмотря на ея старанія, ей случилось два раза безусловно позабыть объ ихъ существованіи, и, вернувшись домой около полуночи, она была какъ громомъ поражена многочисленнымъ сборищемъ, ожидавшимъ ее въ спальнѣ. Въ одинъ изъ четверговъ, въ послѣднихъ числахъ мая, она вернулась противъ обыкновенія домой въ пяти часамъ вечера. Она вышла пѣшкомъ изъ дому, и попала подъ проливной дождь на площади Согласія, но не рѣшилась заплатить тридцать су фіакру и доѣхать въ немъ до Елисейскихъ Полей. Промокнувъ до костей, прошла она въ уборную, гдѣ горничная Антонія, со ртомъ, вымазаннымъ вареньемъ, которое ѣла съ бѣлымъ хлѣбомъ, раздѣла ее, хохоча во все горло надъ лужами, образовавшимися на паркетѣ отъ мокрыхъ юбокъ.

— Пришелъ какой-то господинъ, — сказала наконецъ она, садясь на полъ, чтобы станцѣ съ барыни ботинки. — Онъ ждетъ уже больше часу.

Клоринда спросила, какая наружность у господина. Тогда

горничная, сидя на полу, растрепанная, въ запачканномъ платьѣ, и скаля бѣлые зубы, объяснила, что господинъ этотъ толстый, блѣдный, съ строгимъ лицомъ.

— Ахъ, да! это Ротлигеръ, банкиръ,—вскричала молодая женщина.—Такъ, такъ, онъ долженъ былъ придти въ четыре часа. Ну, пусть подождетъ... Приготовьте мнѣ ванну поскорѣе.

И спокойно усѣлась въ ванну, за занавѣсью, въ глубинѣ уборной. Тамъ она прочитала письма, пришедшія въ ея отсутствіе. Черезъ добрыхъ полчаса, Антонія вернулась въ комнату, бормоча:

— Господинъ видѣлъ, какъ вы вернулись домой. Онъ очень желалъ бы съ вами поговорить.

— Ахъ, да, баронъ! Я совсѣмъ забыла про него,—отвѣчала Клоринда, выходя изъ ванны.—Одѣньте меня поскорѣй...

Ротлигеръ уже болѣе двухъ часовъ терпѣливо дожидался въ будуарѣ, сложивъ руки на колѣняхъ. Блѣдный, холодный, строгихъ нравовъ, банкиръ, обладавшій однимъ изъ самыхъ крупныхъ состояній въ Европѣ, дежурилъ съ нѣкоторыхъ поръ въ пріемной у Клоринды по два и по три раза въ недѣлю. Онъ даже приглашалъ ее къ себѣ, въ свой чопорный домъ, гдѣ развязныя манеры молодой женщины приводили въ ужасъ лакеевъ.

— Здравствуйте, баронъ,—закричала она, когда тотъ вошелъ въ уборную на ея зовъ,—меня причесываютъ; не смотрите на меня.

Баронъ снисходительно улыбнулся блѣдными губами и остановился передъ ней, почтительно наклонясь, но не опуская глазъ.

— Вы за новостями, не правда ли?.. Мнѣ есть что сообщить вамъ.

И Клоринда встала, отославъ Антонію, оставившую гребень воткнутымъ въ ея волосы. Безъ сомнѣнія, она все еще боялась, какъ бы ее не услышали, потому что, положивъ руку на плечо банкира, привстала на цыпочкахъ и стала шептать ему на ухо.

— Вотъ,—произнесла она громко:—теперь вы можете дѣйствовать.

Онъ взялъ ее за руку, притянулъ къ себѣ и сталъ разспрашивать. Онъ не могъ быть развязнѣе съ своими приказчиками. Прощаясь, онъ пригласилъ ее пріѣхать къ нимъ на другой день: его жена соскучилась по ней. Она проводила его до дверей. Но вдругъ скрестила руки на груди и очень покраснѣла, вскричавъ:

— Ахъ! Боже мой! я-то иду за вами въ такомъ видѣ!

И тутъ принялась торопить Антонію. Она вѣчно копается! И едва дала ей причесать себя, говоря, что терпѣть не можетъ

такъ долго возиться съ туалетомъ. Несмотря на теплую погоду, Клоринда непремѣнно захотѣла надѣть длинное черное бархатное платье, родъ блузы, и подпоясалась краснымъ снуркомъ. Уже раза два приходили докладывать, что обѣдъ поданъ. Но, проходя черезъ спальную, она нашла въ ней трехъ господъ, хотя объ ихъ приходѣ никто, повидимому, и не подозрѣвалъ. То были три политическихъ выходца: гг. Брамбилла, Стадерино и Вискарди. Ихъ присутствіе ее какъ будто не удивило.

— Вы давно ждете меня?—спросила она.

— Да, да,—отвѣчали они, медленно кивая головой.

Они пришли раньше банкира, и сидѣли тихо, тихо, какъ мрачныя личности, которыхъ политическія несчастія приучили къ молчанію и осторожности. Сидя рядомъ на одной кушеткѣ, они жевали толстыя, потухшія сигары, опрокинувшись на спину въ однообразной позѣ. При видѣ Клоринды они встали и окружили ее. Тогда началась шепотомъ быстрая итальянская болтовня. Она, повидимому, давала имъ инструкціи. Брамбилла отиѣтилъ что-то шифрованными буквами у себя въ записной книжкѣ, между тѣмъ какъ Вискарди и Стадерино, должно быть сильно взволнованные тѣмъ, что услышали, испускали легкія восклицанія, заглушая ихъ руками, обтянутыми перчатками. Послѣ того, всѣ трое ушли гуськомъ съ непроницаемыми лицами.

Въ этотъ четвергъ назначено было вечеромъ совѣщаніе между министрами: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія и торговли, по поводу одного важнаго вопроса. Делестанъ, уѣзжая послѣ обѣда, сказалъ Клориндѣ, что, быть можетъ, привезетъ съ собой Ругона; но она сдѣлала гримаску, какъ-бы давая понять, что вовсе не желаетъ его видѣть. Настоящей ссоры еще не было, но она относилась къ Ругону съ постоянно возрастающей холодною.

Около девяти часовъ, первыми явились Канъ и Безуанъ. За ними слѣдомъ м-ше Корреръ. Они нашли Клоринду въ спальнѣ; она лежала на кушеткѣ, и жаловалась на одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ и неслыханныхъ недуговъ, которые порою съ ней приключались. На этотъ разъ оказывалось, что она проглотила муху, и чувствуетъ, какъ та летаетъ у ней въ желудкѣ. Драпируясь въ черной бархатной блузѣ, раскинувшись на трехъ подушкахъ, она была удивительно хороша, съ блѣднымъ лицомъ, обнаженными руками, и походила на одну изъ мечтательныхъ фигуръ, изображаемыхъ на памятникахъ. У ея ногъ Лунджи Поццо, оставившій живопись для музыки, тихонько перебиралъ струны гитары.

— Садитесь, пожалуйста!—пробормотала она.—Вы меня извините. Въ меня попала муха, сама не знаю какъ...

Поццо продолжалъ наигрывать на гитарѣ и напѣвать вполголоса. Онъ такъ заглядѣлся на Клоринду, что, повидимому, и не замѣтилъ появленія новыхъ лицъ. М-те Коррёръ придвинула кресло въ кушеткѣ. Канъ и Вежуэнъ нашли себѣ, послѣ долгихъ поисковъ, стулья. Не легко было сѣсть въ этой комнатѣ, такъ какъ всѣ стулья въ ней были завалены юбками. Когда, пять минутъ позднеѣе, пришелъ полковникъ Жобелэнъ, съ сыномъ Огюстомъ, имъ пришлось уже стоять.

— Дружокъ,—сказала Клоринда Огюсту, которому продолжала говорить *ты*, хотя тому уже минуло семнадцать лѣтъ,—принеси два стула изъ уборной.

То были плетенныя стулья; политура совсѣмъ сошла съ нихъ, благодаря тому, что на нихъ постоянно вѣшали мокрыя полотенца. Одна лампа, покрытая розовымъ кружевнымъ абажуромъ, освѣщала комнату; другая стояла въ уборной, а третья въ будуарѣ, и въ раскрытыя настежь двери виднѣлись темныя впадины, неопредѣленные контуры большихъ покоевъ, гдѣ точно будто горѣли ночники. Сама спальная, нѣкогда нѣжно-лиловая, а теперь ставшая грязно-сѣрой, была полна мрака. Глазъ съ трудомъ различалъ уголки сломанныхъ креселъ, слои пыли на мебели, большое чернильное пятно, красовавшееся какъ разъ посреди ковра: должно быть, на этомъ мѣстѣ опрокинули чернильницу, и она забрызгала даже стѣны; въ глубинѣ, полоть кровати былъ задернутъ, чтобы скрыть безпорядокъ постели. И въ этомъ мракѣ распространялся сильный ароматъ, точно всѣ флаконы въ уборной остались незакупоренными. Клоринда упрямо не раскрывала оконъ даже въ жаркую погоду.

— Какъ у васъ хорошо пахнетъ,—сказала м-те Коррёръ, желавшая быть любезной.

— Это я сама хорошо пахну,—наивно отвѣчала молодая женщина.

И заговоривъ о духахъ, полученныхъ ею отъ парфюмера султаншъ, Клоринда поднесла голую руку къ носу м-те Коррёръ. Бархатная блуза соскользнула и показались маленькія ея ножки въ красныхъ туфляхъ. Поццо, въ упоеніи, опьяненный сильнымъ ароматомъ, несшимся отъ Клоринды, тихо брелъ на гитарѣ.

Между тѣмъ разговоръ скоро роковымъ образомъ коснулся Ругона, какъ это случалось каждый четвергъ и каждое воскресенье. Шайка сходилась единственно лишь затѣмъ, чтобы

облегчить душу на этотъ счетъ; въ ней росла глухая и все усиливающаяся досада, и ей нужно было изливаться въ безконечныхъ жалобахъ и упрекахъ. Клориндѣ стоило только отпереть имъ двери. Она даже больше не давала себѣ труда подстрекать ихъ; они сами начинали сѣтованія и постоянно прискивали новыя причины къ неудовольствію; имъ все казалось, что Ругонъ мало дѣлаетъ для нихъ; ихъ точилъ червь неблагодарности.

— Видѣли ли вы сегодня толстяка?—спросилъ полковникъ. Теперь уже Ругонъ былъ разжалованъ изъ «великихъ людей».

— Нѣтъ,—отвѣчала Клоринда.—Мы, быть можетъ, увидимъ его сегодня вечеромъ. Мужъ во что бы то ни стало хочетъ его привести ко мнѣ.

— Я былъ сегодня утромъ въ кафѣ, гдѣ очень строго осуждали его,—продолжалъ полковникъ послѣ минутнаго молчанія.—Увѣряютъ, что кредитъ его сильно подорванъ, что ему не пробыть министромъ и двухъ мѣсяцевъ.

Канъ сдѣлалъ жестъ пренебреженія, говоря:

— По-моему, онъ не просидитъ и трехъ недѣль... Видите ли, Ругонъ не годится въ правители; онъ слишкомъ любитъ власть; она его опьяняетъ, и тутъ онъ принимается бить кулаками направо и налево, и дѣлается возмутительно грубъ... Въ эти пять мѣсяцевъ онъ натворилъ массу чудовищныхъ дѣлъ...

— Да, да,—перебилъ полковникъ,—всякаго рода несправедливостей, безразсудствъ, нелѣпостей... Онъ злоупотребляетъ, по-истинѣ злоупотребляетъ властью.

М-ше Коррѣръ, не говоря ни слова, повертѣла пальцами въ воздухѣ, какъ-бы желая сказать, что у него въ головѣ не сошлѣмъ въ порядкѣ.

— Такъ, такъ,—подхватилъ Канъ, замѣтивъ жестъ.—Голова у него не изъ крѣпкихъ, не правда ли?

И такъ какъ всѣ смотрѣли на Бежуэна, то и Бежуэнъ нашелъ нужнымъ вставить свое слово:

— О! Ругонъ не изъ умныхъ,—пробормоталъ онъ,—далеко не изъ умныхъ.

Клоринда, откинувъ голову на подушки, разсматривала на потолокъ блестящій кружокъ, бросаемый лампой, и предоставляла гостямъ высказываться. Когда они замолчали, она замѣтила въ свою очередь, конечно затѣмъ, чтобы ихъ подзадорить:

— Безъ сомнѣнія, онъ злоупотреблялъ властью, но по его увѣренію, все, въ чемъ его упрекаютъ, сдѣлано имъ единственно

въ угоду друзьямъ... Я говорила съ ними напередъ объ этомъ, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что услуги, оказанныя имъ вамъ.....

— Намъ! намъ!—завопили всѣ четверо съ яростью.

И заговорили въ одинъ голосъ, протестуя, оправдываясь. Но Канъ перебивалъ всѣхъ:

— Услуги, оказанныя имъ мнѣ! Какая насмѣшка!... Мнѣ пришлось два года ждать концессіи. Это меня разорило. Дѣло, бывшее вначалѣ великоблѣннымъ, стало невыгоднымъ... Если онъ меня такъ любитъ, то почему не поможетъ мнѣ теперь? Я просилъ его добиться отъ императора закона, разрѣшающаго сляніе моей компаніи съ западной желѣзно-дорожной компаніей; онъ мнѣ отвѣчалъ, что надо подождать... Услуги Ругона! ахъ! желалъ бы я на нихъ поглядѣть! онъ никогда ничего не дѣлалъ, и больше не можетъ ничего сдѣлать!

— А я-то, я,—перебилъ жестомъ полковникъ слово у м-ше Корреръ:—развѣ вы думаете, что я ему чѣмъ-нибудь обязанъ? Уже не хвастается ли онъ крестомъ командора, обѣщаннымъ мнѣ пять лѣтъ тому назадъ?.. Онъ помѣстилъ Огюста въ своемъ отдѣленіи, это правда; но я горюю объ этомъ. Еслибы я пустил Огюста по торговой части, онъ бы зарабатывалъ вдвое... Вообразите, что эта скотина Ругонъ объявилъ мнѣ, что не можетъ дать прибавки жалованья Огюсту раньше полутора года. И вотъ какъ онъ старается для друзей!

М-ше Корреръ удалось наконецъ облегчить душу. Она наклонилась къ Клориндѣ.

— Скажите, онъ меня не называлъ? Никогда я бездѣлицей не пользовалась отъ него. Я еще до сихъ поръ не знаю, чѣмъ пахнутъ его услуги. Онъ не можетъ сказать того же самаго, и еслибы только я захотѣла рассказать... Я просила его за нѣсколькихъ мнѣ знакомыхъ дамъ, это правда; я люблю услужить. Но знаете, какое я сдѣлала замѣчаніе: все, что онъ ни выхлопочетъ, приносить несчастіе; его милости не ведутъ къ добру. Вотъ, на примѣръ, бѣдная Эрминия Бильбокъ, бывшая ученица Сень-Дени, та вотъ, что офицеръ-то соблазнилъ, а Ругонъ выхлопоталъ для нея приданое... Ну, вотъ сегодня утромъ она прибѣжала сообщить мнѣ о своей бѣдѣ: она не выходитъ замужъ, офицеръ улизнулъ, промотавъ приданое вмѣстѣ съ нею... Слышите ли, я всегда хлопочу за другихъ, за себя же никогда! Я вздумала было недавно, вернувшись изъ Кулонжа, сообщить ему объ ужасахъ, распускаемыхъ м-ше Мартинб. Эта женщина, ни за что не захотѣвшая уступить мнѣ при раздѣлѣ имущества дома, со всѣмъ съ ума спятила, такъ что если не уговорится, то ее при-

дется запереть на замокъ. Ну, и знаете ли, что онъ мнѣ на это отвѣтилъ? Онъ три раза повторилъ, что не хочетъ больше слышать объ этой гнусной исторіи.

Между тѣмъ Бежуэнъ тоже волновался. Онъ пролетѣлъ:

— Я также, какъ и м-ше Коррёръ... Я никогда и ни о чемъ не просилъ его, никогда! никогда! Все, что онъ сдѣлалъ для меня, было сдѣлано помимо моей воли и вѣдома. Онъ пользуется вашимъ молчаніемъ, чтобы забрать васъ въ руки, именно забрать въ руки...

Голосъ его перешелъ въ неясное бормотанье. И всѣ четверо продолжали качать головою, точно могли бы прибавить еще кучу вещей, да не хотѣли. Потомъ Канъ началъ торжественнымъ тономъ:

— Истина-то, видите ли, вотъ въ чемъ... Ругонъ—неблагодарный человѣкъ. Помните ли то время, какъ мы всѣ гранили парижскую мостовую ради него, чтобы провести его въ министерство? Эхъ! мы ли не распинались за него! Вотъ когда онъ сталъ нашимъ должникомъ, и во всю свою жизнь ему не расквитаться съ нами. Чортъ возьми! теперь благодарность тяготитъ его, и онъ отворачивается отъ насъ. Этого слѣдовало ожидать.

— Да, да, мы вывели его въ люди,—подтвердили остальные.—А онъ вотъ какъ отблагодарилъ насъ за это!

Съ минуту они перечисляли оказанныя Ругону благодаренія; когда одинъ умолкалъ, другой подхватывалъ. Но полковникъ вдругъ хватился Огюста и пошелъ искать его.

— Боже мой!—тихо продолжала м-ше Коррёръ, дожидавшаяся повидимому ухода полковника,—чего Ругону главнымъ образомъ не хватаетъ, такъ это такта. Поэтому, между нами будь сказано, пока полковникъ еще не вернулся, Ругонъ сдѣлалъ большую ошибку, взявъ Огюста въ министерство вопреки всѣмъ формальностямъ. Друзьямъ такого рода услугъ оказывать не годится. Этимъ роняешь себя въ общественномъ мнѣніи.

Но Клоринда перебила ее, прошептавъ:

— Милая м-ше Коррёръ, подите посмотрите, что они тамъ дѣлаютъ въ уборной.

Канъ улыбался. Когда м-ше Коррёръ вышла, онъ въ свою очередь понизилъ голосъ.

— Она, право, очень мила!.. Полковникъ осыпалъ милостями Ругона. Но ужъ и ей-то жаловаться не приходится: Ругонъ рѣшительно скомпрометтировалъ себя для нея въ злополуч-

номъ дѣлѣ Мартинѣ. Онъ доказалъ при этомъ свою безнравственность. Нельзя морить людей въ угоду старой пріятельницѣ!

Канъ всталъ и мелкими шагами расхаживалъ по комнатѣ. Потомъ пошелъ въ переднюю, чтобы вынуть портсигаръ изъ кармана пальто. Полковникъ и м-ше Коррёръ вернулись.

— Эге! Кана уже и слѣдъ простылъ!—сказалъ полковникъ.

И продолжалъ:

— Мы-то можемъ корить Ругона. Но мнѣ кажется, что Кану слѣдовало бы лучше молчать. Не люблю неблагодарныхъ людей... Я уже не хотѣлъ говорить при немъ, но въ томъ кафѣ, гдѣ я провелъ утро, прямо говорили, что Ругонъ попалъ въ немилость за то, что связалъ свое имя съ мошеннической продѣлкой проведенія желѣзной дороги изъ Ниора въ Анжеръ. Нельзя быть такимъ неловкимъ! Этотъ глупый толстякъ позволилъ себѣ пустить пыль въ глаза добрымъ людямъ и даже злоупотребить именемъ императора въ дурацкой рѣчи! Вотъ, милые мои друзья, въ чемъ штука. Канъ посадилъ насъ на мель. Гдѣ! Бежуэнъ, какъ ваше мнѣніе на этотъ счетъ?

Бежуэнъ поспѣшно кивнулъ головой въ знакѣ согласія. Онъ уже раньше соглашался со словами м-ше Коррёръ и Кана. Клоринда, лежа въ прежней позѣ, кусала толстую кость шнура, которымъ щекотала себѣ лицо и широко раскрывала смѣющиеся глаза, глядѣвшіе въ потолокъ.

— Тсъ!..—шепнула она.

Канъ вернулся, отгрызъ зубами кончикъ сигары, зажегъ ее и пустилъ два или три крупныхъ клуба дыма; въ спальной Клоринды курили. Потомъ продолжалъ разговоръ и объявилъ въ заключеніе:

— Словомъ, если Ругонъ утверждаетъ, что скомпрометтировалъ себя, оказывая намъ услуги, то я объявляю, что онъ жестоко скомпрометтировалъ насъ своимъ покровительствомъ. У него такая грубая манера толкать людей впередъ, что они ударяются лбомъ объ стѣны... Къ тому же, благодаря своей рѣзкости, онъ снова провалился. Спасибо! я больше не намѣренъ вторично ставить его на ноги! Когда человекъ не умѣетъ беречь своего вліянія, то это значитъ, что у него въ головѣ неладно. Онъ насъ компрометируетъ, слышите ли, онъ насъ компрометируетъ!.. У меня на плечахъ лежитъ слишкомъ большая отвѣтственность, и я отъ него отказываюсь.

Канъ однако колебался, голосъ его слабѣлъ, а м-ше Коррёръ и полковникъ опустили голову, конечно, не желая заявлять своего мнѣнія съ такою опредѣленностью. Въ сущности,

Рутона все еще былъ министромъ; къ тому же, чтобы отказаться отъ него, надо было опереться на другую силу.

— Не одни толстяки на свѣтѣ, — небрежно произнесла Клоринда.

Они поглядѣли на нее, надѣясь услышать болѣе рѣшительный отзывъ. Но она сдѣлала жестъ, которымъ какъ-бы просила ихъ потерпѣть немного. Молчаливое общаніе новой поддержки и было, въ сущности, главной причиной ихъ усердныхъ визитовъ къ Клориндѣ по четвергамъ и воскресеньямъ. Они чуяли ея будущее торжество. Полагая, что уже вышли весь сокъ изъ Рутона, они ждали вощаженія новой силы, надѣясь, что она удовлетворитъ ихъ новыя желанія, ненасытныя и разрастающіяся не по днямъ, а по часамъ.

Тѣмъ временемъ Клоринда приподнялась съ подушекъ. Опираясь на ручку кушетки, она вдругъ нагнулась къ Поццо и стала дуть ему въ шею, внезапно повеселѣвъ и звонко смѣясь. Когда она бывала довольна, то на нее находили припадки ребяческаго веселья. Поццо, рука котораго недвижно лежала на гитарѣ, откинулъ голову, выказывая красивые зубы. Онъ ѣжился, точно отъ щекотки, а молодая женщина хохотала громче и дула еще сильнѣе, чтобы заставить его просить пощады. Потомъ, пожуривъ его за что-то по-итальянски, прибавила, обращаясь къ м-ше Корреръ:

— Онъ долженъ спѣть намъ, не правда ли?.. Если онъ споетъ, я оставляю его въ покоѣ... Онъ сочинилъ очень хорошенькую пѣсенку.

Тогда всѣ стали просить его спѣть. Поццо началъ перебирать струны на гитарѣ и запѣлъ, не спуская глазъ съ Клоринды. Это было какое-то страстное и нѣжное воркованье подъ аккомпаниментъ чуть слышныхъ аккордовъ. Итальянскихъ словъ нельзя было разобрать въ этомъ дрожащемъ, глухомъ лепетѣ; послѣдній куплетъ, гласившій должно быть о любовныхъ страданіяхъ, Поццо спѣлъ мрачнымъ голосомъ, но съ улыбающимся лицомъ, сохраняя восторженный видъ въ самомъ отчаяніи. Когда онъ умолкъ, ему много хлопали. Зачѣмъ онъ не печатаетъ такихъ прелестныхъ вещей? Положеніе его, какъ дипломата, не могло служить препятствіемъ.

— Я знавалъ одного капитана, который сочинилъ комическую оперу, — сказалъ полковникъ Жобеленъ. — Его отъ того не менѣе уважали въ полку.

— Да, но въ дипломатіи... — пробормотала м-ше Корреръ, качая головой.

— Боже мой! что-жъ такое? Мнѣ кажется, вы ошибаетесь,— объявилъ Канъ:—дипломаты такіе же люди, какъ и всѣ. Изъ нихъ многіе занимаются искусствами.

Клоринда слегка толкнула ногой въ бокъ Поццо, отдавъ ему вполголоса какое-то приказаніе. Онъ всталъ и бросилъ гитару на грудь платья. Когда онъ вернулся, спустя пять минутъ, за нимъ слѣдовала Антонія съ подносомъ въ рукахъ; на подносѣ стояли стаканы и графинъ; самъ Поццо несъ сахарницу, такъ какъ она не устояла на подносѣ. Никогда молодая женщина ничѣмъ не угощала гостей, кромѣ сахарной воды; да и то гости, желая угодить ей, пили одну воду безъ сахара.

— Ну, что тамъ еще?—закричала она, поворачиваясь къ уборной, гдѣ услышала, какъ скрипнула дверь:

Потомъ, какъ-бы вспомнивъ, вскричала:

— Ахъ! да это мамаша!... Она отдыхала.

И въ самомъ дѣлѣ, то была графиня Бальби, закутанная въ черномъ шерстяномъ халатѣ; она повязала вокругъ головы ключокъ кружева и концами его обмотала шею; Фламиніо, высокій лакей съ длинной бородой, съ лицомъ бандита, поддерживалъ ее или, вѣрнѣе сказать, почти несъ на рукахъ. Она какъ будто не постарѣла; съ блѣднаго лица по-прежнему не сходила улыбка бывшей царицы красоты.

— Подожди, мамаша,—проговорила Клоринда.—Я уступаю тебѣ кушетку, сама же лягу на постель... Мнѣ нездоровится. Я проглотила муху. Вотъ она опять меня кусаетъ.

Произошла суматоха. Поццо и м-ше Коррѣръ отвели молодую женщину на кровать; но пришлось оправить сперва простыни и подушки. Въ это время графиня Бальби растянулась на кушеткѣ; позади нея сталъ Фламиніо, и страшными глазами глядѣлъ на присутствующихъ.

— Вѣдь вамъ все равно, что я буду лежать, неправда-ли?—повторяла Клоринда.—Мнѣ гораздо легче, когда я лежу... Но я васъ не прогоняю. Посидите еще.

И растянулась на кровати, опершись локтемъ на подушку и раскинувъ черную блузу, которая казалась чернильной лужей на бѣломъ одѣялѣ. Никто впрочемъ и не думалъ уходить. М-ше Коррѣръ вполголоса разговаривала съ Поццо о совершенствѣ формъ Клоринды, а Канъ, Безуиъ и полковникъ здоровались съ графиней. Она съ улыбкой раскланялась съ ними. Потомъ, не оборачиваясь, время отъ времени произносила кроткимъ голосомъ:

— Фламиніо!

Высокій лакей понималъ ея желанія: то вѣсивалъ подушку, то приносилъ табуретъ, то вынималъ изъ кармана флаконъ съ духами, съ свирѣпымъ видомъ разбойника, наряженнаго въ черный фракъ.

Въ эту минуту Огюстъ напалилъ. Онъ все бродилъ по комнатамъ, осматривалъ всѣ ваявшіяся въ нихъ принадлежнoсти женскаго костюма. Потомъ, соскучившись, вздумалъ выпить одинъ за другимъ всѣ стаканы съ сахарной водой. Клоринда наблюдала за нимъ, и видѣла, какъ пустѣла сахарница; но вдругъ онъ разбилъ стаканъ, въ которомъ изъ всей мочи болталъ ложкой.

— Это все отъ сахара! онъ слишкомъ много кладетъ сахару!—закричала она.

— Болванъ!—сказалъ полковникъ.—Развѣ ты не можешь спокойно выпить воды? Поутру и ввечеру пей по большому стакану. Это предохраняетъ отъ всякихъ болѣзней.

Къ счастью, вошелъ Бушаръ. Онъ явился немного поздно, въ одиннадцатомъ часу, потому что долженъ былъ обѣдать не дома, и повидному удивился, не найдя здѣсь жены.

— Д'Эскорайль взялся доставить ее сюда,—объявилъ онъ,—а я обѣщаль отвезти ее домой.

И дѣйствительно, спустя полчаса, прибыла м-ше Бушаръ въ сопровожденіи д'Эскорайля и Ла-Рукетъ. Молодой маркизъ былъ цѣлый годъ въ ссорѣ съ хорошенькой блондинкой, но теперь помирился; связь ихъ обратилась въ привычку; они сходились на недѣлѣ и не могли удержаться при встрѣчахъ, чтобы не ущипнуть другъ друга и не поцѣловаться за дверью, когда встрѣчались. Все это дѣлалось само собой, по привычкѣ. По дорогѣ къ Делестанамъ, они встрѣтили Ла-Рукетъ и всѣ трое поѣхали кататься въ «Лѣсъ», громко смѣясь, отпуская смѣльные шуточки; д'Эскорайлю показалось даже, что рука депутата одну минуту обвилась вокругъ талии м-ше Бушаръ. Когда они вошли, то съ ними влетѣла струя свѣжаго воздуха и веселья.

— Да, мы сейчасъ были у озера,—говорилъ Ла-Рукетъ.—Честное слово! они совратили меня съ пути истиннаго... Я спокойно ѣхалъ домой, чтобы засѣсть за работу.

И вдругъ скорчилъ серьезное лицо. Во время послѣдней сессіи онъ сказалъ рѣчь въ палатѣ по вопросу о погашеніи долга; онъ готовился къ ней цѣлый мѣсяцъ, и съ тѣхъ поръ напускалъ на себя степенный видъ женатаго человѣка, точно на трибунѣ скоронилъ свою холостую жизнь. Канъ отвелъ его на другой конецъ комнаты, говоря:

— Кстати, вы хороши съ де-Марси...

Голоса ихъ замерли; они разговаривали шепотомъ. Между тѣмъ хорошенькая м-ше Бушаръ, раскланявшись съ графиней, усѣлась передъ кроватью, взяла за руку Клоринду, и принялась охать и ахать объ ея недоровѣй тоненькимъ голоскомъ.

Бушаръ, стоявшій чинно и съ достоинствомъ, вдругъ произнесъ среди глухого ропота отдѣльныхъ разговоровъ:

— Я вамъ еще не рассказывалъ? Каковъ нашъ толстякъ!

И прежде чѣмъ объяснить въ чемъ дѣло, принялся, также какъ и другіе, горько жаловаться на Ругона. Его ни о чемъ нельзя больше попросить; онъ просто сталъ невѣжливъ, а Бушаръ нуще всего дорожить вѣжливостью. Потомъ, когда у него стали спрашивать, что сдѣлалъ Ругонъ, онъ наконецъ объяснилъ:

— Не терплю несправедливости... Я просилъ за одного изъ своихъ подчиненныхъ, за этого славнаго малаго Жоржа Дюшена. Вы его, кажется, видѣли у меня. Онъ отличный человѣкъ! Мы его принимаемъ какъ сына. Жена очень любитъ его, потому что онъ ей землякъ... Ну, вотъ мы и надумались провзвести его въ помощники начальника отдѣленія. Мысль эта пришла мнѣ въ голову, но вѣдь и ты, Адель, одобряла ее, не правда-ли?

М-ше Бушаръ, съ смущеннымъ видомъ, наклонилась еще больше къ Клориндѣ, чтобы избѣжать взоровъ д'Эскорайля, устремленныхъ на нее.

— Ну, вотъ!—продолжалъ Бушаръ,—вы и вообразить себѣ не можете, какъ принялъ мою просьбу толстякъ?.. Онъ молча глядѣлъ на меня съ минуту, знаете—съ той оскорбительной миной, какую умѣетъ корчить, потомъ наотрѣвъ отказалъ. И такъ какъ я настаивалъ, то Ругонъ сказалъ, улыбаясь: «м-г Бушаръ, не настаивайте, вы меня огорчаете, существуютъ важныя причины»... Невозможно было отъ него добиться толку. Онъ видѣлъ, что я взбѣшенъ, и просилъ передать поклонъ женѣ... Не правда-ли, Адель?

М-ше Бушаръ какъ разъ сегодня вечеромъ имѣла очень рѣзкое объясненіе съ д'Эскорайлемъ по поводу Жоржа Дюшена. Она отвѣчала съ досадой:

— Боже мой! М-г Дюшенъ подождетъ... Онъ вовсе не такъ интересенъ.

Но мужъ упорствовалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ заслужилъ повышение и будетъ назначенъ помощникомъ! Провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, если я этого не добьюсь... Я требую справедливости!

Пришлось успокоивать его. Клоринда была разсѣяна и при-

слушивалась въ бесѣдѣ Кана съ Ла-Руветомъ, стоявшихъ въ ея ногахъ. Первый объяснялъ свое положеніе въ сдержанныхъ выраженіяхъ. Великое предпріятіе желѣзной дороги изъ Ніора въ Анжеръ совсѣмъ лопнуло. Акціи дали восемьдесятъ франковъ преміи на биржѣ, прежде чѣмъ былъ сдѣланъ одинъ ударъ заступомъ. Прикрываясь пресловутой англійской компаніей, Канъ пустился въ самыя рискованныя спекуляціи, и теперь ему грозило банкротство, если его не поддержитъ чья-нибудь сильная рука.

— Во время оно, — шепталъ онъ, — Марси предлагалъ мнѣ продать дѣло западной компаніи. Я готовъ вступить въ переговоры. Стоило бы только добиться закона...

Клоринда подозвала ихъ къ себѣ. Они оба наклонились къ ней и долго съ ней совѣщались. Марси не злопамятенъ. Она переговорить съ нимъ, и предложить миллионъ, котораго онъ требовалъ въ прошломъ году, чтобы поддержать просьбу о концессіи. Его положеніе президента законодательнаго корпуса дастъ ему возможность легко провести необходимый законъ.

— Что грѣха таить, только онъ одинъ можетъ обезпечить успѣхъ такого рода дѣлъ, — проговорила она съ улыбкой. — Когда вздумаютъ помимо него обдѣлать такое дѣло, то всегда приходится въ концѣ-концовъ звать его на помощь.

Теперь въ комнатѣ всѣ громко заговорили. М-ше Коррёръ объясняла м-ше Бушаръ, что у ней остается только одно желаніе: умереть въ Кулонжѣ въ родительскомъ домѣ. Она съ умненіемъ толковала о родинѣ, бранила м-ше Мартинó и грозила, что заставитъ-таки ее возвратитъ ей домъ, гдѣ живутъ воспоминанія ея дѣтства. Гости роковымъ образомъ опять заговорили о Ругонѣ: д'Эскорайль сообщилъ о гнѣвѣ его родителей, приказывавшихъ ему вернуться въ государственный совѣтъ, и порвать съ министромъ, такъ какъ узнали о злоупотребленіяхъ послѣдняго; полковникъ признался, что желалъ получить должность при одномъ изъ императорскихъ дворцовъ, но Ругонъ не удостоилъ попросить объ этомъ императора. Бежуэнъ сѣтовалъ на то, что его величество не посѣтилъ его хрустальнаго завода въ Сень-Флоранъ, во время послѣдней поѣздки въ Буржъ, несмотря на то, что Ругонъ положительно обѣщалъ ему выхлопотать эту милость. Среди непрерывнаго потока рѣчей, графиня Бальби, лежа на кушеткѣ, улыбалась, глядя на свои руки, довольно полныя, и тихо проговорила:

— Фламиніо!

Верзила-лакей вынулъ изъ кармана жилета маленькую чере-

паховую бонбоньерку съ матиными лепешками, и графиня принялась грызть ихъ съ ужасами старой лакомки-кошки.

Делестанъ вернулся только въ полночь. Когда портьера будара приподнялась, глубокое молчаніе воцарилось въ комнатѣ, и всѣ шеи вытянулись. Но портьера опустилась, никто не шелъ за нимъ. Тогда послѣ новаго, непродолжительнаго ожиданія раздался восклицаніа:

— Вы одни?

— Вы его не привезли съ собой?

— Вы, значить, потеряли толстяка дорогой?

И всѣ свободно вдохнули. Делестанъ объяснилъ, что Ругонъ очень усталъ и расстался съ нимъ на углу улицы Марбѣфъ.

— И хорошо сдѣлалъ,—объявила Клоринда, растагиваясь на кровати.—Онъ вовсе не забавенъ!

Это послужило новымъ сигналомъ къ жалобамъ и обвиненіямъ. Делестанъ протестовалъ, повторялъ: позволяте! позволяте! Онъ обыкновенно считалъ долгомъ защищать Ругона. Когда ему дали говорить, онъ произнесъ сдержаннымъ тономъ:

— Конечно, онъ могъ бы лучше поступать съ иными изъ своихъ друзей, но тѣмъ не менѣе онъ очень умный человѣкъ... Что касается меня, то я ему вѣчно останусь благодаренъ...

— Благодаренъ, за что?—вскричалъ съ гнѣвомъ полковникъ.

— Да за все, что онъ сдѣлалъ...

Его рѣзко перебили. Ругонъ никогда ничего для него не дѣлалъ. Откуда онъ взялъ, что Ругонъ что-нибудь для него сдѣлалъ?

— Вы удивительны!—сказалъ полковникъ.—Какъ можно быть ю такой степени скромнымъ!... Мой милый другъ, вы ни въ юмъ не нуждаетесь. Чортъ возьми, вы вышли въ люди, благодаря своимъ способностямъ.

Тутъ всѣ стали превозносить достоинства Делестана. Его брацовая памадская ферма выше всякихъ похвалъ и давно же показала въ немъ способности хорошаго администратора и истинно талантливаго государственнаго человѣка. У него быстрое соображеніе, ясный умъ, энергическая, но не жесткая воля. Къ тому же, вѣдь и императоръ сразу отличилъ его. Онъ вѣсти во всемъ сходится съ его величествомъ.

— Полноте!—объявилъ, наконецъ, Канъ,—вы сами поддерживаете Ругона.—Еслибы вы не были его другомъ, еслибы вы не вдерживали его въ совѣтъ, его давно бы вытурили отсюда.

— Ахъ! вы правы!—закричали всѣ остальные.

Но Делестанъ продолжалъ спорить. Конечно, онъ не должн-

ный человѣкъ, но надо быть справедливымъ и къ другимъ. Сегодня вечеромъ, напримѣръ, у министра юстиціи Ругонъ выказалъ необыкновенную сообразительность въ одномъ очень запутанномъ вопросѣ.

— Да, сметку крюща-подъячаго, — пробормоталъ Ла-Руветъ, съ видомъ пренебреженія.

Клоринда еще не высказалась. Взгляды всѣхъ присутствующихъ обратились къ ней съ тревогой, въ ожиданіи ея мнѣнія. Она тихонько водила головой по подушкѣ, точно чесала затылокъ. Наконецъ, сказала про мужа, не называя его:

— Да, да, побраните его!... Придется бить его, чтобы заставить занять то мѣсто, каковаго онъ достоинъ.

— Мѣсто министра земледѣлія и торговли второстепенное, — замѣтилъ Канъ, желавшій поскорѣе довести до развязки.

Онъ касался самаго больного мѣста. Клоринду задѣвало заживое то обстоятельство, что мужъ ея сидитъ въ такъ-называемомъ «мелкотравчатомъ министерствѣ». Она вдругъ услыхала на постели и произнесла давно ожидаемыя слова:

— Ну, онъ сядетъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, когда мы этого пожелаемъ.

Делестанъ хотѣлъ что-то сказать, но всѣ бросились къ нему, дружески хлопая его по рукамъ, оглушая восторженными восклицаніями. Тогда онъ какъ-бы призналъ себя побѣжденнымъ. Мало-по-малу красна залила его лицо, и оно освѣтилось тайной радостью. М-ше Корреръ и м-ше Бушаръ вполголоса восхищались его красотой, въ особенности послѣдняя, страстно глядѣвшая на его лысину. Канъ, полковникъ и другіе переглядывались и обмѣнивались жестами, словцами, выражавшими высокое мнѣніе объ его умѣ. Вѣдь такого рода господинъ казался для нихъ кладомъ: онъ смиренъ и не самопрометтируетъ никого. Имъ можно будетъ безнаказанно стоять передъ нимъ на коѣняхъ, избрать его богомъ, не боясь его громовъ. Его осыпали той лестью, какая всегда выпадаетъ на долю посредственности, всѣ готовы были ползать ползкомъ передъ глупѣйшимъ изъ нѣаппи. Въ немъ каждый восхищался самимъ собой. И на кротко-степенномъ челѣ Делестана, возвышавшемся надъ остальною группой, торжествовала глупость.

— Вы утомляете его! — замѣтила хороненькая м-ше Бушаръ, — нѣжнымъ голосомъ.

Его утомляютъ! И тутъ всѣ принялись жалѣть Делестана. Въ самомъ дѣлѣ, онъ блѣденъ, глаза его смыкаются. Подумайте! вѣдь человѣкъ работаетъ съ пяти часовъ утра! а ничто такъ не утом-

лечь какъ умственный трудъ. И всѣ наставляли, чтобы онъ шелъ спать. Онъ кротко повиновался и ушелъ, поцѣловавъ жену въ лобъ.

— Фламиніо! — прошептала графиня.

Она тоже собиралась лечь спать. И прошла черезъ всю комнату, опираясь на руку лавы и посылая всѣмъ привѣтствія рукой. Въ уборной Фламиніо принялся ругаться, потому что лампа потухла, и онъ никакъ не могъ найти замка двери, ведущей изъ уборной въ комнату графини.

Былъ часъ пополудни; заговорили о томъ, что пора уходить. Но Клоринда увѣряла, что не хочетъ спать, что гости могутъ оставаться. Однако, никто больше не сѣлся. Въ будуарѣ тоже наступила темнота; распространился сильный запахъ масла. И съ превеликимъ трудомъ гости розыскали свои вещи: вѣеръ, трость полковника, шляпу м-ше Бушаръ. Клоринда, спокойно лежа на постелѣ, говорила, что бесполезно звать служанку; Антонія ложились спать въ двѣнадцать часовъ. Наконецъ всѣ уже уходили, когда полковникъ замѣтилъ, что позабылъ Огюста; юноша спалъ на диванѣ будуара, положивъ подъ голову свернутое въ комочъ платье; его побранили за то, что онъ не поправилъ лампы. Въ домѣ всѣ уже спали и было совсѣмъ темно. На лѣстницѣ м-ше Бушаръ слегка вскрикнула и объяснила, что у ней повернулись ноги. И въ то время, какъ весь этотъ людъ осторожно спускался съ лѣстницы, держась за перила, послышался громкій хохотъ изъ комнаты Клоринды, гдѣ засидѣлся Поццо.

Каждый четвергъ и каждое воскресенье вечера проходили подобнымъ образомъ. Въ городѣ носился слухъ, что у м-ше Делестанъ составилъ политическій салонъ. Въ немъ высказывались очень либеральныя мнѣнія и нападали на деспотическое управленіе Ругона. Вся шайка увлеклась мечтой о гуманной имперіи, расширяя мало-по-малу и до безконечнаго кругъ общественныхъ вольностей. Полковникъ, въ часы досуга, составлялъ статьи рабочихъ ассоціацій; Бежуэнъ толковалъ объ основаніи рабочаго поселенія близъ хрустальнаго завода въ Сентъ-Флоранъ; Канъ по нѣскольку часовъ сряду бесѣдовалъ съ Делестаномъ о демократической роли Бонапартовъ въ современномъ обществѣ. И каждое новое дѣйствіе Ругона вызывало негодующіе протесты и патриотическія опасенія: какъ бы Франція не погибла въ рукахъ такого человѣка. Разъ Делестанъ вздумалъ утверждать, что императоръ единственный республиканецъ своего времени. Шайка напускала на себя замашки религіозной секты, несущей спасеніе. Клоринда въ нѣсколько вечеровъ забрала ее въ руки, и те-

перь уже открыто замыслили низверженіе толстѣе для вѣщаго блага страны.

Между тѣмъ Клоринда не торопилась. Она теперь постоянно лежала на кушеткѣ, разсѣянная, уставивъ глаза въ потолокъ, словно изучая его углы. Когда другіе кричали и топтали ногами отъ нетерпѣнія вокругъ нея, у ней оставалось безмолвное и серьезное лицо, и она взглядами приглашала ихъ быть осторожнѣе. Она меньше выходила, забавлялась тѣмъ, что переодѣвалась мужчиной вмѣстѣ съ служанкой, — вѣроятно, чтобы убить время. То вдругъ проникалась нѣжностью къ мужу, цѣловала его при всѣхъ, картавила, выказывала сильное безпокойство объ его здоровьѣ, хотя оно было прекрасно. Быть можетъ, она хотѣла такимъ образомъ скрыть безусловную власть, постоянный надзоръ свой надъ нимъ. Она руководила малѣйшими его словами; съ утра читала ему наставленія, какъ ученику, которому не довѣряютъ. Делестанъ выказывалъ, впрочемъ, безусловную покорность. Онъ кланялся, улыбался, сердился, называлъ, что угодно, чернымъ или бѣлымъ, повинуюсь веревочкѣ, за которую она дергала. Когда пружина, какою его заводили, развѣтывалась, онъ самъ приходилъ къ Клориндѣ, чтобы она ее завела — и казался умнымъ человѣкомъ.

Клоринда выжидала. Бенуа д'Оршеръ, избѣгавшій прѣзжать по вечерамъ, часто видался съ ней днемъ. Онъ горько жаловался на Ругона, обвиняя его въ томъ, что онъ обходитъ его и хлопочетъ о карьерѣ разныхъ постороннихъ лицъ. Но это всегда такъ бываетъ; родныхъ никогда не ставятъ ни во что! И навѣрное самъ Ругонъ отговариваетъ императора назначить его министромъ юстиціи, изъ боязни раздѣлить съ нимъ вліяніе въ совѣтѣ. Молодая женщина подстрекала его досаду. Потомъ въ неопредѣленныхъ словахъ говорила о будущемъ торжествѣ мужа и смутно обнадеживала, что онъ попадетъ въ новый составъ министровъ. Въ сущности, она черезъ него разузнавала о томъ, что происходитъ въ домѣ Ругона. Изъ женской злости, она желала бы, чтобы этотъ послѣдній не былъ счастливъ и въ семейной жизни, и подстрекала судью перессорить его съ женой. Тотъ и пытался-было это сдѣлать, но, должно быть, потерпѣлъ неудачу. М-ме Ругонъ оставалась непоколебимо спокойной. Зять, говорилъ онъ, сталъ очень нервенъ съ нѣкоторыхъ поръ. И какъ будто намекалъ, что пора его свалить; онъ пристально глядѣлъ на молодую женщину, сообщая ей характеристическіе факты съ любезнымъ видомъ болтуна, безъ всякой задней мысли передающаго городскія сплетни. Почему она не дѣйствуетъ, если все въ

ей рукамъ? Она же лѣниво потягивалась и привидывалась смиренной особой, ожидающей у моря погоды.

Между тѣмъ въ Тюльери власть Кларинды все росла. Всѣ шепотомъ толковали о сильной страсти, внушенной ею его величеству. На балахъ, на оффиціальныхъ приѣмахъ, вездѣ, гдѣ встрѣчалъ ее императоръ, онъ вертѣлся около нея, косилъ глаза на ея шею и что-то шепталъ съ улыбкой. И ходилъ слухъ, что она не сдавалась. Она разыгрывала прежнюю пору дѣвушки-невѣсты, бойкой, развязной, допускающей всякія вольности, но постоянно держащейся на-сторожѣ и ускользающей въ самую рѣшительную минуту. Она какъ будто затѣмъ раздувала страсть императора, чтобы лишить его возможности отказать ей въ чемъ-либо, и обезпечить успѣхъ какого-то давно составленнаго плана. И вотъ, въ самый разгаръ боя, на нее находили порою сомнѣнія въ силѣ собственной красоты; она какъ будто искала непреодолимаго аргумента, сторожила случай, который бы предалъ врага ей въ руки полуживого, чтобы она могла добить его одной улыбкой.

Въ эту эпоху она вдругъ стала очень нѣжна съ де-Плугерномъ. Въ послѣдніе мѣсяцы они были не въ ладу. Сенаторъ, постоянно ухаживавшій за ней, фамиллярный до того, что позволялъ себѣ хлопать ее по плечу, рассердился въ одинъ прекрасный день за то, что ей пришла фантазія выгнать его изъ уборной въ то время, какъ она одѣвалась. Она краснѣла, уступая дѣломудренному капризу, не хотѣла, чтобы онъ до нея дотрогивался; ее смущали, говорила она, сѣрые глаза старика, загоравашіеся огнемъ. Но онъ сердился, отказывался приходить въ тѣ часы, какъ и всѣ другіе. Развѣ онъ не отецъ ей? развѣ она не прыгала у него на колѣняхъ? И рассказывалъ, ухмыляясь, о томъ, какъ въ былое время плепалъ ее въ наказаніе. Она, наконецъ, выгнала его вонъ въ одно прекрасное утро, когда, несмотря на крики и удары кулаками Антоніи, онъ вошелъ въ ней въ то время, какъ она сидѣла въ ваннѣ. Когда Канъ или полковникъ Жюбеланъ освѣдомлялись у ней о де-Плугернѣ, она отвѣчала съ кислой миной:

— Онъ молодѣетъ, ему опять двадцать лѣтъ... Я съ нимъ больше не вижу.

Потомъ вдругъ у ней стали встрѣчать де-Плугерна во всякое время. Во всѣ часы дня онъ торчалъ въ ея уборной. Онъ зналъ, гдѣ лежитъ каждая ея вещь.

— Крестный, принеси мнѣ пилку для ногтей, знаешь, изъ того ящика... Крестный, передай мнѣ губку...

«Крестнымъ» называла она его въ видѣ ласки: онъ часто теперь толковалъ про графа Бальби, давалъ точныя указанія о времени рожденія Клоринды, точно желалъ самому себѣ доказать, что онъ не могъ быть отцомъ молодой женщины, какъ это говорила скандальная хроника. И когда графиня Бальби, съ вѣчной улыбкой на измятомъ лицѣ, находилась въ спальнѣ Клоринды въ тотъ моментъ, какъ эта послѣдняя вставала съ постели, онъ бросалъ многозначительные взгляды старухѣ, указывалъ ей на обнаженное плечо, на полуоткрытое колѣно, повторяя:

— Гм! совсѣмъ вашъ портретъ, Леонора!

Дочь напоминала ему мать. Костлявое лицо его пылало. Зачастую онъ охватывалъ иссохшими руками Клоринду, прижимался къ ней и говорилъ ей какую-нибудь сальность. Это ему нравилось. Онъ былъ волтерьянцемъ, все отрицалъ, старался убить послѣднюю совѣсть въ молодой женщинѣ, говоря съ своей скверной усмѣшкой:

— Дурочка, вѣдь не грѣшно... Чтѣ пріятно, то и не грѣшно.

Никто не зналъ, какъ далеко зашло дѣло между ними. Должно быть очень далеко, до самаго конца. Клориндѣ нуженъ былъ тогда де-Плутернъ; онъ долженъ былъ играть роль въ драмѣ, о которой она мечтала. Къ тому же, ей случалось покупать такимъ образомъ дружбу, хотя она потомъ ею и не пользовалась, когда перемѣняла планы. Въ ея глазахъ это значило не болѣе пожатія руки человѣку мало знакомому. Ея презрѣніе къ собственнымъ милостямъ какъ будто ставило ее выше обычной честности, какъ будто она въ многомъ чѣмъ полагала свою гордость.

Между тѣмъ выжиданіе начинало тяготить ее. Она въ неопредѣленныхъ словахъ говорила съ де-Плутерномъ о какомъ-то смутномъ, неясномъ событіи, слишкомъ запаздывавшемъ. Сенаторъ ломалъ голову, съ видомъ шахматнаго игрока, и качалъ головой, но ничего не могъ придумать. Что касается ея, то въ рѣдкіе дни, когда Ругонъ навѣщалъ ее, она прикидывалась утомленной, толковала о томъ, что поѣдетъ въ Италію на три мѣсяца. Потомъ, полузакрывъ глаза, оглядывала Ругона сверкающимъ взоромъ, отыскивая слабый пунктъ, въ который бы поразить это громадное туловище. Улыбка утонченной жестокости передергивала ея губы. Она могла бы попытаться сдвинуть его горло своими тонкими пальцами; но ей хотѣлось задушить его до смерти. И ей доставляло наслажденіе терпѣливо слѣдить за тѣмъ, какъ у ней отоступутъ ногти. Ругонъ, вѣчно поглощенный различными соображеніями, разсѣяннѣе пожималъ ей руку, не замѣ-

чая ея нервной лихорадочной дрожи. Онъ считалъ, что она стала благоразумнѣе, хвалилъ за то, что слушается мужа.

— Вотъ, вы стали почти такою, какою я желалъ васъ видѣть, — говорилъ онъ. — Вы правы, женщины должны спокойно сидѣть дома.

А она восклицала съ извѣтельнымъ смѣхомъ, когда онъ уходилъ:

— Боже мой! какъ онъ глупъ!.. И еще находитъ женщинъ глупыми!

Наконецъ, однажды въ воскресенье вечеромъ, около десяти часовъ, въ ту минуту, какъ въ комнатѣ Клоринды была собрана вся шайка, вошелъ де-Плутернъ съ торжествующимъ видомъ:

— Ну! — спросилъ онъ, представляясь сильно негодующимъ, — извѣстенъ ли вамъ новый подвигъ Ругона?... На этотъ разъ мѣра переполнилась.

Всѣ засуетились вокругъ него. Никто ничего не зналъ.

— Ужасъ! — повторялъ онъ, поднимая руки вверхъ. — Нельзя повѣрить, чтобы министръ палъ такъ низко...

И рассказалъ всю исторію. Шарбоннели, прибывъ въ Фавероль, чтобы вступить въ наслѣдство имуществомъ кузена Шевассю, подняли страшный гвалтъ о минимомъ исчезновеніи большого количества серебряной посуды. Они обвиняли служанку, которой порученъ былъ надворъ за домомъ, очень набожную женщину; она, извѣстясь о рѣшеніи государственнаго совѣта, должно быть, сговорила съ сестрами Св. Семейства и перевезла въ монастырь всю серебряную посуду. Три дня спустя они толковали уже не про служанку; по ихъ словамъ, сами сестры ограбили домъ. Въ городѣ это произвело страшный скандалъ. Но полицейскій комиссаръ отказывался сдѣлать обыскъ въ монастырѣ, когда по простому письму Шарбоннелей Ругонъ телеграфировалъ префекту немедленно распорядиться на счетъ домового обыска въ монастырѣ.

— Да! домового обыска! такъ было предписано денешей, — докончилъ де-Плутернъ. — Послѣ этого комиссаръ и два жандарма перевернули все вверхъ дномъ въ монастырѣ. Они оставались въ немъ въ теченіи пяти часовъ. Жандармы все рѣшительно перерыли... Представьте, что они переворачивали даже тюфяки монахинь...

— Тюфяки монахинь! О! это возмутительно! — воскликнула м-ме Бушаръ въ негодованіи.

— Надо быть безбожными! — объявилъ полковникъ, сжимая кулаки.

— Что вы хотите, — вздохнула въ свою очередь м-ме Кор-

рёрь, — Ругонъ никогда не ходилъ въ церковь... Я такъ часто, но тщетно старалась примирить его съ Богомъ!

Бушаръ и Бежуэнъ начали головой съ отчаяннымъ видомъ, точно имъ сообщали объ общественной катастрофѣ, заставившей ихъ усомниться въ людскомъ разумѣ. Канъ спросилъ, энергически поглаживая бороду:

— И разумѣется, у монахинь ничего не найдено?

— Рѣшительно ничего! — отвѣчалъ де-Плугернъ.

Потомъ прибавилъ поспѣшно:

— Нашли, кажется, серебряную кастрюльку, два столовыхъ прибора, словомъ, пустяки, подарки, сдѣланные покойнымъ, очень набожнымъ человѣкомъ, монахинямъ, ухаживавшимъ за нимъ во время болѣзни.

— Да, да, очевидно, — пробормотали остальные.

Сенаторъ не настаивалъ. Онъ началъ очень медленно, подчеркивая каждую фразу и прищелкивая пальцами:

— Вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ уваженіи, какое слѣдуетъ оказывать монастырю, святому убѣжищу, гдѣ пріютились всѣ добродѣтели, изгнанныя изъ нашего нечестиваго общества. Какъ хотять, чтобы массы были религіозны, если нападки на религію совершаются высокопоставленными лицами? Ругонъ совершилъ настоящее святотатство, и долженъ будетъ за него заплатить... Въ письмѣ, полученномъ мною изъ Фавероля, сообщаютъ, что все приличное общество въ негодованіи. Монсеньоръ Рошаръ, знаменитый прелатъ, оказывавшій особенное покровительство монахинямъ, немедленно выѣхалъ въ Парижъ искать правосудія. Съ другой стороны, въ сенатѣ всѣ очень раздражены и собираются по моимъ настояніямъ поднять это дѣло. Наконецъ, сама императрица...

Всѣ насторожили уши.

— Да! императрица узнала объ этой злополучной исторіи черезъ м-ме Лорансъ, а этой послѣдней разсказалъ ее нашъ другъ Ла-Рукетъ, которому я ее сообщилъ. Ея величество воскликнула: «м-г Ругонъ недостойнъ больше говорить отъ имени Франціи!»

— Очень хорошо! — сказали всѣ.

Въ этотъ четвергъ сообщенная де-Плугерномъ исторія послужила темой для разговоровъ; до часу ночи Клоринда рта не развѣвала. При первыхъ словахъ де-Плугерна она откинулась на кушетку, немного поблѣднѣвъ, съ дрожащими губами. Потомъ трижды перекрестилась быстро и исподтишка, точно благодарила небо за милость, о которой давно молила. Потомъ принялась

внестово размахивать руками, какъ разъяренная ханжа, при разсказѣ объ обыскѣ въ монастырѣ. Мало-по-малу она очень раскраснѣлась, и, устремивъ глаза въ пространство, впадала въ глубокую задумчивость.

Тутъ, въ то время, какъ всѣ были заняты оживленной бесѣдой, де-Плугернъ подошелъ къ ней, фамиллярно уцепивъ ее и съ скептической усмѣшкой и вольнодумнымъ тономъ большого барина, водившагося со всякимъ людомъ, шепнулъ на ухо молодой женщинѣ:

— Онъ обидѣлъ самого Господа Бога, ему не слобровать!

XIII.

Ругонъ въ теченіи цѣлой недѣли могъ убѣдиться, что все общество ополчилось на него. Ему готовы были бы все простить: злоупотребленіе властью, разнузданныя страсти его шайки, угнетеніе края; но то, что онъ послалъ жандармовъ переворачивать тюфяки монахинь, казалось такимъ чудовищнымъ преступленіемъ, что придворныя дамы прикидывались, что дрожать при видѣ его. Монсеньоръ Рошаръ поднималъ страшный гвалтъ въ официальномъ мірѣ; онъ жаловался, какъ говорили, самой императрицѣ. Къ тому же скандалъ, должно быть, поддерживался горстью ловкихъ людей; они дѣйствовали позаранѣ составленному плану; одни и тѣ же слухи пускались съ разныхъ сторонъ разомъ, съ удивительнымъ единодушіемъ. Среди этихъ ожесточенныхъ нападокъ, Ругонъ вначалѣ оставался спокойнымъ, и только улыбался. Онъ пожималъ плечами, называлъ всю исторію «вздоромъ», и даже позволялъ себѣ трунить. На вечерѣ у министра юстиціи у него вырвались слова: «я однако никому не разсказывалъ, что нашли кюрэ подъ однимъ тюфякомъ». Слова эти облетѣли весь городъ; мѣра оскорбленія и нечестія переполнилась, и вызвала новый взрывъ гнѣва. Тутъ, мало-по-малу, и самъ Ругонъ разсердился. Ему надобли наконецъ эти вопли. Монахини—воровки, потому что у нихъ нашли серебряныя кастрюли и столовые приборы. Онъ не хотѣлъ отступить, толковалъ о томъ, что привлечь къ судебной отвѣтственности все фаверольское духовенство.

Однажды утромъ, очень рано, ему доложили о пріѣздѣ Шарбоннезей. Онъ очень удивился, потому что не зналъ, что они въ Парижѣ, и какъ только завидѣлъ ихъ, закричалъ, что дѣла идутъ хорошо. Наканунѣ онъ послалъ префекту инструк-

ція, какъ заставить прокуратуру начать преслѣдованіе. Но Шарбоннель казался смущеннымъ, а м-ше Шарбоннель вскричала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не то... Вы зашли слишкомъ далеко, м-г Ругонъ. Вы насъ не поняли.

И оба разсыпались въ похвалахъ монахинямъ Св. Семейства. Это святые женщины, и если они и жаловались на нихъ, то вовсе не имѣли въ виду обвинять ихъ въ гадостяхъ. Къ тому же, въ Фаверолъ имъ раскрыли глаза: сестры пользуются тамъ такимъ уваженіемъ.

— Вы намъ очень повредите, м-г Ругонъ, заключила м-ше Шарбоннель, если станете дальше преслѣдовать религію. Мы пріѣхали умолять васъ прекратить дѣло... Вѣдь тамъ, у насъ, они не знаютъ, кто зачинщикъ, не такъ ли? Они думали, что это мы, и чуть не кидали въ насъ камнями... Мы пожертвовали монастырю Распятіе Христа, изъ слоновой кости, висѣвшее въ головахъ у нашего бѣднаго кузена.

— Словомъ, — заключилъ Шарбоннель, — мы васъ предупредили, и теперь дѣлайте, какъ знаете... Всѣмъ извѣстно, что мы тутъ не причемъ.

Ругонъ не перебивалъ ихъ. Они казались очень имъ довольными и даже подъ конецъ возвысили голосъ. Легкая дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Онъ глядѣлъ на нихъ съ страннымъ утомленіемъ, внезапно охватившимъ его, точно у него отняли послѣдній остатокъ силъ. Однако, не спорилъ, и отпустилъ ихъ, обѣщая прекратить дѣло. И дѣйствительно замялъ его.

Въ послѣднее время надъ нимъ разразился новый скандалъ, въ которомъ имя его было косвенно задѣто. Страшная драма разыгралась въ Кулонжѣ. Дю-Пуазъ, упорствуя сломить старика-отца, по выраженію Жильена, въ одно прекрасное утро, вновь постучался у дверей скряги. Десять минутъ спустя, сосѣди услышали ружейные выстрѣлы въ домъ, среди ужасающихъ воплей. Когда вошли, то нашли старика лежащимъ внизу лѣстницы, съ разбитой головой; два разряженныхъ ружья валялись въ сѣняхъ. Дю-Пуазъ, блѣдный какъ смерть, рассказалъ, что отецъ, увидя, что онъ идетъ по лѣстницѣ, вдругъ принялся 'орать: караулъ! точно обезумѣлъ, и выстрѣлилъ въ него два раза, почти въ упоръ, и показалъ даже пробитую дыру въ шляпѣ. Потомъ, все по его словамъ, отецъ, упавъ навзничъ, разбилъ себѣ голову о ступеньку лѣстницы. Эта трагическая смерть, эта таинственная драма, не имѣвшая свидѣтелей, возбуждала самые злостные толки въ департаментъ. Хотя медики и констатировали апоплексическій

ударъ, но враги префекта тѣмъ не менѣе утверждали, что онъ наизвѣстное самъ столкнулъ старика съ лѣстницы. Число же враговъ у него росло съ каждымъ днемъ, благодаря жестокости его управленія: онъ держалъ Ниоръ какъ-бы въ осадѣ террора. дю-Пуазá, стискивая зубы, сжимая жалкіе кулачонки, не сдавался, и сдерживалъ смѣтлив однимъ взглядомъ сѣрыхъ глазъ, когда проходилъ по улицѣ. Но съ нимъ случилась другая бѣда: ему пришлось прогнать Жильена, скомпрометтированнаго въ скверной исторіи денежнаго вымогательства; Жильенъ брался за сто франковъ избавлять крестьянскихъ сыновей отъ рекрутчины, и все, что его покровители успѣли для него сдѣлать,—они спасли его отъ суда исправительной полиціи, и затѣмъ отrekliсь отъ него. Но до сихъ поръ дю-Пуазá опирался на Ругона, и съ каждой новой катастрофой сильнѣе компрометтировалъ министра. Должно быть, онъ проникалъ однако грозящую ему немилость, потому что пріѣхалъ въ Парижъ, не предупредивъ министра. Чувствуя, что почва колеблется у него подъ ногами, что сила Ругона, подточенная имъ же самимъ, подается, дю-Пуазá принялся искать другой сильной руки, за которую могъ бы уцѣпиться. Ругонъ узналъ, что онъ намѣревается просить о переводѣ его въ другой департаментъ, во избѣжаніе вѣрной отставки. Послѣ смерти отца и мошеннической продѣлки Жильена, пребываніе въ Ниорѣ стало невозможнымъ.

— Я встрѣтила дю-Пуазá въ улицѣ Фобургъ-Сентъ-Оноре, въ двухъ шагахъ отсюда,—сказала однажды Клоринда Ругону, въ злости.—Развѣ вы поссорились?.. Онъ, повидимому, взбѣшенъ на васъ.

Ругонъ ничего не отвѣчалъ. Мало-по-малу, онъ былъ вынужденъ отказать префекту въ нѣсколькихъ милостяхъ, и между ними поселился раздоръ. Теперь они ограничивались одними лишь официальными сношеніями. Впрочемъ, разладица была всеобщая. Сама м-ше Корреръ отвернулась отъ Ругона. Бывали вечера, когда онъ испытывалъ то же ощущеніе одиночества, отъ каковаго уже страдалъ нѣкогда въ улицѣ Марбей, когда шайка усомнилась въ его силѣ. Послѣ суетливаго дня, проведеннаго въ толпѣ народа, осаждавшего его пріемную, онъ оставался по вечерамъ одинъ, съ удрученнымъ, тоскливымъ духомъ. Ему недоставало приближенныхъ. Ему, какъ воздухъ, потребно было непрерывное поклоненіе полковника и Бушара, следная лестъ его маленькаго двора: ему недоставало даже безмолвія Бажуана. Онъ попытался-было вернуть приближенныхъ; сдѣлался любезнымъ, писалъ записки, дѣлалъ визиты. Но

связь порвалась, и ему никакъ не удавалось собрать ихъ всѣхъ вокругъ себя. Не успѣвалъ онъ помириться съ однимъ, какъ осорился съ другимъ. Наконецъ, всѣ его покинули. Началась агонія его власти. Онъ, такой сильный, былъ прикованъ къ этимъ глупцамъ долгими усилиями ихъ общей карьеры. Покидая его, они уносили съ собою частицу его силы. Сила его дѣлалась какъ-бы ненужной; громадные кулаки били по воздуху. Въ тотъ день, когда онъ почувствовалъ себя одинокимъ, когда утратилъ мотивы для злоупотребленія властью, ему показалось, что значеніе его умалилось, и онъ сталъ мечтать о новомъ возрожденіи Юпитеромъ олимпійскимъ, безъ всякой шайки у ногъ, предписывающимъ законы одними раскатами грома.

Совсѣмъ тѣмъ Ругонъ не думалъ, что власть его серьезно подорвана. Онъ съ пренебреженіемъ относился къ уваламъ булавкой, едва задѣвавшимъ его. Онъ будетъ управлять одинъ, непопулярный и одинокій, какъ Моисей. Къ тому же, онъ вѣрилъ въ поддержку императора. Довѣрчивость была въ ту пору его единственной слабостью. Каждый разъ, какъ онъ видѣлся съ его величествомъ, онъ находилъ его ласковымъ, благосклоннымъ, улыбающимся блѣдной и непроницаемой улыбкой. И его величество возобновлялъ выраженіе своего довѣрія, подтверждалъ всѣ прежнія инструкціи. Этого было достаточно для Ругона. Государь не могъ имѣть въ виду пожертвовать имъ. Эта увѣренность побудила его рискнуть на крайній шагъ. Чтобы заставить своихъ враговъ молчать и крѣпче прежняго утвердить свою власть, онъ придумалъ подать въ отставку; съ большимъ достоинствомъ упоминалъ онъ въ прошеніи о жалобахъ, раздававшихся противъ него, о томъ, что онъ буквально повиновался приказаніямъ императора и чувствуетъ потребность въ его высокомъ поощреніи для того, чтобы продолжать дѣло общественнаго спасенія. При этомъ прямо заявлялъ себя человекомъ съ желѣзною рукою, представителемъ безошаднаго гнета. Дворъ находился въ Фонтенбло. Отправивъ прошеніе, Ругонъ сталъ ждать отвѣта съ хладнокровіемъ картежнаго игрока. Всѣ послѣдніе скандалы будутъ стерты: драма въ Кулонжѣ, обыскъ у сестеръ Св. Семейства. Если же ему суждено пасть, то онъ желалъ свалиться со всей своей высоты, какъ сильный борецъ.

Какъ разъ въ тотъ самый день, какъ должна была рѣшиться судьба министра, въ оранжереѣ Тюльери происходилъ благотворительный базаръ въ пользу приюта, покровительствуемаго императрицей. Всѣ придворные, весь officialный міръ, вѣроятно, явится туда. Ругонъ рѣшилъ показать имъ свое спокойное лицо.

Это было съ его стороны бравадой: поглядѣть прямо въ глаза людямъ, исподтишка косившимся на него, встрѣтить спокойнымъ презрѣніемъ шутку толпы. Около трехъ часовъ, когда онъ отдавалъ послѣднія приказанія, прежде чѣмъ уѣхать, лакей пришелъ доложить, что какой-то господинъ съ дамой непременно желаютъ видѣться съ нимъ конфиденціально. На визитной карточкѣ стояли имена маркиза и маркизы д'Эскорайль.

Старикъ, которыхъ лакей, введенный въ заблужденіе ихъ почти бѣднымъ нарядомъ, оставилъ въ столовой, церемонно встали на встрѣчу Ругону. Ругонъ поспѣшилъ увести ихъ въ гостинную, взволнованный и смутно встревоженный ихъ появленіемъ. Онъ выразилъ удивленіе на счетъ ихъ внезапнаго пріѣзда въ Парижъ, и былъ очень съ ними любезенъ, но они оставались чопорными, сдержанными, съ кислыми лицами.

— Господинъ министръ,—началь, наконецъ, маркизъ,—извините мѣру, къ какой мы вынуждены прибѣгнуть... Дѣло касается нашего сына Жюля. Мы желаемъ, чтобы онъ вышелъ въ отставку и покорнѣйше просимъ васъ не держать его больше при себѣ.

Ругонъ глядѣлъ на нихъ съ крайнимъ изумленіемъ.

— Молодые люди вѣтрены,—продолжалъ маркизъ.—Мы два раза писали Жюлю, излагая ему резоны, по которымъ желаемъ его выхода въ отставку... Потомъ, видя, что онъ не слушается, рѣшились сами пріѣхать. Вотъ, второй разъ въ продолженіи тридцати лѣтъ, что нога наша переступаетъ порогъ Парижа.

Тутъ министръ сталъ разубѣждать ихъ. Жюль ожидаетъ прекраснѣйшей карьеры. Они испортили его будущность. Пока онъ говорилъ, у маркизы вырывались жесты нетерпѣнія. Она, въ свою очередь, объяснилась, съ бѣльшей откровенностью, чѣмъ мужъ.

— Боже мой, м-г Ругонъ! не намъ, конечно, васъ судить. Но въ нашей фамиліи существуютъ извѣстныя традиціи... Жюль не можетъ участвовать въ гоненіи на церковь. Въ Плассанѣ всѣ уже и безъ того дивятся... Мы перессоримся со всѣмъ дворянствомъ края.

Онъ понялъ, и собирался возражать. Но маркиза высокомернымъ жестомъ попросила его молчать.

— Дайте договорить... Сынъ присталъ къ правительству помимо нашей воли. Вы знаете, какъ намъ было горько, что онъ служить не законному правительству. Я не дала отцу проклясть его. Съ тѣхъ поръ домъ нашъ въ траурѣ, и, когда мы принимаемъ друзей, имя сына не упоминается въ разговорахъ. Мы поклялись не заниматься имъ больше. Но только есть всему гра-

ицы, и совершенно нестерпимо, что имя д'Эсворайль причисляется къ числу враговъ нашей святой религіи... Вы меня поняли, не правда ли?

Ругонъ поклонился. Онъ даже не улыбнулся надъ набожной ложью старухи. Передъ нимъ вновь воскресли тотъ маркизъ и та маркиза, какихъ онъ знавалъ въ эпоху, когда умиралъ съ голоду на мостовой Плассана: высокомерные, пропитанные спѣсью и дерзостью. Еслибы кто-другой осмѣлился говорить съ нимъ такимъ языкомъ, онъ выпынулъ бы его за дверь, но тутъ онъ почувствовалъ себя смущеннымъ, оскорбленнымъ, униженнымъ. Передъ нимъ вновь встала жалкая, нищенская молодость; ему показалось, что у него на ногахъ снова прорванные сапоги, и онъ поникъ головой, какъ и въ былое время, когда встрѣчалъ стариковъ, шедшихъ въ церковь св. Марка слушать обѣдню. Онъ обѣщалъ убѣдить Жюля. Потомъ добавилъ, намекая на отвѣтъ, ожидаемый имъ отъ императора.

— Впрочемъ, сударыня, быть можетъ, сынъ будетъ возвращенъ вамъ сегодня же вечеромъ.

Оставшись одинъ, Ругонъ ощутилъ нѣчто въ родѣ страха. Старухи лишили его хладнокровія. Теперь онъ колебался появиться на базарѣ, гдѣ всѣ глаза будутъ читать у него на лицѣ смущеніе. Потомъ устыдился этого ребяческаго страха, и ухѣлъ, пройдя черезъ кабинетъ, гдѣ спросилъ у Мерля, не получено ли пакета на его имя.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ задумчивымъ голосомъ приставъ, съ утра находившійся какъ-бы на сторожѣ.

Оранжерея Тюльери, гдѣ происходилъ благотворительный базаръ, была роскошно убрана по этому случаю. Драпировка краснаго бархата съ золотой бахромой покрывала стѣны, превращая обширную, голую галлерею въ роскошныя палаты. На одномъ ея концѣ громадный занавѣсъ, тоже изъ краснаго бархата, пересѣкалъ галлерею и образовалъ отдѣльное помѣщеніе. Этотъ занавѣсъ былъ подобранъ шнуромъ съ громадными золотыми кистями, и служилъ дверью между главной залой, гдѣ разставлены были прилавки съ товарами и буфетомъ. Полъ былъ усыпанъ мелкимъ пескомъ. По угламъ стояли горшки съ зеленью. Посреди четырехугольника, образуемаго прилавками, стояло круглое пате, обитое бархатомъ, очень низенькое и съ покатою спинкой. Изъ центра пате высился колоссальный столбъ цвѣтовъ, цѣлый снопъ стволовъ, съ которыхъ ниспадали розы, гвоздики, вербена, точно яркій дождь. А передъ стеклянными дверями, открытыми настежь на террасу, выходившую берегъ рѣки, прѣ-

ставъ во фракахъ, съ серьёзными лицами осматривали приглашенные билеты.

Дамы-распорядительницы не рассчитывали на наплывъ посетителей раньше четырехъ часовъ. Въ большой залѣ, позади прилавковъ, онѣ дожидались покупателей. На длинныхъ столахъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, лежали товары; нѣсколько прилавковъ занято такъ-называемыми «articles de Paris» и китайскими бездѣлушками; были двѣ лавки съ дѣтскими игрушками; кіоскъ цвѣточницы, полный розами; наконецъ, въ палаткѣ лотерея-аллегри, какъ на сельскихъ ярмаркахъ. Продащицы, декорированныя, въ бальныхъ туалетахъ, подражали торговкамъ, улыбались какъ модистки, продающія залежалый товаръ, тараторили тонкими и ласкательными голосками, назначали цѣну безъ всякаго толку. Книгиня стояла за прилавкомъ съ игрушками напротивъ маркизы, продававшей портмоне въ двадцать су, которыхъ она не уступала дешевле двадцати франковъ, обѣ соперничали другъ съ другомъ, видя торжество своей красоты въ томъ, чтобы собрать побольше денегъ, зазывали покупателей, заигрывали съ мужчинами; потомъ, послѣ ожесточеннаго торга, пускали въ ходъ всѣ уловки кокетства, позволяли жать себѣ руки, выставляли на показъ голыя плечи, чтобы убѣдить дать требуемую цѣну. Благотворительность была тутъ предложомъ. Мужчины спокойно останавливались, рассматривали продавщицъ, точно онѣ составляли часть товара. Передъ иными прилавками молодые щеголи толпились, смѣялись, отпускали не совсѣмъ приличные шуточки, а дамы съ безконечной снисходительностью переходили отъ одного къ другому, предлагая весь свой товаръ и все съ тѣмъ же восхищеннымъ видомъ. Принадлежать толпѣ въ теченіи четырехъ часовъ—да вѣдь это настоящій праздникъ. Шумъ былъ, какъ на аукціонныхъ продажахъ, слышался смѣхъ и гулъ шаговъ по песку. Красныя драпировки умѣряли свѣтъ, проникавшій въ высокія окна, и бросали рововый отблескъ на голыя плечи. А между прилавками, толпясь среди публики, съ легкими корзинками, привѣшенными къ шеѣ, шесть другихъ дамъ, одна баронесса, двѣ дочери банкира, жены трехъ сановниковъ, бросались навстрѣчу каждому вновь прибывающему, предлагая сигары и спички.

М-те де-Комбелó торговала съ особеннымъ успѣхомъ. Она была цвѣточницей и сидѣла въ кіоскѣ, наполненномъ розами, въ рѣзномъ, позолоченномъ шалѣ, походившемъ на большую клѣтку. Одѣтая въ розовое съ головы до ногъ, съ форменнымъ букетомъ фіалокъ на груди, она выдумала составлять букеты

при покупателяхъ, какъ настоящая цѣточница; она связывала букеты изъ розъ съ бутономъ и трехъ листиковъ нитею, держа конецъ ея во рту, и продавала ихъ отъ одного и до десяти лундоровъ, смотря по наружности покупателей. И букеты разбирались нарасхватъ, она едва успѣвала удовлетворить всѣмъ требованіямъ, время отъ времени колола себѣ пальцы впопыхахъ и торопливо высасывала кровь.

Напротивъ, въ полотняной палаткѣ, хорошенъкая м-ше Бушаръ вертѣла колесо лотереи. Она была въ прелестномъ фантастическомъ крестьянскомъ костюмѣ, голубого цвѣта, съ короткой таліей, косышкой на груди, чтобы какъ можно больше походить на торговку пряниками и лепешками. Вмѣстѣ съ тѣмъ она прелестно картавила и привидывалась очаровательно глупенькой и наивной. Въ лотерею разыгрывались отвратительныя бездѣлки въ 5 и 6 су, изъ кожи, стекла, фарфора. Черезъ каждыя двѣ минуты, когда билетъ проигрываетъ, м-ше Бушаръ повторяла кроткимъ голоскомъ невинной поселанки, только-что наканувъ разставшейся съ своимъ селомъ:

— Билетъ стоитъ двадцать су, господа... попытайте счастья, господа...

Буфетъ, гдѣ полъ былъ тоже посыпанъ пескомъ, а по угламъ стояли растенія, былъ уставленъ маленькими круглыми столиками и плетеными стульями; буфету постарались придать видъ настоящаго кафѣ, для большей пикантности. Въ глубинѣ, за монументальнымъ прилавкомъ, три дамы обмахивались вѣерами, въ ожиданіи заказовъ потребителей. Передъ ними стояли графины съ ливерами, тарелки съ пирогами и сэндвичами, конфеты, сигары, папироски. И минутами дама, сидѣвшая посрединѣ, живая и смуглая графиня, вставала и нагибалась, чтобы налить рюмѣ, путаясь среди баррикады графиновъ и неловко маневрируя голыми руками, съ рискомъ все разбить. Но Клоринда царяла за буфетомъ. Она прислуживала публикѣ, засѣдавшей за столиками. Можно было подумать, что Юнона переодѣлась трактирной служанкой. На ней было надѣто желтое, атласное платье съ черными атласными біе, ослѣпительное, необыкновенное, настоящее свѣтило, съ шлейфомъ, походившимъ на хвостъ кометы! Очень сильно декольтированная, она расхаживала какъ царица между плетеными стульями, и съ спокойствіемъ богини разносила подносы, уставленные кружками. Она касалась голыми руками плечъ мужчинъ, нагибалась безъ церемоніи, выслушивая приказанія, отвѣчала всѣмъ, не торопясь, улыбающаяся, развязная. Когда потребители выпивали свою порцію, она протягивала дваную рюмѣ,

получала мелкую монету, и привычнымъ уже жестомъ бросала въ кошелёкъ, привѣшенный къ ея поясу.

Канъ и Безуанъ только-что усѣлись. Первый постукалъ по столу въ шутку и закричалъ:

— Madame, двѣ кружки пива!

Она пришла, подала двѣ кружки пива и остановилась на минутку, чтобъ отдохнуть; буфетъ былъ почти пустъ. Она казалась разсѣянной и вытирала вружевнымъ платкомъ пальцы, замоченные пивомъ. Канъ замѣтилъ особенный блескъ ея глазъ, сіяніе торжества, озарявшее ея лицо. Онъ поглядѣлъ на нее мигающими глазами, и спросилъ:

— Когда вы вернулись изъ Фонтенбло?

— Сегодня утромъ, — отвѣчала она.

— И видѣли императора? Что новаго?

Она улыбнулась, сжала губы съ неопредѣленнымъ выраженіемъ, и въ свою очередь поглядѣла на него. Тутъ онъ замѣтилъ оригинальное украшеніе, котораго прежде не видывалъ у ней. На ея голой шеѣ красовался собачій ошейникъ, настоящій ошейникъ изъ чернаго бархата, съ пряжкой, кольцомъ, гремушкой, золотой гремушкой, гдѣ звенѣла жемчужина. На ошейникѣ было начертано оригинальными буквами изъ брилліантовъ два имени, причемъ они были такъ причудливо перевиты, что невозможно было ихъ разобрать. Отъ кольца шла по груди толстая золотая цѣпь и прикрѣплялась къ золотой бляхѣ, надѣтой на правой рукѣ, повыше локтя, и съ надписью: «*J'appartiens à mon maître*».

— Подарокъ? — скромно спросилъ Канъ, показывая знакомъ на украшеніе.

Она кивнула головой, все еще сжимая губы съ лукавой и чувственной миной. Она сама захотѣла рабства. Съ яснымъ безстыдствомъ, ставившимъ ее выше банальной толпы, заявляла, что почтена высокимъ выборомъ, и возбуждала всеобщую зависть. Когда она показала съ ошейникомъ, на которомъ зоркіе глаза соперницъ прочитали знаменитое имя, соединенное съ ея именемъ, всѣ женщины поняли, что это значитъ, и обмѣнились взглядомъ, какъ-бы говоря: «*итакъ, рѣшено!*» Уже цѣлый мѣсяцъ оффиціальныи міръ толковалъ объ этомъ событіи, дожидаясь такой развязки. И вотъ, развязка наступила: сама Клоринда возвѣщала объ этомъ, выставила объявленіе у себя на плечѣ...

— Madame, кружку пива, пожалуйста? — попросилъ толстый господинъ съ крестомъ, генералъ, глядѣвшій на нее съ улыбкой.

И когда она принесла пиво, ее позвали два депутата.

— Двѣ рюмки шартрёсъ, прошу!

Со всѣхъ сторонъ стекался народъ; заказы сыпались градомъ: кто требовалъ пива, кто анисовой водки, кто лимонаду, пирожковъ, сигаръ. Мужчины глядѣли на нее, шептались, подзадориваемые скоромной исторіей, передававшейся изъ устъ въ уста. И когда эта трактирная служанка, только-что сегодня утромъ покинувшая Фонтенбло, получала деньги въ протянутую руку, они точно искали на ней слѣдовъ высокой любви. Она же безъ малѣйшаго смущенія медленно поворачивала шею, чтобы показать свой собачій ошейникъ, толстая цѣпь котораго звенѣла...

— Превесело! — объявила Клоринда, снова подходя къ Кану. — Они принимаютъ меня за служанку, ей-Богу! Одинъ даже ущипнулъ меня, право! Я ничего не сказала. Что за дѣло?.. Вѣдь это для бѣдныхъ, не правда-ли?

Канъ подмигнулъ глазомъ, чтобы она нагнулась къ нему, и шепотомъ спросилъ:

— Значить, Ругонъ...

— Т-съ! сейчасъ, — отвѣчала она также шепотомъ. — Я послала ему пригласительный билетъ. И жду его.

И такъ какъ Канъ покачалъ головой, то живо прибавила:

— Да, да, я его знаю, онъ придетъ... Къ тому же, онъ ничего не знаетъ.

Канъ и Безуэтъ принялись сторожить приходъ Ругона. Имъ видна была вся зала черезъ широкую портьеру буфета. Толпа прибывала въ ней съ каждой минутой. Мужчины, развалившись на кругломъ патѣ, скрестивъ ноги, закрывали глаза съ сонливымъ видомъ, а мимо нихъ, цѣпляясь за ихъ ноги, непрерывной вереницей тянулись посѣтители... Жара становилась нестерпимой, шумъ все усиливался.

Появилась т-те Коррёръ, обходявшая маленькими шагами прилавокъ, толстая, разряженная въ гренадиновое платье, бѣлое съ лиловыми полосками, подъ которымъ жирныя руки и плечи ея образовали розоватые комки. У ней была сдержанная мина, она поглядывала направо и налево, съ видомъ человѣка, намѣревающагося заключить выгодную сдѣлку. Обыкновенно она говорила, что на благотворительныхъ базарахъ можно очень выгодно приобретать различныя вещи; и улыбалась, прибавляя, что бѣдныя дамы не всегда знаютъ цѣну своему товару. Она, впрочемъ, никогда не покупала у знакомыхъ продавщицъ: онѣ слишкомъ «надуваютъ» покупателей. Когда она обошла залу, оглядѣвъ вещи со всѣхъ сторонъ, обнюхавъ ихъ, повертѣвъ во всѣ стороны, то вернулась къ прилавку съ кожаными вещами и

простояла передъ нимъ по крайней мѣрѣ десять минутъ, роясь въ вещахъ съ растеряннымъ видомъ. Наконецъ небрежно взяла портфель изъ кожи, который уже четверть часа тому назадъ остановилъ ея вниманіе.

— Сколько стоить?—спросила она.

Продавщица, высокая, молодая, бѣлокурая женщина, весело болтавшая съ двумя кавалерами, отвѣчала, почти не оборачиваясь:

— Пятнадцать франковъ.

Портфель стоилъ по крайней мѣрѣ двадцать. Дамы, соперничавшія другъ съ другомъ въ томъ, чтобы брать съ мужчинъ безумныя цѣны, вообще уступали вещи женщинамъ за рыночную цѣну, точно сговорившись. Но м-ме Коррёръ съ испуганнымъ видомъ положила портфель на конторку, бормоча:

— О! это слишкомъ дорого... Я хочу сдѣлать подарокъ. Я готова дать десять франковъ, но не болѣе. Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь хорошенкаго за десять франковъ?

И снова принялась рыться въ вещахъ. Ей ничто не нравилось. Боже мой! еслибы только этотъ портфель стоилъ не такъ дорого! Она брала его въ руки, потомъ снова откладывала, совала носъ во всѣ отдѣленія. Продавщица, выведенная изъ терпѣнія, предлагала ей наконецъ его за четырнадцать франковъ, потомъ за двѣнадцать. Нѣтъ, нѣтъ, это все еще слишкомъ дорого. И получила его наконецъ за одиннадцать франковъ, послѣ ожесточеннаго торга. Высокая молодая женщина говорила:

— Я лучше желаю продать... Всѣ женщины торгуются и ни одна не покупаетъ... Ахъ! плохо-бы намъ пришлось, еслибы не было мужчинъ!

М-ме Коррёръ, уходя, съ радостью увидѣла внутри портфеля билетикъ, гдѣ была обозначена цѣна портфеля: двадцать пять франковъ. Она еще побродила кругомъ, потомъ усѣлась возлѣ м-ме Бушаръ. Она называла ее «моя душечка», и поправила ей завитушки на лбу.

— Вотъ и полковникъ!—произнесъ Канъ, все еще засѣдавшій у буфета и сторожившій дверь.

Полковникъ пришелъ, потому что никакъ нельзя было не придти. Онъ надѣялся отдѣлаться лундоромъ; и это уже было для него очень тяжело. Уже у двери онъ ускользнулъ отъ трехъ или четырехъ дамъ, окружившихъ его, съ криками:

— Купите у меня сигару... купите коробку спичекъ...

Онъ улыбался, но вѣжливо отстранилъ ихъ. Потомъ оглядѣлся, намѣреваясь тотчасъ же уплатить долгъ и остановился у

прилавка, за которымъ возсѣдала дама, очень вліятельная при дворѣ, и спросилъ у ней, что стоить сигарочница, очень впрочемъ безобразная—75 франковъ! Онъ не могъ сдержатъ движенія ужаса, бросилъ сигарочницу и убѣжалъ; а дама, раскрасѣвшаяся, разгнѣванная, отвернула голову, точно онъ позволилъ себѣ неприличную выходку. Тогда, во избѣжаніе невыгодныхъ комментарій, онъ подошелъ къ кіоску, гдѣ m-me Комбелѣ связывала букеты. Такіе маленькіе букеты вѣрно недороги. Изъ осторожности онъ не захотѣлъ даже букета, догадываясь, что цвѣточница должна высоко цѣнить свой трудъ. И выбралъ изъ груды розановъ самый маленькій, самый поблѣкшій, съ поусыпавшимся бутонѣмъ. И любезно, вынимая портмоне, спросилъ:

— Что стоить этотъ цвѣтокъ?

— Сто франковъ,—отвѣчала барыня, исеюса слѣдившая за его маневрами.

Онъ пробормоталъ что-то, руки его задрожали. Но на этотъ разъ невозможно было отступить: вокругъ толпились народъ и глядѣлъ на него. Онъ заплатилъ и, подойдя къ буфету, ускрылся за столикъ, возлѣ Кана, бормоча:

— Это грабежъ, это настоящій грабежъ...

— Вы не видѣли Ругона въ залѣ?—спросилъ Канъ.

Полковникъ не отвѣчалъ. Онъ бросалъ разъяренные взгляды на продавщицъ. Потомъ, такъ какъ д'Эскорайль и Ла-Рукеъ громко смѣялись у одного прилавка, проворчалъ сквозь зубы:

— Чортъ побери! молодыхъ людей эти вещи забавляютъ... Вѣдь ихъ-то денежки не пропадутъ даромъ.

Дѣйствительно, д'Эскорайль и Ла-Рукеъ очень веселились. Дамы увивались вокругъ нихъ. Какъ только они вошли, всѣ руки протянулись къ нимъ; направо, налѣво звучали ихъ имена и даже мягкія ручки останавливали ихъ на ходу:

— М-г д'Эскорайль, помните, что вы мнѣ обѣщали... Послушайте, m-г Ла-Рукеъ, купите у меня маленькую лошадку. Нѣтъ? ну, такъ куклу. Да, да, куклу. Это какъ разъ то, что вамъ требуется!

Они держали другъ друга за руку,—въ видахъ самосохраненія, говорили они, смѣясь. И шествовали сіяющіе, опьянѣвшіе среди толпы юбокъ, оглушаемые нѣжнымъ зовомъ хора хорошенькихъ голосковъ. Минутами, они исчезали въ толпѣ, отъ которой притворно оборонялись съ криками испуга, и у каждой прилавка позволяли обирать себя. Потомъ притворялись скупыми, разыгрывали комическій испугъ. За копѣчную куклу цѣны лудоръ! они не въ состояніи такъ мотать деньги. За три ка-

рандаша два луидора! да ихъ хотятъ, должно быть, отпустить нищими! Всѣ помирали со смѣху. Дамы заливались хохотомъ, напоминавшимъ пѣніе флейты. Онѣ становились жаднѣе, опьянѣнныя золотымъ дождемъ, заламывали втрое, вчетверо дороже, и передавали кавалеровъ изъ рукъ въ руки, подмигивая глазами. У нихъ вырывались такія словечки: «вотъ я ихъ поддѣну... Увидите, ихъ можно провести за носъ»... Кавалеры слышали эти фразы и отвѣчали на нихъ забавными поклонами. За ихъ спиной дамы торжествовали, хвастались своими успѣхами; самой ловкой оказалась восемнадцатилѣтняя дѣвушка, продавшая палочку сургуча за три луидора. Между тѣмъ, дойдя до конца залы, д'Эскорайль, которому одна продавщица совала въ карманъ коробку съ мыломъ, вскричалъ:

— У меня нѣтъ больше ни копѣйки. Угодно, я дамъ вамъ вексель?

И сталъ вытрясать передъ ней портмоне. Дама увлеклась и, потерявъ голову, взяла портмоне и начала въ немъ шарить. И глядѣла на д'Эскорайля, готовая, повидимому, потребовать у него цѣпочку отъ часовъ.

Это былъ фарсъ. Д'Эскорайль всегда бралъ съ собой на базары пустое портмоне, чтобы посмѣяться.

— Ахъ! полно!—проговорилъ онъ, увлекая Ла-Рувета,—я дѣлаюсь скрягой!... Гмъ! надо поправить дѣлишки.

Они проходили мимо разыгрывавшейся лотереи, и м-ме Бушаръ закричала имъ:

— Господа, билетъ стоить двадцать су... попытайте счастья, господа...

Они подошли, прикидываясь, что не разслышали:

— Эй, торговка, почему билетъ?

— По двадцати су, господа.

И смѣхъ раздался еще громче. М-ме Бушаръ стояла съ невиннымъ лицомъ передъ ними и глядѣла удивительными глазами, точно видѣла ихъ въ первый разъ. Тутъ завязалась ожесточенная игра. Въ теченіи четверти часа колесо вертѣлось безостановочно. Каждый изъ нихъ поочередно вертѣлъ его. Д'Эскорайль выигралъ двѣ дюжины подставокъ для яицъ въ смятку, три маленькихъ зеркала, семь фарфоровыхъ статуетокъ, пять сигарочницъ. На долю Ла-Рувета пришлось двѣ пачки кружевъ, нѣсколько ставановъ, подсвѣчникъ, ящикъ съ зеркаломъ. М-ме Бушаръ, стиснувъ зубы, закричала наконецъ:

— Будетъ! не хочу, вамъ слишкомъ везетъ! Я больше не играю!.. Вотъ, берите свои выигрыши.

Она сложила ихъ въ двѣ большихъ груды, на столѣ. Ла-Рукетъ казался въ отчаяніи. Онъ предложилъ ей промѣнять вещи на букетъ фіалокъ, воткнутый въ ея волосы, но она отказала.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы вѣдь выиграли все это, не такъ ли? Ну, и берите.

— Madame Бушаръ права, — серьезно замѣтилъ д'Эскораиль.

— Не слѣдуетъ пренебрегать счастіемъ. Чортъ меня возьми, если я разстанусь хоть съ одной подставкой!.. Нѣтъ, я сталь скрягой.

Онъ растянулъ носовой платокъ и аккуратно увязывалъ въ него вещи. Это вызвало новый взрывъ хохота. Смущеніе Ла-Рукета было тоже очень забавно. Тогда м-ме Коррёръ, сохранявшая до сихъ поръ сдержанность улыбающейся матроны, выставила впередъ толстое розовое лицо, и объявила, что согласна на промѣнъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не надо, — поспѣшилъ отвѣтить молодой депутатъ. — Берите все, я вамъ отдаю все.

Но молодые люди не ушли, они остались у прилавка и вполголоса осыпали м-ме Бушаръ комплиментами весьма двусмысленнаго свойства. При взглядѣ на нее голова кружится еще сильнѣе, чѣмъ ея колесо. Что можно съ нея выиграть? Эта игра не стоитъ игры въ pigeon vole; они предлагаютъ ей играть въ pigeon vole на что угодно. Потомъ, изъ школьничества, стали говорить ей шепотомъ фарсы. М-ме Бушаръ опускала рѣсницы, смѣялась какъ дурочка и слегка поводила плечами, какъ крестьянка, надъ которой потѣшаются господа. Въ это время м-ме Коррёръ восхищалась ею, повторяя съ восторженнымъ видомъ знатока:

— Какъ она мила! какъ она мила!

Но м-ме Бушаръ разсердилась наконецъ. Она хлопнула по рукамъ д'Эскораиля, хотѣвшаго осмотрѣть механизмъ колеса, утверждая, что она, должно быть, плутуетъ. Когда же, наконецъ, они оставить ее въ покоѣ! И, прогнавъ ихъ, снова запѣла зазывающимъ голосомъ торговли:

— Господа, купите билетъ въ двадцать су... только двадцать су, господа.

Въ эту минуту Канъ, вставшій заглянуть черезъ головы, поспѣшно сѣлъ, пробормотавъ:

— Ругонъ идетъ... Будемъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Ругонъ медленно проходилъ по залѣ. Онъ остановился, повернулъ колесо у м-ме Бушаръ, заплатилъ м-ме Комбелѣ три луидора за одну розу. Послѣ того, одну минуту, какъ будто со-

бирался уйти, такъ какъ отбылъ свою повинность. Онъ заморгалъ глазами и уже направился къ двери. Но вдругъ, взглянувъ въ сторону буфета, направился къ нему, высоко задралъ голову, съ спокойнымъ и гордымъ видомъ. Д'Эскорайлъ и Ла-Рукеть успѣлись возлѣ Кана, Бежуэна и полковника; къ нимъ присоединился также и Бушаръ, только-что пришедшій. И всѣ эти господа слегка дрогнули, когда министръ прошелъ мимо нихъ, — такимъ онъ показался имъ высокимъ и сильнымъ. Онъ кивнулъ имъ головой свысока и фамильярно, и успѣлся за сосѣднѣй столъ. Широкое лицо его медленно поворачивалось влѣво и вправо, храбро выдерживая взгляды, устремленные на него — онъ это чувствовалъ — со всѣхъ сторонъ.

Подошла Клоринда, царственно волоча свое тяжелое желтое платье. Она спросила у него съ блестящими глазами и напускной вульгарностью, сквозь которую просвѣчивала насмѣшка:

— Чего прикажете?

— Да! это задача. Я никогда ничего не пью... Что у васъ есть?

Тогда она скороговоркой перечислила ликеры: *fine-champagne*, ромъ, кюрасо, киршъ, шартрѣзъ, анисетъ, кюммель!

— Не надо, не надо, дайте мнѣ стаканъ сахарной воды.

Она подошла къ буфету, принесла стаканъ сахарной воды съ величественностью богини, и, остановясь передъ Ругономъ, глядѣла, какъ онъ распускалъ сахаръ. Онъ продолжалъ улыбаться, и наговорилъ разныхъ банальностей.

— Вы здоровы?.. Я цѣлый вѣкъ не видалъ васъ.

— Я была въ Фонтенбло, — просто отвѣтила она.

Онъ поднялъ глаза, поглядѣлъ на нее проницательнымъ взглядомъ. Но она, въ свою очередь, спросила его:

— А вы довольны? дѣла идутъ такъ, какъ вамъ хочется?

— О, да! — отвѣчалъ онъ.

— Ну, тѣмъ лучше.

И засуетилась около него, точно услужливый гарсонъ кофейни, желающій угодить посѣтителю. Она поглядывала на него злыми глазами, точно собиралась каждую минуту сообщить нѣчто такое, что съ трудомъ удерживала на языкѣ. Наконецъ, рѣшилась отойти отъ него, но прежде приподнялась на цыпочкахъ и заглянула въ сосѣдную залу. Потомъ, тронувъ его за плечо:

— Кажется, васъ ищутъ, — произнесла она, вся вспыхнувъ.

Дѣйствительно, Мерль почтительно пробирался среди стульевъ и столовъ буфета. Онъ отпустилъ три низкихъ поклона, и просилъ извиненія у его превосходительства. Получено письмо, ко-

тораго его превосходительство ждетъ съ утра. Ну, и вотъ, онъ думалъ, хотя и не получалъ приказанія...

— Хорошо, давайте, — перебилъ Ругонъ.

Приставъ подавъ большой конвертъ и пошелъ бродить по залу. Ругонъ при первомъ взглядѣ узналъ почеркъ: то было собственноручное письмо императора, отвѣтъ на его просьбу. Холодный потъ омочилъ его виски. Но онъ даже не поблѣднѣлъ, спокойно положилъ письмо въ карманъ скюртука, не отводя глазъ отъ стола Кана, куда теперь отошла Клоринда. Вся шайка теперь наблюдала за нимъ, слѣдила за каждымъ его движеніемъ съ злостнымъ любопытствомъ.

Молодая женщина снова подошла къ нему. Ругонъ выпилъ наконецъ полстакана сахарной воды и прибралъ комплиментъ.

— Вы сегодня сіете красотой. Еслибы королевы превращались въ служанокъ...

Она перебила его комплиментъ и смѣло сказала:

— Вы, значить, не хотите прочесть письма.

Онъ притворился, что позабылъ о немъ. Потомъ, будто припомнивъ:

— Ахъ! да, письмо... Я прочту его, если вамъ угодно.

И вынувъ изъ кармана перочинный ножикъ, старательно взрѣзалъ конвертъ. Онъ мелькомъ пробѣжалъ письмо. Императоръ принималъ его отставку. Съ минуту Ругонъ продержалъ бумагу передъ глазами, точно перечитывалъ ее. Онъ боялся, что не совладѣетъ съ своимъ лицомъ. Страшный гнѣвъ душилъ его; еслибы онъ не удержался, то закричалъ бы и ударилъ кулакомъ о столъ. Въ глазахъ его помутилось и, глядя на письмо, онъ видѣлъ императора такимъ, какимъ онъ представлялся ему въ Сень-Клу, съ его вялой рѣчью, упрямой улыбкой, слышалъ, какъ тотъ увѣрялъ его въ своемъ довѣріи, подтверждалъ свои инструкции. Какъ же долго зрѣла въ его умѣ мысль объ его немилости, если онъ въ одну ночь сломилъ его власть, хотя самъ передъ тѣмъ двадцать разъ удерживалъ его отъ отставки.

Наконецъ, Ругонъ напрягъ послѣднія силы и овладѣлъ собой. Онъ поднялъ лицо, ни одинъ мускулъ на немъ не двигался, и съ небрежнымъ жестомъ онъ положилъ письмо въ карманъ. Но Клоринда оперлась руками на маленькій столикъ. Она наклонилась къ нему какъ-бы въ порывѣ откровенности, и проговорила сквозь зубы:

— Я знала объ этомъ. Я была тамъ сегодня утромъ... Мой бѣдный другъ!

Она сожалѣла о немъ такимъ жестоко-насмѣшливымъ голо-

сомъ, что онъ снова поглядѣлъ ей прямо въ глаза. Она больше не притворялась. Она дождалась давно желѣнной минуты блаженства, и наслаждалась, дѣдя фразу за фразой, не спѣша, счастьемъ предстать, наконецъ, предъ нимъ непримиримымъ и отмщеннымъ врагомъ.

— Я не могла отстоять васъ,—продолжала она.—Вы, конечно, не знаете...

И, не договоривъ, прибавила язвительно:

— Угадайте, кто васъ замѣняетъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ?

Онъ сдѣлалъ безпечный жестъ. Но она смутила его своимъ взглядомъ, и наконецъ промолвила только одно слово:

— Мужъ.

У Ругона пересохло въ горлѣ, онъ отнилъ глотокъ сахарной воды, причемъ стаканъ задрожалъ въ его руцѣ. Она все вложила въ это слово: гнѣвъ, душившій ее за то, что она была нѣкогда имъ отвергнута, непримиримую вражду и месть, скрываемую такъ долго и съ такимъ искусствомъ, радость женщины, побѣдившей мужчину, слышавшаго за несокрушимого бойца. Тутъ она разрѣшила себѣ удовольствіе помучить его, злоупотребляя побѣдой; она колола его въ самыя больныя мѣста. Боже мой! да, конечно, мужъ ея не изъ умнѣйшихъ людей; она сознавалась въ этомъ и даже подшучивала надъ этимъ; ей хотѣлось сказать, что она сдѣлала бы министромъ перваго встрѣчнаго: Мерля, напримѣръ, еслибы ей вздумалось. Да, пристава Мерля, перваго встрѣчнаго дурака, кого попало: у Ругона былъ бы достойный преемникъ. Это доказывало бы всемогущество женщины. Потомъ, окончательно сбросивъ маску, приняла материнскій, покровительственный тонъ, надѣляла дружескими совѣтами.

— Видите ли, mon cher, я вамъ часто говорила, напрасно вы презираете женщинъ. Нѣтъ! женщины не такъ глупы, какъ вы это думаете. Я страшно злилась, когда слышала, что вы величаете насъ дурами, безпокойной мебелью, чортъ знаетъ чѣмъ еще, ядрами каторжника на ногѣ... Поглядите-ка на мужа? Развѣ я была для него ядромъ каторжника?... Мнѣ хотѣлось доказать вамъ это. Я общала себѣ непременно добиться этого удовольствія, въ тотъ день, когда, помните, у насъ былъ этотъ разговоръ. Вы увидѣли, не правда-ли? Ну, такъ, sans gaucune... Вы очень сильны, mon cher! Но знайте, что женщина всегда справится съ вами, когда захочетъ.

Ругонъ, немного блѣдный, улыбался.

— Да!—вы, пожалуй, правы, — произнесъ онъ медленнымъ голосомъ.—У меня была только сила. У васъ...

— А у меня еще кое-что другое!—добавила она съ открытостью, доходившею до величія, настолько въ ней было презрѣнія къ приличіямъ.

Онъ не произнесъ ни одного упрека. Она воспользовалась его силой, чтобы побѣдить его; она обратила противъ него уроки, которые онъ преподавалъ ей какъ послушной ученицѣ, въ улицѣ Марбёфъ. То была неблагодарность, предательство, но онъ пилъ ихъ горечь безъ отвращенія, какъ человекъ бывалый. Въ этой развязкѣ его интересовала теперь только одна мысль: узналъ ли онъ ее теперь вполне? Онъ припоминалъ свои напрасныя изслѣдованія въ былое время, свои тщетныя усилія разобрать тайны пружины этой великолѣпной и несообразной машины, составленной изъ безумія, ума и полного невѣдѣнія добра и зла. И въ эту минуту сознался себѣ, что глупость мужины дѣйствительно велика.

Нѣсколько словъ, какими они обмѣнялись шепотомъ, заняли всего лишь нѣсколько минутъ. Два раза она отходила отъ него и подавала посѣтителямъ напитки. Потомъ стала рассказывать пріцей между столами, прикидываясь, что не обращаетъ больше на него никакого вниманія. Онъ слѣдилъ за ней глазами и видѣлъ, какъ она подошла къ одному господину съ длиннѣйшей бородой, иностранцу, чье мотовство занимало Парижъ въ то время. Онъ допивалъ рюмку малаги.

— Сколько стоить?—спросилъ онъ у ней, вставая.

— Пять франковъ. Всѣ напитки по пяти франковъ.

Онъ заплатилъ. Потомъ тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же тономъ:

— А поцѣлуй что стоитъ?

— Сто тысячъ франковъ,—отвѣчала она,—не обинуясь.

Онъ снова усѣлся, написалъ нѣсколько словъ на листикѣ, вырванномъ изъ записной книжки. Потомъ громко чмокнулъ ее въ щеку, расплатился и ушелъ съ флегматическимъ видомъ. Всѣ улыбались и нашли, что все это очень хорошо.

— Вся штука въ цѣнѣ,—пробормотала Клоринда, вернувшись въ Ругону.

Онъ разобралъ въ этомъ новый намекъ. Она говорила ему: «когда!» И тутъ этому цѣломудренному человеку, перенесшему не поморщась ударъ постигшей его немилости, стало очень больно видѣть собачій ошейникъ, который она носила съ такимъ нахальствомъ. Она наклонялась къ нему, дразнила его, вертѣла

передъ нимъ свою шею во всѣ стороны. Золотая гремушка звенѣла; цѣпь казалась еще теплою отъ прикосновенія руки владѣльца; бриллыанты сверкали на бархатѣ, гдѣ ему было легко прочесть тайну, извѣстную всему Парижу. И никогда чувство ревности, въ которомъ онъ не сознавался даже самому себѣ, не грызло его такъ жестоко, какъ въ настоящую минуту; высокомерная зависть, просыпавшаяся въ немъ по временамъ къ всемогуществу, жгла его, какъ огнемъ. Старая страсть подзадоривалась мыслью, что она для него недоступна, что она на вершинѣ могущества и раба человѣка, чье одно слово нагибало всѣ головы.

Безъ сомнѣнія, молодая женщина угадала его пытку. Она позволила себѣ новую жестокость и, подмигивая глазомъ на м-ше Комбелѣ, продававшую розы въ кіоскѣ, пробормотала съ злымъ смѣхомъ:

— Гм! бѣдная м-ше Комбелѣ! Все еще дожидается.

Ругонъ допилъ стаканъ сахарной воды и слышно было, какъ зубы его стукнулись о стекло. Онъ задыхался. И, вынувъ портмоне, пробормоталъ:

— Сколько?

— Пять франковъ.

Когда она бросила деньги въ кошелекъ, то снова протянула руку, говоря шутливо, престопающимъ голосомъ:

— А вы ничего не дадите на чай служанѣ?

Тогда онъ дошарилъ въ карманъ и положилъ ей въ руку два су. Это была единственная грубость, какую онъ себѣ позволилъ, единственная месть, какую счумѣлъ придумать его грубый нравъ выскочки. Она покраснѣла, несмотря на свой апломбъ, но не утратила высокомерія богини. И ушла, поклонившись и произнесъ:

— Благодарю, ваше превосходительство.

Ругонъ не рѣшился тутъ же встать. У него подгибались колѣни, онъ боялся, что покачнется, а ему хотѣлось уйти, какъ и пришелъ, съ полнымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ. Ему въ особенности страшно было пройти мимо своихъ старинныхъ приближенныхъ, вытягивавшихъ шеи, напрягавшихъ слухъ, тарацившихъ глаза и не проронившихъ ни одной подробности всей этой сцены. Онъ посидѣлъ еще нѣсколько минутъ, поглядывая кругомъ себя, прикидываясь равнодушнымъ. И впалъ въ раздумье. Итакъ, новый актъ его политической жизни конченъ. Онъ палъ подточенный, обезсиленный, сѣданный своей шайкой. Его сильныя плечи погнулись подъ тяжестью отвѣтственности, глупости и подлостей, принятыхъ имъ на себя изъ ба-

хвальства силача, изъ желанія быть страшнымъ и великодушнымъ главою. Шумъ паденія его только усиливался отъ его бычачьихъ мускуловъ. Самыя условія власти, необходимость имѣть за собой людей съ сильными страстями, удерживаться злоупотребленіемъ кредита—роковымъ образомъ дѣлали изъ его паденія только вопросъ времени. И въ этотъ часъ онъ припоминалъ медленную работу своей шайки, ея острые зубы, которые ежедневно сгнѣзали часть его силы; они окружали его; они вѣзли ему сначала на колѣни, потомъ на груди, потомъ сдавили горло и чуть-было не задушили его. Они все взяли у него: ноги, чтобы вѣрабататься вверхъ, руки, чтобы красть, челюсть, чтобы кусать и пожирать; они питались его мясомъ и кровью, отѣдались на славу, не заботясь о завтрашнемъ днѣ. И вотъ теперь, растерзавъ его, и слыша, какъ трещить его остовъ, они спасались бѣгствомъ, какъ тѣ крысы, которымъ инстинктъ подсказываетъ о ближайшемъ разрушеніи дома, гдѣ онѣ изгрызли стѣны. Вся шайка сіяла, процвѣтала. Она уже начала жирѣть на счетъ другого человѣка. Канъ, накануне, продалъ желѣзную дорогу изъ Ніора въ Анжеръ графу де-Марси. Полковнику обѣщано было на слѣдующей недѣлѣ мѣсто въ одномъ изъ императорскихъ дворцовъ. Бушару дано было положительное обѣщаніе, что протежѣ его, интересный Жоржъ Дюшенъ, будетъ назначенъ помощникомъ начальника отдѣленія, какъ только Делестанъ вступить въ министерство внутреннихъ дѣлъ. И даже сама м-ше Корреръ радовалась опасной болѣзни м-ше Мартинъ и уже обитала въ мечтахъ домъ въ Кулонжѣ, проживая свои доходы, какъ добропорядочная мѣщанка, дѣлающая добро въ околотеѣ. И даже Бежуэнъ торжествовалъ: императоръ обѣщалъ навѣрное посѣтить осенью его хрустальный заводъ. А д'Эскораиль, которому маркизъ и маркиза намылили голову, повергся къ ногамъ Клоринды и получилъ мѣсто подпрефекта, только благодаря восхищенію, съ какимъ глядѣлъ на то, какъ Клоринда разносила рюмки. И Рутонъ, сидя напротивъ своей шайки, почувствовалъ себя какъ-бы умалившимся, въ то время, какъ они раздали въ ширину и вышину, и давили его, не рѣшавшагося встать со стула, изъ боязни, что пошатнется и вызоветъ у нихъ улыбку.

Однако, оправившись мало-по-малу, Рутонъ рѣшился встать. Онъ уже оттолкнулъ маленькій столикъ, когда вошелъ Делестанъ подъ руку съ графомъ де-Марси. Объ этомъ послѣднемъ ходила очень любопытная исторія. Толковали, что онъ ѣздилъ въ Фонтенбло на прошлой недѣлѣ, въ одно время съ Клориндой, единственно лишь за тѣмъ, чтобы облегчить свиданія молодой жен-

щины съ Наполеономъ. Ему поручено было развлекать Евгенію; потому онъ пропадалъ цѣлыми утрами, и если спрашивали его объ императорѣ, то постоянно оказывалось, что онъ занимается съ де-Марси. Впрочемъ, все это казалось только пикантнымъ и ничего больше. Такого рода услуги всегда оказываются мужчинами другъ другу. Но Ругонъ чувалъ въ этомъ отместку со стороны графа, заодно съ Клориндой работавшаго надъ паденіемъ Ругона, обращавшаго противъ него орудіе, которымъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Компіенѣ подготовлено было преемничество Ругона въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Со времени возвращенія изъ Фонтенбло, де-Марси не разставался съ Делестаномъ.

Канъ, Бежуэнъ, полковникъ, вся шайка бросилась въ объятія новаго министра. О назначеніи должно было быть пропечатано на другой день въ «Moniteur», вслѣдствіе отставки Ругона; но декретъ былъ подписанъ, и можно было торжествовать. Они вѣржили ему руки, съ улыбками, шептали что-то на ухо съ восторженнымъ порывомъ, едва сдерживаемымъ взглядами цѣлой залы. Тутъ происходило медленное захватываніе человѣка его приближенными, цѣлующими руки и ноги, прежде чѣмъ завладѣть всѣмъ человѣкомъ. Онъ уже принадлежалъ имъ; одинъ держалъ его за правую руку, другой за лѣвую; третій ухватился за пуговицу сюртука, а четвертый уже карабкался на его спину. Онъ же, поднявъ свою величественную голову, высказывалъ приветливое достоинство, глядѣлъ прилично, чопорно, бессмысленно, официально, точно путешествующій король, которому дамы въ подпрефектурахъ подносятъ букеты, какъ это изображается на официальныхъ картинкахъ. Напротивъ группы, Ругонъ, очень блѣдный, внутренно страдая отъ этого апогея ничтожества, не могъ удержать улыбки. Онъ вспомнилъ все.

— Я всегда предсказывалъ, что Делестанъ далеко пойдетъ, — сказалъ онъ съ тонкимъ видомъ де-Марси, подошедшему къ нему съ протянутой рукой.

Графъ отвѣчалъ легкой, изящно-иронической гримасой. Его, должно быть, безмѣрно забавляло то обстоятельство, что онъ свелъ дружбу съ Делестаномъ, послѣ того какъ оказывалъ услуги его женѣ. Онъ задержалъ Ругона на минуту и заговорилъ съ нимъ съ утонченной вѣжливостью. Вѣчно въ борьбѣ другъ съ другомъ, исполнѣ различные по темпераменту, эти два сильныхъ человѣка раскланивались другъ съ другомъ послѣ каждой изъ своихъ дуэлей, какъ противники равной силы, всегда готовые другъ другу реваншъ. Ругонъ ранилъ Марси, теперь Марси поранилъ

Ругона, и это должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не останется на мѣстѣ. Быть можетъ, въ сущности они и не желали смерти другъ другу, потому что война ихъ забавляла, а соперничество наполняло жизнь. Къ тому же, они смутно сознавали, что служатъ двумя противовѣсами, необходимыми для равновѣсія имперіи: волосатымъ кулакомъ, которымъ убиваютъ, и тонкой рукой въ перчаткѣ, которой душатъ.

Между тѣмъ, Делестанъ былъ въ жестокомъ затрудненіи. Онъ замѣтилъ Ругона и не зналъ, поздороваться ли съ нимъ. Онъ бросилъ смущенный взглядъ на Клоринду; та, казалось, поглощена своимъ дѣломъ, равнодушна и разносила на всѣ концы буфета сэндвичи, бобы и сладкіе пирожки. Но взглядъ молодой женщины, должно быть, надоумилъ его, потому что онъ подошелъ, наконецъ, къ Ругону, немного смущенный, извиняясь:

— Другъ мой, вы на меня не въ претензіи... Я отказывался, меня принудили... Не правда ли? бываютъ такіа обстоятельства...

Ругонъ перебилъ его; императоръ поступилъ весьма мудро, и страна будетъ находиться въ отличныхъ рукахъ.

Тогда Делестанъ ободрился.

— О! я васъ отстаивалъ, мы всѣ васъ отстаивали. Но, между нами, вы зашли слишкомъ далеко... Въ особенности всѣхъ раздражило ваше послѣднее дѣло изъ-за Шарбоннелей,—знаете, эти бѣдныя монахини...

Де-Марси улыбнулся. Ругонъ отвѣчалъ съ добродушіемъ счастливыхъ дней:

— Да, да, обыскъ у монахинь... Боже мой, изъ всѣхъ глупостей, какія заставили меня надѣлать друзья, это, быть можетъ, единственный разумный и справедливый поступокъ за всѣ пять мѣсяцевъ моего управленія.

Онъ уходилъ, когда увидѣлъ дю-Пуазá; тотъ вошелъ и ухватился за Делестана. Префектъ повернулся къ нему спиной и притворился, что не видитъ его. Онъ уже три дня, какъ находился въ Парижѣ и выжидалъ. Онъ, должно быть, добился того, что ему обѣщали другую префектуру, потому что разсыпался въ благодарностяхъ, съ улыбкой волка, съ бѣлыми, неровными зубами. Потомъ, въ ту минуту, какъ новый министръ повернулся, онъ почти принялъ въ свои объятія пристава Мерля, подталяемаго м-те Коррёръ; приставъ опускалъ глаза, точно выселая застѣнчивая дѣвушка, между тѣмъ какъ м-те Коррёръ горячо его рекомендовала.

— Его не любятъ въ министерствѣ,—бормотала она,—потому что онъ протестовалъ своимъ молчаніемъ противъ злоупо-

требленій. Да, да! онъ диковинныхъ вещей насмотрѣлся при м-г Ругонѣ!

— О, да, очень диковинныхъ,—замѣтилъ Мерль.—Я могъ бы много кое-чего поразсказать. М-г Ругона не будутъ оплакивать въ министерствѣ. Я первый не обязанъ его любить. Онъ чуть не прогналъ меня.

Въ большой залѣ, черезъ которую Ругонъ прошелъ медленными шагами, прилавки были пусты. Посѣтители, чтобы понравиться императрицѣ, покровительствовавшей благотворительному учрежденію, въ пользу котораго устроенъ былъ базаръ, расхватали весь товаръ. Продавщицы въ восторгѣ толковали о томъ, чтобы открыть вечеромъ вторичную распродажу, съ новымъ товаромъ, и считали деньги на столахъ. Цифры возвѣщались съ торжествующимъ смѣхомъ: одна собрала три тысячи франковъ, другая четыре тысячи пятьсотъ, третья семь тысячъ, и одна, наконецъ, десять тысячъ. Эта послѣдняя сіяла,—шутка сказать, ее оцѣнили въ десять тысячъ.

Между тѣмъ м-те де-Комбелѣ приходила въ отчаяніе. Она продала свой послѣдній розанъ, а покупатели продолжали осаждать ея кіоскъ. Она вышла изъ него и пришла спросить у м-те Бушаръ: нѣтъ ли у ней чего на продажу. Но и лотерея тоже была пуста; одна дама уносила послѣдній выигрышъ, маленькую ванну для куклы. Онѣ принялись искать съ остервенѣніемъ, и нашли наконецъ на полу пачку зубочистокъ, упавшую въ суматохѣ. М-те де-Комбелѣ съ торжествомъ унесла ее, м-те Бушаръ послѣдовала за ней. Обѣ вошли въ кіоскъ.

— Господа! господа!—позвала первая смѣло, стоя и сзывая мужчинъ вокругъ кіоска граціознымъ жестомъ голой руки. — Вотъ все, чтѣ у насъ осталось, пачка зубочистокъ... Тутъ двадцать-пять зубочистокъ... Я назначаю на нихъ аукціонную продажу...

Мужчины толкались, хохотали, протягивали руки въ перчаткахъ. Идея м-те де-Комбелѣ произвела фуроръ.

— Зубочистка,—завричала она. — Даютъ пять франковъ... Слышите господа, пять франковъ.

— Десять франковъ!—сказалъ одинъ голосъ.

— Двѣнадцать франковъ!

— Пятнадцать франковъ!

Но д'Эскорайль сразу перескочилъ къ двадцати-пяти франкамъ, и м-те Бушаръ поспѣшила проговорить тоненькимъ голосомъ:

— Продано!

Другія зубочистки пошли гораздо дороже. Ла-Рукеть заплатилъ за свою сорокъ-три франка; шевалье Рускони, только-что прибывшій, набилъ цѣну до семидесяти франковъ; наконецъ, послѣдняя, очень тоненькая зубочистка, расколотившаяся на двое, какъ объявила м-ше де-Комбелё, не желавшая, какъ она говорила, обманывать публику, была продана за сумму ста-семнадцати франковъ старому господину, подзадоренному оживленіемъ молодой женщины, корсажъ которой спадалъ съ плечъ отъ порывистыхъ движеній, съ каковыми она выполняла роль оцѣнщика.

— Она расколота, господа, но можетъ еще служить... Сто-восемь... сто-десять... сто-одиннадцать, сто-двѣнадцать, сто-трѣнадцать, сто-четырнацать... Ну-съ, сто-четырнацать. Она стоить дороже... Сто-семнадцать, сто-семнадцать, — никто не дастъ больше? Идетъ за сто-семнадцать!

Преслѣдуемый этими цифрами, Ругонъ вышелъ изъ залы. На террасѣ, у рѣки, онъ еще замедилъ шагъ. Гроза надвигалась на небосклонѣ. Внизу Сена, бурливая, грязно-зеленаго цвѣта, тяжело катилась между сѣрыми набережными, гдѣ поднималась пыль столбомъ. Въ саду порывы жгучаго вѣтра качали деревья, вѣтви которыхъ обвисли въ изнеможеніи, точно мертвыя, безъ всякаго трепета листьевъ. Ругонъ сошелъ подъ высокія каштановыя деревья; тамъ было почти совсѣмъ темно; теплая сырость царствовала тамъ, точно въ погребѣ. Онъ вышелъ на большую аллею, когда увидѣлъ на скамейкѣ Шарбоннелей, расфранченныхъ, преобразившихся: мужъ былъ въ свѣтлыхъ панталонахъ и скотрукѣ съ перехватомъ у талии; на женѣ была надѣта шляпа съ красными цвѣтами, а на плечи наброшена легкая мантилья, поверхъ шелковаго лиловаго платья. Рядомъ съ ними, верхомъ на концѣ скамьи, жестикулировалъ субъектъ, расстрепанный, безъ бѣлья, одѣтый въ старую, охотничью куртку жалчайшаго вида. То былъ Жилькенъ. Онъ хлопалъ по своей полотняной фуражкѣ и подбрасывалъ ее.

— Шайка негодяевъ! — кричалъ онъ. — Развѣ Теодоръ желалъ когда-нибудь сдѣлать кому-нибудь зло? Они выдумали исторію съ вербовкою рекрутъ, чтобы скомпрометтировать меня. Ну, тогда я на нихъ наплевалъ, понимаете. Пусть убираются къ чорту, не правда ли?... Они меня боятся, чортъ побери. Они хорошо знаютъ мои политическія убѣжденія. Никогда я не принадлежалъ къ шайкѣ Бадэнгэ...

И, наклонясь, прибавилъ болѣе тихимъ голосомъ, ворочая умиленными глазами:

— Я сожалею тамъ только объ одной особѣ... О! прелест-

ная женщина, дама изъ приличнаго общества. — Да, да, очень пріятное знакомство... Она блондинка... У меня есть ея волосы.

Потомъ началъ громовымъ голосомъ, придвинувшись къ м-ше Шарбоннель и хлопая ее по животу:

— Ну, маменька, когда вы увезете меня въ Пласантъ, — знаете, чтобы отвѣдать вашихъ консервовъ, яблокъ, вишенъ, варенья?... Гм! кубышка-то осталась вѣдь за нами!

Но Шарбоннель, повидимому, была очень непріятна фамиллярность Жильена. Жена отвѣчала сквозъ зубы, подбирая свое шелковое лиловое платье:

— Мы пріѣхали пожить въ Парижѣ... Мы будемъ проводить здѣсь шесть мѣсяцевъ въ году.

— О, Парижъ! — сказалъ мужъ съ видомъ глубокаго восторга, — ничто не можетъ сравниться съ Парижемъ!

И такъ какъ порывы вѣтра усиливались, и всѣ няньки съ дѣтьми торопились вонъ изъ сада, онъ продолжалъ, обращаясь къ женѣ:

— Душа моя, пора идти домой, если мы не хотимъ, чтобы насъ вымочило дождемъ. Къ счастью, мы живемъ въ двухъ шагахъ.

Они остановились въ отелѣ Палерояль, въ улицѣ Риволи. Жильенъ глядѣлъ, какъ они уходили, пожимая плечами съ пренебреженіемъ.

— Тоже предатели! — пробормоталъ онъ, — всѣ предатели!

Въ эту минуту онъ увидѣлъ Ругона. Онъ пріосанился, дождавшись его и хлопнувъ по фуражкѣ, — проговорилъ:

— Я не былъ у тебя. Но ты, вѣдь, конечно, не обидѣлся за это, — не правда ли? Пострѣлъ дю-Пуазъ обогалъ меня передъ тобой. — Все это клевета, мой милый; я докажу тебѣ это, когда ты захочешь... Словомъ, я на тебя не въ претензіи. И вотъ тебѣ доказательство, что я по-прежнему твой другъ; я дамъ тебѣ мой адресъ: улица *Bon-Puits*, 25, *à la Chapelle*, въ пяти минутахъ ходьбы отъ заставы. Вотъ, если когда-нибудь еще понадоблюсь тебѣ, дай знать.

И ушелъ, волоча ногами. Одну минуту онъ какъ будто соображалъ куда идти. Потомъ, погрозивъ кулакомъ тюльерійскому дворцу, въ глубинѣ аллеи, казавшемуся свинцоваго цвѣта подъ чернымъ небомъ, пробормоталъ сквозъ зубы:

— Мошенники!... Ахъ! еслибы сказали это Теодору!

Ругонъ вышелъ изъ сада, прошелъ черезъ Елисейскія поля. Ему захотѣлось немедленно взглянуть на свой маленькій домъ въ улицѣ Марбёфъ. Онъ рассчитывалъ на другое же утро пере-

ѣхать въ него изъ министерства. Онъ чувствовалъ сильное утомленіе въ головѣ и глубокое спокійствіе, съ глухой болью въ сердцѣ. Онъ думалъ о разныхъ неопредѣленныхъ вещахъ, о великихъ дѣлахъ, которыя онъ со временемъ совершить, чтобы доказать свою силу. Минутами онъ поднималъ голову и глядѣлъ на небо. Гроза не рѣшалась разразиться. Рыжія облака застилали горизонтъ. Въ аллеѣ Елисейскихъ полей, пустынной, проносились сильные удары грома, съ рокотомъ свачущихъ артиллерійскихъ орудій, и верхушки деревь содрогнулись отъ нихъ. Первые капли дождя упали, когда онъ обогнулъ уголъ улицы Марбёфъ.

У подъѣзда отеля стояло купе. Ругонъ нашелъ въ домѣ жену; она осматривала комнаты, измѣряла окна, отдавала приказанія обойщику, котораго привезла съ собой. Онъ очень удивился, но она объяснила ему, что сейчасъ видѣла брата, Бенуа-д'Оршеръ; судья, знавшій о немилости Ругона, захотѣлъ сразить сестру, поторжествовать, объявить ей о своемъ будущемъ вступленіи въ министерство юстиціи, словомъ, попытаться поселить раздоръ между мужемъ и женой. М-ше Ругонъ немедленно велѣла заложить карету, чтобы тотчасъ же осмотрѣть будущее жилище. Она сохраняла безцвѣтную и невозмутимую фізіономію богомолки, ненарушимое спокійствіе хорошей хозяйки. Неслышными шагами ходила она по комнатамъ, по-прежнему распоряджаясь въ домѣ, превращенномъ ею въ тихій и безмолвный монастырь. Единственной заботой ея было добросовѣстно управлять имуществомъ, порученнымъ ей. Ругонъ растрогался передъ этой сухой и узкой фігурой, зараженной маніей строгаго порядка.

Между тѣмъ гроза разразилась съ неслыханной яростью. Громъ гремѣлъ, дождь лилъ потоками. Ругону пришлось дожидаться съ три четверти часа. Елисейскія поля сдѣлались озеромъ грязи, желтой, жидкой грязи, которая превратила все пространство отъ Триумфальной Арки и до площади Согласія какъ-бы въ русло рѣки, высохшей сразу. Аллея оставалась пустынной; рѣдкіе пѣшеходы перескакивали съ камня на камень. Деревья, съ которыхъ струилась вода, обсыхали на свѣжѣмъ воздухѣ. На небѣ гроза оставила хвостъ рыжихъ обрывковъ, грязную низкую тучу, изъ-подъ которой падалъ печальный свѣтъ, сомнительный свѣтъ разбойничьяго вертепа.

Ругонъ снова впалъ въ раздумье о будущемъ. Запоздалыя капли дождя мочили его руки. Утомленіе сильнѣе сказывалось во всемъ его тѣлѣ, точно онъ ударился о какое-то препятствіе, преграждавшее ему путь. Вдругъ позади себя онъ услышалъ

громкій топотъ, приближеніе мѣрнаго лошадинаго галопа, отъ котораго содрагалась земля. Онъ оглянулся.

Приближался цѣлый кортежъ, по желтой грязи шоссе, подъ грязнымъ свѣтомъ рыжаго неба. Въ головѣ и въ хвостѣ его скакали отряды драгунъ. Посрединѣ катилось закрытое ландо, запряженное четверкой; а возлѣ дверецъ скакали егеря въ парадныхъ мундирахъ, вышитыхъ золотомъ и безстрастно выносили безпрестанные комки грязи, обдававшей ихъ, начиная отъ сапоговъ съ отворотами и кончая треугольными шляпами. А въ ландо видѣлся ребенокъ, императорскій принцъ, глядѣвшій на публику, распяливъ всѣ десять пальцевъ и придавивъ свой розовый носъ о стекло экипажа.

— Ишь ты, пузыри! — сказалъ улыбаясь шоссеинный работникъ, катившій тачку.

Ругонъ остановился въ раздумьи и глядѣлъ, какъ кортежъ несся по лужамъ, грязь которыхъ обдавала низкія вѣтки деревь.

XIV.

Спустя три года, въ одно мартовское утро происходило очень бурное засѣданіе въ законодательномъ корпусѣ. Въ немъ впервые обсуждался бюджетъ.

Въ буфетѣ Ла-Рукетъ и старый депутатъ, де-Ламбертонъ, мужъ очаровательной женщины, пили грогъ, спокойно засѣдая другъ противъ друга.

— Гм! не вернуться ли намъ въ залу? — спросилъ де-Ламбертонъ, прислушавшись. — Кажется, завязалась баталія.

По временамъ доносился внезапно, какъ порывъ вѣтра, отдаленный шумъ, гвалтъ голосовъ; потомъ наступала тишина. Но Ла-Рукетъ продолжалъ курить съ беззаботнымъ видомъ, говоря:

— Нѣтъ, подождите, дайте докурить сигару. Намъ увѣдомать, когда мы понадобится. Я сказалъ, чтобы насъ увѣдомили.

Они были одни въ буфетѣ маленькаго, очень кокетливаго кафэ, находившагося въ маленькомъ саду, на углу набережной и улицы Бургонъ. Раскрашенный въ нѣжно-зеленый цвѣтъ, съ бамбуковымъ переплетомъ, съ своими зеркалами, столами, прилавкомъ изъ краснаго мрамора, мягкими скамейками, обитыми зеленымъ репсомъ, онъ походилъ на теплицу, превращенную въ буфетъ; широкія, полузруглыя окна выходили въ садъ. Одно изъ нихъ, растворенное настежъ, пропускало прекрасный день, весенній, теплый воздухъ, освѣжаемый вѣтеркомъ съ Сены.

— Итальянская война увѣнчала его славу,—продолжалъ Ла-Рукетъ прерванный разговоръ.

— Въ настоящую минуту, возвращая странѣ свободу, онъ доказываетъ всю силу своего гения...

Онъ говорилъ объ императорѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ минутъ депутатъ превозносилъ значеніе ноябрьскаго декрета, болѣе прямое участіе великихъ государственныхъ корпорацій въ политикѣ государя, созданіе министровъ безъ портфеля, съ порученіемъ представлять правительство въ палатѣ. То былъ, по его мнѣнію, возвратъ къ конституціонной системѣ въ томъ, что въ ней было здраваго и разсудительнаго. Отырывается новая эра либеральной имперіи. И онъ отряхнулъ пепелъ сигары, съ жестомъ восторга.

Де-Ламбертонъ качалъ головой.

— Онъ слишкомъ поторопился,—пробормоталъ онъ.—Можно было бы еще подождать. Никто его не погонялъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, увѣряю васъ, надо было что-нибудь предпринять,—торопливо произнесъ молодой депутатъ.—Въ этомъ-то и заключается гений...

Онъ понизилъ голосъ, очертилъ политическое положеніе страны съ глубокомысліемъ опытнаго политика. Заявленія епископовъ по поводу свѣтской власти, угрожаемой со стороны туринскаго правительства, очень тревожили императора. Съ другой стороны, оппозиція просыпается, страна переживаетъ тревожную минуту. Наступилъ моментъ примирить партіи, привлечь къ себѣ недовольныхъ политическихъ дѣятелей, сдѣлать мудрыя уступки. Теперь онъ находилъ автократическую имперію весьма неудобной и возводилъ либеральную имперію въ апопееозъ, долженствовавшій озарить собой всю Европу.

— Все равно, онъ слишкомъ поторопился, — продолжалъ покачивать головою де-Ламбертонъ. — Я понимаю либеральную имперію, но вѣдь это—неизвѣстное, *с'ега монвіеизъ*, неизвѣстное, неизвѣстное.....

Онъ произнесъ это слово на три различныхъ тона, махая рукой въ воздухѣ. Ла-Рукетъ ничего не прибавилъ, онъ допивалъ грогъ. Послѣ этого оба депутата просидѣли нѣкоторое время молча, съ разсѣяннымъ взглядомъ, смотря на небо черезъ открытое окно, точно искали то «неизвѣстное» по-ту сторону набережной, близъ Тюльери, надъ которымъ носились сѣрыя облака. За ихъ спиной, въ глубинѣ корридоровъ, снова загремѣлъ ураганъ голосовъ съ глухимъ рокотомъ надвигающейся бури.

Ламбертонъ повернулъ голову съ тревогой, и помолчавъ, спросилъ:

— Ругонъ долженъ возражать оппозиціи, не правда ли?

— Да, кажется! — отвѣчалъ Ла-Руветъ, сжавъ губы съ сдержаннымъ видомъ.

— Онъ былъ сильно скомпрометтированъ, — пробормоталъ старшій депутатъ. — Императоръ сдѣлалъ странный выборъ, назначивъ его министромъ безъ портфеля и поручивъ ему защищать свою новую политику.

Ла-Руветъ не тотчасъ высказалъ свое мнѣніе. Онъ медленно гладилъ бѣлокурые усы, и наконецъ проговорилъ:

— Императоръ знаетъ Ругона.

Потомъ вскричалъ другимъ голосомъ:

— А вѣдь грогъ-то былъ неважный. Я смерть пить хочу. Не выпить ли стаканъ сиропу.

Онъ приказалъ подать себѣ сиропу. Де-Ламбертонъ колебался, и рѣшилъ наконецъ выпить мадеры. Они заговорили о ш-ше де-Ламбертонъ. Мужъ упрекалъ своего молодого собрата въ томъ, что онъ рѣдко навѣщаетъ ихъ. Этотъ послѣдній опрокинулся на мягкую скамейку, искоса поглядывая на себя въ зеркало, наслаждаясь свѣжестью буфета, походившаго на боскетъ во вкусѣ Помпадуръ, устроенный на прогалинѣ какого-нибудь королевскаго парка, для любовныхъ свиданій.

Прибѣжалъ приставъ, запыхавшись.

— М-г Ла-Руветъ, васъ требуютъ немедленно, немедленно.

И такъ какъ молодой депутатъ сдѣлалъ жестъ досады, приставъ наклонился къ его уху и сказалъ ему вполголоса, что его прислалъ самъ де-Марси, президентъ палаты. И прибавилъ громко:

— Словомъ, всѣ нужны, идите скорѣй!

Де-Ламбертонъ бросился въ залу засѣданія. Ла-Руветъ послѣдовалъ-было за нимъ, но передумалъ. Ему пришло въ голову захватить всѣхъ лѣнливыхъ депутатовъ и утащить ихъ въ залу. Онъ бросился сначала въ залу конференцій, прекрасную залу съ стекляннымъ потолкомъ, гдѣ былъ исполинскій зеленый каминъ, украшенный двумя женщинами изъ бѣлаго мрамора, нагими и въ лежачемъ положеніи. Несмотря на теплое утро, въ немъ горѣлъ огонь. Вокругъ громаднаго стола дремали трое депутатовъ, съ раскрытыми глазами, глаза на картины, разѣшанные по стѣнамъ и на знаменитые часы, заводившіеся разъ въ годъ; четвертый грѣлся у камина, раздвинувъ полы сюртука, и точно съ растроганнымъ видомъ разсматривалъ маленькую статую, изъ гипса, Генриха IV, выдѣлявшуюся на трофее изъ знаменъ, взятыхъ при Маренго, Аустерлицѣ и Ленѣ. Привывъ

собрата, обошедшаго ихъ поочереді, крича: «скорѣе, скорѣе, въ засѣданіе!» разбудилъ этихъ господъ, и они исчезли одинъ за другимъ.

Ла-Руветъ побѣждалъ-было въ бібліотекѣ, но изъ предосторожности вернулся назадъ и взглянулъ въ корридорчикъ, гдѣ стояли рукомойники. Де-Комбелъ, погрузивъ руки въ большой тазъ, тихо теръ ихъ, любуясь ихъ бѣлизной. Онъ не взволновался, и отвѣчалъ, что сейчасъ вернется въ залу; и не торопясь вытеръ руки грѣбнымъ полотенцемъ и положилъ его потомъ въ шкапъ съ мѣдными дверцами. Затѣмъ подошелъ къ высокому зеркалу, въ глубинѣ корридорчика, и пригладилъ свою прекрасную черную бороду карманнымъ гребешкомъ.

Библіотека была пуста. Книги лежали на дубовыхъ полкахъ; на столахъ, покрытыхъ зеленымъ сукномъ, не лежало никакихъ журналовъ, кресла стояли въ симметрическомъ порядкѣ, съ опущенными люпитрами, покрытыми легкимъ слоемъ пыли. И среди безжизнія, въ спертomъ воздухѣ, издававшимъ запахъ бумаги, Ла-Руветъ громко проговорилъ, хлопнувъ дверью:

— Тутъ никогда никого не бываетъ!

Тогда онъ пустился бѣгомъ вдоль корридора и залъ. Прошелъ черезъ залу раздачи наградъ, вымощенную ниренейскимъ мраморомъ, гдѣ шаги его раздавались точно подъ сводами церкви. Одинъ приставъ сообщилъ ему, что депутатъ, его пріятель, показываетъ палату знакомому барину и баринѣ, и онъ непременно захотѣлъ сѣсть его. Побѣждалъ въ залу генерала Фoa, въ строгій покой, гдѣ четыре статуи: Мирабл, генерала Фoa, Байльи и Казиміра Перье составляютъ предметъ почтительнаго восторга провинціальныхъ буржуа. Но зала была пуста и только рядомъ, въ тронной залѣ, онъ нашелъ де-ла-Виллярдьера съ толстой барыней и двумя толстыми господами, пріѣзжими изъ Дижона: оба были нотаріусы и оба вліятельные избиратели.

— Васъ спрашиваютъ, — сказалъ Ла-Руветъ. — Скорѣе въ засѣданіе.

— Да, да, сейчасъ иду, — отвѣчалъ депутатъ.

Но ему не удалось такъ легко отдѣлаться. Толстые господа, взволнованные роскошью залы, блескомъ позолоты, зеркалами, сняли шляпу; они не выпускали своего «миллаго депутата» и требовали отъ него объясненій картинъ Делакруа: *Moreй* и *Рѣкъ Франціи*, высокихъ декоративныхъ фигуръ: *Mediterraneum Mare*, *Oceanus*, *Ligeris*, *Rhenus*, *Sequana*, *Rhodanus*, *Garumna*, *Araris*. Эти латинскія слова затрудняли его.

— *Ligeris*, Луара, — сказалъ де-ла-Виллярдьеръ.

Дижонскіе вотаіусы поспѣшно наклонили голову; они понимали. Между тѣмъ барыня глядѣла на тронъ, кресло новыше другихъ, покрытое чехломъ и поставленное на широкую ступень. Она стояла въ нѣкоторомъ разстояніи, съ набожнымъ и растроганнымъ видомъ. Наконецъ подошла, собралась съ духомъ и исподтишка приподняла чехолъ, потрогала золоченое дерево, пощупала красный бархатъ.

Между тѣмъ Ла-Руветъ обѣгалъ правое крыло палаты, безконечные корридоры, комнаты, предназначенныя для бюро и комиссій. Онъ вернулся въ залу четырехъ колоннъ, гдѣ молодые депутаты мечтаютъ передъ статуями Брута, Солона и Ликурга; пробѣжалъ по залѣ des Pas-Perdus, быстро пролетѣлъ по полу-круглой галлерей, въ родѣ склепа, гдѣ день и ночь горѣтъ газъ. И весь запыхавшись, таща за собой маленькую толпу депутатовъ, подобранныхъ имъ по дорогѣ, раскрылъ дверь изъ краснаго дерева съ золотыми украшениями. За нимъ шелъ де-Комбелъ съ бѣлыми руками, расчесанной бородой; де-ла-Виллярдьеръ, отдѣлавшійся отъ избирателей, слѣдовалъ по пятамъ. Всѣ бросились въ залу засѣданій, гдѣ депутаты, стоя на скамьяхъ, разъяренные, съ вытянутыми впередъ руками, грозили оратору, невозмутимому на трибунѣ, и вопили:

— Къ порядку! къ порядку! къ порядку!

— Къ порядку! къ порядку! — закричали еще громче Ла-Руветъ и его друзья, хотя не знали въ чемъ дѣло.

Гвалтъ былъ страшный. Многіе топали ногами, стучали шпателями. Рѣзкіе, пронзительные голоса звенѣли какъ флейты среди громовыхъ голосовъ, напоминавшихъ раскаты органа. Минутами шумъ утихалъ; и тогда, среди замирающихъ воплей, раздавалось шиканье, слышались восклицанія:

— Это ужасно! это невыносимо!

— Пусть онъ возьметъ назадъ свое выраженіе!

— Да, да! пусть возьметъ назадъ!

Но упорный, безпрестанно возобновлявшійся, крикъ былъ: «къ порядку! къ порядку! къ порядку!» вырывавшійся изъ пересохшаго горла.

На трибунѣ ораторъ скрестилъ руки. Онъ глядѣлъ на разъяренную палату, на эти лающія морды, на сжатые кулаки. Два раза, надѣясь, что уже воцарилось молчаніе, онъ раскрывалъ ротъ; но это только вызывало новую бурю, новый взрывъ ярости. Зала трещала.

Де-Марси, стоя у своего президентскаго мѣста, съ рукой, наложенной на педаль звонка, звонилъ непрерывно, точно билъ

въ набатъ среди урагана. Его высокая, блѣдная фигура сохраняла полнѣйшее хладнокровіе. Онъ на минуту пересталъ звонить, спокойно поправилъ манжеты, затѣмъ снова принялся звонить. Свѣптическая усмѣшка, родъ присущаго ему тика, подергивала углы его тонкихъ губъ. Когда голоса утомлялись, онъ довольствовался восклицаніемъ:

— Господа, позвольте, позвольте...

Наконецъ добился сравнительной тишины.

— Я приглашаю оратора, — произнесъ онъ, — объяснить выраженіе, употребленное имъ.

Ораторъ поклонился, опираясь на край трибуны, и повторилъ свою фразу, упрямо кивая подбородкомъ, какъ-бы напирая на каждое слово:

— Я сказалъ, что 2-е декабря было преступленіемъ...

• Онъ не могъ продолжать. Буря возобновилась. Одинъ депутатъ, весь побагровѣвъ, обозвалъ его убійцей; другой бросилъ ему въ лицо ругательство, такое непристойное, что стенографы улыгнулись, но не записали его. Восклицанія скрещивались, заглушали другъ друга. Однако можно было разобрать тоненькій голосокъ Ла-Рувета, повторявшій:

— Онъ оскорбляетъ императора, онъ оскорбляетъ Францію!

Де-Марси сдѣлалъ жестъ, исполненный чувства собственного достоинства и сѣлъ, произнеся:

— Я призываю оратора къ порядку.

Послѣдовало продолжительное волненіе. То не былъ уже больше сонный законодательный корпусъ, вотпировавшій въ одно майское утро кредитъ въ четыреста тысячъ франковъ на крестины императорскаго принца. Слѣва, на одной скамьѣ, четыре депутата рукоплескали словамъ, выраженнымъ съ трибуны ихъ собратомъ. Ихъ было теперь пятеро, и они нападали на имперію. Они распатывали ее непрерывными толчками, отрицали ее, отказывали ей въ своемъ голосѣ съ упорствомъ протеста, дѣйствіе котораго должно было мало-по-малу возмутить всю страну. Эти депутаты стояли крошечной группой, затерянной среди подавляющаго большинства, окружавшаго ихъ; безстрашно выдерживали угрозы, сжатые кулаки, шумное давленіе всей палаты, неумолимые въ своемъ возмездіи. Одного ихъ присутствія было достаточно, чтобы наполнить залу мятежнымъ вихремъ. То былъ зародышъ страшной оппозиціи; тронъ Наполеона впервые затрещалъ.

Вся зала была не та; она лихорадочно оживилась. Трибуна у подножія бюрдъ была восстановлена. Холодъ мрамора, торже-

ственный полукругъ колоннъ какъ-бы согрѣвался горячими рѣчями ораторовъ. На эстрадѣ, вдоль красныхъ бархатныхъ скамей, свѣтъ, падавшій изъ полукруглаго окна, казалось, отливалъ заревомъ пожара во время бурныхъ засѣданій. Монументальное бюро съ строгими панелями оживлялось ироніей и дерзостями де-Марси; безузоризненный скрутокъ и тонкій станъ истощеннаго кутили, перерѣзывали жидкой линіей античную наготу барельефа, находившагося за его спиной. И однѣ только аллегорическія статуи *Общественнаго порядка* и *Свободы* въ нишахъ, между колоннами, сохраняли мертвые лица и пустые глаза каменныхъ богинь. Но что въ особенности дышало жизнью, такъ это публика, болѣе многочисленная, тревожно наклонявшаяся, слѣдившая за преніями, и вносившая въ нихъ свои страсти. Второй рядъ трибунъ былъ возобновленъ. У журналистовъ была особая трибуна. Совсѣмъ наверху, у края карниза, покрытаго позолотой, вытягивались головы; напыль толпы заставлялъ порою депутатовъ тревожно взглядывать на верхъ, точно имъ слышался топотъ черни въ день мятежа.

Между тѣмъ ораторъ на трибунѣ все еще ждалъ, когда ему дадутъ договорить. Онъ прозявесь голосомъ, заглушаемымъ все еще незамолкнувшимъ ропотомъ:

— Господа, резюмирую....

Но остановился и затѣмъ прокричалъ, покрывая шумъ:

— Если палата отказывается меня выслушать, то я протестую и схожу съ трибуны.

— Говорите, говорите! раздалось съ нѣсколькихъ скамей.

И низкій голосъ, какъ-бы слегка охрипшій, проревѣлъ:

— Говорите, вамъ сдумѣютъ отвѣтить.

Молчаніе воцарилось внезапно. На эстрадѣ, на трибунахъ всѣ вытягивали шею, чтобы поглядѣть на Рутона, выпалившаго этой фразой. Онъ сидѣлъ на первой скамьѣ, опершись локтями на мраморный столикъ. Его широкая, согбенная спина почти не шевелилась, и онъ лишь изрѣдка чуть-чуть передергивалъ плечами. Лица не было видно, онъ прикрывалъ его своими большими руками, и слушалъ. Дебюта его ждали съ живымъ любопытствомъ: со времени своего назначенія министромъ безъ портфеля онъ еще ни разу не говорилъ. Должно быть, онъ почувствовалъ, что всѣ взгляды устремлены на него: огланулъ и обвелъ глазами залу. Напротивъ него, въ трибунѣ министровъ, Клоринда въ лиловомъ платьѣ, опершись на перегородку, обитую краснымъ бархатомъ, пристально глядѣла на него съ свойственной ей хладнокровной дерзостью. Они въ теченіи двухъ секундъ

глядѣли другъ другу въ глаза, не улыбаясь, точно незнакомые. Затѣмъ Рутонъ принялъ прежнюю позу и принялся вновь слушать, прикрывъ лицо руками.

— Господа, резюмирую,—говорилъ ораторъ.—Декретъ 24 ноября даетъ чисто призракныя вольности. Мы еще далеки отъ принциповъ 89 г., съ такимъ трескомъ выставленныхъ во главь императорской конституціи. Если правительство остается вооруженнымъ исключительными законами; если оно будетъ продолжать навязывать своихъ кандидатовъ странѣ; если оно не освобождаетъ прессу отъ угнетенія; если наконецъ оно будетъ по прежнему держать Францію въ своихъ рукахъ, то всѣ кажущіяся уступки будутъ живыми...

Президентъ перебилъ:

— Я не могу позволить оратору употреблять подобное выраженіе.

— Очень хорошо, очень хорошо! раздалось съ правой.

Ораторъ повторилъ фразу, смягчивъ ее. Онъ старался теперь быть крайне сдержаннымъ, закруглялъ періоды и изъяснялся на безукоризненномъ языкѣ, но де-Марси упорно придирался къ каждому его выраженію. Тогда онъ пустился въ туманныя соображенія, прибѣгнувъ къ неясной фразеологіи, испещренной громкими словами, но гдѣ мысль его была такъ укутана, что президенту пришлось отъ него отступить. Потомъ вдругъ вернулся къ исходной точкѣ.

— Резюмирую. Друзья мои и я, мы отказываемся вотировать первый параграфъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь...

— Обойдемся и безъ васъ,—произнесъ одинъ голосъ.

— Мы отказываемся вотировать первый параграфъ адреса,—спокойно повторилъ ораторъ,—если наша поправка не будетъ принята. Мы не можемъ поддакивать преувеличеннымъ заявленіямъ благодарности, когда мысль главы государства представляется намъ полной недомолвокъ. Свобода нераздѣльна; ее нельзя разрѣзать на куски и раздавать по порціямъ, точно милостыню...

Тутъ со всѣхъ концовъ залы раздались восклицанія:

— Ваша свобода просто—распущенность.

— Не говорите о милостынѣ, вы гоняетесь за зловредной популярностью!

— А вы, вы рубите головы!

— Наша поправка,—продолжалъ онъ, какъ-бы не слыжавъ,—требуетъ отгѣны закона общественной безопасности, свободы печати, честности выборовъ...

Смѣхъ возобновился. Одинъ депутатъ произнесъ довольно

громко, такъ что всѣ сосѣди могли его слышать: «толкуй, толкуй, любезный, ничего ты этого не получишь!» Другой сопровождалъ комическими прибаутками каждую фразу, высказываемую съ трибуны. Но большинство, въ видѣ забавы, скандовало періоды торопливыми ударами разрѣзательныхъ ножей о купитры, и это походило на барабанный бой, заглушавшій голосъ оратора. Однако этотъ послѣдній боролся до конца. Онъ выпрямился и изъ всей мочи выкрикнулъ послѣднія слова, покрывшія шумъ:

— Да, мы революціонеры, если вы подразумеваете подъ этимъ людей прогресса...

Онъ сошелъ съ трибуны среди новаго взрыва ярости; депутаты уже не смѣялись, какъ школьники, вырвавшіеся изъ класса. Они встали, всѣ повернулись къ лѣвой, вопя: «къ порядку! къ порядку!» Ораторъ вернулся на свою скамью и стоялъ среди своихъ друзей. Сумятица произошла неописанная. Большинство, повидимому, готово было броситься на этихъ пятерыхъ людей, блѣдныя лица которыхъ съ вызовомъ глядѣли на него. Но де-Марси, разсерженный, звонилъ нервной рукой, поглядывая на трибуны, гдѣ дамы ёжились съ испуганнымъ видомъ.

— Господа,—произнесъ онъ,—это просто скандалъ.

Тишина возстановилась, и онъ продолжалъ очень свысока, съ явительнымъ достоинствомъ:

— Я не хочу призывать вторично къ порядку оратора. Замѣчу только, что по истинѣ неприлично изрекать съ трибуны угрозы, безчестящія ее!

Тройной взрывъ рукоплесканій встрѣтилъ слова президента. Всѣ кричали «браво», и разрѣзательные ножи опять пущены были въ ходъ, но на этотъ разъ въ знакъ одобренія. Ораторъ лѣвой хотѣлъ встать и возразить, но друзья остановили его. Шумъ улегся понемногу, перешелъ въ частные разговоры.

— Слово принадлежитъ его превосходительству Ругону,—началъ де-Марси успокоившимся голосомъ.

Пробѣжалъ трепетъ, пронесся вздохъ удовлетвореннаго любопытства, и мало-по-малу замеръ въ благоговѣйной тишинѣ. Ругонъ, согнувъ плечи, тяжело взошелъ на трибуну. Онъ сначала не глядѣлъ на залу; онъ положилъ передъ собою пачку замѣтокъ, отодвинулъ стаканъ съ водою, мѣшавшій ему, расправляя руки, точно вступалъ во владѣніе тѣснымъ ящикомъ изъ краснаго дерева. Наконецъ, прислонившись къ бюрдъ, поднялъ лицо. Онъ не старѣлся. Его четырех-угольный лобъ, большой правильный носъ, продолговатыя щеки, безъ морщинъ, сохраняли

розовый отгѣнокъ, сѣбѣсть нотаріуса маленькаго городка. Одинъ только посѣдѣлые волосы порѣдѣли на вискахъ и открывали широкія уши. Полузакрывъ глаза, онъ еще разъ обвелъ залу взглядомъ, чего-то выжидая. Съ минуту онъ собирался съ мыслями и встрѣтилъ пристальный и внимательный взглядъ Клоринды; потомъ началъ вялымъ и неповоротливымъ языкомъ.

— Мы тоже революціонеры, если подъ этимъ словомъ подразумѣвать людей прогресса, рѣшившихся вернуть странѣ одну за другой всѣ разумныя вольности...

— Очень хорошо! очень хорошо!

— О, господа, какое правительство когда-нибудь лучше имперіи осуществляло либеральныя реформы, соблазнительную программу которыхъ изложилъ мой почтенный предшественникъ? Я не стану опровергать рѣчи, слышанной вами. Съ меня достаточно будетъ доказать, что геній и великодушіе императора опередили требованія самыхъ ожесточенныхъ противниковъ его царствованія. Да, господа! государь самъ передалъ націю власть, которою она облекла его въ минуту общественной опасности. Величественное зрѣлище, столь рѣдкое въ исторіи! О! мы понимаемъ досаду нѣкоторыхъ приверженцевъ анархіи. Имъ приходится нападать на намѣренія, спорить о размѣрѣ возвращенной свободы. Вы поняли великій актъ 24-го ноября. Вы пожелали въ первомъ параграфѣ адреса выразить императору вашу глубокую благодарность за его великодушіе и его довѣріе къ мудрости законодательнаго корпуса. Принятіе поправки, предлагаемой вамъ, было бы ничѣмъ незаслуженнымъ оскорбленіемъ, скажу болѣе,—дурнымъ поступкомъ. Обратитесь къ своей совѣсти, господа, спросите ее: сознаете ли вы себя свободными? Свобода нынѣ дана полная, безусловная, ручаюсь за это...

Продолжительныя рукоплесканія перебили его. Онъ медленно приблизился къ краю трибуны. Слегка наклонивъ туловище впередъ, вытянувъ правую руку, Ругонъ громко разглагольствовалъ, и рѣчь его лилась совершенно плавно и свободно. Позади него де-Марси, вытянувшись въ креслѣ, слушалъ, слегка улыбаясь, съ видомъ знатока, восхищеннаго фокусомъ, который передъ нимъ выкидываютъ. Въ залѣ, среди грома рукоплесканій, депутаты наклонялись, шептались, удивленные, сжимая губы. Клоринда опустила руки на красный бархатъ и слушала съ серьезнымъ лицомъ.

Ругонъ все продолжалъ:

— Въ настоящее время пробилъ, наконецъ, часъ, котораго мы всѣ ждали съ нетерпѣніемъ. Не опасно больше благоден-

ствующую Францію сдѣлать Франціей свободной. Анархическія страсти заглохли. Энергія государя и торжественная воля страны навѣки отбросили въ прошлое отвратительныя времена общественнаго извращенія. Свобода стала возможной въ тотъ день, когда была побѣждена партія, упорствовавшая въ непризнаваніи краеугольных основъ правленія. Вотъ почему императоръ напелъ возможнымъ отвести свою могущественную руку, отказавшись отъ крайнихъ прерогативъ власти, какъ отъ безполезнаго бремени; онъ признаетъ свою власть настолько безспорной, что считаетъ возможнымъ дозволить оспаривать ее. И онъ не отступить передъ мыслью поручиться за будущее; онъ дойдетъ до конца въ дѣлѣ освобожденія; онъ вернетъ одну за другой вольности, въ эпоху, указанную выше. Отнынѣ программа непрерывнаго прогресса, которую мы имѣемъ порученіе защищать въ этомъ собраніи...

Одинъ изъ пяти депутатовъ лѣвой вскричалъ съ негодованіемъ:

— Вы были министромъ крайняго гнѣта!

Другой прибавилъ со злобю:

— Поставщики Кайенны и Ламбессы не имѣютъ права говорить во имя свободы!

Взрывъ ропота поднялся въ залѣ. Многіе депутаты не поняли, и, наклонясь, спрашивали сосѣдей. Де-Марси притворился, что не слышалъ, и только пригрозилъ призывомъ къ порядку.

— Меня упрекаютъ...—началъ Ругонъ.

Но съ правой поднялись крики и помѣшали ему продолжать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не возражайте!

— Эти оскорбленія не могутъ васъ задѣвать!

Тогда онъ жестомъ усмирилъ палату и опершись обоими кулаками на край трибуны, повернулся къ лѣвой съ видомъ ободряющагося кабана:

— Я не буду возражать,—объявилъ онъ спокойно.

То было лишь вступленіе. Хотя онъ и пообѣщался не опровергать рѣчи депутата лѣвой, но вошелъ въ самыя подробныя пренія. Онъ сначала отчетливо изложилъ аргументы противника; съ какимъ-то кокетствомъ, съ безпристрастіемъ, рассчитаннымъ на сильный эффектъ, высказывалъ ихъ, какъ-бы пренебрегая всѣми доводами противника и готовясь однимъ словомъ сокрушить ихъ. Потомъ, какъ будто позабылъ о нихъ и оставилъ безъ возраженія, а выхватилъ самый слабый и принялся громить его съ неслыханной рѣзкостью, съ потокомъ словъ, совсѣмъ затопившимъ его. Ему рукоплескали, онъ торжествовалъ. Громадное

туловище его занимало всю трибуну. Онъ въ тактъ передергивать плечами, и это служило какъ-бы аккомпаниментомъ потоку словъ. У него было банальное, дюжинное краснорѣчье; онъ пересыпалъ рѣчь юридическими терминами, изрекалъ пошлости съ трескучимъ фейерверкомъ фразера. Онъ громилъ враговъ, забрасывалъ ихъ глупѣйшими словами. Единственнымъ ораторскимъ достоинствомъ у него была сильная грудь, позволявшая по цѣлымъ часамъ палить залпъ за залпомъ фразами, не заботясь объ ихъ смыслѣ. Онъ, повидимому, желалъ одного только: оглушить публику. Когда Руговъ видѣлъ, что оглушенная палата вызываетъ о пощадѣ, то онъ умолялъ.

Проговоривъ часъ безъ отдыха, онъ выпилъ глотокъ воды, и перевелъ духъ, приводя въ порядокъ замѣтки, лежавшія передъ нимъ.

— Отдохните!—закричало нѣсколько депутатовъ.

Но онъ не чувствовалъ утомленія и непремѣнно хотѣлъ докончить.

— Чего у васъ требуютъ, господа?

— Слушайте! слушайте!

Глубокое вниманіе заставило всѣхъ снова наострить уши и повернуться къ нему лицомъ. При иныхъ взрывахъ его голоса, сильное волненіе пробѣгало по палатѣ съ одного конца до другого, точно порывъ вѣтра.

— У васъ требуютъ, господа, упраздненія закона общественной безопасности. Я не стану напоминать тотъ навѣки проклятый часъ, когда законъ этотъ сталъ необходимымъ орудіемъ. Надо было успокоить страну, спасти Францію отъ новаго переворота. Въ настоящую минуту оружіе вложено въ ножны. Правительство, всегда прибѣгавшее къ нему съ крайней осторожностью, скажу даже, съ величайшей умѣренностью...

— Правда!

— Правительство примѣняетъ его лишь въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ. Онъ никого не стѣсняетъ, кромѣ сектантовъ, еще дѣлѣвшихъ преступное безуміе: желать возврата печальнѣйшихъ дней въ нашей исторіи. Обойдите наши города, обойдите наши села, и вы увидите, что вездѣ царствуетъ миръ и благоденствіе; спросите у людей порядка, никто не чувствуетъ, чтобы его, какъ бременемъ, давилъ законъ, въ которомъ насъ упрекаютъ, какъ въ преступленіи. Повторяю: въ отеческихъ рукахъ правительства онъ продолжаетъ оберегать общество отъ пагубныхъ попытокъ, успѣхъ которыхъ къ тому же отнынѣ невозможенъ. Честнымъ людямъ нечего о немъ беспокоиться. Оста-

вимъ его въ бездѣйствіи, въ какомъ онъ пребываетъ, до того времени, когда государь самъ найдетъ 'нужнымъ отмѣнить его... Чего еще отъ васъ требуютъ, господа? Честности выборовъ, свободы прессы, всевозможныхъ вольностей. Ахъ! позвольте мнѣ тутъ отдохнуть на зрѣлищѣ великихъ дѣлъ, уже совершѣнныхъ имперіей. Крутомъ себя, куда я ни взгляну, я вижу, какъ растетъ общественная свобода и приноситъ великолѣпные плоды. Умиленіе мое невыразимо. Франція, недавно столь униженная, возрождается къ новой жизни и показываетъ міру примѣръ націи, завоевывающей себѣ свободу разумнымъ образомъ дѣйствія. Въ настоящее время дни испытаній пережиты. Нѣтъ больше рѣчи о диктатурѣ, объ автократическомъ правленіи. Мы всѣ работники свободы...

— Браво! браво!

— Требуютъ честности выборовъ! Всеобщая подача голосовъ, примѣненная въ самомъ широкомъ размѣрѣ, развѣ не составляетъ перваго условія существованія имперіи? Конечно, правительство рекомендуетъ своихъ депутатовъ. Развѣ революція не поддерживаетъ своихъ съ безстыднымъ нахальствомъ? На насъ нападаютъ, мы обороняемся,—развѣ это не справедливо? Намъ хотѣли бы зажать ротъ, связать по рукамъ и по ногамъ, превратить въ трупъ. На это мы никогда не согласимся. Изъ любви къ странѣ, мы всегда будемъ давать ей совѣты, указывать, въ чемъ заключаются ея настоящіе интересы. Къ тому же, она остается полнымъ властелиномъ своей судьбы. Она вопируетъ, и мы преклоняемся передъ ея волей. Члены оппозиціи, принадлежащіе къ этому собранію, гдѣ они пользуются полной свободой слова, лучшее доказательство нашего безусловнаго уваженія къ рѣшеніямъ всеобщей подачи голосовъ. Революціонеры должны негодовать на страну, если она провозглашаетъ имперію подавляющимъ большинствомъ... Въ парламентѣ нынѣ разрушены всѣ препоны къ свободному контролю. Императоръ захотѣлъ дать великимъ корпораціямъ государства болѣе прямое участіе въ политикѣ и яркое доказательство своего довѣрія. Вы можете отнынѣ обсуждать его дѣйствія, пользоваться неограниченно правомъ поправки, высказывать мотивированныя мнѣнія. Ежегодно адресъ будетъ служить какъ-бы свиданіемъ между императоромъ и представителями націи, причемъ послѣднимъ можно откровенно высказывать все, что угодно. Сильныя государства создаются гласными преніями. Трибуна востановлена, та трибуна, которую обезсмертило столько ораторовъ, чьи имена записаны въ исторіи. Парламентъ разсуждающій есть парламентъ трудящійся. И хотите ли знать вполнѣ

мою мысль? Я радъ, что вижу здѣсь группу депутатовъ оппозиціи. Оппозиція оказываетъ ту услугу государству, что выставляетъ на божій свѣтъ его добросовѣстность. Всегда будутъ противники, желающіе обвинить насъ. Мы потребуемъ для нихъ безусловной свободы. Мы не боимся ни страстей, ни скандала, ни злоупотребленій, словомъ, какъ бы они ни были опасны... Что касается прессы, господа, то она никогда не пользовалась большей свободой ни при какомъ правительствѣ, требующемъ уваженія къ себѣ. Всѣ великіе вопросы, всѣ серьезныя интересы имѣютъ свои органы. Администрація преслѣдуетъ только пропаганду пагубныхъ доктринъ, разлитіе яда, раздора. Но, выслушайте меня, мы всѣ уважаемъ честную печать, являющуюся голосомъ общественнаго мнѣнія. Она помогаетъ намъ въ нашемъ дѣлѣ, она орудіе вѣка. Если правительство взяло это орудіе въ свои руки, то единственно лишь затѣмъ, чтобы не оставлять его въ рукахъ враговъ...

Послышался одобрителный смѣхъ. Но Ругонъ приближался къ заключенію. Онъ хватался судорожными пальцами за дерево трибуны, наклонялся впередъ, размахивалъ въ воздухѣ правой рукой. Голосъ его раскатывался съ звучностью стремительнаго потока. Вдругъ, среди либеральной идилии, имъ какъ будто овладѣла неистовая ярость. Сжатый кулакъ грозилъ чему-то въ пустотѣ. Невидимый противникъ былъ красный призракъ. И въ нѣсколькихъ драматическихъ фразахъ онъ показалъ красный призракъ, размахивающій окровавленнымъ знаменемъ, проносащій зажигательный факель, оставляя позади себя потоки грязи и крови. Набатовъ дней матажа звучалъ его голосъ; онъ напоминать о свистѣ пули, разломанныхъ окнахъ банка, разграбленномъ имуществѣ буржуазіи. На скамьяхъ депутаты, блѣдые какъ полотно, содрогались. Затѣмъ, Ругонъ успокоился и въ заключеніе заговорилъ объ императорѣ въ похвальныхъ выраженіяхъ, походившихъ на взмахи вадиломъ.

— Слава Богу! мы находимся подъ охраной лица, котораго Провидѣніе въ минуту неизреченнаго милосердія избрало для того, чтобы спасти насъ. Мы можемъ отдохнуть подъ покровомъ его высокаго ума. Онъ взялъ насъ за руку и ведетъ къ пристани между подводныхъ скалъ.

Раздались рукоплесканія. Засѣданіе было прервано минутъ на десять. Толпа депутатовъ бросилась на встрѣчу министру, возвращавшемуся на свою скамью съ вспотѣвшимъ лицомъ и туловищемъ, еще содрогавшимся отъ усилій. Ла-Руветъ, де-Комбедъ, сотни другихъ поздравляли его, протягивали руки, стараясь по-

жать его руку на ходу. Въ залѣ царствовало неописанное волненіе. Публика трибунъ говорила и жестикулировала. Подъ потолкомъ, залитымъ солнцемъ, среди поволоты, торжественной роскоши, напоминавшей о храмѣ и о рабочемъ кабинетѣ, воцарилось волненіе общественной площади, слышались скептическій смѣхъ, наивное удивленіе, восторженные похвалы, — весь тотъ гвалтъ, который производитъ толпа, одушевленная страстью. Взгляды де-Марси и Клоринды встрѣтились, оба покачали головой; они признавали побѣду великаго человѣка. Ругонъ своей рѣчью вступилъ на путь изумительной карьеры, приведшей его на вершину могущества.

Между тѣмъ, новый депутатъ уже стоялъ на трибунѣ. У него было выбритое лицо, бѣлое какъ воскъ, съ длинными желтыми волосами, жидкими кудрями, падавшими ему на плечи. Прямой какъ палка, не дѣлая ни одного жеста, онъ пробѣждалъ глазами большіе листы бумаги, рукопись рѣчи, и затѣмъ принялся читать ее мягкимъ голосомъ! Пристава восклицали:

— Тише, господа!... Потрудитесь молчать!

Оратору предстояло сдѣлать запросъ правительству. Его, по-видимому, очень раздражало выжидющее положеніе, принятое Франціей въ виду опасности, угрожавшей со стороны Италіи папскому престолу. Свѣтская власть папы была святымъ ковчегомъ, и въ адрессѣ слѣдовало высказать формальное желаніе и даже требованіе ея неприкосновенности. Въ рѣчи излагались историческія соображенія, доказывалось, что христіанское право, за нѣсколько вѣковъ до трактатовъ 1815 г., установило политическій порядокъ въ Европѣ. Затѣмъ слѣдовали отчаянныя риторическія фразы: ораторъ говорилъ, что съ ужасомъ видить, какъ старинное европейское общество разлагается среди конвульсивныхъ движеній народовъ.

Минутами, слишкомъ явные намеки на итальянскаго короля вызывали ропотъ въ залѣ. Но направо, дружная группа клерикальныхъ депутатовъ, около ста членовъ, внимательно слушала, подчеркивала инныя мѣста, рукоплескала всякій разъ, какъ ихъ собрать называлъ папу съ набожнымъ наклоненіемъ головы.

Ораторъ кончилъ фразой, покрытой рукоплесканіями:

— Я съ неудовольствіемъ вижу, — сказалъ онъ, — что гордая Венеція, царица Адриатики, становится вассаломъ Турина!

Ругонъ, съ затылкомъ, мокрымъ отъ пота, съ охриплымъ голосомъ, съ туловищемъ, разбитымъ первою рѣчью, упрямо заоглялъ возражать безъ отлагательства. Интересно было зрѣлище. Онъ заявлялъ о своей усталости, подчеркивалъ ее, едва дотащился

до трибуны, гдѣ пролепеталъ сначала нѣсколько невнятныхъ словъ. Онъ горько жаловался, что находить противниковъ правительства среди значительныхъ лицъ, доселѣ выказывавшихъ такую преданность императорскимъ учрежденіямъ. Тутъ было, конечно, недоразумѣніе; они не захотѣли усилить ряды революціонеровъ, поколебать власть, постоянныя усилія которой направлены къ тому, чтобы обезпечить торжество религіи. И, повернувшись къ правой, взывалъ къ ней съ патетическими жестами, обращаясь къ ней съ смиреніемъ, исполненнымъ лукавства, какъ къ сильному врагу, единственному врагу, котораго опасается.

Но мало-по-малу голосъ его принялъ прежнюю звучность. Онъ наполнялъ залу своими возгласами, колотилъ себя въ грудь кулаками.

— Насъ обвиняють въ безбожіи. — Это ложь! Мы почтительные сыны церкви, и имѣемъ счастье вѣрить... Да, господа! — вѣра есть нашъ руководитель и наша опора въ правительственной задачѣ, подчасъ столь тяжелой для выполненія. Что бы стало съ нами, еслибы мы не предавали себя въ руки Провидѣнія? Мы имѣемъ одно только притязаніе — быть смиренными исполнителями Его предначертаній, покорнымъ орудіемъ Божіей воли. Вотъ что позволитъ намъ говорить громко и дѣлать добро... И скажу вамъ, господа, я радъ случаю преклонить здѣсь колѣно со всѣмъ рвеніемъ искреннаго католика передъ первосвященникомъ-государемъ, передъ высокимъ старцемъ, и Франція всегда останется вѣрной и преданной его дочери.

Рукоплесканія не дали ему договорить этихъ словъ. Триумфъ дошелъ до апогея. Зала стонала.

При выходѣ, Клоринда дождалась Ругона. Они не обмѣнились ни однимъ словомъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Когда онъ появился, помолодѣвшій, какъ-бы облегченный, отказавшись въ одинъ часъ отъ всей своей политической жизни, готовый удовлетворить подъ фимціей парламентаризма все свое ненасытное желаніе власти, она поддалась увлеченію, подошла къ нему съ протянутой рукой, съ глазами, смягченными лаской, и проговорила:

— А вы все-таки изрядная сила!

А. Э.

ОЧЕРКЪ ВОПРОСА

0

ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ

V *).

Общій очеркъ теоріи Дарвина. — Основныя положенія теоріи. — Естественный подборъ и его результаты: расхожденіе признаковъ и совершенствованіе организациі. — Половой подборъ. — Другіе факторы измѣняемости видовъ. — Многостороннее приложеніе теоріи преемственнаго происхожденія видовъ. — Устраненіе главныхъ возраженій противъ трансформизма.

Мы прослѣдили всѣ главныя фазы развитія теоріи трансформизма до Дарвина. Мы видѣли, что основная идея—идея о происхожденіи видовъ другъ отъ друга—была высказана въ научной формѣ почти за цѣлое столѣтіе до Дарвина; что она была нѣсколько разъ развиваема въ высшей степени талантливыми учеными; что она, несмотря на оказанное ей сильнѣйшее сопротивленіе со стороны самыхъ крупныхъ авторитетовъ науки, тѣмъ не менѣе пробилась наружу и дожила до настоящаго времени. Мы видѣли, какъ мѣнялись воззрѣнія самихъ послѣдователей трансформизма, какъ различно они смотрѣли на вліяніе вѣшнихъ условій и какъ, наконецъ, были выработаны основныя положенія теоріи подбора (Матью въ Англіи и Нодэномъ во Франціи). Но всего этого было недостаточно для того, чтобы поставить трансформизмъ на степень

*) См. выше: мар., 68 стр.

прочной научной теоріи. Мало было высказать хотя бы самыя геніальныя мысли, нужно было еще сумѣть развить ихъ научнымъ образомъ, доказать фактическую состоятельность основныхъ апіорическихъ соображеній и показать приложимость теоріи для разъясненія множества существенныхъ вопросовъ науки. Задачу эту взялъ на себя геніальный англійскій натуралистъ, выработавшій въ теченіи долгаго путешествія и многолѣтнихъ кабинетныхъ занятій замѣчательную разносторонность и широту научнаго взгляда. Онъ соединилъ въ себѣ качества какъ англійскаго ученаго-путешественника, такъ и нѣмецкаго книжнаго ученаго, и, вооружившись такимъ образомъ, написалъ сначала краткій обзоръ своей теоріи, основныя положенія которой оказались тождественными съ теоріей Матю, Нодэна и особенно — Уэллеса, а потомъ болѣе подробный трактатъ, озаглавленный: «О происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора, или о сохраненіи усовершенствованныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе». Первый очеркъ былъ написанъ еще въ 1844 году, но въ печати появился лишь четырнадцать лѣтъ спустя, одновременно съ первымъ эскизомъ Уэллеса. Вслѣдъ затѣмъ, въ ноябрѣ 1859 года, Дарвинъ выпустилъ въ свѣтъ первое изданіе «Происхожденія видовъ», которое имѣло уже шесть изданій и было переведено на большинство европейскихъ языковъ. Трактатъ этотъ составляетъ и до сихъ поръ главный источникъ, изъ котораго могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія о теоретическихъ воззрѣніяхъ Дарвина, несмотря на то, что этотъ ученый издалъ съ тѣхъ поръ еще четыре большихъ сочиненія и нѣсколько болѣе мелкихъ статей.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію существенныхъ положеній теоріи Дарвина, будетъ не лишено интереса указать на тотъ путь, какимъ пришелъ этотъ геніальный натуралистъ къ основанію своего ученія. Вотъ что самъ онъ говоритъ объ этомъ¹⁾: «Посѣтивши, во время путешествія «Бигля» Галлопагосскій архипелагъ, расположенный въ Тихомъ Океанѣ, на разстояніи пяти сотъ миль отъ береговъ южной Америки, я увидѣлъ оригинальныя виды птицъ, пресмыкающихся и растений, не существующихъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ земли. А между тѣмъ всѣ они носили на себѣ американскій отпечатокъ. Въ пѣснѣ пересмѣшника, въ хриплomъ крикѣ стервятника, въ большихъ, похожихъ на канделябры, опунціяхъ, я ясно видѣлъ сосѣдство Америки, хотя острова эти и раздѣлялись такимъ огромнымъ количествомъ миль океана отъ материка и значительно отличались отъ него

¹⁾ Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія. Т. I. 1867. Стр. 10.

по своему геологическому строенію и климату. Еще удивительнѣе было то обстоятельство, что большинство обитателей каждаго отдѣльнаго островка этого небольшого архипелага отличалось между собою видовыми признаками, хотя и обнаруживало чрезвычайно близкое сродство. Этотъ архипелагъ, съ его безчисленными кратерами и голыми потоками лавы, казался весьма недавняго происхожденія, и я вообразилъ себя какъ-бы перенесеннымъ къ самому акту творенія. Я часто задавалъ себѣ вопросъ, какими образомъ могли появиться эти столь оригинальныя животныя и растенія: самый простой отвѣтъ на это, казалось, былъ тотъ, что обитатели различныхъ острововъ произошли другъ отъ друга и подвергались постепеннымъ измѣненіямъ въ ряду послѣдующихъ поколѣній, а что все населеніе архипелага произошло отъ особой большаго материка, именно Америки, откуда переселенцы могли, конечно, быть заброшены сюда. Для меня однако же еще долгое время оставалось загадкою, какими же образомъ могли появиться необходимыя степени измѣненія, и это, по всей вѣроятности, навсегда бы осталось для меня нерѣшеннымъ, еслибы я не изучилъ наши домашнія породы и не составилъ бы себѣ при этомъ вѣрной идеи о всей силѣ подбора. Какъ только идея эта вполнѣ развилась во мнѣ, то, перечитывая сочиненіе Мальтуса «О народонаселеніи», я тотчасъ же увидѣлъ, что естественный подборъ долженъ быть неизбѣжнымъ результатомъ быстрого размноженія всѣхъ органическихъ существъ; что же касается борьбы за существованіе, то я былъ приготовленъ вполнѣ оцѣнить ее моими долгими наблюденіями надъ нравами и привычками животныхъ».

Самое бѣглое и поверхностное знакомство съ домашними животными и растеніями указываетъ уже на значительную степень ихъ измѣчивости, и притомъ въ очень различныхъ направленіяхъ. Хотя причины этого явленія еще не вполнѣ раскрыты, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что множество случаевъ измѣняемости зависитъ отъ измѣненія условій существованія одомашненныхъ породъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти измѣненныя условія дѣйствуютъ непосредственно на различныя части организма, въ другихъ же случаяхъ они вліяютъ черезъ посредство системы размноженія. Наблюденіями доказано, что явленія размноженія животныхъ и растеній въ высшей степени чувствительны къ измѣненію условій существованія: въ большомъ количествѣ примѣровъ, животныя, очень легко привыкшія къ условіямъ одомашненной жизни, тѣмъ не менѣе оказывались или почти, или вовсе бесплодными. Достаточно же одного пониженія

или повышенія плодovitости, для того чтобы повліять измѣняющимъ образомъ на самыя различныя части животнаго организма.

Хотя самый фактъ измѣняемости и зависимость ея отъ условій существованія стоитъ въ высшей степени прочно, тѣмъ не менѣе многіе законы этого явленія или вовсе неизвѣстны, или же извѣстны не въ достаточно полномъ видѣ. Изъ числа этихъ законовъ долженъ быть поставленъ на первый планъ законъ *соотносительнаго измѣненія*, который заключается въ томъ, что измѣненія одного какого-нибудь органа необходимо влекутъ за собою измѣненія и другихъ опредѣленныхъ частей. Такъ, напр., удлиненіе клюва находится въ соотношеніи съ ногами, слѣдовательно, влечетъ за собою измѣненіе послѣднихъ. Подобное же соотношеніе замѣчено и между зубами и роговыми образованіями (волосами, рогами). Самый фактъ соотносительнаго измѣненія не подлежитъ сомнѣнію, въ виду подтверждающихъ его многочисленныхъ примѣровъ, но относительно причинъ этого замѣчательнаго явленія наука находится еще въ полномъ невѣдѣніи.

Еще болѣе обыденной и общеизвѣстной, чѣмъ измѣняемость, представляется наслѣдственная передача признаковъ. Значительное количество самыхъ точныхъ наблюденій доказываетъ, что унаслѣдуются не только существенные и съ давнихъ поръ упрочившіеся признаки, но даже и мелкія индивидуальныя отличія, каковы бородавки, жесты и проч. Извѣстно также, что путемъ наслѣдственности могутъ быть передаваемы не только прирожденные свойства, но и приобретенныя, какъ, напр., задатки нѣкоторыхъ болѣзней. Утверждаютъ даже, что иногда передаются измѣненія, получившіяся въ результатъ операций, напр. обрубленный хвостъ у собакъ и т. п.

Измѣняемость признаковъ и наслѣдственная передача ихъ составляютъ два существеннѣйшихъ фактора, съ помощью которыхъ человѣку удалось образовать столько породъ изъ окружающаго міра животныхъ и растений и приспособить ихъ для выполнения столькихъ спеціальныхъ цѣлей. Достиженіемъ такого результата человѣкъ обязанъ способу, помощью котораго онъ оказался въ состояніи регулировать опредѣленнымъ образомъ многочисленные измѣненія, претерпѣваемые организмами. Съ давнихъ поръ человѣкъ подбиралъ для приплода только такихъ недѣлимыхъ, которыя представляли какую-либо выгоду въ его хозяйствѣ, и потому онъ останавливался или на такихъ, которыя были вѣрнѣе, здоровѣе и выносливѣе, или же подбиралъ особей, обладавшихъ признаками, соответствующими какой-нибудь спеціальной цѣли, напримѣръ, тониной шерсти, чуткимъ обонаніемъ и т. п.

При этомъ приѣмѣ нужно было позаботиться не только о подборѣ данныхъ особей, но также и объ уединеніи ихъ отъ худшихъ особей, чтобы тѣмъ предупредить возможность скрещиванія между ними и, слѣдовательно, потерю полезныхъ признаковъ. Съ этою цѣлью хозяинъ долженъ былъ или убивать худшихъ недѣлимыхъ, какъ это и нынѣ дѣлается съ новорожденными черными агнатами въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ цѣнятся только бѣлыя овцы, или же удалять ихъ и изолировать отъ подобранныхъ индивидуумовъ.

Путемъ искусственнаго подбора человекъ удалось произвести значительное количество породъ, изъ которыхъ однѣ были произведены вслѣдствіе подбора мелкихъ индивидуальныхъ особенностей, тогда какъ другія явились въ результатъ подбора рѣзкихъ, иногда уродливыхъ уклоненій.

Познакомившись съ основными моментами происхожденія одомашненныхъ породъ, Дарвинъ переноситъ ту же точку зрѣнія на всю организованную природу вообще. Хотя въ домашнемъ состояніи животныя и растенія подвержены большей измѣнчивости, чѣмъ въ свободной, дикой природѣ, тѣмъ не менѣе и тутъ замѣчается множество примѣровъ нерѣдко очень рѣзкой измѣняемости. Не говоря уже о томъ, что всякая особь имѣетъ какія-нибудь ей свойственныя индивидуальныя особенности, въ природѣ нерѣдко наблюдаются признаки, характеризующіе одну часть недѣлимыхъ вида и отличающіе ее отъ другой части того же вида. Такимъ образомъ, часты измѣненія въ окраскѣ особей одного и того же вида, въ числѣ суставовъ и т. п. Между видами особенно отличаются нѣкоторые присутствіемъ большого количества такихъ разновидностей, или варіететовъ, и вслѣдствіе этого въ систематикѣ господствуетъ сильное разногласіе относительно границъ и опредѣленія такихъ видовъ. Особенно часты такъ-называемыя географическія или мѣстныя разновидности, т. е. опредѣленныя, хотя и мелочныя, видоизмѣненія частей у одного и того же вида, смотря по мѣстностямъ, въ которыхъ онъ водится.

Если, съ одной стороны, можетъ быть признано вѣрнымъ, что измѣнчивость присуща организмамъ, живущимъ независимо отъ прямого вліянія человека, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что наследственность составляетъ свойство, общее всему организованному міру. Теперь спрашивается: существуетъ ли въ свободной природѣ что-либо, что было бы въ состояніи дѣйствовать подобно подбору человека, т. е. регулировать измѣнчивость и обуславливать тѣмъ образованіе новыхъ формъ? Хозяинъ подби-

раетъ лучшія особи своихъ животныхъ и растений въ томъ случаѣ, если онъ хочетъ улучшить породу, или сохранить ее отъ вредныхъ примѣсей, или, просто, если онъ не въ состояніи содержать всѣхъ имѣющихся у него особей. Онъ рѣжетъ черныхъ агнать съ тою цѣлю, чтобы не попортить своей породы, рѣжетъ толсторуныхъ овецъ и оставляетъ наиболѣе тонкорунныхъ, чтобы улучшить породу, и, наконецъ, онъ оставляетъ лучшихъ недѣлимыхъ въ томъ случаѣ, если неурожай или какая-либо другая невзгода не позволяютъ ему продержатъ все стадо въ цѣлости. Изъ приведенныхъ трехъ примѣровъ, послѣдній всего болѣе подходитъ къ тому, что ежедневно совершается въ свободной природѣ. Въ ней нѣтъ факторовъ, которые бы улучшали или сохраняли породы ея ради какой-нибудь задуманной цѣли, но въ ней постоянно оказывается невозможность продержатъ и прокормить весь имѣющійся на лицо запасъ организованныхъ недѣлимыхъ. Нужда и въ природѣ является часто вслѣдствіе неурожая пищи, причиняемаго усиленнымъ холодомъ, наводненіемъ и проч.; часто же и помимо этого возникаетъ нужда вслѣдствіе чрезчуръ усиленнаго размноженія животныхъ и растений. Законъ Мальтуса приложимъ не къ одному человѣку, но и ко всему животному и растительному міру. Если взять въ примѣръ существо съ наименьшей плодовитостью, напримѣръ, слона, и то окажется, что численность его потомства въ сравнительно короткій періодъ перейдетъ предѣлъ, при которомъ все оно могло бы просуществовать. Дарвинъ рассчитываетъ, что при предположеніи, что слонъ становится зрѣлымъ въ тридцать лѣтъ и что онъ достигаетъ столѣтняго возраста и производитъ шесть дѣтей, — въ періодъ отъ 740 до 750 лѣтъ, отъ одной пары должно произойти девятнадцать милліоновъ недѣлимыхъ.

Итакъ, по мнѣнію Дарвина, природа находится въ состояніи перенаселенія, вслѣдствіе чего въ ней постоянно происходитъ борьба за существованіе, т.-е. соперничество между недѣлимыми изъ-за прокормленія, охраненія отъ враговъ и размноженія. Борьба эта, какъ и всякая конкуренція, всего сильнѣе между недѣлимыми, потребности которыхъ наиболѣе близки, и которыя, слѣдовательно, всего болѣе сродны другъ съ другомъ. Отсюда вытекаетъ, что она должна быть всего ожесточеннѣе между особями и разновидностями одного вида, затѣмъ между сосѣдними видами и т. д. Очевидно, что та изъ борющихся сторонъ, которая будетъ отличаться какимъ-нибудь выгоднымъ признакомъ, котораго не окажется у другой стороны, выйдетъ побѣдительною и мало-по-малу вытѣснитъ болѣе слабаго соперника. Этотъ про-

цессъ переживанія сильнѣйшаго въ борьбѣ и оттѣсненіе и вымирание слабѣйшаго и составляетъ сущность процесса, названнаго Дарвиномъ—*естественнымъ подборомъ*. Подобно тому, какъ искусственный подборъ чловѣка состоитъ въ отборѣ и отдѣленіи особей, наиболѣе выгодныхъ въ его хозяйствѣ, и въ уничтоженіи особей бесполезныхъ или вредныхъ, подобно тому, естественный подборъ сохраняетъ и изолируетъ особи, наиболѣе выгодно приспособленныя къ борьбѣ и уничтожаетъ особи, менѣе одаренныя въ этомъ отношеніи. Такъ какъ многіе критики нерѣдко видѣли въ этомъ доказательство цѣлесообразности всей теоріи подбора, и такъ какъ вообще довольно часто встрѣчаются недоразумѣнія относительно основныхъ принциповъ Дарвина, то я считаю умѣстнымъ привести одинъ изъ находящихся у Дарвина схематическихъ примѣровъ, приведенныхъ имъ для уясненія его взгляда о происхожденіи видовъ путемъ естественнаго подбора. Представимъ себѣ хищное животное, напримѣръ, волка, который въ данной мѣстности поѣдаетъ различныхъ другихъ животныхъ, добываемыхъ отчасти хитростью, частью же посредствомъ силы и быстроты. Предположимъ далѣе, что самая быстроногая добыча, напримѣръ, олень, почему-нибудь очень сильно размножилась, или—что другія животныя, служащія пищей волкамъ, значительно уменьшились въ числѣ. При этихъ условіяхъ, волки, конкурируя между собою въ дѣлѣ добыванія, т.-е. ловли звѣрей, должны будутъ напрячь свои силы въ этой борьбѣ, и тѣ изъ нихъ, которые будутъ отъ природы снабжены болѣе легкимъ сложеніемъ и болѣе быстрой бѣга, окажутся наиболѣе одаренными и переселять менѣе быстроногихъ и болѣе неуклюжихъ волковъ. Продливъ мысленно этотъ процессъ переживанія особей первой категоріи, легко допустить, что, по прошествіи нѣкотораго времени, образуется раса быстроногихъ волковъ, которая въ данномъ случаѣ, какъ сильнѣйшая, вытѣснитъ и замѣститъ обыкновенную, основную породу. Сходство этого явленія съ процессомъ образованія борзой породы собакъ кидается въ глаза, но основное различіе заключается только въ томъ, что въ случаѣ съ волкомъ участвуетъ естественный подборъ, а въ дѣлѣ борзой—искусственный. Въ доказательство того, что выбранный Дарвиномъ примѣръ, несмотря на свою схематичность, соответствуетъ фактической дѣйствительности, можетъ быть приведено наблюденіе Пирса, по которому на Каскильскихъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, водятся двѣ разновидности волка, изъ которыхъ одна, добывающая оленей, отличается легкостью, въ родѣ борзой, тогда

какъ другая болѣе неуклюжа и коротка, и чаще нападаетъ на стада овецъ.

Въ виду сложности условій существованія, а слѣдовательно и сложности борьбы, естественный подборъ можетъ дѣйствовать во множествѣ самыхъ различныхъ направленій, и потому легко можетъ случиться, что признакъ, подбираемый имъ въ одномъ случаѣ, будетъ устраняться въ другомъ. Стоитъ только предположить, что въ приведенномъ примѣрѣ съ волкомъ, послѣ того, какъ длинноногая порода осталась побѣдительницей и вытѣснила коротконогую, олени сдѣлались рѣже или вовсе перевелись. Вслѣдствіе этого, снова возникнетъ борьба, въ которой длинноногая и быстрая порода на этотъ разъ окажется побѣжденной.

Но, быть можетъ, несмотря на возможность столь разнообразнаго дѣйствія, существуютъ какіе-либо пути, по которымъ направляется естественный подборъ? Дарвинъ указываетъ на два такихъ пути, ведущіе къ двумъ большимъ категоріямъ явленій. Первый изъ нихъ имѣетъ въ результатѣ *расхождение признаковъ*. Естественный подборъ, вообще говоря, благоприятствуетъ измѣнчивости, потому что она облегчаетъ существованіе организмовъ. Чѣмъ болѣе отличаются двѣ какія-либо формы другъ отъ друга, тѣмъ болѣе онѣ будутъ въ состояніи занять различныя мѣста въ природѣ и тѣмъ больше ихъ можетъ, слѣдовательно, просуществовать. Такъ, напр., если между особями какой-нибудь наземной породы возгорѣлась черезчуръ жестокая борьба за существованіе, то индивидуумы, способные въ жизни въ другой средѣ, напр., въ водѣ, будутъ имѣть значительный шансъ побѣды. Тотъ же законъ расхожденія признаковъ постоянно наблюдается и въ человѣческой жизни. Сюда можно отнести, напр., случаи, когда человѣкъ, видя, что въ данномъ мѣстѣ находится слишкомъ много конкурентовъ по его специальности, выбираетъ себѣ другую, имѣющую меньше представителей. То же подтверждается давно уже сдѣланнымъ наблюденіемъ сельскихъ хозяевъ, что данная мѣстность болѣе производитъ сѣна, если она засѣяна многими и притомъ по возможности разнородными сортами растенія, чѣмъ если она покрыта сплошь только однимъ какиъ-нибудь видомъ. Въ силу закона расхожденія признаковъ формы среднія обыкновенно даютъ болѣе специализованные виды, которые окажутся болѣе сильными въ борьбѣ за существованіе, нежели ихъ родоначальникъ. Такъ, напр., отъ основной всеядной формы можетъ произойти растительная и плотоядная формы, причемъ каждая изъ нихъ, будучи болѣе приспособленной къ

свойственному ей образу жизни, въ состояніи будетъ вытѣснить основную, всеядную родоначальницу.

Такъ какъ, вообще говоря, въ природѣ до чрезвычайной степени распространено образованіе такихъ специализированныхъ формъ, то можно сказать, что расхожденіе признаковъ, лежащее въ основаніи этого явленія, составляетъ одну изъ наиболѣе выдающихся сторонъ дѣйствія естественнаго подбора. Дарвину было сдѣлано замѣчаніе, что онъ чрезчуръ преувеличилъ значеніе расхожденія признаковъ, и, наоборотъ, совершенно упустилъ изъ виду значеніе противоположнаго момента, именно *схожденіе признаковъ*. А priori легко придти къ мысли, что если, напр., два сосѣдніе рода, въ силу закона расхожденія, произведутъ большое количество расходящихся видовъ, то легко можетъ случиться, что крайніе виды обоихъ родовъ сойдутся и дадутъ вмѣстѣ одинъ новый родъ. Несмотря на кажущуюся вѣроятность такого предположенія, Дарвинъ, однакоже, приходитъ къ убѣжденію, что въ природѣ полного схожденія никогда произойти не можетъ, и потому самый принципъ схожденія долженъ быть отвергнутъ.

Другой широкій путь, по которому дѣйствуетъ естественный подборъ, есть, по мнѣнію Дарвина, усложненіе, или *усовершенствованіе организаци*. Понимая подъ этимъ явленіемъ, вообще говоря, специализированіе органовъ и приспособленіе ихъ къ отдѣльнымъ отправленіямъ, т.-е. раздѣленіе труда между органами, легко согласиться съ тѣмъ, что всякій шагъ въ этомъ направленіи долженъ представлять выгоду въ борьбѣ за существованіе и потому фиксироваться съ помощью естественнаго подбора. Въ этомъ отношеніи можно, по отношенію къ отдѣльнымъ органамъ цѣлаго существа, повторить тѣ же общія соображенія, какія были высказаны относительно специализированія разновидностей одного и того же вида. Подобно тому, какъ естественный подборъ благоприятствуетъ расхожденію основнаго всеяднаго вида на двѣ болѣе специализированныя формы (плотоядную и растительноядную), подобно тому онъ даетъ перевѣсъ и формамъ, у которыхъ для двухъ отправленій существуетъ два отдѣльныхъ органа надъ видами, у которыхъ для той же цѣли находится всего только одинъ органъ. Съ этой точки зрѣнія Дарвинъ объясняетъ замѣченное геологами прогрессивное развитіе животнаго и растительнаго міра въ теченіи геологическихъ эпохъ,—явленіе, которое Ламаркъ объяснялъ присутствіемъ у живыхъ существъ внутренняго стремленія къ совершенствованію.

Принимая, что, вообще говоря, т.-е. въ большинствѣ случаевъ, естественный подборъ ведетъ къ совершенствованію, Дарвинъ не

допускаетъ, однакоже, чтобы такой результатъ необходимо получался въ каждомъ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ легко представить себѣ что, при простой вѣншней обстановкѣ сложная организація не только не составила бы удобства, но, напротивъ, служила бы обузой организму, вслѣдствіе чего естественный подборъ долженъ ее по возможности устранить. И въ самомъ дѣлѣ, въ случаяхъ паразитическаго образа жизни, гдѣ животное вступаетъ въ чрезвычайно простую среду, очень часто встрѣчаются примѣры такъ-называемаго возвратнаго, или регрессивнаго развитія, при которомъ организація упрощается нерѣдко до паразитическихъ размѣровъ. Съ этой точки зрѣнія становится также понятнымъ, почему многія формы не измѣнились въ теченіи очень долгаго періода и сохранили свою первоначальную простоту устройства. Въ этихъ случаяхъ всякія измѣненія были бы невыгодны, и потому они должны были быть устранены естественнымъ подборомъ. Такимъ образомъ, хотя этотъ факторъ въ большинствѣ случаевъ обусловливаетъ повышеніе, усложненіе, и слѣдовательно прогрессъ организаціи, тѣмъ не менѣе въ другихъ случаяхъ онъ служитъ причиною регресса и, кромѣ того, можетъ задерживать организмъ на одной ступени.

Естественный подборъ, фиксируя и накопляя признаки, полезные въ борьбѣ за существованіе, дѣйствуетъ не только на тѣ стороны организма, которыя существенны для жизни индивидуума, но онъ также подбираетъ и признаки, имѣющіе значеніе для жизни вида, т.-е. для размноженія и воспитанія молодаго поколѣнія. Такимъ образомъ, ему должны быть приписаны тѣ разнообразныя и часто въ высшей степени удивительныя приспособленія, съ помощью которыхъ цѣвѣточная пыль попадаетъ на рыльцо пестика, а также тѣ многочисленныя органы, которыми снабжены животныя для охраненія и прокормленія своихъ дѣтей, для удержанія самки и т. п. Но въ этой сферѣ въ естественному подбору присоединяется еще другой факторъ—*половой подборъ*, который дѣйствуетъ на болѣе мелочныя стороны, оставляемыя въ сторонѣ естественнымъ подборомъ. Послѣдній накопляетъ признаки, необходимые для того, чтобы размноженіе могло совершиться, но онъ не касается отличій, неимѣющихъ значенія въ борьбѣ за существованіе. Такъ, напр., естественный подборъ можетъ содѣйствовать образованію органовъ для отысканія самцомъ самки, положимъ, для усовершенствованія обонянія, зрѣнія и проч.; онъ можетъ также произвести нѣкоторыя половыя отличія между самцомъ и самкой, для болѣе скорого распознаванія другъ другомъ, но съ точки зрѣнія естественнаго под-

бора совершенно индифферентно, будутъ ли данныя половыя отличія болѣе или менѣе красивы, будетъ ли голосъ самца болѣе или менѣе мелодиченъ и т. п. Накопленіе и фиксированіе этихъ послѣднихъ особенностей выпадаетъ на долю полового подбора. Дарвинъ приписываетъ этому фактору очень большую роль въ природѣ. По его мнѣнію, половой подборъ обуславливаетъ образованіе многихъ отличительныхъ признаковъ между самцомъ и самкой, напр., отличія въ цвѣтѣ, голосѣ, общей наружности и различныхъ украшеніяхъ (грива льва, хвостъ пѣтуха и пр.), короче сказать, всѣ такъ-называемые *вторичные половые признаки*, т.-е. такіе, которые находятся не въ прямомъ, а посредственномъ отношеніи къ размноженію. Сюда же относятся орудія боя, свойственныя самцамъ многихъ видовъ, напр., рога, шпоры, большія клешни и пр.

Подобно тому, какъ естественный подборъ накапливаетъ признаки, имѣющіе значеніе въ борьбѣ за существованіе, половой подборъ фиксируетъ особенности, важныя въ половой борьбѣ, т.-е. въ конкуренціи или же въ борьбѣ въ тѣсномъ смыслѣ между самцами изъ-за обладанія самкой. Натуралисты много разъ наблюдали какъ драку, такъ и щеголянье самцовъ передъ самкой съ цѣлью понравиться ей и быть избраннымъ для брачнаго союза. Такая борьба особенно свойственна животнымъ, живущимъ въ многоженствѣ, гдѣ поэтому всегда чувствителенъ недочетъ въ самкахъ. Но, кромѣ того, половая борьба свойственна и другимъ животнымъ, не потому, чтобы у нихъ существовало больше самцовъ, чѣмъ самокъ, но потому, что обыкновенно самцы созреваютъ раньше самокъ и нѣсколько соперниковъ всегда уже ждутъ появленія первыхъ самокъ. Тутъ-то и возникаютъ бои, пѣвческіе турниры, щеголянье цвѣтами и проч., т.-е. пускаются въ ходъ всѣ средства вступить въ обладаніе самкою.

Большею частью признаки, приобретаемые самцами въ силу полового подбора, передаются по наслѣдству только одному мужскому полу, но это не составляетъ необходимаго правила. Иногда такіе признаки могутъ быть передаваемы обоимъ поламъ, и эти случаи особенно интересны съ точки зрѣнія вопроса о происхожденіи видовъ, такъ какъ тутъ отличительными признаками могутъ являться органы, бесполезныя съ точки зрѣнія естественнаго подбора. Такъ, напр., слѣдуетъ признать, что рога, составляющіе и теперь большею частью принадлежность одного мужского пола, были приобретены самцами въ силу полового подбора; между тѣмъ у нѣкоторыхъ видовъ они свойственны обоимъ поламъ, что составляетъ немаловажный отличительный при-

знакъ видовъ (напр. у сѣвернаго оленя). Имѣя въ виду эти факты, становится возможнымъ объяснить случаи, которые непонятны съ исключительной точки зрѣнія естественнаго подбора; съ этой точки зрѣнія Дарвинъ приписываетъ происхожденіе отличительныхъ признаковъ расъ челоуѣка вліянію полового подбора ¹⁾.

Дѣйствіе естественнаго подбора можетъ измѣняться у общественныхъ животныхъ въ томъ отношеніи, что имъ будутъ подбираться признаки, полезные для большинства членовъ общины, несмотря на то, что они индифферентны или даже вредны для индивидуальной жизни отдѣльной особи. Сюда относятся случаи приобрѣтеннаго безплодія и образованіе нѣкоторыхъ органовъ у работницъ пчелъ, муравьевъ и термитовъ. У нѣкоторыхъ муравьевъ между работницами есть особи, тѣло которыхъ наполняется сладкимъ медообразнымъ веществомъ, вслѣдствіе чего тѣловище ихъ до того увеличивается, что передвиженіе становится невозможнымъ. Такія особи играютъ роль кладовыхъ, которыя, при наступленіи надобности, прогрызаются и выпораживаются на потребу молодого поколѣнія. Этотъ случай можетъ быть приведенъ въ доказательство того, что естественный подборъ въ состояніи подбирать даже признаки, вредные для особи, но, конечно, въ томъ только случаѣ, если они приносятъ пользу цѣлой общинѣ.

Хотя Дарвинъ признаетъ естественный подборъ (вмѣстѣ съ половымъ подборомъ) «важнѣйшимъ средствомъ для измѣненія жизненныхъ формъ», но онъ самъ считаетъ его не исключительнымъ факторомъ произведенія видовъ. Такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, могутъ быть случаи измѣненія органовъ, необъяснимые ни прямымъ дѣйствіемъ естественнаго подбора, ни половымъ подборомъ. Въ этомъ отношеніи на первый планъ должны быть поставлены явленія *соотношенія частей*, о которыхъ уже было упомянуто при указаніи на измѣненія домашнихъ животныхъ. Въ силу закона соотношенія, нѣкоторые органы могутъ находиться въ такой зависимости другъ отъ друга, что если одинъ изъ нихъ измѣнится подъ вліяніемъ естественнаго подбора, то другой въ свою очередь измѣнится, хотя бы это и не приносило непосредственной выгоды организму. Такое соотношеніе наблюдается очень часто между такъ-называемыми гомологичными, соответствующими органами. Такъ, напримѣръ, измѣненіе переднихъ конечностей можетъ, по закону соотношенія, вліять на заднія и наоборотъ. Подобнымъ же образомъ находятся во взаим-

¹⁾ См. подробности объ этомъ въ статьѣ „Антропология и Дарвинизмъ“ въ Вѣстникѣ Европы, 1875 г., январь.

ной зависимости различные придатки кожи, напримѣръ, волоса, рога, копыта, перья и проч. Было замѣчено, напр., что увеличеніе числа роговъ у барановъ находится въ соотношеніи съ грубостью шерсти, что неполное развитіе волосъ связано съ неполнозубостью и т. д. По мнѣнію Дарвина, соотношеніе между частями можетъ быть болѣе скрытымъ, какъ, напримѣръ, въ случаяхъ, когда органы молодого животного, или личинки обуславливаютъ соотносительныя измѣненія у взрослой формы. Такимъ образомъ, Дарвинъ считаетъ возможнымъ объяснить этимъ путемъ образованіе признаковъ у насѣкомыхъ, которые необъяснимы ни помощью естественнаго, ни полового подбора.

Немаловажное значеніе въ дѣлѣ измѣненія организаціи Дарвинъ приписываетъ употребленію и неупотребленію органовъ. Факторъ этотъ, составившій, какъ извѣстно, одинъ изъ основныхъ принциповъ теоріи Ламарка, отодвинутъ Дарвиномъ на несравненно болѣе дальній планъ и оставленъ имъ для объясненія нѣкоторыхъ случаевъ, къ которымъ не можетъ быть приложена теорія подбора. Исходнымъ пунктомъ служитъ наблюденіе, что употребленіе увеличиваетъ, а неупотребленіе уменьшаетъ данный органъ (основной принципъ всякой гимнастики), а также то, что результаты эти способны къ наслѣдственной передачѣ. При этихъ условіяхъ легко понять, что какой-либо органъ, сдѣлавшись ненужнымъ для даннаго существа, атрофируется отъ неупотребленія въ теченіи ряда поколѣній. Съ этой точки зрѣнія объясняется слѣпота многихъ подземныхъ животныхъ, у которыхъ хотя и существуютъ глаза, но недоразвитые и неспособные видѣть. Къ этой же категоріи явленій относится отсутствіе способности летать у нѣкоторыхъ птицъ и насѣкомыхъ, приобрѣвшихъ это свойство постепенно, вслѣдствіе продолжительнаго неупотребленія. Принципъ неупотребленія особенно важенъ потому, что съ его помощью объясняется присутствіе рудиментарныхъ, не исполняющихъ никакой роли органовъ. Въ настоящее время уже никто не сомнѣвается въ присутствіи такихъ частей, которыя, не совершая никакого отправленія, служатъ лучшими указателями систематическаго родства организмовъ. Такъ, напримѣръ, рудиментарныя крылья у нѣкоторыхъ птицъ, жуковъ и бабочекъ указываютъ на то, что эти животныя имѣли родоначальниковъ, снабженныхъ вполне развитыми и годными къ употребленію крыльями и т. д.

Нѣкоторую роль въ дѣлѣ измѣненія организмовъ и образованія видовъ Дарвинъ приписываетъ непосредственному вліянію вѣншихъ условій. Въ этомъ отношеніи онъ рѣзко расходится со многими изъ прежнихъ теорій трансформизма, которыя ста-

вили этотъ факторъ измѣненія на первый планъ. Въ пользу своего воззрѣнія Дарвинъ ссылается на случаи находенія многихъ видовъ и даже разновидностей при очень различныхъ вѣшнихъ условіяхъ, напримѣръ, въ различныхъ климатахъ; на то же указываетъ общее правило, что измѣненія организмовъ гораздо болѣе зависятъ отъ ихъ внутреннихъ, природныхъ свойствъ, нежели отъ особенностей вѣшной обстановки. Несмотря однакоже на то, что въ общемъ вѣшнія вліянія непосредственно очень слабо дѣйствуютъ на измѣненіе организаціи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могутъ производить замѣчательныя видоизмѣненія. Въ этомъ отношеніи особенно интересны примѣры дѣйствія нѣкоторыхъ веществъ на измѣненіе цвѣта. Такъ, напримѣръ, обыкновенный бразильскій зеленый попугай, отъ принятія въ пищу жира нѣкоторыхъ сомообразныхъ рыбъ, получаетъ ярко-красныя и желтыя перья. Южно-американскіе индійцы, для полученія ярко-желтыхъ перьевъ, впрыскиваютъ подъ кожу многихъ птицъ молочный сокъ, выдѣляемый изъ кожи одной маленькой жабы и т. д.

Итакъ, Дарвинъ отнюдь не доказываетъ, чтобы естественный подборъ объяснялъ рѣшительно всѣ видовыя особенности организмовъ, хотя и считаетъ, что онъ есть главнѣйшій дѣятель при произведеніи видовъ. Слѣдовательно, противъ дарвинизма могутъ быть приведены только такіе случаи, которые не объяснимы ни путемъ подбора, ни дѣйствіемъ закона соотношенія, ни помощью закона употребленія или неупотребленія органовъ, ни, наконецъ, путемъ непосредственнаго вліянія вѣшнихъ условій.

Съ помощью своихъ основныхъ принциповъ, Дарвинъ объясняетъ множество фактовъ, замѣченныхъ въ природѣ и до него остававшихся необъясненными. Мы уже видѣли, какимъ свѣтомъ освѣщаетъ онъ случаи находенія рудиментарныхъ органовъ, совершенно непонятныхъ безъ помощи теоріи трансформизма. Такіе крупныя результаты, какъ, напримѣръ, прогрессивный ходъ организаціи и специализированіе ея у различныхъ формъ, онъ сводитъ къ дѣйствію естественнаго подбора и другихъ второстепенныхъ агентовъ измѣняемости видовъ. Съ той же точки зрѣнія имъ объясняется много фактовъ, замѣченныхъ геологами, напримѣръ, исчезновеніе множества формъ и то, что исчезнувшія формы болѣе никогда не появляются снова.

Мы знаемъ уже изъ историческаго очерка, что еще Бюффонъ приложилъ теорію трансформизма къ объясненію фактовъ географическаго распредѣленія организмовъ на земной поверхности. Дарвинъ идетъ еще дальше въ томъ же направленіи. Исходи

изъ того принципа, что, по его теоріи, каждый видъ могъ получить начало въ одномъ только пунктѣ земного шара, онъ принимаетъ распространеніе отъ этого основного центра во всѣ другіе пункты мѣстонахожденія того же вида. Отсюда вытекаетъ, что чѣмъ больше будетъ данное существо снабжено средствами переселенія, тѣмъ легче оно можетъ преодолевать естественныя препятствія миграціи, и наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія легко объясняются такіе факты, какъ, напримѣръ, присутствіе птицъ и летучихъ мышей и отсутствіе другихъ сухопутныхъ млекопитающихъ на удаленныхъ отъ материковъ островахъ, также точно какъ и тотъ общій фактъ, что такіе острова вообще бѣдны видами, но за то имѣютъ сравнительно большое количество эндемическихъ, имъ однимъ свойственныхъ видовъ.

Морфологическое, или систематическое родство между большими и малыми группами, принимаемыми въ классификаціи, сводится по теоріи Дарвина (равно какъ и по всякой другой теоріи трансформизма) къ кровному родству. Съ этой точки зрѣнія виды одного рода будутъ потомками общаго родоначальника, обладавшаго свойствами рода, также точно какъ и роды одного семейства будутъ имѣть въ свою очередь одного общаго предка и т. д. Слѣды такого происхожденія сохраняются во время развитія особи изъ яйца, а также (какъ было сказано выше) въ рудиментарныхъ, бесполезныхъ съ физиологической точки зрѣнія органахъ. Съ давнихъ поръ извѣстно, что близкія животныя несравненно болѣе сходны другъ съ другомъ въ зародышевомъ состояніи, нежели во взросломъ. Такъ, напримѣръ, зародыши птицъ, пресмыкающихся и млекопитающихъ на нѣкоторыхъ стадіяхъ развитія до того похожи другъ на друга, что ихъ почти невозможно отличить. Фактъ этотъ, указывающій на общее происхожденіе этихъ позвоночныхъ, объясняется, по мнѣнію Дарвина, тѣмъ, что отличительные признаки болѣе мелкихъ группъ, напримѣръ, признаки отряда, рода, вида появились уже на взрослыхъ животныхъ, и, въ силу основного закона наслѣдственности, передались соотвѣтствующему возрасту. На основаніи того же закона, многіе второстепенные признаки, напримѣръ, наклонность къ извѣстной болѣзни передается молодому поколѣнію въ томъ же возрастѣ, когда болѣзанъ или наклонность къ ней обнаружилась у отца или матери.

Съ помощью своей теоріи, Дарвинъ не только объясняетъ цѣлый рядъ разнородныхъ явленій, но и устраняетъ возраженія, которыя были сдѣланы противъ всякой попытки объяснить образованіе видовъ путемъ преемственнаго происхожденія. Подроб-

ный анализъ фактовъ убѣдилъ его въ томъ, что принятое школою строгое отдѣленіе понятія о видѣ отъ разновидности не соответствуетъ дѣйствительности, что, напротивъ, на послѣднюю нужно смотрѣть только какъ на начальную ступень вида, и что всѣ отличія между обоими имѣютъ только относительное, количественное значеніе. — Отсутствіе переходныхъ ступеней между видами, на которое во всѣ времена напирала противники трансформизма, объясняется, по мнѣнію Дарвина, быстрымъ вымираніемъ ихъ, такъ какъ онѣ всегда оказываются болѣе слабыми въ борьбѣ за существованіе, нежели болѣе рѣзко отличающіяся формы. Отсутствіе же переходныхъ формъ между ископаемыми остатками не можетъ имѣть силы доказательства, вслѣдствіе неполноты геологическихъ документовъ.

Прочность нѣкоторыхъ формъ, напримѣръ, тождество видовъ, изображенныхъ на древне-египетскихъ памятникахъ, съ нынѣ живущими, фактъ, которому придавалъ такое важное значеніе Кювье и вся школа противниковъ трансформизма, теряетъ въ глазахъ Дарвина всякое значеніе. Естественный подборъ отнюдь не имѣетъ стремленія во что бы то ни стало измѣнять виды; онъ, напротивъ, нерѣдко вліяетъ прямо противоположнымъ образомъ, устраняя всякія измѣненія и сохраняя основную форму. Слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго не только въ томъ, что нѣкоторыя животныя не измѣнились въ теченіи нѣсколькихъ немногихъ тысячелѣтій, но даже и въ томъ, что многія формы сохранились безъ всякихъ перемѣнъ отъ эпохи, предшествовавшей появленію человѣка и даже еще болѣе древней.

VI.

Очеркъ послѣ-дарвиновскихъ теорій трансформизма. — Теорія разнороднаго проижденія. — Теорія прогрессивнаго развитія и теорія измѣненія въ определенномъ направленіи. — Теорія внезапныхъ измѣненій. — Теорія миграціи и разобщенія.

Ученіе, главныя основы котораго мы излагали до сихъ поръ, распространилось съ чрезвычайной быстротою не только въ Англіи, но также и на всемъ материкѣ Европы. Одной изъ причинъ такого быстрого успѣха слѣдуетъ считать то, что умы уже были заранѣе подготовлены къ принятію новаго ученія, такъ какъ направленіе Кювье и І. Мюллера способно было только задержать, придушить на время развитіе трансформическихъ идей, но не заглушить ихъ окончательно. Ученые, которые во время господства положительной школы боя-

лись высказаться, или выражали свои мысли сдержанными намеками, послѣ появленія книги Дарвина смѣло подняли голову и перешли въ лагерь трансформистовъ. Такимъ образомъ, въ теченіи самаго непродолжительнаго времени совершился рѣзкій переходъ къ трансформизму, который, благодаря научности и всесторонности трактата «О происхожденіи видовъ», сталъ проникать во всѣ отрасли науки объ организмахъ. Возраженія, приведенныя противъ теоріи преемственнаго образованія видовъ, исходившія болѣею частью изъ лагера отсталыхъ, устарѣвшихъ людей, не были въ состояніи удержать направленія, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя и притомъ наиболѣе жестокія нападки, какъ, напри- мѣръ, со стороны знаменитаго американскаго натуралиста (швейцарца) Агассі, поддерживались далеко не научными доводами.

Но въ то время какъ общая идея трансформизма ожила и привилась съ такою быстротою, частный видъ ея, названный дарвинизмомъ, или теорія естественнаго подбора, сдѣлалась далеко не въ такой степени общепринятою. Съ разныхъ сторонъ стали появляться попытки объяснить инымъ путемъ образованіе видовыхъ отличій, которыя не могли быть вполне связаны съ теоріей подбора. Такимъ образомъ возникло нѣсколько новыхъ теорій трансформизма, съ которыми я теперь и намѣренъ познакомить читателя.

Первою по времени (въ 1864 г.) явилась такъ-наз. *теорія разнороднаго произрожденія* (Theorie der heterogenen Zeugung), принадлежащая Келливеру, одному изъ крупныхъ авторитетовъ по части микроскопической анатоміи и морфологіи животныхъ вообще. Основной принципъ этой теоріи заключается въ положеніи, что «всѣ организмы обладаютъ возможностью измѣненія подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ», которое обнаруживается или не обнаруживается, смотря по обстоятельствамъ. Мысль эта есть обобщеніе того обыденнаго явленія, что организмы заключаютъ въ себѣ извѣстное стремленіе роста, вслѣдствіе чего они достигаютъ опредѣленныхъ размѣровъ, опредѣленнаго возраста и опредѣленной формы. Такимъ образомъ, подобно тому какъ данное животное, напр. человѣкъ, можетъ, въ силу своихъ внутреннихъ свойствъ, достигнуть извѣстнаго старческаго возраста и получить старческую наружность (хотя онъ очень часто и не доживаетъ до старости), подобно тому и видъ заключаетъ въ себѣ присущую ему внутреннюю способность измѣняться опредѣленнымъ образомъ, хотя онъ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ, можетъ и сохранить свою прежнюю форму. Возрѣніе свое Келливеръ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: «съ первымъ возникновеніемъ

органической матеріи и организмовъ былъ данъ уже цѣлый рядъ возможностей, *potentia*; развитіе же въ частности опредѣляли различные внѣшніе моменты, которые придали ему и извѣстный, опредѣленный отпечатокъ».

Самое измѣненіе совершается, по мнѣнію Кѣллиера, не только путемъ медленнаго накопленія мелкихъ индивидуальных особенностей, но еще и посредствомъ внезапныхъ и притомъ рѣзкихъ превращеній. Этому второму способу Кѣллиеръ приписываетъ особенно важное значеніе, такъ какъ съ помощью его онъ устраняетъ необходимость переходныхъ формъ, отсутствіе которыхъ всегда составляло камень преткновенія трансформистовъ. Процессъ внезапнаго образованія новыхъ видовъ Кѣллиеръ старается уяснить посредствомъ явленій превращенія у насѣкомыхъ или перемежающагося размноженія у многихъ низшихъ животныхъ. Подобно тому, какъ, напр. гусеница несравненно менѣе похожа на выходящую изъ нея бабочку, чѣмъ на другой видъ гусеницы, и многіе виды несравненно менѣе сходны съ своимъ непосредственнымъ родоначальникомъ, чѣмъ съ другими, не-родственными формами. При такъ-называемомъ перемежающемся размноженіи, одно животное можетъ посредствомъ почкованія произвести другое, въ высшей степени на него непохожее, напр. гидрополипъ можетъ произвести медузу путемъ очень короткаго процесса. На основаніи простаго сходства взрослыхъ формъ никогда нельзя бы было предсказать подобнаго результата, который однакъ же составляетъ явленіе, очень распространенное въ природѣ. Такимъ образомъ, Кѣллиеръ допускаетъ, что многіе виды могли произойти путемъ такого разнороднаго произвожденія, причемъ явленіе всегда совершалось рѣзко и быстро.

Подобно Э. Ж. С.-Илеру, который можетъ быть признанъ во многихъ отношеніяхъ предшественникомъ Кѣллиера, послѣдній относитъ всѣ существенные процессы измѣненія видовъ къ зародышевому или личиночному состоянію. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на факты исторіи развитія, которые показываютъ, что всѣ главные органы появляются у зародыша на очень раннихъ стадіяхъ развитія.

Въ виду возможности происхожденія видовъ отъ очень рѣзко отличающихся формъ, Кѣллиеръ приходитъ къ заключенію, что генеалогія организмовъ должна быть несравненно болѣе сложной и запутанной, нежели какъ она представляется по теоріи Дарвина. Прежде всего онъ допускаетъ, что уже съ самаго начала существованія организмовъ на землѣ могло появиться, независимо другъ отъ друга, нѣсколько различныхъ формъ, изъ которыхъ

каждая могла дать начало цѣлому ряду новыхъ существъ. При этомъ нѣтъ надобности думать, чтобы всѣ эти виды необходимо были существенно другъ отъ друга отличны; напротивъ, очень возможно, что одинаковое существо могло явиться въ результатѣ измѣненія двухъ несходныхъ предковъ. Съ помощью этой гипотезы Келликеръ старается объяснить нѣкоторые факты географическаго распространенія организмовъ, какъ, напр., нахожденіе многихъ существъ на очень отдаленныхъ островахъ, куда они не могли попасть путемъ простой миграціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что вся теорія разнороднаго произвожденія построена исключительно дедуктивнымъ образомъ. Факты, приводимые Келликеромъ, какъ, напр., случаи превращенія, перемѣщающагося размноженія и пр., служатъ у него только для установленія аналогій. Критика замѣтила это отсутствіе прочныхъ оснований и потому признала справедливость только нѣкоторыхъ положеній его теоріи. Она нашла возможнымъ принять внезапное происхожденіе формъ, но только въ ограниченномъ смыслѣ и въ случаяхъ, выходящихъ изъ общаго правила. Она совершенно отвергла генеалогическую сложность, принимаемую Келликеромъ, тѣмъ болѣе, что географическіе факты, которые онъ старается объяснить, гораздо проще вяжутся съ теоріей однороднаго происхожденія, т.-е. съ теоріей, по которой родственные между собою организмы необходимо связаны общимъ происхожденіемъ отъ одного родоначальника.

Всего болѣе сочувствіе встрѣтила мысль Келликера о присущей организмамъ внутренней измѣняющей способности. Въ этомъ отношеніи онъ сошелся со многими другими новѣйшими трансформистами, между которыми первое мѣсто безспорно занимаетъ Негели (профессоръ ботаники въ Мюнхенѣ). Занимаясь въ теченіи многихъ лѣтъ научной разработкой вопроса о происхожденіи видовъ, онъ представилъ цѣлый рядъ фактовъ и соображеній, имѣющихъ особенную цѣну.

Еще въ 1865 г. Негели высказалъ убѣжденіе, что «образованіе болѣе или менѣе постоянныхъ разновидностей, или расъ не составляетъ слѣдствія и выраженія внѣшнихъ дѣятелей, но опредѣляется внутренними причинами». Подъ послѣдними онъ разумѣетъ вообще всю сумму явленій, представляемыхъ организмомъ, включая сюда и результаты внѣшнихъ условій, дѣйствовавшихъ на него и на его предковъ. Признавая, подобно Келликеру, присущую организмамъ внутреннюю способность измѣняться, Негели идетъ дальше и пытается нѣсколько ближе опредѣлить ее. Онъ утверждаетъ, что «индивидуальныя измѣненія со-

вершаются не неопредѣленно, не равномерно во всѣ стороны, но по преимуществу въ опредѣленномъ направленіи вверхъ, стремясь къ усложненію организаціи». Такимъ образомъ онъ устанавливаетъ, подобно Ламарку, *теорію прогрессивнаго развитія*, «которая ведетъ къ заключенію, что развитіе органическихъ царствъ не неопредѣленно блуждаетъ, подчиняясь только законамъ пользы въ борьбѣ, или способности къ жизни, но что оно совершается по опредѣленному плану. Для этого нѣтъ надобности ни въ какомъ руководящемъ сверхъестественномъ влияніи. Подобно тому, какъ изъ яйцевой кѣточки, въ силу свойственного ей химическаго и физическаго сложенія, развивается существо только одного вида, такимъ же образомъ и въ однокѣточныхъ, происшедшихъ путемъ произвольнаго зарожденія, организмахъ заключена возможность только тѣхъ рядовъ измѣненій, которые представляютъ намъ царства растений и животныхъ».

Къ подобному выводу Нагели былъ приведенъ невозможностью объяснить всѣ явленія усложненія организаціи посредствомъ одной теоріи подбора. Онъ признаетъ, что естественный подборъ долженъ былъ значительно повліять на физиологическую сторону организма и содѣйствовать измѣненію органовъ ради опредѣленнаго отправленія. «У растений, — говоритъ онъ, — одна и та же физиологическая роль можетъ быть выполняема совершенно различными органами, даже у близкихъ между собою растений; одинъ и тотъ же органъ можетъ выполнять всевозможныя физиологическія отправленія». Вслѣдствіе этого естественный подборъ у растений относится совершенно безразлично къ различнымъ, часто морфологическимъ сторонамъ организма, которыя сохраняютъ тѣмъ не менѣе необыкновенное постоянство и прочность. Къ числу такихъ особенностей нужно отнести топографическое отношеніе и распредѣленіе кѣточекъ и органовъ растенія.

Признавая такимъ образомъ, что существенныя морфологическія основы растений не могли произойти путемъ подбора, Нагели сводитъ ихъ всѣ къ дѣйствію присущаго организмамъ стремленія къ прогрессивному развитію. Съ этой точки зрѣнія существованіе многочисленныхъ низшихъ организмовъ представляется въ высшей степени парадоксальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же согласить такое постоянство столь многихъ формъ съ присутствіемъ у нихъ неисчерпаемаго источника измѣненій, дѣйствующаго даже въ томъ случаѣ, когда организмъ вполне приспособился къ окружающей средѣ? Чтобы выйти изъ этого затрудненія, Нагели прибѣгаетъ къ гипотезѣ произвольнаго зарожденія. Онъ утверждаетъ, что этими путемъ образовались какъ первые низшіе организмы

на землѣ, отъ которыхъ произошли высшіе изъ нынѣ живущихъ представителей обоихъ царствъ, такъ и соответствующіе низшіе организмы послѣдующихъ эпохъ, включая сюда и современную. Такимъ образомъ, существованіе на землѣ живыхъ существъ самихъ различныхъ ступеней развитія объясняется происхожденіемъ ихъ черезъ аналогическое измѣненіе низшихъ одноклѣточныхъ организмовъ, появившихся въ различные геологическіе періоды. «Съ точки зрѣнія этой теоріи, — говоритъ Негели, — изъ нынѣ живущихъ растений по крайней мѣрѣ часть явнотрачныхъ произошла отъ впервые возникшихъ одноклѣточныхъ растений; сосудистыя тайнотрачныя произошли отъ растений, появившихся несравненно позже; мхи, лишай, водоросли имѣютъ еще болѣе позднее происхожденіе. Хотя растительное царство въ своемъ нынѣшнемъ видѣ и представляетъ восходящіе ряды, но эти ряды не истинно генеалогическіе, а только различной высоты концы аналогическихъ рядовъ».

Нѣтъ надобности входить въ подробный критическій разборъ этой теоріи для того, чтобы видѣть, что она построена на чрезвычайно шаткихъ основаніяхъ. Въ пользу одной, самой по себѣ уже смѣлой гипотезы приводятся не прочныя научныя доводы, а другая, еще болѣе смѣлая и притомъ рѣзко противорѣчащая фактамъ гипотеза. Противъ нея прямо говорятъ примѣры существованія неизмѣненныхъ видовъ въ теченіи нѣсколькихъ геологическихъ эпохъ, напр.: одной корненожки (*Globigerina bulloides*), дошедшей до насъ со временъ мѣловой формаціи, одной изъ низшихъ инфузорій (*Peridinium thomas*), жившей во время каменноугольной формаціи и живущей по настоящее время, нѣкоторыхъ брахіоподъ и пр. Предположить, чтобы въ столь различные времена путемъ произвольнаго зарожденія могли образоваться одни и тѣ же виды, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, и самъ Негели не дѣлаетъ этого, такъ какъ онъ принимаетъ, что этимъ способомъ получались въ различные времена сходныя аналогичныя формы, но отнюдь не тождественныя.

Итакъ, Негели, подобно Ламарку, признаетъ два основныхъ фактора, обуславливающихъ измѣненіе живыхъ формъ. Наиболѣе существеннымъ оба они считаютъ прогрессивное развитіе; что же касается другого фактора, то они расходятся въ томъ отношеніи, что Ламаркъ принимаетъ усиленное упражненіе органовъ, тогда какъ Негели останавливается на естественномъ подборѣ. Результатъ дѣйствія обоихъ факторовъ Негели представляетъ себѣ слѣдующимъ образомъ: «принципъ полезности (или естественный подборъ) имѣетъ вліяніе на образованіе фізіологическихъ, а прин-

цить прогрессивнаго развитія (или совершенствованія) — на развитіе морфологическихъ особенностей. Первый ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ образованію расъ и видовъ путемъ накопленія мелкихъ, незамѣтныхъ уклоненій. Второй принципъ по свойству своей природы вліяетъ больше путемъ рѣзкихъ, внезапныхъ переходовъ, такъ какъ между многими морфологическими типами, по крайней мѣрѣ въ растительномъ царствѣ, переходныя ступени немислимы и невозможны».

Теорія Негели въ общихъ чертахъ встрѣтила сочувствіе среди германскихъ ботаниковъ, которые склонились въ пользу воззрѣнія, что естественный подборъ объясняетъ только нѣкоторыя стороны вопроса, тогда какъ существенный пунктъ, именно образованіе форменныхъ, систематически важныхъ признаковъ, не можетъ быть понятъ иначе, какъ при помощи особеннаго внутренняго стремленія растений къ измѣненію. Изъ послѣдователей этой теоріи особенно выдѣлся Аскенази, написавшій цѣлый трактатъ, посвященный подтвержденію и дальнѣйшему развитію основныхъ принциповъ Негели.

Аскенази исходитъ изъ того положенія, что естественный подборъ, какъ думаетъ и самъ Дарвинъ, не вызываетъ и не производитъ новыхъ измѣненій, а только дѣлаетъ выборъ между существующими уже готовыми индивидуальными отличіями. Въ виду этого, вопросъ о присущей организмамъ способности измѣняться необходимо выдвигается на первый планъ, и тутъ прежде всего возникаетъ вопросъ: способны ли живыя существа измѣняться безразлично во всѣхъ направленіяхъ, какъ того требуетъ теорія Дарвина, или же измѣнчивость сама подчиняется какому-нибудь общему закону? По отношенію, напр., къ окраскѣ цвѣтовъ, по теоріи Дарвина, каждое растеніе должно бы было, поскольку оно вообще измѣнчиво, производить разновидности всевозможныхъ цвѣтовъ. «Нѣтъ надобности однакоже, — говоритъ Аскенази, — указывать на отдѣльные случаи, чтобы замѣтить, что измѣненіе цвѣтовъ совершается иначе. Только немногія, разводимыя ради цвѣтовъ растенія обнаруживаютъ очень большую измѣнчивость окраски, большинство же предпочитаетъ одинъ или нѣсколько цвѣтовъ; ни голубой розы, ни голубого ландыша до сихъ поръ еще никто не находилъ, несмотря на то — подобныя уклоненія были бы навѣрно замѣчены садоводами. Совершенно подобнымъ же образомъ относятся измѣняющіяся растенія въ дѣлѣ формы ихъ листьевъ и цвѣтовъ. Въ то время, какъ многія растенія съ цѣльно-крайними листьями нерѣдко производятъ разновидности съ болѣе или менѣе раздѣленными листьями, у другихъ растений подоб-

ныя уклоненія немислимы. Никто не станетъ ждать, чтобы злѣкъ произвелъ разновидность съ раздѣльными листьями» ¹⁾). Въ виду подобныхъ фактовъ, Аскенази приходитъ къ убѣжденію, что измѣняемость никогда не можетъ быть всесторонней, но что она непременно совершается въ извѣстномъ, *опредѣленномъ направленіи*. Относительно послѣдняго онъ примыкаетъ къ Ламарку и Негели и становится въ защиту воззрѣнія, что направленіе измѣняемости совершается по пути прогрессивнаго развитія, т.-е. усложненія организаци. Этимъ однакоже не ограничивается роль момента, опредѣляющаго направленіе измѣняемости. Кромѣ стремленія вверхъ, кромѣ усложненія, организмы, при своихъ измѣненіяхъ, представляютъ еще расхожденіе въ стороны, и это послѣднее также зависитъ отъ основныхъ принциповъ измѣчивости.

Приписывая въ дѣлѣ образованія видовъ существенную роль своему принципу *измѣняемости въ опредѣленномъ направленіи*, или, что почти то же, стремленію къ прогрессивному развитію, Аскенази, подобно Негели и нѣкоторымъ другимъ трансформистамъ, считаетъ нужнымъ значительно ограничить значеніе естественнаго подбора. Въ этомъ отношеніи онъ повторяетъ, только съ болѣею силою, основные аргументы Негели. «Вездѣ, начиная съ семействъ и кончая разновидностями, существенными отличительными чертами являются морфологическія, для жизни растенія, для его борьбы за существованіе безразличные признаки». «Физиологическія приспособленія, — говоритъ далѣе Аскенази, — свойства, посредствомъ которыхъ опредѣленный морфологическій органъ оказывается способнымъ выполнять полезную для жизни растенія работу, образуютъ очень важную и необходимую долю общаго характера растеній, но они *не находятся ни въ какой связи съ естественной группировкой различныхъ особей, т.-е. съ естественной системой*» (I. с. 37). Такимъ образомъ, столь важная въ физиологическомъ отношеніи способность виться встрѣчается у явноточныхъ изъ самыхъ различныхъ группъ и даже у папоротниковъ. То же можетъ быть замѣчено и относительно многихъ другихъ, важныхъ въ борьбѣ за существованіе признаковъ, напр. относительно различныхъ приспособленій ствола, цвѣтовъ, сѣмянъ и пр.

Будучи правъ въ общихъ чертахъ, т.-е. въ томъ пунктѣ, что физиологически важныя приспособленія не необходимо связаны съ морфологически существенными сторонами, Аскенази однакоже не

¹⁾ Beiträge zur Kritik der Darwin'schen Lehre. Leipzig. 1872. Стр. 7.

можетъ имѣть никакой претензіи на основательное опроверженіе двухъ основныхъ пунктовъ теоріи Дарвина, именно положеній, что естественный подборъ по своему существу ведетъ къ совершенствованію организаціи и расхожденію признаковъ. Ни Нэгели, ни Аскенази нигдѣ не представили даже простой попытки указать на реальное отношеніе естественнаго подбора къ основному закону измѣняемости. Они удовлетворились тѣмъ, что, показавъ невозможность объяснить всю сумму явленій, представляемыхъ морфологической стороною растенія, при помощи одной теоріи естественнаго подбора, они (забывъ даже о существованіи у Дарвина принципа соотношенія частей) прямо перешли въ противоположную крайность, и выдвинули на первый планъ моментъ измѣненія въ прогрессивномъ или вообще въ опредѣленномъ направленіи. Вотъ на какую точку зрѣнія становится, напр., Аскенази: «...опредѣленно направленная измѣняемость, — говоритъ онъ, — есть истинная причина происхожденія естественныхъ группъ, или по крайней мѣрѣ она въ этомъ дѣлѣ выполнила главную роль; только она одна въ состояніи объяснить значительное большинство характеристическихъ признаковъ этихъ группъ» (I. с. 39).

Отодвигая на задній планъ принципъ естественнаго подбора, Аскенази не считаетъ однакоже его дѣйствіе ничтожнымъ и отводитъ ему опредѣленное поприще, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: «отношеніе естественнаго подбора къ измѣняемости мы можемъ себѣ представить слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, мы видимъ организмы съ ихъ постоянными свойствами и съ опредѣленно направленною видоизмѣняемостью, съ другой же стороны—внѣшнія условія жизни. Оба, какъ организмы, такъ и ихъ жизненныя условія, измѣняются и притомъ независимо другъ отъ друга. Естественный подборъ является между ними посредникомъ, собирая и комбинируя колеблющіяся безцѣльныя измѣненія, и такимъ образомъ даетъ различнымъ организмамъ родъ внѣшней оболочки, посредствомъ которой они примѣняются къ внѣшнимъ условіямъ» (I. с. 48).

Изъ числа зоологовъ, въ пользу принциповъ теоріи прогрессивнаго развитія и вообще въ пользу опредѣленно направленной измѣняемости высказался Вейсманъ, пришедшій независимо отъ вышеназванныхъ авторовъ къ убѣжденію, что въ дѣлѣ вопроса о происхожденіи видовъ природа и законы измѣняемости организмовъ выступаютъ на первый планъ. Подобно Келливеру, Нэгели, Аскенази и др., Вейсманъ полагаетъ, что живымъ существамъ присуща способность измѣняться, — способность, подчинен-

ная своимъ особымъ правиламъ и не necessarily связанная съ естественнымъ подборомъ. Онъ думаетъ, сходясь и въ этомъ отношеніи съ Асенази, что способность эта проявляется періодически, что, вслѣдъ за періодомъ значительной измѣняемости даннаго вида, наступаетъ періодъ постоянства, и что этимъ свойствомъ можно объяснить случаи, когда данное существо обнаруживаетъ большую измѣчивость, несмотря на то, что она оказывается бесполезною съ точки зрѣнія борьбы за существованіе и естественнаго подбора.

Вейсманъ высказывается также и въ пользу примѣненія закона прогрессивнаго развитія къ животному царству, такъ какъ естественный подборъ оказывается недостаточнымъ для объясненія перехода отъ несовершенныхъ къ совершеннымъ, т. е. болѣе сложно организованнымъ животнымъ. Онъ думаетъ, что съ помощью одного естественнаго подбора легче придти къ противоположному результату, т. е. объяснить упрощеніе организаціи, какъ это въ самомъ дѣлѣ и сдѣлалъ анонимный авторъ сатиры: «О слияніи видовъ посредствомъ естественнаго подбора». Въ этой брошюрѣ (изданной въ 1872 г. въ Ганноверѣ) проводится мысль, что обособленіе органовъ несравненно менѣе выгодно въ борьбѣ за существованіе, чѣмъ слияніе ихъ въ нѣчто среднее, что, слѣдовательно, существо менѣе специализированное должно быть покровительствуемо естественнымъ подборомъ передъ организмами, наиболѣе приспособленными къ данной частной обстановкѣ. Такимъ образомъ, всеядное существо имѣетъ больше шансовъ на продолжительное существованіе, чѣмъ конкурентъ его, способный только къ принятію одного сорта пищи; существо, способное къ жизни въ водѣ и на сушѣ, будетъ также одолѣвать въ борьбѣ другое существо, необходимо привязанное только къ одной изъ этихъ средъ и т. п. Другой принципъ анонимнаго автора, выставляемый имъ противъ Дарвина, состоитъ въ томъ, что естественный подборъ долженъ вести не къ усложненію, а къ упрощенію организаціи, такъ какъ низшіе, наиболѣе простые организмы, суть въ то же время и наиболѣе распространенные, т. е. наиболѣе сильные. Вооружившись этими двумя принципами, авторъ брошюры, переходя все болѣе и болѣе отъ серьезнаго къ смѣшному, описываетъ постепенное упрощеніе организаціи подъ влияніемъ естественнаго подбора, переходъ отъ человѣка къ обезьянѣ, отъ высшихъ животныхъ къ низшимъ и т. д. Аргументація анонимнаго автора настолько повліяла на Вейсмана, что онъ видитъ въ ней «доказательство, въ какой степени основательна производимая теперь реформа первоначальной теоріи Дар-

вина; въ какой степени необходимо, *рядомъ* или даже *впередъ* принципа естественнаго подбора поставить еще *принципъ развитія*, принципъ не «безграничной», а «ограниченной» измѣняемости, или «опредѣленно направленной измѣняемости», по теоріи Аскенази. Съ той минуты, какъ мы согласимся съ этимъ, сдѣлается невозможнымъ подобное извращеніе цѣлой теоріи, какъ то, которое сдѣлалъ анонимный авторъ. Развитіе по направленію вверхъ должно быть признано даннымъ, такъ что дѣятельность естественнаго подбора будетъ ограничиваться не только ею самой, но и природой каждаго вида, измѣнчивой лишь въ *извѣстныхъ* направленіяхъ, но постоянной—въ другихъ ¹⁾».

Не предпрѣлая показѣтъ сущности вопроса, нельзя, однакоже, не сдѣлать теперь же замѣчанія, что аргументы анонимнаго автора далеко не ведутъ къ столь серьезнымъ выводамъ, какъ тѣ, которые дѣлаетъ изъ нихъ Вейсманъ. Естественный подборъ, по мнѣнію Дарвина, ведетъ въ большинствѣ случаевъ къ усложненію, т.-е. прогрессированію организациі, но онъ не обязанъ дѣлать этого всегда, какъ это, напр., можно требовать отъ теоріи прогрессивнаго развитія Негели. Есть случаи, гдѣ естественный подборъ устраняетъ сложную организацию и ведетъ къ упрощенію. Это такъ-называемые случаи возвратнаго развитія, которые приводитъ Дарвинъ противъ теоріи Негели, указывая въ то же время на то, что они легко объяснимы съ точки зрѣнія теоріи естественнаго подбора. Анонимный авторъ сатиры исходитъ изъ возможности подобныхъ случаевъ регресса и затѣмъ возводитъ ихъ въ общее правило. Утверждая, что среднія, наименѣе специализированныя формы болѣе выгодно обставлены съ точки зрѣнія борьбы за существованіе, чѣмъ болѣе крайніе и болѣе специально приспособленные виды, онъ забываетъ, однакоже, доказать, что такъ должно быть во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ борьбы. Утверждая далѣе, что низшія формы болѣе сильны въ борьбѣ, чѣмъ высшія, онъ тоже забываетъ сказать, что это бываетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ же имѣетъ мѣсто противоположное. Вообще, все у анонимнаго автора сводится къ одностороннему преувеличенію вѣрныхъ принциповъ и, какъ таковое, не можетъ служить для серьезныхъ выводовъ науки о происхожденіи видовъ.

Изъ всего вышесказаннаго легко усмотрѣть, что въ Германіи слагается цѣлая школа трансформистовъ, которые, признавая за естественнымъ подборомъ нѣкоторую роль въ дѣлѣ образованія

¹⁾ См. Archiv für Anthropologie. 1878. Стр. 184.

видовъ, выдвигаютъ на первый планъ принципъ внутреннего стремленія къ развитію, понимая подъ нимъ главнымъ образомъ принципъ прогрессивнаго развитія. Этотъ послѣдній служить, по мнѣнію этой школы «прогрессистовъ», для образованія морфологическихъ признаковъ, лежащихъ въ основаніи классификаціи, слѣдовательно, наиболѣе важныхъ съ точки зрѣнія систематики, тогда какъ естественный подборъ вліяетъ исключительно на фізіологическія свойства, имѣющія первостепенное значеніе въ дѣлѣ борьбы за существованіе. Что касается критической стороны, то названная школа несравненно болѣе сдѣлала въ этомъ отношеніи, чѣмъ въ дѣлѣ положительнаго установленія новаго принципа. Она если не доказала, то по крайней мѣрѣ навела на мысль, что естественный подборъ дѣйствуетъ на сторону фізіологическую, исключительно имѣющую значеніе въ дѣлѣ борьбы за существованіе, почти вовсе не трогая форменныхъ признаковъ. Она, кромѣ того, обратила вниманіе на природу измѣняемости, и доказала, что игнорированіе этой стороны вопроса ведетъ къ существеннымъ недоразумѣніямъ. Но въ дѣлѣ болѣе глубокаго изслѣдованія школа эта установила только, что измѣняемость не можетъ совершаться во *всевозможныхъ* направленіяхъ; она не пошла дальше этого: она не доказала, чтобы измѣняемость имѣла только небольшое количество путей, а еще менѣе того доказала, чтобы она совершалась только въ одномъ, прогрессивномъ направленіи.

Изъ представителей этой (или аналогической) школы въ Англіи долженъ быть названъ зоологъ Майвартъ. Онъ стоитъ за трансформизмъ, но только не въ формѣ, данной Дарвиномъ и Уоллесомъ. Майвартъ утверждаетъ, что виды измѣняются подъ вліяніемъ «внутренней силы или стремленія», которая не можетъ быть подвергнута дальнѣйшему анализу. Онъ сильно возстаетъ противъ теоріи измѣненія путемъ накопленія мелкихъ индивидуальных признаковъ, выдвигая противъ нея общій принципъ, что зачатки многихъ органовъ не могутъ принести никакой пользы въ борьбѣ за существованіе, что въ этомъ отношеніи могутъ имѣть значеніе только уже вполне сформированные органы. Вслѣдствіе этого, онъ считаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ гипотезѣ рѣзкихъ и внезапныхъ измѣненій, причемъ данный органъ долженъ сразу появиться въ годной къ фізіологическому отправленію формѣ. Въ подтвержденіе этого онъ ссылается на случаи рѣзкихъ измѣненій подъ вліяніемъ новыхъ условий, на примѣръ, на быстрое образованіе шиповъ на раковинѣ устрицъ, переселенныхъ изъ сѣверныхъ морей въ Средиземное и пр.

Кромѣ Майварта, и многіе другіе авторы высказались противъ приложимости естественнаго подбора къ объясненію случаевъ начальнаго образованія органовъ въ зачаточномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи было обращено особенное вниманіе на случаи охранительныхъ цвѣтовъ и формъ. Извѣстно много примѣровъ между животными, гдѣ наружная окраска совершенно подходитъ въ цвѣту окружающихъ предметовъ; такъ, напр., многіе насѣкомыя, ящерицы и др., живущія въ песчаной мѣстности, окрашены въ песчано-желтый цвѣтъ, большинство животныхъ, плавающихъ на поверхности моря — прозрачны какъ вода и т. п. Еще болѣе замѣчательны случаи такъ-называемаго подражанія (mimicry), гдѣ данное животное представляется во многихъ отношеніяхъ поразительно сходнымъ съ какимъ-нибудь другимъ животнымъ, обладающимъ какимъ-либо особенно выгоднымъ признакомъ. Такъ, напримѣръ, многія бабочки и мухи отличаются наружностью въ высшей степени сходною съ многими жалосными перепончатокрылыми, напримѣръ, со шмелемъ, пчелою, осою и т. д. Сходство это ограничивается не только одними наружными признаками, но распространяется и на многія привычки, напр., на манеру летать, садиться и проч. Всѣ эти явленія были объяснены съ точки зрѣнія естественнаго подбора и приведены затѣмъ какъ очень вѣскій аргументъ въ пользу дѣйствительности этого фактора. Въ самомъ дѣлѣ, какъ охранительные цвѣта и формы, такъ и случаи подражанія всего легче могутъ быть объяснены съ помощью предположенія, что эти признаки приносили обладавшимъ ими животнымъ выгоду въ борьбѣ за существованіе и потому удержались и усилились съ помощью естественнаго подбора. Но тутъ является затрудненіе, на которое особенно напиралъ Майвартъ и другіе. Какъ могъ естественный подборъ дѣйствовать на малѣйшіе зачатки такихъ признаковъ, какъ, напр., на ничтожнѣйшее начальное сходство какого-нибудь насѣкомаго съ листомъ растенія или съ другимъ, болѣе выгодно одареннымъ насѣкомымъ? Дарвинъ даетъ на это слѣдующій отвѣтъ: «Несомнѣнно, — говоритъ онъ, — что данныя насѣкомыя въ первоначальномъ видѣ представляли нѣкоторое грубое и случайное сходство съ какимъ-нибудь изъ окружающихъ предметовъ. Въ этомъ предположеніи не покажется ничего невѣроятнаго, если принять въ соображеніе почти безконечное число окружающихъ предметовъ и разнообразіе формъ и цвѣтовъ у множества существующихъ насѣкомыхъ». «Если предположить, что насѣкомое вначалѣ было въ нѣкоторой степени случайно похоже на сухой листъ или вѣтвь, и что оно незначительно измѣ-

нилось во многихъ направлѣніяхъ, что всѣ уклоненія, дѣлавшія его болѣе похожимъ на такіе предметы и потому болѣе охранявшія его, должны были сохраняться, тогда какъ всѣ другія измѣненія должны были исчезнуть безслѣдно». Не отрицая абсолютно возможности подобнаго процесса, нельзя однако же не видѣть нѣкоторой натяжки въ предложенномъ объясненіи. Нужно думать, что если животное ради охраны должно было пріобрѣсти поразительное, доходящее до мелочей, сходство съ другимъ животнымъ или неодушевленнымъ предметомъ, то враги его должны были обладать очень тонкой способностью различать предметы, какъ это въ самомъ дѣлѣ извѣстно относительно многихъ насѣкомоядныхъ птицъ. Въ такомъ случаѣ трудно допустить, чтобы насѣкомому приносило пользу «грубое» сходство, которое могло бы ввести въ заблужденіе развѣ только врага съ очень слабо развитой способностью зрѣнія и распознаванія предметовъ вообще. Если же и такое грубое сходство охраняло насѣкомаго отъ враждебныхъ взоровъ, то для чего же тогда пріобрѣтеніе болѣе мелочного сходства? Для того, чтобы выдти изъ этого затрудненія, остается прибѣгнуть къ предположенію, что насѣкомому приходилось въ разные времена имѣть дѣло съ различными врагами (сначала съ менѣе зрячимъ, а потомъ съ болѣе тонко развитымъ) или же, что, по мѣрѣ пріобрѣтенія насѣкомымъ все болѣе и болѣе подробныхъ охранительныхъ признаковъ, изощрялась и способность врага распознавать предметы. Но, быть можетъ, дѣло могло обойтись и безъ подобнаго усложненія, если въ самомъ дѣлѣ принять, что признаки не должны необходимо образоваться постепенно, и могутъ въ иныхъ случаяхъ являться вдругъ въ болѣе или менѣе пригодной къ отпращиванію формѣ. Всего легче признать такой способъ по отношенію къ цвѣту, который, какъ извѣстно, можетъ измѣняться очень рѣзко. Нѣкоторые данныя объ этомъ вопросѣ будутъ сообщены въ слѣдующей главѣ.

Чувствуя по всей вѣроятности, что объясненіе новообразованія органовъ путемъ медленнаго подбора наталкивается на затрудненія и требуетъ натяжекъ, Дарвинъ высказалъ мысль, приложимую ко многимъ случаямъ. Онъ говоритъ, что «органъ, сдѣлавшійся вслѣдствіе перемѣны внѣшнихъ условій бесполезнымъ или вреднымъ для одного назначенія, можетъ измѣниться и сдѣлаться пригоднымъ для другихъ отпращиваній». Такимъ образомъ новая роль, важная въ борьбѣ за существованіе, можетъ выполняться прежде образовавшимся, слѣдовательно, развитымъ органомъ, причемъ естественный подборъ долженъ только при-

способить его къ новой роли, что очевидно гораздо легче, чѣмъ образовать цѣлый новый органъ путемъ накопленія индивидуальных признаковъ. Мысль эта легла въ основаніе соображеній одного зоолога-теоретика, Дорна, который построилъ на ней свой принципъ «перемѣны отправленія» (Functions-Wechsel), изложенный въ недавно появившейся брошюрѣ о происхожденіи позвоночныхъ.

Въ то время какъ трансформисты изъ школы «прогрессистовъ» основываютъ свою противодарвиновскую точку зрѣнія на выдвиганіи на первый планъ законовъ измѣняемости, недостаточно принятыхъ въ соображеніе Дарвиномъ, другой основатель раскола въ средѣ трансформистовъ, Морицъ Вагнеръ, напиралъ главнымъ образомъ на моментъ уединенія подбираемыхъ особей. Сравнивая процессъ образованія видовъ въ природѣ съ употребляемыми сельскими хозяевами искусственнымъ подборомъ, Дарвинъ пришелъ къ установленію теоріи естественнаго подбора. Въ свободной природѣ онъ нашелъ тѣ же основные моменты, которые необходимы и для произведенія культурныхъ породъ, именно индивидуальную измѣчивость, наследственность и подборъ особей. По мнѣнію М. Вагнера, онъ недостаточно обратилъ вниманіе только на принципъ изолированія подбираемыхъ особей. Сельскій хозяинъ долженъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы отобраннымъ на заводъ недѣлимыми не смѣшались съ основной неизмѣненной породой, иначе всѣ его труды пропадутъ даромъ. Изоляторъ, принимаемый Дарвиномъ въ природѣ, т.-е. естественный подборъ особей, побуждающихъ въ борьбѣ за существованіе, недостаточно силенъ для того, чтобы вполне устранить смѣшеніе (скрещиваніе) съ недѣлимыми основной породы, т.-е. съ неизмѣненными побужденными особями. Вслѣдствіе этого скрещиваніе будетъ во всѣхъ случаяхъ мѣшать подбору, гдѣ только не явится на подмогу изолированіе, полное мѣстное разобщеніе побѣдителей отъ побужденныхъ. Въ виду этихъ основныхъ соображеній, М. Вагнеръ пришелъ къ слѣдующему основному результату: «законъ миграціи организмовъ (дѣйствующій въ качествѣ изолятора) и естественный подборъ несомнѣнно находятся въ тѣсной связи. Географическое распредѣленіе формъ было бы непонятно безъ помощи теоріи Дарвина. Съ другой стороны однако же и одинъ подборъ, безъ переселенія организмовъ, т.-е. безъ продолжительнаго изолированія отдѣльныхъ особей отъ области распро-

страненія основного вида, не могъ бы быть дѣйствителенъ. Оба явленія находятся въ тѣсномъ взаимодействіи¹⁾.

Въ такой формѣ высказался сначала М. Вагнеръ; но потомъ²⁾, несмотря на то, что ему возражали, что пространственное изолированіе, составляя безспорно важный моментъ въ дѣлѣ образованія новыхъ расъ и видовъ, не можетъ быть признано неизбѣжнымъ фактомъ этого явленія, онъ пошелъ еще далѣе и попытался совершенно оттѣснить естественный подборъ на задній планъ. вмѣсто дарвинизма, онъ воздвигнулъ свою *теорію разобщенія* (Separationstheorie), т.-е. доведенный до крайности прежній его взглядъ на роль изолированія въ дѣлѣ образованія видовъ. По теоріи разобщенія, миграція особей имѣетъ однако же не простое изолирующее вліяніе. По мнѣнію М. Вагнера, вновь переселившіеся колонисты должны обнаруживать значительную измѣнчивость, именно потому, что проявленію ея не будетъ препятствовать скрещиваніе съ основнымъ видомъ. Этотъ послѣдній факторъ служитъ вообще нивелирующимъ образомъ, уничтожая индивидуальныя уклоненія, т.-е. подводя ихъ всѣ къ общей нормѣ, характерной для даннаго вида. На этомъ основаніи, немногочисленная колонія эмигрантовъ должна представить довольно пеструю группу, гдѣ каждая особь проявитъ безпрепятственно всю свою наклонность къ измѣнчивости. Въ этомъ отношеніи помощницей явится новая среда, въ свою очередь вліяющая на усиленіе измѣненій. Такъ должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока населеніе эмигрировавшаго вида не умножится въ значительной степени. Когда же это случится, то скрещиваніе вступитъ въ свою силу, и сведетъ всю массу болѣе или менѣе мелкихъ уклоненій къ одному, приблизительно среднему уровню, который сдѣлается характернымъ для одного, но уже новаго вида. Въ дѣлѣ этого процесса М. Вагнеръ уже совершенно устраняетъ вліяніе основныхъ принциповъ Дарвина. Вотъ какъ онъ резюмируетъ свой общій взглядъ на вопросъ: «по теоріи разобщенія, природа только періодически производитъ новыя формы и притомъ всегда внѣ мѣстожителства основного вида, путемъ географическаго изолированія и образованія колоніи. Безъ этого не можетъ произойти въ средѣ всѣхъ высшихъ животныхъ съ раздѣльными полами ни постоянной разновидности, ни новаго вида. Процессъ образованія новой формы не можетъ совершаться въ продолженіи

1) Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie zu München. 1868. Т. II. Стр. 384.

2) Sitzungsab. der Bayr. Akad. 1870, Т. II. Стр. 154—174.

долгатаго времени» (I. с. 163), — обстоятельство, на которое указываетъ М. Вагнеръ, какъ на преимущество его теоріи противъ дарвинизма, требующаго очень длинныхъ сроковъ и несовмѣстнаго съ отсутствіемъ постепенныхъ переходныхъ формъ.

Теорія разобщенія подверглась подробному разбору со стороны профессора Вейсмана, который старался показать, что М. Вагнеръ чрезчуръ впалъ въ крайность, утверждая, что безъ разобщенія невозможно образованіе новыхъ видовъ и что достаточно одного изолированія, для того чтобы совершился подобный процессъ. Въ подтвержденіе, Вейсманъ ссылагся на случаи совмѣстнаго нахожденія нѣсколькихъ очень близкихъ другъ къ другу разновидностей, имѣющихъ очевидно общее происхожденіе; съ другой же стороны онъ приводитъ примѣры упорнаго и продолжительнаго разобщенія, неповедшаго однако же къ образованію новыхъ видовъ или даже расъ.

Не придавая однако же моменту изолированія того крайняго значенія, какое приписываетъ ему Морицъ Вагнеръ, Вейсманъ отводитъ ему немаловажную роль въ дѣлѣ измѣненія видовъ. Изолированіе вліяетъ на эмигрантовъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, оно устраняетъ скрещиваніе съ особями основнаго вида, и, во-вторыхъ, оно ставитъ ихъ (эмигрантовъ) въ новыя условія. Этого еще недостаточно для того, чтобы произвести новую форму. Поэтому-то многіе постоянные виды нѣсколько не измѣнились, несмотря на свое полное разобщеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Если же мигрируютъ особи вида, отличающагося постоянствомъ признаковъ, то изолированіе необходимо должно повести къ образованію мѣстныхъ разновидностей или даже видовъ. Въ виду этого, Вейсманъ приходитъ къ предположенію, что въ жизни каждаго вида періодъ измѣнчивости смѣняется періодомъ постоянства и устанавливаетъ положеніе, что изолированіе можетъ повести къ образованію новой формы «только въ томъ случаѣ, если переселеніе въ уединенную область совершается во время періода измѣнчивости даннаго вида». Этимъ способомъ онъ объясняетъ происхожденіе не только мѣстныхъ разновидностей, но и такъ-называемыхъ виварныхъ, т.-е. замѣняющихъ другъ друга въ двухъ областяхъ видовъ.

Не слѣдуетъ думать, чтобы изолированіе совершалось только въ случаяхъ переселенія организма на большое пространство, напримѣръ, на уединенный островъ или скалу. Для этого достаточно, если переселенцы изберутъ себѣ какое-нибудь новое мѣсто, болѣе или менѣе уединенное отъ частаго проникновенія неизмѣненныхъ особей основнаго вида, которыя бы путемъ скре-

щиванія могли препятствовать образованію новой мѣстной формы. Нерѣдко даже различное время наступленія половой зрѣлости у различныхъ, близко живущихъ особей можетъ вліять изолирующимъ образомъ и служить поводомъ къ образованію новой расы.

Таковы главные нововведенія, предложенныя трансформистами различныхъ оттѣнковъ для полнѣйшаго уясненія вопроса о преемственномъ происхожденіи видовъ. Изъ сказаннаго легко усмотрѣть, что одинъ принципъ естественнаго подбора не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Не только трансформисты прогрессивной школы и послѣдователи теоріи разобщенія согласны въ этомъ, но противъ этого не высказывается и самъ Дарвинъ. Такимъ образомъ возникаетъ задача указать предѣлы вліянія естественнаго подбора и опредѣлить роль другихъ факторовъ видообразователей,—задача, въ высшей степени важная, но въ то же время и чрезвычайно сложная и трудная. Въ настоящее время она еще далека отъ своего разрѣшенія, но это не мѣшаетъ работать въ направленіи къ этой цѣли. Изъ предыдущаго можно было убѣдиться въ томъ, что до сихъ поръ еще трудятся надъ установленіемъ основныхъ руководящихъ принциповъ; но подъ вліяніемъ ихъ должно возникнуть, и уже отчасти возникло, цѣлое направленіе, имѣющее своей задачей по возможности болѣе всестороннее изученіе фактической дѣйствительности съ точки зрѣнія вопроса объ общихъ законахъ происхожденія органическихъ видовъ.

Потому и мнѣ остается по возможности прослѣдить роль основныхъ моментовъ, участвующихъ въ дѣлѣ образованія видовъ, познакомить читателя съ добытыми до сихъ поръ результатами фактическихъ изслѣдованій, произведенныхъ съ точки зрѣнія трансформизма, и, наконецъ, указать на то обширное поле изысканій, которое открывается для новыхъ поколѣній натуралистовъ.

И л. Мичниковъ.

СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ

■

НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II

ФРИДРИХА II, ИОСИФА II.

1780 — 1786.

Предсмертное созданіе Фридриха II, «союзъ князей» (Fürstenbund) — одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи объединенія Германіи. Тогда зародилась та національная роль Пруссіи, которая завершается на нашихъ глазахъ.

Нѣмецкая историческая критика не разъ касалась союза князей¹⁾; но самое свойство матеріаловъ не позволяло ей разработать предметъ всесторонне. Союзъ князей не можетъ быть изслѣдованъ вполнѣ безъ русскихъ архивовъ, такъ какъ онъ былъ заключенъ въ пору самаго близкаго участія Россіи во внутрен-

¹⁾ *Adolf Schmidt*: Preussens deutsche Politik. 1850. — *Klupfel*: Die deutschen Einheitsbestrebungen in ihrem geschichtlichen Zusammenhang. 1858. — *Häusser*: Deutsche Geschichte. 1854. — *Banke*: Die deutschen Mächte und der Fürstenbund. 1871. Ад. Шмидтъ оказалъ особенную услугу наукѣ, издавъ довольно полный сводъ основныхъ въ этомъ вопросѣ документовъ, почерпнутыхъ изъ прусскаго архива: *Geschichte der preussisch-deutschen Unionsbestrebungen* (1851). Вслѣдствіе этого, сочиненіе Ранке представляетъ уже немного новыхъ, да и то мелкихъ, свѣдѣній, почерпнутыхъ отчасти изъ австрійскаго, но больше изъ княжескихъ архивовъ, въ особенности изъ веймарскаго.

нихъ дѣлахъ Германіи. Въ этомъ случаѣ свидѣтельство нашей дипломатіи тѣмъ болѣе цѣнно, что Екатерина II, дорожа своимъ вліяніемъ въ Германіи, зорко слѣдила за нею и назначила во Франкфуртъ-на-Майнѣ особаго посланника, Николая Румянцова. Его обильныя депеши проливаютъ свѣтъ даже на будничныя мелочи изъ жизни нѣмецкой имперіи и ея князей.

Нѣмецкіе ученые не могли и подозрѣвать такого значенія русскаго архива для ихъ внутренней исторіи. Что же касается германской политики самой Екатерины II, то, понимая важность нашихъ документовъ, они все-таки принуждены были судить о ней частью по свидѣтельству своихъ дипломатовъ, частью же по преданіямъ и личнымъ соображеніямъ. Если они впадали въ погрѣшности или натяжки, то не лучше было и положеніе нашихъ ученыхъ, касавшихся этого предмета, еще неизслѣдованнаго по отечественному архиву.

Мы рѣшились восполнить отчасти этотъ пробѣлъ въ русской и нѣмецкой исторіи разработкой матеріаловъ для союза князей, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ ¹⁾; но, по мѣрѣ ознакомленія съ дѣломъ, наша задача сама собою расширялась. Союзъ князей до того тѣсно связанъ со всею нѣмецкою политикою Пруссіи, Австріи и Россіи въ 1780-хъ годахъ, что служить какъ-бы ея послѣднимъ словомъ: оттого документальное изслѣдованіе этой любопытной политики должно было составить необходимую и существенную часть нашего труда.

Значеніе союза князей вполне отчетливо уясняется, конечно, въ связи со всею исторіей національнаго развитія нѣмцевъ, и вообще въ связи съ государственнымъ и общественнымъ бытомъ Германіи того времени, въ особенности же со всею обстановкою *фюрста*, или князя нѣмецкой имперіи. Впрочемъ, этому предмету мы посвятили уже раньше отдѣльное изслѣдованіе ²⁾.

¹⁾ Что касается нѣмецкихъ архивовъ, то мы воспользовались всѣмъ, что было издано. Кромѣ сборника Шмидта, сюда относятся переписка Иосифа, Екатерины, Фридриха, Маріи-Терезіи, Леопольда, Маріи-Антуанетты, Кауница. Важнымъ пособіемъ послужили намъ также записки участниковъ описываемыхъ событій—Фридриха, Дома, Герца, Ассесбурга.

²⁾ „Вѣстникъ Европы“ за 1875 годъ, май—августъ: „Германія наканунѣ революціи“.

I.

ФРИДРИХЪ II И ЕГО НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА.

Германскій вопросъ наканунѣ революціи.—Условія его рѣшенія.—Отношенія къ нему Австріи и Пруссіи.—Гогенцоллерны и фюрсты.—Первыя попытки Фридриха образовать «союзъ князей».—Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Фридриха.—Характеристики Фридриха въ старости, Герцберга и Финкенштейна.—Новая попытка Фридриха образовать «союзъ князей».—Стремленія прусской и нѣмецкой политики.

Еще наканунѣ большой французской революціи, германскій вопросъ замѣтно уже выступалъ на первый планъ въ исторіи, и, еслибы не міровой переворотъ во Франціи, онъ сталъ бы уже тогда душой европейской политики, какъ въ наше время. Такое важное его значеніе зависѣло отъ свойствъ священной римско-нѣмецкой имперіи. Эта механическая груда мелкихъ государствъ, живой примѣръ феодализма, нарушала политическій строй Европы. Среди жгучихъ потребностей новаго времени, и не только государственныхъ, но также экономическихъ и общественныхъ, въ разгаръ «просвѣщенія» съ его борьбой противъ старыхъ предрассудковъ, становилось невозможнымъ явленіе, задачей котораго была задержка національнаго развитія одного изъ важнѣйшихъ племенъ въ Европѣ.

Это было до того очевидно, что даже у нѣкоторыхъ фюрстовъ (какъ мы увидимъ ниже) проглядывало робкое стремленіе выдти изъ столь неестественнаго положенія. Но они не могли сами разрѣшить такую сложную и, можно сказать, европейскую задачу. Фюрсты отчасти были безсильны для такого переворота, вслѣдствіе своего разногласія и соперничества, отчасти же были лишены высокихъ качествъ, благодаря своему невѣжеству, легкомыслию и рутинѣрству. Чувствуя свое ничтожество и опасаясь потерять то, что у нихъ было, фюрсты невольно обращались въ упорныхъ консерваторовъ. Они поднимали тревогу на всю Европу, какъ только имъ казалось, что нарушается малѣйшая буква «имперской конституціи», обезпечивавшей ихъ права или, какъ они выражались, «свободу отечества».

Итакъ, коренное преобразование Германіи въ духѣ новаго времени не могло быть плодомъ внутренняго развитія священной римско-нѣмецкой имперіи. Оно должно было произтечь изъ внѣшняго переворота, тѣмъ болѣе, что фюрсты, не исключая и самыхъ крупныхъ, постоянно опирались на какую-нибудь иностранную

державу. Правда, непримѣрно-глубокое чужеземное вліяніе внушало большія опасенія, и Германія много пострадала отъ слишкомъ близкаго и долгаго участія Франціи въ ея дѣлахъ. Быть можетъ, ей даже угрожала бы судьба Польши, еслибы ее не спасли исключительныя и крайне своеобразныя условія, коренившіяся въ ней самой. Раздѣлъ Германіи не могъ совершиться, пока въ ней существовали такія сильныя, *европейскія* державы, какъ Австрія и Пруссія, которыхъ исторія обязывала, во имя ихъ собственныхъ интересовъ, сохранять нѣмецкую націю.

Сначала національная роль, въ теченіи столѣтій, принадлежала Австріи безраздѣльно. И, въ силу обстоятельствъ, эта держава, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, способствовала соблюденію независимости нѣмцевъ. Но она не умѣла упрочить за собою вліяніе въ Германіи и овладѣть ея будущностью. Сама хранительница преданій, образецъ застоя и фанатизма, притомъ держава далеко не вполне нѣмецкая по народности, Австрія не могла вывести Германію на новый путь. Габсбурги сами стояли во главѣ ея феодальнаго наряда, въ качествѣ римско-нѣмецкихъ императоровъ. Какъ ни ничтожна была ихъ власть надъ фюрстами, получившими верховныя права по вестфальскому миру, они извлекали изъ нея свои династическія выгоды и потому дорожили ею. Опасаясь утратить ее при первой попыткѣ къ кореннымъ преобразованіямъ въ имперіи, которыя къ тому же не подходили къ ихъ крайне-консервативному характеру, они, подобно фюрстамъ, стояли за сохраненіе имперской конституціи. При вялости и недалекости Габсбурговъ, превращеніе князей въ австрійскихъ подданныхъ представлялось имъ хотя и въ пріятной, но въ отдаленной и случайной перспективѣ.

Съ появленіемъ Пруссіи, какъ европейской державы, германскій вопросъ вышелъ изъ вѣкового застоя и получилъ новую постановку, а при Фридрихѣ II сталъ самою живою и самою важною задачею европейской политики. Пруссія—противоположность Австріи, какъ по своей природѣ, населенію и исторіи, такъ и по своему общественному и политическому строю. Это страна чисто-нѣмецкая и свѣжая. Она не связана съ феодальными и іерархическими преданіями, доступна умственнымъ движеніямъ, и въ ней рано утвердились основы новой исторіи—монархизмъ, военная сила, среднее сословіе. Самое появленіе Пруссіи было протестомъ противъ принциповъ священной римско-нѣмецкой имперіи, и Гогенцоллерны, съ ихъ протестантизмомъ и воинственностью, съ ихъ энергіей и трудолюбіемъ, были олицетвореніемъ этого протеста. Въ своемъ непреклонномъ и пыл-

комъ стремленіи къ европейской роли, они должны были пробивать себѣ дорогу среди остатковъ средневѣковой старины въ Германіи. И чѣмъ даровитѣе, чѣмъ отважнѣе былъ Гогенцоллернъ, тѣмъ искреннѣе презиралъ онъ нѣмецкую имперію, ненавидѣлъ ея императора. У Фридриха II, въ пору его юношеской горячности, эти чувства проявлялись въ сарказмѣ, противномъ дипломатическому поведенію вѣнценосцевъ.

Историческая жизнь Пруссіи текла своимъ особеннымъ русломъ, отдѣльно отъ жизни Германіи. Гогенцоллерны не могли, да и не желали приладиться къ имперскому быту, и потому имъ всегда трудно было снискать расположеніе имперскихъ чиновъ. Фюрсты ненавидѣли и боялись ихъ, какъ революціонеровъ, грозящихъ погибелью «свободѣ отечества». Въ случаѣ необходимости, они скорѣе готовы были превратиться въ подданныхъ Габсбурга, озареннаго сіяніемъ древнихъ вѣнцовъ, чѣмъ подчиниться игу державнаго высочки — своего брата, курфюрста бранденбургскаго. Сравнительно съ приверженцами Австріи, или «цезаріанцами», склонная къ Пруссіи партія «конфедератовъ», или «курфюрстیانцевъ», была ничтожна, да и та придерживалась Гогенцоллерновъ лишь изъ страха передъ Габсбургами, а въ душѣ питала такіе же замыслы, какъ «особняки» (*Sonderbundespartei*), мечтавшіе о независимомъ княжескомъ союзѣ для отпора властолюбивымъ стремленіямъ и Вѣны, и Берлина.

Фридриху II было труднѣе, чѣмъ кому-либо, привлечь къ себѣ фюрстовъ, тѣмъ болѣе, что онъ вначалѣ руководился исключительно прусской политикой. Этотъ «молодой, честолюбивый король, желавшій получить все или ничего» ¹⁾, еще будучи кронпринцемъ, мечталъ овладѣть Германіей, посредствомъ брака съ Маріей-Терезіей. Вступивъ на престолъ, онъ рѣшился сразу подорвать имперскій нарядъ, отнявъ у Габсбурговъ руководящую роль въ Германіи. Еще не смѣя самъ захватить императорскую корону, онъ доставилъ еѣ ничтожному Виттельсбаху, Карлу VII, и въ то же время (1742), чувствуя свое безсиліе поддержать его, къ своему собственному изумленію выказалъ нѣмецкій пат-

¹⁾ Собственные слова Фридриха: *Oeuvres de Frédéric le Grand* (изданіе берлинской академіи наукъ, 1846—1856 г., подъ редакціей *Prouss'a*), II, 48; cf. 51, 53, 56. Въ перепискѣ съ друзьями, Фридрихъ выставлялъ слѣдующія свои побужденія къ шлезскимъ войнамъ: *le feu des passions, le désir de la gloire, la curiosité même, un instinct secret, la satisfaction de voir mon nom dans les gazettes et ensuite dans l'histoire; также желание régler la figure de la Prusse, le contour n'en sera pas tout à fait régulier. Ibid. XVII, 91; XVIII, 23.*

ріотизмъ ¹⁾). Фридрихъ задумалъ образовать «ассоціацію имперскихъ округовъ» съ нейтральной арміей, которая прикрывала бы Баварію. Но, по его собственнымъ словамъ, «это дѣло не состоялось, вслѣдствіе рабскаго страха фюрстовъ передъ австрійскимъ домомъ: венгерская королева пригрозила — и фюрсты затрепетали, а сеймъ не хотѣлъ ничего рѣшать. Еслибы Франція поддержала этотъ планъ нѣкоторой суммой, розданной своевременно, то онъ удался бы». Фридрихъ не легко отказывался отъ своихъ замысловъ. Въ теченіи мирнаго года, раздѣлявшаго первую силезскую войну отъ второй (1743), онъ рѣшился самъ переговорить съ фюрстами, «не видя другого средства» къ поддержанію своей креатуры. Подъ предлогомъ посѣщенія своихъ франконскихъ родственниковъ, Фридрихъ совершилъ путешествіе по нѣкоторымъ мелкимъ государствамъ Германіи. Но «всѣ искушенія, всѣ доводы и изъясненія оказались тщетными. Энтузіастическіе друзья австрійскаго дома готовы были погибнуть за него, а приверженцы императора (Карла VII) были до того запуганы его великими несчастіями, что опасались, помогая ему, потерять свои владѣнія». Вслѣдъ затѣмъ Фридрихъ сдѣлалъ третью попытку устроить союзъ Пруссіи съ имперскими князьями. Онъ обратился къ фюрстамъ гессенскому, юртембергскому, кельнскому, пфальцскому и епископу бамбергскому. Но «нужно было купить ихъ содѣйствіе: нѣтъ денегъ, нѣтъ тебѣ и фюрста! А Франція не хотѣла и слышать о выдатѣ субсидій». Третья неудача не сломила упорства Фридриха. Тотчасъ же послѣ того, два дипломата, одинъ прусскій, другой французскій, — начертали планъ «ассоціаціи имперскихъ округовъ»; но такъ какъ это были «педанты, работавшіе по всѣмъ правиламъ формалистики», то ихъ «тяжелое и неуклюжее твореніе забыто было тотчасъ послѣ прочтенія». А въ 1744 году, наканунѣ второй силезской войны, образовалась таки «франкефуртская лига для защиты имперской системы, ея свободы и главы»: въ нее входили Пруссія, императоръ, Куръ-Пфальцъ и Гессенъ-Кассель. Впрочемъ, лига распалась въ слѣдующемъ же году, вслѣдствіе смерти Карла VII, разрушившей всѣ нѣмецкіе планы Фридриха, такъ какъ курфюрстъ саксонскій, которому онъ предложилъ императорскую корону, отказался отъ нея — и она снова перешла къ Габсбургамъ ²⁾).

¹⁾ Собственные слова Фридриха: „Je n'ai jamais cru autrefois que j'étois un si bon patriote comme je suis en effet“. *Droysen: Geschichte der preussischen Politik.* 1855—1874. V, 151.

²⁾ *Oeuvres de Frédéric*, II, 141; III, 24, 39, 54.—*Ranke: Neun Bücher preussischer Geschichte.* 1847. III, 290.

Теперь только Фридрихъ, разочаровавшись въ своей надеждѣ сдѣлать имперію орудіемъ прусскихъ плановъ, рѣшился полагаться лишь на свой мечъ, и въ его кружкѣ уже послышались восторженные рѣчи о «завоеваніи всей Германіи и соединеніи ея въ одно государство, о полномъ низверженіи имперской конституціи, о вступленіи прусскаго короля на императорскій престолъ»¹⁾.

Блестящіе военные успѣхи Фридриха, конечно, содѣйствовали популярности въ нѣмецкомъ обществѣ, точно также какъ и его участіе въ «просвѣщеніи», но въ политическихъ кругахъ они возбуждали страхъ и недовѣріе къ гогенцоллернской системѣ. Сверхъ того, непосильныя войны хотя и выдвинули Пруссію на первый планъ въ Германіи, но только на ряду съ Австріей, а не выше ея; между тѣмъ онѣ до того истощили небольшую и бѣдную Пруссію, что самъ Фридрихъ называлъ ее «человѣкомъ, продыравленнымъ ранами»²⁾. Вотъ причины, по которымъ въ политикѣ Фридриха произошелъ крутой поворотъ. Придерживаясь правила, что «съ измѣненіемъ нашихъ интересовъ и мы должны измѣняться»³⁾, Фридрихъ вдругъ перешелъ въ оборонительное положеніе; цѣлью его стало сохраненіе мира; онъ превратился въ непреклоннаго консерватора. Чтобы удержаться на высотѣ, завоеванной мечомъ, Фридрихъ посвятилъ вторую половину своего царствованія, начиная съ Губертсбургскаго мира (1763—1786), изысканію средствъ въ дипломатической борьбѣ съ Австріей. Онъ началъ подражать Габсбургамъ и даже обнаружилъ готовность вовлечь иностранныя державы во внутреннія дѣла Германіи. Мало того. Онъ превратился въ защитника имперскаго наряда, заговорилъ о нѣмецкихъ интересахъ, о «свободѣ отечества», о неприкосновенности имперской конституціи, о святости и величіи Вестфальскаго мира⁴⁾.

¹⁾ Любимецъ и довѣренное лицо Фридриха II, генералъ фонъ-Винтерфельтъ надѣлся, въ 1757 году, что Пруссія можетъ „ganz Deutschland zu erobern und durch Vereinigung zu Einem Staate dem Auslande gegenüber widerstandsfähig zu machen“. Онъ мечталъ „in weniger als zwei Jahren die deutsche Reichsverfassung völlig umgestürzt und Friedrich auf dem Kaiserthron zu sehen“. *Schmidt: Preussens deutsche Politik. 3-te Aufl. 1867. I, 22.*

²⁾ *Oeuvres de Frédéric*, VI, 4; cf. 5, 75 sq., V, 4 sq., 233. То же выходитъ изъ свидѣтельству нашего архива. Остерманъ часто спрашивалъ нашего посланника въ Берлинѣ, Долгорукаго, объ экономическомъ состояніи Пруссіи, и тотъ всегда отзывался, что оно весьма плохо и что въ особенности печально положеніе торговли, стѣсненной акцизами и т. п.

³⁾ См. предисловіе къ его *Histoire de mon temps: Oeuvres*, II t., p. XVI.

⁴⁾ Этотъ новый взглядъ Фридриха любознательно выразился въ его соѣктахъ профессорами исторіи. См. его статью „О нѣмецкой литературѣ“, написанную въ 1780 г., *Oeuvres*, VII, 115.

Этому превращенію въ нѣмецкой политикѣ прусскаго героя соотвѣствовала перемѣна въ его характерѣ. Страшны портреты Фридриха въ старости, съ ихъ поблекшими чертами, ярко освѣщенными злобѣющимъ блескомъ хорошо сохранившихся глазъ. Въ избранную нами эпоху, дѣйствительно, оставалась одна тѣнь героя силескихъ войнъ. Фридрихъ переживалъ седьмой десятокъ. Его посѣщали тяжкіе припадки подагры. Безсердечный, капризный, скупой и подозрительный старикъ, онъ сталъ въ тягость себѣ самому, не терпѣлъ противорѣчій и оскорблялъ вѣрнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ вѣчнымъ недовольствомъ. «Здѣсь,—говорить его главный помощникъ,—просто нельзя имѣть собственного мнѣнія... Никто не смѣетъ дѣлать ему никакихъ предложеній: какъ разъ не угодишь!.. Признательность меньше всего входить въ кругъ его добродѣтелей» ¹⁾. Впрочемъ, Фридрихъ ворчалъ и на весь «презрѣнный», по его словамъ, міръ. «Великій Боже!—восклидалъ онъ, перебирая въ своемъ умѣ европейскихъ государей:—отъ кого зависить судьба людей!.. Соломонъ не зналъ этого свѣта: еще много глупостей останется на долю нашимъ внукамъ... Какъ рѣдко встрѣишь у людей здравый смыслъ, и сколько глупостей заставляютъ ихъ дѣлать страсти». Фридрихъ подходилъ на отставного моряка, который съ ужасомъ всматривается въ волнуемое море, припоминая пережитыя бури. Онъ чувалъ, что «европейская политика въ особенномъ смятеніи», что «близовъ кризисъ, и вскорѣ элементы займутъ мѣста, каждый по своему вѣсу». Онъ даже предвидѣлъ, что гроза разразится съ востока: «императрица начнетъ открытую войну, а аварскій цезарь (Иосифъ) станетъ переговариваться съ турками»... А что же станетъ дѣлать Пруссія, при тѣхъ «чрезвычайныхъ явленіяхъ», которыя возникнутъ,—стѣбитъ только потерпѣть не много?». «Мое время прошло, и скоро окончится короткій путь, лежащій передо мною», говоритъ Фридрихъ, и въ его воображеніи проносятся ужасное воспоминаніе о Семилѣтней войнѣ, «принадлежащей къ числу «тѣхъ опасностей, отъ которыхъ спасаешься только чудомъ». Задачей Фридриха окончательно становится «долгъ, помышляя о счастьи своей страны, всячески избѣгать» подобныхъ катастрофъ, не жалѣть ничего для этого, «хотя бы и мало было надежды на успѣхъ»... «Буду,—размышлялъ онъ,—придерживаться правила Августа—*festina lenter* (спѣши потихоньку), буду сохранять спокойствіе и поджидать приближенія событій... Вотъ, говорятъ, Англія и Франція примирятся: тогда востокъ занималъ

¹⁾ Письма Герцберга Герцу. *Görts: Denkwürdigkeiten*. 1827. I, 356 sq.

бы насъ меньше». И передъ Фридрихомъ, какъ передъ равнодушнымъ зрителемъ, разыгрывалась великая драма исторіи; событія совершались безъ его участія, и иногда до него доходили лишь запоздалыя извѣстія о нихъ. Безъ стараго Фрица воевали и замирились на крайнемъ западѣ, безъ него завершилась и новая эпоха въ развитіи восточнаго вопроса. И совершенно спутанный Екатериной, онъ спрашивалъ своего петербургскаго посланника: «что, я все еще въ союзѣ съ Россіей, или нѣтъ» ¹⁾?

Фридрихъ никого не любилъ, ничему не вѣрилъ — и ему отвѣчали тѣмъ же. Онъ былъ одинокъ въ политикѣ и не смѣлъ расторгнуть связей съ своей «коварной» союзницей, Екатериной, «такъ какъ нигдѣ не находилъ замѣны имъ». Онъ былъ одинокъ и у себя. Приближенные негодовали на его неблагодарность. Въ королевской семьѣ господствовалъ разладъ. Дѣти не окружали постели больного старика. Родной братъ, Генрихъ, и племянникъ, кронпринцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, нетерпѣливо поджидали важную «эпоху», взвѣсивая ея значеніе въ своихъ наслѣдственныхъ разсчетахъ ²⁾. Молодой дворъ составлялъ тайную оппозицію старому, то подсмѣивался надъ нимъ, то негодовалъ. Онъ уже силлся, за спиной Фридриха, схватить бразды правленія, и иностранные агенты уже оборачивались отъ угасающаго свѣтила къ восходящему.

Характеристика Фридриха въ старости дорисовывается его отношеніями къ своимъ главнымъ помощникамъ, — кабинетъ-министрамъ ³⁾ Герцбергу и Финкенштейну.

Въ этихъ двухъ лицахъ, стоявшихъ подлѣ Фридриха почти во все его царствованіе, какъ-бы воплощались два Фрица — молодой и старый. Герцбергъ былъ лѣтъ на тридцать моложе Фридриха. Онъ родился въ Помераніи, въ неизвѣстности, и достигъ высшаго поста въ Пруссіи лишь своими дарованіями и трудолюбіемъ. Въ этой, съ виду не блестящей и даже угловатой, личности жила пылкая, гордая и честолюбивая душа. Рано задумавъ выдвинуться изъ толпы, Герцбергъ со страстью началъ готовиться къ политическому поприщу и основательно изучилъ

¹⁾ См. любопытныя письма Фридриха къ племяннику, герцогу брауншвейгскому, напечатанныя у *Rankе*: Die deutschen Mächte, II, 240—250.

²⁾ Герцбергъ герцогу брауншвейгскому, у *Шмидта*: Gesch. der Unionsbestrebungen, I, 26.—Иосифъ II Кауницу. *Beer*: Joseph II, Leopold II und Kaunitz. Ihr Briefwechsel. 1878, p. 97.

³⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ называлось въ Пруссіи *Kabinetts-Ministerium*. Со времени Фридриха-Вильгельма I оно состояло обыкновенно изъ двухъ или даже трехъ министровъ.

государственныя науки. Никому въ Пруссіи не были до такой степени извѣстны отношенія европейскихъ державъ, какъ ему; а въ знаніи нѣмецкой исторіи и дипломатіи онъ могъ поспорить съ пресловутыми ганноверскими законниками. Его перо, которое обыкновенно служило Фридриху для оправданія передъ свѣтомъ, славилось всѣми тонкостями имперской казуистики, и онъ любилъ погружаться въ послѣднія: отъ него осталось много мемуаровъ и дипломатическихъ сборниковъ. Фридрихъ дорожилъ свѣдущими и способными людьми, и умѣлъ находить ихъ. Герцбергъ еще молодымъ попалъ въ его кабинетъ-министерство, и прежде всего привелъ въ образцовый порядокъ тайный архивъ. Впрочемъ, его значеніе начинается лишь съ Семилѣтней войны, когда его ловкое перо много послужило отважному мечу Фридриха: имъ былъ заключенъ и Губертсбургскій миръ, причѣмъ Фридрихъ возвелъ его въ званіе второго министра иностранныхъ дѣлъ, которое онъ сохранялъ и при слѣдующемъ королѣ. Съ этихъ поръ въ прусскомъ министерствѣ словно поселился духъ юнаго Фрица, не дававшій покоя дряхлѣвшему королю. И чѣмъ болѣе увлекался Фридрихъ миролюбіемъ и впадалъ въ апатію, тѣмъ усерднѣе работалъ, суетился, сочинялъ проекты его неутомимый министръ. Не даромъ Фридрихъ называлъ Герцберга своимъ ученикомъ въ дипломатіи. Этотъ поммеранецъ оказался истымъ пруссакомъ. Онъ обнаружилъ крайнюю самоувѣренность и высокомеріе, приписывая себѣ всѣ важныя идеи, не исключая и союзовъ князей ¹⁾. Онъ не хотѣлъ выжидать событій и искалъ случая ринуться на встрѣчу опасностямъ. Его увлекала роль героевъ, о которыхъ онъ читался въ исторіи, а свѣжіе лавры Пруссіи внушали ему увѣренность въ успѣхѣ громкихъ мѣръ; къ тому же, онъ былъ убѣжденъ, что «отъ времени до времени война составляетъ потребность для Пруссіи, чтобы не отвыкнуть отъ нея и постоянно оживлять патріотическое чувство» ²⁾. Могущество и слава Пруссіи сдѣлались его кумиромъ. Герцбергъ постоянно мечталъ о томъ, какъ-бы что-нибудь «прибавить» въ Пруссіи и заставить Европу служить этой цѣли. Его дипломатической идеей была безконечная борьба съ Австріей и Россіей и та опека надъ

¹⁾ *Schmidt: Preussens deutsche Politik*, 81.

²⁾ *Dohm: Denkwürdigkeiten*, 1814—1819. I, 80.—Тутъ Герцбергъ сходится во взглядѣ съ Іосифомъ II, который былъ убѣжденъ, что Пруссія, вслѣдствіе своихъ физическихъ и общественныхъ условій, должна постоянно находиться въ движеніи. „Правительство и его интересы—говорилъ онъ—дѣлаютъ ее воинственной: для нея миръ—медленна, гложущая и изсушающая ее лихорадка“. *Testament politique de l'empereur Joseph II*. 1791. II, 78.

Турціей, Польшей и Швеціей, которая ничего не оставляетъ сиротамъ ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ онъ применилъ къ «патріотамъ», былъ съ ними въ близкихъ сношеніяхъ, заводилъ интриги среди мелкихъ германскихъ дворовъ. Словомъ, Герцбергъ сталъ душой молодого двора и партіи дѣйствія въ Потсдамѣ ²⁾. Онъ доучалъ Фридриху своими смѣлыми мнѣніями, которыхъ тотъ не спрашивалъ, спорилъ съ нимъ, старался всячески вовлечь его въ новую войну съ Австріей. Его настойчивость была тѣмъ болѣе тягостна, что онъ не отличался придворными манерами, говорилъ прямо и запальчиво. Нерѣдко Фридрихъ выходилъ изъ себя и грубо останавливалъ министра-«патріота».

Конечно, Герцбергъ еще менѣе стѣснялся съ своимъ товарищемъ, графомъ Финкенштейномъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ свое внутреннее превосходство надъ нимъ, а занималъ второе послѣ него мѣсто въ министерствѣ. Если значеніе Герцберга при дворѣ основывалось на его необходимости, то графъ держался личными связями съ королемъ и своими придворными свойствами. Потомокъ знатнаго и богатаго рода, Финкенштейнъ былъ сверстникъ Фридриха и товарищъ его по воспитанію. Онъ смолоду предназначался въ дипломатической карьерѣ, и до 40-лѣтняго возраста уже перебывалъ посланникомъ при многихъ дворахъ, въ томъ числѣ въ Петербургѣ. Съ 1749 года онъ занималъ должность второго, а съ 1760-го—перваго кабинетъ-министра. Карьера графа, какъ придворнаго аристократа, дѣлалась сама собой, и вся его жизнь протекла спокойно, обычной колесей, благодаря его характеру. Вопреки своей чисто прусской крови, Финкенштейнъ былъ олицетвореннымъ миролюбіемъ, благоразуміемъ, осторожностью, близкою къ апатіи. Это—Фридрихъ въ старости. Примѣняя извѣстное выраженіе о министрахъ Анны Іоанновны, можно сказать, что въ кабинетъ-министерствѣ Фридриха Герцбергъ изображалъ собой душу, а его товарищъ—тѣло. Но это было истинно-аристократическое тѣло. Финкенштейнъ былъ образцомъ вельможи. Привлекательная внѣшность, великосвѣтскія манеры, отсутствіе оригинальности, тонкое пониманіе людей въ видахъ лести и угодливости—вотъ свойства, которыя дѣлали пріятнымъ, при всѣхъ дворахъ, и его личное присутствіе, и изящныя произведенія его легкаго дипломатическаго

¹⁾ Sybel: Geschichte der Revolutionszeit. 2-te Aufl. 1859. I, 174.

²⁾ Многие, не исключая и принцевъ крови, приписывали войну за бакарское наследство искусству, съ которымъ Герцбергъ будто-бы толкнулъ въ нее Фридриха. Dohm, I, 351.

пера. Эти качества графа особенно проявлялись въ сношеніяхъ съ королемъ, передъ которымъ онъ благоговѣлъ. Финкенштейнъ потворствовалъ всѣмъ слабостямъ Фридриха, не смѣлъ имѣть своего мнѣнія передъ нимъ и былъ лишь послушнымъ исполнителемъ его воли. Одинъ сослуживецъ графа такъ выразился о немъ съ неподражаемой наивностью: «король питалъ большую склонность и довѣріе къ нему, которое министръ постоянно поддерживалъ тѣмъ, что съ ловкостью царедворца подхватывалъ каждую мысль и каждое желаніе монарха. Совѣты его имѣли тѣмъ болѣе вѣса, что онъ давалъ ихъ только когда его спрашивали»¹⁾.

Чѣмъ ближе къ описываемому времени, тѣмъ больше Финкенштейнъ пользовался милостивымъ расположеніемъ короля, а Герцбергъ становился противенъ ему. Съ послѣднимъ Фридрихъ избѣгалъ личныхъ сношеній. Когда нужно было словесно переговорить съ министерствомъ, онъ звалъ въ Потсдамъ не его, а Финкенштейна; его кабинетныя записки графу любезны, деликатны, а Герцбергу—повелительны, иногда даже грубы и съ замѣчаніями. Герцбергъ ни разу не получилъ отъ короля цѣннаго подарка, и даже его грудь не была украшена орденомъ Чернаго Орла, къ соблазну всего прусскаго общества. Этотъ орденъ собственноручно возложилъ на него Фридрихъ-Вильгельмъ II, передъ трупомъ Фридриха, съ словами: «первымъ дѣломъ моего царствованія должна быть уплата долга покойника». Тогда же Герцбергъ былъ возведенъ въ графское достоинство²⁾.

Характеръ Фридриха въ старости поясняетъ указанное выше превращеніе въ его политикѣ. Понятно, что въ его глазахъ тѣсная связь съ имперіей становилась единственнымъ спасеніемъ Пруссіи. Идея, съ которой Фридрихъ началъ свое царствованіе, воскресла съ новою силой въ концѣ его историческаго поприща. И если прежде онъ покинулъ ее съ презрѣніемъ, послѣ первыхъ неудачъ, то теперь она казалась ему необходимостью, ради которой должно было жертвовать многимъ, начиная съ собственнаго самолюбія. И вотъ, весной 1778 года, Фридрихъ приказываетъ своимъ министрамъ «работать надъ образованіемъ союза благонамѣренныхъ князей», съ цѣлью «говорить заодно и противодѣйствовать деспотизму въ имперіи, замышляемому австрійскимъ домомъ»³⁾.

¹⁾ *Dohm*, I, 77.

²⁾ Тамъ же, IV, 544.

³⁾ Письмо кабинетъ-министровъ Фридриху отъ 3 апр. 1778 г. *Preuss: Friedrich der Grosse*. 1882—1884. IV, 390.—См. *Assenburg: Denkwürdigkeiten*. 1842, p. 826.

Но и теперь это была лишь сладкая мечта, о которой странно было и думать практическому дѣятелю. Кредитъ Пруссіи въ Германіи былъ окончательно подорванъ войнами Фридриха. Фюрсты, не исключая даже любимой его сестры, маркграфини байрѣтской, уже задумывались о томъ, «какъ бы ослаблять, а не усиливать Пруссію» ¹⁾. Очевидецъ событій и поклонникъ Фридриха, Домъ, откровенно обнаруживаетъ разладъ между прусской и національной политикой, господствовавшей около 1780 года точно такъ же, какъ въ 1740-хъ годахъ. По его словамъ, тогда многіе въ Германіи приписывали Фридриху желаніе поступить съ нѣмцами «отечествомъ» точно такъ же, какъ съ Рѣчью-Посполитой. У всѣхъ, — говоритъ онъ, — еще сохранялось свѣжее воспоминаніе о раздѣлѣ Польши. Чтò же, спрашивали, развѣ германская конституція неприкосновеннѣе и священнѣе польской? А обстоятельства, повидимому, благопріятствовали разрушенію и этой конституціи... Даже изъ приближенныхъ Фридриха многіе раздѣляли мнѣніе, что прежде всего нужно стоять за очевидную пользу и не упускать удобнаго случая, предполагаемаго старымъ соперникомъ, доставить Пруссіи внутреннюю силу и округленіе, котораго ей еще недостаетъ. Полагали, что братья короля, принцъ Генрихъ и Фердинандъ, были того же мнѣнія. Конечно, и отъ самого короля не ускользнула заманчивость этого искушенія; но, безъ сомнѣнія, никто вѣрнѣе его не могъ взвѣсить всѣ опасности для Пруссіи, если поддаться соблазну... Правда, раздѣлъ Польши удался и не вызвалъ никакой серьезной оппозиціи; но Европа была возмущена имъ и, пожалуй, не стерпѣла бы другого, и еще болѣе вопіющаго. Отпоръ могъ явиться даже въ самой Германіи. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало ожидать, что вся ненависть за несправедливость обрушится на Пруссію, а всѣ выгоды достанутся Австріи. Правленіе послѣдней было во многихъ отношеніяхъ мягче, не такъ ненавистно сосѣдямъ. Различныя условія давали возможность Австріи облекъ подчиненіе имперскихъ земель въ смягчающія (*mildernde*) формы... Не таково было положеніе Пруссіи. Сравнительно большія государства на сѣверѣ Германіи уже и до этого съ завистью смотрѣли на недавнее возвышеніе и возрастающее величіе Пруссіи. При всякомъ удобномъ случаѣ, они заботливо препятствовали курфюрсту бранденбургскому выставлать чрезмѣрные притязанія, опираясь на свой новопріобрѣтенный королевскій титулъ. Саксонцы, ганноверцы, гессенцы и другіе сѣверные нѣмцы никогда не превратились бы

¹⁾ *Droysen, V, 488.*

въ пруссаковъ такъ быстро и послушно, какъ жители раздробленной южной Германіи въ австрійцевъ ¹⁾).

Эти любопытныя отношенія между Пруссіей и Германіей объясняются еще лучше стремленіемъ Фридриха подѣйствовать на фюрстовъ насиліемъ, показавъ имъ въ перспективѣ штыки Россіи, которая официально была тогда союзницей Пруссіи. Онъ заставилъ нѣкоторыхъ князей объявить отъ себя Екатеринѣ II о планѣ союза имперскихъ князей ²⁾.

Фридрихъ не получилъ отъ Екатерины ожидаемой помощи въ своихъ германскихъ дѣлахъ, и его любимая идея должна была снова заглухнуть. Но въ нему пришла помощь, откуда ея никто не ожидалъ—изъ Австріи. Въ лицѣ Іосифа II, Габсбургъ оказалъ важнѣйшую услугу своему заклятому врагу, Гогенцоллерну.

II.

Іосифъ II и нѣмецкая имперія.

Характеристика Іосифа II и Кауница.—Идея внѣшней политики Іосифа.—Попытки Іосифа преобразовать имперію.—Переворотъ въ нѣмецкой политикѣ Габсбурговъ.—Іосифъ и Марія-Терезія во внѣшней политикѣ.—Приобрѣтенія Іосифа въ Польшѣ и въ Турціи.—Баварскій вопросъ.—Виттельсбахи.—Баварскій планъ Іосифа и герцогиня Климента.—Война за баварское наслѣдство.

Іосифъ II былъ вырождаемъ въ безжизненной и фанатичной семьѣ Габсбурговъ. Онъ походилъ скорѣе на Гогенцоллерна и, конечно, былъ обязанъ этимъ не столько лотарингской крови своего отца, сколько духу времени. Іосифъ болѣе чѣмъ кто-либо дитя «просвѣщенія», и на немъ всего лучше измѣряется культурная сила этого направленія. Оттого между нимъ и его матерью шла такая же характеристическая борьба, какъ между юнымъ Фридрихомъ и его отцомъ. Эта борьба тѣмъ болѣе замѣчательна, что Марію-Терезію можно было назвать новымъ членомъ сравнительно съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I. Она была хорошо воспитана, даровита, и суровыя черты габсбургскаго

¹⁾ См. *Dohm*, I, 40, 43—46.

²⁾ Вотъ фюрсты, писавшіе Екатеринѣ: курфюрстъ саксонскій, герцоги цвейбрюнненскій и мейленбургскій. Сверхъ того, прусскій посланникъ заявилъ въ Петербургѣ, что того же желаютъ: герцогство Саксонія, Ганноверъ, Брауншвейгъ, Гессенъ-Кассель, Дармштадтъ, Баденъ и Анспахъ. *Asseburg*, 326 sqq. Донесеніе Сакена, см. *Herrmann: Geschichte des russischen Staates*. 1860. VI, 15 sq.

типа сглаживались въ ней нравственной граціей. Марія-Терезія почувала необходимость внутренняго преобразованія Австріи, и самъ Фридрихъ призналъ за этой «женщиной» планы, достойныя великаго мужа» ¹⁾. Къ такой-то женщинѣ и государынѣ Іосифъ питалъ враждебныя чувства ²⁾, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше чуждались другъ друга нравственно эти близкія по крови существа. Мать старалась сдерживать пылкіе порывы сына и научить его снискивать всеобщую любовь. «Я сильно опасаюсь,—писала она 25-ти-лѣтнему Іосифу,—что ты, будучи вообще очень дурного мнѣнія о людяхъ, лишишься и нашихъ немногихъ честныхъ людей, сравнивая и смѣшивая ихъ съ другими... Великая движущая сила заключается въ довѣріи: безъ него ничего не можетъ быть... Мнѣ больно за тебя, что ты можешь думать такимъ образомъ и находить удовольствіе оскорблять другихъ, унижать ихъ насмѣшкой. Я должна тебѣ сказать, что я поступала въ своей жизни какъ разъ наоборотъ. Я предпочитала ласкою заставлять всѣхъ исполнять мои желанія, и скорѣе убѣждала, чѣмъ принуждала... Какъ я боюсь, что ты попадешь въ руки плутамъ, которые, чтобы достигнуть своей цѣли, сносятъ все, чего не снесетъ благородная и истинно преданная душа!.. Какъ я боюсь, что у тебя никогда не будетъ друзей! И кто привяжется къ *Іосифу*, на котораго ты такъ разсчитываешь? Вѣдь эти язвительныя, ироническія, злыя выходки принадлежать не императору, не соправителю, а сердцу Іосифа! Вотъ это-то и огорчаетъ меня, это-то и составитъ несчастіе и твое, и монархіи, и наше общее. Я льстила себя надеждою, что буду жить по смерти въ твоёмъ сердцѣ, что твоя многочисленная семья, твои владѣнія ничего не потеряютъ, лишившись меня,—напротивъ, выиграютъ. Но могу ли я надѣяться, когда ты увлекаешься этимъ тономъ, который изгоняетъ всякую нѣжность и дружбу? Не лестное подражаніе! Этотъ герой ³⁾, который заставилъ такъ много говорить о себѣ, этотъ завоеватель, насчитываетъ ли онъ хоть одного друга? Не приходится ли ему не довѣрять цѣлому свѣту? Чтó за жизнь безъ челоуѣчества! Въ особенности въ нашей религіи милосердіе есть самая неизбежная основа; это не совѣтъ, а заповѣдь. А развѣ ты соблюдаешь ее, оскорбляя и уязвляя насмѣшками людей и

¹⁾ *Oeuvres de Frédéric. IV, 9.*

²⁾ Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ безцѣнная въ психологическомъ отношеніи переписка между Маріей-Терезіей и Іосифомъ II. *Arnetz: Maria-Theresia und Joseph II. Ihre Correspondenz. 1867—1868. Особенно любопытны: I, 192—362, и II, 5—161.*

³⁾ Фридрихъ II.

даже тѣхъ, которые оказали великія услуги и страдаютъ лишь такими же недостатками, какъ и мы?.. «Да», «нѣтъ», прямой отказъ—это было бы несравненно лучше всего этого потока ироніи, въ которомъ изливалось твое сердце, улаживаясь и любясь легкостью слога. Строго берегись находить удовольствіе въ болѣностяхъ! У тебя еще не злое сердце, но оно станетъ злымъ. Очень и очень пора оставить всѣ эти красныя словца, эти умныя изреченія, которыя ни къ чему не ведутъ, а лишь оскорбляютъ и поднимаютъ на смѣхъ другихъ, отталкивая такимъ образомъ всѣхъ честныхъ людей. И думать послѣ этого, что все человѣчество не заслуживаетъ ни уваженія, ни любви, потому что собственнымъ поведеніемъ мы оттолкнули отъ себя все хорошее, давъ мѣсто и отворивъ двери лишь плутамъ, подражателямъ да льстецамъ, превозносящимъ наши таланты!.. Ты кокетничаешь остроуміемъ, безъ разбора, повсюду гоняешься за нимъ. Красное словцо, ловкая фраза, въ книгѣ или въ чьихъ-нибудь устахъ, занимаютъ тебя и ты вставляешь ихъ при первомъ удобномъ случаѣ, не разсудивъ хорошенько, умѣстны ли они».

А сынъ отвѣчалъ матери высокомѣрными совѣтами, доказывающими, что онъ не высоко цѣнить какъ ея сердце, такъ и ея правительственныя способности. Среди окружавшихъ ее несчастій и противорѣчій, Марія-Терезія находила утѣшеніе въ религіи, завѣщанной ей предками, а Іосифъ гордился своей «философіей, освободившей его отъ всякихъ привязанностей», и едва сдерживалъ улыбку матеріалиста передъ энтузіазмомъ набожной старухи. Вскорѣ разладъ проникъ уже не въ одни религіозныя убѣжденія. Марія-Терезія писала сыну: «столь часто повторяемая свобода во всемъ скорѣе беспокоитъ меня, чѣмъ обнадеживаетъ». Она говоритъ, что теперь уже не можетъ назвать себя счастливою, потому что «никогда не согласится съ слишкомъ распущенными (*relâchés*) принципами въ религіи и нравственности»... «Ты слишкомъ явно,—продолжаетъ она,—обнаруживаешь антипатію ко всѣмъ старымъ обычаямъ и ко всему духовенству: это—слишкомъ свободные принципы нравственности и поведенія»... «Я должна сказать, къ своему величайшему прискорбію, что касательно религіи уже нечего больше портить, если только ты упорствуешь и думаешь объ этой всеобщей вѣротерпимости, выдавая ее за свой принципъ, отъ котораго ты никогда не отступишь. Я увѣрена, что—да, и не перестану молиться и просить молитвъ людей, болѣе меня достойныхъ, да сохранить тебя Богъ отъ этого несчастія, самаго страшнаго, какое только можетъ постигнуть монархію. Думая сохранить земледѣльцевъ (протестантъ-

скихъ) или даже привлекая ихъ, ты разоришь твое государство и будешь причиною гибели столькихъ дунгъ. Къ чему послужила бы тебѣ истинная религія, если ты ее такъ мало уважаешь и любишь, что не заботишься объ ея сохраненіи и распространеніи?» Здѣсь Марія-Терезія приводитъ въ примѣръ судьбу протестантскихъ земель и въ особенности негодуешь на «эту скверную (vilaine) Швейцарію»... «Гдѣ у нихъ,—спрашиваетъ она,—эти земледѣльцы, эти люди, безъ которыхъ немислимо счастье государства? Нѣтъ страны менѣе счастливой и болѣе отсталою въ этомъ отношеніи, какъ эти провинціи. Необходимы честность, непоколебимыя правила; а гдѣ вы ихъ найдете и какъ сохраните?»... «Безъ господствующей религіи! — Вѣротерпимость, индифференцизмъ! — вотъ истинныя средства все подорвать, чтобы не осталось камня на камнѣ: и мы попались бы прежде всѣхъ... Что можешь обуздать этихъ людей? Ни висѣлица, ни колесованіе,—ничто, кромѣ религіи. Или станемъ жестокими, *долгой друа челоучествоа!*» (kein Menschenfreund)—фраза, которую такъ часто употребляютъ, каждый въ своемъ смыслѣ. Я говорю лишь съ точки зрѣнія политики, а не какъ христіанка: нѣтъ ничего необходимѣе и спасительнѣе религіи. Или ты хочешь, чтобы каждый создалъ себѣ религію по своей фантазій? Безъ установленной обрядности, безъ подчиненія церкви, что будетъ съ нами? Не спокойствіе и довольство послѣдуютъ за этимъ, а *кулачное право* и другія несчастныя времена, которыя мы уже видѣли. Подобныя рѣчи съ твоей стороны могутъ причинить величайшее несчастіе и возложить на тебя отвѣтственность не за одну тысячу душъ; но суди, что должна выносить я отъ твоихъ ложныхъ принциповъ!.. Не нужно духа преслѣдованія, но еще хуже равнодушіе или вѣротерпимость,—вотъ чего я буду держаться, покуда живу. И я желаю лишь дожить до той минуты, когда мнѣ можно будетъ отойти къ предкамъ утѣшенной мыслью, что мой сынъ будетъ такъ же великъ, такъ же религіозенъ, какъ его предшественники, и откажется отъ ложныхъ умствованій, отъ дурныхъ книгъ, равно какъ и отъ тѣхъ, которые щеголяютъ блескомъ ума насчетъ всего, что есть самаго святого и почтеннаго, и хотятъ ввести воображаемую свободу, которой никогда не можетъ быть, которая ведетъ къ своеволію и къ полнѣйшему разрушенію»... «Ты думаешь, что я слишкомъ забочусь о томъ, что скажутъ. Въ теченіи первыхъ двадцати лѣтъ своего царствованія я доказала противное. Но ты уже слишкомъ пренебрегаешь этимъ. Ты знаешь ничего не хочешь, кромѣ своихъ идей и своей воли,—и не встрѣчая противорѣчій, владея словомъ и

перомъ, да вооружась безконечными софизмами и насмѣшками, ты по болѣеи части успѣваешь. Ободренный этимъ, ты воображаешь, что всѣ остальные ошибаются или не заслуживаютъ вниманія».

А Иосифъ все сильнѣе обнаруживалъ презрѣнiе къ матери, которая, въ его глазахъ, была лишена идей и воли, и негодовалъ на всѣ ея порядки. «Одними овладѣваетъ нетерпѣнiе, другiе интригуютъ,—жалуется онъ своему брату Леопольду,—эти сгѣснать, тѣ мѣшаютъ,—вотъ какъ относятся здѣсь къ дѣламъ! Императрицу смущаютъ, бранятся, поистинѣ, непристойными словами; когда дѣло рѣшено и даже обнародовано, его отмѣняютъ или передѣлываютъ». Иосифъ сѣтовалъ на нерѣшительность матери, которая «такъ долго тянетъ дѣло, что выйдетъ послѣ ужина горчица». Онъ то старался убѣждать ее, выводить изъ апатiи, то предпринималъ путешествiя и не разъ просилъ объ отставкѣ отъ соправительства. Иногда имъ овладѣвало отчаянiе: «клянусь вамъ, что я совсѣмъ убить,—писалъ онъ брату, весной 1772 года:—работы прибавляется каждый день, а никто ничего не дѣлаетъ... Пустые предлоги, интриги, игрушкою которыхъ я былъ такъ долго, останавливаютъ и задерживаютъ все, и покуда все пошло къ чорту... Мною овладѣла черная меланхолиа, у меня нѣтъ надежды на будущее, потому что всѣ дѣла приходить въ такой упадокъ, что нѣтъ возможности ни идти впередъ, ни даже питать надежду сдѣлать что-нибудь порядочное въ своей жизни. Прощай доброе мое имя и слава! Я противъ воли участвую въ этомъ разрушенiи, и мое патрiотическое сердце разрывается на части»... «Еслибы немного философи не поддерживало меня, было бы отчего сойти съ ума въ моемъ положенiи!» А поправлять дѣла, по его словамъ, «все равно, что мыть негра» или «выпить море».

Иосифъ, дѣйствительно, былъ мученикомъ идеи на тронѣ, и въ этомъ смыслѣ одною изъ самыхъ благородныхъ, честныхъ личностей въ исторiи. Онъ не понималъ полумѣръ, сдѣлокъ, и не писалъ «Азимаккиавелей» въ оправданiе своего маккиавелизма: по искренности убѣжденiя онъ гораздо выше Фридриха. Его юность протекла въ исканiи идеаловъ правды и добра: онъ безспорно былъ однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ и наиболѣе думавшихъ людей своего просвѣщеннаго времени. И до конца своей жизни Иосифъ любилъ собирать поученiя: онъ бесѣдовалъ съ массою людей всѣхъ званий, въ особенности же изъ низшихъ классовъ, и былъ первымъ послѣ Петра Великаго государемъ въ Европѣ, который много путешествовалъ дома и за-границей, съ

цѣлью самообразованія. Іосифъ называлъ «служеніе отечеству и монархіи своей единственной страстью» — и современники признавались, что Іосифъ держалъ въ своихъ рукахъ верховную власть «лишь для того, чтобы у другихъ не оставалось силы дѣлать зло». Каждый его правительственный шагъ свидѣтельствуетъ объ аскетической преданности идеѣ: его указы имѣютъ такое же психологическое значеніе, какъ и его переписка съ родными ¹⁾. Такова же была и обыденная жизнь Іосифа. Послѣ ранней смерти жены, онъ обрекъ себя на безбрачіе, и чисты были его отношенія къ кружку женщинъ, посѣщавшихъ его по вечерамъ: бесѣда съ ними была для него изящнымъ отдыхомъ, гдѣ на просторѣ проявлялся его даръ краснорѣчія и блескъ его остроумія. Іосифъ работалъ съ энтузіазмомъ, съ шести часовъ утра до ночи, подвергался лишеніямъ, спалъ на соломенномъ тюфякѣ и изумлялъ сибаритскую Вѣну плохую упряжью своихъ заморенныхъ лошадей. Къ Іосифу болѣе, чѣмъ къ сѣверной Семирамидѣ, подходитъ описаніе Фелицы, и справедливо его завѣщаніе: «чисты были мои намѣренія, и Европа оправдаетъ меня, если я имѣлъ несчастіе быть обманутымъ или не достигнуть исполненія моихъ желаній». Вся эта трудовая жизнь до самозабвенія была направлена къ одной цѣли. «Съ тѣхъ поръ, какъ я вступилъ на престолъ, — говоритъ Іосифъ, — философія поставлена законодательницей моею имперіи, и, согласно съ ея логикой, Австрія приняла другой видъ». Дѣйствительно, по дѣятельности Іосифа можно изучить всѣ принципы «просвѣщенія». Стоило видѣть, какъ пестрая толпа чуть свѣтъ осаждала двери его кабинета или разгуливала по аристократическому Пратеру, а мятежные крестьяне въ Трансильваніи были оправданы, какъ жертвы помѣщичьяго деспотизма, чтобы признать справедливымъ титулъ «вѣнчаннаго друга челоувѣчества», которымъ почтили его современники. Точно также правъ былъ Фридрихъ, воскликнувшій при извѣстіи о смерти своей соперницы: «Марія-Терезин нѣтъ больше на свѣтѣ — и начинается новый порядокъ вещей!» Іосифъ былъ весь — горячій, нервный протестъ, коренное отрицаніе. Онъ объявилъ старому порядку вещей смертельную борьбу, безъ мира и прошенія. Исчезъ окаменѣлый бытъ Габсбурговъ, съ его меланхолической обрядностью; пало «значеніе улемовъ», какъ называлъ Іосифъ напыщенныхъ царедворцевъ и коварныхъ іезуитовъ; была распу-

¹⁾ Весьма важны для характеристики Іосифа, кромѣ его переписки съ матерью, его письма къ Леопольду и Кауницу, въ концѣ 1780 и началѣ 1781 г. *Arneth: Joseph II und Leopold von Toscana. 1872. I, 1—17.* — *Beer: Jos. II, Leop. II und Kaunitz, 20—87.* — *Cf. Briefe von Joseph II. 1821.*

щена и «женская республика», или пышный и чопорный штатъ Маріи-Терезіи. По собственнымъ словамъ Іосифа, онъ такую не-терпѣливой рукой прикоснулся къ «разбитой машинѣ» австрійскаго правленія, что поднялся хаосъ, «способный смутить лучшую голову» ¹⁾. Это замѣчаніе относится особенно ко внутреннимъ дѣламъ, гдѣ иностранное вліяніе, лежащее внѣ воли государей, не стѣсняло приложенія новыхъ идей, а рутинѣ, тупоумію, казнокрадству, да деспотизмъ церкви и помѣщиковъ свили себѣ главное гнѣздо. Здѣсь-то проявилась вся страстность, вся энергія Іосифа. Чуть не каждый день съ высоты престола сыпались на Австрію преобразованія, одно рѣшительнѣе другого. Не были забыты даже такія житейскія мелочи, какъ празднованіе пасхи, звонъ колоколовъ, погребеніе мертвыхъ и т. д. Нашъ вѣнскій посланникъ, Голицынъ, постоянно снабжалъ свои депеши приложеніями, состоявшими изъ указовъ, «яко заслуживающихъ любопытства» ²⁾.

Но здѣсь же ясно обнаружился недостатокъ «просвѣщенія». Человѣчество, увлеченное негодованіемъ при видѣ внезапно озареннаго зла, спѣшило приговоромъ, не вглядываясь въ источники бѣдствій и не отдѣляя порока отъ его жертвъ. Оттого идеи «просвѣщенія» съ трудомъ проходили въ жизнь, а ихъ гуманность была суха, какъ проповѣдь доктринера. И Іосифъ отличался не столько выдержкой воли, сколько упрямствомъ мысли. Привязавшись къ предвзятой идеѣ, онъ не любилъ игры жизни, и ея противорѣчія оставляли въ его душѣ только чувство раздраженія и усталости. Каждое твердое слово не въ его духѣ казалось ему упрямствомъ невѣжества и порока. Мѣстные особенности народовъ Австріи были, въ его глазахъ, предразсудкомъ, а люди—ходячимъ коварствомъ и глупостью. Отойти отъ этого «призрака, исчезающаго въ глубинѣ ничтожества», уединиться на высотѣ философіи и все переломать «по ея логикѣ» — вотъ какъ понималъ Іосифъ задачу монарха честнаго и жаждущаго безсмертія! Не въ глубинѣ общества и народности, гдѣ коренятся силы прогресса, а въ облекающей ихъ формѣ видѣлъ онъ спасеніе: «Все принадлежитъ государству (*tout est à l'Etat*): въ этомъ словѣ все, и потому каждый долженъ содѣйствовать его требованіямъ» ³⁾—

¹⁾ *Arneth: Jos. II und Leopold I*, 8 sq.; cf. 20, 128 sq.—*Beer*, XXII.

²⁾ Любопытно, что при депешахъ Голицына, въ концѣ 1781 года, мы не нашли двухъ приложеній—именно манифестовъ Іосифа объ освобожденіи крестьянъ и о дешевой продажѣ имъ земель. Вмѣсто нихъ вложена бумажка съ надписью: „сѣмъ приложеній не возвращены изъ дворца“.

³⁾ *Arneth: Mar.-Ther. und Joseph. I*, 10 sq.

вотъ символъ вѣры Іосифа, и онъ съ торжествомъ восклицалъ, вступая на престолъ: «теперь верховныя права приобрѣли свою былую силу!» Съ неумолимымъ педантизмомъ проводилъ Іосифъ свою философію. «Лишь бы сдѣлать добро — говорилъ онъ, — а какъ — все равно!» Гнетущій, хотя и новаго закала, деспотизмъ налегъ на Австрію. Чиновники не знали что дѣлать: порывистый и неугомонный императоръ не давалъ имъ покоя, а между тѣмъ не довѣрялъ имъ и, самъ отдѣливая все до мелочей, пристращался къ формализму, къ бумагамъ и цифрѣ, къ приказамъ и указамъ. Онъ всюду вмѣшивался, спѣшилъ, горячился и уставалъ. Курьеръ за курьеромъ скакали по распатанной монархіи, одинъ отминая приказанія другого. Смущенные народы Австріи сторонились отъ непостижимой для нихъ преобразовательной суеты и роптали подъ гнетомъ централизованнаго деспотизма ¹⁾. Такъ разсыпались прахомъ благородныя усилія Іосифа, и имъ овладѣвали то усталость, то отчаяніе. Отсюда недоконченность многихъ начинаній, отважность замысловъ и робость исполненія. И человѣкъ, который въ частномъ быту служилъ бы украшеніемъ любого общества, долго оставался непонятъ потомкамъ, глумившимся надъ его непрактичностью, и былъ ненавидимъ подданными. Зарево кроваваго мятежа сопровождало его въ могилу, и его послѣдними словами былъ горькій упрекъ жизни за обманутыя надежды.

У Іосифа не было ни любимцевъ, ни помощниковъ: недостатокъ въ людяхъ былъ хронической болѣзнью габсбургской Австріи, да и Іосифъ былъ слишкомъ ревнивъ къ своему государскому дѣлу. Онъ рано началъ тяготиться вліяніемъ матери, и Марія-Терезія въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія принуждена была дѣлиться съ нимъ властью, особенно въ иностранныхъ дѣлахъ, въ которыхъ уже отражались его порывы. Въ описываемую же эпоху, со смертію Маріи-Терезіи, настало полное единодержавіе Іосифа. Касательно внутреннихъ дѣлъ въ этомъ никто не сомнѣвался; но современники думали сначала, что иностранная политика могла находиться только въ рукахъ Кауница.

Это тотъ князь Кауницъ-Ритбергъ, который смѣлъ грознымъ царемъ дипломатин во второй половинѣ прошлаго вѣка и сорокъ лѣтъ повелѣвалъ Австріей — изъ нихъ двадцать-пять почти безконтрольно. Онъ принадлежалъ къ древней моравской знати и,

¹⁾ Съ перваго же года единодержавнаго правленія Іосифа мы встрѣчаемъ въ дѣлахъ Голицына частія извѣщенія о ропотѣ въ разныхъ мѣстахъ Австріи на разлитыя пововеденія императора.

вслѣдствіе многихъ превратностей въ своей юности, обогатился массой различныхъ свѣдѣній и рѣдкимъ опытомъ. Кауницъ получилъ дома хорошее католическое воспитаніе, потому что его предназначали къ духовному званію, и онъ уже былъ зачисленъ въ мюнстерскій капитулъ. Но потомъ онъ попалъ въ университетъ въ Лейпцигъ и Лейденъ, гдѣ познакомился съ протестантской культурой, уже затронутой «просвѣщеніемъ». Новое направленіе съ неотразимой силой захватило юнаго аристократа въ свой водоворотъ, во время его путешествія по Франціи, Англіи и Италіи. Кауницъ сталъ настоящимъ французомъ и отчаяннымъ вольнодумцемъ. Вольтеръ былъ его любимымъ писателемъ, а Руссо даже исправлялъ у него въ Парижѣ должность секретаря. Кауницъ не выпускалъ изъ рукъ «Энциклопедіи» Дидро и д'Аламбера, и до старости съ живымъ интересомъ слѣдилъ за парижской сценой. Его роднымъ языкомъ сталъ французскій: по-нѣмцекъ онъ говорилъ лишь по нуждѣ, съ простонародьемъ, да и то заискивая, стѣсняясь. Даже по одеждѣ и манерамъ это былъ настоящій парижанинъ, и никто лучше его не умѣлъ устраивать придворныхъ развлеченій. Впрочемъ, только эта вѣщность да меценатство остались данью «бурнаго времени»: «просвѣщеніе» не могло глубоко преобразовать этого рожденнаго дипломата. Кауницъ рано добился политическаго поприща: двадцати-восьми лѣтъ онъ уже былъ посланникомъ на германскомъ сеймѣ, гдѣ проникъ въ тайны имперской формалистики. Потомъ занималъ важныя посольскіе посты. Но слава его началась съ заключеннаго имъ ахенскаго мира. Вскорѣ его назначили государственнымъ канцлеромъ, или главою иностранной политики въ Австріи; а съ 1756 года, когда явился его несокрушимый памятникъ — союзъ между заклятыми врагами, Габсбургами и Бурбонами, онъ сталъ свѣтеломъ европейской дипломатіи. Съ тѣхъ поръ, по выраженію Фридриха, въ Австріи настало «вице-визирство» Кауница. Замѣтивъ, что Европа считаетъ его дипломатическимъ чародѣемъ, Кауницъ призналъ себя гениемъ, сталъ заносчивъ и упрямъ, выказывалъ презрѣніе даже къ иностраннымъ державамъ. Онъ поставилъ своей цѣлью сдѣлать Австрію повелительницей вселенной, а самому царствовать въ ней. Уважая только такіе таланты, которые не затѣвали его, князь отстранилъ отъ Маріи-Терезіи соперниковъ и поселилъ при дворѣ убѣжденіе, что безъ него нельзя сдѣлать шагу нигдѣ — ни въ дѣлахъ, ни на балахъ. Императрица сама замѣчала, что въ его вѣдомствѣ «все рутина да добрая воля и ни одного добраго совѣта» ¹⁾; но она только сожалѣла о немъ, какъ о жертвѣ по-

¹⁾ *Arneth: Mar. Ther. u. Joseph. II, 382.*

головной бездарности. Она безгранично и непоколебимо вѣрила въ преданность и гениальность своего министра, и до того привыкла къ его совѣтамъ, что прибѣгала къ нимъ даже въ своихъ семейныхъ дѣлахъ. Въ иностранной же политикѣ Кауницъ былъ полнымъ господиномъ. Онъ отмѣнилъ вѣковой обычай обсуждать ее на конференціяхъ, въ присутствіи государя, и самъ писалъ и отправлялъ важнѣйшія депеши. Собственно говоря, до Кауница въ Австріи не было министерства иностранныхъ дѣлъ: онъ устроилъ его, вмѣстѣ съ государственнымъ архивомъ, подъ видомъ «фамильно-придворно-государственной канцеляріи». Чтобы быть совершенно независимымъ, Кауницъ завелъ въ своей канцеляріи тупоумныхъ, но ученыхъ публицистовъ и основалъ «восточную академію», служившую разсадникомъ дипломатическаго чиновничества. Очевидцы называли нулями даже всѣхъ другихъ министровъ: Кауницъ имѣлъ вліяніе и на внутреннія дѣла, потому что жизненная сила такихъ искусственныхъ державъ, какъ Австрія, заключается во внѣшнихъ обстоятельствахъ.

По сознанію всѣхъ дипломатовъ, Кауницъ дѣйствительно былъ головою выше окружающей среды. Руководимый честолюбіемъ высшаго разбора, онъ возвышался въ своей частной жизни надъ мелкими интересами. Живой и мѣткій умъ, самыя разностороннія свѣдѣнія, необыкновенно убѣдительная рѣчь, теплота и искренность въ обращеніи—все въ немъ производило неотразимое впечатлѣніе на современниковъ. Это былъ бесспорно замѣчательный государственный мужъ, но только австрійскій. Кауницъ—первообразъ Меттерниха, дипломатъ стараго закала. Онъ не любилъ внутреннихъ дѣлъ и мало понималъ ихъ. Его сферой была «большая политика», которая представлялась ему особымъ міромъ, несвязаннымъ съ силами и нуждами народа и зависящимъ только отъ таинственныхъ махинацій искусныхъ дипломатовъ. Здѣсь не требовалось творчества, новыхъ идей, на что не былъ способенъ Кауницъ. Здѣсь нужно было только обычное дипломатическое «искусство», т.-е. умѣнье провести людей или, выражаясь словами Фридриха, «крайне утонченная (*trou raffiné et quintessenciée*) вѣнская политика». Въ этой-то сферѣ Кауницъ былъ неподражаемъ. Образецъ лицемерія и коварства, онъ мастерски прикрывалъ свои замыслы непроницаемой тайной, и даже его канцелярія была нѣма, какъ могила. Подъ видомъ искренности, или, по выраженію нашего посланника, «благодарности и благоприличія» ¹⁾, онъ умѣлъ перессорить друзей, прельстить сво-

¹⁾ Соловьевъ: Исторія Россіи, XXIII, 227.

ихъ враговъ, заставить людей дѣйствовать вопреки ихъ собственнымъ интересамъ—словомъ, артистически играть въ древнюю «политику удобныхъ случаевъ» (*Convenienz-Politik*), еще не убитую «просвѣщеніемъ». Нельзя не восхищаться вѣнскою утонченностью князя, когда видишь, какъ онъ, съ «Энциклопедіей» въ рукахъ, аккуратно служить у себя на дому католическія обѣдни и вкрадывается въ душу къ набожной императрицѣ, или, подъ видомъ безкорыстія, отказывается отъ польскихъ земель, чтобы получить больше; не то выработываетъ мельчайшія подробности этикета въ инструкціи Іосифу, какъ принимать Павла Петровича и разговаривать съ Екатериной, или же проводить своего императора, сочувствуя его реформамъ и незамѣтно притупляя ихъ силу въ исполненіи.

Въ описываемое время Кауницу было подѣ семьдесятъ. Онъ жилъ совершеннымъ царькомъ и сталъ, по словамъ Фридриха, олицетворенной «надменностью и спѣсью австрійскаго министра». Онъ началъ оригинальничать: его чудачества славились по всей Европѣ, и къ числу ихъ должно отнести его вѣчныя жалобы на свои недуги, хотя онъ прожилъ 84 года и ни разу не хворалъ. Кауницъ говорилъ категорически и много, упиваясь собственнымъ краснорѣчіемъ: перебить его значило нанести ему жестокую обиду. Онъ съ трудомъ снисходилъ до выслушиванія своихъ сослуживцевъ и заставлялъ иностранныхъ посланниковъ тереться въ своей пріемной. Онъ даже оскорблялъ императрицу своими капризами, а къ императору относился, какъ къ шполюнику. Марія-Терезія была между двухъ огней: вступится ли она за сына—исчезаетъ канцлеръ, и нигдѣ не найдешь его; склонится ли она на сторону канцлера—сынъ дуется и осыпаетъ ее упреками по цѣлымъ днямъ. Впрочемъ, по смерти императрицы соперники помирились. Повидимому, императоръ подчинился своему маститому канцлеру. Онъ самъ заходилъ къ Кауницу, который не посѣщалъ дворца, и сгущевался среди сановниковъ, толпившихся за кресломъ Нестора дипломатовъ въ его бильярдной. А онъ пилъ свой послѣобѣденный чай и писалъ что-нибудь, не удостоивая гостей даже поклона. Іосифъ во многомъ почти рабски слушался ворчливаго старика, спрашивалъ у него, какъ вести тотъ или другой разговоръ, давалъ ему на просмотръ свои письма, пользуясь его отмѣтками карандашомъ. Но онъ дорожилъ совѣтами Кауница только тамъ, гдѣ требовалось знаніе дипломатической формальстики да дѣйствующихъ лицъ. Іосифъ самъ руководилъ иностранными дѣлами точно такъ же, какъ и внутренними. Хитрый старикъ понялъ свою роль. Онъ старательно облакалъ свои легкія

возраженія въ льстивыя формы и не отправлялъ ни одной депеши безъ вѣдома своего государя. Но главною причиною, почему правителямъ Австріи легко было жить въ ладу, было ихъ согласіе въ идеѣ иностранной политики ¹⁾.

Эта идея служить добавленіемъ къ характеристикѣ конца XVIII-го вѣка, когда перевороты и неожиданности встрѣчались повсюду. Тогда между Габсбургами и Гогенцоллернами произошла рѣдкая въ исторіи перемѣна ролей. Между тѣмъ какъ Фридрихъ сталъ завзятымъ консерваторомъ и миролюбомъ, Іосифъ оказался пылкимъ революціонеромъ и возмутителемъ европейскаго спокойствія. Слѣдуя механическому взгляду «просвѣщенія» на государственныя цѣли, а также примѣру юнаго Фрица, императоръ руководился въ своей иностранной политикѣ тѣмъ честолюбіемъ, которое Фридрихъ называлъ «жадностью къ расширенію границъ». Уже двадцатилѣтнимъ юношей онъ внушалъ матери «всегда думать о войнѣ» ²⁾.

Съ этой точки зрѣнія должно объяснять и нѣмецкую политику Іосифа. Юношей прислушивался Іосифъ къ урокамъ одного ученаго мужа въ Вѣнѣ, доказывавшаго, что избирательныя условія не должны стѣснять выгодъ австрійскаго дома. Потому онъ былъ окруженъ чиновниками, привыкшими прилагать эту теорію на практикѣ, и во главѣ ихъ стоялъ Кауницъ, этотъ ходячій габсбургскій интересъ со всѣми его мелочами и со всѣмъ механизмомъ интригъ, выработаннымъ вѣками. «Просвѣщеніе» внушило Іосифу сознательную ненависть къ уродливому памятнику старины, именуемому нѣмецкой имперіей. Впрочемъ, сначала неопытный императоръ мечталъ о благотѣльных преобразованіяхъ. Онъ взялся-было за исправленіе имперскихъ судилищъ и прибѣгнулъ къ законному средству — къ визитаціи (ревизіи), которая никогда еще не была обставлена такъ серьезно. Іосифъ не щадилъ средствъ и устроилъ большую комиссію изъ ученѣйшихъ правовѣдовъ Германіи. Но тотчасъ же оказалось, что даже имперскій придворный судъ (Reichshofrath), который помѣщался въ Вѣнѣ и состоялъ изъ императорскихъ чиновниковъ, былъ безнадежно испорченъ. Въ настоящемъ же имперскомъ судѣ (Reichs-

¹⁾ Для характеристики Кауница важнѣ всего его переписка съ Іосифомъ II и Леопольдомъ II, а также переписка Маріи-Терезіи съ сыномъ и сочиненія Фридриха II, (IV, 16; V, 159, 229; VI, 10, 29 sq.). Cf. *Dohm*, I, 72 sqq. — *Perthes*. *Politische Zustände und Personen in Deutschland zur Zeit der franz. Herrschaft. 1862—1869*. II, 45—50. Статья *Беера* въ *Historische Zeitschrift. Jubeljahr* (1872, I). — *Bauke*. *Die deutsch. Mächte*, I, 49 sq., 87.

²⁾ *Oeuvres de Frid.* VI, 45. — *Arneth*: *Mar.-Ther. u. Joseph*, I, II.

kammergericht) визитацію постигла еще болѣе печальная судьба. Двадцать-четыре ревизора огуломъ обсуждали всѣ мелочи, тогда же запутались, перессорились и послѣ девятилѣтней возни разошлись «со взаимнымъ ожесточеніемъ, не оправдавъ надеждъ Германіи». Мало того, распри въ комиссіи чуть не сгубили окончательно всего имперскаго устройства. Разогнавшій ее вопросъ, куда причислить голоса вестфальскихъ и франкскихъ графовъ — къ католической или протестантской Германіи, перешелъ въ сеймъ. «И черезъ это явился такой застой въ занятіяхъ сейма, что много лѣтъ не было вовсе засѣданій, и опасались, что это учрежденіе распадется точно такъ же, какъ комиссія» ¹⁾).

Послѣ подобныхъ опытовъ Іосифъ сталъ непримиримымъ врагомъ имперской конституціи и открыто поносилъ ее, какъ несправедливое зло, заслуживающее искорененія. «Мнѣ противны, отвратительны обязанности императора,—говорилъ онъ французскому посланнику:—тутъ при всемъ безпристрастіи пожинаешь одну только вражду партій. Особенно несносны релігіозныя препирательства. Стану я за какой-нибудь капуцинскій монастырь, видя его правоту,—протестанты говорятъ, что я хочу подавить ихъ релігію. Признаю справедливыя жалобы протестантовъ—всѣ попы и монахи кричатъ: «глава имперіи богоотступникъ!» ²⁾).

Съ тѣхъ поръ какъ Іосифъ сталъ пріобрѣтать вліяніе на австрійскія дѣла, открылась новая эпоха въ нѣмецкой политикѣ Габсбурговъ, и это было именно въ то время, когда произошелъ переворотъ и въ нѣмецкой политикѣ Гогенцоллерновъ. Между тѣмъ какъ Фридрихъ превращался въ защитника имперской конституціи и старался лестью и интригами загладить свои юныя прегрѣшенія передъ фюрстами, Іосифъ выступалъ открытымъ врагомъ имперскаго наряда. Съ каждымъ годомъ все яснѣе и яснѣе обнаруживалось его стремленіе разыграть роль юнаго Фрица и основать могущественное единодержавіе въ Германіи. И съ каждымъ годомъ падала популярность Габсбурговъ въ «отечествѣ», къ выгодѣ Гогенцоллерновъ. Фюрсты и безъ того не любили реформатора на императорскомъ тронѣ, нарушавшаго дремоту ихъ очарованнаго царства своею разрушительною философіей. Сверхъ того, безпристрастіе Іосифа нерѣдко оскорбляло не только курфюрстіанцевъ, но даже и цезаріанцевъ. Наконецъ, католики не годовали на него, какъ на открытаго врага папства и обрядности, а протестанты не могли довѣрять ему уже какъ атеисту,

¹⁾ *Dohm*, III, 7—17.

²⁾ Тамъ же, III, 15 sq.

которому ничего не стоило пожертвовать ими ради политическихъ интересовъ, всегда связанныхъ въ Вѣпѣ съ католицизмомъ. Мало-по-малу, Іосифъ становился въ глазахъ фюрстовъ «измѣнникомъ отечеству и его свободѣ». И Семилѣтняя война была, въ прошломъ вѣкѣ, послѣднимъ примѣромъ тѣсной связи между имперіей и императоромъ.

Впрочемъ, новая нѣмецкая политика Іосифа не сразу выяснилась. Ей предшествовали такіе опыты молодого императора въ иностранныхъ дѣлахъ, которые намекали на ближайшее будущее. Съ начала семидесятыхъ годовъ Европа замѣтила новую струю въ вѣнской политикѣ, противорѣчившую сдержанности и миролюбію Маріи-Терезіи. Очевидно, нити правленія уже ускользали изъ рукъ дряхлѣющей императрицы. Несмотря на всѣ ея увѣщанія и усилія, иностранная политика Австріи становилась задорной, наступательной, корыстолюбивой. Вотъ замѣчательное письмо Маріи-Терезіи къ сыну, характеризующее ихъ политическіе взгляды и писанное наканунѣ раздѣла Польши:

«Я слишкомъ встревожена нашимъ критическимъ положеніемъ и не могу еще разъ не представить его въ полномъ свѣтѣ, чтобы попытаться найти средство, если не хорошее, то по крайней мѣрѣ наименѣе дурное. Прежде всего намъ необходимо добиться мира съ обѣихъ сторонъ (отъ Россіи и Пруссіи); чѣмъ болѣе откладывать это дѣло, тѣмъ хуже будетъ наше положеніе. Теперь намъ уже нельзя повернуть на прежнюю дорогу, послѣ ложнаго пути, на который мы вступили съ ноября 1770 года... Слишкомъ угрожающій тонъ относительно русскихъ, наше таинственное поведеніе, какъ съ союзниками, такъ и съ противниками—все это произошло оттого, что мы поставили принципомъ всячески воспользоваться войной между Портой и Россіей, чтобы расширить наши границы и пріобрѣсти выгоды, о которыхъ мы не думали передъ войной. Хотѣли поступать по-прусски и въ то же время сохранить видъ честности. Увлечшись этой точкой зрѣнія, обманываются въ средствахъ и льстятъ себя надеждою въ одно время и сохранить видъ благопристойности, и достигнуть успѣха. Можетъ быть, я и ошибаюсь, можетъ быть, обстоятельства благопріятнѣе, чѣмъ мнѣ кажется; но еслибы даже они доставили намъ часть Валахіи и самый Бѣлградъ, я все-таки скажу, что это куплено слишкомъ дорогою цѣной чести и славы монархіи, а также нашей добросовѣстности и религіи. Со времени моего злополучнаго царствованія мы старались по крайней мѣрѣ поступать всегда искренно и справедливо, и быть добросовѣстными, умѣренными и вѣрными нашимъ обязательствамъ. Это стяжало

намъ довѣріе, смѣю сказать, даже удивленіе Европы, уваженіе и почтеніе отъ нашихъ враговъ; въ послѣдній годъ все это утрачено. Признаюсь, мнѣ тяжело выносить это, и ничто въ мірѣ не огорчало меня такъ, какъ утрата нашего добраго имени. Къ несчастію, я должна признаться передъ вами, что мы заслуживаемъ этого, и желаю, чтобы именно съ этой стороны приступили къ исправленію, отказавшись отъ дурного и пагубнаго принципа пользоваться смутами. Я желаю, чтобы разсудили, какъ бы поскорѣ выдти изъ этого несчастнаго положенія. И самое лучшее—думать не о своекорыстныхъ приобрѣтеніяхъ, а о восстановленіи нашего кредита, добраго имени и, насколько возможно, политическаго равновѣсія ¹⁾).

Послѣ этого, припомнивъ еще позднѣйшіе факты и вчитавшись въ переписку Іосифа съ родными, повѣришь Фридриху, который приписывалъ своему сопернику массу присоединительныхъ плановъ. Такъ, не говоря уже о Силезіи, Эльзасѣ и Лотарингіи, Іосифъ желалъ захватить Фріуль и Боснію, промѣнать Тоскану на Виртембергъ, воспользоваться Баваріей по прекращеніи въ ней дома Виттельсбаховъ ²⁾).

Окинувъ взоромъ изъ Вѣны сосѣднія земли, хищнику не трудно было замѣтить, что съ трехъ сторонъ лежали политическіе трупы, предназначенные судьбой къ погребенію: это—Османская Порта, Рѣчь-Посполитая и священная римско-нѣмецкая имперія. Іосифу хотѣлось начать съ первой, чтобы, по его собственнымъ словамъ, «положить себѣ въ карманъ Бѣлградъ и часть Босніи». И это желаніе было такъ горячо, что императоръ готовъ былъ изъ-за него воевать съ Россіей и даже заявлялъ это во время переговоровъ о раздѣлѣ Польши, въ которые вовлекъ его Фридрихъ. Но энергія и настойчивость прусскаго короля выдвинули на первый планъ польскій вопросъ, и Іосифъ долженъ былъ довольствоваться своей долей въ первомъ раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой. Впрочемъ, и здѣсь приходилось останавливать алчность императора, который потребовалъ-было Краковъ и почти цѣлую треть Рѣчи-Посполитой ³⁾. Екатерина посовѣтовала ему проникнуться такою мыслію: «три двора хотятъ внушить Европѣ благородную и величественную идею раздѣла Польши—именно, что они руководятся тутъ не столько жаждой приобрѣтенія, сколько

1) *Arneth: Mar. Ther. u. Joseph. I, 362 sq.*

2) Фридрихъ указывалъ даже карту захватовъ, предполагаемыхъ Іосифомъ по всѣмъ границамъ Австріи. *Oeuvres de Fréd., VI, 70, 123.*

3) *Arneth: Mar. Ther. u. Joseph. I, 322—346, 337; II, 40 sq.—Dolm, I, 463—504.—Депешы у Германа, V, 585 sq.*

широкими и политическими видами ¹⁾). Поставленный между двухъ женщинъ съ мужественными характерами, между Екатериной и Маріей-Терезіей, Іосифъ выходилъ изъ себя. Онъ писалъ своему брату, въ 1775 году: «невозможно вразумить республику (Польшу), въ особенности потому, что русскіе не хотятъ дѣйствовать заодно съ нами, а прусскій король прячется то за того, то за другого, чтобы обмануть всѣхъ и достигнуть своихъ цѣлей, сваливъ съ себя всю ихъ гнусность; мы же слишкомъ вялы, слишкомъ добры, слишкомъ горды, а порой слишкомъ трусливы. Въ концѣ-концовъ все это мнѣ не нравится ²⁾». Впрочемъ, Іосифъ суждалъ-таки, не безъ выгоды для себя, затянутаго размежеваніе отнятыхъ у Польши земель до 1777 года. Екатерина не удалось отстоять ни соляныхъ копей Бохни и Величка, ни важной столицы Галиціи, и Австрія получила лучшую долю въ раздѣлѣ Рѣчи-Посполитой.

Мало того. Въ одно время съ расширеніемъ австрійскихъ границъ насчетъ Польши, Іосифъ успѣлъ хотя отчасти осуществить свой турецкій планъ. Еще передъ окончаніемъ первой войны Россіи съ Портой онъ выравнивалъ свои границы на лѣвомъ берегу Дуная, «включая сюда и этотъ домишко (*petite bissoque*)—старую Орсову ³⁾». А въ 1777 году Іосифъ захватилъ молдавскую область, Буковину, не позаботившись даже извѣстить объ этомъ петербургскій и берлинскій дворы. Екатерина возстала—было, потребовавъ содѣйствія Пруссіи; но Фридрихъ, боявшійся войны, какъ огня, далъ замѣтить, что не считаетъ важнымъ столь далекаго отъ его границъ дѣла.

Послѣ Польши и Турціи, Іосифъ обратилъ серьезное вниманіе на округленіе своихъ границъ въ германскомъ отечествѣ. Онъ началъ съ Баваріи.

Баварскій вопросъ всегда игралъ видную роль въ судьбахъ Германіи. Счастливыя естественныя условія, важное географическое положеніе, плотность и однородность древняго населенія—все придавало Баваріи первостепенное значеніе, когда еще не было ни Австріи, ни Пруссіи. Она гордо боролась съ императорами, въ ряду которыхъ встрѣчались и потомки ея могучихъ племенныхъ герцоговъ. Первоначально казалось даже, что она можетъ стать объединительною силой въ Германіи. И въ избран-

¹⁾ *Arnetz*: Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. 1869, p. 1—4.

²⁾ *Arnetz*: *Mag. Ther. u. Jos. II*, 54.

³⁾ Тамъ же, II, 8.

ную нами эпоху, Баварія, несмотря на свое крайнее паденіе, была первою, послѣ Австріи и Пруссіи, державой въ Германіи, обладаніе которой рѣшало судьбу нѣмцевъ въ габсбургскомъ или гогенцоллернскомъ смыслѣ. Въ Баваріи царствовалъ, съ половины XII вѣка, домъ Виттельсбаховъ, которому Фридрихъ II Гогенштауфенъ пожаловалъ еще Рейнскій Пфальцъ, или Палатинатъ. Но онъ вскорѣ распался на двѣ линіи — баварскую, которой также принадлежалъ Верхній Пфальцъ (земли между Майномъ и Дунаемъ), — и пфальцскую. Этотъ раздѣлъ былъ утвержденъ (1329 г.) семейнымъ договоромъ въ Павіи, который постановилъ также, что всѣ земли Виттельсбаховъ считаются ихъ общою собственностью и при вымираніи одной линіи соединяются въ рукавахъ другой, курфюрстское же достоинство переходитъ то къ той, то къ другой линіи, смотря по тому, гдѣ представитель старше ¹⁾. Павійскій договоръ постоянно считался основнымъ закономъ въ домѣ Виттельсбаховъ, пустившемъ въ XV вѣкѣ третью вѣтвь — пфальцграфовъ цвейбрюкенскихъ.

Помня свое блестящее прошлое, баварскіе Виттельсбахи не довольствовались ролью курфюрстовъ. Они, подобно Габсбургамъ, ненавидѣли имперскую конституцію и старались интригами на сеймѣ и за границей то приобрѣсти императорскую корону, то округлить свои границы до Богеміи и Нидерландовъ. Они вступали въ союзъ то съ католиками, то съ протестантами; сегодня воевали на сторонѣ французовъ съ Габсбургами, завтра роднились съ послѣдними; продавали то Версалю, то Вѣнѣ своихъ солдатъ и свои голоса на сеймѣ. Такимъ образомъ, по своей эгоистической, коварной политикѣ Виттельсбахи были тѣ же Габсбурги, которыхъ они напоминали еще своимъ характеромъ и внутреннимъ управленіемъ. Они сдѣлали изъ Баваріи вторую Австрію — страну столь же фанатическую, лишенную развитія и чуждую національнымъ стремленіямъ. Виттельсбахи сами подорвали свою будущность. Кидааясь изъ стороны въ сторону, но не выходя изъ круга мелкихъ интригъ, они обнищали, утратили нравственное достоинство и даже способность распоряжаться собственной судьбой, которую въ прошломъ вѣкѣ устраивали за нихъ другіе. Описываемое время составляетъ самую позорную страницу въ незавидной исторіи Баваріи. Оно называется «эпохой денежныхъ договоровъ» (Zeit der Subsidienveträge). Тогда, по сло-

¹⁾ Со времени вестфальскаго мира, когда было создано восьмое курфюршество для Верхняго Пфальца или Баваріи, обѣ линіи Виттельсбаховъ стали курфюрстскими.

вамъ австрійскаго посланника, «въ Мюнхенѣ было принципомъ, котораго вовсе не скрывали — отовсюду набирать побольше денегъ». Курфюрстъ Максимилианъ-Іосифъ сначала получалъ деньги отъ Франціи, чтобы бороться съ Австріей, потомъ отъ Голландіи для войны съ Франціей. Года два спустя онъ продалъ Австріи свое войско, еще стоявшее въ Голландіи, по 24 гульдена за душу. Еще два года спустя, онъ перепродалъ эту армію на шесть лѣтъ опять Голландіи и Англіи для войны съ Франціей, а по прошествіи этого времени заключилъ новый денежный договоръ съ Версалемъ.

И въ этой-то Баваріи угасалъ домъ Виттельсбаховъ, такъ какъ у Максимилиана-Іосифа не было потомства. Слѣдовательно, въ описываемое время здѣсь были всѣ условія для прельщенія завоевателей.

Постоянно, въ теченіи вѣковъ, Габсбурги мечтали о рѣшеніи участи Германіи посредствомъ Баваріи, а въ XVIII-мъ вѣкѣ они даже дважды овладѣвали ею (во время войнъ за испанское и за австрійское наслѣдство), и только вмѣшательство Европы да энергія Фридриха II снова вырвали ее у нихъ изъ рукъ. У Іосифа эта мечта разрослась въ руководящій принципъ, которымъ онъ надѣялся стяжать себѣ славу и отомстить Фридриху за Силезію. Онъ справедливо называлъ свой баварскій планъ «единственнымъ средствомъ унижить со временемъ могущество Пруссіи». Баварія, связывавшая Австрію съ ея Нидерландами, казалась ему тѣмъ болѣе необходимою, что именно тогда Пруссія собиралась врѣзаться своими владѣніями въ глубину Германіи, захвативши Аншпахъ и Байрѣтъ. И Іосифъ не сомнѣвался въ возможности органическаго сліянія двухъ земель: характеръ народа и правительства, строй общества, религія, направленіе умовъ — все родило Австрію съ Баваріей, и нигдѣ въ Германіи прусскій элементъ не былъ такъ ненавистенъ, какъ въ Мюнхенѣ.

Только турецкія да польскія дѣла, связанныя съ опасностями со стороны Россіи и Пруссіи, отвлекали вниманіе Іосифа отъ его завѣтной мечты. Но еще не было окончено размежеваніе польской добычи, какъ онъ уже выдвинулъ роковой для Габсбурговъ баварскій планъ. Іосифъ думалъ легко покончить дѣло при помощи такого ничтожнаго Виттельсбаха, какъ Максимилианъ-Іосифъ. Сначала онъ испробовалъ обыкновенное австрійское средство — женился на его сестрѣ, но она вскорѣ умерла бездѣтною. Затѣмъ начались тайные переговоры между императоромъ и курфюрстомъ баварскимъ. Но тогда вышли, наконецъ, изъ собственной Виттельсбахамъ апатіи другіе члены этого дома, именно

двое наслѣдниковъ Максимилиана-Іосифа — старшій послѣ него представитель фамиліи, также бездѣтный, Карлъ-Теодоръ, курфюрстъ пфальцскій, и его наслѣдникъ, герцогъ Карлъ цвейбрюкенскій.

Впрочемъ, инициатива принадлежала тутъ не этимъ ничтожнымъ представителямъ вымирающаго рода, а мужественной женщинѣ, свояченицѣ Карла-Теодора, баварской герцогинѣ Климентъ. Такъ называлась по мужу вдова одного принца побочной баварской линіи, женщина умная, энергическая, но крайне честолюбивая и большая интригантка. Она постоянно желала играть политическую роль и ради популярности не жалѣла средствъ. При ничтожныхъ правителяхъ Баваріи вокругъ нея собирались столпы падающаго государства, и къ ней обращались подданные съ просьбами. Герцогиня Климентъ до того ненавидѣла Іосифа, что ея дворецъ, бывшій оплотомъ старины и фанатизма въ Баваріи, служилъ въ то же время пріютомъ прусскихъ друзей, или «патріотовъ». Фридрихъ старался пользоваться слабой струной герцогини и разжигалъ ея патріотическое честолюбіе. «Ахъ, отчего вы не курфюрстъ!—писалъ онъ ей.—Мы не были бы свидѣтелями тѣхъ поворныхъ событій, за которыя всякій порядочный нѣмецъ долженъ краснѣть до ушей».

Благодаря усиліямъ герцогини Климентъ, представители разныхъ линій Виттельсбахскаго дома заключили между собою тайныя условія о соблюденіи павійскаго договора. А между тѣмъ Іосифъ готовилъ войска у баварской границы: герцогиня Климентъ и не подозрѣвала, что Карлъ-Теодоръ, прельщенный денежными обѣщаніями императора, обязался уступить ему Баварію въ то самое время, какъ подписывалъ свои семейные договоры. Въ эту самую минуту, наканунѣ 1778 года, внезапно умеръ, отъ невѣжества врача, Максимилианъ-Іосифъ, и тотчасъ же Карлъ-Теодоръ облекся въ вѣнскій орденъ Золотого Руна, а австрійцы вторглись въ Баварію, которую императоръ объявлялъ «вакантнымъ и секвестрованнымъ леномъ имперіи». Запуганный и Іосифомъ, и австрійскими слухами о сочувствіи между Вѣной и Версалемъ, Карлъ цвейбрюкенскій послѣдовалъ примѣру своего пфальцскаго родственника. Но его всемогущій министръ, Гофенфельсъ, былъ «патріотъ». Онъ тайно свидѣлся въ Мюнхенѣ, въ загородномъ дворцѣ герцогини Климентъ, съ агентомъ Фридриха II, Герцомъ. Этимъ людямъ удалось, съ одной стороны, устроить шумныя народныя демонстраціи, грозившія Карлу-Теодору возстаніемъ, если онъ откажется отъ Баваріи, съ другой — запугать и прельстить герцога Карла. Послѣдній вдругъ

завключилъ договоръ съ Пруссіей, по которому Фридрихъ обязался «всѣми своими силами защищать права пфальцскаго дома на Баварію», и даже выступилъ на сеймѣ съ формальнымъ требованіемъ о защитѣ этихъ правъ всѣми чинами имперіи. Въ то же время Герцбергъ началъ писать искусныя бумаги, повергая на судъ всей Европы беззаконіе Іосифа, а принцъ Генрихъ быстро поставилъ войска на походную ногу.

Передъ смущенной Европой воскресъ герой Россобаха, Лейтена и Цорндорфа, «этотъ, по словамъ Маріи-Терезіи, ужасный и бѣшеный Фрицъ». Фридрихъ видѣлъ, какъ долго Австрія готовилась къ войнѣ изъ-за Баваріи и какъ легко ему было теперь помрачить славу своей юности: онъ самъ называлъ тогда Австрію «такою грозной державой, какою она не была никогда, даже и при Карлѣ V» ¹⁾. Но онъ понялъ, что и безъ войны Пруссія погибла, если Габсбургъ овладѣетъ Баваріей. Мучительно было сознаніе, что пропали даромъ пятнадцатилѣтнія усилія избѣжать кровопролитія; но у Фридриха хватило мужества принять эту неизбежную чашу.

Весной 1778 года разразилась вдвойнѣ знаменитая война за баварское наслѣдство. Съ одной стороны, никогда еще ненависть между соперниками не достигала такихъ размѣровъ. Кауницъ открыто говорилъ тогда: «императорскій дворъ не можетъ терпѣть прусской державы; чтобы намъ господствовать, нужно ее раздавить». А Фридрихъ писалъ своему брату: «каждый пруссакъ долженъ запечатлѣть эти заповѣдныя слова (*parolees sentimentales*) въ своемъ сердцѣ, чтобы намъ не убаюкивать себя вредною мыслію о нашей безопасности. Несомнѣнно, что австрійскій домъ долго будетъ заставлять государей этой страны бить волноушенными нервами: иначе они погибли» ²⁾. И никогда еще судьба Германіи не ставилась до такой степени на одну карту, никогда еще нѣмцы не выставляли такихъ большихъ и готовыхъ къ бою армій. Съ другой же стороны, никогда еще не было такой безкровной войны, и ее справедливо называютъ то «картофельною войною», то «вооруженными переговорами». Эти переговоры, естественно, были окончены иностранными державами, и во главѣ ихъ Россіей, которая показала тогда въ необычномъ блескѣ на горизонтѣ нѣмецкой политики.

Съ этого момента исторія германскаго вопроса уже становится непонятною безъ объясненія нѣмецкой политики Россіи.

¹⁾ *Oeuvres de Frédéric*. VI, 127.

²⁾ Тамъ же, XXVI, 391.

III.

РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ ДО ЕКАТЕРИНЫ II.

«Система сѣверныхъ державъ».—Связи между Москвой и Вѣной до Романовыхъ.—Двое первыхъ Романовыхъ и Германія.—Новая задача въ нѣмецкой политикѣ Россіи.—Петръ I и Фридрихъ I прусскій.—Петръ I и Фридрихъ-Вильгельмъ I.—Перемѣна въ австрійской политикѣ, и императоръ Карлъ VI.—«Новая система въ Германіи» Петра Великаго.—Возстановленіе старой политики въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ.—Идея прусской политики.—Анна Іоанновна и Карлъ VI.—Значеніе Фридриха II во внѣшней политикѣ Пруссіи.—Переворотъ въ европейской политикѣ.—Взглядъ западныхъ и русскихъ дипломатовъ на Фридриха II.—Анна Леопольдовна и Фридрихъ II.—Отношеніе Елисаветы Петровны и ея министровъ къ Пруссіи.—Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.—Петръ III и Фридрихъ II.—Появленіе Екатерины II.

Россія, Австрія и Пруссія такъ тѣсно связаны между собой уже своимъ географическимъ положеніемъ, что ихъ называютъ «системой сѣверныхъ державъ» — терминъ, который не утратилъ своего значенія до нашихъ дней. Ихъ политическіе интересы, сгруппированные въ вопросахъ восточномъ, польскомъ и шведскомъ, всегда такъ переплетались между собой, что всякое потрясеніе въ одной изъ этихъ державъ тотчасъ же отражалось въ остальныхъ.

Оживленныя и обширныя сношенія съ Западомъ въ началѣ русской исторіи, прерванныя почти на три вѣка монгольщиной, возобновились тотчасъ же послѣ сверженія татарскаго ига, но уже ограничивались одною Австріей. У Вѣны и у Москвы были общіе враги — Польша съ Литвой и Турція съ Крымомъ ¹⁾. Дружескія отношенія между этими державами, начавшіяся въ 1489 году, сохранялись болѣе двухъ съ половиною вѣковъ, прерываясь весьма рѣдко, да и то не надолго. Оборонительный союзъ между Иваномъ III и императоромъ Фридрихомъ III былъ подтвержденъ ихъ преемниками (Василіемъ III и Максимилианомъ I), а между Иваномъ Грознымъ и Максимилианомъ II существовала полная дружба. Максимилианъ заговаривалъ даже о раздѣлѣ Польши и обѣщалъ доставить царю «все царство греческое, восточное» ²⁾. При ихъ преемникахъ связи между Москвой и Австріей закрѣпились еще болѣе. Царь Федоръ помогалъ импе-

¹⁾ Свидѣтельства нашего архива мы заимствовали изъ V—XXV томовъ „Исторіи Россіи“ Соловьева.

²⁾ Трачевскій: Польское беззоролевіе по прекращеніи династіи Ягеллоновъ. 1869. Стр. 185.

ратору Рудольфу II непосредственно и прислалъ ему такую со-
болую казну, что вѣнскіе эксперты отказались назначить ей цѣну.
А другъ фанатика Рудольфа, папа, внушалъ Ѳеодору, что «Ви-
зантія наследственное достояніе московскихъ царей». Вслѣдъ за-
тѣмъ, въ эпоху самозванцевъ, въ Вѣнѣ возникала даже мысль
соединить Россію съ Австріей, посадивъ на московскій престолъ
родственника нѣмецкаго императора.

Съ воцареніемъ Романовыхъ впервые начали колебаться
обычныя отношенія между Россіей и Германіей. Габсбурги, съ
свойственнымъ имъ династическимъ тщеславіемъ, презрительно
взглянули на царя, по выбору занявшаго распатанный престолъ
государства, истощеннаго смутами. Къ тому же, увлекаясь като-
лической реакціей временъ Тридцатилѣтней войны, они вступили
въ дружбу и родство съ Польшей, что вызвало сближеніе между
Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и Густавомъ-Адольфомъ. Впрочемъ,
уже при Алексѣѣ Михайловичѣ старыя преданія, случайно на-
рушенныя послѣднею вспышкой фанатизма въ Европѣ, взяли
верхъ какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Москвѣ. Швеція, для которой
настала тогда блестящая эпоха, была въ сущности не другомъ,
а врагомъ Россіи, и даже гораздо болѣе опаснымъ, чѣмъ Польша.
Оттого-то образовался союзъ между Россіей, Польшей и Австріей,
сначала противъ Швеціи, а потомъ противъ Порты—и Европа
впервые принудила турокъ къ невыгодному миру (1699).

Съ наступленіемъ XVIII-го вѣка открывается новая эпоха въ
исторіи отношеній между Россіей и Германіей, которыя стаю-
вятся серьезнѣе, сложнѣе. Съ одной стороны, геній Петра I въ-
высилъ Россію на степень европейской державы, и притомъ за-
мѣстницы грозной Швеціи; съ другой—появилась новая нѣмец-
кая держава, и также съ европейскимъ значеніемъ—прусское
королевство. Россіи предстояла небывалая задача—опредѣлить
свои отношенія къ раздвоившейся Германіи.

Особенно трудно было установить отношенія къ Пруссіи,
какъ къ новой державѣ, лишенной международныхъ преданій; а
между тѣмъ они были тогда наиболѣе важны для Россіи, такъ
какъ Пруссія лежала на перепутьѣ между Даніей и Польшей,
этими союзницами Петра I въ борьбѣ съ Швеціей. Задача на-
шей дипломатіи была тѣмъ болѣе затруднительна, что прусскій
престолъ занималъ тогда Фридрихъ I. Въ характерѣ этого осно-
вателя дипломатическихъ преданій Берлина отражалось тревож-
ное положеніе государства юнаго, не по силамъ честолюбиваго
и окруженнаго могущественными сосѣдями. Онъ былъ лукавъ,
изворотливъ и непостояненъ. Онъ вѣчно гонялся за «удобными

случаями» (Eventualitäten) и носился съ безчисленными планами увеличения Пруссіи, о которыхъ готовъ былъ договариваться съ кѣмъ угодно; когда, въ 1712 году, Меншиковъ велъ переговоры въ Берлинѣ, на сосѣдней дачѣ былъ спрятанъ шведскій дипломатъ. Душой политика Фридриха, его «великимъ замысломъ» (grosses Dessen) было «рѣзченіе» (démembrement) или «раздѣлъ» (partage) Польши, чего онъ хотѣлъ достигнуть однако мирнымъ путемъ, посредствомъ строгаго нейтралитета въ сѣверной войнѣ, поддержаннаго хорошею арміею ¹⁾. Но, хотя, по выраженію современнаго прусскаго исторіографа, Фридрихъ и «свилъ Ариаднину нить въ хаосѣ восточныхъ дѣлъ», однако достигъ только того, что самъ запутался въ этомъ лабиринтѣ. Какъ ни старался онъ склонить Петра къ своему замыслу, угрожая даже, въ противномъ случаѣ, «не гарантировать ему морского ванта» ²⁾, тотъ упорно отказывался. Это окончательно поселило вражду между двумя юными державами. Фридрихъ началъ внушать на Западѣ, что необходимо остановить «обширные и великіе замыслы (die vasten und grossen Dessen) восточнаго варвара», «удерживать его внѣ Европы, мѣшать ему въ обученіи войска»: иначе «русская держава вскорѣ приобрѣтетъ такую же извѣстность въ Германіи, какою пользовалась передъ тѣмъ Швеція» ³⁾.

Политика Фридриха I должна была утвердить старыя связи между Россіей и Австріей, тѣмъ болѣе, что Петръ не былъ свободенъ отъ политическихъ преданій: Германія естественно представлялась ему въ видѣ могущественнаго императора, а не ничтожнаго курфюрста бранденбургскаго. Петръ всячески старался добиться прочнаго союза съ Австріей, чтобы получить отъ нея помощь противъ турокъ и шведовъ, а также запугать Пруссію, которая уже начинала внушать серьезныя опасенія въ Вѣнѣ. Но Австрія рѣшилась нарушить свою традиціонную политику, раздѣляя всеобщій страхъ передъ Петромъ, уже напоминавшимъ Западу «Филиппа Македонскаго»: въ Вѣнѣ уже поговаривали о будущемъ нападеніи царя на Европу «скенскимъ подобіемъ», и о необходимости препятствовать развитію Россіи.

Столь недалековидная политика Австріи подготовила временную дружбу между Россіей и Пруссіей, при сынѣ Фридриха I. Цѣльная, искренняя натура, Фридрихъ-Вильгельмъ I благоговѣлъ

¹⁾ Ranke: Genesis des preussischen Staates. 1874, p. 447, 481 sq.

²⁾ *Seckante*—такъ назывались въ прусской дипломатіи того времени берега отъ Нарвы до Мемеля.

³⁾ *Droyen*, IV Th., I Abth., 177 sqq.; IV Th., IV, Abth., 284—290; IV Th., II Abth., 161, 198.—*Соловьевъ*, XV, 360.

передъ Петромъ I, какъ передъ величайшимъ человекомъ своего времени, «и гордился» правомъ называть его своимъ «дражайшимъ, единымъ, прямымъ другомъ». Сверхъ того, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ убѣжденъ, что только «сдѣлаясь за царя, какъ репейникъ (Klette)», онъ можетъ «получить значеніе» и снискать «великую честь—быть единственнымъ фюрстомъ, который не пресмыкается передъ императоромъ». Оттого-то онъ говорилъ врагамъ Россіи: «я не вижу никакой себѣ опасности отъ царя и преимущественно желаю, чтобы силы его особенно увеличились». Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ даже, что «не только всѣмъ своимъ имѣніемъ, но и кровью будетъ служить царю»—и сдержалъ слово. Пруссія первая признала императорскій титулъ Петра. Когда самъ польскій король, Августъ II, предложилъ въ Берлинѣ раздѣлъ Польши, Фридрихъ-Вильгельмъ, которому очень нравились этотъ планъ, тотчасъ же извѣстилъ о немъ Петра и отказался отъ него, когда получилъ отвѣтъ, что это «противно Богу, совѣсти и вѣрности». Когда настойчивость министровъ, слѣдовавшихъ политикѣ Фридриха I, привела въ союзу Пруссіи съ враждебной намъ Англіей, Фридрихъ-Вильгельмъ измучился и заболѣлъ. «Мной руководилъ злой духъ—писалъ онъ тогда:—теперь мы погибли!... Пусть же Богъ проститъ мнѣ, но я разыграю странную роль!... Я не буду исполнять трактата... Я стану мошенникомъ, шпиономъ, но раскрою плутни (fourberies) англичанъ и императора... Англійскій трактатъ—моя смерть... И если я потеряю царя черезъ него, то мои министры заплатятъ мнѣ за это своими головами». Наконецъ, Фридрихъ-Вильгельмъ написалъ извинительное письмо Петру, горячо заявивъ: «накажи меня Богъ, если я сдѣлаю что-нибудь противъ царя!» И когда умеръ Петръ, Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ своимъ министрамъ, на вопросъ, какой требуется трауръ: «такой, какъ еслибы я самъ умеръ». Узнавъ, что англійскіе купцы публично пили «за здоровье умершаго дьявола», онъ воскликнулъ: «мошенники!» (die Schurken) ¹⁾.

Совсѣмъ не такъ поступала Австрія. По словамъ одного нѣмецкаго дипломата, тогда уже было замѣтно, что «возрастающее могущество москвитовъ колетъ глаза имперцамъ» ²⁾. Напрасно Петръ снова употреблялъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ императора, и осторожно, «искусно» защищать въ Вѣнѣ

¹⁾ Droysen. VI Th., II Abth., 226, 266—277, 363.

²⁾ „Es ist wohl zu spüren, dass die anwachsende übergrosse Macht der Moskowiter den Kaiserlichen ein Dorn im Auge ist“. Тамъ же, 313.

Фридриха-Вильгельма I, «чтобы отнюдь не подать подозрѣнія, будто мы намѣрены сильно заступаться за него»; напрасно даже царевичъ Алексѣй женился на сестрѣ нѣмецкой императрицы. Вѣвскіе дипломаты дѣлали всякія непріятности Россіи и отравляли жизнь нашего посланника, Матѣева. Особенно ухудшились отношенія между двумя державами съ воцаренія Карла VI. Этотъ императоръ, раздѣляя идеи Евгенія Савойскаго и надѣясь убить, вмѣстѣ съ Россіей, и опасную Пруссію, старался составить европейскій союзъ съ участіемъ даже турокъ и фюрстовъ, съ цѣлью «выгнать русскихъ изъ Мекленбурга и Польши и принять мѣры, чтобы они никогда не появлялись въ Германіи и въ Рѣчи-Посполитой». Онъ укрывалъ бѣжавшаго отъ ярости отца царевича и оскорблялъ русскихъ резидентовъ и купцовъ въ Австріи, а его агентъ въ Петербургѣ грубилъ самому царю. Незадолго до окончанія сѣверной войны едва не вспыхнула русско-австрійская война, и Карлу VI уже казалось, что «москвиты» въ его владѣніяхъ и что въ нимъ пристаётъ «волнующаяся чернь», или «сербы греческой вѣры», какъ называли славянъ въ Австріи. А когда Петръ увѣдомилъ Австрію о своемъ императорскомъ достоинствѣ, Карлъ прислалъ ему грамоты съ старымъ титуломъ.

Такимъ образомъ, Петру I пришлось рѣшить и эту великую задачу въ исторіи Россіи — постановку вопроса о нашихъ отношеніяхъ къ раздвоенной Германіи. И здѣсь идея, руководившая имъ, стала національнымъ преданіемъ, примѣромъ, на который ссылались потомки. Она формулирована Остерманомъ такъ: «царь хочетъ основать *новую систему* въ Германіи, черезъ что держать въ почтеніи тѣ державы, которыя хотятъ всѣмъ предписывать законы». Петръ хотѣлъ приобрести вліяніе въ Германіи и сдѣлать эту страну орудіемъ русскихъ интересовъ въ Европѣ. Тогда уже говорили, указывая на Мекленбургъ и Голштинію, что «онъ поставилъ ногу въ сѣверную Германію», а Фридрихъ-Вильгельмъ утверждалъ, что «прежде равновѣсіе Европы находилось въ рукахъ австрійскаго и бургонскаго домовъ, а отнынѣ еще въ рукахъ Россіи». И современный прусскій историографъ замѣчаетъ: «съ тѣхъ поръ Россія стала такимъ факторомъ въ прусской политикѣ, который послѣдняя должна была брать въ расчетъ болѣе чѣмъ какой-либо другой» ¹⁾.

Петръ хотѣлъ провести свою систему посредствомъ Австріи, и только ея недалекость склонила его на сторону Пруссіи.

¹⁾ Droysen, IV Th., II Abth., 152, 320; IV Th., III Abth., 338.

Впрочемъ, уже въ концѣ его царствованія вѣнскій дворъ, образумленный успѣхами турокъ, началъ понимать свою ошибку. Онъ сталъ заговаривать о союзѣ съ Россіей, который и былъ заключенъ при Екатеринѣ I и подтвержденъ при племянницѣ австрійской императрицы, Петрѣ II. Тогда самъ Евгенийъ Савойскій заговорилъ уже совсѣмъ другимъ языкомъ. «Англія,—доказывалъ онъ,—старается отгѣснить Россію отъ европейскихъ дѣлъ, Австрія же старается ввести ее въ эти дѣла».

Возстановленію дружбы между Россіей и Австріей способствовала также политика Пруссіи.

Поведеніе Фридриха-Вильгельма лучше всего доказываетъ затруднительность положенія такихъ государствъ, какъ Пруссія. Уже при жизни своего «дражайшаго друга» этотъ прямодушный король принужденъ былъ съ горестію, называя себя «ходячей печалью», продолжать политику своего отца. А тотчасъ по смерти Петра она выяснилась даже больше, чѣмъ при Фридрихѣ I. Идеей Фридриха-Вильгельма были «честь и увеличеніе своего дома». Честь состояла въ томъ, чтобы «не изображать собой фигуру князька (principino), какового-нибудь Циппелъ-Цербстскаго». Увеличеніе Пруссіи означало присоединеніе Юлиха, Берга и Остфрисландіи на западѣ, и если не Курляндіи, то западной Пруссіи на востокѣ. Отсюда вытекало «вѣчное и неизмѣнное правило бранденбургскаго дома» — не допускать превращенія польской республики въ сильную наслѣдственную монархію. Это правило было лишь мелкимъ колесомъ въ механизмѣ политическихъ средствъ Фридриха-Вильгельма I. На первомъ планѣ стояло устройство войска, достойнаго великой державы и готоваго къ бою — и въ Пруссіи возникла стотысячная армія, съ опытными вождями, которыхъ король посылалъ служить всюду, гдѣ только загоралась война; а подлѣ этой арміи явилось до тридцати прекрасныхъ крѣпостей, набитые запасами пейхгаузенъ и полная казна. Но Фридрихъ-Вильгельмъ отнюдь не желалъ пользоваться «гордымъ преимуществомъ инициативы» — и даровалъ своей странѣ двадцатипятилѣтній миръ, чтобы она собиралась съ силами. Его оружіемъ былъ не пылъ, а изворотливая дипломатія Фридриха I. «Дьявольски стой на сторожѣ (verteufelt Schildwache stehe)»; «веди себя таинственно, терпѣливо, не унижаясь и не возвышая тона, а между тѣмъ подталкивай время плечомъ». «Будь замкнутъ и выдержи»; «тише ѣдешь, дальше будешь» («*va rïapo, va sapo*» и «*schiprotieren*»); «не склоняйся ни на чью сторону»; «не связывай себѣ рукъ» — вотъ собственные слова Фридриха-Вильгельма. И относительно приобрѣтеній онъ счи-

такъ нужнымъ довольствоваться малымъ, брать по клочкамъ. Получивъ только часть Берга, онъ говорилъ: «ничего, я первый ставлю ногу въ Бергъ, а мой сынъ получитъ Аггеръ и Лизьеръ (сосѣднія земли), сынъ же моего сына — Дюссельдорфъ, и такъ далѣе, пока Господь не лишитъ нашего дома сыновей».

Слѣдствіемъ этой политики было всеобщее недовѣріе къ Пруссіи и ея уединенное положеніе. При видѣ ея свѣжихъ войскъ, въ истощенной войнами Европѣ слагалось убѣжденіе, что «необходимо обрѣзать крылья» этой «страшной и всѣмъ вредной» державѣ. И уже пруссакъ становился, подобно калмыку и казаку, героемъ рассказовъ, приводившихъ въ содроганіе. «Мы, — говорили берлинскіе министры, — носимся въ неизвестности, лишенные системы, друзей и помощи».

Особенно ясны слѣдствія этой политики въ отношеніи Россіи и Австріи. Фридрихъ-Вильгельмъ старался «дружить» съ ними, но «не связывая себѣ рукъ», показывалъ видъ, что ищетъ союза съ ними и тайно переговаривался съ ихъ врагами. И вотъ, Россія съ Австріей начали поворачивать на традиціонный путь въ нѣмецкой политикѣ. Но тогда испуганный Фридрихъ-Вильгельмъ самъ пошелъ по этому пути и, къ изумленію Европы, при Петрѣ II всѣ соперники были въ союзѣ между собою, такъ что налаживалась великая система «сѣверныхъ» державъ противъ южныхъ. Но черезъ нѣсколько лѣтъ, когда возникла борьба за польскій престолъ, Фридрихъ-Вильгельмъ снова приступилъ къ своимъ дипломатическимъ маневрамъ: онъ принялъ «другія мѣры» (andere Mesuren), надѣясь, такимъ образомъ, «сыграть великую роль», т.-е. получить ни больше, ни меньше какъ Курляндію. «Мой интересъ, — заговорилъ онъ, — имѣть могущественныхъ друзей, а не могущественныхъ сосѣдей... Чрезмѣрное увеличеніе Россіи производитъ впечатлѣніе... Уже противъ царя возбуждается такая же ревность, какъ прежде противъ Людовика XIV. И дѣйствительно, сосѣдство царя въ Курляндіи и Лифляндіи невыносимо для насъ: оно даетъ возможность ему и его потомству всегда препятствовать нашимъ будущимъ замысламъ, и нашъ тылъ всегда будетъ не обезпеченъ». Состоялся союзъ между Берлиномъ и Версалемъ, и французскій флотъ явился въ Балтикѣ.

Понятно, что и въ Петербургѣ, при Аннѣ Іоанновнѣ, пришли къ убѣжденію, что «могущество Пруссіи безпокоитъ другіе дворы, которымъ пріятно было бы видѣть нѣкоторое уменьшеніе его». И напрасно послѣ этого Фридрихъ-Вильгельмъ искалъ помощи у Россіи противъ императора Карла VI, ненависть къ которому

стала цѣлью его послѣднихъ дней. Отвѣтомъ Анны Іоанновны было появленіе русскаго корпуса въ Германіи, съ цѣлью помочь Карлу VI противъ Франціи, выѣзжавшейся въ вопросъ о польскомъ престолонаслѣдіи. Вслѣдъ затѣмъ Австрія должна была отплатить Россіи за эту услугу—именно поддержать ее въ войнѣ съ Турціей, хотя эта помощь и оказалась нашимъ бѣдствіемъ. Между тѣмъ, Минихъ уже собирался идти въ Константинополь, опираясь на свои побѣды и на призывъ турецкихъ христіанъ. Австрійцы, армія которыхъ опозорилась передъ всей Европой, сначала, по замѣчанію Порты, потребовали отъ турокъ «вдвое болѣе земель, чѣмъ русскіе», а потомъ вдругъ замрились. Анна Іоанновна принуждена была также остановить свои побѣдоносныя войска, ничего не получивъ за большія жертвы. Карлъ VI, который ожидалъ тогда возстанія столицы, подстрекаемой іезуитами противъ его протестантскихъ генераловъ, боялся еще мести русской императрицы и надѣялся только на ея «правосудное сердце». Но этотъ, по его выраженію, «злосчастный случай» не нарушилъ дружбы между Петербургомъ и Вѣной. Анна Іоанновна даже выдала свою племянницу, Анну Леопольдовну, замужъ за племянника австрійской императрицы и обязалась защищать прагматическую санкцію Карла VI ¹⁾).

Въ 1740 году разомъ сошли съ исторической сцены всѣ представители системы сѣверныхъ державъ — Анна Іоанновна, Карлъ VI и Фридрихъ-Вильгельмъ I. Политическій интересъ сосредоточился на новомъ прусскомъ королѣ, и не потому только, что это была выдающаяся личность Фридриха II. Идея прусской политики уже достаточно выяснилась къ тому времени, особенно въ концѣ царствованія Фридриха-Вильгельма I, когда цѣлая «кадриль» ²⁾ европейскихъ державъ потерпѣла дипломатическое пораженіе отъ Пруссіи. Европа знала, что Фридрихъ II, подобно Ганнибалу, получилъ въ наслѣдство не только готовую армію и казну, но и ту жгучую ненависть къ Габсбургамъ, которая была задачей всей жизни Фридриха-Вильгельма ³⁾. Послѣдній передъ смертью «со слезами ярости на глазахъ» воскликнулъ, указывая на сына: «вотъ кто отмститъ за меня!»

¹⁾ *Droysen*, IV Th., II Abth., 314; IV Th., III Abth., 211—427.

²⁾ *Quadrilleurs*—такъ называлъ Фридрихъ-Вильгельмъ четыре державы—Австрію, Францію, Англію и Голландію, подавшія ему коллективную ноту о Юникъ, которую онъ гордо отвергъ.

³⁾ Любопытная записка Ильгена доказываетъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ уже въ началѣ своего царствованія ненавидѣлъ Австрію. *Droysen*, IV Th., IV Abth. 310—317.

Теперь уже можно признать точнымъ выводомъ, что Фридрихъ II не внесъ во внѣшнюю политику Пруссіи новой идеи. Онъ противоположенъ ей основателямъ только по своей отвѣтѣ и «снороватости», какъ говорили наши дипломаты того времени. Въ этомъ-то смыслѣ онъ былъ душой оппозиціи своему отцу, которая роптала: «мы всегда опаздываемъ и только дѣлаемъ гримасы!» По его собственнымъ словамъ, онъ «уже давно» негодовалъ на «летаргію», несогласную съ «ужасомъ, наводимымъ прусскимъ оружіемъ», и мечталъ «всеми мѣрами смирить гордость и презрѣніе этого повелительнаго габсбургскаго дома». Въ этомъ же смыслѣ правъ Фридрихъ, извѣстивъ Вольтера, по вступленіи своемъ на престолъ, что «настала пора полнаго измѣненія старой политической системы» ¹⁾.

Фридрихъ выдвинулъ германскій вопросъ на первый планъ въ европейской политикѣ, поставивъ его на практическую почву. Это былъ міровой вопросъ, какъ доказало участіе почти всѣхъ державъ въ борьбѣ Фридриха съ Маріей-Терезіей. Оттого въ европейской политикѣ совершился переворотъ. Рухнули вѣковыя преданія съ пресловутой идеей политическаго равновѣсія. Проявилась непостижимая перестановка въ системѣ державъ, которую только въ наше время выяснила наука. Заповѣдная вражда между Бурбонами и Габсбургами смѣнилась дружбой и союзомъ, а Англія, которая наканунѣ сражалась противъ Пруссіи, одна стала за Фридриха, ибо, пользуясь привилегіей островнаго положенія, она одна не боялась его.

Россія, введенная Петромъ въ европейскую систему, не могла оставаться равнодушной зрительницей всеобщаго политическаго переворота: она рисковала бы своею будущностью, еслибы предоставила судьбѣ ходъ дѣлъ на Западѣ, въ особенности же въ сосѣдней Германіи. Россіи не трудно было сдѣлать выборъ въ нѣмецкомъ междоусобіи. Вѣковыя связи, поддержанныя авторитетомъ Петра Великаго, соединяли ее съ Австріей, и онѣ основывались не на династическихъ расчетахъ, а на общности политическихъ интересовъ. Сверхъ того, Фридрихъ сразу прослылъ всемірнымъ завоевателемъ. На Западѣ только и было толковъ, что о «близкой гибели, угрожающей не только многимъ князьямъ нѣмецкой имперіи, но и всѣмъ сосѣдямъ, которыхъ прусскій король поглощаетъ одного за другимъ». А наши посланники, въ особенности же берлинскій, твердили, что Фридрихъ обладаетъ

¹⁾ *Droysen*, IV Th., III Abth., 279—287, 324.—*Oeuvres de Frédéric*, XVIII, 20; XXII, 49.

«конкерантными правомъ», «умѣть затѣвать и запыраться, играть договорами, по своему принципу ничего не считается святымъ и ненарушимымъ». Они доказывали, что онъ «нагѣренъ привести Россію въ прежнія границы» и что если не остановить его, то нарушится, «славная система Петра Великаго и произойдутъ несчастія, и конечное потеряніе Лифляндіи и прочія опасности». По ихъ словамъ, Фридрихъ, вступивъ въ союзъ съ Франціей, ничего не боялся ¹⁾ и чувствовалъ себя «такъ безопаснымъ со стороны Россіи, какъ младенецъ во чревѣ матери». Думая, что легко ослѣпить русскихъ министровъ «дождемъ Данаевъ» и разогнать «калмыковъ и казаковъ» ничтожнымъ отрядомъ, онъ не придавалъ значенія Россіи и даже употребилъ въ сношеніяхъ съ нею грубый, презрительный тонъ. «Мы всего менѣе могли заслужить это, — жаловались въ Петербургъ, — ибо дружба Россіи была очень полезна бранденбургскому дому: безъ похвалы можно бы сказать, что Россія не мало способствовала нынѣшней силѣ и значенію королевско-прусскаго двора». И всѣ наши дипломаты, даже личные враги между собой, сходились во мнѣніи, что Берлинъ опаснѣе для Россіи, чѣмъ Парижъ, Варшава и Стокгольмъ, «по близости сосѣдства и великой ея умножаемой силѣ ²⁾».

Этотъ взглядъ былъ усвоенъ нашимъ правительствомъ, послѣ десятилѣтняго перерыва, когда, при Аннѣ Леопольдовнѣ, вѣснмоушій Минихъ, вопреки желаніямъ правительницы и Остермана, устроилъ оборонительный союзъ съ своимъ кумиромъ, Фридрихомъ. Впрочемъ, при этомъ союзѣ Россія вовсе не отказывалась отъ своихъ обязательствъ относительно Австріи: она объявила, что ея интересы «повелительно требуютъ, чтобы Силезія осталась за Австріей». А черезъ два мѣсяца, когда палъ Минихъ, Фридрихъ уже негодовалъ на «страшную измѣну Россіи» ³⁾, заключившей союзъ съ Англіей противъ него. Но скоро его утѣшило паденіе Анны Леопольдовны. Такъ какъ оно произошло при участіи его союзницы, Франціи, то онъ считалъ его такимъ же знакомъ «покровительства судьбы», какъ смерть Анны Іоанновны. Но это была одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыми вообще отличались сужденія о Россіи этого проницательнаго политика. Русскій престолъ заняла дочь Петра Великаго, который

¹⁾ Это видно также изъ блестящей картины европейской политики, набросанной Фридрихомъ передъ вступленіемъ на престолъ, подъ именемъ *Considérations sur l'état présent du corps politique de l'Europe. Oeuvres de Frédéric, VIII.*

²⁾ *Соловьевъ*, т. XXI.—*Droysen*, V, 149.

³⁾ *Droysen*, V, 227.

«руководилась національнымъ интересомъ», выражаясь словами известнаго нѣмецкаго историка ¹⁾).

Нѣмецкая политика Елисаветы замѣчательна по своей энергичности, постоянству и ясно сознаваемой цѣли, а также по оживленности и единодушію, которыя Европа не привыкла встрѣчать въ русскихъ министрахъ. Сама Елисавета была личнымъ врагомъ Маріи-Терезіи, этой «голой королевы», которая желала ея гибели, какъ родственница Анны Леопольдовны. Личные интересы канцлера Бестужева также склонялись на сторону Берлина ²⁾. А между тѣмъ Елисавета двинула войска противъ Фридриха, которыя были остановлены только быстрымъ заключеніемъ аленскаго мира; канцлеръ же ея объявилъ Маріи-Терезіи, что онъ «австрійскій министръ при русскомъ дворѣ». Затѣмъ, въ Петербургѣ только и думали, что о смертельной борьбѣ съ Пруссіей. Императрица, вопреки дипломатическимъ обычаямъ, открыто высказывала свою ненависть къ Берлину, и этимъ духомъ проникся даже извѣстный пруссофилъ и врагъ Бестужева, Воронцовъ. Наканунѣ Семилѣтней войны, Россія была душой оппозиціи противъ Фридриха,—и Австріи приходилось удерживать ее отъ слишкомъ поспѣшнаго объявленія войны ³⁾. Въ Петербургѣ было рѣшено двинуть всѣ силы и не слагать оружія, пока не произойдетъ нѣкотораго раздѣла Пруссіи ⁴⁾. Елисавета объявила, что готова для этой цѣли идти «до послѣдняго солдата и рубля» и «продать половину своего платья и брильянтовъ». И во время Семилѣтней войны она не разъ воодушевляла своей пылкостью и упорствомъ падавшую духомъ Францію и даже Австрію. Елисавета не обращала вниманія на земельныя вознагражденія ⁵⁾, и все твердила, что Россія бьется за «вольность и безопасность Германіи», за то, «чтобы отворить себѣ въ европейскія, а особливо имперскія дѣла путь и ближайшую инфлюенцію» ⁶⁾.

Смерть Елисаветы спасла Фридриха. Петръ III, про котораго Финкенштейнъ говорилъ, что онъ «былъ рожденъ, кажется,

¹⁾ *Ranke: Der Ursprung des Siebenjährigen Krieges. 1871, p. 127.*

²⁾ *Arneht: Geschichte Maria-Theresias. 1875. V, 42.—Oeuvres de Fréd., IV, 19, 38.*

³⁾ *Arneht, V, примѣч. 66, 70, 88.—Beer въ Hist. Zeitschrift Jubel (1872, II).—Herrmann, V, 237 sq.—Oeuvres de Fréd., IV, 70.—Соловьевъ, XXIII, 281; XXIV, 7—42.*

⁴⁾ Этотъ планъ раздѣла Пруссіи до того устранилъ Даниѣ, что весной 1760 г. на еѣда не заключила союза съ Фридрихомъ, съ цѣлью остановить успѣхи Россіи. *Correspondance entre le comte Bernstorff et le duc de Choiseul. 1871.*

⁵⁾ Вѣнскій архивъ еще лучше свидѣтельствуетъ объ этомъ, чѣмъ нашъ. Ср. *Соловьевъ, XXIV, и Arneht, V, 67 sqq. и примѣч. 90, 91, 93.*

⁶⁾ *Соловьевъ, XXIV, 389; XXV, 71.*

для счастья Пруссіи» и «служилъ ей, какъ ея министр»¹⁾, болѣе всего опасался лишиться званія прусскаго полковника. Онъ заявилъ Фридриху «готовность, по его приказанію, поднять все свое царство и воевать съ самимъ адомъ», и заключилъ съ нимъ союзный договоръ, обезпечивавшій за Пруссіей всѣ новыя владѣнія. Въ угоду своему кумиру, Петръ III едва не вступилъ въ дружбу съ Турціей и желалъ поднять ее противъ Австріи. Сподвижники Елисаветы съ трудомъ удержали его отъ «компрометтированія Россіи», указавъ на «вѣчный трактатъ съ Австріей противъ Порты».

Когда вступила на престолъ Екатерина II, радость Маріи-Терезіи и Кауница была безгранична²⁾, и ихъ надежды тотчасъ же оправдались: ихъ петербургскій посланникъ прислалъ манифестъ о воцареніи новой императрицы, въ которомъ Пруссія была названа «злѣйшимъ врагомъ Россіи»³⁾. Но уже въ 1764 году Европа была поражена восьмилѣтнимъ союзомъ Россіи съ Пруссіей, который былъ возобновленъ, въ 1772 году, на прежнихъ основаніяхъ. Впрочемъ, никто не сомнѣвался въ одномъ, а именно, что то, что у Петра III объяснялось личнымъ расположеніемъ, у Екатерины II имѣло раціональныя основанія.

А. ТРАЧЕВСКІЙ.

¹⁾ Тамъ же, XXV, 188. Кауницъ характеризовалъ политику Петра III весьма сильнымъ выраженіемъ.—*Arneth*, VI, 383.

²⁾ Марія-Терезія Екатеринѣ, у *Ариста*, VI, примѣч. 552.

³⁾ Въ XXV томѣ „Исторіи Россіи“, *Осмоловска*, мы не встрѣтили этой фразы при изложеніи манифеста. Но въ ней нельзя сомнѣваться, такъ какъ о ней свидѣлствуютъ иностранныя архивы (*Arneth*, VI, 380;—*Herrmann*, V, 317;—*Beor*: Die erste Theilung Polens, 1873, I, 28). На нее же указывалъ тогда и нашъ посланникъ въ Константинополь, Обрѣзовъ, какъ видно изъ 228 стр. XXV-го тома „Исторіи Россіи“ (ср. еще стр. 183 и 225).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1876.

Церковно-политическій вопросъ.—Отчетъ оберъ-прокурора синода за 1874 г.—О. Ключаревъ о свободѣ совѣсти.—Семинаристы въ университетѣ.—Вопросъ о государственномъ экзаменѣ и академикѣ Безобразовѣ.—Роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія, по указанію «Московскихъ Вѣдомостей».

„Изъ одиннадцати послѣднихъ засѣданій прусской палаты депутатовъ, наконецъ одно состоялось безъ Kulturkampfа“,—такъ начинала въ истекшемъ мѣсяцѣ дневной парламентскій отчетъ „Кёльнская газета“... Сверхъ Kulturkampfа, то-есть собственно борьбы прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ, прусская палата депутатовъ ревностно занималась въ послѣднее же время вопросомъ о синодальномъ устройствѣ евангелической церкви..... Въ Англіи вопросъ объ отношеніяхъ государства къ ирландскому католическому духовенству былъ одной изъ причинъ паденія правительства Гладстона, и этотъ замѣчательнѣйшій изъ современныхъ политическихъ людей Великобританіи съ тѣхъ поръ посвятилъ свой трудъ и свое время на полемику противъ папства въ брошюрахъ, которыя недавно собраны въ одну книгу о „Римѣ“..... Въ Австріи, въ прошломъ мѣсяцѣ, тирольскій сеймъ былъ закрытъ вслѣдствіе жаркихъ нападеній большинства на допускаемое правительствомъ уравненіе протестантовъ и постройку ими церквей съ башнями и колоколами, вмѣсто скромныхъ молельнъ. Въ то время какъ католическое меньшинство въ германскомъ и прусскомъ сеймахъ возстаетъ противъ стѣсненія, во имя свободы и равенства, католическое большинство въ сеймѣ тирольскомъ не хочетъ допущенія свободы и возстаетъ противъ равенства, во имя сохраненія „единства вѣры“..... Тотъ же принципъ „единства вѣры“, выражаемый именно этими же словами, какъ навѣстно, является основнымъ вопросомъ въ политической жизни Испаніи..... Во Франціи вопросъ о „свободѣ высшаго обученія“, то-есть о допущеніи соперничества въ этой сферѣ духовенства съ ге-

сударствомъ, былъ однимъ изъ замѣтнѣйшихъ при происходившихъ недавно выборахъ и составляетъ одинъ изъ главныхъ вопросовъ, упомянутыхъ въ политической программѣ новаго министерства..... Въ Бельгіи вся политика сводится къ борьбѣ анти-клерикаловъ съ клерикалами; церковный вопросъ до того проникаетъ въ сферы общественной жизни въ этой странѣ, что когда, въ прошломъ мѣсяцѣ, обнаружилось громадное расхищеніе въ брюссельскомъ банкѣ, первый вопросъ, которымъ занялись газеты, былъ не вопросъ о помощи банку, но о томъ, къ какой вѣрѣ, то-есть къ какой партіи принадлежитъ похититель: клерикальныя газеты прославили его либераломъ и свободнымъ мыслителемъ, а газеты либеральныя доказали, что онъ воспитывался у іезуитовъ и за какое-то пожертвованіе получилъ благословеніе изъ Рима, въ которомъ свидѣтельствовалось объ его набожности.....

Мы могли бы продолжать этотъ перечень, ограничиваясь самыми новѣйшими фактами; могли бы выйти изъ границъ Европы и обратиться къ послѣднему посланію, которымъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ открылъ сессію конгресса; къ борьбѣ партій въ государствахъ Америки южной, гдѣ церковный вопросъ лежитъ въ глубинѣ всѣхъ перемѣнъ, потрясеній и переворотовъ,—но достаточно сократить всѣ подобныя ссылки въ одинъ выводъ, а именно, что церковно-политическій вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви, приобрѣлъ нынѣ въ образованномъ мірѣ такое значеніе, которому никто не прѣдугадывалъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ.....

Означаетъ ли это, вообще говоря, что въ новомъ періодѣ произошла реакція противъ либеральныхъ началъ, завѣщанныхъ концомъ прошлаго вѣка текущему столѣтію? Нѣтъ. Слѣдуетъ признать наоборотъ—хотя это съ первыхъ словъ можетъ показаться парадоксомъ—что именно достигнутые пока успѣхи въ осуществленіи этихъ принциповъ, освобожденіе народныхъ массъ и допущеніе ихъ къ участию въ политической жизни,—заставили церковный вопросъ вновь всплыть на поверхность политическаго водоворота. Фанатизмъ въ такъ-называемыхъ „культурныхъ слояхъ“ давно отжилъ. Если въ нихъ являются и нынѣ ревностные защитники политическаго вліянія церкви, то они—вовсе не искренніе фанатики; они смотрятъ на силу и авторитетъ церкви такъ, какъ смотрѣлъ на нее первый Наполеонъ: вліяніе церкви въ ихъ истинныхъ помыслахъ лишь средство къ „обузданію массъ“; церковь имъ представляется въ одной категоріи понятій съ преобладаніемъ „немногихъ“, съ той привилегією, которая нынѣ уже сохраняетъ одно только основаніе—инициативу. Въ религіи они видятъ главнымъ образомъ охрану для собственности. Такое, въ сущности совершенно постороннее вѣрѣ, воз-

зрѣніе напоминаетъ наклонность плантаторовъ Каролинъ и Луизианы къ католицизму, въ которомъ они усматривали оправданіе, освященіе и опору для рабовладѣнія.

Въ расчетѣ своемъ такіе, въ сущности, воцунствующіе политики правы настолько, насколько истинное религіозное чувство продолжаетъ составлять важный—въ иныхъ странахъ важнѣйшій—нравственный элементъ народныхъ массъ. Но изъ этого же, несомнѣннаго факта слѣдуетъ, что, по мѣрѣ осуществленія либеральныхъ политическихъ началъ, по мѣрѣ освобожденія массъ отъ сословныхъ привилегій меньшинства, по мѣрѣ допущенія ихъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ и въ жизни политической, религіозное чувство и истекающая изъ него преданность церкви должны были явиться въ политикѣ реальной силою.

Возьмемъ примѣръ, наименѣе благопріятный для нашего вывода—примѣръ такъ-называемаго Kulturkampf'a въ Пруссіи. Вопросъ здѣсь далеко не такъ ясенъ, какъ въ Тироли и Испаніи, гдѣ массы пользуются своими политическими правами прямо для поддержанія авторитета церкви. Но и здѣсь, въ Пруссіи, правительство самымъ своимъ стремленіемъ къ подчиненію своей власти католической церкви доказываетъ, какую реальную силу оно сознаетъ за нею въ массѣ; съ другой же стороны, правительство никогда не пошло бы въ этой борьбѣ такъ далеко и не держалось бы въ ней такъ твердо, еслибы не нашло для ней опоры въ религіозномъ же, но протестантскомъ чувствѣ бѣльшей части населенія. Однимъ словомъ, церковный вопросъ, вопросъ объ отношеніяхъ государства къ церкви, несмотря на ослабленіе истиннаго религіознаго чувства въ высшихъ классахъ, сдѣлался снова однимъ изъ первостепенныхъ политическихъ вопросовъ съ тѣхъ поръ, какъ доступъ къ участию въ дѣлахъ и даже ко власти получили избиратели такихъ слоевъ, въ которыхъ держится искреннее, горячее и слѣпое религіозное чувство.

У насъ привыкли думать, что нѣчто похожее на Kulturkampfъ въ Россіи невозможно и въ будущемъ; что полное подчиненіе церкви государству, осуществленное Петромъ I, окончательно устранило такую возможность. И дѣйствительно, если мы будемъ понимать Kulturkampfъ въ томъ специальномъ смыслѣ, какой придается ему нынѣ въ Пруссіи, то для него у насъ нѣтъ повода, потому что церковь не пользуется независимостью отъ государства. Но если мы будемъ разумѣть здѣсь возможность столкновеній между частями населенія по поводу церковнаго вопроса, подъ вліяніемъ религіознаго чувства, то очевидно, что чѣмъ болѣе государственною останется наша церковь, тѣмъ возможнѣе и даже неизбежнѣе въ будущемъ Россіи появленіе церковно-политическаго вопроса, съ его спорами и

волненіями. Нельзя не признавать, что у насъ есть условія, которыя могутъ придать ему, въ будущности, даже болѣе рѣзкости и страстности, чѣмъ онъ имѣетъ на Западѣ.

Правда, православная іерархія не заражена тѣмъ стремленіемъ къ властолюбію, и не имѣетъ той безпокойной, неутомимой дѣятельности, которая свойственна іерархіи католической, сама подчинена государству, а не стремится, подобно той, подчинить государство себѣ. Но за то у насъ нѣтъ и повода для такихъ стремленій духовенства—уже потому, что государство въ свою очередь у насъ въ дѣйствительности подчинено церковнымъ воззрѣніямъ, и значительно болѣе, чѣмъ заходятъ на этомъ пути самыя крайнія требованія западнаго католицизма, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Ни одинъ изъ германскихъ, французскихъ, австрійскихъ и даже испанскихъ епископовъ не рѣшится требовать въ настоящее время, чтобы отпаденіе отъ католичества было преслѣдуемо какъ уголовное преступленіе, чтобы установлены были законы о святотатствѣ и богохульствѣ, чтобы гражданскій законъ обязывалъ гражданъ къ ежегодному принятію таинствъ, чтобы государство строило на свой счетъ ежегодно по 130 церквей, какъ у насъ въ 1872 году. Совершенно правда, что у насъ церкви, находясь въ полномъ и добровольномъ подчиненіи государству, не могутъ стремиться къ подчиненію его себѣ. Но собственно говоря, къ чему же тутъ и возможно было бы еще стремиться при такомъ полномъ подчиненіи государства церковнымъ воззрѣніямъ?

Но, оставивъ въ сторонѣ собственно положеніе и стремленія духовенства, обратимся къ тѣмъ даннымъ для возникновенія церковно-политическаго вопроса, какія имѣются у насъ въ самомъ населеніи, въ тѣхъ массахъ, которыя одушевлены горячимъ религіознымъ чувствомъ. Посмотримъ, благоприятнѣ ли въ этомъ отношеніи положеніе Россіи, чѣмъ положеніе Запада. Существенное различіе нинѣ представляется здѣсь въ особенностяхъ нашего государственнаго склада. Вліянія на ходъ государственныхъ дѣлъ у насъ эти массы не имѣютъ, а стало быть, религіозное чувство населеній, разбѣдненныхъ исповѣданіями, не могло еще вызвать церковно-политическаго вопроса. Но вѣдь естественный, неудержимый ходъ вещей таковъ, что вліянію массъ, хотя бы только нравственному, суждено постепенно возрастать. Уже теперь въ Россіи не только осуществилось освобожденіе массъ отъ сословныхъ привилегій меньшинства, но и нѣкоторое участіе ихъ въ дѣлахъ общественныхъ, хотя бы въ скромной сферѣ земства. И такое участіе, вліяніе ихъ непремѣнно будетъ съ теченіемъ времени возрастать—сначала въ мѣстности само-

управленія, потому въ общественномъ мнѣніи о вопросахъ общихъ всему государству.

Намъ возражать, что до того времени, когда такимъ образомъ возникнетъ эта новая сила, власти у насъ суждено еще многое сдѣлать для дополненія преобразованій, для устраненія помѣхъ, короче— для общаго блага. Съ этимъ мы совершенно согласны; но вотъ потому-то мы и указываемъ на необходимость проведенія ею же такихъ реформъ, которыя устранили бы необходимость въ будущемъ церковно-политическихъ столкновеній; на необходимость осуществленія преобразованій, имѣющихъ цѣлью постепенно изгладить въ нашихъ законахъ то, что еще носитъ на себѣ характеръ чисто-клерикальный, печать полнаго подчиненія государства если не церкви, то церковнымъ воззрѣніямъ.

Чѣмъ государственнѣе останется наша церковь, говоримъ мы, тѣмъ неизбежнѣе въ будущемъ появленіе въ Россіи церковно-политическаго вопроса, то-есть разногласія и разединенія между массами различныхъ религіозныхъ вѣрованій, со стремленіемъ однихъ къ приобрѣтенію равныхъ правъ, а другихъ — къ удержанію прежняго господства. Ошибочно думать, что церковные вопросы не могутъ принимать политическаго характера, если только церковь подчинена государству; напротивъ, именно тѣсная связь между ними и придаетъ неизбежно церковнымъ вопросамъ характеръ политическій, потому что при такой связи государство въ свою очередь подчинено церковнымъ воззрѣніямъ. Лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить исторія русскаго раскола. Еслибы Никонъ не вооружался государственными средствами, еслибы Петръ, вполне подчинившій себѣ церковь, не относился къ раскольникамъ совершенно такъ, какъ Людовикъ XIV, вполне подчинившійся церкви, относился къ протестантамъ, то никогда нашъ расколъ не принялъ бы того политическаго характера, какой онъ сохранилъ во все время, пока длились преслѣдованія. И это было вполне естественно. Отрицая воззрѣнія господствующей церкви, расколъ неизбежно сталъ отвергать государство, преданное, подчиненное ея воззрѣніямъ и во имя ихъ его преслѣдующее. Вотъ почему въ некоторыхъ сѣктахъ идея о государствѣ смѣшалась даже съ идеею объ антихристѣ.

Но то было волненіе безотвѣтно-преслѣдуемыхъ, протестъ немощныхъ надежды на завоеваніе себѣ правъ. То волненіе утихло и тотъ протестъ облекся въ тайну, какъ только прекратились явные гоненія. Когда же массы примутъ, въ будущемъ, болѣе участія въ ходѣ общественныхъ дѣлъ, онѣ заявятъ свои чувства уже не пассивнымъ, но активнымъ образомъ, а во главѣ чувствъ массы несомнѣнно стоитъ чувство религіозное. Даже при нынѣшнихъ, скромныхъ раз-

жѣрахъ самоуправленія, если мы представимъ себѣ, что въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ сильно католичество, во внутреннихъ губерніяхъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ силенъ расколъ, въ губерніяхъ восточныхъ и особенно въ Оренбургскомъ и Туркестанскомъ краяхъ, гдѣ сильно магометанство—происходить земскіе выборы, то должны будемъ согласиться, что и въ этой скромной сферѣ главнымъ вопросомъ на выборахъ станетъ именно вопросъ объ исповѣданіи кандидатовъ. Правда, нынѣ если въ одну волость входятъ селенія православныя и раскольниковыя, то избраніе раскольника въ волостныя старшины, по правиламъ, не допускается. Весьма вѣроятно, что при распространеніи земскихъ учреждений на западный, приуральскій и зауральскій края будутъ установлены нѣкоторыя ограничительныя правила съ той же цѣлью относительно католиковъ и магометанъ. Но чѣмъ больше подобныхъ ограниченій будетъ сдѣлано, т.-е. чѣмъ рельефнѣе обозначится связь государства съ одной церковью, тѣмъ болѣе пищи будетъ подано для стремленій со временемъ къ отиженію подобныхъ ограниченій, тѣмъ болѣе уяснена будетъ масса потребности уравнинія, тѣмъ болѣе подготовлено будетъ матеріала для будущихъ разъединеній и несогласій въ народѣ именно изъ-за церковнаго вопроса, который неизбежно и приметъ, такимъ образомъ, политическій характеръ.

Обращаясь къ отчету оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1874 годъ — предмету нашей настоящей бесѣды — мы находимъ въ немъ указаніе, что православное населеніе имперіи составляло въ томъ году, по епархіальнымъ донесеніямъ, 54.062,068 душъ обоого пола, за исключеніемъ войска и жителей четырехъ епархій, изъ которыхъ свѣдѣній не получено. Если присоединимъ сюда войско и флотъ и помнимъ цифры населеній трехъ губерній и одной области (полтавской, симбирской, камчатской и якутской, которыхъ епархіальныя начальства не доставили свѣдѣній), то все-таки еще не дойдемъ до цифры 60 милл. душъ. Надо замѣтить притомъ, что при выведеніи цифры въ 54—58 милл., число раскольниковъ, въ нее невошедшее, принимается менѣе одного милліона, между тѣмъ какъ въ неофициальныхъ исчисленіяхъ оно принимается обыкновенно въ около 11 милл. Между тѣмъ общая цифра населенія всей имперіи, по всей вѣроятности, превосходитъ 80 милліоновъ душъ. Если изъ 58 милл. православныхъ вычесть 10 милл. раскольниковъ и принять общую численность населенія въ 80 милл. душъ, то получимъ, что число нашихъ диссидентовъ относится къ числу исповѣдующихъ господствующую вѣру, какъ 2 къ 3, т.-е., что диссиденты въ Россіи составляютъ меньшинство, но меньшинство весьма сильное, можно сказать: только немного менѣе половины всего населенія.

Можно ли, въ виду такого факта, ожидать, что полное сохраненіе подчиненности государства церковнымъ воззрѣніямъ, связь самихъ законовъ съ господствомъ одной церкви, не вызоветъ у насъ со временемъ церковно-политическаго вопроса?

Намъ кажется, что на этотъ фактъ, т.-е. на численное отношеніе иновѣрцевъ къ православнымъ, доселѣ не было у насъ обращено даже и въ печати достаточно вниманія. Для болѣе убѣдительно-сти мы сдѣлаемъ провѣрку выведеннаго выше отношенія инымъ путемъ. Иновѣрцевъ въ Россіи (съ царствомъ польскимъ и Финляндіею) считается около 18¼ милл.; присоединивъ къ нимъ раскольниковъ, получимъ до 28¼ милл.; причисливъ сюда инородцевъ Кавказа, Сибири и Средней Азіи (хотя въ числѣ ихъ есть и инородцы православные), т.-е. всего около 6¼ милл. душъ, остановимся на общей цифрѣ иновѣрцевъ въ 34½ милл. д. Къ числу же православныхъ Европейской Россіи 44¾ милл. д. (за вычетомъ раскольниковъ) присоединимъ число собственно русскихъ на Кавказѣ, въ Сибири и Средней Азіи, также 6¼ милл. д.—получимъ 51 милл. Тогда, принявъ общее населеніе въ 85½ милл. душъ, мы получимъ въ немъ отношеніе иновѣрцевъ къ православнымъ: 345 къ 510, т.-е. еще немного больше прежняго.

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что у насъ иновѣріе есть вмѣстѣ инородчество, кромѣ по отношенію къ раскольникамъ; что съ особенностями вѣры у насъ связаны особенности національностей; а это сдѣлаетъ тѣмъ неизбежнѣе въ будущемъ политическую окраску церковнаго вопроса въ Россіи, если только самый церковный вопросъ не будетъ заблаговременно устраненъ посредствомъ отмены остающагося еще подчиненія свѣтскаго законодательства церковнымъ воззрѣніямъ.

Сравнимъ теперь наше положеніе въ виду этого вопроса съ положеніемъ Запада. На Западѣ есть властолюбивое духовенство, котораго у насъ нѣтъ. Но у насъ еще удерживается въ свѣтскихъ законахъ гораздо болѣе, чѣмъ все, о чемъ только мечтаетъ нынѣ духовенство на Западѣ. Затѣмъ, численное отношеніе диссидентовъ къ приверженцамъ государственной вѣры у насъ безъ всякаго сравненія болѣе, чѣмъ въ Испаніи и Франціи, и почти одинаково съ тѣмъ же отношеніемъ въ Германіи. Но за то католики и протестанты въ Германіи—нѣмцы, какъ во Франціи—французы, а въ Испаніи—испанцы; въ тѣхъ странахъ политическій элементъ въ церковномъ вопросѣ представляется только въ различіи религіозныхъ воззрѣній массъ. У насъ же, католики—поляки, протестанты—нѣмцы, латыши и эсты, магометане—татары; къ различію религіозныхъ воззрѣній примѣшивается здѣсь различіе національныхъ особностей, и политическій эле-

ментъ церковнаго вопроса можетъ найти въ нихъ новую, весьма сильную опору. Говорятъ объ обрусеніи; но само обрусеніе составляетъ самое серьезное препятствіе именно въ подчиненіи законодательства церковнымъ воззрѣніямъ. Довольно такое подчиненіе останется въ силѣ, католикъ въ Россіи останется помянутъ, хотя бы онъ ни слова не зналъ по-польски или хотя бы онъ былъ литовецъ; протестантъ будетъ считать себя и считаться нѣмцемъ, хотя бы онъ былъ эстъ; магометанинъ и еврей не будутъ русскими, пока останутся неравноправны съ русскими.

Это само по себѣ очевидно уже изъ однихъ общихъ опредѣленій. Но если нуженъ практическій примѣръ, укажемъ на смѣшанные браки. Нѣтъ сомнѣнія, что они представляли бы вѣрнѣйшее, естественное средство для постепеннаго обрусенія безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Но законъ, обязывающій крестить дѣтей непременно въ православіи, если одинъ изъ родителей православный, до крайности уменьшаетъ число смѣшанныхъ браковъ, т.-е. прямо противорѣчить на дѣлѣ цѣлямъ обрусенія.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что до того, болѣе или менѣе отдаленнаго, времени, къ которому мы относимъ необходимость нововведенія въ Россіи церковно-политическаго вопроса, съ его несогласіями и волненіями, церкви удастся обратить въ православіе большую часть инновѣрцевъ, по крайней мѣрѣ не-христіанъ. Но въ этомъ отношеніи сомнѣнія быть не могутъ въ виду точныхъ цифръ, представленныхъ отчетами по духовному вѣдомству. Число обращеній, какъ христіанъ, такъ и не-христіанъ, съ каждымъ годомъ непрерывно уменьшается, а не возрастаетъ. Общее число присоединившихся къ православію было: въ 1871 году — 11,565, въ 1872 г. — 10,508, въ 1873 г. — 9,549, въ 1874 г. — 9,033. Кромѣ паденія этого числа, самая незначительность его размѣровъ въ сравненіи съ численностью инновѣрцевъ показываетъ невозможность рассчитывать на важные успѣхи пропаганды.

Мы употребили слово „пропаганда“, хотя въ отчетѣ оберъ-прокурора синода за 1874 года оно какъ-бы отвергается: „не путемъ пропаганды дѣйствовала св. церковь“, сказано тамъ, ..., но силою высокой любви и кроткихъ убѣжденій, внѣ всякихъ расчетовъ и неразборчивыхъ средствъ, чуждая мысли о многихъ отяжаніяхъ“. Но вѣдь слово „пропаганда“ означаетъ только распространеніе; дѣйствіе убѣжденіемъ и есть истинная пропаганда; притомъ, если „отяжанія“ разумѣть также въ прямомъ смыслѣ „пріобрѣтенія“, то не освѣтъ ясно, почему церковь должна быть чужда мысли о пріобрѣтеніи путемъ убѣжденія возможно большаго числа вѣрующихъ. Пропганда есть неотъемлемое право и законное свойство церкви, исполненіе ею одного изъ важнѣйшихъ назначеній. Противъ церковной пропаганды нельзя

сказать ни одного слова, и все дѣло въ томъ, чтобы въ рукахъ церкви пропаганда, духовное просвѣщеніе, убѣжденіе были единственной силой дѣйствія.

Въ частности, цифры обращеній въ 1874 г. распредѣляются слѣдующимъ образомъ: католиковъ 1707 (въ 1873 г.—1853); протестантовъ—832 (въ 1873 г.—746); раскольниковъ—2890 (2774); магометанъ—747 (557); евреевъ—427 (493); язычниковъ—2519 (3119). Относительно магометанъ, нынѣшній отчетъ, какъ и прежніе, свидѣтельству о нерѣдкихъ случаяхъ отпаденія крещенныхъ татаръ вновь въ магометанство: такъ, въ 1874 г. въ двухъ селеніяхъ наванской губерніи отпало 470 душъ, и отпавшіе не подались ни на какія мѣры вразумленія. Трудность обращенія и удержанія татаръ въ православіи увеличивается именно тѣмъ обстоятельствомъ, что имъ надо стать русскими, чтобы сдѣлаться православными. Отпаденіе крещенныхъ татаръ явленіе не новое; оно еще въ 1848 году вызвало особый указъ синода, но, повидимому, только въ 1874 году найдено было возможнымъ приступить къ осуществленію той мысли, которая лежала въ основаніи указа 1848 г., а именно—о совершеніи православнаго богослуженія на татарскомъ языкѣ.

Мѣры пропаганды по отношенію къ раскольникамъ, какъ свидѣтельству и нынѣшній отчетъ, заключаются въ собесѣдованіяхъ, гласныхъ спорахъ, распространеніи книгъ, однимъ словомъ, въ дѣйствіи путемъ убѣжденія. Доселѣ намъ еще не случилось найти сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, какъ отнеслись наши раскольники къ установленію для нихъ метрическихъ книгъ, то-есть къ признанію ихъ браковъ государствомъ. Между тѣмъ, нынѣ уже идетъ рѣчь о мѣрѣ еще болѣе важной, а именно о дарованіи раскольникамъ свободы богослуженія, наравнѣ съ другими христіанскими, такъ-называемыми иностранными иновѣріями. По слухамъ, проектъ относящагося сюда закона уже составленъ. Эта мѣра, если она осуществится не въ видѣ какихъ-нибудь отдѣльныхъ и маловажныхъ льготъ, но въ смыслѣ права открытаго богослуженія для всѣхъ сектъ, не признанныхъ безирравственными съ гражданской точки зрѣнія, будетъ имѣть огромное значеніе. Она служила бы первымъ и важнѣйшимъ шагомъ къ устраненію клерикальнаго характера, доселѣ еще уцѣлѣвшаго въ нашемъ законодательствѣ. Раскольники—это рускіе протестанты, и пора для нихъ издать наконецъ нѣчто въ родѣ Нантскаго эдикта. У насъ нѣтъ ученика гимназій, который не зналъ бы, что отмена этого эдикта во Франціи была мѣрой крайне-вредной и несправедливой. Но, благодаря запутанности понятій, которая держится у насъ во многихъ сферахъ, только немногіе сознавали, что въ Россіи ничего подобнаго Нантскому эдикту еще никогда и издано

не было, а сохранялось съ давнихъ временъ крайне-вредное и несправедливое отношеніе государства ко многимъ милліонамъ подданныхъ.

Мы, которые въ теченіи послѣднихъ лѣтъ сами были едва ли не единственными въ русской печати ревнителями начала свободы совѣсти, одного изъ коренныхъ началъ либеральной партіи во всемъ свѣтѣ, разумѣется, привѣтствовали бы упоминаемую слухами мѣру, какъ событіе въ высшей степени отрадное и видѣли бы въ ней приступъ къ отмѣнѣ вообще остающагося еще подчиненія русскаго законодательства церковнымъ воззрѣніямъ. Отмѣна эта можетъ быть осуществлена властью безъ всякаго затрудненія и малѣйшаго ущерба для ея полноправія. Отмѣна эта, какъ выше мы старались доказать, совершенно необходима, если мы хотимъ, чтобы въ будущемъ Россія не угрожало возникновеніе церковно-политической борьбы, быть можетъ, болѣе рѣзкой, чѣмъ та, какую мы видимъ нынѣ на западѣ Европы.

Здѣсь мы уклонимся на нѣкоторое время отъ разсмотрѣнія отчета по духовному вѣдомству и сдѣлаемъ оговорку собственно о свободѣ совѣсти. Путаница понятій опять-таки производитъ то, что у насъ иные не точно понимаютъ это каждому европейцу столь понятное опредѣленіе: *liberté de conscience*, *Gewissensfreiheit*, а другіе даже его боятся, подозрѣвая въ немъ что-то нравственно-вредное и опасное. Свобода совѣсти есть не что иное, какъ полная вѣроисповѣдная терпимость, право каждаго слѣдовать своимъ внутреннимъ религіознымъ убѣжденіямъ, не нарушая общихъ гражданскихъ законовъ. Что можетъ быть яснѣе? Изъ этого опредѣленія слѣдуетъ, что свобода совѣсти есть свѣтское, юридическое понятіе, а вовсе не какое-либо понятіе философскаго свойства, отрицающее обязательность правилъ нравственности.

Намъ какъ-то странно и неловко даже распространяться о столь общезвѣстныхъ и очевидныхъ вещахъ. Но это нужно, и мы примѣемъ примѣръ въ доказательство того, что это нужно. Вотъ уже второй годъ, какъ въ московскомъ большомъ Успенскомъ соборѣ протоіерей Ключаревъ произноситъ въ недѣлю православія слово о „свободѣ совѣсти“. Возражать на проповѣдь, произнесенную въ церкви, конечно, неумѣстно. Мы и не осмѣлимся возражать на проповѣдь съ церковной точки зрѣнія. Но такъ какъ проповѣди о. Ключарева имѣли полемическій характеръ и печатались въ газетахъ, то мы считаемъ умѣстнымъ и необходимымъ разграничить понятіе о свободѣ совѣсти, какъ оно разумѣется въ гражданскомъ обществѣ, отъ того

представленія о „свободѣ совѣсти“, которое онъ нарицаетъ съ церковной точки зрѣнія. Между ними нѣтъ ничего общаго.

„Въ послѣднее время,—говоритъ о. Ключаревъ,—подъ вліяніемъ ложныхъ понятій о свободѣ совѣсти, мы пришли къ странному, невиданному въ исторіи состоянію умственному и нравственному. Мы вообразили, что какъ мы сами, такъ и другіе вольны думать и дѣлать что хотимъ, вѣровать и не вѣровать, признавать надъ собою обязательную силу нравственнаго закона и не признавать, и соблюдать вѣками установленныя правила благоведенія и не соблюдать ихъ“... Вотъ, противъ такихъ-то недоразумѣній мы и считаемъ необходимыми огрادیть юридическое понятіе о свободѣ совѣсти. Оно не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о нравственной распущенности, но есть именно—не болѣе и не менѣе—какъ юридическое понятіе. Извѣстно, что у насъ то же самое, въ высшей степени странное недоразумѣніе произошло и съ понятіемъ о гражданскомъ бракѣ, другіхъ юридическихъ понятіяхъ. Иные смѣшивали бракъ, освященный закономъ, съ представленіемъ о прелюбодѣянніи. Удивительно, какъ иногда слова, попадая въ Россію, совершенно мѣняютъ свой смыслъ!

Вполнѣ сочувствуя стараніямъ почтеннаго проповѣдника доказать несостоятельность и несообразность съ ученіемъ церкви того понятія о мнимой „свободѣ совѣсти“, которое онъ опредѣлилъ въ приведенныхъ словахъ, мы напомнимъ, что онъ самъ называлъ такое понятіе о свободѣ совѣсти *ложнымъ*. Но есть другое, правильное понятіе о ней, понятіе, котораго онъ не коснулся вѣроятно потому именно, что оно—понятіе юридическое, не имѣющее отношенія къ законамъ нравственности. Оно есть не что иное, какъ та самая „вѣротерпимость“, которую почтенный проповѣдникъ называлъ „высокой чертой въ характерѣ современныхъ христіанскихъ правительствъ“, упомянуть впрочемъ, что ученіе о вѣротерпимости собственно принадлежитъ Евангелію. Объ этомъ мы разсуждать не вправѣ, какъ равно и о томъ опредѣленіи проповѣдника, что истинная свобода совѣсти въ религіозномъ смыслѣ есть „совершенство духовное“ и „вполнѣ принадлежитъ только праведникамъ, состоя въ правѣ относиться къ постановленіямъ закона обрядовымъ по высшему разумію и законовъ и цѣлей нравственныхъ“.

Мы совершенно согласны, что свобода совѣсти въ юридическомъ значеніи не имѣетъ ничего общаго съ этою догматической свободой. Но намъ кажется, что недоразумѣніе не можетъ быть разъяснено слѣдующими словами о. Ключарева: „итакъ, въ устныхъ бесѣдахъ, въ литературѣ, въ самыхъ даже разсужденіяхъ о законахъ, относящихся къ расширенію правъ вѣроисповѣдныхъ, супружескихъ, семейныхъ и проч. мы несправедливо употребляемъ слова „свобода

совѣсти". Для правильнаго опредѣленія основаній терпимости вообще и вѣротерпимости въ особенности и указанія предѣловъ той и другой требуется иное понятіе, именно—правá совѣсти"...

Намъ кажется, что ясность не выиграла бы отъ такой замѣны извѣстнаго міру опредѣленія другимъ, совершенно ничегó не опредѣляющимъ. „Правá совѣсти“ отецъ Ключаревъ все-таки понимаетъ въ смыслѣ догматическо-нравственномъ, потому что хотя и разумѣетъ въ нихъ право иныхъ вѣръ на терпимость, но единственно не столько, по скольку въ нихъ заключается доля истины. Но кто же будетъ судить объ этомъ? По воззрѣніямъ церковнымъ—церковь, конечно. Такъ, о. Ключаревъ, приводя примѣры, прямо не признаетъ „правъ совѣсти“ за магометанствомъ, какъ ученіемъ, „отъ котораго нельзя ожидать ни любви къ наукамъ, ни самостоятельнаго духовнаго развитія, ни человеколюбія, ни нравственной чистоты“. Въ приимѣненіи къ нему проповѣдникъ допускаетъ терпимость, но только въ такомъ смыслѣ, чтобы стараться съ „особою бдительностію предупредить распространеніе подобныхъ религій“. Спрашивается, что же выиграла ясность отъ замѣны словъ „свобода совѣсти“ словами „правá совѣсти“?

Вотъ почему необходимо отграничить вполне-опредѣленное юридическое понятіе о свободѣ совѣсти отъ церковной сферы. Мы можемъ даже прямо признать, что понятіе о свободѣ совѣсти въ обыкновенномъ смыслѣ совершенно чуждо всякой церкви, потому что всякая церковь есть связь, или, выражаясь латинскимъ словомъ, религія, а не свобода слѣдовать этой церкви или другой. Но въ сферѣ гражданской, юридической, политической, свобода совѣсти есть именно *полная* вѣротерпимость, и начало это не только должно быть упоминаемо въ „разсужденіяхъ о законахъ“ свѣтскихъ, но полагается въ самое основаніе, единственное раціональное ихъ основаніе.

Уважаемый проповѣдникъ, котораго мы только-что приводили, совершенно основательно говорить, что „религіозныя общины—не бездушные сады или огороды, которые могутъ мирно процвѣтать одинъ подлѣ другого; въ нихъ живые люди, которые не признаютъ нашей широкой вѣротерпимости, они движутся, нравственно живутъ, рвутся о своей вѣрѣ и ея распространеніи“. Это совершенно вѣрно, но вотъ именно потому-то государство и не должно усваивать себѣ воззрѣній одной церкви, но должно держаться юридическаго начала свободы совѣсти; иначе различныя населенія не будутъ мирно процвѣтать одно подлѣ другого; а такова именно—прямая цѣль государства.

Возвращаясь къ отчету по духовному вѣдомству за 1874 г. замѣтимъ вообще, что въ этомъ документѣ нѣтъ ничего выдающагося

изъ ряда прежнихъ отчетовъ. Архіерей по прежнему свидѣтельству, что въ простомъ народѣ „продолжаетъ усиливаться склонность къ неумѣренному употребленію вина и что въ послѣднее время замѣтно увеличиваются въ средѣ народа преступленія, а въ особенности—случаи самоубійства“. Этому послѣднему указанію трудно придавать особое нравственное значеніе. Незавѣстныя нигдѣ въ Европѣ, даже въ самыхъ гнѣздахъ пауперизма, лишенія, которыми издревле подвергаются люди въ крестьянскомъ быту нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи и чисто-варварскія семейныя возвращенія сдѣлали самоубійство достоинствомъ русскаго селенія наравнѣ съ городами. Надѣмся, что никто изъ „охранителей“ не усмотритъ въ приведенномъ заявленіи доказательства уснѣховъ какихъ-либо разрушительныхъ теорій или той „свободы совѣсти“, о которой бесѣдовалъ отецъ Ключаревъ. Достаточно того, что на ряду съ самоубійствомъ мужика, легко привести въ каждомъ селеніи случаи самоубійства женщинъ и даже дѣтей, хотя ни бабъ, ни ребятъ деревенскихъ еще не коснулось подосвѣщеніе въ нигилизмѣ.

Относительно проповѣди среди русской паствы, въ нынѣшнемъ отчетѣ отражаются тѣ же попеченія, которыя намъ знакомы изъ отчетовъ прежнихъ, и та же двойственность взгляда на проповѣдь въ церкви, подлежащую цензурѣ, и на внѣ-церковное назиданіе или собесѣдованіе, цензурѣ неподлежащее. Во владимірской епархіи призвано было нужнымъ даже учредить „уѣздные цензурные комитеты“ изъ выборныхъ отъ духовенства священниковъ и „центральный цензурный комитетъ“ въ г. Владимірѣ, подъ предѣлательствомъ викарія епархіи. Едва-ли отъ подобныхъ мѣръ можно ожидать особаго рвенія духовенства въ дѣлѣ церковнаго назиданія. При существующихъ взглядахъ, въ дѣйствительности главнымъ средствомъ приходскаго духовенства для поученія паствы и представляются именно „собесѣдованія“, которыя остаются свободными отъ цензурнаго пресмотра. А такъ какъ на этихъ собесѣдованіяхъ, по словамъ отчета, „священниками налагаются общедоступнымъ языкомъ истины догматическія и нравственныя, событія изъ священной и церковной исторіи, объясняются молитвы, воскресныя и праздничныя евангелія“ и т. д., то ясно, что подобныя собесѣдованія могутъ замѣнить проповѣдь, второй повидимому придается болѣе формальный характеръ, почему она и обставляется болѣе строгими стѣсненіями.

Что касается цифровыхъ данныхъ отчета, то и они только прибавляютъ новыя величины для дополненія прежнихъ выводовъ. Тѣ цифры, которыя годъ-отъ-году падаютъ, и въ 1874 году еще упали; тѣ, которыя постоянно возрастаютъ (расходи), вновь возрасли. Отчетъ оберъ-прокурора св. синода относится съ большою похвалою къ по-

вому положенію о народныхъ школахъ, изданному министерствомъ народнаго просвѣщенія; по словамъ отчета, положеніе это „упрочиваетъ вліяніе пастырей церкви на эти школы“. Дѣйствительно, вліяніе духовенства на дѣло начальнаго обученія народа и могло быть упрочиваемо только этимъ путемъ, такъ какъ самостоятельная школьная дѣятельность духовенства продолжала падать. Число церковно-приходскихъ школъ, учрежденныхъ духовенствомъ, въ отчетѣ за 1874 годъ показано въ 7672 съ 198,713 учившихся обоаго пола, между тѣмъ какъ въ отчетѣ за 1873 г. оно показывалось въ свыше 8000 школъ, съ 198,000 учениковъ, а въ отчетѣ за 1872 г.—въ 9059 съ 228,036 дѣтей. Прежде этихъ школъ считалось болѣе 10 тысячъ, а по нѣкоторымъ, впрочемъ, весьма сомнительнымъ, свѣдѣніямъ ихъ, лѣтъ 15 тому назадъ, считалось еще несравненно больше.

Преобразованіе собственно духовно-учебныхъ заведеній приближалось къ концу. Академіи преобразованы давно, и отчетъ даетъ столь удовлетворительный отзывъ о дѣйствіи новаго устава академій, что можно только удивляться предстоящему новому пересмотру этого устава (существующаго всего пять лѣтъ). Преобразованіе семинарій и духовныхъ училищъ подвинулось настолько, что въ 1874 году изъ общаго числа 52 семинарій было преобразованныхъ 41, а изъ 186 училищъ—146.

Расходы по содержанію духовно-учебныхъ заведеній весьма значительны; они составляли въ 1874 г. 4 милл. 408 т. р.; изъ которыхъ 1 м. 541 т. р. покрываются казною, а остальная часть средствами духовнаго вѣдомства, главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ: процентнаго сбора съ церковныхъ доходовъ и процентовъ отъ духовно-учебнаго капитала. Финансовая часть духовнаго вѣдомства вообще устроена на началахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ принципомъ единства кассы. Мы вполнѣ понимали бы, впрочемъ, существованіе отдѣльнаго церковнаго фонда, для созданія котораго могло бы сдѣлать пожертвованія и государство, но только съ тѣмъ, чтобы государство тогда уже не удовлетворяло никакихъ отдѣльныхъ потребностей церкви насчетъ бюджета. А то нынѣ въ этой области существуетъ самое странное смѣшаніе: существуютъ отдѣльные церковные капиталы, а между тѣмъ казна содержитъ вѣдомство снודה, несетъ третью надержку по содержанію особыхъ духовно-учебныхъ заведеній, издерживаетъ сотни тысячъ рублей на построеніе церквей и т. п. Одно изъ двухъ казалось бы рациональнымъ: или созданіе независимаго церковнаго фонда, или обращеніе специальныхъ капиталовъ въ пользу казны.

Вопросъ, дѣйствительно ли необходимо существованіе особыхъ духовно-учебныхъ заведеній въ такомъ числѣ и такихъ размѣрахъ, что

содержаніе ихъ требуетъ расхода до 4½ милл. р. въ годъ, едва ли можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Въ сущности, необходимы были бы только курсы, подготовляющіе духовенство къ его служенію. Общее же образованіе духовенства могло бы получать въ гражданскихъ училищахъ, а духовныя академіи могли бы быть слиты съ университетами, въ видѣ богословскихъ факультетовъ. Отъ этого общее образованіе духовенства могло бы только выиграть. При нынѣшнемъ порядкѣ приходится даже изученіе общихъ предметовъ принаровлять къ „потребностямъ семинарскаго курса“. Такъ, напримѣръ, мы читаемъ, что для изученія французскаго языка въ семинаріяхъ потребовалось составленіе особаго учебника, принаровленного къ этимъ потребностямъ, точно французскій языкъ можетъ быть изучаемъ въ какихъ-то специально-семинарскихъ предѣлахъ. Извѣстно, что въ старину и математику въ нашихъ духовныхъ семинаріяхъ проходили по особымъ семинарскимъ руководствамъ.

Отдѣльное существованіе семинарій въ смыслѣ полныхъ общеобразовательныхъ училищъ неудобно уже потому, что учителями въ этихъ заведеніяхъ часто являются—не по духовнымъ только предметамъ, но и общимъ научнымъ—лица духовныя; такъ что исторію преподаетъ не учитель, окончившій курсъ историко-филологическаго факультета, и математику — окончившій курсъ математическаго, но лица, получившія среднее и притомъ духовно-семинарское же образованіе. Сверхъ того, и это главное, отдѣльное существованіе цѣлаго министерства духовно-учебнаго просвѣщенія поддерживаетъ отчужденность духовенства отъ общества, замкнутость и кастичность духовной среды.

Мы уже не разъ высказывали мысль, что сословность, отчужденность будутъ сохраняться духовенствомъ, несмотря на всѣ преобразованія, направленные къ ихъ устраненію посредствомъ отміны наслѣдственности духовнаго состоянія. Отчужденность и сословность эти будутъ всегда поддерживаться духовною школой, пока она будетъ существовать не въ видѣ специальныхъ, приготовительныхъ курсовъ, но въ видѣ полной системы всѣхъ ступеней образованія.

Не будемъ уже говорить о женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, существующихъ въ духовномъ вѣдомствѣ: почему они не находятся въ общемъ завѣдываніи съ женскими гимназіями—совершенно непонятно. Ограничимся мужскими училищами духовнаго вѣдомства. Изъ официальныхъ заявленій, между прочимъ изъ одного циркуляра по министерству народнаго просвѣщенія, оказывается, что уставы ихъ, измѣненные всего нѣсколько лѣтъ назадъ, такъ что еще не во всѣхъ этихъ заведеніяхъ они введены, предположено подвергнуть новому пересмотру. Столь частое колебаніе въ учебной системѣ не можетъ

быть полезно, а между тѣмъ вызывается оно, очевидно, тѣмъ, что министерство народнаго просвѣщенія, котораго управленіе соединено съ управленіемъ духовнаго вѣдомства, не знаетъ, какъ поставить эти заведенія такимъ образомъ, чтобы они согласовались съ системою свѣтскихъ училищъ, а между тѣмъ продолжали существовать отдѣльно. Въ настоящее время оказывается, что духовныя семинаріи существуютъ не только для пополненія духовенства, но еще и въ весьма значительной степени—для пополненія университетовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ свѣдѣній о числѣ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ въ 1875 году, помѣщенной въ февральской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, оказывается, что въ петербургскомъ университетѣ теперь изъ общаго числа 1169 студентовъ, 342 или почти 30 процентовъ—духовные семинаристы. Въ общей же сложности всѣхъ поступившихъ во всѣ университеты въ 1874 году окончившіе курсъ гимназій составляли только 61%, остальные же 39% „были доставлены университетамъ главнѣйше духовными семинаріями“. И это отношеніе продолжаетъ измѣняться въ смыслѣ бѣльшаго и бѣльшаго пополненія нашихъ университетовъ воспитанниками семинарій; въ 1875 году въ общемъ числѣ поступившихъ въ университетъ окончившіе курсъ въ гимназіяхъ составляли уже только 53% съ небольшимъ, т.-е. немного болѣе половины, а остальные, свыше 46%,—„доставлены главнѣйше духовными семинаріями“. Число поступившихъ въ университеты изъ гимназій въ 1875 г. противъ 1874-го увеличилось всего на 16%, число же поступившихъ не изъ гимназій, а преимущественно изъ духовныхъ семинарій, возрасло слишкомъ на 79%! Гимназистовъ поступило въ университеты 860, а семинаристовъ 753!!

Очевидно, что въ нынѣшнемъ году, если даже прогрессія этого возрастанія и уменьшится, въ университеты поступитъ изъ семинарій болѣе молодыхъ людей, чѣмъ изъ гимназій, и чрезъ нѣсколько лѣтъ большинство студентовъ въ нашихъ университетахъ будутъ семинаристы, то-есть молодые люди изъ семействъ священно- и церковно-служителей. Чтѣ же это значить, и какъ это произошло, что духовныя семинаріи вдругъ превратились въ главный разсадникъ университетовъ?

Конечно, такое странное и небывалое явленіе могло быть результатомъ только совокупности мѣръ, предпринятыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія и вѣдомствомъ синода по преобразованію какъ гражданскихъ, такъ и духовныхъ среднихъ учебныхъ заведеній за послѣднія 10 лѣтъ. Это десятилѣтіе привело насъ къ необходимости пополненія университетовъ духовными семинаристами, безъ кото-

рыхъ университеты должны были бы обезлюдить. Но въ снабженіи университетовъ студентами, семинаріи берутъ верхъ надъ гимназіями именно потому, что въ семинаріяхъ *меньше* требовательности по части древнихъ языковъ, и вообще курсъ *слабѣе*, чѣмъ въ гимназіяхъ. Стало быть, въ концѣ-концовъ реформа среднихъ учебныхъ заведеній по отношенію къ университетамъ привела доселѣ къ умноженію въ университетахъ слушателей, *менѣе* хорошо подготовленныхъ къ успешному прохожденію университетскаго курса.

Въ самомъ дѣлѣ, статья официального органа, на которую мы ссылаемся, признаетъ сама, что „семинаристы и весьма многочисленны въ нашихъ университетахъ и, къ сожалѣнію, — и по своему воспитанію, и по своему образованію — стоятъ много ниже воспитанниковъ нынѣшнихъ гимназій (и нынѣшнихъ ли только, позволительно спросить)“. Относительная слабость преподаванія классическихъ языковъ въ семинаріяхъ удостоверяется и тѣми свѣдѣніями о недостаткахъ этого преподаванія, которыя мы находимъ въ отчетѣ обер-прокурора св. синода.

Итакъ, безъ всякой полемической цѣли и оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о достоинствахъ и недостаткахъ новой учебной системы въ гимназіяхъ, мы указываемъ только несомнѣнный фактъ, что, съ возвышеніемъ требовательности по древнимъ языкамъ въ гимназіяхъ и уничтоженіемъ прежнихъ реальныхъ гимназій, наши университеты стали болѣе и болѣе пустѣть, и что если опасенія о дальнѣйшемъ опустѣніи ихъ съ 1875 г. устраняются въ виду возвышенія цифры вновь поступившихъ, то устраняется это опасеніе только тѣмъ фактомъ, что число поступившихъ въ этомъ году не изъ гимназій, а преимущественно изъ духовныхъ семинарій, возрасло слишкомъ на 79% противъ 1874 года; т.-е. иными словами, университеты не будутъ пустѣть, вслѣдствіе требовательности въ гимназіяхъ, только благодаря тому, что въ нихъ открытъ доступъ воспитанникамъ такихъ училищъ, въ которыхъ *менѣе* требовательности по части древнихъ языковъ.

Извѣстно, что министерство народнаго просвѣщенія съ заботливостью и рвеніемъ оберегало осуществленную имъ въ гимназіяхъ реформу отъ всякой возможности конкуренціи со стороны другихъ училищъ: для всѣхъ училищъ, кромѣ классическихъ гимназій, оно закрыло доступъ въ университетъ. Рвеніе это было такъ полно и искренне, что на первыхъ порахъ министерство приняло ограничительныя мѣры и противъ конкуренціи гимназіямъ со стороны духовныхъ семинарій, приняло мѣры противъ „наплыва въ университеты семинаристовъ“, недостаточно подготовленныхъ по части древнихъ языковъ, хотя и окончившихъ семинарскій курсъ. Журналомъ

совѣта министра отъ 17 января 1873 года было постановлено, чтобы семинаристы, хотя и окончившіе полный семинарскій курсъ, и удостоенные званія студента, не имѣли права поступать въ университеты иначе, какъ выдержавъ *въ гимназіяхъ* „испытаніе зрѣлости“ изъ обоихъ древнихъ и русскаго языковъ. Этимъ постановленіемъ, очевидно, совершенно устранялась возможность конкуренціи семинаріи гимназіямъ меньшей требовательностью по части древнихъ языковъ и совершенно логично примѣнялась къ семинаристамъ та же ограничительная мѣра, которая примѣняется къ воспитанникамъ реальныхъ училищъ.

Но министерство уже въ то время, повидимому, предусматривало, что по крайней мѣрѣ въ первые годы, усиленіе классицизма въ гимназіяхъ должно было чрезвычайно уменьшить число поступающихъ въ университеты, а потому тогда же предоставило семинаріямъ трилѣтнюю льготу, какой у насъ вообще не дается училищамъ при самыхъ быстрыхъ преобразованіяхъ. Оно допустило тѣмъ же постановленіемъ, о которомъ сейчасъ упомянуто, чтобы въ *переходное время*, а именно до весны 1876 года, воспитанники духовныхъ семинаріи сохраняли право поступленія въ университетъ, безъ „испытанія зрѣлости“ по языкамъ древнимъ и русскому въ гимназіяхъ и съ тѣмъ только, чтобы семинаристы подвергаемы были *въ университетахъ* ~~и~~ повѣрочному испытанію изъ древнихъ языковъ, русскаго языка и математики, и еще съ оговоркою, чтобы „болѣе строгому противъ бывшаго до того времени испытанію подвергался каждый семинаристъ только по *одному* изъ трехъ названныхъ предметовъ, смотря по тому, на какой факультетъ семинаристъ желаетъ поступить“. Такимъ образомъ, семинаристъ, желавшій поступить на математическій факультетъ, напримѣръ, могъ — и можетъ доселѣ — подвергаться повѣрочному экзамену въ самомъ университетѣ изъ древнихъ языковъ и русскаго языка, но испытанію „не болѣе строгому противъ бывшаго до 1873 года, то-есть противъ прежнихъ общихъ пріемныхъ экзаменовъ въ университетахъ, а „болѣе строгому“ — только изъ одной математики. При этомъ, конечно, студентъ математическаго факультета могъ затѣмъ перечисляться въ любой.

Итакъ, для духовныхъ семинаристовъ и для нихъ однихъ во всемъ государствѣ, были сохранены пріемные экзамены помимо гимназій, въ самихъ университетахъ, экзамены въ сущности не болѣе требовательные, чѣмъ существовавшіе до того времени для всѣхъ. Отсюда понятно, почему „наплывъ семинаристовъ“ въ университеты, — выражаясь словами указаннаго официального документа — все возрасталъ и достигъ до того, что семинарія теперь поставляютъ почти половину университетскихъ студентовъ.

Но это было допущено только въ видѣ временной мѣры, вызванной особыми расчетами; по всей вѣроятности, предполагалось, что чрезъ три года преобразование гимназій должно повести къ столь успѣшнымъ результатамъ, что уже не будетъ нужды въ пополненіи университетовъ семинаристами противъ опустѣнія; что высшіе классы гимназій будутъ переполнены учениками, легко объясняющими полатыни Платона, и станутъ доставлять университетамъ достаточное количество слушателей.

Произошло ли все это—мы судить не беремся; но въ одномъ удостовѣряютъ насъ officialныя свѣдѣнія: только за 1875 годъ въ сравненіи съ 1874-мъ число поступившихъ въ университеты изъ гимназій возрасло, и то всего на 16%; но поступившихъ и въ томъ году въ университеты 860-ти гимназистовъ было бы весьма недостаточно, еслибы къ нимъ не присоединилось 753, или около того, духовныхъ семинаристовъ!

И вотъ, то, что было допущено на срокъ, оказалось нынѣ нужнымъ допустить на неопредѣленное время.

Циркуляръ министерства народнаго просвѣщенія отъ 29 прошлаго ноября предписано продолжить приѣмъ въ университеты воспитанниковъ духовныхъ семинарій „на существовавшихъ въ послѣдніе три года основаніяхъ, впредь до пересмотра уставовъ всѣхъ вообще духовно-учебныхъ заведеній и до дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій“, то-есть на неопредѣленное и во всякомъ случаѣ продолжительное время. Итакъ, университеты въ скоромъ времени будутъ пополняться преимущественно духовными семинаристами. Правда, въ приведенномъ циркулярѣ мѣра эта объясняется такимъ соображеніемъ, что „по имѣющимся свѣдѣніямъ“, допущенныя для семинаристовъ правила приѣма въ университеты „оказались довольно дѣйствительными для огражденія университетовъ отъ поступленія въ нихъ *слишкомъ слабо* подготовленныхъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и притомъ отъ самихъ университетскихъ совѣтовъ зависѣть сдѣлать эту мѣру (т.-е. правила) еще болѣе дѣйствительною“. Но, во-первыхъ, и отчетъ оберъ-прокурора, и приведенная статья журнала министерства свидѣтельствуютъ объ относительной слабости классической подготовки семинаристовъ; объ ней косвенно свидѣтельствуетъ самъ циркуляръ, такъ какъ онъ утверждаетъ только, что, при допущенныхъ для семинаристовъ правилахъ приѣма, университеты ограждены единственно отъ поступленія „*слишкомъ*“ слабо подготовленныхъ семинаристовъ. Во-вторыхъ, если допущенныя для семинаристовъ правила приѣма въ университетъ въ самомъ дѣлѣ достаточны, въ интересахъ самихъ университетовъ, то почему же не распространить тѣ же правила о повѣрочномъ испытаніи въ самихъ

университетахъ и на воспитанниковъ реальныхъ училищъ, желающихъ поступать на какой-либо изъ факультетовъ, съ предоставленіемъ послѣднимъ права, по ихъ усмотрѣнію, подвергаться реалистовъ „болѣе строгому“ испытанію только изъ одного изъ трехъ названныхъ выше предметовъ, смотря по тому, на какой факультетъ реалисты желали бы поступать? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, лучше было бы предоставить самимъ университетамъ опредѣлять степень требовательности, достаточной для огражденія ихъ отъ поступления на математическій, напримѣръ, факультетъ реалистовъ, слишкомъ слабо подготовившихъ себя по древнимъ языкамъ?

Но едва ли подобная льгота будетъ допущена для реалистовъ. Самое допущеніе ея специально для воспитанниковъ духовныхъ семинарій, сперва въ видѣ переходной мѣры на трехлѣтній срокъ, а потомъ—когда гимназіи оказались не въ силѣ доставлять университетамъ достаточное число студентовъ—и на неопредѣленное время, неизбѣжно наводитъ на мысль, что прямой цѣлью при этомъ было отвратить пустыніе университетовъ пополненіемъ ихъ семинаристами. При этомъ дѣлалось очевидное отступленіе отъ принципа „аттестатъ зрѣлости“, какъ единственнаго ключа къ университетскому образованію, но все-таки устранялась конкуренція гимназіямъ со стороны училищъ, доступныхъ всѣмъ сословіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, обходитъ „аттестатъ зрѣлости“ для поступленія въ университетъ возможно только путемъ семинарій, въ которыя поступаютъ исключительно дѣти священно- и церковно-служителей. Льгота для такого поступленія въ университетъ, стало быть, есть льгота сословная, связанная съ правами рожденія. Чтобы получить доступъ къ университетскому образованію, хотя бы призваніе влекло васъ преимущественно къ химіи, надо лѣтъ восемь учиться преимущественно древнимъ языкамъ; но этого мало. Надо или оказать отличные въ нихъ успѣхи, при нынѣшнихъ гимназическихъ порядкахъ, или—что всего проще, но не для всѣхъ доступно—начать съ того, чтобы родиться въ духовномъ званіи. Тогда, если молодой человѣкъ поучится древнимъ языкамъ въ семинаріи, онъ можетъ поступить на естественный факультетъ, если только не будетъ ужъ „слишкомъ слабъ“ въ математикѣ.

Министерство народнаго просвѣщенія, повидимому, примиряется съ конкуренціей гимназіямъ—духовныхъ семинарій, но только изъ однихъ, именно потому, что эти послѣднія заведенія ограждены своею сословностью. Итакъ, классъ чиновный и притомъ достаточный, имѣетъ дорогу къ правамъ высшаго образованія помимо „аттестатовъ зрѣлости“—въ александровскомъ лицей и училищѣ правовѣдѣнія; эту конкуренцію гимназіямъ министерство нискогда и не ду-

маю устранять. Затѣмъ, духовное сословіе, существующее на дѣлѣ, хотя и непризнаваемое болѣе закономъ, имѣетъ доступъ помимо „аттестатовъ зрѣлости“ къ высшему образованію въ университетахъ, благодаря свидѣтельствамъ своихъ сословныхъ училищъ и специальной льготѣ для поступленія въ университетъ. Затѣмъ, вся требовательность и затрудненіе доступа къ правамъ университетскаго образованія продолжаетъ существовать для дѣтей среднего образованнаго класса русскаго общества: нечиновнаго дворянства, образованной части купечества, недостаточнаго чиновничества и офицерства, нечиновнаго или небогатаго классовъ такъ-называемыхъ „либеральныхъ профессій“—врачей, адвокатовъ, литераторовъ, художниковъ и т. д., однимъ словомъ, для массы дѣйствительной интеллигенціи. Небогатый и нечиновный, но образованный классъ и есть именно тотъ, который особенно не пользуется сочувствіями нѣкоторыхъ псевдо-консерваторовъ. Еслибы дѣтямъ его могла быть совершенно заграждена дорога къ высшему образованію—они сочли бы это верхомъ государственной мудрости; но не такъ, конечно, можетъ думать министерство народнаго просвѣщенія.

Есть еще одно средство, чтобы возвысить практическую цѣнность „аттестата зрѣлости“, открывающаго доступъ въ университетъ. Это—установленіе государственнаго экзамена (Staatsexamen), то-есть требованіе отъ желающихъ поступить на гражданскую службу свидѣтельства государственныхъ экзаминаціонныхъ комиссій объ окончаніи курса высшаго образованія; или—что вело бы къ тому же,—постановленіе, что чиновники, такихъ свидѣтельствъ не имѣющіе, не могутъ повышаться на службѣ выше опредѣленныхъ должностей. Изъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ мы узнаемъ, что академикъ Безобразовъ занимался, въ 1875 году, за-границею изученіемъ условій образованія и воспитанія, обязательныхъ въ европейскихъ государствахъ для лицъ, поступающихъ на государственную гражданскую службу. Результаты этого изученія, изложенные почтеннымъ академикомъ въ томъ же журналѣ, заключаются, въ сущности, въ томъ, что во всѣхъ главныхъ странахъ Европы, за исключеніемъ Франціи, отъ вступающихъ на государственную службу требуется университетское образованіе.

Представимъ себѣ, что одна изъ указанныхъ сейчасъ мѣръ въ этомъ смыслѣ—то-есть безусловное требованіе государственнаго экзамена или ограниченіе правъ по службѣ лицъ, ему неподвергавшихся—была бы осуществлена. Нелишне теперь же взвѣснить, какое примѣненіе ея и какія послѣдствія ея собственно для училищъ мы могли бы увидѣть въ Россіи.

Прежде всего она чрезвычайно увеличила бы практическую цѣнность „аттестата зрѣлости“, который сдѣлался бы ключомъ не только къ университетскому образованію, но и къ общей государственной службѣ. Воспитанники реальныхъ училищъ, а съ ними и высшихъ специальныхъ, не могли бы уже имѣть въ виду иной государственной службы, какъ только по техническимъ частямъ. Воспитанники духовныхъ семинарій, при сохраненіи за ними нынѣшней льготы на поступленіе въ университетъ помимо „аттестата зрѣлости“, стали бы еще въ большемъ числѣ стремиться въ университеты. Затѣмъ, у насъ невозможно было бы ограничиться для предоставленія правъ поступленія на гражданскую службу, одними университетскими дипломами на ученую степень или свидѣтельствами объ окончаніи курса, короче — однимъ окончательнымъ экзаменомъ въ университетахъ, производимомъ профессорами университетовъ. Сторонники особыхъ государственно-экзаминаціонныхъ комиссій, состоящихъ, сверхъ профессоровъ университета, еще изъ лицъ по назначенію отъ администраціи, изъ чиновниковъ, у насъ нашли бы вполне убѣдительно основаніе для осуществленія своей мысли. Дѣло въ томъ, что на ряду съ университетами, но совершенно независимо отъ нихъ, существуютъ у насъ два заведенія: александровскій лицей и училище правовѣдѣнія, которыхъ прямое назначеніе готовить лицъ для государственной службы. Подчинить ихъ воспитанниковъ экзамену университетскому не было бы возможности, потому что ихъ курсы не могутъ быть и сравниваемы съ университетскими.

Итакъ, пришлось бы по необходимости осуществить мысль о государственно-экзаминаціонныхъ комиссіяхъ, состоящихъ, кромѣ профессоровъ, читающихъ въ университетахъ, еще изъ лицъ по назначенію администраціи. Затѣмъ, самостоятельный университетскій экзаменъ, т. е. удостовѣреніе въ знаніи университетскаго курса, даваемое университетскими профессорами, отмѣнилось бы, какъ неимѣющее болѣе практическаго значенія, и университеты стали бы только выдавать дипломы на степени магистровъ и докторовъ, а собственно окончательный университетскій экзаменъ перешелъ бы въ руки смѣшанныхъ комиссій „государственнаго экзамена“. Но такъ какъ эти комиссіи должны бы были соображать свою требовательность съ научною подготовкой воспитанниковъ лицея и училища правовѣдѣнія (которымъ иначе закрыта была бы дорога, для которой они готовились), то отсюда произошло бы на практикѣ, что студенты въ нашихъ университетахъ стали бы учиться въ виду минимума уровня познаній, требующихся въ экзаминаціонныхъ комиссіяхъ, то-есть въ виду уровня познаній воспитанниковъ лицея и училища право-

вѣдѣнія. Вотъ какой былъ бы результатъ государственнаго экзамена у насъ!

Соплемеся на знакомую нашимъ читателямъ статью профессора Герье ¹⁾, изъ которой, между прочимъ, явствуетъ, что и въ Германіи государственный экзаменъ въ сущности упразднилъ университетскій экзаменъ, что огромное число студентовъ думаетъ не о наукѣ и смотреть на университетскія занятія, въ сущности, какъ на приготовленіе къ экзамену, который имъ предстоитъ по окончаніи курса, и что неудовлетворительность государственнаго экзамена въ самой Германіи состоитъ въ томъ, что онъ обыкновенно бываетъ слишкомъ слабъ. Это такъ въ Германіи. Но у насъ онъ неизбежно былъ бы слабъ, гораздо слабѣе, чѣмъ въ Германіи, потому именно, что долженъ былъ бы пропускать на службу воспитанниковъ двухъ такихъ заведеній, которыхъ специальная цѣль — готовить людей для службы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ тотъ, который требуется въ университетахъ, и съ болѣе широкими правами, чѣмъ какія даютъ доселѣ университеты. Г. Герье рассказываетъ мимоходомъ, что „въ Потсдамѣ возникло цѣлое заведеніе для приготовленія на скорую руку къ ассессорскому экзамену, названное подъ названіемъ „*Schnellassessorenfabrik zu Baumgartenbrück*“, чрезъ которое прошла большая часть служащихъ въ Пруссіи (изъ 12-ти—11)“. Но вѣдь „скоропечатная машина“ если не коллежскихъ ассессоровъ, то хоть титулярныхъ совѣтниковъ у насъ вещь вовсе не неизвѣстная; въ этомъ отношеніи намъ умъ давно оказался изобрѣтательнѣе нѣмецкаго,

Итакъ, пониженіе, паденіе университетскихъ занятій, значительное облегченіе для молодыхъ людей чиновнаго и вмѣстѣ богатаго класса, да еще развѣ для духовныхъ семинаристовъ доступа къ государственной службѣ и наибольшее затрудненіе доступа къ ней именно для дѣтей средняго образованнаго общества въ Россіи — таковы были бы послѣдствія завершенія нынѣшней учебной системы установленіемъ у насъ „государственнаго экзамена“.

Академикъ Безобразовъ, повидимому, нисколько не сознаетъ „тѣней“ того учрежденія, какое онъ нашелъ въ Пруссіи и которое безусловно одобряетъ, тѣней, которыя у насъ — вслѣдствіе болѣе близости къ полюсу — сдѣлались бы еще гораздо длиннѣе. Въ программу его не входило выразить своего мнѣнія о примѣненіи „государственнаго экзамена“ въ Россіи, иначе онъ, конечно, скорѣе, чѣмъ кто-либо, вспомнилъ бы о существованіи у насъ привилегированныхъ высшихъ училищъ, съ курсами которыхъ пришлось бы волей-неволей

¹⁾ „Свѣтъ и тѣни университетскаго быта“. „Вѣсти. Европа“, февраль, 1876 г., стр. 646—710.

согласовать государственный экзаменъ. Учрежденія эти извѣстны почетному академику не менѣе близко, чѣмъ лицамъ, возложившимъ на г. Безобразова исполненное имъ порученіе. Теперь мы видимъ только, что г. Безобразовъ вполне сочувствуетъ обязательности государственнаго экзамена для поступленія на службу, въ томъ видѣ, какъ этотъ порядокъ существуетъ въ Германіи. Но интересно было бы именно знать мнѣніе его о примѣненіи подобнаго порядка у насъ. Случалось ли, напримѣръ, Безобразову встрѣчать въ Германіи членовъ академіи наукъ, не бывшихъ не только профессорами, но и студентами университета? Вѣдь еслибы ввести у насъ германскій порядокъ въ истинномъ его смыслѣ и безъ всякихъ отступленій, вызываемыхъ существованіемъ привилегированныхъ училищъ, то это значило бы сдѣлать недоступными для непрошедшихъ университетъ всѣ отрасли общей гражданской службы, т.-е. требовать, наприимѣръ, чтобы окончившіе университетскаго курса не могли быть даже экзекуторами въ правленіи академіи наукъ, ни помощниками дѣлопроизводителя въ департаментѣ народнаго просвѣщенія. Но не слишкомъ ли рѣзокъ и поспѣшенъ былъ бы такой переходъ отъ нынѣшняго положенія дѣлъ, при которомъ можно даже сдѣлаться не только дѣйствительнымъ членомъ академіи наукъ, но и гораздо, гораздо больше, чѣмъ дѣлопроизводителемъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, безъ университетскаго курса? Казалось бы, надо начинать съ легчайшаго.

Но если уже не стѣсняться трудностью требовать вдругъ слишкомъ многого, въ такомъ случаѣ нѣтъ причинъ ограничиваться тѣмъ, что сдѣлано въ Германіи. Можно пойти дальше ея. Вѣдь у насъ же признано было полезнымъ идти далѣе ея въ закрытіи университета для воспитанниковъ реальныхъ школъ, полезнымъ именно съ цѣлью возвысить практическую цѣнность „аттестата зрѣлости“. Съ той же самой цѣлью можно было бы установить обязательность государственнаго экзамена не только для гражданской службы государственной, но и для службы земской. Вѣдь говорить же г. Безобразовъ, въ упомянутой выше статьѣ, что „личный составъ (по назначенію или выбору) исполнительныхъ органовъ самоуправленія не можетъ не быть признаваемъ, если не всегда по буквѣ закона, то по принципу, частью общаго состава государственныхъ должностныхъ лицъ“. Сюда прямо относились бы члены земскихъ управъ, лица, которымъ земство поручаетъ попеченіе о своихъ училищахъ и т. д. При обязательности государственнаго экзамена для занятія такихъ земскихъ должностей, онѣ сдѣлались бы доступны только слѣдующимъ категоріямъ дѣателей: лицамъ, окончившимъ курсъ въ привилегированныхъ заведеніяхъ; лицамъ, прошедшимъ черезъ университетъ, благодаря льготѣ семинарскаго образованія; и наконецъ, лицамъ,

прошедшимъ въ университетъ съ „аттестатомъ зрѣлости“. Этими путемъ могли бы быть достигнуты одновременно три цѣли: во-первыхъ, практическая цѣнность „аттестата зрѣлости“ еще бы возрасла; во-вторыхъ, крестьяне не могли бы уже ни въ какомъ случаѣ проскакивать въ члены управъ; въ-третьихъ, новые земцы сдѣлались бы пропагандистами классическихъ убѣжденій, сами старались бы овладѣніи латинскаго языка не только въ земскія женскія школы, но, можетъ быть, и въ учительскія семинаріи; предлагали бы земскимъ собраніямъ учрежденіе гимназій или стипендій въ гимназіяхъ; наконецъ, дѣйствуя въ одномъ направленіи съ мѣстными инспекторами, въ самомъ дѣлѣ оправдали бы полное единодушіе семьи и школы, которыя, по нѣкоторымъ отзывамъ, еще не дагѣ какъ прошлую весною враждовали одна съ другою, а потомъ, лѣтомъ, торжественно примирились...

Между тѣмъ, если судить не по „нѣкоторымъ отзывамъ“, но по простымъ газетнымъ корреспонденціямъ изъ губерній, то и въ нынѣшней веснѣ полного и безусловнаго единодушія еще не замѣчается, и развѣ только указанная выше мѣра могла бы окончательно водворить все еще искомое единодушіе. Недостатокъ его особенно долженъ удивлять насъ, когда онъ оказывается въ одесскомъ учебномъ округѣ. „Объѣздъ министромъ одесскаго учебного округа“, говорили „Московскія Вѣдомости“, еще въ январѣ, „былъ однимъ изъ наиболѣе яркиѣ *событій* минувшаго года. Изъявленіе общественнаго сочувствія, какими сопровождалось посѣщеніе министромъ“...— слѣдуетъ исчисленіе городовъ, заключающееся именами Кишинева и Одессы—не нуждаются въ поясненій“. Представители земствъ и городовъ, сдѣлавшіе такія заявленія, признавались при этомъ московскою газетою „прямыми и несомнѣнными органами общественнаго мнѣнія“. Ровно черезъ пять дней послѣ выраженія такого взгляда, московская газета заговорила о происшедшемъ въ Кишиневѣ случаѣ, что кишиневское земское собраніе отказало мѣстной женской гимназій въ отпускѣ 1,380 р. на преподаваніе латинскаго языка. Въ виду такого случая „Московскія Вѣдомости“ напомнили кишиневскому земству, что кругъ его дѣятельности преимущественно „хозяйственный“ (какъ-будто вопросъ о расходѣ не хозяйственный!); что законъ предоставляетъ земству „участіе преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ, закономъ опредѣляемыхъ въ попеченіи о народномъ образованіи“, и что „все, что лежитъ за этими предѣлами, рѣшительно превышаетъ земскую компетенцію“. Газета напомнила земству, что для него не установлено даже ценза по образованію. Отсюда ясно, что въѣ указанныхъ предѣловъ нина-

кія его мнѣнія не можуть считаться компетентными. Но отсюда же ясно, что въ особенности мало компетентны земскіе дѣятели, не имѣющіе даже ценза по образованію, для поддержанія своими мнѣніями цѣлой учебной системы. По новому отыску „Московскихъ Вѣдомостей“ представители земства, когда берутся за рѣшеніе вопросовъ, выходящихъ изъ ихъ компетенціи (а таковы прежде всего вопросъ о цѣлой учебной системѣ, замѣтимъ мы), то „унижаются до роли ширмы, за которыми дѣйствуютъ болѣе или менѣе искусныя руки“. Итакъ, когда земство даетъ обѣди въ знакъ сочувствія, то оно не ширмы, а когда оно отказывается въ деньгахъ на латинскій языкъ въ женскихъ гимназіяхъ, то оно ширмы?

Впоследствии, недѣли черезъ двѣ, „Московскія Вѣдомости“, въ виду слышанныхъ ими укоровъ въ очевидномъ самопротиворѣчїи, все-таки не хотѣли сознаться, что заговорились, но стали отговариваться. Отговорки заключались въ томъ, что газета признавала некомпетентность земства только въ вопросахъ „педагогическихъ“; затѣмъ, что „не земское собраніе, но общество (въ Клишиневѣ) привѣтствовало учебную реформу въ поѣздку министра“. Какъ будто вопросъ о цѣлой учебной системѣ не есть высшій, труднѣйшій изъ педагогическихъ вопросовъ; какъ будто, если не заслуживаетъ вниманія мнѣніе большинства выборныхъ общества по вопросу, слѣдуетъ ли земству дѣлать расходъ на обученіе латинскому языку дѣвочекъ, можетъ имѣть какой-нибудь вѣсъ мнѣніе нѣсколькихъ выборныхъ общества о достоинствахъ цѣлой учебной системы! Различіе между „земствомъ“ и „обществомъ“, проведенное тутъ московскою газетою, не имѣетъ смысла, такъ какъ, говоря объ изъявленіяхъ общественнаго сочувствія учебной реформѣ, газета имѣла въ виду не какіе-либо неопредѣленные органы общественнаго мнѣнія, но именно и нарочито „прямые и несомнѣнные его органы“ въ Клишиневѣ, стало быть, положительно—представителей земства.

Возьмемъ другой городъ, принадлежащій къ одесскому учебному округу—саму Одессу. Искомага единомудрія тамъ, повидимому, столь мало, что инспекція министерства признаетъ вреднымъ даже присутствіе при урокахъ лица, уполномоченнаго отъ думы для завѣдыванія народными училищами въ городѣ. Одесская дума ассигновала въ 1875 году на народное образованіе 117¼ т. рублей. Но принципъ о „некомпетентности“ земствъ и думъ въ педагогическихъ вопросахъ проводится, повидимому, столь строго, что представитель думы, дающей 117 т. р. въ годъ на народное образованіе, не имѣетъ даже права показаться въ школы во время уроковъ; по крайней мѣрѣ, по словамъ одного корреспондента, вновь назначенный отъ министерства инспекторъ, встрѣтивъ завѣдывающаго школами отъ думы, просто

„удалить его изъ школы“ и просить „не допускать впередъ такихъ безпорядковъ“. А между тѣмъ, сколько помнится, одесская дума, и особенно одесскій городской голова, были приняты также вполне компетентными для изъясненія сочувствія въ дѣлу учебной реформы.

Далѣе, въ минувшемъ мартѣ „Московскія Вѣдомости“, которые зорко слѣдятъ за содержаніемъ въ порядкѣ земства по отношенію къ учебному вѣдомству и недавно напоминали въ бесѣдѣ о нашемъ земствѣ, что въ Пруссіи земскія должности безвлатны, — возбудили мысль о передачѣ александровской учительской семинаріи, содержимой и управляемой рязанскимъ земствомъ, въ руки министерства народнаго просвѣщенія — опять-таки, потому, что оно, а не земство „компетентно“. Между тѣмъ здѣсь вопросъ возникъ даже и не о тѣхъ или другихъ урокахъ, но просто о томъ, правда ли, что воспитанники этой школы ведутъ себя дурно, или неправда? Кажется, для рѣшенія подобнаго вопроса не требуется иной „компетентности“ кромѣ здраваго смысла; вѣдь отъ присяжныхъ, которые рѣшаютъ вопросъ даже о каторгѣ, не требуется ценза по образованію? Но московская газета всѣми силами протестуетъ противъ состоявшагося рѣшенія. Вотъ дѣло вкратцѣ: рязанское земство назначило комиссію для ревизіи учительской семинаріи; ревизію произвелъ г. Римникъ, исправляющій должность предводителя дворянства. Ревизіонная комиссія отозвалась, что ученики посѣщаютъ кабаки, и что „по слухамъ“ (передаетъ со словъ „Моск. Вѣд.“) религиозное настроеніе воспитанниковъ вовсе не такое, „какое желательное было бы видѣть“, наовонецъ, что „самая наружность воспитанниковъ представляетъ нѣчто ненормальное“. Очевидно, что ревизіонная комиссія должна была основать весь свой докладъ на фактахъ, а не на слухахъ и соображеніяхъ „о нормальной наружности“, иначе обвиненія были бы голословны. Но когда гласные потребовали фактовъ, то факты не оказались собранными, и оказалась даже невозможность „собрать ихъ въ три дня“ (а раньше чтѣ думали?); и въ заключеніе, въ видѣ фактовъ приведены были все-таки не что иное, какъ слухи, а именно, законоучитель отецъ Алякринскій передалъ, что онъ *слыхалъ* отъ неизвѣстныхъ крестьянъ, что „воспитанники ходятъ въ трактиры и посѣщаютъ ихъ въ особенности потому, что тамъ бываютъ особыя приманки для молодыхъ людей...“ Тотъ же о. Алякринскій отозвался, что въ церкви воспитанниковъ почти совсѣмъ не видно, хотя и призналъ, что они говѣли; „но во время литургіи смѣялись и постоянно выходили изъ церкви“. „Приведенныхъ въ этомъ отзывѣ фактовъ, кажется, было бы достаточно для убѣжденія“ и т. д. говорятъ „Московскія Вѣдомости“. Дѣйствительно, и подобныхъ *фактовъ* (!) совершенно достаточно московской газетѣ для того, чтобы заговорить о

внесеніи учителями въ народъ „растлѣвающихъ элементовъ“, какъ она и сдѣлала. Но такъ какъ *фактомъ* эти были не что иное, какъ слухи, и прямое показаніе законоучителя могло относиться развѣ только къ улыбкѣ, уловленной имъ на лицѣ кого-либо изъ учениковъ въ церкви, то серьезные люди должны были все это оставить безъ вниманія, въ виду удовлетворительныхъ объясненій председателя управы кн. Волконскаго и члена училищнаго совѣта г. Дашкова о религиозно-нравственномъ направленіи воспитанниковъ. Рязанскіе гласные такъ и сдѣлали.

Московскую газету въ этомъ дѣлѣ болѣе всего возмущаетъ фактъ, что отъ г. Рюмина гласные потребовали фактовъ, а не удовольствовались голословными его обвиненіями. „Г. Рюминъ былъ посаженъ на скамью подсудимыхъ!“ съ негодованіемъ замѣчаютъ они. Итакъ, если собраніе желаетъ удостовѣриться въ докладѣ избраннаго имъ же должностнаго лица, то это, по мнѣнію газеты, значитъ „сажать его на скамью подсудимыхъ“. Признаемся, насъ болѣзненно поражаетъ въ этомъ дѣлѣ совсѣмъ иной фактъ. Если отсутствіе внимательности къ богослуженію предосудительно въ молящихся, то какова же должна быть ловкость—*alacritas*—наблюденія въ самомъ священнодѣйствіи, если онъ можетъ замѣчать даже улыбку на лицѣ предстоящихъ, вести въ своемъ умѣ счетъ ихъ выходамъ и входамъ, и все это безъ ущерба тому глубокому созерцанію, какого требуетъ совершеніе таинства? Не знаемъ съ точностью, что можетъ означаться словами „ненормальная наружность“; но не можемъ признать нормальнымъ внутреннее значеніе такого факта, что законоучитель и исповѣдникъ воспитанниковъ является противъ нихъ обвинителемъ: его назначеніе несравненно выше. Это фактъ совершенно ненормальный и весьма неутѣшительный. Мы закончимъ имъ обзоръ мѣсячныхъ мѣръ, относящихся къ нашему духовенству и нашему народному просвѣщенію и пожелаемъ, чтобы сущность мѣръ, принимаемыхъ въ теченіи вотъ уже десяти лѣтъ въ высшихъ сферахъ этихъ двухъ управленій, была направлена къ устраненію возможности подобныхъ отношеній внизу, на мѣстѣ, на дѣлѣ. Настоящіе итоги всякаго десятилѣтія заключаются въ вопросѣ: сталъ ли выше нравственный уровень, или онъ понизился?

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ

И

МѢСТНЫЕ ОТЗЫВЫ О НЕЙ.

Письмо въ редакцію изъ Варшавы.

Судебная реформа въ губерніяхъ царства польскаго окончательно вводится съ 13/1 іюля текущаго года. Уже послѣдовали назначенія предсѣдателей, прокурора и пр. въ новыя судебныя инстанціи здѣшняго края. До 19-го февраля прошлаго года, т.-е. до обнародованія Вы; сочайше утвержденнаго „Положенія о судебной реформѣ въ царствѣ польскомъ“, въ мѣстномъ обществѣ существовали о ней только кое-какіе смутные слухи, возбуждавшіе, повидимому, тревожныя ожиданія; но никто серьезно не интересовался этими слухами, или—правильнѣе—о реформѣ какъ-то мало говорили. Только съ февраля прошлаго года мѣстныя изданія начали ознакомлять своихъ читателей со статьями „Положенія“, ограничиваясь, впрочемъ, простою ихъ перепечаткою, безъ какихъ бы то ни было съ своей стороны комментариевъ.

Какое впечатлѣніе на мѣстное общество произведено было сразу „Положеніемъ“—объ этомъ вообще лишне говорить. Общественная масса, мало знакомая съ юридическими тонкостями, не могла, конечно, составить себѣ яснаго и правильнаго понятія о достоинствахъ и несовершенствахъ реформы, сравнительно съ существующею судебною организаціей въ краѣ, да и вообще не юридическая сторона дѣла, на первыхъ порахъ, могла сосредоточить на себѣ общественное вниманіе. Оно все поглощено было самымъ фактомъ, что реформа состоялась уже законодательнымъ образомъ и что практическаго ея осуществленія слѣдуетъ ожидать въ самомъ непродолжительномъ времени.

Весьма важенъ вопросъ: сознавалась ли вообще въ польскомъ обществѣ если не необходимость, то потребность какой бы ни было судебной реформы? На этотъ вопросъ слѣдуетъ отвѣчать утвердительно. Не подлежитъ сомнѣнію, что существующій въ краѣ съ 1808 года порядокъ судопроизводства во многихъ отношеніяхъ не соответствуетъ современному состоянію общества и условіямъ времени, грѣшитъ часто лишнею запутанностію и сложностію—это было ясно

даже не со вчерашняго дня. Насколько, однако, потребность измѣненій удовлетворена состоявшеюся реформой—на это могла отвѣчать одна мѣстная печать, мнѣнія и отзывы которой не могутъ не быть интересны для насъ въ настоящую минуту.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ органами здѣшней мѣстной прессы, тотъ легко пойметъ, что она не могла не очутиться по этому поводу въ положеніи довольно затруднительномъ. Мѣстная печать положительно не привыкла подвергать какому-либо изслѣдованію или обсужденію правительственныя распоряженія, и обыкновенно ограничивается буквальною передачею на своихъ страницахъ правительственныхъ актовъ. Но ограничиться безусловнымъ молчаніемъ и на этотъ разъ, было невозможно: реформа весьма живо и близко затрогиваетъ самые дорогіе интересы общества, семьи и каждого отдѣльнаго лица, всю почти сферу интересовъ нравственныхъ и матеріальныхъ, хотя оставляетъ нетронутымъ мѣстное „матеріальное“ право, не вводитъ на его мѣсто „свода законовъ“ имперіи и ограничивается лишь установленіемъ новаго, общаго всей имперіи, порядка судопроизводства и судоустройства. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что самый лучший кодексъ правъ и законовъ, безъ точно опредѣленной, правильной и рациональной системы судебной процедуры, остался бы мертвою буквою.

Само собою разумѣется, что правильный взглядъ на характеръ и достоинства реформы могутъ составить только люди компетентныя, мѣстные юристы, и только ихъ мнѣніе можетъ имѣть серьезное значеніе. Потому-то сперва въ нѣкоторыхъ, а потомъ во всѣхъ почти органахъ мѣстной прессы стали появляться болѣе или менѣе обстоятельныя статьи о предстоящей реформѣ, принадлежащія специалистамъ. Было бы лишнимъ трудомъ сводить здѣсь всѣ мнѣнія, какія появились и являются еще на страницахъ разныхъ органовъ мѣстной прессы—мнѣнія эти къ тому же не отличаются разнообразіемъ. Мы будемъ имѣть въ виду болѣе вліятельныя органы, именно—спеціальную „Gazeta Sądowa“ (статьи проф. Миклашевскаго, адв. Уменецкаго и Опольскаго); „Niwa“ (статьи патрона Сулиговскаго) и „Przegląd Tygodniowy“ (статьи редакціонныя).

Для опредѣленія характера и достоинствъ реформы, необходимо не только разсматривать ее въ сравненіи съ существующимъ въ дѣйствіи краѣ, съ 1808 г., порядкомъ гражданскаго и уголовного судопроизводства, но и воснущаться тѣмъ намѣненіямъ и ограниченіямъ, какія внесены въ реформу, въ ущербъ ея полнотѣ, сравнительно съ систе-

мой и организаціей судебной процедуры въ имперіи. Начнемъ съ низшей судебной инстанціи.

Низшую инстанцію составляетъ здѣсь „гминный судъ“ — учрежденіе, въ имперіи неизвѣстное. Нашъ прогрессивный органъ, „Przegląd Tygodniowy“, высказываетъ слѣдующій взглядъ на характеръ этого учрежденія: „Извѣстно, что до 1859 г. на сельскомъ населеніи тяготѣла власть помѣщичья. „Гминные войты“ чинили судъ и расправу отъ имени помѣщиковъ, въ качествѣ уполномоченныхъ съ ихъ стороны. Кромѣ власти административной, въ предѣлахъ гмины, войтъ обладалъ и властью судебною, могъ безапелляціонно присуждать крестьянъ въ семидневному аресту, къ штрафу не выше 10 руб. и къ тѣлесному наказанію до 20-ти ударовъ. Никакого контроля надъ правильно-стью приговоровъ не было, кромѣ собственной совѣсти помѣщика и его уполномоченнаго. Къ сожалѣнію, исторія намѣстила слишкомъ много пятенъ на этой совѣсти. Полунищій, невѣжественный, безземельный и беззащитный крестьянинъ служилъ предметомъ безграничной эксплуатаціи и былъ жертвою насилія и злоупотребленій. Реакція была неизбежна. Въ 1859 г. постановлено было закономъ, что въ гминахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ деревень или небольшихъ имѣній, войтъ долженъ быть назначаеми по выбору и соглашенію мѣстныхъ землевладѣльцевъ — это было уже началомъ примѣненія выборнаго принципа. Наконецъ, въ силу указа 19 февраля 1864 г., крестьяне становятся мелкими собственниками и равноправными гражданами края. Равенство передъ закономъ, бывшее до того времени привилегіей меньшинства, становится удѣломъ всѣхъ. Слѣды феодальныхъ отношеній исчезаютъ окончательно. Во главѣ гмины стоитъ войтъ, избираемый гражданами изъ своей среды на три года... Такой порядокъ существуетъ по настоящее время“.

Со введеніемъ судебной реформы учреждается въ краѣ „гминный судъ“, — отдѣльно отъ мирового суда. За гминнымъ войтомъ остается власть административная, судебная же переносится на гминный судъ, состоящій изъ гминнаго судьи и двухъ членовъ, называемыхъ „лавниками“, — учрежденіе, въ имперіи неизвѣстное. Такихъ судовъ открыто будетъ въ краѣ до 500. Какіе же это суды? Собственно говоря, гминный судъ — тотъ же мировой судъ, съ тою лишь разницею, что мировые суды учреждаются по городамъ, а гминные исключительно для сельскаго населенія; но атрибуты и предѣлы власти мирового и гминнаго суда одни и тѣ же. Чтѣ мировой судья въ городѣ, то гминный въ селѣ. Но есть и болѣе существенная разница между этими, собственно говоря, совершенно однородными судебными инстанціями: гминный судъ — учрежденіе коллегіальное, мировой же судъ — одноличное; гминный судья и лавники назначаются по выборамъ, мировой же судья

назначается отъ правительства. Вникнувъ, однако, глубже въ дѣло, легко убѣдиться, что разница эта только кажущаяся. По закону, гминными судьями могутъ быть землевладѣльцы не моложе 25 лѣтъ, имѣющіе въ предѣлахъ гмины не менѣе 6-ти морговъ земли и окончившіе курсъ въ какомъ-либо учебномъ заведеніи, не исключая элементарной школы или выдержавшіе соотвѣтственный экзаменъ, или, наконецъ, прослужившіе не менѣе трехъ лѣтъ по судебному вѣдомству. Лавники обязаны умѣть читать и писать. И судья, и лавники — лица выборныя, въ нѣкоторомъ родѣ „налюбленные“, но — списки кандидатамъ на эти должности составляются гминными войтами и представляются уѣзному начальнику на разсмотрѣніе; уѣздный начальникъ, въ случаѣ надобности, возвращаетъ списки войтамъ, для исключенія изъ нихъ однихъ кандидатовъ и замѣщенія ихъ другими. Лавники окончательно утверждаются въ своей должности губернаторомъ, по соглашенію съ прокуроромъ мѣстнаго окружнаго суда; что же касается до гминныхъ судей, то они утверждаются въ должности только министромъ юстиціи; но г. министръ можетъ не утвердить ни одного изъ представленныхъ ему кандидатовъ и назначить на должность судей, до новыхъ выборовъ, вовсе непомянутыхъ въ спискѣ лицъ... Между тѣмъ, рѣшенію гминныхъ судовъ подлежатъ немаловажныя дѣла гражданского и уголовного характера. Они рѣшаютъ, въ качествѣ первой инстанціи, дѣла по личнымъ обязательствамъ на сумму до 250 руб., и только спорныя дѣла по отношенію къ недвижимой собственности не подлежатъ ихъ разбирательству, за исключеніемъ, впрочемъ, случаевъ, касающихся крестьянскихъ надѣловъ. Относительно уголовныхъ взысканій, гминные судьи пользуются равными съ мировыми судьями правами, именно — могутъ присуждать къ штрафу до 300 руб., къ аресту не болѣе трехъ мѣсяцевъ и къ годичному заключенію въ тюрьму. „Лишиться трехсотъ рублей или просидѣть годъ въ тюрьмѣ — наказаніе безъ сомнѣнія ужасное, которое можетъ окончательно подорвать весь экономическій бытъ небогатаго человѣка“ — говоритъ, между прочимъ, „Przegląd Tygodniowy“. — „Сравнивая — продолжаетъ онъ: — существующую организацію гминныхъ судовъ съ новою ихъ организаціею, мы видимъ между ними извѣстное оближеніе, именно: въ новой организаціи сохранены выборное начало, коллегіальность и элементъ исключительно мѣстный. Но, съ другой стороны, вліяніе администраціи чрезчуръ усилено, выборное же начало въ сущности низведено почти до нуля, такъ какъ министр юстиціи вправѣ не утвердить выбранныхъ кандидатовъ и назначить на гминныя должности людей, непоименованныхъ даже въ спискѣ, между тѣмъ какъ до настоящаго времени третьи выборы (въ случаѣ неутвержденія первыхъ двухъ) признавались по закону окончатель-

ныи. Безспорно, что задачей справедливаго суда должно служить безусловное стремленіе къ раскрытію объективной истины и правды, и потому слѣдуетъ питать надежду, что вліяніе администраціи, какъ всякое стороннее вліяніе на выборъ людей, призванныхъ чинить судъ правый, будетъ только временное... При нормальномъ положеніи дѣлъ, судья подчиняется только высшей судебной инстанціи и безъ судебного приговора не можетъ быть лишенъ должности. Кромѣ того, позволительно сомнѣваться, что достаточно судья умѣть писать и читать, чтобы законно и правильно присуждать къ уплатѣ 250—300 руб. и къ годичному тюремному заключенію. Понистинѣ, элементарнаго образованія, даже при здоровомъ природномъ умѣ, не всегда для этого можетъ быть достаточно. Мы можемъ утѣшаться одною лишь мыслию, что выборы будутъ происходить при обстоятельствахъ болѣе благоприятныхъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. Утихли страсти, сопровождавшія въ 1864 г. учрежденіе гминной институціи; сельская интеллигенція, крупные землевладѣльцы нынѣ начинаютъ смотрѣть на крестьянъ, какъ на согражданъ; послѣдніе, въ свою очередь, не имѣютъ болѣе причинъ относиться враждебно къ представителямъ сельской интеллигенціи. Понятіе о солидарности и общности интересовъ несомнѣнно развивается въ массахъ; къ тому же образованіе дѣлаетъ замѣтные успѣхи. Не слѣдуетъ потому терять надежды, что личный составъ гминныхъ судовъ будетъ организованъ только изъ просвѣщенныхъ, нравственныхъ и честныхъ людей...¹⁾

Мнѣніе о томъ, что отъ гминныхъ судей и лавниковъ требуется по закону слишкомъ недостаточный уровень образованія — высказывается единодушно. То же самое слѣдуетъ сказать и о мировыхъ

¹⁾ Въ № 30 „Gazety Warszawskiej“ помѣщены весьма любопытныя выдержки изъ частнаго письма въ редакцію, слѣдующимъ образомъ характеризующія открытіе уже по уѣздамъ выборы: „при самыхъ лучшихъ желаніяхъ, трудно служить общественному благу, потому что уѣздные комитеты, приступившіе къ распредѣленію и группировкѣ гминныхъ участковъ и собирающіе свѣдѣнія объ источникахъ на покрытие расходовъ по гминной судебной организаціи, рѣшительно не обращаются въ заявленія и мнѣнія мѣстной интеллигенціи...“ „При составленіи списковъ кандидатовъ, представленныхъ уже у насъ губернской власти, войти и солтисы руководствовались чисто личными соображеніями и побужденіями, обошли людей достойныхъ и представили несоотвѣтственныхъ кандидатовъ...“ „Если въ послѣдніе годы многіе войты, по своему малоразвитію и невѣжеству, положительно не соотвѣтствовали своему назначенію, возбуждали справедливое неудовольствіе властей и общества, то чего можно ожидать отъ подобныхъ невѣжественныхъ людей, когда они слѣлаются судьями? Безъ сомнѣнія, больше всего страдать будутъ крестьяне, какъ главное сельское населеніе, вполне подчиненное гминной юрисдикціи...“ Оставляемъ эти замѣчанія безъ комментариевъ и просимъ сравнить ихъ съ выше приведенными надеждами и соображеніями варшавскаго органа. Впрочемъ, изъ другихъ мѣстъ получаютъ извѣстія менѣе пессимистическія.

судьяхъ, отъ которыхъ общее мнѣніе требуетъ непременно спеціальнаго юридическаго образованія. Въ имперіи возможны извѣстныя въ этомъ отношеніи ограниченія, потому что тамъ мировой судья—лицо выборное, обязанное представить имущественный цензъ... Основаніемъ мировой институціи должно служить исключительно общественное довѣріе къ избираемому лицу, дающее весь смыслъ и значеніе институціи этого рода. Въ здѣшнемъ краѣ, при отсутствіи выборнаго принципа, мировой судья долженъ по крайней мѣрѣ обладать высшимъ и спеціальнымъ образованіемъ. „Въ нашемъ краю — говоритъ „Niwa“—преобладаетъ меньше чѣмъ средняя зажиточность; большинство городского населенія составляютъ небогатые домовладѣльцы, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы и ремесленники, и потому разбирательству мировыхъ судей будетъ подлежать значительное количество мелкихъ, но, по мѣстнымъ условіямъ, важныхъ и серьезныхъ дѣлъ. Лишнее было бы доказывать, насколько общественное благосостояніе зависитъ отъ суда справедливаго и правильнаго; но упрощенная и быстрая процедура, чуждая излишнихъ формальностей, не составляетъ еще гарантіи правильнаго рѣшенія дѣлъ и не облегчаетъ труднаго и высокаго призванія судьи. Отъ него требуется много снотности, терпѣнія, проницательности, знанія дѣла и мѣстныхъ отношеній, чтобы въ предѣлахъ своей власти, довольно обширной, онъ въ состояніи былъ достойно выполнить свое призваніе“.

Что касается до окружныхъ судовъ и судебной палаты (одна въ Варшавѣ), вѣдѣнію которыхъ подлежатъ въ обыкновенномъ порядкѣ гражданскія и уголовныя дѣла, не входяція въ сферу разбирательства мировыхъ судей, — новая процедура въ этихъ инстанціяхъ, особенно по отношенію къ процессамъ уголовнымъ, имѣетъ много преимуществъ передъ старой. Весьма сочувственно мѣстная пресса относится главнымъ образомъ къ прокурорскому надзору, къ институту присяжныхъ повѣренныхъ, судебныхъ слѣдователей и къ праву кассации (черезъ подачу жалобъ въ кассаціонный департаментъ прав. сената). Исключеніе изъ реформы суда присяжныхъ вызываетъ однако слѣдующее замѣчаніе: „Вслѣдствіе какихъ причинъ здѣшній край лишень будетъ суда присяжныхъ, признаваемаго повсюду за самое спасительное учрежденіе?—спрашиваетъ „Niwa“.—Въ имперіи, вскорѣ по введеніи суда присяжныхъ, пришли къ убѣжденію, что, по мѣстнымъ условіямъ, учрежденіе это пока не представляетъ будто бы надлежащихъ шансовъ дальнѣйшаго полезнаго примѣненія, и потому въ послѣднее время оно приостановлено во вновь открываемыхъ судебныхъ округахъ. По нашему мнѣнію, здѣшній край не представляетъ ни малѣйшихъ препятствій къ введенію подобной реформы. Многие усматриваютъ причину исключенія суда присяжныхъ изъ ре-

формы въ соображеніяхъ политическихъ; но какое же отношеніе можетъ существовать между институтомъ суда присяжныхъ и вопросами политическими?... Какъ бы то ни было, новая уголовная процедура все-таки неизмѣримо выше старой, несмотря на то, что уголовныя дѣла будутъ рѣшаться только на основаніи формальныхъ доказательствъ, которыя, какъ извѣстно, не гарантируютъ правильности судебныхъ приговоровъ, потому что не всегда даютъ возможность безошибочно и категорически судить о фактѣ виновности или невинности подсудимаго. По существующей въ краѣ старой прусской и австрійской уголовной процедурѣ, всѣ три главные момента каждаго процесса, т.-е. обвиненіе, защита и произнесеніе приговора — находятся въ однихъ и тѣхъ же рукахъ!.. Громадную разницу представляетъ новая уголовная процедура, съ институтомъ судебныхъ слѣдователей, не участвующихъ въ произнесеніи приговора, съ прокурорами-обвинителями и имѣющими равный съ ними на судѣ голосъ адвокатами-защитниками, съ словеснымъ и публичнымъ анализомъ процесса, съ гласнымъ допросомъ свидѣтелей и подсудимыхъ.

Въ гражданскую процедуру реформа тоже вноситъ существенныя измѣненія. По французской процедурѣ, обязательной въ нынѣшнихъ судебныхъ инстанціяхъ края, самое вчинаніе иска, анализъ и подборъ доказательствъ, и полное обслѣдованіе всѣхъ сторонъ дѣла совершаются безъ участія суда и вполне лежатъ на обязанности адвокатовъ, которые являются и производителями, и защитниками дѣла. Для вчинанія иска, адвокатамъ служитъ право „позыва“, имѣющаго officialную силу. Судъ узнаетъ о данномъ процессѣ только тогда, когда защитники окончательно приготовить дѣло къ докладу и внесутъ въ судъ къ слушанію, послѣ чего суду остается только произнести приговоръ или рѣшеніе. Реформа измѣняетъ этотъ порядокъ, подчиняя всю процедуру иска контролю суда. Стороны обращаются не къ защитникамъ, а непосредственно въ судъ, который вчинаетъ искъ и даетъ ему весь надлежащій ходъ; помимо суда никакой гражданскій процессъ не можетъ быть начатъ. Такого рода процедура имѣетъ въ наукѣ многихъ сторонниковъ и, безъ сомнѣнія, не лишена многихъ хорошихъ сторонъ; тѣмъ не менѣе, по отношенію къ здѣшнему краю — по мнѣнію мѣстныхъ юристовъ — она не можетъ быть признана нововведеніемъ счастливымъ. Впрочемъ, новая процедура представляетъ много сторонъ, несомнѣнно хорошихъ, особенно по вопросу о принудительной продажѣ за долги недвижимостей, или, о мѣстной юридической терминологіи — о продажѣ „субгастаціонной“ (римское *sub hasta*). Въ настоящее время субгастаціонный процессъ обставленъ множествомъ лишнихъ формальностей, мелкихъ и устоявшихся, несоблюденіе которыхъ влечетъ однако за собой прекра-

шеніе процесса, хотя бы онъ былъ обставленъ сроками, по истеченіи которыхъ новое вчинаніе иска становится невозможнымъ. По ст. 1202 и 1203 новаго устава гражданскаго судопроизводства, несоблденіе простыхъ формальностей не прекращаетъ иска; формальности дополняются, и процессъ идетъ дальше своимъ путемъ. Эта сторона новой судебной процедуры—весьма важна; къ сожалѣнію, всѣ выгоды ея подрываются не вполне удачною институціею судебныхъ приставовъ, по здѣшней терминологіи—*коморниковъ*. „Въ настоящее время—говорить „Niwa“:—коморникъ не получаетъ жалованья и вознаграждается всякій разъ стороною за успѣшное исполненіе судебного рѣшенія; въ основаніи этой институціи лежитъ общественное довѣріе къ коморникамъ и взаимная между ними конкуренція. Нерѣдко для исполненія судебного рѣшенія необходимы быстрота и необыкновенная энергія; но если приставъ или коморникъ не заинтересованъ лично въ успѣшномъ исполненіи судебного рѣшенія, то самое лучшее исполнительное право едва ли можетъ получить на практикѣ надлежащее примѣненіе“. Кромѣ того, по нынѣшней процедурѣ, всякое судебное рѣшеніе заключаетъ въ себѣ и постановленіе объ исполненіи этого рѣшенія (*klausula ekzekucyjna*); получивъ официальную копію рѣшенія, коморникъ сейчасъ же приступаетъ къ его исполненію. По новой процедурѣ, коморникъ не пользуется никакою самостоятельностью и на каждомъ шагѣ нуждается въ разрѣшеніи власти. Состоявшееся рѣшеніе не приводится въ исполненіе до тѣхъ поръ, пока пристава не врученъ будетъ отдѣльный актъ, т.-е. исполнительный листъ; притомъ выборъ пристава, обязаннаго исполнить рѣшеніе, зависитъ не отъ заинтересованной стороны, а отъ усмотрѣнія предсѣдателя суда. „Niwa“ сомнѣвается, чтобы такой порядокъ былъ лучше существующаго; напротивъ, она находитъ его худшимъ.

Все сказанное выше приводитъ къ тому общему заключенію, что—по отзывамъ мѣстной прессы, въ которыхъ высказывается взглядъ юристовъ на судебную реформу—существенное улучшеніе приобретаетъ только уголовное судопроизводство; что же касается до судопроизводства гражданскаго, то особенныхъ улучшеній реформа не приноситъ; напротивъ, прежняя процедура, съ ея порядкомъ исковыхъ процессовъ, за исключеніемъ субгастаціонныхъ, признается истинными юристами болѣе удобною для суда и для тяжущихся ¹⁾. Наконецъ, гминные и мировые суды, прекрасные по идеѣ институціи, теряютъ весь почти свойственный имъ характеръ, вслѣдствіе существенныхъ ограниченій въ ихъ организаціи, и потому едва ли могутъ сопровождаться тѣми благими результатами, какихъ позволительно было бы отъ нихъ ожидать.

¹⁾ Нужно еще прибавить, что такая процедура особенно выгодна и для адвокатовъ.

Противъ подобныхъ взглядовъ и соображеній, очевидно, возражать было бы бесполезно, да и трудно; одна лишь практика можетъ рѣшить, насколько эти соображенія правильны или ошибочны.

Новая судебная реформа вноситъ также значительныя измѣненія въ сферу теоріи доказательствъ; но мы не можемъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, по чисто-спеціальному его характеру. Не менѣе спеціальныя характеръ носить основательныя статьи г. Умenceкаго въ „Gazetę Sadową“, посвященныя разсмотрѣнію и констатированію многихъ противорѣчій, неясностей и затрудненій, какія неизбежно возникнутъ на практикѣ при примѣненіи новой судебной процедуры къ мѣстному матеріальному праву. Если принять во вниманіе еще и то обстоятельство, что новыя дѣятели примутся за дѣло безъ практическаго знанія мѣстнаго права и безъ знанія мѣстнаго языка; если имѣть въ виду, что прежніе дѣятели, которые удѣляють, въ свою очередь практически не ознакомлены съ новою процедурою, то невозможно не ожидать на первыхъ порахъ громадныхъ недоразумѣній и ошибокъ въ судебной практикѣ, которыя могутъ сопровождаться не совсѣмъ благопріятными для частныхъ и общественныхъ интересовъ послѣдствіями. Впрочемъ, такова судьба всѣхъ почти реформъ и преобразованій; дѣло лишь въ томъ, чтобы недоразумѣній было какъ можно меньше.

По отношенію къ здѣшнему краю, реформа возбуждаетъ еще опасенія особаго рода. „Никогда и ни въ какомъ случаѣ, — говоритъ „Niwa“ — каждое отдѣльное слово и каждая фраза не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ въ дѣлѣ правосудія. Часто судьба подсудимаго зависитъ отъ одного слова, отъ одного свидѣтельскаго показанія; случается также нерѣдко, что, благодаря неточности или неясности одной фразы, виновный оправдывается и гроза наказанія падаетъ на голову невиннаго. Судебная практика представляетъ много тому примѣровъ. Судъ имѣетъ дѣло не только съ людьми просвѣщенными, но и съ людьми простыми и невѣжественными, которые не всегда умѣютъ правильно оформить и выразить мысль даже на родномъ языкѣ. И въ гражданской процедурѣ языкъ имѣетъ не менѣе важное значеніе. Кодексъ Наполеона, напримѣръ, заключаетъ въ себѣ девять отдѣльныхъ статей, относящихся къ способу пониманія договоровъ, а между тѣмъ любой опытный юристъ скажетъ вамъ, что эти статьи нерѣдко составляютъ предметъ обширныхъ юридическихъ разсужденій и сопровождаются разнообразными комментаріями въ судебныхъ присутствіяхъ. Легко понять, что новая судебная процедура, на малознакомомъ или вовсе неизвѣстномъ массѣ населенія языкѣ, неизбежно поведетъ къ серьезнымъ затрудненіямъ и недоразумѣніямъ, тормозя и парализируя даже, быть можетъ, правильный

и успѣшный ходъ правосудія. Правда, при словесныхъ разбирательствахъ допускаются переводчики, а письменные акты должны быть излагаемы на обоихъ языкахъ, но развѣ это не усложняетъ дѣла и развѣ этого будетъ достаточно? Понимая, въ дѣлѣ правосудія языкъ составляетъ самое дорогое и незамѣнимое сокровище...

Много еще иныхъ сомнѣній и опасеній въ обществѣ и въ печати возникаетъ по поводу предстоящей судебной реформы. Каковы будутъ новые судьи, кто и какъ чинить будетъ судъ и расправу? — поднимаются вопросы. Для судьи не довольно имѣть достаточное теоретическое образованіе, добрую волю и благородное сердце, чтобы соотвѣтствовать своему призванію. Кромѣ спеціальнаго знанія дѣла, теоретическаго и практическаго, судья необходимо знаетъ мѣстныя отношенія, языкъ, характеръ, нравы, хорошія и дурныя стороны народа и общества, въ средѣ котораго онъ долженъ дѣйствовать. Всѣ мѣстные интересы, нравственные и матеріальныя, вся сфера вопросовъ общественнаго и социальнаго характера — должны быть ему не чужды, какъ имѣющіе ближайшее и прямое отношеніе къ его дѣятельности. „Не можеть, — говорить „Niwa“: — испанецъ судить шведа, ни англичанинъ — итальянца...”

Наконецъ, вопросъ о реформѣ для многочисленнаго класса людей равносильнъ у насъ вопросу о насущномъ хлѣбѣ. Нѣсколько сотъ чиновниковъ, вслѣдствіе ожидаемаго наплыва новыхъ лицъ, очутятся не у дѣлъ... Сразу и значительно увеличится контингентъ недостаточныхъ, и безъ того немалый. Въ самомъ дѣлѣ, довольно заглянуть въ одной Варшавѣ въ разныя трущобы, чтобы убѣдиться, сколько нищеты гнѣздится въ этомъ, повидимому, оживленномъ и веселомъ городѣ, сколько силъ, знанія и ума безслѣдно гибнетъ, не принося обществу пользы, по невозможности найти какую бы то ни было работу. Вся предварительная работа молодости, посвященная подготовкѣ къ жизни и полезному труду, вся энергія и желаніе трудиться, полившіе дипломы кандидатскіе, магистерскіе и даже докторскіе — все это не открываетъ еще доступа къ труду и не обезпечиваетъ для него сколько-нибудь вѣрнаго куска хлѣба. Конечно, всякая перемѣна влечетъ за собою удобство для однихъ, и лишеніе — для другихъ, но надобно думать, что все это будетъ предвидѣно и по возможности устраниено. Вотъ все, что можно отвѣтить пока на соображенія и опасенія жѣстной прессы, вызываемыя ожиданіемъ новой реформы и не лишенныя значительной доли основанія.

М. Р — овъ.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА

1-е апрѣля, 1876.

ТРЕТЬЯ РЕСПУБЛИКА ВО ФРАНЦІИ.

Первая республика во Франціи по имени существовала двѣнадцать лѣтъ, вторая, по имени—четыре года; третья доселѣ, по имени же, существуетъ уже почти шесть лѣтъ. Доселѣ она существовала скорѣе какъ междоцарствіе, чѣмъ какъ республика. Провозглашенная, подобно первой республикѣ въ сентябрѣ, она едва не пала, подобно ей же въ маѣ, когда началось правленіе маршала, опиравшееся на союзъ монархистовъ, прямо направленный къ лишенію республики ея смысла и къ замѣнѣ ея монархіею при удобномъ случаѣ. Междоцарствіе съ 4-го сентября 1870 выражалось словами: *pacte de Bordeaux*; съ 24-го мая 1873 года словами — *coalition du 24 mai*. Съ 20-го февраля 1875 года республиканская форма утвердилась обнародованіемъ конституціонныхъ законовъ, но основной мыслью большинства собранія и бывшаго кабинета оставалась мысль о неокончателности этого порядка, о возможности его пересмотра, то-есть отрицаніи самой формы, между тѣмъ какъ смыслъ политики главы кабинета Бюффѣ былъ чисто анти-республиканскій.

Положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось въ текущемъ году, съ тѣхъ поръ какъ страна произнесла свое слово. Выборы 30-го января, 20-го февраля и 5-го марта доставили полное торжество республиканской партіи. Септеннатъ, такъ-сказать, исчезъ въ республикѣ. О септеннатѣ теперь если и упоминается, то единственно въ смыслѣ срока президентскихъ полномочій маршала Макъ-Магона, а не въ видѣ учрежденія знаменующаго междоцарствіе. Республиканская форма дѣйствительно утвердилась; на долго ли? — это другой вопросъ. Насколько, насколько настоящая несомнѣнная воля націи можетъ ручаться за окончательность формы правленія, республика во Франціи теперь упрочилась.

Республиканцы составляютъ большинство въ сенатѣ. Что касается палаты депутатовъ, то она состоитъ изъ 354 республиканцевъ и 178 не-республиканцевъ. Такимъ образомъ, республиканцамъ принадлежить въ ней большинство двухъ-третьей голосовъ, такъ какъ хотя, собственно говоря, имъ и недостаетъ до этого большинства двухъ голосовъ, но, при вопросахъ о принципахъ, къ нимъ навѣрное бу-

дуть присоединяться нѣсколько голосовъ изъ группы такъ-называемыхъ „конституціонистовъ“, которыхъ въ палатѣ считается 22. Къ группировкѣ въ ней партій мы еще возвратимся, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о ближайшемъ значеніи выборовъ.

Въ ближайшемъ смыслѣ они представили полнѣйшее осужденіе странною реакціонной политики кабинета Бюффѣ, этого полу-орлеаниста, полу-бонапартиста. Паденіе его представляетъ одинъ изъ краснорѣчивѣйшихъ фактовъ современной исторіи. Годъ тому назадъ, когда бывшее національное собраніе утвердило конституціонные законы, Бюффѣ былъ такъ-сказать героемъ дня; его вліянію поддались орлеанисты, подавъ голоса въ пользу этихъ законовъ. Смыслъ этого рѣшенія, съ монархической точки зрѣнія, былъ таковъ, что, отчаявшись въ возстановленіи королевства, болѣе умѣренные роялисты рѣшились оградить септеннатъ отъ значенія первой ступени къ возстановленію имперіи. Естественно, Бюффѣ сдѣлался главою тогдашняго кабинета. Не менѣе естественно было бы, еслибы онъ попытался управлять, опираясь на то самое, весьма значительное, большинство (174 голоса), которое состоялось въ пользу принятія конституціонныхъ законовъ. Но онъ далеко уклонился отъ этого пути. Входящихъ въ составъ этого большинства республиканцевъ онъ вскорѣ оттолкнулъ отъ себя, продолжая дѣйствовать въ духѣ коалиціи 1873 года, а орлеанистовъ и въ особенности легитимистовъ не удовлетворилъ именно потому, что настроеніе ихъ было въ февралѣ 1875 г. совсѣмъ иное, чѣмъ въ маѣ 1873 года, когда они въ союзѣ съ бонапартистами низвергли Тьера. Роялисты, и въ особенности легитимисты въ ихъ числѣ, въ 1875 году боялись бонапартистовъ, а Бюффѣ именно потворствовалъ бонапартистскимъ интригамъ потому, что составъ префектовъ и высшая администрація вообще, наполненные бонапартистами, должны были служить, по его мысли, надежнымъ орудіемъ къ „устройству“ будущихъ выборовъ въ смыслѣ побѣды „консервативныхъ“ идей, т.-е. тѣхъ самыхъ идей, которыя воодушевляли прежде большинство національнаго собранія и оказались совершенно безсильными создать что-либо.

Результатомъ такого недоразумѣнія было необыкновенно странное явленіе: приступивъ къ избранію 75 безсмысленныхъ сенаторовъ, само національное собраніе, несмотря на несомнѣнное преобладаніе въ немъ монархистовъ, избрало въ числѣ 75 сенаторовъ значительное большинство республиканцевъ. Это необыкновенное происшествіе было подобно тому, какъ еслибы, подъ вліяніемъ какихъ-нибудь необычныхъ условій почвы и климата, на полѣ, засѣянномъ ячменемъ, выросла пшеница. Вся страна уразумѣла это странное явленіе въ

смыслъ какой-то непреодолимой судьбы. Когда же наступилъ для самой страны моментъ выборовъ въ сенатъ и палату депутатовъ, то предъ отвращеніемъ націи къ системѣ интригъ и несправедливости, въ намѣренію министерства навязать ей свою волю, оказалось бессильнымъ пресловутое всемогущество давленія на выборы той колоссальной и дѣятельной машины, какаѣ представляется во Франціи администрацію. Бюффѣ—первый человѣкъ во Франціи въ концѣ февраля 1875 года, съ тѣхъ поръ, въ продолженіи года подготовлявшій дѣйствіе той машины, которою онъ управлялъ, мнившій держать въ рукахъ предстоявшіе выборы, не только былъ совершенно разбитъ, какъ вождь, какъ министръ, какъ представитель политической программы, но и лично, какъ единичный политическій дѣятель. Избиратели дали противникамъ его программы большинство двухъ-третьей въ новой палатѣ депутатовъ, а онъ самъ четыре раза провалился на выборахъ, потерпѣвъ пораженіе вездѣ, гдѣ онъ являлся кандидатомъ, не былъ избранъ ни сенаторомъ, ни депутатомъ. Результатомъ его годового управленія „всесильною машиною“ было то, что изъ „героя дня“, изъ l'homme de la situation, онъ превратился въ ничто, былъ лично сданъ въ архивъ, совершенно устраненъ отъ всякаго участія въ политической дѣятельности. Какъ Гамбетта былъ избранъ въ четырехъ городахъ, такъ Бюффѣ четыре раза провалился.

Таковъ былъ смыслъ выборовъ по отношенію къ тому, что нынѣ отодвинулось уже въ область прошедшаго. Теперь посмотримъ, какое основаніе создали выборы для ближайшаго будущаго. Бюффѣ не дождался дополнительныхъ выборовъ 5-го марта, чтобы подать въ отставку: такъ очевиденъ былъ приговоръ выборовъ 20-го февраля лично надъ нимъ; уже 24-го февраля появился декретъ президента республики, передавшій предсѣдательство въ совѣтъ министровъ министру юстиціи Дюфору. Передача власти прежнимъ національнымъ собраніемъ новому, въ составѣ сената и палаты депутатовъ, послѣдовала 8-го марта. Герцогъ д'Одиффрѣ-Пакъѣ, въ качествѣ президента постоянной комиссіи прежняго національнаго собранія, передалъ полномочія его въ руки президента новаго сената, по старшинству дѣтъ, Готье-де-Рюмилльи, сказавъ, что „Франція утвердила республиканское устройство, которое есть дѣло примиренія и успокоенія“. Составъ новой палаты депутатовъ указывалъ на необходимость составленія республиканскаго кабинета, а результатъ выборовъ, какъ приговоръ страны надъ дѣйствіями прежней администраціи, указывалъ на необходимость значительныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ управленія департаментами. То и другое не замедлило совершиться, хотя и далеко не въ соотношеніи съ новой группировкою партій въ народномъ представительствѣ.

Въ составѣ палаты депутатовъ мы видимъ 354 республиканца; въ числѣ ихъ находятся около 80 радикаловъ, и въ числѣ послѣднихъ 13—15 такъ-называемыхъ „непримиримыхъ“. Какъ бы то ни было, все это большинство будетъ совершенно компактно во всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые могутъ касаться „республиканской будущности“ Франціи, каковы, напримѣръ, вопросы объ истолкованіи учрежденій, объ окончательности республики и о бонапартизмѣ. Не-республиканцы въ палатѣ распадаются на группы: 22 конституциониста, то-есть орлеаниста, поддерживающихъ республику въ видѣ сенатата съ Магъ-Магономъ, 56 членовъ правой стороны, то-есть болѣе энергическихъ орлеанистовъ и легитимистовъ умѣреннаго свойства, 24 легитимиста крайнихъ и 76 бонапартистовъ. Замѣтимъ между прочимъ, что выборы 20-го февраля и 5-го марта были поражениемъ, а въ отдѣльности для бонапартистовъ, опроверженіемъ тѣхъ слуховъ, какіе ходили о тайныхъ, будто бы огромныхъ успѣхахъ бонапартистской пропаганды. Что она производится въ огромныхъ размѣрахъ, это не подлежитъ сомнѣнію, но чтобы она увѣнчалась болѣе успѣхами, это, въ виду результата выборовъ, оказывается чистіиш преувеличеніемъ. Бонапартистовъ страна избрала депутатами не только вчетверо или впятеро меньше, чѣмъ республиканцевъ, но меньше, чѣмъ однихъ радикаловъ, меньше, чѣмъ роялистовъ, которые, взятые въ сложности, составляютъ около сотни членовъ палаты, и стало бы могли бы быть гораздо сильнѣе бонапартистовъ, еслибы какое-либо событіе слило орлеанскую партію съ партією легитимистовъ. Судя съ либеральной точки зрѣнія, можно вообще сказать, что выборы выпали какъ разъ „въ пропорцію“ того, что было нужно отъ нихъ для Франціи въ настоящее время.

Главную опасность для нея въ новой палатѣ, безъ сомнѣнія, представляютъ радикалы, потому собственно, что положеніе Франціи въ Европѣ особенно щекотливое. Но нельзя все-таки сказать, что было бы лучше, еслибы ихъ было избрано меньше. Для того, чтобы произвести на елисейскій дворецъ впечатлѣніе, достаточное для отступленія отъ реакціонернаго союза, необходимо было свидѣтельство страны, что она даже радикаловъ предпочитаетъ бонапартистамъ. Численный результатъ выборовъ вышелъ таковъ, что еслибы кто-нибудь изъ умныхъ друзей Франціи въ Англіи, напримѣръ, подсказалъ ей секретъ самой благопріятной для Франціи въ эту минуту микстуры, то рецептъ этотъ, по всей вѣроятности, состоялъ бы изъ чиселъ весьма сходныхъ съ тѣми, какіе сами вышли изъ избирательныхъ урнъ. Въ такомъ результатѣ нельзя же видѣть большой политической чувствительности французскихъ избирателей; въ моменты кризисовъ они склонны увлекаться или поддаваться страху, но въ нормальномъ состояніи французскій народъ

весьма ясно сознаеть что ему нужно. „Le pays est centre gauche“— это выраженіе принадлежит одному изъ совѣтниковъ Людовика-Филиппа. Въ первый разъ, послѣ цѣлой четверти столѣтія нація эта имѣла возможность безъ угрозы кризиса или насилія высказать свое настроеніе: она высказала его такъ, что результатомъ его выраженія явился „кабинетъ лѣваго центра“; правда, она высказалась нѣсколько *мѣне* лѣваго центра, но сдѣлала это именно потому, что ее назойливо натапливали направо.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи во власть, новыя палаты избрали своихъ окончательныхъ президентовъ и увидѣли новый республиканскій кабинетъ. Президентомъ палаты депутатовъ избранъ умѣренный республиканецъ Гревй, бывшій президентомъ прежняго собранія до торжества коалиціи, которое поставило на его мѣсто Бюффѣ. Гревй былъ избранъ теперь почти единогласно (468 голосовъ противъ 7). Сенатъ избралъ своимъ президентомъ герцога д'Одиффрѣ-Пакѣ, приверженца конституціи и особаго противника бонапартизма. Новый кабинетъ, назначенный 9-го марта, включаетъ слѣдующихъ лицъ: Дюфоръ—президентъ (не вице-президентъ, какъ назывался глава кабинета доселѣ) совѣта, канцлеръ (т.-е. министръ юстиціи) и министръ духовныхъ дѣлъ; герцогъ Деказъ, генералъ де-Сиссѣ и Леонъ-Сэ остались также изъ прежняго кабинета, министрами иностранныхъ дѣлъ, военнымъ и финансовъ; новые министры: внутреннихъ дѣлъ—Риваръ, членъ партіи лѣваго центра, но не членъ ни палаты депутатовъ, ни сената; публичныхъ работъ—Тессеранъ-де-Воръ (членъ лѣваго центра); торговли—Кристофль (членъ лѣваго центра); народного просвѣщенія—Ваддингтонъ (членъ лѣваго центра); наконецъ, морской и колоній—адмиралъ Фуришонъ (членъ группы Валлона, но былъ въ Турѣ морскимъ министромъ, т.-е. въ правленіе Гамбетты). Ваддингтонъ—протестантъ, а потому министерство духовныхъ дѣлъ было отдѣлено отъ портфеля просвѣщенія. Риваръ—министръ непарламентскій въ томъ смыслѣ, что взять извнѣ парламентскаго состава, но онъ можетъ быть избранъ въ депутаты впоследствии, и этимъ приверженцы лѣваго центра оправдываютъ это назначеніе, которое правится консервативнымъ республиканцамъ, потому что Риваръ слыветъ энергическимъ человекомъ.

Итакъ, министерскія назначенія послѣдовали почти исключительно въ смыслѣ лѣваго центра, а между тѣмъ, эта группа далеко не преобладаетъ въ составѣ лѣвой стороны своей численностью. Она составляетъ всего 70 человекъ изъ 354 республиканцевъ; членовъ лѣваго центра въ палатѣ депутатовъ мѣнѣе чѣмъ радикаловъ. Но она преобладаетъ, въ виду потребностей настоящаго момента, своимъ отъносительнымъ *консерватизмомъ*. Трудно было ожидать, чтобы мар-

налъ Макъ-Магонъ отъ Бюффе перешелъ къ Гамбеттѣ, который, впрочемъ, и не взялся бы образовать нинѣ кабинетъ. Но лѣвая сторона все-таки была недовольна исключительностью, оказанною въ пользу лѣваго центра. Одну минуту можно было даже предполагать, что она станетъ прямо въ оппозицію новому кабинету, но потомъ разсудительность, а сверхъ того и убѣжденія самого Гамбетты взяли свое и рѣшено было, что слѣдуетъ „судить о кабинетѣ по его дѣйствіямъ“. Случаи для составленія такого, болѣе точнаго сужденія должны были вскорѣ представиться, такъ какъ ожидали внесенія радикалами въ обѣихъ палатахъ предложенія о дарованіи полной амнистіи лицамъ, участвовавшимъ въ возстаніи 18-го марта 1871 года и дѣйствіяхъ коммуны.

Еслибы Франція была островъ, то и тогда еще спрашивалось бы, практично ли было бы начать дѣйствительное упроченіе республики прямо съ наведенія страха на многихъ боязливыхъ людей въ самой странѣ, рѣзкими переходами отъ Бюффе и его товарищей къ такимъ дѣятелямъ, которые не хотѣли даже и употреблять словъ „консервативные принципы“. Можетъ быть и тогда было бы благоразумнѣе сдѣлать переходъ менѣе чувствительнымъ, хотя бы для самого ир-шала Макъ-Магона, которому принадлежитъ право, съ согласія сената, апеллировать къ новымъ выборамъ, распустивъ палату депутатовъ. Но такъ какъ Франція — къ сожалѣнію — не островъ, то благоразуміе вдвойнѣ требовало не начинать всего дѣла прямо съ удостоенія предъ лицомъ европейскихъ правительствъ, что республика во Франціи несовмѣстна даже съ сохраненіемъ самаго названія „консервативныхъ началъ“. Республиканская практика должна была, наоборотъ, начаться съ ихъ провозглашенія, и лѣвый центръ, изъ партіи консервативная среди республиканцевъ, по всему смыслу положенія дѣлъ, представлялся какъ источникъ для составленія кабинета. Прибавимъ, что хотя нѣтъ причины думать, что впоследствии образованіе новыхъ кабинетовъ, болѣе лѣвыхъ, будетъ связано съ серьезными неудобствами, но что уже тамъ, гдѣ начинается Гамбетта, возникаетъ международная опасность для Франціи, а позави Гамбетты, въ рядахъ радикаловъ, она можетъ найти только такое правительство, которое встрѣтитъ въ Европѣ коалицію. Документы, содержащіеся въ книгѣ Арнима „Pro nihilo“ удостовѣряютъ, что помя Германію правятъ Вильгельмъ I и князь Бисмаркъ, до тѣхъ поръ переходъ власти во Франціи въ руки самого Гамбетты положительно былъ бы опасенъ для Франціи.

Что же сказать о радикалахъ или такихъ министрахъ изъ состава лѣвой стороны, которые пригласили бы нѣкоторыхъ радикаловъ къ себѣ въ товарищи? Справедливо говорилось не разъ, что

хотя могущественнѣйшія государства Европы и теперь состоятъ въ союзѣ, но „священнаго союза“ нинѣ нѣтъ. Это вѣрно, въ виду Брелль, Вюффѣ, Дюфора, пожалуй Казимира Перье. Но уже при Гамбеттѣ это стало бы весьма сомнительнымъ. Вспомнимъ, давно ли Европу испугало сознаніе, что Франціи грозитъ неминуемое повтореніе нашествія, давно ли Европу успокоилъ фактъ, что опасность эта была устранена положительнымъ влияніемъ Россіи. Но будь во Франціи министерство радикальное, и священный союзъ, безъ всякаго новаго трактата, просто въ силу фактовъ, оказался бы дѣйствительно существующимъ. Тамъ, гдѣ не было единогласія, гдѣ не было даже общихъ интересовъ, все это тотчасъ оказалось бы на лицо. Мы согласны даже допустить, что союзныя войска не пошли бы тотчасъ завоевывать Францію, дробить ее и возстановлять тамъ кого-либо, но не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ виду Франціи, управляемой радикалами, была бы въ Европѣ коалиція, что Франція поступила бы подъ надзоръ, недоувѣрчивый и опасный для нея надзоръ.

„Дѣйствія“ — по которымъ лѣвая сторона согласилась составить себѣ сужденіе о новомъ кабинетѣ — доселѣ не были таковы, чтобы вызвать искреннее ея неодобреніе. Программа дѣйствій его, прочтенная въ обѣихъ палатахъ 14-го марта, была консервативно-республиканская, какой слѣдовало ожидать. Окончательное утвержденіе республики, „освященное всеобщимъ избирательствомъ“, составляло исходную точку программы, которая притомъ не забыла упомянуть о „священныхъ законахъ религіи, нравственности и семейства, о неприкосновенномъ и уважаемомъ началѣ собственности“. Обѣщалось, что правительство не потерпитъ противодѣйствія чиновниковъ его намѣреніямъ, то-есть обѣщалось нѣкоторое очищеніе состава администраціи, въ особенности въ видѣ смѣны префектовъ, наиболѣе компрометтировавшихъ себя при выборахъ. Министерство обѣщало держаться начала „благоразумной свободы торговли“, представить бюджетъ безъ дефицита, и внести предложенія о пересмотрѣ законовъ, о свободѣ высшаго обученія и о составѣ муниципальных совѣтовъ, которыя согласили бы требованія свободы съ правами государственной власти. Эти измѣненія должны касаться собственно права дарованія академическихъ степеней и способа назначенія мэровъ.

Бюджетъ внесенъ, и дѣйствительно составленъ съ незначительнымъ превышеніемъ доходовъ предъ расходами. Но наиболѣе „жгучими“ вопросами представляются теперь три: о пересмотрѣ закона о высшемъ обученіи, о способѣ назначенія мэровъ, и объ амнистіи. Относительно перваго изъ всѣхъ этихъ вопросовъ министр Ваддингтонъ нѣсколько забѣжалъ впередъ парламентскаго правленія, объявивъ при приѣмѣ профессоровъ, что правительство почитаетъ да-

рованіе ученыхъ степеней неотъемлемымъ правомъ университета, то-есть государственныхъ высшихъ училищъ, что, разумѣется, уже подало поводъ епископу Орлеанскому, м-ру Дюпанлү, и клерикальнымъ газетамъ вопіять о несправедливости. М-ръ Дюпанлү, впрочемъ, со свойственнымъ ему остроуміемъ, замѣтилъ по этому поводу въ одномъ письмѣ: „еще только-что изданъ законъ, какъ хотѣть его передѣлать, прежде чѣмъ могли испытать его дѣйствіе; они приглашаютъ насъ допустить опытъ надъ цѣлой формой правленія, а не хотѣть допустить опыта надъ однимъ закономъ“.

Предложенія объ амнистіи и о возвращеніи муниципалитетамъ права избранія мэровъ внесены были депутатами крайней лѣвой и лѣвой стороны, прежде чѣмъ правительство могло о нихъ высказаться. Судьба перваго изъ этихъ предложеній несомнѣнна: оно будетъ отвергнуто; судьба втораго еще не могла выясниться. По предложенію объ амнистіи министерство объявило въ обѣихъ палатахъ (оно внесено въ обѣ), что рѣшительно противится амнистіи какъ общей мѣрѣ, хотя допускаетъ путь личнаго помилованія для заслужившихъ его своимъ поведеніемъ; министерство потребовало неотлагательности обсужденія этого вопроса, въ виду „волненія“, производимаго имъ въ странѣ, и неотлагательность была признана. Затѣмъ, мы знаемъ, что огромное большинство членовъ въ комиссіяхъ, избранныхъ обѣими палатами для обсужденія этого вопроса, расположено къ рѣшенію его въ смыслѣ отрицательномъ. Впрочемъ, новый членъ французской академіи, Джонъ Лемуанъ увѣряетъ, что сами авторы этого предложенія внесли его только потому, что на выборахъ обязались это сдѣлать, но что они неискренно желаютъ успѣха своему предложенію. „Тѣ, кто громче другихъ взываетъ къ возвращенію своихъ братьевъ, были бы смущены и не рады, если бы имъ возвратили ихъ. Пока Лазарь тамъ, ехѣга шугос или за морями, онъ не въ силахъ потребовать себѣ мѣста за столомъ и доли въ пирогѣ, или придти ночью и потащить своихъ друзей за ноги. Но разъ онъ возвратится, онъ скажетъ вамъ: „а что вы дѣлали, когда я работалъ веслами? Вы спокойно и регулярно получали слѣдующее вамъ по бюджету жалованье. Что вы дѣлали, когда я терпѣлъ голодъ и холодъ? Вы сидѣли синной къ печи, животомъ къ столу; а когда меня мучила жажда, вы ходили въ буфетъ“. — Берегитесь за себя, шарлатаны амнистіи, вотъ у нашихъ дверей стучатся „бѣдные родственники! И еслибы можно было играть правосудіемъ, то мы потребовали бы, чтобы вамъ возвратили ихъ немедленно, сейчасъ же“. Остроуміе мало-великодушное,—это правда. Но позволительно думать, что Наме, Бародэ и другія знаменитости того же рода (о такихъ людяхъ, какъ Луи-Бланъ, мы,

конечно, не думаясь этого) не нашли бы въ Ромфорѣ и другихъ сильныхъ—опасныхъ для себя конкурентовъ.

Въ заключеніи своей программы, министры выражаютъ „общее и страстное желаніе, чтобы Франція поднялась и стала велика свободю, порядкомъ и миромъ“. Таковъ дѣйствительно смыслъ установленія республики волею, заявленной народомъ; таково истинное значеніе этой воли. И нѣтъ сомнѣній, что Франція могла бы на этомъ пути найти не только благополучіе, но и обаятельное величіе, только надо отложить въ сторону мечты иного честолюбія. Какъ только Франція не удовольствуется ролью великой Швейцаріи, какъ только ее станетъ соблазнять роль прежняя,—величіе доставляемое оружіемъ, или хотя бы только естественное стремленіе къ возвращенію утерянныхъ провинцій—дни третьей республики во Франціи будутъ сочтены.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

24/12 марта, 1876.

Лига противъ князя Бисмарка, и его преемники.

Весьма часто случается, что тѣхъ, кто правильно пойметъ данное положеніе дѣлъ и мѣтко охарактеризуетъ его въ такое время, когда оно не настолько выяснилось, чтобы стать понятнымъ для всякаго,—обыкновенно не слушаютъ, и часто бываетъ, что когда впоследствии воззрѣнія ихъ окажутся справедливыми, то бываетъ уже трудно узнать, кому первому принадлежитъ мѣткая характеристика. До того момента, какъ эта характеристика признается всѣми, надъ ней смѣются даже и тѣ, кого она ближе всѣхъ касается.

Такая точно судьба постигла и характеристику настоящаго положенія дѣлъ въ Пруссіи, которую я озаглавилъ это письмо. Она принадлежитъ не мнѣ, и я не знаю кто ея авторъ. Надъ ней подтруниваютъ, относятся къ ней скорѣе иронически, чѣмъ серьезно, и совсѣмъ тѣмъ я полагаю, что она какъ нельзя лучше рисуетъ современное положеніе дѣлъ, когда всѣ вопросы сводятся главнымъ образомъ къ тому: удастся ли противникамъ князя Бисмарка выбить его изъ сѣдла?

Иностранцу покажется, быть можетъ, невѣроятнымъ, что нѣмецкій народъ, боготворившій въ 1871 г. кн. Бисмарка, настолько охладѣлъ къ нему какихъ-нибудь пять лѣтъ спустя, что если не жаждетъ его паденія, то относится къ нему равнодушно и не считаетъ нужнымъ

отстаивать его. А между тѣмъ такіа перемѣны совершаются во всѣ времена и во всѣхъ странахъ. Нѣмецкій народъ также не выказываетъ особенной благодарности своимъ великимъ людямъ, и тѣ, которые живутъ въ его воспоминаніи и которыми онъ воздвигаетъ памятники, зачастую при жизни бывали имъ совсѣмъ позабыты.

Чтобы объяснить настоящее положеніе дѣлъ, главный интересъ котораго несомнѣнно заключается въ вопросѣ: устоятъ или нѣтъ князь Бисмаркъ во главѣ управленія,—слѣдуетъ вернуться нѣсколько назадъ. Популярность князя Бисмарка достигла своего апогея въ 1871 г., вслѣдъ за войной съ Франціей. Но какъ разъ въ то самое время, непосредственно за заключеніемъ мира, началась та борьба, которую ультрамонтаны объявили князю Бисмарку и которая длится и по сіе время. Среди первыхъ взрывовъ радости, когда императоръ вернулся изъ Версаля въ Германію, выборы въ первый германскій рейхстагъ оказались въ южной Германіи гораздо благопріятнѣе выборовъ въ таможенный парламентъ. Вліяніе великихъ событій произвело здѣсь значительный переворотъ въ политическихъ воззрѣніяхъ населенія. Въ Вюртембергѣ, гдѣ въ 1868 г. избраны были многе депутаты-партикуляристы, послѣ войны не выбрано было ни одного. Баварія насчитывала изъ 48 депутатовъ 29 либераловъ и 19 клерикаловъ, что можетъ считаться весьма благопріятнымъ отношеніемъ для Баваріи, гдѣ, какъ извѣстно, клерикальная партія очень сильна. За то въ Пруссіи избрано было не меньше 36-ти клерикаловъ, между тѣмъ какъ въ предыдущемъ рейхстагѣ засѣдало всего 8 клерикальных прусскихъ депутатовъ. Если причислить къ этому клерикаловъ изъ южной Германіи, то окажется, что въ рейхстагѣ послѣ войны засѣдало 60 клерикальных депутатовъ, т.-е. одна-шестая всего рейхстага. Впервые они заявили себя при обсужденіи проекта адреса. Какъ извѣстно, рѣчь, которою открытъ былъ рейхстагъ, 21 марта 1871 г., гласила, что новой имперіи совершенно чужды духъ завоеванія и вмѣшательства въ чужія дѣла, и что она должна сѣе залогомъ мира для Европы. Въ проектѣ адреса, составленномъ Ласкеромъ, мысль эта была развита въ слѣдующихъ словахъ: „И Германія, чѣмъ-тогда, когда властители слѣдовали внушеніямъ иностранныхъ вліяній, восприняла въ себѣ зародышъ распадѣнія, благодаря вмѣшательству въ дѣло другихъ націй. Новая имперія вызвана самобытнымъ духомъ народа, имѣетъ въ виду только оборону, и неизмѣнно предана дѣлу мира. Въ сношеніяхъ съ чужими народами, Германія требуетъ для своихъ гражданъ только уваженія и предоставляетъ полную свободу каждому государству, не увлекаясь ни симпатіями, ни антипатіями, прискивать наилучшую форму для собственнаго управленія. Времена вмѣшательства во внутреннюю жизнь другихъ народовъ,

надѣемся мы, не вернутся ни подъ какимъ предлогомъ и ни въ какой формѣ". Этими словами ясно отклонялось мировое вліяніе, на какое претендовали средневѣковые германскіе императоры, и заявлялось итальянцамъ, что имъ однимъ предоставляется рѣшить вопросъ, будетъ ли принадлежать Италіи или папѣ бывшая Церковная Область. Еще яснѣе высказано это Беннигсеномъ, во время преній объ адрессѣ: „Мы должны засвидѣтельствовать, что громадное большинство въ Германіи отнюдь не расположено снова выступить на путь старой нѣмецко-итальянской политики. Вмѣстѣ съ именами „императоръ и имперія“, снова воскресаетъ страшное соперничество между императоромъ и папою. Тутъ мы должны дать ясное и ощутительное для цѣлаго свѣта доказательство, что нѣмецкая политика отнынѣ должна ограничиваться внутренними задачами Германіи и не касаться жизни чужихъ народовъ“.

Клерикалы противопоставили адресу Ласкера свой собственный, отличавшійся отъ него именно пропусками вышеприведеннаго мѣста о политикѣ невмѣшательства; комментировали они этотъ пропускъ во время дебатовъ тѣмъ, что объявили, будто они, хотя конечно не желаютъ, чтобы безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей предпринять былъ походъ черезъ Альпы (Беннигсенъ употребилъ это самое выраженіе), но не намѣрены воздвигать безусловную преграду такому. Въ преніяхъ князь Бисмаркъ не участвовалъ, но послѣднія велись различными партіями весьма оживленно, и противныя мнѣнія высказывались съ крайней рѣзкостью. Всѣхъ рѣзче высказался противъ клерикаловъ депутатъ—Рёмеръ, патетично восклицавшій: „вопросъ поставленъ такъ: Римъ или Германія! стоять за адрессъ, значить стоять за Германію!“ При баллотировкѣ клерикальный адрессъ былъ отвергнутъ, а адрессъ Ласкера принятъ большинствомъ 243 голосовъ противъ 63. Итакъ, начало такъ-называемой „культурной борьбы“, т.-е. современной распри между государствомъ и римскою церковью, слѣдуетъ отнести къ 30 марта 1871 г. Ультрамонтаны были зачинщиками; противники ихъ дѣйствовали въ интересахъ общеевропейскаго мира. Къ сожалѣнію, такіе факты скоро забываются. Два дня позднѣе, со стороны ультрамонтанъ послѣдовало новое враждебное заявленіе противъ правительства: они применили къ депутатамъ-полякамъ, требовавшимъ, чтобы польскія области, находящіяся подъ прусскимъ владычествомъ, были выдѣлены изъ союзной территоріи и не считались бы принадлежащими къ германской имперіи. Отбитые и на этомъ пунктѣ, клерикалы въ третій разъ пошли на приступъ, потребовавъ внесенія въ конституцію такъ-называемыхъ основныхъ правъ. Они думали этимъ подкупить либеральную партію, но она отлично поняла ихъ намѣренія и отклонила ихъ под-

держку. Фонъ-Трейчке предостерегалъ между прочимъ, отъ опасности, представляемой независимостью церкви, какой требуютъ клерикалы, потому что она дастъ возможность епископамъ презирать государственные законы. Три дня длились чрезвычайно оживленные пренія, и затѣмъ клерикальный законопроектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 223 голосовъ противъ 54. Итакъ, клерикалы до сихъ поръ оставались постоянно безъ поддержки со стороны другихъ партій, и такое положеніе дѣлъ продолжалось до самаго заключенія рейхстага, 15 іюня. Тѣмъ сильнѣе вспыхнула борьба при началѣ осенней сессіи рейхстага 16 октября. Подъ давленіемъ внутреннихъ, баварскихъ отношеній, гдѣ клерикалы пользовались исповѣдальной и проповѣднической касседрой, чтобы всачески нападать на либеральное правительство, баварскій уполномоченный въ союзномъ совѣтѣ, министръ просвѣщенія фонъ-Лютцъ, внесъ проектъ слѣдующей прибавки къ параграфу 167-му германскаго уголовнаго кодекса, касательно злоупотребленія проповѣднической касседрой: „священникъ или всякое другое духовное лицо, которое при отправленіи своихъ священно-служительскихъ требъ или обрядовъ публично передъ толпой или же въ церкви, или же въ иныхъ религіозныхъ сборищахъ, станетъ толковать о государственныхъ дѣлахъ въ такомъ смыслѣ, какой угрожаетъ нарушеніемъ общественнаго спокойствія, будетъ наказанъ двухлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ“.

Союзный совѣтъ принялъ это предложеніе, и внесъ его въ рейхстагъ, гдѣ оно обсуждалось 23, 25 и 28 ноября и было внесено въ законодательство, съ небольшою поправкою, т. е. къ опредѣленію тюремнаго заключенія было еще прибавлено и заключеніе въ крѣпости, что считается болѣе легкой формой заключенія, небольшимъ большинствомъ 71 голоса. На этотъ разъ не только клерикалы и полны вотировали противъ проекта, но и многіе другіе члены рейхстага, считавшіе его нецѣлесообразнымъ.

Этотъ параграфъ закона или, какъ его называютъ баварскіе ультрамонтаны, „lex Lutziana“, былъ первымъ изъ того длиннаго ряда законовъ, которые возвышаются какъ верстовые столбы въ борьбѣ между государствомъ и церковью.

За сессіей германскаго рейхстага послѣдовала сессія прусскаго ландтага, во время которой министръ просвѣщенія фонъ-Мюллеръ внесъ, 14 декабря, законопроектъ объ училищномъ надзорѣ. Въ силу его надзоръ за всѣми общественными и частными училищами и воспитательными заведеніями предоставлялся государству, назначеніе инспекторовъ зависѣло исключительно отъ государства. Палата депутатовъ благосклонно приняла проектъ, но была того мнѣнія, что отъ Мюллера нельзя ожидать честнаго проведенія закона, и комис-

сія высказала это въ резолюціи. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до обсужденія, фонъ-Мюлеръ, вслѣдствіе личной размолвки съ крон-принцемъ, уволенъ былъ отъ должности, и на его мѣсто поступилъ, 22 января, теперешній министръ просвѣщенія, д-ръ Фалькъ. Клерикалы вскорѣ убѣдились, что борьба завязалась не шуточная, и ожесточеніе ихъ особенно стало замѣтно со времени поступленія Фалька въ министерство. Одновременно съ этимъ, князь Бисмаркъ выступилъ впередъ въ борьбѣ и вскорѣ навлекъ на себя всю ненависть ультрамонтанъ, признавшихъ въ немъ нравственно зачинщика организованнаго сопротивленія государства захватамъ власти со стороны духовенства. Первымъ поводомъ къ тому послужило обсужденіе бюджета министерства народнаго просвѣщенія, происходившее 30 января 1872 г. Князь Бисмаркъ ясно высказалъ во время этихъ преній, что государство вовсе не думаетъ вмѣшиваться въ дѣла, касающіяся вѣры. Каждый догматъ, признаваемый католиками, сказалъ Бисмаркъ, всегда будетъ для насъ священнымъ, но нельзя допустить выводимыхъ изъ него притязаній на отправленіе государственной власти.

До сегодня не было дано лучшаго опредѣленія сущности такъ-называемой церковной распри, какъ это сдѣлано Бисмаркомъ пять лѣтъ тому назадъ. Къ эпохѣ первыхъ преній о законопроектѣ объ училищномъ надзорѣ, относятся также и первые симптомы рѣзкаго и подѣ концѣ непримиримаго разногласія между старой консервативной партіей и княземъ Бисмаркомъ. Законъ объ училищномъ надзорѣ былъ главнымъ образомъ и почти исключительно направленъ противъ поляковъ и ультрамонтанъ, которые пользовались духовной инспекціей для проведенія своихъ цѣлей. „Крестовая Газета“, все болѣе и болѣе рѣзко заявлявшая себя противницей Бисмарка, разсыпалась въ жалобы и предостереженія и высказывала надежду, что прусскіе консерваторы не станутъ дѣлать новыхъ уступокъ либерализму, но, какъ они выражались, съумѣютъ отстоять для церкви и школы право и справедливость. Въ то время консерваторы насчитывали въ палатѣ депутатовъ 107 членовъ, но не всѣ они принадлежали къ такъ-называемой партіи „Крестовой Газеты“; многіе принадлежали къ болѣе умѣренному отѣнку, и вожди ихъ, при обсужденіи закона объ училищномъ надзорѣ, внесли поправку, принятую правительствомъ. Князь Бисмаркъ въ то время охотно бы уклонился отъ поддержки либераловъ, да и консервативная партія была тогда многочисленнѣе, но вождямъ ея недоставало политической прозорливости, чтобы какъ слѣдуетъ оцѣнить положеніе дѣлъ. Они въ большинствѣ подали голосъ на предварительномъ обсужденіи за-одно съ поляками и клерикалами противъ закона, который, несмотря на то, прошелъ большинствомъ 197 голосовъ. При вторичномъ обсужде-

ніи произошло интересное сопоставленіе. Либеральный депутатъ Ласкеръ упрекнулъ консерваторовъ въ томъ, что они отплатили неблагодарностью государственному человѣку, вышедшему изъ ихъ рядовъ, и самъ князь Бисмаркъ согласился, что ему казалось немисленнымъ, чтобы консервативная партія могла отказать, какъ это случилось, въ поддержкѣ правительству въ такомъ вопросѣ, для проведенія котораго оно твердо рѣшилось употребить возможные конституціонныя средства. Последнее было намекомъ для палаты господъ, отъ которой ждали болѣе упорной оппозиціи. Правительство сдѣлало все, что могло; Молотке и Роонъ, консервативный образъ мыслей которыхъ не подлежалъ сомнѣнію и которые тѣмъ не менѣе рѣшились поддерживать правительственную политику, назначены были уже въ январѣ мѣсяцѣ кородемъ пожизненными членами палаты господъ. Города, безпечно относившіеся къ своему праву нислать своихъ депутатовъ въ палату господъ, получили внушеніе выбирать своихъ представителей. 6, 7 и 8 марта происходили пренія. Фалькъ и Бисмаркъ промѣняли блистательныя рѣчи, даже самъ бывшій министръ-президентъ Маттейфель объявилъ себя за законъ, и тотъ былъ окончательно вотированъ большинствомъ 125 голосовъ противъ 76. Правительство одержало великую побѣду; радость въ либеральныхъ и правительственныхъ кружкахъ была большая; изъ всѣхъ частей Германіи и даже изъ-за границы приходили поздравительныя адреса къ Бисмарку, но евангелическіе пуриты находились въ оппозиціи къ закону.

Хотя при послѣдней баллотировкѣ церковныхъ законовъ правительство уже не находило такого значительнаго большинства, какъ при вотированіи перваго параграфа этихъ законовъ, однако большинство это было все еще внушительно. Если число депутатовъ, на которыхъ могло разсчитывать правительство, все уменьшалось, если оппозиція все росла и охватывала самыя противоположныя элементы—виною тому было то, что реформа внутренняго управленія, которой пожелательно требовала либеральная партія цѣлыя десяти лѣтъ, наконецъ осуществилась. Въ ту же сессію министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ окружной законъ, и палата депутатовъ приняла его 23 марта большинствомъ 256 противъ 61; палата господъ промедлила съ преніями, такъ что законъ не могъ пройти въ эту сессію, а былъ отложенъ до осенней, и пренія начались 22 октября. Въ противоположность преніямъ по закону объ училищномъ надзорѣ, когда тонъ въ палатѣ господъ отличался умѣренностью, при обсужденіи окружнаго закона пренія были очень рѣзки. Ими руководилъ Клейст-Ретцовъ. Феодалы вносили поправку за поправкой и, несмотря на то, все-таки отвергли проектъ. Либераламъ необходимо пришлось отвергнуть его, благодаря внесеннымъ поправкамъ, и такимъ образомъ онъ былъ отвергнутъ

большинствомъ 145 противъ 18 голосовъ. Правительству было вполне ясно, что ему необходимо нужно сломать оппозицію палаты господъ, но только оно не знало, каимъ образомъ это сдѣлать. Князь Бисмаркъ потребовалъ реформы палаты господъ; большинство остальныхъ министровъ, въ томъ числѣ графъ Эйленбургъ и Зельховъ и графъ Итценплацъ, находили, что будетъ совершенно достаточно назначенія новыхъ пэровъ, которое, какъ извѣстно, и произошло вслѣдъ затѣмъ. Я упомяну возможно короче о событіяхъ, послѣдовавшихъ затѣмъ. Окружное положеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно было принято палатою депутатовъ въ послѣднюю сессію, вновь обсуждалось довѣренными лицами изъ палаты депутатовъ, и различные опредѣленія его измѣнены въ консервативномъ смыслѣ. Послѣ того оно было принято въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 288 голосовъ противъ 91, а въ палатѣ господъ 116 противъ 91. Консервативная партія въ палатѣ депутатовъ распалась, вслѣдствіе этихъ событій, на ново-консервативную, поддерживавшую правительство, и старо-консервативную, оказывавшую дружную и настойчивую оппозицію правительству.

Вышеупомянутыя событія произвели неблагоприятное впечатлѣніе на князя Бисмарка. Частности остались неизвѣстными; 21 декабря стало извѣстно, что онъ, по его желанію, уволенъ отъ предсѣдательства въ государственномъ совѣтѣ, но, какъ извѣстно также, вскорѣ затѣмъ снова вступилъ въ это званіе. Однако разладъ между нимъ и старо-консервативной партіей съ каждымъ днемъ увеличивался. Послѣдняя смотрѣла на него какъ на злѣйшаго врага, какъ на злого гонимаго консервативнаго дѣла и ненавидѣла его тѣмъ сильнѣе, что онъ вышелъ изъ ея рядовъ. Быть можетъ, не малую роль играло въ этой ненависти и возведеніе Бисмарка въ княжеское достоинство.

1872-й годъ былъ особенно критическимъ для церковной распри. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ императоръ рѣшилъ назначить кардинала Гогенлоэ германскимъ посломъ при папѣ. Императоръ и его совѣтникъ князь Бисмаркъ имѣли, безъ сомнѣнія, при этомъ въ виду установить дружескія отношенія съ папою. Но папа отклонилъ эти старанія весьма рѣзко. Открылась сессія рейхстага, и внесены были петиціи протівъ іезуитовъ, которыя повлекли принатіе извѣстнаго предложенія, въ силу котораго правительству предлагалось регулировать права монашескихъ орденовъ и положить преграду ихъ вредной для государства дѣятельности. Этотъ проектъ былъ принятъ большинствомъ 206 голосовъ противъ 84, но на этотъ разъ впервые различные члены прогрессивной партіи вотировали противъ проекта. Это послужило краеугольнымъ камнемъ для позднѣйшей лиги. Всего замѣчательнѣе въ этой лигѣ именно то, что она состоитъ изъ самыхъ враждебныхъ другъ другу элементовъ, соединившихся лишь

для преходящей цѣли. Союзный совѣтъ немедленно занялся проектомъ и нѣсколько недѣль спустя внесъ въ рейхстагъ законопроектъ, опредѣлявшій изгнаніе іезуитовъ изъ Германіи. Законопроектъ былъ принятъ при третьемъ обсужденіи большинствомъ 181 голоса противъ 93. Противъ него снова вотировали члены прогрессивной партіи и даже нѣкоторые изъ національ-либеральной. Тѣмъ временемъ епископы начали оказывать дѣятельное противодѣйствіе государству. Починъ принадлежалъ епископу Кременти, которому 25-го сентября приостановили выдачу содержанія. Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ снова произошелъ съѣздъ германскихъ епископовъ, и послѣдніе, само собою разумѣется, приняли сторону своего собрата.

Это сопротивленіе епископовъ вынудило государство принять рѣшительныя мѣры для обороны отъ ихъ покушеній и издать тотъ рядъ законовъ, которые позднѣе были обозначены общимъ названіемъ „мѣстныхъ законовъ“. Проектъ этихъ законовъ министръ просвѣщенія, д-ръ Фалькъ, внесъ въ государственный совѣтъ уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, т. е. въ такое время, когда князя Бисмарка здѣсь не было. Государственный совѣтъ принялъ проектъ. Первый изъ этихъ законовъ, законъ о границахъ власти въ примѣненіи церковныхъ наказаній и исправительныхъ мѣръ, былъ внесенъ въ палату депутатовъ уже въ ноябрѣ, но обсуждался вмѣстѣ съ остальными только въ январѣ мѣсяцѣ. Обсужденіе этихъ законовъ тянулось потому, что находили ихъ въ противорѣчій съ статьями 15-ю и 16-ю конституціи, гдѣ, хотя въ неясныхъ выраженіяхъ и безъ указанія точныхъ границъ, упоминалось о независимости церкви. Пришлось измѣнить эти статьи конституціи, что естественно потребовало много времени. Измѣненіе конституціи было принято большинствомъ 218 противъ 108 голосовъ, и сами законы прошли такимъ же большинствомъ. Палата господъ тоже приняла эти законы большинствомъ 2 противъ 1.

Оглядываясь на ходъ этой борьбы, мы должны придти къ заключенію, что ультрамонтанамъ принадлежитъ ея починъ. Либеральныя партіи въ началѣ ревностно поддерживали князя Бисмарка. Прогрессивному депутату Вирхову принадлежитъ выраженіе „борьба за культуру“, и онъ ревностно поддерживалъ во всѣхъ преніяхъ законодательство, вносимое правительствомъ. Если, не взирая на то, прогрессивная партія оказалась далеко непослѣдовательной въ своемъ образѣ дѣйствій, то трудно найти истинную причину этому. На словахъ постоянно выставляется, какъ причина, основной принципъ этой партіи—свобода, которой она требуетъ для себя и для другихъ, и нежеланіе допускать правительственный произволъ, въ какой бы то ни было сферѣ. Но въ сущности мнѣ сдается, что тутъ играютъ роль еще и другіе мотивы, о которыхъ упомяну ниже.

Съ 1873 г. законодательство въ церковной области было не столь плодотворно. Майскіе законы были нѣсколько исправлены, т.-е. сдѣланы строже, и изданъ законъ, обязательный для обѣихъ церквей, католической и протестантской, которымъ управленіе церковнымъ имуществомъ передается въ руки общинъ. Онъ весьма чувствительно ограничиваетъ произволъ, какимъ пользовалось въ этомъ отношеніи католическое духовенство, но послѣднее не особенно рѣзко возставало противъ этого, что объясняется просто тѣмъ, что оно боялось оскорбить общины, если станетъ противиться передачѣ въ ихъ вѣдѣніе церковнаго имущества. Въ денежныхъ дѣлахъ самый набожный крестьянинъ обыкновенно практиченъ и эгоистъ.

Что касается вопроса: государство или ультрамонтаны выигрываютъ отъ продолжительности борьбы, — на это даются самые различные отвѣты. Сами ультрамонтаны утверждаютъ, по крайней мѣрѣ публично, что продолжительность борьбы имъ только выгодна. Еще никогда, говорятъ они, не бывали католики столь единодушны, столь рѣшительны, какъ въ настоящее время. Они выдержатъ характеръ, и государство вынуждено будетъ покориться. Этому утвержденію легче было бы повѣрить, еслибы ультрамонтаны сами не противорѣчили себѣ порою. Такъ, они жалуются временами на большое число незанятыхъ священническихъ и, главное, епископскихъ должностей, и утверждаютъ, что теперешняя борьба вызываетъ безбожіе. За-одно съ этимъ они, разумѣется, грозятъ, что это безбожіе погубитъ въ конецъ государство. Но не одни только ультрамонтаны не вѣрятъ въ побѣду государства надъ ними, и меланхолически утверждаютъ, что государство должно будетъ уступить. Собственно говоря, въ этомъ дѣлѣ весь вопросъ сводится къ тому: какъ долго католическое духовенство выдержитъ лишеніе государственнаго содержанія, какимъ называются непокорные. Епископы богаты, и хотя они и прикидываются мучениками, однако вѣдь извѣстно, что они окружены всяческимъ комфортомъ. Не такъ низшее духовенство. Самоотверженіе его паствы отнюдь не безграничное. Въ первую минуту волненія, конечно, сердца и кошельки раскрываются, но мало-по-малу усердіе охлаждаетъ. Священники со вздохомъ вспоминаютъ о тѣхъ дняхъ, когда существованіе ихъ обезпечивалось государствомъ. Они сравниваютъ свое положеніе съ положеніемъ своего мученика-епископа, который, быть можетъ, подобно бреславльскому, спускается за границу съ миллиономъ и не терпитъ ни въ чемъ недостатка. Государство протягиваетъ руку примиренія. Священнику стоитъ только заявить о своей готовности повиноваться законамъ — и все улажено. Это не возбуждаетъ никакого шума. Въ Силезіи, говорятъ, весьма многіе священники подчинились государству, и компетентные люди утверж-

даютъ, что отпаденіе отъ ультрамонтанъ совершалось бы цѣлыми фалангами, еслибы священники не боялись, что государство въ концѣ-концовъ примирится съ Римомъ, и они станутъ жертвой этого мира, если не будутъ вѣрны церкви. Это мнѣніе о возможности соглашенія путемъ пожертвованія нѣкоторой части церковныхъ законовъ составляетъ могущественнѣйшее орудіе ультрамонтанъ въ настоящую минуту. То обстоятельство, что ультра-консерваторы идутъ рука объ руку съ ультрамонтанами и, такимъ образомъ, вызываютъ предположеніе, что изъ ихъ среды можетъ образоваться правительство, при которомъ, разумѣется, и рѣчи не можетъ быть о майскихъ законахъ,—потому именно и опасно, что даетъ возможность ультрамонтанамъ поддерживать это ложное мнѣніе и укрѣпляетъ колеблющійся духъ ихъ приверженцевъ.

Но судя по тому, какъ сложились дѣла, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ окончательнаго исхода борьбы. Побѣда государства есть вопросъ времени, если только государство будетъ послѣдовательно. Что король вполне одобряетъ церковную политику Бисмарка и Фалька—фактъ несомнѣнный. Точно также ясно, что теперь нельзя ожидать никакихъ усложненій въ иностранной политикѣ, которыя могли бы вынудить правительство безусловно сдаться ультрамонтанамъ, чтобы не имѣть врага внутри страны. И если, несмотря на все это, настоящее положеніе дѣлъ все-таки внушаетъ нѣкоторую тревогу, то причина этого заключается въ суммѣ различныхъ явленій, дѣлающихъ положеніе князя Бисмарка опаснымъ, не потому чтобы король могъ лишить его своего довѣрія, или бы большинство рейхстага вступило съ нимъ въ систематическую оппозицію, но потому, что ему приходится одновременно отражать массу мелкихъ оппозицій, и враги его чувствуютъ, что хотя каждый изъ нихъ слабъ и безсиленъ противъ него, но совмѣстное и дружное дѣйствіе всѣхъ ихъ можетъ одолѣть и сильнѣйшаго.

Вотъ это-то и есть *мра противъ князя Бисмарка*.

Въ эпоху такъ-называемаго внутренняго столкновенія, т.-е. въ 1862—1864 гг. князь Бисмаркъ хотя и находился въ оппозиціи съ большинствомъ парламента и прусскаго народа, но лично при дворѣ и среди аристократіи у него не было противниковъ. Съ войной съ Австріей наступила перемѣна. Въ то время оказалось довольно много лицъ, не желавшихъ войны съ Австріей и предсказывавшихъ всевозможныя бѣдствія для Пруссіи отъ этой войны. Чѣмъ блистательнѣе оправдались предвидѣнія князя Бисмарка, тѣмъ сильнѣе почувствовали себя лично оскорбленными тѣ, кто ошиблись. Затѣмъ, наступило примиреніе съ парламентомъ, учрежденіе сѣверо-германскаго союза и новое законодательство, и хотя его отнюдь нельзя назвать

исключительно либеральнымъ, но оно удовлетворило многимъ законнымъ требованіямъ либеральной партіи. По всей вѣроятности, противники князя Бисмарка выступили бы уже въ то время, еслибы промежутокъ между 1866 и 1870 г. не былъ такъ кратокъ. Война съ Франціей была дѣйствительно популярна. Тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ ея началась борьба съ ультрамонтанами, ходъ которой я очертилъ выше. Либеральное законодательство шло своимъ путемъ и министерство нашло опору въ либеральныхъ элементахъ, вступленіемъ въ него Фалька, Ахенбаха, Кампгаузена, Фриденшталя, хотя, конечно, либерализмъ этихъ людей—весьма умѣренный. Затруднительность положенія Бисмарка заключается еще и въ томъ, что, кромѣ оппозиціи общественнаго мнѣнія, ему приходится еще бороться съ подпольными интригами. Первоначально этимъ дѣломъ занимались ультрамонтаны, и Бисмаркъ зачастую прямо въ глаза высказывалъ имъ это въ рейхстагѣ и въ палатѣ депутатовъ. Опаснѣе всѣхъ другихъ интригъ была интрига, затѣянная графомъ Арнимомъ, ясно обнаруженная извѣстнымъ процессомъ и вызванными имъ печатными обличеніями. Относительно Франціи Бисмаркъ считалъ за лучшее поддерживать республику и Тьера, какъ потому, что ожидалъ миролюбивой политики отъ послѣдняго, такъ и потому, что видѣлъ въ легитимистахъ, орлеанистахъ и бонапартистахъ, какъ клерикалахъ, приверженцевъ воинственной политики. Графъ Арнимъ, напротивъ того, не только содѣйствовалъ паденію Тьера, но и старался убѣдить короля, что для Германіи выгодно восстановленіе королевской власти во Франціи, потому будто бы, что французская республика будетъ вліять на остальную Европу въ смыслѣ пропаганды. Бисмаркъ блистательно опровергалъ такое мнѣніе во многихъ дипломатическихъ документахъ. Нелѣпость его была достаточно доказана и раньше, потому что теорія легитимнаго принципа, признающая солидарность между государствами съ одинаковой формой правленія и именно монархической, и обязывающей ихъ вездѣ поддерживать монархію—эта теорія, царившая въ европейской политикѣ съ 1815 г., рушилась въ 1848 г., и съ тѣхъ поръ ни одинъ государственный человѣкъ не рѣшался серьезно проводить ее. Противорѣчіе, въ какомъ находятся противники князя Бисмарка, очевидно. Они не могутъ отрицать, что республика во Франціи миролюбива; они обвиняютъ Бисмарка за то, что онъ поддерживаетъ республику, и вмѣстѣ съ тѣмъ приписываютъ ему воинственныя намѣренія. Интриги противъ князя Бисмарка облегчаются тѣмъ еще обстоятельствомъ, что онъ проводитъ большую часть года въ Варвинѣ, а когда находится здѣсь, то очень рѣдко бываетъ при дворѣ и этимъ развязываетъ руки своимъ противникамъ.

Послѣ ультрамонтанъ злѣйшими врагами князя Бисмарка являются

старо-консерваторы и теперь какъ разъ производятъ они противъ него демонстраціи, привлекающія всеобщее вниманіе. Какъ важъ извѣстѣю, у этой оппозиціи есть публицистическій органъ, пользующійся большимъ вліяніемъ. Это „Neue-Preussische Zeitung“, обыкновенно называемая „Крестовой Газетой“, основанная въ 1848 г. въ самый разгаръ революціи для борьбы съ ней. Въ то время она считала Бисмарка въ числѣ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ. Я отлично помню то время. 19/20 берлинскаго населенія было увлечено въ революціонный потокъ, и главное—юношество. Человѣкъ консервативнаго образа мыслей казался такимъ ужаснымъ чудовищемъ, что не понимали, какимъ образомъ земля его носитъ. Всѣ мечтали о новой эпохѣ свободы и прогресса. Національное собраніе было занято упраздненіемъ дворянства и монархіи; все прошлое время, вплоть до 18-го марта 1848 г., казалось долгой ночью, оставившей еще послѣ себя легкія сумерки, и которыя нельзя достаточно скоро разсѣять. Всякая прусская традиція была eo ipso проклята, и всякій, кто носилъ прусскую (черно-бѣлую) кокарду, могъ навѣрное ожидать оскорбленій, выходя на улицу. Въ это-то время появилось „Neue-Preussische Zeitung“ съ прусскимъ крестомъ ландвера и извѣстной надписью: „съ Богомъ, за короля и отечество“ въ заголовкѣ газеты. Подобная дерзость показалась неслыханной. Но между тѣмъ весьма быстро оказалось, что газета пришлась встать. Дворянство, предки котораго участвовали въ войнахъ Фридриха-Великаго, которое занимало всѣ офицерскія должности въ арміи и всѣ высшія мѣста въ управленіи, въ рукахъ котораго сосредоточивалась главная часть земельныхъ владѣній, видѣло опасность, угрожавшую его кореннымъ интересамъ, его будущности; духовенство находило, что религія въ опасности, и множество другихъ элементовъ примкнуло къ этому ядру. Реакція организовалась. То, на что сначала смотрѣли съ удивленіемъ и насмѣшкой, оказалось дѣйствительной силой. Первые годы „Крестовой Газеты“ и ея дѣятельности характеризуются въ слѣдующихъ словахъ у одного писателя (Эберти: Исторія прусскаго государства, т. VII): „характеристичнымъ для тона, принятаго газетой для того, чтобы снискать благоволеніе въ высшихъ сферахъ, можетъ служить слѣдующее объявленіе, которое находимъ въ Вагнеровской „Крестовой Газетѣ“, отъ 11-го января 1849 г.: „Имѣю честь извѣстить всѣхъ родственниковъ и друзей, которые, подобно мнѣ, стоятъ въ душѣ „съ Богомъ, за короля и отечество“, о тяжкомъ, хотя и благополучномъ разрѣзаніи отъ бремени любезной супруги моей, фрау Фридерики фонъ-Брауншвейгъ, здоровымъ сыномъ и „съ Богомъ, за короля и отечество“ вѣрноподаннымъ его величества нашего всемилостивѣйшаго короля. Вольгастъ, 7-го января 1849, фонъ-Вальдехъ“.

Что ретроградная партія избрала себѣ эту такъ-называемую „Крестовую Газету“ представителемъ своихъ воззрѣній—было въ порядкѣ вещей. Но способъ, какимъ газета выполняла эту задачу, былъ просто преступенъ. Она дѣйствовала противъ своихъ противниковъ клеветой и доносами. Подъ заглавіемъ „Обзоръ“, издатель отвелъ въ газетѣ темный уголокъ, который быстро превзошелъ по низости и лживости все, что когда-либо появлялось гнуснаго въ печати. Старый президентъ, фонъ-Герлахъ, считалъ, что набожность и патриотизмъ обязываютъ его всячески поощрять такой образъ дѣйствій. Шайка доносчиковъ и клеветниковъ была на мѣсячномъ жалованьи у Вагнеровской „Крестовой Газеты“. Президентъ полиціи, Хинкельдей, принималъ этихъ людей подъ свое особое покровительство и доставлялъ имъ средства къ побѣгу, когда ихъ возмутительныя дѣйствія навлекли на нихъ преслѣдованіе. Въ 1849 г., по случаю процесса Вальдека, обнаружились на судѣ чертовскія продѣлки этихъ бездѣльниковъ, и худшіе изъ нихъ привлечены къ отвѣтственности. Имена Гёдекэ, Пирсихъ, заслуживаютъ быть выставленными на все время на позорному столбу въ общественномъ мнѣніи.

Такимъ образомъ „Крестовая Газета“ стала очень скоро органомъ небольшой, но весьма вліятельной партіи, царившей надъ внутренней жизнью страны съ 1849 — 1858 г., и въ 1862 г., когда произошло внутреннее столкновеніе, снова захватившей власть. Но власть эта вскорѣ ускользнула изъ ея рукъ. Палата господъ, гдѣ партія эта насчитывала большинство, желала осуществить реакціонныя мечты своей партіи и унижить, и обезсилить палату депутатовъ. Князь Бисмаркъ призналъ, что такая цѣль недостижима и можетъ только убить нравственную силу прусскаго государства. Какъ скоро ему представилась возможность, онъ отвернулся отъ этой партіи и завязалъ съ либералами тѣ дружескія отношенія, которыхъ реакціонная партія никакъ не можетъ ему простить.

Съ 1872 г. рѣзкость оппозиціи „Крестовой Газеты“ все усиливалась. Князь Бисмаркъ долгое время старался привлечь газету на свою сторону. Сама „Крестовая Газета“ сообщала недавно, что одному изъ ея редакторовъ предлагалась значительная сумма, если онъ будетъ продолжать номинальное редакторство газеты — отъ котораго онъ хотѣлъ отказаться по нездоровью — и подчинить ее правительственному вліянію. Попытки измѣнить направленіе газеты рушатся главнымъ образомъ оттого, что политическое направленіе дается ей небольшимъ комитетомъ, состоящимъ изъ ярыхъ реакціонеровъ и заклятыхъ враговъ Бисмарка. Политическое положеніе и общность интересовъ весьма скоро заставили „Крестовую Газету“ стать съ ультрамонтанами, что, конечно, повело къ еще сильнѣйшему неудоволь-

ствію со стороны Бисмарка. Когда онъ убѣдился, что всѣ его усилія привлечь „Крестовую Газету“ на свою сторону напрасны, окрѣпился бороться съ ней, но какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ былъ наказанъ тѣмъ, чѣмъ согрѣшилъ. Въ теченіи двадцати лѣтъ въ высшихъ сферахъ считалось признакомъ хорошаго тона получать „Крестовую Газету“. Семейныя извѣстія въ ней были и остаются до сихъ поръ болѣе многочисленными, чѣмъ въ какой-нибудь другой газетѣ, а въ Германіи семейныя извѣстія, т.-е. объявленія о бракахъ, смерти, рожденіи кажутся самой интересной частью въ газетѣ для большинства читателей, а главное—читательницъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эта газета стала все враждебнѣе и враждебнѣе относиться къ правительству, послѣднее признало необходимымъ лишить ее по крайней мѣрѣ ореола того, что она близка правительству. Такимъ образомъ ее изгнали изъ кадетскихъ корпусовъ и посольствъ, гдѣ она прежде официально выписывалась. Но какъ извѣстно, запрещенные плоды кажутся вкуснѣе, и это запрещеніе только усилило интересъ „Крестовой Газеты“. Прошедшимъ лѣтомъ, когда Бисмаркъ находился въ Варциѣ, „Крестовая Газета“ напечатала рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Гра Блейхрöдера, Дельбрюка и Кампгаузена“, имѣвшихъ цѣлю доказать, что власть финансистовъ, и преимущественно еврейскихъ, оказываетъ преобладающее вліяніе какъ на внутреннюю, такъ и на вѣдшнюю политику Пруссіи, и при этомъ брошена подозрительная тѣнь на отношенія князя Бисмарка къ извѣстному банкиру Блейхрöдеру. Такъ, въ одной изъ этихъ статей упоминалось о томъ, что графъ Бейстъ, денежные дѣла котораго были сильно разстроены, очень быстро поправилъ ихъ, сдѣлавшись австрійскимъ первымъ министромъ, и потомъ прибавляется: „также и съ княземъ Бисмаркомъ, до его вступленія въ министерство, высшій финансовый кругъ уже находился въ тѣсной связи. Интимныя отношенія фонъ-Блейхрöдера съ княземъ Бисмаркомъ завязались раньше того, какъ послѣдній сдѣлался министромъ, въ то время, когда ему необходимы были во всякомъ случаѣ хорошіе совѣты по части финансовыхъ дѣлъ, чтобы со скуднымъ содержаніемъ прусскаго посла и не имѣя лично большого состоянія, достойно представлять своего государя въ Петербургѣ, Парижѣ и Франкфуртѣ“. Читатели согласятся, что нельзя ловче взвести обвиненія на Бисмарка въ томъ, что онъ извлекалъ выгоду изъ сношеній съ банкирами. Для посланника, какъ и для министра, само-собой разумѣется, не можетъ быть болѣе тяжкаго обвиненія, какъ то, что онъ ставитъ личные интересы выше государственныхъ. Но имѣстѣ съ тѣмъ инсинуація была составлена такъ тонко, что никакой судья не могъ признать ее предосудительной. Одна демократическая и

весьма умно редактируемая газета, которая, несмотря на это, приходится въ безпрестанное столкновеніе съ судомъ, высказала желаніе, чтобы ей самой почаще удавалось высказывать вещи въ такой асной и вмѣстѣ съ тѣмъ неуязвимой, со стороны суда, формѣ.

Статьи „Крестовой Газеты“ не вызвали опроверженій въ печати, которая нашла недостойнымъ себя оспаривать подобныя инсинуаціи. Это, повидимому, очень раздосадовало Бисмарка, и когда 9-го февраля онъ взялъ слово при обсужденіи уголовного кодекса въ защиту того параграфа, въ силу котораго возбужденіе народонаселенія и распространеніе лживыхъ извѣстій преслѣдуется закономъ, то онъ указалъ на „Крестовую Газету“ и ея статьи въ слѣдующихъ словахъ:

„Когда такая газета, какъ „Крестовая“, считающаяся органомъ многочисленной партіи, не стыдится распространять позорныя и лживыя обвиненія противъ высокопоставленныхъ лицъ въ такой формѣ, что они ускользаютъ отъ кары закона, а между тѣмъ вызываетъ въ читателѣ мысль: здѣсь-моль министры обвиняются въ нечестныхъ поступкахъ, — когда такая газета такъ поступаетъ и встрѣчаетъ глубокое безмолвіе, несмотря на то, что всѣ слова ея ложь, то противъ такой безсовѣстной клеветы всѣ мы должны были бы возстать дружно и никто не долженъ былъ бы косвенно участвовать въ ней, подписываясь на такую газету. Отъ такой газеты слѣдуетъ отречься: всякій, кто получаетъ и оплачиваетъ ее, косвенно участвуетъ во лжи и клеветѣ“.

„Крестовая Газета“ не только немедленно отпарировала нанесенный ей ударъ, но еще въ свою очередь нанесла новыи ударъ. Она немедленно пустила въ обращеніе подписку, въ которой ея приверженцы печатно объявляли, что намѣрены подписываться на нее и на будущее время. Эти объявленія, отчасти мотивированныя, ежедневно печатаются въ „Крестовой Газетѣ“ и достигли уже числа 400. Большинство подписавшихся принадлежитъ мелкому дворянству, въ средѣ котораго семьи бываютъ особенно многочисленны. Дворянство въ Мархіи, какъ извѣстно, особенно богато дѣтьми, и такъ-какъ къ сыновьямъ переходитъ дворянское достоинство, то эти дворянскія фамиліи размножаются чрезвычайно, причемъ состояніе ихъ сильно уменьшается. Это бѣдное дворянство ищетъ мѣстъ въ арміи, при дворѣ и въ государственной службѣ, и существуютъ нѣкоторыя фамиліи, насчитывающія въ одной арміи до 60—70 членовъ. Такъ, въ числѣ 400 подписчиковъ, высказавшихся противъ Бисмарка, находится не менѣе 15 г. фонъ-Цитивицъ, что, само собой разумѣется, производитъ большой смѣхъ въ печати и служитъ предметомъ насмѣшекъ сатирическихъ журналовъ. Имена съ окончаніемъ на *имъ* свойственны, какъ извѣстно, дворянству Мархіи еще съ тѣхъ поръ,

какъ венды поселились на берегахъ Гавеля и называли мѣстности вендскими именами. Когда, при курфюрстѣ Іоганнѣ, въ концѣ XV-го столѣтія землевладѣльцы-дворяне впали въ крайнюю бѣдность, вслѣдствіе чумы, то они не брезгали разбоемъ по большимъ дорогамъ и даже высшее дворянство не стыдилось въ немъ участвовать, тогда города и крестьяне сложили молитву: „Боже милостивый, оборони насъ отъ Кёхерица и Людерица, отъ Крахта и Итценплитца“. Преемникъ Іоганна, Іоакимъ, вѣшалъ разбойниковъ, не взирая на то, дворяне они или нѣтъ, что привело ихъ въ такое негодованіе, что одинъ изъ нихъ, по имени Отерштедтъ, нарисовалъ на двери спальни курфюрста: „Іоакимхентъ, Іоакимхентъ, берегись; если ты намъ попадешься, то мы тебя повѣсимъ“,—и затѣмъ въ сообществѣ съ нѣсколькими другими дѣйствительно устроилъ засаду на курфюрста. Но послѣдній, предупрежденный о ней, напалъ на заговорщиковъ, захватилъ ихъ и велѣлъ четвертовать Отерштедта.

Само по себѣ число 400 не особенно внушительно, но не надо упускать изъ виду, что безъ сомнѣнія очень много людей только оттого не подписываются, что находятся, въ качествѣ офицеровъ и чиновниковъ, въ зависимости отъ правительства и не могутъ себѣ позволить такую оппозицію противъ него. Но они вознаграждаютъ себя за это тѣмъ, что печатаютъ фамиліи объявленія въ „Крестовой Газетѣ“, и даже военный министръ Камеке не поцеремонился объявить въ ней, нѣсколько дней тому назадъ, о смерти одного изъ своихъ офицеровъ.

При такихъ условіяхъ можно сказать почти съ увѣренностью, что и это послѣднее нападеніе князя Бисмарка на „Крестовую Газету“ останется недѣйствительнымъ, и что „Крестовая Газета“, вѣсто того, чтобы лишиться старыхъ подписчиковъ, приобрѣтетъ не мало новыхъ.

Мелкое дворянство и піетистическое духовенство, образующія ядро демонстраціи въ „Крестовой Газетѣ“, конечно безсильны повергнуть канцлера. Но они составляютъ лишь отдѣльные элементы оппозиціи, которая можетъ настолько разростись, что князь Бисмарку трудно будетъ съ нею сладить. Этотъ моментъ можетъ наступить очень быстро, или въ тотъ моментъ, какъ князь Бисмаркъ безусловно разоидется съ національ-либеральной партіей — опасность, устраненная съ величайшимъ лишь трудомъ при обсужденіи уголовного кодекса во время послѣдней сессіи рейхстага,—или же въ томъ случаѣ, если при слѣдующихъ выборахъ національ-либеральная партія претерпитъ значительное пораженіе, и въ силу его большинство палаты и рейхстага измѣнится. Въ настоящее время большинство на сторонѣ національ-либераловъ хотя и не при-

надлежитъ имъ однимъ, но они тотчасъ же пріобрѣтутъ его, какъ скоро соединятся съ прогрессивной или умѣренно-консервативной партіей. Натурально, что въ такихъ случаяхъ имъ приходится дѣлать уступки той или другой партіи, но за то и послѣднія тоже уступаютъ имъ въ иныхъ случаяхъ, такъ что взгляды національ-либеральной партіи съ успѣхомъ проводятся ею. Совсѣмъ иное отношеніе наступитъ, когда національ-либеральная партія окажется въ меньшинствѣ и большинство перейдетъ на сторону старо-консерваторовъ; тогда безсильная нынѣ коалиція между ультрамонтанами и прогрессивной партіей, между партикуляристами и ультра-консерваторами получить возможность нанести чувствительный ударъ правительству.

Поэтому либералы правы, когда утверждаютъ, что теперешняя нерѣшительная система правительства должна измѣниться. Не можете же вы, говорятъ они, возиться долѣе съ консерваторами, когда главную опору находите въ либералахъ, и либеральная партія вправѣ требовать, чтобы съ нею перестали наконецъ обращаться, какъ съ Сандрильоной, которая работаетъ на своихъ сестеръ и награждается одними щелчками. Националь-либералы жалуются, если не вслухъ, то про себя, за оказываемое имъ пренебреженіе. Ни одна партія не насчитываетъ такихъ талантливыхъ людей, какъ она: Беннигсенъ, Форкенбекъ, Мигуэль, Ласкеръ, Риккертъ, Веренпфенингъ и многіе другіе руководятъ парламентской дѣятельностью, и новые законы носятъ печать ихъ духа. Но министерство не насчитываетъ въ своихъ рядахъ ни одного національ-либерала; даже на второстепенные государственные посты никто не призывается изъ нихъ, а человѣческой природѣ присуще то, что самоотверженію есть извѣстныя границы. Я полагаю, что не князь Бисмаркъ виноватъ въ томъ, что національ-либералы имѣютъ основаніе жаловаться на неблагодарность, что высшая воля вынуждаетъ его возлагать на себя бремя неблагодарности. Конечно, онъ и самъ, еслибы только это отъ него зависѣло, охотнѣе бы дѣйствовалъ за-одно съ консерваторами, но онъ этого не можетъ, ибо безусловно тѣ этого не желаютъ, а онъ не можетъ выполнить условій, какія они ему ставятъ.

Весьма возможно, что кризисъ наступитъ при обсужденіи закона о передачѣ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства. Мысль, что выгодно было бы не предоставлять управленіе желѣзными дорогами массѣ соперничающихъ обществъ, но предоставить его государству, не нова. Аргументы за и противъ высказывались уже раньше. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ князь Бисмаркъ ухватился за эту мысль и сталъ ревностно проводить ее. Обще-

ственное мнѣніе сочувственно отнеслось къ ней, и самую сильную оппозицію встрѣтила она въ тѣхъ, кто, какъ всегда, возставаѣтъ противъ національной политики и прошлой весной отличался тѣмъ, что взваливалъ на Бисмарка обвиненіе въ воинственныхъ цѣляхъ. Кромѣ того, нѣкоторымъ либеральнымъ людямъ планъ этотъ внушаетъ серьезныя опасенія. Они указываютъ на то, что теперешняя смѣшанная система оказала весьма хорошія услуги и что опасно отводить слишкомъ большую власть государству, что государство не будетъ въ состояніи удешевить управленіе желѣзными дорогами, и тому подобныя вещи. Мнѣ пришлось бы исписать цѣлую книгу, еслибы я вздумалъ привести всѣ аргументы за и противъ. Да не въ нихъ и дѣло. Даже самые ревностные сторонники этой идеи соглашаются, что можно многое возразить противъ нея, и даже самые ярые ея противники не спорятъ, что можно многое сказать въ ея пользу.

Но для тѣхъ, какъ и для другихъ политическая важность этого вопроса выступаетъ на первый планъ, и уже простого упоминованія объ этомъ проектѣ было достаточно, чтобы взбудоражить нѣмецкія государства, такъ какъ ихъ правительства очень опасаются, какъ бы не ограничили ихъ правъ. Прежде всего поднялся шумъ въ Баваріи, которой, какъ извѣстно, отведены нѣкоторые привилегированныя права. Такимъ образомъ Баваріи предоставлено независимое руководство желѣзно-дорожнымъ, почтовымъ и телеграфнымъ дѣломъ. Никто, конечно, и не думаетъ о томъ, чтобы ограничивать эти права или оспаривать ихъ; но въ Баваріи толкуютъ, что уже самый переходъ въ Пруссіи желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе государства создаетъ опасный прецедентъ, и баварское правительство объявило своимъ палатамъ, что оно подастъ голосъ противъ законопроекта, какъ только онъ будетъ внесенъ. Въ Пруссіи же утверждаютъ, что это вмѣшательство въ прусскія дѣла, такъ какъ Пруссія можетъ дѣлать съ своими желѣзными дорогами, что ей угодно. Примѣру Баваріи послѣдовали Саксонія и Вюртембергъ и даже до нѣкоторой степени Баденъ; но официально не было сдѣлано еще никакихъ заявленій, такъ какъ и сама Пруссія официально еще не высказывалась. Какъ слышно, оппозиція эта не произвела на князя Бисмарка никакого впечатлѣнія, и онъ самъ лично намѣренъ внести законопроектъ въ палату депутатовъ. По результатъ голосованія въ палатѣ депутатовъ крайне сомнителенъ, и я полагаю, что князь Бисмаркъ не захочетъ претерпѣть пораженіе, а скорѣе отступить назадъ.

Что князь Бисмаркъ можетъ не сегодня-завтра умереть, и что въ такомъ случаѣ понадобится ему преемникъ—само собой разумѣется. Разумѣется и то, что всѣ ломаютъ голову: кто будетъ этотъ преем-

ниихъ? и полагають, что такого не нѣтъ. Нѣкоторое время видѣли преемника ему въ графѣ Арнимѣ, какъ человѣкъ, пользовавшемся довѣріемъ короля и выказывавшемъ въ различныхъ случаяхъ дипломатическія способности. Вы знаете, чѣмъ это кончилось. Но кажется, что самъ Бисмаркъ серьезно подумываетъ о томъ, чтобы найти себѣ способнаго преемника, и указываютъ, не безъ нѣкотораго вѣроятія, на двухъ лицъ: принца Рейсса, послѣдняго посланника въ Петербургъ, и графа Штольберга, президента палаты господъ. Способности и политическіе взгляды перваго извѣстны немногимъ; но вниманіе было привлечено на него главнымъ образомъ тѣмъ, что недавно онъ женился на принцессѣ Маріи саксенъ-веймарской, и этимъ самымъ породнился съ прусскимъ и другими европейскими дворами. Симпатія короля и извѣстный принципъ князя Бисмарка—замѣщать высшія государственныя должности исключительно членами высшей аристократіи—даютъ право предполагать, что такая комбинація дѣло возможное. Но еще осязательнѣе аргументы, говорящіе за графа Штольберга. Графъ Отто Штольбергъ-Вернигероде—глава значительнаго рода графовъ Штольберговъ, распадающагося на безчисленныя вѣтви, бывшаго нѣкогда владѣтельнымъ родомъ и пользующагося всѣми правами медиатизированныхъ князей. Графу Штольбергу нѣтъ еще 40 лѣтъ, и онъ уже лѣтъ десять какъ занимается государственными дѣлами. Такъ какъ отецъ его умеръ раньше его дѣда, то онъ очень рано вступилъ во владѣніе своими большими помѣстьями и управлялъ ими съ такимъ мастерствомъ, что быстро увеличилъ свое и безъ того значительное состояніе. Въ 1866 г. Бисмаркъ сдѣлалъ его оберъ-президентомъ только-что присоединеннаго ганноверскаго королевства, гдѣ графъ, владѣнія котораго граничили съ Ганноверомъ, былъ извѣстенъ и могъ разсчитывать на хорошій пріемъ. И дѣйствительно, онъ очень ловко выполнилъ возложенную на него щекотливую задачу. Въ 1871 г. его избрали президентомъ палаты господъ, гдѣ ему снова предстояла трудная задача, такъ какъ правительство желало сломить оппозицію большинства противъ новыхъ законовъ, но не хотѣло при этомъ дѣйствовать слишкомъ насильственно. Подъ вліяніемъ графа Штольберга, въ палатѣ господъ образовалась партія, дружелюбно настроенная относительно правительства.

Въ прошломъ году графъ Штольбергъ былъ назначенъ королемъ въ члены собиравшагося здѣсь евангелическаго генеральнаго синода и выбранъ послѣднимъ въ предсѣдателя. Въ качествѣ предсѣдателя, онъ руководилъ преніями въ синодѣ съ большимъ искусствомъ. За синодомъ послѣдовали, какъ извѣстно, провинціальныя сеймы, и саксонскій провинціальный сеймъ снова избралъ его въ предсѣдателя.

Такую оживленную дѣятельность рѣдко встрѣчаешь въ рядахъ аристократіи, и ее, конечно, можно объяснить только сильнымъ честолюбіемъ. Но, благодаря ей, графъ несомнѣнно приобрѣлъ чрезвычайную опытность во внутреннихъ дѣлахъ и въ администраціи. Онъ не высказывалъ однако никогда ни малѣйшаго признака того, что интересуется внѣшней политикой; онъ также никогда не говорилъ въ рейхстагѣ, котораго онъ членомъ, по какому бы то ни было вопросу внѣшней политики; тѣмъ сильнѣе было всеобщее удивленіе, когда стало извѣстно, что онъ назначается въ преемники генерала фонъ-Швейница посланникомъ въ Вѣну. Немедленно вывели изъ этого то заключеніе, что этотъ постъ лишь предварительный и что графу предстоитъ быть со временемъ канцлеромъ. Извѣстно стало, что князь Бисмаркъ предложилъ графу это мѣсто, и то, что графъ его принялъ, было многозначительнымъ доказательствомъ того, что онъ вполне одобряетъ политику князя Бисмарка. Незадолго передъ тѣмъ, при обсужденіи законопроекта объ измѣненіи уголовного кодекса, оппозиція утверждала, что усиленіе наказанія за нѣкоторые проступки посланниковъ будетъ мѣшать каждому порядочному человѣку избирать дипломатическую карьеру, и какъ разъ въ этотъ самый моментъ одинъ изъ знатнѣйшихъ людей имперіи принялъ дипломатическій постъ.

Политическіе взгляды графа Штольберга натурально такъ же мало извѣстны, какъ и политическіе взгляды принца Рейсса. Онъ принадлежитъ къ тому сорту людей, которыхъ члены прогрессивной партіи называютъ просто-на-просто реакціонерами, но которыхъ либералы охотно называютъ консерваторами, а консерваторы либералами. Согласно тому смыслу, какой придаютъ этимъ выраженіямъ въ другихъ странахъ, я бы назвалъ его консерваторомъ. Только, само собою разумѣется, онъ принадлежитъ не къ тѣмъ консерваторамъ, которые желаютъ возврата абсолютной монархіи, и на все, что сдѣлано съ 1848 по 1866 г., смотрятъ какъ на чудовищное дѣло. Если онъ стоитъ во главѣ управленія, то оставить, безъ сомнѣнія, нетронутыми реформы по самоуправленію, но будетъ заботиться о томъ, чтобы дальнѣйшее развитіе законодательства шло не въ либеральномъ, какъ до сихъ поръ, а больше въ консервативномъ духѣ, и хотя либерализмъ новѣйшаго прусскаго и германскаго законодательства вовсе не крайній и далеко не опасный, но непродолжительный періодъ затишья, чтобы собраться съ силами, будетъ, по его мнѣнію, не лишній.

Если на Штольберга и Рейсса указываютъ какъ на естественныхъ преемниковъ Бисмарка, то само собою разумѣется, что они не принадлежатъ къ лигѣ противъ Бисмарка, о которой я упоминалъ

мыше. Ихъ вступленіе въ управленіе скорѣе лишило бы лигу, въ томъ случаѣ, еслибы она восторжествовала, и плодовъ ея побѣды; вступленіе ихъ обезпечило бы насъ отъ насильственной реакціи. Но такое замѣщеніе безусловно требуетъ полнаго европейскаго мира. Какъ бы ни былъ склоненъ въ настоящую минуту прусскій народъ забывать услуги Бисмарка и помнить одни только его ошибки и недостатки, но въ минуту опасности всѣ единодушно помнятъ, чтобы управленіе иностранными дѣлами находилось въ его рукахъ. Можно ли рассчитывать на продолжительность европейскаго мира—вотъ вопросъ, въ обсужденіе котораго я не стану вѣдаться. Что восточный вопросъ не представляетъ опасеній для Германіи—это оффиціальное догматъ, котораго я не стану опровергать. Во всякомъ случаѣ, этотъ вопросъ для Германіи менѣе тревоженъ, чѣмъ для другихъ воющихъ европейскихъ державъ. За то Франція далеко не такъ не опасна, какъ это принято думать. Настоящая республика миролюбива и можетъ еще нѣсколько лѣтъ оставаться миролюбивой, но врядъ ли останется она таковой навсегда. Когда она получитъ устойчивость, и Франція слова соберется съ силами, то не пропуститъ случая возстановить свою воинскую славу и вознаградить себя за территоріальныя потери. Все это даже весьма естественно, но предотвратить такую возможность должно быть главной заботой каждаго прусскаго государственнаго чина...

Позвольте мнѣ теперь, въ заключеніе, перейти изъ сферы политической въ иную и въ краткихъ словахъ упомянуть о двухъ событіяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политикой: о первомъ представленіи „Тристана и Изольды“ Вагнера и объ открытіи Національной галлерей, совершившихся въ теченіи этой недѣли.

Борьба между приверженцами Рихарда Вагнера и представителями классической музыки всегда была очень оживленной въ Берлинѣ, и своей ожесточенностью напоминаетъ тѣ времена, когда театръ и музыка исключительно интересовали образованное общество. Въ оффиціальныхъ кружкахъ царствуетъ классицизмъ, и представителемъ его преимущественно является профессоръ Іоакимъ, директоръ высшей музыкальной школы. Для представителей этого направленія образцами служатъ Моцартъ, Бахъ и Бетховенъ, и только тѣ заслуживаютъ вниманія, кто слѣдуетъ по ихъ стопамъ. Противъ этихъ почтенныхъ, но, между нами будь сказано, нѣсколько скучноватыхъ традицій выступаетъ цѣлая толпа юныхъ музыкантовъ, и самымъ даровитымъ изъ нихъ является безспорно Рихардъ Вагнеръ.

„Тристанъ и Изольда“—такая опера, гдѣ Вагнеръ особенно строго провелъ свои музыкальные принципы, т.-е. сдѣлалъ музыку драмати-

чешской и совсѣмъ выгнать мелодію. Опера уже не нова и давалась въ Веймарѣ въ 1874 г., но для окончательнаго успѣха Берлинъ необходимъ, потому что берлинская опера обладаетъ лучшими силами для выполненія вагнеровскихъ ролей: Ниманомъ и Ветцомъ, которые оба принадлежатъ къ горячимъ приверженцамъ Вагнера.

Много смѣялись надъ искусственностью поэта, но опера тѣмъ не менѣе богата поэтическими красотами и импонируетъ самымъ противникамъ Вагнера величественностью музыкальных мыслей и смѣлостью концепцій.

На первомъ представленіи присутствовало все, что только претендуетъ на образованность, а между критиками большихъ газетъ завязался настоящій турниръ, на которомъ поломано было много копій. Для успѣха весьма важно то обстоятельство, можно ли и согласится ли Вагнеръ укоротить второй актъ, потому что въ этомъ актѣ дѣйствуютъ всего два лица, и онъ утомительно длиненъ и страшно тяготитъ исполнителей.

Открытие Національной галлерей происходило на другой день послѣ перваго представленія оперы Вагнера. Она находится по сосѣдству стараго и новаго музея, и представляетъ собой колоссальное зданіе, которое, по мнѣнію критиковъ, во многомъ неудачно. Главными сокровищами по живописи должны считаться картины Корнелиуса, Вагнеровское собраніе картинъ и нѣсколько историческихъ картинъ, количество которыхъ предполагается постепенно увеличить. Пребываніе германскихъ войскъ въ Парижѣ показало, что во Франціи гораздо больше, чѣмъ въ Германіи, дѣлается для того, чтобы сохранить въ памяти славныя преданія прошлаго. Конечно, надо надѣяться, что при этомъ мы избѣжимъ преувеличенія, въ какое иногда впадали французы, ибо если не родится небрежно относиться къ великимъ дѣяніямъ своего народа, то еще опаснѣе ихъ преувеличивать.

К.

НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.

1) *Problèmes de morale sociale*, par E. Caro, de l'Académie Française. Paris. 1876.—2) *La morale utilitaire*, par Ludovic Carreau. Ouvrage couronné par l'Académie des Sciences morales et politiques. Paris. 1876.

Передъ нами двѣ литературныя новости—два тома, совершенно однородные по содержанію и направленію; они даже дополняются одинъ другимъ. По важности затрогиваемыхъ ими вопросовъ, эти два сочиненія заслуживаютъ особеннаго вниманія. Оба они посвящены капитальнымъ вопросамъ частной и общественной морали, оба анализируютъ новѣйшія теоріи экспериментальныхъ школъ, оба указываютъ коренные недостатки этихъ теорій по отношенію къ морали, и оба приходятъ къ результатамъ, враждебнымъ современному движенію, и къ апологии прежнихъ нравственныхъ и общественныхъ понатій и идеаловъ. По этому они болѣе замѣчательны въ отрицательномъ, чѣмъ въ положительномъ смыслѣ. Разрабатываемые ими вопросы имѣютъ въ наше время, какъ и всегда, громадное значеніе; намѣренія авторовъ сами по себѣ прекрасны; ихъ подготовительныя свѣдѣнія, тотъ матеріалъ, которому они даютъ обработку, значительны; но методъ ихъ изслѣдованія, тѣ результаты, къ которымъ они приходятъ, и ихъ отношеніе къ лучшимъ прежнимъ и современнымъ изслѣдованіямъ въ области морали, оставляютъ желать очень многого.

Исторія человѣчества представляетъ непрерывную смѣну эпохъ синтеза и анализа, народненія и упадка или умиранія нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ. Эпохи *синтеза*, дающія человѣку цѣльное мировоззрѣніе, воодушевляющее идеалы и глубокую вѣру въ несокрушимую силу нравственнаго закона, являются въ тоже время эпохами народнаго творчества, великихъ дѣлъ и великихъ характеровъ. Мы живемъ въ эпоху иного рода. Наше время прежде всего время *анализа*, провѣрки и увяданія прежнихъ идеаловъ. Въ наше время все стало вопросомъ. Априористическая философія поколеблена въ своихъ основаніяхъ; естествознаніе постепенно вытѣснило ее изъ всѣхъ ея укрѣпленныхъ позицій и водрузило на нихъ свое знамя; вопросы морали, справедливости, права, общественнаго устройства подняты вновь, обсуждаются съ разныхъ сторонъ, при помощи вновь накопившихся данныхъ, новыхъ научныхъ опытовъ и наблюденій. Отсталость и недостаточность прежняго нравственнаго синтеза и отсутствіе новаго, общеобязательнаго критерія для частной и общественной морали и права никогда не остаются въ подобныя эпохи

безъ глубокаго вліянія на характеръ человѣческихъ обществъ. Эгоизмъ, въ его грубѣйшихъ формахъ, личный интересъ, въ самомъ узкомъ смыслѣ, воцараются обыкновенно въ эти переходныя эпохи, подъ личиною отживающихъ нравственныхъ идеаловъ, въ то же время попираемыхъ и окончательно разрушаемыхъ ими; но умственная работа, но научныя изслѣдованія тѣмъ не менѣе продолжаютъ свое дѣло, стремясь вывести человѣчество на новую дорогу. Живая потребность въ синтезѣ, жажда нравственнаго идеала не умираетъ, не можетъ умереть въ человѣчествѣ, и новыя научныя изслѣдованія, которыя, на первый взглядъ, какъ будто угрожаютъ своимъ апализмомъ положить конецъ всякимъ идеаламъ, напротивъ, только приближаютъ человѣчество къ новому синтезу. Они, они одни указываютъ направленіе, въ которомъ человѣчество въ данное время можетъ идти впередъ; они одни расчищаютъ путь для умственной и нравственной жизни грядущихъ поколѣній.

Къ соматизму, не такъ относятся современные сторонники метафизическихъ идей и ученій къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Они не только опровергаютъ ихъ, не только указываютъ ихъ слабыя стороны—это было бы только полезно въ общемъ дѣлѣ разработки важнѣйшихъ нравственныхъ вопросовъ; но они тратятъ свои силы, свѣдѣнія, таланты на то, чтобы упразднить новыя изслѣдованія и указывать человѣчеству идеалъ не впереди, не въ будущемъ, а позади, въ прошедшемъ. Таковъ въ сущности смыслъ прекраснаго написаннаго сочиненія члена французской академіи Карб (Caro): „*Problèmes de morale sociale*“; такой же смыслъ имѣетъ еще въ болѣе степени сочиненіе профессора философіи въ безансонскомъ факультетѣ, Каррб (Carreau).

Оба автора—сторонники такъ-называемыхъ метафизическихъ идей, доводящіе ихъ до самыхъ крайнихъ, иногда поражающихъ современнаго читателя, выводовъ. Оба руководствуются самыми потчтеними побужденіями. Шаткость частной и общественной морали въ наше время ни для кого не тайна, и попытка мыслящихъ моралистовъ установить ее на твердыхъ, неизмѣнныхъ основаніяхъ науки и разума заслуживаетъ, сама по себѣ, всякаго уваженія. Но дѣло тутъ не въ одномъ намѣреніи, какъ бы ни было оно прекрасно. Дѣло, главнымъ образомъ, въ томъ, согласована ли подобная попытка съ прежними и новѣйшими изслѣдованіями по тѣмъ же вопросамъ, съ общимъ направленіемъ науки въ данное время; является ли она вѣрнымъ и завершеніемъ прежнихъ и новыхъ изслѣдованій, или однимъ только метафизическимъ актомъ отрицанія. Нельзя вести людей въ балакомы, вмѣсто того, чтобы вести ихъ на свѣтъ Божій, и упрекать, что именно въ балакомбахъ, и только въ нихъ человѣчество

обрѣтеть познаніе и истину. Нельзя трагитовать о морали, не принимая вовсе въ соображеніе и только отрицая, хотя бы на 600 страницахъ малой печати, великія открытія гениальныхъ двигателей опытныхъ наукъ; нельзя считать какъ-бы совершенно непригоднымъ и даже гибельнымъ все, что сдѣлано умомъ человѣческимъ въ новѣйшее время. Нельзя, напримѣръ, довольствоваться и тѣмъ соображеніемъ, что основная мысль Дарвина, „быть можетъ“, не больше, какъ смѣлая и оригинальная гипотеза. А если эта гипотеза останется въ наукѣ, какъ невозможная истина? Тогда съ нею надо будетъ считаться даже и самымъ идеальнымъ моралистамъ: на что же будутъ пригодны тогда тѣ умерѣнія, которыя построены теперь на апіористическомъ предположеніи о невѣрности этой гипотезы? Естественное происхожденіе видовъ, во всякомъ случаѣ, должно быть допущено идеалистами, если они не хотятъ, чтобы ихъ теоріи разлетѣлись въ прахъ, какъ карточные домики, при первомъ прикосновеніи научныхъ результатовъ естествознанія. Наука ни мало не обязана, она не должна и не можетъ потворствовать вкусамъ той или другой школы. Она живетъ дѣло съ истиной и только съ истиной, хотя бы и непріятной тому или другому направленію. Она относится съ одинаковою критическою строгостью и къ чистому идеализму, въ его ненаучномъ видѣ, и къ чистому матеріализму, имѣющему также свою систему, свои симпатіи и своихъ послѣдователей. Наука не примѣняется къ нивонамъ; дѣло школы слѣдить за движеніемъ науки и видоизмѣнять свои ученія согласно ея указаніямъ и успѣхамъ.

Ничего этого не хотѣть знать сторонники привычной имъ метафизики, и въ этомъ, какъ намъ кажется, ихъ коренная ошибка. Самъ по себѣ идеализмъ вовсе не похороненъ современной наукой, и идеалисты напрасно ужасаются новѣйшихъ теорій, вызванныхъ къ жизни успѣхами естествознанія. Чтобы похоронить идеализмъ, нужно прежде всего похоронить самое человѣчество, или, по крайней мѣрѣ, остановить его поступательное историческое движеніе, измѣнить кореннымъ образомъ его природу. Идеализмъ всегда существовалъ и будетъ существовать, пока жило и живетъ человѣчество; онъ всегда былъ и останется однимъ изъ самыхъ крупныхъ факторовъ нашего развитія. Наука относится критически и отрицательно не къ идеализму вообще, въ широкомъ и естественномъ смыслѣ слова, а къ извѣстной постановкѣ его въ прошедшемъ, къ тѣмъ формуламъ его, которые прямо претиворѣчаютъ опыту и доказанной научной истинѣ. Въ практической сферѣ, въ примѣненіи къ частной и общественной жизни, она находитъ эти формулы изжитыми, не отвѣчающими болѣе идеаламъ общественнаго блага. Сомнѣніе въ теоретической и практической состоятельности этихъ формулъ не было явленіемъ

случайнымъ, упавшимъ съ неба въ одно прекрасное утро и бессмысленно нарушившимъ безмятежный покой идеалистическаго міровоззрѣнія: оно было плодомъ умственного развитія человѣчества, послѣдствіемъ естественнаго, связнаго процесса, который требуетъ не отрицанія, а внимательнаго изученія и дальнѣйшей разработки. Оно разстраивается, это правда, налаженную прошедшимъ гармонію чловѣческихъ понятій и отношеній, но все дѣло въ томъ, что эта гармонія не удовлетворяетъ болѣе ума чловѣческаго и уже не представляется ему болѣе гармоніей. Не мы первые переживаемъ трудную эпоху такой дисгармоніи и тяжелаго анализа. Исторія сохранила намъ память о другихъ подобныхъ эпохахъ въ жизни чловѣчества; имѣя богатый матеріалъ для сравненія и изученія, современное чловѣчество гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ его отдаленные предки. Но именно такое сравненіе и изученіе и приводятъ къ тому непреложному выводу, что умственный и нравственный выходъ изъ тяжелыхъ періодовъ сомнѣнія и анализа не позади, а впереди насъ, что одни идеалы прошедшаго уже не дадутъ намъ желаннаго синтеза, обновленной морали, и что протестъ противъ духа изслѣдованія, поднятый лишь во имя этихъ идеаловъ, по необходимости останется безплоднымъ для того самаго дѣла, на пользу котораго онъ предназначался.

Лучшіе идеалы прошедшаго европейской культуры господствовали надъ умами въ теченіи долгихъ вѣкомъ; они имѣли полную возможность вполне развернуться и расцвѣсти, оказать все то творческое, прогрессивное и благотворное вліяніе, на которое были способны. Если они не выдерживаютъ болѣе критики ума чловѣческаго, и потому отживаютъ, если они все болѣе и болѣе обращаются въ формы, которыя держатся отчасти по преданію и привычкѣ, отчасти потому, что цѣльное, равносильное имъ по своей универсальности, міровоззрѣніе должно трудно и долго выработываться имъ на смѣну, — то съ точки зрѣнія самихъ идеалистовъ странно не видѣть въ этомъ провиденціальнаго явленія, странно признавать это явленіе только заблужденіемъ и зломъ, странно льстить себя надеждой, что метафизическія усилія нѣсколькихъ умовъ могутъ повернуть чловѣчество назадъ и примирить его съ прежними понятіями. Въ наше время, старые идеалы уже по необходимости не тѣ, что были прежде. Въ морали красота ихъ поблекла, нравственная чистота помутилась; какъ форма безъ содержанія, они перѣдко прикрываютъ совсѣмъ не-идеальныя стремленія и цѣли. Въ подтвержденіе нашихъ словъ можно было бы привести множество прикрѣповъ, но мы торопимся перейти къ сочиненіямъ, по поводу которыхъ должны были высказать нѣсколько общихъ соображеній.

Подобно многимъ мыслителямъ нашего времени, авторы двухъ обширныхъ сочиненій, заглавія которыхъ приведены выше, справедливо озабочены современными умственными и нравственными переломами, переживаемыми западной Европой. Они въ особенности поражены нравственной несостоятельностью ученій, которыя отрицаютъ врожденные человѣку, вычерпнутыя не изъ опыта, идеи добра и справедливости, конечныя цѣли и въ нѣкоторомъ смыслѣ свободную волю. У каждаго изъ нихъ, особенно у Карб, можно указать горячія, умно и талантливо написанныя страницы неудовлетвореннаго нравственнаго чувства. Слабыя стороны новыхъ ученій иногда удачно освѣщены авторами. Но въ сущности, въ цѣломъ, ихъ сочиненія вычеркиваютъ изъ исторіи человѣческаго ума капитальнѣйшія ея страницы; въ сущности, въ цѣломъ, эти сочиненія представляютъ рѣзкій протестъ противъ всякаго прикосновенія опытнаго метода къ метафизическимъ основамъ морали, протестъ, доходящій у Карб до апологіи католицизма и католической исповѣди, при всемъ желаніи автора остаться исключительно на научной почвѣ. Блестящія и оригинальныя мысли Прудона, не представляющія, впрочемъ, ничего систематическаго, безумныя и глубоко безнравственные проекты знаменитаго Эмиля Жирардена, сводившаго все на карманъ и предлагавшаго замѣнить справедливость общественнымъ страхованиемъ, даютъ Карб удобное оружіе для борьбы противъ моралистовъ-новаторовъ. Но проекты Жирардена, хотя и являются знаменіями времени, не имѣютъ никакой научной цѣны, и Карб переходитъ къ школамъ матеріалистической, позитивной, эволюціонной (дарвинизмъ) и утилитарной. Ни одна изъ этихъ школъ, вѣроятно, не даетъ вполне подходящаго ключа къ высшимъ вопросамъ морали, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ онѣ несомнѣнно имѣютъ свои слабыя стороны; но къ нимъ и нельзя относиться какъ къ ученіямъ совершенно законченнымъ, не подлежащимъ никакой дальнѣйшей обработкѣ и никакимъ дальнѣйшимъ существеннымъ измѣненіямъ. Всѣ эти школы—не болѣе какъ попытки выдти на новую дорогу; онѣ—матеріалъ для системы убѣжденій и вѣрованій человѣчества въ будущемъ. Чистый матеріализмъ уже теперь начинаетъ уступать свое господство другимъ школамъ съ болѣе широкимъ кругозоромъ и менѣе исключительнымъ направленіемъ. Еслибы авторъ относился къ нимъ съ этой точки зрѣнія, то его вкладъ въ современную научную литературу моральныхъ вопросовъ могъ бы имѣть свое значеніе; но онъ ограничивается пространнымъ отрицаніемъ новѣйшихъ экспериментальныхъ исследованийъ и указаніемъ на идеалы прошлаго. Въ сочиненія Карб, рядомъ съ вѣрными замѣчаніями о недостаткахъ новѣйшихъ теорій морали, въ астрѣчае доведенную до малочисленности приверженность къ старымъ по-

тѣмъ. Нельзя, наприимѣръ, не согласиться съ нимъ, что было бы безнравственно называть преступника, не признавая въ немъ свободной воли, называть для общей пользы, зная сомнѣвая его виновность; но самъ авторъ несправедливо затрогиваетъ наше нравственное чувство, признаваясь, что ему, этому крайнему идеалисту, смертная казнь представляется справедливымъ и необходимымъ учрежденіемъ. Впрочемъ, отнюдь не всѣ новѣйшія школы, о которыхъ говоритъ авторъ, отрицаютъ свободную волю преступника. Утилитарная школа, ученіе которой приведено въ систему и дополнено Ствартомъ Миллемъ, не говоритъ ничего подобнаго. Французскій позитивизмъ тоже воздерживается отъ подобныхъ выводовъ.

Мы не будемъ передавать подробно содержаніе книги Карб. Она почти ничего не прибавляетъ къ тому, что болѣе или менѣе общеизвестно. Правда, она подводитъ моральные итоги разнымъ новѣйшимъ школамъ, но авторъ дѣлаетъ это съ такой исключительной и въ то же время ординарной точки зрѣнія, что едва ли которое-нибудь изъ критикуемыхъ имъ ученій можетъ измѣниться подъ вліяніемъ этой критики. Она не представляетъ почти ничего новаго, а то немногое, что можетъ казаться въ ней новымъ, мало убѣдительно. Лучшею частью этого трактата мы считаемъ послѣднюю, заключительную главу, посвященную разбору „Философскихъ стихотвореній“ г-жи Аккерманъ, съ точки зрѣнія вліянія позитивизма на нравственное настроеніе поэтического таланта. Этотъ разборъ обнаруживаетъ сильное, но развитое въ одну только сторону поэтическое чувство, которое замѣтно и въ его теоретическихъ сужденіяхъ о морали, въ ущербъ научному достоинству послѣднихъ. Мы позволимъ себѣ остановиться на этомъ отрывкѣ, чтобы познакомить читателя съ наиболее удачною частью книги французскаго академика, и съ стихотвореніями поэта, имъ разбираемаго.

„Великое движеніе, такъ дѣятельно продолжающееся въ научныхъ сферахъ,—говоритъ Карб,—должно непремѣнно отзываться и въ другихъ сферахъ. Подъ давленіемъ или угрозой подготовляющихся умственныхъ переворотовъ, умы не могутъ быть спокойны, и самая безмятежность прежнихъ вѣрованій не можетъ не подвергаться глубокому смятенію. Новыя теоріи, различныя по предлагаемымъ ими объясненіямъ, но согласныя (?) въ налагаемыхъ ими отрицаніяхъ, системы, такъ смѣло обобщающія результаты положительныхъ наукъ и группирующія ихъ съ извѣстными общими точками зрѣнія, овладѣли общественнымъ вниманіемъ мыслящихъ кружковъ; не трудно было вывести изъ этихъ теорій и системъ всѣ послѣдствія, понять ихъ значеніе и опредѣлить ихъ практическое вліяніе. Отсюда сильное потрясеніе господствующихъ понятій, которое распространяется и при-

нижаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Приближается что-то торжественное, какъ напавшій кривисозъ ума человѣческаго.

„Всѣмъ философская идея имѣетъ своимъ послѣдствіемъ видоизмѣненіе не только сознанія, но и воображенія людей даннаго времени, давая имъ иной взглядъ на жизнь и смерть. А развѣ жизнь и смерть не все для человѣка, развѣ онѣ не та задача, къ которой примыкаютъ всѣ остальные? Измѣняются одновременно и религіозное чувство и чувство поэтическое, судьба которыхъ нераздѣльна. Я говорю о томъ религіозномъ чувствѣ, которое часто встрѣчается въ нашемъ обществѣ и въ наше время, чувствѣ смутномъ, неопредѣленномъ, которое, не будучи связано ни съ какимъ догматомъ, почти безъ сопротивленія слѣдуетъ за смѣняющимся торжествомъ противныхъ ученій, поднимаясь и опускаясь вмѣстѣ съ ними, укрѣпляясь подъ нѣкоторыми вліяніями, улетучиваясь и утончаясь подъ другими, измѣняясь въ своей природѣ и въ своихъ формахъ сообразно съ испытываемыми имъ атмосферическими колебаніями въ различныхъ климатахъ идей, черезъ которые оно проходитъ. Поэтическое чувство переживаетъ тѣ же превратности; оно носитъ на себѣ болѣе или менѣе смутный отпечатокъ тѣхъ умственныхъ переворотовъ, которыми видоизмѣняются воззрѣнія на дѣла божескія и человѣческія. И это должно быть такъ. Что такое поэзія по своей сущности? Что выражаетъ она въ самыхъ разнообразныхъ формахъ? Истинная поэзія,—отвѣчаетъ далѣе авторъ словами Жоффруа, съ односторонностью крайне метафизическаго моралиста,—истинная поэзія высказываетъ лишь одно: мученія души человѣческой надъ вопросомъ объ ея судьбѣ. Вотъ о чемъ звучитъ лира великихъ поэтовъ, вотъ о чемъ съ меланхолическимъ однообразіемъ поютъ Байронъ и Ламартинъ. Кто мало жилъ, тому лишь на половину понятны эти глухіе звуки, высокое выраженіе вѣчной скорби, но въ душахъ зрѣлыхъ, въ которыхъ великія задачи судьбы развили настоящее поэтическое чувство, эти звуки находятъ глубокой отзывъ. Однѣ только зрѣлыя души понимаютъ высокую лирическую поэзію, потому что въ лирикѣ вся поэзія; остальное не болѣе какъ поэтическая форма. Или скорбныя сомнѣнія, внушаемыя этими вопросами, или тѣ мрачныя, тѣ свѣтлыя мечты, которыми человѣкъ усиливается порѣшить ихъ—вотъ что неудержимо привлекаетъ поэтовъ, достойныхъ этого имени. Если это вѣрно относительно всѣхъ временъ, то еще болѣе вѣрно относительно нашей современности, когда человѣческая совѣсть подвергается столь драматическимъ испытаніямъ!

„Въ какомъ волненіи должны находиться современные таланты, оваренные поэтическимъ воображеніемъ, какъ скоро они, оторванные отъ положительныхъ вѣрованій, отдаются вліянію новыхъ идей!

Въ извѣстномъ смыслѣ, положеніе умовъ никогда не было болѣе истинно, чѣмъ теперь. Настала часъ рѣшительнаго кризиса, когда нужно сдѣлать выборъ между двумя противоположными направленіями и, сдѣлавъ этотъ выборъ, отказаться отъ всѣхъ прежнихъ догмъ, старыхъ наставительницъ и утѣшительницъ человечества, о началѣ и концѣ вещей, о судьбѣ человѣка, о неизгладимомъ и сущенномъ характерѣ личности, созданной имъ путемъ страданія и добродѣтели. Невозможно, чтобъ поэтъ, живущій въ подобное время, когда все стало вопросомъ—будущее и прошедшее міра, тайна жизни и смерти,—невозможно, чтобъ поэтъ не ощутилъ въ душѣ своей глубокаго волненія въ виду столь тревожныхъ задачъ и не явился выразителемъ этого волненія въ стихахъ, которые останутся вдохновеннымъ отголоскомъ истинно трагической поры въ исторіи человечества.

Такимъ именно поэтомъ признаетъ Каро г-жу Аквермаъ, разбирая ея стихотворенія, находитъ въ нихъ двѣ господствующія черты: отрицаніе идеаловъ прошлаго и, какъ послѣдствіе этого отрицанія, глубокую скорбь и пессимизмъ, вырывающій у поэта немолчаливый крикъ отчаянія. Старые идеалы разрушены; ихъ замѣняютъ слѣпые, роковые законы, которые не за что ненавидѣть, которые остается только подчиниться: если эти законы причиняютъ намъ зло и страданія, то дѣлаютъ это не по желанію и не по злобѣ къ намъ. „Но удовлетворится ли этимъ умъ человѣка?—спрашиваетъ критикъ.—Отречется ли поэтъ, считающій себя въ этомъ случаѣ отголоскомъ мыслящаго человечества, отъ того негодованія, возбуждаемаго въ немъ прошлымъ и которое онъ высказалъ въ прекрасной пьесѣ: „Прометей“? Да, онъ отречется отъ своего негодованія, но не отъ своей скорби. Прочтите слѣдующую страницу, гдѣ поэтически впервые очерченъ въ прекрасныхъ стихахъ. Если это побѣда, то какъ мрачна эта побѣда и какова картина искупленія:

Il s'ouvre par delà toute science humaine
Un vide dont la foi fut prompte à s'emparer.
De cet abîme obscur, elle a fait son domaine;
En s'y précipitant, elle a cru l'éclairer.
Eh bien! nous t'expulsons de tes divins royaumes,
Dominatrice ardente, et l'instant est venu.
Tu ne vas plus savoir où loger tes fantômes;
Nous fermons l'inconnu.

Mais ton triomphateur expiera ta défaite.
L'homme déjà se trouble, et, vainqueur éperdu,
Il se sent ruiné par sa propre conquête;
En te dépossédant, nous avons tout perdu.
Nous restons sans espoir, sans recours, sans asile,
Tandis qu'obstinément le désir qu'on exile
Revient errer autour du gouffre défendu.

„Нѣтъ ничего мрачнѣе, безотраднѣе мысли поэта всякій разъ, когда призываемая и проклиная имъ природа открываетъ ему свой смертоносный и въ то же время безмятежный образъ,—продолжаетъ критикъ.—Въ одномъ діалогѣ, блещущемъ своею мрачною красотою, Природа открываетъ наконецъ человѣку цѣль, къ которой она стремится вѣчно. Эта цѣль—не-человѣческій атомъ. Вѣснмртная работница, располагающая и временемъ, и пространствомъ, и веществомъ, задумываетъ перешагнуть за грани созданнаго ею челоѣчества. Какое-то великое желаніе таится въ ея груди; она какъ будто готовится къ новому, высшему творчеству. Всѣ прежніе созданія были для нея только пробой собственныхъ силъ, но оказались неудачными, и она съ презрѣніемъ отталкиваетъ ихъ. Она стремится къ чему-то болѣе великому, болѣе могучему, болѣе свободному. Человѣкъ лишь несовершенный набросокъ того идеально-высокаго созданія, о которомъ она мечтала. Она обрекаетъ уничтоженію этотъ хрупкій набросокъ, какъ и другіе, и снова беретъ въ руки вещество, изъ котораго онъ былъ созданъ и которому она дастъ новый образъ. Чтѣ же замышляетъ она, эта великая художница? Чтѣ она готовить? Не замышляетъ ли, не готовится ли она создать совершенство?—Нѣтъ, отвѣчаетъ ей челоѣкъ, въ свою очередь овладѣвшій природой посредствомъ науки и отказывающійся признать за нею мнимое могущество.—Нѣтъ, я измѣрилъ твою силу; ты не можешь создать ничего болѣе великаго, чѣмъ я, и какъ я ни слабъ, я опредѣлилъ границы твоей власти. Ты не создашь совершенства, ты можешь творить только для смерти:

Car sur ta route en vain l'âge à l'âge succède:
Les tombes, les berceaux ont beau s'accumuler,
L'idéal qui te fuit, l'idéal qui t'obsède
A l'infini pour reculer.

„Всѣ эти проклятія поэта слиты въ одно въ послѣднемъ его стихотвореніи, гдѣ разражается во всей своей безотрадности чувство, наполняющее его душу. Это стихотвореніе похоже на послѣдній крикъ утопающаго, и оно дѣйствительно таково. Поэтъ сравниваетъ себя съ путешественникомъ, передъ которымъ разверзается палуба корабля и который не видитъ кругомъ ничего, кромѣ безпредѣльнаго моря, вздымающагося, чтобъ поглотить его. Онъ приподнимаетъ голову изъ-подъ набѣжавшей волны и издаетъ послѣдній крикъ. Подобно этому путешественнику, поэтъ ощущаетъ бедную подъ ногами и молнію надъ головою. Кругомъ волны и небеса соотазаются въ ожесточеніи, шумѣ, мракѣ. Погибающее судно — это

корабль человеческой жизни, бѣгущій черезъ пропасти безъ насъ и мачты:

L'équipage affolé manoeuvre en vain dans l'ombre:
L'Épouvante est à bord, le Désespoir, le Deuil;
Assise au gouvernail, la Fatalité sombre
Le dirige vers un écueil.

Mei que sans mon aveu l'aveugle Destinée
Embarque sur l'étrange et frêle bâtiment,
Je ne veux pas non plus, muette et résignée,
Subir mon engloutissement.

.
Ahl c'est un cri sacré que tout cri d'agonie.
Il proteste, il accuse au moment d'expirer.
Et bien! ce cri d'angoisse et d'horreur infinie,
Je l'ai jeté, je puis sombrer!

„Ничего болѣе отчаяннаго не слышали мы въ наше вѣкъ. Этотъ крикъ долженъ былъ провестись надъ равнодушіемъ и легкомысліемъ занятаго житейскими дѣлами и положительнаго новогіи; это отголосокъ новыхъ навязываемыхъ намъ воззрѣній на міръ, человека и жизнь, отголосокъ ихъ въ сильномъ поэтическомъ воображеніи. Въ этомъ весь характеръ и непреодолимая оригинальность стихотвореній г-жи Аккерманъ; они странны и поразительны. Суровое однообразіе тона неудержанно отпечатлѣваетъ ихъ въ душѣ внимающей. Нельзя оторваться отъ нихъ; вы истериваете и дна доставляемое ими безотраднѣе наслажденіе. Подъ заразительнымъ ихъ вліаніемъ, вы ощущаете нѣчто въ родѣ мрачнаго опьяненія; у васъ кружится голова, точно вы смотрите въ пропасть“.

Мы далеки отъ мысли отвергать громадную важность тѣхъ вопросовъ, которые затрогиваетъ французскій академикъ въ своей книгѣ; во многихъ отношеніяхъ, мыслящіе люди не могутъ не раздѣлить нравственныхъ заботъ и волненій, высказанныхъ имъ въ приведенныхъ сейчасъ отрывкахъ изъ разбора стихотвореній г-жи Аккерманъ. Но это нисколько не мѣшаетъ намъ ясно видѣть, что въ своей борьбѣ противъ новыхъ воззрѣній онъ дѣлаетъ непоправимую ошибку, которая лишаетъ его всякой надежды на успѣхъ. Онъ стоитъ не только за идеализмъ, но и за старыя его формы; онъ сторонникъ науки, пока она отвѣчаетъ его желаніямъ и догматизированнымъ инстинктамъ; его умъ не довольно гибокъ и проницателенъ, чтобы видѣть, что новыя теоріи, не представляя еще ничего законченнаго, должны привести въ переработкѣ идеализма на новыхъ основаніяхъ. Совершенно справедливо замѣчаетъ Карбъ, что пессимистическая философія никогда не можетъ сдѣлаться окончательнымъ міровоззрѣніемъ человечества; но нельзя же поэтому предлагать въ наше время

протинауцный оптимизмъ, какъ наилучшую умственную и нравственную книгу...

Ту же коренную ошибку, но еще въ болѣе степени, если это возможно, дѣлаетъ профессоръ безансонскаго факультета, Лудовикъ Каррбъ, въ своемъ пространномъ историческомъ изслѣдованіи объ утилитарной морали. Сочиненіе это узнано академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ, по докладу одномыслящаго съ авторомъ академика, о книгѣ котораго мы только-что говорили. Авторъ взялъ на себя трудъ прослѣдить исторію утилитарныхъ ученій о морали, имѣвшихъ большое вліяніе на умы въ древности и въ новое время. По отношенію къ этимъ ученіямъ, онъ изучилъ древнихъ и новыхъ мыслителей, отъ Эпикура и его предшественниковъ до Дарвина включительно. Трудъ немалый и почтенный, въ которомъ проходить передъ читателемъ, въ связанномъ историческомъ изложеніи, мнѣнія даровитѣйшихъ представителей опытнаго направленія въ философіи, которымъ такъ много обязаны просвѣщенію и наука. Сопопавляя ученія Эпикура, Салисберн, Бэкона, Гобса, Ларошфуко, Локка, Гельсепціа, Юма, Гартляя, Пазеля, Бентама, Мекинтоша, Стюарта Милля, Спенсера, Бама и Дарвина, авторъ умѣлъ найти и указать историческую и логическую послѣдовательность въ развитіи и разработкѣ идеи такъ-называемой утилитарной морали. Онъ самъ находитъ и объясняетъ, что мыслители экспериментальныхъ школъ, въ своихъ ученіяхъ о происхожденіи и салиціяхъ морали, поочинали и совершенствовали каждый теоріи своихъ предшественниковъ; но вы напрасно стали бы искать у него признанія научныхъ и общественныхъ заслугъ, и притомъ именно въ области морали, за такими первоклассными мыслителями, каковы, напримѣръ, Локкъ, Юмъ или Бентамъ. Но ихъ ученія въ свое время двигали философію и неразрывно связаны съ ея историческимъ развитіемъ; относятся къ нимъ только отрицательно, авторъ ставитъ такимъ образомъ читателя, который бы пожелалъ послѣдовать за нимъ, въ необходимость отстать отъ современности на цѣлне вѣка, забывая и крупнѣйшія открытія, и наблюденія положительныхъ наукъ, и весь тотъ историческій процессъ, который привелъ лучшіе умы къ сомнѣнію въ достовѣрности чисто-метафизическаго метода въ философіи. Такими критическими приемами едва ли можно сокрушить антипатичные автору выводы опытнаго метода, даже и въ идеальной области моральныхъ вопросовъ.

Авторъ не ограничивается однако опроверженіемъ названныхъ мыслителей. Онъ предлагаетъ и свое ученіе, построенное на чисто-метафизическихъ основаніяхъ, ученіе вполне апріористическое, въ которомъ читатель едва ли найдетъ что-нибудь новое. Мы цѣлоуемъ его въ немногихъ словахъ, замѣтивъ предварительно, что ав-

торъ называетъ его ученіемъ о раціональной морали, въ противоположность морали утилитарной. Полемизируя съ мыслителями экспериментальныхъ школъ, ищущихъ нравственнаго критерія въ требованіяхъ частнаго и общаго блага, Каррбъ противопоставляетъ этому критерію, какъ основу морали, принципъ или идею совершенства. Стремиться къ совершенству — такова конечная цѣль, которую долженъ поставить себѣ человѣкъ. „Это господствующее понятіе, — говоритъ онъ, — исполнѣ и непосредственно просвѣщаетъ разумъ въ томъ, что именно наиболѣе достойно любви, что должно быть познаваемо съ особеннымъ стараніемъ, на что должны быть направлены самыя настойчивыя усилія воли. Оно указываетъ такимъ образомъ недостижимую цѣль для каждой изъ человѣческихъ способностей; оно есть конечная причина человѣческаго развитія, существенное условіе всякаго истиннаго прогресса. Оно дѣлаетъ справедливость обязательною; оно же обязываетъ къ благотворительности, такъ какъ для всякаго очевидно, что каждый долженъ уважать въ своихъ ближнихъ ту свободу, безъ которой они не могли бы достигать своихъ конечныхъ цѣлей, и въ то же время посильно помогать имъ въ достиженіи этихъ цѣлей. Только идеей совершенства объясняется и общественный, и личный прогрессъ. Если человѣчество, посредствомъ медленнаго, неправильнаго, часто прерываемаго, иногда попятнаго движенія, восходитъ тѣмъ не менѣе къ большому свѣту и лучшей нравственности, то ясно, что оно руководимо въ своихъ слабыхъ усиліяхъ идеаломъ истины и добра, возбуждающимъ, возвышающимъ и влекущимъ его съ силой, которая, такъ-сказать, сама себя угнетаетъ, чтобы не уничтожить въ мірѣ возможность зла, а съ нею и возможность нравственной заслуги со стороны человѣка. Метафизика неизбежна въ ученіи о морали. Изгоняя метафизическія понятія, наука не только теряетъ въ своемъ достоинствѣ, но и въ своей точности и строгости. Если окончательная гармонія добродѣтели и истины есть постулатъ разума; если, съ другой стороны, эта гармонія не существуетъ на землѣ, то нужно, чтобы она осуществилась когда-нибудь при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ и средствахъ, и прервался тотъ необходимый здѣсь антагонизмъ между законами природы и нравственнымъ закономъ, безъ котораго была бы немислима нравственная заслуга“.

Приведенной выписки достаточно, чтобы судить о характерѣ этой метафизики. Отрѣзнясь отъ опытнаго метода, авторъ или издаетъ въ мистицизмъ, или предлагаетъ вращаться въ безысходномъ заколдованномъ кругѣ. То, что для него очевидно, можетъ быть совсемъ не такъ очевидно для другихъ; чтобы убѣдиться въ очевидности предлагаемыхъ имъ метафизическихъ основаній морали, нужны

опять усилія ума, научныя изслѣдованія, а эти усилія и изслѣдованія опять неизбежно приводятъ къ опытному методу. Это процессъ уже не новый и потому извѣстный; онъ пережить человѣческимъ умомъ, для котораго уже немислимо попятное движеніе въ смыслѣ автора. Мы, впрочемъ, не хотимъ сказать, чтобъ сочиненіе Каррб было лишено солидныхъ достоинствъ. Авторъ добросовѣстно и обстоятельно передаетъ, изъ первыхъ рукъ, мнѣнія и теоріи критикуемыхъ имъ мыслителей; ему удается иногда мѣтко попадать въ ихъ уязвимыя стороны, но онъ все время держится на почвѣ, до того враждебной новѣйшимъ направленіямъ въ наукѣ, что ни потраченный имъ трудъ, ни логическіе, повидимому, приемы изслѣдованія, не мѣшаютъ читателю задаться вопросомъ: не приходится ли, чтобъ быть послѣдовательнымъ, завершить изложеніе автора догматомъ напсюй непогрѣшимости? Читатель чувствуетъ себя тѣмъ болѣе уполномоченнымъ на подобный вопросъ, что въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія авторъ объясняетъ, въ какихъ случаяхъ католическая исповѣдь можетъ быть морально дѣйствительна, и въ какихъ она должна оставаться безъ нравственныхъ послѣдствій... Гартманнъ справедливо замѣтилъ, что идеалисты стараго покроя, враждебные современной наукѣ, если они хотятъ быть послѣдовательными, должны дѣлаться искренними католиками. Прочитавъ объемистыя сочиненія французскаго академика и безансонскаго профессора, мы не могли не припомнить этого мѣткаго замѣчанія. Именно къ такой дилеммѣ пришелъ современный европеецъ, и если мы нашли нужнымъ остановить вниманіе читателя на двухъ сочиненіяхъ, о которыхъ была рѣчь, то единственно съ цѣлью выяснить, при помощи этихъ новыхъ данныхъ, настроеніе умовъ въ западной Европѣ.

В. Коршъ.

Римъ.—14 марта, 1876.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

XIII.

ТРИ СТРАНИЦЫ ИЗЪ ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕАТРА И ЛИТЕРАТУРЫ.
«Les Danicheff» — «l'Étrangère» — «M-me Caverlet».

Въ настоящую минуту три драматическихъ произведенія придаютъ въ восторгъ парижскую публику: „Les Danicheff“ въ Одеонѣ, „l'Étrangère“ въ Théâtre Français, и „M-me Caverlet“ въ Водениѣ. Эти три произведенія весьма любопытны: они характеристичны съ литературной точки зрѣнія и даютъ въ руки критики драгоценныя данныя для вѣрнаго опредѣленія момента, переживаемаго нами. А главное, они позволяютъ мнѣ заняться личностью Александра Дюма-сына, о которой я говорилъ годъ тому назадъ, по поводу принятія его въ члены академіи ¹⁾. Теперь мнѣ представляется случай изречь портретъ А. Дюма-сына во весь ростъ. Конечно, нельзя сказать, что все наше драматическое искусство воплотилось въ этомъ писателѣ; но онъ приобрѣлъ необыкновенное значеніе, благодаря поклоненію, какимъ его окружаютъ, такъ что говорить о немъ, знатно говорить въ извѣстной степени о современномъ театрѣ, или по крайней мѣрѣ о томъ, что въ немъ есть самаго трескачаго и бросающагося въ глаза. Разборъ вышеупомянутыхъ трехъ пьесъ можетъ состояться потому тремя страницами, вырванными изъ истории нашей современной литературы. Вотъ эти три страницы.

I.

За шесть мѣсяцевъ до того, какъ „Данишевы“ были поставлены въ театрѣ Одеона, объ этой пьесѣ уже сложилась цѣлая исторія. Рассказывали, что незнакомый авторъ принесъ Дюма драму, оригинальное содержаніе которой очень поразило послѣдняго. Но такъ какъ нѣкоторыя стороны произведенія могли непріятно подѣйствовать на французскую публику, Дюма указалъ автору необходимыя поправки и взялъ на себя трудъ передать пьесу какой-нибудь театральной дирекціи и поставить ее. Эта исторія, повторяемая на устахъ газетамъ, поддерживала въ публикѣ любопытство, обезпечива-

¹⁾ См. „Вѣст. Евр.“ 1875 г., мартъ, стр. 441.

нее будущій успѣхъ пьесы. Всѣмъ хотѣлось, однако, знать, въ какой именно мѣрѣ Дюма участвовалъ въ этомъ произведеніи. Надо сказать, что для автора „Demi-Monde“ подобное участіе не рѣдкость. Онъ любитъ играть относительно начинающихъ писателей роль покровителя и наставника. Всѣ произведенія, задуманныя въ тѣхъ рамкахъ, какія ему свойственны, то-есть всѣ произведенія, гдѣ затрогивается вопросъ о социальныхъ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, находятъ въ немъ защитника и покровителя. Это происходитъ частію отъ обязательнаго его характера, частію можетъ объясниться желаніемъ пронагандировать свои идеи. Дюма—рьяный пропагандистъ. Публика еще не забыла шума, произведеннаго его анонимнымъ сотрудничествомъ съ Эмилемъ де-Жиранденъ въ пьесѣ „le Supplice d'une femme“. Онъ обработалъ это произведеніе на свой ладъ и съ такимъ пренебреженіемъ къ первоначальному тексту, что Эмиль де-Жиранденъ не узналъ его и рѣшительно отказался признать своимъ, даже послѣ успѣха. „Le Supplice d'une femme“ доселѣ дается въ Théâtre Français, какъ произведеніе нѣкоего Х... Поэтому понятно, какой живой интересъ представляло первое представленіе „Данишевскихъ“,—изъ-за незнакомаго автора выглядывалъ Дюма. Публика обожаетъ все таинственное, всякія газетныя и закулисныя сплетни.

Впрочемъ, обыкновенно въ такихъ случаяхъ тайна бываетъ условленная, какъ въ похожденияхъ Полишинеля. Всѣ знали, что неизвѣстный авторъ—русскій, нѣкто г. Корвинъ-Круковскій. Приводилась даже его біографія, но, кажется, невѣрная. Газеты болтали всякій вздоръ и даже прилипали, что тоже хорошее средство для того, чтобы подѣйствовать на публику. Такимъ образомъ, по словамъ нѣкоторыхъ хроникѣровъ, пьеса была такой смѣлой сатирой, что русское посольство потребовало будто бы значительныхъ сокращеній. Съ другой стороны, выясняли главныя черты новаго произведенія, обѣщая неожиданную развязку, крайне оригинальную. То было, словомъ, мастерское произведеніе, удостоившееся высокаго покровительства Дюма-сына. Вскорѣ настоящій авторъ отошелъ на задній планъ; толковали, что Дюма совсѣмъ переработалъ пьесу и сдѣлалъ ее возможной, приспособивъ къ французскому вкусу. Вотъ какіе слухи ходили наканунѣ перваго представленія.

Въ глазахъ публики въ подобныхъ похожденияхъ успѣхъ все оправдывается. Послѣ блестящаго торжества „le Supplice d'une femme“ неправымъ остался Эмиль де-Жиранденъ. Никто не понимаетъ, какъ можетъ писатель негодовать на сотрудника, когда этотъ послѣдній обезпечилъ успѣхъ общаго произведенія. Какое дѣло зрителямъ до

того, что произведеніе измѣнило свой характеръ, утратило оригинальность и правду. Ему рукоплещутъ,—этого довольно! Но для критика, для самого художника успѣхъ ничего не значить, и весь вопросъ сводится единственно къ тому: выиграло или проиграло произведеніе отъ передѣлки въ отношеніи силы и правды? Что же! чаще всего—я говорю объ оригинальныхъ произведеніяхъ—пьесы, успѣхъ которыхъ обеспечивается сотрудничествомъ ловкаго писателя, покупаютъ этотъ успѣхъ цѣною оригинальности. Онѣ становятся дюжинными и возможными изъ невозможныхъ и личныхъ, какими были до того. Я постараюсь прослѣдить въ „Данишевыхъ“ степень участія Дюма-сына и изучить, какое вліяніе имѣло это сотрудничество на общій ходъ пьесы. „Данишевы“ производятъ фуроръ въ Одессѣ, и весьма интересно анализировать этотъ успѣхъ подобно тому, какъ анализируютъ какую-нибудь химическую соль, т.-е. отдѣляя всѣ ея составныя части.

Прежде-всего, чтобы быть понятнымъ, я долженъ передать содержаніе пьесы, актъ за актомъ, съ нѣкоторыми подробностями. Въ первомъ актѣ мы у графини Данишевой. Тутъ передъ нами разворачивается предварительная сцена, предназначенная къ тому, чтобы ознакомить насъ съ русской средой и показать намъ графиню, окруженную домашними животными и двумя старыми приживалками. Впрочемъ, я еще возвращусь къ вопросу о *coauteur locale*. У графини есть сынъ, Владиміръ, котораго она намѣревается женить на княжнѣ Лидіи, дочери князя Валанова. Но Владиміръ влюбленъ въ крѣпостную дѣвушку, Анну; графиня дала ей образованіе и до сихъ поръ обращалась съ ней съ большой добротой. Когда молодой человѣкъ открываетъ свою любовь матери и заговариваетъ о томъ, чтобы жениться на Аннѣ, высокомерная и спѣсивая старуха выходитъ изъ себя и отказывается въ согласіи на бракъ, представляющійся ей чѣмъ-то чудовищнымъ. Потомъ прикидывается будто согласна, и отправляетъ Владиміра въ Петербургъ, потребовавъ отъ него, чтобы онъ провелъ цѣлый годъ въ разлуцѣ съ Анной и постарался полюбить княжну Лидію; черезъ годъ, если любовь его къ Аннѣ не исчезнетъ, онъ вернется и женится на ней. Владиміръ въ восторгѣ отъ такого испытанія. Немедленно послѣ его отъѣзда графиня спокойно призываетъ своего кучера, Осипа, чтобы тутъ же обвинять его съ Анной. Она только-что узнала, что Осипъ (Osip) тайнѣ обожаетъ Анну. Графиня относится ко всему этому люду съ спокойнымъ пренебреженіемъ госпожи, привыкшей къ безпрекословному повиновенію. Анна валяется у нея въ ногахъ и со слезами умоляетъ пощадить ее, но священникъ уже призванъ и бракосочетаніе совершено. Во второмъ актѣ мы переносимся въ Петер-

бургъ, къ княжнѣ Лидіи. Тамъ мы знакомимся съ секретаремъ французскаго посольства, молодымъ графомъ Роже де-Тальдэ, представителемъ изящества и остроумія въ пьесѣ. Княжна Лидія—сатанинская натура, одно изъ созданій, представляющихъ смѣсь змѣи съ газелью. Поползновенія на *couleur locale* проявляются и тутъ. Мы видимъ, какъ княжна Лидія выгоняетъ вонъ нѣкоего Захарова, плута, разбогатѣвшаго на винныхъ откупахъ и желавшаго купить ея вліяніе для своихъ дѣлъ. Весь актъ очень пустъ. Только въ концѣ его появляется графиня Данишева; Владиміръ узнаетъ обо всемъ, и у него съ матерью происходитъ жестокая сцена. Я забылъ сказать, что Роже де-Тальдэ припутанъ ко всей этой исторіи и уже извѣстилъ обо всемъ своего друга, Владиміра, узнавъ въ свою очередь о случившемся отъ слуги графини. Владиміръ убѣгаетъ какъ безумный, грозясь убить Осипа и Анну. Третій актъ происходитъ въ избѣ (*isba*) новобрачныхъ. Мужъ и жена отпущены графиней на волю. Они обращаются другъ съ другомъ очень ласково, но съ оттѣнкомъ грусти. Анна играетъ на фортепьяно, и Осипъ укоряетъ ее въ томъ, что она больше не поетъ старинныхъ русскихъ пѣсень. Является Владиміръ, вѣдь себя. Затѣмъ наступаетъ самая капитальная сцена въ пьесѣ. Молодой помѣщикъ готовъ броситься на своего бывшаго крѣпостного и избить его, но вучеръ Осипъ объясняетъ ему, что не забылъ его благодарній и остался вѣрнымъ и почтительнымъ слугой. Если онъ женился на Аннѣ, то затѣмъ, чтобы помѣшать графинѣ отдать ее другому, менѣе совѣстливому, чѣмъ онъ, и сохранить ее для него. Она жена ему только по имени, и онъ готовъ уступить ее своему господину. Графиня, послѣдовавшая за сыномъ, желаетъ теперь одного только: возможно скорѣе обвинять Владиміра съ Анной. Въ дѣло опять вмѣшивается Роже де-Тальдэ. Анна по прежнему любитъ молодого графа. Но надобно добиться развода, и на этой перипетіи занавѣсъ опускается. Весь четвертый и послѣдній актъ вертится около одного вопроса: добьются, или не добьются развода? Графиня и ея сынъ были такъ наивны, что поручили княжнѣ Лидіи испросить позволенія на разводъ. Само собой разумѣется, эта сатанинская дѣвушка запутываетъ дѣло и устраиваетъ такъ, что ей отказываютъ въ милости, о которой она проситъ. Всякая надежда была бы потеряна, еслибы Осипъ не придумалъ пойти въ монахи и этимъ самымъ, по словамъ пьесы, не освободилъ Анны. Но тутъ является новое препятствіе: надобно, чтобы разрѣшили Осипу, женатому человѣку, поступить въ монастырь. Такого разрѣшенія, благодаря Роже де-Тальдэ, добивается тотъ самый Захаровъ, котораго оскорбила княжна Лидія и который хочетъ ей отомстить. Осипъ идетъ въ монастырь, Владиміръ женится на Аннѣ.

Вотъ содержаніе пьесы. Я разберу его сначала съ литературной точки зрѣнія, оставляя пока въ сторонѣ грубую поддѣлку и несообразности этой мнимой картины русской жизни. Съ перваго же взгляда легко отличить степень участія Дюма-сына. Г. Корвинъ-Круковскій, очевидно, доставилъ ему первый актъ и капитальную сцену третьяго акта, или, вѣрнѣе сказать, Дюма удержалъ отъ первоначальной пьесы только этотъ актъ и эту сцену. Остальное принадлежитъ лично ему, или передѣлано имъ. И дѣйствительно, въ первомъ актѣ ощутельна оригинальность характера: сцена бракосочетанія, когда Анна тщетно валется въ ногахъ графини, остается, безъ сомнѣнія, самой сильной, несмотря на нѣкоторыя мало вѣроятныя подробности. Что касается третьяго акта, то, должно быть, онъ былъ вновь написанъ Дюма, потому что кучеръ Осипъ ведетъ въ немъ очень странныя для русскаго крѣпостного человѣка рѣчи. Три акта изъ четырехъ—вотъ, значитъ, каковъ вкладъ Дюма въ общій произведеніи. Выходитъ, г. Корвинъ-Круковскій просто далъ сюжетъ для Дюма, а этотъ послѣдній переработалъ его по-своему, прилепилъ свою развязку, переделалъ сцены, создалъ новыя лица, внесъ въ эту чуждую среду французскіе методу и вкусъ и произвелъ чудище: русскую пьесу, настолько офранцузенную, чтобы парижская публика могла ее понять и восхититься ею. Вышла на дѣлѣ одна изъ тѣхъ японскихъ вазъ, къ которымъ буржуа квартала Марэ придѣлываютъ бронзовыя ножки.

Одно лицо въ особенности носить клеймо фабрики Дюма: молодой французскій дворянинъ, секретарь посольства, Роже де-Тальда. Это вѣчный Деженъ, вѣчный резонеръ и остроумецъ, котораго встрѣчаешь во всѣхъ пьесахъ автора „Demi-Monde“. Но только на этотъ разъ, среди чуждыхъ ему рамокъ, типъ остроумнаго и милаго француза приобрѣлъ самый странный характеръ. Все ждешь, что онъ подойдетъ къ буткѣ суфлера и пропоетъ романсъ. Онъ напоминаетъ тенора, вырвавшагося изъ комической оперы Скриба. И какую странную роль онъ играетъ, совсѣмъ безсодержательную, вполне бесполезную для хода пьесы. Я сравнилъ его съ теноромъ: онъ, дѣйствительно, поетъ большую арію, рассказъ объ охотѣ на медвѣдъ, на которой Владиміръ спасъ ему жизнь; затѣмъ исполняетъ въ салонѣ княжны Лидіи варьяціи о характерѣ русской женщины съ фатовствомъ и остроуміемъ коммѣ-вожера. Нечего сказать, Франція хорошо представлена въ пьесѣ! Намъ нечѣмъ гордиться, если Дюма выставляетъ Роже де-Тальда какъ образчикъ нашей цивилизаціи. Банальнѣе, глупѣе, самодовольнѣе и нелѣпѣе фигуры, какъ этотъ юный секретарь посольства, щеголяющій въ Россіи ложнымъ изяществомъ и ложнымъ остроуміемъ нашихъ драматическихъ тротуаровъ,—

не найдешь и среди восковых куколъ, красующихся за витриной парикмахера.

Упомяну также и о княжнѣ Лидіи. Она вызываетъ невольную улыбку. Эта молодая сатанинская дѣвушка, очевидно, взята изъ какой-нибудь старой, позабытой мелодрамы. Нѣтъ ничего легче, право, когда приходится вывести на сцену чуждую личность, замѣнить изученіе расы, среды и темперамента дикой и пустой выдумкой. Дюма не гоняется за точностью наблюденія; онъ создаетъ русскую женщину, какъ бы создалъ дѣйствующее лицо въ какой-нибудь фееріи на основаніи трехъ или четырехъ общихъ мѣстъ, распространенныхъ во Франціи на счетъ Россіи. И вотъ какимъ образомъ оказывается, что оригинальная русская княжна не можетъ ничѣмъ инымъ быть, какъ злодѣйкой. Особенно забавна манера, съ какой она хлопочетъ о разводѣ. Мы тутъ стоимъ лицомъ къ лицу съ самыми банальными и условными драматическими измышленіями: княжна Лидія, говоря откровенно, родилась не въ Россіи, а за кулисами Одеона.

Что касается графини Данишевой, то въ первыхъ двухъ актахъ чувствуется ея реальность. Это единственное лицо во всей пьесѣ нѣсколько живое и типичное. Но, начиная съ третьяго акта, роль перемѣняется, живое лицо блѣднѣетъ и ступевывается. Нельзя понять этой рѣзкой перемѣны; нельзя понять, какимъ образомъ жесткая и деспотическая мать вдругъ превращается въ мать заботливую и преданную. Недостаетъ анализа и чувствуется пробѣлъ. И графиня становится даже смѣшна, когда хлопочетъ о разводѣ Анны съ тѣмъ же гнѣвомъ, съ какимъ выдавала ее замужъ за кучера. Она въ пьесѣ второстепенное дѣйствующее лицо; надо было оставить ее непоколебимой до конца; гибкость сложныхъ натуръ нигуда не годится для второстепенной роли. Или мать, или графиня—автору слѣдовало остановиться на одномъ изъ двухъ.

Перехожу къ главному лицу, къ герою, кучеру Осипу. Вся драма заключается въ этой покорной и преданной личности. Въ немъ авторъ хотѣлъ выразить оригинальность пьесы, русскій привкусъ. Французскій крестьянинъ, женившись на дѣвушкѣ, съ цѣлью сохранить ее для господина, вызвалъ бы хохотъ въ цѣлой провинціи; я сомнѣваюсь даже, чтобы господинъ согласился послѣ этого жениться на дѣвушкѣ, въ томъ случаѣ, еслибы даже разводъ существовалъ у насъ. Въ подобной исторіи увидѣли бы только сюжетъ для нескромной сказки, въ родѣ тѣхъ, что завѣщаны намъ галльскимъ юморомъ. Итакъ, Осипъ—лицо чисто русское, и только его костюмъ могъ заставить парижскую публику отнестись къ нему серьезно. Но для того, чтобы возвести скабрѣзную исторію на степень трагическаго событія слѣдовало, чтобы герой сохранилъ всю простоту жи-

вого лица, или бы возвысился до величія эпического героя. А Осипъ такъ мало правдивъ, что парижская публика каждый вечеръ ему рукоплещетъ; что же касается эпического характера, то онъ никакъ не могъ приобрести его, по той причинѣ, что эпопея—не дѣло Дюма-сына. Въ сущности, этотъ кучеръ Осипъ не кто иной, какъ jeune premier театра Gymnase, говорящій цѣлостнымъ и изысканнымъ языкомъ нашихъ влюбленныхъ. Напримѣръ, когда Владиміръ является за Анной, Осипъ говоритъ ему: „я не могъ сдѣлать ее своей женой,—я сдѣлалъ ее сестрой“. Вотъ, конечно, литературная фраза, но едва ли она исходила когда-либо изъ устъ русскаго кучера. И все остальное въ этомъ родѣ. Осипъ, для того, чтобы остаться правдивымъ, долженъ былъ бы быть просто и силенъ, безъ изысканныхъ манеръ, говорить простымъ, невнучнымъ языкомъ и молча идти къ цѣли, съ терпѣніемъ и мужествомъ какого-нибудь настойчиваго животнаго. Чѣмъ меньше бы онъ говорилъ, чѣмъ меньше изрекалъ фразъ, тѣмъ величественнѣе былъ бы онъ. Но, конечно, трудно было бы оставлять героя въ тѣни въ теченіи всей пьесы, и онъ долженъ былъ бы въ концѣ высказаться въ страстномъ порывѣ. Необходимость въ эпическомъ характерѣ почти неизбежна, чтобы объяснить отреченіе Осипа, его восторженную и геройскую преданность. Авторъ Данишевскихъ сознавалъ это, и вотъ почему онъ показываетъ намъ въ послѣднемъ актѣ Осипа богомольнаго, ищущаго убѣжища въ религіи. Но только то, какъ эта религіозность проявляется, спитъ на живую нитку и заключается неловкой развязкой пьесы, тогда какъ слѣдовало бы уже съ первыхъ сценъ показать, какъ мистицизмъ работаетъ въ душѣ этого кучера и заставляетъ его мало-по-малу, при всей борьбѣ страстей, отказаться отъ Анны, которая ему принадлежитъ и которую онъ обожаетъ. Личность утратила бы простоту: то былъ бы уже не крѣпостной человѣкъ, съ рожденія привыкшій къ повиновенію, вымуштрованный до того, что ставить страсти своего господина выше своихъ, и все это безхитро и съ какимъ-то наивнымъ величіемъ. Но лицо выиграло бы въ оригинальности и силѣ. Осипъ, какимъ мы его видимъ въ драмѣ, плохо очерченъ, лишень всякихъ характеристическихъ чертъ и служитъ лишь для удобства дѣйствія. Онъ не правдивъ и не великъ. Когда остальные лица въ концѣ пьесы вернутся вокругъ него и говорятъ: „это—странный человѣкъ“,—то это доказываетъ, какъ авторы хорошо поняли, что положеніе требовало страннаго героя. Но только такъ какъ они забыли сдѣлать Осипа страннымъ, то невольно улыбаешься, находя, что весьма удобно въ трехъ словахъ наизвѣститъ оригинальный характеръ, котораго не хватаетъ умѣнья создать.

Безполезно говорить о другихъ дѣйствующихъ лицахъ. Влад-

міръ—банальный влюбленный, Анна—только плачетъ. Второстепенныя лица не рельефны. Пьеса, отъ которой ожидали изображенія оригинальной и характерной среды, оказалась комедіей съ интригой, съ ловкой завязкой и развязкой. Полное отсутствіе анализа, ни одного старательно изученнаго и послѣдовательнаго характера, ни одной вѣрной и полной картины—вотъ мое сужденіе объ этомъ произведеніи. Въ немъ есть великолѣпный, но неудобный сюжетъ, изъ котораго драматическій писатель, хорошо знающій искаженный вкусъ публики, сдѣлалъ жалкую, живую, плоскую вещь. Воображаю парижскихъ буржуа, идущихъ въ Одеонъ, чтобы познакомиться съ русскими нравами. Они относятся къ тому, что видятъ, серьезно и съ убѣжденіемъ; они допускаютъ самыя чудовищныя глупости, говоря: „должно быть, такъ уже это водится въ этой странѣ!“ Не столько комично, сколько тяжело видѣть, что почтенная публика считаетъ себя въ Россіи, когда она собственно находится въ Батиньольѣ, въ томъ уединенномъ уголку Парижа, гдѣ живетъ Дюма.

Я не въ состояніи, конечно, указать вамъ на всѣ несообразности, встрѣчающіяся въ „Данишевыхъ“ съ русской точки зрѣнія. Я недостаточно для того компетентный судья. Но есть такіе грубые промахи, что бросаются въ глаза всякому. Такимъ образомъ, двѣ старыя приживалки графини Данишевой—карикатуры, едва терпимыя въ водевилѣ, и меньшій недостатокъ ихъ, что онѣ никого не смѣшавать. Бракосочетаніе Анны съ Осипомъ въ концѣ перваго акта—театральный эффектъ, производящій фуроръ, но только эффектъ этотъ покупается цѣной всякаго правдоподобія. Поэтъ слишкомъ елейный, слишкомъ хорошо принятъ въ семьѣ, слишкомъ похожъ на нашихъ католическихъ патеровъ; наконецъ, бракосочетаніе не могло совершиться въ молельнѣ графини. Другая неудачная подробность, это—то, что авторъ выбралъ въ герои именно *кучера*; кучеръ въ Россіи, какъ и во Франціи, стоятъ на слишкомъ низкой общественной ступени, чтобы личность Осипа, слезливая и фразѣрская, сохранила хотя бы тѣнь реальности. Такимъ образомъ, въ третьемъ актѣ, въ изобѣ, сцена между Осипомъ и Анной заставила бы расхохотаться русскую публику. Бывшій крѣпостной человѣкъ жалуется, что его жена, или, говоря его языкомъ, его сестра, не поетъ больше подъ аккомпаниментъ фортепьяно старыхъ русскихъ пѣсень, а самъ,—во-первыхъ, чтобы показать ей примѣръ,—напѣваетъ сантиментальный и совсѣмъ современный романсъ, каковаго, конечно, ни одинъ русскій кучеръ не пѣвалъ въ ту эпоху, въ какую происходитъ дѣйствіе. Я указываю на эти мелочи, чтобы показать, какъ небрежно относится авторъ къ *couleur locale*. Наконецъ, величайшимъ неправдоподобіемъ является то, какимъ образомъ вопросъ о разводѣ разрѣшается при

развязкѣ. Тутъ мы переносимся въ область безусловно фантастическую. Дѣло происходитъ точно во французскихъ комедіяхъ, гдѣ бракъ, повидимому, совершится у нотариуса въ день подписки контракта, точно контрактъ ни въ чему ровно не обязываетъ супруговъ. Поэтъ приноситъ книгу, въ которой Осипъ подписываетъ что-то—что именно, неизвѣстно, и вотъ—разводъ готовъ! Это просто ребячество. Я уже не говорю о сценѣ съ Захаровымъ, во второмъ актѣ, когда этотъ разбогатѣвшій откупщикъ желаетъ подкупить подаркомъ няижну Лидію. Эта сцена, быть можетъ, и возможна, но обработана съ возмутительной грубостью. Я не говорю также о признаніяхъ слуги графини, сообщающаго Роже де-Тальде о бравосочетаніи Анни съ Осипомъ. Тутъ мы опять переносимся въ водевилъ. Вы представьте только себѣ секретаря посольства и крѣпостного лакея въ пріятельской бесѣдѣ, хлопочущихъ устроить счастье Владиміра. Повторяю: „Данишевы“—настоящая комическая опера, которой не достаётъ только музыки Боельдье или Обера.

Между тѣмъ, серьёзному французскому писателю непозволительно въ наше время такъ абсолютно игнорировать Россію и говорить о ней такую дичь. Роже де-Тальде, который не кто иной, какъ самъ Дюма, отдѣлывается тремя-четырьмя ходячими фразами, избитыми и истреplенными въ фельетонныхъ романахъ. Россія для него заключается въ томъ, что зимой тамъ очень холодно на улицахъ и очень тепло въ комнатахъ. Вотъ, подумаешь, удивительное открытіе! Если къ нему пристанутъ и спросятъ: какого онъ мнѣнія о русскихъ женщинахъ,—онъ отвѣчаетъ съ своимъ самодовольнымъ видомъ, что русскія женщины, какъ и русскія улицы и салоны, исполнены противорѣчій и антитезъ, что онѣ, словомъ, соединяютъ въ себѣ ангела и демона. И этимъ исчерпано все наше знаніе Россіи. Дюма не удостоиваетъ сообщить намъ еще что-нибудь. Въ нашу эпоху точнаго наблюденія и погони за правдой, когда писатели пишутъ только съ натурн, такая безцеремонная манера анализировать цѣлый народъ, съ крупно оригинальными чертами, поистинѣ изумительна. Наши романисты натуральной школы, литературные властелины эпохи, возлѣ которыхъ Дюма зачастую оказывается школьникомъ, пришли бы въ ужасъ, еслибы имъ понадобилось вывести на сцену хотя бы одно русское лицо, и рѣшились бы на это не прежде, какъ послѣ продолжительнаго изученія среды, гдѣ родилось и выросло это лицо. Но все это пустяки для Дюма: для него дѣйствующее лицо—простая маріонетка, пружина въ известной интригѣ или въ известномъ тезисѣ.

Дѣйствительно, нужна дерзость, чтобы давать этихъ злополучныхъ „Данишевыхъ“, послѣ того какъ во Франціи весьма распространены

въ переводахъ произведенія, напр., Тургенева, знакомящія насъ съ настоящимъ бытомъ страны. Тѣ изъ французовъ,—а ихъ не мало—кто прочелъ „Записки Охотника“, „Рудина“, „Дворянское гнѣздо“, могутъ только пожать плечами надъ продуктами фантазіи Дюма, изобразившаго Россію для парижской толпы. Это не картина художника, ни даже искусная фотографія,—это лубочное произведеніе плохого маляра. Послѣ представленія „Данишевыхъ“ я перечиталъ „Постоялый дворъ“ Тургенева. Оба сюжета имѣютъ нѣкоторую аналогію. Въ повѣсти русскаго романиста мы видимъ также женатаго крѣпостного; его посящаетъ несчастіе, жена не любитъ его, и онъ ищетъ утѣшенія въ религіозномъ фанатизмѣ. Но личность Акима въ высшей степени реальна и правдива. Онъ нажилъ кое-какія деньги извозомъ, построилъ постоялый дворъ и живетъ припѣваючи, когда на бѣду влюбляется въ Дуняшу, горничную его госпожи, Лизаветы Прохоровны. Эта женщина обманываетъ его съ Наумомъ, купеческимъ приказчикомъ, крадетъ у него деньги и отдаетъ ихъ любовнику, а тотъ покупаетъ на нихъ постоялый дворъ. И вотъ, Акимъ обобранъ кругомъ. Наумъ все отнялъ у него: жену, деньги, домъ. Совсѣмъ тѣмъ Акимъ даже пальцемъ не тронулъ Дуняши. Онъ пытается поджечь постоялый дворъ, попадаетъ новому владѣльцу и, отпущенный послѣднимъ, отрывается отъ мести и идетъ ко святымъ мѣстамъ, по которымъ и странствуетъ до самой смерти. Теперь сравнимъ Осипа съ Акимомъ, драматическую маріонетку, слезливую и фразѣрскую, съ живымъ лицомъ, каждый поступокъ и каждое слово котораго отиѣчены реальнымъ величіемъ правды. Языкъ послѣдняго отличается простотой, исполненной силы: его устами передаются только факты. Послѣднее свиданіе его съ женой, передъ тѣмъ какъ ему пуститься въ путь, исполнено трагической горести, безъ всякихъ фразъ. Онъ обезумѣлъ отъ горести: онъ прощаетъ несчастную женщину, говоря, что всѣ люди грѣшны, винить самого себя и говорить о предстоящей разлукѣ, какъ о дѣлѣ вполне естественномъ и необходимомъ. Религіозный фанатизмъ всегда гнѣздилился въ этой душѣ, и развязка не удивляетъ, потому что исходитъ изъ самой природы человѣческой. Вы чувствуете, что этотъ крестьянинъ инстинктивно обращается къ Богу, чтобы стать выше несправедливости и несчастія.

Но только какъ вразумить Дюма на счетъ того, какъ эта коротенькая исторія неизмѣримо выше его обширныхъ драматическихъ машинъ? У него нѣтъ сознанія правды, чутія жизни. Онъ считаетъ, что дѣло писателя заключается въ томъ, чтобы насильно втиснуть дѣйствительность въ узкія и заранѣе опредѣленныя рамки, хотя бы пришлось разбить дѣйствительность на куски. Когда какое-ни-

будь лицо слишкомъ крупно и не помещается въ отведенной для него клѣткѣ, онъ его искалѣчить, но все-таки втиснуть въ нее. Отсюда рождаются чудовища. Съ этой системой онъ рисуетъ французъ не лучше русскихъ, и описываетъ парижскій салонъ не лучше петербургскаго. Весь бѣлый свѣтъ для него не что иное, какъ коробка съ маріонетками, откуда онъ по желанію вытаскиваетъ бѣлыхъ, негровъ, краснокожихъ—единственно ради удобства драматическаго дѣйствія. Будьте увѣрены, что Россія заинтересовала его только съ одной стороны: какъ страна, гдѣ вѣрностной человекъ можетъ жениться на молодой дѣвушкѣ противъ ея воли и затѣмъ возвратитъ ее въ цѣлости и сохранности своему господину. Россія представилась ему почвой, на которой онъ могъ вывести такую драматическую машину, не боясь быть осмѣяннымъ—вотъ и все! Что касается истинной души этой страны, то она очень мало заботитъ его; она даже, можно сказать, и не существуетъ для него.

Я хорошо знаю, что Дюма можетъ спрятаться за спину г. Корвина-Круковского и сказать, что онъ взялся только обработать доставленный матеріалъ. Вся бѣда въ томъ, что никто не знаетъ, каковъ былъ этотъ первоначальный матеріалъ. Тѣмъ не менѣе я приписываю главнымъ образомъ Дюма банальность драмы, не боясь ошибиться, потому что знаю, что значить—обработать пьесу и сдѣлать ее возможной; это значить: отнять у нея всякую соль и оригинальность, обезличить ее, сдѣлать плоской, какъ тротуаръ, чтобы всѣ могли пройти по немъ, не спотыкаясь. Къ тому же, я надѣюсь, что урокъ не пропадетъ даромъ для г. Корвина-Круковского. „Данишевы“ пользуются успѣхомъ, это правда; но весь успѣхъ приписывается Дюма, какъ это всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Произведеніе пришлось подписать псевдонимомъ Петра Невскаго; газеты превозносятъ одного пріемнаго отца, нисколько не заботясь о родномъ отцѣ. Если г. Корвинъ-Круовскій захочетъ теперь доказать свою драматическую зрѣлость, то долженъ дать намъ картину русскихъ нравовъ, оригинальную и самобытную, безъ всякихъ французскихъ поправокъ. Вѣроятно, пьеса провалится, но ему будетъ принадлежать честь того, что онъ поступилъ какъ искренній и убѣжденный художникъ.

II.

Я опять сталкиваюсь съ Дюма въ „Иностранецъ“, и на этотъ разъ съ нимъ однимъ, на почвѣ мнѣ знакомой, въ средѣ, о которой могу ясно судить. Тутъ я вполне свободенъ—и въ своей тарелкѣ.

Дюма занимаетъ въ нашей драматической литературѣ особое мѣсто, и этого нельзя объяснить однимъ талантомъ этого писателя. Успѣхи его обращаются въ триумфы; каждое слово его принимаетъ капитальное значеніе. Когда онъ прибѣгнетъ къ сравненію въ своихъ произведеніяхъ, напримѣръ, сравнитъ въ „Demi-Monde“ падшихъ женщинъ съ дешевыми персиками, то сравненіе это становится популярнымъ, какъ бы ни было оно банально и изысканно. Очевидно, Дюма родился въ сорочкѣ. Можно прибавить къ этому, что громкая слава его произведеній объясняется драматической формой, шумомъ, производимымъ у насъ вокругъ всего, что касается театра. Но всѣхъ этихъ объясненій недостаточно, потому что другіе драматическіе писатели, такіе же талантливые, какъ онъ, далеко не возбуждаютъ каждымъ своимъ шагомъ такого шумнаго восторга. Слѣдовательно, причинъ его слѣдуетъ искать въ самомъ талантѣ Дюма. Во-первыхъ, онъ не художникъ; онъ пишетъ банальнымъ языкомъ, что составляетъ достоинство въ глазахъ публики. Затѣмъ его считаютъ очень смѣлымъ, потому-что онъ бываетъ иногда грубъ; а ничто такъ не привлекаетъ нашу буржуазію, какъ эта мнимая смѣлость, оканчивающаяся обыкновенно проповѣдью. Вотъ гдѣ секретъ успѣха Дюма: онъ по плечу публики. Замѣьте, что мы, французы, любимъ парадоксы. Когда Дюма защищаетъ какой-нибудь тезисъ, то даже тѣхъ, кто не соглашается съ нимъ, забавляетъ его защита. Лишенный истиннаго философскаго направленія, занимаясь исключительно вопросомъ о социальныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины, путаясь въ громкихъ фразахъ, находясь всегда на пол-пути отъ истины, владѣя слогомъ, никого не шокирующимъ, отличаясь только однимъ достоинствомъ: знаніемъ сценическихъ условій—Дюма непременно долженъ былъ стать идоломъ парижской публики, которая нашла въ немъ гениальнаго писателя, доступнаго и понятнаго ей.

Поэтому, какое волненіе, когда возвѣщаютъ о новой пьесѣ ея бога! Всеобщее любопытство подзадорено. Газеты бьютъ тревогу, искусно проговариваются за полгода впередъ. Напримѣръ, относительно „Иностранки“ сообщали, что Дюма отправился писать ее прошлымъ лѣтомъ въ шалъ, которымъ владѣетъ на берегу моря возлѣ Діенна. О ходѣ его труда возвѣщалось актъ за актомъ. Потомъ, когда пьеса была окончена, передавали, какимъ образомъ авторъ привезъ рукопись въ

Парижъ, какъ онъ пріѣхалъ къ Перрену, директору Théâtre Français, съ какимъ восторгомъ, наконецъ, принялъ ее весь театральнй персоналъ. Въ день чтенія пьесы въ комитетѣ можно было бы подумать, что какой-то первосвященникъ священнодѣйствуетъ. Одна газета обстоятельно сообщала объ этомъ торжествѣ, передавала подробности, рассказывала, какъ актеры и актрисы, сраженные восторгомъ, преклонялись передъ Дюмă. И во все время репетицій почтительный и восторженный шепотъ шелъ по всему Парижу. Вечеръ перваго представленія ожидался какъ знаменательное событіе, когда земля перестанетъ вертѣться, чтобы лучше прислушиваться къ мастерскому произведенію.

Вы понимаете, какое впечатлѣніе должна производить на публику такая продолжительная и искусная подготовка. Дюмă насчитываетъ въ журналистикѣ преданныхъ поклонниковъ, ревниво оберегающихъ его славу. Прежде чѣмъ двери театра раскроются, въ толпѣ разожгутъ такое любопытство, внушатъ ей такую увѣренность въ успѣхъ, что счастливы, которымъ удастся попасть на первое представленіе, глотаютъ акты, точно причастіе.

Я долженъ однако замѣтить, что относительно „Иностранки“ ходили и невыгодные слухи. Передавалось шепотомъ, что лирическій рассказъ, напечатанный въ газетахъ, по поводу чтенія пьесы, былъ вымышленъ, что члены комитета были такъ безвкусны, что отнеслись къ пьесѣ очень холодно. Съ другой стороны, доходили слухи о томъ, что актеры недовольны ролями и предсказываютъ паденіе пьесы. Наступаетъ часъ, когда идолы, наиболѣе почитаемые, шатаются на своихъ pedestалахъ и грозятъ повалиться во прахъ. Поклонники внезапно замѣчаютъ, что у статуи глиняныя ноги, и набрасываются на нее, ломаютъ ее съ тѣмъ болѣею яростью, что долго считали ее изъ чистаго золота. Поэтому, прозорливые кружки могли спросить себя: не наступилъ ли часъ паденія для Дюмă и не готовятся ли его почитатели понять ошибку, въ какую впади, признавъ своего бога гениемъ. И съ этой точки зрѣнія было очень интересно разобрать „Иностранку“ и констатировать кризисъ, угрожающій, повидимому, долгой славѣ автора. Конечно, комедія съ матеріальной стороны имѣла успѣхъ. Она даетъ великолѣпный сборъ. Но идолъ все же покачнулся, и теперь, быть можетъ, достаточно будетъ щелчка, чтобы повалить его на землю.

Дюмă поставилъ большую ставку. Онъ ничего не писалъ со времени поступленія въ академію, и существуетъ повѣрье, что академія приноситъ несчастіе своимъ новымъ членамъ. Съ другой стороны, онъ впервые появлялся на сценѣ Théâtre Français. „Demi-Monde“, представленный въ прошломъ году на этомъ театрѣ, давался сначала въ

Guttnase. Но прежде чѣмъ высказаться о безусловной побѣдѣ автора, я долженъ анализировать его произведеніе, возможно коротко и ясно.

Первый актъ. Герцогиня Семонъ даетъ въ садахъ своего отеля благотворительный праздникъ. Въ то время, какъ публика тѣснится въ садахъ, въ гостинной герцогини собрались ея близкіе знакомые. Тамъ происходитъ дѣйствіе. Во-первыхъ, мы присутствуемъ при длинной бесѣдѣ между г. Морисо, отставнымъ торговцемъ модными товарами, страшно разбогатѣвшимъ, и однимъ изъ его друзей, докторомъ Ремоненомъ, замѣчательнымъ ученымъ, членомъ академіи наукъ, и человѣкомъ весьма оригинальнымъ. Морисо повѣствуетъ Ремонену, котораго давно не видѣлъ, о томъ, какъ выдалъ дочь замужъ. Катерина любила одного молодого человѣка, инженера Жерара, сына своей гувернантки; но отецъ разлучилъ молодыхъ людей; онъ мечталъ для Катерины, о титулованномъ мужѣ, и нашелъ такого у иностранки, миссисъ Кларксонъ, странной женщины, о которой ходятъ самыя скандальныя слухи. Съ тѣхъ поръ, какъ Морисо лишился жены, онъ ведетъ разгульную жизнь, водится съ кутилами, и это объясняетъ странный его выборъ въ мужа своей дочери герцога Семона, разорившагося дворянина, слышавшаго любовникомъ миссисъ Кларксонъ, человѣка подозрительной репутаціи и подозрительной честности. Иностранка получила въ награду пятьсотъ тысячъ франковъ за то, что способствовала этому браку. Мы находимся, какъ видите, въ довольно развращенной средѣ. Между тѣмъ, герцогиня, утомленная праздникомъ, приходитъ отдохнуть въ салонъ вмѣстѣ съ нѣсколькими знакомыми ей дамами, которыхъ сопровождаютъ мужья, и въ числѣ ихъ находится м-ше де-Рюмберъ, кузина герцога Семона. Завязывается разговоръ и переходитъ на миссисъ Кларксонъ, чья оригинальная личность занимаетъ весь Парижъ. Эта иностранка принимаетъ только мужчинъ; ей приписываютъ толпу любовниковъ; о ней передаются самыя диковинныя исторіи; множество мужчинъ пустило себѣ пулю въ лобъ изъ-за нея; князья разорались, дипломаты должны были удалиться съ политической арены, послѣ того какъ выдали ей правительственныя тайны. Впрочемъ, у этой женщины, хотя ее и считают куртизанкой, есть настоящій мужъ, присылающій ей изъ Америки, гдѣ у него золотыя россыпи, баснословныя суммы. Сплетни не умолкаютъ, какъ вдругъ совершается *coup de théâtre*: миссисъ Кларксонъ какъ разъ находится въ настоящую минуту въ садахъ отеля, въ числѣ публики, заплатившей за входъ, и присылаетъ герцогини нѣсколько словъ на визитной карточкѣ, испрашивая чести выпить чашку чая въ ея салонѣ и предлагая внести за это двадцать-пять тысячъ франковъ въ пользу бѣдныхъ.

Герцогиня читаетъ вслухъ эти нѣсколько строкъ и объявляетъ, что готова принять миссисъ Кларсонъ, если кто-нибудь изъ знакомыхъ ей мужчинъ согласится предложить ей руку и ввести ее въ гостиную. Всѣ присутствующіе мужчины, хотя и короткіе знакомые иностранки, не двигаются съ мѣста. И вотъ тутъ-то герцогъ Семонъ, среди всеобщаго изумленія, идетъ за миссисъ Кларсонъ, ссылаясь на обязанности гостепріимства. Миссисъ Кларсонъ входитъ, опираясь на его руку, надменная, почти насмѣшливая. Она очень развѣсивъ, выпиваетъ чашку чая, поднесенную ей Катериной, расшачивается съ ней, перебросившись нѣсколькими словами со всѣми присутствующими. Потомъ, уходя, проситъ герцогиню отдать ей визитъ и тихо шепчетъ, что онѣ поговорятъ о Жерарѣ, котораго она обожаетъ, но который все еще любитъ Катерину. Когда иностранка уходитъ, герцогиня въ порывѣ гнѣва разбиваетъ чашку, изъ которой та пила чай и кричитъ людямъ: „отворите двери! всѣ могутъ войти сюда, послѣ того какъ здѣсь побывала эта женщина!“

Второй актъ. Докторъ Ремоненъ и м-ме де-Рюмберъ сходятся въ гостинной герцогини, гдѣ рѣшаются дожидаться ея прихода. Завязывается нескончаемый разговоръ между ними, и докторъ, отъ имени Дюма, излагаетъ намъ теорію о вибріонѣ. Вибріонъ есть паразитное растеніе, въ которомъ нѣкоторые ученые думали видѣть низшее животное и которое развивается на гніющихъ тѣлахъ. Докторъ ясно высказываетъ, что, по его мнѣнію, герцогъ де-Семонъ не что иное, какъ вибріонъ, организмъ неважный, но опасный, и уничтоженіе его было бы для всѣхъ благомъ. Соціальная задача пьесы вслѣдствіе этого заключается въ этомъ разговорѣ. Прокаженный членъ общества, гніущій и заражающій другихъ, существо безполезное и вредное, какъ герцогъ де-Семонъ, должно быть безжалостно раздавлено, уничтожено. Тѣмъ временемъ герцогиня появляется, и всѣ ея друзья улюлюкаютъ ее сдѣлать визитъ миссисъ Кларсонъ. Но она отказываетъ отцу, м-ме де-Рюмберъ, доктору Ремонену, молодому человѣку Гюде-Гальтъ, страстно въ нее влюбленному и къ которому герцогъ ее ревнуетъ. Внезапно Жераръ, ея другъ дѣтства, ея первая любовь, появляется—изъ Египта, кажется. И герцогиня, никогда его не забывавшая и любящая его до сихъ поръ, бросается ему на шею. Послѣ первыхъ изліаній, они говорятъ объ иностранкѣ. Жераръ рассказываетъ, что она спасла ему жизнь въ Римѣ; но онъ ее не любитъ и совѣтуетъ Катеринѣ побывать у ней. Катерина немедленно соглашается. Если она не хотѣла ѣхать къ миссисъ Кларсонъ, то единственно потому, что считала ее своей соперницей въ сердцѣ Жерара. Герцогиня и молодой инженеръ кланутся вѣчно любить

другъ друга любовью чистой и возвышенной. Передъ паденіемъ за-навѣса Катерина ѣдетъ вмѣстѣ съ отцомъ къ миссисъ Кларксонъ.

Третій актъ. М-ръ Кларксонъ прибылъ изъ Америки и отдастъ отчетъ жёнѣ въ дѣлахъ, точно онъ не кто иной какъ ея компаньонъ. Этой сценой имѣется въ виду охарактеризовать личность мужа, классическаго американца, убивающаго враговъ изъ револьвера, грубаго, безцеремоннаго, дѣятельнаго и смышленнаго. Когда приходитъ герцогъ де-Семонъ, Кларксонъ едва кланяется ему, и такъ какъ первый готовъ разсердиться, то миссисъ Кларксонъ иронически совѣтуетъ ему успокоиться, потому что мужъ ея убьетъ его „какъ зайца“. Наконецъ, появляется герцогиня съ отцомъ. Она остается наединѣ съ иностранкой, и та открываетъ ей въ длинномъ разсказѣ. До сихъ поръ миссисъ Кларксонъ оставалась весьма загадочной личностью. Но вотъ что она повѣствуетъ намъ о самой себѣ. Она родилась отъ рабыни, которою увлекся ея господинъ, плантаторъ. Позднѣе, онъ продалъ мать и дочь. Тогда эта послѣдняя поклалась вѣчной мекъ мужчинамъ. Когда она выросла и стала красавицей, то не могла отомстить отцу, потому что онъ умеръ, но вскружила голову своимъ двумъ братьямъ; изъ нихъ одинъ убилъ другого и былъ за это повѣшенъ. Потомъ она пріѣхала въ Европу, гдѣ продолжала свое кровавое дѣло, оставляя на своемъ пути развалины и трупы. И что всего изумительнѣе и поразительнѣе, такъ это, что она никогда не принадлежала ни одному мужчинѣ, что она до сихъ поръ дѣвственница, несмотря на скандальныя исторіи, распускаемыя про нея. Она дѣва зла. Самъ Кларксонъ только носитъ названіе мужа. Она потребовала развода на другой день послѣ свадьбы, чтобы быть свободной. Онъ въ самомъ дѣлѣ ея компаньонъ, и только. Между тѣмъ эта страшная особа почувствовала наконецъ, что сердце ея тронуту. Она любитъ Жерара, и требуетъ, чтобы герцогиня отказалась отъ него. Но герцогиня отвергаетъ миръ и уходитъ, объявивъ войну. Миссисъ Кларксонъ немедленно начинаетъ непріязненные дѣйствія, посовѣтовавъ герцогу примириться съ женой. Она сообщаетъ ему также о любви послѣдней къ Жерару.

Четвертый актъ. Само собой разумѣется, всѣ въ стачѣ противъ герцога де-Семона. Докторъ Ремоненъ и влюбленный въ герцогиню Гюи де-Гальтъ берутъ на себя диковинную заботу—устроить ей свиданія съ Жераромъ. Молодая женщина написала послѣднему пыльное письмо, перехваченное мужемъ. Въ ту самую минуту, какъ влюбленные произносятъ самыя страстныя клятвы, приходитъ мужъ и весьма пренебрежительно обходится съ Жераромъ, который уходитъ, не отвѣчая ему. Тогда между герцогомъ и герцогиней происходитъ капитальная сцена драмы. Онъ сознается, что перехватилъ письмо,

предлагаетъ возвратить его, если она согласится все забыть, все простить и начать снова супружескую жизнь. Но она отвергаетъ его предложеніе съ гнѣвомъ и отвращеніемъ, упрекаетъ его въ неостаткахъ, въ томъ, что онъ вошелъ въ ея спальню въ день свадьбы пьяный, какъ сапожникъ. Разрывъ неизбежный, непоправимый. Самъ Морисъ налетаетъ на зятя. Поэтому, когда Жераръ возвращается и требуетъ удовлетворенія, герцогъ рѣшается драться съ нимъ не на животъ, а на смерть.

Пятый актъ. Дѣйствіе все еще происходитъ въ салонѣ герцогини. Морисъ пожелалъ быть секундантомъ Жерара. Съ своей стороны герцогъ пригласилъ секундантомъ Кларксона, желая, чтобы дѣло пошло на чистоту, по-американски. Первая половина акта проходитъ въ приготовленіяхъ къ дуэли. М-ше де-Рюмьеръ спрашиваетъ у доктора Ремонена, продолжаетъ ли онъ ждать внимательства боговъ и все ли еще рассчитываетъ на то, что вибріонъ будетъ уничтоженъ въ данную минуту. Докторъ, не взирая на событія, остается спокойнымъ и исполненнымъ надежды. И дѣйствительно, Провидѣніе или, лучше сказать, Дюма-сынъ проявляется въ лицѣ американца Кларксона. Герцогъ разговариваетъ съ своимъ секундантомъ и объявляетъ ему свою послѣднюю волю, на тотъ случай, если будетъ убитъ. Онъ желаетъ, чтобы письмо Катерины къ Жерару было напечатано послѣ его смерти, чтобы влюбленные не могли жениться. Кромѣ того, дѣлаетъ различныя признанія: что занялъ нѣкогда у миссисъ Кларксонъ сто-пятьдесять тысячъ франковъ, чтобы уплатить карточный долгъ, и затѣмъ женился, чтобы расплатиться съ ней. Словомъ, возбуждаетъ въ Кларксонѣ отвращеніе, и этотъ послѣдній обзываетъ его наконецъ негодяемъ. Американецъ не хочетъ, чтобы герцогъ убилъ Жерара, человѣка, занимающагося его золотыми розсыпями и долженствующаго сберечь ему до двадцати-пяти процентовъ на расходахъ промыванія золота. Поэтому, когда герцогъ требуетъ у него удовлетворенія, онъ объявляетъ, что хочетъ немедленно драться съ нимъ. И вотъ какимъ образомъ Кларксонъ спокойно уничтожаетъ вибріона однимъ ударомъ шпаги. Тенисъ доказанъ. Всѣ въ восторгѣ, за исключеніемъ миссисъ Кларксонъ, которая появляется еще на минуту, чтобы сознаться, что проигралъ партію, и возвѣстить, что возвращается въ Америку, такъ какъ Европа рѣшительно тѣсна для нея. Когда полиція является, получивъ извѣщеніе о дуэли, комиссаръ проситъ доктора Ремонена взять на себя трудъ засвидѣтельствовать смерть. „Съ удовольствіемъ“, отвѣчаетъ докторъ. Это послѣднее слово пьесы.

Я анализировалъ произведеніе безпристрастно, избѣгая высказывать заранѣе свое мнѣніе и ограничиваясь простымъ изложеніемъ

фактовъ. Теперь я начну съ того, что похваляю тѣ сцены, которыя мнѣ нравятся. Конецъ перваго дѣйствія, появленіе иностранки подъ вуку съ герцогомъ де-Семонъ, безъ сомнѣнія, очень эффектная сцена, достаточно правдоподобная и написанная мастерски. То же самое я долженъ сказать объ объясненіи между герцогомъ и герцогиней въ четвертомъ актѣ. Катерина очень хороша, негодующая, высказывающая мужу все презрѣніе, какое онъ ей внушаетъ, несмотря на свое кажущееся раскаяніе. Многіе говорили, что она слишкомъ жестка въ этой сценѣ, и что долгъ женщины обзывать бы ее скорѣе согласиться на примиреніе и попытаться устроить свое счастье путемъ законнымъ. Возможно, что и такъ, но изученіе человѣческой природы должно признать существованіе страстей, и негодованіе Катерины—взрывъ страсти, весьма логичный и весьма понятный въ сущности. Сказать ли: мнѣ въ особенности нравится въ „Иностранкѣ“ то самое, что критика признала отвратительною и невозможною теоріей; я говорю про развязность, почти комическую, съ какою дѣйствующія лица говорятъ о желанной смерти герцога де-Семона. Я нахожу это оригинальнымъ и въ сущности вѣрнымъ. Стоить только оглядѣться вокругъ себя, порыться въ своихъ воспоминаніяхъ, и непремѣнно найдешь одного изъ такихъ злополучныхъ, вредныхъ, несносныхъ созданій, чьей смерти всѣ болѣе или менѣе желаютъ: родственники, друзья, знакомые; никто только доселѣ не осмѣливался вывести на сценѣ это положеніе дѣлъ, въ которомъ скрытъ любопытный философскій смыслъ. Герцогъ упраздняется и хоронится какъ-бы съ буржуазной веселостію и простотою. Вотъ мѣсто, занимаемое челоѣческой жизнью. Легкая дрожь пробѣгаетъ по спинѣ, когда вспоминаешь про ту темную яму, куда мы всѣ должны сойти одинъ за другимъ, одни—сопровождаемые рыданіями, другіе—взрывомъ хохота. Смѣхъ, приветствующій смерть—вотъ что меня плѣнило въ „Иностранкѣ“, а меня тѣмъ менѣе можно упрекнуть въ увлеченіи, что я вовсе не поклонникъ таланта Дюма и восхищаюсь въ его произведеніи такимъ пунктомъ, которому онъ самъ навѣрное не придаетъ такого значенія, какъ я. Онъ долженъ исключительно видѣть въ немъ социальное осужденіе герцога, тогда какъ я вижу въ немъ людскую трагикомедію. Къ тому же, я желалъ бы болѣе глубокаго и тщательнаго изученія вопроса.

Но, помимо этихъ достоинствъ „Иностранки“, какая это смѣшная и дивная пьеса! Чувствуешь, что она склеена изъ кусковъ, съ трудомъ слѣпленныхъ вмѣстѣ. Конечно, авторъ долго вертѣлъ и перевертывалъ ихъ въ своихъ ящикахъ. Два или три различныхъ плана смѣнялись одинъ другой, и каждый оставилъ слѣды, такъ что напѣ-

ренія остались невыполненными, дѣйствующія лица толкуются безъ толку и безъ всякой внутренней связи. Дѣйствіе происходитъ неизвѣстно гдѣ, въ какомъ-то мнимомъ большомъ свѣтѣ, каковаго вида не существуетъ. И даже всѣмъ извѣстная ловкость Дюма отсутствуетъ здѣсь; въ его произведеніи нѣтъ смысла, онъ вынужденъ дергать за веревочку, чтобы ввести и удалить со сцены своихъ дѣйствующихъ лицъ въ пятомъ актѣ. Я уже не говорю о языкѣ: онъ совсѣмъ безхарактеренъ, вялъ, едва правдивъ. Безъ сомнѣнія, наши бульварные драматурги, надъ которыми такъ много смѣялись, пишутъ не хуже, и у нихъ есть еще, кромѣ того, то достоинство, что ихъ произведенія имѣютъ цѣльный характеръ. Въ поясненіе беру вновь главныя дѣйствующія лица одно за другимъ.

Во-первыхъ, сама иностранка, это—удивительная дѣва зла, которую вся зала должна была бы встрѣтить хохотомъ. Она вышла извѣдомо изъ какой черной мелодрамы, и хуже всего то, что авторъ воображаетъ, что выхватилъ ее прямо изъ жизни. Пока она не разоблачаетъ самое себя, до третьяго акта, можно считать ее разумной и живой, но послѣ своего пространнаго разсказа она представляется марионеткой, страшно вращающей глазами и размахивающей руками, чтобы напугать дѣтей. Во-первыхъ, она столько же милая, сколько Осипъ въ „Данишевыхъ“ русскій. Затѣмъ, она дикоивно понимаетъ мщеніе. Пусть бы еще она перессорила братьевъ, чтобы отомстить отцу, хотя и это довольно дико, но еще куда ни шло. Но что окончательно непостижимо, такъ это то, что она переселяется въ Европу, гдѣ продолжаетъ разыгрывать дѣву зла. Затѣмъ въ Европу? что сдѣлала ей Европа? Въ Америкѣ дѣло казалось бы правдоподобнѣе, потому что тамъ она могла бы расправляться съ рабовладѣльцами, жестоко обращающимися съ своими рабами. Дюма отвѣчаетъ, что эта сатанинская дѣвушка мститъ мужчинамъ, какъ европейцамъ, такъ и американцамъ. Къ счастью, подобныя созданія существуютъ лишь въ дикомъ воображеніи драматурговъ; они принадлежатъ къ семьѣ предателей, преслѣдующихъ невинность и невинныхъ въ пятомъ актѣ. И еслибы еще Дюма, заимствовавъ иностранку изъ бульварнаго репертуара, сдѣлалъ изъ нея центральную фигуру, вокругъ которой группировалось бы все дѣйствіе, а то нѣтъ, иностранка болѣею частію остается внѣ дѣйствія; она ступаетъ тотчасъ послѣ своего признанія и появляется лишь затѣмъ, чтобы объявить себя побѣжденной. Кромѣ того, она, такая ловкая, дѣлаетъ промахи, какихъ не сдѣлала бы шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Она влюбляется въ Жерара какъ пансіонерка, послѣ того какъ безжалостно относилась къ обоимъ полушаріямъ, и чтобы при-

взвешивать Жерара къ себѣ, не находить ничего лучшаго, какъ сообщить герцогу о любви герцогини къ молодому человѣку, причемъ герцогъ, само собой разумѣется, вызываетъ молодого человѣка на дуэль и собирается его убить.

Нельзя быть глупѣе. Не знаю, право, какая черта въ этомъ характерѣ могла плѣнить Дюма: онъ и не силенъ, и не оригиналенъ, и даже не нуженъ для пьесы. И однако, какой счастливый типъ, какъ много общается само заглавіе: „Иностранка“. Читая афиши, мнѣ приходили на память женщины, царившія въ Парижѣ во время второй имперіи: испанка, знатная дама; австріячка, полу-графиня, полужюветка, американка-милліонерша, англичанка, дѣлившая свое ложе со всѣми князьями Европы. Я не зналъ, какую изъ нихъ избралъ Дюма, но уже мысленно присутствовалъ при зрѣлищѣ одной изъ тѣхъ жизней, о которыхъ говорятъ шепотомъ; передо мной проходила жизнь женщины, опыняющей Парижъ, одуряющей запахомъ тропическихъ цвѣтовъ, и представляющихъ такой интересный типъ для изученія художника-наблюдателя. И вотъ, вмѣсто того, я очутился лицомъ къ лицу съ мелодраматической злодѣйкой, похожей больше на воронье пугало, чѣмъ на живого человѣка.

Я вскользь упомяну о другихъ лицахъ. Герцогиня де-Семонъ, первая встрѣчная молодая женщина, которая не любитъ мужа и объявляетъ ему это въ концѣ-концовъ. Въ ней нѣтъ ни одной оригинальной черты, никакого проблеска самобытности. Герцогъ де-Семонъ все же нѣсколько интереснѣе другихъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на всѣ усилія автора, желавшаго сдѣлать его настолько антипатичнымъ въ глазахъ публики, чтобы она пожелала его смерти. Онъ очерченъ рельефно, изъѣденъ пороками; быть можетъ, отчасти слишкомъ циниченъ, но остается вѣренъ себѣ до конца. Кларесонъ — тоже удачный типъ и хорошо намѣченный съ точки зрѣнія театральной оптики; онъ въ первое представленіе обезпечилъ успѣхъ пьесы своимъ внимательствомъ въ пятомъ актѣ и грубо-веселой манерой, съ какой упраздняетъ герцога. Въ сущности, Кларесонъ — созданіе фантазіи, американецъ на французскій образецъ, на котораго просто на-просто возложенъ трудъ развязки. Если авторъ выводитъ его въ третьемъ дѣйствіи, то единственно лишь затѣмъ, чтобы приучить насъ къ нему, потому что онъ понадобится ему только въ пятомъ актѣ. Нѣтъ надобности наставлять на развязности, съ какой Дюма устроилъ развязку; правда, что онъ могъ бы еще упростить дѣло: обрушить, напримѣръ, кирпичъ на голову герцога, такъ какъ вся задача заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать его жертвой какого-нибудь несчастнаго случая. Вотъ отличный рецептъ для авторовъ, не-

знающихъ какъ справиться съ концомъ. Остается Жераръ, клястическій инженеръ, соединяющій въ себѣ двѣ малѣйности: во-первыхъ, ангельскую вѣнорочность, во-вторыхъ, цѣломудреннаго и правдолюбиваго любовника, какихъ можетъ выдумывать Дюма. Морисъ, безтолковый отецъ, не сознающій отсутствія въ себѣ всякаго нравственнаго чувства и кончающій тѣмъ, что дѣлается секундантомъ любовника дочери въ дуэли съ ея мужемъ, въ видахъ исправленія своей воли. Наконецъ, докторъ Ремоненъ, неизбѣжный резонеръ, олицетвореніе самого Дюма, котораго мы видѣли въ „Данишевскихъ“ членомъ посольства, подъ именемъ Роже де-Тальдэ, и котораго находимъ здѣсь ученымъ химикомъ, щеголяющимъ своими теоріями и своими парадоксальнымъ умомъ въ салонахъ герцогини и кокетокъ.

Конечно, авторъ „la Dame aux camélias“ не совсѣмъ дюжинный человѣкъ. Успѣхъ его былъ бы необъяснимъ, еслибы въ немъ не было какой-нибудь силы. Эта сила заключается въ знаніи сценическихъ условій, въ умѣнѣ такъ состригать пьесу, что самыя недостатки ея оказываются эффектными.

Такимъ образомъ, для развѣски онъ заранее приготовляетъ мѣстательство Кларесона, онъ включаетъ Кларесона въ свой текстъ, когда докторъ Ремоненъ взываетъ къ Провидѣнію и рассчитываетъ, что оно проявится въ данную минуту. Я могъ бы привести еще нѣсколько примѣровъ. Онъ мастеръ на уловки и за словомъ въ карманъ не полагаетъ. Но если при такихъ условіяхъ пьеса его выходитъ сценична, за то ее нельзя назвать великимъ произведеніемъ. Пьеса, ловко смастеренная, смотрится и удовлетворяетъ толпу, неприхотливую въ дѣлѣ литературнаго вкуса; но произведеніе тѣмъ не менѣе остается чудовищемъ и раздражаетъ всѣ умы, нищущіе правды и не удовлетворяющіеся поверхностными качествами. Вотъ чѣмъ можно объяснить успѣхъ „Иностранки“, отмѣтивъ, однако, глухое неодобреніе, проявляющееся относительно Дюма.

Я сердитъ на него за слѣдующее. Всякій великій писатель содѣлаетъ тины. Онъ при своемъ дебютѣ изобразилъ полу-свѣтъ, который послужилъ истиннымъ источникомъ его литературнаго успѣха, хотя я нахожу, что онъ не сумѣлъ извлечь изъ него широкаго и гуманнаго творенія, но все же это его открытіе, и было бы несправедливо не признать за нимъ этой заслуги. Итакъ, онъ отецъ Маргриты Готье и баронессы Данжъ. Въ несчастію, онъ не сумѣлъ стать ничѣмъ больше. У него нѣтъ дара жизни; къ тому же, авторъ „*Le Demi Monde*“ не хочетъ анализировать и списывать съ природы, онъ хочетъ доказывать. Отсюда его несовершенства; отсюда его „Иностранка“, гдѣ единственное сколько-нибудь рельефное лицо — дикій

вмыслить, заставляющий принимать въ немъ отсутствіе здраваго смысла и пониманія дѣйствительности.

Приведу сцену изъ пьесы. Я останавливаюсь на первой сценѣ второго акта, въ которой докторъ Ремоненъ объясняетъ м-ме де-Рюмьеръ свою теорію любви и теорію вибріона. Читатели увидятъ, какія диковинныя разглагольствованія вводитъ Дюма въ свои произведенія. Крімъ того, эта выписка имѣетъ интересъ новинки, такъ какъ пьеса еще не издана и въ Парижѣ.

М-ме де-Рюмьеръ. Скажите-ка, Ремоненъ, вѣдь вы имѣете претензію разрѣшать всѣ недоумѣнія въ качествѣ ученаго; можете ли вы разрѣшить слѣдующій вопросъ: почему, если въ мірѣ существуетъ извѣстная сумма любви — о чемъ теперь только и слышишь — такъ много на свѣтѣ несчастныхъ супружествъ?

Ремоненъ. Я бы могъ объяснить вамъ это, еслибы вы не были женщиною.

М-ме де-Рюмьеръ. Это неприлично?

Ремоненъ. Нѣтъ, но—отвлеченно.

М-ме де-Рюмьеръ. А я слишкомъ невѣжественна?

Ремоненъ. Вы слишкомъ разсѣянны.

М-ме де-Рюмьеръ. Попробуйте однако.

Ремоненъ. Какъ только вы перестанете понимать, — остановите меня.

М-ме де-Рюмьеръ. Другими словами, я должна выслушать до конца, подъ опасеніемъ прослыть душой. Говорите, говорите!

Ремоненъ. Вотъ, видите! Если супружества рѣдко бываютъ счастливы, несмотря на существованіе извѣстной суммы любви, то это по тому, что любовь и бракъ не имѣютъ между собой ничего общаго. Они принадлежатъ къ двумъ совершенно различнымъ порядкамъ.

М-ме де-Рюмьеръ. Вотъ какъ... Къ какому же порядку принадлежитъ любовь?

Ремоненъ. Къ физическому.

М-ме де-Рюмьеръ. А бракъ?

Ремоненъ. Къ химическому.

М-ме де-Рюмьеръ. Объясните мнѣ это.

Ремоненъ. Любовь проявляется въ извѣстномъ возрастѣ, независимо отъ воли и безъ всякаго опредѣленнаго предмета. Человѣкъ импонируетъ желаніе любить, прежде чѣмъ полюбить кого-нибудь. Этою стороною любовь принадлежитъ къ физикѣ, которая занимается свойствами, приеущими тѣламъ; между тѣмъ какъ бракъ есть спеціальная комбинація, входящая въ область химіи, потому что касается взаимодействія элементовъ другъ на друга и явленій, отъ того про-

исходящихъ. Великіе законодатели, великія духовныя лица, великіе философы, установившіе бракъ на основаніи любви, занимались, значитъ, по-просту физикою и химіей, и самой прекрасной и возвышенной, съ цѣлью извлечь изъ нея семью, нравственность, трудъ и, слѣдовательно, счастье людей, заключающееся въ этихъ трехъ произведеніяхъ. Пока, вы подчиняетесь этимъ первымъ даннѣмъ, пока вы избираете два элемента, годные для соединенія, дѣло идетъ на ладъ: опытъ удастся и результатъ получается; но если вы настолько невѣжественны, настолько неловки, что желаете во что бы то ни стало соединить два враждебныхъ элемента, то вмѣсто того, чтобы получить соединеніе, получаете одні неудачи, и оба элемента вѣчно останутся враждебными другъ другу и не могутъ соединиться. Въ человѣческомъ порядкѣ, такъ какъ существуетъ, кромѣ тѣла, и душа, то-есть посредникъ между Богомъ и человѣкомъ, то Богъ наказываетъ человѣка, пренебрегающаго и устраняющаго его посредниковъ; такимъ образомъ выходитъ не только неудача, но и столкновеніе: отсюда врывы, катастрофы, случайности, драмы.

М-ме де-Рюмьеръ. Итакъ, по вашему мнѣнію, герцогъ и герцогиня...

Ремоненъ. Два враждебные элемента, которые никогда не соединятся, если только...

М-ме де-Рюмьеръ. Если только...

Ремоненъ. Если только не введутъ новый элементъ, который поможетъ двумъ первымъ соединиться.

М-ме де-Рюмьеръ. И этотъ третій элементъ?

Ремоненъ. Васъ это интересуетъ?

М-ме де-Рюмьеръ. Это меня развлекаетъ.

Ремоненъ. Ну, такъ этотъ третій элементъ именно тотъ, котораго недоставало для перваго опыта и отсутствіе котораго помѣшало его результату: любовь.

М-ме де-Рюмьеръ. Любовь? Но въ какой формѣ?

Ремоненъ. Есть три формы: ребенокъ, то-есть материнская любовь; или религія, то-есть любовь божественная; или любовникъ, то-есть любовь земная. Женщина, которая не нашла любви въ бракѣ, можетъ быть спасена одной изъ этихъ трехъ формъ. У герцогини нѣтъ дѣтей; вы видите, она инстинктивно пошла въ церковь сегодня утромъ. Если она не найдетъ въ ней утѣшенія, останется только любовникъ.

М-ме де-Рюмьеръ. Но, несчастный, любовникъ не спасаетъ, онъ губитъ; не выключаетъ, а добываетъ.

Ремоненъ. Это зависитъ отъ любовника.

М-м де-Рюмьеръ. Вы помогаете, что есть мужчины настолько любящіе и благоразумные, чтобы уважать женщину, которую любятъ?

Ремоненъ. Я въ этомъ увѣренъ...

Тутъ я сокращу сцену: Ремоненъ утверждаетъ, что Жераръ, ангель-инженеръ, весьма способенъ вѣчно любить герцогиню де-Семенъ, не прося даже позволенія поцѣловать у ней руку. М-м де-Рюмьеръ высказываетъ больше скептицизма. И разговоръ продолжается.

М-м де-Рюмьеръ. Я допускаю, что герцогиня и вашъ Жераръ готовы платонически любить другъ друга. Но когда пройдетъ нѣсколько лѣтъ и они успѣютъ наглядѣться другъ на друга, что будетъ тогда? Вѣдь надо же, однако, чтобы все имѣло конецъ, даже и въ томъ случаѣ, если не было начала. Что тогда?

Ремоненъ. Тогда? Они, я думаю, женятся.

М-м де-Рюмьеръ. Какъ? Женятся?

Ремоненъ. Ну, да! Вѣдь они любятъ другъ друга.

М-м де-Рюмьеръ. Прекрасно! А мужъ... герцога... мой кузенъ! Кузенъ мой! Что же съ нимъ-то будетъ?

Ремоненъ. Я о немъ не забочусь. Онъ исчезнетъ въ данную минуту. Боги выѣшлются.

М-м де-Рюмьеръ. Какъ въ античныхъ трагедіяхъ?

Ремоненъ. Именно. Древніе были правы. Они знали такъ же хорошо, какъ и мы, — лучше, — насъ, быть можетъ, что нравственный міръ управляется такими же законами, какъ и міръ физическій, что такая же гармонія царствуетъ въ одномъ, какъ и въ другомъ, и выѣшательство боговъ было лишь логическимъ слѣдствіемъ, неизбежнымъ рокомъ, результатомъ человѣческихъ дѣйствій.

М-м де-Рюмьеръ. Но, куда же дѣнется мой кузенъ? Вѣдь онъ живъ и здоровъ.

Ремоненъ. Это такъ кажется потому, что онъ ѣстъ, пьетъ, существуетъ, потому что облеченъ человѣческой формой; но это только такъ кажется. Онъ не человѣкъ.

М-м де-Рюмьеръ. Что же онъ такое?

Ремоненъ. Онъ вибріонъ.

М-м де-Рюмьеръ. Что такое?

Ремоненъ. Вибріонъ.

М-м де-Рюмьеръ. Это что еще?

Ремоненъ. Какъ! Вы говорите, что читаете мои статьи, и не знаете вибріоновъ? Я вамъ покажу ихъ. Они очень малы. Это растенія, развивающіяся на гниющихъ тѣлахъ; ихъ долгое время принимали за животныхъ, потому что у нихъ есть вращательное движе-

нѣ. Ихъ можно разглядѣть только подъ микроскопомъ, они содѣйствуютъ гнѣснѣю, вымываютъ, обуславливаютъ его. Это работники смерти. Ну, вотъ, общества такіа же тѣла, какъ и всякія другія, они разлагаются въ извѣстныхъ частяхъ своихъ, въ извѣстные моменты, и производятъ вибрионовъ въ человѣческой формѣ, которыхъ принимаютъ за настоящихъ людей, хотя они и не люди и безсознательно дѣлаютъ все, чтобы испортить, разложить, истребить здравую часть общественнаго тѣла. Къ счастью, природа не хочетъ смерти, но хочетъ жизни. Она противится этимъ агентамъ разрушенія и обращаетъ противъ нихъ самихъ элементы погибели, въ нихъ заключаясь. И вотъ, тогда мы видимъ, что человѣческій вибрионъ въ одинъ прекрасный день, какъ онъ выплѣть лишнее, приметъ окно за дверь и разобьетъ о мостовую то, что ему служило головой. Или же, если игра разорить его, или обманетъ его вибрионка, онъ пуститъ пулю въ то, что считалъ своимъ сердцемъ; а не то столкнется съ болѣе крупнымъ и сильнымъ вибриономъ, чѣмъ онъ самъ, и тотъ его уничтожитъ. Тогда послышится легкій шумъ, въ родѣ т-съ (*дуетъ ртомъ*). То, что поднимается въ воздухъ, не очень высоко, это считали душой вибриона. Г. герцогъ умираетъ, г. герцогъ умеръ! Конецъ пѣснѣ.

М-ме де-Рюмбергъ (*беря ея за руку*). Вы совсѣмъ помѣшанный. Ремоненъ. Это говорили и даже печатали... Но это вовсе не такъ достоверно...

Куда бы еще ни шло съ теоріей вибриона, на которой основана пьеса; но что за странное и дикое разглагольствованіе о любви, физикѣ и брагѣ, химіи! Такія шутки хороши въ трехъ словахъ. Когда имъ придаютъ такой объѣмъ, такую важность, то это значитъ, что у человѣка совсѣмъ отсутствуетъ сознаніе дѣйствительности и онъ живетъ въ мірѣ утопій и гуманныхъ призраковъ. О чемъ я особенно сожалѣю, читая подобную сцену—это о потерянномъ мѣстѣ для изложенія парадокса, болѣе или менѣе пикантнаго, но во всякомъ случаѣ не выдерживающаго критики. Гораздо лучше было бы употребить его на изученіе характера, на глубокой анализъ, картину нравовъ. Въ театрѣ роль писателя ограничивается просто изображеніемъ правдивыхъ фактовъ, живыхъ людей, и вовсе не подобаетъ ему пускаться въ какія-то туманныя разсужденія моралиста объ обязанностяхъ мужчинъ и женщинъ.

Дюма, если только онъ умѣетъ слышать и понимать, получилъ парвое предостереженіе. Успѣхъ „Иностранки“ сопровождался вмѣстѣ нѣкоторою холодною, и она должна ясно показать ему, что публика, простившая ему и на этотъ разъ, навѣрное, окажется очень

строта въ случаѣ рецидива, т.-е. новой плохой пьесы. Какъ я уже упоминалъ въ началѣ, идолъ пошатнулся и достаточно легкаго толчка, чтобы повалить его. Пусть Дюма остерегается! Толпа безжалостна, когда придется ломать свои игрушки.

Что касается меня, то сознаюсь, я не нахожу „Иностранцу“ гораздо хуже другихъ произведеній Дюма. Конечно, личность миссисъ Кларксонъ особенно нелѣпа и всего болѣе оскорбила поклонниковъ писателя. Но вопросъ о степени лживости лицъ мало затрагиваетъ меня: я нахожу ихъ лживыми во всѣхъ его произведеніяхъ, — что за дѣло, въ болѣе или въ мѣнѣе степени! Это все одинъ и тотъ же родъ искусства головного, искусства лже-педагогическаго, стремящагося передѣлать человѣка на свой ладъ, вмѣсто того, чтобы изучать его и живонисать. Я сужу о цѣломъ произведеніи и вижу какъ быстро оно блѣднѣетъ, ступеньвается, проходитъ пятьдесятъ лѣтъ — и оно уже непонятно. Ему суждено пройти, какъ модѣ, потому что оно ничего не дало вѣчно живого.

III.

Я могу теперь отвести всего лишь четыре или пять страницъ „М-ше Каверлзъ“, пьесѣ Эмиля Ожѣ, производящей такой фуроръ въ Водевилѣ. Впрочемъ, этотъ краткій анализъ позволитъ мнѣ вернуться къ предыдущему.

Эмиль Ожѣ далеко не пользуется такой популярностью, какъ Дюма, несмотря на его бывшіе триумфы въ Théâtre Français, и несмотря на его давнишнее званіе академика. Никому еще не приходило въ голову находить его гениальнымъ, между тѣмъ какъ гений — обычная кличка, которую прикладываютъ Дюма его поклонники. Это всего болѣе и раздражаетъ разсудительныхъ людей. Я самъ охотно призналъ бы за нимъ талантъ, еслибы поклонники захотѣли удовольствоваться талантомъ. Правда, что Эмиль Ожѣ не щеголяетъ парадоксами, не играетъ словами, въ сущности пустозвонными, не возбуждаетъ такого гвалта, какъ Дюма, хотя тѣмъ не менѣе превосходитъ его литературной честностью и солидностью серьезнаго писателя. Онъ пытался изображать и анализировать современное общество, никогда не забираясь на кафедру проповѣдника. Ему не всегда это удавалось: онъ бывалъ временами тяжеловѣсенъ, но уже самое усиліе его оставаться вѣрнымъ дѣйствительной жизни ставить его во главѣ нашихъ современныхъ драматурговъ.

Для примѣра уважемъ хотя бы на „М-ше Каверлэ“. Сюжетъ этой пьесы былъ тѣмъ опаснѣе, что въ ней проводился тонкій въ нелѣзную развѣду. Представимъ себѣ Дюна, рѣшающаго вопросъ о разводѣ, и содрогнемся при мысли о тѣхъ тирадахъ, какія намъ пришлось бы слушать, о теоріяхъ на счетъ дешевыхъ персиковъ или вибрионовъ, какими онъ истощилъ бы свое произведеніе, не говоря уже о любви и бракѣ, которыя быть можетъ превратились бы въ астрономію и алгебру. А Эмиль Ожье разрѣшилъ вопросъ какъ подобаетъ драматическому писателю, то-есть путемъ фактовъ, не позволяя себѣ никакихъ правоучительныхъ разглагольствованій. Правоученіе вытекаетъ изъ самыхъ событій. Выслушайте, вы будете тронуты—и поймете.

М-ше Каверлэ, въ сущности м-ше Мерсонъ, была замужемъ за негодяемъ Мерсономъ, который, промотавъ ея приданое, обращался съ ней такъ безчеловѣчно, что ей пришлось потребовать у суда *séparation de corps*. Судьи, въ виду убійственныхъ уликъ противъ мужа, рѣшили отдать дѣтей — Анри и Фанни — матери. М-ше Мерсонъ находить пріютъ у тетки-богомолки въ Авраншѣ, но тамъ ее ждутъ мелкія притѣсненія, и, благодаря стеченію обстоятельствъ, она сближается съ г. Каверлэ, честнымъ человѣкомъ, обожающимъ ее и посвящающимъ ей свою жизнь. Минимые супруги ищутъ убѣжища въ Швейцаріи; дѣти вырастаютъ въ невѣдѣніи истины; вся Женева уважаетъ м-ше Каверлэ и считаетъ, что она развелась съ прежнимъ мужемъ въ Англіи и вышла замужъ за Каверлэ. Для этого стоило только преобразить Мерсона въ англичанина, сэра Мерсона. Драма начинается мирной и счастливой жизнью этого семейства. Но Фанни любима однимъ молодымъ человѣкомъ, Рейнольдомъ, сыномъ мирового судьи Баржэ, и, когда этотъ послѣдній приходитъ просить руки молодой дѣвушки, Каверлэ вынужденъ открыть страшную тайну. Баржэ хотя и отличный человѣкъ, однако уходитъ, не сдѣлавъ предложенія, и вотъ первый ударъ, разражающійся надъ этимъ мирнымъ семействомъ. Отнынѣ бѣда осаждаетъ его дверь. Внезапно Мерсонъ, неподдававшій признака жизни въ теченіи пятнадцати лѣтъ, появляется на сценѣ; онъ узналъ о смерти булонской тетушки, оставившей племянницѣ значительное состояніе, и приходитъ требовать своей доли, составилъ ловкій планъ покаянія и примиренія съ женой. Сначала онъ сталкивается съ сыномъ и тотчасъ же придумываетъ обратить его въ свое орудіе. Онъ сообщаетъ ему о настоящемъ положеніи дѣлъ и оставляетъ молодого человѣка, подавленнаго стыдомъ и гнѣвомъ при этомъ открытіи, обезпечивъ въ немъ себѣ союзника на случай борьбы, которую предвидитъ. Послѣ этого

слѣдуетъ великолѣпная сцена между Анри и г. Каверлэ. Первый упрекаетъ послѣдняго за то, что тотъ выросъ среди позора, второй напоминаетъ ему, что онъ былъ его настоящимъ отцомъ, человекомъ, воспитавшимъ въ немъ то строгое понятіе о чести, отъ котораго онъ страдаетъ въ настоящую минуту. Между тѣмъ, подъ угрозой скандала, м-ше Мерсонъ рѣшается пожертвовать собой для дѣтей. Она собирается объяснить Фанни тайну своей жизни, но у ней не хватаетъ духа. И вотъ, оба любовника, прожившіе пятнадцать лѣтъ вмѣстѣ, м-г и м-ше Каверлэ, какъ ихъ зоветъ весь околотокъ, прощаются другъ съ другомъ въ раздражающей думу сценѣ. Смерть тетки стала извѣстна; Анри позналъ аличность отца, и рѣшено, что мать и дѣти уѣдутъ въ Парижъ. Это приводитъ въ отчаяніе Рейнгольда, все еще обожающаго Фанни, и онъ изобрѣтаетъ счастливую развязку этой мрачной исторіи. Онъ придумалъ очень простую уловку, хотя она и никому не приходила въ голову. Мерсонъ соглашается натурализироваться въ Швейцаріи, 'если ему отсчитаютъ половину наслѣдства, и, такъ-какъ разводъ существуетъ въ Швейцаріи, онъ соглашается, сверхъ того, развестись съ женой, и эта послѣдняя можетъ обвиняться съ Каверлэ.

Какъ видите, рѣшеніе есть, но оно не пришло на живую нитку, а вытекаетъ изъ самаго положенія вещей. Въ пьесѣ не истрѣбаны ни одной защитительной рѣчи въ пользу развода, ни одного разглашествованія объ этомъ вопросѣ. Писатель тщательно уклонился отъ того, чтобы вывести какого-нибудь резонѣра, адвоката, судью, на которыхъ обыкновенно драматическіе писатели возлагаютъ техническую часть въ этого рода произведеніяхъ. Нѣтъ, онъ просто рассказываетъ намъ исторію; сообщаетъ намъ, какимъ образомъ женщина, достойная во всѣхъ отношеніяхъ, можетъ сойтись съ любовникомъ, и какъ эта женщина можетъ поплатиться за это счастьемъ своихъ дѣтей, и какъ вообще вся эта семья, прожившая честно и счастливо пятнадцать лѣтъ, была бы разсѣяна, раздавлена, уничтожена, еслибы не было развода, благодаря которому оказалось возможнымъ узаконить ея положеніе. Борьба идетъ въ сущности между законной семьей, опозоренной и уничтоженной пороками мужа, и незаконной, счастливой и почтенной, благодаря союзу сердецъ, но противъ которой—законъ. Автору представлялось на выборѣ двѣ развязки: въ странѣ, гдѣ разводъ не существуетъ, развязка оказалась бы насильственной: самоубійство матери, правоученіе, залитое кровью и слезами; въ странѣ, гдѣ существуетъ разводъ, развязка оказалось мирной: недостойный отецъ удаленъ; настоящая семья торжествуетъ и привлекаетъ законъ на свою сторону. Авторъ предпочелъ мирную

развязку, и далъ только почувствовать зрителямъ, какой страшной опасности избѣжали герои. Чувство это формулируется слѣдующими словами: Воже мой! что было бы, еслибъ не придумали этого исхода!

Мнѣ некогда распространяться, но не могу не похвалить Эмиль Ожѣ за трезвость, съ какой онъ отнесся къ своимъ героямъ. Они очерчены очень отчетливо. Каверлэ, положеніе котораго страшно фальшиво минутами, остается все время достойнымъ и мужественнымъ. Но въ чемъ я упрекну автора, это въ нѣкоторой монотонности въ характеристикѣ героевъ. Вообще, краскамъ его недостаетъ живости. Его герои—просто честные люди, нарисованные односторонней, хотя и твердой кистью. М-г Каверлэ, ш-ше Каверлэ, Барлэ, дѣти—у всѣхъ одна и та же добрая и симпатичная физіономія. Одинъ Мерсонъ является исключеніемъ; онъ негодай; но, какъ это всегда бываетъ въ картинахъ такого характера, онъ слишкомъ большой негодай, между тѣмъ какъ остальные слишкомъ добродѣтельные люди. Это вульгарный дурной мужъ, вутіла, посѣдѣвшій въ разгулѣ, пугало добродѣтели.

Къ тому же, надо помнить, что Эмиль Ожѣ имѣлъ въ виду написать комедію нравовъ, а не комедію типовъ. Въ этого рода комедіяхъ авторы мало заботятся о реальности дѣйствующихъ лицъ, о точномъ анализѣ характеровъ. Лица превращаются просто въ общія положенія. Такъ, ш-ше Каверлэ не представляетъ собой самобытной личности, она просто вообще честная женщина, оставившая мужа и живущая съ другимъ человѣкомъ. Всѣ остальные роли помнати такимъ же точно образомъ. Онѣ всѣ банальны и условны; сознаюсь, что лично я не особенный поклонникъ такого рода комедій. Театръ, по моему мнѣнію, вовсе не созданъ для механическихъ куколъ, какія бы прекрасныя вещи ни изречались ихъ устами. Поэтому, рѣчи—вещь второстепенная; важны—дѣйствія. Намъ нужны поступки, а не слова, поступки, обусловливаемые темпераментомъ дѣйствующихъ лицъ. Повторяю, если на подмосткахъ не выводить дѣйствительной жизни, то подмостки останутся пустыми, потому что всѣ измышленія моралистовъ и риториковъ не что иное, какъ пустое зрѣлище въ сравненіи съ великимъ зрѣлищемъ дѣйствительной жизни.

Дюма расплывается Богъ вѣсть въ какой соціальной философіи, безтолковой и туманной. Эмиль Ожѣ довольствуется добросовѣстнымъ отправленіемъ ремесла драматическаго писателя, не пытаясь возвыситься до творчества. И вотъ тѣ два писателя, которые стоятъ въ настоящее время во главѣ нашей драматической литературы. Конечно, они занимаютъ публику; они имѣютъ успѣхъ. Но для ясныхъ и честолубивыхъ талантовъ представляется широкое поле въ драм-

тическомъ искусствѣ. Въ немъ ничего не создано; драматическую литературу предстоитъ еще создать, вывести изъ нелѣпныхъ, условныхъ рамокъ, гдѣ она задыхается, и это тѣмъ соблазнительнѣе, что всѣ остальные литературныя сферы заняты. Романъ, на примѣръ, разрабатывается въ настоящее время такими писателями, которые грозятъ надолго истощить его. Театръ же представляетъ новый міръ, дѣйственную и богатѣйшую почву, и она будетъ принадлежать первому завоевателю, который водрузитъ въ нее свое знамя. Общество ждетъ такого гения.

Эмиль Зола.

ЗАМѢТКА

Книга проф. Рамбо о русскомъ эпосѣ.

Тѣмъ изъ читателей „Вѣстника Европы“, которые помнятъ обширное изслѣдованіе В. В. Стасова о русскихъ былинахъ ¹⁾, безъ сомнѣнія интересно будетъ узнать, что г. Рамбó, извѣстный профессоръ въ Нанси, посѣтившій Россію съ цѣлю изучить ея языкъ и литературу, издалъ недавно въ Парижѣ свои изслѣдованія о русской эпической поэзіи. Только-что вышедшій трудъ его ²⁾ впервые знакомитъ обстоятельно европейскую публику съ древнѣйшей русской эпической поэзіей. Благодаря гг. Рамбó и Рольстону, западной публикѣ доступны теперь и нашъ древнѣйшій эпосъ, и русская народная лирика. Г. Рамбó хорошо знакомъ съ русскимъ языкомъ и съ сборниками и трудами великорусскихъ и малорусскихъ собирателей и изслѣдователей древнѣйшей русской поэзіи, начиная съ Калайдовича и оканчивая вышеупомянутымъ трудомъ В. В. Стасова. Его изслѣдованіе обнимаетъ и легендарный, и историческій, и заимствованный или пришлый эпосъ; особая часть этой интересной книги посвящена малорусскому эпосу. Намекая на крупную этнографическую ошибку своего ученаго соотечественника, Анри Мартена, исключившаго русское племя изъ числа славянскихъ народностей подъ вліяніемъ политическихъ предубѣжденій, г. Рамбó не безъ основанія ожидаетъ,

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1868, янв.—іюль.

²⁾ *La Russie épique, étude sur les chansons héroïques de la Russie, traduites ou analysées pour la première fois, par Alfred Rambaud. Paris, 1876.*

что книга его положить конецъ „извѣстнымъ пристрастнымъ теоріямъ о происхожденіи великой европейской націи“. Конечно, нѣкоторыя теоріи Анри Мартена, желавшаго видѣть въ насъ какихъ-то азіатовъ, находили себѣ поддержку и въ другихъ обстоятельствахъ, располагавшихъ западное общество довѣрчиво относиться къ фантазіямъ упомянутаго французскаго историка, а потому нельзя мимоходомъ не пожелать, чтобы вмѣстѣ съ паденіемъ теоріи Мартена устранено было бы все, что могло служить поддержкою ея.

Изслѣдованіе г. Стасова о русскихъ былинахъ въ свое время обратило на себя большое вниманіе изслѣдователей нашей старины. По отношенію къ оригинальнымъ сближеніямъ и выводамъ нашего ученаго о былинахъ, г. Рамбб находится въ полномъ разногласіи съ нимъ. Онъ не считаетъ возможнымъ приписать былинамъ чужеземное происхожденіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ дѣлаетъ это г. Стасовъ. Повторяя возраженіе, которое предвидѣлъ послѣдній, онъ объясняетъ общія черты русскихъ былинъ съ азіатскими поэмами тѣмъ простымъ обстоятельствомъ, что аріійскіе народы принесли съ собою каждый въ свое новое отечество общій запасъ основныхъ понятій, мѣвовъ и преданій. „Эти общія понятія,—говоритъ г. Рамбб,—развивались потомъ параллельно подъ влияніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій. Общее происхожденіе объясняетъ, какимъ образомъ извѣстныя сказанія, при всемъ разнообразіи подробностей, безусловно тождественны въ своихъ существенныхъ чертахъ у шотландскихъ вельтовъ и индостанскихъ арійцевъ, у грековъ временъ Гомера и у арійцевъ Ирана. Г. Стасовъ допускаетъ это для эпопей бретонскихъ, германскихъ, греческихъ; но не признаетъ того же самаго для русскихъ былинъ. По его мнѣнію, русскія былинны тождественны съ своими азіатскими образцами не только въ извѣстныхъ первобытныхъ чертахъ, но и во всемъ строѣ сказаній и даже въ самыхъ маловажныхъ подробностяхъ. Сверхъ того, онъ наиболѣе сходны не съ древнѣйшими индійскими редакціями, а съ редакціями позднѣйшими, относящимися къ эпохѣ буддизма, особенно съ редакціями туранцевъ, которые сами получили эти сказанія отъ аріійскихъ народовъ Азіи. Въ такомъ случаѣ пришлось бы допустить, вмѣстѣ съ г. Стасовымъ, что русскія былинны вытекли изъ первобытныхъ аріійскихъ мѣвовъ, что онѣ заимствованы собственно не изъ индійскихъ редакцій, что онѣ прежде всего сколки съ туранскихъ образцовъ, что эти сказанія, перешедши сначала изъ Индостана къ сибирскимъ татарамъ, были переданы татарами русскимъ, и что въ нихъ слѣдуетъ признать дѣло при-алтайскихъ народцевъ. Но такъ ли это? Найденное г. Стасовымъ блистательное сходство между та-

тарскими и индскими и русскими былинами переработано меня меньше, чѣмъ его. Именно, противное кажется мнѣ вѣрнымъ. Возьмемъ приключеніе Добрыни съ лукомъ: сказаніе „Магабгараты“ или „Рамаяны“ ближе къ русскому сказанію, чѣмъ, напримѣръ, телеутское или киргизское сказаніе о носителяхъ желѣзнаго лука“. Таковы между прочимъ причины, по которымъ предусмотрѣнное г. Стасовымъ возраженіе сохраняетъ въ глазахъ г. Рамбо всю свою силу. „Конечно,—говоритъ онъ далѣе,—русскія былины представляютъ общія черты съ эпосами, также арийскими, Индостана и Ирана, но не больше, чѣмъ эллинскія сказанія, не больше чѣмъ „Иліада“ и „Одиссея“, не больше, чѣмъ „Эдды“ и „Нибелунги“, не больше чѣмъ „Романы Круглаго Стола“ или французскій героическій эпосъ. Подъ вліяніемъ своихъ народныхъ понятій, славянской природы, сибирскаго климата, русскіе переработали тѣ же самые мифы, которые развились въ другихъ мѣстахъ, на свѣтлыхъ островахъ Архипелага или въ сѣверныхъ туманахъ. Илья Муромецъ и Добрыня могутъ имѣть родныхъ и союзниковъ на берегахъ Ганга и Инда; они тѣмъ не менѣе приняли національный характеръ. Развѣ Одиссей, стрѣлая изъ лука, какъ браминъ Арджуна, скитаясь по морю, какъ купецъ Пурна, не остается однакоже царемъ Итаки и такимъ законченнымъ типомъ греческаго героя, что Фукидидъ видѣлъ этотъ типъ въ акарнанійцахъ своего времени“?

Находя и въ „Пѣснѣ о Роландѣ“ сходныя черты съ иноземнымъ эпосомъ, который однако не мѣшаютъ Роланду быть французскимъ рыцаремъ, г. Рамбо заключаетъ, что „если *Одиссея* можетъ дать намъ свѣдѣнія о героической Греціи, если *Пѣснь о Роландѣ* знакомитъ насъ съ феодальной Франціей, то и въ русскихъ былинахъ можно искать историческихъ данныхъ о кievской Руси“.

По мнѣнію г. Стасова, восточныя сказанія, называемыя былинами, могли перейти къ русскимъ отъ монголовъ и тюркскихъ народовъ до татарскаго нашествія, но не раньше XI-го вѣка. Но г. Рамбо рѣшительно отвергаетъ передачу этихъ сказаній изъ Сибири въ Россію, а не изъ Россіи въ Сибирь, и ссылается между прочимъ на изслѣдованія г. Шифнера, который находитъ въ сказкахъ и пѣсняхъ тюркскихъ народовъ очевидные слѣды заимствованій изъ Россіи.

Опровергая такимъ образомъ смѣлые выводы своего русскаго противника, французскій ученый отдаетъ однакоже полную справедливость научному значенію труда г. Стасова. „Такія изслѣдованія,—говоритъ онъ,—двигаютъ науку, возбуждая сомнѣнія, открывая новые пути, усиливая рвеніе ученыхъ. Обширное изученіе предмета, искусство дедукціи, сила анализа, употребленныя г. Стасовымъ на пользу

защищаемаго имъ положенія, не позволили мнѣ пройти, не оставиваясь, мимо его труда".

Не знаемъ, убѣдится ли г. Стасовъ доводами своего противника. Быть можетъ — иѣтъ, тѣмъ болѣе, что доводы г-на Рамбѣ не новы для г. Стасова. Не мы увѣрены, что даже и коренное разногласіе не помѣшаетъ ему, какъ не мѣшаетъ и намъ, отнести трудъ г. Рамбѣ къ разряду самыхъ почтенныхъ иностранныхъ трудовъ по русской исторіи и литературѣ.

К.

НЕКРОЛОГЪ

Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ.

20-го марта пронесся въ Петербургъ слухъ, что Юрій Ѳеодоровичъ Самаринъ опасно заболѣлъ въ Берлинѣ, что онъ даже можетъ быть уже умеръ. На другой день этотъ слухъ, къ несчастію, подтвердился. Самаринъ скончался 19-го марта, въ Берлинѣ, въ больницѣ, послѣ операціи на правой рукѣ. Вслѣдъ за операціей развилась гангренозная рожа, которая и свела его въ могилу.

Эта роковая вѣсть не могла не поразить глубоко каждого, на всѣхъ концахъ Россіи, безъ различія партій, взглядовъ и мнѣній. Имя Ю. Ѳ. Самарина пользовалось у насъ огромною извѣстностью, которая досталась ему не случайно, а завоевана по праву цѣлою жизнью, богатой трудами, обильной подвигами.

Самаринъ воспитанникъ московскаго университета, гдѣ въ 1838 г. кончилъ курсъ по историко-филологическому факультету кандидатомъ. Въ то время уже начинали обозначаться тѣ два направленія русской мысли, которыя впослѣдствіи, расходясь все болѣе и болѣе, образовали два противоположные лагеря, подъ названіемъ славянофиловъ и западниковъ. Ю. Ѳ. Самаринъ былъ сначала ревностнымъ гегельянцемъ, но рано склонился къ славянофильскому направленію, и оставаясь ему вѣренъ до конца, ставъ однимъ изъ его замѣчательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ представителей. Въ духѣ славянофильскихъ ученій написана Ю. Ѳ. Самаринимъ надѣлавшая въ свое время много шума въ Москвѣ диссертация на степень магистра, подъ заглавіемъ: „Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій“.

То, что вышло въ свѣтъ подъ этимъ заглавіемъ, составляетъ лишь небольшую часть обширнаго изслѣдованія, которое не могло быть одобрено къ печати въ цѣломъ составѣ, потому что заключало въ себѣ, между прочимъ, рѣзкую критику нашихъ церковныхъ преобразованій XVIII-го вѣка. Уже въ этой первой работѣ выказались въ полномъ блескѣ тѣ качества Ю. О. Самарина, которыя потомъ поставили его такъ высоко въ общественномъ мнѣніи: обширныя знанія, сильный критическій умъ, глубокое убѣжденіе, вдобавокъ рѣдкая у насъ способность къ выдержанному умственному труду и мастерское перо.

Послѣ блестящаго диспута покойный переѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу въ сенатъ, а затѣмъ былъ прикомандированъ къ прибалтійскому генералъ-губернатору Головину. Ознакомившись въ это время подробно съ положеніемъ дѣлъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, онъ написалъ свои извѣстныя письма объ Остзейскомъ краѣ. Впечатлѣніе, произведенное ими въ томъ тѣсномъ кругу, гдѣ они сдѣлались извѣстны, было громадное; также громадно было и значеніе ихъ въ жизни и внѣшней судьбѣ Ю. О. Самарина. Въ 1849 году онъ опредѣленъ на службу къ генералъ-губернатору юго-западныхъ губерній, Бибикову, но вскорѣ потомъ вышелъ въ отставку, и съ тѣхъ поръ, до самой кончины, оставался частнымъ человѣкомъ. Какъ глубоко запали въ душу Самарина впечатлѣнія, вынесенныя изъ прибалтійскаго края, видно изъ того, что разъясненіе положенія дѣлъ въ этомъ краѣ и его отношеній къ Россіи занимали покойнаго всю жизнь и вызвали цѣлый рядъ изслѣдованій, напечатанныхъ имъ за границы.

Послѣ выхода въ отставку, Самаринъ поселился въ Москвѣ и до рескриптовъ, открывшихъ, съ конца 1857 г., эру реформъ, дѣлательно работалъ въ тогдашнихъ славянофильскихъ органахъ, издаваемыхъ Кошелевымъ и Аксаковымъ. Въ этотъ довольно длинный промежутокъ времени видное положеніе Ю. О. Самарина въ мыслящихъ кружкахъ и въ славянофильскомъ лагерѣ окончательно обрисовалось и упрочилось. Въ это же время онъ успѣлъ пристальнымъ изученіемъ приготовить и окрѣпить для той роли, какую ему пришлось играть въ практическомъ разрѣшеніи множества жизненныхъ русскихъ вопросовъ, порожденныхъ новымъ временемъ и новыми потребностями.

Какъ только поднятъ былъ вопросъ объ упраздненіи крѣпостного права, Ю. О. Самаринъ отдался этому дѣлу съ той энергіей, убѣжденіемъ и съ той непреклонной волей и выдержкой, которыми отличено все, что онъ ни дѣлалъ. Сперва онъ работалъ въ самарскомъ

губернскомъ комитетѣ, потомъ вызванъ, въ качествѣ эксперта, для участія въ занятіяхъ центральныхъ редакціонныхъ комиссій. Всѣмъ памятна почтенная роль, какуѣ онъ игралъ въ дѣлѣ отмены крѣпостного права, и на мѣстѣ, въ Самарской губерніи, и въ Петербургѣ, представляя, вмѣстѣ съ княземъ В. А. Черкасскимъ и нѣкоторыми другими, славянофильскіе отбѣнки воззрѣній на народный бытъ, и отстаивая начала, выработанныя этой фракціей русскихъ мыслящихъ людей и дѣятелей.

Вскорѣ послѣ разрѣшенія крѣпостного вопроса, возстаніе въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ сдѣлало необходимымъ коренное измѣненіе тамошнихъ общественныхъ и административныхъ условій. И въ этомъ дѣлѣ понадобились познанія Ю. О. Самарина, его умъ, его преданность Россіи и славянскимъ интересамъ, и онъ былъ приглашенъ участвовать въ начертаніи программъ предложенныхъ реформъ.

Этотъ эпизодъ въ дѣятельности покойнаго продолжался, впрочемъ, не долго. Послѣ отмены крѣпостного права, введенія въ Москвѣ новаго городского положенія и установленія земскаго самоуправленія, Ю. О. Самаринъ отдался весь дѣятельности мѣстной, принимая горячее участіе въ занятіяхъ дворянскихъ собраній, въ дѣлахъ городскихъ и земскихъ, въ качествѣ члена сословія или гласнаго, и только одинъ разъ по назначенію отъ правительства, въ качествѣ предсѣдателя самарскаго губернскаго земскаго собранія. Этими своими трудами онъ оказалъ существенныя услуги не только той средѣ, гдѣ непосредственно дѣйствовалъ, но, — мы не боимся упрека въ преувеличеніи — цѣлой Россіи. Какъ городской, земскій, сословный дѣятель, Ю. О. Самаринъ внушалъ глубокое уваженіе и такое же глубокое довѣріе. По своему рожденію, состоянію, воспитанію и связямъ, онъ принадлежалъ къ высшимъ слоямъ русскаго общества, но былъ совершенно чуждъ сословныхъ притязаній, и каждый разъ, когда они выступали, давалъ имъ сильный отпоръ. Вездѣ, во всѣхъ собраніяхъ, комитетахъ и комиссіяхъ онъ твердо стоялъ на почвѣ закона, не уклоняясь съ нея ни направо, ни налево. Не было такого мелочнаго, сухого, кропотливаго, скучнаго дѣла мѣстнаго управленія, которымъ бы Самаринъ не занялся съ любовью, не изучилъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, не щадя ни труда, ни времени. Свидѣтели этой дѣятельности покойнаго говорятъ объ ней съ почтеніемъ, къ которому примѣшивается доля изумленія, — такъ мало мы привыкли къ сознанію долга и такъ рѣдко оно у насъ встрѣчается. Нужно ли было составить по Москвѣ смѣту пожарнаго обоза, — Самаринъ входилъ во всѣ мелочи, винилъ въ

каждое колесо, каждый винтъ, каждую гайку, и по каждому предмету собиралъ самыя точныя справки изъ прямыхъ источниковъ. Трудясь такимъ образомъ неустанно, по всѣмъ отраслямъ мѣстнаго и городского самоуправленія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, и притомъ съ научной подготовкой, какую у насъ рѣдко кто имѣетъ, Ю. О. Самаринъ не могъ не выдвинуться и на этомъ поприщѣ въ первые ряды той, къ несчастію, небольшой горсти нашихъ земскихъ дѣятелей, которые дѣйствительно заслуживаютъ это названіе. Авторитетъ его въ дѣлахъ такого рода былъ громадный, во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Мы знали больше Самарина-писателя, философа, богослова, славянофила; провинція знала Самарина-земскаго дѣятеля. Это выказалось особенно ярко при обсужденіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ земскихъ собраніяхъ вопроса о податной реформѣ. Говорятъ, въ послѣднее время Ю. О. Самаринъ снова пристально работалъ надъ этимъ вопросомъ. Далеко ли былъ подвинутъ его трудъ, мы не знаемъ. Очень желательно, чтобъ онъ не пропалъ для Россіи, какъ у насъ пропадаетъ столько полезнаго.

И несмотря на эту неустанную, упорную и утомительную практическую дѣятельность, Ю. О. Самаринъ находилъ еще время на изданіе сочиненій А. С. Хомякова, на философскіе споры, на изслѣдованія и изданія по остзейскому вопросу. Нечего удивляться, что физическій организмъ былъ сильно потрясенъ, и болѣзнь тотчасъ приняла злокачественный характеръ.

Но ни огромныя знанія, ни замѣчательный умъ, ни заслуги, ни великій писательскій талантъ не выдвинули бы такъ впередъ замѣчательную личность Самарина, еслибъ къ нимъ не присоединились два другихъ несравненныхъ и у насъ, къ сожалѣнію, очень рѣдкихъ качества: непреклонное убѣжденіе и цѣльный нравственный характеръ, недопускавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, чего бы это ни стоило и чѣмъ бы это ни грозило. Чтб Самаринъ считалъ за справедливое и истинное, передъ тѣмъ онъ никогда не отступалъ, принося своему убѣжденію всякія жертвы. Зная его взгляды, его образъ мыслей, можно было безъ ошибки сказать впередъ, какъ онъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ, потому что дѣло у него не расходилось съ мыслью, отъ послѣдней онъ не отвиливалъ по разнымъ постороннимъ соображеніямъ. Такой характеръ не могъ не внушать полного довѣрія. Ю. О. Самаринъ былъ нравственная личность, въ полномъ и лучшемъ смыслѣ слова. Съ нимъ можно было не соглашаться, его взглядамъ можно было не сочувствовать, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія ихъ можно было не любить, но не питать къ нему уваженія не было возможности, и въ этомъ его друзья и враги подавали другъ другу руку.

Смерть Самарина—тяжелая, невознаградимая утрата для всего русскаго общества, для русской мысли, для русскаго дѣла, котораго впереди еще столько. Мѣсто, которое онъ занималъ, долго останется незанятымъ, какъ до сихъ поръ не занято никѣмъ мѣсто Н. А. Милюткина, съ которымъ его соединяла самая тѣсная дружба, установившаяся и закрѣпленная многолѣтнимъ, преданнымъ, безупречнымъ служеніемъ одной и той же мысли, одному и тому же задуманному интересу всей жизни. Сопоставленіе этихъ двухъ замѣчательныхъ современниковъ не есть оборотъ рѣчи, рассчитанный на эффектъ. Какъ ни различна была ихъ подготовка къ жизни, ихъ кругъ дѣятельности, строй ихъ воззрѣній, свойства ихъ талантовъ, но и тотъ и другой были цѣльные характеры, цѣльные люди, для которыхъ убѣжденія—не пустяки слова, а самое серьезное дѣло въ жизни. Мы обыкновенно судимъ людей по ихъ образу мыслей, по той программѣ, которую они несутъ и проводить. Но и то, и другое—дѣло времени, обстоятельствъ, разныхъ случайностей. Великое воспитательное, культурное значеніе имѣютъ только тѣ общественные дѣятели, у которыхъ мысль и дѣло, убѣжденіе и программа слиты въ одно; только это создаетъ имъ вѣчную память въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Прочія—историческія и общественныя полезности осуждены на забвеніе, какъ только ихъ роль сыграна. Въ ходѣ исторіи—программы, знамена, партіи мѣняются, смотря по комбинаціямъ общественныхъ элементовъ, которыя, въ свою очередь, зависятъ отъ общихъ законовъ развитія. Но людей воспитываетъ нравственно не эта механика движенія, а то, какъ къ ней относились ея живые двигатели.

23 марта, 1876.

К. Кавелинъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

I. Отчетъ секретаря за 1875 г.

Читанъ въ годовомъ собраніи 2 февраля 1876 г.

I. Личный составъ. Къ 1-му января 1875 г. числилось въ Обществѣ 483 члена. Въ теченіи 1875 года избраны вновь 81 и внесены въ списки, за уплатою недонки 1. Исключены изъ списка 10 умершихъ членовъ. Признанъ сложившимъ съ себя званіе члена по неплатежу денегъ въ теченіи болѣе двухъ лѣтъ 1, и отказались отъ званія члена 8. Затѣмъ къ 1 января 1876 г. числится въ спискѣ 546 членовъ, т.-е. болѣе противъ прошедшаго года на 63.

II. Занятія членовъ Общества. Въ общихъ собраніяхъ присутствовало: 5-го января—26; 2-го февраля—53; 9-го мая—24, и 26-го октября—30 членовъ.

III. Занятія Комитета. А. Денежныя пособія. 1) *Пенсии*. По назначеніямъ прежнихъ лѣтъ, производились 22 пенсіи на сумму 5,090 рублей. Кромѣ того, назначено производство, съ 1 января 1876 г., новыхъ трехъ пенсій, на 580 руб. въ годъ, чтобъ съ прежними назначеніями оставить 25 пенсій на 5670 р. 2) *Пособія на воспитаніе и ученіе*. Всего на воспитаніе и ученіе въ 1875 г., съ прежде ассигнованнымъ расходомъ, назначено: изъ суммъ Общества 3,176 руб. 68 к. для 28 лицъ и семействъ, и изъ капитала стипендіи Е. П. Ковалевскаго 600 руб. для 2 лицъ, а всего 3,776 р. 68 к. для 30 лицъ и семействъ. 3) *Продолжительныя пособія* были назначены въ двухъ случаяхъ: молодому писателю, временно нуждавшемуся въ средствахъ для окончанія своего серьезнаго труда, по 50 р. въ мѣсяцъ на 3 мѣсяца, всего 150 р., и вдовѣ писателя и педагога по 25 р. въ мѣсяцъ на годъ, всего 300 р., а общій лицевъ 450 р. 4) *Единовременныя пособія* въ 1875 г. были назначены 60 лицамъ на сумму 6805 р. 5) *Въ ссуду* было выдано 1 лицу 1500 р., 1-му 350 р., 3-мъ по 300 р. и 2-мъ по 100 р., всего 7 лицамъ 2950 р., изъ которыхъ возвращены 3 лицами 750 р., и однимъ $\frac{1}{3}$ часть ссуды, 500 руб., всего 1250 р., остальные же 1,700 р. уплачены поручителями. 6) *Общій выводъ*. Въ теченіи 1875 г. назначены безвозвратныя денежныя выдачи: въ видѣ пенсій 25 лицамъ или семействамъ на сумму 5670 р., въ видѣ пособій на воспитаніе и образованіе 30 лицамъ или семействамъ 3776 р. 68 к., въ видѣ продолжительнаго пособія 2 лицамъ 450 р., въ видѣ единовременныхъ пособій и безсрочныхъ ссудъ 60 лицамъ 6805 р., а всего 117 лицамъ или семействамъ 16,201 р. 68 к. Кромѣ того, *въ ссуду* выдано 7 лицамъ 2,950 р., и такимъ образомъ всего пособій назначено 124 лицамъ или се-

нействамъ на сумму 19,151 р. 68 к., а считая два одновременныя пособия, записанныя въ расходъ 1874 г., но выданныя въ 1875 г. съ нѣкоторымъ измѣненіемъ первоначальнаго назначенія, пособия были назначены 126 лицамъ на сумму 19,196 р. 68 к.

Б. Неденежныя пособия. По просьбѣ вдовы профессора, Комитетъ ходатайствовалъ объ освобожденіи ея отъ платы за воспитаніе сына въ учебномъ заведеніи; ходатайство это не могло быть удовлетворено вполнѣ, но плата уменьшена на половину.—По просьбѣ писателя-педагога, Комитетъ тоже ходатайствовалъ о помѣщеніи дочери просителя на казенный счетъ въ одно изъ столичныхъ или иногородныхъ учебныхъ заведеній, но она не могла быть опредѣлена по малолѣтству.—По ходатайству Комитета, предоставлена дочера покойнаго писателя первая свободная вакансія въ учебномъ заведеніи.—По просьбѣ писательницы сдѣлано было сношеніе съ типографіей о возможныхъ льготахъ при напечатаніи составленнаго просительницею учебника, однако оказалось, что льготы эти уже сдѣланы были типографіею.—Комитетъ принималъ участіе въ ходатайствѣ о назначеніи пенсій, по специальному вѣдомству, большой внучкѣ покойнаго профессора, известнаго многими ученими трудами и изданіемъ журнала, и получалъ увѣдомленіе, что пенсія будетъ назначена.—По желанію писателя, литературныя его работы рассмотрѣны Комитетомъ, и данъ о нихъ отзывъ, а представленная другимъ писателемъ специальная рукопись передана на рассмотрѣніе физико-химическаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, и тому же Обществу передана просьба одного химика, съ описаніемъ его открытій и усовершенствованій.—Писатель, уже не разъ пользовавшійся пособиемъ нашего Общества, рекомендовалъ вниманію одного благотворительнаго Общества.—По просьбѣ двухъ большихъ писателей выдано имъ по безплатному билету для пользованія въ частной лечебницѣ; а совершенно больной писатель, по ходатайству Комитета, помѣщенъ въ одну изъ клиникъ.—Одному просителю вновь рекомендованъ присяжный повѣренный, для веденія его дѣла о взысканіи вознагражденія за статьи.—Посредничество сотрудниковъ газетъ и журналовъ оказано въ четырнадцати случаяхъ. Въ пяти случаяхъ гонораръ былъ высланъ редакціи, въ трехъ случаяхъ имъ были возвращены статьи; въ двухъ случаяхъ гонораръ не высланъ за переходомъ изданій къ другимъ лицамъ; въ одномъ случаѣ редакція обѣщала выслать гонораръ, и въ одномъ рукопись, задержанную съ 1871 г., по послѣднія своего обѣщанія, какъ оказалось, не исполнила. Та-же редакція не признавала возможнымъ вознаградить переводчицу за рукопись, задержанную болѣе года и ненапечатанную, вопреки обѣщаній, между тѣмъ какъ то же сочиненіе черезъ годъ напечатано отдѣльно въ другомъ переводѣ. Наконецъ, по ходатайству С. Гусева о содѣйствіи къ полученію гонорара изъ редакціи «Новостей», соглашенія между нимъ и редакціею не послѣдовало, о чемъ, согласно желанію г. Гусева, и было напечатано въ извлеченіяхъ изъ журналовъ засѣданій Комитета.—Отклонена одна просьба о пенсіи, 51 просьба 49 лицъ о пособіи и 12 просьбъ о ссудѣ, и отказано въ ходатайствѣ 12 лицамъ: одному въ выдачѣ пособия и двукратно въ выдачѣ ссуды; одному въ выдачѣ пособия, потомъ ссуды и приобрѣтеніи книгъ; наконецъ въ истребованіи изъ редакціи ненапечатанныхъ рукописей его; одному въ напечатаніи его сочиненій и другому въ томъ же и ходатайствѣ за него предъ однимъ учрежденіемъ; одному въ передачѣ его рукописей редакціи; одному въ истребованіи денегъ изъ книжнаго магазина; одному въ сношеніи съ редакціей о гонорарѣ и другому съ театральной дирекціей о рукописи; одному въ

присканіи уроковъ, а другому—въ присканіи мѣста; одному лицу въ опредѣленіи дочери на счетъ Общества въ казенное учебное заведеніе и другому въ непосредственной выдачѣ ему денегъ, отпускаемыхъ въ частное учебное заведеніе за воспитаніе его дочери. Всего же отклонено 80 просьбъ 74 просителей.—Кромѣ того, на рассмотрѣніи Комитета было еще нѣсколько заявленій и просьбъ: 1) заявленіе о пособіи, оставшееся неудовлетвореннымъ за отказомъ просителя отъ своей просьбы; 2) просьба о помѣщеніи въ консерваторію сына писателя, который потомъ самъ просилъ отложить это до будущаго года; 3) заявленіе о допущеніи постороннихъ лицъ въ общія собранія Общества оставленное безъ послѣдствій, какъ несогласное съ уставомъ; 4) заявленіе о бѣдственномъ, будто бы, положеніи вдовы извѣстнаго писателя, оказавшееся лишеннымъ всякаго правдоподобія; 5) два заявленія одного лица объ устройствѣ публичныхъ чтеній по всеобщей исторіи и о ссудо-сберегательной кассѣ литераторовъ, причемъ первое оставлено безъ послѣдствій за неимѣніемъ на то средствъ, а второе передано въ комиссію о кассѣ; 6) просьба о сношеніи съ редакторомъ относительно выдачи обѣщанныхъ денегъ была представлена этому лицу, которое и нашло, что претензія не касается литературныхъ отношеній его съ сотрудниками, а только ихъ частныхъ дѣлъ, и 7) предложеніе одного книгопродавца о комиссіонной продажѣ его изданій, что не могло быть принято, какъ выходящее изъ ряда дѣятельности Общества.

В. Прочія занятія Комитета. Озабочиваясь изысканіемъ средствъ для возвышенія доходовъ Общества, Комитетъ опредѣлилъ обмѣнять процентныя бумаги, принадлежащія Обществу и капиталу стипендіи Е. П. Ковалевскаго на другія, приносящія болѣе процентовъ. Для обмѣна назначена была особая комиссія изъ предсѣдателя, секретаря, казначея и членовъ Общества: Е. И. Ламаускаго и И. А. Слѣпушкина. Комиссія эта признала нужнымъ продать металлическія бумаги Общества и стипендіи, составлявшія по номинальной стоимости 61,760 р., за которыя и было получено 65,927 р. 20 к. Взамѣнъ этого были приобрѣтены закладные листы Херсонскаго земельного банка въ 34,500 р. за 30,661 р. 87 к. и закладные листы Харьковскаго банка въ 30,900 р. за 29,237 р. 71 к., а всего куплено было процентныхъ бумагъ номинальной стоимости въ 65,400 руб. за 59,899 р. 58 к., такъ что отъ продажи прежнихъ и покупки новыхъ процентныхъ бумагъ капиталъ Общества увеличился на 7781 р. 30 к., и капиталъ стипендіи на 1,887 р. 2 к., а всего на 9,668 р. 32 к.

Точно также часть оставшихся свободными суммъ Общества была обращена въ подобныя же бумаги, именно куплено Херсонскихъ закладныхъ листовъ въ 1200 р. за 1065 р. Въ тѣхъ же видахъ полученія наибольшаго дохода, *текущій счетъ* Общества и стипендіи былъ перенесенъ изъ Государственнаго Банка, понизившаго проценты съ 3 на 2, въ С.-Петербургское Отдѣленіе Варшавскаго Коммерческаго Банка, дающее по $4\frac{1}{2}$ процента.

Согласно постановленію общаго собранія 2-го февраля 1875 г.. произведена была выборка изъ приходорасходныхъ книгъ единовременныхъ членскихъ взносовъ и особыхъ пожертвованій, подлежащихъ въ обращеніи съ *неприкосновеннымъ капиталомъ* Общества, и затѣмъ въ этотъ же капиталъ были обращаемы единовременные членскіе взносы и спеціальныя пожертвованія 1875 г.; вслѣдствіе чего съ 1 января 1876 г. неприкосновенный капиталъ Общества составлялъ 15,472 р., а съ особыми спеціальными пожертвова-

ніи, по которымъ должны расходоваться только полученные проценты, 19,848 р. 67 к.

Согласно постановленію того же общаго собранія, относительно составленія проекта *устава ссудо-сберегательной кассы литераторовъ*, Комитетъ обратился къ членамъ Общества: Е. И. Ламанскому, М. Н. Островскому и Н. Θ. фанъ-деръ-Флинтъ, и передалъ для обсужденія поступившее по этому же вопросу заявленіе Е. И. Рагозина. Проектъ составляется Н. Θ. фанъ-деръ-Флинтъ, и по совѣтству обсужденіи съ прочими двумя членами будетъ переданъ въ Комитетъ.

Предложенный къ изданію *Литературный сборникъ* въ память 15-лѣтія Общества готовится Н. А. Некрасовымъ по программѣ, обсужденной Комитетомъ. Независимо отъ литературной части, предложено придать ему характеръ собранія матеріала для исторіи Общества помѣщеніемъ на первомъ планѣ очерка 15-лѣтія Общества, біографій умершихъ членовъ Комитета и членовъ Общества, оказывавшихъ ему особенное содѣйствіе, причесть по возможности прилагать и ихъ портреты, а также помѣстить особая распоряженія и постановленія общихъ собраній, и перепечатать уставъ Общества, чтобы изданіе служило вѣстѣ съ тѣмъ справочною книгою для членовъ Общества.

Согласно указанію Ревизіонной Комиссіи за 1872 г., въ бывшихъ общихъ собраніяхъ были устроены *чтенія*: 5 января прочтана была *И. И. Кауфманомъ* его статья: «Финансовая наука и финансовыя операціи»; 9 мая *О. Θ. Миллеромъ* «Отрывокъ изъ путешествія по острову Цейлону», проф. И. П. Минаева, и 26 октября *имъ-же* прочтана его статья о гр. А. Е. Толстомъ. Устройствомъ этихъ чтеній озабочивалась Комиссія, избранная въ 1874 г., изъ К. Д. Кавелина, О. Θ. Миллера, Н. А. Некрасова и М. М. Стасюлевича. Въ апрѣлѣ, ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ были устроены въ пользу Общества три *литературныхъ вечера*, которые и дали чистаго дохода 1301 р. 67 к., именно: вечеръ 1 апрѣля—735 р. 67 к., 27 ноября—319 руб. и 23 декабря 247 р. Къ сожалѣнію, ежегодный *концертъ* въ пользу Общества не могъ состояться въ 1875 г. по болѣзни троихъ участниковъ (Е. А. Лавровской, М. В. Терминской и К. Ю. Давыдова), и собранныя за билеты деньги были возвращены, за исключеніемъ 257 руб., пожертвованныхъ въ пользу Общества лицами, взявшими билеты. Также не состоялось и прошлогоднее предположеніе Комитета объ устройствѣ въ пользу Общества *публичныхъ чтеній* по исторіи литературы XVII и XVIII ст., проф. А. Н. Веселовскаго. Немногія изъ книгъ, принадлежащихъ Обществу, которыя въ 1874 г. опредѣлено было Комитетомъ продать даже на вѣсъ бумаги, проданы книжнымъ магазинамъ Колесова и Михина за 5 р. По неудобству выписки въ расходъ однажды въ годъ всѣхъ денегъ, израсходованныхъ назначеетъ на пересылку суммъ Общества, Комитетъ опредѣлилъ: записывать ихъ въ расходъ по мѣрѣ дѣйствительнаго производства расхода. Артельщику, доставлявшему членамъ напомяніе о взносахъ и собиравшему взносы, Комитетъ разрѣшилъ выдать 2% съ собранной суммы,—52 р.

Руководствуясь уставомъ, Комитетъ исключилъ изъ списка членовъ Общества 1 члена, неплатившаго взносовъ три года. Хотя и еще за нѣкоторыми членами числится такая же недонимка, но Комитетъ счелъ нужнымъ войти съ ними въ сношеніе по этому предмету, рассчитывая, что они уплатятъ недонимку. Числявшаяся же за однимъ изъ членовъ недонимка, признана ошибочною. 5 членовъ, сдѣлавшихъ единовременные взаимнѣ ежегодныхъ взносы, Комитетъ опредѣлилъ отиѣтить въ спискѣ звѣздочкою.

Г. ПОЖЕРТВОВАНІЯ ВЪ ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА. 1. ДЕНЕЖНЫЯ.

Государя Императора	1,000 р. — к.
Государыни Императрицы	300 » — »
Государя Великаго Князя Константина Николаевича и Государыни Великой Княгини Александры Иосифовны	100 » — »
Государя Великаго Князя Владимира Александровича	200 » — »
Министерства Народнаго Просвѣщенія	1,000 » — »
А. В., авторскій гонораръ (въ неприкосновенный капиталъ).	50 » — »
Библиотеки чиновниковъ Туркестанской контрольной палаты.	10 » — »
Р. А—ва	10 » — »
Неизвѣстнаго	10 » — »
А. Д. Жуковой	15 » — »
М. М. Жеребцова	100 » — »
Неизвѣстной	100 » — »
Черезъ кн. Н. Д. Чавчавадзе, собранные въ Тифлисъ	90 » — »
Учениковъ старшаго класса военной гимназій въ память умершаго товарища	28 » — »
М. М. Стасюлевича	200 » — »
А. Рѣдкина	40 » — »
В. Е. Якушкина	10 » — »
М. А. Варшавскаго	25 » — »
А. Д. Данилова	10 » — »
Л. Д. Трахтенберга	10 » — »
Харьковской Казенной Палаты, собранные разными лицами.	9 » 85 »
Н. В. Яковлевой	28 » 60 »
Кн. П. Н. Цертелева	8 » — »
Вывшей редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» процентныя деньги за 1874 г.	100 » — »
Редакціи «Отечественныхъ Записокъ» процентныя деньги за 1874 г.	86 » 60 »

В. П. Гаевскій пожертвовалъ въ пользу Общества 5 акцій по 25 руб. (всего 125 р.) «Общества для улучшенія въ С.-Петербургѣ помѣщеній рабочаго и нуждающагося населенія». Пожертвованіе это имѣетъ то особенное значеніе, что, кромѣ 4%, приносимыхъ капиталомъ, оно даетъ право Обществу, какъ владельцу 5-ти акцій, рекомендовать жильца на квартиру въ домѣ Общества улучшенія помѣщеній, съ отопленіемъ и водою за плату отъ 5 до 16 р. въ мѣсяцъ.

Въ заключеніе должно упомянуть еще объ одномъ пожертвованіи. Нѣкоторые изъ литераторовъ и редакцій журналовъ и газетъ собрали 1909 р. и внесли ихъ въ наше Общество подъ именемъ *неприкосновеннаго капитала имени В. Θ. Корша*, для выдачи процентовъ въ пособіе одному изъ студентовъ С.-Петербургскаго университета. Комитетъ, имѣя въ виду, что съ 1872 г. ежегодно выдается 4 студентамъ этого университета по 125 р. въ годъ каждому, предположилъ оставить внесенную сумму до приращенія процентами въ такой мѣрѣ, чтобы получалось ихъ тоже по 125 р. въ годъ, послѣ чего и начать производство пятой, одинаковой съ прежними выдачи. Вслѣдствіе этого на счетъ пожертвованной суммы куплено 6-ти процентныхъ закладныхъ листовъ Харьковскаго земельнаго банка въ 2000 р. за 1860 р., и въ настоящее время имѣется уже этого капитала съ процентами

2076 р. 67 к., такъ что выдача пособия можетъ начаться съ будущаго же года послѣ покупки 5% бумаги въ 100 руб.

2) Неденежныя пожертвованія и содѣйствія Комитету лицъ постороннихъ и членовъ Общества. Указанія о членахъ Комитета и Общества, собиравшихъ по просьбѣ Комитета свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обращающихся въ Общество лицахъ, помѣщены выше, во 2-мъ отдѣлѣ настоящаго отчета. Кромя того, г. *Черниовскій губернаторъ*, по просьбѣ Комитета, сообщилъ ему необходимыя свѣдѣнія объ одномъ лицѣ. *М. С. Сушинскій* оказалъ благосклонное содѣйствіе къ уменьшенію годичной платы за пенсионера Общества. Баронесса *Э. Ө. Раденъ* оказала внимательную предупредительность въ помѣщеніи дочери писателя въ училище св. Елены. *Н. Ө. Фан-деръ-Флитъ*, *М. Н. Островскій* и *Е. И. Ламанскій* не отказали Обществу въ своемъ содѣйствіи къ составленію проекта судо-сберегательной кассы литераторовъ. Графиня *С. А. Толстая* завѣщала въ пользу Общества всѣ сочиненія своего покойнаго мужа, гр. А. К. Толстого, изданныя и неизданныя, всѣ его переписку, рукописи и бумаги, всѣ права на изданіе и постановку въ театрахъ его произведеній и спектакльную плату. Изданіе и постановка на сценѣ должны предприниматься съ согласія указаннаго завѣщательницею лица, которому предоставляется въ пожизненное пользованіе половина чистаго дохода, и которое, совмѣстно съ указанными же тремя лицами, должно, по возможности безотлагательно, разобрать бумаги графа, еслибъ по смерти графини онѣ остались неразобранными, и передать Обществу все, признаваемое подлежащимъ напечатанію въ ближайшій или отдаленный срокъ. *Е. И. Гасановъ* предоставилъ въ пользу Общества 5% съ чистаго дохода отъ распродажи изданной имъ книги для народныхъ школъ. *Д. Л. Михаловскій* пожертвовалъ Обществу собраніе своихъ стихотвореній, изданіе которыхъ, по просьбѣ Комитета, принялъ *Н. В. Гербель*, на свой счетъ, съ возвратомъ его издержекъ отъ продажи первыхъ экземпляровъ. *Е. А. Маловъ*, по просьбѣ Комитета, принялъ на себя заботу объ устройствѣ положенія писателя, которому пособие не представлялось возможнымъ выдать на руки. *И. И. Кауфманъ* и *О. Ө. Миллеръ* читали въ общихъ собраніяхъ свои статьи, а послѣдній еще статью проф. *И. П. Минаева*, и принималъ также участіе въ одномъ изъ литературныхъ вечеровъ въ пользу Общества. На вечерахъ этихъ участвовали чтеніемъ своихъ статей и стихотвореній, а также драмы гр. А. К. Толстого, повѣсти И. С. Тургенева и стихотворенія Н. А. Некрасова: *П. И. Вейнбергъ*, *А. Н. Майковъ*, *А. Н. Плещеевъ*, *А. А. Потѣхинъ* и *А. С. Суворинъ*. Въ устройствѣ же этихъ вечеровъ содѣйствовали Комитету *В. П. Гасанскій*, *Г. К. Рѣпинскій*, *Е. К. Гайдебурова* и *В. И. Аристовъ*. Согласіе на участіе въ предполагавшемся концертѣ было изъявлено *Е. А. Лавровскою*, *М. В. Терминою*, *К. Ю. Давыдовымъ*, *И. А. Мельниковымъ*, *Э. Ф. Направникомъ*. Магазины *Бесселя*, *Вютнера*, *Югансена*, *Базунова* и *Черкесова* безвозмездно продавали билеты на концертъ и литературные вечера, а редакціи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Голоса», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Новаго Времени», «Недѣли» и «Финансоваго Обзорія» печатали безплатныя объявленія. С.-Петербургское Русское Купеческое Общество и С.-Петербургское Собраніе Художниковъ съ предупредительною любезностью предоставляли свои залы для чтеній Общества. *П. Е. Басистовъ*, сверхъ многократныхъ исполненій просьбъ Комитета, принялъ на себя заботы по напечатанію указаній для Московскихъ членовъ Общества о времени членскихъ взносовъ и нѣстахъ ихъ приѣма въ Москвѣ. *В. А. Манассеинъ* заявилъ о своей всегдашней и

полнѣйшей готовности служить въ качествѣ врача во всѣхъ случаяхъ, гдѣ Комитетъ найдетъ его участіе сообразнымъ съ цѣлями Общества. *И. А. Ситниковъ* своими указаніями содѣйствовалъ Комитету по устройству портфеля Общества. *С.-Петербургское Отдѣленіе Варшавскаго Коммерческаго Банка* приняло на себя безвозмездную продажу прежнихъ процентныхъ бумагъ Общества, и произвело эту продажу по очень выгодной цѣнѣ. *Θ. П. Баймаковъ* печаталъ въ «*Финансовомъ Обзорѣніи*» и въ «*С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*» извлеченія изъ журналовъ Комитета и объявленія Общества. Кроме того, при двухъ первыхъ покупкахъ чрезъ его контору новыхъ процентныхъ бумагъ не были взяты комиссіонные проценты; а контора его принимала взносы членовъ Общества и пожертвованія. Редакція «*Новаго Времени*» изъявила желаніе бесплатно печатать извлеченія изъ журналовъ Комитета; ихъ же печатала газета «*Русскій Міръ*», а «*Русскія Вѣдомости*» и «*Современныя Извѣстія*» бесплатно напечатали объявленія о членскихъ взносахъ для Московскихъ членовъ. Магазины *А. Θ. Базунова* и *И. Г. Соловьева* принимали взносы членовъ и пожертвованія. Типографія *М. М. Стасюлевича* также бесплатно печатала избирательные списки, бланки для сношеній Комитета съ редакціями, бланки отчетовъ казначая и квитанціонныя книги.

II. Отчетъ казначая за 1875 годъ.

А. По кассѣ Общества.

I. Состояніе Кассы въ началѣ года.

Къ 1-му января 1875 г. состояло въ кассѣ 58.426 р. 47 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами . . .	56.800 р. — к.
На текущемъ счету . . .	1.286 " 47 "
Наличными деньгами . . .	840 " 4 " "
Итого . . .	58.426 р. 47 к.

Въ числѣ ихъ неприкосновеннаго капитала *И. Т. Лисенкова* и *Б. И. Утина* по 1.000 р. и *Н. М. Василевскаго* 300 р.

II. Приходъ.

Въ теченіи года записано на приходъ 135.845 р. 27 к.

Въ томъ числѣ:

а) Дѣйствительнаго дохода.

1. Пожалованіе членами Императорской фамилии . . .	1.600 р. — к.
2. Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія . . .	1.000 " — "
3. Отъ разныхъ лицъ	754 " 45 "
4. Пожизненныя взносы отъ 5 членовъ и годовныя взносы отъ 368 членовъ	6.292 " — "
5. Процентныя деньги отъ бывшей редакціи . . .	186 " 60 "
6. Выручка отъ литературныхъ вечеровъ	1.558 " 67 "
7. Выручка отъ продажи книгъ, принадлежащихъ Обществу	5 " — "
8. Проценты съ капитала	2.854 " 5 "
9. Пожертвованіе въ капиталъ <i>В. Θ. Корша</i>	1.909 " — "
10. Проценты съ капитала <i>В. Θ. Корша</i>	27 " 67 "
Итого дѣйствительнаго дохода	16.187 р. 44 к.

б) По оборотамъ.

11. Возвратъ отъ ассигнованнаго пособия	25	р. — к.
12. Возвратъ недоеденнаго по назначенію пособия	100	" — "
13. Возвратъ ссудъ	2.950	" — "
14. За проданныя процентныя бумаги	56.950	" 50 "
15. Поступило процентныя бумаги (въ томъ числѣ въ капиталъ В. О. Корша 2.000 р.)	59.100	" — "
16. Возвратъ %о, уплаченныхъ при покупкѣ бумагъ для капитала В. О. Корша	32	" 33 "
Итого по оборотамъ	119.157	р. 83 к.
Всего записано на приходъ	135.345	р. 37 к.
Всего же съ наличностью кассы въ началѣ года	193.771	р. 74 к.

III. Расходъ.

Въ теченіи года выписано въ расходъ 126.489 р. 24 к.
Въ томъ числѣ:

а) Расходы безвозвратныя.

1. На пенсіи 22 семействамъ	5.190	" — "
Въ томъ числѣ расхода 1876 года 677 руб.		
2. На воспитаніе 28 лицъ	2.816	" 68 "
Въ томъ числѣ расхода 1876 г. 90 р.		
3. На единовременныя и продолжительныя пособия 58 лицамъ	5.915	" — "
4. Безсрочная ссуда 4 лицамъ	640	" — "
5. Почтовыхъ расходовъ по пересылкѣ суммъ (въ томъ числѣ 68 р. 15 к. за 1874 годъ)	119	" 70 "
6. Артельщику за доставленіе напоминаній членамъ о взносахъ	52	" — "
7. Государственному Банку за храненіе проценти. бумагъ	39	" 50 "
Итого	211	р. 88 к.
Всего	14.772	р. 20 к.

б) Обороты.

8. На ссуды 7 лицамъ	2.950	р. — к.
9. Продано прежнихъ %о бумагъ на	58.900	" — "
10. Куплено новыхъ %о бумагъ на	52.243	" — "
11. Тоже для капитала В. О. Корша	1.860	" — "
12. За выросшіе %о для капит. Корша	32	" 33 "
13. За выросшіе %о для капитала Общества	730	" 48 "
Итого	111.716	р. 36 к.
Всего выписано въ расходъ	126.489	р. 24 к.

IV. Состояніе кассы въ концѣ года.

По 31 декабря 1875 записано на приходъ 193.771 р. 74 к.
" " " " выписано въ расходъ 126.489 " 24 "
Къ 1 января 1876 года состоитъ на лицо 67.282 р. 50 к.

Въ томъ числѣ:

Процентныя бумаги	62.000	р. — к.
На текущемъ счету	5.082	" 50 "
Наличными деньгами	200	" — "
Итого	67.282	р. 50 к.

Въ этой суммѣ заключается неприкосновеннаго капитала, расходуемаго по постановленіямъ общаго собранія, 15.347 р., и съ котораго могутъ расходоваться только проценты: И. Т. Лисенкова и Б. И. Утина по 1000 р., Н. М. Васильевского 300 р. и В. О. Корша 2.076 р. 67 к., а всего 19.723 р. 67 к.

Сумма 67.282 р. 50 к. *превышаетъ* состоявшую въ началу года наличность кассы 58.426 р. 47 к. на 8.856 р. 3 к., а считая произведенный въ 1875 г. вышеуказанный расходъ 1876-го года (767 р.) и 1874-го (63 р. 15 к.), *превышеніе* составляетъ 9.686 р. 18 к.; при этомъ общая цифра прихода была *болѣе* противъ 1874 г. на 114.282 р. 36 к.; а цифра расхода *болѣе* же на 105.876 р. 33 к.

Вообще разныхъ пособій было выдано въ 1875 году, какъ указано выше, на 17.511 р., т.-е. *меньше* противъ предыдущаго года на 3.444 рубля.

В. По стипендіи Е. П. Ковалевского.

Къ 1 января 1875 г. состояло въ кассѣ 8.283 р. 48 к.

Въ томъ числѣ:

Процентными бумагами . . .	7.860 р. — к.
На текущемъ счету . . .	423 „ 48 „
Итого . . .	8.283 р. 48 к.

Въ теченіи года записано на приходъ:

Процентовъ съ капитала (въ числѣ которыхъ 110 р. за 1876 годъ) . . .	444 р. 95 к.
Отъ продажи проц. бумагъ . . .	8.977 „ 40 „
Процентными бумагами . . .	9.500 „ — „
Итого . . .	18.922 р. 25 к.

Всего съ остаткомъ наличности въ концѣ г. 27.205 р. 73 к.

Въписано въ расходъ:

Стипендія Чернышеву (въ томъ числѣ 150 р. за 1876 годъ)	450 р. — к.
Стипендія Раздольскому . . .	150 „ — „
Итого . . .	600 р. — к.

Продано % бумагъ . . .	7.860 р. — к.
Уплатено за купленные бум. . .	8.730 „ 38 „
За нарощіе припокупки % . . .	184 „ 63 „
Итого . . .	16.725 р. 1 к.

Государственному Банку за храненіе проц. бумагъ . . .	7 р. 75 к.
Пересылка суммъ . . .	2 „ 25 „
Итого . . .	10 р. — к.

Всего израсходовано 17.385 р. 1 к.

Затѣмъ къ 1 января 1876 г. состоятъ на лицѣ 9.890 р. 72 к.

Въ томъ числѣ:

Прецент. бумагъ . . .	9.500 р. — к.
На текущемъ счету . . .	370 „ 72 „
Итого . . .	9.870 р. 72 к.

Составъ комитета, управляющаго дѣлами Общества

(съ 2 февраля 1876 г.)

Предсѣдатель Общества—Викторъ Павловичъ Гаевскій (Литейна, 48).

Помощникъ Предсѣдателя—Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ (Вас. Остр., 7 линия, 60).

Секретарь—Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ (Надеждинская, 22).

Казначей—Павелъ Александровичъ Гайдебуровъ (на углу Ивановской и Кабинетской, 4/12).

ЧЛЕНЫ КОМИТЕТА:

Петръ Александровичъ Ефремовъ (Литовка, 25).

Николай Ивановичъ Костомаровъ (Вас. Остр., 9 линия, 4).

Андрей Александровичъ Краевскій (Литейна, 38).

Николай Алексѣевичъ Непрасовъ (Литейна, 38).

Александръ Николаевичъ Пыпинъ (Вас. Остр., Большой просп., 24).

Григорій Козмичъ Рѣпинскій (Эртелевъ пер., 2).

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (за границею, по болѣзни).

Николай Степановичъ Таганцевъ (Вас. Остр., уголъ 2 линия и Средн. просп., д. Дидрихса).

Замѣтка для членовъ Общества, жертвователей и просителей.

Всѣ прошенія, дѣла и бумаги должны быть адресуемы на имя предсѣдателя, или же на имя Общества, но съ точнымъ прописаніемъ слѣдующаго адреса: *въ Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ С.-Петербургѣ.*

Выдача пенсій и всякаго рода денежныхъ пособій — продолжительныхъ, единовременныхъ и ссудъ—производится, по опредѣленіямъ Комитета, казначея Общества, со взятіемъ росписокъ въ ихъ полученіи. Онъ же принимаетъ годовые взносы членовъ и единовременныя приношенія Обществу, и выдаетъ въ полученіи ихъ квитанціи; на имя казначея должны быть, равнымъ образомъ, адресуемы и росписки въ полученіи посылаемыхъ по почтѣ иногородныхъ пенсій, пособій и ссудъ.

Независимо отъ того, годовые платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы, по желанію: въ Москвѣ—въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева; но, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, Комитетъ покорнѣйше проситъ членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ книжку, заведенную въ этомъ магазинѣ.

Взносы членовъ и пожертвованія принимаются также въ конторѣ товарищества «Ф. П. Баймаковъ и К^о» (Невскій, д. Глазукова), подъ особыми квитанціи.

Имена членовъ, внесшихъ свои годовые платежи, и жертвователей, будутъ, по прежнему, публикуемы въ газетахъ, въ извлеченіяхъ изъ журналовъ Комитета.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ

МАРТЪ—АПРѢЛЬ, 1876.

Книга третья.—Мартъ.

	стр.	
Хворая.—Повѣсть.—XI-XVII.—Окончаніе.—А. АН. ПОТЪХИНА.	7	✓
Очеркъ вопроса о происхожденіи видовъ.—I-IV.—И. И. МЕЧНИКОВА .	68	✓
Антонъ Антоновичъ Дегуровъ. — Біографическій очеркъ изъ исторіи харьковскаго и петербургскаго университетовъ: 1806—86 гг.—А. С. ЛЕБЕДЕВА.	135	✓
Его превосходительство Эженъ Ругонъ.—Романъ Эм. Зола.—IX-XI.—А. Э. .	177	✓
Столицы Европы, и ихъ архитектура.—III.—Окончаніе.—В. В. СТАСОВА . .	254	✓
Современная глушь. — Изъ воспоминаній мирового судьи. — VII-IX. — В. Н. НАЗАРЬЕВА.	290	
Хроника. — Монополія желѣзно-дорожнаго царства и ея ограниченія.—Н. Х. ВУНГЕ	314	
Внутреннее Овозрѣніе.—Манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Николаевны.—Университетскій актъ 8-го февраля.—Взглядъ на истинное значеніе объединенія, и отличіе его отъ единообразія.—Записка одесскаго торговаго комитета. — Упавокъ русскаго отпуска пшеницы.—Вопросъ о поднятій производительныхъ силъ Россіи.—Ходатайство русскаго общества пароходства и торговли.—Торги на донецкую желѣзную дорогу.—Десятилѣтіе общества покровительства животнымъ.—Кончина М. В. Авдѣева.	353	
Иностранная политика.—Дипломатическое рѣшеніе герцоговинскаго вопроса.	384	
Парижскія письма. — XII. — Альфонсъ Додэ и его сочиненія. — ЭМ. ЗОЛА.	391	
Новости западныхъ литературъ.—Книга Ляттрэ и сборники сочиненій Ф. Шали и Эд. Гартмана.—В. Ф. КОРША	422	
Второй пунктъ инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ.—Письмо въ Редакцію.—Е. III.	446	
Замѣтка.—По поводу подписки на журналы и газеты.—А.	451	
Извѣстія.—Общество вспомошествованія студентамъ С.-Петербургскаго университета: Отчетъ Комитета за 1875 г. и ревизія	455	
Библиографическій Листокъ.		

Книга четвертая.—Апрѣль.

✓ Пособіи.—Драма.—Послѣдніе два дѣйствія.—ГР. А. К. ТОЛСТОГО . . .	стр. 461
✓ СЕРБСКАЯ МОРАВА.—Воспоминанія изъ путешествія по Сербіи.—П. А. РОВИНСКАГО . . .	517
✓ ДАРА.—Поэма Байрона, въ двухъ пѣсняхъ.—Перев. Н. В. ГЕРБЕЛЯ . . .	559
✓ ВИКТОРЪ ГЮГО, какъ политическій дѣятель.—Actes et paroles, par. V. Hugo: I. Avant l'exil; II. Pendant l'exil.—К. К. АРСЕНЬЕВА . . .	601
✓ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ЖЕВИЗЪ РУГОНЪ.—Романъ Эм. Зола.—XII-XIV.—Отъчтіе . . .	648
✓ ОТКРЫТІЕ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ.—V-VI.—И. И. МЕЧНИКОВА . . .	715
СОЮЗЪ КНЯЗЕЙ И НѢМЕЦКАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II, ФРИДРИХА II, ИОСИФА II.—1780—1786.—Историческая монографія.—I-III.—А. С. ТРАЧЕВСКАГО . . .	748
ХРОНИКА.—Внутреннее Овозрѣніе.—Церковно-политическій вопросъ.—Отчетъ оберъ-прокурора синода за 1874 г.—О. Ключаревъ о свободѣ совѣсти.—Семинаристы въ университетѣ.—Вопросъ о государственномъ экзаменѣ и академическомъ Безобразовѣ.—Роль земства въ дѣлѣ народнаго образованія, по указанію „Московскихъ Вѣдомостей“ . . .	798
СУДЕБНАЯ РЕФОРМА въ царствѣ польскомъ и мѣстные отзывы о ней.—Письмо въ редакцію изъ Варшавы.—М. Р.—ОВЪ . . .	821
ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Третья республика во Франціи . . .	821
КОРРЕСПОНДЕНЦІА ИЗЪ БЕРЛИНА.—Дѣла противъ князя Висмарка и преемника его.—К. . .	889
НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.—Книги французскихъ моралистовъ Каро и Карро о нравственныхъ идеалахъ.—В. Ө. КОРША . . .	898
ПАРИЖСКИЕ ПИСЬМА.—XIII.—Три страницы изъ исторіи современнаго театра и литературы.—ЭМИЛЬ ЗОЛА . . .	874
ЗАМѢТКА.—Книга проф. Рамбо о русскомъ зносѣ.—К. . .	905
НЕКРОЛОГЪ.—Юрій Федоровичъ Самаринъ.—Е. Д. КАВЕЛИНА . . .	906
ИЗВѢСТІА.—Отчетъ комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, за 1875 г.	911
Библиографическій Листокъ.	

592576

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

ЛЮБОВЬ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 3-я.

МАРТЪ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 3-Я. — МАРТЪ, 1876.

- I.—ХВОРАЯ.—Повѣсть.—XI-XII.—Окончаніе.—Ал. Ал. Потѣхина
- II.—ОЧЕРЕДЬ ВОПРОСА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВИДОВЪ. — I-IV. — Пл. Пл. Мечникова
- III.—АНТОНЪ АНТОНОВИЧЪ ДЕГУРОВЪ. — Биографическій очеркъ изъ жизни харьковскаго и петербургскаго университетовъ: 1806—36 г. — А. С. Дегуровъ
- IV.—ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬНОСТЬ ВЪЗНЪ РУТОНЪ. — Разсказъ см. 3-ей. — IX-XI. — А. В.
- V.—СТОЛИЦЫ ЕВРОПЫ, и ихъ архитектура. — III. — Окончаніе. — В. В. Станкевичъ
- VI.—СОВРЕМЕННАЯ ГЛУШЬ. — Пѣсь посвященный широкому слуху. — VII-XI. — В. И. Назарьева
- VII.—ХРОНИКА.—Молодость желѣзно-дорожнаго царства и ея отраженія. — И. Х. Бунге
- VIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОВОЗРѢНІЕ. — Манифестъ о кончинѣ Е. И. В. Павла и Императрицы Маріи Николаевны. — Университетскій вѣст. 8-го февраля. — Вѣстникъ истиннаго значенія объединенія, и отличія его отъ единобразія. — Записка одесскаго торговаго комитета. — Уведомъ русскаго отпуща австріи. — Вѣстникъ о поднятій производительности, силъ Россіи. — Ходатайство русскаго общества пароходства и торговли. — Торги на допекую желѣзную дорогу. — Докладъ общества покровительства животнымъ. — Кончина М. В. Андерса
- IX.—ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.—Дипломатическое рѣшеніе греческаго вопроса.
- X.—ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.—XII. — Альфонсъ Додэ и его сочиненія. — Эмиль Зола
- XI.—НОВОСТИ ЗАПАДНЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ.—Книга Лютро и собранія сочиненій Ф. Шалъ и Эл. Гартманна. — В. Ф. Корша
- XII.—ВТОРОЙ ПУНКТЪ въступленія въ свѣтъ парадныхъ учениковъ. — Писемъ Редакціи. — Е. III.
- XIII.—ЗАМѢТКА.—По поводу подписки на журналы и газеты. — А.
- XIV.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество вспоможенія студентамъ С.-Петербургскаго университета: Отчетъ Комитета за 1875 г. и рѣшенія
- XV.—БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. также: I—XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1876 г. см. ниже.

Объявленіе о шести вышедшихъ книгахъ «Русской Библиотеки»: избранія сочиненія А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоедова и И. С. Тургенева—см. въ отдѣлѣ объявленій стр. XVI.

ВЫСШЕПРОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТОКЪ.

Драматическая трилогия. I. Смерть Иоанна Грозного. — II. Царь Федоръ Ивановичъ. — III. Царь Борисъ. Гр. А. К. Толстой. Сб. 1876. Стр. 451. Ц. 2 р.

Три извѣстныхъ драмъ гр. А. К. Толстого, существовавшія до сихъ поръ въ продажѣ отдѣльными оттисками изъ журналовъ, гдѣ онѣ появились въ первый разъ, между 1865 и 1870 гг., собраны теперь вмѣстѣ и составляютъ большой томъ, около 30 печатныхъ листовъ. Изъ объявленія на книгѣ видно, что вскорѣ появится и „Полное собраніе стихотвореній“ того же автора въ двухъ томахъ; первое собраніе, окончившееся въ продажѣ, состояло изъ одного тома, доходившаго только до 1866 года. — Хотя Толстой по преимуществу лирический поэтъ, и его Трилогия, и въ особенности „Смерть Иоанна Грозного“, дали ему весьма почетное мѣсто въ нашей драматургіи и сдѣлали его имя извѣстнымъ за пределами Россіи. Самъ авторъ отдавалъ преимущество второй драмѣ „Царь Федоръ“; дѣлѣ воистинно, что и написать въ стихахъ и въ прозѣ, это — самое лучшее“. Ей онъ посвятилъ особую брошюру съ проементомъ постановки ея на сцену, которой она, впрочемъ, не видѣла.

Сборникъ историко-статист. свѣдѣній о Сибири и сопредѣльных ей странахъ. Томъ первый. Вып. 1-й. Сб. 1875. Ц. за весь томъ 5 руб., по подпискѣ 4 руб.

Нельзя не привѣтствовать и не желать возростающаго успѣха подобному изданію. Свѣдѣнія о Сибири въ нашемъ обществѣ далеко ниже громадной важности этого края, о которомъ большинство знаетъ только то, что Сибирь доставляетъ намъ золото и получаетъ отъ насъ въ обѣтъ преступниковъ. Невыгодныя условія печати въ провинціи были причиною того, что Сборникъ издавался въ столицѣ и такими образомъ многіе труды, писанные на мѣстѣ, будучи отправлены въ намѣ для печати и отъ насъ возвращаясь въ печатномъ видѣ на мѣсто своего рожденія. Первый выпускъ весьма вѣстатъ начинается обзоромъ біографіи Сибири, который можетъ быть восторженно положенъ въ основу будущихъ выпусковъ. Кромѣ статей научнаго содержания и монографій, въ сборникѣ встрѣчаются весьма интересныя бытовыя и повѣствовательныя описанія, а въ заключеніе помѣщена обстоятельная хроника Сибири за 1875 г. съ главными главными фактами ея законодательной, административной, умственной дѣятельности и общественной жизни. Однимъ словомъ, программа изданія обихаетъ многое, и первый выпускъ доказываетъ возможность исполненія обещаннаго.

ЧЕЛОВѢКЪ И РАВНІЕ ОСТАВШЕГОСЯ МИРА. Оскаръ Шмидтъ. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. журн. „Знание“. Сб. 1876. Стр. 331. Ц. 2 р.

Цѣль настоящаго изслѣдованія О. Шмидтъ состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность взглянуть однимъ взглядомъ все огромное пространство, которое охвачено въ области знанія теоріею Дарвина о постепенности развитія. Авторъ старается при этомъ выиснуть главнѣйшіе пункты той теоріи, которая, вслѣдствіе своей развѣтленности, запутываетъ читателя, не подготовленнаго специально къ подобнаго рода изслѣдованію. По отношенію вопроса о предѣлахъ изслѣдованія природы, авторъ остается согласнымъ. Дюбуа Рейнольдъ, что „граница, предъ которою должна остановиться высшая интеллигенція, вообще не поручившаяся для человѣческаго“.

Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Т. II, вып. 1-й. Киевъ. 1876. Стр. 186. Ц. 80 к.

Историческія пѣсни малорусскаго народа при первомъ своемъ появленіи обратили на себя вниманіе не только у насъ, но и за-границею. Изъ первый томъ вызвалъ въ прошедшемъ году, между прочимъ, весьма обстоятельную и любопытную статью г. Рамбѣ въ „Revue des deux Mondes“. Настоящій выпускъ посвященъ собранію пѣсенъ изъ памятной эпохи борьбы съ поляками при Богданѣ Хмельницкомъ. По мнѣнію издателя, эти пѣсни и думы могутъ быть признаны неоспоримо-народными, между тѣмъ какъ пѣсни предыдущей эпохи вызываютъ сомнѣніе относительно своей подлинности. Въ статьѣ Н. П. Котомарова („В. Е.“ 1874, дек.), написанной по поводу появленія первого тома этого сборника, читатели могутъ найти общіе взгляды на малорусскую поэзію, и на значеніе важнаго труда, предпринятаго гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, который выдвигается ими съ отчасти знаменемъ своего дѣла.

Хроника недавней старины. Изъ архива кн. Оболенскаго-Незвѣднскаго-Мелекского. Сб. 1876.

Въ настоящей хроникѣ первое мѣсто принадлежитъ извѣстному Ю. А. Незвѣднскому-Мелекскому, имя котораго перешло на одного изъ его внуковъ, кн. Сергія Оболенскаго. Эпоха императоровъ Павла I и Александра I выдѣлается въ ней для себя отличную плавнострѣлку для ознакомленія съ самнитичнымъ бытомъ и нравами избранныхъ кружковъ того времени — этихъ оазисовъ среди общественной пустыни, въ которой жила остальная масса. Въ хроникѣ вошла и „Русскаго Архива“ статья Н. О. Самарина, очеркъ жизни и перипетій поэта, и свѣдѣтельное, такъ сказать, познаніе современника и нашего ветерана, кн. П. А. Вяземскаго, въ формѣ письма къ издателю, направленное къ тому, чтобы убѣдить читателя, что въ старой Москвѣ была не одна „Грибѣдовская“ Москва; это, конечно, вѣрно уже и потому, что въ этой же Москвѣ жилъ и выросъ самъ Грибѣдовъ, живно стоявшій безспорно выше „Грибѣдовской“ Москвы. По богатству подробностей изъ интимной и кѣсно жизни того времени, настоящая семейная хроника представляетъ весьма любопытный матеріалъ для чтенія.

Шекспиръ, въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. Н. В. Гербеля. Т. I. Изд. 2-е. Сб. 1876. Стр. 468. Ц. 4 т. 14 руб.

Шиллеръ. Полное собраніе сочиненій, въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. Н. В. Гербеля. Т. II. Изд. 5-е. Сб. 1876. Стр. 739. Ц. 2 т. 7 руб.

Еще не такъ давно мы указывали на выходъ въ свѣтъ атакго изданія Шиллера; теперь мы узнаемъ, что и другое, не менѣе обширное, предпріятіе Н. В. Гербеля успѣло разойтись въ 5000 экземплярахъ. Въ составъ новаго изданія вошли, конечно, труды тѣхъ же переводчиковъ. Дружинина, Кронеберга, Михаловскаго, Вейсберга; но нельзя не пожелать, что почтенный издатель для введенія ограничился статью В. П. Боткина, весьма основательно для своего времени, но всепривлекательная литература сдѣлала въ послѣднее время такіе успѣхи, что изъ нея сдѣлалось бы замѣтнѣе, что-нибудь болѣе близкое къ нашему времени. — Второй томъ Шиллера посвященъ весь прозѣ; — Ассоль, — зна- чительная дополненія новаго изданія, былъ изданъ въ двухъ томахъ всего Шиллера.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова (А. И. Глазунова),
на Кузнечкомъ-Мосту.

НА 1876-й годъ:

Подписная цѣна на годовой экземпляръ журнала, 12-ть книгъ:

Городскіе

въ С.-Петербургѣ: { 15 р. 50 коп. безъ доставки.
16 р. — „ съ доставкою на домъ.

Иногородные:

1) въ Москвѣ: { 16 р. — „ безъ доставки.
17 р. — „ съ доставкою на домъ.

2) въ губерніи: 17 р. — „ съ пересылкою.

Иностранные: 19 р. — вся Европа, Египетъ и Сѣв.-Американ. Штаты;
24 р. — Азія; 25 р. — остальная Америка.

Примѣчаніе. Подписывающіеся въ московскомъ Отдѣленіи Главной Конторы, въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнечкомъ-Мосту, могутъ получить при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе номера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почте* въ Редакцію „Вѣстника Европы“, въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные дѣлывается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 15 коп. почтовой марканы.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:

Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр. Академ. пер., 9.

592576

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ.

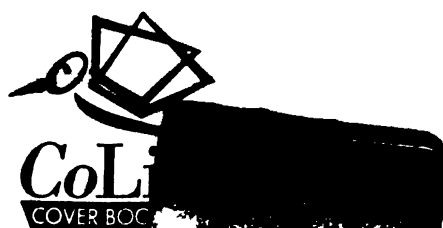
ЛІТЕРАТУРЫ.

ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 4-я.

АПРѢЛЬ, 1876.

ПЕТЕРБУРГЪ.

BD. OCT 17 1913

Digitized by Google

